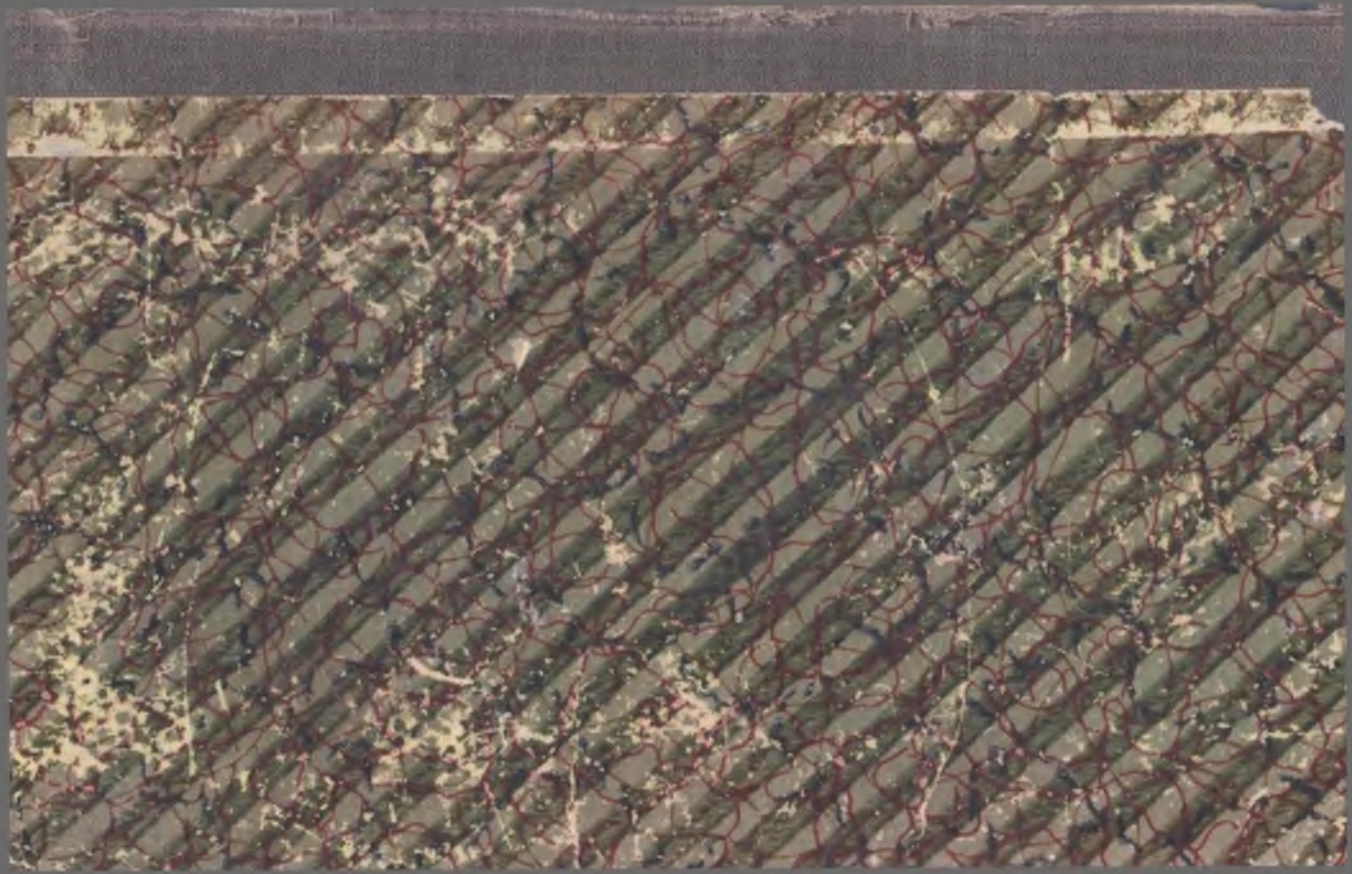

Толстой, въ 1856 году, когда упомянутое изданіе еще не разошлось—такъ медленно раскупались въ первые четыре года «Записки Охотника»! Встрѣтившись съ П. В. Анненковымъ въ Англійскомъ клубѣ, Тургеневъ сообщилъ ему о такомъ предложеніи графа Толстого.—«Сколько же вамъ предлагаетъ Толстой?»—спросилъ я (П. В. Анненковъ) Тургенева.—Пять тысячъ, отвѣчалъ онъ;—да это новое одолженіе съ его стороны, а мнѣ бы не хотѣлось еще эксплуатировать его—я ему и такъ много обязанъ (по дѣлу объ арестѣ, въ 1852 году, замѣчаетъ тутъ же П. В. Анненковъ). Я бы за половину отдалъ*)». П. В. Анненковъ отвѣчалъ ему на это, что всякій охотно возьметъ на свой страхъ гарантировать ему такой доходъ въ 2,500 рублей; Тургеневъ, поймавъ его на словѣ, и предложилъ ему—взять на себя такую гарантію. П. В. Анненковъ не отступилъ отъ слова, но за необходимостью уѣхать изъ Петербурга сдалъ наблюденіе за самимъ изданіемъ г. Колбасину (старшему). Изданіе оказалось въ типографскомъ отношеніи весьма неудовлетворительно и было преисполнено опечатокъ: Тургеневъ пришелъ въ отчаяніе; но вдругъ явился неожиданный покупщикъ, скупившій цѣликомъ весь заводъ: московскій книгопродавецъ Базуновъ далъ 7,500 рублей за все изданіе, а такъ какъ расходовъ по изданію было на 2,500 рублей, то первое изданіе и принесло такимъ образомъ чистаго дохода—5,000 рублей.

Это *первое*, Анненковское изданіе, 1856 года, разошлось въ четыре года, такъ какъ въ 1860 году появилось въ Москвѣ *второе* изданіе, сдѣланное въ Москвѣ П. Я. Основскимъ—въ четырехъ томахъ; въ это изданіе вошли и «Записки Охотника», и все то, что было написано Тургеневымъ послѣ 1856 года. Съ того времени, изданія сочиненій Тургенева повторялись каждое пятилѣтіе: въ 1865 году, Ѳ. И. Салаевъ, московскій книгопродавецъ, сдѣлалъ *третье* (первое для фирмы Салаева) изданіе за границею, въ Карлсруэ — въ пяти томахъ; въ 1869 году, тотъ же издатель выпустилъ въ свѣтъ, въ Москвѣ, *четвертое* (второе Салаевское) изданіе, въ объемѣ семи томовъ. Прошло еще два пятилѣтія, и въ 1874 г. потребовалось *пятое* (третье Салаевское) изданіе, въ восьми томахъ (изданіе Ѳ. И. Салаева, въ Москвѣ), а въ 1880 году—*шестое* (четвертое и послѣднее Салаевское) изданіе (наслѣдниковъ Салаева, въ Москвѣ же), въ десяти томахъ, куда вошло все, что появилось въ періодической печати до 1879 года включительно. За это-то, послѣднее при жизни автора, изданіе онъ и получилъ, въ первый разъ, 22

*) Письмо ко мнѣ П. В. Анненкова, изъ Дрездена, отъ 14-го (26-го) ноября 1883 года.

тысячи рублей, съ сохраненіемъ права на особое изданіе «Записокъ Охотника»,—вмѣсто предложенныхъ ему сначала 13 тысячъ рублей. Ни одно изъ предыдущихъ изданій не расходилось съ такою быстротою, какъ это послѣднее, сдѣланное притомъ въ количествѣ 5,500 экземпляровъ: не прошло на этотъ разъ и трехъ лѣтъ, какъ надо было подумать объ изготовленіи новаго, по общему счету, *седьмого* изданія, и еще въ іюлѣ 1882 г. авторъ вступилъ въ переговоры съ своими прежними московскими издателями о возобновленіи съ ними контракта—но на условіяхъ нѣсколько измѣненныхъ, какъ въ отношеніи цѣны, такъ и другихъ обязательствъ (заводъ въ 6,000 экземпляровъ, съ уплатою 25,000 рублей, и проч.). Эти условія и обязательства были приняты книгопродавческою фирмою Глазунова, и въ августѣ 1882 года Тургеневъ заключилъ контрактъ съ И. И. Глазуновымъ на право новаго изданія его сочиненій; этотъ арендный контрактъ, годъ спустя, лѣтомъ 1883 года, былъ замѣненъ, по желанію Тургенева, актомъ, въ силу котораго право литературной собственности на его сочиненія, въ продолженіе узаконеннаго пятидесятилѣтняго срока (1883—1933 гг.), перешло къ фирмѣ Глазунова.

Когда лѣтомъ 1882 года шли переговоры между авторомъ и книгопродавческими фирмами, сначала Салаевыхъ, а потомъ—Глазунова, мнѣ случилось навѣстить Ивана Сергѣевича на его дачѣ, около Парижа, въ Буживалѣ; говоря со мною объ этомъ дѣлѣ, онъ особенно сѣтовалъ на то, что его изданія вообще, а послѣднее въ особенности, дѣлались весьма небрежно, такъ что къ шестому (четвертому—Салаевскому) изданію пришлось присоединить нѣсколько страницъ, въ два столбца, съ опечатками, и то только съ однѣми важнѣйшими, которыя искажали самый смыслъ *). Болѣзнь Тургенева, мучившая его уже тогда, заставляла опасаться новыхъ, худшихъ послѣдствій собственнаго его наблюденія за тѣмъ, чтобы корректура была, какъ онъ выражался, «хорошая и честная»; въ виду нашихъ личныхъ пріятельскихъ отношеній и общественной пользы отъ исправнаго изданія такихъ трудовъ, какъ—Тургенева, я охотно взялъ на себя одну изъ обязанностей автора—самому дѣлать окончательную ревизію каждаго изготовленнаго къ печати листа; Тургеневъ же обѣщалъ пересмотрѣть текстъ послѣдняго Салаевскаго изданія—и съ своей стороны по возможности исправить его, установивъ при этомъ и самую программу изданія.

Годъ тому назадъ, въ ноябрѣ 1882 года, было, такимъ образомъ, приступлено къ настоящему, *седьмому* по общему счету, изданію; но ему суждено было окончиться въ качествѣ *посмерт-*

*) См. ниже: Предисловіе автора къ изданію 1880 г.

наго изданія. Такъ какъ авторъ успѣлъ, однако, самъ пересмотрѣть всѣ тома, за исключеніемъ одного перваго тома, опредѣлить содержаніе и порядокъ изданія, сдѣлать дополненія, то и настоящее изданіе собственно должно быть разсматриваемо какъ изданіе еще пожизненное, въ которое потому и не могло войти многое, что было при жизни автора опущено имъ самимъ и что собрать вмѣстѣ—и такимъ образомъ дополнить всѣ прежнія изданія—составляетъ вообще задачу посмертныхъ изданій; но это—дѣло ближайшаго будущаго.

Медленность, съ какою пришлось больному автору просматривать текстъ прежняго изданія и выправлять, какъ онъ выразился въ письмѣ къ самимъ издателямъ, всѣ «безобразія» этого изданія, а съ другой стороны, и то обстоятельство, что изданіе Салаевское въ то время, годъ тому назадъ, далеко еще не разошлось (около 1,500 экземпляровъ было налицо) — все это не требовало никакого спѣха,—напротивъ; а потому ко дню смерти Тургенева, въ августѣ 1883 года, были отпечатаны всего два тома изъ десяти, и два приближались къ окончанію. Кончина автора сдѣлала то, что всѣ до одного экземпляра прежняго изданія быстро разошлись, и во избѣжаніе крайне высокаго подъема цѣны сочиненій Тургенева, необходимо было ускорить печатаніемъ,—почему послѣдніе шесть томовъ были сданы тремъ типографіямъ, имѣвшимъ съ небольшимъ три мѣсяца для изготовленія этихъ остальныхъ шести томовъ.

Порядокъ настоящаго изданія, какъ я замѣтилъ выше, былъ давно опредѣленъ самимъ Тургеневымъ, и въ настоящемъ изданіи сохраненъ имъ, а именно: первый и послѣдній, т. е. десятый томъ, составили, по мысли автора, такъ сказать, обложку всего изданія—правда, имѣющую высокую цѣну и по себѣ. *Первый томъ* содержитъ въ себѣ смѣсь разнообразныхъ статей, замѣтокъ, воспоминаній изъ литературы и жизни, рѣчей, писемъ, переводовъ и т. п.,—однимъ словомъ, туда вошло все, что не подходитъ прямо къ отдѣлу произведеній художественнаго творчества, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. *Десятый томъ*,—послѣдній,—посвященъ исключительно драматическимъ произведеніямъ, въ формѣ сценъ и комедій. Между этими двумя крайними томами помѣщается все то, что составляетъ истинную славу Тургенева и даетъ ему право на безсмертіе въ памяти потомства—не только на родинѣ, но и далеко за предѣлами ея. Вотъ, внутренній порядокъ этой сокровищницы нашей современной литературы:

Второй томъ—весь принадлежитъ «Запискамъ Охотника», какъ самостоятельной поэмѣ.

Третій, четвертый и пятый томы— содержатъ, въ хронологическомъ порядкѣ, шесть романовъ: «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ», «Отцы и Дѣти», «Дымъ» и, наконецъ, «Новь».

Шестой, седьмой, восьмой и девятый томы—обнимаютъ, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ повѣсти и разсказы.

Новыя дополненія къ настоящему изданію распредѣлены между первымъ и девятымъ томами: въ девятый томъ настоящаго изданія вошло вновь все, что, со времени послѣдняго изданія, было напечатано авторомъ, почти исключительно въ «Вѣстникѣ Европы» (1880—1883 гг.), а именно: «Отчаянный», «Пѣснь торжествующей любви», «Клара Миличъ» (въ рукописи было названо «Послѣ смерти» и измѣнено авторомъ въ корректурѣ журнальнаго изданія) и «Стихотворенія въ прозѣ»; только одинъ разсказъ, «Старые портреты», появился въ фельетонѣ газеты 1881 года: «Порядокъ».

Что касается перваго тома, то этотъ томъ одинъ не былъ ни пересмотрѣнъ, ни дополненъ авторомъ, а потому я долженъ былъ по отношенію къ нему взять на себя и то, и другое. Сверхъ одного, указаннаго еще самимъ авторомъ небольшого критическаго очерка, изъ «Отеч. Записокъ» сороковыхъ годовъ, а также нигдѣ не изданнаго до сихъ поръ воспоминанія: «Пожаръ на морѣ», продиктованнаго авторомъ въ то время, когда онъ уже лежалъ на смертномъ одрѣ,—въ первый томъ вошли пять небольшихъ замѣтокъ изъ «Вѣстника Европы», не попавшихъ въ прежнія изданія, и одно стихотвореніе, напечатанное въ «Русской Старинѣ» (ноябрь, 1883 г.), по невѣрной копіи; здѣсь оно печатается по собственному списку автора, подаренному мнѣ лично. Всѣ такія, вновь появляющіяся статьи въ первомъ и девятомъ томѣ настоящаго изданія, отмѣчены въ оглавленіяхъ звѣздочками.

Для удобства изслѣдователей и читателей, въ концѣ X-го тома помѣщается, сверхъ оглавленія, при каждомъ томѣ, содержанія этого тома, два общихъ для всего изданія каталога: 1) хронологическій, и 2) алфавитный.

Портретъ, приложенный къ первому тому, изготовленъ подъ наблюденіемъ самого автора еще въ январѣ нынѣшняго года, и въ апрѣлѣ былъ доставленъ въ Петербургъ первый оттискъ, съ собственноручною надписью: «Парижъ, 28 (16) апрѣля 1883 г. Вполнѣ одобряю. Ив. Тургеневъ». Этотъ портретъ былъ сдѣланъ «извѣстнымъ рисовальщикомъ» въ Парижѣ, г. Липгартомъ. Я, съ своей стороны, откровенно писалъ ему о недостаткахъ этой работы, но онъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, и только незадолго предъ смертью, въ іюнѣ, сознался, что «портретъ не годится, несмотря на то, что я—писалъ Тургеневъ—по обыкновенной

моей распущенности его вполнѣ одобрилъ». Заказъ новаго портрета на стали принудилъ бы отложить изданіе на нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, а дать хотя бы и хорошую фотографію,— на что авторъ соглашался,—было бы возможно и въ короткое время, но зато фотографія и послужила бы на короткое время и затѣмъ непремѣнно поблекла бы. Сколько я понялъ изъ личныхъ моихъ объясненій, по этому вопросу, нынѣшнимъ лѣтомъ, съ самимъ Иваномъ Сергѣевичемъ, — дѣло тутъ состояло не въ «обыкновенной его распущенности», а въ крайней его душевной добротѣ и деликатности: ему было тяжело огорчить художника отказомъ. Итакъ, пусть этотъ портретъ и останется при настоящемъ изданіи; онъ, дѣйствительно, напоминаетъ хорошо знакомыя всѣмъ намъ живущимъ и дорогія черты физическаго лица— зато исторія этого портрета заключаетъ въ себѣ несомнѣнно вѣрныя черты безпредѣльнаго благодушія Тургенева, которое онъ, въ силу того же благодушія, назвалъ «распущенностью».

Факсимиле, помѣщаемое вслѣдъ за портретомъ, снято съ рукописи «Стихотвореній въ прозѣ», хранящейся въ редакціи того журнала, гдѣ они были напечатаны въ первый разъ.

28 ноября 1883 г.

Несмотря на вышесказанную нами, съ полгода тому назадъ, мысль о томъ, что дополненіе перваго посмертнаго изданія сочиненій И. С. Тургенева есть «дѣло—ближайшаго будущаго»,— пришлось, однако, за самыми небольшими исключеніями, которыя будутъ указаны ниже, ограничиться и при второмъ изданіи одною перепечаткою предыдущаго, посмертнаго изданія. Уже черезъ мѣсяцъ послѣ его выхода въ свѣтъ, въ концѣ декабря прошедшаго года, изъ полнаго завода въ 6,000 экз. не осталось и половины того, и потому еще въ январѣ нынѣшняго года пришлось, не откладывая, приступить къ новому изданію, съ одною цѣлью своевременно восполнить предыдущее. Изъ всѣхъ почестей, какія были оказаны памяти покойнаго, такой, почти безпримѣрный, расходъ изданія его сочиненій слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ наглядныхъ и безапелляціонныхъ выраженій повсемѣстнаго интереса къ тому богатому наслѣдству, какое оставилъ Тургеневъ своей родинѣ, и той великой симпатіи, съ какою наше общество проводило своего любимца въ могилу.

Настоящее, второе изданіе отличается отъ предыдущаго: 1) небольшою перемѣною въ расположеніи матеріала по томамъ, съ цѣлію болѣе равномѣрнаго его распредѣленія; 2) двумя небольшими вставками, отмѣченными звѣздочкою въ содержаніи послѣдняго, десятаго тома; и 3) замѣною прежняго портрета,

мало удовлетворительнаго, какъ то было объяснено выше, новымъ портретомъ, вырѣзаннымъ въ Лейпцигѣ на стали, по фотографическому оригиналу г. Панова, въ Москвѣ, сдѣланному съ натуры въ 1880 году, въ эпоху Пушкинскаго торжества.

Въ нынѣшнемъ изданіи, всѣ произведенія И. С. Тургенева раздѣлены на пять отдѣловъ, какъ то было установлено самимъ авторомъ при жизни (см. ниже: Предисловіе автора къ изданію 1880 г.), но порядокъ отдѣловъ измѣненъ въ томъ отношеніи, что на первомъ планѣ поставлены «Записки Охотника», а не мелкія сочиненія, которыя необходимо помѣстить въ послѣднемъ томѣ, какъ предназначенномъ къ дополненію и распространенію при будущихъ изданіяхъ; впослѣдствіи, десятый томъ можетъ легко принять такіе размѣры, которые потребуютъ выдѣленія изъ него части матеріала для новаго тома. Такимъ образомъ, первые девять томовъ могутъ при этой системѣ оставаться навсегда неподвижными, такъ какъ тутъ нельзя ожидать никакихъ перемѣнъ и дополненій, а послѣдній томъ представитъ всѣ удобства для дальнѣйшихъ распространеній матеріала.

Вотъ, тѣ пять отдѣловъ, въ порядкѣ которыхъ расположены нынѣ произведенія Тургенева:

ОТДѢЛЪ I: Записки Охотника, въ одной книгѣ.
ОТДѢЛЪ II: Романы, въ трехъ книгахъ.
ОТДѢЛЪ III: Повѣсти и разсказы, въ четырехъ книгахъ.
ОТДѢЛЪ IV: Сцены и комедіи, въ одной книгѣ.
ОТДѢЛЪ V: Мелкія сочиненія, въ одной книгѣ.

Во внутреннемъ распредѣленіи романовъ, повѣстей и разсказовъ необходимо было отступить отъ прежняго хронологическаго порядка, въ видахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія матеріала между отдѣльными томами; притомъ, хронологическій указатель, въ концѣ X-то тома, даетъ болѣе ясное представленіе о времени появленія въ свѣтъ трудовъ покойнаго, а потому хронологическое ихъ размѣщеніе по томамъ утратило теперь свое прежнее значеніе *).

Для удобства читателей, въ нынѣшнемъ изданіи, въ колонит-титулѣ страницъ показанъ не только отдѣлъ, которому принадлежитъ каждая страница, но и заглавіе романа, повѣсти или разсказа.

М. Стасюлевичъ.

30 мая 1885 г.

---

*) Къ числу незначительныхъ перемѣнъ слѣдуетъ также отнести и то, что предисловіе автора къ его романамъ, помѣщенное въ посмертномъ изданіи въ первомъ томѣ, возвращено теперь на свое прежнее мѣсто, а именно—оно поставлено во главѣ второго отдѣла—романовъ, какъ то было при жизни автора.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ТУРГЕНЕВЪ.

Біографическій очеркъ.

Подробная и вполнѣ достойная имени и славы Тургенева біографія и критическая оцѣнка его произведеній составитъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, главнѣйшую, конечно, задачу историка русской литературы; предварительно необходимо еще собрать и разработать всѣ матеріалы, какими представятся обширная переписка покойнаго и воспоминанія людей, близко его знавшихъ, на пространствѣ многолѣтней его дѣятельности, начиная съ половины сороковыхъ годовъ и до нашихъ дней. Въ ожиданіи же такого серьезнаго и всесторонняго описанія жизни нашего великаго художника-писателя, долгое время придется ограничиваться біографическими очерками, задачею которыхъ можетъ быть пока группировка и приведеніе на память лишь самыхъ главныхъ фактовъ жизни и дѣятельности Тургенева, столь много потрудившагося для родного слова, и преждевременно похищеннаго у русскаго общества тяжкою и неумолимою болѣзнью.

I.—Дѣтство и школа: 1818—1837 гг.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился 28-го октября 1818 года, въ Орлѣ, гдѣ случайно стоялъ въ то время полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, вышедшему нѣкогда изъ Золотой Орды. Въ числѣ историческихъ представителей этой фамиліи особенно замѣчательны: Петръ Тургеневъ, который

обличалъ Лже-Димитрія, и за это обличеніе былъ въ тотъ же день казненъ на Лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, и Яковъ Тургеневъ, которому, при Петрѣ Великомъ, въ новый 1700 г., пришлось, по царскому приказу, обрѣзывать ножницами бороды бояръ. Въ отдаленномъ родствѣ съ дѣдомъ Ивана Сергѣевича былъ видный въ свое время дѣятель Новиковскаго «Дружескаго общества», ревностный массонъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, дѣти котораго имѣютъ почетную извѣстность въ исторіи русской литературы: Александръ—какъ членъ «Арзамаса», другъ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, одинъ изъ симпатичныхъ представителей русскаго образованнаго общества первой четверти нашего вѣка; и Николай—какъ авторъ замѣчательной въ свое время брошюры: «О налогахъ» (1818 г.), направленной противъ крѣпостного права, и книги: La Russie et les Russes», впервые обстоятельно познакомившей Европу съ нашимъ отечествомъ; послѣдній навсегда поселился за границею съ 1825 года, гдѣ и умеръ въ 1871 г., а семейство его живетъ еще и теперь въ Парижѣ; дача вдовы Николая Ивановича и его дѣтей «Вербуа» находится въ сосѣдствѣ съ дачею покойнаго «ле-Фрэнь»—въ Буживалѣ, близъ Парижа,—гдѣ онъ и скончался.

Отецъ Тургенева, Сергѣй Николаевичъ, служилъ въ елисаветградскомъ кирасирскомъ полку, и женился въ Орлѣ на дочери богатаго мѣстнаго землевладѣльца, Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой. Вскорѣ послѣ рожденія Ивана Сергѣевича, бывшаго вторымъ въ семьѣ, отецъ его вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника, и поселился въ имѣніи своей жены, селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, въ десяти верстахъ отъ города Мценска, Орловской губерніи. Тамъ провелъ Иванъ Сергѣевичъ первые годы своего дѣтства, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ (на два года) братомъ Николаемъ. Въ 1822 г., родители ихъ, со всей семьей и множествомъ крѣпостной челяди, отправились на собственныхъ лошадяхъ, въ двухъ каретахъ съ фургономъ, за границу,—въ Германію, Швейцарію и Францію. Это путешествіе, бывшее, по тому времени и при тогдашнихъ дорогахъ, своего рода подвигомъ, едва не стоило жизни нашему Тургеневу: въ Бернѣ, осматривая знаменитую яму, гдѣ и теперь содержатся городскіе медвѣди, онъ сорвался съ перилъ и чуть не упалъ къ звѣрямъ; но счастью, отецъ во-время успѣлъ подхватить неосторожнаго ребенка. Такая близость къ смерти была не единственнымъ случаемъ въ дѣтствѣ Тургенева: на томъ же четвертомъ году возраста, онъ заболѣлъ такъ отчаянно, что съ него уже снимали мѣрку для гроба.

Возвратившись изъ-за границы, семейство Тургеневыхъ надолго

поселилось въ Спасскомъ и зажило обычною деревенскою жизнью,— тою, дворянскою, медленною, просторною и мелкою жизнью, самая память о которой въ настоящее время почти уже изгладилась. Будущій великій писатель росъ и воспитывался, какъ подобало тогда сыну богатаго помѣщика,—подъ присмотромъ гувернеровъ и учителей—швейцарцевъ и нѣмцевъ, домороценныхъ дядекъ и крѣпостныхъ нянекъ. Въ воспитаніи главную роль играли языки французскій и нѣмецкій, которымъ Тургеневъ выучился въ раннемъ дѣтствѣ; на русскій языкъ обращалось мало вниманія: мать Ивана Сергѣевича была, по его словамъ, женщиною, вполнѣ вылившеюся въ форму XVIII-го и первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка; получивъ воспитаніе на «французскій манеръ», какой практиковался у насъ въ тѣ времена, она только Пушкина едва-едва признавала замѣчательнымъ писателемъ, но литературу русскую, далѣе Пушкина, положительно отказывалась признавать. Гувернеровъ перебывало въ Тургеневскомъ домѣ очень много; учителемъ, который впервые заинтересовалъ мальчика произведеніемъ русской литературы, былъ крѣпостной камердинеръ его матери, читавшій ему украдкой, гдѣнибудь въ саду или въ дальней комнатѣ «Россіаду» Хераскова. Читалъ онъ основательно, какъ одинъ изъ героевъ разсказа «Пунинъ и Бабуринъ»,—повторяя каждый стихъ сначала «начерно», скороговоркою, а потомъ «на-бѣло», громогласно, съ необыкновенною восторженностью. Нѣсколько позже, когда Тургеневъ былъ уже въ Москвѣ, сильное впечатлѣніе на него произвелъ одинъ изъ гувернеровъ пансіона, гдѣ онъ воспитывался, русскій, который разсказывалъ ему на память всего «Юрія Милославскаго», какъ говорится, «отъ доски до доски». Обыкновенно, онъ сажалъ мальчика къ себѣ на колѣни, и тотъ съ особеннымъ увлеченіемъ вслушивался въ его разсказъ и почти отъ слова до слова въ состояніи былъ потомъ его повторить. Съ нѣмецкою литературою, прежде другихъ, познакомилъ Ивана Сергѣевича нѣмецъ, который очень плохо говорилъ по-русски, не могъ безъ слезъ читать Шиллера и вскорѣ оказался простымъ сѣдельникомъ, безъ всякой педагогической подготовки.

Внутреннія распорядки въ Тургеневской семьѣ ничѣмъ не отличались отъ прочихъ. Родители Тургенева, богатые помѣщики, не только къ своимъ крѣпостнымъ людямъ, но и вообще ко всѣмъ домочадцамъ относились деспотически-сурово, такъ что все въ домѣ, начиная съ дѣтей, постоянно трепетало. Особенною строгостью отличался отецъ, обладавшій атлетическою фигурою и большою силою. Однажды онъ поднялся наверхъ, въ классную комнату дѣтей, какъ разъ въ то время, когда гувернеръ-нѣмецъ,

выведенный изъ терпѣнія шалостями и невнимательностью старшаго мальчика, трясъ его за волосы. Увидѣвъ это, отецъ схватилъ несчастнаго педагога за-воротъ, приподнялъ на воздухъ и, сбросивъ его съ лѣстницы второго этажа, приказалъ слугамъ сейчасъ же собрать всѣ его вещи и вывезти его вонъ изъ имѣнія. Эта домашняя расправа произвела на ребенка-Тургенева такое сильное, неизгладимое впечатлѣніе, что онъ, разсказывая о ней много лѣтъ спустя, живо помнилъ малѣйшія ея подробности. При вспыльчивомъ и несдержанномъ характерѣ отца, Тургеневу, вѣроятно, нерѣдко приходилось бывать свидѣтелемъ подобныхъ сценъ; въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ онъ говоритъ, что онъ выросъ «среди побоевъ и истязаній»; такимъ образомъ, рисуя, впослѣдствіи, въ «Запискахъ Охотника», отношенія помѣщиковъ къ ихъ безотвѣтнымъ «подданнымъ». онъ могъ писать прямо на основаніи собственныхъ воспоминаній о людяхъ, ему близкихъ.

Въ началѣ 1827 года, Тургеневы переселились въ Москву, гдѣ купили себѣ домъ, на Самотекѣ. Причиною переселенія было, конечно, то, что дѣти уже подросли, и ихъ нужно было помѣстить куда-нибудь въ учебное заведеніе. Иванъ Сергѣевичъ былъ отданъ сначала въ частный пансіонъ Вейденгаммера, а потомъ жилъ одно время, пансіонеромъ же, у директора Лазаревскаго института Краузе, который училъ его англійскому языку. Изъ прежнихъ учителей своихъ онъ впослѣдствіи съ благодарностью вспоминалъ о Дм. Ник. Дубенскомъ, преподавателѣ русскаго языка (ум. 1863). Это былъ въ свое время извѣстный ученый, напечатавшій, между прочимъ, замѣчательное по своему времени изслѣдованіе о «Словѣ о Полку Игоревѣ». Пушкина Дубенскій недолюбливалъ, а воспитывалъ своихъ учениковъ на Карамзинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ. Изъ другихъ учителей своихъ Тургеневъ называлъ П. Н. Погорѣльскаго, преподавателя математики, и Ив. Петр. Клюшникова, который впослѣдствіи сблизился съ знаменитымъ московскимъ кружкомъ Станкевича и писалъ стихотворенія, подписывая ихъ буквою— *Θ*—. Въ то время, Клюшниковъ, еще очень молодой человѣкъ, былъ студентомъ и готовилъ Тургенева къ университетскому экзамену.

Въ 1833 году, будучи всего 15-ти лѣтъ отъ роду, Тургеневъ поступилъ на «словесный» факультетъ московскаго университета. Изъ профессоровъ, которыхъ ему пришлось здѣсь слушать, особенно выдавались: молодой Погодинъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ-за границы и ревностно принявшійся за критическую разработку русской исторіи, и М. Г. Павловъ; съ

1826 года, когда каѳедра философіи была признана ненужною и закрыта, онъ преподавалъ физику и сельское хозяйство. По свидѣтельству одного изъ его слушателей, физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству — невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Горячій поклонникъ философіи Шеллинга и Окена, онъ излагалъ ихъ ученіе съ такою пластическою ясностью, какой никогда не достигалъ ни одинъ натуръ-философъ, и, такимъ образомъ, возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ охоту къ серьезному умственному труду. На ряду съ этими двумя новыми профессорами, стоялъ Побѣдоносцевъ, преподававшій русскую словесность,—представитель и старыхъ поколѣній, и старой литературной школы XVIII-го вѣка.

Въ московскомъ университетѣ Тургеневъ пробылъ, впрочемъ, недолго,—всего одинъ годъ: старшій его братъ поступилъ на службу въ гвардейскую артиллерію, въ Петербургѣ; туда же переѣхала и вся семья, такъ что и Ивану Сергѣевичу пришлось перейти въ петербургскій университетъ, въ 1834 году; въ томъ же году, 30 октября, отецъ Тургенева скончался.

Петербургскій университетъ того времени еще менѣе, чѣмъ московскій, имѣлъ право называться разсадникомъ науки. Огромное большинство студентовъ вступало туда съ малымъ развитіемъ и ничтожнымъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній. На три-четыре человѣка даровитыхъ и знающихъ преподавателей, приходилось не мало такихъ, которые ограничивались тѣмъ, что читали лекціи по «собственнымъ запискамъ», или по печатнымъ учебникамъ; отъ студентовъ требовалось заучиванье того и другого наизусть, слово въ слово, и далѣе этого предѣла изученіе предмета не простиралось. Профессора, оказавшіе сколько-нибудь замѣтное вліяніе на слушателей, пробуждавшіе въ нихъ интересы къ наукѣ, были и здѣсь, и въ Москвѣ, рѣдкимъ исключеніемъ, какъ напримѣръ, на словесномъ факультетѣ, М. С. Куторга, профессоръ всеобщей исторіи, только-что возвратившійся тогда изъ-за границы, и П. А. Плетневъ, преподававшій русскую литературу. Въ послѣдній годъ пребыванія Тургенева въ университетѣ началъ свои лекціи молодой доцентъ русской словесности, вскорѣ пріобрѣвшій большую популярность,—А. В. Никитенко. Особенно петербургскій университетъ выгодно, какъ будто бы, отличался отъ московскаго тѣмъ, что здѣсь существовала каѳедра философіи, которую тогда занималъ А. А. Фишеръ, переселившійся изъ Австріи и въ то время, за незнаніемъ еще русскаго языка, читавшій лекціи по-латыни. Но польза ихъ была весьма условна; землякъ и товарищъ Тургенева, Граковскій, изучая впо-

слѣдствіи Гегеля въ Берлинѣ, писалъ, вспоминая о своемъ философскомъ курсѣ въ Петербургѣ, такимъ образомъ: «Я не зналъ, что такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой я теперь рѣшительно не понимаю». Словомъ, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, при Тургеневѣ, университетская наука не особенно процвѣтала и въ Петербургѣ. Поэтому, молодые люди, чувствовавшіе потребность знанія и имѣвшіе средства ей удовлетворить, естественно, стремились, по окончаніи курса, за границу, къ источнику настоящей науки, и преимущественно — въ берлинскій университетъ, который въ то время славился своими профессорами.

Живя въ Петербургѣ и посѣщая университетскія лекціи, Тургеневъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бралъ и частные уроки по древнимъ языкамъ у преподавателя нѣмецкой Петропавловской школы, г. Вальтера, извѣстнаго латиниста (нынѣ служащаго въ Имп. Публичной Библіотекѣ), который въ продолженіе двухъ лѣтъ (1835—1837) читалъ съ нимъ Горація, Тацита, Ѳукидида, Софокла и другихъ классиковъ. По свидѣтельству г. Вальтера, молодой Тургеневъ былъ необыкновенно прилежнымъ ученикомъ. Онъ ревностно писалъ задаваемыя ему сочиненія и работалъ съ усердіемъ настоящаго нѣмецкаго студента. Уроки давались съ необыкновенною аккуратностью; одно только могло прерывать ихъ, это — охота, къ которой Тургеневъ съ молодости сильно пристрастился, и которая въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ была для него любимымъ развлеченіемъ.

Въ 1836 году, Тургеневъ кончилъ университетскій курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента (курсъ въ то время былъ трехлѣтній), а въ слѣдующемъ 1837 г., выдержавъ снова экзаменъ, получилъ степень кандидата. Еще въ эту раннюю эпоху, явился въ печати (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1836 г.) разборъ извѣстной книги А. Н. Муравьева: «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ», написанный юношею-Тургеневымъ, по порученію редактора журнала Сербиновича *). Собственно «изящной» литературой Иванъ Сергѣевичъ началъ заниматься, также будучи еще студентомъ III курса, и, какъ почти всѣ юноши, прежде всего сталъ пробовать свои силы въ стихахъ. Первымъ опытомъ его юношеской поэзіи была фан-

*) См. въ XII-мъ томѣ: Письмо И. С. Тургенева къ редактору «Вѣстника Европы», отъ 3 декабря 1875 г., вызванное воспоминаніемъ его объ этомъ «ребяческомъ упражненіи», какъ отозвался онъ о своемъ первомъ литературномъ опытѣ.

московскимъ кружкомъ «идеалистовъ сороковыхъ годовъ», его сверстниковъ, къ которому принадлежали Грановскій, Бѣлинскій, Герценъ и др. Тѣсная умственная связь съ этими людьми, оставившими по себѣ несомнѣнный слѣдъ въ исторіи нашего общественнаго развитія, привела къ тому, что Тургеневъ, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, въ какія была поставлена въ то время наша литература, скоро всей душой предался литературной дѣятельности, — единственно возможной въ то время для образованнаго человѣка, желавшаго приложить свои силы къ полезному дѣлу.

Не оставляя своихъ плановъ о карьерѣ педагога, профессора, ученаго, Тургеневъ поѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь, вслѣдствіе размолвки съ матерью, которая весьма ограничила его средства къ существованію, онъ былъ вынужденъ пойти «общей колеей», и поступилъ, въ 1842 г., на службу, чиновникомъ особыхъ порученій въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго. Можетъ-быть, онъ сдѣлалъ это еще и потому, что, какъ то видно на примѣрѣ Пушкина, уклоненіе дворянина отъ службы считалось тогда однимъ изъ признаковъ неблагонамѣренности, а самая служба—не только военная, но и гражданская—иногда признавалась чѣмъ-то въ родѣ исправительной мѣры. Берлинскій студентъ-гегельянецъ оказался, однако, плохимъ и неисправнымъ чиновникомъ; службою онъ вовсе не занимался, а обыкновенно проводилъ время за чтеніемъ романовъ, исключительно французскихъ (Жоржъ Зандъ), которые тутъ же, въ канцеляріи, на столѣ, у него и валялись. Здѣсь же писалъ онъ стихи и неутомимо разсказывалъ анекдоты своимъ сослуживцамъ,—А. В. Головнину и В. И. Далю.

На службѣ Тургеневъ числился около двухъ съ чѣмъ-то лѣтъ (1842—1845), и затѣмъ оставилъ ее (съ чиномъ коллежскаго секретаря), чтобы никогда уже къ ней не возвращаться. По свидѣтельству П. В. Анненкова, въ это время Тургеневъ особенно отличался разными шутками, наполнившими общество слухами объ его эксцентричности. Это качество было болѣе или менѣе общимъ среди тогдашней талантливой молодежи: достаточно вспомнить, что извѣстно на этотъ счетъ о Герценѣ, К. Аксаковѣ и ихъ друзьяхъ, а позже о гр. А. К. Толстомъ, братьяхъ Жемчужниковыхъ и др. Необыкновенно развитое воображеніе Тургенева играло при этомъ, конечно, важную роль, а воспитаніе, полученное въ нашихъ и берлинскомъ университетахъ, позволяло ему, сверхъ того, затрогивать предметы первостепенной важности и говорить о нихъ съ удивительной для того времени смѣлостью. Чѣмъ бѣднѣе и затруднительнѣе становилась жизнь юноши Тур-

генева, тѣмъ свободнѣе дѣлалась его рѣчь; чѣмъ сильнѣе падали удары судьбы, тѣмъ болѣе росла мысль объ осуществленіи собою романическихъ типовъ Манфреда, Чайльдъ-Гарольда и т. п., съ которыми онъ, да и никто другой на Руси, не имѣлъ ничего общаго. Герценъ, который былъ шестью годами старше Тургенева и успѣлъ уже пережить эту бурную пору юности, называлъ его въ то время «позёромъ», и говорилъ, что онъ даже и ѣсть не можетъ безъ аффектаціи. Но прошло немного времени, и вся эта юношеская удаль въ немъ неожиданно замолкла. Никто изъ друзей Тургенева не могъ сказать до сихъ поръ съ точностью, когда именно и вслѣдствіе чего началось такое перерожденіе; да и самъ онъ не зналъ минуты, съ которой онъ отвернулся отъ проказъ молодости. Достовѣрно одно: къ эпохѣ его ареста, въ 1852 году, это былъ уже давно другой человѣкъ.

Въ то время, когда Тургеневъ сидѣлъ за французскими романами въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ уже успѣлъ заявить себя въ литературѣ, какъ поэтъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», начиная съ осени 1841 года, стали являться мелкія его стихотворенія, изъ которыхъ многія обратили на себя вниманіе образованной и надѣленной вкусомъ публики. Въ самомъ началѣ 1843 года, онъ напечаталъ отдѣльною книжкою небольшую поэму «Параша», подписанную буквами Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ). Бѣлинскій посвятилъ этому произведенію молодого поэта довольно обширную статью, въ которой отозвался о «Парашѣ» очень сочувственно. До тѣхъ поръ Тургеневъ и Бѣлинскій еще ни разу не встрѣчались. Имя Бѣлинскаго Тургеневъ узналъ еще во времена «Телескопа»; самъ онъ былъ тогда большой романтикъ, и на первый разъ Бѣлинскій произвелъ на него крайне непріятное впечатлѣніе разборомъ стихотвореній Бенедиктова (которыхъ Бѣлинскій никогда не могъ выносить). Тургеневъ былъ возмущенъ этимъ разборомъ, потому что восхищался Бенедиктовымъ; но прошло нѣсколько времени, и онъ уже измѣнилъ свое мнѣніе. Съ тѣхъ поръ Бѣлинскій заинтересовалъ его; онъ много о немъ слышалъ (между прочимъ, еще отъ Станкевича, котораго зналъ за границей въ послѣдній годъ его жизни) и очень желалъ съ нимъ познакомиться, хотя его и приводили въ недоумѣніе извѣстныя статьи консервативно-идеалистическаго направленія, писанныя Бѣлинскимъ около 1840 года.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «Параши», одинъ общій знакомый свелъ Тургенева съ Бѣлинскимъ: молодой писатель и критикъ подружились, и въ продолжительныхъ, оживленныхъ бесѣдахъ вмѣстѣ вырабатывали основы разумнаго міросозерцанія. Тур-

геневъ пріятно поразилъ Бѣлинскаго оригинальностью и независимостью своихъ воззрѣній, и, какъ человѣкъ, только-что побывавшій у самаго источника гегелевской философіи, много помогъ ему въ уясненіи ея основныхъ положеній и выводовъ; съ другой стороны, можно сказать, что вліяніе Бѣлинскаго, о которомъ Тургеневъ до самой смерти сохранялъ благодарную, дружескую память, окончательно опредѣлило дальнѣйшее направленіе литературной дѣятельности автора «Параши». Объ этой поэмѣ, въ своихъ «Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ», Тургеневъ говорилъ въ 1868 г.: «Этою поэмою я вступилъ (въ 1843 г.) на литературное поприще», которое, такимъ образомъ, продолжалось ровно сорокъ лѣтъ (1843—1883 гг.).

«Тургеневъ — очень хорошій человѣкъ, и я легко сближаюсь съ нимъ», писалъ въ то время Бѣлинскій одному изъ своихъ московскихъ друзей. «Это—человѣкъ необыкновенно умный; бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу... Отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Тургенева много юмора. Разъ, въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: «да что вашъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носитъ на-бекрень!» Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ — врагъ всего неопредѣленнаго».

Тургеневъ скоро и близко сошелся также и съ кружкомъ молодыхъ литераторовъ, который группировался вокругъ Бѣлинскаго. Къ этому кружку принадлежали Панаевъ, М. А. Языковъ, Кульчицкій, П. В. Анненковъ; здѣсь же бывалъ прежде Бакунинъ и г. Катковъ; бывалъ одно время Герценъ; нѣсколько позже къ этому дружескому кругу присоединились К. Д. Кавелинъ, Некрасовъ, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ и др. «Отечественныя Записки», въ которыхъ всѣ эти писатели принимали живое участіе, пріобрѣли въ лицѣ Тургенева замѣчательнаго сотрудника. Онъ приступалъ къ литературной дѣятельности, будучи многосторонне образованнымъ человѣкомъ, познакомившись въ подлинникѣ съ лучшими европейскими писателями и въ самомъ источникѣ усвоивъ себѣ результаты философскаго знанія того времени. Не преувеличивая, можно сказать, что въ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ литераторовъ и, сближаясь съ передовыми людьми своего времени, тогда же имѣлъ на нихъ вліяніе своимъ многосторонимъ знакомствомъ съ западной наукой и литературой.

Весной 1844 года, Тургеневъ съѣздилъ не надолго къ себѣ

въ деревню, и, по возвращеніи, опять встрѣтился съ Бѣлинскимъ уже лѣтомъ, на дачѣ въ Лѣсномъ. Тутъ они сошлись окончательно, и видались почти каждый день. Во время прогулокъ по сосновымъ рощицамъ, окружающимъ Лѣсной институтъ, оба пріятеля вели нескончаемыя бесѣды, перемѣшивая серьезныя разсужденія съ шутками, и, какъ кажется, сообща сочинили игривую поэму «Поэтъ», извѣстную только въ рукописяхъ съ именемъ Тургенева.

Изъ всѣхъ своихъ стихотвореній 40-хъ годовъ, Тургеневъ издалъ отдѣльною книжкою, кромѣ «Параши», только небольшую поэму «Разговоръ», напечатанную въ 1845 г. (Спб.) и вызвавшую два критическихъ отзыва въ «Отеч. Зап.» (Бѣлинскаго) и «Финскомъ Вѣстникѣ». Хотя эти первые порывы молодого вдохновенія, которыхъ самъ Тургеневъ впослѣдствіи не признавалъ, и которые онъ упорно отказывался при жизни включить въ собраніе своихъ сочиненій, ничего не могутъ прибавить къ лаврамъ, увѣнчавшимъ его, какъ перваго беллетриста нашего времени, — тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ отличаются большими поэтическими достоинствами.

Первымъ прозаическимъ произведеніемъ Тургенева, явившимся въ печати, ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ, былъ драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи, на испанскій сюжетъ, подъ заглавіемъ «Неосторожность», помѣщенный въ «Отеч. Зап.» 1843 г., № 10. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, 1844, въ томъ же журналѣ, была напечатана его первая повѣсть «Андрей Колосовъ»; въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изд. Некрасовымъ (1846) — довольно большая юмористическая поэма «Помѣщикъ», иллюстрированная художникомъ Агинымъ, и повѣсть «Три портрета»; въ 1-й книжкѣ «Отеч. Зап.» 1847 г. — повѣсть «Бреттёръ». Первая изъ этихъ повѣстей не имѣла большого успѣха въ публикѣ и, можно сказать, прошла почти незамѣченной; зато двѣ остальныя возбудили всеобщее вниманіе. Наконецъ, въ 1-й книжкѣ возобновленнаго Некрасовымъ и Панаевымъ «Современника» въ 1847 году, на очень скромномъ мѣстѣ, въ отдѣлѣ «Смѣси», рядомъ съ маленькимъ разсказомъ Достоевскаго «Романъ въ девяти письмахъ» и стихотворными пародіями Новаго Поэта,—появился «Хорь и Калинычъ», первый разсказъ изъ «Записокъ Охотника». Начиная съ этого разсказа, проникнутаго глубокою симпатіею къ крестьянскому быту, талантъ Тургенева принимаетъ, такъ сказать, новое направленіе. Онъ совсѣмъ покидаетъ стихи и избираетъ предметомъ своихъ повѣствованій крестьянское житье-бытье, съ его нуждами, горемъ и рѣдкими радостями.

III.—Эпоха „Записокъ Охотника": 1847—1855 гг.

За первымъ разсказомъ изъ «Записокъ Охотника» слѣдовалъ длинный рядъ другихъ, напечатанныхъ въ томъ же «Современникѣ» (1847—1851) и встрѣченныхъ единодушными и восторженными похвалами критики и публики. Всѣ заговорили о новыхъ произведеніяхъ неизвѣстнаго автора; каждый хотѣлъ узнать имя писателя, скрывавшагося подъ двумя таинственными буквами Т. Л. Само собою разумѣется, что эта скромная подпись не могла долго оставаться въ секретѣ; вскорѣ она была раскрыта,—и имя И. С. Тургенева стало дорогимъ именемъ для каждаго русскаго читателя. Съ этого времени начинается тотъ громадный успѣхъ произведеній Тургенева, который вскорѣ поставилъ его на первое мѣсто среди нашихъ знаменитыхъ писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Въ то время, когда печатался «Хорь и Калинычъ», Тургеневъ былъ уже за границей. Недовольный своею прежнею литературною дѣятельностью, онъ, уѣзжая изъ Россіи, думалъ вовсе бросить писательство; но неожиданный для него успѣхъ перваго очерка изъ «Записокъ Охотника» возвратилъ его литературѣ и побудилъ продолжать эти «Записки». Громкая извѣстность, пріобрѣтенная молодымъ писателемъ, не могла, однакоже, примирить его съ Россіею конца сороковыхъ годовъ; при одной мысли о жизни на родинѣ ему становилось такъ тяжело и грустно, что въ 1848 году, послѣ смерти Бѣлинскаго (котораго, за годъ передъ тѣмъ, онъ сопровождалъ въ заграничной поѣздкѣ), онъ совсѣмъ было рѣшился оставить Россію и навсегда поселиться за границей. Грустное чувство, которое невольно овладѣвало имъ при мысли объ этомъ рѣшеніи, отразилось и на большей части «Записокъ Охотника» (писанныхъ преимущественно въ Парижѣ); особенно замѣтно это настроеніе въ описаніяхъ и картинахъ родной природы, которую Тургеневъ уже не разсчитывалъ увидѣть болѣе. Онъ и самъ замѣчаетъ въ своихъ вѣспоминаніяхъ, что «конечно, не писалъ бы «Записокъ Охотника», если бы остался въ Россіи»,—и въ этомъ отношеніи замѣчательно сходился съ Гоголемъ, который, почти въ то время, писалъ свои лучшія страницы «Мертвыхъ душъ»—также «изъ прекраснаго далека».

Въ концѣ 1850 года, извѣстіе о смерти матери, скончавшейся въ это время уже въ преклонномъ возрастѣ (ей было около 70 лѣтъ), заставило Тургенева вернуться въ Россію для устройства своихъ дѣлъ. Пріѣхавъ въ доставшееся ему, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, родовое имѣніе, онъ немедленно отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ

перевелъ на оброкъ, и всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія. И впослѣдствіи, въ 1861 году, при выкупѣ, онъ вездѣ уступилъ 1/5 часть, а въ главномъ имѣніи ничего не взялъ за усадебную землю, — что составляло довольно крупную сумму.

Въ 1851 году, Тургеневъ жилъ то у себя въ имѣніи, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, продолжая «Записки Охотника». Въ самомъ началѣ 1852 года, онъ собралъ всѣ эти отдѣльные очерки, печатавшіеся въ продолженіе пяти лѣтъ, и издалъ ихъ въ Москвѣ, въ двухъ частяхъ. Это изданіе, имѣвшее значительный успѣхъ, съ одной стороны, окончательно упрочило литературную извѣстность Тургенева и доставило ему новыхъ читателей и поклонниковъ, а съ другой стороны, возбудило противъ него въ офиціальномъ мірѣ сильное неудовольствіе. Провозглашаемая въ то время офиціальная «народность», подъ которою разумѣлось, какъ извѣстно, крѣпостное право, считавшееся одною изъ коренныхъ основъ русскаго государственнаго и общественнаго строя, не могла не почувствовать въ Тургеневѣ сильнаго своего врага. Въ литературныхъ кружкахъ ходилъ въ то время слухъ, будто московскій цензоръ, кн. Львовъ, былъ отставленъ отъ должности именно за то, что пропустилъ отдѣльное изданіе «Записокъ Охотника». Къ этому присоединялось, въ видѣ отягчающаго обстоятельства, долговременное пребываніе Тургенева за границей, особенно въ Парижѣ, и именно въ 1848 году, а также и его близкія отношенія къ лицамъ, которыя давно уже были «на дурномъ счету». Незначительный самъ по себѣ случай послужилъ, такъ сказать, каплей, переполнившей сосудъ офиціальнаго раздраженія. Въ мартѣ 1852 года, за извѣстное письмо *) по поводу смерти Гоголя, напечатанное въ «Моск. Вѣд.», съ дозволенія цензуры, но запрещенное предсѣдателемъ цензурнаго комитета въ Петербургѣ, Мусинымъ-Пушкинымъ, лично не терпѣвшимъ Гоголя, Тургеневъ былъ посаженъ на мѣсяцъ «на съѣзжую». Здѣсь ему пришлось бы просидѣть весь срокъ, назначенный для его «исправленія», если бы судьба не послала ему спасительницъ въ лицѣ двухъ дочерей надзиравшаго за нимъ частнаго пристава. Эти дѣвицы оказались почитательницами таланта Тургенева и, узнавъ, что этотъ интересный писатель сидитъ въ части, обрадовались случаю лично съ нимъ познакомиться и упросили своего отца дать ему пріютъ въ ихъ квартирѣ. Здѣсь Тургеневъ и прожилъ двѣ-три недѣли; пользуясь своимъ досугомъ, онъ написалъ во время своего ареста разсказъ «Муму». Приключеніе съ Тургеневымъ не произвело въ тогдаш-

*) См. въ томѣ XII-мъ: «Гоголь»—«Письмо изъ Петербурга».

немъ петербургскомъ свѣтѣ никакого особеннаго впечатлѣнія. Самое мѣсто заключенія литератора — «съѣзжая» — показалось многимъ только забавнымъ, и многіе шутили и острили на этотъ счетъ. Въ то время петербургское общество относилось, въ своей массѣ, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ русской литературѣ вообще. Послѣ непріятности, лично испытанной Тургеневымъ изъ-за Гоголя, долгое время опасались даже называть его въ печати, и взамѣнъ того употребляли выраженіе: «извѣстный писатель»...

По освобожденіи отъ ареста, Тургеневъ былъ высланъ, административнымъ порядкомъ, на жительство въ свою деревню, Спасское,—«безъ права выѣзда», что, впрочемъ, не помѣшало ему побывать, во время ссылки, нѣсколько разъ въ Москвѣ. Эта ссылка продолжалась до конца 1854 года. Освобожденію Тургенева особенно содѣйствовали графъ А. К. Толстой (извѣстный поэтъ), хлопотавшій за него у Наслѣдника, и А. О. Смирнова (урожденная Россетъ), воспѣтая Пушкинымъ и кн. Вяземскимъ, который называлъ ее «Notre-Dame en chef de la littérature russe». Стараніями этихъ лицъ Тургеневу была возвращена полная свобода передвиженія, которою онъ и воспользовался для того, чтобы скорѣе уѣхать за границу.

Во время ссылки въ деревню Тургеневъ не прекращалъ своей литературной дѣятельности; напротивъ, вынужденное уединеніе заставило его сосредоточиться на умственномъ трудѣ. Онъ жилъ въ деревнѣ, развлекаясь охотой и занимаясь въ своей обширной библіотекѣ, представлявшей очень цѣнное собраніе книгъ по исторіи, философіи и литературѣ, на древнихъ и новыхъ языкахъ. Въ составъ этого собранія вошла, между прочимъ, вся библіотека Бѣлинскаго, купленная Тургеневымъ послѣ смерти знаменитаго критика. Пребываніе подъ арестомъ и въ деревнѣ, по сознанію самого Тургенева, принесло ему пользу, сблизивъ его съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ его вниманія; нѣтъ сомнѣнія, что талантъ его въ это время окончательно окрѣпъ и развился. Въ деревнѣ Тургеневъ написалъ повѣсти: «Два пріятеля» и «Затишье»; критическія статьи о «Запискахъ ружейнаго охотника» С. Т. Аксакова, и о стихотвореніяхъ Тютчева, и начало комедіи «Мѣсяцъ въ деревнѣ», конецъ которой былъ написанъ позже, именно—въ декабрѣ 1854 года, тотчасъ по возвращеніи Тургенева въ Петербургъ. Всѣ эти произведенія были напечатаны въ «Современникѣ» (1854—1855 гг.); затѣмъ, въ 4-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1855 г. появилась новая его повѣсть «Яковъ Пасынковъ»; въ «Разсказахъ и вос-

помпанiяхъ охотника», С. Т. Аксакова—статья: «О соловьяхъ», напечатанная въ этой книгѣ въ видѣ приложенiя; въ 11-й книжкѣ «Современника» — повѣсть «Постоялый дворъ» и «Два слова о Грановскомъ».

IV. — Первый перiодъ жизни за границею: 1855 — 1868 гг.

Въ 1855 году Тургеневъ, напутствуемый извѣстнымъ посланiемъ Некрасова: «Прощай! Завидую тебѣ...»—уѣхалъ за границу, куда влекла его также и давнишняя дружба. Еще въ 1845 году онъ познакомился, въ Петербургѣ, съ знаменитой уже тогда артисткой, Полиной Віардо-Гарсiа, и съ тѣхъ поръ до самой своей смерти оставался въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношенiяхъ съ ея семействомъ. Временная ссылка разлучила его съ иностранными друзьями,—и при первой же возможности онъ снова поспѣшилъ къ нимъ. Выражаясь собственными его словами, онъ «прикрѣпился» къ этимъ чужимъ людямъ, и, навсегда оставшись холостякомъ, прожилъ съ ними и для нихъ половину своей жизни. Мать его справедливо говорила ему, что онъ изъ числа «одполюбовъ», т. е. людей, которые только одинъ разъ въ жизни могутъ любить истинно, глубоко, самоотверженно, и всю жизнь остаются вѣрны своей первой привязанности. Съ семействомъ Віардо Тургеневъ объѣздилъ потомъ всю Европу, живя преимущественно въ Парижѣ и Баденъ-Баденѣ, и лишь по временамъ, не надолго, заглядывая въ Петербургъ и въ свою орловскую деревню. Близко познакомившись съ жизнью различныхъ классовъ русскаго общества и съ бытомъ самыхъ большихъ и культурныхъ городовъ Европы, онъ, въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ чрезвычайно производителенъ. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ явились перлы его творчества: въ 1856 — «Рудинъ» и «Фаустъ»; въ 1858—«Ася»; въ 1859 — «Дворянское гнѣздо»; наконецъ, въ 1860—«Наканунѣ» и «Первая любовь»,— повѣсть, которую самъ Тургеневъ цѣнилъ едва ли не выше всѣхъ своихъ повѣстей. Всѣ эти произведенiя доставили Тургеневу въ средѣ нашихъ писателей такое положенiе, какого немногимъ до него удавалось достичь. Критика, въ лицѣ самыхъ выдающихся своихъ представителей, разъясняла литературное и общественное значенiе этихъ произведенiй, изъ которыхъ каждое было своего рода событiемъ, возбуждало самые оживленные толки, помогало выясненiю руководящихъ началъ общественнаго развитiя.

Зиму 1857—58 г. Тургеневъ провелъ въ Римѣ, гдѣ въ это время жило много русскихъ, и въ томъ числѣ—кн. Черкасскiй, В. П. Боткинъ и Ростовцевъ. При первыхъ вѣстяхъ о намѣре-

ніи русскаго правительства освободить крестьянъ, эта колонія стала устраивать сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны этого жизненнаго вопроса, произносились рѣчи (особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій), и, наконецъ, возникла мысль основать журналъ (или газету), исключительно и спеціально посвященный разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся устройства крестьянскаго быта. Программу этого журнала Тургеневъ подробно мотивировалъ въ особой запискѣ, горячо доказывая, что правительству необходимо обратиться, въ рѣшеніи такого важнаго, коренного вопроса, къ содѣйствію литературы и широкой гласности. Кн. Черкасскій повезъ эту записку въ Петербургъ, съ намѣреніемъ представить ее на разсмотрѣніе высшихъ властей; но всѣ эти проекты были найдены «рановременными»; да и впослѣдствіи программа предполагаемаго журнала не была вполнѣ осуществлена.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, Тургеневъ зиму проводилъ обыкновенно въ Парижѣ, а лѣто—частью въ Орловской губерніи, частью въ Баденъ-Баденѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ Луи Віардо, извѣстнымъ писателемъ по эстетическимъ и культурно-историческимъ вопросамъ (умеръ въ 1883-мъ году, незадолго до смерти Тургенева), онъ занялся переводомъ на французскій языкъ драматическихъ произведеній Пушкина. Этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1862 г., въ Парижѣ. Въ томъ же году, въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», появился новый романъ Тургенева: «Отцы и Дѣти», бывшій важнымъ событіемъ не только въ русской литературѣ, но и въ личной жизни автора. Успѣхъ этого романа далеко превзошелъ все, доселѣ совершавшееся въ русскомъ литературномъ мірѣ, видавшемъ много успѣховъ; а его содержаніе, посвященное прямо «злобѣ дня», послужило поводомъ къ продолжительной и страстной полемикѣ и еще болѣе ожесточеннымъ личнымъ пререканіямъ. На Тургенева напали со всѣхъ сторонъ—и за слово «нигилистъ», которымъ во время-оно, въ 1829 году, Надеждинъ обозвалъ Пушкина, Полевого и другихъ представителей литературнаго романтизма, и которымъ Тургеневъ воспользовался для характеристики новаго общественнаго типа,—и за карикатурное, будто бы, изображеніе дѣйствующихъ лицъ, и за предполагаемую тенденцію романа. «Отцы» оказались недовольны своими портретами и выказали склонность признать самого автора приверженцемъ «нигилистическихъ» ученій Базарова; а между тѣмъ, редакторъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ появился новый романъ, утверждалъ, что именно по его совѣту Тургеневъ «внесъ въ фигуру Базарова маленькія черточки, безъ которыхъ она, можетъ-быть, совсѣмъ покачнулась бы въ пользу нигилизма, и

пустой, озлобленный, огрубѣлый studiosus medicinae вышелъ бы высокимъ идеаломъ для молодого поколѣнія». Съ своей стороны, молодежь осыпала Тургенева рѣзкими упреками и называла человѣка, котораго еще недавно чтила, какъ разрушителя крѣпостного права,—«измѣнникомъ дѣлу свободы». Русскіе студенты въ Гейдельбергѣ, которыхъ въ то время было тамъ очень много, рѣшили даже устроить надъ Тургеневымъ своего рода судъ—потребовать отъ него объясненій относительно смысла и цѣли его романа. Тургеневъ принялъ вызовъ, нарочно пріѣхалъ изъ Баденъ-Бадена въ Гейдельбергъ и передъ толпою своихъ обвинителей далъ объясненія—приблизительно, тѣ самыя, которыя онъ впослѣдствіи напечаталъ. Этотъ же романъ Тургенева—по крайней мѣрѣ, отчасти—послужилъ поводомъ къ разрыву прежнихъ дружескихъ отношеній его съ Герценомъ, который оскорбилъ Тургенева крайне рѣзкимъ отзывомъ. Взаимное неудовольствіе дошло до такой степени, что Тургеневъ настоятельно просилъ фотографа С. Л. Левицкаго уничтожить карточки, изображавшія его вмѣстѣ съ издателемъ «Колокола». И въ это же время (1863 г.), вслѣдствіе какого-то недоумѣнія, чуть не было возбуждено въ сенатѣ дѣло «о преступныхъ сношеніяхъ Тургенева съ Герценомъ». Заступниками Тургенева явились его петербургскіе друзья, и въ томъ числѣ опять гр. А. К. Толстой. Въ письмахъ къ этимъ друзьямъ Тургеневъ объяснялъ, что въ началѣ зимы 1862 г. онъ обмѣнялся съ Герценомъ нѣсколькими письмами, приведшими ихъ къ окончательному разрыву.

Еще раньше Тургеневъ разошелся почти на всю жизнь съ Некрасовымъ, съ которымъ прежде былъ весьма близокъ. О причинахъ этого разлада мы можемъ сообщить только то, что извѣстно въ печати. Еще въ 1-й книжкѣ «Современника» 1860 г. была статья Тургенева: «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ»; но повѣсть «Наканунѣ» появилась уже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1860, № 1—2). Въ мартовской книжкѣ «Современника» того же года Добролюбовъ писалъ, что эта повѣсть производитъ на публику слабое, даже отчасти не благопріятное впечатлѣніе, сравнительно съ прежними повѣстями Тургенева. Въ блѣдности очертаній Инсарова критикъ видѣлъ главный художественный недостатокъ повѣсти. Потомъ, въ 1-й книжкѣ «Современника» 1861 г., въ «Свисткѣ», въ стихотвореніи «Мысли журналиста», имя Тургенева попало въ кунлеты.

Многіе обвинили тогда «Современникъ» за то, что онъ хвалилъ Тургенева до тѣхъ поръ, пока онъ помѣщалъ тамъ свои произведенія. На это «Современникъ» отвѣчалъ въ 6-ой книжкѣ 1861 г., что разрывъ его съ Тургеневымъ произошелъ такимъ

образомъ: «Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? ссылаемся на самого г. Тургенева». Наконецъ, по поводу «Отцовъ и Дѣтей», въ 3-й книжкѣ «Современника» 1862 г., явилась большая критическая статья М. А. Антоновича: «Асмодей нашего времени», въ которой Тургеневу приписывалась тенденція самаго непривлекательнаго свойства....*).

Всѣ эти—и многія другія—непріятности дѣйствовали на Тургенева до такой степени тяжело, что онъ сталъ серьезно думать о прекращеніи своей литературной дѣятельности, и высказывалъ это многимъ, и друзьямъ, и просто знакомымъ. Въ этомъ желаніи уйти изъ литературы,—которое такъ грустно выразилось въ лирическомъ отрывкѣ «Довольно!» (1864)—чувствовалась обида, горечь, сознаніе того, что новые русскіе люди перестали понимать писателя, который всегда искалъ для нихъ идеаловъ и образовъ... Но въ немъ слишкомъ жива была непреодолимая по-

---

*) Впослѣдствіи, въ 1869 г., Тургеневъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, напечаталъ письма послѣдняго, въ которыхъ Некрасовъ (впрочемъ, обозначенный лишь тремя звѣздочками) представляется слишкомъ «разсчетливымъ» издателемъ. Газетные комментаріи дополнили то, чего не досказалъ Тургеневъ,—и отношенія его къ Некрасову, конечно, уже не могли измѣниться къ лучшему. Самъ Некрасовъ приписывалъ, однако, эту размолвку недоразумѣнію, которое, какъ то признавалъ и Тургеневъ въ интимныхъ бесѣдахъ съ друзьями, коренилось вовсе не въ томъ, что будто самолюбіе послѣдняго было уколото литературными нападками, послѣ его перехода въ «Русскій Вѣстникъ». Тургеневъ приписывалъ Некрасову появленіе въ «Современникѣ» оскорбительныхъ отзывовъ о лицахъ, которыми онъ дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ, и двусмысленныхъ намековъ на обстановку его частной жизни,—вотъ почему размолвка повела къ многолѣтней разлукѣ! Некрасовъ, какъ онъ самъ выражался, лежа на смертномъ одрѣ, былъ тутъ безъ вины виноватъ: оскорбительныя для Тургенева строки появились во время его отсутствія на охотѣ. Вотъ почему въ 1877 г., незадолго уже до своей смерти, наканунѣ операціи, узнавъ о предполагавшемся пріѣздѣ Тургенева въ Петербургъ, Некрасовъ прислалъ одного изъ его друзей передать Тургеневу, какъ могло произойти оскорбившее его дѣло безъ всякой личной вины со стороны Некрасова. Операція, какъ извѣстно, прошла удачно, и лѣтомъ 1877 года старые друзья, не видавшіеся цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, въ послѣдній разъ пожали другъ другу руку. Этому примиренію посвятилъ Тургеневъ одно изъ самыхъ трогательныхъ своихъ «Стихотвореній въ прозѣ» ** «Послѣднее свиданіе» (см. въ настоящемъ изданіи т. IX).

требность творчества, съ которою онъ не могъ долго бороться, и, послѣ непродолжительнаго перерыва, опять взялся за перо.

Въ 1863 г., Тургеневъ, вмѣстѣ съ семействомъ Віардо, совсѣмъ переселился изъ Парижа въ Баденъ-Баденъ; въ то время, политическая и нравственная атмосфера Наполеоновскаго цезаризма становилась уже весьма тяжелою. Въ Баденѣ, въ одной изъ самыхъ уютныхъ долинъ, въ Тиргартенталѣ, находилась вилла Віардо, посреди сада, похожаго на паркъ, окруженная, съ одной стороны, заросшими сосновымъ лѣсомъ хребтами Задерберга, а съ другой — сочными, бархатными лугами. Одинъ изъ такихъ луговъ, прилегавшихъ къ парку Віардо, купилъ себѣ Тургеневъ, и въ 1865 г. началъ строить на немъ домъ, — въ стилѣ Лудовика XIII, съ высокою крышею, усѣянною мансардами и длинными, стройными трубами. Внутри этотъ домъ былъ украшенъ въ томъ же стилѣ, а вокругъ него былъ разбитъ небольшой садъ со старыми тѣнистыми фруктовыми деревьями и съ разными новѣйшими украшеніями, — бесѣдками, лужайками, кіосками и фонтаномъ. Садъ этотъ оропался ручейкомъ, начинавшимся тутъ же, изъ ключа, и былъ отдѣленъ отъ парка Віардо живою изгородью. Тургеневъ перебрался въ этотъ домъ въ 1866 г., и жилъ здѣсь до половины 1870 г. Здѣсь посѣщали его берлинскіе друзья—Боденштедтъ, Ад. Менцель, Пауль Гейзе, Эрнстъ Домъ, Пауль Линдау, Юліанъ Шмидтъ, который съ перваго же знакомства сдѣлался горячимъ поклонникомъ русскаго романиста и въ своихъ литературныхъ этюдахъ не разъ называлъ его «величайшей поэтической силой нашего времени»,—и Людвигъ Питашъ, извѣстный иллюстраторъ, который напечаталъ въ то время любопытныя замѣтки о Тургеневѣ.

Въ тѣ годы домъ г-жи Віардо былъ какъ бы высшей школой пѣнія, куда изъ всѣхъ странъ собирались молодыя, талантливыя пѣвицы, чтобы пользоваться уроками знаменитой артистки. Опытная преподавательница часто давала своимъ ученицамъ всѣхъ національностей случай пробовать свои силы въ исполненіи легкихъ драматическихъ партій. Нужно было подобрать такія пьесы, всѣ роли которыхъ, за небольшими исключеніями, могли быть переданы молодыми ученицами; для этой цѣли Тургеневъ, всегда очень любившій музыку, сочинилъ сначала небольшой водевиль: «L'auberge ou le grand sanglier», а потомъ— три веселыя, фантастическія музыкальныя сказки: «L'Ogre, conte de fée», «Cracquemiche, le dernier des sorciers», и «Trop de femmes», полныя живого юмора, а г-жа Віардо положила ихъ на музыку и иногда сама исполняла въ нихъ контральтовыя партіи. Самъ Тургеневъ бралъ на себя роль людоѣда,

колдуна или паши, котораго, несмотря на его громадную силу, прельщали, побѣждали и мучили прелестные эльфы или обитательницы гарема. Въ исполненіи этихъ оперетокъ участвовали также дѣти г-жи Віардо и молодая, талантливая ея ученица, г-жа Байлодзъ; режиссеромъ бывалъ обыкновенно штутгардскій капельмейстеръ Эккертъ, который и аккомпанировалъ на фортепіано. Нижній этажъ Тургеневской виллы былъ приспособленъ для сценическихъ представленій и снабженъ самыми необходимыми принадлежностями. На эти представленія сходилась избранная баденская космополитическая публика; иногда бывали здѣсь и обычные лѣтніе гости Бадена,—прусскій король Вильгельмъ и его супруга.

Въ это время Тургеневъ, по словамъ Питша, какъ будто намѣренно выказывалъ чрезвычайную лѣность ко всякой внѣшней дѣятельности. Онъ, казалось, отдавалъ все свое время дружеской бесѣдѣ съ дорогой ему семьей и наслажденію музыкой, которая сдѣлалась главнѣйшею потребностью его жизни, а съ половины августа — охотѣ, которая постоянно была одною изъ самыхъ сильныхъ его страстей. Несмотря, однакоже, на эту кажущуюся лѣнь, годы, проведенные Тургеневымъ въ Баденѣ, оказались не менѣе производительными. Каждый годъ онъ принуждалъ себя, хотя съ очевиднымъ трудомъ, отправляться на зиму или на весну въ Россію, и во время этого кратковременнаго прикосновенія къ родной почвѣ, какъ древній Антей, сынъ Земли, набирался новыхъ силъ и новыхъ впечатлѣній для работы. Въ ту эпоху (1866—1867) Баденъ былъ сборнымъ пунктомъ представителей самыхъ различныхъ классовъ русскаго культурнаго общества, послужившихъ Тургеневу оригиналами для новаго романа «Дымъ». Отрывки изъ этого романа авторъ читалъ, въ февралѣ 1867 года, въ Петербургѣ, на литературномъ вечерѣ, привлекшемъ массу публики; пріемъ, оказанный Тургеневу при этомъ первомъ появленіи его передъ русскою публикою со времени выхода «Отцовъ и Дѣтей», былъ неравный: среди рукоплесканій слышались, хотя и заглушаемые, свистки людей, не прощавшихъ романисту Базарова.

«Дымъ» появился въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» того же 1867 года, и опять, подобно «Отцамъ и Дѣтямъ», вызвалъ оживленные толки въ литературѣ, причемъ опять дѣло не обошлось безъ нападокъ на автора, безъ упрековъ его въ отсталости, въ непониманіи русской жизни и пр. На этотъ разъ Тургеневъ, однако, отнесся къ этимъ обвиненіямъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ послѣ «Отцовъ и Дѣтей», и уже не говорилъ о желаніи бросить литературную дѣятельность, а напротивъ, работалъ очень усердно.

V.—Второй и послѣдній періодъ жизни за границей: 1868—1883 гг.

По напечатаніи «Дыма» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», Тургеневъ вскорѣ оставилъ этотъ журналъ, не желая подчинить свое творчество условіямъ, предъявляемымъ ему со стороны редакціи, и перешелъ въ новый тогда «Вѣстникъ Европы», гдѣ онъ и оставался до конца своей жизни, съ 1868 г. по 1883 г. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ написалъ нѣсколько разсказовъ: «Бригадиръ», «Несчастная», «Странная исторія», «Степной король Лиръ», «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», и художественное воспроизведеніе послѣднихъ минутъ преступника, приговореннаго къ смерти,— «Казнь Тропмана». По словамъ Питша, Тургеневъ нарочно ѣздилъ въ Парижъ, чтобы присутствовать при этой казни.

Въ 1870 году, при самомъ началѣ франко-прусской войны, семейство Віардо и Тургеневъ, не желая оставаться у «пруссаковъ», продали свои баденскія виллы, и поселились на постоянное житье въ Парижѣ. До того времени Тургеневъ не особенно былъ расположенъ къ французамъ; напротивъ, онъ называлъ себя «полунѣмцемъ», Германію — своимъ вторымъ отечествомъ, предпочиталъ нѣмецкую литературу всѣмъ другимъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими нѣмецкими писателями; но патріотизмъ семейства Віардо, послѣдствія франко-прусской войны, паденіе второй имперіи и множество живыхъ связей съ писателями и политическими людьми Франціи, симпатіи и вообще уваженіе, чуткость французовъ (и, въ особенности, парижанъ) ко всему, чѣмъ, по Тургеневскому выраженію, красится и возвышается жизнь,—сдѣлали то, что въ концѣ 70-хъ годовъ никто уже не могъ бы сказать о Тургеневѣ, что онъ не любитъ французовъ и живетъ въ Парижѣ скрѣпя сердце. Въ самомъ началѣ франко-прусской войны, Тургеневъ былъ, однако, положительно на сторонѣ нѣмцевъ, что и высказалъ въ нѣсколькихъ корреспонденціяхъ, напечатанныхъ въ тогдашнихъ «Спб. Вѣдомостяхъ». На французскую литературу, въ особенности на романъ и на его главныхъ представителей—Гюго, Дюма, Бальзака—онъ смотрѣлъ и въ 60-хъ годахъ очень неблагосклонно; но лѣтъ десять спустя, онъ является въ Парижѣ уже другомъ Флобера, Ожье, Додэ и Гонкуровъ, покровителемъ Зола и Мопассана, человѣкомъ, который уже ставилъ французскую беллетристику выше всей остальной заграничной литературы романа. Онъ нашелъ даже время и охоту, несмотря на частые припадки подагры и любовь къ досугу, перевести (въ 1877 г.) двѣ повѣсти Флобера. Этотъ поворотъ въ мнѣніяхъ Тургенева о французской литературѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что съ конца 60-хъ годовъ въ ней

стало господствовать новое, натуралистическое направленіе, которое для Тургенева было старымъ, своимъ, русскимъ, и распространенію котораго во Франціи онъ самъ очень много содѣйствовалъ, и словомъ, и примѣромъ. Сами французскіе писатели новой школы признаютъ, что здравыя идеи русскаго романиста имѣли на нихъ очень сильное вліяніе, и что его прогрессивные взгляды на задачу изящной литературы были для нихъ своего рода откровеніемъ. Эти взгляды должны были имѣть тѣмъ бо́льшую цѣнность, что Тургеневъ судилъ не съ исключительной и узкой точки зрѣнія, но отыскивалъ сравненія въ литературахъ всѣхъ народовъ, которыя зналъ основательно, расширяя, такимъ образомъ, умственный кругозоръ своихъ молодыхъ друзей, дѣлая поучительныя сопоставленія между книгами, появлявшимися на двухъ концахъ свѣта, на различныхъ языкахъ. Въ бесѣдахъ съ представителями новѣйшаго натурализма, онъ доказывалъ имъ необходимость отказаться отъ устарѣлыхъ романтическихъ формъ, отъ романовъ съ придуманными драматическими и ученными комбинаціями и интригами, и съ манекенами вмѣсто живыхъ людей, и требовалъ, чтобы писатели воспроизводили жизнь, — ничего, кромѣ жизни. Романъ, говорилъ онъ, есть самая новѣйшая форма художественной литературы, и въ настоящее время, когда литературный вкусъ начинаетъ очищаться, слѣдуетъ отбросить всѣ прежніе ложные пріемы, упростить и возвысить это искусство, которое должно быть *исторіей жизни*. Недаромъ любимымъ изреченіемъ Тургенева были слова Гёте (въ «Фаустѣ»): «Greift nur hinein in's volle Menschenleben! ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt, und wo ihr packt, da ist's interessant». Ложь, лицемѣріе, сентиментальность и трескучая риторика—эти смертные грѣхи старой французской литературы—имѣли въ немъ рѣшительнаго противника; но, проповѣдуя натурализмъ, онъ никогда не преступалъ извѣстнаго предѣла, за которымъ начинаются уже крайности этого направленія, и строго осуждалъ такія крайности.

Въ Парижѣ Тургеневъ жилъ въ семьѣ Віардо, въ самой скромной обстановкѣ, занимая двѣ небольшія комнаты въ верхнемъ этажѣ, и почти вовсе не заботясь объ удобствахъ. Лѣто онъ проводилъ, обыкновенно, на собственной дачѣ, рядомъ съ дачею Віардо «les Frênes» въ Буживалѣ, близъ Парижа. Мучительная болѣзнь (подагра), приступы которой, начиная еще съ конца 60-хъ годовъ, стали повторяться все чаще и чаще, удерживала его отъ поѣздокъ въ далекую Россію, но не мѣшала ему работать попрежнему, и аккуратно, каждый годъ, дарить русской публикѣ по крайней мѣрѣ одну небольшую повѣсть. Новыя явленія

русской жизни, за которою онъ всегда внимательно слѣдилъ, обнаружившееся, въ началѣ 70-хъ годовъ, среди нашей молодежи, движеніе «въ народъ», и соціалистическая пропаганда чрезвычайно заинтересовали Тургенева и внушили ему идею большого романа, посвященнаго изображенію «новыхъ людей». Матеріалы для этого романа онъ ревностно собиралъ въ Россіи и за границей, еще съ 1874 года, изучая живыя лица и доставляемые ему съ разныхъ сторонъ документы, и за этой работой, все-таки, находилъ время для небольшихъ этюдовъ въ повѣствовательной формѣ. Наконецъ, въ 1876 году романъ былъ готовъ, и въ 1877 году появился подъ заглавіемъ: «Новь».

Какъ «Отцы и Дѣти», и какъ «Дымъ»,—«Новь», тотчасъ же вслѣдъ за своимъ появленіемъ, вызвала въ литературѣ, и еще болѣе—въ публикѣ, долго не прекращавшіеся толки, предметомъ которыхъ было попрежнему личное отношеніе автора къ животрепещущей «злобѣ дня». Многія изъ этихъ сужденій были враждебны Тургеневу, такъ что онъ снова, какъ за 13—14 лѣтъ передъ тѣмъ, сталъ высказывать рѣшительное желаніе прекратить свою литературную дѣятельность. Въ февралѣ 1878 года, на просьбу редакціи новой одесской газеты «Правда»—прислать что-нибудь для помѣщенія въ газетѣ, онъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ, и при этомъ прибавилъ: «Мнѣ кажется, что публикѣ на васъ претендовать нечего. Да и врядъ ли эти претензіи могутъ быть серьезны, если судить по пріему, которымъ встрѣчались всѣ мои послѣднія произведенія. Но, какъ бы то ни было, *я положилъ перо и ужъ больше за него не возьмусь*». Къ этому вѣроятно времени относится одно изъ «Стихотвореній въ прозѣ», начинающееся словами Пушкина: «Услышишь судъ глупца...», и превосходно выражающее настроеніе наболѣвшей души автора. (См. въ настоящемъ изданіи т. IX).

И въ самомъ дѣлѣ, Тургеневъ въ продолженіе трехъ лѣтъ ничего не писалъ, или, по крайней мѣрѣ, не печаталъ. Но въ эти три года въ его личной жизни произошли событія, снова примирившія его съ литературой и доказавшія, что образованная публика, какъ европейская, такъ въ особенности русская, вполнѣ понимаетъ и умѣетъ цѣнить его заслуги. Въ 1878 году, на литературномъ конгрессѣ во время парижской всемірной выставки, представители всѣхъ европейскихъ литературъ единогласно, par acclamation, избрали Тургенева президентомъ одного изъ отдѣленій конгресса; въ началѣ 1879 г., посѣтивъ Лондонъ, онъ получилъ отъ оксфордскаго университета почетный дипломъ доктора обычнаго права (doctor of common law), какъ писатель, доказавшій своими сочиненіями, въ особенности — «Записками

Охотника», — полное знаніе нравовъ и обычаевъ русскаго народа.

Въ концѣ февраля того же 1879 года, Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію, — пріѣхалъ, какъ онъ самъ, шутя, говорилъ: «мириться» съ русской публикой и въ особенности — съ русской молодежью. Восторженный пріемъ, оказанный маститому романисту, совершенно неожиданно для него самого, сначала въ Москвѣ, — гдѣ онъ, въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ не являвшійся на эстрадѣ передъ русскою публикою, принялъ участіе въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности,— а затѣмъ и въ Петербургѣ, гдѣ онъ читалъ на нѣсколькихъ литературныхъ вечерахъ преимущественно отрывки изъ «Записокъ Охотника», — цѣлый рядъ торжественныхъ овацій и горячихъ привѣтствій, въ которыхъ особенно живое участіе принимала молодежь,—все это показало, до какой степени русское общество сочувствуетъ своему любимому писателю. Это былъ какъ бы пропущенный въ свое время (1843—1878 гг.) юбилей 35-лѣтней литературной дѣятельности Тургенева, и вмѣстѣ наглядное свидѣтельство того, что всѣ старыя недоразумѣнія, всегда возможныя между публикой и писателемъ, посвящающимъ свои произведенія «злобѣ дня», окончательно оставлены и забыты.

Торжество таланта Тургенева вызвало сильное раздраженіе въ той части печати, которая ревниво слѣдила за нимъ, со времени оставленія имъ «Русскаго Вѣстника», и случай къ тому, чтобы набросить тѣнь на характеръ его литературной дѣятельности, представился вскорѣ. Въ октябрѣ 1879 года въ фельетонахъ парижской газеты «Temps» появился небольшой очеркъ подъ заглавіемъ: «En cellule, impressions d'un nihiliste», съ письмомъ Тургенева къ редактору «Temps». Въ этомъ письмѣ Тургеневъ замѣчалъ, что, нисколько не одобряя убѣжденій автора, онъ, все-таки, полагаетъ, что этотъ простой и искренній разсказъ можетъ послужить доказательствомъ, какъ мало предварительное одиночное заключеніе оправдывается съ точки зрѣнія раціональнаго законодательства. Это-то письмо и подало поводъ къ злобной выходкѣ противъ самого Тургенева и даже къ прямому обвиненію въ томъ, что онъ «позоритъ свои сѣдины» и «кувыркается передъ нигилистами ради своей популярности и ихъ потѣхи».

На эту выходку Тургеневъ отвѣчалъ публично обширнымъ письмомъ, которое можно назвать замѣчательною страницею изъ его автобіографіи *).

Письмо заключается словами, на какія имѣлъ полное право

*) См. въ настоящемъ изданіи т. XII: «Отвѣтъ Иногородному Обывателю».

Тургеневъ. «Публика—заключилъ онъ—и безъ того хорошо его (автора выходки) знаетъ... и, смѣю прибавить, знаетъ и меня».

И русская публика вскорѣ показала, что она знаетъ Тургенева и умѣетъ его цѣнить, вопреки всѣмъ павѣтамъ. Въ Москвѣ, въ памятные «Пушкинскіе дни», 6—8 іюня 1880 года, на долю знаменитаго романиста выпали такія почести и овація, которыя далеко оставили за собою чествованіе его въ обѣихъ столицахъ за годъ передъ тѣмъ. Московскій университетъ, въ торжественномъ засѣданіи въ день открытія памятника Пушкину, избралъ Тургенева въ число своихъ почетныхъ членовъ, какъ бы соединяя, такимъ образомъ, имена двухъ великихъ представителей русской литературы въ ея прошломъ и настоящемъ *); въ собраніи Общества любителей россійской словесности и на литературныхъ чтеніяхъ—Тургенева встрѣчали бурными, долго неумолкавшими рукоплесканіями; общія симпатіи были на его сторонѣ. Въ своей рѣчи о Пушкинѣ **), вспоминая, между прочимъ, о томъ, какъ цѣнили поэта современники и какъ охладѣвало къ его поэзіи общество 60-хъ годовъ, Тургеневъ сказалъ: «Нѣсколько поколѣній прошло послѣ Пушкина, для которыхъ имя его было только имя; но теперь къ поэту возвращается и юность, не разочарованная неудачами, и люди зрѣлаго возраста. Знамя его поэзіи на время затемнила пыль, но теперь опять засіялъ побѣдный стягъ». Эти слова можно было по справедливости примѣнить къ самому Тургеневу, который испыталъ на себѣ подобное же охлажденіе и дожилъ, наконецъ, до единогласнаго и восторженнаго признанія своихъ заслугъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти дни были лучшими въ его жизни. Онъ и самъ сознавалъ это, выбирая для чтенія на литературномъ вечерѣ стихотворенія: «Опять на родинѣ» и «Послѣдняя туча разсѣянной бури»...

Къ сожалѣнію, пріѣздъ Тургенева въ Россію въ 1881 г. былъ уже послѣднимъ; русской публикѣ не суждено было болѣе увидѣть своего любимаго писателя, а пришлось только поклониться его праху. Съ конца 1881 г. стали появляться въ русской печати дурныя вѣсти о здоровьѣ Тургенева. Слухи эти были крайне неопредѣленны и подчасъ противорѣчивы; газеты то сообщали, что больному лучше, то вскорѣ затѣмъ выпускали извѣстія объ ухудшеніи; затѣмъ, проходили чуть не цѣлые мѣсяцы, въ теченіе которыхъ всякія извѣстія прекращались, и

*) Тургеневъ былъ также почетнымъ членомъ кіевскаго университета и членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

**) См. ниже т. XII: рѣчь Тургенева при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ.

тяжелое недоумѣніе публики смѣнялось воскресавшею надеждою, тѣмъ болѣе, что въ это же время являлись въ «Вѣстникѣ Европы» новыя произведенія Тургенева: «Пѣснь торжествующей любви» (1881); «Старые портреты» *); «Отчаянный» (1882). Овладѣвшая имъ болѣзнь, не поддававшаяся діагнозу первыхъ знаменитостей парижскаго медицинскаго міра, развивалась медленно, но непрерывно, и причиняла ему такія страданія, которыя онъ могъ выносить только благодаря своему атлетическому сложенію, да наркотическимъ средствамъ, которыя приходилось употреблять все чаще и чаще. Тургеневъ, однакоже, не падалъ духомъ и продолжалъ, насколько позволяли силы, работать. Такъ, лѣтомъ 1882 г., онъ написалъ повѣсть «Клара Миличъ» (первоначально предполагалось назвать ее «Послѣ смерти», но потомъ Тургеневъ перемѣнилъ заглавіе, опасаясь, что критики, пожалуй, обвинятъ его въ спиритизмѣ), и приготовилъ къ печати написанныя имъ прежде «Стихотворенія въ прозѣ». Послѣднія появились въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Европы», а «Клара Миличъ» — въ январской 1883 года — послѣднее слово Тургенева въ печати.

Между тѣмъ, болѣзнь Тургенева шла своимъ чередомъ. «Она до того установилась, до того стала нормальной,—писалъ Тургеневъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1882 г.,—что я примирился съ нею, наконецъ, и, махнувъ рукою на всякую возможность выздоровѣть, стараюсь жить, работать и не думать о ней; хотя въ то время сознаю, что при ея существованіи всякая мысль о путешествіи, о переѣздѣ въ Россію—является несбыточной фантазіей. Впрочемъ, я и съ этимъ примирился: буду жить, покелева Богу угодно—какъ выражаются мужики,—то въ Буживалѣ, то въ Парижѣ,—и баста!»

«Еще немного,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—и я даже самъ не буду желать выходить изъ этой неподвижности, которая не мѣшаетъ мнѣ ни работать, ни спать и т. д... Сидя или лежа 23 часа $^3/_4$ въ сутки, я просто боюсь движенія, которое является мнѣ неизбѣжнымъ спутникомъ страданія. Да и къ чему двигаться?...»

То же повторяется и въ третьемъ письмѣ, въ декабрѣ того же года: «Я нахожусь въ положеніи человѣка, окончательно оглохшаго или ослѣпшаго, которому гораздо легче примириться съ своимъ положеніемъ, чѣмъ тѣшиться пустыми надеждами хвататься за разныя средства, въ безполезности которыхъ онъ убѣжденъ. И я, именно, примирился съ своимъ положеніемъ. Стало-быть, спросите вы меня, вы не питаете никакой надежды

*) Въ газетѣ «Порядокъ», 1881 г.

возвратиться на родину?—Никакой, ни малѣйшей, такъ же, какъ на выздоровленіе; но, конечно, я бы ни одной минуты лишней не остался здѣсь. Но ни разсчитывать на это, ни даже думать объ этомъ мнѣ не приходится»... «...Но, повторяю, я нисколько не унываю. Пока я не отказался отъ всякой надежды—было хуже; а теперь—ничего. Мнѣ 64 года; пожилъ въ свое удовольствіе, а теперь—надо и честь знать. И работать теперь могу,—именно съ тѣхъ поръ, какъ я бросилъ всякія думы о будущемъ»...

Въ началѣ 1883 года болѣзнь Тургенева усилилась и осложнилась мучительными болями внизу живота, происходившими отъ присутствія небольшой невромы, которая и была вырѣзана французскими хирургами. Операція прошла благополучно, и Тургеневъ на нѣкоторое время снова нѣсколько ожилъ и принялся за начатый имъ еще прежде пересмотръ своихъ сочиненій для новаго изданія. Работа шла довольно быстро, насколько это позволяли упадавшія силы больного, который весною уже вовсе не могъ писать, и долженъ былъ диктовать свои письма и замѣчанія. Въ то же время онъ ежедневно, по утрамъ, диктовалъ по-французски новое свое произведеніе — «Пожаръ на морѣ» — отрывокъ изъ воспоминаній, оконченный имъ только за два мѣсяца до смерти, въ іюнѣ, и переведенный по-русски еще при его жизни *). Въ августѣ для окружавшихъ Тургенева лицъ стало очевидно, что со дня на день слѣдуетъ ждать конца. Измученный сверхчеловѣческими страданіями, больной по цѣлымъ днямъ лежалъ неподвижно, въ забытьи, и сознаніе лишь изрѣдка и не надолго возвращалось къ нему. Наканунѣ и въ самый день кончины, умирающій оставался безъ всякаго сознанія, и только дыхательный процессъ свидѣтельствовалъ о томъ, что жизнь въ немъ еще не совсѣмъ погасла. Въ понедѣльникъ, 22 августа (3 сентября), въ два часа пополудни, Иванъ Сергѣевичъ скончался.

Болѣзнь, такъ долго терзавшая Тургенева и остававшаяся загадочною до самой его смерти, разъяснилась только послѣ вскрытія его тѣла. Это былъ ракъ спиннаго хребта, совершенно разрушившій три позвонка; то же вскрытіе обнаружило необыкновенный вѣсъ мозга покойнаго, превышавшій 2,000 граммъ.

Черезъ два дня послѣ смерти тѣло Тургенева было перевезено изъ Буживаля въ Парижъ, гдѣ, 26 августа ст. стиля, въ русской церкви, происходило отпѣваніе, на которомъ присутствовало большинство бывшихъ въ то время въ Парижѣ русскихъ,—посолъ кн. Н. А. Орловъ, члены посольства, литераторы, художники, какъ русскіе, такъ и иностранные, и учащаяся въ Парижѣ русская молодежь.

*) См. ниже: т. XII.

Въ Россіи вѣсть о смерти Тургенева произвела глубоко-сочувственное и сильное впечатлѣніе, несмотря на то, что этой вѣсти уже давно ждали. Все образованное общество почувствовало, что вдругъ какъ будто оборвалась какая-то невидимая нить,—одна изъ послѣднихъ нитей, связывающихъ наше время съ тою эпохою вѣры въ общечеловѣческіе идеалы просвѣщенія, представителемъ которой былъ Тургеневъ,—что въ литературѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ такъ привыкли видѣть свѣтлый обликъ любимаго писателя, вдругъ явилась мрачная, незаполнимая пустота. Не преувеличивая, можно сказать, что русское общество только послѣ смерти Тургенева вполнѣ сознало, какъ много оно ему обязано. Всѣ, кто дорожилъ развитіемъ родной литературы, всѣ, кто не утратилъ сочувствія къ свѣту, добру и правдѣ—поспѣшили откликнуться на горестную вѣсть и такъ или иначе выразить свою любовь и благодарность почившему писателю. Почти во всѣхъ русскихъ городахъ были отслужены по немъ панихиды, вездѣ старались чѣмъ-нибудь почтить его память, отовсюду слышались заявленія искренней скорби. И не одно русское общество, но и весь образованный міръ высказывалъ тѣ же чувства, признавая смерть Тургенева тяжкой утратой для всѣхъ литературъ. Отзывы европейской и американской печати о дѣятельности русскаго романиста показали, какъ высоко цѣнили заслуги Тургенева повсюду, куда проникали его произведенія, переведенныя на всѣ языки образованнаго міра. Нѣмецкіе критики, по поводу его смерти, вспоминали имя самого Гёте!..

Незадолго до своей смерти Тургеневъ говорилъ, что онъ желалъ бы быть похороненнымъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, у ногъ Пушкина, котораго онъ всегда называлъ своимъ учителемъ, но не считаетъ себя достойнымъ такой чести, а потому и завѣщалъ похоронить его тѣло въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ своимъ другомъ Бѣлинскимъ. На буквальномъ исполненіи своей воли онъ, впрочемъ, не настаивалъ, въ виду того, что рядомъ съ могилой Бѣлинскаго давно нѣтъ мѣста для другой могилы, а потому и было рѣшено похоронить Тургенева на одномъ кладбищѣ съ Бѣлинскимъ, возлѣ соборной церкви, съ лѣвой (сѣверной) ея стороны, близъ входа въ соборъ (тутъ же, рядомъ съ нимъ, въ 1885 г. былъ погребенъ К. Д. Кавелинъ, ученикъ Бѣлинскаго и старый другъ Тургенева).

Тѣло Тургенева было отправлено изъ Парижа въ Петербургъ, недѣли три спустя послѣ его смерти, 19-го сентября. Печальная церемонія прощанія съ прахомъ великаго писателя, такъ долго жившаго среди французскаго общества, привлекла на вокзалъ Сѣверной желѣзной дороги въ Парижѣ многочисленную публику

и многихъ представителей науки, литературы и искусства: Ренанъ, Эдм. Абу, г. Вырубовъ и художникъ Боголюбовъ произнесли надгробныя рѣчи, въ которыхъ выразилось глубокое уваженіе къ личности и дѣятельности почившаго писателя, раздѣляемое заграничнымъ и русскимъ обществомъ и печатью, — и гробъ Тургенева, покрытый вѣнками и цвѣтами, направился на родину великаго писателя, столь любимую имъ, гдѣ ожидали его послѣднія земныя почести. 23-го сентября, тѣло прибыло на нашу границу, въ Вержболовѣ, а 27-го—на варшавскую станцію въ Петербургѣ, гдѣ и предано было землѣ въ тотъ же день, на счетъ города, по постановленію думы, которая, сверхъ того, вмѣстѣ со многими другими городами, опредѣлила въ память усопшаго открыть два народныхъ училища его имени и назначила стипендію его же имени въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ. Въ погребальной процессіи, медленно двигавшейся отъ варшавскаго вокзала на кладбище—среди несмѣтной толпы, стоявшей вдоль улицъ, участвовало 179 депутацій съ вѣнками—отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, отъ учебныхъ заведеній высшихъ и среднихъ, отъ органовъ столичной и провинціальной русской печати, отъ многихъ русскихъ городовъ, и т. д. Множество вѣнковъ прибыло вмѣстѣ съ гробомъ изъ Парижа и Берлина, изъ Ковно, Вильны, Динабурга, Острова, Пскова, Луги и Гатчины,—попутныхъ городовъ, жители которыхъ выходили встрѣчать прахъ Тургенева и днемъ, и въ ночное время. Глазъ едва охватывалъ весь этотъ рядъ вѣнковъ, двигавшихся, возвышаясь надъ толпою, на протяженіи болѣе чѣмъ двухъ верстъ. На улицахъ, въ окнахъ домовъ (окна, по случаю неожиданно наступившей въ этотъ день ясной и теплой погоды, были почти вездѣ открыты), на балконахъ, по заборамъ и складамъ дровъ, и на крышахъ—всюду было видно множество людей.

По окончаніи заупокойной литургіи и панихиды въ церкви, гробъ, опущенный въ могилу, былъ засыпанъ землею и цвѣтами. Рѣчи на могилѣ были произнесены ректоромъ петербургскаго университета А. Н. Бекетовымъ, профессоромъ московскаго университета С. Н. Муромцевымъ и Д. В. Григоровичемъ; А. Н. Плещеевъ прочелъ свое стихотвореніе.

Такъ простились представители русскаго образованнаго общества съ своимъ любимымъ писателемъ, которому въ продолженіе 40 лѣтъ принадлежала руководящая роль въ литературѣ, который съ такою изумительною чуткостью относился ко всѣмъ явленіямъ русской общественной жизни, и художественно воспроизводилъ жизненные образы, полные глубокой поучительности...

Ноябрь, 1883.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ И. С. ТУРГЕНЕВА, И ЕГО ПОХОРОНЫ.

...Нынѣшнимъ лѣтомъ (1883 г.), въ теченіе іюня и августа, я былъ три раза въ Буживалѣ. Выѣхавъ въ концѣ іюня изъ Петербурга въ Карлсбадъ и опасаясь отлагать и на одинъ день свиданіе съ Тургеневымъ, я направился изъ Берлина сначала въ Парижъ, и уже оттуда, проведя въ первыхъ числахъ іюля два утра въ Буживалѣ у постели больного, вернулся въ Богемію. Окончивъ курсъ лѣченія, я поѣхалъ вторично, въ первыхъ числахъ августа, въ Парижъ, и проѣздомъ на морской берегъ въ Динаръ, опять навѣдалъ больного въ Буживалѣ. Ровно три недѣли спустя, 22-го августа, я спѣшилъ, вслѣдствіе полученной мною телеграммы, изъ Динара въ Парижъ—въ то самое время, когда, какъ оказалось, Иванъ Сергѣевичъ уже отходилъ; рано утромъ 23-го августа, я стоялъ у постели уже усопшаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, такъ недавно, Иванъ Сергѣевичъ, почувствовавъ небольшое облегченіе послѣ тяжелаго кризиса, говорилъ мнѣ, прощаясь: «теперь мѣсяца три могу еще прожить»;—такъ онъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо въ тотъ день,—но на этотъ разъ его силъ въ борьбѣ съ отчаянною болѣзнью достало только ровно на три недѣли: въ понедѣльникъ 22-го августа (3-го сентября), въ 2 часа пополудни, Тургеневъ, находясь уже болѣе 24-хъ часовъ въ совершенно безсознательномъ состояніи, скончался спокойно, безъ агоніи.

Въ первый мой пріѣздъ въ Парижъ, я былъ у Тургенева два дня сряду. 1-го (13-го) іюля, я нашелъ его въ постели; это было довольно рано утромъ, часу въ одиннадцатомъ. Мы не видѣлись съ нимъ съ сентября прошедшаго года: разница, за эти десять мѣсяцевъ, въ его положеніи была громадная, но въ то же время я былъ очень доволенъ найти его и въ такомъ состояніи, въ какомъ засталъ, послѣ всего того, что онъ перенесъ зимою

и весною нынѣшняго года. Въ этотъ день, какъ говорили мнѣ и его домашніе, онъ былъ особенно хорошъ и въ отличномъ настроеніи духа. Болѣе часа я просидѣлъ у его постели, и онъ почти не давалъ мнѣ говорить,—такъ ему хотѣлось описать мнѣ во всѣхъ подробностяхъ все, что онъ испыталъ во время припадковъ болѣзни; разсказывалъ свои галлюцинаціи, и все это онъ отлично помнилъ: многіе изъ его живописныхъ, фантастическихъ разсказовъ могли бы идти въ параллель съ его знаменитой «Старухой» изъ «Стихотвореній въ прозѣ». Я ему замѣтилъ это, и мы невольно перешли на разговоръ о нашемъ послѣднемъ свиданіи въ прошедшемъ году, тѣсно связанномъ съ исторіею его «Стихотвореній». Это было 5-го сентября, почти наканунѣ моего отъѣзда въ Петербургъ, когда окончательно рѣшилась судьба «Стихотвореній». Исторія же ихъ, совершенно случайная, началась нѣсколько раньше,—когда я заѣхалъ къ Т., въ началѣ августа, при первомъ моемъ проѣздѣ чрезъ Парижъ. Какъ теперь помню, входя къ нему въ кабинетъ (ровно за годъ предъ его смертью), я, по обычаю, постучалъ; незадолго предъ тѣмъ онъ жестоко страдалъ, и я думалъ встрѣтить его разслабленнымъ, на костыляхъ, а потому я былъ пріятно удивленъ, услышавъ громко произнесенное имъ: entrez! Онъ сидѣлъ за своимъ кабинетнымъ столомъ, въ обычной его вязаной куртке, и что-то писалъ; увидѣвъ меня, онъ очень быстро всталъ и пошелъ ко мнѣ навстрѣчу.—Э! да вы притворялись больнымъ,—замѣтилъ я ему, шутя:—да развѣ такіе бываютъ больные!—А вотъ вы увидите,—отвѣтилъ онъ мнѣ:—такимъ молодцомъ я могу быть не болѣе пяти минутъ; а затѣмъ раздается боль въ лопаткахъ, и я долженъ буду поспѣшить сѣсть; мнѣ теперь придумали машинку, которая нажимаетъ мнѣ съ одной стороны грудь, а съ другой—лопатку, и я могу даже спускаться внизъ по лѣстницѣ—въ домъ.—Вообще я думалъ тогда, что Т., какъ это бываетъ, находится болѣе подъ сильнымъ впечатлѣніемъ пройденной имъ болѣзни, и подъ страхомъ ея возвращенія; но въ настоящую минуту его здоровье весьма удовлетворительно. Среди разговора, я спросилъ Т., не читалъ ли онъ въ англійскихъ газетахъ пріятное извѣстіе, будто онъ дописываетъ большой романъ. Онъ энергически отрицалъ этотъ слухъ:—А дописываю я, какъ вы знаете, «Послѣ смерти» *), и когда вы по-

*) Тургеневъ, въ это же наше свиданье, самъ отказался отъ этого заглавія, усмотрѣвшаго, противъ его намѣренія, мистическій характеръ пьесы, чего авторъ вовсе не имѣлъ въ виду; онъ обѣщалъ подумать, и при возвращеніи корректуры назвалъ разсказъ просто: «Клара Миличъ».

ѣдете назадъ, рукопись будетъ готова.—Впрочемъ,—прибавилъ онъ, подумавъ: — хотите я докажу вамъ на дѣлѣ, что я не только не пишу романа, но и никогда не буду писать!—Затѣмъ онъ наклонился и досталъ изъ бокового ящика письменнаго стола портфель, откуда вынулъ большую пачку написанныхъ листковъ, различнаго формата и цвѣта. На выраженіе моего удивленія: что это такое можетъ быть?—онъ объяснилъ, что это нѣчто въ родѣ того, что художники называютъ эскизами, этюдами съ натуры, которыми они потомъ пользуются, когда пишутъ большую картину. Точно такъ же и Тургеневъ, при всякомъ выдающемся случаѣ, подъ живымъ впечатлѣніемъ факта или блеснувшей мысли, писалъ на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги и складывалъ все въ портфель.—Это мои матеріалы,—заключилъ онъ:— они пошли бы въ дѣло, если бы я взялся за большую работу; такъ вотъ, чтобы доказать вамъ, что я ничего не пишу и ничего не напишу, я запечатаю все это и отдамъ вамъ на храненіе до моей смерти.—Я признался ему, что я все-таки не хорошо понимаю, что это такое за «матеріалы», и просилъ его, не прочтетъ ли онъ мнѣ хоть что-нибудь изъ этихъ листковъ.— Онъ и прочелъ сначала «Деревню», а потомъ «Машу». Мастерское его чтеніе послѣдней подѣйствовало на меня такъ, что мнѣ не нужно было ничего къ этому присоединять; онъ прочелъ еще двѣ-три пьесы.—Нѣтъ, И. С.,—сказалъ я ему:—я не согласенъ на ваше предложеніе; если публика должна ждать вашей смерти для того, чтобы познакомиться съ этою прелестью, то вѣдь придется пожелать, чтобы вы скорѣй умерли; на это я не согласенъ: а мы просто напечатаемъ все это теперь же.—Тутъ онъ мнѣ объяснилъ, что между этими фрагментами есть такіе, которые никогда или очень долго еще не должны увидать свѣта: они слишкомъ личнаго и интимнаго характера. Пренія наши кончились тѣмъ, что онъ согласился переписать только тѣ, которые онъ считаетъ возможными для печати; и, дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ прислалъ мнѣ листковъ 50, тщательно и собственноручно переписанныхъ имъ, какъ это всегда бывало съ его рукописями. При обратномъ моемъ проѣздѣ, когда я былъ у него 5-го сентября въ послѣдній разъ, Т. выразилъ сомнѣніе относительно только одной пьесы, особенно замѣчательной, и потомъ кончилъ тѣмъ, что въ корректурѣ вынулъ ее и замѣнилъ другою.

Вспоминая теперь объ этомъ послѣднемъ нашемъ свиданіи, Т. печально замѣтилъ, что какъ ни плохо было годъ тому назадъ, все же онъ тогда стоялъ на ногахъ.—Но зато вы не страдаете такъ, какъ страдали зимой и весной,—утѣшалъ я его:—значитъ,

болѣзнь отступаетъ.—Мы условились повидаться на слѣдующій же день, 2-го іюля. Оказалось, что вчерашнее оживленіе Т. было одною счастливою случайностью: я нашелъ его не въ спальнѣ и не въ постели; его перенесли, по его желанію, въ кабинетъ въ креслѣ; онъ полулежалъ у самаго камина; день былъ холодный и сырой; каминъ топился. Я не узналъ И. С.: такъ измѣнилось его лицо за эти 24 часа; почью возобновились страданія, и онъ, измученный физическою болью, сидѣлъ съ опущенной головой на груди. Не было никакой возможности говорить съ нимъ; я оставался нѣкоторое время нѣмымъ свидѣтелемъ тѣхъ самыхъ нѣжныхъ заботъ, какими былъ окруженъ нашъ больной; мученія и боли дѣлали его, естественно, нетерпѣливымъ и въ высшей степени раздражительнымъ, и надобно было имѣть неистощимый запасъ терпѣнія и спокойствія, а вмѣстѣ и привязанности къ страдальцу, чтобы охотно и безъ утомленія слѣдить за каждымъ его движеніемъ, уступать его желаніямъ и вмѣстѣ настаивать на исполненіи предписаній доктора, рѣдко пріятныхъ больному. Его унесли скоро обратно въ спальню и положили въ постель; припадокъ прошелъ, больной нѣсколько успокоился, и меня впустили проститься съ нимъ. Онъ, видимо, больше не страдалъ, но зато пришелъ въ полнѣйшее разслабленіе. Едва слышнымъ голосомъ сказалъ онъ, завидѣвъ меня:—Ну вотъ вы сами видѣли—каково мнѣ!—И тутъ же съ добродушною улыбкой прибавилъ:—однако я помучилъ ихъ порядочно!—Онъ, очевидно, вспомнилъ капризную сцену, которой я былъ только что свидѣтелемъ въ кабинетѣ, когда онъ ни за что не хотѣлъ принять лѣкарство въ молокѣ. Я поспѣшилъ оставить его и взялъ его за руку.—Простимся хорошенько!—сказалъ онъ мнѣ; мы поцѣловались, и, безъ сомнѣнія, онъ въ эту минуту думалъ одно со мною, а именно, что мы прощаемся навсегда.

Ровно черезъ мѣсяцъ, однако, мы увидѣлись снова, и даже при несравненно лучшихъ условіяхъ, сравнительно съ тѣмъ, чего можно было ожидать по тому, что я видѣлъ самъ мѣсяцъ тому назадъ, и что мнѣ писали послѣ о немъ. Я пріѣхалъ въ Парижъ вечеромъ 31 іюля, и нашелъ въ своемъ отелѣ, между прочимъ, записку А. П. Боголюбова, отъ утра того же дня; онъ извѣщалъ меня о новомъ, страшномъ припадкѣ съ Тургеневымъ, и сомнѣвался, чтобы я могъ застать его живымъ на слѣдующій день. Но я засталъ его не только живымъ, но и благополучно вышедшимъ изъ тяжелаго кризиса, постигшаго его наканунѣ—по крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось. Онъ, правда, былъ крайне слабъ, но тѣмъ не менѣе потомъ оживился въ разговорѣ до того, что голосъ у него сдѣлался довольно звучнымъ, и надобно

было умѣрять его порывы; онъ даже дѣлалъ попытку слегка приподниматься на локтяхъ. На этотъ разъ, оказалось, его интересовалъ, главнымъ образомъ, одинъ вопросъ: о продажѣ права литературной собственности, и онъ почти ни о чемъ другомъ не говорилъ; разговоръ былъ потому чисто дѣловой. Покойный былъ мнѣ хорошо извѣстенъ, какъ своимъ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ своимъ же собственнымъ дѣламъ, такъ и крайнею наивностью, по поводу которой ходятъ безчисленные анекдоты; мнѣ самому извѣстенъ курьезный случай, гдѣ онъ, ясно видя обманъ, самъ оказывалъ ему съ своей стороны посильное содѣйствіе, изъ опасенія, что противная сторона можетъ причинить ему какую-нибудь непріятность или введетъ его въ хлопоты. Но на этотъ разъ онъ меня удивилъ серьезностью своихъ сужденій и даже признаками твердой воли; быть-можетъ, предъ нимъ носилось воспоминаніе о печальной судьбѣ проданнаго Пушкина. Среди всѣхъ этихъ разговоровъ, одинъ разъ только онъ прервалъ самъ себя громкими выраженіями острой боли, но тотчасъ же оправился, замѣтивъ мое безпокойство:—Это вздоръ, вовсе не болѣзнь; это отъ пролежня;—вотъ и ничего!—заключилъ онъ, придя опять въ нормальное положеніе.

Къ концу нашей бесѣды, я ему замѣтилъ, что нынѣшній разъ я съ нимъ вовсе не прощаюсь, такъ какъ буду цѣлый мѣсяцъ почти его сосѣдомъ; стоитъ ему къ вечеру послать мнѣ телеграмму—и въ 7 часовъ утра на слѣдующій день я подлѣ него; черезъ мѣсяцъ я во всякомъ случаѣ буду опять въ Буживалѣ.—О, теперь,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—я самъ увѣренъ, что проживу еще мѣсяца три; только все же я вамъ теперь скажу то, что говорилъ многимъ,—и вотъ, на-дняхъ еще, передалъ и князю Орлову (русскому посланнику въ Парижѣ): я желаю, чтобъ меня похоронили на Волковомъ кладбищѣ, подлѣ моего друга Бѣлинскаго; конечно, мнѣ прежде всего хотѣлось бы лечь у ногъ моего «учителя» Пушкина: но я не заслуживаю такой чести.—Я старался отклонить его отъ подобной печальной темы, и отвѣчалъ ему сначала шуткой, что я, какъ гласный думы, долгомъ считаю его предупредить, что это кладбище давно осуждено на закрытіе, и ему придется путешествовать и въ загробной жизни.—Ну, когда-то еще это будетъ,—отвѣчалъ онъ, также шутя:—до того времени успѣю належаться.—Тогда я ему напомнилъ, что могила Бѣлинскаго давно обставлена со всѣхъ сторонъ.—Ну, да я не буквально,—возразилъ онъ мнѣ:—все равно будемъ вмѣстѣ, на одномъ кладбищѣ.

Вскорѣ затѣмъ мы простились, но вовсе не такъ, какъ мѣсяцъ тому назадъ, а какъ будто мы увидимся опять завтра:

пожавъ ему руку, я сказалъ: «помните же, И. С., что у васъ на постели лежитъ одинъ конецъ нитки, а другой ея конецъ привязанъ мнѣ къ ногѣ; стоитъ вамъ вечеромъ дернуть нитку— отъ Динара до Парижа 10—12 часовъ—и утромъ въ 7 часовъ я у васъ. — Выѣдя однако изъ спальни, я проспалъ его домашнихъ, въ случаѣ чего-нибудь неожиданнаго, дать мнѣ знать своевременно, что они и исполнили гораздо скорѣе, нежели я ожидалъ.

Почти ровно за недѣлю до смерти, я писалъ Тургеневу изъ Динара, что имѣю извѣстіе о томъ, что четвертое его стереотипное изданіе «Записокъ Охотника» все распродано, а новое уже отпечатано; что деньги, по обычаю, внесены въ его петербургскую кассу, и онъ можетъ ихъ тотчасъ же получить въ Парижѣ. При этомъ, я, въ видѣ шутки, напомнилъ ему тотъ забавный анекдотъ, которому было обязано своимъ существованіемъ это стереотипное изданіе, и въ которомъ онъ самъ былъ героемъ. Отвѣтъ на это мое послѣднее письмо я получилъ отъ его домашнихъ 20 августа, въ субботу (за два дня до смерти): они меня извѣщали, что мое письмо не мало позабавило больного, но здоровье его опять плохо; о дѣлахъ съ нимъ говорить нѣтъ никакой возможности; все сдѣланное мною онъ вполнѣ одобряетъ; на вопросъ же ихъ, не желаетъ ли меня видѣть— онъ отвѣчалъ, что ему вовсе не такъ худо, и что онъ не хочетъ даромъ тревожить меня преждевременной поѣздкой въ Парижъ. Это было въ субботу. Поздно вечеромъ, часу въ 12-мъ, въ воскресенье, 21 августа, мнѣ была послана депеша съ извѣщеніемъ, что «доктора находятъ положеніе больного весьма серьезнымъ». Такъ какъ въ маленькомъ городкѣ Динарѣ уже въ 9 час. вечера запирается телеграфное бюро до 9 час. утра, то эта депеша пришла только утромъ въ понедѣльникъ и не застала меня дома; я прочелъ ее только въ 12-мъ часу дня, когда утренній поѣздъ въ Парижъ уже ушелъ. Ничего не оставалось какъ ѣхать съ вечернимъ поѣздомъ, въ 5 часовъ, а въ ожиданіи того, я послалъ депешу въ Буживаль съ вопросомъ. Моя депеша пришла въ самый часъ смерти Тургенева, и потому я уѣхалъ изъ Динара, не зная, что найду завтра утромъ. Рано, въ 5 часовъ, я былъ въ Парижѣ; прямо переѣхалъ со станціи Montparnasse на St-Lazare, и съ первымъ утреннимъ поѣздомъ отправился въ Буживаль. При перемѣнѣ вагона на станціи Rueil, насъ оказалось всего два пассажира; другой, вовсе незнакомый мнѣ господинъ обратилъ на себя мое вниманіе глубокимъ трауромъ на шляпѣ. Онъ первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «кажется, вы — русскій; въ такомъ случаѣ я

имѣлъ бы къ вамъ просьбу». Я отвѣчалъ ему вопросомъ съ своей стороны, и онъ объяснилъ мнѣ, что онъ—русскій консулъ.—Вы ѣдете такъ рано, вѣроятно, по обязанностямъ службы.—Да,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—мнѣ нужно имѣть свидѣтелей на актъ, по случаю смерти Т., и я очень кстати встрѣчаю соотечественника.—Я сказалъ ему мою фамилію, и онъ самъ понялъ, что я не откажусь сопровождать его до конца. Консулу была послана депеша тотчасъ же послѣ смерти Т., но его не было въ Парижѣ до вечера, и вотъ почему онъ счелъ своею обязанностью выѣхать въ Буживаль съ самымъ раннимъ поѣздомъ, въ седьмомъ часу утра.

Въ половинѣ восьмого мы были въ Châlet Тургенева, гдѣ встрѣтили все семейство Віардо и князя А. А. Мещерскаго, пріѣхавшаго въ Буживаль изъ Версаля еще наканунѣ, въ воскресенье утромъ, и остававшагося тамъ до самой смерти Т. Тотчасъ послѣ смерти были посланы депеши ко всѣмъ близкимъ людямъ покойнаго: къ П. В. Анненкову, въ Баденъ, но онъ оказался уѣхавшимъ въ Кіевъ; къ А. П. Боголюбову въ Шато д'Э, но онъ переѣхалъ, какъ послѣ узнали, въ Трепоръ; депеша къ г. Харламову была пущена наудачу въ Швейцарію, и хотя нашла его, но съ потерею времени; депеша ко мнѣ также опоздала, но я ея и не ждалъ, а потому изъ дальнихъ и пріѣхалъ одинъ; кромѣ меня, явился нѣсколько позже старый пріятель покойнаго, П. П. Арапетовъ, изъ Парижа. Къ вечеру, часа въ четыре, прибылъ изъ Парижа князь Н. А. Орловъ, съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ, и его воспитателями, а вслѣдъ за нимъ и о. Васильевъ; къ панихидѣ, въ 5 ч. вечера, пріѣхали сосѣди покойнаго, семейство Тургеневыхъ (однофамильцы), дѣти давно уже умершаго Николая Ивановича. Такимъ образомъ, на этой первой и вмѣстѣ послѣдней панихидѣ—такъ какъ на слѣдующій же день, 24 августа, рано утромъ сдѣлано было вскрытіе тѣла и оно было уложено въ свинцовый гробъ—насъ, русскихъ, собралось около 10 человѣкъ.

Весь этотъ день, съ утра до вечера, мы всѣ проводили время почти безвыходно въ комнатѣ усопшаго. Онъ никогда при жизни не былъ такъ красивъ,—можно даже сказать, такъ величественъ; слѣды страданія, бывшіе еще замѣтными вчера, на второй день исчезли совсѣмъ, распустились, и лицо приняло видъ глубокозадумчивый, съ отпечаткомъ необыкновенной энергіи, какой никогда не было замѣтно и тѣни при жизни, на вѣчно-добродушномъ, постоянно готовомъ къ улыбкѣ лицѣ покойнаго. Одинъ мертвенно-блѣдный цвѣтъ кожи и мраморная неподвижность чертъ лица говорили о смерти. Воспоминанія свидѣтелей его

послѣднихъ дней составляли исключительный предметъ нашего разговора.

За недѣлю до смерти, припадки болѣзни начали возобновляться съ прежнею силою. Въ четвергъ обнаружился бредъ; въ этотъ день, къ нему пріѣхалъ И. П. Арапетовъ—навѣстить его; больной встрѣтилъ его громкимъ крикомъ и выраженіемъ неудовольствія; послѣ объяснилось, какъ онъ самъ разсказалъ, что онъ радъ былъ бы видѣться съ А., но съ нимъ вошло еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ онъ вовсе не желалъ бы видѣть и которые его только тревожатъ. Это былъ бредъ, далекое начало агоніи. Въ субботу онъ пожелалъ проститься со всѣми домашними, но при этомъ снова впалъ въ безсознательное состояніе, которое и продолжалось уже почти безпрерывно все воскресенье и понедѣльникъ. Во все это время, умирающій ничего не сознавалъ; только процессъ дыханія, по временамъ дѣлавшійся прерывистымъ и шумнымъ, говорилъ о томъ, что жизнь въ немъ еще не совсѣмъ погасла. Въ понедѣльникъ утромъ онъ сталъ дышать какъ будто ровнѣе, такъ что около часу всѣ домашніе, не отходившіе все это время ни на минуту отъ его постели, удалились завтракать, не подозрѣвая крайней близости фатальной развязки: при немъ остались на это время два лица, бывшіе при немъ безотлучно, независимо отъ постояннаго дежурства и днемъ, и ночью, кого-нибудь изъ членовъ семейства Віардо. Незадолго до двухъ часовъ, Т., оставаясь попрежнему неподвижнымъ и спокойнымъ, началъ дышать съ необычайною силою и хрипомъ; всѣ бросились въ спальню: онъ, видимо, отходилъ. Одинъ изъ членовъ семейства осторожно взялъ его руки въ свои; руки были теплы, и онъ продолжалъ лежать попрежнему спокойно; такъ прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ его руки вытянулись съ послѣднимъ глубокимъ вздохомъ. Это было ровно 2 часа дня.

Такъ кончились великія, длившіяся безконечно страданія всеобщаго любимца, и съ той же минуты началось такое же безконечное горе для тѣхъ, которые пережили эту драгоцѣнную, исполненную добра и славы жизнь. Жить и помнить Тургенева—для насъ всѣхъ сдѣлалось теперь одно и то же...

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева я долженъ помѣстить, хотя бы въ краткомъ извлеченіи, мои же воспоминанія о похоронахъ его, и притомъ именно въ той ихъ части, гдѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одному. Собственно говоря, похоронная процессія началась въ понедѣльникъ 19-го сентября, въ Парижѣ, rue Dari, гдѣ помѣщается наша церковь, а закончилась черезъ недѣлю, во вторникъ 27-го сентября, въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ. Начало и ко-

нецъ этой процессіи, въ Парижѣ и въ Петербургѣ, со всѣмъ великолѣпіемъ ея внѣшней обстановки, рѣчами и пр.—очень хорошо извѣстны во всѣхъ подробностяхъ изъ описаній въ газетахъ парижскихъ и петербургскихъ. Затѣмъ, извѣстно только то, что вечеромъ въ 9 ч., въ понедѣльникъ, 19-го сентября (1-го октября), тѣло И. С. Тургенева было отправлено изъ Парижа съ пассажирскимъ поѣздомъ; приготовленная встрѣча и проводы въ Берлинѣ, которые могли бы послужить, въ среду или въ четвергъ, непосредственнымъ продолженіемъ печальной и вмѣстѣ торжественной парижской церемоніи въ понедѣльникъ—почему-то не состоялись; тѣло прибыло прямо въ Вержболово, въ пятницу (23-го сентября) рано утромъ; оттуда выѣхало въ понедѣльникъ (26-го сентября) также рано утромъ—и, на слѣдующій день, во вторникъ, 27-го сентября, въ 10 ч. 20 м. утра, подошло къ платформѣ варшавской станціи въ Петербургѣ. Подробности этого послѣдняго переѣзда отъ Вержболова до Петербурга въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній, переданы въ иностранныхъ газетахъ, и притомъ не всегда вѣрно, а въ нашихъ—явились по этому поводу случайныя и весьма краткія корреспонденціи, доставленныя случайными пассажирами поѣзда, отмѣтившими только то, что имъ удалось видѣть на пути—изъ окошка вагона. О проѣздѣ тѣла изъ Парижа чрезъ Германію до нашей границы въ Вержболовѣ—я слышалъ отъ провожавшихъ гробъ Тургенева; свидѣтелемъ же прибытія тѣла, его трехдневнаго пребыванія въ Вержболовѣ и 24-хъ часового съ небольшимъ переѣзда отъ границы до Петербурга—мнѣ довелось быть одному. Корреспондентовъ отъ нашихъ газетъ въ Вержболовѣ не было, а потому многое, что послѣ писалось—было писано наугадъ; такъ, въ одной петербургской газетѣ, разсказывалось, что будто тѣло Тургенева въ Вержболовѣ—«было встрѣчено священникомъ александро-невской церкви (въ Кибартахъ, посадѣ Вержболова), делегаціей с.-петербургской думы, владиславовскимъ русскимъ обществомъ и многими другими лицами»; въ дѣйствительности, разумѣется, не было ничего подобнаго, и, очевидно, писавшій все это не былъ на мѣстѣ и рискнулъ угадать то, что могло быть,—и рискнулъ неудачно. Въ виду такихъ неточностей, къ которымъ присоединилось еще много другихъ,—необходимо возстановить фактическую сторону всего переѣзда тѣла Тургенева изъ Парижа до Петербурга, хотя бы и въ самомъ сжатомъ очеркѣ. Наше общество такъ дорожитъ памятью незабвеннаго Ивана Сергѣевича, что не сочтетъ излишнимъ восполненіе пробѣла въ хроникѣ послѣдняго земного странствованія его тѣла по Германіи и по родной землѣ.

23-го августа (4-го сентября н. с.), я въ послѣдній разъ по-

клонился праху Тургенева въ Буживалѣ, а 23-го сентября, въ 6 час. утра, мнѣ пришлось встрѣтить его тѣло въ Вержболовѣ: оно прибыло одно, безъ провожатыхъ и безъ документовъ. Вотъ какъ это случилось.

На слѣдующій день послѣ отправленія гроба изъ Парижа, во вторникъ, 20-го сентября, я получилъ въ Петербургѣ депешу, въ отвѣтъ на мой вопросъ, а именно, мнѣ отвѣчали, что тѣло прибудетъ на русскую границу 23-го, въ пятницу, рано утромъ; значитъ, оно могло бы прибыть въ Петербургъ не ранѣе утра субботы, 24-го сентября, когда могли бы совершиться и похороны. Но наша похоронная комиссія, избравшая меня для встрѣчи тѣла въ Вержболовѣ и смѣны иностранныхъ провожатыхъ въ пути по Россіи,—весьма справедливо опасаясь назначить субботу днемъ погребенія, въ виду возможныхъ задержекъ въ пути; заблаговременное назначеніе такого ближайшаго дня могло бы ввести публику въ невольный обманъ. Отложить день погребенія на воскресенье признано было неудобнымъ; по той же причинѣ оказалось невозможнымъ назначить такимъ днемъ и понедѣльникъ, 26-е сентября, какъ день праздничный. Принимая все это въ соображеніе, комиссія назначила встрѣчу тѣла и погребеніе во вторникъ, 27-го сентября; но такъ какъ прибытіе тѣла въ Вержболовѣ, судя по вышеупомянутой депешѣ, ожидалось въ пятницу 23-го сентября, то, чтобы не задерживать тѣла въ Вержболовѣ въ теченіе трехъ сутокъ, предположено было ѣхать изъ Вержболова только днемъ, а на ночь останавливаться въ пути, такъ чтобы пріѣздъ тѣла въ Петербургъ послѣдовалъ во вторникъ утромъ. Чтобы встрѣтить тѣло на границѣ въ пятницу рано утромъ, мнѣ слѣдовало пріѣхать туда не позже четверга вечеромъ, а, слѣдовательно, выѣхать изъ Петербурга не позже вечера среды, съ пассажирскимъ поѣздомъ. Вслѣдствіе того, комиссія не могла успѣть дать мнѣ никакихъ инструкцій относительно вышеупомянутаго плана возвращенія съ тѣломъ; мнѣ было объявлено только, что инструкція будетъ передана по телеграфу, и при пріѣздѣ въ Вержболово я найду тамъ все, что мнѣ нужно знать. По пути къ границѣ меня осаждали на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ станціяхъ вопросами, когда проѣдетъ тѣло Тургенева, и разсказывали о приготовленіяхъ, какія дѣлались ко времени его проѣзда; не зная самъ ничего, я на всѣ просьбы отвѣчалъ обѣщаніями—увѣдомить тогда, когда буду самъ знать что-нибудь.

Въ Вержболово я пріѣхалъ въ четвергъ, въ восьмомъ часу вечера. Оказалось, что траурный вагонъ, уступленный обязательно Главнымъ Обществомъ, уже прибылъ изъ Вильны на границу,

согласно данному мнѣ обѣщанію; но тутъ же мнѣ сообщили, что о времени моего обратнаго пути съ тѣломъ я буду извѣщенъ въ свое время; кстати, мнѣ подали тутъ же депешу изъ Берлина отъ провожатыхъ, что *ихъ* задержала тамъ таможня, и *они*, вмѣсто утра, явятся на границу въ пятницу же, но вечеромъ. Я мысленно одобрялъ осторожность нашей комиссіи — не назначившей субботы днемъ погребенія: очевидно, съ тѣломъ опоздали, и если бы мы выѣхали изъ Вержболова даже въ пятницу вечеромъ (я имѣлъ, на всякій случай, разрѣшеніе везти тѣло и съ почтовымъ поѣздомъ, если бы въ томъ оказалась надобность),— то и тогда мы пріѣхали бы въ Петербургъ уже вечеромъ въ субботу. Я поспѣшилъ сообщить это извѣстіе въ Петербургъ, а также далъ знать о томъ и на станціи, гдѣ прежде предполагалось встрѣтить тѣло, сопровождаемое иностранцами, съ подобающею религіозною церемоніею и тѣмъ скромнымъ почетомъ, какой возможенъ маленькому вержболовскому посаду Кибартамъ. Такъ какъ прахъ покойнаго вступалъ тутъ впервые на родную землю,— то мѣстное русское общество, состоящее большею частью изъ однихъ служащихъ, желало показать иностраннымъ провожатымъ, что оно, не споря съ Парижемъ въ средствахъ къ великолѣпію, сдѣлаетъ, однако, все для него возможное, чтобы достойно почтить усопшаго. Это предположеніе не могло осуществиться, по различнымъ причинамъ, да и то, что случилось за тѣмъ совершенно неожиданно, сдѣлало бы напрасными всѣ приготовленія къ встрѣчѣ.

На слѣдующій день рано утромъ, въ 6 часовъ, къ самому окошку моего номера на станціи, гдѣ я провелъ ночь, подошелъ тотъ самый прусскій пассажирскій поѣздъ, съ которымъ должно было прибыть тѣло Тургенева, а черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вбѣжалъ служитель съ извѣстіемъ, что тѣло Тургенева прибыло, одно, безъ провожатыхъ и безъ документовъ, по багажной накладной, гдѣ написано: «1—покойникъ»—ни имени, ни фамиліи! Мы только догадывались, что это—Тургеневъ, но собственно не могли знать того навѣрное. Тѣло прибыло въ простомъ багажномъ вагонѣ, и гробъ лежалъ на полу, задѣланный въ обыкновенномъ дорожномъ ящикѣ для клади; около него, по стѣнкамъ вагона стояло еще нѣсколько ящиковъ, очевидно, съ вѣнками, оставшимися отъ парижской церемоніи. Предоставляя времени выяснить послѣ, какъ все это могло случиться, мы занялись тотчасъ вопросомъ, что дѣлать въ эту минуту, такъ какъ нельзя было долго задерживать прусскаго поѣзда съ прусской прислугой, торопившейся уѣхать обратно въ Эйдткуненъ. Вслѣдствіе различныхъ причинъ, а также и потому, что и утромъ

въ пятницу попрежнему оставалось неизвѣстнымъ, поѣдетъ ли тѣло далѣе сегодня же вечеромъ, когда нагонятъ его иностранные провожатые, или оно простоитъ здѣсь нѣсколько дней,—явились различныя мнѣнія, какъ поступить съ тѣломъ; мое мнѣніе было—поставить тѣло въ церковь, которая находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи. Подоспѣвшій во время нашей бесѣды, настоятель церкви согласился съ моимъ мнѣніемъ, особенно въ виду того, что, можетъ-быть, тѣлу придется простоять въ багажномъ сараѣ до понедѣльника утра, т.-е. въ теченіе трехъ сутокъ,—и поѣздъ, направившійся было заднимъ ходомъ къ пакгаузамъ, былъ возвращенъ къ дверямъ таможеннаго пассажирскаго зала. Пока мы выносили изъ вагона ящикъ съ гробомъ, разбирали этотъ ящикъ и освободили оттуда ясеневый гробъ, въ который вложенъ былъ свинцовый и шелковый (изъ непроницаемой ткани),—пока выпимались вѣнки для выполненія таможенной обрядности,—настоятель приготовилъ въ церкви катафалкъ и паникадила. Мы, конечно, мало сомнѣвались въ томъ, что въ ящикѣ сокрыто тѣло, именно, Тургенева; уже прибитая на гробѣ металлическая доска надъ большимъ металлическимъ крестомъ, съ надписью, удостовѣрили насъ до конца относительно личности покойнаго; надписи на лентахъ у вѣнковъ подтверждали то же самое. Едва мы успѣли кончить нашу печальную работу, какъ на колокольнѣ церкви раздался протяжный похоронный звонъ—vivos voco! mortuos plango!—Это былъ первый призывъ и привѣтъ покойнику на родинѣ—и неимовѣрно тяжело потрясли заунывные звуки колокола слухъ каждаго изъ насъ, кто понималъ, что мы въ эту минуту дѣлали. Погребальная процессія сложилась невольно, сама собою: таможенные артельщики (я послѣ узналъ, что это была такъ-называемая московская артель) понесли впереди, одинъ за другимъ, большіе и богатые парижскіе вѣнки; за ними, тихо качаясь на полотенцахъ, подвигался медленно тяжелый гробъ (около 40 пудовъ тяжести), а за гробомъ пошли попарно всѣ, кому случилось быть при вскрытіи ящика. Гробъ помѣстился на высокомъ катафалкѣ; около него, къ катафалку были прислонены большіе вѣнки; къ нимъ присоединили вѣнокъ отъ Кибартскаго училища, изготовленный къ предполагаемой встрѣчѣ, и отъ русскаго общества въ г. Владиславовѣ. Вскорѣ пришли дѣти изъ мужскаго и женскаго училища и усыпали ступеньки катафалка полевыми цвѣтами и букетиками. Мало-по-малу церковь наполнилась собравшимися изъ посада и пріѣзжими изъ Эйдткунена, гдѣ, какъ извѣстно, поселилось много русскихъ торговцевъ—и въ 8 часовъ утра началась панихида съ хоромъ пѣвчихъ.

Вечеромъ того же дня, съ почтовымъ поѣздомъ прибыли, наконецъ, и провожатые, дочь г-жи Віардо, m-me Chamerot, съ мужемъ; другой ея зять, m-r Duvernoy, заболѣлъ и не могъ сопровождать тѣла. Недоумѣніе объяснилось очень просто: они въ депешѣ ко мнѣ не упомянули, что были задержаны только они одни, а не тѣло. Пока они очищали въ берлинской таможнѣ свою кладь, и пока тамъ накладывали пломбу на ящики, принадлежавшіе гробу (дорогіе вѣнки и формы для отлитія маски лица и руки), поѣздъ ушелъ вмѣстѣ съ тѣломъ съ Лертской станціи (первая городская станція въ Берлинѣ со стороны Парижа); напрасно они бросились въ экипажѣ на Силезскую станцію (послѣдняя, откуда поѣздъ выходитъ на Кенигсбергъ): поѣздъ ушелъ и оттуда, увозя съ собою и тѣло по направленію къ нашей границѣ. Вотъ, вслѣдствіе чего они и прибыло въ Вержболово одно, безъ провожатыхъ и безъ документовъ, которые остались при нихъ. Послѣ всего этого, неудивительно то, что если въ Берлинѣ желавшіе почтить память Тургенева торжественною встрѣчею не нашли уже гроба на станціи; собравшись сначала по ошибочной депешѣ, на Потсдамской станціи, они не могли никакъ захватить его на такъ-называемой Ring-Bahn, опоясывающей городъ; это не удалось даже самимъ провожатымъ, которые должны были, такимъ образомъ, ждать вечерняго курьерскаго поѣзда, чтобы нагнать тѣло въ Вержболовѣ.

Не желая иностранныхъ гостей заставлять ждать нашего отъѣзда, тѣмъ болѣе, что въ то время я и самъ еще не зналъ срока выѣзда,—я склонилъ ихъ продолжать немедленно свою поѣздку—и черезъ часъ послѣ того, они уже выѣхали изъ Вержболова съ вечернимъ почтовымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Собственно говоря, ихъ могли бы и въ Вержболовѣ задержать по той же причинѣ, по какой задержала ихъ берлинская таможня: досмотръ ящиковъ съ вѣнками и формами маски лица и руки покойнаго потребовалъ бы слишкомъ много времени: но я принялъ всѣ эти ящики на себя, такъ какъ я и безъ того оставался на мѣстѣ; по отходѣ же поѣзда въ Петербургъ, таможня будетъ имѣть все время для исполненія своихъ обязанностей. Почтовый поѣздъ, какъ извѣстно, стоитъ въ Вержболовѣ болѣе часа, а потому иностранные провожатые выразили желаніе—поклониться гробу. Всѣ,—даже и тѣ, которые утромъ не раздѣляли моего мнѣнія,—были очень теперь довольны, что намъ пришлось отвести иностранныхъ провожатыхъ не въ товарный складъ, а въ церковь. Было около 6 часовъ вечера; смеркалось; подъ проливнымъ дождемъ мы перешли небольшую аллею, отдѣлявшую станцію отъ церкви. Такъ какъ, въ видахъ санитар-

ныхъ, церковныя двери оставались съ утра открытыми настежь, то церковь никогда не оставалась безъ посѣтителей: многіе пріѣзжали изъ окрестностей Вержболова и Эйдткунена, услышавъ, что тѣло Тургенева останется на границѣ нѣсколько дней Мы также нашли въ церкви посторонняхъ; въ углу помѣщался, повидимому, художникъ, и снималъ внутренній видъ храма съ гробомъ на катафалкѣ, покрытомъ золотою парчей, окруженномъ теплящимися свѣчами и со всѣхъ сторонъ обставленномъ вѣнками. Иностранные гости, очевидно, не ожидали встрѣтить въ нашей сельской церкви такую обстановку и были видимо тронуты представившимся имъ зрѣлищемъ Тургенева, мирно почивающаго вѣчнымъ сномъ въ скромномъ деревенскомъ храмѣ, среди любимыхъ имъ безбрежныхъ полей, окружающихъ Вержболово со всѣхъ сторонъ...

Въ 6 часовъ вечера почтовый поѣздъ увезъ иностранныхъ гостей въ Петербургъ. Я ожидалъ къ ночи получить отвѣтъ отъ комиссіи на мой вопросъ: когда можно будетъ выѣхать въ обратный путь?—но такъ и не получилъ никакого отвѣта. Отвѣтъ пришелъ въ субботу, одновременно съ газетами, гдѣ находилось объявленіе о назначеніи вторника днемъ похоронъ, и повторялъ то же самое; это значило только то, что я не могу выѣхать позже понедѣльника утра; но я могъ получить разрѣшеніе выѣхать въ воскресенье и ночевать въ дорогѣ. Вотъ почему я не зналъ что отвѣчать на многочисленныя телеграммы, съ оплаченнымъ отвѣтомъ, а, слѣдовательно, обязательныя для меня,— со всѣхъ главныхъ станцій по линіи отъ Вержболова до Петербурга. Впрочемъ, понедѣльникъ былъ также не далекъ, а потому все-равно слѣдовало готовиться къ пути, чтобъ не было никакихъ задержекъ въ послѣднюю минуту. Въ субботу мы занялись въ таможнѣ очисткою вѣнковъ пошлиною, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были сдѣланы въ Парижѣ, и сдѣланы превосходно, изъ искусственныхъ цвѣтовъ, а такіе цвѣты, какъ извѣстно, обложены у насъ довольно высокою пошлиною. Послѣ всенощной, въ субботу же, была отслужена вторая панихида, и рѣшено— на слѣдующій день, въ воскресенье, до обѣдни, отслужить послѣднюю панихиду и вынести гробъ въ траурный вагонъ, чтобы имѣть время въ теченіе дня прочно установить гробъ на катафалкѣ и убрать его вѣнками. Другіе думали, что лучше было бы просто перенести гробъ въ 7 часовъ утра, но первое мнѣніе было одобрено и самимъ настоятелемъ церкви, а потому, въ воскресенье, въ $8^1/_2$ часовъ утра, отслужена была панихида, какъ то предполагалось. и о. Николай Петровичъ Кладницкій произнесъ при этомъ краткое, тронувшее всѣхъ присутствовав-

шихъ слово. Оно было первымъ русскимъ голосомъ, привѣтствовавшимъ дорогой прахъ на дальнемъ западномъ рубежѣ родной ему земли, и потому заслуживаетъ быть занесеннымъ въ хронику, по тому тексту, какъ оно было послѣ воспроизведено въ газетахъ:

«О славныхъ мужахъ древности,—такъ началъ почтенный настоятель,—сказалъ Премудрый: «Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребены быша, а имена ихъ живутъ въ родѣ: премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣсть Церковь».—Предъ нами бренные останки великаго нашего соотечественника, прославившаго и себя, и свою родину, своими дивными твореніями; они стяжали ему вѣнецъ неувядаемой славы и поставили его, а вмѣстѣ съ нимъ и наше родное слово, на ряду съ величайшими современными писаніями и писателями, не только у насъ въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Кто изъ васъ, читая его дивныя творенія, не восхищался свѣжестью, легкостью, изяществомъ и, такъ сказать, благоуханіемъ его слова, а вмѣстѣ и его свѣтлою, незлобивою душою, его добрымъ, кроткимъ сердцемъ и, вообще, его высокою, симпатичною личностью, которая вся отражалась въ его твореніяхъ? Кому изъ васъ неизвѣстно также, съ какимъ лестнымъ для нашей національности сочувствіемъ отнеслись къ покойному всѣ лучшіе и просвѣщеннѣйшіе люди Запада, поставившіе Тургенева на ряду съ величайшими современными поэтами! Итакъ, слава Тургенева есть слава нашей родины, и потому она не можетъ быть чужда никому изъ насъ. Такіе люди не умираютъ въ памяти потомства: «имена ихъ живутъ въ родѣ, премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣсть церковь».

«Слава и честь всякому дѣлающему благое»—учитъ насъ св. вѣра;—слава и честь нашему незабвенному соотечественнику, за всю ту славу, за все то добро, какое онъ совершилъ для родной земли. А для васъ да будетъ величайшимъ утѣшеніемъ то, что вы на рубежѣ отечества сподобились встрѣтить и въ своемъ скромномъ, сельскомъ храмѣ молиться надъ прахомъ дорогого вамъ лица. Да воздастъ ему Господь Вседержитель вѣнецъ правды за всѣ добрыя его дѣла, и да не помянетъ ему грѣховъ и слабостей, столь свойственныхъ каждому человѣческому естеству.

«Вѣчная память да будетъ тебѣ отъ всѣхъ насъ, твоихъ, скорбящихъ о тебѣ, соотчичей, доблестнѣйшій мужъ земли русской!»

Послѣ панихиды и поклоненія тѣлу, явилась та же самая таможенная артель, одѣтая, по случаю воскресенья, по праздничному, въ суконныхъ полукафтанахъ, перехваченныхъ широкимъ темнозеленымъ поясомъ. Холодная и дождливая ночь къ утру смѣнилась теплой и ясной погодой, такъ что ничто не помѣшало торжественной и вмѣстѣ скромной процессіи перенесенія гроба изъ церкви въ траурный вагонъ, поставленный заблаговременно тутъ же поблизости. Почти все дообѣденное время ушло на установку гроба на высокомъ катафалкѣ внутри траурнаго вагона и убранство вѣнками какъ самого катафалка, такъ и стѣнъ его, обтянутыхъ чернымъ сукномъ. Между тѣмъ я получилъ и

формальное извѣстіе о томъ, что могу завтра утромъ, въ понедѣльникъ, отправиться въ путь съ пассажирскимъ поѣздомъ съ тѣмъ, чтобы, слѣдуя непрерывно, прибыть въ Петербургъ, по расписанію, во вторникъ утромъ. До поздняго вечера вагонъ съ тѣломъ оставался на рельсахъ въ виду церкви; нанятый мною сторожъ долженъ былъ безотлучно находиться при вагонѣ.

Рано утромъ, въ седьмомъ часу, въ понедѣльникъ, прибылъ на станцію тотъ пассажирскій поѣздъ изъ Берлина, который долженъ былъ взять съ собою траурный вагонъ, и въ 8 часовъ выйти, направляясь прямо въ Петербургъ. Толпа изъ пассажировъ поѣзда и служащихъ обступала траурный вагонъ, когда появился и настоятель церкви, отправлявшійся вмѣстѣ съ нами по своимъ дѣламъ въ Вильну. Отслужить передъ отъѣздомъ литію оказалось неудобнымъ, и священникъ одинъ поднялся въ траурный вагонъ, тихо помолился надъ гробомъ, и, отдавъ усопшему земной поклонъ, приложился къ прикрѣпленному на гробѣ образу Христа, которому Тургеневъ посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ».

Весь понедѣльникъ и всю ночь до утра вторника, когда мы подъѣзжали уже къ г. Лугѣ, свирѣпствовалъ холодный вѣтеръ съ безпрерывнымъ дождемъ: и несмотря ни на что, несмотря на позднее ночное время, а также и на то, что по дорогѣ узнали о предстоящемъ проѣздѣ тѣла почти въ то время, когда оно уже вышло изъ Вержболова, — на всѣхъ, сколько-нибудь крупныхъ станціяхъ, мы встрѣчали болѣе или менѣе значительную массу людей, терпѣливо ожидавшихъ часами прибытія поѣзда. Въ Ковно и въ Вильнѣ, общество русскихъ приготовило все необходимое для литіи, во время десяти минутъ остановки поѣзда; но я успѣлъ только принять вѣнки на гробъ. Такъ какъ въ Вильнѣ необходимо было при этомъ открыть самый вагонъ, чтобы освидѣтельствовать веревки, которыми былъ укрѣпленъ гробъ на катафалкѣ,—то громадная толпа обступила вагонъ, съ выраженіемъ величайшаго благоговѣнія и въ глубокой тишинѣ, сохраняя при этомъ строгій порядокъ; всѣ какъ бы замерли, въ виду зрѣлища, котораго, конечно, ожидали, и тѣмъ не менѣе были видимо тронуты и взволнованы, когда увидѣли въ двухъ-трехъ шагахъ отъ себя ясеневый гробъ, высившійся на черномъ катафалкѣ и заключавшій въ себѣ бренные останки того, чье имя наполняло собою въ это послѣднее время весь образованный міръ. Прислуга между тѣмъ успѣла укрѣпить вытянувшіяся отъ чрезвычайной тяжести гроба и толчковъ паровоза веревки; вагонъ былъ закрытъ, и въ два часа пополудни поѣздъ отошелъ изъ Вильны.

Въ седьмомъ часу вечера мы подъѣзжали къ Динабургу. Было уже совсѣмъ темно; на платформѣ станціи насъ ожидала и встрѣтила густая толпа народу, далеко превышавшая ту, какую мы нашли въ Вильнѣ; ко мнѣ обратился городской голова съ просьбою дать возможность городскому обществу, прибывшему на станцію издалека, поклониться гробу; литіи не успѣли отслужить и здѣсь. Принимая вѣнки, между которыми выдавался вѣнокъ «отъ города Динабурга», «отъ Динабургской женской гимназіи» и отъ почитателей Тургенева,—я замѣтилъ, что, вслѣдствіе темноты, задніе ряды, стараясь приблизиться къ гробу, слабо освѣщенному фонаремъ кондуктора, до такой степени прижали къ борту вагона стоявшихъ впереди, что имъ ничего не оставалось бы для своей безопасности, какъ подняться въ вагонъ,—а это могло бы повлечь за собою полный безпорядокъ. Въ первый разъ моя просьба отступить не подѣйствовала, такъ какъ стоявшіе близъ вагона, при всей ихъ доброй волѣ, не могли подвинуться назадъ. Тогда я обратился къ публикѣ съ предложеніемъ: такъ какъ я не могу помѣстить въ вагонѣ всю толпу, это — очевидно, то прошу подать мнѣ кого-нибудь изъ дѣтей,—пусть ребенокъ простится за всѣхъ съ покойнымъ. Мое предложеніе было принято, и публика спокойно отошла отъ вагона.

Отъ Динабурга началось почное время поѣздки, сопровождаемой холоднымъ дождемъ и вѣтромъ. Несмотря однако на то, и въ г. Островѣ, въ первомъ часу ночи, и въ Псковѣ, въ 2 часа пополуночи, публика сидѣла на станціи и терпѣливо ждала прибытія поѣзда. Какъ видно изъ псковской корреспонденціи въ одну изъ московскихъ газетъ, «нѣсколько недѣль приготовлялись псковичи достойно почтить память незабвеннаго И. С. Тургенева, при провозѣ его чрезъ Псковъ изъ-за границы въ Петербургъ; городской думой было постановлено отслужить въ вокзалѣ надъ гробомъ панихиду въ присутствіи всѣхъ гласныхъ и возложить на гробъ отъ города вѣнокъ... Однакожъ, несмотря на самое горячее желаніе псковичей почтить усопшаго великаго писателя, все вышло далеко не такъ торжественно, какъ предполагалось»... Но зато нигдѣ на пути встрѣча тѣлу Тургенева, можно сказать, не была сдѣлана столь усердно, — если подумать о времени встрѣчи, отчаянной погодѣ, отдаленіи города отъ станціи версты на двѣ, и наконецъ, если принять въ соображеніе и то, что на вопросъ городского головы въ Вержболово о днѣ проѣзда я могъ отвѣчать ему только наканунѣ. Замѣститель городского головы съ гласными подносъ къ вагону большой вѣнокъ съ надписью: «отъ города Пскова»; затѣмъ явились вѣнки отъ псковскихъ періоди-

чешихъ изданій («Земскій Вѣстникъ», «Городской Листокъ» и журналъ «Истина»), отъ классической гимназіи и реальнаго училища. «Ни псковскій кадетскій корпусъ,—замѣчаетъ тотъ же корреспондентъ,—ни духовная и учительская семинаріи, ни землемѣрное училище ничѣмъ не почтили память незабвеннаго писателя; женская гимназія приготовила вѣнокъ, но почему-то не доставила его на вокзалъ. Изъ частныхъ лицъ на гробъ Тургенева возложилъ вѣнокъ А. П. Яхонтовъ, предсѣдатель псковской уѣздной земской управы, довольно извѣстный поэтъ, стихотворенія котораго часто встрѣчались на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ». Интересно еще и то, что какъ отъ реальнаго училища, такъ и отъ классической гимназіи возлагали вѣнки на гробъ Ивана Сергѣевича инспектора этихъ заведеній; директора же всѣхъ псковскихъ гимназій, училищъ и семинаріи даже не были въ числѣ публики. Не знаемъ,—говоритъ корреспондентъ,—занимаемые ими посты или несочувствіе къ таланту и направленію покойнаго писателя помѣшали имъ присутствовать на его проводахъ чрезъ Псковъ. Это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что представители мѣстной администраціи, городского и земскаго самоуправленія всѣ сочли долгомъ присутствовать въ вокзалѣ и поклониться праху Тургенева. Отъ завѣдомаго отсутствія директоровъ приключилось нѣчто грустное: на проводахъ Тургенева городовыхъ было больше, чѣмъ представителей отъ учебныхъ заведеній».—Во всякомъ случаѣ, справедливость требуетъ признать, что ни одинъ городъ на пути не былъ поставленъ въ такое невыгодное для встрѣчи положеніе, какъ Псковъ,—именно, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ: поздній часъ ночи, холодъ, дождь, отдаленіе отъ станціи и т. д.—и тѣмъ не менѣе, въ вокзалѣ оказалось весьма большое число усердныхъ почитателей памяти Тургенева; по всему было видно, что мы находимся уже въ самыхъ нѣдрахъ Россіи, гдѣ языкъ Тургенева считаетъ за собою цѣлую тысячу лѣтъ!

Въ два часа ночи мы тронулись въ путь, а въ шестомъ утра подъѣзжали къ г. Лугѣ. О дождѣ не было больше и помину; на востокѣ узкою, но чрезвычайно яркою полосою горѣла заря, предвѣщая конецъ бѣдственной погоды. Ровно въ 6 ч. утра мы подошли къ станціи, наполненной уже народомъ; впереди стояло въ траурномъ облаченіи духовенство, и послѣ краткаго разговора одного изъ священниковъ съ кѣмъ-то изъ начальствующихъ,—содержаніе самаго разговора я разслышать не могъ, такъ какъ былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ внутренности траурнаго вагона,—была совершена первая литія въ пути. Когда послѣ литіи я возвращался на свое мѣсто, ко мнѣ обратился кто-то

изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ; онъ только-что получилъ изъ Гатчины вопросъ: можетъ ли быть отслужена литія во время остановки поѣзда? Я отвѣчалъ, что это отъ меня вовсе не зависитъ, но онъ можетъ телеграфировать то, что онъ сейчасъ видѣлъ самъ; признанное возможнымъ въ Лугѣ, вѣроятно, будетъ возможно и въ Гатчинѣ. Не доѣзжая до Гатчины, на Сиверской станціи, я долженъ былъ еще разъ открыть траурный вагонъ, уступая просьбамъ собравшейся тутъ публики; въ числѣ прочихъ оказался и художникъ И. Н. Крамской, ѣхавшій въ городъ; я пригласилъ его съ собою въ траурный вагонъ, гдѣ мы и остались на полчаса между двухъ небольшихъ станцій, съ цѣлью внутри вагона устроить на ходу поѣзда все такъ, чтобы въ Петербургѣ можно было, не теряя времени, вынуть гробъ и вѣнки изъ вагона.

Къ Гатчинѣ мы подъѣхали около 9 ч. утра: вся платформа была густо заставлена народомъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ остановиться траурный вагонъ, были поставлены въ порядкѣ воспитанники гатчинскаго института и воспитанницы одного изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Впереди всѣхъ стояло, какъ и въ Лугѣ, духовенство въ облаченіи и съ хоромъ пѣвчихъ. Духовенство выразило желаніе подняться внутрь вагона—и затѣмъ немедленно началась литія. Къ сожалѣнію, времени, вѣроятно, было такъ мало, что опять скоро раздался одинъ за другимъ второй и третій звонокъ, и священники, продолжая службу, должны были начать одинъ за другимъ спускаться на платформу. Я едва успѣлъ задвинуть дверь траурнаго вагона, и могъ благополучно попасть въ свой вагонъ уже на ходу поѣзда, благодаря ловкости кондуктора, ожидавшаго меня на ступенькѣ съ открытою дверью вагона. На послѣдней, Александровской станціи, у Царскаго Села, мы оставались цѣлыхъ восемь минутъ. Тамъ я успѣлъ прикрѣпить къ внѣшней сторонѣ вагона вѣнокъ, по которому на петербургской станціи распорядители могли бы издалека отличить траурный вагонъ отъ багажныхъ вагоновъ, между которыми онъ помѣщался, и такимъ образомъ направиться прямо туда, куда слѣдовало.

Во вторникъ, 27 сентября, утромъ въ 10 ч. 20 м.—нормальное время прибытія заграничнаго пассажирскаго поѣзда—траурный вагонъ вошелъ на станцію. Вся лѣвая платформа, у которой остановился поѣздъ, была очищена отъ публики, а на правой помѣщалось духовенство и небольшая группа лицъ, допущенныхъ распорядителями похоронной комиссіи, такъ что, при громадномъ пространствѣ платформы, и правая сторона казалась почти пустою. Не прошло и минуты, какъ траурный

вагонъ былъ отстегнутъ отъ прочихъ вагоновъ, и послѣ небольшого маневра перешелъ на другіе рельсы; машина дала задній ходъ, и мы подошли вплотную къ противоположной платформѣ. Началась торжественная литія—третья въ это утро—затѣмъ были вынуты изъ вагона всѣ вѣнки, перенесенъ гробъ и уставленъ на катафалкѣ; около 11 часовъ утра тронулась въ стройномъ порядкѣ печальная процессія, ярко освѣщенная неожиданно появившимся въ этотъ день солнцемъ—въ послѣдній путь, далекимъ началомъ котораго была, за недѣлю предъ тѣмъ, процессія въ Парижѣ. Звеномъ, соединяющимъ обѣ эти процессіи, парижскую и петербургскую, должна была служить торжественная встрѣча тѣла И. С. Тургенева въ Берлинѣ, отъ лица нѣмецкой литературы, и проводы въ русскихъ городахъ, лежавшихъ по пути отъ границы до Петербурга: по разсказамъ иностранныхъ провожатыхъ, подтвержденнымъ на дѣлѣ, я объяснилъ, почему не могла состояться встрѣча тѣла въ Берлинѣ, несмотря на то, что все было приготовлено для нея; будучи же самъ очевидцемъ встрѣчи тѣла на русской границѣ и проводовъ его до Петербурга, я счелъ долгомъ извлечь изъ моихъ воспоминаній все то, что можетъ дать хотя бы слабое понятіе о признательномъ вниманіи и благоговѣйномъ отношеніи русской провинціи къ памяти и литературнымъ заслугамъ почившаго. Тутъ нельзя даже было замѣтить различія между окраинами и коренною Россіей: всѣ сошлись въ глубокомъ уваженіи къ имени того, кто силою одного таланта поставилъ русскій языкъ и русскую мысль на новую для нихъ высоту.—Вотъ, великій русификаторъ,—думалось мнѣ въ то время, когда я стоялъ у гроба въ Ковно и Вильнѣ, а предо мною далеко въ обѣ стороны простиралась толпа людей, черты которыхъ въ большинствѣ говорили ясно о ихъ далеко не великорусскомъ происхожденіи, а въ рѣчи слышался посторонній акцентъ.

М. С.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ ПОСЛѢДНЕМУ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ ИЗДАНІЮ, 1880 ГОДА.

Считаю нужнымъ сообщить читателямъ въ немногихъ словахъ планъ предстоящаго изданія:

1-й томъ — состоитъ въ слѣдующемъ:

а) Литературныя и житейскія воспоминанія, а именно: Вступленіе; Вечеръ у Плетнева; о Бѣлинскомъ; о Гоголѣ; Поѣздка въ Альбано (А. Ивановъ); По поводу «Отцовъ и Дѣтей»; Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ (этотъ отрывокъ нигдѣ еще не былъ напечатанъ); Наши послали; Казнь Тропмана; Пегасъ.

б) Критическія статьи: о «Фаустѣ» въ переводѣ Вронченко; о «Смерти Ляпунова», С. Гедеонова; о «Паткулѣ», Кукольника; о «Вѣдной Невѣстѣ», Островскаго; о «Племянницѣ», г-жи Туръ; о «Запискахъ ружейнаго охотника», С. Аксакова; о «Стихотвореніяхъ», Ѳ. Тютчева; Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

Изъ написанныхъ мною въ первое время моей литературной дѣятельности критическихъ статей я выбралъ тѣ, о которыхъ я предполагалъ, что онѣ могутъ еще и теперь до нѣкоторой степени интересовать читателей.

в) Некрологи: Т. Н. Грановскаго, Н. Н. Тургенева, гр. А. К. Толстого, С. К. Брюлловой (Кавелиной).

г) Переводы двухъ легендъ Густава Флобера.

2-й томъ — содержитъ «Записки Охотника» въ полномъ составѣ.

Въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ — помѣщены сподрядъ всѣ шесть написанныхъ мною романовъ, съ особымъ къ нимъ предисловіемъ (см. въ настоящемъ изданіи т. II).

6-й, 7-й, 8-й и 9-й томы — содержатъ повѣсти и разсказы, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 10-мъ — помѣщены драматическія произведенія, Комедіи и Сцены.

Прилоложенный къ изданію фотографическій портретъ не гравированъ на стали, какъ то сказано на заглавномъ листѣ, а воспроизведенъ новоизобрѣтеннымъ фотоглиптическимъ способомъ. Способъ этотъ представляетъ ту выгоду, что малѣйшія черты оригинала сохраняются съ совершенной точностью; сверхъ того, полученное изображеніе никогда не изглаживается и не стирается.

Текстъ предстоящаго изданія тщательно выправленъ; издатели (т.-е. наслѣдники Салаева) сдѣлали съ своей стороны все возможное *). Автору остается поручить себя столь часто испытанной имъ благосклонности читателей. — *И. Т.*

Парижъ. — Сентябрь. 1879 г.

*) Авторъ покорно проситъ читателей выправить до чтенія обозначенныя важнѣйшія опечатки, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ искажаютъ самый смыслъ рѣчи. (Однѣ «важнѣйшія опечатки» послѣдняго московскаго изданія составили четыре страницы убористой печати, въ два столбца).

I.

ХОРЬ и КАЛИНЫЧЪ.

Кому случалось изъ Болховскаго уѣзда перебираться въ Жиздринскій, того, вѣроятно, поражала рѣзкая разница между породой людей въ Орловской губерніи и калужской породой. Орловскій мужикъ не великъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ исподлобья, живетъ въ дрянныхъ осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, ѣстъ плохо, носитъ лапти; калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело, лицомъ чистъ и бѣлъ, торгуетъ масломъ и дегтемъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ. Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской губерніи) обыкновенно расположена среди распаханныхъ полей, близъ оврага, коекакъ превращеннаго въ грязный прудъ. Кромѣ немногихъ ракитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ-трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лѣпится къ избѣ, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротивъ, большею частью окружена лѣсомъ; избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются, плетень на задворкѣ

не разметанъ и не вываливается наружу, не зоветъ въ гости всякую прохожую свинью... И для охотника въ Калужской губерніи лучше. Въ Орловской губерніи послѣдніе лѣса и площадя *) исчезнутъ лѣтъ черезъ пять, а болотъ и въ помипѣ пѣтъ; въ Калужской, напротивъ, засѣки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица — тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунья-куропатка своимъ порывистымъ взлетомъ веселитъ и пугаетъ стрѣлка и собаку.

Въ качествѣ охотника посѣщая Жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, слѣдовательно, отличнымъ человѣкомъ. Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, напримѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, несмотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никогда никого не смѣшилъ; хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть: *Пинну;* заикался; называлъ свою собаку Астрономомъ; вмѣсто *однако* говорилъ *одначе*, и завелъ у себя въ домѣ французскую кухню, тайна которой, по понятіямъ его повара, состояла въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба—грибами, макароны—порохомъ; зато ни одна морковка не попадала въ супъ, не принявъ вида ромба или трапеціи. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкипъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ.

---

*) „Площадями“ называются въ Орловской губерніи большія сплошныя массы кустовъ; орловское нарѣчіе отличается вообще множествомъ своебытныхъ, иногда весьма мѣткихъ, иногда довольно безобразныхъ, словъ и оборотовъ.

Въ первый же день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ, онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, — прибавилъ онъ: — пѣшкомъ идти далеко; зайдемте сперва къ Хорю. (Читатель позволитъ мнѣ не передавать его заиканья).

— А кто такой Хорь?

— А мой мужикъ... Онъ отсюда близехонько...

Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А, Ѳедя! дома Хорь? — спросилъ его г-нъ Полутыкинъ.

— Нѣтъ. Хорь въ городъ уѣхалъ, — отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ.— Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу, передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ, теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, кудрявый и краснощекій, сидѣлъ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго нѣтаго жеребца. Кругомъ телѣги столпо человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Ѳедю.—„Все дѣти Хоря!“ замѣтилъ

Полутыкинъ. — „Все Хорьки", подхватилъ Ѳедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо: „да еще не всѣ: Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ со старымъ Хоремъ въ городъ... Смотри же, Вася", продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру:—„духомъ сомчи: барина везешь. Только на толчкахъ-то, смотри, потише: и телѣгу-то попортишь, да и барское черево обезпокоишь!" — Остальные Хорьки усмѣхнулись отъ выходки Ѳеди.—„Подсадить Астронома!" торжественно воскликнулъ г-нъ Полутыкинъ. Ѳедя, не безъ удовольствія, подпялъ на воздухъ принужденно улыбавшуюся собаку и положилъ ее на дно телѣги. Вася далъ вожжи лошади. Мы покатили. — „А вотъ это моя контора", сказалъ мнѣ вдругъ г-нъ Полутыкинъ, указывая на небольшой, низенькій домикъ:—„хотите зайти?"—„Извольте". — „Она теперь упразднена",—замѣтилъ онъ, слѣзая: — „а все посмотрѣть стоитъ."— Контора состояла изъ двухъ пустыхъ комнатъ. Сторожъ, кривой старикъ, прибѣжалъ изъ задворья.—„Здравствуй, Минаичъ", проговорилъ г-нъ Полутыкинъ:—„а гдѣ же вода?"—Кривой старикъ исчезъ и тотчасъ вернулся съ бутылкой воды и двумя стаканами. „Отвѣдайте", сказалъ мнѣ Полутыкинъ: — „это у меня хорошая, ключевая вода". Мы выпили по стакану, причемъ старикъ намъ кланялся въ поясъ.—„Ну, теперь, кажется, мы можемъ ѣхать", замѣтилъ мой новый пріятель. „Въ этой конторѣ я продалъ купцу Аллилуеву четыре десятины лѣсу за выгодную цѣну". — Мы сѣли въ телѣгу и черезъ полчаса уже въѣзжали на дворъ господскаго дома.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ я Полутыкина за ужиномъ: — отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, изба у него сгорѣла; вотъ, и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу, на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій.—Да зачѣмъ же тебѣ селиться на болотѣ?—Да ужъ такъ; только вы, батюшка, Николай Кузьмичъ, ни

въ какую работу употреблять меня ужъ не извольте, а оброкъ положите, какой сами знаете. — Пятьдесятъ рублевъ въ годъ! — Извольте. — Да безъ недоимокъ у меня, смотри! — Извѣстно, безъ недоимокъ... Вотъ, онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его и прозвали.

— Ну, и разбогатѣлъ?—спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ, да еще я, пожалуй, накину. Я ужъ ему не разъ говорилъ: откупись, Хорь, ей, откупись!.. А, онъ, бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ; денегъ, дескать, нѣту... Да, какъ бы не такъ!..

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, г-нъ Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: „Калинычъ!“ — „Сейчасъ, батюшка, сейчасъ“, раздался голосъ со двора: „лапоть подвязываю“. — Мы поѣхали шагомъ; за деревней догналъ насъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой, загнутой назадъ головкой. Это былъ Калинычъ. Его добродушное смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устроивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г-нъ Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ вполголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто бралъ рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченіе дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пуч-

ками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ. — Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г-нъ Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ, мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ. „Калинычъ — добрый мужикъ“, сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ: „усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мною на охоту ходитъ... Какое ужъ тутъ хозяйство,—посудите сами“.— Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день г-нъ Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ, по дѣлу съ сосѣдомъ Пичуковымъ. Сосѣдъ Пичуковъ запахалъ у него землю и на запаханной землѣ высѣкъ его же бабу. На охоту поѣхалъ я одинъ, и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ — лысый, низкаго роста, плечистый и плотный—самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Ѳедя принесъ мнѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ... Онъ со мной все какъ будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно-быть изъ осторожности... Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, — говорилъ я ему: — отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю... баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ,—замѣтилъ я.

Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Вѣстимо,—проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Поналъ Хорь въ вольные люди, — продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто про себя: — кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрей.

— Что борода? борода—трава: скосить можно.

— Ну, такъ что жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? — спросилъ я его.

— Торгуемъ по-маленьку маслишкомъ, да дегтишкомъ... Что же, телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

„Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ на-умѣ“, подумалъ я.

— Нѣтъ, — сказалъ я вслухъ:— телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ постлать тебѣ простыню и положить подушку.—Эй, бабы!—вскричалъ онъ, поднимаясь

съ мѣста:—сюда, бабы!.. А ты, Ѳедя, поди съ ними. Бабы, вѣдь, народъ глупый.

Четверть часа спустя, Ѳедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно; собака свернулась у ногъ моихъ; Ѳедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула раза два; собака съ достоинствомъ на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать... я наконецъ задремалъ.

На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ веселый, бойкій парень очень мнѣ нравился; да и, сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. Старикъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ,—сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой:—пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Здоровая баба, одна изъ его невѣстокъ, принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу.

— Что у тебя за рослый народъ! — замѣтилъ я старику.

— Да,—промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару: — на меня, да на мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего.

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

— Вонъ одинъ, пострѣлъ, не женится,—отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который попрежнему прислонился къ двери.—Васька, тотъ еще молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться? — возразилъ Ѳедя: — мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Лаяться съ ней, что ли?

— Ну, ужъ ты... ужъ я тебя знаю! кольца серебряныя

носишь... Тебѣ бы все съ дворовыми дѣвками нюхаться... „Полноте, безстыдники!“—продолжалъ старикъ, передразнивая горничныхъ. — Ужъ я тебя знаю, бѣлоручка ты этакой!..

— А въ бабѣ-то что хорошаго?

— Баба — работница, — важно замѣтилъ Хорь. — Баба мужику слуга.

— Да на что мнѣ работница?

— То-то, чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата.

— Ну, жени меня, коли такъ. А? что? Что жъ ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагуръ. Вишь, барина мы съ тобой безпокоимъ. Женю, небось... А ты, батюшка, не гнѣвись: дитятко, видишь, малое, разуму не успѣло набраться.

Ѳедя покачалъ головой...

— Дома Хорь?—раздался за дверью знакомый голосъ,— и Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ онъ для своего друга, Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ „нѣжностей“ отъ мужика.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четырьми позднѣе обыкновеннаго, и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то-есть: обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ барином и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ

боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ; Хорь же—къ людямъ, къ обществу; Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я многому научился. Напримѣръ: изъ его разсказовъ узналъ я, что каждое лѣто, передъ покосомъ, появляется въ деревняхъ небольшая телѣжка особеннаго вида. Въ этой телѣжкѣ сидитъ человѣкъ въ кафтанѣ и продаетъ косы. На наличныя деньги онъ беретъ рубль двадцать пять копеекъ — полтора рубля ассигнаціями; въ долгъ—три рубля и цѣлковый. Всѣ мужики, разумѣется, берутъ у него въ долгъ. Черезъ двѣ-три недѣли онъ появляется снова и требуетъ денегъ. У мужика овесъ только-что скошенъ, стало-быть, заплатить есть чѣмъ, онъ идетъ съ купцомъ въ кабакъ, и тамъ уже расплачивается. Иные помѣщики вздумали-было покупать сами косы на наличныя деньги и раздавать въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ; но мужики оказались недовольными и даже впали въ уныніе; ихъ лишали удовольствія щелкать по косѣ, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спросить у плутоватаго мѣщанина-продавца: „а что, малый, коса-то не больно того?“ Тѣ же самыя продѣлки происходятъ и при покупкѣ серповъ, съ тою только разницей, что тутъ бабы вмѣшиваются въ дѣло и доводятъ иногда самого продавца до необходимости, для ихъ же

пользы, поколотить ихъ. Но болѣе всего страдаютъ бабы вотъ при какомъ случаѣ. Поставщики матеріала на бумажныя фабрики поручаютъ закупку тряпья особеннаго рода людямъ, которые въ иныхъ уѣздахъ называются „орлами“. Такой „орелъ“ получаетъ отъ купца рублей двѣсти ассигнаціями и отправляется на добычу. Но, въ противность благородной птицѣ, отъ которой онъ получилъ свое имя, онъ не нападаетъ открыто и смѣло; напротивъ: „орелъ“ прибѣгаетъ къ хитрости и лукавству. Онъ оставляетъ свою телѣжку гдѣ-нибудь въ кустахъ, около деревни, а самъ отправляется по задворьямъ да по задамъ, словно прохожій какой-нибудь, или просто праздношатающійся. Бабы чутьемъ угадываютъ его приближеніе и крадутся къ нему навстрѣчу. Второпяхъ совершается торговая сдѣлка. За нѣсколько мѣдныхъ грошей баба отдаетъ „орлу“ не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную поневу. Въ послѣднее время бабы нашли выгоднымъ красть у самихъ себя и сбывать такимъ образомъ пеньку, въ особенности „замашки“, — важное распространеніе и усовершенствованіе промышленности „орловъ“! Но зато мужики, въ свою очередь, навострились, и при малѣйшемъ подозрѣніи, при одномъ отдаленномъ слухѣ о появленіи „орла“, быстро и живо приступаютъ къ исправительнымъ и предохранительнымъ мѣрамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли? Пеньку продавать ихъ дѣло,—и они ее точно продаютъ,—не въ городѣ,—въ городъ надо самимъ тащиться,—а прѣзжимъ торгашамъ, которые, за неимѣніемъ безмена, считаютъ пудъ въ сорокъ горстей, — а вы знаете, что за горсть и что за ладонь у русскаго человѣка, особенно, когда онъ „усердствуетъ!“—Такихъ разсказовъ я, человѣкъ не опытный и въ деревнѣ не „живалый“ (какъ у насъ въ Орлѣ говорится), наслушался вдоволь. Но Хорь не все разсказывалъ; онъ самъ меня разспрашивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я бывалъ за границей, и любопытство его разгорѣлось... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали во-

просы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку:—„Что, у нихъ это тамъ есть такъ же, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка,—какъ же?..“—„А! ахъ, Господи, Твоя воля!“ восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа; Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что „дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ“.—Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и не зачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели,—убѣжденье, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо—то ему и нравится, что разумно—того ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другого рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положенье. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанья были довольно, по-своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ—умѣлъ. „Этому шалопаю грамота далась“, замѣтилъ Хорь: „у него и пчелы отродясь не мерли“.—„А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?“—Хорь помолчалъ.—„Ѳедя знаетъ“.—„А другіе?“—„Другіе не знаютъ“.—„А что?“—Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ уменъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предразсудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, напримѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и издѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бра-

нилась; сыновья не обращали на нее вниманія, но невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божіемъ. Не даромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: „Какой ты мнѣ сынъ, какой семьянинъ! не бьешь ты жены, не бьешь молодой...“ Я разъ было вздумалъ заступиться за невѣстокъ, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ, что „охота-де вамъ такими... пустяками заниматься,—пускай бабы ссорятся... Ихъ что разнимать—то хуже, да и рукъ марать не стоитъ“. Иногда злая старуха слѣзала съ печи, вызывала изъ сѣней дворовую собаку, приговаривая: „сюды, сюды, собачка!“ и била ее по худой спинѣ кочергой, или становилась подъ навѣсъ и „лаялась“, какъ выражался Хорь, со всѣми проходящими. Мужа своего она, однакоже, боялась и, по его приказанію, убиралась къ себѣ на печь. Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина.—„Ужъ ты, Хорь, у меня его не трогай“, говорилъ Калинычъ. — „А что жъ онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?“ возражалъ тотъ.— „Эка, сапоги!... на что мнѣ сапоги? Я мужикъ...“—„Да вотъ и я мужикъ, а вишь...“ При этомъ словѣ Хорь поднималъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи.—„Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!“ отвѣчалъ Калинычъ. — „Ну, хоть бы на лапти далъ: вѣдь ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти“.—„Онъ мнѣ даетъ на лапти“.—„Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ“. Калинычъ съ досадой отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, при чемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „Доля ты моя, доля!“ Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю... Зато, въ другое время, не было человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ-нибудь копается—телѣгу чинитъ,

заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался, и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что „надо-де избѣ жильемъ пахнуть“.

— Посмотри-ка,—возразилъ я ему:—какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы бы жить не стали, батюшка,—сказалъ онъ со вздохомъ.

— А что,—спросилъ онъ меня въ другой разъ:—у тебя своя вотчина есть?—„Есть“.—„Далеко отсюда?“—„Верстъ сто“.—„Что же ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?“—„Живу.“ — „А больше, чай, ружьемъ пробавляешься?“—„Признаться, да“.—„И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще“.

На четвертый день, вечеромъ, г. Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. „Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ“, сказалъ я... „Прощай, Ѳедя“.—„Прощай, батюшка, прощай, не забывай насъ“. Мы поѣхали; заря только-что разгоралась.—„Славная погода завтра будетъ“, замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо.—„Нѣтъ, дождь пойдетъ“, возразилъ мнѣ Калинычъ: „утки, вонъ, плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ“.—Мы въѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ вполголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ, да глядѣлъ на зарю...

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г-на Полутыкина.

II.

ЕРМОЛАЙ и МЕЛЬНИЧИХА.

Вечеромъ мы съ охотникомъ Ермолаемъ отправились на „тягу"... Но, можетъ-быть, не всѣ мои читатели знаютъ, что̀ такое тяга. Слушайте же, господа.

За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу, съ ружьемъ, безъ собаки. Вы отыскиваете себѣ мѣсто гдѣ-нибудь подлѣ опушки, оглядываетесь, осматриваете пистонъ, перемигиваетесь съ товарищемъ. Четверть часа прошло. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда... вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше и выше, переходитъ отъ нижнихъ, почти еще голыхъ вѣтокъ, къ неподвижнымъ, засыпающимъ верхушкамъ... Вотъ, и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается, слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ—не всѣ вдругъ—по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновеній малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу все тем-

нѣй да темнѣй. Деревья сливаются въ большія, чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки. Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сопливо посвистываютъ... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ вами звонкій голосъ пѣночки; гдѣ-то печально прокричала иволга; соловей щелкнулъ въ первый разъ. Сердце ваше томится ожиданьемъ, и вдругъ— по одни охотники поймутъ меня—вдругъ въ глубокой тишинѣ раздается особаго рода каркапье и шипѣнье, слышится мѣрный взмахъ проворныхъ крылъ,—и вальдшнепъ, красиво наклонивъ свой длинный носъ, плавно вылетаетъ изъ-за темной березы навстрѣчу вашему выстрѣлу.

Вотъ что значитъ „стоять на тягѣ“.

И такъ, мы съ Ермолаемъ отправились на тягу; но, извините, господа: я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка лѣтъ сорока-пяти, высокаго, худого, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазками, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму, и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синія шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, въ веселый часъ, разорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины, для пороху и для дроби,—другой сзади—для дичи; хлопки же Ермолай доставалъ изъ собственной, повидимому неистощимой, шапки. Онъ бы легко могъ на деньги, вырученныя имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупкѣ, и продолжалъ заряжать свое ружье попрежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ какимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко „отдавать“, отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья,—и хитрому человѣку не придумать; но попадалъ.

Была у него и легавая собака, по прозванью Валетка, преудивительное созданье. Ермолай никогда ея не кормилъ. „Стану я пса кормить“, разсуждалъ онъ: „притомъ, песъ — животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье“. И дѣйствительно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ, и долго жилъ; даже, несмотря на свое бѣдственное положенье, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанья покинуть своего хозяина. Разъ какъ-то, въ юные годы, онъ отлучился на два дня, увлеченный любовью; но эта дурь скоро съ него соскочила. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ... Если бъ рѣчь шла не о собакѣ, я бы употребилъ слово: разочарованность. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться.) Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ, по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью, и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай принадлежалъ одному изъ моихъ сосѣдей, помѣщику старинаго покроя. Помѣщики старинаго покроя не любятъ „куликовъ“ и придерживаются домашней живности. Развѣ только въ необыкновенныхъ случаяхъ, какъ-то:

РСХМ СССР

во дни рожденій, именинъ и выборовъ, повара старинныхъ помѣщиковъ приступаютъ къ изготовленію долгоносыхъ птицъ и, войдя въ азартъ, свойственный русскому человѣку, когда онъ самъ хорошенько не знаетъ, что дѣлаетъ, придумываютъ къ нимъ такія мудреныя приправы, что гости большею частью съ любопытствомъ и вниманіемъ разсматриваютъ поданныя яства, но отвѣдать ихъ никакъ не рѣшаются. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а, впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу не годнаго— „лядащаго“, какъ говорится у насъ, въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ,—и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ пятьдесятъ въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго,—и все-таки, черезъ нѣсколько времени, возвращался домой, одѣтый, съ ружьемъ и съ собакой. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудакомъ. Ермолай любилъ покалякать съ хорошимъ человѣкомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ, бывало, и пойдетъ.—„Да куда ты, чортъ, идешь? Ночь на дворѣ“.—„А въ Чаплино“.— „Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино, за десять верстъ?“—„А тамъ у Софрона-мужичка перепочевать“.—„Да ночуй здѣсь“.—„Нѣтъ ужъ, нельзя“.—И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь, черезъ кусты да водомойни, а мужичокъ Софронъ его, пожалуй, къ

себѣ на дворъ не пустить, да еще, чего добраго, шею ему намнетъ: не безпокой-де честныхъ людей. Зато никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полую воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ съ „лѣшевой дудкой“, съ „кукушкинымъ перелетомъ“ *)... Одного онъ не умѣлъ: дрессировать собакъ; терпѣнья недоставало. Была у него и жена. Онъ ходилъ къ ней разъ въ недѣлю. Жила она въ дряпной, полуразвалившейся избенкѣ, перебивалась кое-какъ и кое-чѣмъ, никогда не знала наканунѣ, будетъ ли сыта завтра, и вообще терпѣла участь горькую. Ермолай, этотъ беззаботный и добродушный человѣкъ, обходился съ ней жестоко и грубо, принималъ у себя дома грозный и суровый видъ,—и бѣдная его жена не знала, чѣмъ угодить ему, трепетала отъ его взгляда, на послѣднюю копейку покупала ему вина и подобострастно покрывала его своимъ тулупомъ, когда онъ, величественно развалясь на печи, засыпалъ богатырскимъ сномъ. Мнѣ самому не разъ случалось подмѣчать въ немъ невольныя проявленія какой-то угрюмой свирѣпости: мнѣ не нравилось выраженіе его лица, когда онъ прикусывалъ подстрѣленную птицу. Но Ермолай никогда больше дня не оставался дома; а на чужой сторонѣ превращался опять въ „Ермолку“, какъ его прозвали на сто верстъ кругомъ, и какъ онъ самъ себя называлъ подчасъ. Послѣдній дворовый человѣкъ чувствовалъ свое превосходство надъ этимъ бродягой, — и, можетъ-быть, потому именно и обращался съ нимъ дружелюбно; а мужики сначала съ удовольствіемъ загоняли и ловили его, какъ зайца въ полѣ, по потомъ отпускали съ Богомъ и, разъ узнавши чудака, уже не трогали его, даже давали ему хлѣба и вступали съ нимъ въ разговоры... Этого-то человѣка я взялъ къ себѣ въ охотники, и съ нимъ-то я отправился на тягу въ большую березовую рощу, на берегу Исты.

---

*) Охотникамъ до соловьевъ эти названья знакомы: ими обозначаются лучшія „колѣна“ въ соловьиномъ пѣньѣ.

У многихъ русскихъ рѣкъ, на подобіе Волги, одинъ берегъ горный, другой луговой; у Исты то же. Эта небольшая рѣчка вьется чрезвычайно прихотливо, ползетъ змѣей, ни на полверсты не течетъ прямо, и въ иномъ мѣстѣ, съ высоты крутого холма, видна верстъ на десять съ своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными ракитникомъ и густыми садами. Глубы въ Истѣ бездна, особливо головлей (мужики достаютъ ихъ въ жаръ изъподъ кустовъ руками). Маленькіе кулички-песочники со свистомъ перелетываютъ вдоль каменистыхъ береговъ, испещренныхъ холодными и свѣтлыми ключами; дикія утки выплываютъ на середину прудовъ и осторожно озираются; цапли торчатъ въ тѣни, въ заливахъ, подъ обрывами... Мы стояли на тягѣ около часу, убили двѣ пары вальдшнеповъ и, желая до восхода солнца опять попытать нашего счастія (на тягу можно такъ же ходить поутру), рѣшились переночевать въ ближайшей мельницѣ. Мы вышли изъ рощи, спустились съ холма. Рѣка катила темносинія волны; воздухъ густѣлъ, отягченный ночной влагой. Мы постучались въ ворота. Собаки залились на дворѣ. „Кто тутъ?“ раздался сиплый и заспанный голосъ.—„Охотники: пусти переночевать“. Отвѣта не было.—„Мы заплатимъ“.—„Пойду, скажу хозяину... Цыцъ, проклятыя!.. Экъ на васъ погибели нѣтъ!“—Мы слышали, какъ работникъ вошелъ въ избу; онъ скоро вернулся къ воротамъ. „Нѣтъ“, говоритъ: „хозяинъ не велитъ пускать“.—„Отчего не велитъ?“—„Да боится: вы охотники; чего добраго, мельницу зажжете; вишь, у васъ снаряды какіе“.—„Да что за вздоръ!“—„У насъ и такъ въ запрошломъ году мельница сгорѣла: прасолы переночевали, да, знать, какъ-нибудь и подожгли“.—„Да какъ же, братъ, не ночевать же намъ на дворѣ!“—„Какъ знаете“... Онъ ушелъ, стуча сапогами.

Ермолай посулилъ ему разныхъ непріятностей. „Пойдемте въ деревню“, произнесъ онъ, наконецъ, со вздохомъ. Но до деревни было версты двѣ... „Ночуемъ здѣсь“, сказалъ я: „на дворѣ ночь теплая; мельникъ за деньги намъ вышлетъ соломы“.—Ермолай безпрекословно согла-

сился. — Мы опять стали стучаться. — „Да что вамъ надобно?“ раздался снова голосъ работника: „сказано, нельзя“. — Мы растолковали ему, чего мы хотѣли. Онъ пошелъ посовѣтоваться съ хозяиномъ и вмѣстѣ съ нимъ вернулся. Калитка заскрипѣла. Появился мельникъ, человѣкъ высокаго роста, съ жирнымъ лицомъ, бычачьимъ затылкомъ, круглымъ и большимъ животомъ. Онъ согласился на мое предложеніе. Въ ста шагахъ отъ мельницы находился маленькій, со всѣхъ сторонъ открытый, навѣсъ. Намъ принесли туда соломы, сѣна; работникъ на травѣ подлѣ рѣки поставилъ самоваръ и, присѣвъ на корточки, началъ усердно дуть въ трубу... Уголья, вспыхивая, ярко освѣщали его молодое лицо. Мельникъ побѣжалъ будить жену, предложилъ мнѣ самъ, наконецъ, переночевать въ избѣ: но я предпочелъ остаться на открытомъ воздухѣ. Мельничиха принесла намъ молока, яицъ, картофелю, хлѣба. Скоро закипѣлъ самоваръ, и мы принялись пить чай. Съ рѣки поднимались пары, вѣтру не было; кругомъ кричали коростели; около мельничныхъ колесъ раздавались слабые звуки: то капли падали съ лопатъ, сочилась вода сквозь засовы плотины. Мы разложили небольшой огонекъ. Пока Ермолай жарилъ въ золѣ картофель, я успѣлъ задремать... Легкій сдержанный шопотъ разбудилъ меня. Я поднялъ голову: передъ огнемъ, на опрокинутой кадкѣ, сидѣла мельничиха и разговаривала съ моимъ охотникомъ. Я уже прежде, по ея платью, тѣлодвиженіямъ и выговору, узналъ въ ней дворовую женщину—не бабу и не мѣщанку; но только теперь я разсмотрѣлъ хорошенько ея черты. Ей было на видъ лѣтъ тридцать; худое и блѣдное лицо еще хранило слѣды красоты замѣчательной; особенно понравились мнѣ глаза, большіе и грустные. Она оперла локти на колѣни, положила лицо на руки. Ермолай сидѣлъ ко мнѣ спиною и подкладывалъ щепки въ огонь.

— Въ Желтухиной опять падёжъ, — говорила мельничиха:—у отца Ивана обѣ коровы свалились... Господи помилуй!

— А что ваши свиньи?—спросилъ, помолчавъ, Ермолай.

— Живутъ.

— Хоть бы поросеночка мнѣ подарили.

Мельничиха помолчала, потомъ вздохнула.

— Съ кѣмъ вы это?—спросила она.

— Съ барипомъ—съ Костомаровскимъ.

Ермолай бросилъ нѣсколько еловыхъ вѣтокъ на огонь; вѣтки тотчасъ дружно затрещали, густой бѣлый дымъ повалилъ ему прямо въ лицо.

— Чего твой мужъ насъ въ избу не пустилъ?

— Боится.

— Вишь, толстый брюхачъ... Голубушка, Арина Тимофѣевна, вынеси мнѣ стаканчикъ винца!

Мельничиха встала и исчезла во мракѣ. Ермолай запѣлъ вполголоса:

Какъ къ любезной я ходилъ,
Всѣ сапожки обносилъ...

Арина вернулась съ небольшимъ графинчикомъ и стаканомъ. Ермолай привсталъ, перекрестился и выпилъ духомъ. „Люблю!“ прибавилъ онъ.

Мельничиха опять присѣла на кадку.

— А что, Арина Тимофѣевна, чай, все хвораешь?

— Хвораю.

— Что такъ?

— Кашель по ночамъ мучитъ.

— Баринъ-то, кажется, заснулъ,—промолвилъ Ермолай послѣ небольшого молчанія. — Ты къ лѣкарю не ходи, Арина: хуже будетъ.

— Я и то не хожу.

— А ко мнѣ зайди погостить.

Арина потупила голову.

— Я свою-то, жену-то, прогоню на тотъ случай,—продолжалъ Ермолай.—Право-ся.

— Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петровичъ: видите, картофель испекся.

— А пусть дрыхнетъ,—равнодушно замѣтилъ мой вѣрный слуга:—набѣгался, такъ и спитъ.

Я заворочался на сѣнѣ. Ермолай всталъ и подошелъ ко мнѣ.—„Картофель готовъ-съ, извольте кушать“.

Я вышелъ изъ-подъ навѣса; мельничиха поднялась съ кадки и хотѣла уйти. Я заговорилъ съ нею.

— Давно вы эту мельницу сняли?

— Второй годъ пошелъ съ Троицына дня.

— А твой мужъ откуда?

Арина не разслушала моего вопроса.

— Откелева твой мужъ?—повторилъ Ермолай, возвыся голосъ.

— Изъ Бѣлева. Онъ бѣлевскій мѣщанинъ.

— А ты тоже изъ Бѣлева?

— Нѣтъ, я господская... была господская.

— Чья?

— Звѣркова господина. Теперь я вольная.

— Какого Звѣркова?

— Александра Силыча.

— Не была ли ты у его жены горничной?

— А вы почему знаете?—Была.

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ и участьемъ посмотрѣлъ на Арину.

— Я твоего барина знаю,—продолжалъ я.

— Знаете?—отвѣчала она вполголоса и потупилась.

Надобно сказать читателю, почему я съ такимъ участіемъ посмотрѣлъ на Арину. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ я случайнымъ образомъ познакомился съ г-мъ Звѣрковымъ. Онъ занималъ довольно важное мѣсто, слылъ человѣкомъ знающимъ и дѣльнымъ. У него была жена, пухлая, чувствительная, слезливая и злая—дюжинное и тяжелое созданье; былъ и сынокъ, настоящій барченокъ, избалованный и глупый. Наружность самого г-на Звѣркова мало располагала въ его пользу: изъ широкаго, почти четвероугольнаго лица лукаво выглядывали мышиные глазки, торчалъ носъ большой и острый, съ открытыми ноздрями; стриженные сѣдые волосы поднимались щетиной надъ морщинистымъ лбомъ, тонкія губы безпрестанно шевелились и приторно улыбались. Г-нъ Звѣрковъ стоялъ, обыкновенно, растопыривъ ножки и заложивъ толстыя ручки въ карманы. Разъ какъ-то пришлось мнѣ ѣхать съ нимъ вдвоемъ въ каретѣ за городъ. Мы разговорились.

Какъ человѣкъ опытный, дѣльный, г. Звѣрковъ началъ наставлять меня на „путь истины“.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить,—прошипѣлъ онъ, наконецъ: — вы всѣ, молодые люди, судите и толкуете обо всѣхъ вещахъ наобумъ; вы мало знаете собственное свое отечество; Россія вамъ, господа, незнакома, — вотъ что!... Вы все только нѣмецкія книги читаете. Вотъ, напримѣръ, вы мнѣ говорите теперь и то, и то, насчетъ того, ну, то-есть, насчетъ дворовыхъ людей... Хорошо, я не спорю, все это хорошо, но вы ихъ не знаете, не знаете, что это за народъ. (Г-нъ Звѣрковъ громко высморкался и понюхалъ табаку). Позвольте мнѣ вамъ разсказать, напримѣръ, одинъ маленькій анекдотецъ: васъ это можетъ заинтересовать. (Г-нъ Звѣрковъ откашлянулся). Вы, вѣдь, знаете, что у меня за жена: кажется, женщину добрѣе ея найти трудно, согласитесь сами. Горничнымъ ея дѣвушкамъ не житье, — просто рай во-очію совершается... Но моя жена положила себѣ за правило: замужнихъ горничныхъ не держать. Оно и точно, не годится: пойдутъ дѣти,—то, сё,— ну, гдѣ жъ тутъ горничной присмотрѣть за барыней, какъ слѣдуетъ, наблюдать за ея привычками: ей ужъ не до того, у ней ужъ не то на умѣ. Надо по человѣчеству судить. Вотъ-съ, проѣзжаемъ мы разъ черезъ нашу деревню, лѣтъ тому будетъ — какъ бы вамъ сказать, не солгать— лѣтъ пятнадцать. Смотримъ, у старосты дѣвочка, дочь, прехорошенькая; такое даже, знаете, подобострастное что-то въ манерахъ. Жена моя и говоритъ мнѣ: „Коко,—то-есть, вы понимаете, она меня такъ называетъ,—возьмемъ эту дѣвочку въ Петербургъ: она мнѣ нравится, Коко...“ Я говорю: возьмемъ, съ удовольствіемъ. Староста, разумѣется, намъ въ ноги; онъ такого счастья, вы понимаете, и ожидать не могъ... Ну, дѣвочка, конечно, поплакала сдуру. Оно, дѣйствительно, жутко спочала: родительскій домъ... вообще... удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Однако, она скоро къ намъ привыкла; сперва ее отдали въ дѣвичью; учили ее, конечно. Что жъ вы думаете?.. Дѣвочка оказываетъ удивительные успѣхи; жена моя просто къ ней пристращивается, жалуетъ ее, наконецъ, помимо дру-

гихъ, въ горничныя къ своей особѣ... замѣчайте!.. И надобно было отдать ей справедливость: не было еще такой горничной у моей жены, рѣшительно не было; услужлива, скромна, послушна—просто, все что требуется. Зато ужъ и жена ее даже, признаться, слишкомъ баловала: одѣвала отлично, кормила съ господскаго стола, чаемъ поила... ну, что только можно себѣ представить! Вотъ этакъ она лѣтъ десять у моей жены служила. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, вообразите себѣ, входитъ Арина — ее Ариной звали — безъ доклада ко мнѣ въ кабинетъ,—и бухъ мнѣ въ ноги... Я этого, скажу вамъ откровенно, терпѣть не могу. Человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство, не правда ли?—„Чего тебѣ?“—„Батюшка, Александръ Силычъ, милости прошу“.—„Какой?“—„Позвольте выдти замужъ“.—Я, признаюсь вамъ, изумился.—„Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной нѣту?“—„Я буду служить барынѣ попрежнему“.—„Вздоръ! вздоръ! барыня замужнихъ горничныхъ не держитъ“.—„Маланья на мое мѣсто поступить можетъ“.—„Прошу не разсуждать!“—„Воля ваша...“ Я, признаюсь, такъ и обомлѣлъ. Доложу вамъ, я такой человѣкъ: ничто меня такъ не оскорбляетъ, смѣю сказать, такъ сильно не оскорбляетъ, какъ неблагодарность... Вѣдь вамъ говорить нечего,—вы знаете, что у меня за жена: ангелъ во плоти, доброта неизъяснимая... Кажется, злодѣй—и тотъ бы ее пожалѣлъ. Я прогналъ Арину. Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете ли, вѣрить злу, черной неблагодарности въ человѣкѣ. Что жъ вы думаете? Черезъ полгода опять она изволитъ жаловать ко мнѣ съ тою же самою просьбой. Тутъ я, признаюсь, ее съ сердцемъ прогналъ и пригрозилъ ей, и сказать женѣ обѣщался. Я былъ возмущенъ... Но представьте себѣ мое изумленіе: нѣсколько времени спустя, приходитъ ко мнѣ жена, въ слезахъ, взволнована такъ, что я даже испугался.—„Что такое случилось?“—„Арина“... Вы понимаете... я стыжусь выговорить.—„Быть не можетъ!.. кто же?“—„Петрушка лакей“. Меня взорвало. Я такой человѣкъ... полумѣръ не люблю!.. Петрушка... не виноватъ. Наказать его можно, но онъ, по-моему, не виноватъ.

Арина... ну, что жъ, ну, ну, что жъ тутъ еще говорить? Я, разумѣется, тотчасъ же приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезъ и сослать въ деревню. Жена моя лишилась отличной горничной, но дѣлать было нечего: безпорядокъ въ домѣ терпѣть, однакоже, нельзя. Больной членъ лучше отсѣчь разомъ... Ну, ну, теперь посудите сами,—ну, вѣдь, вы знаете мою жену, вѣдь, это, это, это... наконецъ, ангелъ!... Вѣдь она привязалась къ Аринѣ, — и Арина это знала и не постыдилась... А? нѣтъ, скажите... а? Да что тутъ толковать! Во всякомъ случаѣ, дѣлать было нечего. Меня же, собственно меня, надолго огорчила, обидѣла неблагодарность этой дѣвушки. Что ни говорите... сердца, чувства — въ этихъ людяхъ не ищите! Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ... Впередъ наука! Но я желалъ только доказать вамъ...

И г. Звѣрковъ, не докончивъ рѣчи, отворотилъ голову и завернулся плотнѣе въ свой плащъ, мужественно подавляя невольное волненіе.

Читатель теперь, вѣроятно, понимаетъ, почему я съ участіемъ посмотрѣлъ на Арину.

— Давно ты замужемъ за мельникомъ?—спросилъ я ее, наконецъ.

— Два года.

— Что жъ, развѣ тебѣ баринъ позволилъ?

— Меня откупили.

— Кто?

— Савелій Алексѣевичъ.

— Кто такой?

— Мужъ мой. (Ермолай улыбнулся про себя.) А развѣ вамъ баринъ говорилъ обо мнѣ?—прибавила Арина послѣ небольшого молчанья.

Я не зналъ, что отвѣчать на ея вопросъ. „Арина!“—закричалъ издали мельникъ. Она встала и ушла.

— Хорошій человѣкъ ея мужъ?—спросилъ я Ермолая.

— Ништо.

— А дѣти у нихъ есть?

— Былъ одинъ, да померъ.

душка Трофимычъ, который зналъ родословную всѣхъ дворовыхъ въ восходящей линіи до четвертаго колѣна, и тотъ разъ только сказалъ, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ, изъ похода въ обозѣ изволилъ привести. Даже, бывало, въ праздничные дни, дни всеобщаго жалованья и угощенія хлѣбомъ-солью, гречишными пирогами и зеленымъ виномъ, по старинному русскому обычаю, — даже и въ эти дни Степушка не являлся къ выставленнымъ столамъ и бочкамъ, не кланялся, не подходилъ къ барской рукѣ, не выпивалъ духомъ стакана подъ господскимъ взглядомъ и за господское здоровье, стакана, наполненнаго жирною рукою приказчика; — развѣ какая добрая душа, проходя мимо, удѣлитъ бѣднягѣ недоѣденный кусокъ пирога. Въ Свѣтлое Воскресенье съ нимъ христосовались, но онъ не подворачивалъ замаслennаго рукава, не доставалъ изъ задняго кармана своего краснаго яичка, не подносилъ его, задыхаясь и моргая, молодымъ господамъ или даже самой барынѣ. Проживалъ онъ лѣтомъ въ клѣти, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ, и онъ самъ, кажется, отъ роду рта не разинулъ. Послѣ пожара, этотъ заброшенный человѣкъ пріютился или, какъ говорятъ орловцы, „притулился“ у садовника Митрофана. Садовникъ не тронулъ его, но сказалъ ему: живи у меня, да и не прогналъ его. Степушка и не жилъ у садовника: онъ обиталъ, виталъ на огородѣ. Ходилъ онъ и двигался безъ всякаго шуму; чихалъ и кашлялъ въ руку, не безъ страха; вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку, словно муравей; и все для ѣды, для одной ѣды. И точно, не заботься онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи,— умеръ бы мой Степушка съ голоду. Плохое дѣло не знать поутру, чѣмъ къ вечеру сытъ будешь! То подъ заборомъ Степушка сидитъ и рѣдьку гложетъ, или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты подъ себя крошитъ; то ведро съ водой куда-то тащитъ и кряхтитъ; то подъ горшеч-

комъ огонекъ раскладываетъ и какіе-то черные кусочки изъ-за пазухи въ горшокъ бросаетъ; то у себя въ чуланчикѣ деревяжкой постукиваетъ, гвоздикъ приколачиваетъ, полочку для хлѣбца устраиваетъ. И все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ-за угла: глядь, ужъ и спрятался. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумѣется, никто не замѣчаетъ... Смотришь, ужъ онъ опять тутъ, опять гдѣ-нибудь около забора подъ таганчикъ щепочки украдкой подкладываетъ. Лицо у него маленькое, глазки желтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія, прозрачныя, какъ у летучей мыши, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбрита, и никогда ни меньше не бываетъ, ни больше. Вотъ этого-то Степушку я встрѣтилъ на берегу Исты, въ обществѣ другого старика.

Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и присѣлъ съ ними рядомъ. Въ товарищѣ Степушки я узналъ тоже знакомаго: это былъ вольноотпущенный человѣкъ графа Петра Ильича ***, Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Онъ проживалъ у болховского чахоточнаго мѣщанина, содержателя постоялаго двора, гдѣ я довольно часто останавливался. Проѣзжающіе по большой орловской дорогѣ молодые чиновники и другіе незанятые люди—(купцамъ, погруженнымъ въ свои полосатыя перины, не до того)—до сихъ поръ еще могутъ замѣтить въ недальнемъ разстояніи отъ большого села Троицкаго огромный деревянный домъ въ два этажа, совершенно заброшенный, съ провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. Въ полдень, въ ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнѣе этой развалины. Здѣсь нѣкогда жилъ графъ Петръ Ильичъ, извѣстный хлѣбосолъ, богатый вельможа стараго вѣка. Бывало, вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительномъ громѣ доморощенной музыки, трескотнѣ бураковъ и римскихъ свѣчей; и, вѣроятно, не одна старушка, проѣзжая теперь мимо запустѣлыхъ боярскихъ палатъ, вздохнетъ и вспомянетъ минувшія времена и минувшую молодость. Долго пировалъ графъ, долго расхаживалъ, привѣтливо улыбаясь, въ толпѣ подобо-

лонъ перваго сорта, табакерки, картины этакія большущія, изъ самаго Парижа выписывалъ. Задастъ банкетъ,— Господи, владыко живота моего! фейвирки пойдутъ, катанья! Даже изъ пушекъ палятъ. Музыкантовъ однихъ сорокъ человѣкъ налицо состояло. Капельмейстера изъ нѣмцевъ держалъ; да зазнался больно нѣмецъ: съ господами за однимъ столомъ кушать захотѣлъ; такъ и велѣли ихъ сіятельство прогнать его съ Богомъ: у меня и такъ, говоритъ, музыканты свое дѣло понимаютъ. Извѣстно: господская власть. Плясать пустятся—до зари пляшутъ, и все больше лакосезъ-матрадура... Э... э... э... попался братъ! (Старикъ вытащилъ изъ воды небольшого окуня.) На-ко, Стёпа. — Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ, баринъ,— продолжалъ старикъ, закинувъ опять удочку: — и душа была тоже добрая. Побьетъ, бывало, тебя, — смотришь, ужъ и позабылъ. Одно: матресокъ держалъ. Охъ, ужъ эти матрески, прости Господи! Онѣ-то его и разорили. И, вѣдь, все больше изъ низкаго сословія выбиралъ. Кажись, чего бы имъ еще? Такъ нѣтъ,—подавай имъ что ни на есть самаго дорогого въ цѣлой Европіи! И то сказать: почему не пожить въ свое удовольствіе, — дѣло господское... да разоряться-то не слѣдъ. Особенно одна: Акулиной ее называли; теперь она покойница—царство ей небесное! Дѣвка была простая, Ситовскаго десятскаго дочь, да такая злющая! По щекамъ, бывало, графа бьетъ. Околдовала его совсѣмъ. Племяннику моему лобъ забрила: на новое платье щеколатъ ей обронилъ... и не одному ему забрила лобъ. Да... А все-таки, хорошее было времечко!—прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ, потупился и умолкъ.

— А баринъ-то, я вижу, у васъ былъ строгъ?—началъ я, послѣ небольшого молчанія.

— Тогда это было во вкусѣ, батюшка,—возразилъ старикъ, качнувъ головой.

— Теперь ужъ этого не дѣлается, — замѣтилъ я, не спуская съ него глазъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Теперь, вѣстимо, лучше, — пробормоталъ онъ, и далеко закинулъ удочку.

Мы сидѣли въ тѣни: но и въ тѣни было душно. Тяжелый, знойный воздухъ словно замеръ; горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было. Солнце такъ и било съ каленаго, потемнѣвшаго неба; прямо передъ нами, на другомъ берегу, желтѣло овсяное поле, кое-гдѣ проросшее полынью, и хоть бы одинъ колосъ пошевельнулся. Немного пониже, крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣни и лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставивъ за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали въ порыжѣлой травѣ; перепела кричали какъ бы нехотя; ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крылами и распустивъ хвостъ вѣеромъ. Мы сидѣли неподвижно, подавленные жаромъ. Вдругъ позади насъ, въ оврагѣ, раздался шумъ: кто-то спускался къ источнику. Я оглянулся и увидалъ мужика лѣтъ пятидесяти, запыленнаго, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами. Онъ подошелъ къ ключу, съ жадностію напился и приподнялся.

— Э, Власъ? — вскрикнулъ Туманъ, вглядѣвшись въ него:—здорово, братъ. Откуда Богъ принесъ?

— Здорово, Михайла Савельичъ,—проговорилъ мужикъ, подходя къ намъ:—издалеча.

— Гдѣ пропадалъ?—спросилъ его Туманъ.

— А въ Москву сходилъ, къ барину.

— Зачѣмъ?

— Просить его ходилъ.

— О чемъ просить?

— Да чтобъ оброку сбавилъ, аль на барщину посадилъ, переселилъ что ли... Сынъ у меня умеръ — такъ мнѣ одному теперь не справиться.

— Умеръ твой сынъ?

— Умеръ. Покойникъ, — прибавилъ мужикъ, помолчавъ:—у меня въ Москвѣ въ извозчикахъ жилъ; за меня, признаться, и оброкъ взносилъ.

— Да развѣ вы теперь на оброкѣ?

— На оброкѣ.

— Что жъ твой баринъ?

— Что баринъ? Прогналъ меня! Говоритъ, какъ смѣешь прямо ко мнѣ идти: на то есть приказчикъ; ты, говоритъ, сперва приказчику обязанъ донести... да и куда я тебя переселю? Ты, говоритъ, сперва недоимку за себя взнеси. Осерчалъ вовсе.

— Ну, что жъ, ты и пошелъ назадъ?

— И пошелъ. Хотѣлъ-было справиться, не оставилъ ли покойникъ какого по себѣ добра, да толку не добился. Я хозяину-то его говорю: я, молъ, Филипповъ отецъ; а онъ мнѣ говоритъ: а я почемъ знаю? Да и сынъ твой ничего, говоритъ, не оставилъ; еще у меня въ долгу. Ну, я и пошелъ.

Мужикъ разсказывалъ намъ все это съ усмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла; но на маленькіе и съѣженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.

— Что жъ ты, теперь домой идешь?

— А то куда? Извѣстно, домой. Жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свиститъ.

— Да ты бы... того... — заговорилъ внезапно Стёпушка, — смѣшался, замолчалъ, и принялся копаться въ горшкѣ.

— А къ приказчику пойдешь?—продолжалъ Туманъ, не безъ удивленія взглянувъ на Стёпу.

— Зачѣмъ я къ нему пойду!.. За мной и такъ недоимка. Сынъ-то у меня передъ смертію съ годъ хворалъ, такъ и за себя оброку не взнесъ... Да мнѣ съ полугоря: взять-то съ меня нечего... Ужъ, братъ, какъ ты тамъ ни хитри,—шалишь: безотвѣтная моя голова! (Мужикъ разсмѣялся.) Ужъ онъ тамъ какъ ни мудри, Кинтильянъ-то Семенычъ,—а ужъ...

Власъ опять засмѣялся.

— Что жъ?—это плохо, братъ Власъ,—съ разстановкой произнесъ Туманъ.

— А чѣмъ плохо? Нѣ... (У Власа голосъ прервался.) Эка жара стоитъ, — продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ.

— Кто вашъ баринъ?—спросилъ я.

— Графъ ***, Валеріанъ Петровичъ.

— Сынъ Петра Ильича?

— Петра Ильича сынъ, — отвѣчалъ Туманъ. — Петръ Ильичъ, покойникъ, Власову-то деревню ему при жизни удѣлилъ.

— Что, онъ здоровъ?

— Здоровъ, слава Богу,—возразилъ Власъ.—Красный такой сталъ, лицо словно обложилось.

— Вотъ, батюшка, — продолжалъ Туманъ, обращаясь ко мнѣ: — добро бы подъ Москвой, а то здѣсь на оброкъ посадилъ.

— А почемъ съ тягла?

— Девяносто пять рублевъ съ тягла, — пробормоталъ Власъ.

— Ну, вотъ, видите; а земли самая малость, только и есть, что господскій лѣсъ.

— Да и тотъ, говорятъ, продали,—замѣтилъ мужикъ.

— Ну, вотъ, видите... Стёпа, дай-ка червяка... А, Стёпа? что ты, заснулъ что ли?

Стёпушка встрепенулся. Мужикъ подсѣлъ къ намъ. Мы опять пріумолкли. На другомъ берегу кто-то затянулъ пѣсню, да такую унылую... Пригорюнился мой бѣдный Власъ...

Черезъ полчаса мы разошлись.

IV.

УѢЗДНЫЙ ЛѢКАРЬ.

Однажды, осенью, на возвратномъ пути съ отъѣзжаго поля, я простудился и занемогъ. Къ счастью, лихорадка застигла меня въ уѣздномъ городѣ, въ гостиницѣ; я послалъ за докторомъ. Черезъ полчаса, явился уѣздный лѣкарь, человѣкъ небольшого роста, худенькій и черноволосый. Онъ прописалъ мнѣ обычное потогонное, велѣлъ приставить горчишникъ, весьма ловко запустилъ къ себѣ подъ обшлагъ пятирублевую бумажку,—причемъ, однако, сухо кашлянулъ и глянулъ въ сторону,—и уже совсѣмъ было собрался отправиться во-свояси, да какъ-то разговорился и остался. Жаръ меня томилъ; я предвидѣлъ безсонную ночь и радъ былъ поболтать съ добрымъ человѣкомъ. Подали чай. Пустился мой докторъ въ разговоры. Малый онъ былъ неглупый, выражался бойко и довольно забавно. Странныя дѣла случаются на свѣтѣ: съ инымъ человѣкомъ и долго живешь вмѣстѣ, и въ дружественныхъ отношеніяхъ находишься, а ни разу не заговоришь съ нимъ откровенно, отъ души; съ другимъ же едва познакомиться успѣешь—глядь: либо ты ему, либо онъ тебѣ, словно на исповѣди, всю подноготную и проболталъ. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ до-

вѣренность моего новаго пріятеля, — только онъ, ни съ того, ни съ сего, какъ говорится, „взялъ“ да и разсказалъ мнѣ довольно замѣчательный случай; а я вотъ и довожу теперь его разсказъ до свѣдѣнія благосклоннаго читателя. Я постараюсь выражаться словами лѣкаря.

— Вы не изволите знать,—началъ онъ разслабленнымъ и дрожащимъ голосомъ (таково дѣйствіе безпримѣснаго березовскаго табаку):—вы не изволите знать здѣшняго судью, Мылова, Павла Лукича?.. Не знаете... Ну, все равно. (Онъ откашлялся и протеръ глаза.) Вотъ, изволите видѣть, дѣло было этакъ, какъ бы вамъ сказать—не солгать, въ Великій постъ, въ самую ростопель. Сижу я у него, у нашего судьи, и играю въ преферансъ. Судья у насъ хорошій человѣкъ, и въ преферансъ играть охотникъ. Вдругъ (мой лѣкарь часто употреблялъ слово: вдругъ), говорятъ мнѣ: человѣкъ васъ спрашиваетъ. Я говорю: что ему надобно? Говорятъ, записку принесъ,—должно-быть, отъ больного. Подай, говорю, записку. Такъ и есть; отъ больного... Ну, хорошо,—это, понимаете, нашъ хлѣбъ... Да вотъ въ чемъ дѣло: пишетъ ко мнѣ помѣщица, вдова; говоритъ, дескать, дочь умираетъ, пріѣзжайте, ради самого Господа Бога нашего, и лошади, дескать, за вами присланы. Ну, это еще все ничего... Да живетъ-то она въ двадцати верстахъ отъ города, а ночь на дворѣ, и дороги такія, что фа! Да и сама бѣднѣющая, больше двухъ цѣлковыхъ ожидать тоже нельзя, и то еще сумнительно; а развѣ холстомъ придется попользоваться, да крупицами какими-нибудь. Однако, долгъ, вы понимаете, прежде всего:—человѣкъ умираетъ. Передаю вдругъ карты непремѣнному члену Калліопину и отправляюсь домой. Гляжу: стоитъ телѣжчонка передъ крыльцомъ; лошади крестьянскія,—пузатыя, препузатыя, шерсть на нихъ—войлоко настоящее, и кучеръ, ради уваженья, безъ шапки сидитъ. Ну, думаю: видно, братъ, господа-то твои не на золотѣ ѣдятъ... Вы изволите смѣяться, а я вамъ скажу: нашъ братъ, бѣдный человѣкъ, все въ соображенье принимай... Коли кучеръ сидитъ князем, да шапки не ломаетъ, да еще посмѣивается изъ-подъ бороды, да кнутикомъ шевелитъ—смѣло бей на двѣ депозитки! А тутъ, вижу,

дѣло-то не тѣмъ пахнетъ. Однако, думаю, дѣлать нечего: долгъ прежде всего. Захватываю самонужнѣйшія лѣкарства и отправляюсь." Повѣрите ли, едва дотащился. Дорога адская: ручьи, снѣгъ, грязь, водомоины, а тамъ вдругъ плотину прорвало—бѣда! Однако пріѣзжаю. Домикъ маленькій, соломой крытъ. Въ окнахъ свѣтъ: знать, ждутъ. Навстрѣчу мнѣ старушка, почтенная такая, въ чепцѣ; спасите, говоритъ, умираетъ. Я говорю: не извольте безпокоиться... Гдѣ больная?—Вотъ сюда пожалуйте.—Смотрю: комнатка чистенькая, въ углу лампада, на постели дѣвица, лѣтъ двадцати, въ безпамятствѣ. Жаромъ отъ нея такъ и пышетъ, дышитъ тяжело:—горячка. Тутъ же другія двѣ дѣвицы, сестры,—перепуганы, въ слезахъ.—Вотъ, говоритъ, вчера была совершенно здорова и кушала съ аппетитомъ; поутру сегодня жаловалась на голову, а къ вечеру, вдругъ, вотъ въ какомъ положеніи... Я опять-таки говорю: не извольте безпокоиться, — докторская, знаете, обязанность,—и приступилъ. Кровь ей пустилъ, горчишники поставить велѣлъ, микстуру прописалъ. Между тѣмъ я гляжу на нее, гляжу, знаете:—ну, ей-Богу, не видалъ еще такого лица... красавица, однимъ словомъ! Жалость меня такъ и разбираетъ. Черты такія пріятныя, глаза... Вотъ, слава Богу, успокоилась; потъ выступилъ, словно опомнилась, кругомъ поглядѣла, улыбнулась, рукой по лицу провела... Сестры къ ней нагнулись, спрашиваютъ: что съ тобою? — Ничего, говоритъ, да и отворотилась... Гляжу—заснула. Ну, говорю, теперь слѣдуетъ больную въ покоѣ оставить. Вотъ, мы всѣ на цыпочкахъ и вышли вонъ; горничная одна осталась, на всякій случай. А въ гостиной ужъ самоваръ на столѣ, и ямайскій тутъ же стоитъ: въ нашемъ дѣлѣ безъ этого нельзя. Подали мнѣ чай, просятъ остаться ночевать... я согласился: куда теперь ѣхать! Старушка все охаетъ. „Чего вы? говорю: будетъ жива, не извольте безпокоиться, а лучше отдохните-ка сами: второй часъ".—Да вы меня прикажете разбудить, коли что случится?—Прикажу, прикажу".—Старушка отправилась, и дѣвицы также пошли къ себѣ въ комнату; мнѣ постель въ гостиной постлали. Вотъ я легъ,—только не могу заснуть,—

что за чудеса! Ужъ на что, кажется, намучился. Все моя больная у меня съ ума нейдетъ. Наконецъ, не вытерпѣлъ, вдругъ всталъ; думаю: пойду, посмотрю, что дѣлаетъ паціентъ? А спальня-то ея съ гостиной рядомъ. Ну, всталъ, растворилъ тихонько дверь, — а сердце такъ и бьется. Гляжу: горничная спитъ, ротъ раскрыла и храпитъ даже, бестія! а больная лицомъ ко мнѣ лежитъ, и руки разметала, бѣдняжка! Я подошелъ... Какъ она вдругъ раскроетъ глаза и уставится на меня!.. „Кто это? кто это?“ — Я сконфузился.—Не пугайтесь, говорю, сударыня: я докторъ, пришелъ посмотрѣть, какъ вы себя чувствуете.—„Вы докторъ?“ — Докторъ, докторъ... Матушка ваша за мною въ городъ посылали; мы вамъ кровь пустили, сударыня; теперь извольте почивать, а дня этакъ черезъ два мы васъ, дастъ Богъ, на ноги поставимъ.—„Ахъ, да, да, докторъ, не дайте мнѣ умереть... пожалуйста, пожалуйста“. — Что вы это, Богъ съ вами!—А у ней опять жаръ, думаю я про себя; пощупалъ пульсъ: точно, жаръ. Она посмотрѣла на меня,— да какъ возьметъ меня вдругъ за руку.—„Я вамъ скажу, почему мнѣ не хочется умереть, я вамъ скажу, я вамъ скажу... теперь мы одни; только вы, пожалуйста, никому... послушайте“... Я нагнулся; придвинула она губы къ самому моему уху, волосами щеку мою трогаетъ, — признаюсь, у меня самого кругомъ пошла голова,—и начала шептать... Ничего не понимаю... Ахъ, да это она бредитъ... Шептала, шептала, да такъ проворно и словно не по-русски, кончила, вздрогнула, уронила голову на подушку и пальцемъ мнѣ погрозилась.—„Смотрите же, докторъ, никому“... Кое-какъ я ее успокоилъ, далъ ей напиться, разбудилъ горничную и вышелъ.

Тутъ лѣкарь опять съ ожесточеніемъ понюхалъ табаку и на мгновеніе оцѣпенѣлъ.

— Однако,—продолжалъ онъ:—на другой день больной, въ противность моимъ ожиданіямъ, не полегчило. Я подумалъ, подумалъ и вдругъ рѣшился остаться, хотя меня другіе паціенты ожидали... А вы знаете, этимъ неглижировать нельзя: практика отъ этого страдаетъ. Но, во-первыхъ, больная дѣйствительно находилась въ отчаяніи; а

во-вторыхъ, надо правду сказать, я самъ чувствовалъ сильное къ ней расположеніе. Притомъ же, и все семейство мнѣ нравилось. Люди они были хоть и неимущіе, но образованные, можно сказать, на рѣдкость... Отецъ-то у нихъ былъ человѣкъ ученый, сочинитель; умеръ, конечно, въ бѣдности, но воспитаніе дѣтямъ успѣлъ сообщить отличное; книгъ тоже много оставилъ. Потому ли, что хлопоталъ-то я усердно около больной, по другимъ ли какимъ-либо причинамъ, только меня, смѣю сказать, полюбили въ домѣ, какъ родного... Между тѣмъ, распутица сдѣлалась страшная: всѣ сообщенія, такъ сказать, прекратились совершенно; даже лѣкарство съ трудомъ изъ города доставлялось... Больная не поправлялась... День за день, день за день... Но вотъ-съ... тутъ-съ... (Лѣкарь помолчалъ.) Право, не знаю, какъ бы вамъ изложить-съ... (Онъ снова понюхалъ табаку, крякнулъ и хлебнулъ глотокъ чаю.) Скажу вамъ безъ обиняковъ, больная моя... какъ бы это того... ну, полюбила, что ли, меня... или нѣтъ, не то, чтобы полюбила... а, впрочемъ... право, какъ это, того-съ... (Лѣкарь потупился и покраснѣлъ.)

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ съ живостью:—какое полюбила! Надо себѣ, наконецъ, цѣну знать. Дѣвица она была образованная, умная, начитанная, а я даже латынь-то свою позабылъ, можно сказать, совершенно. Насчетъ фигуры (лѣкарь съ улыбкой взглянулъ на себя) также, кажется, нечѣмъ хвастаться. Но дуракомъ Господь Богъ тоже меня не уродилъ: я бѣлое чернымъ не назову; я кое-что тоже смекаю. Я, напримѣръ, очень хорошо понялъ, что Александра Андреевна—ее Александрой Андреевной звали—не любовь ко мнѣ почувствовала, а дружеское, такъ сказать, расположеніе, уваженіе, что ли. Хотя она сама, можетъ-быть, въ этомъ отношеніи ошибалась, да вѣдь положеніе ея было какое, вы сами разсудите... Впрочемъ, — прибавилъ лѣкарь, который всѣ эти отрывистыя рѣчи произнесъ не переводя духа и съ явнымъ замѣшательствомъ:—я, кажется, немного зарапортовался... Этакъ вы ничего не поймете... а вотъ, позвольте, я вамъ все по порядку разскажу.

Онъ допилъ стаканъ чаю и заговорилъ голосомъ болѣе спокойнымъ.

— Такъ, такъ-то-съ. Моей больной все хуже становилось, хуже, хуже. Вы не медикъ, милостивый государь; вы понять не можете, что происходитъ въ душѣ нашего брата, особенно на первыхъ порахъ, когда онъ начинаетъ догадываться, что болѣзнь-то его одолѣваетъ. Куда дѣнется самоувѣренность! Оробѣешь вдругъ такъ, что и сказать нельзя. Такъ тебѣ и кажется, что и позабылъ-то ты все, что зналъ, и что больной-то тебѣ не довѣряетъ, и что другіе уже начинаютъ замѣчать, что ты потерялся, и неохотно симптомы тебѣ сообщаютъ, исподлобья глядятъ, шепчутся... э, скверно! Вѣдь есть же лѣкарство, думаешь, противъ этой болѣзни, стоитъ только найти. Вотъ, не оно ли? Попробуешь—нѣтъ, не оно! Не даешь времени лѣкарству, какъ слѣдуетъ, подѣйствовать... то за то хватишься, то за то. Возьмешь, бывало, рецептурную книгу... вѣдь тутъ оно, думаешь, тутъ! Право слово, иногда наобумъ раскроешь: авось, думаешь, судьба... А человѣкъ межъ тѣмъ умираетъ; а другой бы его лѣкарь спасъ. Консиліумъ, говоришь, нуженъ; я на себя отвѣтственности не беру. А ужъ какимъ дуракомъ въ такихъ случаяхъ глядишь! Ну, со временемъ обтерпишься, ничего. Умеръ человѣкъ,—не твоя вина: ты по правиламъ поступалъ. А то вотъ что еще мучительно бываетъ: видишь довѣріе къ тебѣ слѣпое, а самъ чувствуешь, что не въ состояніи помочь. Вотъ, именно такое довѣріе все семейство Александры Андреевны ко мнѣ возымѣло:—и думать позабыли, что у нихъ дочь въ опасности. Я ихъ тоже, съ своей стороны, увѣряю, что ничего, дескать, а у самого душа въ пятки уходитъ. Къ довершенію несчастія, такая подошла распутица, что за лѣкарствомъ по цѣлымъ днямъ, бывало, кучеръ ѣздитъ. А я изъ комнаты больной не выхожу, оторваться не могу, разные, знаете, смѣшные анекдотцы разсказываю, въ карты съ нею играю. Ночи просиживаю. Старушка меня со слезами благодаритъ; а я про себя думаю: не стою я твоей благодарности. Признаюсь вамъ откровенно — теперь не для чего скрываться — влюбился я въ мою больную. И

Александра Андреевна ко мнѣ привязалась: никого, бывало, къ себѣ въ комнату, кромѣ меня, не пускаетъ. Начнетъ со мной разговаривать,—разспрашиваетъ меня, гдѣ я учился, какъ живу, кто мои родные, къ кому я ѣзжу? И чувствую я, что не слѣдъ ей разговаривать, а запретить ей, рѣшительно этакъ, знаете, запретить — не могу. Схвачу, бывало, себя за голову:—что ты дѣлаешь, разбойникъ?.. А то—возьметъ меня за руку и держитъ, глядитъ на меня, долго, долго глядитъ, отвернется, вздохнетъ и скажетъ: какой вы добрый! Руки у ней такія горячія, глаза большіе, томные.—Да, говоритъ, вы добрый, вы хорошій человѣкъ, вы не то, что наши сосѣди... нѣтъ, вы не такой... Какъ это я до сихъ поръ васъ не знала!—Александра Андреевна, успокойтесь, говорю... я, повѣрьте, чувствую, я не знаю, чѣмъ заслужилъ... только вы успокойтесь, ради Бога, успокойтесь... все хорошо будетъ, вы будете здоровы. — А между тѣмъ, долженъ я вамъ сказать,—прибавилъ лѣкарь, нагнувшись впередъ и поднявъ кверху брови:—что съ сосѣдями они мало водились оттого, что мелкіе имъ не подъ-стать приходились, а съ богатыми гордость запрещала знаться. Я вамъ говорю: чрезвычайно образованное было семейство;—такъ мнѣ, знаете, и лестно было. Изъ однѣхъ моихъ рукъ лѣкарство принимала. приподнимется, бѣдняжка, съ моею помощью, приметъ и взглянетъ на меня... сердце у меня такъ и покатится. А между тѣмъ, ей все хуже становилось, все хуже: умретъ, думаю, непремѣнно умретъ. Повѣрите ли, хоть самому въ гробъ ложиться, а тутъ мать, сестры наблюдаютъ, въ глаза мнѣ смотрятъ... и довѣріе проходитъ. „Что? какъ?“—Ничего-съ, ничего-съ!—а какое ничего-съ, умъ мѣшается. Вотъ-съ, сижу я однажды ночью, одинъ опять, возлѣ больной. Дѣвка тутъ тоже сидитъ и храпитъ во всю ивановскую... Ну, съ несчастной дѣвки взыскать нельзя: заторможилась и она. Александра-то Андреевна весьма нехорошо себя весь вечеръ чувствовала; жаръ ее замучилъ. До самой полуночи все металась; наконецъ, словно заснула; по крайней мѣрѣ, не шевелится, лежитъ. Лампада въ углу передъ образомъ горитъ. Я сижу, знаете, потупился,

дремлю тоже. Вдругъ, словно меня кто подъ бокъ толкнулъ, обернулся я... Господи, Боже мой! Александра Андреевна во всѣ глаза на меня глядитъ... губы раскрыты, щеки такъ и горятъ.— Что съ вами? — „Докторъ, вѣдь я умру?“—Помилуй Богъ!—„Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, пожалуйста, не говорите мнѣ, что я буду жива... не говорите... если бъ вы знали... послушайте, ради Бога, не скрывайте отъ меня моего положенія!“—а сама такъ скоро дышитъ.—„Если я буду знать навѣрное, что я умереть должна... я вамъ тогда все скажу, все!“—Александра Андреевна, помилуйте!—„Послушайте, вѣдь я не спала нисколько, я давно на васъ гляжу... ради Бога... я вамъ вѣрю, вы человѣкъ добрый, вы честный человѣкъ, заклинаю васъ всѣмъ, что есть святого на свѣтѣ — скажите мнѣ правду! Если бъ вы знали, какъ это для меня важно... Докторъ, ради Бога, скажите, я въ опасности?“—Что я вамъ скажу, Александра Андреевна, помилуйте!—„Ради Бога, умоляю васъ!“—Не могу скрыть отъ васъ, Александра Андреевна—вы, точно, въ опасности, но Богъ милостивъ...—„Я умру, я умру“... И она словно обрадовалась, лицо такое веселое стало; я испугался. — „Да не бойтесь, не бойтесь, меня смерть нисколько не страшаетъ“. Она вдругъ приподнялась и оперлась на локоть.—„Теперь... ну, теперь я могу вамъ сказать, что я благодарна вамъ отъ всей души, что вы добрый, хорошій человѣкъ, что я васъ люблю“... Я гляжу на нее, какъ шальной; жутко мнѣ, знаете...—„Слышите ли, я люблю васъ“...—Александра Андреевна, чѣмъ же я заслужилъ!—„Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не понимаете... ты меня не понимаешь“... И вдругъ, она протянула руки, схватила меня за голову и поцѣловала... Повѣрите ли, я чуть-чуть не закричалъ... бросился на колѣни и голову въ подушки спряталъ. Она молчитъ; пальцы ея у меня на волосахъ дрожатъ; слышу: плачетъ. Я началъ ее утѣшать, увѣрять... я ужъ, право, не знаю, что я такое ей говорилъ.—Дѣвку, говорю, разбудите, Александра Андреевна... благодарю васъ... вѣрьте... успокойтесь.—„Да полно же, полно“, твердила она. „Богъ съ ними со всѣми; ну, проснутся, ну, придутъ—все равно: вѣдь умру же я... Да

и ты чего робѣешь, чего боишься? подними голову... Или вы, можетъ-быть, меня не любите, можетъ-быть, я обманулась... въ такомъ случаѣ, извините меня".—Александра Андреевна, что̀ вы говорите?.. я люблю васъ, Александра Андреевна.—Она взглянула мнѣ прямо въ глаза, раскрыла руки. — „Такъ обними же меня"... Скажу вамъ откровенно: я не понимаю, какъ я въ ту ночь съ ума не сошелъ. Чувствую я, что больная моя себя губитъ; вижу, что не совсѣмъ она въ памяти; понимаю также и то, что не почитай она себя при смерти, — не подумала бы она обо мнѣ; а то, вѣдь, какъ хотите, жутко умирать въ двадцать пять лѣтъ, никого не любивши: вѣдь вотъ что̀ ее мучило, вотъ отъ чего она, съ отчаянья, хоть за меня ухватилась,— понимаете теперь? Но не выпускаетъ она меня изъ своихъ рукъ.—Пощадите меня, Александра Андреевна, да и себя пощадите, говорю.—„Къ чему", говоритъ, „чего жалѣть? Вѣдь должна же я умереть"... Это она безпрестанно повторяла.—„Вотъ, если бы я знала, что я въ живыхъ останусь и опять въ порядочныя барышни попаду, мнѣ бы стыдно было, точно стыдно... а то что̀?"—Да кто вамъ сказалъ, что вы умрете? — „Э, нѣтъ, полно, ты меня не обманешь, ты лгать не умѣешь, посмотри на себя".—Вы будете живы, Александра Андреевна, я васъ вылѣчу; мы испросимъ у вашей матушки благословеніе... мы соединимся узами, мы будемъ счастливы. — „Нѣтъ, нѣтъ, я съ васъ слово взяла, я должна умереть... ты мнѣ обѣщалъ... ты мнѣ сказалъ"... Горько было мнѣ, по многимъ причинамъ горько. И посудите, вотъ какія иногда приключаются вещицы: кажется, ничего, а больно. Вздумалось ей спросить меня, какъ мое имя, то-есть не фамилія, а имя. Надо же несчастье такое, что меня Трифономъ зовутъ. Да-съ, да-съ; Трифономъ, Трифономъ Ивановичемъ. Въ домѣ-то меня всѣ докторомъ звали. Я, дѣлать нечего, говорю: Трифонъ, сударыня. Она прищурилась, покачала головой и прошептала что-то по-французски,—охъ, да недоброе что-то, и засмѣялась потомъ, нехорошо тоже. Вотъ, этакъ-то я почти всю ночь провелъ съ ней. Поутру вышелъ, словно угорѣлый; вошелъ къ ней опять въ комнату уже днемъ,

послѣ чаю. Боже мой, Боже мой! Узнать ее нельзя: краше въ гробъ кладутъ. Честью вамъ клянусь, не понимаю теперь, не понимаю рѣшительно, какъ я эту пытку выдержалъ. Три дня, три ночи еще проскрипѣла моя больная... и какія ночи! Что она мнѣ говорила!.. А въ послѣднюю-то ночь, вообразите вы себѣ,—сижу я подлѣ нея, и ужъ объ одномъ Бога прошу: прибери, дескать, ее поскорѣй, да и меня тутъ же... Вдругъ старушка-мать — шасть въ комнату... Ужъ я ей наканунѣ сказалъ, матери-то, что мало, дескать, надежды, плохо, и священника не худо бы. Больная, какъ увидѣла мать, и говоритъ:—„ну, вотъ, хорошо, что пришла... посмотри-ка на насъ, мы другъ друга любимъ, мы другъ другу слово дали“. — „Что это она, докторъ, что она?“ Я помертвѣлъ.—Бредитъ-съ,—говорю:—жаръ... А она-то: — „Полно, полно, ты мнѣ сейчасъ совсѣмъ другое говорилъ и кольцо отъ меня принялъ... Что притворяешься? Мать моя добрая, она проститъ, она поймета; а я умираю—мнѣ не къ чему лгать; дай мнѣ руку“... Я вскочилъ и вонъ выбѣжалъ. Старушка, разумѣется, догадалась.

— Не стану я васъ, однако, долѣе томить, да и мнѣ самому, признаться, тяжело все это припоминать. Моя больная на другой же день скончалась. Царство ей небесное! (прибавилъ лѣкарь скороговоркой и со вздохомъ). Передъ смертью попросила она своихъ выйти и меня наединѣ съ ней оставить.—„Простите меня“, говоритъ: „я, можетъ-быть, виновата передъ вами... болѣзнь... но, повѣрьте, я никого не любила болѣе васъ... не забывайте же меня... берегите мое кольцо“...

Лѣкарь отвернулся; я взялъ его за руку.

— Эхъ,—сказалъ онъ:—давайте-ка о чемъ-нибудь другомъ говорить, или не хотите ли въ преферансикъ по маленькой? Нашему брату, знаете ли, не слѣдъ такимъ возвышеннымъ чувствованіямъ предаваться. Нашъ братъ думай объ одномъ: какъ бы дѣти не нищали, да жена не бранилась. Вѣдь я съ тѣхъ поръ въ законный, какъ говорится, бракъ вступить успѣлъ... Какъ же... Купеческую дочь взялъ: семь тысячъ приданаго. Зовутъ ее Акулиной;

Трифону-то подъ-стать. Баба, долженъ я вамъ сказать, злая, да благо, спитъ цѣлый день... А что жъ преферансъ?..

Мы сѣли въ преферансъ по копейкѣ. Трифонъ Иванычъ выигралъ у меня два рубля съ полтиной—и ушелъ поздно, весьма довольный своей побѣдой.

V.

МОЙ СОСѢДЪ РАДИЛОВЪ.

Осенью вальдшнепы часто держатся въ старинныхъ липовыхъ садахъ. Такихъ садовъ у насъ, въ Орловской губерніи, довольно много. Прадѣды наши, при выборѣ мѣста для жительства, непремѣнно отбивали десятины двѣ хорошей земли подъ фруктовый садъ съ липовыми аллеями. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, много семьдесятъ, эти усадьбы, „дворянскія гнѣзда“, понемногу исчезали съ лица земли; дома сгнивали или продавались на свозъ, каменныя службы превращались въ груды развалинъ, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреблялись. Однѣ липы попрежнему росли себѣ на славу, и теперь, окруженныя распаханными полями, гласятъ нашему вѣтреному племени о „прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ“. Прекрасное дерево—такая старая липа... Ее щадитъ даже безжалостный топоръ русскаго мужика. Листъ на ней мелкій, могучіе сучья широко раскинулись во всѣ стороны, вѣчная тѣнь подъ ними.

Однажды, скитаясь съ Ермолаемъ по полямъ за куропатками, завидѣлъ я въ сторонѣ заброшенный садъ и отправился туда. Только-что я вошелъ въ опушку, вальдшнепъ со стукомъ поднялся изъ куста;—я выстрѣлилъ, и

въ то же мгновенье, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, раздался крикъ: испуганное лицо молодой дѣвушки выглянуло изъ-за деревьевъ и тотчасъ скрылось. Ермолай подбѣжалъ ко мнѣ.—„Что вы здѣсь стрѣляете: здѣсь живетъ помѣщикъ".

Не успѣлъ я ему отвѣтить; не успѣла собака моя съ благородной важностью донести до меня убитую птицу, какъ послышались проворные шаги, и человѣкъ высокаго росту, съ усами, вышелъ изъ чащи и съ недовольнымъ видомъ остановился передо мной. Я извинился, какъ могъ, назвалъ себя и предложилъ ему птицу, застрѣленную въ его владѣніяхъ.

— Извольте,—сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой: —я приму вашу дичь, но только съ условіемъ: вы у насъ останетесь обѣдать.

Признаться, я не очень обрадовался его предложенію, но отказаться было невозможно.

— Я здѣшній помѣщикъ и вашъ сосѣдъ, Радиловъ; можетъ, слыхали,— продолжалъ мой новый знакомый: —сегодня воскресенье, и обѣдъ у меня, должно-быть, будетъ порядочный, а то бы я васъ не пригласилъ.

Я отвѣчалъ, что отвѣчаютъ въ такихъ случаяхъ, и отправился вслѣдъ за нимъ. Недавно-расчищенная дорожка скоро вывела насъ изъ липовой рощи; мы вошли въ огородъ. Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрѣли круглые, блѣдно-зеленые кочаны капусты; хмель винтами обвивалъ высокія тычинки; тѣсно торчали на грядахъ бурые прутья, перепутанные засохшимъ горохомъ; большія плоскія тыквы словно валялись на землѣ; огурцы желтѣли изъ-подъ запыленныхъ, угловатыхъ листьевъ; вдоль плетня качалась высокая крапива; въ двухъ или трехъ мѣстахъ кучами росли: татарская жимолость, бузина, шиповникъ—остатки прежнихъ „клумбъ". Возлѣ небольшой сажалки, наполненной красноватой и слизистой водой, виднѣлся колодецъ, окруженный лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли въ этихъ лужицахъ; собака, дрожа всѣмъ тѣломъ и жмурясь, грызла кость на полянѣ; пѣгая корова тутъ же лѣниво щипала

траву, изрѣдка закидывая хвость на худую спину. Дорожка повернула въ сторону; изъ-за толстыхъ ракитъ и березъ глянулъ на насъ старенькій, сѣрый домикъ съ тесовой крышей и кривымъ крылечкомъ. Радиловъ остановился.

— Впрочемъ, — сказалъ онъ, добродушно и прямо посмотрѣвъ мнѣ въ лицо: — я теперь раздумалъ; можетъ-быть, вамъ вовсе не хочется заходить ко мнѣ, въ такомъ случаѣ...

Я не далъ ему договорить и увѣрилъ его, что мнѣ, напротивъ, очень пріятно будетъ у него отобѣдать.

— Ну, какъ знаете.

Мы вошли въ домъ. Молодой малый, въ длинномъ кафтанѣ изъ синяго толстаго сукна, встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Радиловъ тотчасъ приказалъ ему поднести водки Ермолаю; мой охотникъ почтительно поклонился спинѣ великодушнаго дателя. Изъ передней, заклеенной разными пестрыми картинами, завѣшенной клѣтками, вошли мы въ небольшую комнату — кабинетъ Радилова. Я снялъ свои охотничьи доспѣхи, поставилъ ружье въ уголъ, малый въ длинномъ сюртукѣ хлопотливо обчистилъ меня.

— Ну, теперь пойдемте въ гостиную, — ласково проговорилъ Радиловъ: — я васъ познакомлю съ моей матушкой.

Я пошелъ за нимъ. Въ гостиной, на середнемъ диванѣ, сидѣла старушка небольшого росту, въ коричневомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, съ добренькимъ и худенькимъ лицомъ, робкимъ и печальнымъ взглядомъ.

— Вотъ, матушка, рекомендую: сосѣдъ нашъ***.

Старушка привстала и поклонилась мнѣ, не выпуская изъ сухощавыхъ рукъ толстаго гаруснаго ридикюля въ видѣ мѣшка.

— Давно вы пожаловали въ нашу сторону? — спросила она слабымъ и тихимъ голосомъ, помаргивая глазами.

— Нѣтъ-съ, недавно.

— Долго намѣрены здѣсь остаться?

— Думаю, до зимы.

Старушка замолчала.

— А вотъ это, — подхватилъ Радиловъ, указывая мнѣ

на человѣка высокаго и худого, котораго я при входѣ въ гостиную не замѣтилъ:—это Ѳедоръ Михѣичъ... Ну-ка, Ѳедя, покажи свое искусство гостю. Что ты забился въ уголъ-то?

Ѳедоръ Михѣичъ тотчасъ поднялся со стула, досталъ съ окна дрянненькую скрипку, взялъ смычокъ—не за конецъ, какъ слѣдуетъ, а за середину, прислонилъ скрипку къ груди, закрылъ глаза и пустился въ плясъ, напѣвая пѣсенку и пиликая по струнамъ. Ему на видъ было лѣтъ семьдесятъ; длинный панковый сюртукъ печально болтался на сухихъ и костлявыхъ его членахъ. Онъ плясалъ; то съ удальствомъ потряхивалъ, то, словно замирая, поводилъ маленькой лысой головкой, вытягивалъ жилистую шею, топоталъ ногами на мѣстѣ, иногда, съ замѣтнымъ трудомъ, сгибалъ колѣни. Его беззубый ротъ издавалъ дряхлый голосъ. Радиловъ, должно-быть, догадался по выраженію моего лица, что мнѣ „искусство“ Ѳеди не доставляло большого удовольствія.

— Ну, хорошо, старина, полно,—проговорилъ онъ:—можешь пойти наградить себя.

Ѳедоръ Михѣичъ тотчасъ положилъ скрипку на окно, поклонился сперва мнѣ, какъ гостю, потомъ старушкѣ, потомъ Радилову и вышелъ вонъ.

— Тоже былъ помѣщикъ, — продолжалъ мой новый пріятель: — и богатый, да разорился—вотъ, проживаетъ теперь у меня... А въ свое время считался первымъ по губерніи хватомъ; двухъ женъ отъ мужей увезъ, пѣсельниковъ держалъ, самъ пѣвалъ и плясалъ мастерски... Но не прикажете ли водки? вѣдь ужъ обѣдъ на столѣ.

Молодая дѣвушка, та самая, которую я мелькомъ видѣлъ въ саду, вошла въ комнату.

— А вотъ и Оля!—замѣтилъ Радиловъ, слегка отвернувъ голову:—прошу любить и жаловать... Ну, пойдемте обѣдать.

Мы отправились въ столовую, сѣли. Пока мы шли изъ гостиной и садились, Ѳедоръ Михѣичъ, у котораго отъ „награды“ глазки засіяли и носъ слегка покраснѣлъ, пѣлъ: „Громъ побѣды раздавайся!“ Ему поставили особый при-

боръ въ углу, на маленькомъ столикѣ, безъ салфетки. Бѣдный старикъ не могъ похвалиться опрятностью, и потому его постоянно держали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ общества. Онъ перекрестился, вздохнулъ и началъ ѣсть, какъ акула. Обѣдъ былъ дѣйствительно не дуренъ и, въ качествѣ воскреснаго, не обошелся безъ трепещущаго желе и испанскихъ вѣтровъ (пирожнаго). За столомъ Радиловъ, который лѣтъ десять служилъ въ армейскомъ пѣхотномъ полку и въ Турцію ходилъ, пустился въ разсказы; я слушалъ его со вниманіемъ и украдкой наблюдалъ за Ольгой. Она не очень была хороша собой; но рѣшительное и спокойное выраженіе ея лица, ея широкій, бѣлый лобъ, густые волосы и, въ особенности, каріе глаза, небольшіе, но умные, ясные и живые, поразили бы и всякаго другого на моемъ мѣстѣ. Она какъ будто слѣдила за каждымъ словомъ Радилова; не участіе,—страстное вниманіе изображалось на ея лицѣ. Радиловъ, по лѣтамъ, могъ бы быть ея отцомъ; онъ говорилъ ей: „ты“, но я тотчасъ догадался, что она не была его дочерью. Въ теченіе разговора онъ упомянулъ о своей покойной женѣ — „ея сестра“, прибавилъ онъ, указавъ на Ольгу. Она быстро покраснѣла и опустила глаза. Радиловъ помолчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Старушка во весь обѣдъ не произнесла слова, сама почти ничего не ѣла и меня не потчивала. Ея черты дышали какимъ-то боязливымъ и безнадежнымъ ожиданьемъ, той старческой грустью, отъ которой такъ мучительно сжимается сердце зрителя. Къ концу обѣда Ѳедоръ Михѣичъ началъ-было „славить“ хозяевъ и гостя, но Радиловъ взглянулъ на меня и попросилъ его замолчать; старикъ провелъ рукой по губамъ, заморгалъ глазами, поклонился и присѣлъ опять, но уже на самый край стула. Послѣ обѣда мы съ Радиловымъ отправились въ его кабинетъ.

Въ людяхъ, которыхъ сильно и постоянно занимаетъ одна мысль или одна страсть, замѣтно что-то общее, какое-то внѣшнее сходство въ обращеньи, какъ бы ни были, впрочемъ, различны ихъ качества, способности, положеніе въ свѣтѣ и воспитаніе. Чѣмъ болѣе я наблюдалъ за Ра-

диловымъ, тѣмъ болѣе мнѣ казалось, что онъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Онъ говорилъ о хозяйствѣ, объ урожаѣ, покосѣ, о войнѣ, уѣздныхъ сплетняхъ и близкихъ выборахъ, говорилъ безъ принужденья, даже съ участьемъ, но вдругъ вздыхалъ и опускался въ кресла, какъ человѣкъ, утомленный тяжкой работой, проводилъ рукой по лицу. Вся душа его, добрая и теплая, казалось, была проникнута насквозь, пресыщена однимъ чувствомъ. Меня поражало уже то, что я не могъ въ немъ открыть страсти ни къ ѣдѣ, ни къ винѣ, ни къ охотѣ, ни къ курскимъ соловьямъ, ни къ голубямъ, страдающимъ падучей болѣзнью, ни къ русской литературѣ, ни къ иноходцамъ, ни къ венгеркамъ, ни къ карточной и бильярдной игрѣ, ни къ танцовальнымъ вечерамъ, ни къ поѣздкамъ въ губернскіе и столичные города, ни къ бумажнымъ фабрикамъ и свекло-сахарнымъ заводамъ, ни къ раскрашеннымъ бесѣдкамъ, ни къ чаю, ни къ доведеннымъ до разврата пристяжнымъ, ни даже къ толстымъ кучерамъ, подпоясаннымъ подъ самыми мышками, къ тѣмъ великолѣпнымъ кучерамъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, отъ каждаго движенія шеи глаза косятся и лѣзутъ вонъ... „Что жъ это за помѣщикъ, наконецъ!“—думалъ я. А между тѣмъ, онъ вовсе не прикидывался человѣкомъ мрачнымъ и своею судьбою недовольнымъ; напротивъ, отъ него такъ и вѣяло неразборчивымъ благоволеньемъ, радушьемъ и почти обидной готовностью сближенья съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Правда, вы въ то же самое время чувствовали, что подружиться, дѣйствительно сблизиться онъ ни съ кѣмъ не могъ, и не могъ не оттого, что вообще не нуждался въ другихъ людяхъ, а оттого, что вся жизнь его ушла на время внутрь. Вглядываясь въ Радилова, я никакъ не могъ себѣ представить его счастливымъ ни теперь, ни когда-нибудь. Красавцемъ онъ тоже не былъ; но въ его взорѣ, въ улыбкѣ, во всемъ его существѣ таилось что-то чрезвычайно привлекательное,—именно таилось. Такъ, кажется, и хотѣлось бы узнать его получше, полюбить его. Конечно, въ немъ иногда высказывался помѣщикъ и степнякъ; но человѣкъ онъ, все-таки, былъ славный.

Мы начали-было толковать съ нимъ о новомъ уѣздномъ предводителѣ, какъ вдругъ у двери раздался голосъ Ольги: „Чай готовъ“. Мы пошли въ гостиную. Ѳедоръ Михѣичъ попрежнему сидѣлъ въ своемъ уголку, между окошкомъ и дверью, скромно подобравъ ноги. Мать Радилова вязала чулокъ. Сквозь открытыя окна изъ саду вѣяло осенней свѣжестью и запахомъ яблоковъ. Ольга хлопотливо разливала чай. Я съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на нее теперь, чѣмъ за обѣдомъ. Она говорила очень мало, какъ вообще всѣ уѣздныя дѣвицы, но въ ней, по крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ желанья сказать что-нибудь хорошее, вмѣстѣ съ мучительнымъ чувствомъ пустоты и безсилія; она не вздыхала, словно отъ избытка неизъяснимыхъ ощущеній, не закатывала глаза подъ лобъ, не улыбалась мечтательно и неопредѣленно. Она глядѣла спокойно и равнодушно, какъ человѣкъ, который отдыхаетъ отъ большого счастья или отъ большой тревоги. Ея походка, ея движенья были рѣшительны и свободны. Она мнѣ очень нравилась.

Мы съ Радиловымъ опять разговорились. Я уже не помню, какимъ путемъ мы дошли до извѣстнаго замѣчанья: какъ часто самыя ничтожныя вещи производятъ большее впечатлѣніе на людей, чѣмъ самыя важныя.

— Да, — промолвилъ Радиловъ: — это я испыталъ на себѣ. Я, вы знаете, былъ женатъ. Не долго... три года; моя жена умерла отъ родовъ. Я думалъ, что не переживу ее; я былъ огорченъ страшно, убитъ, но плакать не могъ—ходилъ, словно шальной. Ее, какъ слѣдуетъ, одѣли, положили на столъ — вотъ въ этой комнатѣ. Пришелъ священникъ; дьячки пришли, стали пѣть, молиться, курить ладаномъ; я клалъ земные поклоны, и хоть бы слезинку выронилъ. Сердце у меня точно окаменѣло и голова тоже, — и весь я отяжелѣлъ. Такъ прошелъ первый день. Вѣрите ли? ночью я заснулъ даже. На другое утро вошелъ я къ женѣ, — дѣло было лѣтомъ, солнце освѣщало ее съ ногъ до головы, да такъ ярко.—Вдругъ я увидѣлъ... (Здѣсь Радиловъ невольно вздрогнулъ.) Что вы думаете? Глазъ у нея не совсѣмъ былъ закрытъ, и по

этому глазу ходила муха... Я повалился, какъ снопъ, и, какъ опомнился, сталъ плакать, плакать,—унять себя не могъ...

Радиловъ замолчалъ. Я посмотрѣлъ на него, потомъ на Ольгу... Ввѣкъ мнѣ не забыть выраженія ея лица. Старушка положила чулокъ на колѣни, достала изъ ридикюля платокъ и украдкой утерла слезу. Ѳедоръ Михѣичъ вдругъ поднялся, схватилъ свою скрипку и хриплымъ и дикимъ голосомъ затянулъ пѣсенку. Онъ желалъ, вѣроятно, развеселить насъ; но мы всѣ вздрогнули отъ его перваго звука, и Радиловъ попросилъ его успокоиться.

— Впрочемъ, — продолжалъ онъ: — что было, то было; прошлаго не воротишь, да и наконецъ... все къ лучшему въ здѣшнемъ мірѣ, какъ сказалъ, кажется, Вольтѣръ, — прибавилъ онъ поспѣшно.

— Да, — возразилъ я: — конечно. Притомъ, всякое несчастье можно перенести, и нѣтъ такого скверная положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти.

— Вы думаете?—замѣтилъ Радиловъ.—Что жъ, можетъ-быть, вы правы. Я, помнится, въ Турціи лежалъ въ госпиталѣ, полумертвый: у меня была гнилая горячка. Ну, помѣщеніемъ мы похвалиться не могли, — разумѣется, дѣло военное, — и то еще слава Богу! Вдругъ къ намъ еще приводятъ больныхъ,'— куда ихъ положить? Лѣкарь туда, сюда, — нѣтъ мѣста. Вотъ, подошелъ онъ ко мнѣ, спрашиваетъ фельдшера: „живъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „утромъ былъ живъ“. Лѣкарь нагнулся, слышитъ: дышу. Не вытерпѣлъ пріятель. „Вѣдь, экая натура-то дура“, говоритъ: — „вѣдь, вотъ, умретъ человѣкъ, вѣдь непремѣнно умретъ, а все скрипитъ, тянетъ, только мѣсто занимаетъ, да другимъ мѣшаетъ“. Ну, подумалъ я про себя, плохо тебѣ, Михайло Михайлычъ... А вотъ, выздоровѣлъ и живъ до сихъ поръ, какъ изволите видѣть. Стало-быть, вы правы.

— Во всякомъ случаѣ я правъ, — отвѣчалъ я:— если бъ вы даже и умерли, вы все-таки вышли бы изъ вашего скверная положенія.

— Разумѣется, разумѣется, — прибавилъ онъ, сильно ударивъ рукою по столу. — Стоитъ только рѣшиться... Что толку въ скверномъ положеніи?.. Къ чему медлить, тянуть...

Ольга быстро встала и вышла въ садъ.

— Ну-ка, Ѳедя, плясовую!—воскликнулъ Радиловъ.

Ѳедя вскочилъ, пошелъ по комнатѣ той щеголеватой, особенной поступью, какою выступаетъ извѣстная „коза“ около ручного медвѣдя, и запѣлъ: „Какъ у нашихъ у воротъ“...

У подъѣзда раздался стукъ бѣговыхъ дрожекъ, и черезъ нѣсколько мгновеній вошелъ въ комнату старикъ высокаго росту, плечистый и плотный, однодворецъ Овсяниковъ... Но Овсяниковъ такое замѣчательное и оригинальное лицо, что мы, съ позволенія читателя, поговоримъ о немъ въ другомъ отрывкѣ. А теперь я отъ себя прибавлю только то, что на другой же день мы съ Ермолаемъ чѣмъ-свѣтъ отправились на охоту, а съ охоты домой, — что черезъ недѣлю я опять зашелъ къ Радилову, но не засталъ ни его, ни Ольги дома, а черезъ двѣ недѣли узналъ, что онъ внезапно исчезъ, бросилъ мать, уѣхалъ куда-то съ своей золовкой. Вся губернія взволновалась и заговорила объ этомъ происшествіи, и я только тогда окончательно понялъ выраженіе Ольгина лица во время разсказа Радилова. Не однимъ состраданіемъ дышало оно тогда: оно пылало также ревностью.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ деревни я посѣтилъ старушку Радилову. Я нашелъ ее въ гостиной; она играла съ Ѳедоромъ Михѣичемъ въ дурачки.

— Имѣете вы извѣстіе отъ вашего сына?—спросилъ я ее наконецъ.

Старушка заплакала. Я уже болѣе не разспрашивалъ ее о Радиловѣ.

VI.

ОДНОДВОРЕЦЪ ОВСЯНИКОВЪ.

Представьте себѣ, любезные читатели, человѣка полнаго, высокаго, лѣтъ семидесяти, съ лицомъ, напоминающимъ нѣсколько лицо Крылова, съ яснымъ и умнымъ взоромъ подъ нависшей бровью, съ важной осанкой, мѣрной рѣчью, медлительной походкой: вотъ вамъ Овсяниковъ. Носилъ онъ просторный синій сюртукъ съ длинными рукавами, застегнутый до-верху, шелковый лиловый платокъ на шеѣ, ярко вычищенные сапоги съ кистями, и вообще съ виду походилъ на зажиточнаго купца. Руки у него были прекрасныя, мягкія и бѣлыя; онъ часто въ теченіе разговора брался за пуговицы своего сюртука. Овсяниковъ своею важностью и неподвижностью, смышленостью и лѣнью, своимъ прямодушіемъ и упорствомъ напоминалъ мнѣ русскихъ бояръ допетровскихъ временъ... Ферязь бы къ нему пристала. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ людей стараго вѣка. Всѣ сосѣди его чрезвычайно уважали и почитали за честь знаться съ нимъ. Его братья, одподворцы, только что не молились на него, шапки передъ нимъ издали ломали, гордились имъ. Говоря вообще, у насъ до сихъ поръ одно-

дворца трудно отличить отъ мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкаго, телята не выходятъ изъ гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная. Овсяниковъ былъ исключеніемъ изъ общаго правила, хоть и не слылъ за богача. Жилъ онъ одинъ съ своей женой въ уютномъ, опрятномъ домикѣ, прислугу держалъ небольшую, одѣвалъ людей своихъ по-русски и называлъ работниками. Они же у него и землю пахали. Онъ и себя не выдавалъ за дворянина, не прикидывался помѣщикомъ, никогда, какъ говорится, „не забывался“, не по первому приглашенію садился и при входѣ новаго гостя непремѣнно поднимался съ мѣста, но съ такимъ достоинствомъ, съ такой величавой привѣтливостью, что гость невольно ему кланялся пониже. Овсяниковъ придерживался старинныхъ обычаевъ не изъ суевѣрія (душа въ немъ была довольно свободная), а по привычкѣ. Онъ, напримѣръ, не любилъ рессорныхъ экипажей, потому что не находилъ ихъ покойными, и разъѣзжалъ либо въ бѣговыхъ дрожкахъ, либо въ небольшой красивой телѣжкѣ съ кожаной подушкой, и самъ правилъ своимъ добрымъ гнѣдымъ рысакомъ. (Онъ держалъ однѣхъ гнѣдыхъ лошадей.) Кучеръ, молодой краснощекій парень, остриженный въ скобку, въ синеватомъ армякѣ и низкой бараньей шапкѣ, подпоясанный ремнемъ, почтительно сидѣлъ съ нимъ рядомъ. Овсяниковъ всегда спалъ послѣ обѣда, ходилъ въ баню по субботамъ, читалъ однѣ духовныя книги (причемъ съ важностью надѣвалъ на носъ круглыя серебряныя очки), вставалъ и ложился рано. Бороду, однакоже, онъ брилъ, и волосы носилъ по-нѣмецки. Гостей онъ принималъ весьма ласково и радушно, но не кланялся имъ въ поясъ, не суетился, не потчивалъ ихъ всякимъ сушеньемъ и соленьемъ. „Жена!“ говорилъ онъ медленно, не вставая съ мѣста и слегка повернувъ къ ней голову: — „принеси господамъ чего-нибудь полакомиться“. Онъ почиталъ за грѣхъ продавать хлѣбъ—Божій даръ, и въ 40-мъ году, во время общаго голода и страшной дороговизны, роздалъ окрестнымъ помѣщикамъ и мужикамъ весь свой запасъ; они ему на слѣдующій годъ съ благодарностью взнесли свой долгъ натурой. Къ Овсяни-

кову часто прибѣгали сосѣди съ просьбой разсудить, помирить ихъ, и почти всегда покорялись его приговору, слушались его совѣта. Многіе, по его милости, окончательно размежевались... Но послѣ двухъ или трехъ ошибокъ съ помѣщицами, онъ объявилъ, что отказывается отъ всякаго посредничества между особами женскаго пола. Терпѣть онъ не могъ поспѣшности, тревожной торопливости, бабьей болтовни и „суеты“. Разъ какъ-то у него домъ загорѣлся. Работникъ впопыхахъ вбѣжалъ къ нему съ крикомъ: „пожаръ! пожаръ!“ — „Ну, чего же ты кричишь?“ спокойно сказалъ Овсяниковъ: „подай мнѣ шапку и костыль“... Онъ самъ любилъ выѣзжать лошадей. Однажды рьяный битюкъ *) помчалъ его подъ гору, къ оврагу. „Ну, полно, полно, жеребенокъ малолѣтній, — убьешься“, добродушно замѣчалъ ему Овсяниковъ и, черезъ мгновенье, полетѣлъ въ оврагъ вмѣстѣ съ бѣговыми дрожками, мальчикомъ, сидѣвшимъ сзади, и лошадью. Къ счастью, на днѣ оврага грудами лежалъ песокъ. Никто не ушибся, одинъ битюкъ вывихнулъ себѣ ногу. — „Ну, вотъ, видишь“, продолжалъ спокойнымъ голосомъ Овсяниковъ, поднимаясь съ земли: „я тебѣ говорилъ“. И жену онъ сыскалъ по себѣ. Татьяна Ильинична Овсяникова была женщина высокаго росту, важная и молчаливая, вѣчно повязанная коричневымъ шелковымъ платкомъ. Отъ нея вѣяло холодомъ, хотя не только никто не жаловался на ея строгость, но, напротивъ, многіе бѣдняки называли ее матушкой и благодѣтельницей. Правильныя черты лица, большіе темные глаза, тонкія губы и теперь еще свидѣтельствовали о нѣкогда знаменитой ея красотѣ. Дѣтей у Овсяникова не было.

Я съ нимъ познакомился, какъ уже извѣстно читателю, у Радилова, и дня черезъ два поѣхалъ къ нему. Я засталъ его дома. Онъ сидѣлъ въ большихъ кожаныхъ креслахъ и читалъ Четьи-Минеи. Сѣрая кошка мурлыкала у него на плечѣ. Онъ меня принялъ, по своему

*) Битюками или съ Битюка называются особенной породы лошади, которыя развелись въ Воронежской губерніи, около извѣстнаго „Хрѣновaго“ (бывшаго коннаго завода гр. Орловой).

обыкновенью, ласково и величаво. Мы пустились въ разговоръ.

— А скажите-ка, Лука Петровичъ, правду,—сказалъ я между прочимъ:—вѣдь прежде, въ ваше-то время, лучше было?

— Иное, точно, лучше было, скажу вамъ, — возразилъ Овсяниковъ: — спокойнѣе мы жили; довольства больше было, точно... А все-таки теперь лучше; а вашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ, Богъ дастъ.

— А я такъ ожидалъ, Лука Петровичъ, что вы мнѣ старое время хвалить станете.

— Нѣтъ, стараго времени мнѣ особенно хвалить не изъ чего. Вотъ, хоть бы, примѣромъ сказать, вы помѣщикъ теперь, такой же помѣщикъ, какъ вашъ покойный дѣдушка, а ужъ власти вамъ такой не будетъ! да и вы сами не такой человѣкъ. Насъ и теперь другіе господа притѣсняютъ; но безъ этого обойтись, видно, нельзя. Перемелется — авось, мука будетъ. Нѣтъ, ужъ я теперь не увижу, чего въ молодости насмотрѣлся.

— А чего бы, напримѣръ?

— А хоть бы, напримѣръ, опять-таки скажу про вашего дѣдушку. Властный былъ человѣкъ! обижалъ нашего брата. Вѣдь вотъ вы, можетъ, знаете,—да какъ вамъ своей земли не знать,—клинъ-то, что идетъ отъ Чеплыгина къ Малинину?.. Онъ у васъ подъ овсомъ теперь... Ну, вѣдь онъ нашъ,—весь, какъ есть, нашъ. Вашъ дѣдушка у насъ его отнялъ; выѣхалъ верхомъ, показалъ рукой, говоритъ: мое владѣнье, — и завладѣлъ. Отецъ-то мой, покойникъ (царство ему небесное!), человѣкъ былъ справедливый, горячій, былъ тоже человѣкъ, не вытерпѣлъ,—да и кому охота свое добро терять?—и въ судъ просьбу подалъ. Да одинъ подалъ, другіе-то не пошли,—побоялись. Вотъ, вашему дѣдушкѣ и донесли, что Петръ Овсяниковъ, молъ, на васъ жалуется: землю, вишь, отнять изволили... Дѣдушка вашъ къ намъ тотчасъ и прислалъ своего ловчаго Бауша съ командой... Вотъ, и взяли моего отца, и въ вашу вотчину повели. Я тогда былъ мальчишка маленькій, босикомъ за нимъ побѣжалъ. Что-жъ?.. Привели его

къ вашему дому, да подъ окнами и высѣкли. А вашъ-то дѣдушка стоитъ на балконѣ, да посматриваетъ; а бабушка подъ окномъ сидитъ и тоже глядитъ. Отецъ мой кричитъ: „матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!“ А она только знай приподнимается да поглядываетъ. Вотъ, и взяли съ отца слово отступиться отъ земли и благодарить еще велѣли, что живого отпустили. Такъ она и осталась за вами. Подите-ка, спросите у своихъ мужиковъ: какъ, молъ, эта земля прозывается? Дубовщиной она прозывается, потому что дубьемъ отнята. Такъ вотъ, отъ этого и нельзя намъ, маленькимъ людямъ, очень-то жалѣть о старыхъ порядкахъ.

Я не зналъ, что отвѣчать Овсяникову, и не смѣлъ взглянуть ему въ лицо.

— А то другой сосѣдъ у насъ въ тѣ поры завелся, — Комовъ, Степанъ Никтополіонычъ. Замучилъ-было отца совсѣмъ: не мытьемъ, такъ катаньемъ. Пьяный былъ человѣкъ и любилъ угощать, и какъ подопьетъ, да скажетъ по-французски: „се бонъ“, да облизнется — хоть святыхъ вонъ неси! По всѣмъ сосѣдямъ шлетъ просить пожаловать. Тройки такъ у него наготовѣ и стояли; а не поѣдешь,— тотчасъ самъ нагрянетъ... И такой странный былъ человѣкъ! Въ „тверёзомъ“ видѣ не лгалъ; а какъ выпьетъ— и начнетъ разсказывать, что у него въ Питерѣ три дома на Фонтанкѣ: одинъ красный съ одной трубой, другой— желтый съ двумя трубами, а третій—синій безъ трубъ,— и три сына (а онъ и женатъ не бывалъ): одинъ въ инфантеріи, другой въ кавалеріи, третій самъ по себѣ... И говоритъ, что въ каждомъ домѣ живетъ у него по сыну, что къ старшему ѣздятъ адмиралы, ко второму генералы, а къ младшему все англичане! Вотъ, и поднимется, и говоритъ: „за здравіе моего старшаго сына, онъ у меня самый почтительный!“—и заплачетъ. И бѣда, коли кто отказываться станетъ. „Застрѣлю!“ говоритъ: „и хоронить не позволю!“... А то вскочитъ и закричитъ: „пляши, народъ Божій, на свою потѣху и мое утѣшеніе!“ Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши. Дѣвокъ своихъ крѣпостныхъ вовсе замучилъ. Бывало, всю ночь, какъ есть, до

утра хоромъ поютъ, и какая выше голосомъ забираетъ, той и награда. А станутъ уставать,—голову на руки положитъ и загорюетъ: „охъ, сирота я сиротливая! покидаютъ меня, голубчика!“ Конюха тотчасъ дѣвокъ и пріободрятъ. Отецъ-то мой ему и полюбись: что прикажешь дѣлать? Вѣдь чуть въ гробъ отца моего не вогналъ, и точно вогналъ бы, да самъ, спасибо, умеръ: съ голубятни въ пьяномъ видѣ свалился... Такъ вотъ, какіе у насъ сосѣдушки бывали!

— Какъ времена-то измѣнились!—замѣтилъ я.

— Да, да,— подтвердилъ Овсяниковъ. — Ну, и то сказать: въ старые-то годы дворяне живали пышнѣе. Ужъ нечего и говорить про вельможъ: я въ Москвѣ на нихъ насмотрѣлся. Говорятъ, они и тамъ перевелись теперь.

— Вы были въ Москвѣ?

— Былъ, давно, очень давно. Мнѣ вотъ теперь семьдесятъ-третій годъ пошелъ, а въ Москву я ѣздилъ на шестнадцатомъ году.

Овсяниковъ вздохнулъ.

— Кого-жъ вы тамъ видали?

— А многихъ вельможъ видѣлъ—и всякъ ихъ видѣлъ; жили открыто, на славу и удивленіе. Только до покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго не доходилъ ни одинъ. Алексѣя-то Григорьевича я видалъ часто: дядя мой у него дворецкимъ служилъ. Изволилъ графъ жить у Калужскихъ воротъ, на Шаболовкѣ. Вотъ былъ вельможа! Такой осанки, такого привѣта милостиваго и вообразить невозможно и разсказать пельзя. Ростъ одинъ чего стоилъ, сила, взглядъ! Пока не знаешь его, не войдешь къ нему — боишься, точно, робѣешь; а войдешь — словно солнышко тебя пригрѣетъ, и весь повеселѣешь. Каждаго человѣка до своей особы допускалъ, и до всего охотникъ былъ. На бѣгу самъ правилъ и со всякимъ гонялся; и никогда не обгонитъ сразу, не обидитъ, не оборветъ, а развѣ подъ самый конецъ переѣдетъ; и такой ласковый — противника утѣшитъ, коня его похвалитъ. Голубей-турмановъ держалъ первѣйшаго сорта. Выйдетъ, бывало, на дворъ, сядетъ въ кресла и прикажетъ

голубковъ поднять; а кругомъ, на крышахъ, люди стоятъ съ ружьями противъ ястребовъ. Къ ногамъ графа большой серебряный тазъ поставятъ съ водой; онъ и смотритъ въ воду на голубковъ. Убогіе, нищіе сотнями на его хлѣбѣ живали... и сколько денегъ онъ передавалъ! А разсердится, — словно громъ прогремитъ. Страху много, а плакаться не на что: смотришь, — ужъ и улыбается. Миръ задастъ — Москву споитъ!.. И вѣдь умница былъ какой! вѣдь Турку-то онъ побилъ. Бороться тоже любилъ; силачей къ нему изъ Тулы возили, изъ Харькова, изъ Тамбова, отовсюду. Кого поборетъ — наградитъ; а коли кто его поборетъ — задаритъ вовсе и въ губы поцѣлуетъ... А то, въ бытность мою въ Москвѣ, затѣялъ садку такую, какой на Руси не бывало: всѣхъ, какъ есть, охотниковъ со всего царства къ себѣ въ гости пригласилъ, и день назначилъ, и три мѣсяца сроку далъ. Вотъ, и собрались. Навезли собакъ, егерей,—ну, войско наѣхало, какъ есть, войско! Сперва попировали, какъ слѣдуетъ, а тамъ и отправились за заставу. Народу сбѣжалась тьма-тьмущая!.. И что вы думаете?.. Вѣдь вашего дѣдушки собака всѣхъ обскакала.

— Не Миловидка ли?—спросилъ я.

— Миловидка, Миловидка... Вотъ, графъ его и началъ упрашивать: „продай мнѣ, дескать, твою собаку: возьми, что хочешь". — „Нѣтъ, графъ", говоритъ: „я не купецъ: тряпицы ненужной не продамъ, а изъ чести хоть жену готовъ уступить, только не Миловидку... Скорѣе себя самого въ полонъ отдамъ". А Алексѣй Григорьевичъ его похвалилъ: „люблю", говоритъ. Дѣдушка-то вашъ ее назадъ въ каретѣ повезъ; а какъ умерла Миловидка, съ музыкой въ саду ее похоронилъ — псицу похоронилъ, и камень съ надписью надъ псицей поставилъ.

— Вѣдь, вотъ, Алексѣй Григорьевичъ не обижалъ же никого,—замѣтилъ я.

— Да оно всегда такъ бываетъ: кто самъ мелко плаваетъ, тотъ и задираетъ.

— А что за человѣкъ былъ этотъ Баушъ?—спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ же это вы про Миловидку слыхали, а про Бауша нѣтъ?.. Это былъ главный ловчій и доѣзжачій вашего дѣдушки. Дѣдушка-то вашъ его любилъ не меньше Миловидки. Отчаянный былъ человѣкъ, и что бы вашъ дѣдъ ни приказалъ — мигомъ исполнитъ, хоть на ножъ полѣзетъ... И какъ порскалъ — такъ стонъ въ лѣсу, бывало, и стоитъ. А то вдругъ заупрямится, слѣзетъ съ коня и ляжетъ... И какъ только перестали собаки слышать его голосъ—кончено! Горячій слѣдъ бросятъ, не погонятъ ни за какія блага. И-ихъ, вашъ дѣдушка разсердится! „Живъ быть не хочу, коли не повѣшу бездѣльника! На изнанку антихриста выворочу! Пятки душегубцу сквозь горло протащу!“ А кончится тѣмъ, что пошлетъ узнать, чего ему надобно, отчего не порскаетъ? И Баушъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно потребуетъ вина, выпьетъ, поднимется и загогочетъ опять на славу.

— Вы, кажется, также любите охоту, Лука Петровичъ?

— Любилъ бы... точно, — не теперь: теперь моя пора прошла, — а въ молодыхъ годахъ... да знаете, не ловко, по причинѣ званія. За дворянами нашему брату не приходится тянуться. Точно: и изъ нашего сословія иной, пьющій и неспособный, бывало, присосѣдится къ господамъ... да что за радость!.. Только себя срамитъ. Дадутъ ему лошадь дрянную, спотыкливую; то и дѣло шапку съ него на-земь бросаютъ; арапникомъ, будто по лошади, по немъ задѣваютъ; а онъ все смѣйся, да другихъ смѣши. Нѣтъ, скажу вамъ: чѣмъ мельче званіе, тѣмъ строже себя держи, а то какъ разъ себя замараешь.

— Да,—продолжалъ Овсяниковъ со вздохомъ: — много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ живу: времена подошли другія. Особенно въ дворянахъ вижу я перемѣну большую. Мелкопомѣстные — всѣ либо на службѣ побывали, либо на мѣстѣ не сидятъ; а что покрупнѣй—тѣхъ и узнать нельзя. Насмотрѣлся я на нихъ, на крупныхъ-то, вотъ, по случаю размежеванія. И долженъ я вамъ сказать: сердце радуется, на нихъ глядя: обходительны, вѣжливы. Только вотъ что мнѣ удивительно: всѣмъ наукамъ они научились, говорятъ такъ складно, что душа умиляется,

а дѣла-то настоящаго не смыслятъ, даже собственной пользы не чувствуютъ: ихъ же крѣпостной человѣкъ, приказчикъ, гнетъ ихъ куда хочетъ, словно дугу. Вѣдь, вотъ, вы, можетъ, знаете Королева, Александра Владиміровича,— чѣмъ не дворянинъ? Собой красавецъ, богатъ, въ „университетахъ“ обучался, кажись, и за границей побывалъ, говоритъ плавно, скромно, всѣмъ намъ руки жметъ. Знаете?.. ну, такъ слушайте. На прошлой недѣлѣ съѣхались мы въ Березовку, по приглашенію посредника, Никифора Ильича. И говоритъ намъ посредникъ, Никифоръ Ильичъ: „надо, господа, размежеваться; это срамъ, нашъ участокъ ото всѣхъ другихъ отсталъ; приступимте къ дѣлу“. Вотъ, и приступили. Пошли толки, споры, какъ водится; повѣренный нашъ ломаться сталъ. Но первый забуянилъ Овчинниковъ Порфирій... И изъ чего буянитъ человѣкъ?.. У самого вершка земли нѣту: по порученію брата распоряжается. Кричитъ: „нѣтъ! меня вамъ не провести! нѣтъ, не на того наткнулись! планы сюда! землемѣра мнѣ подайте, христопродавца подайте сюда!“—„Да какое, наконецъ, ваше требованіе?“ — „Вотъ дурака нашли! эка! вы думаете: я вамъ такъ-таки сейчасъ мое требованіе и объявлю?.. нѣтъ, вы планы сюда подайте,—вотъ что!“ А самъ рукой стучитъ по планамъ. Марѳу Дмитріевну обидѣлъ кровно. Та кричитъ: „какъ вы смѣете мою репутацію позорить?“ — „Я“, говоритъ: „вашей репутаціи моей бурой кобылѣ не желаю“. Насилу мадерой отпоили. Его успокоили,—другіе забунтовали. Королевъ-то Александръ Владимірычъ сидитъ, мой голубчикъ, въ углу, набалдашникъ на палкѣ покусываетъ, да только головой качаетъ. Совѣстно мнѣ стало, мочи нѣтъ, хоть вонъ бѣжать. Что, молъ, объ насъ подумаетъ человѣкъ? Глядь, поднялся мой Александръ Владимірычъ, показываетъ видъ, что говорить желаетъ. Посредникъ засуетился, говоритъ: „господа, господа, Александръ Владимірычъ говорить желаетъ“. И нельзя не похвалить дворянъ: всѣ тотчасъ замолчали. Вотъ, и началъ Александръ Владимірычъ, и говоритъ: что мы, дескать, кажется, забыли, для чего мы собрались; что хотя размежеваніе, безспорно, выгодно для

владѣльцевъ, но въ сущности оно введено для чего?—для того, чтобъ крестьянину было легче, чтобъ ему работать сподручнѣе было, повинности справлять: а то теперь онъ самъ своей земли не знаетъ и нерѣдко за пять верстъ пахать ѣдетъ,—и взыскать съ него нельзя. Потомъ сказалъ Александръ Владимірычъ, что помѣщику грѣшно не заботиться о благосостояніи крестьянъ, что, наконецъ, если здраво разсудить, ихъ выгоды и наши выгоды—все едино: имъ хорошо — намъ хорошо, имъ худо — намъ худо... и что, слѣдовательно, грѣшно и неразсудительно не соглашаться изъ пустяковъ... И пошелъ, и пошелъ... да, вѣдь, какъ говорилъ! за душу такъ и забираетъ... Дворяне-то всѣ носы повѣсили; я самъ, ей-ей, чуть не прослезился. Право слово, въ старинныхъ книгахъ такихъ рѣчей не бываетъ... А чѣмъ кончилось? Самъ четырехъ десятинъ мохового болота не уступилъ и продать не захотѣлъ. Говоритъ: я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на немъ заведу, съ усовершенствованіями. Я, говоритъ, ужъ это мѣсто выбралъ: у меня на этотъ счетъ свои соображенія... И хоть бы это было справедливо: а то просто — сосѣдъ Александра Владимірыча, Карасиковъ Антонъ, поскупился Королёвскому приказчику сто рублевъ ассигнаціями взнести. Такъ мы и разъѣхались, не сдѣлавши дѣла. А Александръ Владимірычъ по сихъ поръ себя правымъ почитаетъ, и все о суконной фабрикѣ толкуетъ, только къ осушкѣ болота не приступаетъ.

— А какъ онъ въ своемъ имѣніи распоряжается?

— Все новые порядки вводитъ. Мужики не хвалятъ,—да ихъ слушать нечего. Хорошо поступаетъ Александръ Владимірычъ.

— Какъ же это, Лука Петровичъ? Я думалъ, что вы придерживаетесь старины?

— Я—другое дѣло. Я вѣдь не дворянинъ и не помѣщикъ. Что мое за хозяйство?.. Да я иначе и не умѣю. Стараюсь поступать по справедливости и по закону, и то слава Богу! Молодые господа прежнихъ порядковъ не любятъ: я ихъ хвалю... Пора за умъ взяться. Только

вотъ что горе: молодые господа больно мудрятъ. Съ мужикомъ, какъ съ куклой, поступаютъ: повертятъ, повертятъ, поломаютъ, да и бросятъ. И приказчикъ, крѣпостной человѣкъ, или управитель изъ нѣмецкихъ уроженцевъ, опять крестьянина въ лапы заберетъ. И хотя бы одинъ изъ молодыхъ-то господъ примѣръ подалъ, показалъ: вотъ, молъ, какъ надо распоряжаться!.. Чѣмъ же это кончится? Неужто-жъ я такъ и умру и новыхъ порядковъ не увижу?.. Что за притча?—старое вымерло, а молодое не рождается!

Я не зналъ, что отвѣчать Овсяникову. Онъ оглянулся, придвинулся ко мнѣ поближе и продолжалъ вполголоса:

— А слыхали про Василья Николаича Любозвонова?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Растолкуйте мнѣ, пожалуйста, что за чудеса такія? Ума не приложу. Его же мужики разсказывали, да я ихъ рѣчей въ толкъ не возьму. Человѣкъ онъ, вы знаете, молодой, недавно послѣ матери наслѣдство получилъ. Вотъ, пріѣзжаетъ къ себѣ въ вотчину. Собрались мужички поглазѣть на своего барина. Вышелъ къ нимъ Василій Николаичъ. Смотрятъ мужики, — что за диво! — ходитъ баринъ въ плисовыхъ панталонахъ, словно кучеръ, а сапожки обулъ съ оторочкой; рубаху красную надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской; бороду отпустилъ, а на головѣ така шапонька мудреная, и лицо такое мудреное,—пьянъ, не пьянъ, а и не въ своемъ умѣ. „Здорово“, говоритъ, „ребята! Богъ вамъ въ помощь“. Мужики ему въ поясъ,— только молча: заробѣли, знаете. И онъ словно самъ робѣетъ. Сталъ онъ имъ рѣчь держать: „я-де русскій“, говоритъ, „и вы русскіе; я русское все люблю... русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже русская“... Да вдругъ какъ скомандуетъ: „а ну, дѣтки, спойте-ка русскую, народственную пѣсню!“ У мужиковъ поджилки затряслись; вовсе одурѣли. Одинъ-было смѣльчакъ запѣль, да и присѣлъ тотчасъ къ землѣ, за другихъ спрятался... И вотъ чему удивляться надо: бывали у насъ и такіе помѣщики, отчаянные господа, гуляки записные, точно; одѣвались, почитай, что кучерами и сами плисали, на гитарѣ играли,

пѣли и пили съ дворовыми людишками, съ крестьянами пировали; а вѣдь этотъ-то, Василій-то Николаичъ, словно красная дѣвушка: все книги читаетъ, али пишетъ, а не то вслухъ канты произноситъ, — ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится, знай себѣ по саду гуляетъ, словно скучаетъ или груститъ. Прежній-то приказчикъ на первыхъ порахъ вовсе перетрусился: передъ пріѣздомъ Василья Николаича дворы крестьянскіе обѣгалъ, всѣмъ кланялся, — видно, чуяла кошка, чье мясо съѣла! И мужики надѣялись, думали: „шалишь, братъ!—ужо тебя къ отвѣту потянутъ, голубчика; вотъ, ты ужо напляшешься, жила ты этакой!..“ А вмѣсто того вышло — какъ вамъ доложить? самъ Господь не разберетъ, что такое вышло! Позвалъ его къ себѣ Василій Николаичъ и говоритъ, а самъ краснѣетъ, и такъ, знаете, дышитъ скоро: „будь справедливъ у меня, не притѣсняй никого, — слышишь?“ Да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ и не требовалъ! Въ собственной вотчинѣ живетъ, словно чужой. Ну, приказчикъ и отдохнулъ; а мужики къ Василью Николаичу подступиться не смѣютъ: боятся. И, вѣдь, вотъ опять что удивленія достойно: и кланяется имъ баринъ, и смотритъ привѣтливо, — а животы у нихъ отъ страху такъ и подводитъ. Что за чудеса такія, батюшка, скажите?.. Или я глупъ сталъ, состарѣлся, что ли,—не понимаю.

Я отвѣчалъ Овсяникову, что, вѣроятно, господинъ Любозвоновъ боленъ.

— Какое боленъ! Поперекъ себя толще, и лицо такое, Богъ съ нимъ, окладистое, даромъ, что молодъ... А, впрочемъ, Господь вѣдаетъ! (И Овсяниковъ глубоко вздохнулъ.)

— Ну, въ сторону дворянъ,—началъ я:—что вы мнѣ объ однодворцахъ скажете, Лука Петровичъ?

— Нѣтъ, ужъ вотъ отъ этого увольте,—поспѣшно проговорилъ онъ: — право... и сказалъ бы вамъ... да что! (Овсяниковъ рукой махнулъ.) Станемте лучше чай кушать... Мужики, какъ есть мужики; а, впрочемъ, правду сказать, какъ же и быть-то намъ?

Онъ замолчалъ. Подали чай. Татьяна Ильинична встала

съ своего мѣста и сѣла поближе къ памъ. Въ теченіе вечера она нѣсколько разъ безъ шума выходила и такъ же тихо возвращалась. Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Овсяниковъ важно и медленно выпивалъ чашку за чашкой.

— Митя былъ сегодня у насъ, — вполголоса замѣтила Татьяна Ильинична.

Овсяниковъ нахмурился.

— Чего ему надобно?

— Приходилъ прощенья просить.

Овсяниковъ покачалъ головою.

— Ну, подите вы, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—что прикажете дѣлать съ сродственниками? И отказаться отъ нихъ невозможно... Вотъ, и меня тоже Богъ наградилъ племянничкомъ. Малый онъ съ головой, бойкій малый, спору нѣтъ; учился хорошо, только проку мнѣ отъ него не дождаться. На службѣ казенной состоялъ — бросилъ службу: вишь, ему ходу не было... Да развѣ онъ дворянинъ? И дворянъ-то не сейчасъ въ генералы жалуютъ. Вотъ, теперь и живетъ безъ дѣла... Да это бы еще куда ни шло, — а то въ ябедники пустился! Крестьянамъ просьбы сочиняетъ, доклады пишетъ, сотскихъ научаетъ, землемѣровъ на чистую воду выводитъ, по питейнымъ домамъ таскается, съ мѣщанами городскими да съ дворниками на постоялыхъ дворахъ знается. Долго ли тутъ до бѣды? Ужъ и становые и исправники ему не разъ грозились. Да онъ, благо, балагурить умѣетъ: ихъ же разсмѣшитъ, да имъ же потомъ и наваритъ кашу... Да полно, не сидитъ ли онъ у тебя въ каморкѣ? — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ: — я, вѣдь, тебя знаю: ты вѣдь, сердобольная такая,—покровительство ему оказываешь.

Татьяна Ильинична потупилась, улыбнулась и покраснѣла.

— Ну, такъ и есть,—продолжалъ Овсяниковъ. — Охъ, ты, баловница! Ну, вели ему войти, — ужъ такъ и быть, ради дорогого гостя, прощу глупца... Ну, вели, вели...

Татьяна Ильинична подошла къ двери и крикнула: „Митя!“

Митя, малый лѣтъ двадцати-восьми, высокій, стройный и кудрявый, вошелъ въ комнату и, увидѣвъ меня, остановился у порога. Одежда на немъ была нѣмецкая, но одни неестественной величины буфы на плечахъ служили явнымъ доказательствомъ тому, что кроилъ ее не только русскій—россійскій портной.

— Ну, подойди, подойди,—заговорилъ старикъ:—чего стыдишься? Благодари тётку: прощенъ... Вотъ, батюшка, рекомендую, — продолжалъ онъ, показывая на Митю: — и родной племянникъ, а не слажу никакъ. Пришли послѣднія времена! (Мы другъ другу поклонились.) Ну, говори, что ты тамъ такое напуталъ? За что на тебя жалуются, сказывай.

Митѣ видимо не хотѣлось объясняться и оправдываться при мнѣ.

— Послѣ, дядюшка,—пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, не послѣ, а теперь, — продолжалъ старикъ.— Тебѣ, я знаю, при господинѣ помѣщикѣ совѣстно: тѣмъ лучше—казнись. Изволь, изволь-ка говорить... Мы послушаемъ.

— Мнѣ нечего стыдиться,—съ живостью началъ Митя и тряхнулъ головой.—Извольте сами, дядюшка, разсудить. Приходятъ ко мнѣ рѣшетиловскіе однодворцы и говорятъ: заступись, братъ. — Что такое? — А вотъ что: магазины хлѣбные у насъ въ исправности, то-есть лучше быть не можетъ; вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ чиновникъ: приказано-де осмотрѣть магазины. Осмотрѣлъ и говоритъ: въ безпорядкѣ ваши магазины, упущенья важныя, начальству обязанъ донести. — Да въ чемъ упущенья? — А ужъ про это я знаю, говоритъ... Мы было собрались и рѣшили: чиновника, какъ слѣдуетъ, отблагодарить,—да старикъ Прохорычъ помѣшалъ; говоритъ: этакъ ихъ только разлакомишь. Что, въ самомъ дѣлѣ? или ужъ нѣтъ намъ расправы никакой?.. Мы старика-то и послушались, а чиновникъ-то осерчалъ и жалобу подалъ, донесеніе написалъ. Вотъ, теперь и требуютъ насъ къ отвѣту. — Да точно ли у васъ магазины въ исправности? спрашиваю я.—Видитъ Богъ, въ исправности, и законное количество

хлѣба имѣется... Ну, говорю, такъ вамъ робѣть нечего, и написалъ бумагу имъ... И еще неизвѣстно, въ чью пользу рѣшится... А что вамъ на меня по этому случаю нажаловались, — дѣло понятное: всякому своя рубашка къ тѣлу ближе.

— Всякому, да видно не тебѣ,—сказалъ старикъ вполголоса. — А что у тебя тамъ за каверзы съ шутоломовскими крестьянами?

— А вы почему знаете?

— Стало-быть, знаю.

— И тутъ я правъ, — опять-таки извольте разсудить. У шутоломовскихъ крестьянъ сосѣдъ Безпандинъ четыре десятины земли запахалъ. Моя, говоритъ, земля. Шутоломовцы-то на оброкѣ, помѣщикъ ихъ за границу уѣхалъ— кому за нихъ заступиться, сами посудите? А земля ихъ безспорная, крѣпостная испоконъ-вѣку. Вотъ, и пришли ко мнѣ, говорятъ: напиши просьбу. Я и написалъ. А Безпандинъ узналъ и грозиться началъ: „я, говоритъ, этому Митькѣ заднія лопатки изъ вертлюговъ повыдергаю, а не то и совсѣмъ голову съ плечъ снесу“... Посмотримъ, какъ-то онъ ее спесетъ: до сихъ поръ цѣла.

— Ну, не хвастайся: не сдобровать ей, твоей головѣ,— промолвилъ старикъ:—человѣкъ-то ты сумасшедшій вовсе!

— А что жъ, дядюшка, не вы ли сами мнѣ говорить изволили...

— Знаю, знаю, что ты мнѣ скажешь, — перебилъ его Овсянниковъ:—точно: по справедливости долженъ человѣкъ жить, и ближнему помогать обязанъ есть. Бываетъ, что и себя жалѣть не долженъ... Да ты развѣ все такъ поступаешь? Не водятъ тебя въ кабакъ, что ли? не поютъ тебя, не кланяются, что ли: Дмитрій Алексѣичъ, дескать, батюшка, помоги, а благодарность мы ужъ тебѣ предъявимъ, — да цѣлковенькій или синенькую изъ-подъ полы въ руку? А? не бываетъ этого? сказывай, не бываетъ?

— Въ этомъ я, точно, виноватъ, — отвѣчалъ, потупившись, Митя: — но съ бѣдныхъ я не беру и душой не кривлю?

— Теперь не берешь, а самому придется плохо — бу-

дешь орать. Душой не кривишь.., эхъ, ты! Знать, за святыхъ все заступаешься!.. А Борьку Переходова забылъ?.. Кто за него хлопоталъ? кто покровительство ему оказывалъ? а?

— Переходовъ по своей винѣ пострадалъ, точно...

— Казенныя деньги потратилъ... Шутка!

— Да вы, дядюшка, сообразите: бѣдность, семейство...

— Бѣдность, бѣдность... Человѣкъ онъ пьющій, азартный—вотъ что!

— Пить онъ съ горя началъ, — замѣтилъ Митя, понизивъ голосъ.

— Съ горя! Ну, помогъ бы ему, коли сердце въ тебѣ такое ретивое, а не сидѣлъ бы съ пьянымъ человѣкомъ въ кабакахъ самъ. Что онъ красно говоритъ,—вишь, невидаль какая!

— Человѣкъ-то онъ добрѣйшій...

— У тебя всѣ добрые... А что, — продолжалъ Овсяниковъ, обращаясь къ женѣ: — послали ему... ну, тамъ, ты знаешь...

Татьяна Ильинична кивнула головой.

— Гдѣ ты эти дни пропадалъ?—заговорилъ опять старикъ.

— Въ городѣ былъ.

— Небось, все на бильярдѣ игралъ, да чайничалъ, на гитарѣ бренчалъ, по присутственнымъ мѣстамъ шмыгалъ, въ заднихъ комнаткахъ просьбы сочинялъ, съ купецкими сынками щеголялъ? Такъ вѣдь?.. Сказывай!

— Оно, пожалуй, что такъ, — съ улыбкой сказалъ Митя.—Ахъ, да! чуть-было не забылъ: Фунтиковъ, Антонъ Парѳенычъ, къ себѣ васъ въ воскресенье проситъ откушать.

— Не поѣду я къ этому брюхачу. Рыбу дастъ сотенную, а масло положитъ тухлое. Богъ съ нимъ совсѣмъ!

— А то я Ѳедосью Михайловну встрѣтилъ.

— Какую это Ѳедосью?

— А Гарпенченки помѣщика, вотъ, что Микулино-сукціону купилъ. Ѳедосья-то изъ Микулина. Въ Москвѣ на оброкѣ жила въ швеяхъ, и оброкъ платила исправно, сто

восемьдесятъ два рубля съ полтиной въ годъ... И дѣло свое знаетъ: въ Москвѣ заказы получала хорошіе. А теперь Гарпенченко ее выписалъ, да вотъ и держитъ такъ, должности ей не опредѣляетъ. Она бы и откупиться готова, и барину говорила, да онъ никакого рѣшенья не объявляетъ. Вы, дядюшка, съ Гарпенченкой-то знакомы,— такъ не можете ли вы замолвить ему словечко?.. А Ѳедосья выкупъ за себя дастъ хорошій.

— Не на твои ли деньги? ась? Ну, ну, хорошо, скажу ему, скажу. Только не знаю,—продолжалъ старикъ съ недовольнымъ лицомъ:—этотъ Гарпенченко, прости Господи, жила: векселя скупаетъ, деньги въ ростъ отдаетъ, имѣнья съ молотка пріобрѣтаетъ... И кто его въ нашу сторону занесъ? Охъ, ужъ эти мнѣ заѣзжіе! Не скоро отъ него толку добьешься,—а впрочемъ, посмотримъ.

— Похлопочите, дядюшка.

— Хорошо, похлопочу. Только ты смотри, смотри у меня! Ну, ну, не оправдывайся... Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!.. Только впередъ смотри, а то, ей-Богу, Митя, не сдобровать тебѣ, — ей-Богу, пропадешь... Не все же мнѣ тебя на плечахъ выносить... я и самъ человѣкъ не властный. Ну, ступай теперь съ Богомъ.

Митя вышелъ. Татьяна Ильинична отправилась за пимъ.

— Напой его чаемъ, баловница,—закричалъ ей вслѣдъ Овсяниковъ. — Неглупый малый, — продолжалъ онъ: — и душа добрая, только я боюсь за него... А впрочемъ, извините, что такъ долго васъ пустяками занималъ.

Дверь изъ передней отворилась. Вошелъ низенькій, сѣденькій человѣкъ въ бархатномъ сюртучкѣ.

— А, Францъ Иванычъ! — вскрикнулъ Овсяниковъ: — здравствуйте, какъ васъ Богъ милуетъ?

Позвольте, любезный читатель, познакомить васъ и съ этимъ господиномъ.

Францъ Иванычъ Лежёнь (Lejeune), мой сосѣдъ и орловскій помѣщикъ, не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ достигъ почетнаго званія русскаго дворянина. Родился онъ въ Орлеанѣ, отъ французскихъ родителей, и вмѣстѣ съ Наполеономъ отправился на завоеваніе Россіи, въ каче-

ствѣ барабанщика. Сначала все шло какъ по маслу, и пашъ французъ вошелъ въ Москву съ поднятой головой. Но на возвратномъ пути бѣдный m-r Lejeune, полузамерзшій и безъ барабана, попался въ руки смоленскимъ мужичкамъ. Смоленскіе мужички заперли его на ночь въ пустую суконовальню, а на другое утро привели къ проруби, возлѣ плотины, и начали просить барабанщика „de la grrrrande armée“ уважить ихъ, т.-е. нырнуть подъ ледъ. M-r Lejeune не могъ согласиться на ихъ предложеніе и, въ свою очередь, началъ убѣждать смоленскихъ мужичковъ, на французскомъ діалектѣ, отпустить его въ Орлеанъ „Тамъ, messieurs“, говорилъ онъ: „мать у меня живетъ, une tendre mère“. Но мужички, вѣроятно, по незнанію географическаго положенія города Орлеана, продолжали предлагать ему подводное путешествіе внизъ по теченію извилистой рѣчки Гнилотерки, и уже стали поощрять его легкими толчками въ шейные и спинные позвонки, какъ вдругъ, къ неописанной радости Лежёня, раздался звукъ колокольчика, и на плотину взъѣхали огромныя сани съ пестрѣйшимъ ковромъ, на преувеличенно-возвышенномъ задкѣ, запряженныя тройкой саврасыхъ вятокъ. Въ саняхъ сидѣлъ толстый и румяный помѣщикъ въ волчьей шубѣ.

— Что вы тамъ такое дѣлаете?—спросилъ онъ мужиковъ.

— А французя топимъ, батюшка.

— А!—равнодушно возразилъ помѣщикъ и отвернулся.

— Monsieur! Monsieur!—закричалъ бѣднякъ.

— А, а!—съ укоризной заговорила волчья шуба: — съ двунадесятью языкъ на Россію шелъ, Москву сжегъ, окаянный, крестъ съ Ивана Великаго стащилъ, а теперь— мусье, мусье! а теперь и хвостъ поджалъ. По дѣломъ вору и мука... Пошелъ, Филька-а!

Лошади тронулись.

— А, впрочемъ, стой!—прибавилъ помѣщикъ.—Эй, ты мусье, умѣешь ты музыкѣ?

— Sauvez-moi, sauvez-moi, mon bon monsieur! — твердилъ Лежёнь.

— Вѣдь, вишь народецъ! и по-русски-то ни одинъ изъ нихъ не знаетъ! Мюзикъ, мюзикъ, савэ мюзикъ ву? савэ? Ну, говори же! Компренэ? савэ мюзикъ ву? на фортепіано жуэ савэ?

Лежёнь попялъ, накопецъ, чего добивается помѣщикъ, и утвердительно закивалъ головой.

— Oui, monsieur, oui, oui, je suis musicien; je joue tous les instruments possibles! Oui, monsieur... Sauvez-moi, monsieur!

— Ну, счастливъ твой Богъ,—возразилъ помѣщикъ.— Ребята, отпустите его; вотъ вамъ двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

Лежёня посадили въ сани. Онъ задыхался отъ радости, плакалъ, дрожалъ, кланялся, благодарилъ помѣщика, кучера, мужиковъ. На немъ была одна зеленая фуфайка съ розовыми лентами, а морозъ трещалъ на славу. Помѣщикъ молча глянулъ на его посинѣвшіе и окоченѣлые члены, завернулъ несчастнаго въ свою шубу и привезъ его домой. Дворня сбѣжалась. Француза на-скоро отогрѣли, накормили и одѣли. Помѣщикъ повелъ его къ своимъ дочерямъ.

— Вотъ, дѣти,—сказалъ онъ имъ:—учитель вамъ сысканъ. Вы все приставали ко мнѣ: выучи-де насъ музыкѣ и французскому діалекту: вотъ вамъ и французъ, и на фортепіанахъ играетъ... Ну, мусье,— продолжалъ онъ, указывая на дрянныя фортепіанишки, купленныя имъ за пять лѣтъ у жида, который, впрочемъ, торговалъ одеколономъ:—покажи намъ свое искусство: жуэ!

Лежёнь съ замирающимъ сердцемъ сѣлъ на стулъ: онъ отъ роду и не касался фортепіанъ.

— Жуэ-жэ, жуэ-же!—повторялъ помѣщикъ.

Съ отчаяніемъ ударилъ бѣднякъ по клавишамъ, словно по барабану, заигралъ, какъ попало... „Я такъ и думалъ“, разсказывалъ онъ потомъ: „что мой спаситель схватитъ меня за воротъ и выброситъ вонъ изъ дому“. Но, къ крайнему изумленію невольнаго импровизатора, помѣщикъ, погодя немного, одобрительно потрепалъ его по плечу.—

„Хорошо, хорошо“, промолвилъ онъ: „вижу, что знаешь; поди теперь, отдохни“.

Недѣли черезъ двѣ отъ этого помѣщика Лежёнь переѣхалъ къ другому, человѣку богатому и образованному, полюбился ему за веселый и кроткій нравъ, женился на его воспитанницѣ, поступилъ на службу, вышелъ въ дворяне, выдалъ свою дочь за орловскаго помѣщика Лобызаньева, отставного драгуна и стихотворца, и переселился самъ на жительство въ Орелъ.

Вотъ этотъ-то самый Лежёнь, или, какъ теперь его называютъ, Францъ Иванычъ, и вошелъ при мнѣ въ комнату Овсяникова, съ которымъ онъ состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Но, быть-можетъ, читателю уже наскучило сидѣть со мною у однодворца Овсяникова, и потому я краснорѣчиво умолкаю.

VII.

ЛЬГОВЪ.

— Поѣдемте-ка въ Льговъ,—сказалъ мнѣ однажды уже извѣстный читателямъ Ермолай:—мы тамъ утокъ пастрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно-плѣнительнаго, но, за неимѣніемъ пока другой дичи (дѣло было въ началѣ сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бѣгать по полямъ за куропатками мнѣ надоѣло), я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ—большое степное село съ весьма древней, каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка, верстъ за пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кое-гдѣ по серединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по орловскому — майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затишьяхъ между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: крыковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то и дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія

тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у! Мы пошли-было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во-первыхъ, у самаго берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошного майера наши собаки не были въ состояніи: несмотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоцѣнные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ,—промолвилъ, наконецъ, Ермолай: — дѣло не ладно: надо достать лодку... Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу, изъ-за густой ракиты, выбѣжала довольно дряпная легавая собака и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ цвѣта гри-де-лень или блё-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоніаломъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, — незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижными косицами, небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали, — все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать,—началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ Владиміръ... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берегъ нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать, ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ, занимающій роли первыхъ любовниковъ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кое-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и, видимо, щеголялъ своими манерами; волокита тоже, должно-быть, былъ страшный и, по всѣмъ вѣроятіямъ, успѣвалъ: русскія дѣвушки любятъ краснорѣчіе. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ, и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно, по все-таки не терялъ чувства собственнаго достоинства, и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъявить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ, не слишкомъ образованный и уже вовсе не „субтильный“, началъ было его „тыкать“. Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: „вы-съ“...

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ?—спросилъ я его.—Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ,—возразилъ онъ:—это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, по вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ, въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: любезный другъ мой, возьми меня на охоту: я любопытствую узнать—въ чемъ состоитъ эта забава. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ, мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ

отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ же, напротивъ того, съ своей стороны, началъ выкидывать ружьемъ артикулъ-съ, причемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки...

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ, и Ермолай, оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаникъ *),—замѣтилъ Владиміръ:— да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому?—спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви. Разсматривая могилы на кладбищѣ, наткнулся я на почернѣвшую, четырехугольную урну съ слѣдующими надписями: на одной сторонѣ, французскими буквами: „Ci-gît Théophile-Henri, vicomte de Blangy“; на другой: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло французскаго подданнаго, графа Бланжія; родился 1737, умре 1799 года, всего житія его было 62 года“; на третьей: „миръ его праху“; а на четвертой:

„Подъ камнемъ симъ лежитъ французскій эмигрантъ:
Породу знатную имѣлъ онъ и талантъ.
Супругу и семью оплакавъ безвинну.
Покинулъ родину, тиранами попрану;
Россійскія страны достигнувъ береговъ,
Обрѣлъ на старости гостепріимный кровъ,
Училъ дѣтей, родителей покоилъ...
Всевышній Судія его здѣсь успокоилъ“.

Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ—прервалъ мои размышленія.

Босоногій, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка?—спросилъ я.

— Лодка есть,—отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ:—да больно плоха.

— А что?

*) Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

— Расклеилась; да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда!—подхватилъ Ермолай: — паклей затянуть можно.

— Извѣстно, можно,—подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной,—съ важностью замѣтилъ мой охотникъ.

— Ну,—сказалъ я Ермолаю: — поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А, вѣдь, этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ?—сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ,—отвѣчалъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, — замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно спросонья:—да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины *).

— Однакоже, если трава такъ сильна,—замѣтилъ Владиміръ:—такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ,—а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь,—сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону, и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ, по старой привычкѣ, руки за спиной.

— Скажи, пожалуйста, — началъ я: — давно ты здѣсь рыбакомъ?

---

*) Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

— Седьмой годъ пошелъ, — отвѣчалъ онъ, встрепенувшись.

— А прежде чѣмъ ты занимался?

— Прежде ѣздилъ кучеромъ.

— Кто жъ тебя изъ кучеровъ разжаловалъ?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что насъ-то купила. Вы не изволите знать: Алёна Тимофѣвна, толстая такая... немолодая.

— Съ чего жъ она вздумала тебя въ рыболовы произвести?

— А Богъ ее знаетъ. Пріѣхала къ намъ изъ своей вотчины, изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать, да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ... А потомъ и стала по порядку насъ разспрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: ты чѣмъ былъ? Говорю: кучеромъ. — Кучеромъ? ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, будь у меня рыболовомъ, и бороду сбрей. На случай моего пріѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь?.. Съ тѣхъ поръ, вотъ, я въ рыболовахъ и числюсь.—Да прудъ у меня, смотри, содержать въ порядкѣ... А какъ его содержать въ порядкѣ?

— Чьи же вы прежде были?

— А Сергѣя Сергѣича Нехтерева. По наслѣдствію ему достались. Да и онъ нами не долго владѣлъ, всего шесть годовъ. У него-то, вотъ, я кучеромъ и ѣздилъ... да не въ городѣ—тамъ у него другіе были, а въ деревнѣ.

— И ты смолоду все былъ кучеромъ?

— Какое все кучеромъ! Въ кучера-то я попалъ при Сергѣѣ Сергѣичѣ, а прежде поваромъ былъ,—но не городскимъ поваромъ, а такъ, въ деревнѣ.

— У кого жъ ты былъ поваромъ?

— А у прежняго барина, у Аѳанасія Нефедыча, у Сергѣя Сергѣичина дяди. Льговъ-то онъ купилъ, Аѳанасій Нефедычъ купилъ, а Сергѣю Сергѣичу имѣнье-то по наслѣдствію досталось.

— У кого купилъ?

— А у Татьяны Васильевны.

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вотъ, что въ запрошломъ году умерла, подъ Болховымъ... то-бишь подъ Карачевымъ, въ дѣвкахъ... И замужемъ не бывала. Не изволите знать? Мы къ ней поступили отъ ея батюшки, отъ Василья Семеныча. Она-таки долгонько нами владѣла... годиковъ двадцать.

— Что жъ, ты у пей былъ поваромъ?

— Сперва, точно, былъ поваромъ, а то и въ кофѣшенки попалъ.

— Во что?

— Въ кофѣшенки.

— Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфетѣ состоялъ, и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время былъ кофишёнкомъ?

— Нѣтъ, не все время: былъ и ахтеромъ.

— Неужели?

— Какъ же, былъ... на театрѣ игралъ. Барыня наша театръ у себя завела.

— Какія же ты роли занималъ?

— Чего изволите-съ?

— Что ты дѣлалъ на театрѣ?

— А вы не знаете? Вотъ, меня возьмутъ и нарядятъ; я такъ и хожу наряженный, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что говори,—я и говорю. Разъ слѣпого представлялъ... Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... Какъ же!

— А потомъ чѣмъ былъ?

— А потомъ опять въ повара поступилъ.

— За что же тебя въ повара разжаловали?

А братъ у меня сбѣжалъ.

Ну, а у отца твоей первой барыни чѣмъ ты былъ?

— А въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ ка-

зачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ.

— Доѣзжачимъ?.. И съ собаками ѣздилъ?

— Ѣздилъ и съ собаками, да убился: съ лошадью упалъ и лошадь зашибъ. Старый-то баринъ у насъ былъ престрогій; велѣлъ меня выпороть, да въ ученье отдать въ Москву, къ сапожнику.

— Какъ въ ученье? Да ты, чай, не ребенкомъ въ доѣзжачіе попалъ?

— Да лѣтъ, этакъ, мнѣ было двадцать слишкомъ.

— Какое жъ тутъ ученье въ двадцать лѣтъ?

— Стало-быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ. Да онъ, благо, скоро умеръ, — меня въ деревню и вернули.

— Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучокъ приподнялъ свое худенькое и желтенькое лицо и усмѣхнулся.

— Да развѣ этому учатся?.. Стряпаютъ же бабы!

— Ну,— промолвилъ я: — видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку! Что жъ ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, коль у васъ рыбы нѣту?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что въ рыболовы произвели. А то вотъ другого, такого же, какъ я, старика—Андрея Пупыря — въ бумажную фабрику, въ черпальную, барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть... А Пупырь-то еще на милость надѣялся: у него двоюродный племянникъ въ барской конторѣ сидитъ конторщикомъ: доложить обѣщался объ немъ барынѣ, напомнятъ. Вотъ-те и напомнилъ!... А Пупырь въ монхъ глазахъ племяннику-то въ ножки кланялся.

— Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?

— Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница — царство ей небесное! — никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало, говоритъ: вѣдь живу же я такъ, въ дѣвкахъ, что за баловство! чего имъ надо?

— Чѣмъ же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье!.. Харчи выдаются—и

то слава Тебѣ, Господи! много доволепъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!

Ермолай вернулся.

— Справлена лодка,—произнесъ онъ сурово. — Ступай за шестомъ—ты!..

Сучокъ побѣжалъ за шестомъ. Во все время моего разговора съ бѣднымъ старикомъ, охотникъ Владиміръ поглядывалъ па него съ презрительной улыбкой.

— Глупый человѣкъ-съ, — промолвилъ онъ, когда тотъ ушелъ: — совершенно необразованный человѣкъ, мужикъ-съ, больше ничего-съ. Дворовымъ человѣкомъ его назвать пельзя-съ... и все хвасталъ-съ... Гдѣ жъ ему быть актеромъ-съ, сами извольте разсудить-съ! Напрасно изволили безпокоиться, изволили съ нимъ разговаривать-съ.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли на дощаникѣ Сучка. (Собакъ мы оставили въ избѣ, подъ надзоромъ кучера Іегудіила.) Намъ не очень было ловко, но охотники народъ не разборчивый. У тупого, задняго конца стоялъ Сучокъ и „пихался“; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самаго носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ; сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, „срывались“ съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ, выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними: весело было видѣть, какъ эти кургузыя птицы кувыркались на воздухѣ, тяжко шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя выряли; иныя, убитыя наповалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но, все-таки, къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично, и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно; я — довольно плохо, по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: „вонъ, вонъ еще утица!“—и то-и-дѣло почесывалъ спину—не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника,—какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось, и торжественно пошло ко дну, къ счастью, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно; черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно-быть, по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тьфу, ты, пропасть!—пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду:—какая оказія! А все ты, старый чортъ!—прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку: — что это у тебя за лодка?

— Виноватъ,—проленеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, — продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра:—чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты...

Но Владиміру было ужъ не до возраженій: онъ дрожалъ какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безсмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственнаго достоинства!

Проклятый дощаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ, я оглянулся; кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, видиѣлся берегъ. „Плохо“,—подумалъ я.

— Какъ намъ быть?—спросилъ я Ермолая.

— А вотъ, посмотримъ: не ночевать же здѣсь, — отвѣтилъ онъ.— На, ты, держи ружье, — сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду, сыщу бродъ,—продолжалъ Ермолай съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непремѣнно долженъ существовать бродъ,—взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь ли плавать?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю,—раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, — равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совершенно успокоенный, только изрѣдка отдувался, и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-съ,—жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ, умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межъ собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами; иныя собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, „коломъ“, и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу; бродъ нашелъ... Пойдемте.

Мы хотѣли-было тотчасъ же отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухсотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: „лѣвѣй,—тутъ направо колдобина!“ или: „правѣй,—тутъ налѣво завязнешь“... Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри.—„Ну, ну, ну!“—грозно кричалъ на него Ермолай,—и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки-выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, до берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ, и собирались ужинать. Кучеръ Іегудіилъ, человѣкъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно потчивалъ табакомъ Сучка. (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся.) Сучокъ нюхалъ съ остервенѣніемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое

удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонилъ голову на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертѣли хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна... На селѣ раздавались пѣсни.

VIII.

БѢЖИНЪ ЛУГЪ.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное — мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра... Но вотъ, опять хлынули играющіе лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они такъ же лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ

и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ, кое-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы:—то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены; свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „паритъ“ по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты — несомнѣнный признакъ постоянной погоды — высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба.

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и пастрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягдташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную „площадь“ кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожиданной знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ, крутой стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи, оглянулся... „Эге!“ подумалъ я: „да это я совсѣмъ не туда попалъ: я слишкомъ за-

бралъ вправо", и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣе выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо. „Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголъ", думалъ я про себя: „тутъ сейчасъ и будетъ дорога; — а съ версту крюку я далъ!"

Я добрался, наконецъ, до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошенные, низкіе кусты широко разстилались передо мною, а за ними, далеко-далеко, виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился. „Что за притча?.. Да гдѣ же я?"—Я сталъ припоминать, какъ и куда ходилъ въ теченіе дня... „Э! да это Парахинскіе кусты!" воскликнулъ я, наконецъ: „точно! вонъ это, должно-быть, Синдѣевская роща... Да какъ же это я сюда зашелъ? Такъ далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять".

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало,—одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая почная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало

опять синѣть, — но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Что я-было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. „Да гдѣ же это я?“ повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изо всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней,—казалось, они сползли туда для тайнаго совѣщанія, и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрекъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ — на удалую... Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался-было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка

и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина-Луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мною отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздавались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ;

далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій косматъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника и разомъ исчезнетъ;—острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая, съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ-было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сопливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка

рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства: сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя.)

Первому, старшему изъ всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ, съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной, полу-веселой, полу-разсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовскіе. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый,—что́ и говорить! — а все-таки, онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились, — онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то и дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый,

Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе произвели его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ,— па его языкѣ, по крайней мѣрѣ, — не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго, и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я сперва-было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикурнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Итакъ, я лежалъ подъ кустикомъ, въ сторонѣ, и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней: въ немъ варились „картошки“. Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все такъ же напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и сёмъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошаляхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Ильюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что жъ ты, такъ и видѣлъ домового?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя,— отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица:—я слышалъ... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится?—спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ *).

*) „Рольней“ и „черпальней“ на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ *).

— Вишь ты—фабричные!..

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ? — спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что̀ съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то-есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говоритъ: что̀ молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались, и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что̀, молъ, ребята, ну, какъ домовой придетъ?.. И не успѣлъ онъ, Авдѣй-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ, прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то **) спущены. Дивимся мы: — кто жъ это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось, да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ,—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ—ничего... Вдругъ, глядь, у одного чана форма***) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила,

*) „Лисовщики“ гладятъ, скоблятъ бумагу.

**) „Дворцомъ“ называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

***) Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

походила этакъ по воздуху, словно кто ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужъ какъ же мы напужались о ту пору!

— Вишь какъ!—промолвилъ Павелъ.—Чего жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что, спросилъ Ѳедя:—картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула,—прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки: — должно-быть, щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу, — заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ:—послушайте-ка, намедни что тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, — съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну, да; знаемъ.

— А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ, по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ почь на дворѣ. Вотъ, и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь утра,—присѣлъ и задремалъ. Вотъ, задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ,—опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтилъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ,—все, братцы мои, видно. Вотъ, зоветъ она его,

и такая сама вся свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь,—а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврила-было и всталъ, послушался-было русалки, братцы мои, да знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается... Ахъ, ты этакой, а!.. Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: „чего ты, лѣсное зелье, плачешь?“ А русалка-то какъ взговоритъ ему: „не креститься бы тебѣ“, говоритъ: „человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я; убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней“. Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, выти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эка!—проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанья:— да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть хрестіанскую душу спортить,—онъ же ея не послушался?

— Да вотъ, поди ты! — сказалъ Костя. — И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ?—продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?.. А знать, онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился!— подхватилъ Ильюша. — Какъ же! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки,—замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Костя:—здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно:—рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся, наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься,—и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго-долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила!—шепнулъ Илья.

— Эхъ, вы, вороны!—крикнулъ Павелъ:—чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся.) Что же ты?—сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки,—началъ Ильюша:—что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то?—спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на ирорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли *) водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай...

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ-быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ—бугорочекъ... Вотъ, на-дняхъ, зоветъ приказчикъ нсаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; со-

*) По-орловскому: змѣи.

бакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ, поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмѣлепъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ возьму его,—что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но а барашекъ—ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, молъ, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить,—говоритъ: „бяша, бяша!“ А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: „бяша, бяша“...

Не успѣлъ разсказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!“... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла пропесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое?—спросили мальчики.

— Ничего,—отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь:—такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ, волкъ,—прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, почью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... „Что за славный мальчикъ!“ думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то?—спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много,—отвѣчалъ Павелъ:—да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

— А какіе ты намъ, Ильюшка, страхи разсказывалъ,—заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство).—Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять... А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы?.. Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали—покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ, и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. — Что, молъ, батюшка, Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ?—перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ... Ну, и что-жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо:—разрывъ-травы.—А на что тебѣ, батюшка,

Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы?—Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ; вонъ хочется, вонъ...

— Вишь, какой!—замѣтилъ Ѳедя:—мало, знать, пожилъ.

— Экое диво!—промолвилъ Костя:—я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно,—съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья...—Но а въ родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стóитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную, да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ, у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видѣла она кого-нибудь?—съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какъ же. Перво-наперво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все какъ будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то... Вдругъ, смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашонкѣ. Она приглянулась—Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ...

— Тотъ, что умеръ весной?—перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ... А узнала его Ульяна... Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться,—ахъ, ты, Господи!—сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама?—спросилъ Ѳедя.

— Ей-Богу, сама.

— Ну что-жъ, вѣдь она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись, бѣлый голубокъ,—налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повер-

тѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, — замѣтилъ Павелъ. — Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша,—промолвилъ Костя:—не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ-быть,—проговорилъ онъ, наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — началъ Ѳедя: — что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное? *)

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперь ѣсть“, говоритъ: „наступило свѣтопреставленіе“. Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку **) увидятъ.

— Какого это Тришку?—спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? — съ жаромъ подхватилъ Илюша: — ну, братъ, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ, а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, по

*) Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затменіе.

**) Въ повѣрьѣ о „Тришкѣ“, вѣроятно, отозвалось сказаніе объ Антихристѣ.

а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ,—онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется — онѣ съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіянскій... ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да,—продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ:—такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ“. Таково-то всѣ переполошились!.. А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на

небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... „Что это?“

— Это цапля кричитъ, — спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля,—повторилъ Костя... А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного:—ты, можетъ-быть, знаешь...

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной-Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ — знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью *) выходитъ,—тамъ, вѣдь, есть бучило **); знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ, вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Что бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры,—замѣтилъ Павлуша:—такъ, можетъ-быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои,—возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза.—Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія,—продолжалъ Павелъ:—которыя такъ жалобно кричатъ.

---

*) Сугибель—крутой поворотъ въ оврагѣ.

**) Бучило—глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

— Лягушки? Ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой.)—Экъ ее!—невольно произнесъ Костя:—словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой,—подхватилъ Илюша:—онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ...

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли?—насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть: но а другіе видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

— Эхъ ты!—воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами:—пфу!..

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась?—замѣтилъ Павелъ:—право!

— Не бранись: смотри, услышитъ,—замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки,—раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе, тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня,—ласково заговорилъ Ѳедя:—что твоя сестра Анютка, здорова?

— Здорова,—отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, пѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты?—спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть: водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку!—крикнулъ ему вслѣдъ Ильюша.

— Отчего ему упасть?—сказалъ Ѳедя:—онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду... А какое упалъ!.. Во-вонъ, въ камыши полѣзъ,—прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, „шуршали“, какъ говорится у насъ.

— А правда ли,—спросилъ Костя:—что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ... Какова теперь! Но а говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащатъ. Вотъ онъ ее, тамъ у себя на днѣ, и испортилъ.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ.)

— А говорятъ,—продолжалъ Костя:—Акулина оттого въ рѣку и кинулась, что ее полюбовникъ обманулъ.

— Отъ того самаго.

— А помнишь Васю?—печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю?—спросилъ Ѳедя.

— А вотъ, того, что утонулъ,—отвѣчалъ Костя:—въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! и-ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-огъ Вася съ нами, съ ребятками лѣтомъ, въ рѣчку купаться,—она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто на-земь и станетъ его кликать: „вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!“—И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ,—глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ, съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ:—придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утонъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку,—помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ,—вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится...

— [illegible] вотъ Павлуша идетъ,—молвилъ Ѳедя.

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что ребята,—началъ онъ, помолчавъ:—неладно дѣло.

— А что?—торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты, что ты?—пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: „Павлуша, а Павлуша, подь сюда“. Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи, — проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ,—прибавилъ

Ѳедя. — А мы только что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная,—съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пущай!—произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять:—своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Что это?—спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда же они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ: я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло,—въ немъ снова какъ будто разливалась сырость... Не долги лѣтнія ночи!.. Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить при чуть-брезжущемъ, слабо-льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза:—утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя

смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кое-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной, пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана—полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

IX.

КАСЬЯНЪ СЪ КРАСИВОЙ-МЕЧИ.

Я возвращался съ охоты въ тряской телѣжкѣ и, подавленный душнымъ зноемъ лѣтняго облачнаго дня (извѣстно, что въ такіе дни жара бываетъ иногда еще несноснѣе, чѣмъ въ ясные, особенно когда нѣтъ вѣтра), дремалъ и покачивался, съ угрюмымъ терпѣніемъ предавая всего себя на съѣденіе мелкой, бѣлой пыли, безпрестанно поднимавшейся съ выбитой дороги изъ-подъ разсохшихся и дребезжавшихъ колесъ,—какъ вдругъ вниманіе мое было возбуждено необыкновеннымъ безпокойствомъ и тревожными тѣлодвиженіями моего кучера, до этого мгновенія еще крѣпче дремавшаго, чѣмъ я. Онъ задергалъ вожжами, завозился на облучкѣ и началъ покрикивать на лошадей, то-и-дѣло поглядывая куда-то въ сторону. Я осмотрѣлся. Мы ѣхали по широкой распаханной равнинѣ; чрезвычайно пологими, волнообразными раскатами сбѣгали въ нее невысокіе, тоже распаханные холмы; взоръ обнималъ всего какихъ-нибудь пять верстъ пустыннаго пространства: вдали — небольшія березовыя рощи своими округленно-зубчатыми верхушками одни нарушали почти прямую черту небосклона. Узкія тропинки тянулись по полямъ, пропадали въ лощинкахъ, вились по пригор-

камъ, и на одной изъ нихъ, которой въ пятистахъ шагахъ впереди отъ насъ приходилось пересѣкать нашу дорогу, различилъ я какой-то поѣздъ. На него-то поглядывалъ мой кучеръ.

Это были похороны. Впереди, въ телѣгѣ, запряженной одной лошадкой, шагомъ ѣхалъ священникъ; дьячокъ сидѣлъ возлѣ него и правилъ; за телѣгой четыре мужика, съ обнаженными головами, несли гробъ, покрытый бѣлымъ полотномъ; двѣ бабы шли за гробомъ. Тонкій, жалобный голосокъ одной изъ нихъ вдругъ долетѣлъ до моего слуха; я прислушался: она голосила. Уныло раздавался среди пустыхъ полей этотъ переливчатый, однообразный, безнадежно-скорбный напѣвъ. Кучеръ погналъ лошадей: онъ желалъ предупредить этотъ поѣздъ. Встрѣтить на дорогѣ покойника—дурная примѣта. Ему, дѣйствительно, удалось проскакать по дорогѣ прежде чѣмъ покойникъ успѣлъ добраться до нея; но мы еще не отъѣхали и ста шаговъ, какъ вдругъ нашу телѣгу сильно толкнуло, она накренилась, чуть не завалилась. Кучеръ остановилъ разбѣжавшихся лошадей, махнулъ рукой и плюнулъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ я.

Кучеръ мой слѣзъ молча и не торопясь.

— Да что такое?

— Ось сломалась... перегорѣла,—мрачно отвѣчалъ онъ, и съ такимъ негодованіемъ поправилъ вдругъ шлею на пристяжной, что та совсѣмъ покачнулась-было на бокъ, однако устояла, фыркнула, встряхнулась и преспокойно начала чесать себѣ зубомъ ниже колѣна передней ноги.

Я слѣзъ и постоялъ нѣкоторое время на дорогѣ, смутно предаваясь чувству непріятнаго недоумѣнія. Правое колесо почти совершенно подвернулось подъ телѣгу и, казалось, съ нѣмымъ отчаяніемъ поднимало къ верху свою ступицу.

— Что теперь дѣлать?—спросилъ я наконецъ.

— Вонъ кто виноватъ!—сказалъ мой кучеръ, указывая кнутомъ на поѣздъ, который успѣлъ уже свернуть на дорогу и приближался къ намъ:—ужъ я всегда это замѣ-

...—это примѣта вѣрная—встрѣтить

...безпокоилъ пристяжную, которая, видя ...еніе и суровость, рѣшилась остаться не- ...и только изрѣдка и скромно помахивала хво- ...походилъ немного взадъ и впередъ и опять ...лся передъ колесомъ.

...ду тѣмъ покойникъ нагналъ насъ. Тихо свернувъ ...ороги на траву, потянулось мимо нашей телѣги пе- ...альное шествіе. Мы съ кучеромъ сняли шапки, раскла- нялись съ священникомъ, переглянулись съ носильщи- ками. Они выступали съ трудомъ; высоко поднимались ихъ широкія груди. Изъ двухъ бабъ, шедшихъ за гро- бомъ, одна была очень стара и блѣдна; неподвижныя ея черты, жестоко искаженныя горестью, хранили выраже- ніе строгой, торжественной важности. Она шла молча, изрѣдка поднося худую руку къ тонкимъ, ввалившимся губамъ. У другой бабы, молодой женщины лѣтъ двадцати пяти, глаза были красны и влажны, и все лицо опухло отъ плача; поровнявшись съ нами, она перестала голо- сить и закрылась рукавомъ... Но вотъ, покойникъ мино- валъ насъ, выбрался опять на дорогу, и опять раздалось ея жалобное, надрывающее душу пѣніе. Безмолвно про- водивъ глазами мѣрно колыхавшійся гробъ, кучеръ мой обратился ко мнѣ.

— Это Мартына плотника хоронятъ,—заговорилъ онъ:— что съ Рябой.

— А ты почему знаешь?

— Я по бабамъ узналъ. Старая-то—его мать, а моло- дая—жена.

— Онъ б...ленъ былъ, что ли?

— Да... горячка... Третьяго дня за дохтуромъ посылалъ управляющій, да дома дохтура не застали... А плотникъ былъ хорошій; зашибалъ маненько, а хорошій былъ плотникъ. Вишь баба-то его какъ убивается... Ну, да, вѣдь извѣстно: у бабъ слезы-то не купленныя. Бабьи слезы та же вода... Да.

И онъ нагнулся, пролѣзъ подъ поводомъ пристяжной и ухватился обѣими руками за дугу.

— Однако,—замѣтилъ я:—ч

Кучеръ мой сперва уперся кол
пой, тряхнулъ раза два дугой, по
томъ опять пролѣзъ подъ поводомъ и
нувъ ее мимоходомъ въ морду, подош
подошелъ и, не спуская съ него взора, мед
изъ-подъ полы кафтана тавлинку, медленно
ремешокъ крышку, медленно всунулъ въ тавлин
два толстыхъ пальца (и два-то едва въ ней умѣст
помялъ-помялъ табакъ, перекосилъ заранѣе носъ, по
халъ съ разстановкой, сопровождая каждый пріемъ про
должительнымъ кряхтѣніемъ, и, болѣзненно щурясь и
моргая прослезившимися глазами, погрузился въ глубокое
раздумье.

— Ну, что?—проговорилъ я наконецъ.

Кучеръ мой бережно вложилъ тавлинку въ карманъ, надвинулъ шляпу себѣ на брови, безъ помощи рукъ, однимъ движеніемъ головы, задумчиво полѣзъ на облучокъ.

— Куда же ты?—спросилъ я его не безъ изумленія.

— Извольте садиться,—спокойно отвѣчалъ онъ и подобралъ вожжи.

— Да какъ же мы поѣдемъ?

— Ужъ поѣдемъ-съ.

— Да ось...

— Извольте садиться.

— Да ось сломалась...

— Сломалась-то она, сломалась; ну, а до выселокъ доберемся... шагомъ, то-есть. Тутъ вотъ, за рощей, направо, есть выселки: Юдиными прозываются.

— И ты думаешь, мы доѣдемъ?

Кучеръ мой не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Я лучше пѣшкомъ пойду,—сказалъ я.

— Какъ угодно-съ...

И онъ махнулъ кнутомъ. Лошади тронулись.

Мы, дѣйствительно, добрались до выселковъ, хотя правое переднее колесо едва держалось и необыкновенно странно вертѣлось. На одномъ пригоркѣ оно чуть-чуть

не слетѣло; но кучеръ мой закричалъ озлобленнымъ голосомъ, и мы благополучно спустились.

Юдины выселки состояли изъ шести низенькихъ и маленькихъ избушекъ, уже успѣвшихъ скривиться на бокъ, хотя ихъ, вѣроятно, поставили недавно: дворы не у всѣхъ были обнесены плетнемъ. Въѣзжая въ эти выселки, мы не встрѣтили ни одной живой души; даже куриць не было видно на улицѣ, даже собакъ; только одна, черная, съ купымъ хвостомъ, торопливо выскочила при насъ изъ совершенно высохшаго корыта, куда ее, должно-быть, загнала жажда, и тотчасъ, безъ лая, опрометью бросилась подъ ворота. Я зашелъ въ первую избу, отворилъ дверь въ сѣни, окликнулъ хозяевъ, — никто не отвѣчалъ мнѣ. Я кликнулъ еще разъ: голодное мяуканье кошки раздалось за другой дверью. Я толкнулъ ее ногой: худая кошка шмыгнула мимо меня, сверкнувъ во тьмѣ зелеными глазами. Я всунулъ голову въ комнату, посмотрѣлъ: темно, дымно и пусто. Я отправился на дворъ, и тамъ никого не было... Въ загородкѣ теленокъ промычалъ; хромой, сѣрый гусь отковылялъ немного въ сторону. Я перешелъ во вторую избу,—и во второй избѣ ни души. Я на дворъ...

По самой серединѣ ярко освѣщеннаго двора, на самомъ, какъ говорится, припёкѣ, лежалъ, лицомъ къ землѣ и накрывши голову армякомъ, какъ мнѣ показалось, мальчикъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, возлѣ плохой телѣжонки, стояла, подъ соломеннымъ навѣсомъ, худая лошаденка въ оборванной сбруѣ. Солнечный свѣтъ, падая струями сквозь узкія отверстія обветшалаго намета, пестрилъ небольшими свѣтлыми пятнами ея косматую, красно-гнѣдую шерсть. Тутъ же, въ высокой скворешницѣ, болтали скворцы, съ спокойнымъ любопытствомъ поглядывая внизъ изъ своего воздушнаго домика. Я подошелъ къ спящему и началъ его будить...

Онъ поднялъ голову, увидалъ меня и тотчасъ вскочилъ на ноги... „Что, что надо? что такое?“ забормоталъ онъ спросонья.

Я не тотчасъ ему отвѣтилъ: до того поразила меня его

— И меня.

— Экъ!—проговорилъ мой кучеръ сквозь зубы.—Знаешь, Мартынъ-то плотникъ... ты вѣдь рябовскаго Мартына знаешь?

— Знаю.

— Ну, онъ умеръ. Мы сейчасъ его гробъ повстрѣчали.

Касьянъ вздрогнулъ.

— Умеръ?—проговорилъ онъ и потупился.

— Да, умеръ. Что жъ ты его не вылѣчилъ, а? Вѣдь ты, говорятъ, лѣчишь, ты лѣкарка.

Мой кучеръ видимо потѣшался, глумился надъ старикомъ.

— А это твоя телѣга, что ли? — прибавилъ онъ, указывая на пес плечомъ.

— Моя.

— Ну, телѣга... телѣга! — повторилъ онъ, и, взявъ ее за оглобли, чуть не опрокинулъ кверху дномъ... Телѣга!.. А-па чемъ же вы на ссѣчки поѣдете?.. Въ эти оглобли нашу лошадь не вприжешь: наши лошади большія,—а это что такое?

— А не знаю, — отвѣчалъ Касьянъ: — на чемъ вы поѣдете; развѣ вотъ на этомъ животикѣ,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— На этомъ-то? — подхватилъ Ерофей и, подойдя къ Касьяновой клячонкѣ, презрительно ткнулъ ее третьимъ пальцемъ правой руки въ шею. — Ишь, — прибавилъ онъ съ укоризной:—заснула, ворона!

Я попросилъ Ерофея заложить ее поскорѣй. Мнѣ самому захотѣлось съѣздить съ Касьяномъ на ссѣчки: тамъ часто водятся тетерева. Когда уже телѣжка была совсѣмъ готова, и я кое-какъ вмѣстѣ съ своей собакой уже умѣстился на ея покороблennомъ лубочномъ днѣ, и Касьянъ, сжавшись въ комочекъ и съ прежнимъ упылымъ выраженіемъ на лицѣ, тоже сидѣлъ на передней грядкѣ,—Ерофей подошелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ прошепталъ:

— И хорошо сдѣлали, батюшка, что съ нимъ поѣхали. Вѣдь онъ такой, вѣдь онъ юродивецъ, и прозвище-то ему: Блоха. Я не знаю, какъ вы понять-то его могли...

— Ну, для чего ты пташку убилъ?—началъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.

— Какъ для чего?.. Коростель—это дичь: его ѣсть можно.

— Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ.

— Да, вѣдь, ты самъ, небось, гусей или курицъ, напримѣръ, ѣшь?

— Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель—птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой,—и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла... А человѣку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлѣбъ — Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Касьяна. Слова его лились свободно; онъ не искалъ ихъ, онъ говорилъ съ тихимъ одушевленіемъ и кроткою важностію, изрѣдка закрывая глаза.

— Такъ и рыбу, по-твоему, грѣшно убивать? — спросилъ я.

— У рыбы кровь холодная, — возразилъ онъ съ увѣренностію: — рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится; рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая... Кровь, — продолжалъ онъ, помолчавъ: — святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ... Охъ, великій!

Онъ вздохнулъ и потупился. Я, признаюсь, съ совершеннымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на страннаго старика. Его рѣчь звучала не мужичьей рѣчью: такъ не говорятъ простолюдины, и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ, обдуманно-торжественный и странный... Я не слыхалъ ничего подобнаго.

— Скажи, пожалуйста, Касьянъ, — началъ я, не спуская глазъ съ его слегка раскраснѣвшагося лица:—чѣмъ ты промышляешь?

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ на мой вопросъ. Его взглядъ безпокойно забѣгалъ на мгновеніе.

— Живу, какъ Господь велитъ, — промолвилъ онъ наконецъ: — а чтобы, то-есть, промышлять — нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразуменъ я больно, съ мальства; работаю, пока мочно, — работникъ-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глупы. Ну, весной соловьевъ ловлю.

— Соловьевъ ловишь?.. А какъ же ты говорилъ, что всякую лѣсную и полевую и прочую тамъ тварь не надо трогать?

— Убивать ее не надо, точно; смерть и такъ свое возьметъ. Вотъ, хоть бы Мартынъ-плотникъ: жилъ Мартынъ-плотникъ, и не долго жилъ, и померъ; жена его теперь убивается о мужѣ, о дѣткахъ малыхъ... Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить. Смерть и не бѣжитъ, да и отъ нея не убѣжишь; да помогать ей не должно... А я соловушекъ не убиваю,—сохрани Господи! Я ихъ не на мѵку ловлю, не на погибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселіе.

— Ты въ Курскъ ихъ ловить ходишь?

— Хожу я и въ Курскъ, и подалѣ хожу, какъ случится. Въ болотахъ ночую да въ залѣсьяхъ, въ полѣ ночую одинъ, во глуши: тутъ кулички разсвистятся, тутъ зайцы кричатъ, тутъ селезни стрекочутъ... По вечеркамъ замѣчаю, по утренничкамъ выслушиваю, по зарямъ обсыпаю сѣткой кусты... Иной соловушко такъ жалостно поетъ, сладко... жалостно даже.

— И продаешь ты ихъ?

— Отдаю добрымъ людямъ.

— А что жъ ты еще дѣлаешь?

— Какъ дѣлаю?

— Чѣмъ ты занятъ?

Старикъ помолчалъ.

— Ничѣмъ я этакъ не занятъ... Работникъ я плохой. Грамотѣ, однако, разумѣю.

— Ты грамотный?

— Разумѣю грамотѣ. Помогъ Господь, да добрые люди.

— Что, ты семейный человѣкъ?

— Нѣту-ти, безсемейный.

— Что такъ?.. Перемерли, что ли?

— Нѣтъ, а такъ: задачи въ жизни не вышло. Да это все подъ Богомъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; а справедливъ долженъ быть человѣкъ,—вотъ что! Богу угоденъ, то-есть.

— И родни у тебя нѣтъ?

— Есть... да... такъ...

Старикъ замялся.

— Скажи, пожалуйста,—началъ я:—мнѣ послышалось, мой кучеръ у тебя спрашивалъ, что, дескать, отчего ты не вылѣчилъ Мартына? Развѣ ты умѣешь лѣчить?

— Кучеръ твой справедливый человѣкъ,—задумчиво отвѣчалъ мнѣ Касьянъ:—а тоже не безъ грѣха. Лѣкаркой меня называютъ... Какая я лѣкарка!.. и кто можетъ лѣчить? Это все отъ Бога. А есть... есть травы, цвѣты есть: помогаютъ, точно. Вотъ, хоть череда, напримѣръ, трава добрая для человѣка; вотъ, подорожникъ тоже; объ пихъ и говорить не зазорно; чистыя травки—Божіи. Ну, а другія не такъ: и помогаютъ-то онѣ, а грѣхъ; и говорить о нихъ грѣхъ. Еще съ молитвой развѣ... Ну, конечно, есть и слова такія... А кто вѣруетъ — спасется, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Ты ничего Мартыну не давалъ?—спросилъ я.

— Поздно узналъ,—отвѣчалъ старикъ.—Да что!—кому какъ на роду написано. Не жилецъ былъ плотникъ Мартынъ, не жилецъ на землѣ: ужъ это такъ. Нѣтъ, ужъ какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ другого, и хлѣбушекъ тому не въ прокъ,—словно что его отзываетъ... Да; упокой Господь его душу!

— Давно васъ переселили къ намъ?—спросилъ я, послѣ небольшого молчанія.

Касьянъ встрепенулся.

— Нѣтъ, недавно: года четыре. При старомъ барипѣ мы все жили на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а вотъ опека переселила. Старый баринъ у насъ былъ кроткая душа, смиренникъ,—царство ему небесное! Ну, опека, конечно, справедливо разсудила; видно, ужъ такъ пришлось.

— А вы гдѣ прежде жили?

— Мы съ Красивой-Мечи.

— Далеко это отсюда?

— Верстъ сто.

— Что́ жъ, тамъ лучше было?

— Лучше... лучше. Тамъ мѣста привольныя, рѣчныя, гнѣздо наше, а здѣсь тѣснота, сухмень... Здѣсь мы осиротѣли. Тамъ у насъ, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холмъ, взойдешь—и Господи, Боже мой, что́ это? а?.. И рѣка-то, и луга, и лѣсъ; а тамъ церковь, а тамъ опять пошли луга. Далече видно, далече. Вотъ, какъ далеко видно... смотришь, смотришь, ахъ ты, право! Ну, здѣсь, точно, земля лучше: суглинокъ, хорошій суглинокъ, говорятъ крестьяне; да съ меня хлѣбушка-то всюду вдоволь народится.

— А что́, старикъ, скажи правду: тебѣ, чай, хочется на родинѣ-то побывать?

— Да, посмотрѣлъ бы. А впрочемъ, вездѣ хорошо. Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ. Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вотъ, какъ пойдешь, какъ пойдешь,— подхватилъ онъ, возвысивъ голосъ:—и полегчитъ, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется-то ладнѣе. Тутъ, смотришь,—трава какая растетъ; ну, замѣтишь,—сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну напьешься,—замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя... А то, за Курскомъ пойдутъ степи, этакія степныя мѣста, вотъ удивленіе, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божія-то благодать! И идутъ онѣ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости... И вотъ, ужъ я бы туда пошелъ... Вѣдь я мало ли куда ходилъ! И въ Ромнѣ ходилъ, и въ Синбирскъ славный-градъ, и въ самую Москву золотыя-маковки; ходилъ на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видалъ, добрыхъ хрестьянъ, и

пошла, опять улыбнулся и, потирая себѣ лицо, нѣсколько разъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ ты ее такъ скоро отослалъ? — спросилъ я его:—я бы у нея грибы купилъ...

— Да вы тамъ, все равно, дома купите, когда захотите,— отвѣчалъ онъ мнѣ, въ первый разъ употребляя слово „вы".

— А она у тебя прехорошенькая.

— Нѣтъ... какое... такъ... —отвѣтилъ онъ, какъ бы нехотя, и съ того же мгновенья впалъ въ прежнюю молчаливость.

Видя, что всѣ мои усилія заставить его опять разговориться оставались тщетными, я отправился на ссѣчки. Притомъ же, и жара немного спала; но неудача или, какъ говорятъ у насъ, незадача моя продолжалась, и я съ однимъ коростелемъ и съ новой осью вернулся въ выселки. Уже подъѣзжая ко двору, Касьянъ вдругъ обернулся ко мнѣ.

— Баринъ, а баринъ,—заговорилъ онъ:—вѣдь я виноватъ передъ тобой: вѣдь это я тебѣ дичь-то всю отвелъ.

— Какъ такъ?

— Да ужъ это я знаю. А вотъ, и ученый пёсъ у тебя, и хорошій, а ничего не смогъ. Подумаешь, люди что, люди, а? Вотъ и звѣрь, а что изъ него сдѣлали?

Я бы напрасно сталъ убѣждать Касьяна въ невозможности „заговорить" дичь, и потому ничего не отвѣчалъ ему. Притомъ же, мы тотчасъ повернули въ ворота.

Въ избѣ Аннушки не было; она уже успѣла придти и оставить кузовъ съ грибами. Ерофей наладилъ новую ось, подвергнувъ ее сперва строгой и несправедливой оцѣнкѣ; а черезъ часъ я выѣхалъ, оставивъ Касьяну немного денегъ, которыя онъ сперва-было не принялъ, но потомъ, подумавъ и подержавъ ихъ на ладони, положилъ за пазуху. Въ теченіе этого часа онъ не произнесъ почти ни одного слова; онъ попрежнему стоялъ, прислонясь къ воротамъ, не отвѣчалъ на укоризны моего кучера и весьма холодно простился со мной.

Я, какъ только вернулся, успѣлъ замѣтить, что Ерофей мой снова находился въ сумрачномъ расположеніи духа... И въ самомъ дѣлѣ, ничего съѣстного онъ въ деревнѣ не нашелъ, водопой для лошадей былъ плохой. Мы выѣхали.

Съ неудовольствіемъ, выражавшимся даже на его затылкѣ, сидѣлъ онъ на козлахъ и страхъ желалъ заговорить со мной, но, въ ожиданіи перваго моего вопроса, ограничивался легкимъ ворчаньемъ вполголоса и поучительными, а иногда язвительными рѣчами, обращенными къ лошадямъ.—„Деревня!“ бормоталъ онъ: „а еще деревня! Спросилъ хошь квасу — и квасу нѣтъ... Ахъ ты, Господи! А вода — просто, тьфу! (Онъ плюнулъ вслухъ.) Ни огурцовъ, ни квасу—ничего... Ну, ты,—прибавилъ онъ громко, обращаясь къ правой пристяжной:—я тебя знаю, потворница этакая! Любишь себѣ потворствовать небось... (И онъ ударилъ ее кнутомъ.)—Совсѣмъ отлукавилась лошадь, а вѣдь какой прежде согласный былъ животъ... Ну-ну, оглядывайся!..“

— Скажи, пожалуйста, Ерофей, — заговорилъ я: — что за человѣкъ этотъ Касьянъ?

Ерофей не скоро мнѣ отвѣчалъ: онъ, вообще, человѣкъ былъ обдумывающій и неторопливый; но я тотчасъ могъ догадаться, что мой вопросъ его развеселилъ и успокоилъ.

— Блоха-то? — заговорилъ онъ наконецъ, передернувъ вожжами:—чудной человѣкъ: какъ есть, юродивецъ; такого чудного человѣка и не скоро найдешь другого. Вѣдь, напримѣръ, вѣдь онъ ни дать, ни взять нашъ вотъ саврасый: отъ рукъ отбился тоже... отъ работы, то-есть. Ну, конечно, что онъ за работникъ,—въ чемъ душа держится, — ну, а все-таки... Вѣдь онъ сызмальства такъ. Сперва онъ со дядьями со своими въ извозъ ходилъ: они у него были троечные; ну, а потомъ, знать, наскучило—бросилъ. Сталъ дома жить, да и дома-то не усиживался: такой безпокойный, — ужъ точно блоха. Баринъ ему попался, спасибо, добрый—не принуждалъ. Вотъ, онъ такъ съ тѣхъ поръ все и болтается, что овца безпредѣльная. И вѣдь такой удивительный, Богъ его знаетъ: то молчитъ, какъ пень, то вдругъ заговоритъ, — а что заговоритъ, Богъ его знаетъ. Развѣ это манеръ? Это не манеръ. Несообразный человѣкъ, какъ есть. Поетъ, однако, хорошо. Этакъ важно—ничего, ничего.

— А что, онъ лѣчитъ, точно?

— Какое лѣчитъ?.. Ну, гдѣ ему! Таковскій онъ человѣкъ! Меня, однако, отъ золотухи вылѣчилъ... Гдѣ ему! глупый человѣкъ, какъ есть,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Ты его давно знаешь?

— Давно. Мы имъ по Сычовкѣ сосѣди, на Красивой-то на Мечи.

— А что эта, намъ въ лѣсу попалась, дѣвушка, Аннушка, что, она ему родня?

Ерофей посмотрѣлъ на меня черезъ плечо и осклабился во весь ротъ.

— Хе!.. да, сродни. Она сирота; матери у ней нѣту, да и неизвѣстно, кто ея мать-то была. Ну, а должно-быть, что сродственница: больно на него смахиваетъ... Ну, живетъ у него. Вострая дѣвка, нечя сказать; хорошая дѣвка, и онъ, старый, въ ней души не чаетъ: дѣвка хорошая. Да вѣдь онъ, вы вотъ не повѣрите, а вѣдь онъ, пожалуй, Аннушку-то свою грамотѣ учить вздумаетъ. Ей-ей, отъ него это станется: ужъ такой онъ человѣкъ неабнакавенный. Непостоянный такой, несоразмѣрный даже... Э-э-э!—вдругъ перервалъ самого себя мой кучеръ и, остановивъ лошадей, нагнулся на бокъ и принялся нюхать воздухъ. — Никакъ гарью пахнетъ? Такъ и есть! Ужъ эти мнѣ новыя оси... А, кажется, на что мазалъ... Пойти, водицы добыть: вотъ, кстати, и прудикъ.

И Ерофей медлительно слѣзъ съ облучка, отвязалъ ведерку, пошелъ къ пруду и, вернувшись, не безъ удовольствія слушалъ, какъ шипѣла втулка колеса, внезапно охваченная водою... Разъ шесть приходилось ему на какихъ-нибудь десяти верстахъ обливать разгоряченную ось, и уже совсѣмъ завечерѣло, когда мы возвратились домой.

X.

БУРМИСТРЪ.

Верстахъ въ пятнадцати отъ моего имѣнія живетъ одинъ мнѣ знакомый человѣкъ, молодой помѣщикъ, гвардейскій офицеръ въ отставкѣ, Аркадій Павлычъ Пѣночкинъ. Дичи у него въ помѣстьѣ водится много, домъ построенъ по плану французскаго архитектора, люди одѣты по-англійски, обѣды задаетъ онъ отличные, принимаетъ гостей ласково, а все-таки неохотно къ нему ѣдешь. Онъ человѣкъ разсудительный и положительный, воспитанье получилъ, какъ водится, отличное, служилъ, въ высшемъ обществѣ потерся, а теперь хозяйствомъ занимается съ большимъ успѣхомъ. Аркадій Павлычъ, говоря собственными его словами, строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ—для ихъ же блага. „Съ ними надобно обращаться, какъ съ дѣтьми“, говоритъ онъ въ такомъ случаѣ: „невѣжество, mon cher; il faut prendre cela en considération“. Самъ же, въ случаѣ такъ-называемой печальной необходимости, рѣзкихъ и порывистыхъ движеній избѣгаетъ и голоса возвышать не любитъ, но болѣе тычетъ рукою прямо, спокойно приговаривая: „вѣдь я тебя просилъ, любезный мой“, или: „что съ тобою, другъ мой, опомнись“; причемъ только слегка стискиваетъ зубы и кривитъ ротъ. Роста онъ не-

большого, сложенъ щеголевато, собою весьма недуренъ, руки и ногти въ большой опрятности содержитъ; съ его румяныхъ губъ и щекъ такъ и пышетъ здоровьемъ. Смѣется онъ звучно и беззаботно, привѣтливо щуритъ свѣтлые, каріе глаза. Одѣвается онъ отлично и со вкусомъ; выписываетъ французскія книги, рисунки и газеты, но до чтенія не большой охотникъ: „Вѣчнаго жида“ едва осилилъ. Въ карты играетъ мастерски. Вообще, Аркадій Павлычъ считается однимъ изъ образованнѣйшихъ дворянъ и завиднѣйшихъ жениховъ нашей губерніи; дамы отъ него безъ ума и въ особенности хвалятъ его манеры. Онъ удивительно хорошо себя держитъ, остороженъ, какъ кошка, и ни въ какую исторію замѣшанъ отъ роду не бывалъ, хотя, при случаѣ, дать себя знать и робкаго человѣка озадачить и срѣзать любитъ. Дурнымъ обществомъ рѣшительно брезгаетъ—скомпрометироваться боится; зато въ веселый часъ объявляетъ себя поклонникомъ Эпикура, хотя вообще о философіи отзывается дурно, называя ее туманной пищей германскихъ умовъ, а иногда и просто чепухой. Музыку онъ тоже любитъ; за картами поетъ сквозь зубы, но съ чувствомъ; изъ „Лючіи“ и „Сомнамбулы“ тоже помнитъ, но что-то все высоко забираетъ. По зимамъ онъ ѣздитъ въ Петербургъ. Домъ у него въ порядкѣ необыкновенномъ; даже кучера подчинились его вліянію и каждый день не только вытираютъ хомуты и армяки чистятъ, но и самимъ-себѣ лицо моютъ. Дворовые люди Аркадія Павлыча посматриваютъ, правда, что-то исподлобья, — но у насъ на Руси угрюмаго отъ заспаннаго не отличишь. Аркадій Павлычъ говоритъ голосомъ мягкимъ и пріятнымъ, съ разстановкой и какъ бы съ удовольствіемъ пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные, раздушенные усы; такъ же употребляетъ много французскихъ выраженій, какъ-то: „Mais c'est impayable!“ „Mais comment donc!“ и пр. Со всѣмъ тѣмъ, я, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ охотно его посѣщаю, и если бы не тетерева и не куропатки, вѣроятно, совершенно бы съ нимъ раззнакомился. Странное какое-то безпокойство овладѣваетъ вами въ его домѣ; даже комфортъ васъ не

радуетъ, и всякій разъ, вечеромъ, когда появится передъ вами завитой камердинеръ въ голубой ливреѣ съ гербовыми пуговицами и начнетъ подобострастно стягивать съ васъ сапоги, вы чувствуете, что если бы вмѣсто его блѣдной и сухопарой фигуры внезапно предстали передъ вами изумительно-широкія скулы и невѣроятно-тупой носъ молодого дюжаго парня, только что взятаго бариномъ отъ сохи, но уже успѣвшаго въ десяти мѣстахъ распороть по швамъ недавно пожалованный панковый кафтанъ — вы бы обрадовались несказанно и охотно бы подверглись опасности лишиться вмѣстѣ съ сапогомъ и собственной вашей ноги, вплоть до самаго вертлюга...

Несмотря на мое нерасположеніе къ Аркадію Павлычу, пришлось мнѣ однажды провести у него ночь. На другой день я рано поутру велѣлъ заложить свою коляску, но онъ не хотѣлъ меня отпустить безъ завтрака на англійскій манеръ и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. Вмѣстѣ съ часомъ подали намъ котлеты, яйца всмятку, масло, медъ, сыръ и пр. Два камердинера, въ чистыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, быстро и молча предупреждали наши малѣйшія желанія. Мы сидѣли на персидскомъ диванѣ. На Аркадіи Павлычѣ были широкіе шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый фесъ съ синей кистью и китайскія желтыя туфли безъ задковъ. Онъ пилъ чай, смѣялся, разсматривалъ свои ногти, курилъ, подкладывалъ себѣ подушки подъ бокъ, и вообще чувствовалъ себя въ отличномъ расположеніи духа. Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павлычъ палилъ себѣ рюмку краснаго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился.

— Отчего вино не нагрѣто?—спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ камердинеровъ.

Камердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.

— Вѣдь я тебя спрашиваю, любезный мой?—спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ.

Несчастный камердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него исподлобья.

— Pardon, mon cher, — промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на камердинера. — Ну, ступай,— прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія, поднялъ брови и позвонилъ.

Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами.

— Насчетъ Ѳедора... распорядиться, — проговорилъ Аркадій Павлычъ вполголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ толстый и вышелъ.

— Voilà, mon cher, les désagréments de la campagne,— весело замѣтилъ Аркадій Павлычъ. — Да куда же вы? останьтесь, посидите еще немного.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—мнѣ пора.

— Все на охоту! Охъ, ужъ эти мнѣ охотники! Да вы куда теперь ѣдете?

— За сорокъ верстъ отсюда, въ Рябово.

— Въ Рябово? Ахъ, Боже мой, да въ такомъ случаѣ я съ вами поѣду. Рябово всего въ пяти верстахъ отъ моей Шипиловки, а я таки-давно въ Шипиловкѣ не бывалъ: все времени улучить не могъ. Вотъ, какъ кстати пришлось: вы сегодня въ Рябовѣ поохотитесь, а вечеромъ ко мнѣ. Ce sera charmant. Мы вмѣстѣ поужинаемъ,—мы возьмемъ съ собою повара,—вы у меня переночуете. Прекрасно! прекрасно! — прибавилъ онъ, не дождавшись моего отвѣта. C'est arrangé... Эй, кто тамъ? Коляску намъ велите заложить, да поскорѣй. Вы въ Шипиловкѣ не бывали? Я бы посовѣстился предложить вамъ провести ночь въ избѣ моего бурмистра, да вы, я знаю, неприхотливы, и въ Рябовѣ въ сѣномъ бы сараѣ ночевали... Ѣдемъ, ѣдемъ!

И Аркадій Павлычъ запѣлъ какой-то французскій романсъ.

— Вѣдь вы, можетъ-быть, не знаете, — продолжалъ онъ, покачиваясь на обѣихъ ногахъ: — у меня тамъ мужики на оброкѣ. Конституція, — что будешь дѣлать? Однако, оброкъ мнѣ платятъ исправно. Я бы ихъ, при-

знаться, давно на барщину ссадилъ, да земли мало! я и такъ удивляюсь, какъ они концы съ концами сводятъ. Впрочемъ, c'est leur affaire. Бурмистръ у меня тамъ молодецъ, une forte tête, государственный человѣкъ! Вы увидите... Какъ, право, это хорошо пришлось!

Дѣлать было нечего. Вмѣсто девяти часовъ утра мы выѣхали въ два. Охотники поймутъ мое нетерпѣніе. Аркадій Павлычъ любилъ, какъ онъ выражался, при случаѣ побаловать себя и забралъ съ собою такую бездну бѣлья, припасовъ, платья, духовъ, подушекъ и разныхъ несессеровъ, что иному бережливому и владѣющему собою нѣмцу хватило бы всей этой благодати на годъ. При каждомъ спускѣ съ горы Аркадій Павлычъ держалъ краткую, но сильную рѣчь кучеру, изъ чего я могъ заключить, что мой знакомецъ порядочный трусъ. Впрочемъ, путешествіе совершилось весьма благополучно; только на одномъ недавно починенномъ мостикѣ телѣга съ поваромъ завалилась, и заднимъ колесомъ ему придавило желудокъ.

Аркадій Павлычъ, при видѣ паденія доморощеннаго Карема, испугался не на шутку и тотчасъ велѣлъ спросить: цѣлы ли у него руки? Получивъ же отвѣтъ утвердительный, немедленно успокоился. Со всѣмъ тѣмъ, ѣхали мы довольно долго; я сидѣлъ въ одной коляскѣ съ Аркадіемъ Павлычемъ и подъ конецъ путешествія почувствовалъ тоску смертельную, тѣмъ болѣе, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мой знакомецъ совершенно выдохся и начиналъ уже либеральничать. Наконецъ, мы пріѣхали, только не въ Рябово, а прямо въ Шишиловку: какъ-то оно такъ вышло. Въ тотъ день я и безъ того уже поохотиться не могъ, и потому, скрѣпя сердце, покорился своей участи.

Поваръ пріѣхалъ нѣсколькими минутами ранѣе насъ и, повидимому, уже успѣлъ распорядиться и предупредить кого слѣдовало, потому что при самомъ въѣздѣ въ околицу встрѣтилъ насъ староста (сынъ бурмистра), дюжій и рыжій мужикъ въ косую сажень ростомъ, верхомъ и безъ шапки, въ новомъ армякѣ нараспашку. — „А гдѣ же Софронъ?“—спросилъ его Аркадій Павлычъ. Староста

сперва проворно соскочилъ съ лошади, поклонился барину въ поясъ, промолвилъ: „Здравствуйте, батюшка Аркадій Павлычъ“, потомъ приподнялъ голову, встряхнулся и доложилъ, что Софронъ отправился въ Перовъ, но что за нимъ уже послали. — „Ну, ступай за нами“,—сказалъ Аркадій Павлычъ. Староста отвелъ, изъ приличія, лошадь въ сторону, взвалился на нее и пустился рысцой за коляской, держа шапку въ рукѣ. Мы поѣхали по деревнѣ. Нѣсколько мужиковъ въ пустыхъ телѣгахъ попались намъ навстрѣчу; они ѣхали съ гумна и пѣли пѣсни, подпрыгивая всѣмъ тѣломъ и болтая ногами на воздухѣ; но при видѣ нашей коляски и старосты внезапно умолкли, сняли свои зимнія шапки (дѣло было лѣтомъ) и приподнялись, какъ бы ожидая приказаній. Аркадій Павлычъ милостиво имъ поклонился. Тревожное волненіе видимо распространялось по селу. Бабы въ клѣтчатыхъ паневахъ швыряли щепками въ недогадливыхъ или слишкомъ усердныхъ собакъ; хромой старикъ съ бородой, начинавшейся подъ самыми глазами, оторвалъ недопоенную лошадь отъ колодца, ударилъ ее, неизвѣстно за что, по боку, а тамъ уже поклонился. Мальчишки въ длинныхъ рубашонкахъ съ воплемъ бѣжали въ избы, ложились брюхомъ на высокій порогъ, свѣшивали головы, закидывали ноги кверху и такимъ образомъ весьма проворно перекатывались за дверь, въ темныя сѣни, откуда уже и не показывались. Даже курицы стремились ускоренной рысью въ подворотню; одинъ бойкій пѣтухъ съ черной грудью, похожей на атласный жилетъ, и краснымъ хвостомъ, закрученнымъ на самый гребень, остался было на дорогѣ и уже совсѣмъ собрался кричать, да вдругъ скопфузился и тоже побѣжалъ. Изба бурмистра стояла въ сторонѣ отъ другихъ, посреди густого зеленаго конопляника. Мы остановились передъ воротами. Г-нъ Пѣночкинъ всталъ, живописно сбросилъ съ себя плащъ и вышелъ изъ коляски, привѣтливо озираясь кругомъ. Бурмистрова жена встрѣтила насъ съ низкими поклонами и подошла къ барской ручкѣ. Аркадій Павлычъ далъ ей нацѣловаться вволю и взошелъ на крыльцо. Въ сѣняхъ, въ темномъ углу, стояла старо-

стиха и тоже поклонилась, но къ рукѣ подойти не дерзнула. Въ такъ-называемой холодной избѣ—изъ сѣней направо—уже возились двѣ другія бабы: онѣ выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенѣлые тулупы, масленые горшки, люльку съ кучей тряпокъ и пестрымъ ребенкомъ, подметали банными вѣниками соръ. Аркадій Павлычъ выслалъ ихъ вонъ, и помѣстился на лавкѣ подъ образами. Кучера начали вносить сундуки, ларцы и прочія удобства, всячески стараясь умѣрить стукъ своихъ тяжелыхъ сапоговъ.

Между тѣмъ, Аркадій Павлычъ разспрашивалъ старосту объ урожаѣ, посѣвѣ и другихъ хозяйственныхъ предметахъ. Староста отвѣчалъ удовлетворительно, но какъ-то вяло и неловко, словно замороженными пальцами кафтанъ застегивалъ. Онъ стоялъ у дверей и то и дѣло сторожился и оглядывался, давая дорогу проворному камердинеру. Изъ-за его могущественныхъ плечъ удалось мнѣ увидѣть, какъ бурмистрова жена въ сѣняхъ втихомолку колотила какую-то другую бабу. Вдругъ застучала телѣга и остановилась передъ крыльцомъ: вошелъ бурмистръ.

Этотъ, по словамъ Аркадія Павлыча, государственный человѣкъ былъ роста небольшого, плечистъ, сѣдъ и плотенъ, съ краснымъ посомъ, маленькими голубыми глазами и бородой въ видѣ вѣера. Замѣтимъ кстати, что съ тѣхъ поръ, какъ Русь стоитъ, не бывало еще на ней примѣра раздобрѣвшаго и разбогатѣвшаго человѣка безъ окладистой бороды; иной весь свой вѣкъ носилъ бородку жидкую, клиномъ, — вдругъ, смотришь, обложился кругомъ словно сіяньемъ, — откуда волосъ берется! Бурмистръ, должно-быть, въ Перовѣ подгулялъ: и лицо-то у него отекло порядкомъ, да и виномъ отъ него попахивало.

— Ахъ, вы, отцы наши, милостивцы вы наши, — заговорилъ онъ нараспѣвъ и съ такимъ умиленіемъ на лицѣ, что вотъ-вотъ, казалось, слезы брызнутъ:— насилу-то изволили пожаловать!.. Ручку, батюшка, ручку, — прибавилъ онъ, уже загодя протягивая губы.

Аркадій Павлычъ удовлетворилъ его желаніе.

— Ну, что, братъ Софронъ, каково у тебя дѣла идутъ?— спросилъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Ахъ, вы, отцы наши, — воскликнулъ Софронъ: — да какъ же имъ худо идти, дѣламъ-то! Да вѣдь вы наши отцы, вы милостивцы, деревеньку нашу просвѣтить изволили пріѣздомъ-то своимъ, осчастливили по гробъ дней. Слава тебѣ Господи, Аркадій Павлычъ, слава тебѣ Господи! Благополучно обстоитъ все милостью вашей.

Тутъ Софронъ помолчалъ, поглядѣлъ на барина и, какъ бы снова увлеченный порывомъ чувства (притомъ же, и хмель бралъ свое), въ другой разъ понросилъ руки и запѣлъ пуще прежняго.

— Ахъ, вы, отцы наши, милостивцы... и... ужъ что! Ей-Богу, совсѣмъ дуракъ отъ радости сталъ... Ей-Богу, смотрю, да не вѣрю... Ахъ, вы, отцы наши!..

Аркадій Павлычъ глянулъ на меня, усмѣхнулся и спросилъ: „N'est-ce pas que c'est touchant.“

— Да, батюшка Аркадій Павлычъ, — продолжалъ неугомонный бурмистръ:—какъ же вы это? Сокрушаете вы меня совсѣмъ, батюшка: извѣстить меня не изволили о вашемъ пріѣздѣ-то. Гдѣ же вы ночку-то проведете? Вѣдь, тутъ нечистота, соръ...

— Ничего, Софронъ, ничего, — съ улыбкой отвѣчалъ Аркадій Павлычъ:—здѣсь хорошо.

— Да, вѣдь, отцы вы наши, — для кого хорошо? для нашего брата мужика хорошо; а вѣдь вы... ахъ, вы, отцы мои, милостивцы, ахъ, вы, отцы мои!.. Простите меня, дурака, съ ума спятилъ, ей-Богу, одурѣлъ вовсе.

Между тѣмъ подали ужинъ;—Аркадій Павлычъ началъ кушать. Сына своего старикъ прогналъ—дескать, духоты напущаешь.

— Ну, что, размежевался, старина? — спросилъ г-нъ Шѣпочкинъ, который явно желалъ поддѣлаться подъ мужицкую рѣчь и мнѣ подмигивалъ.

— Размежевались, батюшка: все твоею милостью. Третьяго дня сказку подписали. Хлыновскіе-то сначала поломались... поломались, отецъ, точно. Требовали... требовали... и Богъ знаетъ, чего требовали: да вѣдь дурачье, батюшка, народъ глупый. А мы, батюшка, милостью твоею, благодарность заявили и Миколая Миколаича, посред-

ственника, удоблетворили; все по твоему приказу дѣйствовали, батюшка; какъ ты изволилъ приказать, такъ мы и дѣйствовали, и съ вѣдома Егора Дмитрича все дѣйствовали.

— Егоръ мнѣ докладывалъ,—важно замѣтилъ Аркадій Павлычъ.

— Какъ же, батюшка, Егоръ Дмитричъ, какъ же.

— Ну, и стало быть, вы теперь довольны?

Софронъ только того и ждалъ. — Ахъ, вы, отцы наши, милостивцы наши! — запѣлъ онъ опять. — Да помилуйте вы меня... да вѣдь мы за васъ, отцы наши, денно и нощно Господу Богу молимся... Земли, конечно, маловато...

Пѣночкинъ перебилъ его. — Ну, хорошо, хорошо, Софронъ, знаю, ты мнѣ усердный слуга... А что, какъ умолотъ?

Софронъ вздохнулъ.

— Ну, отцы вы наши, умолотъ-то не больно хорошъ. Да что, батюшка Аркадій Павлычъ, позвольте вамъ доложить, дѣльцо какое вышло. (Тутъ онъ приблизился, разводя руками, къ господину Пѣночкину, нагнулся и прищурилъ одинъ глазъ.) Мертвое тѣло на нашей землѣ оказалось.

— Какъ такъ?

— И самъ ума не приложу, батюшка, отцы вы наши: видно врагъ попуталъ. Да, благо, подлѣ чужой межи оказалось; а только, что грѣха таить, на нашей землѣ. Я его тотчасъ на чужой-то клинъ и приказалъ стащить, пока можно было, да караулъ приставилъ и своимъ заказалъ: молчать! говорю. А становому, на всякій случай, объяснилъ: вотъ какіе порядки, говорю; да чайкомъ его, да благодарность... Вѣдь что, батюшка, думаете? Вѣдь осталось у чужаковъ на шеѣ; а вѣдь мертвое тѣло, что двѣсти рублевъ—какъ калачъ.

Г-нъ Пѣночкинъ много смѣялся уловкѣ своего бурмистра и нѣсколько разъ сказалъ мнѣ, указывая на него головой: „Quel gaillard, a?“

Между тѣмъ, на дворѣ совсѣмъ стемнѣло; Аркадій Павлычъ велѣлъ со стола прибрать и сѣна принести. Камердинеръ постлалъ намъ простыни, разложилъ по-

душки; мы легли. Софронъ ушелъ къ себѣ, получивъ приказаніе на слѣдующій день. Аркадій Павлычъ, засыпая, еще потолковалъ немного объ отличныхъ качествахъ русскаго мужика, и тутъ же замѣтилъ мнѣ, что, со времени управленія Софрона, за шишиловскими крестьянами не водится ни гроша недоимки... Сторожъ заколотилъ въ доску; ребенокъ, видно, еще не успѣвшій проникнуться чувствомъ должнаго самоотверженья, запищалъ гдѣ-то въ избѣ... Мы заснули.

На другой день утромъ мы встали довольно рано. Я было собрался ѣхать въ Рябово, но Аркадій Павлычъ желалъ показать мнѣ свое имѣнье и упросилъ меня остаться. Я и самъ былъ не прочь убѣдиться на дѣлѣ въ отличныхъ качествахъ государственнаго человѣка — Софрона. Явился бурмистръ. На немъ былъ синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ. Говорилъ онъ гораздо меньше вчерашняго, глядѣлъ зорко и пристально въ глаза барину, отвѣчалъ складно и дѣльно. Мы вмѣстѣ съ нимъ отправились на гумно. Софроновъ сынъ, трехъ-аршинный староста, по всѣмъ признакамъ человѣкъ весьма глупый, также пошелъ за нами, да еще присоединился къ намъ земскій Ѳедосѣичъ, отставной солдатъ съ огромными усами и престраннымъ выраженіемъ лица: точно онъ весьма давно тому назадъ чему-то необыкновенно удивился, да съ тѣхъ поръ ужъ и не пришелъ въ себя. Мы осмотрѣли гумно, ригу, овины, сараи, вѣтряную мельницу, скотный дворъ, зеленя, конопляники; все было, дѣйствительно, въ отличномъ порядкѣ: одни унылыя лица мужиковъ приводили меня въ нѣкоторое недоумѣніе. Кромѣ полезнаго, Софронъ заботился еще о пріятномъ: всѣ канавы обсадилъ ракитникомъ, между скирдами на гумнѣ дорожки провелъ и песочкомъ посыпалъ, на вѣтряной мельницѣ устроилъ флюгеръ въ видѣ медвѣдя съ разинутой пастью и краснымъ языкомъ, къ кирпичному скотному двору прилѣпилъ нѣчто въ родѣ греческаго фронтона и подъ фронтономъ бѣлилами надписалъ: „Пастроен вселе Шипилофке втысеча восем Содъ саракавомъ году. Сей скотный дворъ“.—Аркадій Павлычъ разнѣжился совершенно, пустился изла-

гать мнѣ на французскомъ языкѣ выгоды оброчнаго состоянія, причемъ, однако, замѣтилъ, что барщина для помѣщиковъ выгоднѣе, — да мало ли чего нѣтъ!.. Началъ давать бурмистру совѣты, какъ сажать картофель, какъ для скотины кормъ заготовлять и пр. Софронъ выслушивалъ барскую рѣчь со вниманіемъ, иногда возражалъ, но уже не величалъ Аркадія Павлыча ни отцомъ, ни милостивцемъ, и все напиралъ на то, что земли-де у нихъ маловато, прикупить бы не мѣшало. — „Что жъ, купите," говорилъ Аркадій Павлычъ: „на мое имя я не прочь".— На эти слова Софронъ не отвѣчалъ ничего, только бороду поглаживалъ.—„Однако, теперь бы не мѣшало съѣздить въ лѣсъ",—замѣтилъ г. Шѣночкинъ. Тотчасъ привели намъ верховыхъ лошадей; мы поѣхали въ лѣсъ или, какъ у насъ говорится, въ „заказъ". Въ этомъ „заказѣ" нашли мы глушь и дичь страшную, за что Аркадій Павлычъ похвалилъ Софрона и потрепалъ его по плечу. Г-нъ Шѣночкинъ придерживался насчетъ лѣсоводства русскихъ понятій, и тутъ же разсказалъ мнѣ презабавный, по его словамъ, случай, какъ одинъ шутникъ-помѣщикъ вразумилъ своего лѣсника, выдравъ у него около половины бороды, въ доказательство того, что отъ порубки лѣсъ гуще не вырастаетъ... Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ, и Софронъ, и Аркадій Павлычъ — оба не чуждались нововведеній. По возвращеніи въ деревню, бурмистръ повелъ насъ посмотрѣть вѣялку, недавно выписанную имъ изъ Москвы. Вѣялка, точно, дѣйствовала хорошо, но если бы Софронъ зналъ, какая непріятность ожидала и его, и барина, на этой послѣдней прогулкѣ, онъ, вѣроятно, остался бы съ нами дома.

Вотъ что случилось. Выходя изъ сарая, увидали мы слѣдующее зрѣлище. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, подлѣ грязной лужи, въ которой беззаботно плескались три утки, стояли два мужика: одинъ — старикъ лѣтъ шестидесяти, другой—малый лѣтъ двадцати, оба въ домашнихъ заплатанныхъ рубахахъ, на босу ногу и подпоясанные веревками. Земскій Ѳедосѣичъ усердно хлопоталъ около нихъ и, вѣроятно, успѣлъ бы уговорить ихъ удалиться, если бъ

мы замѣшкались въ сараѣ, но, увидѣвъ насъ, онъ вытянулся въ струнку и замеръ на мѣстѣ. Тутъ же стоялъ староста съ разинутымъ ртомъ и недоумѣвающими кулаками. Аркадій Павлычъ нахмурился, закусилъ губы и подошелъ къ просителямъ. Оба, молча, поклонились ему въ ноги.

— Что вамъ надобно? о чемъ вы просите?—спросилъ онъ строгимъ голосомъ и нѣсколько въ носъ. (Мужики взглянули другъ на друга и словечка не промолвили, только прищурились, словно отъ солнца, да поскорѣй дышать стали.)

— Ну, что же?—продолжалъ Аркадій Павлычъ, и тотчасъ же обратился къ Софрону:—изъ какой семьи?

— Изъ Тоболѣевой семьи,— медленно отвѣчалъ бурмистръ.

— Ну, что же вы?—заговорилъ опять г. Нѣночкинъ:—языковъ у васъ нѣтъ, что ли? Сказывай, ты, чего тебѣ надобно?—прибавилъ онъ, качнувъ головой на старика.—Да не бойся, дуракъ.

Старикъ вытянулъ свою темно-бурую, сморщенную шею, криво разинулъ посинѣвшія губы, сиплымъ голосомъ произнесъ: „Заступись, государь!“—и снова стукнулъ лбомъ въ землю. Молодой мужикъ тоже поклонился. Аркадій Павлычъ съ достоинствомъ посмотрѣлъ на ихъ затылки, закинулъ голову и разставилъ немного ноги.

— Что такое? На кого ты жалуешься?

— Помилуй, государь! Дай вздохнуть... Замучены совсѣмъ. (Старикъ говорилъ съ трудомъ.)

— Кто тебя замучилъ?

— Да Софронъ Яковличъ, батюшка.

Аркадій Павлычъ помолчалъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Антипомъ, батюшка.

— А это кто?

— А сынокъ мой, батюшка.

Аркадій Павлычъ помолчалъ опять и усами повелъ.

— Ну, такъ чѣмъ же онъ тебя замучилъ?—заговорилъ онъ, глядя на старика сквозь усы.

— Батюшка, разорилъ въ конецъ. Двухъ сыновей, батюшка, безъ очереди въ некруты отдалъ, а теперя и

третьяго отнимаетъ. Вчера, батюшка, послѣднюю коровушку со двора свелъ и хозяйку мою избилъ — вонъ его милость. (Онъ указалъ на старосту.)

— Гмъ!—произнесъ Аркадій Павлычъ.

— Не дай въ конецъ разориться, кормилецъ!

Г-нъ Пѣночкинъ нахмурился.—Что же это, однако, значитъ?—спросилъ онъ бурмистра вполголоса и съ недовольнымъ видомъ.

— Пьяный человѣкъ-съ,—отвѣчалъ бурмистръ, въ первый разъ употребляя „слово-еръ“:—неработящій. Изъ недоимки не выходитъ вотъ ужъ пятый годъ-съ.

— Софронъ Яковличъ за меня недоимку взнесъ, батюшка,—продолжалъ старикъ:—вотъ, пятый годочекъ пошелъ, какъ взнесъ, а какъ взнесъ—въ кабалу меня и забралъ, батюшка, да вотъ и...

— А отчего недоимка за тобой завелась?—грозно спросилъ г. Пѣночкинъ. (Старикъ понурилъ голову.) — Чай, пьянствовать любишь, по кабакамъ шататься? (Старикъ разинулъ-было ротъ.)—Знаю я васъ,—съ запальчивостью продолжалъ Аркадій Павлычъ: — ваше дѣло пить, да на печи лежать, а хорошій мужикъ за васъ отвѣчай.

— И грубіянъ тоже,—ввернулъ бурмистръ въ господскую рѣчь.

— Ну, ужъ это само собою разумѣется. Это всегда такъ бываетъ; это ужъ я не разъ замѣтилъ. Цѣлый годъ распутствуетъ, грубитъ, а теперь въ ногахъ валяется.

— Батюшка, Аркадій Павлычъ,—съ отчаяньемъ заговорилъ старикъ: — помилуй, заступись, — какой я грубіянъ? Какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, не въ моготу приходится. Не взлюбилъ меня Софронъ Яковличъ, за что не взлюбилъ—Господь ему судья! Разоряетъ въ конецъ, батюшка... Послѣдняго, вотъ, сыночка... и того... (На желтыхъ и сморщенныхъ глазахъ старика сверкнула слезинка.)—Помилуй, государь, заступись...

— Да и не насъ однихъ, — началъ-было молодой мужикъ.

Аркадій Павлычъ вдругъ вспыхнулъ:

— А тебя кто спрашиваетъ, а? Тебя не спрашиваютъ,

такъ ты молчи... Это что такое? Молчать, говорятъ тебѣ! молчать!.. Ахъ, Боже мой! да это, просто, бунтъ! Нѣтъ, братъ, у меня бунтовать не совѣтую... у меня... (Аркадій Павлычъ шагнулъ впередъ, да, вѣроятно, вспомнилъ о моемъ присутствіи, отвернулся и положилъ руки въ карманы...) Je vous demande bien pardon, mon cher,—сказалъ онъ съ принужденной улыбкой, значительно понизивъ голосъ. — C'est le mauvais côté de la médaille... Ну, хорошо, хорошо, — продолжалъ онъ, не глядя на мужиковъ:—я прикажу... хорошо, ступайте. (Мужики не поднимались.) — Ну, да вѣдь я сказалъ вамъ... хорошо. Ступайте же, я прикажу, говорятъ вамъ.

Аркадій Павлычъ обернулся къ нимъ спиной. — „Вѣчно неудовольствія“,—проговорилъ онъ сквозь зубы и пошелъ большими шагами домой. Софронъ отправился вслѣдъ за нимъ. Земскій выпучилъ глаза, словно куда-то очень далеко прыгнуть собирался. Староста выпугнулъ утокъ изъ лужи. Просители постояли еще немного на мѣстѣ, посмотрѣли другъ на друга и поплелись, не оглядываясь, во-свояси.

Часа два спустя, я уже былъ въ Рябовѣ и вмѣстѣ съ Анпадистомъ, знакомымъ мнѣ мужикомъ, собирался на охоту. До самаго моего отъѣзда Пѣночкинъ дулся на Софрона. Заговорилъ я съ Анпадистомъ о шипиловскихъ крестьянахъ, о г. Пѣночкинѣ, спросилъ его, не знаетъ ли онъ тамошняго бурмистра.

— Софрона-то Яковлича?.. вона!

— А что онъ за человѣкъ?

— Собака, а не человѣкъ: такой собаки до самаго Курска не найдешь.

— А что?

— Да вѣдь Шипиловка только-что числится за тѣмъ, какъ бишь его, за Пѣнкинымъ-то; вѣдь не онъ ей владѣетъ: Софронъ владѣетъ.

— Неужто?

— Какъ своимъ добромъ владѣетъ. Крестьяне ему кругомъ должны; работаютъ на него, словно батраки: кого съ обозомъ посылаетъ, кого куды...—затормошилъ совсѣмъ.

— Земли у нихъ, кажется, не много?

— Не много? Онъ у однихъ хлыновскихъ восемьдесятъ десятинъ нанимаетъ, да у пашихъ сто двадцать; вотъ-те и цѣлыхъ полтораста десятинъ. Да онъ не одной землей промышляетъ: и лошадьми промышляетъ, и скотомъ, и дегтемъ, и масломъ, и пенькой, и чѣмъ-чѣмъ... Уменъ, больно уменъ, и богатъ же, бестія! Да вотъ чѣмъ плохъ— дерется. Звѣрь—не человѣкъ; сказано: собака, песъ, какъ есть, песъ.

— Да что жъ они на него не жалуются?

— Экста! Барину-то что за нужда! недоимокъ не бываетъ, такъ ему что? Да, поди ты,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — пожалуйся. Нѣтъ, онъ тебя... да, поди-ка... Нѣтъ ужъ, онъ тебя вотъ какъ, того...

Я вспомнилъ про Антипа и разсказалъ ему, что видѣлъ.

— Ну,—промолвилъ Аннадистъ: — заѣстъ онъ его теперь; заѣстъ человѣка совсѣмъ. Староста теперь его забьетъ. Экой безталанный, подумаешь, бѣдняга! И за что терпитъ... На сходкѣ съ нимъ повздорилъ, съ бурмистромъ-то, не втерпежъ, знать, пришлось... Велико дѣло! Вотъ онъ его, Антипа-то, клевать и началъ. Теперь доѣдетъ. Вѣдь, онъ такой песъ, собака, прости Господи мое прегрѣшенье, знаетъ, на кого налечь. Стариковъ-то, что побогаче, да посемейнѣе, не трогаетъ, лысый чортъ, а тутъ вотъ и расходился! Вѣдь онъ Антиповыхъ-то сыновей безъ очереди въ некруты отдалъ, мошенникъ безпардонный, песъ, прости Господи мое прегрѣшенье!

Мы отправились на охоту.

Зальцбруннъ, въ Силезіи,
іюль, 1847 г.

XI.

КОНТОРА.

Дѣло было осенью. Уже нѣсколько часовъ бродилъ я съ ружьемъ по полямъ и, вѣроятно, прежде вечера не вернулся бы въ постоялый дворъ на большой курской дорогѣ, гдѣ ожидала меня моя тройка, если бъ чрезвычайно мелкій и холодный дождь, который съ самаго утра, не хуже старой дѣвки, неугомонно и безжалостно приставалъ ко мнѣ, не заставилъ меня, наконецъ, искать гдѣ-нибудь по близости хотя временнаго убѣжища. Пока я еще соображалъ, въ какую сторону пойти, глазамъ моимъ внезапно представился низкій шалашъ возлѣ поля, засѣяннаго горохомъ. Я подошелъ къ шалашу, заглянулъ подъ соломенный наметъ и увидалъ старика до того дряхлаго, что мнѣ тотчасъ же вспомнился тотъ умирающій козелъ, котораго Робинзонъ нашелъ въ одной изъ пещеръ своего острова. Старикъ сидѣлъ на корточкахъ, жмурилъ свои потемнѣвшіе маленькіе глаза, и торопливо, но осторожно, на подобіе зайца (у бѣдняка не было ни одного зуба), жевалъ сухую и твердую горошину, безпрестанно перекатывая ее со стороны на сторону. Онъ до того погрузился въ свое занятіе, что не замѣтилъ моего прихода.

— Дѣдушка! а дѣдушка!—проговорилъ я.

Онъ пересталъ жевать, высоко поднялъ брови и съ усиліемъ открылъ глаза.

— Чего?—прошамшилъ онъ сиплымъ голосомъ.

— Гдѣ тутъ деревня близко?—спросилъ я.

Старикъ опять пустился жевать. Онъ меня не разслушалъ. Я повторилъ свой вопросъ громче прежняго.

— Деревня?.. да тебѣ что надо?

— А вотъ, отъ дождя укрыться.

— Чего?

— Отъ дождя укрыться.

— Да! (Онъ почесалъ свой загорѣлый затылокъ.) Ну, ты, тово, ступай,—заговорилъ онъ вдругъ, безпорядочно размахивая руками:—во... вотъ, какъ мимо лѣска пойдешь—вотъ, какъ пойдешь—тутъ-те и будетъ дорога; ты ее-то брось, дорогу-то, да все направо забирай, все забирай, все забирай, все забирай... Ну, тамъ-те и будетъ Ананьево. А то и въ Ситовку пройдешь.

Я съ трудомъ понималъ старика. Усы ему мѣшали, да и языкъ плохо повиновался.

— Да ты откуда?—спросилъ я его.

— Чего?

— Откуда ты?

— Изъ Ананьева.

— Что жъ ты тутъ дѣлаешь?

— Чего?

— Что ты дѣлаешь тутъ?

— А сторожемъ сижу.

— Да что ты стережешь?

— А горохъ.

Я не могъ не разсмѣяться.

— Да, помилуй,—сколько тебѣ лѣтъ?

— А Богъ знаетъ.

— Чай, ты плохо видишь?

— Чего?

— Видишь плохо, чай?

— Плохо. Бываетъ такъ, что ничего не слышу.

— Такъ гдѣ жъ тебѣ сторожемъ-то быть, помилуй?

— А про то старшіе знаютъ.

„Старшіе!“—подумалъ я и, не безъ сожалѣнія, поглядѣлъ на бѣднаго старика. Онъ ощупался, досталъ изъ-за пазухи кусокъ черстваго хлѣба и принялся сосать, какъ дитя, съ усиліемъ втягивая и безъ того впалыя щеки.

Я пошелъ въ направленіи лѣска, повернулъ направо, забиралъ, все забиралъ, какъ мнѣ совѣтовалъ старикъ, и добрался наконецъ до большого села съ каменной церковью въ новомъ вкусѣ, т. е. съ колоннами, и обширнымъ господскимъ домомъ, тоже съ колоннами. Еще издали, сквозь частую сѣтку дождя, замѣтилъ я избу съ тесовой крышей и двумя трубами, повыше другихъ, по всей вѣроятности—жилище старосты, куда я и направилъ шаги свои, въ надеждѣ найти у него самоваръ, чай, сахаръ и несовершенно кислыя сливки. Въ сопровожденіи моей продрогшей собаки взошелъ я на крылечко, въ сѣни, отворилъ дверь, но, вмѣсто обыкновенныхъ принадлежностей избы, увидалъ нѣсколько столовъ, заваленныхъ бумагами, два красныхъ шкапа, забрызганныя чернильницы, оловянныя песочницы въ пудъ вѣсу, длиннѣйшія перья и прочее. На одномъ изъ столовъ сидѣлъ малый лѣтъ двадцати съ пухлымъ и болѣзненнымъ лицомъ, крошечными глазками, жирнымъ лбомъ и безконечными висками. Одѣтъ онъ былъ, какъ слѣдуетъ, въ сѣрый нанковый кафтанъ съ глянцемъ на воротникѣ и на желудкѣ.

— Чего вамъ надобно?—спросилъ онъ меня, дернувъ кверху головою, какъ лошадь, которая не ожидала, что ее возьмутъ за морду.

— Здѣсь приказчикъ живетъ... или...

— Здѣсь главная господская контора,—перебилъ онъ меня.—Я, вотъ, дежурнымъ сижу... Развѣ вы вывѣску не видали? На то вывѣска прибита.

— А гдѣ бы тутъ обсушиться? Самоваръ у кого-нибудь на деревнѣ есть?

— Какъ не быть самоваровъ,—съ важностью возразилъ малый въ сѣромъ кафтанѣ:—ступайте къ отцу Тимофею,

а не то въ дворовую избу, а не то къ Назару Тарасычу, а не то къ Аграфенѣ-птишницѣ.

— Съ кѣмъ ты это говоришь, болванъ ты этакой? спать не даешь, болванъ!—раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты.

— А вотъ, господинъ какой-то зашелъ, спрашиваетъ, гдѣ бы обсушиться.

— Какой тамъ господинъ?

— А не знаю. Съ собакой и ружьемъ.

Въ сосѣдней комнатѣ заскрипѣла кровать. Дверь отворилась, и вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, толстый, низкаго росту, съ бычачьей шеей, глазами на-выкатѣ, необыкновенно круглыми щеками и съ лоскомъ по всему лицу.

— Чего вамъ угодно?—спросилъ онъ меня.

— Обсушиться.

— Здѣсь не мѣсто.

— Я не зналъ, что здѣсь контора; а впрочемъ, я готовъ заплатить...

— Оно, пожалуй, можно и здѣсь,—возразилъ толстякъ:—вотъ, не угодно ли сюда? (Онъ повелъ меня въ другую комнату, только не въ ту, изъ которой вышелъ.)—Хорошо ли здѣсь вамъ будетъ?

— Хорошо... А нельзя ли чаю со сливками?

— Извольте, сейчасъ. Вы, пока, извольте раздѣться и отдохнуть, а чай сею минутою будетъ готовъ.

— А чье это имѣнье?

— Госпожи Лосняковой, Елены Николаевны.

Онъ вышелъ. Я оглянулся: вдоль перегородки, отдѣлявшей мою комнату отъ конторы, стоялъ огромный кожаный диванъ; два стула, тоже кожаныхъ, съ высочайшими спинками, торчали по обѣимъ сторонамъ единственнаго окна, выходившаго на улицу. На стѣнахъ, оклеенныхъ зелеными обоями съ розовыми разводами, висѣли три огромныя картины, писанныя масляными красками. На одной изображена была легавая собака съ голубымъ ошейникомъ и надписью: „Вотъ моя отрада“; у ногъ собаки текла рѣка, а на противоположномъ берегу рѣки,

подъ сосною, сидѣлъ заяцъ непомѣрной величины, съ приподнятымъ ухомъ. На другой картинѣ два старика ѣли арбузъ: изъ-за арбуза виднѣлся въ отдаленіи греческій портикъ съ надписью: „Храмъ Удовлетворенья“. На третьей картинѣ представлена была полунагая женщина въ лежачемъ положеніи en rascourci, съ красными колѣнями и очень толстыми пятками. Собака моя, нимало не медля, съ сверхъестественными усиліями залѣзла подъ диванъ и, повидимому, нашла тамъ много пыли, потому что расчихалась страшно. Я подошелъ къ окну. Черезъ улицу отъ господскаго дома до конторы, въ косвенномъ направленіи лежали доски: предосторожность весьма полезная, потому что кругомъ, благодаря нашей черноземной почвѣ и продолжительному дождю, грязь была страшная. Около господской усадьбы, стоявшей къ улицѣ задомъ, происходило, что обыкновенно происходитъ около господскихъ усадебъ: дѣвки въ полинялыхъ ситцевыхъ платьяхъ шныряли взадъ и впередъ; дворовые люди брели по грязи, останавливались и задумчиво чесали свои спины; привязанная лошадь десятскаго лѣниво махала хвостомъ и, высоко задравши морду, глодала заборъ; курицы кудахтали; чахоточныя индѣйки безпрестанно перекликивались. На крылечкѣ темнаго и гнилого строенія, вѣроятно бани, сидѣлъ дюжій парень съ гитарой и не безъ удали напѣвалъ извѣстный романсъ:

„Э—я фа пасатыю удаляюсь
„Ата прекарасаныхъ седѣшенѣха мѣстъ“, и проч.

Толстякъ вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Вотъ, вамъ чай несутъ,—сказалъ онъ мнѣ съ пріятной улыбкой.

Малый въ сѣромъ кафтанѣ, конторскій дежурный, расположилъ на старомъ ломберномъ столѣ самоваръ, чайникъ, стаканъ съ разбитымъ блюдечкомъ, горшокъ сливокъ и связку болховскихъ котѣлокъ, твердыхъ какъ кремень. Толстякъ вышелъ.

— Что это,—спросилъ я дежурнаго:—приказчикъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: былъ главнымъ кассиромъ-съ, а теперь въ главные конторщики произведенъ.

— Да развѣ у васъ нѣтъ приказчиковъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Есть бурмистеръ, Михайло Викуловъ, а приказчика нѣту.

— Такъ управляющій есть?

— Какъ же, есть: нѣмецъ Липдамандолъ, Карло Карлычъ;—только онъ не распоряжается.

— Кто жъ у васъ распоряжается?

— Сама барыня.

— Вотъ какъ!.. Что жъ, у васъ въ конторѣ много народу сидитъ?

Малый задумался.

— Шесть человѣкъ сидитъ.

— Кто да кто?—спросилъ я.

— А вотъ кто:—сначала будетъ Василій Николаевичъ, главный кассиръ; а то Петръ конторщикъ, Петровъ братъ Иванъ конторщикъ, другой Иванъ конторщикъ; Коскенкинъ Наркизовъ, тоже конторщикъ, я вотъ,—да всѣхъ и не перечтешь.

— Чай, у вашей барыни дворни много?

— Нѣтъ, не то, чтобы много...

— Однако, сколько?

— Человѣкъ, пожалуй, что полтораста набѣжитъ.

Мы оба помолчали.

— Ну, что жъ, ты хорошо пишешь?—началъ я опять

Малый улыбнулся во весь ротъ, кивнулъ головой, сходилъ въ контору и принесъ исписанный листокъ.

— Вотъ мое писанье,—промолвилъ онъ, не переставая улыбаться.

Я посмотрѣлъ: на четвертушкѣ сѣроватой бумаги красивымъ и крупнымъ почеркомъ былъ написанъ слѣдующій:

„ПРИКАЗЪ".

„Отъ главной господской домовой ананьевской конторы бурмистру Михайлѣ Викулову; № 209":

„Приказывается тебѣ немедленно по полученіи сего розыскать: кто въ прошлую ночь, въ пьяномъ видѣ и съ неприличными пѣснями, прошелъ по Аглицкому саду, и

гувернантку мадамъ Энжени француженку разбудилъ и обезпокоилъ? и чего сторожа глядѣли, и кто сторожемъ въ саду сидѣлъ и таковые безпорядки допустилъ? О всемъ вышеписанномъ приказывается тебѣ въ подробности развѣдать, и немедленно конторѣ донести.

„Главный конторщикъ Николай Хвостовъ".

Къ приказу была приложена огромная гербовая печать съ надписью: „Печать главной господской ананьевской конторы"; а внизу стояла приписка: „Въ точности исполнить. Елена Лоснякова".

— Это сама барыня приписала, что ли?—спросилъ я.

— Какъ же-съ, сами: онѣ всегда сами. А то и приказъ дѣйствовать не можетъ.

— Ну, что жъ, вы бурмистру пошлете этотъ приказъ?

— Нѣтъ-съ. Самъ придетъ, да прочитаетъ. То-есть, ему прочтутъ; онъ, вѣдь, грамотѣ у насъ не знаетъ. (Дежурный опять помолчалъ.) А что-съ, — прибавилъ онъ, ухмыляясь:—вѣдь хорошо написано-съ?

— Хорошо.

— Сочинялъ-то, признаться, не я. На то Коскенкйнъ мастеръ.

— Какъ?.. Развѣ у васъ приказы сперва сочиняются?

— А то какъ же-съ? Не прямо же набѣло писать.

— А сколько ты жалованья получаешь?—спросилъ я.

— Тридцать пять рублевъ и пять рублевъ на сапоги

— И ты доволенъ?

— Извѣстно, доволенъ.—Въ контору-то у насъ не всякій попадаетъ. Мнѣ-то, признаться, самъ Богъ велѣлъ: у меня дядюшка дворецкимъ служитъ.

— И хорошо тебѣ?

— Хорошо-съ. Правду сказать, — продолжалъ онъ со вздохомъ: — у купцовъ, напримѣръ, то-есть, нашему брату лучше. У купцовъ нашему брату оченно хорошо. Вотъ, къ намъ вечоръ пріѣхалъ купецъ изъ Венева, — такъ мнѣ его работникъ сказывалъ... Хорошо, нечѣ сказать, хорошо.

— А что, развѣ купцы жалованья больше назначаютъ?

— Сохрани Богъ! Да онъ тебя въ шею прогонитъ,

коли ты у него жалованья запросишь. Нѣтъ, ты у купца живи на вѣру, да на страхъ. Онъ тебя и кормитъ, и поитъ, и одѣваетъ, и все. Угодишь ему, — еще больше дастъ... Что твое жалованье! не надо его совсѣмъ... И живетъ-то купецъ по простотѣ, по-русскому, по-нашинскому: поѣдешь съ нимъ въ дорогу, — онъ пьетъ чай, и ты пей чай; что онъ кушаетъ, то и ты кушай. Купецъ... какъ можно: купецъ не то, что баринъ. Купецъ не блажитъ; ну, осерчаетъ—побьетъ, да и дѣло съ концомъ. Не можитъ, не шпынлетъ... А съ бариномъ бѣда! Все не по немъ: и то не хорошо, и тѣмъ не угодилъ. Подашь ему стаканъ съ водой или кушанье—„ахъ, вода воняетъ! ахъ, кушанье воняетъ!“ Вынесешь, за дверью постоишь, да принесешь опять—„ну, вотъ, теперь хорошо, ну, вотъ, теперь не воняетъ“. А ужъ барыни, скажу вамъ, а ужъ барыни что!.. или, вотъ, еще барышни!..

— Ѳедюшка!—раздался голосъ толстяка въ конторѣ.

Дежурный проворно вышелъ. Я допилъ стаканъ чаю, легъ на диванъ и заснулъ. Я спалъ часа два.

Проснувшись, я хотѣлъ-было подняться, да лѣнь одолѣла; я закрылъ глаза, но не заснулъ опять. За перегородкой, въ конторѣ, тихонько разговаривали. Я невольно сталъ прислушиваться.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ, Николай Еремѣичъ, — говорилъ одинъ голосъ: — тэкъ-съ. Эвтаго нельзя въ расчетъ не принять-съ; нельзя-съ точно... Гмъ! (Говорящій кашлянулъ.)

— Ужъ повѣрьте мнѣ, Гаврила Антонычъ,—возразилъ голосъ толстяка: — ужъ мнѣ ли не знать здѣшнихъ порядковъ, сами посудите.

— Кому же и знать, Николай Еремѣичъ: вы здѣсь, можно сказать, первое лицо-съ. Ну, такъ какъ же-съ? — продолжалъ незнакомый мнѣ голосъ: — чѣмъ же мы порѣшимъ, Николай Еремѣичъ? — Позвольте полюбопытствовать.

— Да чѣмъ порѣшимъ, Гаврила Антонычъ? Отъ васъ, такъ сказать, дѣло зависитъ: вы, кажется, не охотствуете.

— Помилуйте, Николай Еремѣичъ; что вы-съ? Наше

дѣло торговое, купецкое; наше дѣло купить. Мы на томъ стоимъ, Николай Еремѣичъ,—можно сказать.

— Восемь рублей,—проговорилъ съ разстановкою толстякъ.

Послышался вздохъ.

— Николай Еремѣичъ, больно много просить изволите.

— Нельзя, Гаврила Антонычъ, иначе поступить; какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, нельзя.

Наступило молчаніе.

Я тихонько приподнялся и посмотрѣлъ сквозь трещину въ перегородкѣ. Толстякъ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Къ нему лицомъ сидѣлъ купецъ, лѣтъ сорока, сухощавый и блѣдный, словно вымазанный постнымъ масломъ. Онъ безпрестанно шевелилъ у себя въ бородѣ и очень проворно моргалъ глазами и губами подергивалъ.

— Удивительныя, можно сказать, зеленя въ нынѣшнемъ году-съ,—заговорилъ онъ опять:—я все ѣхалъ, да любовался. Отъ самаго Воронежа удивительныя пошли, первый сортъ-съ, можно сказать.

— Точно, зеленя недурны,—отвѣчалъ главный конторщикъ: да, вѣдь, вы знаете, Гаврила Антонычъ, осень всклочетъ, а какъ весна захочетъ.

— Дѣйствительно такъ, Николай Еремѣичъ: все въ Божьей волѣ; совершенную истину изволили сказать... А никакъ вашъ гость-то проснулся-съ.

Толстякъ обернулся... прислушался...

— Нѣтъ, спитъ. А впрочемъ, можно, того...

Онъ подошелъ къ двери.

— Нѣтъ, спитъ,—повторилъ онъ и вернулся на мѣсто.

— Ну, такъ какъ же, Николай Еремѣичъ? — началъ опять купецъ: — надо дѣльце-то покончить... Такъ ужъ и быть, Николай Еремѣичъ, такъ ужъ и быть, — продолжалъ онъ, безпрерывно моргая: — двѣ сѣренькихъ и бѣленькую вашей милости, а тамъ (онъ кивнулъ головой на барскій дворъ) шесть съ полтиною. По рукамъ, что ли?

— Четыре сѣренькихъ,—отвѣчалъ приказчикъ.

— Ну, три!

— Четыре сѣренькихъ безъ бѣленькой.

— Три, Николай Еремѣичъ.

— Съ половиной три, и ужъ ни копейки меньше.

— Три, Николай Еремѣичъ.

— И не говорите, Гаврила Антонычъ.

— Экой несговорчивый какой,—пробормоталъ купецъ.— Этакъ я лучше самъ съ барыней покончу.

— Какъ хотите,—отвѣчалъ толстякъ:—давно бы такъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, вамъ безпокоиться?.. И гораздо лучше!

— Ну, полно, полно, Николай Еремѣичъ. Ужъ сейчасъ и разсердился! Я вѣдь эфто такъ сказалъ.

— Нѣтъ, что жъ, въ самомъ дѣлѣ...

— Полно же, говорятъ... Говорятъ, пошутилъ. Ну, возьми свои три съ половиной, что съ тобой будешь дѣлать.

— Четыре бы взять слѣдовало, да я, дуракъ, поторопился,—проворчалъ толстякъ.

— Такъ тамъ, въ домѣ-то, шесть съ половиною-съ, Николай Еремѣичъ, — за шесть съ половиной хлѣбъ отдается?

— Шесть съ половиной, ужъ сказано.

— Ну, такъ по рукамъ, Николай Еремѣичъ (купецъ ударилъ своими растопыренными пальцами по ладони конторщика). И съ Богомъ! (Купецъ всталъ.) Такъ я, батюшка, Николай Еремѣичъ, теперь пойду къ барынѣ-съ и объ себѣ доложить велю-съ, и такъ ужъ я скажу: Николай Еремѣичъ, дескать, за шесть съ полтиною-съ порѣшили-съ.

— Такъ и скажите, Гаврила Антонычъ.

— А теперь извольте получить.

Купецъ вручилъ приказчику небольшую пачку бумаги, поклонился, тряхнулъ головой, взялъ свою шляпу двумя пальчиками, передернулъ плечами, придалъ своему стану волнообразное движеніе и вышелъ, прилично поскрипывая сапожками. Николай Еремѣичъ подошелъ къ стѣнѣ и, сколько я могъ замѣтить, началъ разбирать бумаги, вру-

ченныя купцомъ. Изъ двери высунулась рыжая голова съ густыми бакенбардами.

— Ну, что?—спросила голова:—все какъ слѣдуетъ?

— Все какъ слѣдуетъ.

— Сколько?

Толстякъ съ досадой махнулъ рукой и указалъ на мою комнату.

— А, хорошо!—возразила голова и скрылась.

Толстякъ подошелъ къ столу, сѣлъ, раскрылъ книгу, досталъ счеты и началъ откидывать и прикидывать костяжки, дѣйствуя не указательнымъ, но третьимъ пальцемъ правой руки: оно приличнѣе.

Вошелъ дежурный.

— Что тебѣ?

— Сидоръ пріѣхалъ изъ Голоплекъ.

— А! ну, позови его. Постой, постой... Поди сперва посмотри, что тутъ, чужой-то баринъ, спитъ все, или проснулся?

Дежурный осторожно вошелъ ко мнѣ въ комнату. Я положилъ голову на ягдташъ, замѣнявшій мнѣ подушку, и закрылъ глаза.

— Спитъ,—прошепталъ дежурный, вернувшись въ контору.

Толстякъ поворчалъ сквозь зубы.

— Ну, позови Сидора,—промолвилъ онъ, наконецъ.

Я снова приподнялся. Вошелъ мужикъ огромнаго роста, лѣтъ тридцати, здоровый, краснощекій, съ русыми волосами и небольшой курчавой бородой. Онъ помолился на образъ, поклонился главному конторщику, взялъ свою шляпу въ обѣ руки и выпрямился.

— Здравствуй, Сидоръ,—проговорилъ толстякъ, постукивая счетами.

— Здравствуйте, Николай Еремѣичъ.

— Ну, что, какова дорога?

— Хороша, Николай Еремѣичъ. Грязновата маленько. (Мужикъ говорилъ нескоро и негромко.)

— Жена здорова?

— Что ей дѣлается!

Мужикъ вздохнулъ и ногу выставилъ. Николай Еремѣичъ заложилъ перо за ухо и высморкнулся.

— Что жъ, зачѣмъ пріѣхалъ?—продолжалъ онъ спрашивать, укладывая клѣтчатый платокъ въ карманъ.

— Да слышь, Николай Еремѣичъ, съ насъ плотниковъ требуютъ.

— Ну, что жъ, нѣтъ ихъ у васъ, что ли?

— Какъ имъ не быть у насъ, Николай Еремѣичъ: дача лѣсная — извѣстно. Да пора-то рабочая, Николай Еремѣичъ.

— Рабочая пора! То-то, вы охотники на чужихъ работать, а на свою госпожу работать не любите... Все едино!

— Работа-то все едино, точно, Николай Еремѣичъ... да что...

— Ну?

— Плата больно... того...

— Мало чего нѣтъ! Вишь, какъ вы избаловались. Поди ты!

— Да и то сказать, Николай Еремѣичъ, работы-то всего на недѣлю будетъ, а продержатъ мѣсяцъ. То матеріалу не хватитъ, а то и въ садъ пошлютъ дорожки чистить.

— Мало ли чего нѣтъ! Сама барыня приказать изволила, такъ тутъ намъ съ тобой разсуждать нечего.

Сидоръ замолчалъ и началъ переступать съ ноги на ногу.

Николай Еремѣичъ скрутилъ голову на бокъ и усердно застучалъ костяжками.

— Наши... мужики... Николай Еремѣичъ... — заговорилъ, наконецъ, Сидоръ, запинаясь на каждомъ словѣ:— приказали вашей милости... вотъ тутъ... будетъ... (Онъ запустилъ свою ручищу за пазуху армяка и началъ вытаскивать оттуда свернутое полотенце съ красными разводами.)

— Что ты, что ты, дуракъ, съ ума сошелъ, что ли?— поспѣшно перебилъ его толстякъ. — Ступай, ступай ко мнѣ въ избу, — продолжалъ онъ, почти выталкивая из-

умленнаго мужика: — тамъ спроси жену... она тебѣ чаю дастъ; я сейчасъ приду, ступай. Да небось, говорятъ, ступай.

Сидоръ вышелъ вонъ.

— Экой... медвѣдь! — пробормоталъ ему вслѣдъ главный конторщикъ, покачалъ головой и снова принялся за счеты.

Вдругъ крики: „Купря! Купря! Купрю не сшибешь!“ раздались на улицѣ и на крыльцѣ, и немного спустя вошелъ въ контору человѣкъ низенькаго роста, чахоточный на видъ, съ необыкновенно длиннымъ носомъ, большими неподвижными глазами и весьма горделивой осанкой. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, изорванный сюртукъ цвѣта аделаида или, какъ у насъ говорится: оделлоида, съ плисовымъ воротникомъ и крошечными пуговками. Онъ несъ связку дровъ за плечами. Около него толпилось человѣкъ пять дворовыхъ людей и всѣ кричали: „Купря! Купрю не сшибешь! Въ истопники Купрю произвели, въ истопники!“ Но человѣкъ въ сюртукѣ съ плисовымъ воротникомъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на буйство своихъ товарищей и нисколько не измѣнялся въ лицѣ. Мѣрными шагами дошелъ онъ до печки, сбросилъ свою ношу, приподнялся, досталъ изъ задняго кармана табакерку, вытаращилъ глаза и началъ набивать себѣ въ носъ тертый донникъ, смѣшанный съ золой.

При входѣ шумливой ватаги толстякъ нахмурилъ было брови и поднялся съ мѣста; но, увидавъ въ чемъ дѣло, улыбнулся и только велѣлъ не кричать: въ сосѣдней, дескать, комнатѣ охотникъ спитъ.—Какой охотникъ?—спросили человѣка два въ одинъ голосъ.

— Помѣщикъ.

— А!

— Пускай шумятъ, — заговорилъ, растопыря руки, человѣкъ съ плисовымъ воротникомъ: — мнѣ что за дѣло! лишь бы меня не трогали. Въ истопники меня произвели...

— Въ истопники! въ истопники!—радостно подхватила толпа.

— Барыня приказала, — продолжалъ онъ, пожавъ пле-

чами:—а вы погодите... васъ еще въ свинопасы произведутъ. А что я портной, и хорошій портной, у первыхъ мастеровъ въ Москвѣ обучался и на енараловъ шилъ... этого у меня никто не отниметъ. А вы чего храбритесь?.. чего? вы дармоѣды, тунеядцы, больше ничего. Меня отпусти—я съ голоду не умру, я не пропаду; дай мнѣ пашпортъ—я оброкъ хорошій взнесу и господъ удоблетворю. А вы что? Пропадете, пропадете, словно мухи, вотъ и все!

— Вотъ и совралъ,—перебилъ его парень рябой и бѣлобрысый, съ краснымъ галстукомъ и разорванными локтями:—ты и по пашпорту ходилъ, да отъ тебя копейки оброку господа не видали, и себѣ гроша не заработалъ: насилу ноги домой приволокъ; да съ тѣхъ поръ все въ одномъ кафтанишкѣ живешь.

— А что будешь дѣлать, Константинъ Наркизычъ! — возразилъ Куприянъ:—влюбился человѣкъ — и пропалъ, и погибъ человѣкъ. Ты сперва съ мое поживи, Константинъ Наркизычъ, а тогда уже и осуждай меня.

— И въ кого нашелъ влюбиться! въ урода сущаго!

— Нѣтъ, этого ты не говори, Константинъ Наркизычъ.

— Да кого ты увѣряешь? Вѣдь я ее видѣлъ; въ прошломъ году, въ Москвѣ, своими глазами видѣлъ.

— Въ прошломъ году она, дѣйствительно, попортилась маленько,—замѣтилъ Куприянъ.

— Нѣтъ, господа, что,— заговорилъ презрительнымъ и небрежнымъ голосомъ человѣкъ высокаго роста, худощавый, съ лицомъ усѣяннымъ прыщами, завитой и намасленный, должно-быть, камердинеръ:— вотъ, пускай намъ Куприянъ Аѳанасьичъ свою пѣсенку споетъ. Нут-ка, начните, Куприянъ Аѳанасьичъ!

— Да, да! — подхватили другіе. — Ай да Александра! подкузьмила Купрю; неча сказать... Ой, Купря!.. Молодца, Александра! (Дворовые люди часто, для большей нѣжности, говоря о мужчинѣ, употребляютъ женскія окончанія.)—Ой!

— Здѣсь не мѣсто пѣть,—съ твердостію возразилъ Куприянъ:—здѣсь господская контора.

— Да тебѣ-то что за дѣло? чай въ конторщики самъ

мѣтишь!—съ грубымъ смѣхомъ отвѣчалъ Константинъ.—Должно-быть!

— Все въ господской власти состоитъ,—замѣтилъ бѣднякъ.

— Вишь, вишь, куда мѣтитъ, вишь, каковъ? у! у! а!

И всѣ расхохотались, иные запрыгали. Громче всѣхъ заливался одинъ мальчишка лѣтъ пятнадцати, вѣроятно, сынъ аристократа между дворней; онъ носилъ жилетъ съ бронзовыми пуговицами, галстукъ лиловаго цвѣта, и брюшко уже успѣлъ отрастить.

— А послушай-ка, признайся, Купря, — самодовольно заговорилъ Николай Еремѣичъ, видимо распотѣшенный и разнѣженный: — вѣдь, плохо въ истопникахъ-то? Пустое, чай, дѣло вовсе?

— Да что, Николай Еремѣичъ,—заговорилъ Купріянъ:— вотъ, вы теперь главнымъ у насъ конторщикомъ, точно; спору въ томъ, точно, нѣту; а вѣдь и вы подъ опалой находились, и въ мужицкой избѣ тоже пожили.

— Ты смотри у меня, однако, не забывайся, — съ запальчивостью перебилъ его толстякъ:—съ тобой, дуракомъ, шутятъ; тебѣ бы, дураку, чувствовать слѣдовало и благодарить, что съ тобой, дуракомъ, занимаются.

— Къ слову пришлось, Николай Еремѣичъ, извините...

— То-то же, къ слову.

Дверь растворилась и вбѣжалъ казачокъ.

— Николай Еремѣичъ, барыня васъ къ себѣ требуетъ.

— Кто у барыни?—спросилъ онъ казачка.

— Аксинья Никитишна и купецъ изъ Венева.

— Сею минутою явлюся. А вы, братцы, — продолжалъ онъ убѣдительнымъ голосомъ:—ступайте-ка лучше отсюда вонъ съ новопожалованнымъ истопникомъ-то: неравно нѣмецъ забѣжитъ, какъ разъ нажалуется.

Толстякъ поправилъ у себя на головѣ волосы, кашлянулъ въ руку, почти совершенно закрытую рукавомъ сюртука, застегнулся и отправился къ барынѣ, широко разставляя на ходу ноги. Погодя немного, и вся ватага поплелась за нимъ вмѣстѣ съ Купрей. Остался одинъ мой старый знакомый, дежурный. Онъ принялся-было чинить

перья, да сидя и заснулъ. Нѣсколько мухъ тотчасъ воспользовались счастливымъ случаемъ и облѣпили ему ротъ. Комаръ сѣлъ ему на лобъ, правильно разставилъ свои ножки и медленно погрузилъ въ его мягкое тѣло все свое жало. Прежняя рыжая голова съ бакенбардами снова показалась изъ-за двери, поглядѣла-поглядѣла и вошла въ контору вмѣстѣ съ своимъ довольно некрасивымъ туловищемъ.

— Ѳедюшка? а Ѳедюшка! вѣчно спишь! — проговорила голова.

Дежурный открылъ глаза и всталъ со стула.

— Николай Еремѣичъ къ барынѣ пошелъ?

— Къ барынѣ пошелъ, Василій Николаичъ.

— А! а!—подумалъ я:—вонъ онъ—главный кассиръ.

Главный кассиръ началъ ходить по комнатѣ. Впрочемъ, онъ болѣе крался, чѣмъ ходилъ, и таки-вообще смахивалъ на кошку. На плечахъ его болтался старый, черный фракъ, съ очень узкими фалдами; одну руку онъ держалъ на груди, а другой безпрестанно бралъся за свой высокій и тѣсный галстукъ изъ конскаго волоса и съ напряженіемъ вертѣлъ головой. Сапоги онъ носилъ козловые, безъ скрипу, и выступалъ очень мягко.

— Сегодня Ягушкинъ помѣщикъ васъ спрашивалъ, — прибавилъ дежурный.

— Гмъ, спрашивалъ? Что жъ онъ такое говорилъ?

— Говорилъ, что, дескать, къ Тютюреву вечеромъ заѣдетъ и васъ будетъ ждать. Нужно, дескать, мнѣ съ Василіемъ Николаичемъ объ одномъ дѣлѣ переговорить, а о какомъ дѣлѣ—не сказывалъ: ужъ Василій Николаичъ, говоритъ, знаетъ.

— Гмъ!—возразилъ главный кассиръ и подошелъ къ окну.

— Что, Николай Еремѣевъ въ конторѣ?— раздался въ сѣняхъ громкій голосъ, и человѣкъ высокаго роста, видимо разсерженный, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и смѣлымъ, довольно опрятно одѣтый, шагнулъ черезъ порогъ.

— Нѣтъ его здѣсь? — спросилъ онъ, быстро глянувъ кругомъ.

— Николай Еремѣичъ у барыни,—отвѣчалъ кассиръ.— Что вамъ надобно, скажите мнѣ, Павелъ Андреичъ: вы мнѣ можете сказать... Вы чего хотите?

— Чего я хочу? Вы хотите знать, чего я хочу? (Кассиръ болѣзненно кивнулъ головой.)—Проучить я его хочу, брюхача негоднаго, наушника подлаго... Я ему дамъ наушничать!

Павелъ бросился на стулъ.

— Что вы, что вы, Павелъ Андреичъ? Успокойтесь... Какъ вамъ не стыдно? Вы не забудьте, про кого вы говорите, Павелъ Андреичъ!—залепеталъ кассиръ.

— Про кого? А мнѣ что за дѣло, что его въ главные конторщики пожаловали! Вотъ, нечего сказать, нашли кого пожаловать! Вотъ ужъ точно, можно сказать, пустили козла въ огородъ!

— Полноте, полноте, Павелъ Андреичъ, полноте! бросьте это... что за пустяки такіе!

— Ну, Лиса Патрикѣевна, пошла хвостомъ вилять!.. Я его дождусь, — съ сердцемъ проговорилъ Павелъ и ударилъ рукой по столу.—А, да вотъ онъ и жалуетъ,—прибавилъ онъ, взглянувъ въ окошко: — легокъ на поминѣ. Милости просимъ! (Онъ всталъ.)

Николай Еремѣевъ вошелъ въ контору. Лицо его сіяло удовольствіемъ, но при видѣ Павла онъ нѣсколько смутился.

— Здравствуйте, Николай Еремѣичъ, — значительно проговорилъ Павелъ, медленно подвигаясь къ нему навстрѣчу:—здравствуйте.

Главный конторщикъ не отвѣчалъ ничего. Въ дверяхъ показалось лицо купца.

— Что жъ вы мнѣ не изволите отвѣчать?—продолжалъ Павелъ. — Впрочемъ, нѣтъ... нѣтъ, — прибавилъ онъ:— этакъ не дѣло; крикомъ да бранью ничего не возьмешь. Нѣтъ, вы мнѣ лучше добромъ скажите, Николай Еремѣичъ, за что вы меня преслѣдуете? за что вы меня погубить хотите? Ну, говорите же, говорите.

— Здѣсь не мѣсто съ вами объясняться,—не безъ волненія возразилъ главный конторщикъ: — да и не время.

Только я, признаюсь, одному удивляюсь: съ чего вы взяли, что я васъ погубить желаю, или преслѣдую? Да и какъ, наконецъ, могу я васъ преслѣдовать! Вы не у меня въ конторѣ состоите.

— Еще бы,—отвѣчалъ Павелъ:—этого бы только недоставало! Но зачѣмъ же вы притворяетесь, Николай Еремѣичъ?.. Вѣдь вы меня понимаете.

— Нѣтъ, не понимаю.

— Нѣтъ, понимаете.

— Нѣтъ, ей-Богу, не понимаю.

— Еще божитесь! Да ужъ, коли на то пошло, скажите: ну, не боитесь вы Бога! Ну, за что вы бѣдной дѣвкѣ жить не даете? Что вамъ надобно отъ нея?

— Вы о комъ говорите, Павелъ Андреичъ? — съ притворнымъ изумленіемъ спросилъ толстякъ.

— Эка! не знаетъ, небось? я объ Татьянѣ говорю. Побойтесь Бога,—за что мстите? Стыдитесь: вы человѣкъ женатый, дѣти у васъ съ меня уже ростомъ, а я не что другое... я жениться хочу: я по чести поступаю.

— Чѣмъ же я тутъ виноватъ, Павелъ Андреичъ? Барыня вамъ жениться не позволяетъ: ея господская воля! Я-то тутъ что?

— Вы что? а вы съ этой старой вѣдьмой, съ ключницей, не стакнулись, небось? Небось, не наушничаете, а! Скажите, не взводите на беззащитную дѣвку всякую небылицу? Небось, не по вашей милости ее изъ прачекъ въ судомойки произвели? И бьютъ-то ее, и въ затрапезѣ держатъ не по вашей милости?.. Стыдитесь, стыдитесь, старый вы человѣкъ! Вѣдь васъ параличъ, того и гляди, разобьетъ... Богу отвѣчать придется.

— Ругайтесь, Павелъ Андреичъ, ругайтесь... Долго ли вамъ придется ругаться-то!

Павелъ вспыхнулъ.

— Что? грозить мнѣ вздумалъ? — съ сердцемъ заговорилъ онъ.—Ты думаешь, я тебя боюсь? Нѣтъ, братъ, не на того чатнулся! чего мнѣ бояться?.. Я вездѣ себѣ хлѣбъ сыщу. Вотъ ты — другое дѣло! Тебѣ только здѣсь и жить, да наушничать, да воровать...

— Вѣдь вотъ, какъ зазнался, — перебилъ его конторщикъ, который тоже начиналъ терять терпѣніе: — фершелъ, просто фершелъ, лѣкаришка пустой; а послушай-ка его,—фу ты, какая важная особа!

— Да, фершелъ, а безъ этого фершела ваша милость теперь бы на кладбищѣ гнила... И дернула же меня нелегкая его вылѣчить,—прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Ты меня вылѣчилъ?.. Нѣтъ, ты меня отравить хотѣлъ; ты меня сабуромъ опоилъ,—подхватилъ конторщикъ.

— Что жъ, коли на тебя, кромѣ сабура, ничего дѣйствовать не могло?

— Сабуръ врачебной управой запрещенъ,—продолжалъ Николай:—я еще на тебя пожалуюсь... Ты уморить меня хотѣлъ—вотъ что! Да Господь не попустилъ.

— Полно вамъ, полно, господа,—началъ-было кассиръ...

— Отстань!—крикнулъ конторщикъ.—Онъ меня отравить хотѣлъ! Понимаешь ты эфто?

— Очень нужно мнѣ... Слушай, Николай Еремѣевъ,—заговорилъ Павелъ съ отчаяніемъ: — въ послѣдній разъ тебя прошу... вынудилъ ты меня—не втерпежъ мнѣ становится. Оставь насъ въ покоѣ, понимаешь? а то, ей-Богу, не сдобровать кому-нибудь изъ насъ, я о тебѣ говорю.

Толстякъ расходился.

— Я тебя не боюсь, — закричалъ онъ: — слышишь ли ты, молокососъ! Я и съ отцомъ твоимъ справился, я и ему рога сломилъ,—тебѣ примѣръ, смотри!

— Не напоминай мнѣ про отца, Николай Еремѣевъ, не напоминай!

— Вона! ты что мнѣ за уставщикъ?

— Говорятъ тебѣ, не напоминай!

— А тебѣ говорятъ, не забывайся... Какъ ты тамъ барынѣ по-твоему ни нуженъ, а коли изъ насъ двухъ ей придется выбирать,—не удержишься ты, голубчикъ! Бунтовать никому не позволяется, смотри! (Павелъ дрожалъ отъ бѣшенства.) А дѣвкѣ Татьянѣ по дѣломъ... Погоди, не то ей еще будетъ!

Павелъ кинулся впередъ съ поднятыми руками, и конторщикъ тяжко покатился на полъ.

— Въ кандалы его, въ кандалы, — застоналъ Николай Еремѣевъ...

Конца этой сцены я не берусь описывать; я и такъ боюсь, не оскорбилъ ли я чувства читателя.

Въ тотъ же день я вернулся домой. Недѣлю спустя, я узналъ, что госпожа Лоснякова оставила и Павла, и Николая у себя въ услуженіи, а дѣвку Татьяну сослала: видно, не понадобилась.

XII.

БИРЮКЪ.

Я ѣхалъ съ охоты, вечеромъ, одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ вожжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозниками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною, между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины—слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко засту-

чали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону,—та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это?—спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! Вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза,—отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ,—продолжалъ лѣсникъ.

— Что дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу,—отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которыя колыхались, „какъ въ морѣ челнокъ“, и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво; словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго: наконецъ, мой проводникъ остановился. — „Вотъ, мы и дома, баринъ“, промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ.—Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ

довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь.—„Сичасъ, сичасъ!“ раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, — сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ полатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ, — сердце во мнѣ заныло: не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь?—спросилъ я дѣвочку.

— Одна,—произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова,—прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ?—проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой,—отвѣчалъ онъ:—а по прозвищу Бирюкъ *).

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: „Вязанки хворосту не дастъ утащить: въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться,—силенъ, дескать, и ловокъ, какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужъ не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ—не дается".

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ,—повторилъ я:—я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю,—отвѣчалъ онъ угрюмо:—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ... да... умерла,—прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала,—произнесъ онъ съ жестокой улыбкой. Дѣвочка потупилась: ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ.—На, дай ему,—проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.—Вотъ, и его бросила,—продолжалъ онъ вполголоса, указывая на ребенка. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ,—началъ онъ:—нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба...

*) Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человѣкъ одинокій и угрюмый.

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту... Пойду, посмотрю, что ваша лошадь.

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Улитой,—проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ,—замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанья:—коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ?—спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ... У Кобыльяго-Верху *) дерево рубятъ,—прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темносинее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился.—„Во... вотъ,—проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку:—вишь, какую ночку выбралъ“.—Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса.—„А этакъ я, пожалуй,—прибавилъ онъ вслухъ:—и прозѣваю его“.—„Я съ тобой пойду... хочешь?“ — „Ладно, — отвѣчалъ онъ и попятилъ

*) „Верхомъ“ называется въ Орловской губерніи оврагъ.

лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте".

Мы пошли; Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора. — „Вишь, — бормоталъ онъ сквозь зубы: — слышите? слышите?" — „Да гдѣ?" — Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновеніе — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался...

— Повалилъ... — пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ, небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались, наконецъ, изъ оврага. — „Подождите здѣсь", — шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье кверху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала... „Куда? стой!" — загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, позаячьи... Началась борьба. — „Вре-ешь, вре-ешь! — твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь"... Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ: онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дряпная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, — шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. — „Ну, поворачивайся,

ворона!"—промолвилъ онъ сурово.—„Топорикъ-то, вонъ, возьмите", — пробормоталъ мужикъ. — „Зачѣмъ ему пропадать!"—сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади... Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула-было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ,—замѣтилъ лѣсникъ:—переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ,— продолжалъ онъ, указывая на мужика:—да, вишь, засовъ...

— Оставь его тутъ, не трогай,—перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня исподлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены... Дѣвочка улеглась на полу, у самыхъ его ногъ, и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, — заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ:—а Ѳома Кузьмичъ!

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... съ голодухи... отпусти.

— Знаю я васъ,—угрюмо возразилъ лѣсникъ:—ваша вся слобода такая—воръ на ворѣ.

— Отпусти, — твердилъ мужикъ: — приказчикъ... разорены, вѣ-какъ... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, вѣ-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти,—повторилъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ:— отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во-какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты, все-таки, воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!

— Говорятъ нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бѣднякъ потупился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. „Ну, на, ѣшь, на, подавись, на“, — началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — „на, душегубецъ окаянный, пей христіанскую кровь, пей“...

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ!—заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ!.. не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты... да я тебя!..

— А мнѣ что? Все едино—пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби—одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, — подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ:—бей, на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него.) Бей, бей!

— Молчать!—загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, — закричалъ я: — оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать,—продолжалъ несчастный.—Все едино—околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Да постой, не долго тебѣ чваниться! затянутъ тебѣ глотку, постой!

Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ!—крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ-было руку, но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью! — закричалъ онъ ему вслѣдъ: — да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ,—промолвилъ я наконецъ:—удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, — перебилъ онъ меня съ досадой: — не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу,—прибавилъ онъ:—знать, дождика-то вамъ не переждать...

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся!—пробормоталъ онъ:—да я его!..

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

XIII.

ДВА ПОМѢЩИКА.

Я уже имѣлъ честь представить вамъ, благосклонные читатели, нѣкоторыхъ моихъ господъ сосѣдей; позвольте же мнѣ теперь, кстати (для нашего брата писателя все кстати), познакомить васъ еще съ двумя помѣщиками, у которыхъ я часто охотился, съ людьми весьма почтенными, благонамѣренными и пользующимися всеобщимъ уваженіемъ нѣсколькихъ уѣздовъ.

Сперва опишу вамъ отставного генералъ-майора Вячеслава Иларіоновича Хвалынскаго. Представьте себѣ человѣка высокаго и когда-то стройнаго, теперь же нѣсколько обрюзглаго, но вовсе не дряхлаго, даже не устарѣлаго, человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, въ самой, какъ говорится, порѣ. Правда, нѣкогда правильныя и теперь еще пріятныя черты лица его немного измѣнились, щеки повисли, частыя морщины лучеобразно расположились около глазъ, иныхъ зубовъ уже нѣтъ, какъ сказалъ Саади, по увѣренію Пушкина; русые волосы, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые остались въ цѣлости, превратились въ лиловые, благодаря составу, купленному на Роменской конной ярмаркѣ у жида, выдававшаго себя за армянина; но Вяче-

славъ Иларіоновичъ выступаетъ бойко, смѣется звонко, позвякиваетъ шпорами, крутитъ усы, наконецъ называетъ себя старымъ кавалеристомъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что настоящіе старики сами никогда не называютъ себя стариками. Носитъ онъ обыкновенно сюртукъ, застегнутый доверху, высокій галстукъ съ накрахмаленными воротничками и панталоны сѣрыя съ искрой, военнаго покроя; шляпу же надѣваетъ прямо на лобъ, оставляя весь затылокъ наружи. Человѣкъ онъ очень добрый, но съ понятіями и привычками довольно странными. Напримѣръ: онъ никакъ не можетъ обращаться съ дворянами небогатыми или нечиновными, какъ съ равными себѣ людьми. Разговаривая съ ними, онъ обыкновенно глядитъ на нихъ сбоку, сильно опираясь щекою въ твердый и бѣлый воротникъ, или вдругъ возьметъ да озаритъ ихъ яснымъ и неподвижнымъ взоромъ, помолчитъ и двинетъ всею кожей подъ волосами на головѣ; даже слова иначе произноситъ и не говоритъ, напримѣръ: „благодарю, Павелъ Васильичъ“, или: „пожалуйте сюда, Михайло Иванычъ“, а: „боллдарю, Палл' Асиличъ“, или: „па-ажалте сюда, Михал' Ванычъ“. Съ людьми же, стоящими на низшихъ ступеняхъ общества, онъ обходится еще страннѣе: вовсе на нихъ не глядитъ и прежде чѣмъ объяснитъ имъ свое желаніе, или отдастъ приказъ, нѣсколько разъ сряду, съ озабоченнымъ и мечтательнымъ видомъ, повторитъ: „какъ тебя зовутъ?.. какъ тебя зовутъ?“, ударяя необыкновенно рѣзко на первомъ словѣ „какъ“, а остальныя произнося очень быстро, что придаетъ всей поговоркѣ довольно близкое сходство съ крикомъ самца-перепела. Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой: взялъ къ себѣ въ управители отставного вахмистра, малоросса, необыкновенно глупаго человѣка. Впрочемъ, въ дѣлѣ хозяйничества никто у насъ еще не перещеголялъ одного петербургскаго важнаго чиновника, который, усмотрѣвъ изъ донесеній своего приказчика, что овины у него въ имѣніи часто подвергаются пожарамъ, отчего много хлѣба пропадаетъ, — отдалъ строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ въ овинъ, пока огонь совершенно не погаснетъ. Тотъ же самый сановникъ вздy-

малъ-было засѣять всѣ свои поля макомъ, вслѣдствіе весьма, повидимому, простого расчета: макъ, дескать, дороже ржи, слѣдовательно, сѣять макъ выгоднѣе. Онъ же приказалъ своимъ крѣпостнымъ бабамъ носить кокошники по высланному изъ Петербурга образцу; и дѣйствительно, до сихъ поръ въ имѣніяхъ его бабы носятъ кокошники... только сверху кичекъ... Но возвратимся къ Вячеславу Иларіоновичу. Вячеславъ Иларіоновичъ ужасный охотникъ до прекраснаго пола и, какъ только увидитъ у себя въ уѣздномъ городѣ, на бульварѣ, хорошенькую особу, немедленно пустится за нею вслѣдъ, но тотчасъ же и захромаетъ,— вотъ что замѣчательное обстоятельство. Въ карты играть онъ любитъ, но только съ людьми званія низшаго; они-то ему: „ваше превосходительство", а онъ-то ихъ пушитъ и распекаетъ, сколько душѣ его угодно. Когда жъ ему случится играть съ губернаторомъ, или съ какимъ-нибудь чиновнымъ лицомъ,—удивительная происходитъ въ немъ перемѣна: и улыбается-то онъ, и головой киваетъ, и въ глаза-то имъ глядитъ — медомъ такъ отъ него и несетъ... Даже проигрываетъ и не жалуется. Читаетъ Вячеславъ Иларіонычъ мало; при чтеніи безпрестанно поводитъ усами и бровями, словно волну снизу вверхъ по лицу пускаетъ. Особенно замѣчательно это волнообразное движеніе на лицѣ Вячеслава Иларіоныча, когда ему случается (при гостяхъ, разумѣется) пробѣгать столбцы „Journal des Dèbats". На выборахъ играетъ онъ роль довольно значительную, но отъ почетнаго званія предводителя, по скупости, отказывается. „Господа,—говоритъ онъ обыкновенно приступающимъ къ нему дворянамъ, и говоритъ голосомъ, исполненнымъ покровительства и самостоятельности: — много благодаренъ за честь; но я рѣшился посвятить свой досугъ уединенію". И, сказавши эти слова, поведетъ головой нѣсколько разъ направо и налѣво, а потомъ съ достоинствомъ наляжетъ подбородкомъ и щеками на галстукъ. Состоялъ онъ въ молодые годы адъютантомъ у какого-то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ, какъ по имени и по отчеству; говорятъ, будто бы онъ принималъ на себя не однѣ

адъютантскія обязанности, будто бы, напр., облачившись въ полную парадную форму и даже застегнувъ крючки, парилъ своего начальника въ банѣ—да не всякому слуху можно вѣрить. Впрочемъ, и самъ генералъ Хвалынскій о своемъ служебномъ поприщѣ не любитъ говорить, что вообще довольно странно; на войнѣ онъ тоже, кажется, не бывалъ. Живетъ генералъ Хвалынскій въ небольшомъ домикѣ, одинъ; супружескаго счастья онъ въ своей жизни не испыталъ, и потому до сихъ поръ еще считается женихомъ, и даже выгоднымъ женихомъ. Зато ключница у него, женщина лѣтъ тридцати-пяти, черноглазая, чернобровая, полная, свѣжая и съ усами, по будничнымъ днямъ ходитъ въ накрахмаленныхъ платьяхъ, а по воскресеньямъ и кисейные рукава надѣваетъ. Хорошъ бываетъ Вячеславъ Иларіоновичъ на большихъ званыхъ обѣдахъ, даваемыхъ помѣщиками въ честь губернаторовъ и другихъ властей: тутъ онъ, можно сказать, совершенно въ своей тарелкѣ. Сидитъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ если не по правую руку губернатора, то и не въ далекомъ отъ него разстояніи; въ началѣ обѣда болѣе придерживается чувства собственнаго достоинства и, закинувшись назадъ, но не оборачивая головы, сбоку пускаетъ взоръ внизъ по круглымъ затылкамъ и стоячимъ воротникамъ гостей; зато къ концу стола развеселяется, начинаетъ улыбаться во всѣ стороны (въ направленіи губернатора онъ съ начала обѣда улыбался), а иногда даже предлагаетъ тостъ въ честь прекраснаго пола, украшенія нашей планеты, по его словамъ. Также не дуренъ генералъ Хвалынскій на всѣхъ торжественныхъ и публичныхъ актахъ, экзаменахъ, собраньяхъ и выставкахъ; подъ благословеніе тоже подходитъ мастеръ. На разъѣздахъ, переправахъ и въ другихъ тому подобныхъ мѣстахъ, люди Вячеслава Иларіоныча не шумятъ и не кричатъ; напротивъ, раздвигая народъ или вызывая карету, говорятъ пріятнымъ горловымъ баритономъ: „позвольте, позвольте, дайте генералу Хвалынскому пройти“, или: „генерала Хвалынскаго экипажъ“... Экипажъ, правда, у Хвалынскаго формы довольно старинной; на лакеяхъ

ливрея довольно потертая (о томъ, что она сѣрая съ красными выпушками, кажется, едва ли нужно упомянуть); лошади тоже довольно пожили и послужили на своемъ вѣку; но на щегольство Вячеславъ Иларіоновичъ притязаній не имѣетъ и не считаетъ даже званію своему приличнымъ пускать пыль въ глаза. Особеннымъ даромъ слова Хвалынскій не владѣетъ, или, можетъ-быть, не имѣетъ случая высказать свое краснорѣчіе, потому что не только спора, но вообще возраженья не терпитъ, и всякихъ длинныхъ разговоровъ, особенно съ молодыми людьми, тщательно избѣгаетъ. Оно, дѣйствительно, вѣрнѣе; а то съ нынѣшнимъ народомъ бѣда: какъ разъ изъ повиновенія выйдетъ и уваженіе потеряетъ. Передъ лицами высшими Хвалынскій большей частью безмолвствуетъ, а къ лицамъ низшимъ, которыхъ, повидимому, презираетъ, но съ которыми только и знается, держитъ рѣчи отрывистыя и рѣзкія, безпрестанно употребляя выраженья, подобныя слѣдующимъ: „это, однако, вы пус-тя-ки говорите“; или: „я, наконецъ, вынужденнымъ нахожусь, милосвый сдарь мой, вамъ поставить на видъ“, или: „наконецъ, вы должны однакоже знать, съ кѣмъ имѣете дѣло“, и пр. Особенно боятся его почтмейстеры, непремѣнные засѣдатели и станціонные смотрители. Дома онъ у себя никого не принимаетъ и живетъ, какъ слышно, скрягой. Со всѣмъ тѣмъ, онъ прекрасный помѣщикъ. „Старый служака, человѣкъ безкорыстный, съ правилами, vieux grognard“, говорятъ про него сосѣди. Одинъ прокуроръ губернскій позволяетъ себѣ улыбаться, когда при немъ упоминаютъ объ отличныхъ и солидныхъ качествахъ генерала Хвалынскаго, — да чего не дѣлаетъ зависть!..

А впрочемъ, перейдемъ теперь къ другому помѣщику.

Мардарій Аполлонычъ Стегуновъ ни въ чемъ не походилъ на Хвалынскаго; онъ едва ли гдѣ-нибудь служилъ и никогда красавцемъ не почитался. Мардарій Аполлонычъ старичокъ низенькій, нухленькій, лысый, съ двойнымъ подбородкомъ, мягкими ручками и порядочнымъ брюшкомъ. Онъ большой хлѣбосолъ и балагуръ; живетъ,

какъ говорится, въ свое удовольствіе; зиму и лѣто ходитъ въ полосатомъ шлафрокѣ на ватѣ. Въ одномъ онъ только сошелся съ генераломъ Хвалынскимъ: онъ тоже холостякъ. У него пятьсотъ душъ. Мардарій Аполлонычъ занимается своимъ имѣньемъ довольно поверхностно; купилъ, чтобы не отстать отъ вѣка, лѣтъ десять тому назадъ, у Бутенопа въ Москвѣ молотильную машину, заперъ ее въ сарай, да и успокоился. Развѣ въ хорошій лѣтній день велитъ заложить бѣговыя дрожки и съѣздить въ поле на хлѣба посмотрѣть, да васильковъ нарвать. Живетъ Мардарій Аполлонычъ совершенно на старый ладъ. И домъ у него старинной постройки: въ передней, какъ слѣдуетъ, пахнетъ квасомъ, сальными свѣчами и кожей; тутъ же, направо, буфетъ съ трубками и утиральниками; въ столовой фамильные портреты, мухи, большой горшокъ герани и кислыя фортепіаны; въ гостиной три дивана, три стола, два зеркала и стильные часы, съ почернѣвшей эмалью и бронзовыми, рѣзными стрѣлками; въ кабинетѣ столъ съ бумагами, ширмы синеватаго цвѣта съ наклеенными картинками, вырѣзанными изъ разныхъ сочиненій прошедшаго столѣтія, шкапы съ вопючими книгами, пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно, да наглухо заколоченная дверь въ садъ... Словомъ, всё, какъ водится. Людей у Мардарія Аполлоныча множество, и всѣ одѣты по-старинному: въ длинные синіе кафтаны съ высокими воротниками, панталоны мутнаго колорита и коротенькіе, желтоватые жилетцы. Гостямъ они говорятъ: „батюшка“. Хозяйствомъ у него завѣдываетъ бурмистръ изъ мужиковъ, съ бородой во весь тулупъ; домомъ—старуха, повязанная коричневымъ платкомъ, сморщенная и скупая. На конюшнѣ у Мардарія Аполлоныча стоитъ тридцать разнокалиберныхъ лошадей; выѣзжаетъ онъ въ домадѣланной коляскѣ въ полтораста пудъ. Гостей принимаетъ очень радушно и угощаетъ на славу, то-есть: благодаря одуряющимъ свойствамъ русской кухни, лишаетъ ихъ, вплоть до самаго вечера, всякой возможности заняться чѣмъ-нибудь, кромѣ преферанса. Самъ же никогда ничѣмъ не занимается, и даже „Сон-

никъ“ пересталъ читать. Но такихъ помѣщиковъ у насъ на Руси еще довольно много; спрашивается: съ какой стати я заговорилъ о немъ и зачѣмъ?.. А вотъ, позвольте, вмѣсто отвѣта, разсказать вамъ одно изъ моихъ посѣщеній у Мардарія Аполлоныча.

Пріѣхалъ я къ нему лѣтомъ, часовъ въ семь вечера. У него только что отошла всенощная, и священникъ, молодой человѣкъ, повидимому, весьма робкій и недавно вышедшій изъ семинаріи, сидѣлъ въ гостиной, возлѣ двери, на самомъ краюшкѣ стула. Мардарій Аполлонычъ, по обыкновенію, чрезвычайно ласково меня принялъ: онъ непритворно радовался каждому гостю, да и человѣкъ онъ былъ вообще предобрый. Священникъ всталъ и взялся за шляпу.

— Погоди, погоди, батюшка, — заговорилъ Мардарій Аполлонычъ, не выпуская моей руки: — не уходи... Я велѣлъ тебѣ водки принести.

— Я не пью-съ, — съ замѣшательствомъ пробормоталъ священникъ и покраснѣлъ до ушей.

— Что за пустяки!—отвѣчалъ Мардарій Аполлонычъ.— Мишка! Юшка! водки батюшкѣ!

Юшка, высокій и худощавый старикъ лѣтъ восьмидесяти, вошелъ съ рюмкой водки на темномъ крашеномъ подносѣ, испещренномъ пятнами тѣлеснаго цвѣта.

Священникъ началъ отказываться.

— Пей, батюшка, не ломайся, не хорошо, — замѣтилъ помѣщикъ съ укоризной.

Бѣдный молодой человѣкъ повиновался.

— Ну, теперь, батюшка, можешь идти.

Священникъ началъ кланяться.

— Ну, хорошо, хорошо, ступай... Прекрасный человѣкъ, — продолжалъ Мардарій Аполлонычъ, глядя ему вслѣдъ: — очень я имъ доволенъ, одно—молодъ еще. Но вы-то какъ, мой батюшка?.. Что вы, какъ вы? Пойдемте-ка на балконъ—вишь, вечеръ какой славный.

Мы вышли на балконъ, сѣли и начали разговаривать. Мардарій Аполлонычъ взглянулъ внизъ и вдругъ пришелъ въ ужасное волненье.

— Чьи это куры? чьи это куры? — закричалъ онъ: — чьи это куры по саду ходятъ?.. Юшка! Юшка! поди, узнай сейчасъ, чьи это куры по саду ходятъ?.. Чьи это куры? Сколько разъ я запрещалъ, сколько разъ говорилъ!

Юшка побѣжалъ.

— Что за безпорядки!— твердилъ Мардарій Аполлонычъ:—это ужасъ!

Несчастныя куры, какъ теперь помню, двѣ крапчатыя и одна бѣлая съ хохломъ, преспокойно продолжали ходить подъ яблонями, изрѣдка выражая свои чувства продолжительнымъ крехтаньемъ, какъ вдругъ Юшка, безъ шапки, съ палкой въ рукѣ, и трое другихъ совершеннолѣтнихъ дворовыхъ, всѣ вмѣстѣ дружно ринулись на нихъ. Пошла потѣха. Курицы кричали, хлопали крыльями, прыгали, оглушительно кудахтали; дворовые люди бѣгали, спотыкались, падали; баринъ съ балкона кричалъ, какъ изступленный: „лови, лови! лови, лови! лови, лови, лови!.. Чьи это куры, чьи это куры?“—Наконецъ, одному дворовому человѣку удалось поймать хохлатую курицу, придавивъ ее грудью къ землѣ, и въ то же самое время черезъ плетень сада, съ улицы, перескочила дѣвочка лѣтъ одиннадцати, вся растрепанная и съ хворостиной въ рукѣ.

— А, вотъ, чьи куры! — съ торжествомъ воскликнулъ помѣщикъ:—Ермила кучера куры! вонъ, онъ свою Наталку загнать ихъ выслалъ... Небось, Параши не выслалъ, — присовокупилъ помѣщикъ вполголоса, и значительно ухмыльнулся.—Эй, Юшка! брось курицъ-то: поймай-ка мнѣ Наталку.

Но прежде чѣмъ запыхавшійся Юшка успѣлъ добѣжать до перепуганной дѣвчонки, — откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку и нѣсколько разъ шлепнула ее по спинѣ...

— Вотъ тэкъ, э вотъ тэкъ,—подхватилъ помѣщикъ:— те, те, те! те, те, те!.. А куръ-то отбери, Авдотья,—прибавилъ онъ громкимъ голосомъ, и съ свѣтлымъ лицомъ обратился ко мнѣ:—какова, батюшка, травля была, ась?— Вспотѣлъ даже, посмотрите.

И Мардарій Аполлонычъ расхохотался.

Мы остались на балконѣ. Вечеръ былъ, дѣйствительно, необыкновенно хорошъ.

Намъ подали чай.

— Скажите-ка, — началъ я: — Мардарій Аполлонычъ: ваши это дворы выселены, вонъ тамъ, на дорогѣ, за оврагомъ?

— Мои... а что?

— Какъ же это вы, Мардарій Аполлонычъ? Вѣдь это грѣшно. Избёнки отведены мужикамъ скверныя, тѣсныя, деревца кругомъ не увидишь; сажелки даже нѣту; колодецъ одинъ, да и тотъ никуда не годится. Неужели вы другого мѣста найти не могли?.. И, говорятъ, вы у нихъ даже старые конопляники отняли?

— А что будешь дѣлать съ размежеваньемъ? — отвѣчалъ мнѣ Мардарій Аполлонычъ. — У меня это размежеваніе вотъ гдѣ сидитъ. (Онъ указалъ на свой затылокъ.) И никакой пользы я отъ этого размежеванія не предвижу. А что я конопляники у нихъ отнялъ и сажелки, что ли, тамъ у нихъ не выкопалъ, — ужъ про это, батюшка, я самъ знаю. Я человѣкъ простой, — по старому поступаю. По-моему: коли баринъ—такъ баринъ, а коли мужикъ—такъ мужикъ... Вотъ что.

На такой ясный и убѣдительный доводъ отвѣчать, разумѣется, было нечего.

— Да притомъ,— продолжалъ онъ: — и мужики-то плохіе, опальные. Особенно тамъ двѣ семьи; еще батюшка покойный, дай Богъ ему царство небесное, ихъ не жаловалъ, больно не жаловалъ. А у меня, скажу вамъ, такая примѣта: коли отецъ воръ, то и сынъ воръ; ужъ тамъ какъ хотите... О, кровь, кровь—великое дѣло!

Между тѣмъ воздухъ затихъ совершенно. Лишь изрѣдка вѣтеръ набѣгалъ струями и, въ послѣдній разъ замирая около дома, донесъ до нашего слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни. Мардарій Аполлонычъ только-что донесъ къ губамъ налитое блюдечко и уже расширилъ-было ноздри, безъ чего, какъ извѣстно, ни одинъ коренной русакъ не втя-

гиваетъ въ себя чая, — но остановился, прислушался, кивнулъ головой, хлебнулъ и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и какъ бы невольно вторя ударамъ: „Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!“

— Это что̀ такое?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— А тамъ, по моему приказу, шалунишку наказываютъ... Васю буфетчика изволите знать?

— Какого Васю?

— Да вотъ, что̀ намедни за обѣдомъ намъ служилъ. Еще съ такими большими бакенбардами ходитъ.

Самое лютое негодованіе не устояло бы противъ яснаго и кроткаго взора Мардарія Аполлоныча.

— Что̀ вы, молодой человѣкъ, что̀ вы?—заговорилъ онъ, качая головой.—Что̀ я, злодѣй, что̀ ли, что вы на меня такъ уставились? Любяй да наказуетъ: сами вы знаете.

Черезъ четверть часа я простился съ Мардаріемъ Аполлонычемъ. Проѣзжая черезъ деревню, увидѣлъ я буфетчика Васю. Онъ шелъ по улицѣ и грызъ орѣхи. Я велѣлъ кучеру остановить лошадей и подозвалъ его.

— Что̀, братъ, тебя сегодня наказали?—спросилъ я его.

— А вы почемъ знаете?—отвѣчалъ Вася.

— Мнѣ твой баринъ сказывалъ.

— Самъ баринъ?

— За что̀ жъ онъ тебя велѣлъ наказать?

— А по дѣломъ, батюшка, по дѣломъ. У насъ по пустякамъ не наказываютъ; такого заведенья у насъ нѣту—ни, ни. У насъ баринъ не такой; у насъ баринъ... такого барина въ цѣлой губерніи не сыщешь.

— Пошелъ!—сказалъ я кучеру.—„Вотъ она, старая-то Русь!“ думалъ я на возвратномъ пути.

XIV.

ЛЕБЕДЯНЬ.

Одна изъ главныхъ выгодъ охоты, любезные мои читатели, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ васъ безпрестанно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, что для человѣка незанятаго весьма пріятно. Правда, иногда (особенно въ дождливое время) не слишкомъ весело скитаться по проселочнымъ дорогамъ, брать „цѣликомъ“, останавливать всякаго встрѣчнаго мужика вопросомъ: „эй, любезный! какъ бы намъ проѣхать въ Мордовку?“ а въ Мордовкѣ выпытывать у тупоумной бабы (работники-то всѣ въ полѣ): далеко ли до постоялыхъ дворниковъ на большой дорогѣ, и какъ до нихъ добраться, — и, проѣхавъ верстъ десять, вмѣсто постоялыхъ дворниковъ, очутиться въ помѣщичьемъ, сильно разоренномъ сельцѣ Худобубновѣ, къ крайнему изумленію цѣлаго стада свиней, погруженныхъ по уши въ темнобурую грязь на самой серединѣ улицы и нисколько не ожидавшихъ, что ихъ обезпокоятъ. Не весело также переправляться черезъ животрепещущіе мостики, спускаться въ овраги, перебираться въ бродъ черезъ болотистые ручьи; не весело ѣхать, цѣлыя сутки ѣхать по зеленоватому морю большихъ дорогъ, или, чего Боже сохрани,

загрязнуть на нѣсколько часовъ передъ пестрымъ верстовымъ столбомъ съ цифрами: 22 на одной сторонѣ, и 23 на другой; не весело по недѣлямъ питаться яйцами, молокомъ и хваленымъ ржанымъ хлѣбомъ... Но всѣ эти неудобства и неудачи выкупаются другого рода выгодами и удовольствіями. Впрочемъ, приступимъ къ самому разсказу.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, мнѣ не для чего толковать читателю, какимъ образомъ, лѣтъ пять тому назадъ, я попалъ въ Лебедянь, въ самый развалъ ярмарки. Нашъ братъ охотникъ можетъ въ одно прекрасное утро выѣхать изъ своего болѣе или менѣе родового помѣстья съ намѣреніемъ вернуться на другой же день вечеромъ, и понемногу, понемногу, не переставая стрѣлять по бекасамъ, достигнуть, наконецъ, благословенныхъ береговъ Печоры; притомъ, всякій охотникъ до ружья и до собаки— страстный почитатель благороднѣйшаго животнаго въ мірѣ: лошади. Итакъ, я прибылъ въ Лебедянь, остановился въ гостиницѣ, переодѣлся и отправился на ярмарку. (Половой, длинный и сухопарый малый лѣтъ двадцати, со сладкимъ носовымъ теноромъ, уже успѣлъ мнѣ сообщить, что ихъ сіятельство, князь Н., ремонтеръ ***го полка, остановился у нихъ въ трактирѣ, что много другихъ господъ наѣхало, что по вечерамъ цыгане поютъ и пана Твардовскаго даютъ на театрѣ, что кони, дескать, въ цѣнѣ,— впрочемъ, хорошіе приведены кони.)

На ярмарочной площади безконечными рядами тянулись телѣги, а за телѣгами лошади всѣхъ возможныхъ родовъ: рысистыя, заводскія, битюки, возовыя, ямскія и простыя крестьянскія. Иныя, сытыя и гладкія, подобранныя по мастямъ, покрытыя разноцвѣтными попонами, коротко привязанныя къ высокимъ кряквамъ, боязливо косились назадъ на слишкомъ знакомые имъ кнуты своихъ владѣльцевъ-барышниковъ; помѣщичьи кони, высланные степными дворянами за сто, за двѣсти верстъ, подъ надзоромъ какого-нибудь дряхлаго кучера и двухъ или трехъ крѣпкоголовыхъ конюховъ, махали своими длинными шеями, топали ногами, грызли со скуки надолбы; саврасыя вятки плотно прижимались другъ къ дружкѣ; въ величавой не-

подвижности, словно львы, стояли широкозадые рысаки съ волнистыми хвостами и лохматыми лапами, сѣрые въ яблокахъ, вороные, гнѣдые. Знатоки почтительно останавливались передъ ними. Въ улицахъ, образованныхъ телѣгами, толпились люди всякаго званія, возраста и вида: барышники, въ синихъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ, лукаво высматривали и выжидали покупщиковъ; лупоглазые, кудрявые цыгане метались взадъ и впередъ, какъ угорѣлые, глядѣли лошадямъ въ зубы, поднимали имъ ноги и хвосты, кричали, бранились, служили посредниками, метали жребій или увивались около какого-нибудь ремонтера въ фуражкѣ и военной шинели съ бобромъ. Дюжій казакъ торчалъ верхомъ на тощемъ меринѣ съ олепьей шеей и продавалъ его „совсимъ“, т.-е. съ сѣдломъ и уздечкой. Мужики, въ изорванныхъ подъ мышками тулупахъ, отчаянно продирались сквозь толпу, наваливались десятками на телѣгу, запряженную лошадью, которую слѣдовало „спробовать“, или, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, при помощи увертливаго цыгана, торговались до изнеможенія, сто разъ сряду хлопали другъ друга по рукамъ, настаивая каждый на своей цѣнѣ, между тѣмъ какъ предметъ ихъ спора, дряпная лошаденка, покрытая покоробленной рогожей, только что глазами помаргивала, какъ будто дѣло шло не о ней... И въ самомъ дѣлѣ, не все ли ей равно, кто ее бить будетъ! Широколобые помѣщики съ крашенными усами и выраженіемъ достоинства на лицѣ, въ конфедераткахъ и камлотовыхъ чуйкахъ, надѣтыхъ на одинъ рукавъ, снисходительно заговаривали съ пузатыми купцами въ пуховыхъ шляпахъ и зеленыхъ перчаткахъ. Офицеры различныхъ полковъ толкались тутъ же; необыкновенно длинный кирасиръ, нѣмецкаго происхожденія, хладнокровно спрашивалъ у хромого барышника: „сколько онъ желаетъ получить за сію рыжую лошадь?“ Бѣлокурый гусарчикъ, лѣтъ девятнадцати, подбиралъ пристяжную къ поджарому иноходцу; ямщикъ, въ низкой шляпѣ, обвитой павлиньимъ перомъ, въ буромъ армякѣ и съ кожаными рукавицами, засунутыми за узкій зеленый кушакъ, искалъ коренника. Кучера заплетали лошадямъ своимъ хвосты,

мочили гривы и давали почтительные совѣты господамъ. Окончившіе сдѣлку спѣшили въ трактиръ или въ кабакъ, смотря по состоянію... И все это возилось, кричало, коношилось, ссорилось и мирилось, бранилось и смѣялось въ грязи по колѣни. Мнѣ хотѣлось купить тройку сносныхъ лошадей для своей брички: мои начинали отказываться. Я нашелъ двухъ, а третью не успѣлъ подобрать. Послѣ обѣда, котораго описывать я не берусь (уже Эней зналъ, какъ непріятно припоминать минувшее горе), отправился я въ такъ-называемую кофейную, куда каждый вечеръ собирались ремонтеры, заводчики и другіе пріѣзжіе. Въ бильярдной комнатѣ, затоплепной свинцовыми волнами табачнаго дыма, находилось человѣкъ двадцать. Тутъ были развязные молодые помѣщики въ венгеркахъ и сѣрыхъ панталонахъ, съ длинными висками и намасленными усиками, благородно и смѣло взиравшіе кругомъ; другіе дворяне въ казакинахъ, съ необыкновенно короткими шеями и заплывшими глазками, тутъ же мучительно сопѣли; купчики сидѣли въ сторонѣ, какъ говорится, „на чуку“; офицеры свободно разговаривали другъ съ другомъ. На бильярдѣ игралъ князь Н., молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ веселымъ и нѣсколько презрительнымъ лицомъ, въ сюртукѣ нараспашку, красной шелковой рубахѣ и широкихъ бархатныхъ шароварахъ; игралъ онъ съ отставнымъ поручикомъ Викторомъ Хлопаковымъ.

Отставной поручикъ Викторъ Хлопаковъ, маленькій, смугленькій и худенькій человѣкъ лѣтъ тридцати, съ черными волосиками, карими глазами и тупымъ, вздернутымъ носомъ, прилежно посѣщаетъ выборы и ярмарки. Онъ подпрыгиваетъ на ходу, ухарски разводитъ округленными руками, шапку носитъ набекрень и заворачиваетъ рукава своего военнаго сюртука, подбитаго сизымъ коленкоромъ. Господинъ Хлопаковъ обладаетъ умѣньемъ поддѣлываться къ богатымъ петербургскимъ шалунамъ, куритъ, пьетъ и въ карты играетъ съ ними, говоритъ имъ „ты“. За что они его жалуютъ — понять довольно мудрено. Онъ не уменъ, онъ даже не смѣшонъ: въ шуты онъ тоже не годится.

Правда, съ нимъ обращаются дружески-небрежно, какъ съ добрымъ, но пустымъ малымъ; якшаются съ нимъ въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, а потомъ вдругъ и не кланяются съ нимъ, и онъ самъ уже не клапяется. Особенность поручика Хлопакова состоитъ въ томъ, что онъ въ продолженіе года, иногда двухъ, употребляетъ постоянно одно и то же выраженіе, кстати и некстати, выраженіе, нисколько не забавное, но которое, Богъ знаетъ почему, всѣхъ смѣшитъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, онъ на каждомъ шагу говорилъ: „мое вамъ почитаніе, покорнѣйше благодарствую“, и тогдашніе его покровители всякій разъ помирали со смѣху и заставляли его повторять „мое почитаніе“; потомъ онъ сталъ употреблять довольно сложное выраженіе: „нѣтъ, ужъ это вы того, кескесэ,—это вышло выходитъ“, и съ тѣмъ же блистательнымъ успѣхомъ; года два спустя придумалъ новую прибаутку: „не ву горяче па, человѣкъ Божій, обшитъ бараньей кожей“ и т. д. И что же! эти, какъ видите, вовсе не затѣйливыя словечки его кормятъ, поятъ и одѣваютъ. (Имѣнье онъ свое давнымъ-давно промоталъ, и живетъ единственно на счетъ пріятелей.) Замѣтьте, что рѣшительно никакихъ другихъ любезностей за нимъ не водится; правда, онъ выкуриваетъ сто трубокъ Жукова въ день, а, играя на бильярдѣ, поднимаетъ правую ногу выше головы и, прицѣливаясь, неистово ёрзаетъ кіемъ по рукѣ, — ну, да вѣдь до такихъ достоинствъ не всякій охотникъ. Пьетъ онъ тоже хорошо... да на Руси этимъ отличиться мудрено... Словомъ, успѣхъ его—совершенная для меня загадка... Одно развѣ: остороженъ онъ, сору изъ избы не выноситъ, ни о комъ дурного словечка не скажетъ.

„Ну,—подумалъ я, при видѣ Хлопакова:—какая-то его нынѣшняя поговорка?“

Князь сдѣлалъ бѣлаго.

— Тридцать и никого,—возопилъ чахоточный маркеръ съ темнымъ лицомъ и свинцомъ подъ глазами.

Князь съ трескомъ положилъ желтаго въ крайнюю лузу.

— Экъ!—одобрительно крякнулъ всѣмъ животомъ толстенькій купецъ, сидѣвшій въ уголку за шаткимъ столи-

комъ на одной ножкѣ, крякнулъ и оробѣлъ. Но, къ счастью, никто его не замѣтилъ. Онъ отдохнулъ и погладилъ бородку.

— Тридцать шесть и очень мало!—закричалъ маркеръ въ носъ.

— Что, каково, братъ?—спросилъ князь Хлопакова.

— Что жъ, извѣстно, рррракаліооонъ, какъ есть рррракаліооонъ!

Князь прыснулъ со смѣху.

— Какъ, какъ? Повтори!

— Рррракаліооонъ!—самодовольно повторилъ отставной поручикъ.

„Вотъ оно, слово-то!“—подумалъ я.

Князь положилъ краснаго въ лузу.

— Эхъ! не такъ, князь, не такъ, — залепеталъ вдругъ бѣлокурый офицерикъ съ покраснѣвшими глазами, крошечнымъ носикомъ и младенчески заспаннымъ лицомъ:— не такъ играете... надо было... не такъ!

— Какъ же?—спросилъ его князь черезъ плечо.

— Надо было... того... триплетомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—пробормоталъ князь сквозь зубы.

— А что, князь, сегодня вечеромъ къ цыганамъ?—поспѣшно подхватилъ сконфуженный молодой человѣкъ.— Стешка пѣть будетъ... Ильюшка...

Князь не отвѣчалъ ему.

— Рррракаліооонъ, братецъ,—проговорилъ Хлопаковъ, лукаво прищуривъ лѣвый глазъ.

И князь расхохотался.

— Тридцать девять и никого,—провозгласилъ маркеръ.

— Никого... посмотри-ка, какъ я вотъ этого желтаго...

Хлопаковъ заёрзалъ кіемъ по рукѣ, прицѣлился и скикосовалъ.

— Э, ррракаліоонъ!—закричалъ онъ съ досадой.

Князь опять разсмѣялся.

— Какъ, какъ, какъ?

Но Хлопаковъ своего слова повторить не захотѣлъ: надо же пококетничать.

— Стиксъ изволили дать,—замѣтилъ маркеръ. — Позвольте помѣлить... Сорокъ и очень мало!

— Да, господа,—заговорилъ князь, обращаясь ко всему собранію и не глядя, впрочемъ, ни на кого въ особенности:—вы знаете, сегодня въ театрѣ Вержембицкую вызывать.

— Какъ же, какъ же, непремѣнно,—воскликнуло наперерывъ нѣсколько господъ, удивительно польщенныхъ возможностью отвѣчать на княжескую рѣчь: — Вержембицкую...

— Вержембицкая отличная актриса, гораздо лучше Сопняковой,—пропищалъ изъ угла плюгавенькій человѣкъ съ усиками и въ очкахъ. Несчастный! онъ втайнѣ сильно вздыхалъ по Сопняковой, а князь не удостоилъ его даже взглядомъ.

— Че-о-экъ, э, трубку!—произнесъ въ галстукъ какой-то господинъ высокаго роста, съ правильнымъ лицомъ и благороднѣйшей осанкой,—по всѣмъ признакамъ шулеръ.

Человѣкъ побѣжалъ за трубкой и, вернувшись, доложилъ его сіятельству, что, дескать, ямщикъ Баклага ихъ спрашиваютъ-съ.

— А! ну, вели ему подождать, да водки ему поднеси.

— Слушаю-съ.

Баклагой, какъ мнѣ потомъ сказали, прозывался молодой, красивый и чрезвычайно избалованный ямщикъ; князь его любилъ, дарилъ ему лошадей, гонялся съ нимъ, проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи... Этого самаго князя, бывшаго шалуна и мота, вы бы теперь не узнали... Какъ онъ раздушонъ, затянутъ, гордъ! Какъ занятъ службой,—а, главное, какъ разсудителенъ!

Однако, табачный дымъ начиналъ выѣдать мнѣ глаза. Въ послѣдній разъ выслушавъ восклицаніе Хлопакова и хохотъ князя, я отправился въ свой номеръ, гдѣ на волосяномъ, узкомъ и продавленномъ диванѣ, съ высокой, выгнутой спинкой, мой человѣкъ уже постлалъ мнѣ постель.

На другой день пошелъ я смотрѣть лошадей по дворамъ и началъ съ извѣстнаго барышника Ситникова. Черезъ калитку вошелъ я на дворъ, посыпанной песочкомъ. Передъ настежь раскрытою дверью конюшни стоялъ самъ

хозяинъ, человѣкъ уже не молодой, высокій и толстый, въ заячьемъ тулупчикѣ, съ поднятымъ и подвернутымъ воротникомъ. Увидавъ меня, онъ медленно двинулся ко мнѣ навстрѣчу, подержалъ обѣими руками шапку надъ головой и нараспѣвъ произнесъ:

— А, наше вамъ почтеніе. Чай, лошадокъ угодно посмотрѣть?

— Да, пришелъ лошадокъ посмотрѣть.

— А какихъ именно, смѣю спросить?

— Покажите, что у васъ есть.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

Мы вошли въ конюшню. Нѣсколько бѣлыхъ шавокъ поднялось съ сѣна и подбѣжало къ намъ, виляя хвостами; длиннобородый старый козелъ съ неудовольствіемъ отошелъ въ сторону; три конюха, въ крѣпкихъ, но засаленныхъ тулупахъ, молча намъ поклонились. Направо и налѣво, въ искусственно возвышенныхъ стойлахъ, стояло около тридцати лошадей, выхоленныхъ и вычищенныхъ на славу. По перекладинамъ перелетывали и ворковали голуби.

— Вамъ, то-есть, для чего требуется лошадка: для ѣзды или для завода?—спросилъ меня Ситниковъ.

— И для ѣзды, и для завода.

— Понимаемъ-съ, понимаемъ-съ, понимаемъ-съ, — съ разстановкою произнесъ барышникъ. — Петя, покажи господину Горностая.

Мы вышли на дворъ.

— Да не прикажете ли лавочку изъ избы вынести?.. Не требуется?.. Какъ угодно.

Копыта загремѣли по доскамъ, щелкнулъ кнутъ, и Петя, малый лѣтъ сорока, рябой и смуглый, выскочилъ изъ конюшни вмѣстѣ съ сѣрымъ, довольно статнымъ жеребцомъ, далъ ему подняться на дыбы, пробѣжалъ съ нимъ раза два кругомъ двора и ловко осадилъ его на показномъ мѣстѣ. Горностай вытянулся, со свистомъ фыркнулъ, закинулъ хвость, повелъ мордой и покосился на насъ.

„Ученая птица!“ подумалъ я.

— Дай волю, дай волю, — проговорилъ Ситниковъ и уставился на меня.

— Какъ по-вашему будетъ-съ? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Лошадь не дурна, — передніе ноги не совсѣмъ надежны.

— Ноги отличныя!—съ убѣжденіемъ возразилъ Ситниковъ:—а задъ-то... извольте посмотрѣть... печь печью, хоть выспись.

— Бабки длинны.

— Что за длинны—помилосердуйте! Пробѣги-ка, Петя, пробѣги, да рысью, рысью, рысью... не давай скакать.

Петя опять пробѣжалъ по двору съ Горностаемъ. Мы всѣ помолчали.

— Ну, поставь его на мѣсто, — проговорилъ Ситниковъ:—да Сокола намъ подай.

Соколъ, вороной, какъ жукъ, жеребецъ голландской породы со свислымъ задомъ и поджарый, оказался немного получше Горностая. Онъ принадлежалъ къ числу лошадей, о которыхъ говорятъ охотники, что „онѣ сѣкутъ и рубятъ и въ полонъ берутъ“, т.-е. на ходу вывертываютъ и выкидываютъ передними ногами направо и налѣво, а впередъ мало подвигаются. Купцы среднихъ лѣтъ подлюбливаютъ такихъ лошадей: побѣжка ихъ напоминаетъ ухарскую походку бойкаго полового; онѣ хороши въ одиночку, для гулянья послѣ обѣда: выступая фертомъ и скрутивъ шею, усердно везутъ онѣ аляповатыя дрожки, нагруженныя наѣвшимся до онѣмѣнья кучеромъ, придавленнымъ купцомъ, страдающимъ изжогой, и рыхлой купчихой въ голубомъ шелковомъ салопѣ и лиловомъ платочкѣ на головѣ. Я отказался и отъ Сокола. Ситниковъ показалъ мнѣ еще нѣсколько лошадей... Одна, наконецъ, сѣрый въ яблокахъ жеребецъ воейковской породы, мнѣ понравилась. Я не могъ удержаться и съ удовольствіемъ потрепалъ ее по холкѣ. Ситниковъ тотчасъ прикинулся равнодушнымъ.

— А что, онъ ѣдетъ хорошо?—спросилъ я. (О рысакѣ не говорятъ: бѣжитъ.)

— Ѣдетъ,—спокойно отвѣтилъ барышникъ.

— Нельзя ли посмотрѣть?..

— Отчего же, можно-съ. Эй, Кузя, Догоняя въ дрожки заложить.

Кузя, наѣздникъ, мастеръ своего дѣла, проѣхалъ раза три мимо насъ по улицѣ. Хорошо бѣжитъ лошадь, не сбивается, задомъ не подбрасываетъ, ногу выноситъ свободно, хвостъ отдѣляетъ и „держитъ“, рѣдкомахъ.

— А что вы за него просите?

Ситниковъ заломилъ цѣну небывалую. Мы начали торговаться тутъ же, на улицѣ, какъ вдругъ изъ-за угла съ громомъ вылетѣла мастерски-подобранная ямская тройка и лихо остановилась передъ воротами Ситникова дома. На охотницкой, щегольской телѣжкѣ сидѣлъ князь Н.; возлѣ него торчалъ Хлопаковъ. Баклага правилъ лошадьми... и какъ правилъ! сквозь сережку бы проѣхалъ, разбойникъ! Гнѣдыя пристяжныя, маленькія, живыя, черноглазыя, черноногія, такъ и горятъ, такъ и поджимаются; свистни только—пропали! Караковая коренная стоитъ себѣ, закинувъ шею, словно лебедь, грудь впередъ, ноги какъ стрѣлы, знай, головой помахиваетъ, да гордо щурится... Хорошо! Хоть бы кому въ свѣтлый праздникъ прокатиться!

— Ваше сіятельство! милости просимъ!—закричалъ Ситниковъ.

Князь соскочилъ съ телѣги. Хлопаковъ медленно слѣзъ съ другой стороны.

— Здравствуй, братъ... Есть лошади?

— Какъ не быть для вашего сіятельства! Пожалуйте, войдите... Петя, Павлина подай! да Похвальнаго чтобъ готовили. А съ вами, батюшка, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—мы въ другое время покончимъ... Ѳомка, лавку его сіятельству.

Изъ особенной, мною сперва не замѣченной, конюшни вывели Павлина. Могучій, темно-гнѣдой конь такъ и взвился всѣми ногами на воздухъ. Ситниковъ даже голову отвернулъ и зажмурился.

— У, ррракаліонъ!—провозгласилъ Хлопаковъ.—Жжжса.

Князь засмѣялся.

Павлина остановили не безъ труда: онъ-таки повозилъ конюха по двору; наконецъ, его прижали къ стѣнѣ. Онъ храпѣлъ, вздрагивалъ и поджимался, а Ситниковъ еще дразнилъ его, замахиваясь на него кнутомъ.

— Куда глядишь? вотъ я-те! у!—говорилъ барышникъ съ ласковой угрозой, самъ невольно любуясь своимъ конемъ.

— Сколько?—спросилъ князь.

— Для вашего сіятельства пять тысячъ.

— Три.

— Нельзя-съ, ваше сіятельство, помилуйте...

— Говорятъ, три, рракаліонъ,—подхватилъ Хлопаковъ.

Я не дождался конца сдѣлки и ушелъ. У крайняго угла улицы замѣтилъ я на воротахъ сѣроватаго домика приклеенный большой листъ бумаги. Наверху былъ нарисованъ перомъ конь съ хвостомъ въ видѣ трубы и нескончаемой шеей, а подъ копытами коня стояли слѣдующія слова, написанныя старинным почеркомъ.

„Здѣсь продаются разныхъ мастей лошади, приведенныя на Лебедянскую ярмарку съ извѣстнаго степного завода Анастасея Иваныча Чернобая, тамбовскаго помѣщика. Лошади сіи отличныхъ статей; выѣзжены въ совершенствѣ и кроткаго права. Господа покупатели благоволятъ спросить самого Анастасея Иваныча: буде же Анастасей Иванычъ въ отсутствіи, то спросить кучера Назара Кубышкина. Господа покупатели, милости просимъ почтить старичка!“

Я остановился. Дай, подумаю, посмотрю лошадей извѣстнаго степного заводчика г-на Чернобая.

Я хотѣлъ-было войти въ калитку, но, противъ обыкновенія, нашелъ ее запертой. Я постучался.

— Кто тамъ?.. Покупатель? — пропищалъ женскій голосъ.

— Покупатель.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ.

Калитка растворилась. Я увидалъ бабу лѣтъ пятидесяти, простоволосую, въ сапогахъ и въ тулупѣ нараспашку.

— Извольте, кормиелцъ, войти, а я сейчасъ пойду Анастасею Иванычу доложу... Назаръ, а Назаръ!

— Чего?—прошамшилъ изъ конюшни голосъ семидесятилѣтняго старца.

— Лошадокъ приготовь; покупатель пришелъ.

Старуха побѣжала въ домъ.

— Покупатель, покупатель,—проворчалъ ей въ отвѣтъ Назаръ.—Я имъ еще не всѣмъ хвосты подмылъ.

„О, Аркадія!“—подумалъ я.

— Здравствуй, батюшка, милости просимъ, — медленно раздался за моей спиной сочный и пріятный голосъ. Я оглянулся: передо мною, въ синей долгополой шинели, стоялъ старикъ средняго роста, съ бѣлыми волосами, любезной улыбкой и съ прекрасными голубыми глазами.

— Лошадокъ тебѣ? Изволь, батюшка, изволь... Да не хочешь ли ко мнѣ сперва чайку зайти напиться?

Я отказался и поблагодарилъ.

— Ну, какъ тебѣ угодно. Ты меня, батюшка, извини: вѣдь я по старинѣ. (Г-нъ Чернобай говорилъ, не спѣша, и на о.) — У меня все по простотѣ, знаешь... Назаръ, а Назаръ,—прибавилъ онъ протяжно и не возвышая голоса.

Назаръ, сморщенный старичишка, съ ястребинымъ носикомъ и клиновидной бородкой, показался на порогѣ конюшни.

— Какихъ тебѣ, батюшка, лошадей требуется? — продолжалъ г-нъ Чернобай.

— Не слишкомъ дорогихъ, ѣзжалыхъ, въ кибитку.

— Изволь... и такія есть, изволь... Назаръ, Назаръ, покажи барину сѣренькаго меренка, знаешь, что съ краю-то стоитъ, да гнѣдую съ лысиной, а не то—другую гнѣдую, что отъ Красотки, знаешь?

Назаръ вернулся въ конюшню.

— Да ты на недоуздкахъ такъ ихъ и выведи,—закричалъ ему вслѣдъ г-нъ Чернобай. — У меня, батюшка, — продолжалъ онъ, ясно и кротко глядя мнѣ въ лицо:—не то, что у барышниковъ,— чтобъ имъ пусто было! у нихъ тамъ имбири разные пойдутъ, соль, барда *), Богъ съ ними совсѣмъ!.. А у меня, изволишь видѣть, все на ладони, безъ хитростей.

*) Отъ барды и соли лошадь скоро тучнѣетъ.

Вывели лошадей. Не понравились онѣ мнѣ.

— Ну, поставь ихъ, съ Богомъ, на мѣсто,—проговорилъ Анастасей Иванычъ.—Другихъ намъ покажи.

Показали другихъ. Я, наконецъ, выбралъ одну, подешевле. Начали мы торговаться. Г-нъ Чернобай не горячился, говорилъ такъ разсудительно, съ такою важностью, что я не могъ не „почтить старичка“: далъ задатокъ.

— Ну, теперь, — промолвилъ Анастасей Иванычъ: — позволь мнѣ, по старому обычаю, тебѣ лошадку изъ полы въ полу передать... Будешь за нее меня благодарить... вѣдь свѣженькая! словно орѣшекъ... нетронутая... степнячо-окъ! Во всякую упряжь ходитъ.

Онъ перекрестился, положилъ полу своей шинели себѣ на руку, взялъ недоуздокъ и передалъ мнѣ лошадь.

— Владѣй, съ Богомъ, теперь... А чайку все не хочешь?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю: мнѣ домой пора.

— Какъ угодно... А мой кучерокъ теперь за тобой лошадку поведетъ?

— Да, теперь, если позволите.

— Изволь, голубчикъ, изволь... Василій, а Василій, ступай съ бариномъ; лошадку сведи и деньги получи. Ну, прощай, батюшка, съ Богомъ.

— Прощайте, Анастасей Иванычъ.

Привели мнѣ лошадь на домъ. На другой же день она оказалась запаленной и хромой. Вздумалъ я было ее заложить: пятится моя лошадь назадъ, а ударишь ее кнутомъ—заартачится, побрыкаетъ, да и ляжетъ. Я тотчасъ отправился къ г-ну Чернобаю. Спрашиваю:

— Дома?

— Дома.

— Что жъ это вы, говорю:— вѣдь вы мнѣ запаленную лошадь продали.

— Запаленную?.. Сохрани Богъ!

— Да она еще и хромая, притомъ и съ поровомъ.

— Хромая? Не знаю, видно твой кучерокъ ее какъ-нибудь попортилъ... а я, какъ передъ Богомъ...

— Вы, по-настоящему, Анастасей Иванычъ, ее назадъ взять должны.

— Нѣтъ, батюшка, не прогнѣвайся: ужъ коли со двора долой,—кончено. Прежде бы изволилъ смотрѣть.

Я понялъ, въ чемъ дѣло, покорился своей участи, разсмѣялся и ушелъ. Къ счастью, я за урокъ не слишкомъ дорого заплатилъ.

Дня черезъ два я уѣхалъ, а черезъ недѣлю опять завернулъ въ Лебедянь, на возвратномъ пути. Въ кофейной я нашелъ почти тѣ же лица и опять засталъ князя Н. за бильярдомъ. Но въ судьбѣ господина Хлопакова уже успѣла произойти обычная перемѣна. Бѣлокурый офицерикъ смѣнилъ его въ милостяхъ князя. Бѣдный отставной поручикъ попытался еще разъ при мнѣ пустить въ ходъ свое словечко,—авось, дескать, понравится попрежнему, — но князь не только не улыбнулся, даже нахмурился и пожалъ плечомъ. Господинъ Хлопаковъ потупился, съёжился, пробрался въ уголокъ и началъ втихомолку набивать себѣ трубочку...

XV.

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА
и
ЕЯ ПЛЕМЯННИКЪ.

Дайте мнѣ руку, любезный читатель, и поѣдемте вмѣстѣ со мной. Погода прекрасная; кротко синѣетъ майское небо; гладкіе молодые листья ракитъ блестятъ, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки торчатъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, глядятъ на васъ, припикаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и, подпрыгнувъ раза два, тяжко отлетаютъ въ сторону; на горѣ, за оврагомъ, мужикъ пашетъ; пѣгій жеребенокъ, съ куцымъ хвостикомъ и взъерошенной гривкой, бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью; слышится

его тонкое ржанье. Мы въѣзжаемъ въ березовую рощу; крѣпкій, свѣжій запахъ пріятно стѣсняетъ дыханіе. Вотъ околица. Кучеръ слѣзаетъ, лошади фыркаютъ, пристяжныя оглядываются, коренная помахиваетъ хвостомъ и прислоняетъ голову къ дугѣ... со скрипомъ отворяется воротище. Кучеръ садится... Трогай! передъ нами деревня. Миновавъ дворовъ пять, мы сворачиваемъ вправо, спускаемся въ лощинку, въѣзжаемъ на плотину. За небольшимъ прудомъ, изъ-за круглыхъ вершинъ яблонь и сиреней виднѣется тесовая крыша, нѣкогда красная, съ двумя трубами; кучеръ беретъ вдоль забора налѣво и, при визгливомъ и сипломъ лаѣ трехъ престарѣлыхъ шавокъ, въѣзжаетъ въ настежь раскрытыя ворота, лихо мчится кругомъ по широкому двору, мимо конюшни и сарая, молодецки кланяется старухѣ-ключницѣ, шагнувшей бокомъ черезъ высокій порогъ въ раскрытую дверь кладовой, и останавливается, наконецъ, передъ крылечкомъ темнаго домика съ свѣтлыми окнами... Мы у Татьяны Борисовны. Да вотъ и она сама отворяетъ форточку и киваетъ намъ головой... Здравствуйте, матушка!

Татьяна Борисовна — женщина лѣтъ пятидесяти, съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ, нѣсколько тупымъ носомъ, румяными щеками и двойнымъ подбородкомъ. Лицо ея дышитъ привѣтомъ и лаской. Она когда-то была замужемъ; но скоро овдовѣла. Татьяна Борисовна весьма замѣчательная женщина. Живетъ она безвыѣздно въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, съ сосѣдями мало знается, принимаетъ и любитъ однихъ молодыхъ людей. Родилась она отъ весьма бѣдныхъ помѣщиковъ и не получила никакого воспитанія, т. е. не говоритъ по-французски; въ Москвѣ даже никогда не бывала, — и, несмотря на всѣ эти недостатки, такъ просто и хорошо себя держитъ, такъ свободно чувствуетъ и мыслитъ, такъ мало заражена обыкновенными недугами мелкопомѣстной барыни, что, поистинѣ, невозможно ей не удивляться.. И въ самомъ дѣлѣ: женщина круглый годъ живетъ въ деревнѣ, въ глуши — и не сплетничаетъ, не пищитъ, не присѣдаетъ,

не волнуется, не давится, не дрожитъ отъ любопытства... чудеса! Ходитъ она, обыкновенно, въ сѣромъ тафтяномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ висячими лиловыми лентами; любитъ покушать, но безъ излишества; варенье, сушенье и соленье предоставляетъ ключницѣ. Чѣмъ же она занимается цѣлый день? спросите вы... Читаетъ? — Нѣтъ, не читаетъ; да правду сказать, книги не для нея печатаются... Если нѣтъ у ней гостя, сидитъ себѣ моя Татьяна Борисовна подъ окномъ и чулокъ вяжетъ—зимой; лѣтомъ въ садъ ходитъ, цвѣты сажаетъ и поливаетъ, съ котятами играетъ по цѣлымъ часамъ, голубей кормитъ... Хозяйствомъ она мало занимается. Но если заѣдетъ къ ней гость, молодой какой-нибудь сосѣдъ, котораго она жалуетъ, — Татьяна Борисовна вся оживится; усадитъ его, напоитъ чаемъ, слушаетъ его разсказы, смѣется, изрѣдка его по щекѣ потреплетъ, но сама говоритъ мало: въ бѣдѣ, въ горѣ утѣшитъ, добрый совѣтъ подастъ. Сколько людей повѣряли ей свои домашнія, задушевныя тайны, плакали у ней на рукахъ! Бывало, сядетъ она противъ гостя, обопрется тихонько на локоть и съ такимъ участіемъ смотритъ ему въ глаза; такъ дружелюбно улыбается, что гостю невольно въ голову придетъ мысль: „какая же ты славная женщина, Татьяна Борисовна! Дай-ка, я тебѣ разскажу, что у меня на сердцѣ“. Въ ея небольшихъ, уютныхъ комнаткахъ хорошо, тепло человѣку; у ней всегда въ домѣ прекрасная погода, если можно такъ выразиться. Удивительная женщина Татьяна Борисовна, а никто ей не удивляется: ея здравый смыслъ, твердость и свобода, горячее участіе въ чужихъ бѣдахъ и радостяхъ, словомъ, всѣ ея достоинства точно родились съ ней, никакихъ трудовъ и хлопотъ ей не стоили... Ее иначе и вообразить невозможно: стало-быть, и не за что ее благодарить. Особенно любитъ она глядѣть на игры и шалости молодежи; сложитъ руки подъ грудью, закинетъ голову, прищуритъ глаза и сидитъ, улыбаясь, да вдругъ вздохнетъ и скажетъ: „ахъ, вы, дѣтки мои, дѣтки!..“ Такъ, бывало, и хочется подойти къ ней, взять ее за руку и сказать: послушайте, Татьяна Борисовна, вы себѣ

цѣны не знаете, вѣдь вы, при всей вашей простотѣ и неучености, — необыкновенное существо! Одно имя ея звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, привѣтнымъ, охотно произносится, возбуждаетъ дружелюбную улыбку. Сколько разъ мнѣ, напримѣръ, случалось спросить у встрѣчнаго мужика: какъ, братецъ, проѣхать, положимъ, въ Грачевку? — „А вы, батюшка, ступайте сперва на Вязовое, а оттолѣ на Татьяну Борисовну, а отъ Татьяны Борисовны всякъ вамъ укажетъ". И при имени Татьяны Борисовны мужикъ какъ-то особенно головой тряхнетъ. Прислугу она держитъ небольшую, по состоянью. Домомъ, прачешной, кладовой и кухней завѣдываетъ у нея ключница Агафья, бывшая ея няня, добрѣйшее, слезливое и беззубое существо; двѣ здоровыя дѣвки, съ крѣпкими сизыми щеками, въ родѣ антоновскихъ яблокъ, состоятъ подъ ея начальствомъ. Должность камердинера, дворецкаго и буфетчика занимаетъ семидесятилѣтній слуга Поликарпъ, чудакъ необыкновенный, человѣкъ начитанный, отставной, скрипачъ и поклонникъ Віотти, личный врагъ Наполеона или, какъ онъ говоритъ, Бонапартишки, и страстный охотникъ до соловьевъ. Онъ ихъ всегда держитъ пять или шесть у себя въ комнатѣ; ранней весной по цѣлымъ днямъ сидитъ возлѣ клѣтокъ, выжидая перваго „рокотанья", и, дождавшись, закроетъ лицо руками и застонетъ: „охъ, жалко, жалко!" — и въ три ручья зарыдаетъ. Къ Поликарпу на подмогу приставленъ его же внукъ, Вася, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, кудрявый и быстроглазый; Поликарпъ любитъ его безъ памяти и зоритъ на него съ утра до вечера. Онъ же занимается и его воспитаніемъ.—„Вася, "говоритъ, „скажи: Бонапартишка *разбойникъ*". — *А что дашь, тятя?* — „Что дамъ?.. *ничего я тебѣ не дамъ... Вѣдь ты кто? Русскій ты?*" — *Я амчанинъ, тятя:* въ Амченскѣ *) родился.—„О, глупая голова! да Амченскъ-то гдѣ?" — А я почемъ знаю? — „Въ Россіи Амченскъ, глупый". — Такъ что жъ, что въ Россіи? —

*) Въ простонародьи городъ Мценскъ называется Амченскомъ, а жители амчанами. Амчане ребята бойкіе: недаромъ у насъ недругу сулятъ „амчанина на дворъ".

„Какъ, что? Бонапартишку-то его свѣтлѣйшество покойный князь Михайло Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, съ Божіею помощью, изъ россійскихъ предѣловъ выгнать изволилъ. По эвтому случаю и пѣсня сочинена: Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки... Понимаешь: отечество освободилъ твое".—А мнѣ что за дѣло? — „Ахъ, ты, глупый мальчикъ, глупый! Вѣдь, если бы свѣтлѣйшій князь Михайло Иларіоновичъ не выгналъ Бонапартишки, вѣдь, тебя бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковкѣ колотилъ. Подошелъ бы, этакъ, къ тебѣ, сказалъ бы: команъ ву позте ву?—да и стукъ, стукъ".—А я бы его въ пузо кулакомъ. — „А онъ бы тебѣ: бонжуръ, бонжуръ, вене иси,—да за хохолъ, за хохолъ". — А я бы его по ногамъ, по ногамъ, по цыбулястымъ-то.—„Оно точно, поги у нихъ цыбулястыя... Ну, а какъ онъ бы руки тебѣ сталъ вязать?" — А я бы не дался; Михея кучера на помощь бы позвалъ. — „А что, Вася, вѣдь французу съ Михеемъ не сладить?" — Гдѣ сладить! Михей-то во-какъ здоровъ! — „Ну, и что жъ бы вы его?" — Мы бы его по спинѣ, да по спинѣ. — „А онъ бы пардонъ закричалъ: пардонъ, пардонъ, севуплей!" — А мы бы ему: нѣтъ тебѣ севуплея, французъ ты этакой!.. — „Молодецъ Вася!.. Ну, такъ кричи же: разбойникъ Бонапартишка!" — А ты мнѣ сахару дай! — „Экой!"...

Съ помѣщицами Татьяна Борисовна мало водится: онѣ неохотно къ пей ѣздятъ, и она не умѣетъ ихъ занимать, засыпаетъ подъ шумокъ ихъ рѣчей, вздрагиваетъ, силится раскрыть глаза и снова засыпаетъ. Татьяна Борисовна вообще не любитъ женщинъ. У одного изъ ея пріятелей, хорошаго и смирнаго молодого человѣка, была сестра, старая дѣвица лѣтъ тридцати восьми съ половиной, существо добрѣйшее, но исковерканное, натянутое и восторженное. Братъ ей часто разсказывалъ о своей сосѣдкѣ. Въ одно прекрасное утро, моя старая дѣвица, не говоря худого слова, велѣла осѣдлать себѣ лошадь и отправилась къ Татьянѣ Борисовнѣ. Въ длинномъ своемъ платьѣ, со шляпой на головѣ, зеленымъ вуалемъ и распущенными кудрями вошла она въ переднюю и, минуя оторопѣлаго

Васю, принявшаго ее за русалку, вбѣжала въ гостиную. Татьяна Борисовна испугалась, хотѣла-было приподняться, да ноги подкосились.—„Татьяна Борисовна“, заговорила умоляющимъ голосомъ гостья: „извините мою смѣлость; я сестра вашего пріятеля, Алексѣя Николаевича К***, и столько наслышалась отъ него объ васъ, что рѣшилась познакомиться съ вами“.—„Много чести“, пробормотала изумленная хозяйка. Гостья сбросила съ себя шляпу, тряхнула кудрями, усѣлась подлѣ Татьяны Борисовны, взяла ее за руку...—„Итакъ, вотъ она“, начала она голосомъ задумчивымъ и тронутымъ: „вотъ это доброе, ясное, благородное, святое существо! Вотъ она! эта простая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая женщина! Какъ я рада, какъ я рада! Какъ мы будетъ любить другъ друга! Я отдохну, наконецъ... Я ее себѣ именно такою воображала“, прибавила она шопотомъ, упираясь глазами въ глаза Татьяны Борисовны. „Неправда ли, вы не сердитесь на меня, добрая моя, хорошая моя?“—„Помилуйте, я очень рада... Не хотите ли вы чаю?“—Гостья снисходительно улыбнулась.—„Wie wahr, wie unreflectirt“, прошептала она, словно про себя. „Позвольте обнять васъ, моя милая!“

Старая дѣвица высидѣла у Татьяны Борисовны три часа, не умолкая ни на мгновенье. Она старалась растолковать новой своей знакомой собственное ея значенье. Тотчасъ послѣ ухода нежданной гостьи, бѣдная помѣщица отправилась въ баню, напилась липоваго чаю и легла въ постель. Но на другой же день старая дѣвица вернулась, просидѣла четыре часа и удалилась съ обѣщаньемъ посѣщать Татьяну Борисовну ежедневно. Она, изволите видѣть, вздумала окончательно развить, довоспитать такую, какъ она выражалась, богатую природу, и, вѣроятно, уходила бы ее, наконецъ, совершенно, если бы, во-первыхъ, недѣли черезъ двѣ не разочаровалась „вполнѣ“ насчетъ пріятельницы своего брата; а во-вторыхъ, если бы не влюбилась въ молодого проѣзжаго студента, съ которымъ тотчасъ же вступила въ дѣятельную и жаркую переписку; въ посланіяхъ своихъ она, какъ

водится, благословляла его на святую и прекрасную жизнь, приносила „всю себя“ въ жертву, требовала одного имени сестры, вдавалась въ описанія природы, упоминала о Гёте, Шиллерѣ, Беттинѣ и нѣмецкой философіи, — и довела, наконецъ, бѣднаго юношу до мрачнаго отчаянія. Но молодость взяла свое: въ одно прекрасное утро проснулся онъ съ такой остервенѣлой ненавистью къ своей „сестрѣ и лучшему другу“, что едва, сгоряча, не прибилъ своего камердинера и долгое время чуть не кусался при малѣйшемъ намекѣ на возвышенную и безкорыстную любовь... Но съ тѣхъ поръ Татьяна Борисовна стала еще болѣе прежняго избѣгать сближенія со своими сосѣдками.

Увы! ничто не прочно на землѣ. Все, что я вамъ разсказалъ о житьѣ-бытьѣ моей доброй помѣщицы — дѣло прошедшее; тишина, господствовавшая въ ея домѣ, нарушена на вѣки. У ней теперь, вотъ уже болѣе года, живетъ племянникъ, художникъ изъ Петербурга. Вотъ какъ это случилось.

Лѣтъ восемь тому назадъ, проживалъ у Татьяны Борисовны мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, круглый сирота, сынъ ея покойнаго брата, Андрюша. У Андрюши были большіе, свѣтлые, влажные глаза, маленькій ротикъ, правильный носъ и прекрасный, возвышенный лобъ. Онъ говорилъ тихимъ и сладкимъ голосомъ, держалъ себя опрятно и чинно, ласкался и прислуживался къ гостямъ, съ сиротливой чувствительностію цѣловалъ ручку у тётушки. Бывало, не успѣете вы показаться, — глядь, ужъ онъ несетъ вамъ кресла. Шалостей за нимъ не водилось никакихъ: не стукнетъ, бывало; сидитъ себѣ въ уголку за книжечкой, и такъ скромно и смирно, даже къ спинкѣ стула не прислоняется. Гость войдетъ, — мой Андрюша приподнимется, прилично улыбнется и покраснѣетъ; гость выйдетъ, — онъ сядетъ опять, достанетъ изъ кармашка щеточку съ зеркальцемъ и волосики себѣ причешетъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ охоту къ рисованью. Попадался ли ему клочокъ бумаги, онъ тотчасъ выпрашивалъ у Агафьи ключницы ножницы, тща-

тельно выкраивалъ изъ бумажки правильный четвероугольникъ, проводилъ кругомъ каемочку и принимался за работу: нарисуетъ глазъ съ огромнымъ зрачкомъ, или греческій носъ, или домъ съ трубой и дымомъ въ видѣ винта, собаку „en face“, похожую на скамью, деревцо съ двумя голубками и подпишетъ: „рисовалъ Андрей Бѣловзоровъ, такого-то числа, такого-то года, село Малыя-Брыки“. Съ особеннымъ усердіемъ трудился онъ недѣли за двѣ до именинъ Татьяны Борисовны; являлся первый съ поздравленіемъ и подносилъ свитокъ, повязанный розовой ленточкой. Татьяна Борисовна цѣловала племянника въ лобъ и распутывала узелокъ: свитокъ раскрывался и представлялъ любопытному взору зрителя круглый, бойко оттушеванный храмъ съ колоннами и алтаремъ по серединѣ: на алтарѣ пылало сердце и лежалъ вѣнокъ, а вверху, на извилистой бандеролѣ, четкими буквами стояло: „Тетушкѣ и благодѣтельницѣ Татьянѣ Борисовнѣ Богдановой отъ почтительнаго и любящаго племянника, въ знакъ глубочайшей привязанности“. Татьяна Борисовна снова его цѣловала и дарила ему цѣлковый. Большой, однако, привязанности она къ нему не чувствовала: подобострастіе Андрюши ей не совсѣмъ нравилось. Между тѣмъ, Андрюша подрасталъ; Татьяна Борисовна начинала безпокоиться о его будущности. Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія...

А именно: однажды, лѣтъ восемь тому назадъ, заѣхалъ къ ней нѣкто г. Беневоленскій, Петръ Михайлычъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ. Г-нъ Беневоленскій нѣкогда состоялъ на службѣ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ и прилежно посѣщалъ Татьяну Борисовну; потомъ переѣхалъ въ Петербургъ, вступилъ въ министерство, достигъ довольно важнаго мѣста, и въ одну изъ частыхъ своихъ поѣздокъ по казенной надобности, вспомнилъ о своей старинной знакомой и завернулъ къ ней, съ намѣреніемъ отдохнуть дня два отъ заботъ служебныхъ „на лонѣ сельской тишины“. Татьяна Борисовна приняла его съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ, и г. Беневоленскій... Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ продолженію

разсказа, позвольте, любезный читатель, познакомить васъ съ этимъ новымъ лицомъ.

Г-нъ Беневолепскій былъ человѣкъ толстоватый, средняго роста, мягкій на видъ, съ коротенькими ножками и пухленькими ручками, носилъ онъ просторный и чрезвычайно опрятный фракъ, высокій и широкій галстукъ, бѣлое, какъ снѣгъ, бѣлье, золотую цѣпочку на шелковомъ жилетѣ, перстень съ камнемъ на указательномъ пальцѣ и бѣлокурый парикъ; говорилъ убѣдительно и кротко, выступалъ безъ шума, пріятно улыбался, пріятно поводилъ глазами, пріятно погружалъ подбородокъ въ галстукъ: вообще, пріятный былъ человѣкъ. Сердцемъ его тоже Господь надѣлилъ добрѣйшимъ: плакалъ онъ и восторгался легко; сверхъ того, пылалъ безкорыстной страстью къ искусству, и ужъ подлинно безкорыстной, потому что именно въ искусствѣ г. Беневоленскій, коли правду сказать, рѣшительно ничего не смыслилъ. Даже удивительно, откуда, въ силу какихъ таинственныхъ и непонятныхъ законовъ, взялась у него эта страсть? Кажется, человѣкъ онъ былъ положительный, даже дюжинный... впрочемъ, у насъ на Руси такихъ людей довольно много.

Любовь къ художеству и художникамъ придаетъ этимъ людямъ приторность неизъяснимую; знаться съ ними, съ ними разговаривать—мучительно: настоящія дубины, вымазанныя медомъ. Они, напримѣръ, никогда не называютъ Рафаэля — Рафаэлемъ, Корреджіо — Корреджіемъ: „божественный Санціо, неподражаемый де-Аллегрисъ“, говорятъ они, и говорятъ непремѣнно на о. Всякій доморощенный, самолюбивый, перехитренный и посредственный талантъ величаютъ они геніемъ или, правильнѣе, „хэніемъ“; синее небо Италіи, южный лимонъ, душистые пары береговъ Бренты не сходятъ у нихъ съ языка. „Эхъ, Вапя, Вапя“, или: „эхъ, Саша, Саша“, съ чувствомъ говорятъ они другъ другу: „на югъ бы намъ, на югъ... вѣдь мы съ тобою греки душою, древніе греки!“ Наблюдать ихъ можно на выставкахъ, передъ иными произведеніями иныхъ россійскихъ живописцевъ. (Должно

замѣтить, что по большей части всѣ эти господа—патріоты страшные.) То отступятъ они шага на два и закинутъ голову, то снова придвинутся къ картинѣ; глазки ихъ покрываются маслянистою влагой... „Фу, ты, Боже мой“, говорятъ они, наконецъ, разбитымъ отъ волненія голосомъ: „души-то, души-то что! эка, сердца-то, сердца! эка души-то напустилъ! тьма души!.. А задумано-то какъ! мастерски задумано!“—А что у нихъ самихъ въ гостиныхъ за картины! Что за художники ходятъ къ нимъ по вечерамъ, пьютъ у нихъ чай, слушаютъ ихъ разговоры! Какіе они имъ подносятъ перспективные виды собственныхъ комнатъ, съ щеткой на правомъ планѣ, грядкой сору на вылощенномъ полу, желтымъ самоваромъ на столѣ возлѣ окна и самимъ хозяиномъ, въ халатѣ и ермолкѣ, съ яркимъ бликомъ свѣта на щекѣ! Что за длинноволосые питомцы музъ, съ лихорадочно-презрительной улыбкой, ихъ посѣщаютъ! Что за блѣдно-зеленыя барышни взвизгиваютъ у нихъ за фортепіанами! Ибо у насъ уже такъ на Руси заведено: одному искусству человѣкъ предаваться не можетъ — подавай ему всѣ. И потому нисколько не удивительно, что эти господа-любители также оказываютъ сильное покровительство русской литературѣ, особенно драматической... „Джакобы Санназары“ писаны для нихъ: тысячи разъ изображенная борьба непризнаннаго таланта съ людьми, съ цѣлымъ міромъ потрясаетъ ихъ до дна души...

На другой же день послѣ пріѣзда г. Беневоленскаго, Татьяна Борисовна, за чаемъ, велѣла племяннику показать гостю свои рисунки. „А онъ у васъ рисуетъ?“ не безъ удивленія произнесъ г. Беневоленскій и съ участіемъ обратился къ Андрюшѣ. „Какъ же, рисуетъ“, сказала Татьяна Борисовна: „такой охотникъ! и вѣдь одинъ, безъ учителя“.— „Ахъ, покажите, покажите“, подхватилъ г. Беневоленскій. Андрюша, краснѣя и улыбаясь, поднесъ гостю свою тетрадку. Г-нъ Беневоленскій началъ, съ видомъ знатока, ее перелистывать. „Хорошо, молодой человѣкъ“, промолвилъ онъ наконецъ: „хорошо, очень хорошо“. И онъ погладилъ Андрюшу по головкѣ. Андрюша

на-лету поцѣловалъ его руку. „Скажите, какой талантъ!. Поздравляю васъ, Татьяна Борисовна, поздравляю“.—„Да что, Петръ Михайлычъ, здѣсь учителя не могу ему сыскать. Изъ города — дорогъ; у сосѣдей, у Артамоновыхъ, есть живописецъ и, говорятъ, отличный, да барыня ему запрещаетъ чужимъ людямъ уроки давать. Говоритъ, вкусъ себѣ испортитъ“. — „Гмъ“, произнесъ г. Беневолепскій, задумался и поглядѣлъ исподлобья на Андрюшу. „Ну, мы объ этомъ потолкуемъ“, прибавилъ онъ вдругъ и потеръ себѣ руки. Въ тотъ же день онъ попросилъ у Татьяны Борисовны позволенія поговорить съ ней наединѣ. Они заперлись. Черезъ полчаса кликнули Андрюшу. Андрюша вошелъ. Г-нъ Беневоленскій стоялъ у окна, съ легкой краской на лицѣ и сіяющими глазами. Татьяна Борисовна сидѣла въ углу и утирала слезы. „Ну, Андрюша“, заговорила она наконецъ: „благодари Петра Михайлыча: онъ беретъ тебя на свое попеченіе, увозитъ тебя въ Петербургъ“. Андрюша такъ и замеръ на мѣстѣ.—„Вы мнѣ скажите откровенно“, началъ г. Беневоленскій голосомъ, исполненнымъ достоинства и снисходительности: „желаете ли вы быть художникомъ, молодой человѣкъ, чувствуете ли вы священное призваніе къ искусству?“—„Я желаю быть художникомъ, Петръ Михайлычъ“, трепетно подтвердилъ Андрюша. — „Въ такомъ случаѣ, я очень радъ. Вамъ, конечно,“ продолжалъ г. Беневоленскій: „тяжко будетъ разстаться съ вашей почтенной тётушкой: вы должны чувствовать къ ней живѣйшую благодарность“. — „Я обожаю мою тётушку“, прервалъ его Андрюша и заморгалъ глазами.—„Конечно, конечно, это весьма понятно и дѣлаетъ вамъ много чести; но зато, вообразите, какую радость со временемъ... ваши успѣхи...“ — „Обними меня, Андрюша“, пробормотала добрая помѣщица. Андрюша бросился ей на шею. „Ну, а теперь поблагодари своего благодѣтеля...“—Андрюша обнялъ животъ г. Беневоленскаго, поднялся на цыпочки и досталъ-таки его руку, которую благодѣтель, правда, принималъ, но не слишкомъ спѣшилъ принять... Надо-жъ потѣшить, удовлетворить ребенка, ну, и себя можно но-

баловать. Дня черезъ два г. Беневоленскій уѣхалъ и увезъ своего новаго питомца.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ разлуки Андрюша писалъ довольно часто, прилагалъ иногда къ письмамъ рисунки. Г. Беневоленскій изрѣдка прибавлялъ также нѣсколько словъ отъ себя, большей частью одобрительныхъ; потомъ письма рѣже стали, рѣже, наконецъ совсѣмъ прекратились. Цѣлый годъ безмолвствовалъ племянникъ; Татьяна Борисовна начинала уже безпокоиться, какъ вдругъ получила записочку слѣдующаго содержанія:

„Любезная тётушка!

„Четвертаго дня, Петра Михайловича, моего покровителя, не стало. Жестокій ударъ паралича лишилъ меня сей послѣдней опоры. Конечно, мнѣ уже теперь двадцатый годъ пошелъ; въ теченіе семи лѣтъ я сдѣлалъ значительные успѣхи; я сильно надѣюсь на свой талантъ и могу посредствомъ его жить; я не унываю, но, все-таки, если можете, пришлите мнѣ, на первый случай, 250 рублей ассигнаціями. Цѣлую ваши ручки и остаюсь“ и т. д.

Татьяна Борисовна отправила къ племяннику 250 рублей. Черезъ два мѣсяца онъ потребовалъ еще; она собрала послѣднее и выслала еще. Не прошло шести недѣль послѣ вторичной присылки, онъ попросилъ въ третій разъ, будто на краски для портрета, заказаннаго ему княгиней Тертерешеневой. Татьяна Борисовна отказала. Въ такомъ случаѣ, написалъ онъ ей, я намѣренъ пріѣхать къ вамъ, въ деревню, для поправленія моего здоровья. И дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ того же года, Андрюша вернулся въ Малыя-Брыки.

Татьяна Борисовна сначала его не узнала. По письму его она ждала человѣка болѣзненнаго и худого, а увидѣла малаго плечистаго, толстаго, съ лицомъ широкимъ и краснымъ, съ курчавыми и жирными волосами. Тоненькій и блѣдненькій Андрюша превратился въ дюжаго Андрея Иванова Бѣловзорова. Не одна наружность въ немъ измѣнилась. Щепетильную застѣнчивость, осторожность и опрятность прежнихъ лѣтъ замѣнило небрежное молодечество, неряшество нестерпимое; онъ на ходу ка-

чался вправо и влѣво, бросался въ кресла, обрушался на столъ, разваливался, зѣвалъ во все горло, съ тёткой, съ людьми обращался дерзко. Я, дескать, художникъ, вольный казакъ! Знай нашихъ! Бывало, по цѣлымъ днямъ кисти въ руки не беретъ; найдетъ на него такъ-называемое вдохновенье—ломается, словно съ похмелья, тяжело, неловко, шумно; грубой краской разгорятся щеки, глаза посоловѣютъ; пустится толковать о своемъ талантѣ, о своихъ успѣхахъ, о томъ, какъ онъ развивается, идетъ впередъ... На дѣлѣ же оказалось, что способностей его чуть-чуть хватало на сносные портретики. Невѣжда онъ былъ круглый, ничего не читалъ; да и на что художнику читать? Природа, свобода, поэзія—вотъ его стихіи. Знай, потряхивай кудрями да заливайся соловьемъ, да затягивайся Жуковымъ взасосъ! Хороша русская удаль, да немногимъ она къ лицу; а бездарные Полежаевы второй руки невыносимы. Зажился нашъ Андрей Иванычъ у тётушки: даровой хлѣбъ, видно, по вкусу пришелся. На гостей нагонялъ онъ тоску смертельную. Сядетъ, бывало, за фортепіаны (у Татьяны Борисовны и фортепіаны водились) и начнетъ однимъ пальцемъ отыскивать „Тройку удалую“; аккорды беретъ, стучитъ по клавишамъ; по цѣлымъ часамъ мучительно завываетъ романсы Варламова: „Уединенная сосна“, или: „Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи“, а у самого глаза заплыли жиромъ и щеки лоснятся, какъ барабанъ... А то вдругъ грянетъ: „Уймитесь, волненія страсти“... Татьяна Борисовна такъ и вздрогнетъ.

— Удивительное дѣло,—замѣтила она мнѣ однажды:— какія нынче все пѣсни сочиняютъ,—отчаянныя какія-то; въ мое время иначе сочиняли: и печальныя пѣсни были, а все пріятно было слушать... Напримѣръ:

Прійди, прійди ко мнѣ на лугъ,
Гдѣ жду тебя напрасно;
Прійди, прійди ко мнѣ на лугъ,
Гдѣ слезы лью всечасно...
Увы, прійдешь ко мнѣ на лугъ,
Но будетъ поздно, милый другъ!

Татьяна Борисовна лукаво улыбнулась.

— „Я стра-ажду, я стра-ажду“, — завылъ въ сосѣдней комнатѣ племянникъ.

— Полно тебѣ, Андрюша!

— „Душа изнываетъ въ разлу-укѣ“,—продолжалъ неугомонный пѣвецъ.

Татьяна Борисовна покачала головой.

— Охъ, ужъ эти мнѣ художники!..

Съ того времени прошелъ годъ. Бѣловзоровъ до сихъ поръ живетъ у тётушки, и все собирается въ Петербургъ Онъ въ деревнѣ сталъ поперекъ себя толще. Тётка— кто бы могъ это подумать — въ немъ души не чаетъ, а окрестныя дѣвицы въ него влюбляются...

Много прежнихъ знакомыхъ перестало ѣздить къ Татьянѣ Борисовнѣ.

XVI.

СМЕРТЬ.

У меня есть сосѣдъ, молодой хозяинъ и молодой охотникъ. Въ одно прекрасное іюльское утро заѣхалъ я къ нему верхомъ, съ предложеніемъ отправиться вмѣстѣ на тетеревовъ. Онъ согласился. „Только“, говоритъ, „поѣдемте по моимъ мелочамъ, къ Зушѣ; я кстати посмотрю Чаплыгино; вы знаете, мой дубовый лѣсъ? у меня его рубятъ“.—„Поѣдемте“. Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, надѣлъ зеленый сюртучокъ съ бронзовыми пуговицами, изображавшими кабаньи головы, вышитый гарусомъ ягдташъ, серебряную флягу, накинулъ на плечо новенькое французское ружье, не безъ удовольствія повертѣлся передъ зеркаломъ и кликнулъ свою собаку Эсперансъ, подаренную ему кузиной, старой дѣвицей съ отличнымъ сердцемъ, но безъ волосъ. Мы отправились. Мой сосѣдъ взялъ съ собою десятскаго Архипа, толстаго и приземистаго мужика, съ четвероугольнымъ лицомъ и допотопно-развитыми скулами, да недавно нанятаго управителя изъ остзейскихъ губерній, юношу лѣтъ девятнадцати, худого, бѣлокураго, подслѣповатаго, со свислыми плечами и длинной шеей, г. Готлиба фонъ-деръ-Кока. Мой сосѣдъ самъ

недавно вступилъ во владѣніе имѣніемъ. Оно досталось ему въ наслѣдство отъ тетки, статской совѣтницы Кардонъ-Катаевой, необыкновенно-толстой женщины, которая, даже лежа въ постели, продолжительно и жалобно кряхтѣла. Мы въѣхали въ „мелочь".—„Вы меня здѣсь подождите, на полянкѣ", промолвилъ Ардаліонъ Михайлычъ (мой сосѣдъ), обратившись къ своимъ спутникамъ. Нѣмецъ поклонился, слѣзъ съ лошади, досталъ изъ кармана книжку, кажется, романъ Іоганны Шопенгауеръ, и присѣлъ подъ кустикъ; Архипъ остался на солнцѣ и въ теченіе часа не шевельнулся. Мы покружили по кустамъ и не нашли ни одного выводка. Ардаліонъ Михайлычъ объявилъ, что онъ памѣренъ отправиться въ лѣсъ. Мнѣ самому въ тотъ день что-то не вѣрилось въ успѣхъ охоты: я тоже поплелся вслѣдъ за нимъ. Мы вернулись на полянку. Нѣмецъ замѣтилъ страницу, всталъ, положилъ книгу въ карманъ и сѣлъ, не безъ труда, на свою куцую, бракованную кобылу, которая визжала и подбрыкивала отъ малѣйшаго прикосновенія; Архипъ встрепенулся, задергалъ разомъ обоими поводьями, заболталъ ногами и сдвинулъ, наконецъ, съ мѣста свою отломленную и придавленную лошаденку. Мы поѣхали.

Лѣсъ Ардаліона Михайлыча съ дѣтства былъ мнѣ знакомъ. Вмѣстѣ съ моимъ французскимъ гувернеромъ, m-r Désiré Fleury, добрѣйшимъ человѣкомъ (который, впрочемъ, чуть было навсегда не испортилъ моего здоровья, заставляя меня по вечерамъ пить лѣкарство Леруа), часто хаживалъ я въ Чаплыгино. Весь этотъ лѣсъ состоялъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ-сотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкіе, узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистомъ носились подъ неподвижными верхушками, пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ вслѣдъ за переливчатымъ крикомъ иволги; внизу, въ кустахъ, чи-

рикали и пѣли малиновки, чижи и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорожкамъ; бѣлякъ прокрадывался вдоль опушки, осторожно „костыляя“; краснобурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника, цвѣли фіалки и лапдыши, росли сыроѣжки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между широкими кустами, алѣла земляника... А что въ лѣсу за тѣнь была! Въ самый жаръ, въ полдень—ночь настоящая: тишина, запахъ, свѣжесть... Весело проводилъ я время въ Чаплыгинѣ, и оттого, признаюсь, не безъ грустнаго чувства въѣхалъ я теперь въ слишкомъ знакомый мнѣ лѣсъ. Губительная, безснѣжная зима 40-го года не пощадила старыхъ моихъ друзей—дубовъ и ясеней; засохшіе, обпаженные, кое-гдѣ покрытые чахоточной зеленью, печально высились они надъ молодой рощей, которая „смѣнила ихъ, не замѣнивъ“ *). Иные, еще обросшіе листьями внизу, словно съ упрекомъ и отчаяніемъ поднимали кверху свои безжизненныя, обломанныя вѣтви; у другихъ изъ листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной попрежнему, торчали толстые, сухіе, мертвые сучья; съ иныхъ уже кора долой спадала; иные, наконецъ, вовсе повалились и гнили, словно трупы, на землѣ. Кто бы могъ это предвидѣть—тѣни, въ Чаплыгинѣ, тѣни нигдѣ нельзя было найти! Что, думалъ я, глядя на умирающія деревья: чай, стыдно и горько вамъ?.. Вспомнился мнѣ Кольцовъ:

Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

*) Въ 40-мъ году, при жесточайшихъ морозахъ, до самаго конца декабря не выпало снѣгу: зеленя всѣ вымерзли, и много прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ погубила эта безжалостная зима. Замѣнить ихъ трудно: производительная сила земли видимо скудѣетъ; на „заказанныхъ“ (съ образами обойденныхъ) пустыряхъ, вмѣсто прежнихъ благородныхъ деревьевъ, сами собою вырастаютъ березы да осины; а иначе разводить рощи у насъ не умѣютъ.

Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?..

— Какъ же это, Ардаліонъ Михайлычъ,—началъ я:—отчего жъ эти деревья на другой же годъ не срубили? Вѣдь, за нихъ теперь противъ прежняго десятой доли не дадутъ.

Онъ только плечами пожалъ.

— Спросили бы тетушку;—а купцы приходили, деньги приносили, приставали.

— Mein Gott! Mein Gott! — восклицалъ на каждомъ шагу фонъ-деръ-Кокъ.—Што са шалость! што са шалость!

— Какая шалость?—съ улыбкой замѣтилъ мой сосѣдъ!

— То-истъ, какъ шалко, я скасать хотѣлллъ. (Извѣстно, что всѣ нѣмцы, одолѣвшіе, наконецъ, нашу букву „люди“ удивительно на нее напираютъ.)

Особенно возбуждали его сожалѣніе лежавшіе на землѣ дубы, — и дѣйствительно: иной бы мельникъ дорого за нихъ заплатилъ. Зато десятскій Архипъ сохранялъ спокойствіе невозмутимое и не горевалъ нисколько; напротивъ, онъ даже не безъ удовольствія черезъ нихъ перескакивалъ и кнутикомъ по нимъ постегивалъ.

Мы пробирались на мѣсто рубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ навстрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое?—куда ты бѣжишь?—спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?.. Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ, да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него. Мы ему кричимъ: бѣги, бѣги, бѣги... Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми, да прямо и побѣги... заробѣлъ, знать. Ясень-то

его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился,—Господь его знаетъ... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ,—да что: ноги и руки ему перешибло. Я, вотъ, за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лѣкаремъ.

Ардаліонъ Михайлычъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, на ссѣчки... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно; онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча.

— Батюшка, — заговорилъ онъ едва внятно: — за помомъ... послать... прикажите... Господь... меня наказалъ... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я .. вотъ... ребятъ-то не распустилъ.

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ.

— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ, — заговорилъ мой сосѣдъ:—можетъ-быть, ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ-было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ, подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ,—глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли:—прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему однако тутъ умирать,—воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ:—ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу.

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго... — залепеталъ умирающій:—лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожу... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ,—пробормотали мужики.

Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у другого моего сосѣда въ деревнѣ, мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ. (Онъ такъ бы и остался въ овинѣ, да заѣзжій мѣщанинъ его полуживого вытащилъ: окунулся въ кадку съ водой, да съ разбѣга и вышибъ дверь подъ пылавшимъ навѣсомъ.) Я зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно, дымно. Спрашиваю, гдѣ больной?—„А вонъ, батюшка, на лежанкѣ“, — отвѣчаетъ мнѣ нараспѣвъ подгорюнившаяся баба. Подхожу—лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, дышитъ тяжко. „Что, какъ ты себя чувствуешь?“ Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. „Лежи, лежи, лежи... Ну, что? какъ?“—„Вѣстимо, плохо“, говоритъ.—„Больно тебѣ?“ —Молчитъ.—„Не нужно ли чего?“—Молчитъ. — „Не прислать ли тебѣ чаю, что ли?“ — „Не надо“. — Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса,—гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу, за столомъ подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозится на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ: братнина жена капусту рубитъ. — „А, Аксинья!“ проговорилъ, на-

конецъ, больной. — „Чего?“ — „Квасу дай“. — Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шопотомъ: причастили его? — „Причастили“. — Ну, стало-быть, и все въ порядкѣ: ждетъ смерти, да и только. Я не вытерпѣлъ и вышелъ...

А то, помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фельдшеру Капитону, страстному охотнику.

Больница эта состояла изъ бывшаго господскаго флигеля; устроила ее сама помѣщица, то-есть велѣла прибить надъ дверью голубую доску съ надписью бѣлыми буквами: „Красногорская больница“, и сама вручила Капитону красивый альбомъ для записыванія именъ больныхъ На первомъ листкѣ этого альбома одинъ изъ лизоблюдовъ и прислужниковъ благодѣтельной помѣщицы начерталъ слѣдующіе стишки:

„Dans ces beaux lieux, où règne l'allégresse,
„Ce temple fut ouvert par la Beauté;
„De vos seigneurs admirez la tendresse,
„Bons habitants de Krasnogorié!“

—а другой господинъ внизу приписалъ:

„Et moi aussi j'aime la nature!“
„Jean Kobyliatnikoff“.

Фельдшеръ купилъ на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лѣчить народъ Божій. Кромѣ его, при больницѣ состояло два человѣка: подверженный сумасшествію рѣзчикъ Павелъ и сухорукая баба Меликитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба приготовляли лѣкарства, сушили и настаивали травы; они же укрощали горячечныхъ больныхъ. Сумасшедшій рѣзчикъ былъ на видъ угрюмъ и скупъ на слова: по ночамъ пѣлъ пѣсню „о прекрасной Венерѣ“, и къ каждому проѣзжему подходилъ съ просьбой позволить ему жениться на какой-то дѣвкѣ Маланьѣ, давно уже умершей. Сухорукая баба била его и заставляла стеречь индюшекъ. Вотъ, сижу я однажды у фельдшера Капитона. Начали мы было-разговаривать о послѣдней нашей охотѣ, какъ вдругъ на дворъ въѣхала телѣга, запряженная необыкновенно-толстой сивой ло-

шадью, какія только бываютъ у мельниковъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный мужикъ, въ новомъ армякѣ, съ разноцвѣтной бородой. — „А, Василій Дмитричъ“, закричалъ изъ окна Капитонъ: „милости просимъ... Лыбовшинскій мельникъ“,—шепнулъ онъ мнѣ. Мужикъ, покряхтывая, слѣзъ съ телѣги, вошелъ въ фельдшерову комнату, поискалъ глазами образа и перекрестился.—„Ну, что, Василій Дмитричъ, что новенькаго?.. Да вы, должно-быть, нездоровы: лицо у васъ нехорошо“. — „Да, Капитонъ Тимофеичъ, не ладно что-то“.—„Что съ вами?“—„Да вотъ что, Капитонъ Тимофеичъ. Недавно купилъ я въ городѣ жернова; ну, привезъ ихъ домой, да какъ сталъ ихъ съ телѣги-то выкладывать, понатужился, знать, что ли, въ теревѣ-то у меня такъ йокнуло, словно оборвалось что... да вотъ, съ тѣхъ поръ все и нездоровится. Сегодня даже больно неладно“. — „Гмъ“, промолвилъ Капитонъ и понюхалъ табаку: „значитъ, грыжа. А давно съ вами это приключилось?“—„Да десятый денёкъ пошелъ“.—„Десятый?“ (Фельдшеръ потянулъ въ себя сквозь зубы воздухъ и головой покачалъ.) „Позволь-ка себя пощупать“—„Ну, Василій Дмитричъ“, проговорилъ онъ наконецъ: „жаль мнѣ тебя, сердечнаго, а вѣдь дѣло-то твое неладно, ты боленъ не на шутку; оставайся-ка здѣсь, у меня; я съ своей стороны все стараніе приложу, а, впрочемъ, ни за что не ручаюсь“. — „Будто такъ худо?“ пробормоталъ изумленный мельникъ. — „Да, Василій Дмитричъ, худо; пришли бы вы ко мнѣ деньками двумя пораньше,—и ничего бы, какъ рукой бы снялъ; а теперь у васъ воспаленіе, вонъ что: того и гляди, антоновъ огонь сдѣлается“.—„Да быть не можетъ, Капитонъ Тимофеичъ“. — „Ужъ я вамъ говорю“.—„Да какъ же это?“—(Фельдшеръ плечами пожалъ.)—„И умирать мнѣ изъ-за этакой дряни?“—„Этого я не говорю... а только оставайтесь здѣсь“. Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ въ затылкѣ, да за шапку. — „Куда же вы, Василій Дмитричъ?“—„Куда? вѣстимо куда,—домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ“.—„Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ,

пожалуйте; я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали? останьтесь".—„Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимофеичъ, ужъ умирать, такъ дома умирать; а то, что жъ я здѣсь умру,—у меня дома и Господь знаетъ, что приключится". — „Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ... Конечно, опасно, очень опасно, спору нѣтъ... да отъ того-то и слѣдуетъ вамъ остаться". (Мужикъ головой покачалъ.)— „Нѣтъ, Капитонъ Тимофеичъ, не останусь... а лѣкарственно развѣ пропишите". — „Лѣкарство одно не поможетъ". — „Не останусь, говорятъ".—„Ну, какъ хочешь... чуръ, потомъ не пенять!"

Фельдшеръ вырвалъ страничку изъ альбома и, прописавъ рецептъ, посовѣтовалъ, что̀ еще дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ на телѣгу. — „Ну, прощайте, Капитонъ Тимофеичъ, не поминайте лихомъ, да сирофокъ не забывайте, коли что"... — „Эй, останься, Василій!" — Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ вожжой по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему вслѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался... На четвертый день онъ умеръ.

Вообще, удивительно умираютъ русскіе люди. Много покойниковъ приходитъ мнѣ теперь на память. Вспоминаю я тебя, старинный мой пріятель, недоучившійся студентъ Авениръ Сорокоумовъ, прекрасный, благороднѣйшій человѣкъ! Вижу снова твое чахоточное, зеленоватое лицо, твои жидкіе русые волосики, твою кроткую улыбку, твой восторженный взглядъ, твои длинные члены; слышу твой слабый, ласковый голосъ. Жилъ ты у великороссійскаго помѣщика Гура Крупяникова, училъ его дѣтей Фофу и Зезю русской грамотѣ, географіи и исторіи, терпѣливо сносилъ тяжелыя шутки самого Гура, грубыя любезности дворецкаго, пошлыя шалости злыхъ мальчишекъ, не безъ горькой улыбки, но и безъ ропота исполнялъ прихотливыя требованія скучающей барыни: зато, бывало, какъ ты отдыхалъ, какъ ты блаженствовалъ вечеромъ, послѣ ужина,

когда, отдѣлавшись, наконецъ, отъ всѣхъ обязанностей и занятій, ты садился передъ окномъ, задумчиво закуривалъ трубку, или съ жадностью перелистывалъ изуродованный и засаленный номеръ толстаго журнала, занесенный изъ города землемѣромъ, такимъ же бездомнымъ горемыкою, какъ ты! Какъ нравились тебѣ тогда всякіе стихи и всякія повѣсти, какъ легко навертывались слезы на твои глаза, съ какимъ удовольствіемъ ты смѣялся, какою искреннею любовью къ людямъ, какимъ благороднымъ сочувствіемъ ко всему доброму и прекрасному проникалась твоя младенчески чистая душа! Должно сказать правду: не отличался ты излишнимъ остроуміемъ; природа не одарила тебя ни памятью, ни прилежаніемъ; въ университетѣ считался ты однимъ изъ самыхъ плохихъ студентовъ; на лекціяхъ ты спалъ, на экзаменахъ—молчалъ торжественно; но у кого сіяли радостью глаза, у кого захватывало дыханіе отъ успѣха, отъ удачи товарища? — У Авенира... Кто слѣпо вѣровалъ въ высокое призваніе друзей своихъ, кто превозносилъ ихъ съ гордостью, защищалъ ихъ съ ожесточеніемъ? Кто не зналъ ни зависти, ни самолюбія, кто безкорыстно жертвовалъ собою, кто охотно подчинялся людямъ, не стоившимъ подметокъ его... Все ты, все ты, нашъ добрый Авениръ! Помню: съ сокрушеннымъ сердцемъ разставался ты съ товарищами, уѣзжая на „кондицію“; злыя предчувствія тебя мучили... И точно: въ деревнѣ плохо тебѣ пришлось; въ деревнѣ тебѣ некого было благоговѣйно выслушивать, некому удивляться, некого любить... И степняки, и образованные помѣщики обходились съ тобою, какъ съ учителемъ: одни—грубо, другіе—небрежно. Притомъ же ты и фигурой не бралъ; робѣлъ, краснѣлъ, потѣлъ, заикался... Даже здоровья твоего не поправилъ сельскій воздухъ: истаялъ ты, какъ свѣчка, бѣднякъ! Правда: комнатка твоя выходила въ садъ; черемухи, яблони, липы сыпали тебѣ на столъ, на чернильницу, на книги свои легкіе цвѣтки; на стѣнѣ висѣла голубая шелковая подушечка для часовъ, подаренная тебѣ въ прощальный часъ добренькой, чувствительной нѣмочкой, гувернанткой, съ бѣ-

локурыми кудрями и синими глазками; иногда заѣзжалъ къ тебѣ старый другъ изъ Москвы и приводилъ тебя въ восторгъ чужими или даже своими стихами; но одиночество, но невыносимое рабство учительскаго званія, невозможность освобожденія, но безконечныя осени и зимы, но болѣзнь неотступная... Бѣдный, бѣдный Авениръ!

Я посѣтилъ Сорокоумова незадолго до его смерти. Онъ уже почти ходить не могъ. Помѣщикъ Гуръ Крупяниковъ не выгонялъ его изъ дому, но жалованье пересталъ ему выдавать и другого учителя нанялъ Зёзѣ... Фофу отдали въ кадетскій корпусъ. Авениръ сидѣлъ возлѣ окна, въ старыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Погода была чудная. Свѣтлое осеннее небо весело синѣло надъ темно-бурою грядой обнаженныхъ липъ; кое-гдѣ шевелились и лепетали на нихъ послѣдніе, ярко-золотые листья. Прохваченная морозомъ земля потѣла и оттаивала на солнцѣ; его косые, румяные лучи били вскользь по блѣдной травѣ; въ воздухѣ чудился легкій трескъ; ясно и внятно звучали въ саду голоса работниковъ. На Авенирѣ былъ ветхій бухарскій халатъ; зеленый шейный платокъ бросалъ мертвенный оттѣнокъ на его страшно-исхудавшее лицо. Онъ весьма мнѣ обрадовался, протянулъ руку, заговорилъ и закашлялся. Я далъ ему успокоиться, подсѣлъ къ нему... На колѣняхъ у Авенира лежала тетрадка стихотвореній Кольцова, тщательно переписанныхъ; онъ съ улыбкой постучалъ по ней рукой. „Вотъ поэтъ“, прошепталъ онъ, съ усиліемъ сдерживая кашель, и пустился было декламировать едва слышнымъ голосомъ:

„Аль у сокола
Крылья связаны?
Аль пути ему
Всѣ заказаны?“

Я остановилъ его: лѣкарь запретилъ ему разговаривать. Я зналъ, чѣмъ ему угодить. Сорокоумовъ никогда, какъ говорится, не „слѣдилъ“ за наукой, но любопытствовалъ знать, что, дескать, до чего дошли теперь великіе умы? Бывало, поймаетъ товарища гдѣ-нибудь въ углу и начнетъ его разспрашивать: слушаетъ, удивляется, вѣритъ ему на

слово, и ужъ такъ потомъ за нимъ и повторяетъ. Особенно нѣмецкая философія его сильно занимала. — Я началъ толковать ему о Гегелѣ (дѣла давно минувшихъ дней, какъ видите). Авениръ качалъ утвердительно головой, поднималъ брови, улыбался, шепталъ: „понимаю, понимаю!.. а! хорошо, хорошо!..“ Дѣтская любознательность умирающаго, безпріютнаго и заброшеннаго бѣдняка, признаюсь, до слезъ меня трогала. Должно замѣтить, что Авениръ, въ противность всѣмъ чахоточнымъ, нисколько не обманывалъ себя насчетъ своей болѣзни... и что жъ?— онъ не вздыхалъ, не сокрушался, даже ни разу не намекнулъ на свое положеніе...

Собравшись съ силами, заговорилъ онъ о Москвѣ, о товарищахъ, о Пушкинѣ, о театрѣ, о русской литературѣ; вспоминалъ наши пирушки, жаркія пренія нашего кружка, съ сожалѣніемъ произнесъ имена двухъ-трехъ умершихъ пріятелей...

— Помнишь Дашу?— прибавилъ онъ наконецъ: — вотъ золотая была душа! вотъ было сердце! и какъ она меня любила!.. Что съ ней теперь? — Чай, изсохла, исчахла, бѣдняжка?

Я не посмѣлъ разочаровывать больного,—и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему было знать, что Даша его теперь поперекъ себя толще, водится съ купцами—братьями Кондачковыми, бѣлится и румянится, пищитъ и бранится?

Однако, подумалъ я, глядя на его изнеможенное лицо, нельзя ли его вытащить отсюда? Можетъ-быть, еще есть возможность его вылѣчить... Но Авениръ не далъ мнѣ докончить мое предложеніе.

— Нѣтъ, братъ, спасибо,—промолвилъ онъ:—все равно, гдѣ умереть. Я, вѣдь, до зимы не доживу... Къ чему понапрасну людей безпокоить? Я къ здѣшнему дому привыкъ. Правда, господа-то здѣшніе...

— Злые, что ли?—подхватилъ я.

— Нѣтъ, не злые! деревяжки какія-то. А впрочемъ, я не могу на нихъ пожаловаться. Сосѣди есть: у помѣщика Касаткина дочь, образованная, любезная, добрѣйшая дѣвица... не гордая...

Сорокоумовъ опять раскашлялся.

— Все бы ничего, — продолжалъ онъ, отдохнувши: — кабы трубочку выкурить позволили... А ужъ я такъ не умру, выкурю трубочку!—прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ глазомъ. — Слава Богу, пожилъ довольно; съ хорошими людьми знался...

— Да ты бы хоть къ роднымъ написалъ,—перебилъ я его.

— Что къ роднымъ писать? Помочь—они мнѣ не помогутъ; умру—узнаютъ. Да что объ этомъ говорить.!. Разскажи-ка мнѣ лучше, что ты за границей видѣлъ?

Я началъ разсказывать. Онъ такъ и впился въ меня. Къ вечеру я уѣхалъ, а дней черезъ десять получилъ слѣдующее письмо отъ г. Крупяникова:

„Симъ честь имѣю извѣстить васъ, милостивый государь мой, что пріятель вашъ, у меня въ домѣ проживавшій студентъ, г. Авениръ Сорокоумовъ, четвертаго дня въ два часа пополудни скончался, и сегодня на мой счетъ въ приходской моей церкви похороненъ. Просилъ онъ меня переслать къ вамъ приложенныя при семъ книги и тетради. Денегъ у него оказалось 22 рубля съ полтиной, которые, вмѣстѣ съ прочими его вещами, доставятся по принадлежности родственникамъ. Скончался вашъ другъ въ совершенной памяти, и можно сказать, съ таковою же безчувственностію, не изъявляя никакихъ знаковъ сожалѣнія, даже когда мы цѣлымъ семействомъ съ нимъ прощались. Супруга моя, Клеопатра Александровна, вамъ кланяется. Смерть вашего пріятеля не могла не подѣйствовать на ея нервы; что же до меня касается, то я, слава Богу, здоровъ и честь имѣю пребыть—

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Г. Крупяниковъ“.

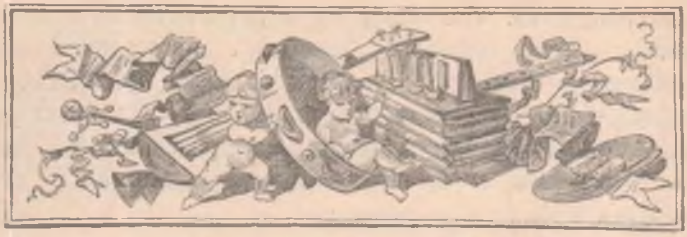
Много другихъ еще примѣровъ въ голову приходитъ,— да всего не перескажешь. Ограничусь однимъ.

Старушка-помѣщица при мнѣ умирала. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходитъ, и поскорѣе по-

далъ ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. „Куда спѣшишь, батюшка“, проговорила она коснѣющимъ языкомъ: „успѣешь“... Она приложилась, засунула-было руку подъ подушку и испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатить священнику за свою собственную отходную...

Да, удивительно умираютъ русскіе люди!

XVII.

ПѢВЦЫ.

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околоткѣ Стрыганихой (настоящее имя ея осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, съ верху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки — черезъ рѣку можно по крайней мѣрѣ навести мостъ,—раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня. Невеселый видъ, нечего сказать, — а между тѣмъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкой трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка, стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркій глазъ, обращено къ оврагу, и въ зимніе вечера,

освѣщенное изнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводной звѣздою. Надъ дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка—кабакъ, прозванный „Притыннымъ“ *). Въ этомъ кабакѣ вино продается, вѣроятно, не дешевле положенной цѣны, но посѣщается онъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ всѣ окрестныя заведенія такого же рода. Причиной этому цѣловальникъ Николай Иванычъ.

Николай Иванычъ—нѣкогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно-толстый, уже посѣдѣвшій мужчина съ заплывшимъ лицомъ, хитро-добродушными глазками и жирнымъ лбомъ, перетянутымъ морщинами, словно нитками, — уже болѣе двадцати лѣтъ проживаетъ въ Колотовкѣ. Николай Иванычъ человѣкъ расторопный и смѣтливый, какъ большая часть цѣловальниковъ. Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, онъ обладаетъ даромъ привлекать и удерживать у себя гостей, которымъ какъ-то весело сидѣть передъ его стойкой, подъ спокойнымъ и привѣтливымъ, хотя зоркимъ взглядомъ флегматическаго хозяина. У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій; въ трудныхъ случаяхъ онъ могъ бы подать неглупый совѣтъ, но, какъ человѣкъ осторожный и эгоистъ, предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ, и развѣ только отдаленными, словно безъ всякаго намѣренія произнесенными намеками наводитъ своихъ посѣтителей—и то любимыхъ имъ посѣтителей—на путь истины. Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, въ посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и пляскахъ. Когда у него нѣтъ посѣщенія, онъ обыкновенно сидитъ, какъ мѣшокъ, на землѣ передъ дверью своей избы, подвернувъ подъ себя свои тонкія ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всѣми прохожими. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, пережилъ не одинъ десятокъ мелкихъ дворянъ, за-

*) Притыннымъ называется всякое мѣсто, куда охотно сходятся; всякое пріятное мѣсто.

ѣзжавшихъ къ нему за „очищеннымъ“, знаетъ все, что дѣлается на сто верстъ кругомъ, и никогда не пробалтывается, не показываетъ даже виду, что ему и то извѣстно, чего не подозрѣваетъ самый проницательный становой. Знай-себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ. Его сосѣди уважаютъ: штатскій генералъ Щерпетенко, первый по чину владѣлецъ въ уѣздѣ, всякій разъ снисходительно ему кланяется, когда проѣзжаетъ мимо его домика. Николай Иванычъ человѣкъ со вліяніемъ: онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго, и т. д. Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости, изъ усердія къ ближнимъ — нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ-нибудь нарушить его спокойствіе. Николай Иванычъ женатъ, и дѣти у него есть. Жена его бойкая, востроносая и быстроглазая мѣщанка, въ послѣднее время тоже нѣсколько отяжелѣла тѣломъ, подобно своему мужу. Онъ во всемъ на нее полагается, и деньги у ней подъ ключомъ. Пьяницы-крикуны ея боятся; она ихъ не любитъ: выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорѣе по сердцу. Дѣти Николая Иваныча еще малы; первыя всѣ перемерли, но оставшіяся пошли въ родителей: весело глядѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ ребятъ.

Былъ невыносимо-жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой поднимался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притынаго-Кабачка. Солнце разгоралось на небѣ, какъ бы свирѣпѣя; парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душной пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходящихъ, словно прося ихъ участья; одни воробьи не горевали и, распуша перушки, еще яростнѣе прежняго чирикали и дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучами носились надъ зелеными ко-

ноплянниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣньемъ ключей и колодцевъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда... Но кто же назоветъ это отвратительное пойло водою? Я хотѣлъ спросить у Николая Иваныча стаканъ пива или квасу.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не представляетъ отраднаго зрѣлища; но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда іюльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурыя, полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокій оврагъ, и выжженный, запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя, длинноногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ, остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивой, бурьяномъ и полынью, и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленный прудъ, съ каймой изъ полувысохшей грязи и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко истоптанной, пепеловидной землѣ, овцы, едва дыша и чихая отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣньемъ наклоняютъ головы какъ можно ниже, какъ будто выжидая, когда жъ пройдетъ, наконецъ, этотъ невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безсмысленнаго созерцанія, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались,—какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя, очевидно, размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ того желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди же!—залепеталъ онъ, съ усиліемъ подни-

мая густыя брови:—иди, Моргачъ, иди! экой ты, братецъ, ползешь, право слово. Это не хорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду,—раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы направо показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе, желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а носъ, острый и длинный, пахально выдвигался впередъ, какъ руль.—Иду, любезный,—продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенія:—зачѣмъ ты меня зовешь?.. Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? — сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели. — Экой ты, Моргачъ, чудной, братецъ: тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь: зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ-Яшка, да Дикій-Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились: осьмуху пива поставили—кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то-есть... понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ?— съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачемъ.—И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру,—съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало-быть, будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья-коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ!

— Ну, пойдемъ, простота,—возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцѣлуй же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя,—залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь, Езопъ изнѣженный,— презрительно отвѣтилъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Ужъ не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ о лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и

вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Вѣроятно, не многіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки; но пашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто. Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной на-двое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ широкимъ дубовымъ столомъ, продѣлано большое продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ-три пустыя бочки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ-нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ которыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный-Кабачокъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и, съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ, наливалъ своей полной и бѣлой рукою два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ, Моргачу и Обалдую; а за нимъ, въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его востроглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы—все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненьи: мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки

его дрожали, какъ въ лихорадкѣ, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными, блестящими волосами, жёсткими какъ щетина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ, можно было бы назвать почти свирѣпымъ, если бъ оно не было такъ спокойно-задумчиво. Онъ почти не шевелился и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ-подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ-Барниномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки— рядчикъ изъ Жиздры: это былъ невысокаго роста, плотный мужчина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазками и жидкой бородкой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ узкой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты: всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. Зато въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня съ плечъ, какъ только я переступилъ порогъ.

Мой приходъ—я это могъ замѣтить—сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ

поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужика въ изорванной свитѣ.

— Ну, что жъ!—возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, повидимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать, такъ начинать. А? Яша?..

— Начинать, начинать,—одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй,—хладнокровно и съ самоувѣренной улыбкой промолвилъ рядчикъ:—я готовъ.

— И я готовъ,—съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, — пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не начиналъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки,—всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай! — угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій-Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать?—спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго-Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно посерединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ,—залепеталъ Обалдуй:—тебѣ, братецъ.

Дикій-Баринъ посмотрѣлъ на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть,—съ разстановкой произнесъ Дикій-Баринъ:—да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ полу осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій-Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: „ну!“

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй подставилъ свой затаскапный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ; Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ—свой.

— Тебѣ выбирать, — проговорилъ Дикій-Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударялись другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій-Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичокъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ: всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь я же говорилъ, что тебѣ,—воскликнулъ Обалдуй:—я вѣдь говорилъ!

— Ну, ну, не „цыркай“ *)! — презрительно замѣтилъ Дикій-Баринъ.—Начинай,—продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую же мнѣ пѣсню пѣть? — спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, — отвѣчалъ Моргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь,—прибавилъ Николай Ивапычъ, медленно складывая руки на груди.—Въ этомъ тебѣ указу нѣту. Пой, какую хочешь; да только пой хорошо; а мы ужъ потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, — подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько,—заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

---

*) Цыркаютъ ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.

— Ну, ну, не прохлаждайся—начинай!—рѣшилъ Дикій-Баринъ и потупился.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнулъ головой и выступилъ впередъ. Яковъ впился въ него глазами...

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію самаго состязанія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ была уже мнѣ извѣстна, когда я встрѣтился съ ними въ Притынномъ-Кабачкѣ; о другихъ я собралъ свѣдѣнія впослѣдствіи.

Начнемъ съ Обалдуя. Настоящее имя этого человѣка было Евграфъ Ивановъ; но никто во всемъ околоткѣ не зналъ его иначе, какъ Обалдуемъ, и онъ самъ величалъ себя тѣмъ же прозвищемъ: такъ хорошо оно къ нему пристало. И дѣйствительно, оно какъ нельзя лучше шло къ его незначительнымъ, вѣчно встревоженнымъ чертамъ. Это былъ загулявшій, холостой дворовый человѣкъ, отъ котораго собственные господа давнымъ-давно отступились, и который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ, однако, средство каждый день покутить на чужой счетъ. У него было множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, сами не зная зачѣмъ, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже, напротивъ, надоѣдалъ всѣмъ своей безсмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными тѣлодвиженіями и безпрестаннымъ, неестественнымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть, ни плясать; отроду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова: все „лотошилъ“, да вралъ, что ни попало—прямой Обалдуй! И между тѣмъ, ни одной попойки на сорокъ верстъ кругомъ не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ же, между гостями, — такъ ужъ къ нему привыкли и переносили его присутствіе, какъ неизбѣжное зло. Правда, обходились съ нимъ презрительно, но укрощать его пылкіе порывы умѣлъ одинъ Дикій-Баринъ.

Моргачъ нисколько не походилъ на Обалдуя. Къ нему тоже шло названье Моргача, хотя онъ глазами не мор-

галъ болѣе другихъ людей; извѣстное дѣло: русскій народъ на прозвища мастеръ. Несмотря на мое старанье вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этого человѣка, въ жизни его остались для меня—и, вѣроятно, для многихъ другихъ—темныя пятна, мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой бездѣтной барыни, бѣжалъ со ввѣренной ему тройкой лошадей, пропадалъ цѣлый годъ и, должно-быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невыгодахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но уже хромой, бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, примѣрнымъ поведеньемъ загладивъ свое преступленье, понемногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ, наконецъ, ея полную довѣренность, попалъ въ приказчики, а по смерти барыни, неизвѣстно какимъ образомъ, оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакши, разбогатѣлъ и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ опытный, себѣ на умѣ, не злой и не добрый, а болѣе разсчетливый; это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ то же время предпріимчивъ, какъ лисица: болтливъ, какъ старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякаго другого заставитъ высказаться; впрочемъ, не прикидывается простачкомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка; да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видывалъ болѣе проницательныхъ и умныхъ глазъ, какъ его крошечныя, лукавыя „глядѣлки“ *). Они никогда не смотрятъ просто—все высматриваютъ, да подсматриваютъ. Моргачъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ обдумываетъ какое-нибудь, повидимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно-смѣлое дѣло, кажется, тутъ ему и голову сломить... смотришь — все удалось, все какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ, и вѣритъ въ свое счастье, вѣритъ примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но уважаютъ. Все его

(* Орловцы называютъ глаза глядѣлками, такъ же какъ ротъ ѣдаломъ.

семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцомъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. „А Моргачонокъ въ отца вышелъ", уже и теперь говорятъ о немъ вполголоса старики, сидя на завалинкахъ и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера: и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Объ Яковѣ-Туркѣ и рядчикѣ нечего долго распространяться. Яковъ, прозванный Туркомъ, потому что дѣйствительно происходилъ отъ плѣнной турчанки, былъ по душѣ — художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званію — черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца; что же касается до рядчика, судьба котораго, признаюсь, мнѣ осталась неизвѣстной, то онъ показался мнѣ изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщанином. Но о Дикомъ-Баринѣ стоитъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Первое впечатлѣніе, которое производилъ на васъ видъ этого человѣка, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложенъ онъ былъ неуклюже, „сбитнемъ", какъ говорятъ у насъ, но отъ него такъ и несло несокрушимымъ здоровьемъ, и — странное дѣло — его медвѣжеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ-быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собственномъ могуществѣ. Трудно было рѣшить съ перваго разу, къ какому сословію принадлежалъ этотъ Геркулесъ; онъ не походилъ ни на дворового, ни на мѣщанина, ни на обѣднявшаго подьячаго въ отставкѣ, ни на мелкопомѣстнаго разорившагося дворянина — псаря и драчуна: онъ былъ, ужъ точно, самъ по себѣ. Никто не зналъ, откуда онъ свалился къ намъ въ уѣздъ; поговаривали, что происходилъ онъ отъ одноодворцевъ и состоялъ будто гдѣ-то прежде на службѣ, но ничего положительнаго объ этомъ не знали; да и отъ кого было и узнавать,—не отъ него же самого: не было человѣка болѣе молчаливаго и угрюмаго. Такъ же никто не могъ положительно сказать, чѣмъ онъ живетъ; онъ никакимъ ремесломъ не занимался, ни къ кому не

ѣздилъ, не знался почти ни съ кѣмъ, а деньги у него водились; правда, небольшія, но водились. Велъ онъ себя не то, что скромно, — въ немъ вообще не было ничего скромнаго, — но тихо; онъ жилъ, словно никого вокругъ себя не замѣчалъ и рѣшительно ни въ комъ не нуждался. Дикій-Баринъ (такъ его прозвали; настоящее же его имя было Перевлѣсовъ) пользовался огромнымъ вліяніемъ во всемъ округѣ; ему повиновались тотчасъ и съ охотой, хотя онъ не только не имѣлъ никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже самъ не изъявлялъ малѣйшаго притязанія на послушаніе людей, съ которыми случайно сталкивался. Онъ говорилъ—ему покорялись; сила всегда свое возьметъ. Онъ почти не пилъ вина, не знался съ женщинами и страстно любилъ пѣніе. Въ этомъ человѣкѣ было много загадочнаго: казалось, какія-то громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ бы зная, что разъ поднявшись, что сорвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить и себя, и все, до чего ни коснуться; и я жестоко ошибаюсь, если въ жизни этого человѣка не случилось уже подобнаго взрыва, если онъ, наученный опытомъ и едва спасшись отъ гибели, неумолимо не держалъ теперь самого себя въ ежовыхъ рукавицахъ. Особенно поражала меня въ немъ смѣсь какой-то врожденной, природной свирѣпости и такого же врожденнаго благородства, — смѣсь, которой я не встрѣчалъ ни въ комъ другомъ.

И такъ, рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и виллялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій

tenore di grazia, tenor leger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я, молода-молоденька,
Земляцы маленько:
Я посѣю, молода-молоденька,
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманьемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; ему недоставало поддержки хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго-Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачомъ начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать! „Лихо... Забирай, шельмецъ!.. Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты этакая, пёсъ!.. Погуби Продъ твою душу!“ и пр. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, — а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій-Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, переки-

нувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: „молодецъ, молодецъ!“—даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: „А-га! хорошо, чортъ побери—хорошо!“ и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ!—кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій:—потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю—осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко... Уже я тебѣ говорю: далеко... А ты мнѣ вѣрь! (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди.)

— Да пусти же его; пусти, неотвязная... — съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку-то; вишь, онъ усталъ!.. Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ! Что присталъ, словно банный листъ?

— Ну, что жъ, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказалъ Обалдуй, и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо; а Обалдуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ, и по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, — ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй. Посмотримъ, кто кого; посмотримъ... А хорошо поетъ рядчикъ, ей-Богу, хорошо.

— Очинна хорошо, — замѣтила Николая Иванычева жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Хорошо-га! — повторилъ вполголоса мой сосѣдъ.

скать, радъ знакомству.—„Вы ошибаетесь, я не здѣшняя хозяйка, а ея родственница... Что вамъ угодно?“—Я замѣтилъ ей тутъ же, что мнѣ съ хозяйкой-то и нужно переговорить.—„Марья Ильинична не принимаетъ сегодня: она нездорова... Что вамъ угодно?“—Дѣлать нечего, подумалъ я про себя, объясню ей мое обстоятельство. Старуха меня выслушала.—„Матрена? какая Матрена?“—Матрена Ѳедорова, Куликова дочь.—„Ѳедора Кулика дочь... да какъ вы ее знаете?“—Случайнымъ манеромъ.—„А извѣстно ей ваше памѣреніе?“—Извѣстно.—Старуха замолчала.—„Да я ее, негодную!..“—Я, признаюсь, удивился.—За что же, помилуйте!.. Я за нее готовъ внести сумму, только извольте назначить.—Старая хрычовка такъ и зашипѣла.—„Вотъ, вздумали чѣмъ удивить: нужны намъ очень ваши деньги!.. а вотъ я ее ужо, вотъ я ее... Дурь-то изъ нея выбью“.—Раскашлялась старуха со злости.—„Не хорошо ей у насъ, что ли?.. Ахъ, она чертовка, прости, Господи, мое согрѣшенье!“—Я, признаюсь вспыхнулъ.—За что же вы грозите бѣдной дѣвкѣ? чѣмъ она, то-есть, виновата?—Старуха перекрестилась.—„Ахъ, ты мой Господи, да развѣ я...“—Да вѣдь она не ваша!—„Ну, ужъ про это Марья Ильинична знаетъ; не ваше, батюшка, дѣло; а вотъ, я ужо Матрешкѣ-то покажу, чья она холопка“.—Я, признаюсь, чуть не бросился на проклятую старуху, да вспомнилъ о Матренѣ, и руки опустились. Заробѣлъ такъ, что пересказать невозможно; началъ упрашивать старуху: возьмите, дескать, что хотите.—„Да на что она вамъ?“—Понравилась, матушка; войдите въ мое положенье... Позвольте поцѣловать у васъ ручку.—И таки-поцѣловалъ у шельмы руку!—„Ну“, прошамшила вѣдьма: „я скажу Марьѣ Ильиничнѣ; какъ она прикажетъ; а вы заѣзжайте дня черезъ два“.—Я уѣхалъ домой въ большомъ безпокойствѣ. Начиналъ я догадываться, что дѣло неладно повелъ, напрасно далъ свое расположенье замѣтить, да хватился-то я поздно. Дня черезъ два отправился я къ барынѣ. Привели меня въ кабинетъ. Цвѣтовъ пропасть, убранство отличное, сама сидитъ въ такихъ мудреныхъ креслахъ и голову назадъ завалила

на подушки; и родственница прежняя тутъ сидитъ, да еще какая-то барышня бѣлобрысая, въ зеленомъ платьѣ, криворотая компаньонка, должно-быть. Старуха загнусила: „прошу садиться“. Я сѣлъ. Стала меня разспрашивать о томъ, сколько мнѣ лѣтъ, да гдѣ я служилъ, да что намѣренъ дѣлать, и такъ все свысока-важно. Я отвѣчалъ подробно. Старуха взяла со стола платокъ, помахала, помахала на себя... — „Мнѣ“, говоритъ, „докладывала Катерина Карповна объ вашемъ намѣреніи, докладывала“, говоритъ; „по я себѣ“, говоритъ, „положила за правило: людей въ услуженіе не отпускать. Оно и неприлично, да и не годится въ порядочномъ домѣ: это не порядокъ. Я уже распорядилась“, говоритъ, „вамъ уже болѣе безпокоиться“, говоритъ, „нечего“. — Какое безпокойство, помилуйте... А можетъ, вамъ Матрена Ѳедоровна нужна?—„Нѣтъ“, говоритъ, „не нужна“.—Такъ отчего же вы мнѣ ее уступить не хотите? — „Оттого, что мнѣ не угодно, не угодно, да и все тутъ. Я ужъ“, говоритъ, „распорядилась: она въ степную деревню посылается“.—Меня какъ громомъ хлопнуло. Старуха сказала слова два по-французски зеленой барышнѣ: та вышла.— „Я“, говоритъ, „женщина правилъ строгихъ, да и здоровье мое слабое: безпокойства переносить не могу. Вы еще молодой человѣкъ, а я ужъ старая женщина и въ правѣ вамъ давать совѣты. Не лучше ли вамъ пристроиться, жениться, поискать хорошей партіи; богатыя невѣсты рѣдки, но дѣвицу бѣдную, зато хорошей нравственности найти можно“.—Я, знаете, гляжу на старуху и ничего не понимаю, что она тамъ такое мелетъ; слышу, что толкуетъ о женитьбѣ, а у меня степная деревня все въ ушахъ звенитъ. Жениться!.. какой чортъ...

Тутъ разсказчикъ внезапно остановился и поглядѣлъ на меня.

— Вѣдь вы не женаты?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно, дѣло извѣстное. Я не вытерпѣлъ:— Да помилуйте, матушка, что вы за ахинею порете? Какая тутъ женитьба? я просто желаю узнать отъ васъ, усту-

наете вы вашу дѣвку Матрену, или нѣтъ? — Старуха заохала. — „Ахъ, онъ меня обезпокоилъ! ахъ, велите ему уйти! ахъ!..“ — Родственница къ ней подскочила и раскричалась на меня. А старуха все стонетъ: „Чѣмъ это я заслужила?.. Стало-быть, я ужъ въ своемъ домѣ не госпожа? ахъ, ахъ!“ — Я схватилъ шляпу и, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ вонъ.

— Можетъ-быть, — продолжалъ разсказчикъ: — вы осудите меня за то, что я такъ сильно привязался къ дѣвушкѣ изъ низкаго сословія: я и не намѣренъ себя, то-есть, оправдывать... такъ ужъ оно пришлось! Вѣрите ли, ни днемъ, ни ночью покоя мнѣ не было... Мучусь! за что, думалъ я, погубилъ несчастную дѣвку! Какъ только, бывало, вспомню, что она въ зипунѣ гусей гоняетъ, да въ черномъ тѣлѣ, по барскому приказу, содержится, да староста, мужикъ въ дегтярныхъ сапогахъ, ее ругательски-ругаетъ—холодный потъ такъ съ меня и закапаетъ. Ну, не вытерпѣлъ, провѣдалъ, въ какую деревню ее сослали, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ туда. На другой день подъ-вечеръ только пріѣхалъ. Видно, отъ меня такого пассажа не ожидали и никакого на мой счетъ приказанія не дали. Я прямо къ старостѣ, будто сосѣдъ; вхожу на дворъ, гляжу: Матрена сидитъ на крылечкѣ и рукой подперлась. Она-было вскрикнула, да я ей погрозилъ и показалъ на задворье, въ поле. Вошелъ въ избу; со старостой покалякалъ, навралъ ему чортову тьму, улучилъ минутку и вышелъ къ Матренѣ. Она, бѣдняжка, такъ у меня на шеѣ и повисла. Поблѣднѣла, похудѣла, моя голубушка. Я, знаете ли, говорю ей: ничего, Матрена; ничего, не плачь,—а у самого слезы такъ и бѣгутъ, и бѣгутъ... Ну однакожъ, наконецъ, и мнѣ стыдно стало; говорю ей:— Матрена, слезами горю не пособить, а вотъ что: надобно дѣйствовать, какъ говорится, рѣшительно, надобно тебѣ бѣжать со мной; вотъ какъ надобно дѣйствовать. Матрена такъ и обмерла...—„Какъ можно! да я пропаду, да они меня заѣдятъ совсѣмъ!“ — Глупая ты, кто тебя сыщетъ? — „Сыщутъ, непремѣнно сыщутъ. Спасибо вамъ, Петръ Петровичъ, — вѣкъ не забуду вашей ласки,

но ужъ вы меня теперь предоставьте; ужъ, видно, такова моя судьба". — Эхъ, Матрена, Матрена, а я тебя считалъ за дѣвку съ карахтеромъ.—И точно карахтеру у ней было много... душа была, золотая душа!—Что жъ тебѣ здѣсь оставаться? все равно; хуже не будетъ. Ну, вотъ, сказывай: старостиныхъ кулаковъ отвѣдывала, а? — Матрена такъ и вспыхнула, и губы у ней задрожали. „Да изъ-за меня семьѣ моей житья не будетъ".—Ну ее, твою семью... Сошлютъ ее, что ли? — „Сошлютъ; брата-то навѣрное сошлютъ".—А отца?—„Ну, отца не сошлютъ; онъ у насъ одинъ хорошій портной и есть".—Ну, вотъ, видишь; а братъ твой отъ этого не пропадетъ.—Повѣрите ли, насилу уломалъ ее; вздумала еще толковать о томъ, что, дескать, вы за это отвѣчать будете... Да ужъ это,—говорю я,—не твое дѣло... Однако, я-таки ее увезъ... не въ этотъ разъ, а въ другой: ночью, на телѣгѣ пріѣхалъ—и увезъ.

— Увезли?

— Увезъ... Ну, вотъ, она и поселилась у меня. Домикъ у меня былъ небольшой, прислуги мало. Люди мои, безъ обиняковъ скажу, меня уважали; не выдали бы ни за какія благополучія. Сталъ я поживать припѣваючи. Матренушка отдохнула, поправилась; вотъ, я къ ней и привязался... Да и что за дѣвка была! Откуда что бралось? и пѣть-то она умѣла, и плясать, и на гитарѣ играть... Сосѣдямъ я ее не показывалъ: чего добраго, разболтаютъ! А былъ у меня пріятель, другъ закадычный, Горностаевъ Пантелей — вы не изволите знать? Тотъ въ ней, просто, души не чаялъ; какъ у барыни, руки у ней цѣловалъ, право. И скажу вамъ, Горностаевъ не мнѣ чета: человѣкъ онъ образованный, всего Пушкина прочелъ; станетъ, бывало, съ Матреной да со мной разговаривать, такъ мы и уши развѣсимъ. Писать ее выучилъ, такой чудакъ! А ужъ какъ я одѣвалъ ее,—просто, лучше губернаторши; сшилъ ей шубку изъ малиноваго бархата съ мѣховой опушкой... Ужъ какъ эта шубка на ней сидѣла! Шубку-то эту московская мадамъ шила по новому манеру, съ перехватомъ. И ужъ какая чудная эта Матрена была! Бывало, задумается, да и сидитъ по часамъ; на полъ глядитъ, бровью

не шевельнетъ; и я тоже сижу, да на нее смотрю, да насмотрѣться не могу, словно никогда не видалъ... Она улыбнется, а у меня сердце такъ и дрогнетъ, словно кто пощекотитъ. А то, вдругъ примется смѣяться, шутить, плясать; обниметъ меня такъ жарко, такъ крѣпко, что голова кругомъ пойдетъ. Съ утра до вечера, бывало, только и думаю: чѣмъ бы мнѣ ее порадовать? И вѣрите ли, вѣдь только для того ее дарилъ, чтобы посмотрѣть, какъ она, душа моя, обрадуется, вся покраснѣетъ отъ радости, какъ станетъ мой подарокъ примѣрять, какъ ко мнѣ въ обновкѣ подойдетъ и поцѣлуетъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ отецъ ея, Куликъ, пронюхалъ дѣло; пришелъ старикъ поглядѣть на насъ, да какъ заплачетъ... Такимъ-то мы образомъ мѣсяцевъ пять прожили; а я бы не прочь и весь вѣкъ съ ней такъ прожить, да судьба моя такая окаянная!

Петръ Петровичъ остановился.

— Что жъ такое сдѣлалось? — спросилъ я его съ участіемъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Все къ чорту пошло. Я же ее и погубилъ. Матрешка у меня смерть любила кататься въ санкахъ, и сама, бывало, правитъ; надѣнетъ свою шубку, шитыя рукавицы торжковскія, да только покрикиваетъ. Катались-то мы всегда вечеромъ, чтобы, знаете, кого-нибудь не встрѣтить. Вотъ, какъ-то разъ выбрался день такой, знаете, славный; морозно, ясно, вѣтра нѣту... мы и поѣхали. Матрена взяла вожжи. Вотъ, я и смотрю, куда это она ѣдетъ? Неужели въ Кукуевку, въ деревню своей барыни? Точно въ Кукуевку. Я ей и говорю: сумасшедшая, куда ты ѣдешь? Она гляпула ко мнѣ черезъ плечо, да усмѣхнулася. Дай, дескать, покуражиться. А! — подумалъ я: — была не была!.. Мимо господскаго дома прокатиться вѣдь хорошо? вѣдь хорошо — скажите сами? Вотъ, мы и ѣдемъ. Иноходецъ мой такъ и плыветъ, пристяжныя совершенно, скажу вамъ, завихрились, — вотъ, ужъ и Кукуевскую церковь видно; глядь, ползетъ по дорогѣ старый зеленый возокъ, и лакей на запяткахъ торчитъ... Барыня, барыня ѣдетъ! Я-было струсилъ, а Матрена-то какъ ударитъ вож-

жами по лошадямъ, да какъ помчится прямо на возокъ! Кучеръ! тотъ-то, вы понимаете, видитъ: летитъ навстрѣчу—Алхимерэсъ какой-то,—хотѣлъ, знаете, посторониться, да круто взялъ, да въ сугробъ возокъ-то и опрокинулъ. Стекло разбилось — барыня кричитъ: ай, ай, ай! ай, ай ай! компаньонка пищитъ: держи, держи! а мы, давай Богъ ноги, мимо. Скачемъ мы, а я думаю: худо будетъ, напрасно я ей позволилъ ѣхать въ Кукуевку. Что жъ вы думаете? вѣдь узнала барыня Матрену, и меня узнала, старая, да жалобу на меня и подай: бѣглая, дескать, моя дѣвка у дворянина Каратаева проживаетъ; да тутъ же и благодарность, какъ слѣдуетъ, предъявила. Смотрю, ѣдетъ ко мнѣ исправникъ; а исправникъ-то былъ мнѣ человѣкъ знакомый, Степанъ Сергѣичъ Кузовкинъ, хорошій человѣкъ; то-есть, въ сущности, человѣкъ не хорошій. Вотъ, пріѣзжаетъ и говоритъ: такъ и такъ, Петръ Петровичъ,—какъ же вы это такъ?.. Отвѣтственность сильная, и законы на этотъ счетъ ясные. Я ему говорю: ну, объ этомъ мы, разумѣется, съ вами побесѣдуемъ, а вотъ, не хотите ли перекусить съ дороги? Перекусить-то онъ согласился, но говоритъ: правосудіе требуетъ, Петръ Петровичъ, сами посудите.—Оно, конечно, правосудіе,—говорю я:—оно, конечно... а вотъ, я слышалъ, у васъ лошадка есть воронепькая, такъ не хотите ли помѣняться на моего Лампурдоса?.. А дѣвки Матрены Ѳедоровой у меня не имѣется.—Ну,—говоритъ онъ:—Петръ Петровичъ, дѣвка-то у васъ, мы вѣдь не въ Швейцаріи живемъ... а на Лампурдоса помѣняться лошадкой можно; можно, пожалуй, его и такъ взять. Однако, на этотъ разъ я его кое-какъ спровадилъ. Но старая барыня завозилась пуще прежняго; десяти тысячъ,—говоритъ,—не пожалѣю. Видите ли, ей, глядя на меня, вдругъ въ голову пришло женить меня на своей зеленой компаньонкѣ,—это я послѣ узналъ: оттого-то она такъ и разозлилась. Чего только эти барыни не придумаютъ!.. Со скуки, должно-быть. Плохо мнѣ пришлось: и денегъ-то я не жалѣлъ, и Матрену-то я пряталъ,—нѣтъ! Затормошили меня, завертѣли совсѣмъ. Въ долги влѣзъ, здоровья лишился... Вотъ, лежу однажды ночью у себя

на постелѣ и думаю: Господи Боже мой, за что терплю? Что жъ мнѣ дѣлать, коли я ее разлюбить не могу?.. Ну, не могу, да и только!—шасть ко мнѣ въ компату Матрена. Я на это время спряталъ ее было у себя на хуторѣ, верстахъ въ двухъ отъ своего дома. Я испугался.—Что? аль и тамъ тебя открыли?—„Нѣтъ, Петръ Петровичъ,—говоритъ она: — никто меня не безпокоитъ въ Бубновѣ; да долго ли это продолжится? Сердце мое,—говоритъ,—надрывается, Петръ Петровичъ; васъ мнѣ жаль, моего голубчика; вѣкъ не забуду ласки вашей, Петръ Петровичъ, а теперь пришла съ вами проститься". — Что ты, что ты, сумасшедшая?.. Какъ проститься? какъ проститься?..—„А такъ... пойду, да себя и выдамъ".—Да я тебя, сумасшедшую, на чердакъ запру... Иль ты погубить меня вздумала? уморить меня желаешь, что ли?—Молчитъ себѣ дѣвка, да глядитъ на полъ.—Ну, да говори же, говори!—„Не хочу вамъ больше безпокойства причинять, Петръ Петровичъ".—Ну, поди, толкуй съ ней... — Да ты знаешь ли, дура, ты знаешь ли, сума... сумасшедшая...

И Петръ Петровичъ горько зарыдалъ.

— Вѣдь, что вы думаете?—продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и стараясь нахмурить брови, межъ тѣмъ, какъ слезы все еще бѣжали по его разгорячennымъ щекамъ: — вѣдь выдала себя дѣвка,—пошла, да и выдала себя...

— Лошади готовы-съ!—торжественно воскликнулъ смотритель, входя въ комнату.

Мы оба встали.

— Что же сдѣлалось съ Матреной?—спросилъ я.

Каратаевъ махнулъ рукой.

Спустя годъ послѣ моей встрѣчи съ Каратаевымъ, случилось мнѣ заѣхать въ Москву. Разъ какъ-то, передъ обѣдомъ, зашелъ я въ кофейную, находящуюся за Охотнымъ рядомъ,—оригинальную московскую кофейную. Въ бильярдной, сквозь волны дыма, мелькали раскраснѣвшіяся лица, усы, хохлы, старомодныя венгерки и новѣйшія святославки. Худые старички въ скромныхъ сюртукахъ читали русскія газеты. Прислуга рѣзво мелькала съ подно-

сами, мягко ступая по зеленымъ коврикамъ. Купцы съ мучительнымъ напряженіемъ пили чай. Вдругъ изъ бильярдной вышелъ человѣкъ, нѣсколько растрепанный и не совсѣмъ твердый на ногахъ. Онъ положилъ руки въ карманы, опустилъ голову и безсмысленно посмотрѣлъ кругомъ.

— Ба, ба, ба! Петръ Петровичъ!.. Какъ поживаете?

Петръ Петровичъ чуть не бросился ко мнѣ на шею и потащилъ меня, слегка качаясь, въ маленькую особенную комнату.

— Вотъ здѣсь,—говорилъ онъ, заботливо усаживая меня въ кресла:—здѣсь вамъ будетъ хорошо. Человѣкъ, пива! нѣтъ, то-есть, шампанскаго! Ну, признаюсь, не ожидалъ, не ожидалъ... Давно ли? надолго ли? Вотъ, привелъ Богъ, какъ говорится, того...

— Да, помните...

— Какъ не помнить, какъ не помнить,—торопливо перервалъ онъ меня:—дѣло прошлое... дѣло прошлое...

— Ну, что вы здѣсь подѣлываете, любезный Петръ Петровичъ?

— Живу, какъ изволите видѣть. Здѣсь житье хорошее, народъ здѣсь радушный. Здѣсь я успокоился.

И онъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Служите?

— Нѣтъ-съ, еще не служу, а думаю скоро опредѣлиться. Да что служба?.. Люди — вотъ главное. Съ какими я здѣсь людьми познакомился!..

Мальчикъ вошелъ съ бутылкой шампанскаго на черномъ подносѣ.

— Вотъ, и это хорошій человѣкъ... не правда ли, Вася, ты хорошій человѣкъ? На твое здоровье!

Мальчикъ постоялъ, прилично тряхнувъ головкой, улыбнулся и вышелъ.

— Да, хорошіе здѣсь люди,—продолжалъ Петръ Петровичъ:—съ чувствомъ, съ душой... Хотите, я васъ познакомлю? Такіе славные ребята... Они всѣ вамъ будутъ рады. И скажу... Бобровъ умеръ, вотъ горе.

— Какой Бобровъ?

— Сергѣй Бобровъ. Славный былъ человѣкъ; призрѣлъ-

было меня, невѣжу, степняка. И Горностаевъ Пантелей умеръ. Всѣ умерли, всѣ!

— Вы все время въ Москвѣ прожили? Не съѣздили въ деревню?

— Въ деревню... мою деревню продали.

— Продали?

— Сукціона... Вотъ, напрасно вы не купили!

— Чѣмъ же вы жить будете, Петръ Петровичъ?

— А не умру съ голоду, Богъ дастъ! денегъ не будетъ, друзья будутъ. Да что̀ деньги?—прахъ! Золото—прахъ!

Онъ зажмурился, пошарилъ рукой въ карманѣ и поднесъ ко мнѣ на ладони два пятиалтынныхъ и гривенникъ

— Что̀ это? Вѣдь прахъ? (И деньги полетѣли на полъ.) А вы лучше скажите мнѣ, читали ли вы Полежаева?

— Читалъ.

— Видали ли Мочалова въ Гамлетѣ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Не видали, не видали... (И лицо Каратаева побѣднѣло, глаза безпокойно забѣгали; онъ отвернулся; легкія судороги пробѣжали по его губамъ.) — Ахъ, Мочаловъ, Мочаловъ! „Окончить жизнь—уснуть“,—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ:

Не болѣе! и знать, что этотъ сонъ
Окончитъ жизнь и тысячи ударовъ,
Удѣлъ живыхъ... Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ! Умереть... уснуть...

— Уснуть, уснуть!—пробормоталъ онъ нѣсколько разъ.

— Скажите, пожалуйста,—началъ-было я; но онъ продолжалъ съ жаромъ:

Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсиліе правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ... О, помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

И онъ уронилъ голову на столъ. Онъ начиналъ заикаться и завираться.

— И черезъ мѣсяцъ!— произнесъ онъ съ новой силой:

Одинъ короткій, быстротечный мѣсяцъ!
И башмаковъ еще не износила,

Въ которыхъ шла, въ слезахъ,
За бѣднымъ прахомъ моего отца!
О, небо! Звѣрь безъ разума, безъ слова,
Грустилъ бы долѣе...

Онъ поднесъ рюмку шампанскаго къ губамъ, но не выпилъ вина и продолжалъ:

Изъ-за Гекубы?
Что онъ Гекубѣ, что она ему,
Что плачетъ онъ объ ней?..
А я... презрѣнный, малодушный рабъ,—
Я трусъ! Кто назоветъ меня негоднымъ?
Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
А я обиду перенесъ бы... Да!
Я голубь мужествомъ;—во мнѣ нѣтъ желчи,
И мнѣ обида не горька...

Каратаевъ уронилъ рюмку и схватилъ себя за голову. Мнѣ показалось, что я его понялъ.

— Ну, да что,—проговорилъ онъ, наконецъ:—кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ... Не правда ли? (И онъ засмѣялся.)—На ваше здоровье!

— Вы останетесь въ Москвѣ?—спросилъ я его.

— Умру въ Москвѣ!

— Каратаевъ!—раздалось въ сосѣдней комнатѣ.—Каратаевъ, гдѣ ты? Поди сюда, любезный че-а-экъ!

— Меня зовутъ,—проговорилъ онъ, тяжело поднимаясь съ мѣста. — Прощайте; зайдите ко мнѣ, если можете, я живу въ ***.

Но на другой день, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, я долженъ былъ выѣхать изъ Москвы и не видался болѣе съ Петромъ Петровичемъ Каратаевымъ.

XIX.

СВИДАНІЕ.

Я сидѣлъ въ березовой рощѣ осенью, около половины сентября. Съ самаго утра перепадалъ мелкій дождикъ, смѣняемый по временамъ теплымъ солнечнымъ сіяніемъ: была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми бѣлыми облаками, то вдругъ мѣстами расчищалось на мгновенье, и тогда изъ-за раздвинутыхъ тучъ показывалась лазурь ясная и ласковая, какъ прекрасный глазъ. Я сидѣлъ, и глядѣлъ кругомъ, и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дождя, безпрестанно измѣнялась, смотря по тому, свѣтило ли солнце или закрывалось облакомъ; она то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго

шелка, лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и переплетаясь передъ глазами; то вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, безъ блеску, бѣлыя, какъ только что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца;—и украдкой, лукаво, начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла; лишь кое-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя, сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосокъ синицы. Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я съ своей собакой прошелъ черезъ высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину—съ ея блѣдно-лиловымъ стволомъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ, неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ,—или когда, въ ясный вѣтреный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще я не люблю этого дерева, и потому, не остановясь въ осиновой рощѣ для отдыха, добрался до березоваго лѣска,

угнѣздился подъ однимъ деревцомъ, у котораго сучья начинались низко надъ землей и, слѣдовательно, могли защитить меня отъ дождя, и полюбовавшись окрестнымъ видомъ, заснулъ тѣмъ безмятежнымъ и кроткимъ сномъ, который знакомъ однимъ охотникамъ.

Не могу сказать, сколько я времени проспалъ, но когда я открылъ глаза,—вся внутренность лѣса была наполнена солнцемъ, и во всѣ направленья, сквозь радостно шумѣвшую листву, сквозило и какъ бы искрилось ярко-голубое небо: облака скрылись, разогнанныя взыгравшимъ вѣтромъ; погода расчистилась, и въ воздухѣ чувствовалась та особенная, сухая свѣжесть, которая, наполняя сердце какимъ-то бодрымъ ощущеньемъ, почти всегда предсказываетъ мирный и ясный вечеръ послѣ ненастнаго дня. Я собрался-было встать и снова попытать счастья, какъ вдругъ глаза мои остановились на неподвижномъ человѣческомъ образѣ. Я вглядѣлся: то была молодая крестьянская дѣвушка. Она сидѣла въ двадцати шагахъ отъ меня, задумчиво потупивъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни; на одной изъ нихъ, до половины раскрытой, лежалъ густой пучокъ полевыхъ цвѣтовъ и при каждомъ ея дыханьи тихо скользилъ на клѣтчатую юбку. Чистая бѣлая рубаха, застегнутая у горла и кистей, ложилась короткими, мягкими складками около ея стана: крупныя желтыя бусы въ два ряда спускались съ шеи на грудь. Она была очень недурна собою. Густые бѣлокурые волосы прекраснаго пепельнаго цвѣта расходились двумя тщательно причесанными полукругами изъ-подъ узкой, алой повязки, надвинутой почти на самый лобъ, бѣлый какъ слоновая кость; остальная часть ея лица едва загорѣла тѣмъ золотымъ загаромъ, который принимаетъ одна тонкая кожа. Я не могъ видѣть ея глазъ—она ихъ не поднимала; но я видѣлъ ея тонкія, высокія брови, ея длинныя рѣсницы: онѣ были влажны, и на одной изъ ея щекъ блисталъ по солнцѣ высохшій слѣдъ слезы, остановившійся у самыхъ губъ, слегка поблѣднѣвшихъ. Вся ея головка была очень мила; даже немного толстый и круглый носъ ее не портилъ. Мнѣ особенно нравилось выраженіе ея

лица: такъ оно было просто и кротко, такъ грустно и такъ полно дѣтскаго недоумѣнья передъ собственной грустью. Она видимо ждала кого-то; въ лѣсу что-то слабо хрустнуло. Она тотчасъ подняла голову и оглянулась; въ прозрачной тѣни быстро блеснули передо мной ея глаза, большіе, свѣтлые и пугливые, какъ у лани. Нѣсколько мгновеній прислушивалась она, не сводя широко раскрытыхъ глазъ съ мѣста, гдѣ раздался слабый звукъ, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже наклонилась и принялась медленно перебирать цвѣты. Вѣки ея покраснѣли, горько шевельнулись губы, и новая слеза прокатилась изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, останавливаясь и лучисто сверкая на щекѣ. Такъ прошло довольно много времени; бѣдная дѣвушка не шевелилась,—лишь изрѣдка тоскливо поводила руками и слушала, все слушала... Снова что-то зашумѣло по лѣсу,—она встрепенулась. Шумъ не переставалъ, становился явственнѣй, приближался, послышались, наконецъ, рѣшительные, проворные шаги. Она выпрямилась и какъ будто оробѣла; ея внимательный взоръ задрожалъ, кажется, ожиданьемъ. Сквозь чащу быстро замелькала фигура мужчины. Она вглядѣлась, вспыхнула вдругъ, радостно и счастливо улыбнулась, хотѣла-было встать и тотчасъ опять поникла вся, поблѣднѣла, смутилась—и только тогда подняла трепещущій, почти молящій взглядъ на пришедшаго человѣка, когда тотъ остановился рядомъ съ ней.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него изъ своей осады. Признаюсь, онъ не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Это былъ, по всѣмъ признакамъ, избалованный камердинеръ молодого, богатаго барина. Его одежда изобличала притязаніе на вкусъ и щегольскую небрежность: на немъ было коротенькое пальто бронзоваго цвѣта, вѣроятно, съ барскаго плеча, застегнутое до верху, розовый галстучекъ съ лиловыми кончиками и бархатный, черный картузъ съ золотымъ галуномъ, надвинутый на самыя брови. Круглые воротнички его бѣлой рубашки немилосердно подпирали ему уши и рѣзали щеки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красныхъ и

кривыхъ пальцевъ, украшенныхъ серебряными и золотыми кольцами съ незабудками изъ бирюзы. Лицо его, румяное, свѣжее, нахальное, принадлежало къ числу лицъ, которыя, сколько я могъ замѣтить, почти всегда возмущаютъ мужчинъ и, къ сожалѣнію, очень часто нравятся женщинамъ. Онъ видимо старался придать своимъ грубоватымъ чертамъ выраженіе презрительное и скучающее; безпрестанно щурилъ свои, и безъ того крошечные, молочно-сѣрые глазки, морщился, опускалъ углы губъ, принужденно зѣвалъ и съ небрежной, хотя не совсѣмъ ловкой развязностью то поправлялъ рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипалъ желтые волосики, торчавшіе на толстой верхней губѣ,—словомъ, ломался нестерпимо. Началъ онъ ломаться, какъ только увидалъ молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистымъ шагомъ подошелъ онъ къ ней, постоялъ, подернулъ плечами, засунулъ обѣ руки въ карманы пальто и, едва удостоивъ бѣдную дѣвушку бѣглымъ и равнодушнымъ взглядомъ, опустился на землю.

— А что,—началъ онъ, продолжая глядѣть куда-то въ сторону, качая ногою и зѣвая:—давно ты здѣсь?

Дѣвушка не могла тотчасъ ему отвѣчать.

— Давно-съ, Викторъ Александрычъ,—проговорила она, наконецъ, едва слышнымъ голосомъ.

— А! (Онъ снялъ картузъ, величественно провелъ рукою по густымъ, туго завитымъ волосамъ, начинавшимся почти у самыхъ бровей, и, съ достоинствомъ посмотрѣвъ кругомъ, бережно прикрылъ опять свою драгоцѣнную голову.) А я-было совсѣмъ и позабылъ. Притомъ, вишь, дождикъ! (Онъ опять зѣвнулъ.) — Дѣла пропасть: за всѣмъ не усмотришь, а тотъ еще бранится. Мы завтра ѣдемъ...

— Завтра?—произнесла дѣвушка и устремила на него испуганный взоръ.

— Завтра... Ну, ну, ну, пожалуйста,— подхватилъ онъ поспѣшно и съ досадой, увидѣвъ, что она затрепетала вся и тихо наклонила голову:—пожалуйста, Акулина, не плачь. Ты знаешь, я этого терпѣть не могу. (И онъ на-

морщилъ свой тупой носъ.) А то я сейчасъ уйду... Что за глупости—хныкать!

— Ну, не буду, не буду, — торопливо произнесла Акулина, съ усиліемъ глотая слезы.—Такъ вы завтра ѣдете?— прибавила она послѣ небольшого молчанья: — когда-то Богъ приведетъ опять увидѣться съ вами, Викторъ Александрычъ?

— Увидимся, увидимся. Не въ будущемъ году — такъ послѣ. Баринъ-то, кажется, въ Петербургъ на службу поступить желаетъ, — продолжалъ онъ, выговаривая слова небрежно и нѣсколько въ носъ: — а, можетъ-быть, и за границу уѣдемъ.

— Вы меня забудете, Викторъ Александрычъ,—печально промолвила Акулина.

— Нѣтъ, отчего же? Я тебя не забуду: только ты будь умна, не дурачься, слушайся отца... А я тебя не забуду— нѣ-ѣтъ. (И онъ спокойно потянулся и опять зѣвнулъ.)

— Не забывайте меня, Викторъ Александрычъ, — продолжала она умоляющимъ голосомъ. — Ужъ, кажется, я на что васъ любила, все, кажется, для васъ... Вы говорите, отца мнѣ слушаться, Викторъ Александрычъ... Да какъ же мнѣ отца-то слушаться...

— А что? (Онъ произнесъ эти слова какъ бы изъ желудка, лежа на спинѣ и подложивъ руки подъ голову.)

— Да какъ же, Викторъ Александровичъ, — вы сами знаете...

Она умолкла. Викторъ поигралъ стальной цѣпочкой своихъ часовъ.

— Ты, Акулина, дѣвка не глупая, — заговорилъ онъ, наконецъ:— потому вздору не говори. Я твоего же добра желаю, понимаешь ты меня? Конечно, ты не глупа, не совсѣмъ мужичка, такъ сказать; и твоя мать тоже не всегда мужичкой была. Все же, ты безъ образованья, — стало-быть, должна слушаться, когда тебѣ говорятъ.

— Да страшно, Викторъ Александрычъ.

— Н-и, какой вздоръ, моя любезная: въ чемъ нашла страхъ! Что это у тебя, — прибавилъ онъ, подвинувшись къ ней:—цвѣты?

— Цвѣты,—упало отвѣчала Акулина.— Это я полевой рябинки нарвала, — продолжала она, нѣсколько оживившись:—это для телятъ хорошо. А это вотъ череда—противъ золотухи. Вотъ, поглядите-ка, какой чудный цвѣтикъ: такого чуднаго цвѣтика я еще отродясь не видала. Вотъ незабудки, а вотъ маткина-душка... А вотъ это я для васъ,—прибавила она, доставая изъ-подъ желтой рябинки небольшой пучокъ голубенькихъ васильковъ, перевязанныхъ топенькой травкой:—хотите?

Викторъ лѣниво протянулъ руку, взялъ, небрежно понюхалъ цвѣты и началъ вертѣть ихъ въ пальцахъ, съ задумчивой важностью посматривая вверхъ. Акулина глядѣла на него... Въ ея грустномъ взорѣ было столько нѣжной преданности, благоговѣйной покорности и любви. Она и боялась-то его, и не смѣла плакать, и прощалась съ нимъ, и любовалась имъ въ послѣдній разъ; а онъ лежалъ, развалясь, какъ султанъ, и съ великодушнымъ терпѣньемъ и снисходительностію сносилъ ея обожанье. Я, признаюсь, съ негодованьемъ разсматривалъ его красное лицо, на которомъ сквозь притворно-презрительное равнодушіе проглядывало удовлетворенное, пресыщенное самолюбіе. Акулина была такъ хороша въ это мгновеніе: вся душа ея довѣрчиво, страстно раскрывалась передъ нимъ, тянулась, ластилась къ нему, а онъ... онъ уронилъ васильки на траву, досталъ изъ бокового кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ; но, какъ онъ ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носомъ—стеклышко все вываливалось и падало ему въ руку.

— Что это?—спросила, наконецъ, изумленная Акулина.

— Лорнетъ,—отвѣчалъ онъ съ важностью.

— Для чего?

— А чтобъ лучше видѣть.

— Покажите-ка.

Викторъ поморщился, но далъ ей стеклышко.

— Не разбей, смотри.

— Небось, не разобью. (Она робко поднесла его къ глазу.) Я ничего не вижу,—невинно проговорила она.

— Да ты глазъ-то зажмурь, — возразилъ онъ голосомъ недовольнаго наставника. (Она зажмурила глазъ, передъ которымъ держала стеклышко.) — Да не тотъ, не тотъ, глупая! другой! — воскликнулъ Викторъ и, не давши ей исправить свою ошибку, отнялъ у ней лорнетъ.

Акулина покраснѣла, чуть-чуть засмѣялась и отвернулась.

— Видно, намъ не годится,—промолвила она.

— Еще бы!

Вѣдняжка помолчала и глубоко вздохнула.

— Ахъ, Викторъ Александрычъ, какъ это будетъ намъ быть безъ васъ!—сказала она вдругъ.

Викторъ вытеръ лорнетъ полой и положилъ его обратно въ карманъ.

— Да, да,—заговорилъ онъ, наконецъ: — тебѣ сначала будетъ тяжело, точно. (Онъ снисходительно потрепалъ ее по плечу; она тихонько достала съ своего плеча его руку и робко ее поцѣловала.) — Ну, да, да, ты точно дѣвка добрая,—продолжалъ онъ, самодовольно улыбнувшись:— но что же дѣлать? Ты сама посуди! намъ съ барономъ нельзя же здѣсь остаться: теперь скоро зима, а въ деревнѣ зимой—ты сама знаешь—просто скверность. То ли дѣло въ Петербургѣ! Тамъ, просто, такія чудеса, какихъ ты, глупая, и во снѣ себѣ представить не можешь. Дома какіе, улицы, а обчество, образованье—просто удивленье!.. (Акулина слушала его съ пожирающимъ вниманіемъ, слегка раскрывъ губы, какъ ребенокъ.) — Впрочемъ, — прибавилъ онъ, заворочавшись на землѣ: — къ чему я тебѣ это все говорю? Вѣдь ты этого понять не можешь!

— Отчего же, Викторъ Александрычъ? Я поняла: я все поняла.

— Вишь, какая!

Акулина потупилась.

— Прежде вы со мной не такъ говаривали, Викторъ Александрычъ,—проговорила она, не поднимая глазъ.

— Прежде?.. прежде! Вишь ты!.. Прежде!—замѣтилъ онъ, какъ бы негодуя.

Они оба помолчали.

— Однако, мнѣ пора идти, — проговорилъ Викторъ и уже оперся-было на локоть ..

— Подождите еще немножко, — умоляющимъ голосомъ произнесла Акулина.

— Чего ждать?.. Вѣдь ужъ я простился съ тобой.

— Подождите,—повторила Акулина.

Викторъ опять улегся и принялся посвистывать. Акулина все не спускала съ него глазъ. Я могъ замѣтить, что она понемногу приходила въ волненіе: ея губы подергивало, блѣдныя ея щеки слабо заалѣлись...

— Викторъ Александрычъ,—заговорила она, наконецъ, прерывающимся голосомъ:—вамъ грѣшно... вамъ грѣшно, Викторъ Александрычъ: ей-Богу!

— Что такое грѣшно?—спросилъ онъ, нахмуривъ брови, и слегка приподнялъ и повернулъ къ ней голову.

— Грѣшно, Викторъ Александрычъ. Хоть бы доброе словечко мнѣ сказали на прощанье; хоть бы словечко мнѣ сказали, горемычной сиротинушкѣ...

— Да что я тебѣ скажу?

— Я не знаю; вы это лучше знаете, Викторъ Александрычъ. Вотъ, вы ѣдете, и хоть бы словечко... Чѣмъ я заслужила?

— Какая же ты странная! что жъ я могу?

— Хоть бы словечко...

— Ну, зарядила одно и то же,—промолвилъ онъ съ досадой и всталъ.

— Не сердитесь, Викторъ Александрычъ, — поспѣшно прибавила она, едва сдерживая слезы.

— Я не сержусь, а только ты глупа... Чего ты хочешь? Вѣдь я на тебѣ жениться не могу? вѣдь не могу? Ну, такъ чего жъ ты хочешь? чего? (Онъ уткнулся лицомъ, какъ бы ожидая отвѣта, и растопырилъ пальцы.)

— Я ничего... ничего не хочу,—отвѣчала она, запинаясь и едва осмѣливаясь простирать къ нему трепещущія руки:—а такъ, хоть бы словечко, на прощанье...

И слезы полились у ней ручьемъ.

— Ну, такъ и есть, пошла плакать,—хладнокровно промолвилъ Викторъ, надвигая сзади картузъ на глаза.

— Я ничего не хочу,—продолжала она, всхлипывая и закрывъ лицо обѣими руками:—но каково же мнѣ теперь въ семьѣ, каково же мнѣ? и что же со мной будетъ, что станется со мной, горемычной? За немилаго выдадутъ сиротиночку... Бѣдная моя головушка!

— Припѣвай, припѣвай,—вполголоса пробормоталъ Викторъ, переминаясь на мѣстѣ.

— А онъ хоть бы словечко, хоть бы одно... Дескать, Акулина, дескать, я...

Внезапныя, надрывающія грудь рыданья не дали ей докончить рѣчи—она повалилась лицомъ на траву и горько, горько заплакала... Все ея тѣло судорожно волновалось, затылокъ такъ и поднимался у ней... Долго сдержанное горе хлынуло, наконецъ, потокомъ. Викторъ постоялъ надъ нею, постоялъ, пожалъ плечами, повернулся и ушелъ большими шагами.

Прошло нѣсколько мгновеній... Она притихла, подняла голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками; хотѣла-было бѣжать за нимъ, но ноги у ней подкосились—она упала на колѣни... Я не выдержалъ и бросился къ ней; но едва успѣла она вглядѣться въ меня, какъ откуда взялись силы — она съ слабымъ крикомъ поднялась и исчезла за деревьями, оставивъ разбросанные цвѣты на землѣ.

Я постоялъ, поднялъ пучокъ васильковъ и вышелъ изъ рощи въ поле. Солнце стояло низко на блѣдно-ясномъ небѣ, лучи его тоже какъ будто поблекли и похолодѣли: они не сіяли, они разливались ровнымъ, почти водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса, а заря едва-едва зажигалась. Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивьё; торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканьемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломинкахъ, всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я остановился... Мнѣ стало грустно;

сквозь веселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ, повернулъ голову, посмотрѣлъ на меня сбоку, взмылъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ; большое стадо голубей рѣзко пронеслось съ гумна и, внезапно закружившись столбомъ, хлопотливо разсѣлось по полю — признакъ осени! Кто-то проѣхалъ за обнаженнымъ холмомъ, громко стуча пустой телѣгой...

Я вернулся домой; но образъ бѣдной Акулины долго не выходилъ изъ моей головы, и васильки ея, давно увядшіе, до сихъ поръ хранятся у меня...

XX.

ГАМЛЕТЪ ЩИГРОВСКАГО УѢЗДА.

На однóй изъ моихъ поѣздокъ получилъ я приглашеніе отобѣдать у богатаго помѣщика и охотника, Александра Михайлыча Г***. Его село находилось верстахъ въ пяти отъ небольшой деревеньки, гдѣ я на ту пору поселился. Я надѣлъ фракъ, безъ котораго не совѣтую никому выѣзжать даже на охоту, и отправился къ Александру Михайлычу. Обѣдъ былъ назначенъ къ шести часамъ; я пріѣхалъ въ пять и засталъ уже великое множество дворянъ въ мундирахъ, въ партикулярныхъ платьяхъ и другихъ, менѣе опредѣлительныхъ одеждахъ. Хозяинъ встрѣтилъ меня ласково, но тотчасъ же побѣжалъ въ офиціантскую. Онъ ожидалъ важнаго сановника и чувствовалъ нѣкоторое волненіе, вовсе несообразное съ его независимымъ положеніемъ въ свѣтѣ и богатствомъ. Александръ Михайлычъ никогда женатымъ не былъ и не любилъ женщинъ; общество у него собиралось холостое. Онъ жилъ на большую ногу, увеличилъ и отдѣлалъ дѣдовскія хоромы великолѣпно, выписывалъ ежегодно изъ Москвы тысячъ на пятнадцать вина и вообще пользовался величайшимъ ува-

женіемъ. Александръ Михайлычъ давнымъ-давно вышелъ въ отставку и никакихъ почестей не добивался... Что же заставляло его напрашиваться на посѣщеніе сановнаго гостя и волноваться съ самаго утра въ день торжественнаго обѣда? Это остается покрыто мракомъ неизвѣстности, какъ говаривалъ одинъ мой знакомый стряпчій, когда его спрашивали: беретъ ли онъ взятки съ доброхотныхъ дателей?

Разставшись съ хозяиномъ, я началъ расхаживать по комнатамъ. Почти всѣ гости были мнѣ совершенно незнакомы: человѣкъ двадцать уже сидѣло за карточными столами. Въ числѣ этихъ любителей преферанса было два военныхъ съ благородными, но слегка изношенными лицами, нѣсколько штатскихъ особъ, въ тѣсныхъ, высокихъ галстукахъ и съ висячими, крашеными усами, какіе только бываютъ у людей рѣшительныхъ, но благонамѣренныхъ (эти благонамѣренные люди съ важностью подбирали карты и, не поворачивая головы, вскидывали сбоку глазами на подходившихъ); пять или шесть уѣздныхъ чиновниковъ съ круглыми брюшками, пухлыми и потными ручками и скромно-неподвижными ножками (эти господа говорили мягкимъ голосомъ, кротко улыбались на всѣ стороны, держали свои игры у самой манишки и, козыряя, не стучали по столу, а, напротивъ, волнообразно роняли карты на зеленое сукно и, складывая взятки, производили легкій, весьма учтивый и приличный скрипъ). Прочіе дворяне сидѣли на диванахъ, кучками жались къ дверямъ и подлѣ окопъ; одинъ, уже не молодой, но женоподобный по наружности помѣщикъ, стоялъ въ уголку, вздрагивалъ, краснѣлъ и съ замѣшательствомъ вертѣлъ у себя на желудкѣ печаткою своихъ часовъ, хотя никто не обращалъ на него вниманія; иные господа, въ круглыхъ фракахъ и клѣтчатыхъ панталонахъ работы московскаго портного, вѣчно-цехового мастера Ѳирса Клюхина, разсуждали необыкновенно развязно и бойко, свободно поворачивая своими жирными и голыми затылками; молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, подслѣповатый и бѣлокурый, съ ногъ до головы одѣтый въ черную одежду, видимо робѣлъ, но язвительно улыбался...

Однако, я начиналъ нѣсколько скучать, какъ вдругъ ко мнѣ присоединился нѣкто Войницынъ, недоучившійся молодой человѣкъ, проживавшій въ домѣ Александра Михайлыча въ качествѣ... мудрено сказать, въ какомъ именно качествѣ. Онъ стрѣлялъ отлично и умѣлъ дрессировать собакъ. Я его знавалъ еще въ Москвѣ. Онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, которые, бывало, на всякомъ экзаменѣ „играли столбняка“, то-есть не отвѣчали ни слова на вопросы профессора. Этихъ господъ, для красоты слога, называли также бакенбардистами. (Дѣла давно минувшихъ дней, какъ изволите видѣть.) Вотъ, какъ это дѣлалось: вызывали, напримѣръ, Войницына. Войницынъ, который до того времени неподвижно и прямо сидѣлъ на своей лавкѣ, съ ногъ до головы обливаясь горячей испариной и медленно, но безсмысленно поводя кругомъ глазами,—вставалъ, торопливо застегивалъ свой вицмундиръ до верху и пробирался бокомъ къ экзаменаторскому столу. — „Извольте взять билетъ“, съ пріятностью говорилъ ему профессоръ. Войницынъ протягивалъ руку и трепетно прикасался пальцами кучки билетовъ. — „Да не извольте выбирать“, замѣчалъ дребезжащимъ голосомъ какой-нибудь посторонній, но раздражительный старичокъ, профессоръ изъ другого факультета, внезапно возненавидѣвшій несчастнаго бакенбардиста. Войницынъ покорялся своей участи, бралъ билетъ, показывалъ нумеръ и шелъ садиться къ окну, пока предшественникъ его отвѣчалъ на свой вопросъ. У окна Войницынъ не спускалъ глазъ съ билета, развѣ только для того, чтобы попрежнему медленно посмотрѣть кругомъ, а впрочемъ, не шевелился ни однимъ членомъ. Вотъ, однако, предшественникъ его кончилъ, говорятъ ему: „хорошо, ступайте“ или даже: „хорошо-съ, очень хорошо-съ“, смотря по его способностямъ. Вотъ вызываютъ Войницына; Войницынъ встаетъ и твердымъ шагомъ приближается къ столу. — „Прочтите билетъ“, говорятъ ему. Войницынъ подноситъ обѣими руками билетъ къ самому своему носу, медленно читаетъ и медленно опускаетъ руки. — „Ну-съ, извольте отвѣчать“, лѣниво произноситъ тотъ же профессоръ, закидывая ту-

ловище назадъ и скрещивая на груди руки. Воцаряется гробовое молчаніе.—„Что же вы?“—Войницынъ молчитъ. Посторонняго старичка начинаетъ дергать.—„Да скажите же что-нибудь!“ — Молчитъ мой Войницынъ, словно замеръ. Стриженый его затылокъ круто и неподвижно торчитъ навстрѣчу любопытнымъ взорамъ всѣхъ товарищей. У посторонняго старичка глаза готовы выскочить: онъ окончательно ненавидитъ Войницына. — „Однакожъ, это странно“, замѣчаетъ другой экзаменаторъ: „что же вы, какъ нѣмой стоите? ну, не знаете, что ли? такъ такъ и скажите“. — „Позвольте другой билетъ взять“, глухо произноситъ несчастный. Профессора переглядываются. — „Ну, извольте“, махнувъ рукой, отвѣчаетъ главный экзаменаторъ. Войницынъ снова беретъ билетъ, снова идетъ къ окну, снова возвращается къ столу и снова молчитъ, какъ убитый. Посторонній старичокъ въ состояніи съѣсть его живого. Наконецъ, его прогоняютъ и ставятъ нуль. Вы думаете: теперь онъ, по крайней мѣрѣ, уйдетъ? какъ бы не такъ! Онъ возвращается на свое мѣсто, такъ же неподвижно сидитъ до конца экзамена, а уходя восклицаетъ: „ну, баня! экая задача!“—И ходитъ онъ цѣлый тотъ день по Москвѣ, изрѣдка хватаясь за голову и горько проклиная свою безталанную участь. За книгу онъ, разумѣется, не берется, и на другое утро та же повторяется исторія.

Вотъ, этотъ-то Войницынъ присосѣдился ко мнѣ. Мы съ нимъ говорили о Москвѣ, объ охотѣ.

— Не хотите ли, — шепнулъ онъ мнѣ вдругъ: — я познакомлю васъ съ первымъ здѣшнимъ острякомъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Войницынъ подвелъ меня къ человѣку маленькаго роста, съ высокимъ хохломъ и усами, въ коричневомъ фракѣ и пестромъ галстукѣ. Его желчныя, подвижныя черты дѣйствительно дышали умомъ и злостью. Бѣглая, ѣдкая улыбка безпрестанно кривила его губы; черные, прищуренные глазки дерзко выглядывали изъ-подъ неровныхъ рѣсницъ. Подлѣ него стоялъ помѣщикъ, широкій, мягкій, *сладкій—настоящій Сахаръ-Медовичъ—и кривой. Онъ* заранѣе смѣялся остротамъ маленькаго человѣка и словно

таялъ отъ удовольствія. Войницынъ представилъ меня остряку, котораго звали Петромъ Петровичемъ Лупихинымъ. Мы познакомились, обмѣнялись первыми привѣтствіями.

— А позвольте представить вамъ моего лучшаго пріятеля, — заговорилъ вдругъ Лупихинъ рѣзкимъ голосомъ, схвативъ сладкаго помѣщика за руку.—Да не упирайтесь же, Кирила Селифанычъ,—прибавилъ онъ:—васъ не укуситъ. Вотъ-съ,—продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ смущенный Кирила Селифанычъ такъ неловко раскланивался, какъ будто у него отваливался животъ:—вотъ-съ, рекомендую-съ, превосходный дворянинъ. Пользовался отличнымъ здоровьемъ до пятидесятилѣтняго возраста, да вдругъ вздумалъ лѣчить себѣ глаза, вслѣдствіе чего и окривѣлъ. Съ тѣхъ поръ лѣчитъ своихъ крестьянъ съ таковымъ же успѣхомъ... Ну, а они, разумѣется, съ таковою же преданностію...

— Вѣдь этакой,—пробормоталъ Кирила Селифанычъ—и засмѣялся.

— Договаривайте, другъ мой, эхъ, договаривайте, — подхватилъ Лупихинъ.—Вѣдь васъ, чего добраго, въ судьи могутъ избрать, и изберутъ, посмотрите. Ну, за васъ, конечно, будутъ думать засѣдатели, положимъ; да вѣдь надобно жъ, на всякій случай, хоть чужую-то мысль умѣть выговорить. Неравно заѣдетъ губернаторъ;—спроситъ: отчего судья занкается? Ну, положимъ, скажутъ: параличъ приключился; такъ бросьте ему, скажетъ, кровь. А оно въ вашемъ положеніи, согласитесь сами, неприлично.

Сладкій помѣщикъ такъ и покатился.

— Вѣдь вишь, смѣется,—продолжалъ Лупихинъ, злобно глядя на колыхающійся животъ Кирилы Селифаныча.—И отчего ему не смѣяться? — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—сытъ, здоровъ, дѣтей нѣтъ, мужики не заложены—онъ же ихъ лѣчитъ—жена съ придурью. (Кирила Селифанычъ немножко отвернулся въ сторону, будто не разслыхалъ, и все продолжалъ хохотать.) Смѣюсь же я, а у меня жена съ землемѣромъ убѣжала. (Онъ оскалился.) А вы этого не знали? Какъ же! Такъ-таки взяла, да и

убѣжала, и письмо мнѣ оставила: любезный, дескать, Петръ Петровичъ, извини: увлеченная страстью, удаляюсь съ другомъ моего сердца... А землемѣръ только тѣмъ и взялъ, что не стригъ ногтей, да панталоны носилъ въ обтяжку. Вы удивляетесь? Вотъ, дескать, откровенный человѣкъ... И, Боже мой! нашъ братъ-степнякъ такъ правдуматку и рѣжетъ. Однако, отойдемте-ка въ сторону... Что намъ подлѣ будущаго судьи стоять-то...

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы отошли къ окну.

— Я слыву здѣсь за остряка,—сказалъ онъ мнѣ въ теченіе разговора:—вы этому не вѣрьте. Я, просто, озлобленный человѣкъ и ругаюсь вслухъ: оттого я такъ и развязенъ. И зачѣмъ мнѣ церемониться, въ самомъ дѣлѣ? Я ничье мнѣніе въ грошъ не ставлю и ничего не добиваюсь; я золъ,—что жъ такое! Злому человѣку, по крайней мѣрѣ, ума не нужно. А какъ оно освѣжительно, вы не повѣрите... Ну, вотъ, напримѣръ, ну, вотъ, посмотрите на нашего хозяина! Ну, изъ чего онъ бѣгаетъ, помилуйте, — то-и-дѣло на часы смотритъ, улыбается, потѣетъ, важный видъ принимаетъ, насъ съ голоду моритъ? Эка невидаль—саповное лицо! Вотъ, вотъ, опять побѣжалъ—заковылялъ даже, посмотрите.

И Лупихинъ визгливо засмѣялся.

— Одна бѣда, барынь нѣту,—продолжалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:—холостой обѣдъ,—а то, вотъ, гдѣ нашему брату пожива. Посмотрите, посмотрите, — воскликнулъ онъ вдругъ:—идетъ князь Козельскій,—вонъ, этотъ высокій мужчина, съ бородой, въ желтыхъ перчаткахъ. Сейчасъ видно, что за границей побывалъ... и всегда такъ поздно пріѣзжаетъ. Глупъ, скажу я вамъ, одинъ, какъ пара купеческихъ лошадей; а изволили бы вы поглядѣть, какъ снисходительно онъ съ нашимъ братомъ заговариваетъ, какъ великодушно изволитъ улыбаться на любезности нашихъ голодныхъ матушекъ и дочекъ!.. И самъ иногда остритъ, даромъ что проѣздомъ здѣсь живетъ; зато какъ и остритъ! Ни дать, ни взять, тупымъ ножомъ бичовку пилитъ. Онъ меня терпѣть не можетъ... Пойду, поклонюсь ему.

И Лупихинъ побѣжалъ навстрѣчу князю.

— А вотъ мой личный врагъ идетъ,—промолвилъ онъ, вдругъ вернувшись ко мнѣ:—видите этого толстаго человѣка, съ бурымъ лицомъ и щетиной на головѣ,—вонъ, что шапку сгребъ въ руку, да по стѣнкѣ пробирается и на всѣ стороны озирается какъ волкъ? Я ему продалъ за 400 рублей лошадь, которая стоила 1,000, и это безсловесное существо имѣетъ теперь полное право презирать меня; а между тѣмъ, самъ до того лишенъ способности соображенья, особенно утромъ, до чаю, или тотчасъ послѣ обѣда, что ему скажешь: здравствуйте, а онъ отвѣчаетъ: чего-съ? А вотъ генералъ идетъ,—продолжалъ Лупихинъ: — штатскій генералъ, въ отставкѣ, разоренный генералъ. У него дочь изъ свекловичнаго сахару, и заводъ въ золотухѣ... Виноватъ, не такъ сказалъ... ну, да вы понимаете. А! и архитекторъ сюда попалъ! Нѣмецъ, а съ усами, и дѣла своего не знаетъ,—чудеса!.. А впрочемъ, па что́ ему и знать свое дѣло-то; лишь бы взятки бралъ, да колоннъ, столбовъ—то-есть, побольше ставилъ для нашихъ столбовыхъ дворянъ!

Лупихинъ опять захохоталъ... Но вдругъ тревожное волненіе распространилось по всему дому. Сановникъ пріѣхалъ. Хозяинъ такъ и хлынулъ въ переднюю. За нимъ устремились нѣсколько приверженныхъ домочадцевъ и усердныхъ гостей... Шумный разговоръ превратился въ мягкій, пріятный говоръ, подобный весеннему жужжанью пчелъ въ родимыхъ ульяхъ. Одна неугомонная оса—Лупихинъ и великолѣпный трутень—Козельскій не понизили голоса... И вотъ, вошла, наконецъ, матка—вошелъ сановникъ. Сердца понеслись къ нему навстрѣчу, сидящія туловища приподнялись; даже помѣщикъ, дешево купившій у Лупихина лошадь, даже тотъ помѣщикъ уткнулъ себѣ подбородокъ въ грудь. Сановникъ поддержалъ свое достоинство какъ нельзя лучше: покачивая головой назадъ, будто кланяясь, онъ выговорилъ нѣсколько одобрительныхъ словъ, изъ которыхъ каждое начиналось буквою *а*, произнесенною протяжно и въ носъ;—съ негодованіемъ, доходившимъ до голода, посмотрѣлъ на бороду князя Ко-

зельскаго, и подалъ разоренному штатскому генералу съ заводомъ и дочерью указательный палецъ лѣвой руки. Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ сановникъ успѣлъ замѣтить два раза, что онъ очень радъ, что не опоздалъ къ обѣду, все общество отправилось въ столовую, тузами впередъ.

Нужно ли разсказывать читателю, какъ посадили сановника на первомъ мѣстѣ, между штатскимъ генераломъ и губернскимъ предводителемъ, человѣкомъ съ свободнымъ и достойнымъ выраженіемъ лица, совершенно соотвѣтствовавшимъ его накрахмаленной манишкѣ, необъятному жилету и круглой табакеркѣ съ французскимъ табакомъ,—какъ хозяинъ хлопоталъ, бѣгалъ, суетился, потчивалъ гостей, мимоходомъ улыбался спинѣ сановника и, стоя въ углу какъ школьникъ, наскоро нерехватывалъ тарелочку супу или кусочекъ говядины,—какъ дворецкій подалъ рыбу въ полтора аршина длины и съ букетомъ во рту, — какъ слуги, въ ливреяхъ, суровые на видъ, угрюмо приставали къ каждому дворянину то съ малагой, то съ дрей-мадерой, и какъ почти всѣ дворяне, особенно пожилые, словно нехотя покоряясь чувству долга, выпивали рюмку за рюмкой,—какъ, наконецъ, захлопали бутылки шампанскаго, и начали провозглашаться заздравные тосты: все это, вѣроятно, слишкомъ извѣстно читателю. Но особенно замѣчательнымъ показался мнѣ анекдотъ, разсказанный самимъ сановникомъ среди всеобщаго, радостнаго молчанья. Кто-то, кажется разоренный генералъ, человѣкъ ознакомленный съ новѣйшей словеспостью, упомянулъ о вліяніи женщинъ вообще и на молодыхъ людей въ особенности.—„Да, да“, подхватилъ сановникъ: „это правда; но молодыхъ людей должно въ строгомъ повиновеніи держать, а то они, пожалуй, отъ всякой юбки съ ума сходятъ“. (Дѣтски-веселая улыбка промчалась по лицамъ всѣхъ гостей; у одного помѣщика даже благодарность заиграла во взорѣ.) „Ибо молодые люди глупы“. (Сановникъ, вѣроятно, ради важности, иногда измѣнялъ общепринятыя ударенія словъ.) „Вотъ, хоть бы у меня, сынъ Иванъ“, продолжалъ онъ: „двадцатый годъ всего

дураку пошелъ, а онъ вдругъ мнѣ и говоритъ: позвольте, батюшка, жениться. Я ему говорю: дуракъ, послужи сперва... Ну, отчаянье, слезы... но у меня... того...“ (Слово „того“ сановникъ произнесъ болѣе животомъ, чѣмъ губами; помолчалъ и величаво взглянулъ на своего сосѣда, генерала, при чемъ гораздо болѣе поднялъ брови, чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Штатскій генералъ пріятно наклонилъ голову нѣсколько на бокъ и чрезвычайно быстро заморгалъ глазомъ, обращеннымъ къ сановнику.) „И что жъ“, заговорилъ сановникъ опять: „теперь онъ самъ мнѣ пишетъ, что спасибо, дескать, батюшка, что дурака научилъ... Такъ вотъ, какъ надобно поступать“.—Всѣ гости, разумѣется, вполнѣ согласились съ разсказчикомъ, и какъ будто оживились отъ полученнаго удовольствія и наставленія... Послѣ обѣда все общество поднялось и двинулось въ гостиную, съ большимъ, но все же приличнымъ и словно на этотъ случай разрѣшеннымъ шумомъ... Сѣли за карты.

Кое-какъ дождался я вечера, и, поручивъ своему кучеру заложить мою коляску на другой день въ пять часовъ утра, отправился на покой. Но мнѣ предстояло еще въ теченіе того же самаго дня познакомиться съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

Вслѣдствіе множества наѣхавшихъ гостей, никто не спалъ въ одиночку. Въ небольшой, зеленоватой и сероватой комнатѣ, куда привелъ меня дворецкій Александра Михайлыча, уже находился другой гость, совершенно раздѣтый. Увидѣвъ меня, онъ проворно нырнулъ подъ одѣяло, закрылся имъ до самаго носа, повозился немного на рыхломъ пуховикѣ и притихъ, зорко выглядывая изъ-подъ круглой каймы своего бумажнаго колпака. Я подошелъ къ другой кровати (ихъ всего было двѣ въ комнатѣ), раздѣлся и легъ въ сырыя простыни. Мой сосѣдъ заворочался на своей постели... Я пожелалъ ему доброй ночи.

Прошло полчаса. Несмотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ заснуть: безконечной вереницей тянулись другъ за другомъ ненужныя и неясныя мысли, упорно и однообразно, словно ведра водоподъемной машины.

— А вы, кажется, не спите?—проговорилъ мой сосѣдъ.

— Какъ видите,—отвѣчалъ я.—Да и вамъ не спится?

— Мнѣ никогда не спится.

— Какъ же такъ?

— Да такъ. Я засыпаю, самъ не знаю отъ чего; лежу, лежу, да и засну.

— Зачѣмъ же вы ложитесь въ постель прежде чѣмъ вамъ спать захочется?

— А что жъ прикажете дѣлать?

Я не отвѣчалъ на вопросъ моего сосѣда.

— Удивляюсь я, — продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія: — отчего здѣсь блохъ нѣту. Кажется, гдѣ бы имъ и быть?

— Вы словно о нихъ сожалѣете,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, не сожалѣю; но я во всемъ люблю послѣдовательность.

„Вотъ какъ“, подумалъ я: „какія слова употребляетъ“.

Сосѣдъ опять помолчалъ.

— Хотите со мной объ закладъ побиться?—заговорилъ онъ вдругъ довольно громко.

— О чемъ?

Меня мой сосѣдъ начиналъ забавлять.

— Гмъ... о чемъ? А вотъ о чемъ: я увѣренъ, что вы меня принимаете за дурака.

— Помилуйте,—пробормоталъ я съ изумленіемъ.

— За степняка, за невѣжу... Сознайтесь...

— Я васъ не имѣю удовольствія знать,—возразилъ я.— Почему вы могли заключить...

— Почему? Да по одному звуку вашего голоса: вы такъ небрежно мнѣ отвѣчаете... А я совсѣмъ не то, что вы думаете...

— Позвольте...

— Нѣтъ, *вы* позвольте. Во-первыхъ, я говорю по-французски не хуже васъ, а по-нѣмецки даже лучше; во-вторыхъ, я три года провелъ за границей: въ одномъ Берлинѣ прожилъ восемь мѣсяцевъ. Я Гегеля изучилъ, милостивый государь, знаю Гёте наизусть; сверхъ того, я

долго былъ влюбленъ въ дочь германскаго профессора, и женился дома на чахоточной барышнѣ, лысой, но весьма замѣчательной личности. Стало-быть, я вашего поля ягода: я не степнякъ, какъ вы полагаете... Я тоже заѣденъ рефлексіей, и непосредственнаго нѣтъ во мнѣ ничего.

Я поднялъ голову и съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на чудака. При тускломъ свѣтѣ починка я едва могъ разглядѣть его черты.

— Вотъ, вы теперь смотрите на меня, — продолжалъ онъ, поправивъ свой колпакъ:—и, вѣроятно, самихъ себя спрашиваете: какъ же это я не замѣтилъ его сегодня? Я вамъ скажу, отчего вы меня не замѣтили:—оттого, что я не возвышаю голоса; оттого, что я прячусь за другихъ, стою за дверьми, ни съ кѣмъ не разговариваю; оттого, что дворецкій съ подносомъ, проходя мимо меня, заранѣе возвышаетъ свой локоть въ уровень моей груди... А отчего все это происходитъ? Отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, я бѣденъ, а во-вторыхъ, я смирился... Скажите правду, вѣдь вы меня не замѣтили?

— Я, дѣйствительно, не имѣлъ удовольствія...

— Ну да, ну да,—перебилъ онъ меня: — я это зналъ.

Онъ приподнялся и скрестилъ руки; длинная тѣнь его колпака перегнулась со стѣны на потолокъ.

— А признайтесь-ка, прибавилъ онъ, вдругъ взглянувъ на меня сбоку: — я долженъ вамъ казаться большимъ чудакомъ, какъ говорится, оригиналомъ, или, можетъ-быть, пожалуй, еще чѣмъ-нибудь похуже: можетъ-быть, вы думаете, что я прикидываюсь чудакомъ?

— Я вамъ, опять-таки, долженъ повторить, что я васъ не знаю...

Онъ на мгновеніе потупился.

— Почему я съ вами, съ вовсе мнѣ незнакомымъ человѣкомъ, такъ неожиданно разговорился,—Господь, Господь одинъ вѣдаетъ! (Онъ вздохнулъ.) Не вслѣдствіе же родства нашихъ душъ! И вы, и я, мы оба порядочные люди, то-есть эгоисты: ни вамъ до меня, ни мнѣ до васъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла; не такъ ли? Но намъ обоимъ не спится... Отчего жъ не поболтать? Я же въ ударѣ, а это

со мной рѣдко случается. Я, видите ли, робокъ, и робокъ не въ ту силу, что я провинціалъ, нечиновный, бѣднякъ, а въ ту силу, что я страшно самолюбивый человѣкъ. Но иногда, подъ вліяніемъ благодатныхъ обстоятельствъ, случайностей, которыхъ я, впрочемъ, ни опредѣлить, ни предвидѣть не въ состояніи, робость моя исчезаетъ совершенно, какъ вотъ теперь, напримѣръ. Теперь поставьте меня лицомъ къ лицу хоть съ самимъ Далай-Ламой,—я и у него табачку попрошу понюхать. Но, можетъ-быть, вамъ спать хочется?

— Напротивъ, — поспѣшно возразилъ я: — мнѣ очень пріятно съ вами разговаривать.

— То-есть, я васъ потѣшаю, хотите вы сказать... Тѣмъ лучше... Итакъ-съ, доложу вамъ, меня здѣсь величаютъ оригиналомъ, т.-е., величаютъ тѣ, которымъ, случайнымъ образомъ, между прочей дребеденью, придетъ и мое имя на языкъ. „Моей судьбою очень никто не озабоченъ“... Они думаютъ уязвить меня... О, Боже мой! если бъ они знали... да я именно и гибну оттого, что во мнѣ рѣшительно нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего, кромѣ такихъ выходокъ, какъ, напримѣръ, мой теперешній разговоръ съ вами; но вѣдь эти выходки гроша мѣднаго не стоятъ. Это самый дешевый и самый низменный родъ оригинальности.

Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ и взмахнулъ руками.

— Милостивый государь! — воскликнулъ онъ: — я того мнѣнія, что вообще однимъ оригиналамъ житье на землѣ; они одни имѣютъ право жить. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre, сказалъ кто-то. — Видите ли, — прибавилъ онъ вполголоса: — какъ я чисто выговариваю французскій языкъ. Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна, и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь,—да своего-то, особеннаго, собственнаго, у тебя ничего нѣту! Однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше, — да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по-своему! Запахъ свой имѣй, свой собственный запахъ, вотъ что!—И не думайте, чтобы требованія

мои расчетъ этого запаха были велики... Сохрани Богъ! Такихъ оригиналовъ пропасть: куда ни погляди—оригиналъ; всякій живой человѣкъ оригиналъ, да я-то въ ихъ число не попалъ!

— А между тѣмъ,—продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія: — въ молодости моей какія возбуждалъ я ожиданія! какое высокое мнѣніе я самъ питалъ о своей особѣ передъ отъѣздомъ за границу, да и въ первое время послѣ возвращенія! Ну, за границей я держалъ ухо востро, все особнячкомъ пробирался, какъ оно и слѣдуетъ нашему брату, который все смекаетъ себѣ, смекаетъ, а подъ конецъ, смотришь—ни аза не смекнулъ!

— Оригиналъ, оригиналъ! — подхватилъ онъ, съ укоризной качая головой. — Зовутъ меня оригиналомъ... на дѣлѣ-то оказывается, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе оригинальнаго, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга. Я, должно-быть, и родился-то въ подражаніе другому... Ей-Богу! Живу я тоже словно въ подражаніе разнымъ мною измученнымъ сочинителямъ, въ потѣ лица живу; и учился-то я, и влюбился, и женился, наконецъ, словно не по собственной охотѣ, словно исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ,—кто его разберетъ!

Онъ сорвалъ колпакъ съ головы и бросилъ его на постель.

— Хотите, я вамъ разскажу жизнь мою,—спросилъ опъ меня отрывистымъ голосомъ: — или, лучше, нѣсколько чертъ изъ моей жизни?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Или нѣтъ, разскажу-ка я вамъ лучше, какъ я женился. Вѣдь женитьба дѣло важное, пробный камень всего человѣка; въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается... Да это сравненіе слишкомъ избито... Позвольте, я понюхаю табачку.

Онъ досталъ изъ-подъ подушки табакерку, раскрылъ ее и заговорилъ опять, размахивая раскрытой табакеркой.

— Вы, милостивый государь, войдите въ мое положеніе... Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи

Гегеля? Что общаго, скажите, между этой энциклопедіей и русской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе—науку?

Онъ подпрыгнулъ на постели и забормоталъ вполголоса, злобно стиснувъ зубы:

— А, вотъ какъ, вотъ какъ!.. Такъ зачѣмъ же ты таскался за границу? Зачѣмъ не сидѣлъ дома, да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ? Ты бы и потребности ея узналъ, и будущность, и насчетъ своего, такъ сказать, призванія тоже въ ясность бы пришелъ... Да помилуйте, — продолжалъ онъ, опять перемѣнивъ голосъ, словно оправдываясь и робѣя: — гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ! Я бы и радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то,—да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ; а мнѣ это не подъ силу: мнѣ вы подайте выводъ, заключенье мнѣ представьте... Заключенье?—вотъ тебѣ, говорятъ, и заключенье: послушай-ка нашихъ московскихъ — не соловьи, что ли?—Да въ томъ-то и бѣда, что они курскими соловьями свищутъ, да не по людскому говорятъ... Вотъ я подумалъ, подумалъ — вѣдь наука-то, кажись, вездѣ одна, и истина одна — взялъ, да и пустился, съ Богомъ, въ чужую сторону, къ нехристямъ... Что прикажете, — молодость, гордость обуяла. Не хотѣлось, знаете, до времени заплыть жиромъ, хоть оно, говорятъ, и здорово. Да, впрочемъ, кому природа не дала мяса,—не видать тому у себя на тѣлѣ и жиру!

— Однако, — прибавилъ онъ, подумавъ немного: — я, кажется, обѣщалъ вамъ разсказать, какимъ образомъ я женился. Слушайте же. Во-первыхъ, доложу вамъ, что жены моей уже болѣе на свѣтѣ не имѣется; во-вторыхъ... а во-вторыхъ, я вижу, что мнѣ придется разсказать вамъ мою молодость, а то вы ничего не поймете... Вѣдь вамъ не хочется спать?

— Нѣтъ, не хочется.

— И прекрасно. Вы послушайте-ка... вотъ, въ сосѣдней комнатѣ господинъ Кантагрюхинъ хранитъ какъ не-

благородно! Родился я отъ небогатыхъ родителей—говорю, родителей, потому что, по преданью, кромѣ матери, былъ у меня и отецъ. Я его не помню; сказываютъ, недалекій былъ человѣкъ, съ большимъ носомъ и веснушками, рыжій и въ одну ноздрю табакъ нюхалъ; въ спальнѣ у матушки висѣлъ его портретъ, въ красномъ мундирѣ съ чернымъ воротникомъ по уши, чрезвычайно безобразный. Мимо его меня, бывало, сѣчь водили, и матушка моя мнѣ, въ такихъ случаяхъ, всегда на него показывала, приговаривая: онъ бы еще тебя не такъ. Можете себѣ представить, какъ это меня поощряло. Ни брата у меня не было, ни сестры; то-есть, по правдѣ сказать, былъ какой-то братишка завалящій, съ англійской болѣзнью на затылкѣ, да что-то скоро больно умеръ... И зачѣмъ, кажись, англійской болѣзни забраться Курской губерніи въ Щигровскій уѣздъ? Но дѣло не въ томъ. Воспитаніемъ моимъ занималась матушка со всѣмъ стремительнымъ рвеніемъ степной помѣщицы: занималась она имъ съ самаго великолѣпнаго дня моего рожденія до тѣхъ поръ, пока мнѣ стукнуло шестнадцать лѣтъ... Вы слѣдите за ходомъ моего разсказа?

— Какъ же, продолжайте.

— Ну, хорошо. Вотъ, какъ стукнуло мнѣ шестнадцать лѣтъ, матушка моя, нимало не медля, взяла, да прогнала моего французскаго гувернера, нѣмца Филипповича изъ нѣжинскихъ грековъ: свезла меня въ Москву, записала въ университетъ, да и отдала Всемогущему свою душу, оставивъ меня на руки родному дядѣ моему, стряпчему Колтуну-Бабурѣ, птицѣ, по одному Щигровскому уѣзду извѣстной. Родной дядя мой, стряпчій Колтунъ-Бабура, ограбилъ меня, какъ водится, до-чиста... Но дѣло, опять-таки, не въ томъ. Въ университетъ вступилъ я—должно отдать справедливость моей родительницѣ—довольно хорошо подготовленный; но недостатокъ оригинальности уже тогда во мнѣ замѣчался. Дѣтство мое нисколько не отличалось отъ дѣтства другихъ юношей: я такъ же глупо и вяло росъ, словно подъ периной, такъ же рано началъ твердить стихи наизусть и киснуть, подъ предло-

собственно Европы, европейскаго быта я не узналъ ни на волосъ; я слушалъ нѣмецкихъ профессоровъ и читалъ нѣмецкія книги на самомъ мѣстѣ рожденія ихъ... вотъ въ чемъ состояла вся разница. Жизнь велъ я уединенную, словно монахъ какой; снюхивался съ отставными поручиками, удрученными, подобно мнѣ, жаждой знанья, весьма, впрочемъ, тугими на пониманіе и не одаренными даромъ слова; якшался съ тупоумными семействами изъ Пензы и другихъ хлѣбородныхъ губерній; таскался по кофейнямъ, читалъ журналы, по вечерамъ ходилъ въ театръ. Съ туземцами знался я мало, разговаривалъ съ ними какъ-то напряженно и никого изъ нихъ у себя не видалъ, исключая двухъ или трехъ навязчивыхъ молодчиковъ еврейскаго происхожденія, которые то и дѣло забѣгали ко мнѣ, да занимали у меня деньги, — благо, der Russe вѣритъ. Странная игра случая занесла меня, наконецъ, въ домъ одного изъ моихъ профессоровъ; а именно, вотъ какъ: я пришелъ къ нему записаться на курсъ, а онъ, вдругъ, возьми, да и пригласи меня къ себѣ на вечеръ. У этого профессора было двѣ дочери, лѣтъ двадцати-семи, коренастыя такія — Богъ съ ними — носы такіе великолѣпные, кудри въ завиткахъ и глаза блѣдно-голубые, а руки красныя, съ бѣлыми ногтями. Одну звали Линхенъ, другую Минхенъ. Началъ я ходить къ профессору. Надобно вамъ сказать, что этотъ профессоръ былъ не то, что глупъ, а словно ушибенъ: съ каѳедры говорилъ довольно связно, а дома картавилъ и очки все на лбу держалъ; притомъ, ученѣйшій былъ человѣкъ... И что же? Вдругъ мнѣ показалось, что я влюбился въ Линхенъ, — да цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ этакъ все казалось. Разговаривалъ я съ ней, правда, мало, — больше такъ на нее смотрѣлъ: но читалъ ей вслухъ разныя трогательныя сочиненія, пожималъ ей украдкой руки, а по вечерамъ мечталъ съ ней рядомъ, упорно глядя на луну, а не то просто вверхъ. Притомъ, она такъ отлично варила кофе!.. Кажется, — чего бы еще? Одно меня смущало: въ самыя, какъ говорится, мгновенія неизъяснимаго блаженства у меня отчего-то все подъ ложечкой

сосало, и тоскливая, холодная дрожь пробѣгала по желудку. Я, наконецъ, не выдержалъ такого счастья и убѣжалъ. Цѣлыхъ два года я провелъ еще послѣ того за границей: былъ въ Италіи, постоялъ въ Римѣ передъ Преображеніемъ, и передъ Венерой во Флоренціи постоялъ; внезапно повергался въ преувеличенный восторгъ, словно злость на меня находила; по вечерамъ пописывалъ стишки, начиналъ дневникъ; словомъ, и тутъ велъ себя, какъ всѣ. А между тѣмъ, посмотрите, какъ легко быть оригинальнымъ. Я, напримѣръ, ничего не смыслю въ живописи и ваяніи... Сказать бы мнѣ это просто вслухъ... нѣтъ, какъ можно! Бери чичерона, бѣги смотрѣть фрески...

Онъ опять потупился и опять скинулъ колпакъ.

— Вотъ, вернулся я, наконецъ, на родину; — продолжалъ онъ усталымъ голосомъ: — пріѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ удивительная произошла со мной перемѣна. За границей я больше молчалъ, а тутъ вдругъ заговорилъ неожиданно бойко и въ то же самое время возмечталъ о себѣ Богъ вѣдаетъ что. Нашлись снисходительные люди, которымъ я показался чуть не геніемъ; дамы съ участіемъ выслушивали мои разглагольствованія; но я не сумѣлъ удержаться на высотѣ своей славы. Въ одно прекрасное утро родилась на мой счетъ сплетня (кто ее произвелъ на свѣтъ Божій, не знаю: должно-быть, какая-нибудь старая дѣва мужескаго пола, — такихъ старыхъ дѣвъ въ Москвѣ пропасть), родилась и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника. Я запутался, хотѣлъ выскочить, разорвать прилипчивыя нити, — не тутъ-то было... Я уѣхалъ. Вотъ, и тутъ я оказался вздорнымъ человѣкомъ; мнѣ бы преспокойно переждать эту напасть, вотъ, какъ выжидаютъ конца крапивной лихорадки, и тѣ же снисходительные люди снова раскрыли бы мнѣ свои объятія, тѣ же дамы снова улыбнулись бы на мои рѣчи... Да вотъ въ чемъ бѣда: не оригинальный человѣкъ. Добросовѣстность вдругъ, извольте видѣть, во мнѣ проснулась: мнѣ что-то стыдно стало болтать, болтать безъ умолку, болтать—вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ,

завтра на Сивцевомъ-Вражкѣ, и все о томъ же... Да коли этого требуютъ? Посмотрите-ка на настоящихъ ратоборцевъ на этомъ поприщѣ: имъ это ни почемъ; напротивъ, только этого имъ и нужно; иной двадцатый годъ работаетъ языкомъ, и все въ одномъ направленіи... Что значитъ увѣренность въ самомъ себѣ и самолюбіе! И у меня оно было, самолюбіе, да и теперь еще не совсѣмъ угомонилось... Да тѣмъ-то и плохо, что я, опять-таки скажу, не оригинальный человѣкъ, на серединкѣ остановился: природѣ слѣдовало бы гораздо больше самолюбія мнѣ отпустить, либо вовсе его не дать. Но на первыхъ порахъ мнѣ, дѣйствительно, круто пришлось: притомъ, и поѣздка за границу окончательно истощила мои средства, а на купчихѣ съ молодымъ, но ужъ дряблымъ тѣломъ, въ родѣ желе, я жениться не хотѣлъ,—и удалился къ себѣ въ деревню. Кажется, — прибавилъ мой сосѣдъ, опять взглянувъ на меня сбоку:—я могу пройти молчаніемъ первыя впечатлѣнія деревенской жизни, намеки на красоту природы, тихую прелесть одиночества и прочее...

— Можете, можете,—возразилъ я.

— Тѣмъ болѣе, — продолжалъ разсказчикъ: — что это все вздоръ, по крайней мѣрѣ, что до меня касается. Я въ деревнѣ скучалъ, какъ щенокъ взаперти, хотя признаюсь, проѣзжая, на возвратномъ пути, въ первый разъ весною знакомую березовую рощу, у меня голова закружилась и забилось сердце отъ смутнаго, сладкаго ожиданія. Но эти смутныя ожиданія, вы сами знаете, никогда не сбываются, а, напротивъ, сбываются другія вещи, которыхъ вовсе не ожидаешь, какъ-то: падежи, недоимки, продажи съ публичнаго торгу и прочая, и прочая. Перебиваясь кое-какъ со дня на день, при помощи бурмистра Якова, замѣнившаго прежняго управляющаго и оказавшагося впослѣдствіи времени такимъ же, если не бо.ьшимъ грабителемъ, да сверхъ того отравлявшаго мое существованіе запахомъ своихъ дегтярныхъ сапоговъ, вспомнилъ я однажды объ одномъ знакомомъ сосѣднемъ семействѣ, состоявшемъ изъ отставной полковницы и двухъ дочерей, велѣлъ заложить дрожки и поѣхалъ къ сосѣ-

дямъ. Этотъ день долженъ навсегда остаться мнѣ памятнымъ: шесть мѣсяцевъ спустя, женился я на второй дочери полковницы!..

Разсказчикъ опустилъ голову и поднялъ руки къ небу.

— И, между тѣмъ,—продолжалъ онъ съ жаромъ:—я бы не желалъ внушить вамъ дурное мнѣніе о покойницѣ. Сохрани Богъ! Это было существо благороднѣйшее, добрѣйшее, существо любящее и способное на всякія жертвы, хотя я долженъ, между нами, сознаться, что, если бы я не имѣлъ несчастія ея лишиться, я бы, вѣроятно, не былъ въ состояніи разговаривать сегодня съ вами, ибо еще до сихъ поръ цѣла балка въ грунтовомъ моемъ сараѣ, на которой я неоднократно собирался повѣситься!

— Инымъ грушамъ,—началъ онъ опять, послѣ небольшого молчанія: — нужно нѣкоторое время полежать подъ землей въ подвалѣ, для того, чтобы войти, какъ говорится, въ настоящій свой вкусъ; моя покойница, видно, тоже принадлежала къ подобнымъ произведеніямъ природы. Только теперь отдаю я ей полную справедливость. Только теперь, напримѣръ, воспоминанія объ иныхъ вечерахъ, проведенныхъ мною съ ней до свадьбы, не только не возбуждаютъ во мнѣ ни малѣйшей горечи, но, напротивъ, трогаютъ меня чуть не до слезъ. Люди они были небогатые; домъ ихъ, весьма старинный, деревянный, но удобный, стоялъ на горѣ между заглохшимъ садомъ и заросшимъ дворомъ. Подъ горой текла рѣка и едва виднѣлась сквозь густую листву. Большая терраса вела изъ дому въ садъ, передъ террасой красовалась продолговатая клумба, покрытая розами; на каждомъ концѣ клумбы росли двѣ акаціи, еще въ молодости переплетенныя въ видѣ винта покойнымъ хозяиномъ. Немного подальше, въ самой глуши заброшеннаго и одичалаго малинника, стояла бесѣдка, прехитро раскрашенная внутри, но до того ветхая и дряхлая снаружи, что, глядя на нее, становилось жутко. Съ террасы стеклянная дверь вела въ гостиную; а въ гостиной вотъ что представлялось любопытному взору наблюдателя: по угламъ изразцовыя печи, кисленькое фортепіано направо, заваленное рукописными

потами, диванъ, обитый полинялымъ голубымъ штофомъ съ бѣловатыми разводами, круглый столъ, двѣ горки съ фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининскаго времени, на стѣнѣ извѣстный портретъ бѣлокурой дѣвицы съ голубкомъ на груди и закатившимися глазами, на столѣ ваза съ свѣжими розами... Видите, какъ я подробно описываю. Въ этой-то гостиной, на этой-то террасѣ и разыгралась вся траги-комедія моей любви. Сама сосѣдка была злая баба, съ постоянной хрипотой злобы въ горлѣ, притѣснительное и сварливое существо; изъ дочерей одна— Вѣра, ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ уѣздныхъ барышень, другая — Софья, — я въ Софью влюбился. У обѣихъ сестеръ была еще другая комнатка, общая ихъ спальня, съ двумя невинными деревянными кроватками, желтоватыми альбомцами, резедой, съ портретами пріятелей и пріятельницъ, рисованныхъ карандашомъ, довольно плохо (между ними отличался одинъ господинъ съ необыкновенно-энергическимъ выраженіемъ лица и еще болѣе энергическою подписью, въ юности своей возбудившій несоразмѣрныя ожиданія, а кончившій, какъ всѣ мы— ничѣмъ), съ бюстами Гёте и Шиллера, нѣмецкими книгами, высохшими вѣнками и другими предметами, оставленными на память. Но въ эту комнату я ходилъ рѣдко и неохотно: мнѣ тамъ отчего-то дыханіе сдавливало. Притомъ—странное дѣло! Софья мнѣ болѣе всего нравилась, когда я сидѣлъ къ ней спиной, или еще, пожалуй, когда я думалъ или болѣе мечталъ о ней, особенно вечеромъ, на террасѣ. Я глядѣлъ тогда на зарю, на деревья, на зеленые мелкіе листья, уже потемнѣвшіе, но еще рѣзко отдѣлявшіеся отъ розоваго неба; въ гостиной, за фортепіанами, сидѣла Софья и безпрестанно наигрывала какую-нибудь любимую, страстно задумчивую фразу изъ Бетховена; злая старуха мирно похрапывала, сидя на диванѣ; въ столовой, залитой потокомъ алаго свѣта, Вѣра хлопотала за чаемъ; самоваръ затѣйливо шипѣлъ, словно чему-то радовался; съ веселымъ трескомъ ломались крендельки, ложечки звонко стучали по чашкамъ; капарейка, немилосердно трещавшая цѣлый день, внезапно

утихала и только изрѣдка чирикала, какъ-будто о чемъ-то спрашивала; изъ прозрачнаго, легкаго облачка мимоходомъ падали рѣдкія капли... А я сидѣлъ-сидѣлъ, слушалъ-слушалъ, глядѣлъ, сердце у меня расширялось, и мнѣ опять казалось, что я любилъ. Вотъ, подъ вліяніемъ такого-то вечера, я однажды спросилъ у старухи руку ея дочери, и мѣсяца черезъ два женился. Мнѣ казалось, что я ее любилъ... Да и теперь, пора бы знать, а я, ей-Богу, и теперь не знаю, любилъ ли я Софью. Это было существо доброе, умное, молчаливое, съ теплымъ сердцемъ: но, Богъ знаетъ отчего, отъ долгаго ли житья въ деревнѣ, отъ другихъ ли какихъ причинъ, у ней на днѣ души (если только есть дно у души) таилась рана, или лучше сказать, сочилась ранка, которую ничѣмъ не можно было излѣчить, да и назвать ее ни она не умѣла, ни я не могъ. О существованіи этой раны я, разумѣется, догадался только послѣ брака. Ужъ я ли не бился надъ ней:— ничто не помогало! У меня въ дѣтствѣ былъ чижъ, котораго кошка разъ подержала въ лапахъ: его спасли, вылѣчили, но не исправился мой бѣдный чижъ: дулся, чахъ, пересталъ пѣть... Кончилось тѣмъ, что однажды ночью, въ открытую клѣтку забралась къ нему крыса и откусила ему носъ, вслѣдствіе чего онъ, наконецъ, рѣшился умереть. Не знаю, какая кошка подержала жену мою въ своихъ лапахъ, только и она такъ же дулась и чахла, какъ мой несчастный чижъ. Иногда ей самой видимо хотѣлось встрепенуться, взыграть на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ да на волѣ; попробуетъ — и свернется въ клубочекъ. И вѣдь она меня любила: сколько разъ увѣряла меня, что ничего болѣе ей не остается желать, — тьфу, чортъ возьми! а у самой глаза такъ и меркнутъ. Думалъ я, нѣтъ ли чего въ прошедшемъ? Собралъ справки: ничего не оказалось. Ну, вотъ, теперь посудите сами: оригинальный человѣкъ пожалъ бы плечомъ, можетъ-быть, вздохнулъ бы раза два, да и принялся бы жить по-своему; а я, не оригинальное существо, началъ заглядываться на балки. Въ жену мою до того въѣлись всѣ привычки старой дѣвицы— Бетховенъ, почныя прогулки, резеда, переписка

съ друзьями, альбомы и прочее,—что ко всякому другому образу жизни, особенно къ жизни хозяйки дома, она никакъ привыкнуть не могла; а между тѣмъ, смѣшно же замужней женщинѣ томиться безыменной тоской и пѣть по вечерамъ: „Не буди ты ее на зарѣ“!

— Вотъ-съ, такимъ-то образомъ-съ мы блаженствовали три года; на четвертый Софья умерла отъ первыхъ родовъ, и—странное дѣло—мнѣ словно заранѣе сдавалось, что она не будетъ въ состояніи подарить меня дочерью или сыномъ, землю—новымъ обитателемъ. Помню я, какъ ее хоронили. Дѣло было весной. Приходская наша церковь не велика, стара, икопостасъ почернѣлъ, стѣны голыя, кирпичный полъ мѣстами выбитъ: на каждомъ клиросѣ большой старинный образъ. Внесли гробъ, помѣстили на самой серединѣ предъ царскими дверями, одѣли полинялымъ покровомъ, поставили кругомъ три подсвѣчника. Служба началась. Дряхлый дьячокъ, съ маленькой косичкой сзади, низко подпоясанный зеленымъ кушакомъ, печально шамшилъ передъ налоемъ; священникъ, тоже старый, съ добренькимъ и слѣпенькимъ лицомъ, въ лиловой рясѣ съ желтыми разводами, служилъ за себя и за дьякона. Во всю ширину раскрытыхъ оконъ шевелились и лепетали молодые, свѣжіе листья плакучихъ березъ, со двора несло травянымъ запахомъ; красное пламя восковыхъ свѣчей блѣднѣло въ веселомъ свѣтѣ весенняго дня; воробьи такъ и чирикали на всю церковь, и изрѣдка раздавалось подъ куполомъ звонкое восклицаніе влетѣвшей ласточки. Въ золотой пыли солнечнаго луча проворно опускались и поднимались русыя головы немногочисленныхъ мужиковъ, усердно молившихся за покойницу; топкой, голубоватой струйкой бѣжалъ дымъ изъ отверстій кадила. Я глядѣлъ на мертвое лицо моей жены... Боже мой! и смерть, сама смерть не освободила ея, не излѣчила ея раны: то же болѣзненное, робкое, нѣмое выраженіе,—ей, словно, и въ гробу неловко... Горько во мнѣ шевельнулась кровь. Доброе, доброе было существо, а для себя же хорошо сдѣлала, что умерла!

У разсказчика раскраснѣлись щеки и потускнѣли глаза.

— Отдѣлавшись, наконецъ, — заговорилъ онъ опять:— отъ тяжелаго унынья, которое овладѣло мною послѣ смерти моей жены, я вздумалъ-было приняться, какъ говорится, за дѣло. Вступилъ въ службу въ губернскомъ городѣ; но въ большихъ комнатахъ казеннаго заведенія у меня голова разбаливалась, глаза тоже плохо дѣйствовали; другія, кстати, подошли причины... я вышелъ въ отставку. Хотѣлъ-было съѣздить въ Москву, да, во-первыхъ, денегъ недостало, а во-вторыхъ... я вамъ уже сказывалъ, что я смирился. Смиреніе это нашло на меня и вдругъ, и не вдругъ. Духомъ-то я уже давно смирился, да головѣ моей все еще не хотѣлось нагнуться. Я приписывалъ скромное настроеніе моихъ чувствъ и мыслей вліянію деревенской жизни, несчастья... Съ другой стороны, я уже давно замѣчалъ, что почти всѣ мои сосѣди, молодые и старые, запуганные сначала моей ученостію, заграничной поѣздкой и прочими удобствами моего воспитанія, не только успѣли совершенно ко мнѣ привыкнуть, но даже начали обращаться со мной не то грубовато, не то съ-кондачка, не дослушивали моихъ разсужденій и, говоря со мной, уже „словоерика“ болѣе не употребляли. Я вамъ также забылъ сказать, что въ теченіе перваго года послѣ моего брака я отъ скуки попытался-было пуститься въ литературу, и даже послалъ статейку въ журналъ, если не ошибаюсь, повѣсть; но черезъ нѣсколько времени получилъ отъ редактора учтивое письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что мнѣ въ умѣ невозможно отказать, но въ талантѣ должно, а что въ литературѣ только талантъ и нуженъ. Сверхъ того, дошло до моего свѣдѣнія, что одинъ проѣзжій москвичъ, добрѣйшій, впрочемъ, юноша, мимоходомъ отозвался обо мнѣ, на вечерѣ у губернатора, какъ о человѣкѣ выдохшемся и пустомъ. Но мое полудобровольное ослѣпленіе все еще продолжалось: не хотѣлось, знаете, самого себя „заушить“; наконецъ, въ одно прекрасное утро я открылъ глаза. Вотъ, какъ это случилось. Ко мнѣ заѣхалъ исправникъ съ намѣреніемъ обратить мое вниманіе на провалившійся мостъ въ моихъ владѣніяхъ, который мнѣ рѣшительно не на

что было починить. Заѣдая рюмку водки кускомъ балыка, этотъ снисходительный блюститель порядка отечески пенялъ мнѣ за мою неосмотрительность, впрочемъ, вошелъ въ мое положеніе и посовѣтовалъ только велѣть мужичкамъ понакидать навозцу, закурилъ трубочку и принялся говорить о предстоящихъ выборахъ. Почетнаго званія губернскаго предводителя въ то время добивался нѣкто Орбассановъ, пустой крикунъ, да еще и взяточникъ въ придачу. Притомъ же, онъ не отличался ни богатствомъ, ни знатностію. Я высказалъ свое мнѣніе на его счетъ, и довольно даже небрежно: я, признаюсь, глядѣлъ на г-на Орбассанова свысока. Исправникъ посмотрѣлъ на меня, ласково потрепалъ меня по плечу и добродушно промолвилъ:—„Эхъ, Василій Васильевичъ, не намъ бы съ вами о такихъ людяхъ разсуждать:—гдѣ намъ?.. Знай сверчокъ свой шестокъ".—Да помилуйте,—возразилъ я съ досадой:—какая же разница между мною и г. Орбассановымъ?—Исправникъ вынулъ трубку изо рта, вытаращилъ глаза—и такъ и прыснулъ.—„Ну, потѣшникъ", проговорилъ онъ, наконецъ, сквозь слезы: „вѣдь экую штуку выкинулъ... а! каковъ?"—и до самаго отъѣзда онъ не переставалъ глумиться надо мною, изрѣдка поталкивая меня локтемъ подъ-бокъ и говоря мнѣ уже: „ты". Онъ уѣхалъ наконецъ. Этой капли только недоставало; чаша перелилась. Я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился передъ зеркаломъ, долго-долго смотрѣлъ на свое сконфуженное лицо и, медлительно высунувъ языкъ, съ горькой насмѣшкой покачалъ головой. Завѣса спала съ глазъ моихъ; я увидѣлъ ясно, яснѣе, чѣмъ лицо свое въ зеркалѣ, какой я былъ пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человѣкъ!

Разсказчикъ помолчалъ.

— Въ одной трагедіи Вольтера,—уныло продолжалъ онъ:—какой-то баринъ радуется тому, что дошелъ до крайней границы несчастья. Хотя въ судьбѣ моей нѣтъ ничего трагическаго, но *я*, признаюсь, извѣдалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Я узналъ ядовитые восторги холоднаго отчаянія; я испыталъ, какъ сладко, въ теченіе цѣлаго

утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и часъ своего рожденія; — я не могъ смириться разомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вы посудите: безденежье меня приковывало къ ненавистной мнѣ деревнѣ; ни хозяйство, ни служба, ни литература — ничто ко мнѣ не пристало; помѣщиковъ я чуждался, книги мнѣ опротивѣли; для водянисто-пухлыхъ и болѣзненно-чувствительныхъ барышень, встряхивающихъ кудрями и лихорадочно твердящихъ слово: жизнь, — я не представлялъ ничего занимательнаго съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ болтать и восторгаться; уединиться совершенно я не умѣлъ и не могъ... Я сталъ — что вы думаете? — я сталъ таскаться по сосѣдямъ. Словно опьяненный презрѣньемъ къ самому себѣ, я нарочно подвергался всякимъ мелочнымъ унижепіямъ. Меня обносили за столомъ, холодно и надменно встрѣчали, наконецъ, не замѣчали вовсе; мнѣ не давали даже вмѣшиваться въ общій разговоръ, и я самъ, бывало, нарочно поддакивалъ изъ-за угла какому-нибудь глупѣйшему говоруну, который, во время оно, въ Москвѣ, съ восхищеніемъ облобызалъ бы прахъ ногъ моихъ, край моей шинели... Я даже не позволялъ самому себѣ думать, что я предаюсь горькому удовольствію ироніи... Помилуйте, что за иронія въ одиночку! Вотъ-съ, какъ я поступалъ нѣсколько лѣтъ сряду и какъ поступаю еще до сихъ поръ...

— Однако, это ни на что не похоже,—проворчалъ изъ сосѣдней комнаты заспанный голосъ г. Кантагрюхина: — какой тамъ дуракъ вздумалъ ночью разговаривать?

Разсказчикъ проворно нырнулъ подъ одѣяло и, робко выглядывая, погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Тс... тс... — прошепталъ онъ — и, словно извиняясь и кланяясь въ направленіи кантагрюхинскаго голоса, почтительно промолвилъ: — слушаю-съ, слушаю-съ, извините-съ... Ему позволительно спать, ему слѣдуетъ спать,— продолжалъ онъ снова шопотомъ:—ему должно набраться новыхъ силъ, ну, хоть бы для того, чтобъ съ тѣмъ же удовольствіемъ покушать завтра. Мы не имѣемъ права его безпокоить. Притомъ же, я, кажется, вамъ все сказалъ,

что хотѣлъ; вѣроятно, и вамъ хочется спать. Желаю вамъ доброй ночи.

Разсказчикъ съ лихорадочной быстротой отвернулся и зарылъ голову въ подушки.

— Позвольте, но крайней мѣрѣ, узнать,—спросилъ я:— съ кѣмъ я имѣлъ удовольствіе...

Онъ проворно поднялъ голову.

— Нѣтъ, ради Бога, — прервалъ онъ меня: — не спрашивайте моего имени ни у меня, ни у другихъ. Пусть я останусь для васъ неизвѣстнымъ существомъ, пришибленнымъ судьбою Васильемъ Васильевичемъ. Притомъ же я, какъ человѣкъ не оригинальный, и не заслуживаю особеннаго имени... А ужъ если вы непремѣнно хотите мнѣ дать какую-нибудь кличку, такъ назовите... назовите меня Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда. Такихъ Гамлетовъ во всякомъ уѣздѣ много, но, можетъ-быть, вы съ другими не сталкивались... За симъ прощайте.

Онъ опять зарылся въ свой пуховикъ, а на другое утро, когда пришли будить меня, его ужъ не было въ комнатѣ. Онъ уѣхалъ до зари.

XXI.

ЧЕРТОПХАНОВЪ и НЕДОПЮСКИНЪ.

Въ жаркій лѣтній день возвращался я однажды съ охоты на телѣгѣ; Ермолай дремалъ, сидя возлѣ меня, и клевалъ носомъ. Заснувшія собаки подпрыгивали, словно мертвыя, у насъ подъ ногами. Кучеръ то-и-дѣло сгонялъ кнутомъ оводовъ съ лошадей. Бѣлая пыль легкимъ облакомъ неслась вслѣдъ за телѣгой. Мы въѣхали въ кусты. Дорога стала ухабистѣе, колеса начали задѣвать за сучья. Ермолай встрепенулся и глянулъ кругомъ... „Э!“ заговорилъ онъ: „да здѣсь должны быть тетерева. Слѣземтека“. Мы остановились и вошли въ „площадь“. Собака моя наткнулась на выводокъ. Я выстрѣлилъ и началъ было заряжать ружье, какъ вдругъ, позади меня, поднялся громкій трескъ и, раздвигая кусты руками, подъѣхалъ ко мнѣ верховой. „А па-азвольте узнать“, заговорилъ онъ падменнымъ голосомъ: „по какому праву вы здѣсь а-ахотитесь, мюлсвый сдарь?“ Незнакомецъ говорилъ необыкновенно быстро, отрывочно и въ носъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: отъ роду не видалъ я ничего подобнаго. Вообразите себѣ, любезные читатели, малень-

каго человѣка, бѣлокураго, съ краснымъ, вздернутымъ носикомъ и длиннѣйшими рыжими усами. Остроконечная персидская шапка съ малиновымъ суконнымъ верхомъ закрывала ему лобъ по самыя брови. Одѣтъ онъ былъ въ желтый, истасканный архалукъ съ черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всѣмъ швамъ; черезъ плечо висѣлъ у него рогъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ. Чахлая, горбоносая, рыжая лошадь шаталась подъ нимъ, какъ угорѣлая; двѣ борзыя собаки, худыя и криволапыя, тутъ же вертѣлись у ней подъ ногами. Лицо, взглядъ, голосъ, каждое движенье, все существо незнакомца дышало сумасбродной отвагой и гордостью непомѣрной, небывалой; его блѣдно-голубые, стеклянные глаза разбѣгались и косились, какъ у пьянаго; онъ закидывалъ голову назадъ, надувалъ щеки, фыркалъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, словно отъ избытка достоинства — ни дать, ни взять, какъ индѣйскій пѣтухъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Я не зналъ, что здѣсь запрещено стрѣлять,—отвѣчалъ я.

— Вы здѣсь, милостивый государь,—продолжалъ онъ:— на моей землѣ.

— Извольте, я уйду.

— А па-извольте узнать,—возразилъ онъ:—я съ дворянином имѣю честь объясняться?

Я назвалъ себя.

— Въ такомъ случаѣ, извольте охотиться. Я самъ дворянинъ и очень радъ услужить дворянину... А зовутъ меня Чертоп-хановымъ, Пантелеемъ.

Онъ нагнулся, гикнулъ, вытянулъ лошадь по шеѣ; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась въ сторону и отдавила одной собакѣ лапу. Собака пронзительно завизжала. Чертопхановъ закипѣлъ, зашипѣлъ, ударилъ лошадь кулакомъ по головѣ между ушами, быстрѣе молніи соскочилъ на-земь, осмотрѣлъ лапу у собаки, поплевалъ на рану, пихнулъ ее ногою въ бокъ, чтобы она не пищала, уцѣпился за холку и вдѣлъ ногу въ стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвостъ и броси-

лась бокомъ въ кусты; онъ за ней на одной ногѣ вприпрыжку, однако, наконецъ-таки, попалъ въ сѣдло; какъ изступленный, завертѣлъ нагайкой, затрубилъ въ рогъ и поскакалъ. Не успѣлъ я еще придти въ себя отъ неожиданнаго появленія Чертопханова, какъ вдругъ, почти безо всякаго шуму, выѣхалъ изъ кустовъ толстенькій человѣкъ лѣтъ сорока, на маленькой, вороненькой лошаденкѣ. Онъ остановился, снялъ съ головы зеленый, кожаный картузъ, и тоненькимъ, мягкимъ голосомъ спросилъ меня, не видалъ ли я верхового на рыжей лошади? Я отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Въ какую сторону они изволили поѣхать?—продолжалъ онъ тѣмъ же голосомъ и не надѣвая картуза

— Туда-съ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ.

Онъ чмокнулъ губами, заболталъ ногами по бокамъ лошаденки и поплелся рысцой — трюхи-трюхи — по указанному направленію. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пока его рогатый картузъ не скрылся за вѣтвями. Этотъ новый незнакомецъ наружностью нисколько не походилъ на своего предшественника. Лицо его, пухлое и круглое, какъ шаръ, выражало застѣнчивость, добродушіе и кроткое смиреніе; носъ, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками, изобличалъ сластолюбца. На головѣ его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади торчали жиденькія русыя косицы; глазки, словно осокой прорѣзанные, ласково мигали; сладко улыбались красныя и сочныя губки. На немъ былъ сюртукъ со стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконные его панталончики высоко вздернулись; надъ желтыми оторочками сапоговъ виднѣлись жирненькія икры.

— Кто это?—спросилъ я Ермолая.

— Это? Недопюскинъ, Тихонъ Иванычъ. У Чертопханова живетъ.

— Что онъ, бѣдный человѣкъ?

— Небогатый; да вѣдь и у Чертопханова-то гроша нѣтъ мѣднаго.

— Такъ зачѣмъ же онъ у него поселился?

— А, вишь, подружились. Другъ безъ дружки никуда... Вотъ ужъ подлинно: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней...

Мы вышли изъ кустовъ; вдругъ подлѣ насъ „затявкали“ двѣ гончія, и матерой бѣлякъ покатилъ по овсамъ, уже довольно высокимъ. Вслѣдъ за нимъ выскочили изъ опушки собаки, гончія и борзыя, а вслѣдъ за собаками вылетѣлъ самъ Чертопхановъ. Онъ не кричалъ, не травилъ, не атукалъ: онъ задыхался, захлебывался; изъ разинутаго рта изрѣдка вырывались отрывистые, безсмысленные звуки; онъ мчался выпуча глаза и бѣшено сѣкъ нагайкой несчастную лошадь. Борзыя „приспѣли“... бѣлякъ присѣлъ, круто повернулъ назадъ и ринулся, мимо Ермолая, въ кусты... Борзыя пронеслись. „Бе-е-ги, бе-е-ги,“ съ усиліемъ, словно косноязычный, залепеталъ замиравшій охотникъ:—„родимый, береги!“ Ермолай выстрѣлилъ... раненый бѣлякъ покатился кубаремъ по гладкой и сухой травѣ, подпрыгнулъ кверху и жалобно закричалъ въ зубахъ разсовавшагося пса. Гончія тотчасъ подвалились.

Турманомъ слетѣлъ Чертопхановъ съ коня, выхватилъ кинжалъ, подбѣжалъ, растопыря ноги, къ собакамъ, съ яростными заклинаніями вырвалъ у нихъ истерзаннаго зайца и, перекосясь всѣмъ лицомъ, погрузилъ ему въ горло кинжалъ по самую рукоятку... погрузилъ и загоготалъ. Тихонъ Иванычъ показался въ опушкѣ. „Го-го-го-го-го-го-го-го!“ завопилъ вторично Чертопхановъ... „Го-го-го-го!“ спокойно повторилъ его товарищъ.

— А вѣдь, по-настоящему, лѣтомъ охотиться не слѣдуетъ,—замѣтилъ я, указывая Чертопханову на измятый овесъ.

— Мое поле,—отвѣчалъ, едва дыша, Чертопхановъ.

Онъ отпазончилъ, второчилъ зайца и роздалъ собакамъ лапки.

— За мною зарядъ, любезный,—по охотничьимъ правиламъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Ермолаю.—А васъ, милостивый государь,—прибавилъ онъ тѣмъ же отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ:—благодарю.

Онъ сѣлъ на лошадь.

— На-азвольте узнать... забылъ... имя и фамилію?

Я опять назвалъ себя.

— Очень радъ съ вами познакомиться. Коли случится, милости просимъ ко мнѣ... Да гдѣ же этотъ Ѳомка, Тихонъ Иванычъ?—съ сердцемъ продолжалъ онъ:—безъ него бѣляка затравили.

— А подъ нимъ лошадь пала,—съ улыбкой отвѣчалъ Тихонъ Иванычъ.

— Какъ пала? Орбассанъ палъ? Шфу, шфить!.. Гдѣ онъ, гдѣ?

— Тамъ, за лѣсомъ.

Чертопхановъ ударилъ лошадь нагайкой по мордѣ и поскакалъ сломя-голову. Тихонъ Иванычъ поклонился мнѣ два раза—за себя и за товарища, и опять поплелся рысцой въ кусты.

Эти два господина сильно возбудили мое любопытство... Что могло связать узами неразрывной дружбы два существа, столь разнородныя? Я началъ наводить справки. Вотъ, что я узналъ.

Чертопхановъ, Пантелей Еремѣичъ, слылъ во всемъ околоткѣ человѣкомъ опаснымъ и сумасброднымъ, гордецомъ и забіякой первой руки. Служилъ онъ весьма недолгое время въ арміи и вышелъ въ отставку „по непріятности“, тѣмъ чиномъ, по поводу котораго распространилось мнѣніе, будто курица не птица. Происходилъ онъ отъ стариннаго дома, нѣкогда богатаго; дѣды его жили пышно, по-степному; то-есть, принимали званыхъ и незваныхъ, кормили ихъ на убой, отпускали по четверти овса чужимъ кучерамъ на тройку, держали музыкантовъ, пѣсенниковъ, гаеровъ и собакъ, въ торжественные дни поили народъ виномъ и брагой, по зимамъ ѣздили въ Москву на своихъ, въ тяжелыхъ колымагахъ, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣли безъ гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелея Еремѣича досталось имѣніе уже разоренное; онъ, въ свою очередь, тоже сильно „пожуировалъ“ и, умирая, оставилъ единственному своему наслѣднику, Пантелею, заложенное сельцо Безсоново, съ тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женска пола, да четыр-

надцать десятинъ съ осьминникомъ неудобной земли въ пустоши Колобродовой, на которыя, впрочемъ, никакихъ крѣпостей въ бумагахъ покойнаго не оказалось. Покойникъ, должно сознаться, престраннымъ образомъ разорился: „хозяйственный расчетъ“ его сгубилъ. По его понятіямъ, дворянину не слѣдовало зависѣть отъ купцовъ, горожанъ и тому подобныхъ „разбойниковъ“, какъ онъ выражался; онъ завелъ у себя всѣ возможныя ремесла и мастерскія: „и приличнѣе, и дешевле“, говаривалъ онъ:— „хозяйственный расчетъ!“ Съ этой пагубной мыслью онъ до конца жизни не разстался; она-то его и разорила. Зато потѣшился! Ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ. Между прочими выдумками соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ, такую огромную, семейственную карету, что, несмотря на дружныя усилія согнанныхъ со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, она на первомъ же косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукичъ (Пантелеева отца звали Еремѣемъ Лукичемъ) приказалъ памятникъ поставить на косогорѣ, а впрочемъ, нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить церковь, разумѣется, самъ, безъ помощи архитектора. Сжегъ цѣлый лѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хоть бы подъ губернскій соборъ вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: куполъ упалъ. Онъ опять — куполъ опять обрушился, онъ третій разъ — куполъ рухнулъ въ третій разъ. Призадумался мой Еремѣй Лукичъ: дѣло, думаетъ, не ладно... колдовство проклятое замѣшалось... да вдругъ и прикажи перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ. Бабъ перепороли — а куполъ, все-таки, не свели. Избы крестьянамъ по новому плану перестраивать началъ, и все изъ хозяйственнаго расчета: по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольникомъ, а на серединѣ воздвигалъ шесть съ раскрашенной скворешницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую затѣю придумывалъ: то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хвосты стригъ на картузы дворовымъ людямъ, то ленъ собирался крапивой замѣнить, свиней кормить грибами... Вычиталъ онъ однажды въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статейку

харьковскаго помѣщика Хряка-Хрупёрскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью харьковскаго помѣщика наизусть. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ ли они, что тамъ написано? Приказчикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять! Около того же времени повелѣлъ онъ всѣхъ поданныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго расчета, перенумеровать, и каждому на воротникѣ пашить его нумеръ. При встрѣчѣ съ барином всякъ, бывало, такъ ужъ и кричитъ: такой-то нумеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай съ Богомъ!

Однако, несмотря на порядокъ и хозяйственный расчетъ, Еремѣй Лукичъ понемногу пришелъ въ весьма затруднительное положеніе: началъ сперва закладывать свои деревеньки, а тамъ и къ продажѣ приступилъ; послѣднее прадѣдовское гнѣздо, село съ недостроенною церковью, продала уже казна, къ счастью, не при жизни Еремѣя Лукича,—онъ бы не вынесъ этого удара,—а двѣ недѣли послѣ его кончины. Онъ успѣлъ умереть у себя въ домѣ, на своей постели, окруженный своими людьми и подъ надзоромъ своего лѣкаря; но бѣдному Пантелею досталось одно Безсоново.

Пантелей узналъ о болѣзни отца уже на службѣ, въ самомъ разгарѣ вышеупомянутой „непріятности“. Ему только-что пошелъ девятнадцатый годъ. Съ самаго дѣтства не покидалъ онъ родительскаго дома, и подъ руководствомъ своей матери, добрѣйшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, выросъ баловнемъ и барчукомъ. Она одна занималась его воспитаніемъ; Еремѣю Лукичу, погруженному въ свои хозяйственныя соображенія, было не до того. Правда, онъ однажды собственноручно наказалъ своего сына за то, что онъ букву рцы—выговаривалъ: арцы, но въ тотъ день Еремѣй Лукичъ скорбѣлъ глубоко и тайно: лучшая его собака убилась объ дерево. Впрочемъ, хлопоты Василисы Васильевны насчетъ воспитанія Пантюши ограничились однимъ мучительнымъ усиліемъ: въ потѣ лица нанята она ему въ гу-

вернеры отставного солдата изъ эльзасцевъ, нѣкоего Биркопфа, и до самой смерти трепетала какъ листъ передъ нимъ: ну,—думала она, коли откажется—пропала я! куда я дѣнусь? гдѣ другого учителя найду? Ужъ и этого насилу-насилу у сосѣдки сманила! И Биркопфъ, какъ человѣкъ смѣтливый, тотчасъ воспользовался исключительностью своего положенія: пилъ мертвую и спалъ съ утра до вечера. По окончаніи „курса наукъ", Пантелей поступилъ на службу. Василисы Васильевны уже не было на свѣтѣ. Она скончалась за полгода до этого важнаго событія, отъ испуга: ей во снѣ привидѣлся бѣлый человѣкъ верхомъ на медвѣдѣ. Еремѣй Лукичъ вскорѣ послѣдовалъ за своей половиной.

Пантелей при первомъ извѣстіи о его нездоровьѣ, прискакалъ сломя-голову, однако, не засталъ уже родителя въ живыхъ. Но каково было удивленіе почтительнаго сына, когда онъ совершенно неожиданно изъ богатаго наслѣдника превратился въ бѣдняка! Немногіе въ состояніи вынести такой крутой переломъ. Пантелей одичалъ, ожесточился. Изъ человѣка честнаго, щедраго и добраго, хотя взбалмошнаго и горячаго, онъ превратился въ гордеца и забіяку, пересталъ знаться съ сосѣдями, — богатыхъ онъ стыдился, бѣдныхъ гнушался,—и неслыханно-дерзко обращался со всѣми, даже съ установленными властями: я, молъ, столбовой дворянинъ. Разъ чуть-чуть не застрѣлилъ станового, вошедшаго къ нему въ комнату съ картузомъ на головѣ. Разумѣется, власти, съ своей стороны, ему тоже не спускали и, при случаѣ, давали себя знать; но все-таки его побаивались, потому что горячка онъ былъ страшная и со второго слова предлагалъ рѣзаться на ножахъ. Отъ малѣйшаго возраженія глаза Чертопханова разбѣгались, голосъ прерывался... „А, ва-ва-ва-ва-ва", лепеталъ онъ: „пропадай, моя голова!"... и хоть на стѣну! Да и сверхъ того, человѣкъ онъ былъ чистый, не замѣшанный ни въ чемъ. Никто къ нему, разумѣется, не ѣздилъ... И при всемъ томъ, душа въ немъ была добрая, даже великая, по-своему: несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горой. „Какъ?"

говорилъ онъ, неистово стуча по собственной головѣ: „моихъ трогать, моихъ? Да не будь я Чертопхановъ...“

Тихонъ Иванычъ Недопюскинъ не могъ, подобно Пантелею Еремѣичу, гордиться своимъ происхожденіемъ. Родитель его вышелъ изъ однодворцевъ, и только сорокалѣтней службой добился дворянства. Г-нъ Недопюскинъ-отецъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ несчастіе преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, похожимъ на личную ненависть. Въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, съ самаго рожденія до самой кончины, бѣднякъ боролся со всѣми нуждами, недугами и бѣдствіями, свойственными маленькимъ людямъ; бился, какъ рыба объ ледъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, кланялся, хлопоталъ, унывалъ и томился, дрожалъ надъ каждой копейкой, дѣйствительно „невинно“ пострадалъ по службѣ и умеръ, наконецъ, не то на чердакѣ, не то въ погребѣ, не успѣвъ заработать ни себѣ, ни дѣтямъ куска насущнаго хлѣба. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ. Человѣкъ онъ былъ добрый и честный, а бралъ взятки—отъ гривенника до двухъ цѣлковыхъ включительно. Была у Недопюскина жена, худая и чахоточная; были и дѣти; къ счастью, они всѣ скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Митродоры, по прозванію: „купецкая щеголиха“, вышедшей, послѣ многихъ печальныхъ и смѣшныхъ приключеній, за отставного стряпчаго. Г-нъ Недопюскинъ-отецъ успѣлъ-было еще при при жизни помѣстить Тихона заштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію; но тотчасъ послѣ смерти родителя, Тихонъ вышелъ въ отставку. Вѣчныя тревоги, мучительная борьба съ холодомъ и голодомъ, тоскливое уныніе матери, хлопотливое отчаяніе отца, грубыя притѣсненія хозяевъ и лавочника, все это ежедневное, непрерывное горе развило въ Тихонѣ робость неизъяснимую: при одномъ видѣ начальника онъ трепеталъ и замиралъ, какъ пойманная птичка. Онъ бросилъ службу. Равнодушная, а можетъ-быть и насмѣшливая природа влагаетъ въ людей разныя способности и наклонности, нисколько не соображаясь съ ихъ положеніемъ въ обществѣ и средствами; съ свойственною ей заботливостью и любовью вылѣпила она изъ Тихона,

сына бѣднаго чиновника, существо чувствительное, лѣнивое, мягкое, воспріимчивое—существо, исключительно обращенное къ наслажденію, одаренное чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ... вылѣпила, тщательно отдѣлала и предоставила своему произведенію вырастать на кислой капустѣ и тухлой рыбѣ. И вотъ, оно выросло, это произведеніе, начало, какъ говорится, „жить“. Пошла потѣха. Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно, разлакомилась. Но съ Тихономъ она поступала иначе; она не мучила его — она имъ забавляла. Она ни разу не доводила его до отчаянія, не заставляла испытать постыдныхъ мукъ голода, но мыкала имъ по всей Россіи, изъ Великаго-Устюга въ Царево-Кокшайскъ, изъ одной унизительной и смѣшной должности въ другую: то жаловала его въ „мажордомы“ къ сварливой и желчной барынѣ-благодѣтельницѣ, то помѣщала въ нахлѣбники къ богатому скрягѣ-купцу, то опредѣляла въ начальники домашней канцеляріи лупоглазаго барина, стриженнаго на англійскій манеръ, то производила въ полу-дворецкіе, полу-шуты къ псовому охотнику... Словомъ, судьба заставила бѣднаго Тихона выпить по каплѣ и до капли весь горькій и ядовитый напитокъ подчиненнаго существованія. Послужилъ онъ на своемъ вѣку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скукѣ празднаго барства... Сколько разъ наединѣ, въ своей комнатѣ, отпущенный, наконецъ, „съ Богомъ“ натѣшившейся всласть ватагою гостей, клялся онъ, весь пылая стыдомъ, съ холодными слезами отчаянія на глазахъ, на другой же день убѣжать тайкомъ, попытать своего счастья въ городѣ, сыскать себѣ хоть писарское мѣстечко, или ужъ, за одинъ разъ, умереть съ голоду на улицѣ. Да, во-первыхъ, силы Богъ не далъ; во-вторыхъ, робость разбирала; а въ-третьихъ, наконецъ, какъ себѣ мѣсто выхлопотать, кого просить? „Не дадутъ“, шепталъ, бывало, несчастный, уныло переворачиваясь на постели: „не дадутъ!“ И на другой день снова принимался тянуть лямку. Тѣмъ мучительнѣе было его положеніе, что даже заботливая природа не потрудилась надѣлить его хоть малой толикой тѣхъ способ-

ностей и дарованій, безъ которыхъ ремесло заоавпика почти невозможно. Онъ, напримѣръ, не умѣлъ ни плясать до упаду въ медвѣжьей шубѣ навыворотъ, ни балагурить и любезничать въ непосредственномъ сосѣдствѣ расходившихся арапниковъ; выставленный нагишомъ на двадцатиградусный морозъ, онъ иногда простужался; желудокъ его не варилъ ни вина, смѣшаннаго съ чернилами и прочей дрянью, ни крошеныхъ мухоморовъ и сыроѣжекъ съ уксусомъ. Господь вѣдаетъ, что бы сталось съ Тихономъ, если бы послѣдній изъ его благодѣтелей, разбогатѣвшій откупщикъ, не вздумалъ, въ веселый часъ, приписать въ своемъ завѣщаніи: „а Зёзѣ (Тихону тожъ) Недопюскину предоставляю въ вѣчное и потомственное владѣніе благопріобрѣтенную мною деревню Безселендѣевку со всѣми угодьями“. Нѣсколько дней спустя, благодѣтеля, за стерляжьей ухой, прихлопнулъ параличъ. Поднялся гвалтъ, судъ нагрянулъ, опечаталъ имущество, какъ слѣдуетъ. Съѣхались родные; раскрыли завѣщаніе; прочли, потребовали Недопюскина. Явился Недопюскинъ. Большая часть собранья знала, какую должность Тихонъ Иванычъ занималъ при благодѣтелѣ; оглушительныя восклицанія, насмѣшливыя поздравленія посыпались ему навстрѣчу. „Помѣщикъ, вотъ онъ, новый помѣщикъ!“ кричали прочіе наслѣдники. — „Вотъ ужъ того“, подхватилъ одинъ извѣстный шутникъ и острякъ: „вотъ ужъ, точно, можно сказать... вотъ ужъ, дѣйствительно... того... что называется... того... наслѣдникъ“. И всѣ такъ и прыснули. Недопюскинъ долго не хотѣлъ вѣрить своему счастью. Ему показали завѣщаніе, — онъ покраснѣлъ, зажмурился, началъ отмахиваться руками и зарыдалъ въ три ручья. Хохотъ собранья превратился въ густой и слитный ревъ. Деревня Безселендѣевка состояла всего изъ двадцати двухъ душъ крестьянъ: никто о ней не сожалѣлъ сильно; такъ почему же, при случаѣ, не потѣшиться? Одинъ только наслѣдникъ изъ Петербурга, важный мужчина съ греческимъ носомъ и благороднѣйшимъ выраженіемъ лица, Ростиславъ Адамычъ Штопель, не вытерпѣлъ, пододвинулся бокомъ къ Недопюскину и надменно глянулъ на него черезъ

плечо. „Вы, сколько я могу замѣтить, милостивый государь“, заговорилъ онъ презрительно-небрежно: „состояли у почтеннаго Ѳедора Ѳедоровича въ должности потѣшнаго, такъ-сказать, прислужника?“ Господинъ изъ Петербурга выражался языкомъ нестерпимо чистымъ, бойкимъ и правильнымъ. Разстроенный, взволнованный Недопюскинъ не разслышалъ словъ незнакомаго ему господина, но прочіе тотчасъ всѣ замолкли; острякъ снисходительно улыбнулся. Г-нъ Штоппель потеръ себѣ руки и повторилъ свой вопросъ. Недопюскинъ съ изумленіемъ поднялъ глаза и раскрылъ ротъ. Ростиславъ Адамычъ язвительно прищурился.

— Поздравляю васъ, милостивый государь, поздравляю,— продолжалъ онъ: — правда, не всякій, можно сказать, согласился бы такимъ образомъ зарррабатывать себѣ насущный хлѣбъ; но de gustibus non est disputandum, то-есть, у всякаго свой вкусъ... Не правда ли?

Кто-то въ заднихъ рядахъ быстро, неприлично взвизгнулъ отъ удивленія и восторга.

— Скажите,—подхватилъ г. Штоппель, сильно поощренный улыбками всего собранія: — какому таланту въ особенности вы обязаны своимъ счастьемъ? Нѣтъ, не стыдитесь, скажите; мы всѣ здѣсь, такъ сказать, свои, en famille. Не правда ли, господа, мы здѣсь en famille?

Наслѣдникъ, къ которому Ростиславъ Адамычъ случайно обратился съ этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, не зналъ по-французски и потому ограничился однимъ одобрительнымъ легкимъ кряхтѣніемъ. Зато другой наслѣдникъ, молодой человѣкъ съ желтоватыми пятнами на лбу, поспѣшно подхватилъ: „вуй, вуй, разумѣется“.

— Можетъ-быть,—снова заговорилъ г. Штоппель:— вы умѣете ходить на рукахъ, поднявши ноги, такъ сказать, кверху?

Недопюскинъ съ тоской поглядѣлъ кругомъ — всѣ лица злобно усмѣхались, всѣ глаза покрылись влагой удовольствія.

— Или, можетъ-быть, вы умѣете пѣть какъ пѣтухъ?

Взрывъ хохота раздался кругомъ и стихъ тотчасъ, заглушенный ожиданіемъ.

— Или, можетъ-быть, вы на носу...

— Перестаньте!—перебилъ вдругъ Ростислава Адамыча рѣзкій и громкій голосъ: — какъ вамъ не стыдно мучить бѣднаго человѣка!

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Чертопхановъ. Въ качествѣ четвероюроднаго племянника покойнаго откупщика, онъ тоже получилъ пригласительное письмо на родственный съѣздъ. Во все время чтенія, онъ — какъ всегда—держался въ гордомъ отдаленіи отъ прочихъ.

— Перестаньте,—повторилъ онъ, гордо закинувъ голову.

Г-нъ Штоппель быстро обернулся и, увидавъ человѣка бѣдно одѣтаго, неказистаго, вполголоса спросилъ у сосѣда (осторожность никогда не мѣшаетъ):

— Кто это?

— Чертопхановъ, не важная птица, отвѣчалъ ему тотъ на-ухо.

Ростиславъ Адамычъ принялъ надменный видъ.

— А вы что за командиръ?—проговорилъ онъ въ носъ и прищурилъ глаза.—Вы что за птица, позвольте спросить?

Чертопхановъ вспыхнулъ, какъ порохъ отъ искры. Бѣшенство захватило ему дыханіе.

— Дз-дз-дз-дз, — зашипѣлъ онъ, словно удавленный, и вдругъ загремѣлъ:—кто я? кто я? Я Пантелей Чертопхановъ, столбовой дворянинъ, мой прапращуръ царю служилъ, а ты кто?

Ростиславъ Адамычъ поблѣднѣлъ и шагнулъ назадъ. Онъ не ожидалъ такого отпора.

— Я птица, я, я птица... О, о, о!..

Чертопхановъ ринулся впередъ; Штоппель отскочилъ въ большомъ волненіи, гости бросились навстрѣчу раздраженному помѣщику.

— Стрѣляться, стрѣляться, сейчасъ стрѣляться, черезъ платокъ!—кричалъ разсвирѣпѣвшій Пантелей:—или проси извиненія у меня, да и у него...

— Просите, просите извиненія, — бормотали вокругъ Штоппеля встревоженные наслѣдники: — онъ вѣдь такой сумасшедшій,—готовъ зарѣзать.

— Извините, извините, я не зналъ,—залепеталъ Штоппель:—я не зналъ.

— И у него проси!—возопилъ неугомонный Пантелей.

— Извините и вы, — прибавилъ Ростиславъ Адамычъ, обращаясь къ Недопюскину, который самъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Чертопхановъ успокоился, подошелъ къ Тихону Иванычу, взялъ его за руку, дерзко глянулъ кругомъ и, не встрѣчая ни одного взора, торжественно, среди глубокаго молчанія, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ благопріобрѣтенной деревни Безселендѣевки.

Съ того самаго дня они уже болѣе не разставались. (Деревня Безселендѣевка отстояла всего на восемь верстъ отъ Безсонова.) Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла въ подобострастное благоговѣніе. Слабый, мягкій и не совсѣмъ чистый Тихонъ склонялся во прахъ передъ безбоязненнымъ и безкорыстнымъ Пантелеемъ. „Легкое ли дѣло“, думалъ онъ иногда про себя: „съ губернаторомъ говоритъ, прямо въ глаза ему смотритъ... вотъ-те Христосъ,—такъ и смотритъ!“

Онъ удивлялся ему до недоумѣнія, до изнеможенія душевныхъ силъ, почиталъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, умнымъ, ученымъ. И то сказать, какъ ни было худо воспитаніе Чертопханова, все же, въ сравненіи съ воспитаніемъ Тихона, оно могло показаться блестящимъ. Чертопхановъ, правда, по-русски читалъ мало, по-французски понималъ плохо, до того плохо, что однажды на вопросъ гувернера изъ швейцарцевъ: „Vous parlez français, monsieur?“ отвѣчалъ: жэ не разумѣю, и, подумавъ немного, прибавилъ: па;—но, все-таки, онъ помнилъ, что былъ на свѣтѣ Вольтеръ, преострый сочинитель, и что Фридрихъ Великій, прусскій король, на военномъ поприщѣ тоже отличался. Изъ русскихъ писателей уважалъ онъ Державина, а любилъ Марлинскаго и лучшаго кобеля прозвалъ Аммалатъ-Бекомъ...

Нѣсколько дней спустя послѣ первой моей встрѣчи съ обоими пріятелями, отправился я въ сельцо Безсоново къ Пантелею Еремѣичу. Издали виднѣлся небольшой его домикъ; онъ торчалъ на голомъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ деревни, какъ говорится, „на-юру“, словно ястребъ на

нашнѣ. Вся усадьба Чертопханова состояла изъ четырехъ ветхихъ срубовъ разной величины, а именно: изъ флигеля, конюшни, сарая и бани. Каждый срубъ сидѣлъ отдѣльно, самъ по себѣ: ни забора кругомъ, ни воротъ не замѣчалось. Кучеръ мой остановился въ недоумѣніи у полусгнившаго и засореннаго колодца. Возлѣ сарая нѣсколько худыхъ и взъерошенныхъ борзыхъ щенковъ терзали дохлую лошадь, вѣроятно—Орбассана; одинъ изъ нихъ поднялъ-было окровавленную морду, полаялъ торопливо и снова принялся глодать обнаженныя ребра. Подлѣ лошади стоялъ малый лѣтъ семнадцати, съ пухлымъ и желтымъ лицомъ, одѣтый казачкомъ и босоногій; онъ съ важностью посматривалъ на собакъ, порученныхъ его надзору, и изрѣдка постегивалъ арапникомъ самыхъ алчныхъ.

— Дома баринъ?—спросилъ я.

— А Господь его знаетъ! — отвѣчалъ малый. — Постучитесь.

Я соскочилъ съ дрожекъ и подошелъ къ крыльцу флигеля.

Жилище господина Чертопханова являло видъ весьма печальный: бревна почернѣли и высунулись впередъ „брюхомъ“, труба обвалилась, углы подопрѣли и покачнулись, небольшія тускло-сизыя окошечки невыразимо кисло поглядывали изъ-подъ косматой, нахлобученной крыши: у иныхъ старухъ-потаскушекъ бываютъ такіе глаза. Я постучался; никто не откликнулся. Однако, мнѣ за дверью слышались рѣзко произносимыя слова:

— Азъ, буки, вѣди; да ну же, дуракъ,—говорилъ сиплый голосъ:—азъ, буки, вѣди, глаголь... да нѣтъ! глаголь, добро, есть! есть!.. Ну же, дуракъ!

Я постучался въ другой разъ.

Тотъ же голосъ закричалъ:—Войди,—кто тамъ...

Я вошелъ въ пустую маленькую переднюю и сквозь растворенную дверь увидалъ самого Чертопханова. Въ засаленномъ бухарскомъ халатѣ, широкихъ шароварахъ и красной ермолкѣ сидѣлъ онъ на стулѣ, одной рукой стискивалъ онъ молодому пуделю морду, а въ другой держалъ кусокъ хлѣба надъ самымъ его носомъ.

— А! — проговорилъ онъ съ достоинствомъ и не тро-

гаясь съ мѣста:—очень радъ вашему посѣщенью. Милости прошу садиться. А я, вотъ, съ Вензоромъ вожусь... Тихонъ Иванычъ,—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ:—пожалуй-ка сюда. Гость пріѣхалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ изъ сосѣдней комнаты Тихонъ Иванычъ.—Маша, подай галстукъ.

Чертопхановъ снова обратился къ Вензору и положилъ ему кусокъ хлѣба на носъ. Я посмотрѣлъ кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ раздвижного, покороблennаго стола на тринадцати ножкахъ неровной длины, да четырехъ продавленныхъ соломенныхъ стульевъ, не было никакой мебели; давнымъ-давно выбѣленныя стѣны, съ синими пятнами въ видѣ звѣздъ, во многихъ мѣстахъ облупились; между окнами висѣло разбитое и тусклое зеркальце въ огромной рамѣ подъ красное дерево. По угламъ стояли чубуки да ружья; съ потолка спускались толстыя и черныя нити паутинъ.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро,—медленно произносилъ Чертопхановъ и вдругъ неистово воскликнулъ:—есть! есть! есть!.. Экое глупое животное!.. есть!

Но злополучный пудель только вздрагивалъ и не рѣшался разинуть ротъ; онъ продолжалъ сидѣть, поджавши болѣзненно хвостъ, и, скрививъ морду, уныло моргалъ и щурился, словно говорилъ про себя: извѣстно, воля ваша!

— Да ѣшь, на! ниль!—повторялъ неугомонный помѣщикъ.

— Вы его запугали,—замѣтилъ я.

— Ну, такъ прочь его!

Онъ пихнулъ его ногой. Бѣднякъ поднялся тихо, сронилъ хлѣбъ долой съ носа и пошелъ, словно на цыпочкахъ, въ переднюю, глубоко оскорбленный. И дѣйствительно: чужой человѣкъ въ первый разъ пріѣхалъ, а съ нимъ вотъ какъ поступаютъ.

Дверь изъ другой комнаты осторожно скрипнула, и г. Недопюскинъ вошелъ, пріятно раскланиваясь и улыбаясь.

Я всталъ и поклонился.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь,—залепеталъ онъ.

Мы усѣлись. Чертопхановъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Давно вы пожаловали въ наши палестины, — заговорилъ Недопюскинъ мягкимъ голосомъ, осторожно кашлянувъ въ руку и, для приличія, подержавъ пальцы передъ губами.

— Другой мѣсяцъ пошелъ.

— Вотъ какъ-съ.

Мы помолчали.

— Пріятная нонеча стоитъ погода,—продолжалъ Недопюскинъ и съ благодарностью посмотрѣлъ на меня, какъ будто бы погода отъ меня зависѣла:—хлѣба, можно сказать, удивительные.

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія. Мы опять помолчали.

— Пантелей Еремѣичъ вчера двухъ русаковъ изволили затравить,—не безъ усилія заговорилъ Недопюскинъ, явно желавшій оживить разговоръ: — да-съ, пребольшихъ-съ русаковъ-съ.

— Хорошія у г. Чертопханова собаки?

— Преудивительныя-съ! — съ удовольствіемъ возразилъ Недопюскинъ:—можно сказать, первыя по губерніи. (Онъ подвинулся ко мнѣ.) Да что-съ! Пантелей Еремѣичъ такой человѣкъ! Что только пожелаетъ, вотъ, что только вздумаетъ—глядишь, ужъ и готово, все ужъ такъ и кипитъ-съ. Пантелей Еремѣичъ, скажу вамъ...

Чертопхановъ вошелъ въ комнату. Недопюскинъ усмѣхнулся, умолкъ и показалъ мнѣ на него глазами, какъ бы желая сказать: вотъ, вы сами убѣдитесь. Мы пустились толковать объ охотѣ.

— Хотите, я вамъ покажу свою свору?—спросилъ меня Чертопхановъ и, не дождавшись отвѣта, позвалъ Карпа.

Вошелъ дюжій парень въ нанковомъ кафтанѣ зеленаго цвѣта съ голубымъ воротникомъ и ливрейными пуговицами.

— Прикажи Ѳомкѣ, — отрывисто проговорилъ Чертопхановъ: — привести Аммалата и Сайгу, да въ порядкѣ, понимаешь?

Карпъ улыбнулся во весь ротъ, издалъ неопредѣленный звукъ и вышелъ. Явился Ѳома, причесанный, затянутый, въ сапогахъ и съ собаками. Я, ради приличія, полюбовался глупыми животными (борзыя всѣ чрезвычайно глупы). Чертопхановъ поплевалъ Аммалату въ самыя ноздри, что, впрочемъ, повидимому, не доставило этому псу ни малѣйшаго удовольствія. Недопюскинъ также сзади поласкалъ Аммалата. Мы опять принялись болтать. Чертопхановъ понемногу смягчился совершенно, пересталъ пѣтушиться и фыркать; выраженіе лица его измѣнилось. Онъ глянулъ на меня и на Недопюскина...

— Э!—воскликнулъ онъ вдругъ: — что ей тамъ сидѣть одной? Маша! а, Маша! поди-ка сюда!

Кто-то зашевелился въ сосѣдней комнатѣ, но отвѣта не было.

— Ма-а-ша,—ласково повторилъ Чертопхановъ:—поди сюда. Ничего, не бойся.

Дверь тихонько растворилась, и я увидалъ женщину лѣтъ двадцати, высокую и стройную, съ цыганскимъ смуглымъ лицомъ, изжелта-карими глазами и черною какъ смоль косою; большіе бѣлые зубы такъ и сверкали изъподъ полныхъ и красныхъ губъ. На ней было бѣлое платье; голубая шаль, заколотая у самаго горла золотой булавкой, прикрывала до половины ея тонкія, породистыя руки. Она шагнула раза два съ застѣнчивой неловкостью дикарки, остановилась и потупилась.

— Вотъ, рекомендую, — промолвилъ Пантелей Еремѣичъ:—жена не жена, а почитай, что жена.

Маша слегка вспыхнула и съ замѣшательствомъ улыбнулась. Я поклонился ей пониже. Очень она мнѣ понравилась. Тоненькій орлиный носъ, съ открытыми полупрозрачными ноздрями, смѣлый очеркъ высокихъ бровей, блѣдныя, чуть-чуть вналыя щеки,—всѣ черты ея лица выражали своенравную страсть и беззаботную удаль. Изъ-подъ закрученной косы внизъ по широкой шеѣ шли двѣ прядки блестящихъ волосиковъ—признакъ крови и силы.

Она подошла къ окну и сѣла. Я не хотѣлъ увеличить ея смущенья и заговорилъ съ Чертопхановымъ. Маша ле-

гонько повернула голову и начала исподлобья на меня поглядывать, украдкой, дико, быстро. Взоръ ея такъ и мелькалъ, словно змѣиное жало. Недопюскинъ подсѣлъ къ ней и шепнулъ ей что-то на ухо. Она опять улыбнулась. Улыбаясь, она слегка морщила носъ и приподнимала верхнюю губу, что придавало ея лицу не то кошачье, не то львиное выраженіе...

О, да ты „не тронь меня“,—подумалъ я, въ свою очередь украдкой посматривая на ея гибкій станъ, впалую грудь и угловатыя, проворныя движенія.

— А что, Маша,—спросилъ Чертопхановъ:—надобно бы гостя чѣмъ-нибудь и попотчивать, а?

— У насъ есть варенье,—отвѣчала она.

— Ну, подай сюда варенье, да ужъ и водку кстати. Да послушай, Маша, — закричалъ опъ ей вслѣдъ: — принеси тоже гитару.

— Для чего гитару? я пѣть не стану.

— Отчего?

— Не хочется.

— Э, пустяки, захочется, коли...

— Что?—спросила Маша, быстро наморщивъ брови.

— Коли попросятъ,—договорилъ Чертопхановъ не безъ смущенія.

— А!

Она вышла, скоро вернулась съ вареньемъ и водкой, и опять сѣла у окна. На лбу ея еще виднѣлась морщинка; обѣ брови поднимались и опускались, какъ усики у осы... Замѣтили ли вы, читатель, какое злое лицо у осы? Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Разговоръ не клеился. Недопюскинъ притихъ совершенно и напряженно улыбался; Чертопхановъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и выпучивалъ глаза; я уже собирался уѣхать!.. Маша вдругъ приподнялась, разомъ отворила окно, высунула голову и съ сердцемъ закричала проходившей бабѣ: „Аксинья!“ Баба вздрогнула, хотѣла было повернуться, да поскользнулась и тяжко шлепнулась на-земь. Маша опрокинулась назадъ и звонко захохотала; Чертопхановъ тоже засмѣялся; Недопюскинъ запищалъ отъ восторга. Мы всѣ встрепенулись. Гроза разразилась одной молніей... воздухъ очистился.

Полчаса спустя, насъ бы никто не узналъ: мы болтали и шалили, какъ дѣти. Маша рѣзвилась пуще всѣхъ, Чертопхановъ такъ и пожиралъ ее глазами. Лицо у ней поблѣднѣло, ноздри расширились, взоръ запылалъ и потемнѣлъ въ одно и то же время. Дикарка разыгралась. Недопюскинъ ковылялъ за ней на своихъ толстыхъ и короткихъ ножкахъ, какъ селезень за уткой. Даже Вензоръ выползъ изъ-подъ прилавка въ передней, постоялъ на дорогѣ, поглядѣлъ на насъ и вдругъ принялся прыгать и лаять. Маша выпорхнула въ другую комнату, принесла гитару, сбросила шаль съ плечъ долой, проворно сѣла, подняла голову и запѣла цыганскую пѣсню. Ея голосъ звенѣлъ и дрожалъ, какъ надтреснутый стеклянный колокольчикъ, вспыхивалъ и замиралъ... Любо и жутко становилось на сердцѣ.—„Ай, жги, говори!“... Чертопхановъ пустился въ плясъ. Недопюскинъ затопалъ и засѣменилъ ногами. Машу всю поводило, какъ бересту на огнѣ: тонкіе пальцы рѣзво бѣгали по гитарѣ, смуглое горло медленно приподнималось подъ двойнымъ янтарнымъ ожерельемъ. То вдругъ она умолкала, опускалась въ изнеможеньи, словно неохотно щипала струны, и Чертопхановъ останавливался, только плечикомъ подергивалъ, да на мѣстѣ переминался, а Недопюскинъ покачивалъ головой, какъ фарфоровый китаецъ;—то снова заливалась она, какъ безумная, выпрямливала станъ и выставляла грудь, и Чертопхановъ опять присѣдалъ до земли, подскакивалъ подъ самый потолокъ, вертѣлся юлой, вскрикивалъ: „живо!“...

— Живо, живо, живо, живо!—скороговоркой подхватывалъ Недопюскинъ.

Поздно вечеромъ уѣхалъ я изъ Безсонова...

XXII.

КОНЕЦЪ ЧЕРТОПХАНОВА.

I.

Года два спустя послѣ моего посѣщенія, у Пантелея Еремѣича начались его бѣдствія — именно бѣдствія. Неудовольствія, неудачи и даже несчастія случались съ нимъ и до того времени, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и „царствовалъ“ попрежнему. Первое бѣдствіе, поразившее его, было для него самое чувствительное: Маша разсталась съ нимъ.

Что заставило ее покинуть его кровъ, съ которымъ она, казалось, такъ хорошо свыклась—сказать трудно. Чертопхановъ до конца дней своихъ держался того убѣжденія, что виною Машиной измѣны былъ нѣкій молодой сосѣдъ, отставной уланскій ротмистръ, по прозвищу Яффъ, который, по словамъ Пантелѣя Еремѣича, только тѣмъ и бралъ, что безпрерывно крутилъ усы, чрезвычайно сильно помадился и значительно хмыкалъ; но, полагать надо, тутъ скорѣе воздѣйствовала бродячая цыганская кровь, которая текла въ жилахъ Маши. Какъ бы то ни было, только въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, Маша, завя-

завъ кое-какія тряпки въ небольшой узелокъ, отправилась вонъ изъ чертопхановскаго дома.

Она передъ тѣмъ просидѣла дня три въ уголку, скорчившись и прижавшись къ стѣнкѣ, какъ раненая лисица,—и хоть бы слово кому промолвила—все только глазами поводила, да задумывалась, да подрыгивала бровями, да слегка зубы скалила, да руками перебирала, словно куталась. Этакой „стихъ“ и прежде на нее находилъ, но никогда долго не продолжался; Чертопхановъ это зналъ—а потому и самъ не безпокоился, и ее не безпокоилъ. Но когда, вернувшись съ псарнаго двора, гдѣ, по словамъ его доѣзжачаго, послѣднія двѣ гончія „окачурились“, — онъ встрѣтилъ служанку, которая трепетнымъ голосомъ доложила ему, что Марія, молъ, Акинѳіевна, велѣли имъ кланяться, велѣли сказать, что желаютъ имъ всего хорошаго, а ужъ больше къ нимъ не вернутся.—Чертопхановъ, покружившись раза два на мѣстѣ и издавъ хриплое рычаніе, тотчасъ же бросился вслѣдъ за бѣглянкой—да кстати, захватилъ съ собой пистолетъ.

Онъ нагналъ ее въ двухъ верстахъ отъ своего дома, возлѣ березовой рощицы, на большой дорогѣ въ уѣздный городъ. Солнце стояло низко надъ небосклономъ — и все кругомъ внезапно побагровѣло: деревья, травы и земля!

— Къ Яффу! къ Яффу! — простоналъ Чертопхановъ, какъ только завидѣлъ Машу:—къ Яффу!—повторилъ онъ, подбѣгая къ ней и чуть не спотыкаясь на каждомъ шагѣ.

Маша остановилась и обернулась къ нему лицомъ. Она стояла спиною къ свѣту—и казалась вся черная, словно изъ темнаго дерева вырѣзанная. Одни бѣлки глазъ выдѣлялись серебряными миндалинами, а сами глаза—зрачки—еще болѣе потемнѣли.

Она бросила свой узелокъ въ сторону и скрестила руки.

— Къ Яффу отправилась, негодница!—повторилъ Чертопхановъ и хотѣлъ-было схватить ее за плечо,—но, встрѣченный ея взглядомъ, опѣшилъ и замялся на мѣстѣ.

— Не къ г. Яффу я пошла, Пантелей Еремѣичъ,—отвѣтила Маша ровно и тихо: — а только, съ вами я уже больше жить не могу.

— Какъ не можешь жить? Это отчего? Я развѣ чѣмъ тебя обидѣлъ?

Маша покачала головою.

— Не обидѣли вы меня ничѣмъ, Пантелей Еремѣичъ, а только стосковалась я у васъ... За прошлое спасибо, а остаться не могу—нѣтъ!

Чертопхановъ изумился; онъ даже руками себя по ляжкамъ хлопнулъ и подпрыгнулъ.

— Какъ же это такъ? Жила, жила, кромѣ удовольствія и спокойствія ничего не видала—и вдругъ: стосковалась! Семъ-молъ, брошу я его! Взяла, платокъ на голову накинула—да и пошла. Всякое уваженіе получала, не хуже барыни...

— Этого мнѣ хоть бы и не надо,—перебила Маша.

— Какъ не надо? Изъ цыганки-проходимицы въ барыни попала — да: не надо? Какъ не надо, Хамово ты отродье? Развѣ этому можно повѣрить? Тутъ измѣна кроется, имѣна!

Онъ опять зашипѣлъ.

— Никакой измѣны у меня въ мысляхъ нѣту и не было,—проговорила Маша своимъ пѣвучимъ и чѣткимъ голосомъ:—а я ужъ вамъ сказывала: тоска меня взяла.

— Маша!—воскликнулъ Чертопхановъ и ударилъ себя въ грудь кулакомъ:—ну, перестань, полно, помучила... ну, довольно! Ей-Богу же! подумай только, что Тиша скажетъ; ты бы хоть его пожалѣла!

— Тихону Ивановичу поклонитесь отъ меня и скажите ему...

Чертопхановъ взмахнулъ руками.

— Да нѣтъ, врешь же—не уйдешь! Не дождется твой Яффъ!

— Господинъ Яффъ,—начала-было Маша...

— Какой онъ *гас-на-динъ* Яффъ,—передразнилъ ее Чертопхановъ.—Онъ самый, какъ есть, выжига, пройдоха—и рожа у него, какъ у обезьяны.

Цѣлыхъ полчаса бился Чертопхановъ съ Машей. Онъ то подходилъ къ ней близко, то отскакивалъ, то замахивался на нее, то клапялся ей въ поясъ, плакалъ, бра-

пился... Не могу,—твердила Маша:—грустно мнѣ таково... Тоска замучитъ. Понемногу ея лицо приняло такое равнодушное, почти сонливое выраженіе, что Чертопхановъ спросилъ ее, ужъ не опоили ли ее дурманомъ?

— Тоска,—проговорила она въ десятый разъ.

— А ну, какъ я тебя убью?—крикнулъ онъ вдругъ и выхватилъ пистолетъ изъ кармана.

Маша улыбнулась; ея лицо оживилось.

— Что жъ? убейте, Пантелей Еремѣичъ: въ вашей волѣ; а вернуться—я не вернусь.

— Не вернешься?—Чертопхановъ взвелъ курокъ.

— Не вернусь, голубчикъ. Ни въ жизнь не вернусь. Слово мое крѣпко.

Чертопхановъ внезапно сунулъ пистолетъ ей въ руку и присѣлъ на землю.

— Ну, такъ убей *ты* меня! безъ тебя я жить не желаю. Опостылѣлъ я тебѣ—и все мнѣ стало постыло.

Маша нагнулась, подняла свой узелокъ, положила пистолетъ на траву, дуломъ прочь отъ Чертопханова и пододвинулась къ нему.

— Эхъ, голубчикъ, чего ты убиваешься? Али нашихъ сестеръ-цыганокъ не вѣдаешь? Нравъ нашъ таковъ, обычай. Коли завелась тоска-разлучница, отзываетъ душеньку во чужу-дальню сторонушку — гдѣ ужъ тутъ оставаться? Ты Машу свою помни — другой такой подруги тебѣ не найти—и я тебя не забуду, сокола моего;—а жизнь наша съ тобой кончена!

— Я тебя любилъ, Маша, — пробормоталъ Чертопхановъ въ пальцы, которыми онъ охватилъ лицо.

— И я васъ любила, дружочекъ Пантелей Еремѣичъ!

— Я тебя любилъ, я люблю тебя безъ ума, безъ памяти,—и какъ подумаю я теперь, что ты этакъ, ни съ того, ни съ сего, здорово-живешь, меня покидаешь, да по свѣту скитаться станешь—ну, и представляется мнѣ, что не будь я голякъ горемычный, не бросила ты бы меня!

На эти слова Маша только усмѣхнулась.

— А еще безсеребренницей меня звалъ! — промолвила она и съ размаху ударила Чертопханова по плечу.

Онъ вскочилъ на ноги.

— Ну, хоть денегъ у меня возьми, — а то, какъ же такъ, безъ гроша? Но лучше всего: убей ты меня! Сказываю я тебѣ тѣлкомъ: убей ты меня за-разъ!

Маша опять головой покачала.

— Убить тебя? А въ Сибирь-то, голубчикъ, за что ссылаютъ?

Чертопхановъ дрогнулъ.

— Такъ ты только изъ-за этого, изъ-за страха каторги...

Онъ опять повалился на траву.

Маша молча постояла надъ нимъ.

— Жаль мнѣ тебя, Пантелей Еремѣичъ,—сказала она со вздохомъ: — человѣкъ ты хорошій... а дѣлать нечего: прощай!

Она повернулась прочь и шагнула раза два. Ночь уже наступила и отовсюду наплывали тусклыя тѣни. Чертопхановъ проворно поднялся и схватилъ Машу сзади за оба локтя.

— Такъ ты уходишь, змѣя? Къ Яффу!

— Прощай! — выразительно и рѣзко повторила Маша, вырвалась и пошла.

Чертопхановъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, побѣжалъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ пистолетъ, схватилъ его, прицѣлился, выстрѣлилъ... Но прежде чѣмъ нажать пружинку курка, онъ дернулъ рукою кверху; пуля прожужжала надъ головою Маши. Она на ходу посмотрѣла на него черезъ плечо — и отправилась дальше, въ развалочку, словно дразня его.

Онъ закрылъ лицо—и бросился бѣжать...

Но онъ не отбѣжалъ еще пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ остановился, словно вкопанный. Знакомый, слишкомъ знакомый голосъ долетѣлъ до него. Маша пѣла. „Вѣкъ юный, прелестный“—пѣла она; каждый звукъ такъ и разстилался въ вечернемъ воздухѣ—жалобно и знойно. Чертопхановъ приникъ ухомъ. Голосъ уходилъ да уходилъ; то замиралъ, то опять набѣгалъ чуть слышной, но все еще жгучей струйкой...

„Это она мнѣ въ пику“, подумалъ Чертопхановъ; но

тутъ же простоналъ: „охъ, нѣтъ! это она со мною прощается навѣки“—и залился слезами.

На слѣдующій день онъ явился въ квартиру г-на Яффа, который, какъ истый свѣтскій человѣкъ, не жалуя деревенскаго одиночества, поселился въ уѣздномъ городѣ, „поближе къ барышнямъ“, какъ онъ выражался. Чертопхановъ не засталъ Яффа; онъ, по словамъ камердинера, наканунѣ уѣхалъ въ Москву.

— Такъ и есть!—яростно воскликнулъ Чертопхановъ:— у нихъ стачка была; она съ нимъ бѣжала... но постой!

Онъ ворвался въ кабинетъ молодого ротмистра, несмотря на сопротивленіе камердинера. Въ кабинетѣ, надъ диваномъ, висѣлъ портретъ хозяина, въ уланскомъ мундирѣ, писанный масляными красками.

— А, вотъ, гдѣ ты, обезьяна безхвостая!—прогремѣлъ Чертопхановъ, вскочилъ на диванъ—и, ударивъ кулакомъ по патянутому холсту, пробилъ въ немъ большую дыру.

— Скажи твоему бездѣльнику-барину,—обратился онъ къ камердинеру: — что за неимѣньемъ его собственной гнусной рожи, дворянинъ Чертопхановъ изуродовалъ его писанную; и коли онъ желаетъ отъ меня удовлетворенья, онъ знаетъ, гдѣ найти дворянина Чертопханова!—А то, я самъ его найду! На днѣ моря сыщу подлую обезьяну!

Сказавъ эти слова, Чертопхановъ соскочилъ съ дивана и торжественно удалился.

Но ротмистръ Яффъ никакого удовлетворенія отъ него не потребовалъ — онъ даже не встрѣтился нигдѣ съ нимъ — и Чертопхановъ не думалъ отыскивать своего врага, и никакой исторіи у нихъ не вышло. Сама Маша скоро послѣ того пропала безъ вѣсти. Чертопхановъ запилъ-было; однако „очувствовался“. Но тутъ постигло его второе бѣдствіе.

II.

А именно: закадычный его пріятель, Тихонъ Ивановичъ Недопюскинъ, скончался. Года за два до кончины, здоровье стало измѣнять ему: онъ началъ страдать одыш-

кой, безпрестанно засыпалъ и, проснувшись, не скоро могъ придти въ себя: уѣздный врачъ увѣрялъ, что это съ нимъ происходили „ударчики“. Въ теченіе трехъ дней, предшествовавшихъ удаленію Маши, этихъ трехъ дней, когда она „затосковала“, Недопюскинъ пролежалъ у себя въ Безселендѣевкѣ: онъ сильно простудился. Тѣмъ неожиданнѣе поразилъ его поступокъ Маши: онъ поразилъ его едва ли не глубже, чѣмъ самого Чертопханова. По кротости и робости своего нрава, онъ, кромѣ самаго нѣжнаго сожалѣнія о своемъ пріятелѣ, да болѣзненнаго недоумѣнія, ничего не выказалъ... но все въ немъ лопнуло и опустилось. „Вынула она изъ меня душу“, шепталъ онъ самому себѣ, сидя на своемъ любимомъ клеёнчатомъ диванчикѣ и вертя пальцемъ около пальца. Даже когда Чертопхановъ оправился, онъ, Недопюскинъ, не оправился — продолжалъ чувствовать, что „пусто у него внутри“. — „Вотъ тутъ“, говаривалъ онъ, показывая на середину груди, повыше желудка. Такимъ образомъ протянулъ онъ до зимы. Отъ первыхъ морозовъ его одышкѣ полегчило, но зато посѣтилъ его уже не ударчикъ, а ударъ настоящій. Онъ не тотчасъ лишился памяти; онъ могъ еще признать Чертопханова и даже на отчаянное восклицаніе своего друга: „что, молъ, какъ это ты, Тиша, безъ моего разрѣшенія оставляешь меня, не хуже Маши?“—отвѣтилъ коснѣющимъ языкомъ: — „А я П...а...сей Е...е...ѣичъ, се... да адъ васъ су...ша...ся“. Это однако не помѣшало ему умереть въ тотъ же день, не дождавшись уѣзднаго врача, которому, при видѣ его едва остывшаго тѣла, осталось только, съ грустнымъ сознаньемъ бренности всего земного, потребовать „водочки съ балычкомъ“. Имѣніе свое Тихонъ Ивановичъ завѣщалъ, какъ и слѣдовало ожидать, своему почтеннѣйшему благодѣтелю и великодушному покровителю, „Пантелею Еремѣичу Чертопханову“; но почтеннѣйшему благодѣтелю оно большой пользы не принесло, ибо въ скорости было продано съ публичнаго торга — частью для того, чтобы покрыть издержки надгробнаго монумента, статуи, которую Чертопхановъ — (а въ немъ, видно, отозвалась отцовская

жилка!) — вздумалъ воздвигнуть надъ прахомъ своего пріятеля. Статую эту, долженствовавшую представить молящагося ангела, онъ выписалъ изъ Москвы; но отрекомендованный ему комиссіонеръ, сообразивъ, что въ провинціи знатоки скульптуры встрѣчаются рѣдко, вмѣсто ангела прислалъ ему богиню Флору, много лѣтъ украшавшую одинъ изъ заброшенныхъ подмосковныхъ садовъ Екатерининскаго времени — благо, эта статуя, весьма впрочемъ, изящная, во вкусѣ рококо, съ пухлыми ручками, взбитыми пуклями, гирляндой розъ на обнаженной груди и изогнутымъ станомъ, досталась ему, комиссіонеру, даромъ. Такъ и до сихъ поръ стоитъ миѳологическая богиня, граціозно приподнявъ одну ножку, надъ могилой Тихона Ивановича, и съ истинно-помпадурской ужимкой посматриваетъ на разгуливающихъ вокругъ нея телятъ и овецъ, этихъ неизмѣнныхъ посѣтителей нашихъ сельскихъ кладбищъ.

III.

Лишившись своего вѣрнаго друга, Чертопхановъ опять запилъ, и на этотъ разъ уже гораздо посерьёзнѣе. Дѣла его вовсе подъ-гору пошли. Охотиться стало не на что, послѣднія денежки перевелись, послѣдніе людишки поразбѣжались. Одиночество для Пантелея Еремѣича наступило совершенное: не съ кѣмъ было слова перемолвить, не то, что душу отвести. Одна лишь гордость въ немъ не умалилась. Напротивъ: чѣмъ хуже становились его обстоятельства, тѣмъ надменнѣе и высокомѣрнѣе, и неприступнѣе становился онъ самъ. Онъ совсѣмъ одичалъ подъ конецъ. Одна утѣха, одна радость осталась у него: удивительный верховой конь, сѣрой масти, донской породы, прозванный имъ Малекъ-Аделемъ, дѣйствительно, замѣчательное животное.

Достался ему этотъ конь слѣдующимъ образомъ:

Проѣзжая однажды верхомъ по сосѣдней деревнѣ, Чертопхановъ услыхалъ мужичій гамъ и крикъ толпы около кабака. Посреди этой толпы, на одномъ и томъ же мѣстѣ, безпрестанно подпимались и опускались дюжія руки.

— Что тамъ такое происходитъ? — спросилъ онъ свойственнымъ ему начальственнымъ тономъ у старой бабы, стоявшей у порога своей избы.

Опершись о притолку и какъ бы дремля, посматривала баба въ направленіи кабака. Бѣлоголовый мальчишка въ ситцевой рубашкѣ, съ кипарисным крестикомъ на голой грудкѣ, сидѣлъ растопыря ножки и сжавъ кулачонки, между ея лаптями; цыпленокъ тутъ же долбилъ задеревенѣлую корку ржаного хлѣба.

— А Господь вѣдаетъ, батюшка,—отвѣчала старуха— и, наклонившись впередъ, положила свою сморщенную темную руку на голову мальчишки: — слышно, наши ребята жида бьютъ.

— Какъ жида? какого жида?

— А Господь его вѣдаетъ, батюшка. Проявился у насъ жидъ какой-то; и отколѣ его принесло — кто его знаетъ? Вася, иди, сударикъ, къ мамѣ: кшъ, кшъ, поскудный!

Баба спугнула цыпленка, а Вася ухватился за ея паневу.

— Такъ вотъ, его и бьютъ, сударь ты мой.

— Какъ бьютъ? за что?

— А не знаю, батюшка. Стало за дѣло. Да и какъ не бить! Вѣдь онъ, батюшка, Христа распялъ!

Чертопхановъ гикнулъ, вытянулъ лошадь нагайкой по шеѣ, помчался прямо на толпу — и ворвавшись въ нее, началъ той же самой нагайкой безъ разбору лупить мужиковъ направо и налѣво, приговаривая прерывистымъ голосомъ:

— Само...управство! Само...у...правство! Законъ долженъ наказывать — а не част...ны...я ли...ца! Законъ! Законъ!! За...ко...онъ!!!

Двухъ минутъ не прошло, какъ уже вся толпа отхлынула въ разныя стороны — и на землѣ, передъ дверью кабака, оказалось небольшое, худощавое, черномазое существо въ нанковомъ кафтанѣ, растрепанное и истерзанное... Блѣдное лицо, закатившіеся глаза, раскрытый ротъ... Что это? замираніе ужаса или уже самая смерть?

— Это вы зачѣмъ жида убили?—громогласно воскликнулъ Чертопхановъ, грозно потрясая нагайкой.

Толпа слабо загудѣла въ отвѣтъ. Иной мужикъ держался за плечо, другой за бокъ, третій за носъ.

— „Здоровъ драться-то!“ — послышалось въ заднихъ рядахъ.

— „Съ нагайкой-то! этакъ-то всякій!“ — промолвилъ другой голосъ.

— Жида зачѣмъ убили? спрашиваю я васъ, азіаты оглашенные!—повторилъ Чертопхановъ.

Но тутъ лежавшее на землѣ существо проворно вскочило на ноги и, забѣжавъ за Чертопханова, судорожно ухватилось за край его сѣдла.

Дружный хохотъ грянулъ среди толпы.

— „Живучъ!“ — послышалось опять въ заднихъ рядахъ.—„Та же кошка!“

— Васе высокоблагоуродіе, заступитесь, спасите! — лепеталъ, между тѣмъ, несчастный жидъ, всею грудью прижимаясь къ ногѣ Чертопханова:—а то они убьютъ, убьютъ меня, васе высокоблагоуродіе!

— За что они тебя?—спросилъ Чертопхановъ.

— Да ей зе Богу, не могу сказать! — Тутъ, вотъ, у нихъ скотинка помирать стала... такъ они и подозрѣваютъ... а я зе...

— Ну, это мы разберемъ послѣ! — перебилъ Чертопхановъ: — а теперь ты держись за сѣдло, да ступай за мною.—А вы!—прибавилъ онъ, обернувшись къ толпѣ:— вы знаете меня? — Я помѣщикъ Пантелей Чертопхановъ, живу въ сельцѣ Безсоновѣ, — ну, и, значитъ жалуйтесь на меня, когда заблагоразсудится, — да и на жида кстати!

— Зачѣмъ жаловаться? — проговорилъ съ низкимъ поклономъ сѣдобородый, степенный мужикъ, ни дать, ни взять—древній патріархъ.—(Жида онъ, впрочемъ, тузилъ не хуже другихъ.) — Мы, батюшка Пантелей Еремѣичъ, твою милость знаемъ хорошо; много твоей милостью довольны, что поучилъ насъ!

— Зачѣмъ жаловаться!—подхватили другіе: — а съ не-

христа того мы свое возьмемъ! Опъ отъ насъ не уйдетъ!— Мы его, значитъ, какъ зайца въ полѣ...

Чертопхановъ повелъ усами, фыркнулъ — и поѣхалъ шагомъ къ себѣ въ деревню, сопровождаемый жидомъ, котораго онъ освободилъ такимъ же образомъ отъ его притѣснителей, какъ нѣкогда освободилъ Тихона Недопюскина.

IV.

Нѣсколько дней спустя, единственный уцѣлѣвшій у Чертопханова казачокъ доложилъ ему, что къ нему прибылъ какой-то верховой и желаетъ поговорить съ нимъ. Чертопхановъ вышелъ на крыльцо и увидалъ своего знакомаго жидка, верхомъ на прекрасномъ донскомъ конѣ, неподвижно и гордо стоявшемъ посреди двора. На жидкѣ не было шапки: онъ держалъ ее подъ мышкой, ноги онъ вдѣлъ не въ самыя стремена, а въ ремни стремянъ; разорванныя полы его кафтана висѣли съ обѣихъ сторонъ сѣдла. Увидавъ Чертопханова, онъ зачмокалъ губами, и локтями задергалъ, и ногами заболталъ. Но Чертопхановъ не только не отвѣчалъ на его привѣтъ, а даже разсердился; такъ весь и вспыхнулъ вдругъ: паршивый жидъ смѣетъ сидѣть на такой прекрасной лошади... какое неприличіе!

— Эй ты, эѳіопская рожа!—закричалъ онъ: — сейчасъ слѣзай, если не хочешь, чтобы тебя стащили въ грязь!

Жидъ немедленно повиновался, свалился мѣшкомъ съ сѣдла—и, придерживая одною рукою поводъ, улыбаясь и кланяясь, подвинулся къ Чертопханову.

— Чего тебѣ? — съ достоинствомъ спросилъ Пантелей Еремѣичъ.

— Васе благородіе, извольте посмотрѣть, каковъ конёкъ?—промолвилъ жидъ, не переставая кланяться.

— Н...да... лошадь добрая. Ты откуда ее досталъ? Укралъ, должно-быть?

— Какъ зе можно, васе благородіе!—Я честный зидъ, я не укралъ, а для васего благородія досталъ, точно! И узъ старался я, старался! Зато и конь! Такого коня по

всему Дону другого найти никакъ невозможно. — Посмотрите, васе благородіе, что это за конь такой! Вотъ, пожалуйте сюда! — Тпру... тпру... повернись, стань зе бокомъ!—А мы сѣдло снимемъ.—Каковъ? Васе благородіе?

— Лошадь добрая, — повторилъ Чертопхановъ съ притворнымъ равнодушіемъ: — а у самого сердце такъ и заколотилось въ груди. Очень ужъ онъ былъ страстный охотникъ до „конскаго мяса“ и зналъ въ немъ толкъ.

— Да вы, васе благородіе, его погладьте! По сейкѣ его погладьте, хи-хи-хи! Вотъ такъ!

Чертопхановъ, словно нехотя, положилъ руку на шею коня, хлопнулъ по ней раза два, потомъ провелъ пальцами отъ холки по спинѣ и, дойдя до извѣстнаго мѣстечка надъ почками, слегка, по-охотницки, подавилъ это мѣстечко. — Конь немедленно выгнулъ хребетъ, и, оглянувшись искоса на Чертопханова своимъ надменнымъ чернымъ глазомъ, фукнулъ и переступилъ передними ногами.

Жидъ засмѣялся и въ ладоши слегка захлопалъ.

— Хозяина признаетъ, васе благородіе, хозяина!

— Ну, не ври,—съ досадой перебилъ Чертопхановъ.— Купить мнѣ у тебя этого коня... нѣ на что, а подарковъ я еще не то, что отъ жида,—а отъ самого Господа Бога не принималъ!

— И какъ зе я смѣю вамъ что-нибудь дарить, помилосердуйте!—воскликнулъ жидъ:—вы купите, васе благородіе... а денезекъ—я подозду.

Чертопхановъ задумался.

— Ты что возьмешь?—промолвилъ онъ наконецъ сквозь зубы.

Жидъ пожалъ плечами.

— А что самъ заплатилъ. Двѣсти рублей.

Лошадь стоила вдвое,—а пожалуй, что и втрое противъ этой суммы.

Чертопхановъ отвернулся въ сторону и зѣвнулъ лихорадочно.

— А когда... деньги? — спросилъ онъ, насильственно нахмуривъ брови и не глядя на жида.

— А когда будетъ васему благородію угодно.

Чертопхановъ голову назадъ закинулъ, но глазъ не поднялъ.

— Это не отвѣтъ. Ты говори толкомъ, Иродово племя!— Одолжаться я у тебя стану, что ли?

— Ну, сказемъ такъ,—поспѣшно проговорилъ жидъ: — черезъ шесть мѣсяцевъ... согласны?

Чертопхановъ ничего не отвѣчалъ.

Жидъ старался заглянуть ему въ глаза.

— Согласны? Приказете на конюшню поставить?

— Сѣдло мнѣ не нужно, — произнесъ отрывисто Чертопхановъ.—Возьми сѣдло—слышишь?

— Какзе, какзе, возьму, возьму, — залепеталъ обрадованный жидъ и взвалилъ сѣдло себѣ на плечо.

— А деньги, — продолжалъ Чертопхановъ: — черезъ шесть мѣсяцевъ. — И не двѣсти, а двѣсти-пятьдесятъ. Молчать! Двѣсти-пятьдесятъ, говорю тебѣ! За мною.

Чертопхановъ все не могъ рѣшиться поднять глаза. Никогда такъ сильно въ немъ не страдала гордость. — „Явно, что подарокъ“, думалось ему: „изъ благодарности, чортъ, подноситъ!“ И обнялъ бы онъ этого жида, и побилъ бы его...

— Васе благородіе, — началъ жидъ пріободрившись и осклабляясь: — надо бы, по русскому обычаю, изъ полы въ полу...

— Вотъ еще, что вздумалъ! — Еврей... а русскіе обычаи!—Эй! кто тамъ! Возьми лошадь, сведи на конюшню.— Да овса ему засыпь. Я сейчасъ самъ приду, посмотрю. И знай: имя ему—Малекъ-Адель!

Чертопхановъ взобрался-было на крыльцо, но круто повернулъ на каблукахъ, и, подбѣжавъ къ жиду, крѣпко стиснулъ ему руку. — Тотъ наклонился и губы уже протянулъ — но Чертопхановъ отскочилъ назадъ, и, промолвивъ вполголоса: „Никому не сказывай!“—исчезъ за дверью.

V.

Съ самаго того дня — главнымъ дѣломъ, главной заботой, радостью въ жизни Чертопханова — сталъ Малекъ-

Адель. Онъ полюбилъ его такъ, какъ не любилъ самой Маши, привязался къ нему больше, чѣмъ къ Недопюскину.—Да и конь же былъ! Огонь, какъ есть огонь, просто порохъ—а степенство, какъ у боярина!—Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, безотвѣтный; а прокормить его ничего не стоитъ: коли пѣтъ ничего другого, землю подъ собой глодаетъ. Шагомъ идетъ—какъ въ рукахъ несетъ; рысью—что въ зыбкѣ качаетъ, а поскачетъ, такъ и вѣтру за нимъ не угнаться! Никогда-то онъ не запыхается: потому — отдушинъ много. Ноги — стальныя; чтобы онъ когда спотыкнулся—и въ поминѣ этого не бывало!—Перескочить ровъ ли, тынъ ли, — это ему ни почемъ, а ужъ умница какая! На голосъ такъ и бѣжитъ, задравши голову; прикажешь ему стоять и самъ уйдешь — онъ не ворохнется; только что станешь возвращаться, чуть-чуть заржетъ: „здѣсь-молъ я“.—И ничего-то онъ не боится: въ самую тёмять, въ мятель дорогу сыщетъ; а чужому ни за что не дастся: зубами загрызетъ! И собака не суйся къ нему: сейчасъ передней ножкой ее по лбу — тюкъ! только она и жила. — Съ амбиціей конь: плеткой развѣ что для красы надъ нимъ помахивай — а сохрани Богъ его тронуть! Да что тутъ долго толковать: — сокровище, а не лошадь!

Примется Чертопхановъ расписывать своего Малекъ-Аделя — откуда рѣчи берутся! А ужъ какъ онъ его холилъ и лелѣялъ!—Шерсть на немъ отливала серебромъ—да не старымъ, а новымъ, что съ темнымъ глянцемъ; повести по ней ладонью — тотъ же бархатъ? Сѣдло, чапрачокъ, уздечка — вся какъ есть сбруя до того была ладно пригнана, въ порядкѣ, вычищена—бери карандашъ и рисуй! Чертопхановъ — чего больше? самъ, собственноручно, и чолку заплеталъ своему любимцу, и гриву, и хвость мылъ пивомъ, и даже копыта не разъ мазью смазывалъ...

Бывало, сядетъ онъ на Малекъ-Аделя и поѣдетъ — не по сосѣдямъ—онъ съ ними попрежнему не зналъ—а черезъ ихъ поля, мимо усадебъ... Полюбуйтесь-молъ издали, дураки! А то прослышитъ, что гдѣ-нибудь охота проявилась—въ отъѣзжее поле богатый баринъ собрался, — онъ

сейчасъ туда — и гарцуетъ въ отдаленіи, на горизонтѣ, удивляя всѣхъ зрителей красотой и быстротою своего коня и близко никого къ себѣ не подпуская. Разъ какой-то охотникъ даже погнался за нимъ со всей свитой; видитъ, что уходитъ отъ него Чертопхановъ, и началъ онъ ему кричать изо всей мочи, на всемъ скаку: „Эй, ты! Слушай! Бери, что хочешь, за свою лошадь! Тысячи не пожалѣю! Жену отдамъ, дѣтей! Бери послѣднее!“

Чертопхановъ вдругъ осадилъ Малекъ-Аделя. Охотникъ подлетѣлъ къ нему. — Батюшка!—кричитъ:--говори: чего желаешь? Отецъ родной!

— Коли ты царь, — промолвилъ съ разстановкой Чертопхановъ (а онъ отъ роду и не слыхивалъ о Шекспирѣ):--подай мнѣ все твое царство за моего коня — такъ и того не возьму!—Сказалъ, захохоталъ, поднялъ Малекъ-Аделя на дыбы, повернулъ имъ на воздухѣ, на однѣхъ заднихъ ногахъ, словно волчкомъ или юлою — и маршъ-маршъ! Такъ и засверкалъ по жнивью. А охотникъ (князь, говорятъ, былъ богатѣйшій) шапку о-земь—да какъ грянется лицомъ въ шапку! Съ полчаса такъ пролежалъ.

И какъ было Чертопханову не дорожить своимъ конемъ? Не по его ли милости оказалось у него снова превосходство несомнѣнное, послѣднее превосходство надъ всѣми его сосѣдями?

VI.

Между тѣмъ, время шло, срокъ платежа приближался— а у Чертопханова не только двухсотъ-пятидесяти рублей, не было и пятидесяти. Что было дѣлать, чѣмъ помочь? — „Что жъ?“ рѣшилъ онъ, наконецъ: „коли не смилостивится жидъ, не захочетъ еще подождать—отдамъ я ему домъ и землю — а самъ на коня, куда глаза глядятъ! Съ голоду умру—а Малекъ-Аделя не отдамъ!“ Волновался онъ очень и даже задумывался: но тутъ судьба— въ первый и въ послѣдній разъ — сжалилась надъ нимъ, улыбнулась ему: какая-то дальняя тетка, самое имя которой было неизвѣстно Чертопханову, оставила ему по духовному завѣщанію сумму огромную въ его глазахъ, цѣ-

лыхъ двѣ тысячи рублей! — И получилъ онъ эти деньги въ самую, какъ говорится, пору: за день до прибытія жида. Чертопхановъ чуть не обезумѣлъ отъ радости — но и не подумалъ о водкѣ: съ самаго того дня, какъ Малекъ-Адель поступилъ къ нему, онъ капли въ ротъ не бралъ. Онъ побѣжалъ въ конюшню и облобызалъ своего друга съ обѣихъ сторонъ морды надъ ноздрями, тамъ, гдѣ кожа такъ нѣжна бываетъ у лошадей.—Теперь ужъ не разстанемся! — восклицалъ онъ, хлопая Малекъ-Аделя по шеѣ, подъ расчесанной гривой. Вернувшись домой, онъ отсчиталъ и запечаталъ въ пакетъ двѣсти-пятьдесятъ рублей. Потомъ помечталъ, лежа на спинѣ и покуривая трубочку, о томъ, какъ онъ распорядится съ остальными деньгами— а именно, какихъ онъ раздобудетъ собакъ: настоящихъ костромскихъ, и непремѣнно красноперыхъ! Побесѣдовалъ даже съ Перфишкой, которому обѣщалъ новый казакинъ съ желтыми по всѣмъ швамъ басонами—и легъ спать въ блаженнѣйшемъ настроеніи духа.

Ему привидѣлся нехорошій сонъ: будто онъ выѣхалъ на охоту, только не на Малекъ-Аделѣ, а на какомъ-то странномъ животномъ, въ родѣ верблюда; навстрѣчу ему бѣжитъ бѣлая-бѣлая какъ снѣгъ лиса... Онъ хочетъ взмахнуть арапникомъ, хочетъ натравить на нее собакъ—а вмѣсто арапника у него въ рукахъ мочалка, и лиса бѣгаетъ передъ нимъ и дразнитъ его языкомъ. Онъ соскакиваетъ съ своего верблюда, сшибается, падаетъ... и падаетъ прямо въ руки жандарму, который зоветъ его къ генералъ-губернатору, и въ которомъ онъ узнаетъ Яффа...

Чертопхановъ проснулся. Въ комнатѣ было темно; вторые пѣтухи только что пропѣли...

Гдѣ-то, далеко-далеко, проржала лошадь.

Чертопхановъ приподнялъ голову... Еще разъ послышалось тонкое-тонкое ржаніе.

„Это Малекъ-Адель ржетъ!“ подумалось ему. „Это его ржаніе! Но отчего же такъ далеко? Батюшки мои... Не можетъ быть“...

Чертопхановъ вдругъ весь похолодѣлъ, мгновенно спрыгнулъ съ постели, ощупью отыскалъ сапоги, платье, одѣлся,—

и, захвативъ изъ-подъ изголовья ключъ отъ конюшни, выскочилъ на дворъ.

VII.

Конюшня находилась на самомъ концѣ двора; одной стѣной она выходила въ поле. Чертопхановъ не сразу вложилъ ключъ въ замокъ — руки у него дрожали—и не тотчасъ повернулъ ключъ... Онъ постоялъ неподвижно, притаивъ дыханіе: хоть бы что шевельнулось за дверью! „Малешка! Малецъ!“ крикнулъ онъ вполголоса: тишина мертвая! Чертопхановъ невольно дернулъ ключомъ: дверь скрипнула и отворилась... Стало-быть, не была заперта. Онъ шагнулъ черезъ порогъ — и снова кликнулъ своего копя — на этотъ разъ полнымъ именемъ: Малекъ-Адель! Но не отозвался вѣрный товарищъ, только мышь прошуршала по соломѣ. Тогда Чертопхановъ бросился въ то изъ трехъ стойлъ конюшни, въ которомъ помѣщался Малекъ-Адель. Онъ попалъ прямо въ это стойло, хотя кругомъ такая стояла тьма, что хоть глазъ выколи... Пусто! Голова закружилась у Чертопханова; словно колоколъ загудѣлъ у него подъ черепомъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то— но только зашипѣлъ, и шаря руками вверху, внизу, по бокамъ, задыхаясь, съ подгибавшимися колѣнками, перебрался изъ одного стойла въ другое... въ третье, почти до верху набитое сѣномъ, толкнулся въ одну стѣну, въ другую, упалъ, перекатился черезъ голову, приподнялся, и вдругъ опрометью выбѣжалъ черезъ полураскрытую дверь на дворъ...

— Украли! Перфишка! Перфишка! Украли!— заревѣлъ онъ благимъ матомъ.

Казачокъ Перфишка кубаремъ, въ одной рубашкѣ, вылетѣлъ изъ чулана, въ которомъ спалъ...

Словно пьяные столкнулись оба — и баринъ, и единственный его слуга, посреди двора; словно угорѣлые, завертѣлись они другъ передъ другомъ. Ни баринъ не могъ растолковать, въ чемъ было дѣло; ни слуга не могъ понять, чего требовалось отъ него.—„Бѣда! бѣда!“ лепеталъ Чертопхановъ; „бѣда! бѣда!“ повторялъ за нимъ казачокъ.

„Фонарь! подай, зажги фонарь! Огня! Огня!“ вырвалось, наконецъ, изъ замиравшей груди Чертопханова. Перфишка бросился въ домъ.

Но зажечь фонарь, добыть огня было не легко: сѣрныя спички въ то время считались рѣдкостью на Руси; въ кухнѣ давно погасли послѣдніе уголья—огниво и кремень не скоро нашлись и плохо дѣйствовали. Съ зубовнымъ скрежетомъ вырвалъ ихъ Чертопхановъ изъ рукъ оторопѣлаго Перфишки, сталъ высѣкать огонь самъ: искры сыпались обильно, еще обильнѣе сыпались проклятія, и даже стоны,—но трутъ либо не загорался, либо погасалъ, несмотря на дружныя усилія четырехъ напряженныхъ щекъ и губъ! Наконецъ, минутъ черезъ пять, не раньше, затеплился сальный огарокъ на днѣ разбитаго фонаря, и Чертопхановъ, въ сопровожденіи Перфишки, ринулся въ конюшню, поднялъ фонарь надъ головою, оглянулся...

Все пусто!

Онъ выскочилъ на дворъ, обѣжалъ его во всѣхъ направленіяхъ—нѣтъ коня нигдѣ! Плетень, окружавшій усадьбу Пантелея Еремѣича, давно пришелъ въ ветхость и во многихъ мѣстахъ накренился и приникалъ къ землѣ... Рядомъ съ конюшней онъ совсѣмъ повалился, на цѣлый аршинъ въ ширину. Перфишка указалъ на это мѣсто Чертопханову.

— Баринъ! посмотрите-ка сюда: этого сегодня не было. Вонъ, и колья торчатъ изъ земли: знать, ихъ кто вывернулъ.

Чертопхановъ подскочилъ съ фонаремъ, повелъ имъ по землѣ...

— Копыта, копыта, слѣды подковъ, слѣды, свѣжіе слѣды!—забормоталъ онъ скороговоркой.—Тутъ его перевели, тутъ, тутъ!

Онъ мгновенно перепрыгнулъ черезъ плетень и съ крикомъ: „Малекъ-Адель! Малекъ-Адель!“ побѣжалъ прямо въ поле.

Перфишка остался въ недоумѣніи у плетня. Свѣтлый кружокъ отъ фонаря скоро исчезъ въ его глазахъ, поглощенный густымъ сумракомъ беззвѣздной и безлунной ночи.

Все слабѣй и слабѣй раздавались отчаянные возгласы Чертопханова...

VIII.

Заря уже занялась, когда онъ возвратился домой. Образа человѣческаго не было на немъ, грязь покрывала все платье, лицо приняло дикій и страшный видъ, угрюмо и тупо глядѣли глаза. Сиплымъ шопотомъ прогналъ онъ отъ себя Перфишку и заперся въ своей комнатѣ. Онъ едва держался на ногахъ отъ усталости — но онъ не легъ въ постель, а присѣлъ на стулъ у двери и схватился за голову.

— Украли!.. украли!

Но какимъ образомъ умудрился воръ украсть ночью, изъ запертой конюшни, Малекъ-Аделя? Малекъ-Аделя, который и днемъ никого чужого къ себѣ не подпускалъ,— украсть его безъ шума, безъ стука? И какъ растолковать, что ни одна дворняжка не пролаяла? Правда, ихъ было всего двѣ, два молодыхъ щенка, и тѣ отъ холоду и голоду въ землю зарывались—но все-таки!

„И что я стану теперь дѣлать безъ Малекъ-Аделя?“ думалось Чертопханову. „Послѣдней радости я теперь лишился—настала пора умирать. Другую лошадь купить, благо деньги завелись? Да гдѣ такую другую лошадь найти?“

— Пантелей Еремѣичъ! Пантелей Еремѣичъ! — послышался робкій возгласъ за дверью.

Чертопхановъ вскочилъ на ноги.

— Кто это?—закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

— Это я, казачокъ вашъ, Перфишка.

— Чего тебѣ? Аль нашелся, домой прибѣжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Пантелей Еремѣичъ; а тотъ жидовинъ, что его продалъ...

— Ну?

— Онъ пріѣхалъ.

— Го-го-го-го-го!—захолкалъ Чертопхановъ—и разомъ распахнулъ дверь.—Тащи его сюда, тащи! тащи!

При видѣ внезапно появившейся, всклокоченной, оди-

чалой фигуры своего „благодѣтеля", жидъ, стоявшій за спиною Перфишки, хотѣлъ-было дать стречка; но Чертопхановъ въ два прыжка настигъ его, и какъ тигръ вцѣпился ему въ горло.

— А! за деньгами пришелъ! за деньгами! — захрипѣлъ онъ, словно не *онъ* душилъ, а *его* душили:—ночью укралъ, а днемъ за деньгами пришелъ? А? А?

— Помилуйте, ва...се благо...родіе, — застоналъ-было жидъ.

— Сказывай, гдѣ моя лошадь? Куда ты ее дѣлъ? Кому сбылъ? Сказывай, сказывай. сказывай же!

Жидъ уже и стонать не могъ; на посинѣвшемъ его лицѣ исчезло даже выраженіе испуга. Руки опустились и повисли; все его тѣло, яростно встряхиваемое Чертопхановымъ, качалось взадъ и впередъ, какъ тростникъ.

— Деньги я тебѣ заплачу, я тебѣ заплачу сполна, до послѣдней копейки,—кричалъ Чертопхановъ: — а только, я задушу тебя, какъ послѣдняго цыпленка, если ты сейчасъ не скажешь мнѣ...

— Да вы уже задушили его, баринъ,—смиренно замѣтилъ казачокъ Перфишка.

Тутъ только опомнился Чертопхановъ.

Онъ выпустилъ шею жида; тотъ такъ и грохнулся на полъ. Чертопхановъ подхватилъ его, усадилъ на скамью, влилъ ему въ горло стаканъ водки—привелъ его въ чувство. И, приведши его въ чувство, вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

Оказалось, что жидъ о кражѣ Малекъ-Аделя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Да и съ какой стати было ему красть лошадь, которую онъ самъ досталъ для „почтеннѣйшаго Пантелея Еремѣича?"

Тогда Чертопхановъ повелъ его въ конюшню.

Вдвоемъ они осмотрѣли стойла, ясли, замокъ на двери, перерыли сѣно, солому, перешли потомъ на дворъ; Чертопхановъ указалъ жиду слѣды копытъ у плетня — и вдругъ ударилъ себя по ляжкамъ.

— Стой!—воскликнулъ онъ.—Ты гдѣ лошадь купилъ?

— Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, на Верхосенской ярмаркѣ,—отвѣчалъ жидъ.

— У кого?

— У казака.

— Стой! Казакъ этотъ изъ молодыхъ былъ или старый?

— Среднихъ лѣтъ, степенный человѣкъ.

— А изъ себя каковъ? На видъ каковъ? Небось, плутъ продувной.

— Должно быть, плутъ, васе благородіе.

— И что, какъ онъ тебѣ говорилъ, плутъ-то этотъ— лошадью онъ владѣлъ давно?

— Помнится, говорилъ, что давно.

— Ну, такъ и некому было украсть, какъ именно ему!— Ты посуди, слушай, стань сюда... какъ тебя зовутъ?

Жидъ встрепенулся и вскипулъ своими черными глазенками на Чертопханова.

— Какъ *меня* зовутъ?

— Ну, да: какъ твоя кличка?

— Мошель Лейба.

— Ну, посуди, Лейба, другъ мой—ты умный человѣкъ— кому, какъ не старому хозяину, дался бы Малекъ-Адель въ руки? Вѣдь онъ и осѣдлалъ его, и взнуздалъ, и попону съ него снялъ—вотъ опа, на сѣнѣ лежитъ!.. Просто, какъ дома распоряжался! Вѣдь всякаго другого, не хозяина, Малекъ-Адель подъ ноги бы смялъ! Гвалтъ поднялъ бы такой, всю деревню бы переполошилъ! Согласенъ ты со мною?

— Согласенъ-то согласенъ, васе благородіе...

— Ну, и значитъ, надо прежде всего отыскать казака того!

— Да какъ зе отыскать его, васе благородіе? Я его всего только разочекъ видѣлъ — и гдѣ зе онъ теперь—и какъ его зовутъ? Ай, вай, вай!—прибавилъ жидъ, горестно потрясая пейсиками.

— Лейба! — закричалъ вдругъ Чертопхановъ, — Лейба, посмотри на меня! Вѣдь я разсудка лишился, я самъ не свой!.. Я руки на себя наложу, если ты мнѣ не поможешь!

— Да какъ зе я могу...

— Поѣдемъ со мною —и станемъ вора того разыскивать!

— Да куда зе мы поѣдемъ?

— По ярмаркамъ, по большимъ трахтамъ, по малымъ трахтамъ, по конокрадамъ, по городамъ, по деревнямъ, по хуторамъ—всюду, всюду! А насчетъ денегъ ты не безпокойся: я, братъ, наслѣдство получилъ! Послѣднюю копейку просажу—а ужъ добуду своего друга. И не уйдетъ отъ насъ казакъ, нашъ лиходѣй!—Куда онъ—туда и мы! Онъ подъ землю—и мы подъ землю!—Онъ къ дьяволу—а мы къ самому сатанѣ!

— Ну, зацѣмъ зе къ сатанѣ,—замѣтилъ жидъ:—можно и безъ него.

— Лейба!—подхватилъ Чертопхановъ:—Лейба, ты хотя еврей и вѣра твоя поганая—а душа у тебя лучше иной христіанской! Сжалься ты надо мной! одному мнѣ ѣхать не зачѣмъ, одинъ я этого дѣла не обломаю. Я горячка—а ты голова, золотая голова! Племя ваше ужъ такое: безъ науки все постигло! Ты, можетъ, сомнѣваешься: откуда, молъ, у него деньги? Пойдемъ ко мнѣ въ комнату—я тебѣ и деньги всѣ покажу. Возьми ихъ, крестъ съ шеи возьми—только отдай мнѣ Малекъ-Аделя, отдай, отдай!

Чертопхановъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ: потъ градомъ катился съ его лица—и, мѣшаясь со слезами, терялся въ его усахъ. Онъ пожималъ руки Лейбѣ, онъ умолялъ, онъ чуть не цѣловалъ его... Онъ пришелъ въ изступленіе. Жидъ попытался-было возражать, увѣрять, что ему никакъ невозможно отлучиться, что у него дѣла... Куда! Чертопхановъ и слышать ничего не хотѣлъ. Нечего было дѣлать: согласился бѣдный Лейба.

На другой день Чертопхановъ вмѣстѣ съ Лейбой выѣхалъ изъ Безсонова на крестьянской телѣгѣ. Жидъ являлъ видъ нѣсколько смущенный, держался одной рукой за грядку и подпрыгивалъ всѣмъ своимъ дряблымъ тѣломъ на трескомъ сидѣньи; другую руку онъ прижималъ къ пазухѣ, гдѣ у него лежала пачка ассигнацій, завернутыхъ въ газетную бумагу; Чертопхановъ сидѣлъ какъ истуканъ, только глазами поводилъ кругомъ и дышалъ полной грудью; за поясомъ у него торчалъ кинжалъ.

— Ну, злодѣй-разлучникъ, берегись теперь! — пробормоталъ онъ, выѣзжая на большую дорогу.

Домъ онъ свой поручилъ казачку Перфишкѣ и бабѣ-стряпухѣ, глухой и старой женщинѣ, которую онъ призрѣлъ у себя изъ состраданія.

— Я къ вамъ вернусь на Малекъ-Аделѣ!—крикнулъ онъ имъ на прощанье:—или ужъ вовсе не вернусь!

— Ты бы хоть замужъ за меня пошла, что ли!—сострилъ Перфишка, толкнувъ стряпуху локтемъ въ бокъ. — Все равно—намъ барина не дождаться, а то вѣдь со скуки пропадешь!

IX.

Минулъ годъ... цѣлый годъ; никакой вѣсти о Пантелеѣ Еремѣичѣ не доходило. Стряпуха умерла; самъ Перфишка собирался ужъ бросить домъ да отправиться въ городъ, куда его сманивалъ двоюродный братъ, жившій подмастерьемъ у парикмахера — какъ вдругъ распространился слухъ, что баринъ возвращается! Приходскій дьяконъ получилъ отъ самого Пантелея Еремѣича письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи прибыть въ Безсоново и просилъ его предувѣдомить прислугу—для устроенія надлежащей встрѣчи. Слова эти Перфишка понялъ такъ, что надо, молъ, хоть пыль немножечко постереть—впрочемъ, большой вѣры въ справедливость извѣстія онъ не возымѣлъ; пришлось ему, однако, убѣдиться, что дьяконъ-то сказалъ правду—когда, нѣсколько дней спустя, Пантелей Еремѣичъ самъ, собственной особой, появился на дворѣ усадьбы, верхомъ на Малекъ-Аделѣ.

Перфишка бросился къ барину—и, придерживая стремя, хотѣлъ-было помочь ему слѣзть съ коня; но тотъ соскочилъ самъ и, кинувъ вокругъ торжествующій взглядъ, громко воскликнулъ:—„Я сказалъ, что отыщу Малекъ-Аделя и отыскалъ его, на зло врагамъ и самой судьбѣ!“ Перфишка подошелъ къ нему къ ручкѣ, но Чертопхановъ не обратилъ вниманія на усердіе своего слуги. Ведя за собою Малекъ-Аделя въ поводу, онъ направился большими шагами къ конюшнѣ. Перфишка попристальнѣе посмотрѣлъ на своего барина—и заробѣлъ: „Охъ, какъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ въ теченіе года—и лицо какое

стало строгое и суровое!“ А кажется, слѣдовало бы Пантелею Еремѣичу радоваться, что, вотъ, молъ, достигъ-таки своего; да онъ и радовался, точно... и все-таки Перфишка заробѣлъ, даже жутко ему стало. Чертопхановъ поставилъ коня въ прежнее его стойло, слегка хлопнулъ его по крупу и промолвилъ: „Ну, вотъ, ты и дома опять! Смотри же!..“ Въ тотъ же день онъ напялъ надежнаго сторожа изъ безтягольныхъ бобылей, помѣстился снова въ своихъ комнатахъ и зажилъ попрежнему...

Не совсѣмъ, однако, попрежнему... Но объ этомъ впереди.

На другой день послѣ своего возвращенія, Пантелей Еремѣичъ призвалъ къ себѣ Перфишку и, за неимѣніемъ другого собесѣдника, принялся разсказывать ему—не теряя, конечно, чувства собственнаго достоинства и басомъ—какимъ образомъ ему удалось отыскать Малекъ-Аделя. Въ теченіе разсказа Чертопхановъ сидѣлъ лицомъ къ окну и курилъ трубку изъ длиннаго чубука; а Перфишка стоялъ на порогѣ двери, заложивъ руки за спину—и, почтительно взирая на затылокъ своего господина, слушалъ повѣсть о томъ, какъ послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ и разъѣздовъ, Пантелей Еремѣичъ наконецъ попалъ въ Ромны на ярмарку, уже одинъ, безъ жида Лейбы, который, по слабости характера, не вытерпѣлъ и бѣжалъ отъ него; какъ, на пятый день, уже собираясь уѣхать, онъ въ послѣдній разъ пошелъ по рядамъ телѣгъ и вдругъ увидалъ, между тремя другими лошадьми, привязаннаго къ хребтуку—увидалъ Малекъ-Аделя! Какъ онъ тотчасъ его узналъ—и какъ Малекъ-Адель его узналъ, сталъ ржать и рваться и копытомъ рыть землю.—И не у казака онъ былъ,—продолжалъ Чертопхановъ, все не поворачивая головы и тѣмъ же басовымъ голосомъ:—а у цыгана-барышника; я, разумѣется, тотчасъ вклепался въ свою лошадь и пожелалъ насильно ее возвратить; но бестія цыганъ заоралъ, какъ ошпаренный, на всю площадь сталъ божиться, что купилъ лошадь у другого цыгана—и свидѣтелей хотѣлъ представить... Я плюнулъ—и заплатилъ ему деньги: чортъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ, главное, то дорого,

что друга я своего отыскалъ и покой душевный получилъ. А то вотъ я, въ Карачевскомъ уѣздѣ, по словамъ жида Лейбы вклепался-было въ казака—за моего вора его принялъ, всю рожу ему избилъ; а казакъ-то оказался поповичемъ—и безчестія съ меня содралъ—сто двадцать рублевъ. Ну, деньги дѣло наживное, а главное: Малекъ-Адель опять у меня! Я теперь счастливъ—я буду наслаждаться спокойствіемъ. А для тебя, Порфирій, одна инструкція: какъ только ты, чего Боже оборони, завидишь въ окрестностяхъ казака, такъ сію же секунду, ни слова не говоря, бѣги и неси мнѣ ружье, а я ужъ буду знать, какъ мнѣ поступить!

Такъ говорилъ Пантелей Еремѣичъ Перфишкѣ; такъ выражались его уста; но на сердцѣ у него не было такъ спокойно, какъ онъ увѣрялъ.

Увы! въ глубинѣ души своей онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, что приведенный имъ конь былъ дѣйствительно Малекъ-Адель.

X.

Настало трудное время для Пантелея Еремѣича. Именно спокойствіемъ-то онъ наслаждался меньше всего. Правда, выпадали хорошіе дни: возникшее въ немъ сомнѣніе казалось ему чепухой, онъ отгонялъ нелѣпую мысль, какъ назойливую муху, и даже смѣялся надъ самимъ собою; но выпадали также дни дурные: неотступная мысль снова принималась исподтишка точить и скрести его сердце, какъ подпольная мышь,—и онъ мучился ѣдко и тайно. Въ теченіе памятнаго дня, когда онъ отыскалъ Малекъ-Аделя,—Чертопхановъ чувствовалъ одну лишь блаженную радость... но на другое утро, когда онъ подъ низкимъ навѣсомъ постоялаго дворика сталъ сѣдлать свою находку, близъ которой провелъ всю ночь—что-то въ первый разъ его кольнуло... Онъ только головой мотнулъ — однако, сѣмя было заброшено. Въ теченіе обратнаго путешествія домой (оно продолжалось съ недѣлю) сомнѣнія въ немъ возбуждались рѣдко: они стали сильнѣй и явственнѣй, какъ только онъ вернулся въ свое Безсоново, какъ только

очутился въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ прежній, несомнѣнный Малекъ-Адель... Дорогой онъ ѣхалъ больше шагомъ, въ раскачку, глядѣлъ по сторонамъ, покуривалъ табакъ изъ коротенькаго чубучка и ни о чемъ не размышлялъ; развѣ возьметъ да подумаетъ про себя: „Чертопхановы чего захотятъ—ужъ добьются! шалишь!“ и ухмыльнется; ну, а съ прибытіемъ домой пошла статья другая. Все это онъ берегъ, конечно, про себя; одно ужъ самолюбіе не позволило бы ему выказать свою внутреннюю тревогу. Онъ бы „перервалъ пополамъ“ всякаго, кто бы хоть отдаленно намекнулъ на то, что новый Малекъ-Адель, кажись, не старый; онъ принималъ поздравленія съ „благополучной находкой“ отъ немногихъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться; но онъ не искалъ этихъ поздравленій, онъ пуще прежняго избѣгалъ столкновеній съ людьми — знакъ плохой! Онъ почти постоянно, если можно такъ выразиться, экзаменовалъ Малекъ-Аделя; уѣзжалъ на немъ куда-нибудь подальше въ поле и ставилъ его на пробу; или уходилъ украдкой въ конюшню, запиралъ за собою дверь и, ставши передъ самой головой копя, заглядывалъ ему въ глаза, спрашивалъ шопотомъ: „Ты ли это? Ты ли? Ты ли?..“ а не то, молча его разсматривалъ, да такъ пристально, по цѣлымъ часамъ, то радуясь и бормоча: „Да! онъ! конечно онъ!“ — то недоумѣвая и даже смущаясь.

И не столько смущали Чертопханова физическія несходства *этого* Малекъ-Аделя съ *тѣмъ*... впрочемъ, ихъ насчитывалось немного: у *того* хвостъ и грива словно были пожиже, и уши острѣй, и бабки короче, и глаза свѣтлѣй—но это могло только такъ казаться; а смущали Чертопханова несходства, такъ сказать, нравственныя. Привычки у *того* были другія, вся повадка была не та. Напримѣръ: *тотъ* Малекъ-Адель всякій разъ оглядывался и легонько ржалъ, какъ только Чертопхановъ входилъ въ конюшню; а *этотъ* жевалъ себѣ сѣно, какъ ни въ чемъ не бывало—или дремалъ, понуривъ голову. Оба не двигались съ мѣста, когда хозяинъ соскакивалъ съ сѣдла: но *тотъ*, когда его звали, тотчасъ шелъ на голосъ,—а

этотъ продолжалъ стоять, какъ пень. *Тотъ* скакалъ такъ же быстро, но прыгалъ выше и дальше; *этотъ* шагомъ шелъ вольнѣе, а рысью трясче—и „хлябалъ“ иногда подковами — то-есть, стучалъ задней о переднюю: за *тѣмъ* никогда такого сраму не водилось—сохрани Богъ! *Этотъ*, думалось Чертопханову, все ушами прядетъ, глупо такъ—а *тотъ*, напротивъ: заложилъ одно ухо назадъ—да такъ и держитъ—хозяина наблюдаетъ! *Тотъ*, бывало, какъ увидитъ, что около него нечисто—сейчасъ задней ногой стукъ въ стѣнку стойла; а *этому* ничего—хоть по самое брюхо навали ему навозу. *Тотъ*, если, напримѣръ, противъ вѣтра его поставить—сейчасъ всѣми легкими вздохнетъ и встряхнется, а *этотъ* знай пофыркиваетъ; *того* сырость дождевая безпокоила — *этому* она ни почемъ... Грубѣе этотъ, грубѣе! И пріятности нѣтъ, какъ у того, и тугъ на поводу—что и говорить! Та была лошадь милая—а эта...

Вотъ что думалось иногда Чертопханову, и горечью отзывались въ немъ эти думы. Зато, въ другое время—пуститъ онъ своего коня во всю прыть по только-что вспаханному полю или заставитъ его соскочить на самое дно размытаго оврага и по самой кручѣ выскочить опять, и замираетъ въ немъ сердце отъ восторга, громкое гиканіе вырывается изъ устъ, и знаетъ онъ, знаетъ навѣрное, что это подъ нимъ настоящій, несомнѣнный Малекъ-Адель, ибо какая другая лошадь въ состояніи сдѣлать то, что дѣлаетъ эта?

Однако, и тутъ не обходилось безъ грѣха и бѣды. Продолжительные поиски за Малекъ-Аделемъ стоили Чертопханову много денегъ; о костромскихъ собакахъ онъ уже не помышлялъ и разъѣзжалъ по окрестностямъ въ одиночку, попрежнему. Вотъ, въ одно утро, Чертопхановъ верстахъ въ пяти отъ Безсонова наткнулся на ту самую княжескую охоту, передъ которой онъ такъ молодецки гарцовалъ года полтора тому назадъ. И надо жъ было случиться такому обстоятельству: какъ и въ тотъ день, такъ и теперь—русакъ возьми, да вскочи передъ собаками изъ-подъ межи на косогорѣ!—Ату его, ату! Вся охота такъ и понеслась, и Чертопхановъ понесся тоже—

только не вмѣстѣ съ нею, а шаговъ отъ нея на двѣсти въ сторону — точно такъ же, какъ и тогда. Громадная водомоина криво прорѣзала косогоръ, и поднимаясь все выше и выше, постепенно суживаясь, пересѣкала путь Чертопханову. Тамъ, гдѣ ему приходилось перескочить ее — и гдѣ онъ полтора года тому назадъ дѣйствительно перескочилъ ее — въ ней все еще было шаговъ восемь ширины, да сажени двѣ глубины. Въ предчувствіи торжества, столь чуднымъ образомъ повтореннаго торжества—Чертопхановъ загоготалъ побѣдоносно, потрясъ нагайкой—охотники сами скакали, а сами не спускали глазъ съ лихого наѣзднка — конь его летѣлъ стрѣлою — вотъ, уже водомоина передъ самымъ носомъ—ну, ну, разомъ, какъ тогда!..

Но Малекъ-Адель круто уперся, вильнулъ налѣво и поскакалъ *вдоль* обрыва, какъ ни дергалъ ему Чертопхановъ голову на-бокъ, къ водомоинѣ...

Струсилъ, значитъ, не понадѣялся на себя!

Тогда Чертопхановъ, весь пылая стыдомъ и гнѣвомъ, чуть не плача, опустилъ поводья и погналъ коня прямо впередъ, въ гору, прочь, прочь отъ тѣхъ охотниковъ, чтобы только не слышать, какъ они издѣваются надъ нимъ, чтобы только исчезнуть поскорѣе съ ихъ проклятыхъ глазъ!

Съ изсѣченными боками, весь облитый мыльной пѣной, прискакалъ домой Малекъ-Адель, и Чертопхановъ тотчасъ заперся у себя въ комнатѣ.

— Нѣтъ, это не онъ, это не другъ мой! Тотъ бы шею сломилъ—а меня бы не выдалъ!

XI.

Окончательно „доѣхалъ“, какъ говорится, Чертопханова слѣдующій случай. Верхомъ на Малекъ-Аделѣ пробирался онъ однажды по задворкамъ поповской слободки, окружавшей церковь, въ приходѣ которой состояло сельцо Безсоново. Нахлобучивъ на глаза папаху, сгорбившись и уронивъ на луку сѣдла обѣ руки, онъ медленно подвигался впередъ; на душѣ у него было нерадостно и смутно. Вдругъ его кто-то окликнулъ.

Онъ остановилъ коня, поднялъ голову и увидалъ своего корреспондента, дьякона. Съ бурымъ треухомъ на бурыхъ, въ косичку заплетенныхъ волосахъ, облеченный въ желтоватый нанковый кафтанъ, подпоясанный гораздо ниже тальи голубенькимъ обрывочкомъ, служитель алтаря вышелъ свое „одоньишко" провѣдать — и, улицезрѣвъ Пантелея Еремѣича, почелъ долгомъ выразить ему свое почтеніе—да, кстати, хоть что-нибудь у него выпросить. Безъ такого рода задней мысли, какъ извѣстно, духовныя лица со свѣтскими не заговариваютъ.

Но Чертопханову было не до дьякона; онъ едва отвѣчалъ на его поклонъ, и, промычавъ что-то сквозь зубы, уже взмахнулъ нагайкой...

— А какой у васъ конь богатѣйшій!—поспѣшилъ прибавить дьяконъ: — вотъ ужъ, точно, можно чести приписать. Истинно: вы мужъ ума чуднаго; просто: аки левъ!— Отецъ дьяконъ славился краснорѣчіемъ — чѣмъ сильно досаждалъ отцу попу, которому даръ слова присущъ не былъ: даже водка не развязывала ему языкъ. — Одного живота, по навѣту злыхъ людей, лишились, — продолжалъ дьяконъ:—и, нимало не унывая, а, напротивъ, болѣе надѣясь на божественный Промыслъ, пріобрѣли себѣ другого, нисколько не худшаго, а почитай даже, что и лучшаго... потому...

— Что ты врешь?—сумрачно перебилъ Чертопхановъ:— какой такой другой конь? Это тотъ же самый; это Малекъ-Адель... Я его отыскалъ. Болтаетъ, зря...

— Э! э! э! э! — промолвилъ съ разстановкой, какъ бы съ оттяжкой, дьяконъ, играя перстами въ бородѣ и озирая Чертопханова своими свѣтлыми, жадными глазами.— Какъ же такъ, господинъ? Коня-то вашего, дай Богъ памяти, въ минувшемъ году недѣльки двѣ послѣ Покрова украли, а теперь у насъ ноябрь на исходѣ.

— Ну да, что же изъ этого?

Дьяконъ все продолжалъ играть перстами въ бородѣ.

— Значитъ, слишкомъ годъ съ тѣхъ поръ протекъ, а конь вашъ, какъ тогда былъ сѣрый въ яблокахъ, такъ и

теперь; даже словно темнѣе сталъ. Какъ же такъ? Сѣрыя-то лошади въ одинъ годъ много бѣлѣютъ.

Чертопхановъ дрогнулъ... словно кто рогатиной толкнулъ его противъ сердца. И въ самомъ дѣлѣ: сѣрая масть-то вѣдь мѣняется! Какъ ему такая простая мысль до сихъ поръ въ голову не пришла?

— Пучокъ анаѳемскій! отвяжись!—гаркнулъ онъ вдругъ, бѣшено сверкнувъ глазами — и мгновенно скрылся изъ виду у изумленнаго дьякона.

Ну! все кончено!

Вотъ когда дѣйствительно все кончено, все лопнуло, послѣдняя карта убита! Все разомъ рухнуло отъ одного этого слова: „бѣлѣютъ"!

Сѣрыя лошади бѣлѣютъ!

Скачи, скачи, проклятый! не ускачешь отъ этого слова!

Чертопхановъ примчался домой и опять заперся на ключъ.

XII.

Что эта дряпная кляча не Малекъ-Адель, что между ею и Малекъ-Аделемъ не существовало ни малѣйшаго сходства; что всякій мало-мальски путный человѣкъ долженъ былъ съ перваго разу это увидѣть, что онъ, Пантелей Чертопхановъ, самымъ пошлымъ образомъ обманулся — нѣтъ! что онъ нарочно, преднамѣренно надулъ самого себя, напустилъ на себя этотъ туманъ—во всемъ этомъ теперь уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія! Чертопхановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, одинаковымъ образомъ поворачиваясь на пяткахъ у каждой стѣны, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Самолюбіе его страдало невыносимо; но не одна боль уязвленнаго самолюбія терзала его: отчаяніе овладѣло имъ, злоба душила его, жажда мести въ немъ загоралась. Но противъ кого? Кому отмстить? Жиду, Яффу, Машѣ, дьякону, вору-казаку, всѣмъ сосѣдямъ, всему свѣту, самому себѣ наконецъ? Умъ въ немъ мѣшался. Послѣдняя карта убита! (Это сравненіе ему нравилось.) И онъ опять ничтожнѣйшій, презрѣннѣйшій изъ людей, общее посмѣшище, шутъ горо-

ховый, зарѣзанный дуракъ, предметъ насмѣшки — для дьякона!!.. Онъ воображалъ, онъ ясно представлялъ себѣ, какъ этотъ мерзкій пучокъ станетъ разсказывать про сѣрую лошадь, про глупаго барина... О, проклятіе!!.. Напрасно Чертопхановъ старался унять расходившуюся желчь; напрасно онъ пытался увѣрить себя, что эта... лошадь хотя и не Малекъ-Адель, однако, все же... добра, и можетъ много лѣтъ прослужить ему: онъ тутъ же съ яростью отталкивалъ отъ себя прочь эту мысль, точно въ ней заключалось новое оскорбленіе для *того* Малекъ-Аделя, передъ которымъ онъ ужъ и безъ того считалъ себя виноватымъ... Еще бы! Этотъ одёръ, эту клячу онъ, какъ слѣпой, какъ олухъ, приравнялъ ему, Малекъ-Аделю! А что насчетъ службы, которую та кляча могла еще сослужить ему... да развѣ онъ когда-нибудь удостоитъ сѣсть на нее верхомъ? Ни за что! Никогда!!.. Татарину ее отдать, собакамъ на снѣдь — другого она не стоитъ... Да! Этакъ лучше всего!

Часа два слишкомъ бродилъ Чертопхановъ по своей комнатѣ.

— Перфишка!—скомандовалъ онъ вдругъ.—Сію минуту ступай въ кабакъ; полведра водки притащи! Слышишь? Полведра, да живо! Чтобы водка сію секунду тутъ, у меня на столѣ стояла!

Водка не замедлила появиться на столѣ Пантелея Еремѣича, и онъ началъ пить!

XIII.

Кто бы тогда посмотрѣлъ на Чертопханова, кто бы могъ быть свидѣтелемъ того угрюмаго озлобленія, съ которымъ онъ осушалъ стаканъ за стаканомъ — тотъ, навѣрное, почувствовалъ бы невольный страхъ. Ночь наступила; сальная свѣчка тускло горѣла на столѣ. Чертопхановъ пересталъ скитаться изъ угла въ уголъ; онъ сидѣлъ, весь красный, съ помутившимися глазами, которые онъ то опускалъ на полъ, то упорно устремлялъ въ темное окно; вставалъ, наливалъ себѣ водки, выпивалъ ее, опять садился, опять уставлялъ глаза въ одну точку и не ше-

велился — только дыханіе его учащалось, и лицо все болѣе краснѣло. Казалось, въ немъ созрѣвало какое-то рѣшеніе, которое его самого смущало, но къ которому онъ постепенно привыкалъ; одна и та же мысль неотступно и безостановочно надвигалась все ближе и ближе, одинъ и тотъ же образъ рисовался все яснѣе и яснѣе впереди, а въ сердцѣ, подъ раскаляющимъ напоромъ тяжелаго хмеля, раздраженіе злобы уже смѣнялось чувствомъ звѣрства, и зловѣщая усмѣшка появлялась на губахъ.

— Ну, однако, пора! — промолвилъ онъ какимъ-то дѣловымъ, почти скучливымъ тономъ: — будетъ прохлаждаться-то!

Онъ выпилъ послѣдній стаканъ водки, досталъ надъ кроватью пистолетъ—тотъ самый пистолетъ, изъ котораго выстрѣлилъ въ Машу, зарядилъ его, положилъ, на „всякій случай", нѣсколько пистоновъ въ карманъ—и отправился на конюшню.

Сторожъ побѣжалъ-было къ нему, когда онъ сталъ отворять дверь, но онъ крикнулъ на него: „Это я! Аль не видишь? Отправляйся!" Сторожъ отступилъ немного въ сторону. „Спать отправляйся!" опять крикнулъ на него Чертопхановъ: „нечего тебѣ тутъ стеречь! Эку невидаль, сокровище какое!" Онъ вошелъ въ конюшню. Малекъ-Адель... ложный Малекъ-Адель лежалъ на подстилкѣ. Чертопхановъ толкнулъ его ногою, промолвивъ: „Вставай, ворона!" Потомъ отвязалъ недоуздокъ отъ яслей, снялъ и сбросилъ на землю попону—и, грубо повернувъ въ стойлѣ послушную лошадь, вывелъ ее вонъ, на дворъ, а со двора въ поле, къ крайнему изумленію сторожа, который никакъ не могъ понять, куда это баринъ отправляется ночью, съ невзнузданною лошадью въ поводу? Спросить его—онъ, разумѣется, побоялся, а только проводилъ его глазами, пока онъ не исчезъ на поворотѣ дороги, ведущей къ сосѣднему лѣсу.

XIV.

Чертопхановъ шелъ большими шагами, не останавливаясь и не оглядываясь; Малекъ-Адель—будемъ называть

его этимъ именемъ до конца—покорно выступалъ за нимъ слѣдомъ. Ночь была довольно свѣтлая; Чертопхановъ могъ различить зубчатый очеркъ лѣса, чернѣвшаго впереди сплошнымъ пятномъ. Охваченный ночнымъ холодомъ, онъ бы навѣрное захмелѣлъ отъ выпитой имъ водки, если бы... если бы не другой, болѣе сильный хмель, который обуялъ его всего. Голова его отяжелѣла, кровь раскатисто стучала въ горло и въ уши, но онъ шелъ твердо и зналъ, куда шелъ.

Онъ рѣшился убить Малекъ-Аделя; цѣлый день онъ только объ этомъ думалъ... Теперь онъ рѣшился!

Онъ шелъ на это дѣло не то, чтобы спокойно, а самоувѣренно, безповоротно, какъ идетъ человѣкъ, повинующійся чувству долга. Ему эта „штука“ казалась очень „простою“—уничтоживъ самозванца, онъ разомъ поквитается со „всѣмъ“, и самого себя казнитъ за свою глупость, и передъ настоящимъ своимъ другомъ оправдается, и цѣлому свѣту докажетъ (Чертопхановъ очень заботился о „цѣломъ свѣтѣ“), что съ нимъ шутить нельзя... А главное: самого себя онъ уничтожитъ вмѣстѣ съ самозванцемъ, ибо на что ему еще жить? Какъ это все укладывалось въ его головѣ, и почему это казалось ему такъ просто—объяснить не легко, хотя и не совсѣмъ невозможно: обиженный, одинокій, безъ близкой души человѣческой, безъ гроша мѣднаго, да еще съ кровью, зажженной виномъ, онъ находился въ состояніи близкомъ къ помѣшательству, а нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ самыхъ нелѣпыхъ выходкахъ людей помѣшанныхъ есть, по ихъ глаза, своего рода логика и даже право. Въ правѣ своемъ Чертопхановъ былъ, во всякомъ случаѣ, вполнѣ увѣренъ; онъ не колебался, онъ спѣшилъ исполнить приговоръ надъ виновнымъ, не отдавая себѣ, впрочемъ, яснаго отчета: кого онъ, собственно, обзывалъ этимъ именемъ?.. Правду говоря, онъ размышлялъ мало о томъ, что собирался сдѣлать. „Надо, надо кончить“, вотъ что онъ твердилъ самому себѣ, тупо и строго: „кончить надо!“

А безвинный виновный трусилъ покорной рысцой за его спиною... Но въ сердцѣ Чертопханова не было жалости.

XV.

Недалеко отъ опушки лѣса, куда онъ привелъ свою лошадь, тянулся небольшой оврагъ, до половины заросшій дубовымъ кустарникомъ. Чертопхановъ спустился туда... Малекъ-Адель спотыкнулся и чуть не упалъ на него.

— Аль задавить меня хочешь, проклятый!—вскрикнулъ Чертопхановъ—и, словно защищаясь, выхватилъ пистолетъ изъ кармана. Уже не ожесточеніе испытывалъ онъ, а ту особенную одеревенѣлость чувства, которая, говорятъ, овладѣваетъ человѣкомъ передъ совершеніемъ преступленія. Но собственный голосъ испугалъ его — такъ дико прозвучалъ онъ подъ навѣсомъ темныхъ вѣтвей, въ гнилой и спёртой сырости лѣсного оврага! Къ тому же, въ отвѣтъ на его восклицаніе, какая-то большая птица внезапно затрепыхалась въ верхушкѣ дерева надъ его головою... Чертопхановъ дрогнулъ. Точно онъ разбудилъ свидѣтеля своему дѣлу — и гдѣ же? въ этомъ глухомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не долженъ былъ встрѣтить ни одного живого существа...

— Ступай, чортъ, на всѣ четыре стороны! — проговорилъ онъ сквозь зубы—и выпустивъ поводъ Малекъ-Аделя, съ размаху ударилъ его по плечу прикладомъ пистолета. Малекъ-Адель немедленно повернулся назадъ, выкарабкался вонъ изъ оврага... и побѣжалъ. Но недолго слышался стукъ его копытъ. Поднявшійся вѣтеръ мѣшалъ и застилалъ всѣ звуки.

Въ свою очередь, Чертопхановъ медленно выбрался изъ оврага, достигъ опушки и поплелся по дорогѣ домой. Онъ былъ недоволенъ собою: тяжесть, которую онъ чувствовалъ въ головѣ, въ сердцѣ, распространилась по всѣмъ членамъ; онъ шелъ сердитый, темный, неудовлетворенный, голодный, словно кто обидѣлъ его, отнялъ у него добычу, пищу...

Самоубійцѣ, которому помѣшали исполнить его намѣреніе, знакомы подобныя ощущенія.

Вдругъ что-то толкнуло его сзади, между плечъ. Онъ оглянулся... Малекъ-Адель стоялъ посреди дороги. Онъ

пришелъ слѣдомъ за своимъ хозяиномъ, онъ тронулъ его мордой... доложилъ о себѣ...

— А! — закричалъ Чертопхановъ, — ты самъ, самъ за смертью пришелъ! Такъ на же!

Въ мгновенье ока онъ выхватилъ пистолетъ, взвёлъ курокъ, приставилъ дуло ко лбу Малекъ-Аделя, выстрѣлилъ..

Бѣдная лошадь шарахнулась въ сторону, взвилась на дыбы, отскочила шаговъ на десять и вдругъ грузно рухнула и захрипѣла, судорожно валяясь по землѣ...

Чертопхановъ зажалъ себѣ уши обѣими руками и побѣжалъ. Колѣни подгибались подъ нимъ. И хмель, и злоба, и тупая самоувѣренность — все вылетѣло разомъ. Осталось одно чувство стыда и безобразія — да сознаніе, сознаніе несомнѣнное, что на этотъ разъ онъ и съ собой покончилъ.

XVI.

Недѣль шесть спустя, казачокъ Перфишка почёлъ долгомъ остановить проѣзжавшаго мимо Безсоновской усадьбы станового пристава.

— Чего тебѣ?—спросилъ блюститель порядка.

— Пожалуйте, ваше благородіе, къ намъ въ домъ,— отвѣтилъ казачокъ съ низкимъ поклономъ: — Пантелей Еремѣичъ, кажись, умирать собираются; такъ, вотъ, я и боюсь.

— Какъ? умирать?—переспросилъ становой.

— Точно такъ-съ. Сперва они кажинный день водку кушали, а теперь, вотъ, въ постель слегли и ужъ очень они худы стали. Я такъ полагаю, они теперь и понимать-то ничего не понимаютъ. Безъ языка совсѣмъ.

Становой слѣзъ съ телѣги.

— Что же ты, за священникомъ, по крайней мѣрѣ, сходилъ? Исповѣдался твой баринъ? Причастился?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Становой нахмурился.

— Какъ же ты это такъ, братецъ? Развѣ этакъ можно—а? Иль ты не знаешь, что за это... отвѣтственность бываетъ большая—а?

— Да я ихъ и третьяго дня, и вчерась спрашивалъ.—

бурьяна и крапивы, надъ которыми высились, Богъ вѣдаетъ откуда, занесенные остроконечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинкѣ; дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ-называемый амшаникъ, куда ставятъ улья на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмостки, и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура... Я пошелъ-было прочь...

— Баринъ, а баринъ! Петръ Петровичъ!—послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сиплый, какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ! Подойдите, пожалуйста! — повторилъ голосъ. Онъ доносился до меня изъ угла съ тѣхъ, замѣченныхъ мною, подмостковъ.

Я приблизился—и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо; но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая,—ни дать, ни взять—икона старинаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губъ почти не видать,—только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами какъ палочками, двѣ крошечныхъ руки тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое,—но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу — силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ? — прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да и гдѣ узнать! — Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей, въ Спасскомъ, водила... помните, я еще запѣвалой была?

тать завсегда охота была, по что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ, для разсѣянности, принесъ календарь, да видитъ, что пользы нѣтъ, взялъ, да унесъ опять. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещитъ, али мышь гдѣ скрестись станетъ.—Вотъ тутъ-то хорошо! не думать!

— А то я молитвы читаю,—продолжала, отдохнувъ немного, Лукерья.—Только немного я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ — значитъ, меня Онъ любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѳистъ Всѣмъ Скорбящимъ,— да и опять полеживаю себѣ безо всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты двѣ. Я не нарушалъ молчанья и не шевелился на узенькой кадушкѣ, служившей мнѣ сидѣньемъ. Жестокая, каменная неподвижность лежавшаго передо мною живого, несчастнаго существа сообщилась и мнѣ: я тоже словно оцѣпенѣлъ.

— Послушай, Лукерья,—началъ я, наконецъ.—Послушай, какое я тебѣ предложеніе сдѣлаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя въ больницу перевезутъ, въ хорошую, городскую больницу? Кто знаетъ, быть-можетъ, тебя еще вылѣчатъ? Во всякомъ случаѣ, ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

— Охъ, нѣтъ, баринъ,—промолвила она озабоченнымъ шопотомъ:—не переводите меня въ больницу, не трогайте меня. Я тамъ только больше мўки приму.—Ужъ куда меня лѣчить!.. Вотъ такъ-то разъ докторъ сюда пріѣзжалъ; осматривать меня захотѣлъ. Я его прошу: не тревожьте вы меня, Христа-ради. Куда! переворачивать меня сталъ, руки, ноги разминалъ, разгиналъ; говоритъ: это я для учености дѣлаю; на то я служащій человѣкъ, ученый! И ты, говоритъ, не моги мнѣ противиться, потому что мнѣ за мои труды орденъ на шею данъ, и я для васъ же, дураковъ, стараюсь. Потормошилъ, потормошилъ меня, на-

звалъ мнѣ мою болѣзнь—мудрено таково—да съ тѣмъ и уѣхалъ. А у меня потомъ цѣлую недѣлю всѣ косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нѣтъ, не всегда. Ко мнѣ ходятъ. Я смирная—не мѣшаю. Дѣвушки крестьянскія зайдутъ, погуторятъ; странница забредетъ, станетъ про Іерусалимъ разсказывать, про Кіевъ, про святые города. Да мнѣ и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей!.. Баринъ, не трогайте меня, не возите въ больницу... Спасибо вамъ, вы добрый, только не трогайте меня, голубчикъ.

— Ну, какъ хочешь, какъ хочешь, Лукерья. Я вѣдь для твоей же пользы полагалъ...

— Знаю, баринъ, что для моей пользы. Да, баринъ, милый, кто другому помочь можетъ? Кто ему въ душу войдетъ? Самъ себѣ человѣкъ помогай! Вы, вотъ, не повѣрите — а лежу я иногда такъ-то одна... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ кромѣ меня нѣту. Только одна я—живая! И чудится мнѣ, будто что меня осѣнитъ... Возьметъ меня размышленіе—даже удивительное!

— О чемъ же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, баринъ, тоже никакъ нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потомъ. Придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было—не поймешь! Только думается мнѣ: будь около меня люди—ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула съ трудомъ. Грудь ей не повиновалась—такъ же, какъ и остальные члены.

— Какъ погляжу я, баринъ, на васъ,—начала она снова:—очень вамъ меня жалко. А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право! Я вамъ, напримѣръ, что скажу: я иногда и теперь... Вы вѣдь помните, какая я была въ свое время веселая? Бой-дѣвка!.. такъ знаете что? Я и теперь пѣсни пою.

— Пѣсни?.. Ты?

— Да, пѣсни, старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочныя, всякія! Много я ихъ вѣдь знала и не забыла. Только вотъ плясовыхъ не пою. Въ теперешнемъ моемъ званіи—оно не годится.

— Какъ же ты поешь ихъ... про себя?

— И про себя, и голосомъ. Громко-то не могу, а все—понять можно. Вотъ, я вамъ сказывала—дѣвочка ко мнѣ ходитъ. Сиротка, значитъ, понятливая. Такъ вотъ, я ее выучила; четыре пѣсни она уже у меня переняла. Аль не вѣрите? Постойте, я вамъ сейчасъ...

Лукерья собралась съ духомъ... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, — въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. „Во лузяхъ“ пѣла Лукерья. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Охъ, не могу!—проговорила она вдругъ: — силушки не хватаетъ... Очень ужъ я вамъ обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня—и ея темныя вѣки, опушенныя золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье, они заблистали въ полутьмѣ... Слеза ихъ смочила.

Я не шевелился, попрежнему.

— Экая я!—проговорила вдругъ Лукерья съ неожиданной силой и, раскрывъ широко глаза, постаралась смигнуть съ нихъ слезу.—Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случалось... съ самаго того дня, какъ Поляковъ Вася у меня былъ, прошлой весной. Пока онъ со мной сидѣлъ, да разговаривалъ—ну, ничего; а какъ ушелъ онъ—поплакала я-таки въ одиночку! Откуда бралось!.. Да вѣдь у нашей сестры слезы не купленныя.—Баринъ,—прибавила Лукерья:—чай, у васъ платочекъ есть... Не побрезгуйте, утрите мнѣ глаза.

Я поспѣшилъ исполнить ея желаніе — и платокъ ей

оставилъ. Она сперва отказывалась... на что, молъ, мнѣ такой подарокъ? Платокъ былъ очень простой, но чистый и бѣлый. Потомъ она схватила его своими слабыми пальцами и уже не разжала ихъ болѣе. Привыкнувъ къ темнотѣ, въ которой мы оба находились, я могъ ясно различить ея черты, могъ даже замѣтить тонкій румянецъ, проступившій сквозь бронзу ея лица, могъ открыть въ этомъ лицѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось,—слѣды его бывалой красоты.

— Вотъ, вы, баринъ, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья: — сплю ли я? Сплю я, точно, рѣдко, по всякій разъ сны вижу,—хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я—потянуться хочу хорошенько—анъ я вся, какъ скованная. Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился! Хотите, разскажу вамъ?—Ну, слушайте.—Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, спѣлая, какъ золотая!.. И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая — все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ, когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту самую рожь сжать до-чиста. Только очень меня отъ жары растомило, и мѣсяцъ меня слѣпитъ, и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупные! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася придти обѣщался — такъ вотъ, я себѣ вѣнокъ сперва совью; жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промежъ пальцевъ таютъ да таютъ, хоть ты что! И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ, я слышу—кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таково, и зоветъ: Луша! Луша!.. Ай, думаю, бѣда—не успѣла! Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ, ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь — по самымъ верхушкамъ колосьевъ катитъ ко мнѣ скорёхонько—только не Вася — а самъ Христосъ! И почему я узнала, что это Христосъ —

дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агаряпъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только, прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть. — И агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ! А я что!

Подивился я тутъ про себя, куда и въ какомъ видѣ зашла легенда объ Іоаннѣ д'Аркъ, и, помолчавъ немного, спросилъ Лукерью: сколько ей лѣтъ?

— Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будетъ. Да что ихъ считать, года-то! Я вамъ еще вотъ что доложу...

Лукерья вдругъ какъ-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — замѣтилъ я ей:—это можетъ тебѣ повредить.

— Правда,—прошептала она едва слышно:—разговоркѣ нашей конецъ; да куда ни шло! Теперь, какъ вы уѣдете, намолчусь я вволю. По крайности, душу отвела...

Я сталъ прощаться съ нею, повторилъ ей мое обѣщаніе прислать ей лѣкарство, попросилъ ее еще разъ хорошенько подумать и сказать мнѣ — не нужно ли ей чего?

— Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу,—съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ, вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить—крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно,—всѣмъ довольна.

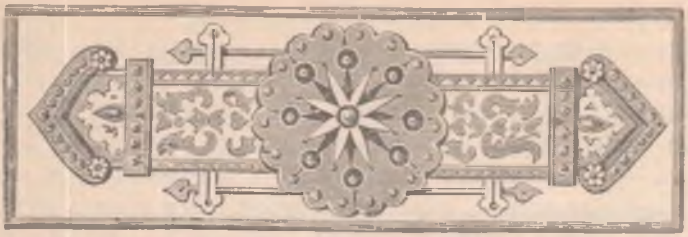
Я далъ Лукерьѣ слово исполнить ея просьбу, и подходилъ уже къ дверямъ... она подозвала меня опять.

— Помните, баринъ, — сказала она, и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ и на губахъ: — какая у меня была коса? Помните—до самыхъ колѣнъ! Я долго не рѣшалась... Этакіе волосы!.. Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!.. Такъ ужъ я ихъ и обрѣзала... Да... Ну, простите, баринъ! Больше не могу...

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерьѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ прозывали „Живыя-Мощи“, что, впрочемъ, отъ нея никакого не видать безпокойства: ни ропота отъ нея не слыхать, ни жалобъ. — „Сама ничего не требуетъ, а напротивъ — за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо. Богомъ убитая,—такъ заключилъ десятскій: —стало-быть, за грѣхи; по мы въ это не входимъ. А чтобы, напримѣръ, осуждать ее — нѣтъ, мы ее не осуждаемъ. Пущай ее!“

Нѣсколько недѣль спустя, я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и „послѣ Петровокъ“. Разсказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничный. Впрочемъ, Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а „сверху“. Вѣроятно, она не посмѣла сказать: съ неба.

XXIV.
СТУЧИТЪ!

— Что̀ я вамъ доложу, — промолвилъ Ермолай, входя ко мнѣ въ избу, — а я только-что пообѣдалъ и прилегъ на походную кроватку, чтобъ отдохнуть немного послѣ довольно удачной, но утомительной охоты на тетеревовъ— дѣло было въ десятыхъ числахъ іюля, и жары стояли страшныя...—что̀ я вамъ доложу: у насъ вся дробь вышла.

Я вскочилъ съ кроватки.

— Вышла дробь? Какъ же такъ? Вѣдь мы съ тобой изъ деревни почитай-что фунтовъ тридцать взяли! цѣлый мѣшокъ!

— Оно точно; и мѣшокъ былъ большой: на двѣ недѣли бы хватило. Да кто его знаетъ! Прорѣха, что-ль, въ немъ произошла; а только, какъ есть, пѣту дроби... такъ, зарядовъ на десять осталось.

— Что̀ же мы станемъ теперь дѣлать? Самый лучшія мѣста впереди—па завтрашній день намъ обѣщали шесть выводковъ...

— А пошлите меня въ Тулу. Тутъ недалече: всего сорокъ пять верстъ. Духомъ слетаю и дроби привезу, коли прикажете, цѣлый пудъ.

— Да когда же ты поѣдешь?

— А хоть сейчасъ. Чего мѣшкать? Только вотъ что: надо будетъ лошадей нанять.

— Какъ лошадей нанять? А свои-то на что?

— На своихъ ѣхать нельзя. — Коренникъ захромалъ... страсть!

— Это съ какихъ поръ?

— А вотъ, намедни ись,—кучеръ его ковать водилъ. Ну, и заковалъ. Кузнецъ, должно, попался неладный. Теперь даже на ногу ступить не можетъ. Передняя нога. Такъ и несетъ ее... какъ собака.

— Что жъ? расковали его, по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ, не расковали; а непремѣнно расковать его слѣдуетъ. Гвоздь-то ему, чай, въ самое мясо вогнатъ.

Я велѣлъ позвать кучера. Оказалось, что Ермолай не солгалъ: коренникъ дѣйствительно не ступалъ на ногу Я немедленно распорядился, чтобы его расковали и поставили на сырую глину.

— Что жъ? лошадей нанять въ Тулу прикажете?—пристalъ ко мнѣ Ермолай.

— Да развѣ можно въ этомъ захолустьѣ найти лошадей?—воскликнулъ я съ невольной досадой.

Деревня, въ которой мы находились, была заглазная, глухая; всѣ ея обитатели казались голышами; мы съ трудомъ отыскали одну — не то что бѣлую,—а мало-мальски просторную избу.

— Можно, — отвѣтилъ Ермолай съ обычной своей невозмутимостью. — Вы про здѣшнюю деревню сказали вѣрно; а только въ этомъ самомъ мѣстѣ проживалъ одинъ крестьянинъ. Умнѣющій! богатый! Девять лошадей имѣлъ. Самъ-то онъ померъ, и старшій сынъ теперь всѣмъ орудуетъ. Человѣкъ—изъ глупыхъ-глупый, ну, однако, отцовское добро протрясти не успѣлъ. — Мы у него лошадьми раздобудемся. — Прикажите, я его приведу. — Братья у него, слышно, ребята шустрые... а все-таки, онъ имъ голова.

— Почему же это такъ?

— А потому—старшой! Значитъ, младшіе,—покоряйся!—

Тутъ Ермолай сильно и непечатно отозвался о младшихъ братьяхъ вообще. — Я его приведу. Онъ простой. Съ нимъ—да не сговориться?

Пока Ермолай ходилъ за „простымъ“ человѣкомъ, мнѣ пришло въ голову: не лучше ли мнѣ самому съѣздить въ Тулу? Во-первыхъ, я, наученный опытомъ, плохо надѣялся на Ермолая; я послалъ его однажды въ городъ за покупками, онъ обѣщался исполнить всѣ мои порученія въ теченіе одного дня—и пропадалъ цѣлую недѣлю, пропилъ всѣ деньги — и вернулся пѣшій, а поѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Во-вторыхъ, у меня былъ въ Тулѣ барышникъ знакомый; я могъ купить у него лошадь на мѣсто охромѣвшаго коренника.

„Рѣшеное дѣло!“ подумалъ я. „Съѣзжу самъ; а спать можно и въ дорогѣ—благо, тарантасъ покойный“.

— Привелъ! — воскликнулъ, четверть часа спустя, Ермолай, вваливаясь въ избу. Вслѣдъ за нимъ вошелъ рослый мужикъ въ бѣлой рубахѣ, синихъ портахъ и лаптяхъ, бѣлобрысый, подслѣповатый, съ рыжей бородкой клинушкомъ, длиннымъ, пухлымъ носомъ и разинутымъ ртомъ. Онъ, точно, смотрѣлъ „простецомъ“.

— Вотъ, извольте, — промолвилъ Ермолай: — лошади у него есть—и онъ согласенъ.

— То-исть, значитъ, я... — заговорилъ мужикъ сиповатымъ голосомъ и съ запинкой, встряхивая свои жидкіе волосы и перебирая пальцами околышъ шапки, которую держалъ въ рукахъ.—Я, значитъ...

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

Мужикъ потупился и словно задумался.

— Какъ меня зовутъ-то?

— Да; какъ твое имя?

— А имя мнѣ будетъ—Филоѳей.

— Ну, вотъ что, братецъ Филоѳей; у тебя, я слышалъ, есть лошади. Приведи-ка сюда тройку,—мы ихъ заложимъ въ мой тарантасъ,—онъ у меня легкій,—и свези ты меня въ Тулу. Теперь ночь лунная, свѣтло и ѣхать прохладно. Дорога у васъ тутъ какова?

— Дорога? Дорога—ничего. До большака верстъ двадцать будетъ всего. Одно есть мѣстечко... неладное; а то—ничего.

— Какое такое мѣстечко неладное?

— А рѣчку въ бродъ переѣзжать надоть.

— Да развѣ вы сами въ Тулу поѣдете? — освѣдомился Ермолай.

— Да, самъ.

— Ну!—промолвилъ мой вѣрный слуга и тряхнулъ головою. — Н-н-у! — повторилъ онъ, сплюнулъ и вышелъ вонъ.

Поѣздка въ Тулу, очевидно, уже не представляла ему ничего привлекательнаго; она стала для него пустымъ и незанимательнымъ дѣломъ.

— Ты дорогу хорошо знаешь? — обратился я къ Филѳѳю.

— Какъ намъ дороги не знать! — Только я, значитъ, воля ваша, не могу... потому, какъ же этакъ вдругъ...

Оказалось, что Ермолай, нанимая Филѳѳя, заявилъ ему, чтобы онъ не сомнѣвался, что ему, дураку, заплатятъ... и только! Филѳѳй, хотя и дуракъ — по словамъ Ермолая — не удовлетворился однимъ этимъ заявленіемъ. Онъ запросилъ съ меня пятьдесятъ рублей ассигнаціями,—цѣну громадную; я предложилъ ему десять рублей,—цѣну низкую. Принялись мы торговаться; Филѳѳй сперва упорствовалъ — потомъ сталъ сдаваться, но туго. Вошедшій на минутку Ермолай началъ меня увѣрять, что „этотъ дуракъ“ — (вишь полюбилось слово! — замѣтилъ вполголоса Филѳѳй)—„этотъ дуракъ совсѣмъ счету деньгамъ не знаетъ“—и, кстати, напомнилъ мнѣ, какъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, постоялый дворъ, устроенный моей матушкой на бойкомъ мѣстѣ, на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ, пришелъ въ совершенный упадокъ отъ того, что старый дворовый, котораго посадили туда хозяйничать, дѣйствительно не зналъ счета деньгамъ, а цѣнилъ ихъ по количеству, — т.-е. отдавалъ, напримѣръ, серебряный четвертакъ за шесть мѣдныхъ пятаковъ, причемъ, однако, сильно ругался.

— Эхъ, ты, Филоѳей, прямой Филоѳей! — выкликнулъ наконецъ Ермолай — и уходя, въ сердцахъ хлопнулъ дверью.

Филоѳей ничего ему не возразилъ, какъ бы сознавая, что называться Филоѳеемъ—точно — не совсѣмъ ловко, и что за такое имя даже упрекать можно человѣка, хотя, собственно, виноватъ тутъ попъ, котораго при крещеніи не ублаготворили, какъ слѣдуетъ.

Наконецъ, мы, однако, сошлись съ нимъ на двадцати рубляхъ. — Онъ отправился за лошадьми и чрезъ часъ привелъ ихъ цѣлыхъ пять на выборъ. Лошади оказались порядочныя, хотя гривы и хвосты у нихъ были спутанные и животы—большіе, растянутые какъ барабанъ.—Съ Филоѳеемъ пришло двое его братьевъ, нисколько на него не похожихъ. Маленькіе, черноглазые, востроносые, они, точно — производили впечатлѣніе ребятъ „шустрыхъ“ — говорили много и скоро — „лопотали“, какъ выразился Ермолай,—но старшому покорялись.

Они выкатили тарантасъ изъ-подъ навѣса, да часа полтора возились съ нимъ и съ лошадьми; то отпускали веревочныя постромки, то прикручивали ихъ туго-натуго! Обоимъ братьямъ непремѣнно хотѣлось запрячь въ корень „чалаго“, потому „ёнъ съ горы спущать могитъ“;— но Филоѳей рѣшилъ: кудластаго!—Такъ кудластаго и заложили въ корень.

Тарантасъ набили сѣномъ, подсунули подъ сидѣнье хомутъ съ хромого коренника, — въ случаѣ, если бъ пришлось пригонять его въ Тулѣ на новокупленную лошадь... Филоѳей, успѣвшій сбѣгать домой и возвратившійся оттуда въ длинномъ, бѣломъ, отцовскомъ балахонѣ, высокомъ гречневикѣ и смазныхъ сапогахъ, взобрался торжественно на козлы. — Я сѣлъ, посмотрѣвъ на часы: — четверть одиннадцатаго. — Ермолай даже не простился со мною, онъ принялся бить своего Валетку; Филоѳей задергалъ вожжами, закричалъ тонкимъ-тонкимъ голосомъ: „Эхъ, вы, махонькія!“—братья его подскочили съ обѣихъ сторонъ. подстегнули подъ брюхо пристяжныхъ—и тарантасъ тронулся, свернулъ изъ воротъ на улицу, — кудла-

стый хотѣлъ-было махнуть къ себѣ на дворъ,—но Филоѳей образумилъ его нѣсколькими ударами кнута—и вотъ, мы уже выскочили изъ деревни и покатили по довольно ровной дорогѣ, между сплошными кустами густого орѣшника.

Ночь была тихая, славная, самая удобная для ѣзды. Вѣтеръ то прошелеститъ въ кустахъ, закачаетъ вѣтки, то совсѣмъ замретъ; но на небѣ кое-гдѣ виднѣлись неподвижныя, серебристыя облачка; мѣсяцъ стоялъ высоко и ясно озарялъ окрестность. — Я растянулся на сѣнѣ и уже вздремнулъ было... да вспомнилъ о „неладномъ мѣстѣ“—и встрепенулся.

— А что, Филоѳей? До брода далеко?

— До броду то? Верстъ восемь будетъ.

„Восемь верстъ“, подумалось мнѣ. „Раньше часу не доѣдемъ. — Соснуть пока можно.“ — Ты, Филоѳей, дорогу хорошо знаешь?—спросилъ я опять.

— Да какъ *ево* не знать-то, дорогу-то? Не въ первой ѣдемъ.

Онъ еще что-то прибавилъ, но я уже не разслушалъ его... Я спалъ.

Разбудило меня не собственное намѣреніе проснуться ровно черезъ часъ, какъ это часто случается,—а какое-то странное, хоть и слабое, хлюпанье и бульканье подъ самымъ моимъ ухомъ.—Я поднялъ голову...

Что за чудеса?—Лежу я въ тарантасѣ попрежнему, а вокругъ тарантаса — и на полъ-аршина,—не болѣе, отъ его края,—водная гладь, освѣщенная луною, дробится и дрожитъ мелкой, чёткой рябью. Я — глядь впередъ: на козлахъ, понуривъ голову, согнувъ спину, сидитъ, какъ истуканъ, Филоѳей, — а еще подальше — надъ журчащею водою,—кривая линія дуги и лошадиныя головы и спины.— И все такъ неподвижно, такъ безшумно, — словно въ заколдованномъ царствѣ: во снѣ, въ сказочномъ снѣ... Что за притча? — Я — глядь назадъ изъ-подъ балчука тарантаса... Да мы на самой серединѣ рѣки... берегъ отъ насъ шаговъ за тридцать.

— Филоѳей!—воскликнулъ я.

— Чего?—возразилъ онъ.

— Какъ, чего? Помилуй! Гдѣ же это мы?

— Въ рѣкѣ.

— Я вижу, что въ рѣкѣ.—Да мы этакъ сейчасъ потонемъ. — Такъ-то ты въ бродъ переѣзжаешь? А? — Да ты спишь, Филоѳей! Отвѣчай же!

— Маленечко ошибся,—промолвилъ мой возница:—въ сторону, знать, взялъ грѣшнымъ дѣломъ, а теперь подождать надоть.

— Какъ: ждать *надоть?*—Чего же мы будемъ ждать?

— А вотъ, пущай кудластый оглядится: куда онъ ворохпется,—туда, значитъ, и ѣхать надоть.

Я приподнялся на сѣнѣ. — Голова коренника не шевелилась надъ водою. — Только и можно было видѣть при ясномъ свѣтѣ мѣсяца, какъ одно его ухо чуть-чуть двигалось то взадъ, то впередъ.

— Да онъ тоже спитъ, твой кудластый!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Филоѳей: — онъ теперь воду нюхаетъ.

И все опять замолкло, только попрежнему слабо хлюпала вода.—Я тоже оцѣпенѣлъ.

Лунный свѣтъ, да ночь, да рѣка, да мы въ ней...

— Это что такое сипитъ?—спросилъ я Филоѳея.

— Это?—Утята въ камышѣ... а не то змѣи.

Вдругъ голова коренника замоталась, уши навострились, онъ зафыркалъ, заворошился.

— Но-но-но-но! — внезапно заоралъ во все горло Филоѳей, и приподнялся, и замахалъ кнутомъ. Тарантасъ тотчасъ сдернуло съ мѣста, онъ рванулся впередъ, наперерѣзъ рѣчной волнѣ—и пошелъ, дрыгая и колыхаясь... Сперва мнѣ показалось, что мы погружаемся, идемъ въ глубь, однако, послѣ двухъ-трехъ толчковъ и нырковъ, водная гладь какъ будто вдругъ понизилась... Она понижалась все больше и больше, тарантасъ выросталъ изъ нея, — вотъ уже показались колеса и конскіе хвосты — и вотъ, вздымая сильные и крупные брызги, алмазными — нѣтъ, не алмазными—сапфирными снопами разлетавшіеся

въ матовомъ блескѣ луны, — весело и дружно выхватили насъ лошади на песчаный берегъ и пошли по дорогѣ въ гору, вперебивку переступая глянцовитыми мокрыми ногами.

— Что — пришло мнѣ въ голову — скажетъ теперь Филоѳей: а вѣдь я былъ правъ! — или что-нибудь въ этомъ родѣ? Но онъ ничего не сказалъ. Потому и я не почелъ за нужное упрекнуть его въ неосторожности и, уложившись спать на сѣнѣ, опять попытался заснуть.

Но я не могъ заснуть, не потому, что не усталъ отъ охоты—и не потому, что испытанная мною тревога разогнала мой сонъ,—а ужъ очень красивыми мѣстами намъ приходилось ѣхать. То были раздольные, пространные, поемные, травянистые луга, со множествомъ небольшихъ лужаекъ, озерецъ, ручейковъ, заводей, заросшихъ по концамъ ивнякомъ и лозами,—прямо русскія, русскимъ людомъ любимыя мѣста, подобныя тѣмъ, куда ѣзживали богатыри нашихъ древнихъ былинъ стрѣлять бѣлыхъ лебедей и сѣрыхъ утицъ. Желтоватой лентой вилась наѣзженная дорога, лошади бѣжали легко — и я не могъ сомкнуть глаза,—любовался! И все это такъ мягко и стройно плыло мимо, подъ дружелюбной луной. — Филоѳея—и того проняло.

— Эти у насъ луга Святоегорьевскими прозываются,— обратился онъ ко мнѣ.—А за ними—такъ Великокняжескіе пойдутъ; другихъ такихъ луговъ по всей Расѣи нѣту... Ужъ на что красиво! — Кореннякъ фыркнулъ и встряхнулся...—Господь съ тобою!..—промолвилъ Филоѳей степенно и вполголоса.—На что красиво!—повторилъ онъ и вздохнулъ, а потомъ протяжно крякнулъ.—Вотъ, скоро сѣнокосы начнутся, и что тутъ этого самаго сѣна нагребутъ— бѣда! — А въ заводяхъ рыбы тоже много. — Лещи такіе!—прибавилъ онъ нараспѣвъ. — Одно слово: умирать не надо.

Онъ вдругъ поднялъ руку.

— Эва! — глянь-ка! надъ озеромъ-то... аль чапля стоитъ? неужели она и ночью рыбу ловитъ? Эхъ-ма! сукъ

это — не чапля. Вотъ, маху-то далъ! а все мѣсяцъ обманываетъ.

Такъ мы ѣхали, ѣхали... Но вотъ, ужъ и конецъ подошелъ лугамъ, показались лѣсочки, распаханныя поля; деревушка въ сторонѣ мигнула двумя-тремя огоньками,— до большой дороги оставалось всего верстъ пять.—Я заснулъ.

Снова я не самъ собой проснулся. На этотъ разъ меня разбудилъ голосъ Филоѳея.

— Баринъ... а, баринъ!

Я приподнялся.—Тарантасъ стоялъ на ровномъ мѣстѣ, по самой серединѣ большой дороги; обернувшись съ козелъ ко мнѣ лицомъ, широко раскрывъ глаза — (я даже удивился, я не воображалъ, что они у него такіе большіе)—Филоѳей значительно и таинственно шепталъ:

— Стучитъ!.. Стучитъ!

— Что ты говоришь?

— Я говорю: стучитъ! — Нагнитесь-ка и послухайте. Слышите?

Я высунулъ голову изъ тарантаса, притаилъ дыханіе:— и дѣйствительно, услыхалъ гдѣ-то далеко — далеко за нами — слабый, прерывистый стукъ, какъ бы отъ катившихся колесъ.

— Слышите?—повторилъ Филоѳей.

— Ну, да,—отвѣтилъ я.—Ѣдетъ какой-то экипажъ.

— А не слышите... чу! Во... бубенцы... и свистъ тоже... Слышите? Да шапку-то снимите... слышнѣй будетъ.

Я шапки не снялъ, но приникъ ухомъ.

— Ну, да... можетъ - быть. — Да что жъ изъ этого?

Филоѳей повернулся лицомъ къ лошадямъ.

— Телѣга катитъ... налегкѣ, колеса кованныя, — промолвилъ онъ и подобралъ вожжи. — Это, баринъ, недобрые люди ѣдутъ; здѣсь вѣдь, подъ Тулой, шалятъ... много.

— Какой вздоръ! Почему ты полагаешь, что это непремѣнно недобрые люди?

— Вѣрно говорю. — Съ бубенцами... да въ пустой телѣгѣ... Кому быть?

— А что—до Тулы еще далеко?

— Да верстъ еще пятнадцать будетъ, и жилья тутъ никакого нѣту.

— Ну, такъ ступай живѣе, нечего мѣшкать-то.

Филоѳей взмахнулъ кнутомъ, и тарантасъ опять покатился.

Хотя я не далъ вѣры Филоѳею, однако заснуть уже не могъ. — А что, если въ самомъ дѣлѣ? — Непріятное чувство шевельнулось во мнѣ. — Я сѣлъ въ тарантасѣ — до тѣхъ поръ я лежалъ — и сталъ глядѣть по сторонамъ. Пока я спалъ, тонкій туманъ набѣжалъ, — не на землю, на небо; онъ стоялъ высоко, мѣсяцъ въ немъ повисъ бѣловатымъ пятномъ, какъ бы въ дымѣ. Все потускнѣло и смѣшалось, хотя къ низу было видиѣе. — Кругомъ —плоскія, унылыя мѣста: поля, все поля, кое-гдѣ кустики, овраги — и опять поля, и больше все паръ, съ рѣдкой, сорной травою. Пусто... мертво! Хоть бы перепелъ гдѣ крикнулъ.

Ѣхали мы съ полчаса.—Филоѳей то и дѣло помахивалъ кнутомъ и чмокалъ губами, но ни онъ, ни я, мы не говорили ни слова. — Вотъ, взобрались мы на пригорокъ... Филоѳей остановилъ тройку — и тотчасъ же примолвилъ:

— Стучитъ... Стучи-итъ, баринъ!

Я опять высунулся изъ тарантаса; но я бы могъ остаться подъ навѣсомъ балчука, до того теперь явственно, хотя еще издалека, доносился до слуха моего стукъ телѣжныхъ колесъ, людской посвистъ, бряцанье бубенчиковъ и даже топотъ конскихъ ногъ; даже пѣнье и смѣхъ почудились мнѣ. Вѣтеръ, правда, тянулъ оттуда, но не было сомнѣнья въ томъ, что незнакомые проѣзжіе на цѣлую версту, — а можетъ, и на двѣ — стали къ намъ ближе.

Мы съ Филоѳеемъ переглянулись, — онъ только шляпу сдвинулъ съ затылка на лобъ и тотчасъ же, нагнувшись надъ вожжами, принялся стегать лошадей. Онѣ пустились вскачь, но долго скакать не могли и опять побѣжали рысью.—Филоѳей продолжалъ стегать ихъ. Надо жъ было уходить!

Я не могъ себѣ дать отчета, почему въ этотъ разъ я, сначала не раздѣлявшій подозрѣній Филоѳея, вдругъ получилъ убѣжденіе, что слѣдомъ за нами ѣхали, точно, недобрые люди... Ничего новаго не услыхалъ я: тѣ же бубенцы, тотъ же стукъ ненагруженной телѣги, то же посвистываніе, тотъ же смутный гамъ... Но я теперь уже не сомнѣвался.—Филоѳей не могъ ошибиться!

И вотъ, опять прошло минутъ двадцать... Въ теченіе послѣднихъ изъ этихъ двадцати минутъ сквозь стукъ и грохотъ собственнаго экипажа намъ уже слышался другой стукъ и другой грохотъ...

— Остановись, Филоѳей,—сказалъ я:—все равно—одинъ конецъ!

Филоѳей трусливо тпрукнулъ.—Лошади мгновенно стали, какъ бы обрадовавшись возможности отдохнуть!

Батюшки! бубенцы просто ревутъ за самой нашей спиною, телѣга гремитъ съ дребезгомъ, люди свистятъ, кричатъ и поютъ, лошади фыркаютъ и бьютъ копытами землю...

Нагнали!

— Би-и-да,—съ разстановкой, вполголоса, промолвилъ Филоѳей—и нерѣшительно чмокнувъ, сталъ понукать лошадей. Но въ это самое мгновенье что-то вдругъ словно сорвалось, рявкнуло, ухнуло,—и большущая развалистая телѣга, запряженная тройкой поджарыхъ коней, круто, вихремъ обогнула насъ, заскакала впередъ и тотчасъ пошла шагомъ, загораживая дорогу.

— Самая разбойничья повадка,—прошепталъ Филоѳей.

Признаться, у меня на сердцѣ захолонуло... Принялся я глядѣть, съ напряженіемъ,—въ полумракѣ луннаго, парами застланнаго свѣта. Въ телѣгѣ, передъ нами, не то сидѣло, не то лежало человѣкъ шесть въ рубахахъ, въ армякахъ нараспашку; у двоихъ на головахъ не было шапокъ; большія ноги въ сапогахъ болтались, свѣсившись черезъ грядку, руки поднимались, падали, зря... тѣла тряслись... Явное дѣло: пьяный народъ. Иные горланили—такъ, что ни попало; одинъ свисталъ очень пронзительно и чисто, другой ругался; на облучкѣ сидѣлъ

воронки, и, съ веселымъ шумомъ и ревомъ, изъ оврага въ оврагъ клубятся потоки...

Однако, пора кончить. Кстати—заговорилъ я о веснѣ: весной легко разставаться, весной и счастливыхъ тянетъ вдаль... Прощайте, читатель; желаю вамъ постояннаго благополучія.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подвач., д. 1.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ СОБРАНІЮ ЕГО РОМАНОВЪ, 1880 ГОДА *).

Рѣшившись въ предстоящемъ изданіи (1880 г.) помѣстить всѣ написанные мною романы—(Рудинъ, Дворянское гнѣздо, Наканунѣ, Отцы и Дѣти, Дымъ, Новь) въ послѣдовательномъ порядкѣ, считаю не лишнимъ объяснить, въ немногихъ словахъ, почему я это сдѣлалъ. — Мнѣ хотѣлось дать тѣмъ изъ моихъ читателей, которые возьмутъ на себя трудъ прочесть эти шесть романовъ сподрядъ, возможность наглядно убѣдиться, насколько справедливы критики, упрекавшіе меня въ измѣненіи однажды принятаго направленія, въ отступничествѣ и т. п. Мнѣ, напротивъ, кажется, что меня скорѣе можно упрекнуть въ излишнемъ постоянствѣ и какъ бы прямолинейности направленія. Авторъ «Рудина», написаннаго въ 1855-мъ году,—и авторъ «Нови», написаннаго въ 1876-мъ, является однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Въ теченіе всего этого времени, я стремился, насколько хватило силъ и умѣнія, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащіе типы — и то, что Шекспиръ называетъ: the body and pressure of time **), и ту быстро измѣнявшуюся физіономію русскихъ людей культурнаго слоя, который преимущественно служилъ предметомъ моихъ наблюденій.— Насколько это мнѣ удалось—не мнѣ судить, но смѣю думать, что читатели не усомнятся теперь въ искренности и однородности моихъ стремленій.

Позволю себѣ прибавить нѣсколько краткихъ замѣчаній о каждомъ изъ этихъ шести романовъ, замѣчаній, не лишенныхъ, быть-можетъ, нѣкотораго интереса.

«Рудинъ», написанный мною въ деревнѣ, въ самый разгаръ крымской кампаніи, имѣлъ успѣхъ чисто-литературный не столько

*) Помѣщено въ томѣ III изданія 1880 года, и перепечатано въ томѣ I посмертнаго изданія.

**) «Самый образъ и давленіе времени».

въ самой редакціи «Современника», гдѣ онъ былъ помѣщенъ, сколько внѣ ея. Помнится, покойный Некрасовъ, выслушавъ мое чтеніе, сказалъ мнѣ: «ты затѣялъ что-то новое; но, между нами, по секрету, скученъ твой Рудинъ».--Правда, нѣсколько недѣль спустя, тотъ же Некрасовъ, говоря со мною о только-что написанной имъ поэмѣ: «Саша», замѣтилъ, что — «ты, молъ, увидишь, я въ ней до нѣкоторой степени подражаю твоему «Рудину»—но вѣдь ты не разсердишься».—Помню также, что меня очень изумило письмо Сенковскаго (барона Брамбеуса), котораго я чуждался, какъ вся тогдашняя молодая школа — и который отнесся къ «Рудину» съ великимъ сочувствіемъ.

«Дворянское гнѣздо» имѣло самый большой успѣхъ, который когда-либо выпалъ мнѣ на долю. Со времени появленія этого романа, я сталъ считаться въ числѣ писателей, заслуживающихъ вниманія публики.

Гораздо меньшій успѣхъ имѣло «Наканунѣ»—хотя ни одинъ изъ моихъ романовъ не вызвалъ столько статей въ журналахъ. (Самою выдающеюся была, конечно, статья Добролюбова.) — Покойный Н. Ф. Павловъ сильно раскритиковалъ меня—а другому, нынѣ также покойному критику, нѣкоему Дарагану, дали даже обѣдъ по подпискѣ въ благодарность за весьма строгую статью о «Наканунѣ», въ которой онъ особенно настаивалъ на безнравственности главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Появилось нѣсколько эпиграммъ; одна острота особенно часто повторялась: мое произведеніе потому-де названо «Наканунѣ», что оно вышло наканунѣ хорошаго романа.

Прошу позволенія у читателей разсказать—именно по поводу этого «Наканунѣ»—небольшой эпизодъ изъ моей литературной жизни.

Почти весь 55-й годъ (такъ же какъ предшествовавшіе три года)—я безвыѣздно провелъ въ своей деревнѣ, во Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Изъ числа моихъ сосѣдей самымъ мнѣ близкимъ человѣкомъ былъ нѣкто Василій Каратѣевъ, молодой помѣщикъ 25-ти лѣтъ. Каратѣевъ былъ романтикъ, энтузіастъ, большой любитель литературы и музыки, одаренный притомъ своеобразнымъ юморомъ, влюбчивый, впечатлительный и прямой. Онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ и жилъ въ деревнѣ у своего отца, на котораго каждые три года находила хандра въ родѣ сумасшествія. У Каратѣева была сестра,—очень замѣчательное существо—которая тоже кончила сумасшествіемъ. Всѣ эти лица давно уже умерли; — оттого я такъ свободно говорю о нихъ. Каратѣевъ заставлялъ себя заниматься хозяйствомъ — въ которомъ ровно ничего не смыслилъ — и особенно

любилъ чтеніе да разговоры съ людьми ему симпатичными. Такихъ людей оказывалось немного. Сосѣдямъ онъ не нравился за вольнодумство и насмѣшливый языкъ;—къ тому-жъ они боялись знакомить его съ своими дочерьми и женами, такъ какъ за нимъ упрочилась репутація—въ сущности вовсе имъ не заслуженная—репутація опаснаго волокиты. Ко мнѣ онъ ѣздилъ часто—и его посѣщенія доставляли мнѣ почти единственное развлеченіе и удовольствіе въ тогдашнюю, для меня не слишкомъ веселую, пору.

Когда настала крымская война и произошелъ рекрутскій наборъ на дворянство, названный ополченіемъ—не жаловавшіе Каратѣева дворяне нашего уѣзда, согласились, какъ говорится, упечь его—и выбрали въ офицеры этого самаго ополченія. Узнавъ о своемъ назначеніи, Каратѣевъ пріѣхалъ ко мнѣ. Меня тотчасъ поразилъ его разстроенный и встревоженный видъ. Первымъ его словомъ было: «я оттуда не вернусь; я этого не вынесу; я умру тамъ».—Здоровьемъ онъ похвалиться не могъ: грудь у него постоянно болѣла, и сложенія онъ былъ слабаго. Хотя я самъ боялся за него всѣхъ трудностей похода, однако я постарался разсѣять его мрачныя предчувствія и началъ увѣрять его, что не пройдетъ и года — и мы снова сойдемся въ нашемъ захолустьѣ, будемъ опять видѣться, толковать и спорить попрежнему. Но онъ упорно настаивалъ на своемъ—и послѣ довольнопродолжительной прогулки въ моемъ саду, вдругъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «У меня есть до васъ просьба. Вы знаете, что я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, но вы не знаете, что со мной произошла тамъ исторія, которая возбудила во мнѣ желаніе разсказать ее—и самому себѣ, и другимъ. Я попытался это сдѣлать; но я долженъ былъ убѣдиться, что у меня нѣтъ никакого литературнаго таланта—и все дѣло разрѣшилось тѣмъ, что я написалъ эту тетрадку, которую я передаю въ ваши руки». Сказавши это, онъ вынулъ изъ кармана небольшую тетрадку, страницъ въ пятнадцать. «Такъ какъ я увѣренъ», продолжалъ онъ: «несмотря на всѣ ваши дружескія утѣшенія, что я не вернусь изъ Крыма, то, будьте такъ добры, возьмите эти наброски и сдѣлайте изъ нихъ что-нибудь, что не пропало бы безслѣдно, какъ пропаду я!» — Я сталъ-было отказываться; но видя, что мой отказъ его огорчаетъ, далъ ему слово исполнить его волю, и въ тотъ же вечеръ, по отъѣздѣ Каратѣева, пробѣжалъ оставленную имъ тетрадку. Въ ней бѣглыми штрихами было намѣчено то, что составило потомъ содержаніе «Наканунѣ». Разсказъ, впрочемъ, не былъ доведенъ до конца и обрывался круто. Каратѣевъ, во время своего пребыва-

лія въ Москвѣ, влюбился въ одну дѣвушку, которая отвѣчала ему взаимностью; но, познакомившись съ болгариномъ Катрановымъ (лицомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, нѣкогда весьма извѣстнымъ и до сихъ поръ не забытымъ на своей родинѣ)— полюбила его и уѣхала съ нимъ въ Болгарію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ.—Исторія этой любви была передана искренно—хотя неумѣло. Каратѣевъ, дѣйствительно, не былъ рожденъ литераторомъ. Одна только сцена, именно: поѣздка въ Царицыно, была набросана довольно живо—и я въ моемъ романѣ сохранилъ ея главныя черты. Правда, въ то время въ моей головѣ вращались другіе образы: я собирался писать «Рудина»; но та задача, которую я потомъ постарался выполнить въ «Наканунѣ», изрѣдка возникала передо мною. Фигура главной героини, Елены, тогда еще новаго типа въ русской жизни, довольно ясно обрисовывалась въ моемъ воображеніи; но недоставало героя, такого лица, которому Елена, при ея еще смутномъ, хотя сильномъ стремленіи къ свободѣ, могла предаться. Прочтя тетрадку Каратѣева, я невольно воскликнулъ: «вотъ тотъ герой, котораго я искалъ!»— Между тогдашними русскими такого еще не было. Когда на слѣдующій день я увидѣлъ Каратѣева, я не только подтвердилъ ему мое рѣшеніе исполнить его просьбу—но и поблагодарилъ его за то, что онъ вывелъ меня изъ затрудненія и внесъ лучъ свѣта въ мои, еще до тѣхъ поръ темныя, соображенія и измышленія. Каратѣевъ этому обрадовался и, повторивъ еще разъ: «не дайте этому всему умереть», — уѣхалъ на службу въ Крымъ, откуда онъ, къ глубокому моему сожалѣнію, не вернулся. Предчувствія его сбылись. Онъ умеръ отъ тифа на стоянкѣ близъ Гнилого-Моря, гдѣ было помѣщено — въ землянкахъ — наше орловское ополченіе, не видавшее во все время войны ни одного непріятеля и тѣмъ не менѣе потерявшее отъ различныхъ болѣзней около половины своихъ людей. Я, однако, отложилъ исполненіе своего обѣщанія: я занялся другой работой; кончивши «Рудина», — я принялся за «Дворянское гнѣздо»; и только зимою, съ 58-го на 59-й годъ, очутившись снова въ той же деревнѣ и въ той же обстановкѣ, какъ и во время моего знакомства съ Каратѣевымъ, я почувствовалъ, что уснувшія впечатлѣнія зашевелились; я отыскалъ, я перечелъ его тетрадку; отступившіе на второй планъ образы выступили снова на первый—и я тотчасъ же принялся за перо. Нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ тогда же стало извѣстнымъ все то, что я теперь разсказалъ;—но я считаю своей обязанностью нынѣ, при окончательномъ изданіи моихъ романовъ, подѣлиться этимъ и съ публикой, и тѣмъ заплатить хотя позднюю дань памяти моего бѣднаго молодого друга.

И вотъ какимъ образомъ болгаринъ сдѣлался героемъ моего романа. А гг. критики дружно упрекали меня въ дѣланности и безжизненности этого лица, удивлялись моей странной затѣѣ выбрать именно болгарина, спрашивали: почему? съ какой стати? какой смыслъ? — Ларчикъ просто открывался — но я не почелъ тогда нужнымъ входить въ дальнѣйшія объясненія.

Объ «Отцахъ и Дѣтяхъ», кажется, нѣтъ нужды говорить подробно: этому роману посвящена цѣлая глава моихъ «Литературныхъ и житейскихъ Воспоминаній». — Замѣчу одно: вотъ уже семнадцать лѣтъ прошло со времени появленія «Отцовъ и Дѣтей»; а, сколько можно судить, взглядъ критики на это произведеніе все еще не установился — и не далѣе какъ въ прошломъ году я, по поводу Базарова, могъ прочесть въ одномъ журналѣ, что я не что иное, какъ «башп-бузукъ, добивающій не имъ раненыхъ».—Правда, это сказалъ тотъ самый г. Антоновичъ, который, вскорѣ послѣ появленія «Отцовъ и Дѣтей», утверждалъ, что г. Аскоченскій предвосхитилъ содержаніе моего романа.

«Дымъ», хотя успѣхъ имѣлъ довольно значительный, однако возбудилъ противъ меня большое негодованье. Особенно сильны были упреки въ недостаткѣ патріотизма, въ оскорбленіи роднаго края и т. п. Опять появились эпиграммы. Самъ Ѳ. И. Тютчевъ—дружбой котораго я всегда гордился и горжусь донынѣ—счелъ нужнымъ написать стихотвореніе, въ которомъ оплакивалъ ложную дорогу, избранную мною. Оказалось, что я одинаково, хотя съ различныхъ точекъ зрѣнія, оскорбилъ и правую, и лѣвую сторону нашей читающей публики. Я нѣсколько усомнился въ самомъ себѣ и умолкъ на нѣкоторое время.

Что же касается до «Нови»—то, я полагаю, не для чего настаивать на томъ, какимъ дружнымъ осужденіемъ было встрѣчено это мое послѣднее, столь трудно доставшееся мнѣ произведеніе. За исключеніемъ двухъ, трехъ отзывовъ — писанныхъ, не печатныхъ,—я ни отъ кого не слышалъ ничего, кромѣ хулы. Сперва увѣряли, что я все это выдумалъ: что живя почти постоянно за границей, я потерялъ всякое пониманіе русской жизни, русскаго человѣка; что одно лишь мелкое самолюбіе да склонность къ популярничанью водили моимъ перомъ; одинъ журналистъ поспѣшилъ объявить, что всякій порядочный человѣкъ долженъ непремѣнно плюнуть на мою книгу и тутъ же попрать ее ногами *). А потомъ, послѣ извѣстнаго процесса,

*) Одинъ рецензентъ пошелъ еще далѣе. По поводу нѣкоторыхъ статей о переводахъ «Нови» — появившихся за границей, онъ произнесъ слѣдующее изреченіе: «пускай иностранцы о немъ статьи пишутъ; а мы даже плюнуть на него не хотимъ». — Экая скупость, подумаешь!

оправдавшаго большую часть того, что называли моими выдумками, судьи мои принялись толковать другое: будто я самъ чуть ли не участвовалъ въ тѣхъ неблагонамѣренныхъ замыслахъ, и ужъ конечно зналъ о нихъ, ибо въ противномъ случаѣ — какъ бы могъ я предвидѣть и предсказать заранѣе?! и т. д., и т. д.—Все это потомъ пришло понемногу въ равновѣсіе; и во время моего послѣдняго пребыванія въ Россіи, я могъ убѣдиться, что, не отступая отъ нѣкоторыхъ, несомнѣнно справедливыхъ обвиненій, главнымъ образомъ основанныхъ на моемъ удаленіи отъ родины, большинство моихъ соотечественниковъ не считаетъ мой послѣдній романъ вполнѣ безполезнымъ или вреднымъ, или достойнымъ одного презрѣнія.

Такъ и оправдались на мнѣ слова покойнаго Бѣлинскаго, которыя онъ часто любилъ повторять: «всякій человѣкъ рано или поздно попадаетъ въ свою полочку».

«Was ist der langen Rede kurzer Sinn?»—Къ чему клонится вся эта рѣчь? спроситъ, пожалуй, иной читатель. — Во-первыхъ — къ оправданію того намѣренія, которое было выражено мною въ первыхъ же строкахъ настоящаго предисловія;— а во-вторыхъ, къ слѣдующему выводу, внушенному мнѣ многолѣтнимъ опытомъ: критика наша, особенно въ послѣднее время, не можетъ предъявить притязанія на непогрѣшимость — и тотъ писатель, кто слушается *ея одной*, — подвергается опасности испортить свое дарованіе. Главный ея грѣхъ состоитъ въ томъ, что она не свободна. Не могу кстати не высказать своего мнѣнія о «безсознательномъ и сознательномъ творчествѣ», о «предвзятыхъ идеяхъ и тенденціяхъ», о «пользѣ объективности, непосредственности и наивности» — обо всѣхъ этихъ «жалкихъ» словахъ, которыя, изъ какихъ бы авторитетныхъ устъ они ни исходили, всегда казались мнѣ общими мѣстами, ходячей риторической монетой, которая потому только не считается за фальшивую, что ее слишкомъ многіе принимаютъ за настоящую. Всякій писатель, *не лишенный таланта*—(это, конечно, первое условіе) — всякій писатель, говорю, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни, всякій читатель имѣетъ право судить, насколько онъ въ этомъ успѣлъ, и гдѣ ошибся;—но кто имѣетъ право указывать ему, какія именно впечатлѣнія годятся въ литературу, и какія нѣтъ? Коли онъ правдивъ — значитъ онъ правъ; а коли у него нѣтъ таланта—никакая «объективность» ему не поможетъ. У насъ теперь развелись сочинители, которые сами почитаютъ себя «безсознательными творцами» — и выбираютъ все «жизненные» сюжеты; а между тѣмъ насквозь

проникнуты именно этой злополучной «тенденціей». — Всѣмъ извѣстно изреченіе: *поэтъ мыслитъ образами:* это изреченіе совершенно неоспоримо и вѣрно.—но на какомъ основаніи? Вы, его критикъ и судья, дозволяете ему образно воспроизводить картину природы, что́ ли, народную жизнь, цѣльную натуру — (вотъ еще *жалкое* слово!); — а коснись онъ чего-нибудь смутнаго, психологически-сложнаго, даже болѣзненнаго—особенно если это не частный фактъ, а выдвинуто изъ глубины нѣдръ своихъ тою же самой народной, общественной жизнью, — вы кричите: стой! это никуда не годится, это — рефлексія, предвзятая идея, это — политика! публицистика!—Вы утверждаете, что у публициста и у поэта задачи разныя... Нѣтъ! онѣ могутъ быть совершенно одинаковы у обоихъ; только публицистъ смотритъ на нихъ глазами публициста, а поэтъ — глазами поэта. Въ дѣлѣ искусства вопросъ: какъ?—важнѣе вопроса: что́? Если все отвергаемое вами—*образомъ*, замѣтьте: *образомъ*—ложится въ душу писателя — то съ какой стати вы заподазриваете его намѣренія, почему выталкиваете его вонъ изъ того храма, гдѣ на разубранныхъ алтаряхъ возсѣдаютъ жрецы «безсознательнаго» искусства—на алтаряхъ, передъ которыми курится ѳиміамъ, часто зажженный собственными руками этихъ самыхъ жрецовъ? — Повѣрьте: талантъ настоящій—никогда не служитъ посторонникъ цѣлямъ и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе — онъ является ея *сосредоточеннымъ отраженіемъ;* но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль... Въ концѣ-концовъ — это ниже его. Подчиниться заданной тэмѣ или проводить программу—могутъ только тѣ, которые другого, лучшаго не умѣютъ.

И. Т.

Парижъ.—Августъ, 1879.

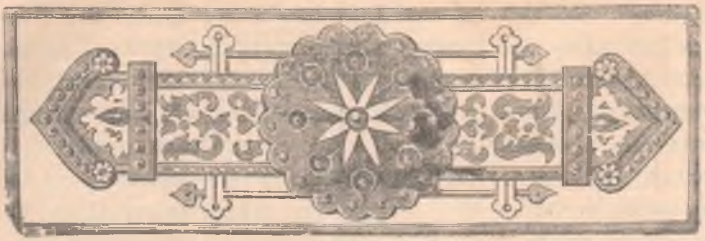
ОТЦЫ и ДѢТИ.

РОМАНЪ ВЪ XXVIII ГЛАВАХЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

(НАПИСАНО ВЪ 1861 ГОДУ).

I.

— Что, Петръ? не видать еще?—спрашивалъ, 20-го мая 1859 года, выходя безъ шапки на низкое крылечко постоялаго двора на *** шоссе, баринъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, въ запыленномъ пальто и клѣтчатыхъ панталонахъ, у своего слуги, молодого и щекастаго малаго съ бѣловатымъ пухомъ на подбородкѣ и маленькими тусклыми глазенками.

Слуга, въ которомъ все: и бирюзовая сережка въ ухѣ, и напомаженные разноцвѣтные волосы, и учтивыя тѣлодвиженія, словомъ, все изобличало человѣка новѣйшаго, усовершенствованнаго поколѣнія, посмотрѣлъ снисходительно вдоль дороги и отвѣтствовалъ: „никакъ нѣтъ-съ, не видать".

— Не видать?—повторилъ баринъ.

— Не видать,—вторично отвѣтствовалъ слуга.

Баринъ вздохнулъ и присѣлъ на скамеечку. Познакомимъ съ нимъ читателя, пока онъ сидитъ, подогнувши подъ себя ножки и задумчиво поглядывая кругомъ.

Зовутъ его Николаемъ Петровичемъ Кирсановымъ. У него въ пятнадцати верстахъ отъ постоялаго дворика хорошее имѣніе въ двѣсти душъ, или, какъ онъ выражается, съ тѣхъ поръ, какъ размежевался съ крестьянами и завелъ

„ферму“,—въ двѣ тысячи десятинъ земли. Отецъ его, боевой генералъ 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой, русскій человѣкъ, всю жизнь свою тянулъ лямку, командовалъ сперва бригадой, потомъ дивизіей, и постоянно жилъ въ провинціи, гдѣ въ силу своего чина игралъ довольно значительную роль. Николай Петровичъ родился на югѣ Россіи, подобно старшему своему брату Павлу, о которомъ рѣчь впереди, и воспитывался до четырнадцатилѣтняго возраста дома, окруженный дешевыми гувернёрами, развязными, но подобострастными адъютантами и прочими полковыми и штабными личностями. Родительница его, изъ фамиліи Колязиныхъ, въ дѣвицахъ Agathe, а въ генеральшахъ Агаѳоклея Кузьминишна Кирсанова, принадлежала къ числу „матушекъ-командиршъ“, носила пышные чепцы и шумныя шелковыя платья, въ церкви подходила первая ко кресту, говорила громко и много, допускала дѣтей утромъ къ ручкѣ, на ночь ихъ благословляла,—словомъ, жила въ свое удовольствіе. Въ качествѣ генеральскаго сына, Николай Петровичъ—хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужилъ прозвище трусишки — долженъ былъ, подобно брату Павлу, поступить въ военную службу; но онъ переломилъ себѣ ногу въ самый тотъ день, когда уже прибыло извѣстіе объ его опредѣленіи, и, пролежавъ два мѣсяца въ постели, на всю жизнь остался „хроменькимъ“. Отецъ махнулъ на него рукой и пустилъ его по штатской. Онъ повезъ его въ Петербургъ, какъ только ему минулъ восемнадцатый годъ, и помѣстилъ его въ университетъ. Кстати, братъ его о-ту пору вышелъ офицеромъ въ гвардейскій полкъ. Молодые люди стали жить вдвоемъ, на одной квартирѣ, подъ отдаленнымъ надзоромъ двоюроднаго дяди съ материнской стороны, Ильи Колязина, важнаго чиновника. Отецъ ихъ вернулся къ своей дивизіи и къ своей супругѣ, и лишь изрѣдка присылалъ сыновьямъ большія четвертушки сѣрой бумаги, испещренныя размашистымъ писарскимъ почеркомъ. На концѣ этихъ четвертушекъ красовались, старательно окруженныя „выкрутасами“ слова: „Піотръ Кирсановъ, генералъ-маіоръ“. Въ 1835 году Николай Петро-

вичъ вышелъ изъ университета кандидатомъ и въ томъ же году генералъ Кирсановъ, уволенный въ отставку за неудачный смотръ, пріѣхалъ въ Петербургъ съ женой на житье. Онъ нанялъ-было домъ у Таврическаго сада и записался въ англійскій клубъ, но внезапно умеръ отъ удара. Агаѳоклея Кузьминишна скоро за нимъ послѣдовала: она не могла привыкнуть къ глухой столичной жизни; тоска отставного существованія ее загрызла. Между тѣмъ, Николай Петровичъ успѣлъ, еще при жизни родителей и къ немалому ихъ огорченію, влюбиться въ дочку чиновника Преполовенскаго, бывшаго хозяина его квартиры, миловидную и, какъ говорится, развитую дѣвицу: она въ журналахъ читала серьезныя статьи въ отдѣлѣ „Наукъ“. Онъ женился на ней, какъ только минулъ срокъ траура, и, покинувъ министерство удѣловъ, куда по протекціи отецъ его записалъ, блаженствовалъ со своею Машей сперва на дачѣ около Лѣсного института, потомъ въ городѣ, въ маленькой и хорошенькой квартирѣ, съ чистою лѣстницей и холодноватою гостиной, наконецъ — въ деревнѣ, гдѣ онъ поселился окончательно, и гдѣ у него въ скоромъ времени родился сынъ, Аркадій. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не разставались, читали вмѣстѣ, играли въ четыре руки на фортепіано, пѣли дуэты; она сажала цвѣты и наблюдала за птичнымъ дворомъ, онъ изрѣдка ѣздилъ на охоту и занимался хозяйствомъ, а Аркадій росъ да росъ — тоже хорошо и тихо. Десять лѣтъ прошло какъ сонъ. Въ 47-мъ году жена Кирсанова скончалась. Онъ едва вынесъ этотъ ударъ, посѣдѣлъ въ нѣсколько недѣль; собрался-было за границу, чтобы хотя немного разсѣяться... но тутъ насталъ 48-й годъ. Онъ поневолѣ вернулся въ деревню и послѣ довольно продолжительнаго бездѣйствія занялся хозяйственными преобразованіями. Въ 55-мъ году онъ повезъ сына въ университетъ; прожилъ съ нимъ три зимы въ Петербургѣ, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства съ молодыми товарищами Аркадія. На послѣднюю зиму онъ пріѣхать не могъ, — и вотъ, мы видимъ его въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года, уже совсѣмъ сѣдого, пухленькаго

и немного сгорбленнаго: онъ ждетъ сына, получившаго, какъ нѣкогда онъ самъ, званіе кандидата.

Слуга, изъ чувства приличія, а можетъ-быть и не желая остаться подъ барскимъ глазомъ, зашелъ подъ ворота и закурилъ трубку. Николай Петровичъ поникъ головой и началъ глядѣть на ветхія ступеньки крылечка: крупный, пестрый цыпленокъ степенно расхаживалъ по нимъ, крѣпко стуча своими большими желтыми ногами; запачканная кошка недружелюбно посматривала на него, жеманно прикорнувъ на перила. Солнце пекло: изъ полутемныхъ сѣней постоялаго дворика несло запахомъ теплаго ржаного хлѣба. Замечтался пашъ Николай Петровичъ. „Сынъ... кандидатъ... Аркаша...“ безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ; онъ пытался думать о чемъ-нибудь другомъ, и опять возвращались тѣ же мысли. Вспомнилась ему покойница-жена... „Не дождалась!“ шепнулъ онъ уныло... Толстый сизый голубь прилетѣлъ на дорогу и поспѣшно отправился пить въ лужицу возлѣ колодца. Николай Петровичъ сталъ глядѣть на него, а ухо его уже ловило стукъ приближающихся колесъ...

— Никакъ они ѣдутъ-съ,—доложилъ слуга, вынырнувъ изъ-подъ воротъ.

Николай Петровичъ вскочилъ и устремилъ глаза вдоль дороги. Показался тарантасъ, запряженный тройкой ямскихъ лошадей; въ тарантасѣ мелькнулъ околышъ студентской фуражки, знакомый очеркъ дорогого лица...

— Аркаша! Аркаша! — закричалъ Кирсановъ, и побѣжалъ, и замахалъ руками... Нѣсколько мгновеній спустя, его губы уже прильнули къ безбородой, запыленной и загорѣлой щекѣ молодого кандидата.

II.

— Дай же отряхнуться, папаша,—говорилъ нѣсколько сиплымъ отъ дороги, но звонкимъ юношескимъ голосомъ Аркадій, весело отвѣчая на отцовскія ласки:—я тебя всего запачкаю.

— Ничего, ничего,—твердилъ, умиленно улыбаясь, Николай Петровичъ, и раза два ударилъ рукою по ворот-

нику сыновней шинели и по собственному пальто. — Покажи-ка себя, покажи-ка, — прибавилъ онъ, отодвигаясь, и тотчасъ же пошелъ торопливыми шагами къ постоялому двору, приговаривая: „вотъ сюда, сюда, да лошадей поскорѣе“.

Николай Петровичъ казался гораздо встревоженнѣе своего сына; онъ словно потерялся немного, словно оробѣлъ. Аркадій остановилъ его.

— Папаша,— сказалъ онъ: — позволь познакомить тебя съ моимъ добрымъ пріятелемъ, Базаровымъ, о которомъ я тебѣ такъ часто писалъ. Онъ такъ любезенъ, что согласился погостить у насъ.

Николай Петровичъ быстро обернулся и, подойдя къ человѣку высокаго роста въ длинномъ балахонѣ съ кистями, только-что вылѣзшему изъ тарантаса, крѣпко стиснулъ его обнаженную, красную руку, которую тотъ не сразу ему подалъ.

— Душевно радъ,—началъ онъ:—и благодаренъ за доброе намѣреніе посѣтить насъ; надѣюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Евгеній Васильевъ,—отвѣчалъ Базаровъ лѣнивымъ, но мужественнымъ голосомъ, и, отвернувъ воротникъ балахона, показалъ Николаю Петровичу все свое лицо. Длинное и худое, съ широкимъ лбомъ, кверху плоскимъ, книзу заостреннымъ носомъ, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочнаго цвѣта, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоувѣренность и умъ.

— Надѣюсь, любезнѣйшій Евгеній Васильичъ, что вы не соскучитесь у насъ,—продолжалъ Николай Петровичъ.

Тонкія губы Базарова чуть тронулись, но онъ ничего не отвѣчалъ и только приподнялъ фуражку. Его темно-бѣлокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупныхъ выпуклостей просторнаго черепа.

— Такъ какъ же, Аркадій,—заговорилъ опять Николай Петровичъ, оборачиваясь къ сыну:—сейчасъ закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть хотите?

— Дома отдохнемъ, папаша; вели закладывать.

— Сейчасъ, сейчасъ, — подхватилъ отецъ.—Эй, Петръ, слышишь? Распорядись, братецъ, поживѣе.

Петръ, который въ качествѣ усовершенствованнаго слуги не подошелъ къ ручкѣ барича, а только издали поклонился ему, снова скрылся подъ воротами.

— Я здѣсь съ коляской, но и для твоего тарантаса есть тройка, — хлопотливо говорилъ Николай Петровичъ, между тѣмъ какъ Аркадій пилъ воду изъ желѣзнаго ковшика, принесеннаго хозяйкой постоялаго двора, а Базаровъ закурилъ трубку и подошелъ къ ямщику, отпрягавшему лошадей: — только коляска двухмѣстная, и вотъ я не знаю, какъ твой пріятель...

— Онъ въ тарантасѣ поѣдетъ, — перебилъ вполголоса Аркадій. — Ты съ нимъ, пожалуйста, не церемонься. Онъ чудесный малый, такой простой—ты увидишь.

Кучеръ Николая Петровича вывелъ лошадей.

— Ну, поворачивайся, толстобородый! — обратился Базаровъ къ ямщику.

— Слышь, Митюха,—подхватилъ другой, тутъ же стоявшій ямщикъ съ руками, засунутыми въ заднія прорѣхи тулупа:—баринъ-то тебя какъ прозвалъ? Толстобородый и есть.

Митюха только шапкой тряхнулъ и потащилъ вожжи съ потной коренной.

— Живѣй, живѣй, ребята, подсобляйте, — воскликнулъ Николай Петровичъ:—на водку будетъ!

Въ нѣсколько минутъ лошади были заложены; отецъ съ сыномъ помѣстились въ коляскѣ; Петръ взобрался на козлы; Базаровъ вскочилъ въ тарантасъ, уткнулся головой въ кожаную подушку,—и оба экипажа покатили.

III.

— Такъ вотъ какъ, наконецъ ты кандидатъ и домой пріѣхалъ,—говорилъ Николай Петровичъ, потрогивая Аркадія то по плечу, то по колѣну.—Наконецъ!

— А что дядя? здоровъ?—спросилъ Аркадій, которому, несмотря на искреннюю, почти дѣтскую радость, его наполнявшую, хотѣлось поскорѣе перевести разговоръ съ настроенія взволнованнаго на обыденное.

— Здоровъ. Онъ хотѣлъ-было выѣхать со мной къ тебѣ навстрѣчу, да почему-то раздумалъ.

— А ты долго меня ждалъ?—спросилъ Аркадій.

— Да часовъ около пяти.

— Добрый папаша!

Аркадій живо повернулся къ отцу и звонко поцѣловалъ его въ щеку. Николай Петровичъ тихонько засмѣялся.

— Какую я тебѣ славную лошадь приготовилъ!—началъ онъ:—ты увидишь. И комната твоя оклеена обоями.

— А для Базарова комната есть?

— Найдется и для него.

— Пожалуйста, папаша, приласкай его. Я не могу тебѣ выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.

— Ты недавно съ нимъ познакомился?

— Недавно.

— То-то прошлою зимой я его не видалъ. Онъ чѣмъ занимается?

— Главный предметъ его—естественныя науки. Да онъ все знаетъ. Онъ въ будущемъ году хочетъ держать на доктора.

— А! онъ по медицинскому факультету,—замѣтилъ Николай Петровичъ и помолчалъ. — Петръ,—прибавилъ онъ и протянулъ руку:—это, никакъ, наши мужики ѣдутъ?

Петръ глянулъ въ сторону, куда указывалъ баринъ. Нѣсколько телѣгъ, запряженныхъ разнузданными лошадьми, шибко катились по узкому проселку. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по одному, много по два мужика въ тулупахъ нараспашку.

— Точно такъ-съ,—промолвилъ Петръ.

— Куда это они ѣдутъ, въ городъ, что ли?

— Полагать надо, что въ городъ. Въ кабакъ,—прибавилъ онъ презрительно и слегка наклонился къ кучеру, какъ бы ссылаясь на него. Но тотъ даже не пошевельнулся: это былъ человѣкъ стараго закала, не раздѣлявшій новѣйшихъ воззрѣній.

— Хлопоты у меня большія съ мужиками въ нынѣшнемъ году,—продолжалъ Николай Петровичъ, обращаясь къ сыну.—Не платятъ оброка. Что ты будешь дѣлать?

— А своими наемными работниками ты доволенъ?

— Да,—процѣдилъ сквозь зубы Николай Петровичъ.— Подбиваютъ ихъ, вотъ что̀ бѣда; ну, и настоящаго старанія все еще нѣту. Сбрую портятъ. Пахали, впрочемъ, ни чего. Перемелется — мука будетъ. Да развѣ тебя теперь хозяйство занимаетъ?

— Тѣни нѣтъ у васъ, вотъ что горе,—замѣтилъ Аркадій, не отвѣчая на послѣдній вопросъ.

— Я съ сѣверной стороны надъ балкономъ большую маркизу придѣлалъ,—промолвилъ Николай Петровичъ:— теперь и обѣдать можно на воздухѣ.

— Что-то на дачу больно похоже будетъ... а впрочемъ, это все пустяки. Какой зато здѣсь воздухъ. Какъ славно пахнетъ! Право, мнѣ кажется, нигдѣ въ мірѣ такъ не пахнетъ, какъ въ здѣшнихъ краяхъ! Да и небо здѣсь...

Аркадій вдругъ остановился, бросилъ косвенный взглядъ назадъ и умолкъ.

— Конечно,—замѣтилъ Николай Петровичъ:—ты здѣсь родился, тебѣ все должно казаться здѣсь чѣмъ-то особеннымъ...

— Ну, папаша, это все равно, гдѣ бы человѣкъ ни родился.

— Однако...

— Нѣтъ, это совершенно все равно.

Николай Петровичъ посмотрѣлъ сбоку на сына, и коляска проѣхала съ полверсты, прежде чѣмъ разговоръ возобновился между ними.

— Не помню, писалъ ли я тебѣ,—началъ Николай Петровичъ:—твоя бывшая нянюшка, Егоровна, скончалась.

— Неужели? Бѣдная старуха! А Прокофьичъ живъ?

— Живъ и нисколько не измѣнился. Все такъ же брюзжитъ. Вообще ты большихъ перемѣнъ въ Марьинѣ не найдешь.

— Приказчикъ у тебя все тотъ же?

— Вотъ развѣ что приказчика я смѣнилъ. Я рѣшился не держать больше у себя вольноотпущенныхъ, бывшихъ дворовыхъ, или, по крайней мѣрѣ, не поручать имъ ни-

какихъ должностей, гдѣ есть отвѣтственность. (Аркадій указалъ глазами на Петра.) Il est libre, en effet,—замѣтилъ вполголоса Николай Петровичъ:—но вѣдь онъ—камердинеръ. Теперь у меня приказчикъ изъ мѣщанъ: кажется, дѣльный малый. Я ему назначилъ двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ. Впрочемъ,—прибавилъ Николай Петровичъ, потирая лобъ и брови рукою, что у него всегда служило признакомъ внутренняго смущенія: — я тебѣ сейчасъ сказалъ, что ты не найдешь перемѣнъ въ Марьинѣ... Это не совсѣмъ справедливо. Я считаю своимъ долгомъ предварить тебя, хотя...

Онъ запнулся на мгновенье и продолжалъ уже по-французски.

— Строгій моралистъ найдетъ мою откровенность неумѣстною, но, во-первыхъ, это скрыть нельзя, а во-вторыхъ, тебѣ извѣстно, у меня всегда были особенные принципы насчетъ отношеній отца къ сыну. Впрочемъ, ты, конечно, будешь въ правѣ осудить меня. Въ мои лѣта... Словомъ, эта... эта дѣвушка, про которую ты, вѣроятно, уже слышалъ...

— Ѳеничка?—развязно спросилъ Аркадій.

Николай Петровичъ покраснѣлъ.

— Не называй ея, пожалуйста, громко... Ну, да... она теперь живетъ у меня. Я ее помѣстилъ въ домѣ... тамъ были двѣ небольшія комнатки. Впрочемъ, это все можно перемѣнить.

— Помилуй, папаша, зачѣмъ?

— Твой пріятель у насъ гостить будетъ... неловко...

— Насчетъ Базарова ты, пожалуйста, не безпокойся. Онъ выше всего этого.

— Ну, ты, наконецъ, — проговорилъ Николай Петровичъ.—Флигелекъ-то плохъ—вотъ бѣда.

— Помилуй, папаша,—подхватилъ Аркадій:—ты какъ будто извиняешься; какъ тебѣ не совѣстно.

— Конечно, мнѣ должно быть совѣстно, — отвѣчалъ Николай Петровичъ, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Полно, папаша, полно, сдѣлай одолженіе!—Аркадій ласково улыбнулся. „Въ чемъ извиняется!“ подумалъ онъ

про себя, и чувство снисходительной нѣжности къ доброму и мягкому отцу, смѣшанное съ ощущеніемъ какого-то тайнаго превосходства, наполнило его душу.—Перестань, пожалуйста, — повторилъ онъ еще разъ, невольно наслаждаясь сознаніемъ собственной развитости и свободы.

Николай Петровичъ глянулъ на него изъ-подъ пальцевъ руки, которою онъ продолжалъ тереть себѣ лобъ, и что-то кольнуло его въ сердце... Но онъ тутъ же обвинилъ себя.

— Вотъ это ужъ наши поля пошли,—проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— А это впереди, кажется, нашъ лѣсъ? — спросилъ Аркадій.

— Да, нашъ. Только я его продалъ. Въ нынѣшнемъ году его свозить будутъ.

— Зачѣмъ ты его продалъ?

— Деньги были нужны; притомъ же эта земля отходитъ къ мужикамъ.

— Которые тебѣ оброка не платятъ?

— Это ужъ ихъ дѣло; а впрочемъ, — будутъ же они когда-нибудь платить.

— Жаль лѣса, — замѣтилъ Аркадій и сталъ глядѣть кругомъ.

Мѣста, по которымъ они проѣзжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля, тянулись вплоть до самаго небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-гдѣ виднѣлись небольшіе лѣса, и, усѣянные рѣдкимъ и низкимъ кустарникомъ, вились овраги, напоминая глазу ихъ собственное изображеніе на старинныхъ планахъ Екатерининскаго времени. Попадались и рѣчки съ обрытыми берегами, и крошечные пруды съ худыми плотинами, и деревеньки съ низкими избенками подъ темными, часто до половины разметанными крышами, и покрившіеся молотильные сарайчики съ плетеными изъ хвороста стѣнами и зѣвающими воротищами возлѣ опустѣлыхъ гуменъ, и церкви, то кирпичныя съ отвалившеюся кое-гдѣ штукатуркой, то деревянныя съ наклонившимися крестами и разоренными кладбищами. Сердце Аркадія

понемногу сжималось. Какъ нарочно, мужички встрѣчались все обтерханные, на плохихъ клячонкахъ; какъ нищіе въ лохмотьяхъ, стояли придорожныя ракиты съ ободранною корой и обломанными вѣтвями; исхудалыя, шершавыя, словно обглоданныя, коровы жадно щипали траву по канавамъ. Казалось, онѣ только что вырвались изъ чьихъ-то грозныхъ, смертоносныхъ когтей — и, вызванный жалкимъ видомъ обезсиленныхъ животныхъ, среди весенняго краснаго дня, вставалъ бѣлый призракъ безотрадной, безконечной зимы съ ея метелями, морозами и снѣгами... „Нѣтъ“, подумалъ Аркадій, „не богатый край этотъ, не поражаетъ онъ ни довольствомъ, ни трудолюбіемъ; нельзя, пельзя ему такъ остаться, преобразованія необходимы... но какъ ихъ исполнить, какъ приступить?..“

Такъ размышлялъ Аркадій... а пока онъ размышлялъ, весна брала свое. Все кругомъ золотисто зеленѣло, все широко и мягко волновалось и лоснилось подъ тихимъ дыханіемъ теплаго вѣтерка, все—деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми, звонкими струйками заливались жаворонки; чибисы то кричали, вiясь надъ низменными лугами, то молча перебѣгали по кочкамъ; красиво чернѣя въ нѣжной зелени еще низкихъ яровыхъ хлѣбовъ, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побѣлѣвшей, лишь изрѣдка выказывались ихъ головы въ дымчатыхъ ея волнахъ. Аркадій глядѣлъ, глядѣлъ, и понемногу ослабѣвая, исчезали его размышленія... Онъ сбросилъ съ себя шинель, и такъ весело, такимъ молоденькимъ мальчикомъ посмотрѣлъ на отца, что тотъ опять его обнялъ.

— Теперь ужъ недалеко,—замѣтилъ Николай Петровичъ: — вотъ стоитъ только на эту горку подняться, и домъ будетъ виденъ. Мы заживемъ съ тобой на славу, Аркаша: ты мнѣ помогать будешь по хозяйству, если только это тебѣ не наскучитъ. Намъ надобно теперь тѣсно сойтись другъ съ другомъ, узнать другъ друга хорошенько, не правда ли?

— Конечно,—промолвилъ Аркадій:—но что за чудный день сегодня!

— Для твоего пріѣзда, душа моя. Да, весна въ пол-

помъ блескѣ. А впрочемъ, я согласенъ съ Пушкинымъ—помнишь, въ Евгеніи Онѣгинѣ:

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое...

— Аркадій!—раздался изъ тарантаса голосъ Базарова:—пришли мнѣ спичку, нечѣмъ трубку раскурить.

Николай Петровичъ умолкъ, а Аркадій, который началъ-было слушать его не безъ нѣкотораго изумленія, но и не безъ сочувствія, поспѣшилъ достать изъ кармана серебряную коробочку со спичками и послалъ ее Базарову съ Петромъ.

— Хочешь сигарку?—закричалъ опять Базаровъ.

— Давай,—отвѣчалъ Аркадій.

Петръ вернулся къ коляскѣ и вручилъ ему вмѣстѣ съ коробочкой толстую, черную сигарку, которую Аркадій немедленно закурилъ, распространяя вокругъ себя такой крѣпкій и кислый запахъ заматерѣлаго табаку, что Николай Петровичъ, отроду не курившій, поневолѣ, хотя незамѣтно, чтобы не обидѣть сына, отворачивалъ носъ.

Четверть часа спустя оба экипажа остановились передъ крыльцомъ новаго деревяннаго дома, выкрашеннаго сѣрою краской и покрытаго желѣзною, краспою крышей. Это и было Марьино, Новая-Слободка тожъ, или по крестьянскому наименованью, Бобылій-Хуторъ.

IV.

Толпа дворовыхъ не высыпала на крыльцо встрѣчать господъ; показалась всего одна дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, а вслѣдъ за ней вышелъ изъ дому молодой парень, очень похожій на Петра, одѣтый въ сѣрую ливрейную куртку съ бѣлыми гербовыми пуговицами, слуга Павла Петровича Кирсанова. Онъ молча отворилъ дверцу коляски и отстегнулъ фартукъ тарантаса. Николай Петровичъ съ сыномъ и съ Базаровымъ отправились черезъ темную и почти пустую залу, изъ-за двери которой мелькнуло молодое женское лицо, въ гостиную, убранную уже въ новѣйшемъ вкусѣ.

— Вотъ мы и дома,—промолвилъ Николай Петровичъ, снимая картузъ и встряхивая волосами. — Главное, надо теперь поужинать и отдохнуть.

— Поѣсть, дѣйствительно, не худо,—замѣтилъ потягиваясь Базаровъ и опустился на диванъ.

— Да, да, ужинать давайте, ужинать поскорѣе. — Николай Петровичъ безъ всякой видимой причины потопалъ ногами.—Вотъ кстати и Прокофьичъ.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, бѣловолосый, худой и смуглый, въ коричневомъ фракѣ съ мѣдными пуговицами и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ. Онъ осклабился, подошелъ къ ручкѣ къ Аркадію, и, поклонившись гостю, отступилъ къ двери и положилъ руки за спину.

— Вотъ онъ, Прокофьичъ, — началъ Николай Петровичъ: — пріѣхалъ къ намъ наконецъ... Что? какъ ты его находишь?

— Въ лучшемъ видѣ-съ,—проговорилъ старикъ и осклабился опять, но тотчасъ же нахмурилъ свои густыя брови.— На столъ накрывать прикажете?—проговорилъ онъ внушительно.

— Да, да, пожалуйста. Но не пройдете ли вы сперва въ вашу комнату, Евгеній Васильичъ?

— Нѣтъ, благодарствуйте, не зачѣмъ. Прикажите только чемоданишко мой туда стащить, да вотъ эту одежёнку,— прибавилъ онъ, снимая съ себя свой балахонъ.

— Очень хорошо. Прокофьичъ, возьми же ихъ шинель. (Прокофьичъ, какъ бы съ недоумѣніемъ, взялъ обѣими руками базаровскую „одежёнку“ и, высоко подпявъ ее надъ головою, удалился на цыпочкахъ.) А ты, Аркадій, пойдешь къ себѣ на минутку?

— Да, надо почиститься,—отвѣчалъ Аркадій и направился было къ дверямъ, но въ это мгновеніе вошелъ въ гостиную человѣкъ средняго роста, одѣтый въ темный англійскій *сьютъ*, модный низенькій галстукъ и лайковые полусапожки, Павелъ Петровичъ Кирсановъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ пять: его коротко остриженные, сѣдые волосы отливали темнымъ блескомъ, какъ новое серебро; лицо его, желчное, но безъ морщинъ, не-

обыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонкимъ и легкимъ рѣзцомъ, являло слѣды красоты замѣчательной: особенно хороши были свѣтлые, черные, продолговатые глаза. Весь обликъ Аркадіева дяди, изящный и породистый, сохранилъ юношескую стройность и то стремленіе вверхъ, прочь отъ земли, которое большею частью исчезаетъ послѣ двадцатыхъ годовъ.

Павелъ Петровичъ вынулъ изъ кармана панталонъ свою красивую руку съ длинными розовыми ногтями, руку, казавшуюся еще красивѣй отъ снѣжной бѣлизны рукавчика, застегнутаго одинокимъ, крупнымъ опаломъ, и подалъ ее племяннику. Совершивъ предварительно европейское „shake hands“, онъ три раза, по-русски, поцѣловался съ нимъ, то-есть, три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щекъ, и проговорилъ:

— Добро пожаловать.

Николай Петровичъ представилъ его Базарову: Павелъ Петровичъ слегка наклонилъ свой гибкій станъ и слегка улыбнулся, но руки не подалъ и даже положилъ ее обратно въ карманъ.

— Я уже думалъ, что вы не пріѣдете сегодня,—заговорилъ онъ пріятнымъ голосомъ, любезно покачиваясь, подергивая плечами и показывая прекрасные бѣлые зубы.— Развѣ что на дорогѣ случилось?

— Ничего не случилось, — отвѣчалъ Аркадій: — такъ, замѣшкались немного. Зато мы теперь голодны, какъ волки. Поторопи Прокофьича, папаша, а я сейчасъ вернусь.

— Постой, я съ тобой пойду,—воскликнулъ Базаровъ, внезапно порываясь съ дивана. Оба молодые человѣка вышли.

— Кто сей?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Пріятель Аркаши, очень, по его словамъ, умный человѣкъ.

— Онъ у насъ гостить будетъ?

— Да.

— Этотъ волосатый?

— Ну, да.

Павелъ Петровичъ постучалъ ногтями по столу:

— Я нахожу, что Аркадій s'est dégourdi, — замѣтилъ онъ.—Я радъ его возвращенію.

За ужиномъ разговаривали мало. Особенно Базаровъ почти ничего не говорилъ, но ѣлъ много. Николай Петровичъ разсказывалъ разные случаи изъ своей, какъ онъ выражался, фермерской жизни, толковалъ о предстоящихъ правительственныхъ мѣрахъ, о комитетахъ, о депутатахъ, о необходимости заводить машины и т. д. Павелъ Петровичъ медленно похаживалъ взадъ и впередъ по столовой (онъ никогда не ужиналъ), изрѣдка отхлебывая изъ рюмки, наполненной краснымъ виномъ, и еще рѣже произнося какое-нибудь замѣчаніе или скорѣе восклицаніе, въ родѣ „а! эге! гм!“ Аркадій сообщилъ нѣсколько петербургскихъ новостей, но онъ ощущалъ небольшую неловкость, ту неловкость, которая обыкновенно овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ только-что пересталъ быть ребенкомъ и возвратился въ мѣсто, гдѣ привыкли видѣть и считать его ребенкомъ. Онъ безъ нужды растягивалъ свою рѣчь, избѣгалъ слова „папаша“ и даже разъ замѣнилъ его словомъ „отецъ“, произнесеннымъ, правда, сквозь зубы; съ излишнею развязностью налилъ себѣ въ стаканъ гораздо больше вина, чѣмъ самому хотѣлось, и выпилъ все вино. Прокофьичъ не спускалъ съ него глазъ и только губами пожевывалъ. Послѣ ужина всѣ тотчасъ разошлись.

— А чудаковатъ у тебя дядя,—говорилъ Аркадію Базаровъ, сидя въ халатѣ возлѣ его постели и насасывая короткую трубочку.—Щегольство какое въ деревнѣ, подумаешь! Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!

— Да вѣдь ты не знаешь,—отвѣтилъ Аркадій:—вѣдь онъ львомъ былъ въ свое время. Я когда-нибудь разскажу тебѣ его исторію. Вѣдь онъ красавцемъ былъ, голову кружилъ женщинамъ.

— Да, вотъ что! По старой, значитъ, памяти. Плѣнять-то здѣсь, жаль, некого. Я все смотрѣлъ: этакіе у него удивительные воротнички, точно каменные, и подбородокъ такъ аккуратно выбритъ. Аркадій Николаичъ, вѣдь это смѣшно?

— Пожалуй; только онъ, право, хорошій человѣкъ.

— Архаическое явленіе! А отецъ у тебя славный малый. Стихи онъ напрасно читаетъ, и въ хозяйствѣ вридъ ли смыслитъ, но онъ добрякъ.

— Отецъ у меня золотой человѣкъ.

— Замѣтилъ ли ты, что онъ робѣетъ?

Аркадій качнулъ головою, какъ будто онъ самъ не робѣлъ.

— Удивительное дѣло, — продолжалъ Базаровъ: — эти старенькіе романтики! Разовьютъ въ себѣ первую систему до раздраженія... ну, равновѣсіе и нарушено. Однако, прощай! Въ моей комнатѣ англійскій рукомойникъ, а дверь не запирается. Все-таки это поощрять надо — англійскіе рукомойники, то-есть, прогрессъ!

Базаровъ ушелъ, а Аркадіемъ овладѣло радостное чувство. Сладко засыпать въ родимомъ домѣ, на знакомой постели, подъ одѣяломъ, надъ которымъ трудились любимыя руки, быть-можетъ, руки пянюшки, тѣ ласковыя, добрыя и неутомимыя руки. Аркадій вспомнилъ Егоровну, и вздохнулъ, и пожелалъ ей царствія небеснаго... О себѣ онъ не молился.

И онъ, и Базаровъ заснули скоро, но другія лица въ домѣ долго еще не спали. Возвращеніе сына взволновало Николая Петровича. Онъ легъ въ постель, но не загасилъ свѣчки и, подперши рукою голову, думалъ долгія думы. Братъ его сидѣлъ далеко за полночь въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ гамбсовомъ креслѣ, передъ каминомъ, въ которомъ слабо тлѣлъ каменный уголь. Павелъ Петровичъ не раздѣлся, только китайскія красныя туфли безъ задковъ смѣнили на его ногахъ лаковые полусапожки. Онъ держалъ въ рукахъ послѣдній нумеръ *Galignani*, но онъ не читалъ; онъ глядѣлъ пристально въ каминъ, гдѣ, то замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя... Богъ знаетъ, гдѣ бродили его мысли, но не въ одномъ только прошедшемъ бродили онѣ: выраженіе его лица было сосредоточенно и угрюмо, чего не бываетъ, когда человѣкъ занятъ одними воспоминаніями. А въ маленькой задней комнатѣ, на большомъ сундукѣ, сидѣла, въ голу-

бой душегрѣйкѣ и съ наброшеннымъ бѣлымъ платкомъ на темныхъ волосахъ, молодая женщина, Ѳеничка, и, то прислушивалась, то дремала, то посматривала на растворенную дверь, изъ-за которой видиѣлась дѣтская кроватка и слышалось ровное дыханіе спящаго ребенка.

V.

На другое утро Базаровъ раньше всѣхъ проснулся и вышелъ изъ дома. „Эге!“ подумалъ онъ, посмотрѣвъ кругомъ, „мѣстечко-то не казисто“. Когда Николай Петровичъ размежевался съ своими крестьянами, ему пришлось отвести подъ новую усадьбу десятины четыре совершенно ровнаго и голаго поля. Онъ построилъ домъ, службы и ферму, разбилъ садъ, выкопалъ прудъ и два колодца; но молодыя деревца плохо принимались, въ прудѣ воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковатаго вкуса. Одна только бесѣдка изъ сиреней и акацій порядочно разрослась; въ ней иногда пили чай и обѣдали. Базаровъ въ нѣсколько минутъ обѣгалъ всѣ дорожки сада, зашелъ на скотный дворъ, на конюшню, отыскалъ двухъ дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми тотчасъ свелъ знакомство, и отправился съ ними въ небольшое болотце, съ версту отъ усадьбы, за лягушками.

— На что тебѣ лягушки, баринъ?—спросилъ его одинъ изъ мальчиковъ.

— А вотъ на что, — отвѣчалъ ему Базаровъ, который владѣлъ особеннымъ умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, хотя онъ никогда не потакалъ имъ и обходился съ ними небрежно: — я лягушку распластаю, да посмотрю, что у нея тамъ внутри дѣлается; а такъ какъ мы съ тобой тѣ же лягушки, только что на ногахъ ходимъ, я и буду знать, что и у насъ внутри дѣлается.

— Да на что тебѣ это?

— А чтобы не ошибиться, если ты занеможешь, и мнѣ тебя лѣчить придется.

— Развѣ ты дохтуръ?

— Да.

— Васька, слышь, баринъ говоритъ, что мы съ тобой тѣ же лягушки. Чудно!

— Я ихъ боюсь, лягушекъ-то,—замѣтилъ Васька, мальчикъ лѣтъ семи, съ бѣлою какъ ленъ головою, въ сѣромъ казакинѣ съ стоячимъ воротникомъ, и босой.

— Чего бояться? развѣ онѣ кусаются?

— Ну, полѣзайте въ воду, философы, — промолвилъ Базаровъ.

Между тѣмъ, Николай Петровичъ тоже проснулся и отправился къ Аркадію, котораго засталъ одѣтымъ. Отецъ и сынъ вышли на террасу подъ навѣсъ маркизы; возлѣ перилъ, на столѣ, между большими букетами сирени, уже кипѣлъ самоваръ. Явилась дѣвочка, та самая, которая накапунѣ первая встрѣтила пріѣзжихъ на крыльцѣ, и тонкимъ голосомъ проговорила:

— Ѳедосья Николавна не совсѣмъ здоровы, придти не могутъ; приказали васъ спросить, вамъ самимъ угодно разлить чай, или прислать Дуняшу?

— Я самъ разолью, самъ,— поспѣшно подхватилъ Николай Петровичъ. — Ты, Аркадій, съ чѣмъ пьешь чай, со сливками или съ лимономъ?

— Со сливками,— отвѣчалъ Аркадій и, помолчавъ немного, вопросительно произнесъ:—папаша?

Николай Петровичъ съ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на сына.

— Что?—промолвилъ онъ.

Аркадій опустилъ глаза.

— Извини, папаша, если мой вопросъ тебѣ покажется неумѣстнымъ, — началъ онъ: — но ты самъ, вчерашнею своею откровенностью, меня вызываешь на откровенность... ты не разсердишься?..

— Говори.

— Ты мнѣ даешь смѣлость спросить тебя... Не отъ того ли Ѳен... не оттого ли она не приходитъ сюда чай разливать, что я здѣсь?

Николай Петровичъ слегка отвернулся.

— Можетъ-быть, — проговорилъ онъ наконецъ: — она предполагаетъ... она стыдится...

Аркадій быстро вскинулъ глаза на отца.

— Напрасно жъ она стыдится. Во-первыхъ, тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей (Аркадію очень было пріятно произнести эти слова), а во-вторыхъ — захочу ли я хоть на волосъ стѣснять твою жизнь, твои привычки? Притомъ, я увѣренъ, ты не могъ сдѣлать дурной выборъ; если ты позволилъ ей жить съ тобой подъ одною кровлей, сталобыть она это заслуживаетъ: во всякомъ случаѣ, сынъ отцу не судья, и въ особенности я, и въ особенности такому отцу, который, какъ ты, никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ моей свободы.

Голосъ Аркадія дрожалъ сначала: онъ чувствовалъ себя великодушнымъ, однако въ то же время понималъ, что читаетъ нѣчто въ родѣ наставленія своему отцу; но звукъ собственныхъ рѣчей сильно дѣйствуетъ на человѣка, и Аркадій произнесъ послѣднія слова твердо, даже съ эффектомъ.

— Спасибо, Аркаша, — глухо заговорилъ Николай Петровичъ, и пальцы его опять заходили по бровямъ и по лбу. — Твои предположенія дѣйствительно справедливы. Конечно, если бъ эта дѣвушка не стоила... Это не легкомысленная прихоть. Мнѣ нелегко говорить съ тобой объ этомъ; но ты понимаешь, что ей трудно было придти сюда, при тебѣ, особенно въ первый день твоего пріѣзда.

— Въ такомъ случаѣ я самъ пойду къ ней,—воскликнулъ Аркадій съ новымъ приливомъ великодушныхъ чувствъ, и вскочилъ со стула. — Я ей растолкую, что ей нечего меня стыдиться.

Николай Петровичъ тоже всталъ.

— Аркадій,—началъ онъ:—сдѣлай одолженіе... какъ же можно... тамъ... Я тебя не предварилъ...

Но Аркадій уже не слушалъ его и убѣжалъ съ террасы. Николай Петровичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и въ смущеньи опустился на стулъ. Сердце его забилось... Представилась ли ему въ это мгновеніе неизбѣжная странность будущихъ отношеній между имъ и сыномъ, сознавалъ ли онъ, что едва ли не большее бы уваженіе оказалъ ему Аркадій, если бъ онъ вовсе не касался этого

дѣла, упрекалъ ли онъ самого себя въ слабости—сказать трудно; всѣ эти чувства были въ немъ, но въ видѣ ощущеній—и то неясныхъ; а съ лица не сходила краска, и сердце билось.

Послышались торопливые шаги, и Аркадій вошелъ на террасу.

— Мы познакомились, отецъ! — воскликнулъ онъ съ выраженіемъ какого-то ласковаго и добраго торжества на лицѣ. — Ѳедосья Николаевна, точно, сегодня не совсѣмъ здорова и придетъ попозже. Но какъ же ты не сказалъ мнѣ, что у меня есть братъ? Я бы уже вчера вечеромъ его расцѣловалъ, какъ я сейчасъ расцѣловалъ его.

Николай Петровичъ хотѣлъ что-то вымолвить, хотѣлъ подняться и раскрыть объятія... Аркадій бросился ему на шею.

— Что это? опять обнимаетесь? — раздался сзади ихъ голосъ Павла Петровича.

Отецъ и сынъ одинаково обрадовались появленію его въ эту минуту; бываютъ положенія трогательныя, изъ которыхъ все-таки хочется поскорѣе выйти.

— Чему жъ ты удивляешься? — весело заговорилъ Николай Петровичъ.—Въ кои-то вѣки дождался я Аркаши... Я со вчерашняго дня и насмотрѣться на него не успѣлъ.

— Я вовсе не удивляюсь, — замѣтилъ Павелъ Петровичъ:—я даже самъ не прочь съ нимъ обняться.

Аркадій подошелъ къ дядѣ и снова почувствовалъ на щекахъ своихъ прикосновеніе его душистыхъ усовъ. Павелъ Петровичъ присѣлъ къ столу. На немъ былъ изящный утренній, въ англійскомъ вкусѣ, костюмъ; на головѣ красовалась маленькая феска. Эта феска и небрежно повязанный галстучекъ намекали на свободу деревенской жизни; но тугіе воротнички рубашки, правда, не бѣлой, а пестренькой, какъ оно и слѣдуетъ для утренняго туалета, съ обычною неумолимостью упирались въ выбритый подбородокъ.

— Гдѣ же новый твой пріятель? — спросилъ онъ Аркадія.

— Его дома нѣтъ; онъ обыкновенно встаетъ рано и

отправляется куда-нибудь. Главное, не надо обращать на него вниманія: онъ церемоній не любитъ.

— Да, это замѣтно.—Павелъ Петровичъ началъ, не торопясь, намазывать масло на хлѣбъ.—Долго онъ у насъ прогоститъ?

— Какъ придется. Онъ заѣхалъ сюда по дорогѣ къ отцу.

— А отецъ его гдѣ живетъ?

— Въ нашей же губерніи, верстъ восемьдесятъ отсюда. У него тамъ небольшое имѣньице. Онъ былъ прежде полковымъ докторомъ.

— Тэ-тэ-тэ-тэ... То-то я все себя спрашивалъ: гдѣ слышалъ я эту фамилію: Базаровъ?.. Николай, помнится, въ батюшкиной дивизіи былъ лѣкарь Базаровъ?

— Кажется, былъ.

— Точно, точно. Такъ этотъ лѣкарь его отецъ. Гм!— Павелъ Петровичъ повелъ усами.—Ну, а самъ господинъ Базаровъ собственно что такое?—спросилъ онъ съ разстановкой.

— Что такое Базаровъ?—Аркадій усмѣхнулся.—Хотите, дядюшка, я вамъ скажу, что онъ собственно такое?

— Сдѣлай одолженіе, племянничекъ.

— Онъ нигилистъ.

— Какъ?—спросилъ Николай Петровичъ, а Павелъ Петровичъ поднялъ на воздухѣ ножъ съ кускомъ масла на концѣ лезвія, и остался неподвиженъ.

— Онъ нигилистъ,—повторилъ Аркадій.

— Нигилистъ,—проговорилъ Николай Петровичъ.—Это отъ латинскаго *nihil*, *ничего*, сколько я могу судить; стало быть, это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ?

— Скажи: который ничего не уважаетъ, — подхватилъ Павелъ Петровичъ, и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія,—замѣтилъ Аркадій.

— А это не все равно?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не все равно. Нигилистъ, это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, ко-

торый не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

— И что жъ, это хорошо? — перебилъ Павелъ Петровичъ.

— Смотря какъ кому, дядюшка. Иному отъ этого хорошо, а иному очень дурно.

— Вотъ какъ. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы, люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ принсѝповъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ. Аркадій, напротивъ, произносилъ „прѝнципъ, налегая на первый слогъ), безъ принсѝповъ принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться будемъ, господа... какъ бишь?

— Нигилисты,—отчетливо проговорилъ Аркадій.

— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотримъ, какъ вы будете существовать въ пустотѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ; а теперь позвони-ка, пожалуйста, братъ, Николай Петровичъ, мнѣ пора пить мой какао.

Николай Петровичъ позвонилъ и закричалъ: „Дуняша!“ Но вмѣсто Дуняши на террасу вышла сама Ѳеничка. Это была молодая женщина лѣтъ двадцати-трехъ, вся бѣленькая и мягкая, съ темными волосами и глазами, съ красными, дѣтски-пухлявыми губками и пѣжными ручками. На ней было опрятное ситцевое платье; голубая новая косынка легко лежала на ея круглыхъ плечахъ. Она несла большую чашку какао и, поставивъ ее передъ Павломъ Петровичемъ, вся застыдилась: горячая кровь разлилась алою волной подъ тонкою кожицей ея миловиднаго лица. Она опустила глаза и остановилась у стола, слегка опираясь на самые кончики пальцевъ. Казалось, ей и совѣстно было, что она пришла, и въ то же время она какъ будто чувствовала, что имѣла право придти.

Павелъ Петровичъ строго нахмурилъ брови, а Николай Петровичъ смутился.

— Здравствуй, Ѳеничка,—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Здравствуйте-съ, — отвѣтила она не громкимъ, но звучнымъ голосомъ и, глянувъ искоса на Аркадія, который дружелюбно ей улыбался, тихонько вышла. Она ходила немножко въ развалку, но и это къ ней пристало.

На террасѣ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній господствовало молчаніе. Павелъ Петровичъ похлебывалъ свой какао, и вдругъ поднялъ голову.

— Вотъ и господинъ нигилистъ къ намъ жалуетъ,— промолвилъ онъ вполголоса.

Дѣйствительно, по саду, шагая черезъ клумбы, шелъ Базаровъ. Его полотняное пальто и панталоны были запачканы въ грязи; цѣпкое болотное растеніе обвивало тулью его старой, круглой шляпы; въ правой рукѣ онъ держалъ небольшой мѣшокъ; въ мѣшкѣ шевелилось что-то живое. Онъ быстро приблизился къ террасѣ и, качнувъ головою, промолвилъ:

— Здравствуйте, господа; извините, что опоздалъ къ чаю; сейчасъ вернусь; надо вотъ этихъ плѣнницъ къ мѣсту пристроить.

— Что это у васъ, піявки? — спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушки.

— Вы ихъ ѣдите—или разводите?

— Для опытовъ,—равнодушно проговорилъ Базаровъ и ушелъ въ домъ.

— Это онъ ихъ рѣзать станетъ,—замѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Въ принсипы не вѣритъ, а въ лягушекъ вѣритъ.

Аркадій съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на дядю; Николай Петровичъ украдкой пожалъ плечомъ. Самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ, что сострилъ неудачно, и заговорилъ о хозяйствѣ и о новомъ управляющемъ, который наканунѣ приходилъ къ нему жаловаться, что работникъ Ѳома „дебоширничаетъ“ и отъ рукъ отбился. „Такой ужъ онъ Езопъ“, сказалъ онъ между прочимъ: „всюду протестовалъ себя дурнымъ человѣкомъ: поживетъ, и съ глупостью отойдетъ“.

VI.

Базаровъ вернулся, сѣлъ за столъ и началъ поспѣшно пить чай. Оба брата молча глядѣли на него, а Аркадій украдкой посматривалъ то на отца, то на дядю.

— Вы далеко отсюда ходили?—спросилъ наконецъ Николай Петровичъ.

— Тутъ у васъ болотце есть, возлѣ осиновой рощи. Я взогналъ штукъ пять бекасовъ; ты можешь убить ихъ, Аркадій.

— А вы не охотникъ?

— Нѣтъ.

— Вы собственно физикой занимаетесь?—спросилъ въ свою очередь Павелъ Петровичъ.

— Физикой, да; вообще естественными науками.

— Говорятъ, германцы, въ послѣднее время, сильно успѣли по этой части.

— Да, нѣмцы въ этомъ наши учители,—небрежно отвѣчалъ Базаровъ.

Слово: германцы, вмѣсто нѣмцы, Павелъ Петровичъ употребилъ ради иронiи, которой, однако, никто не замѣтилъ.

— Вы столь высокаго мнѣнiя о нѣмцахъ?—проговорилъ съ изысканною учтивостью Павелъ Петровичъ. Онъ начиналъ чувствовать тайное раздраженiе. Его аристократическую натуру возмущала совершенная развязность Базарова. Этотъ лѣкарскiй сынъ не только не робѣлъ, онъ даже отвѣчалъ отрывисто и неохотно, и въ звукѣ его голоса было что-то грубое, почти дерзкое.

— Тамошнiе ученые дѣльный народъ.

— Такъ, такъ. Ну, а объ русскихъ ученыхъ вы, вѣроятно, не имѣете столь лестнаго понятiя?

— Пожалуй, что такъ.

— Это очень похвальное самоотверженiе, — произнесъ Павелъ Петровичъ, выпрямляя станъ и закидывая голову назадъ. — Но какъ же намъ Аркадій Николаичъ сейчасъ сказывалъ, что вы не признаете никакихъ авторитетовъ? Не вѣрите имъ?

— Да зачѣмъ я стану ихъ признавать? И чему я буду вѣрить? Мнѣ скажутъ дѣло, я соглашаюсь—вотъ и все.

— А нѣмцы все дѣло говорятъ? — промолвилъ Павелъ Петровичъ, и лицо его приняло такое безучастное, отдаленное выраженіе, словно онъ весь ушелъ въ какую-то заоблачную высь.

— Не всѣ,—отвѣтилъ съ короткимъ зѣвкомъ Базаровъ, которому явно не хотѣлось продолжать словопреніе.

Павелъ Петровичъ взглянулъ на Аркадія, какъ бы желая сказать ему: „учтивъ твой другъ, признаться“.

— Что касается до меня,—заговорилъ онъ опять, не безъ нѣкотораго усилія: — я нѣмцевъ, грѣшный человѣкъ, не жалую. О русскихъ нѣмцахъ я уже не упоминаю: извѣстно, что это за птицы. Но и нѣмецкіе нѣмцы мнѣ не понутру. Еще прежніе туда-сюда; тогда у нихъ были—ну, тамъ Шиллеръ, что ли, *Гёте*... Братъ,—вотъ имъ особенно благопріятствуетъ... А теперь пошли все какіе-то химики да матеріалисты...

— Порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта,—перебилъ Базаровъ.

— Вотъ какъ,—промолвилъ Павелъ Петровичъ, и, словно засыпая, чуть-чуть приподнялъ брови. — Вы, стало-быть, искусства не признаете?

— Искусство наживать деньги, или нѣтъ болѣе геморроя!—воскликнулъ Базаровъ съ презрительною усмѣшкой.

— Такъ-съ, такъ-съ. Вотъ какъ вы изволите шутить. Это вы все стало-быть отвергаете? Положимъ. Значитъ, вы вѣрите въ одну науку?

— Я уже доложилъ вамъ, что ни во что не вѣрю; и что такое наука—наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, званія; а наука вообще не существуетъ вовсе.

— Очень хорошо-съ. Ну, а насчетъ другихъ, въ людскомъ быту принятыхъ постановленій, вы придерживаетесь такого же отрицательнаго направленія?

— Что это, допросъ?—спросилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ слегка поблѣднѣлъ... Николай Петровичъ почелъ должнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Мы когда-нибудь поподробнѣе побесѣдуемъ объ этомъ предметѣ съ вами, любезный Евгеній Васильичъ; и ваше мнѣніе узнаемъ, и свое выскажемъ. Съ своей стороны я очень радъ, что вы занимаетесь естественными науками. Я слышалъ, что Либихъ сдѣлалъ удивительныя открытія насчетъ удобренія полей. Вы можете мнѣ помочь въ моихъ агрономическихъ работахъ: вы можете дать мнѣ какой-нибудь полезный совѣтъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Николай Петровичъ; но куда намъ до Либиха! Сперва надо азбукѣ выучиться и потомъ уже взяться за книгу, а мы еще аза въ глаза не видали.

„Ну, ты, я вижу, точно нигилистъ“, подумалъ Николай Петровичъ.

— Все-таки позвольте прибѣгнуть къ вамъ при случаѣ,—прибавилъ онъ вслухъ.—А теперь намъ, я полагаю, братъ, пора пойти потолковать съ приказчикомъ.

Павелъ Петровичъ поднялся со стула.

— Да,—проговорилъ онъ, ни на кого не глядя:—бѣда пожить этакъ годковъ пять въ деревнѣ, въ отдаленіи отъ великихъ умовъ! какъ разъ дуракъ дуракомъ станешь. Ты стараешься не забыть того, чему тебя учили, а тамъ—хвать!—оказывается, что все это вздоръ, и тебѣ говорятъ, что путные люди этакими пустяками больше не занимаются, и что ты, молъ, отсталый колпакъ. Что дѣлать! Видно, молодежь, точно, умнѣе насъ.

Павелъ Петровичъ медленно повернулся на каблукахъ и медленно вышелъ; Николай Петровичъ отправился вслѣдъ за нимъ.

— Что, онъ всегда у васъ такой?—хладнокровно спросилъ Базаровъ у Аркадія, какъ только дверь затворилась за обоими братьями.

— Послушай, Евгеній, ты уже слишкомъ рѣзко съ нимъ обошелся,—замѣтилъ Аркадій.—Ты его оскорбилъ.

— Да, стану я ихъ баловать, этихъ уѣздныхъ аристократовъ! Вѣдь это все самолюбіе, львиныя привычки, фатство. Ну, продолжалъ бы свое поприще въ Петербургѣ, коли ужъ такой у него складъ... А, впрочемъ, Богъ съ

нимъ совсѣмъ! Я нашелъ довольно рѣдкій экземпляръ водяного жука, Dytiscus marginatus, знаешь? Я тебѣ его покажу.

— Я тебѣ обѣщался разсказать его исторію, — началъ Аркадій.

— Исторію жука?

— Ну, полно, Евгеній. Исторію моего дяди. Ты увидишь, что онъ не такой человѣкъ, какимъ ты его воображаешь. Онъ скорѣе сожалѣнія достоинъ, чѣмъ насмѣшки.

— Я не спорю; да что онъ тебѣ такъ дался?

— Надо быть справедливымъ, Евгеній.

— Это изъ чего слѣдуетъ?

— Нѣтъ, слушай...

И Аркадій разсказалъ ему исторію своего дяди. Читатель найдетъ ее въ слѣдующей главѣ.

VII.

Павелъ Петровичъ Кирсановъ воспитывался сперва дома, такъ же какъ и младшій братъ его, Николай, потомъ въ пажескомъ корпусѣ. Онъ съ дѣтства отличался замѣчательною красотой; къ тому же онъ былъ самоувѣренъ, немного насмѣшливъ и какъ-то забавно-жёлченъ—онъ не могъ не нравиться. Онъ началъ появляться всюду, какъ только вышелъ въ офицеры. Его носили на рукахъ, и онъ самъ себя баловалъ, даже дурачился, даже ломался; но и это къ нему шло. Женщины отъ него съ ума сходили, мужчины называли его фатомъ и втайнѣ завидовали ему. Онъ жилъ, какъ уже сказано, на одной квартирѣ съ братомъ, котораго любилъ искренно, хотя нисколько на него не походилъ. Николай Петровичъ прихрамывалъ, черты имѣлъ маленькія, пріятныя, но нѣсколько грустныя, небольшіе черные глаза и мягкіе жидкіе волосы; онъ охотно лѣнился, но и читалъ охотно, и боялся общества. Павелъ Петровичъ ни одного вечера не проводилъ дома, славился смѣлостію и ловкостію (онъ ввелъ было гимнастику въ моду между свѣтскою молодежью) и прочелъ всего пять, шесть французскихъ книгъ. На двадцать-восьмомъ году

отъ роду онъ уже былъ капитаномъ; блестящая карьера ожидала его. Вдругъ все измѣнилось.

Въ то время въ петербургскомъ свѣтѣ изрѣдка появлялась женщина, которую не забыли до сихъ поръ, княгиня Р. У ней былъ благовоспитанный и приличный, но глуповатый мужъ, и не было дѣтей. Она внезапно уѣзжала за границу, внезапно возвращалась въ Россію, вообще вела странную жизнь. Она слыла за легкомысленную кокетку, съ увлеченіемъ предавалась всякаго рода удовольствіямъ, танцовала до упаду, хохотала и шутила съ молодыми людьми, которыхъ принимала передъ обѣдомъ въ полумракѣ гостиной, а по ночамъ плакала и молилась, не находила нигдѣ покою, и часто до самаго утра металась по комнатѣ, тоскливо ломая руки, или сидѣла, вся блѣдная и холодная, надъ псалтыремъ. День наставалъ, и она снова превращалась въ свѣтскую даму, снова выѣзжала, смѣялась, болтала и точно бросалась навстрѣчу всему, что могло доставить ей малѣйшее развлеченіе. Она была удивительно сложена; ея коса золотого цвѣта и тяжелая, какъ золото, падала ниже колѣнъ, но красавицей ее никто бы не назвалъ; во всемъ ея лицѣ только и было хорошаго, что глаза, и даже не самые глаза—они были не велики и сѣры—по взглядъ ихъ, быстрый и глубокій, безпечный до удали и задумчивый до уныній,—загадочный взглядъ. Что-то необычайное свѣтилось въ немъ, даже тогда, когда языкъ ея лепеталъ самыя пустыя рѣчи. Одѣвалась она изысканно. Павелъ Петровичъ встрѣтилъ ее на одномъ балѣ, протанцовалъ съ ней мазурку, въ теченіе которой она не сказала ни одного путнаго слова, и влюбился въ нее страстно. Привыкшій къ побѣдамъ, онъ и тутъ скоро достигъ своей цѣли; но легкость торжества не охладила его. Напротивъ: онъ еще мучительнѣе, еще крѣпче привязался къ этой женщинѣ, въ которой, даже тогда, когда она отдавалась безвозвратно, все еще какъ будто оставалось что-то завѣтное и недоступное, куда никто не могъ проникнуть. Что гнѣздилось въ этой душѣ,—Богъ вѣсть! Казалось, она находилась во власти какихъ-то тайныхъ, для

ней самой невѣдомыхъ силъ; онѣ играли ею, какъ хотѣли; ея небольшой умъ не могъ сладить съ ихъ прихотью. Все ея поведеніе представляло рядъ несообразностей; единственныя письма, которыя могли бы возбудить справедливыя подозрѣнія ея мужа, она написала къ человѣку почти ей чужому, а любовь ея отзывалась печалью: она уже не смѣялась и не шутила съ тѣмъ, кого избирала, и слушала его и глядѣла на него съ недоумѣніемъ. Иногда, большею частью внезапно, это недоумѣніе переходило въ холодный ужасъ; лицо ея принимало выраженіе мертвенное и дикое; она запиралась у себя въ спальнѣ, и горничная ея могла слышать, припавъ ухомъ къ замку, ея глухія рыданія. Не разъ, возвращаясь къ себѣ домой послѣ нѣжнаго свиданія, Кирсановъ чувствовалъ на сердцѣ ту разрывающую и горькую досаду, которая поднимается въ сердцѣ послѣ окончательной неудачи. „Чего же хочу я еще?“ спрашивалъ онъ себя, а сердце все ныло. Онъ однажды подарилъ ей кольцо съ вырѣзаннымъ на камнѣ сфинксомъ.

— Что это?—спросила она:—сфинксъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ:—и этотъ сфинксъ—вы.

— Я?—спросила она, и медленно подняла на него свой загадочный взглядъ.—Знаете ли, что это очень лестно?—прибавила она съ незначительною усмѣшкой, а глаза глядѣли все такъ же странно.

Тяжело было Павлу Петровичу даже тогда, когда княгиня Р. его любила; но когда она охладѣла къ нему, а это случилось довольно скоро, онъ чуть съ ума не сошелъ. Онъ терзался и ревновалъ, не давалъ ей покою, таскался за ней повсюду; ей надоѣло его неотвязное преслѣдованіе, и она уѣхала за границу. Онъ вышелъ въ отставку, несмотря на просьбы пріятелей, на увѣщанія начальниковъ, и отправился вслѣдъ за княгиней; года четыре провелъ онъ въ чужихъ краяхъ, то гоняясь за нею, то съ намѣреніемъ теряя ее изъ виду; онъ стыдился самого себя, онъ негодовалъ на свое малодушіе... но ничто не помогало. Ея образъ, этотъ непонятный, почти безсмысленный, но обаятельный образъ слишкомъ глубоко внѣд-

рился въ его душу. Въ Баденѣ онъ какъ-то опять сошелся съ нею попрежнему; казалось, никогда еще она такъ страстно его не любила... но черезъ мѣсяцъ все уже было кончено: огонь вспыхнулъ въ послѣдній разъ, и угасъ навсегда. Предчувствуя неизбѣжную разлуку, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, остаться ей другомъ, какъ будто дружба съ такою женщиной была возможна... Она тихонько выѣхала изъ Бадена, и съ тѣхъ поръ постоянно избѣгала Кирсанова. Онъ вернулся въ Россію, попытался зажить старою жизнью, но уже не могъ попасть въ прежнюю колею. Какъ отравленный, бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто; онъ еще выѣзжалъ, онъ сохранилъ всѣ привычки свѣтскаго человѣка; онъ могъ похвастаться двумя, тремя новыми побѣдами; но онъ уже не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ другихъ, и ничего не предпринималъ. Онъ состарѣлся, посѣдѣлъ; сидѣть по вечерамъ въ клубѣ, желчно скучать, равнодушно поспорить въ холостомъ обществѣ, стало для него потребностію,—знакъ, какъ извѣстно, плохой. О женитьбѣ онъ, разумѣется, и не думалъ. Десять лѣтъ прошло такимъ образомъ, безцвѣтно, безплодно и быстро, страшно быстро. Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи; въ тюрьмѣ, говорятъ, оно бѣжитъ еще скорѣй. Однажды, за обѣдомъ, въ клубѣ, Павелъ Петровичъ узналъ о смерти княгини Р. Она скончалась въ Парижѣ, въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Онъ всталъ изъ-за стола и долго ходилъ по комнатамъ клуба, останавливаясь, какъ вкопанный, близъ карточныхъ игроковъ, но не вернулся домой раньше обыкновеннаго. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ пакетъ, адресованный на его имя: въ немъ находилось данное имъ княгинѣ кольцо. Она провела по сфинксу крестообразную черту, и велѣла ему сказать, что крестъ— вотъ разгадка.

Это случилось въ началѣ 48-го года, въ то самое время, когда Николай Петровичъ, лишившись жены, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Павелъ Петровичъ почти не видался съ братомъ съ тѣхъ поръ, какъ тотъ поселился въ деревнѣ: свадьба Николая Петровича совпала съ самыми первыми

днями знакомства Павла Петровича съ княгиней. Вернувшись изъ-за границы, онъ отправился къ нему съ намѣреніемъ погостить у него мѣсяца два, полюбоваться его счастіемъ, но выжилъ у него одну только недѣлю. Различіе въ положеніи обоихъ братьевъ было слишкомъ велико. Въ 48-мъ году это различіе уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павелъ Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось чувство правильно проведенной жизни, сынъ вырасталъ на его глазахъ; Павелъ, напротивъ, одинокій холостякъ, вступалъ въ то смутное, сумеречное время, время сожалѣній похожихъ на надежды, надеждъ похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла, а старость еще не пастала.

Это время было труднѣе для Павла Петровича, чѣмъ для всякаго другого: потерявъ свое прошедшее, онъ все потерялъ.

— Я не зову теперь тебя въ Марьино, — сказалъ ему однажды Николай Петровичъ (онъ назвалъ свою деревню этимъ именемъ въ честь жены): — ты и при покойницѣ тамъ соскучился, а теперь ты, я думаю, тамъ съ тоски пропадешь.

— Я былъ еще глупъ и суетливъ тогда,—отвѣчалъ Павелъ Петровичъ: — съ тѣхъ поръ я угомонился, если не поумнѣлъ. Теперь, напротивъ, если ты позволишь, я готовъ навсегда у тебя поселиться.

Вмѣсто отвѣта, Николай Петровичъ обнялъ его; по полтора года прошло послѣ этого разговора, прежде чѣмъ Павелъ Петровичъ рѣшился осуществить свое намѣреніе. Зато, поселившись однажды въ деревнѣ, онъ уже не покидалъ ея, даже и въ тѣ три зимы, которыя Николай Петровичъ провелъ въ Петербургѣ съ сыномъ. Онъ сталъ читать, все больше по-англійски; онъ вообще всю жизнь свою устроилъ на англійскій вкусъ, рѣдко видался съ сосѣдями и выѣзжалъ только на выборы, гдѣ онъ большею частію помалчивалъ, лишь изрѣдка дразня и пугая помѣщиковъ стараго покроя либеральными выходками и не сближаясь съ представителями новаго поколѣнія. И тѣ, и

другіе считали его гордецомъ; и тѣ, и другіе его уважали за его отличныя, аристократическія манеры, за слухи о его побѣдахъ; за то, что онъ прекрасно одѣвался и всегда останавливался въ лучшемъ номерѣ лучшей гостиницы; за то, что онъ вообще хорошо обѣдалъ, а однажды даже пообѣдалъ съ Веллингтономъ у Людовика-Филиппа; за то, что онъ всюду возилъ съ собою настоящій серебряный несессеръ и походную ванну; за то, что отъ него пахло какими-то необыкновенными, удивительно „благородными“ духами; за то, что онъ мастерски игралъ въ вистъ и всегда проигрывалъ; наконецъ, его уважали также за его безукоризненную честность. Дамы находили его очаровательнымъ меланхоликомъ, но онъ не знался съ дамами...

— Вотъ, видишь ли, Евгеній, — промолвилъ Аркадій, оканчивая свой разсказъ:—какъ несправедливо ты судишь о дядѣ! Я уже не говорю о томъ, что онъ не разъ выручалъ отца изъ бѣды, отдавалъ ему всѣ свои деньги,— имѣніе, ты, можетъ-быть, не знаешь, у нихъ не раздѣлено,—но онъ всякому радъ помочь и, между прочимъ, всегда вступается за крестьянъ: правда, говоря съ ними, онъ морщится и нюхаетъ одеколонъ...

— Извѣстное дѣло: нервы,—перебилъ Базаровъ.

— Можетъ-быть, только у него сердце предоброе. И онъ далеко не глупъ. Какіе онъ мнѣ давалъ полезные совѣты... особенно... особенно насчетъ отношеній къ женщинамъ.

— Ага! На своемъ молокѣ обжегся, на чужую воду дуетъ. Знаемъ мы это!

— Ну, словомъ, — продолжалъ Аркадій: — онъ глубоко несчастливъ, повѣрь мнѣ; презирать его—грѣшно.

— Да кто его презираетъ?—возразилъ Базаровъ.—А я все-таки скажу, что человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, этакой человѣкъ — не мужчина, но самецъ. Ты говоришь, что онъ несчастливъ: тебѣ лучше знать; но дурь изъ него не вся вышла. Я увѣренъ, что онъ не шутя воображаетъ себя дѣльнымъ человѣкомъ,

потому что читаетъ Галиньяшку и разъ въ мѣсяцъ избавитъ мужика отъ экзекуціи.

— Да вспомни его воспитаніе, время, въ которомъ онъ жилъ,—замѣтилъ Аркадій.

— Воспитаніе? — подхватилъ Базаровъ. — Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ, — ну, хоть какъ я, напримѣръ... А что касается до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня. Нѣтъ, братъ, все это распущенность, пустота! И что за таинственныя отношенія между мужчиной и женщиной? Мы, физіологи, знаемъ, какія это отношенія. Ты проштудируй-ка анатомію глаза: откуда тутъ взяться, какъ ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизмъ, чепуха, гниль, художество. Пойдемъ лучше смотрѣть жука.

И оба пріятеля отправились въ комнату Базарова, въ которой уже успѣлъ установиться какой-то медицинско-хирургическій запахъ, смѣшанный съ запахомъ дешеваго табаку.

VIII.

Павелъ Петровичъ недолго присутствовалъ при бесѣдѣ брата съ управляющимъ, высокимъ и худымъ человѣкомъ, съ сладкимъ, чахоточнымъ голосомъ и плутовскими глазами, который на всѣ замѣчанія Николая Петровича отвѣчалъ: „помилуйте-съ, извѣстное дѣло-съ“, и старался представить мужиковъ пьяницами и ворами. Недавно заведенное на новый ладъ хозяйство скрипѣло какъ немазанное колесо, трещало какъ домодѣланная мебель изъ сырого дерева. Николай Петровичъ не унывалъ, но частенько вздыхалъ и задумывался: онъ чувствовалъ, что безъ денегъ дѣло не пойдетъ, а деньги у него почти всѣ перевелись. Аркадій сказалъ правду: Павелъ Петровичъ не разъ помогалъ своему брату: не разъ, видя какъ онъ бился и ломалъ себѣ голову, придумывая какъ бы извернуться, Павелъ Петровичъ медленно подходилъ къ окну и, засунувъ руки въ карманы, бормоталъ сквозь зубы: „mais je puis vous donner de l'argent“, и давалъ ему де-

негъ; но въ этотъ день у него самого ничего не было, и онъ предпочелъ удалиться. Хозяйственныя дрязги наводили на него тоску; притомъ ему постоянно казалось, что Николай Петровичъ, несмотря на все свое рвеніе и трудолюбіе, не такъ принимается за дѣло, какъ бы слѣдовало; хотя указать, въ чемъ собственно ошибается Николай Петровичъ, онъ не сумѣлъ бы. „Братъ не довольно практиченъ", разсуждалъ онъ самъ съ собою: „его обманываютъ". Николай Петровичъ, напротивъ, былъ высокаго мнѣнія о практичности Павла Петровича и всегда спрашивалъ его совѣта. „Я человѣкъ мягкій, слабый, вѣкъ свой провелъ въ глуши", говаривалъ онъ: „а ты не даромъ такъ много жилъ съ людьми, ты ихъ хорошо знаешь: у тебя орлиный взглядъ". Павелъ Петровичъ въ отвѣтъ на эти слова только отворачивался, но не разувѣрялъ брата.

Оставивъ Николая Петровича въ кабинетѣ, онъ отправился по коридору, отдѣлявшему переднюю часть дома отъ задней, и, поровнявшись съ низенькою дверью, остановился въ раздумьи, подергалъ себѣ усы и постучался въ нее.

— Кто тамъ? Войдите,—раздался голосъ Ѳенички.

— Это я,—проговорилъ Павелъ Петровичъ и отворилъ дверь.

Ѳеничка вскочила со стула, на которомъ она усѣлась съ своимъ ребенкомъ и, передавъ его на руки дѣвушки, которая тотчасъ же вынесла его вонъ изъ комнаты, торопливо поправила свою косынку.

— Извините, если я помѣшалъ,—началъ Павелъ Петровичъ, не глядя на нее:—мнѣ хотѣлось только попросить васъ... сегодня, кажется, въ городъ посылаютъ... велите купить для меня зеленаго чаю.

— Слушаю-съ,—отвѣчала Ѳеничка:—сколько прикажете купить?

— Да полфунта довольно будетъ, я полагаю. А у васъ здѣсь, я вижу, перемѣна,—прибавилъ онъ, бросивъ вокругъ быстрый взглядъ, который скользнулъ и по лицу Ѳенички.—Занавѣски вотъ,—промолвилъ онъ, видя, что она его не понимаетъ.

— Да-съ, занавѣски; Николай Петровичъ намъ ихъ пожаловалъ; да ужъ онѣ давно повѣшены.

— Да и я у васъ давно не былъ. Теперь у васъ здѣсь очень хорошо.

— По милости Николая Петровича, — шепнула Ѳеничка.

— Вамъ здѣсь лучше, чѣмъ въ прежнемъ флигелькѣ?— спросилъ Павелъ Петровичъ вѣжливо, но безъ малѣйшей улыбки.

— Конечно, лучше-съ.

— Кого теперь на ваше мѣсто помѣстили?

— Теперь тамъ прачки.

— А!

Павелъ Петровичъ умолкъ. „Теперь уйдетъ“, думала Ѳеничка; но онъ не уходилъ, и она стояла передъ нимъ, какъ вкопанная, слабо перебирая пальцами.

— Отчего вы велѣли вашего маленькаго вынести?—заговорилъ наконецъ Павелъ Петровичъ.—Я люблю дѣтей: покажите-ка мнѣ его.

Ѳеничка вся покраснѣла отъ смущенія и отъ радости. Она боялась Павла Петровича: онъ почти никогда не говорилъ съ ней.

— Дуняша, — кликнула она: — принесите Митю (Ѳеничка всѣмъ въ домѣ говорила *вы*). А не то погодите; надо ему платьице надѣть.

Ѳеничка направилась къ двери.

— Да все равно,—замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Я сейчасъ,—отвѣтила Ѳеничка, и проворно вышла.

Павелъ Петровичъ остался одинъ, и на этотъ разъ съ особеннымъ вниманіемъ оглянулся кругомъ. Небольшая, низенькая комнатка, въ которой онъ находился, была очень чиста и уютна. Въ ней пахло недавно выкрашеннымъ поломъ, ромашкой и мелиссой. Вдоль стѣнъ стояли стулья съ задками въ видѣ лиръ; они были куплены еще покойникомъ генераломъ въ Польшѣ, во время похода; въ одномъ углу возвышалась кроватка подъ кисейнымъ пологомъ, рядомъ съ кованнымъ сундукомъ съ круглою крышкой. Въ противоположномъ углу горѣла лампадка пе-

редъ большимъ темнымъ образомъ Николая Чудотворца; крошечное фарфоровое яичко на красной лентѣ висѣло на груди святого, прицѣпленное къ сіянію; на окнахъ банки съ прошлогоднимъ вареньемъ, тщательно завязанныя, сквозили зеленымъ свѣтомъ; на бумажныхъ ихъ крышкахъ сама Ѳеничка написала крупными буквами: „кружовникъ"; Николай Петровичъ любилъ особенно это варенье. Подъ потолкомъ, на длинномъ шнуркѣ, висѣла клѣтка съ короткохвостымъ чижомъ; онъ безпрестанно чирикалъ и прыгалъ, и клѣтка безпрестанно качалась и дрожала: конопляныя зерна, съ легкимъ стукомъ, падали на полъ. Въ простѣнкѣ, надъ небольшимъ комодомъ, висѣли довольно плохіе фотографическіе портреты Николая Петровича въ разныхъ положеніяхъ, сдѣланные заѣзжимъ художникомъ; тутъ же висѣла фотографія самой Ѳенички, совершенно не удавшаяся: какое-то безглазое лицо напряженно улыбалось въ темной рамочкѣ,—больше ничего нельзя было разобрать; а надъ Ѳеничкой—Ермоловъ, въ буркѣ, грозно хмурился на отдаленныя Кавказскія горы, изъ-подъ шелковаго башмачка для булавокъ, падавшаго ему на самый лобъ.

Прошло минутъ пять; въ сосѣдней комнатѣ слышался шелестъ и шопотъ. Павелъ Петровичъ взялъ съ комода замасленную книгу, разрозненный томъ *Стрѣльцова* Масальскаго, перевернулъ нѣсколько страницъ... Дверь отворилась, и вошла Ѳеничка съ Митей на рукахъ. Она надѣла на него красную рубашечку съ галуномъ на воротѣ, причесала его волосики и утерла лицо: онъ дышалъ тяжело, порывался всѣмъ тѣломъ и подергивалъ ручонками, какъ это дѣлаютъ всѣ здоровыя дѣти; но щегольская рубашечка видимо на него подѣйствовала: выраженіе удовольствія отражалось на всей его пухлой фигуркѣ. Ѳеничка и свои волосы привела въ порядокъ, и косынку надѣла получше; но она могла бы остаться, какъ была. И въ самомъ дѣлѣ, есть ли на свѣтѣ что-нибудь плѣнительнѣе молодой, красивой матери съ здоровымъ ребенкомъ на рукахъ?

— Экой бутузъ,—снисходительно проговорилъ Павелъ

Петровичъ, и пощекоталъ двойной подбородокъ Мити ногтемъ длиннаго ногтя на указательномъ пальцѣ; ребенокъ уставился на чижа, и засмѣялся.

— Это дядя, — промолвила Ѳеничка, склоняя къ нему свое лицо и слегка его встряхивая, между тѣмъ какъ Дуняша тихонько ставила на окно зажженную курительную свѣчку, подложивши подъ нее грошъ.

— Сколько, бишь, ему мѣсяцевъ? — спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Шесть мѣсяцевъ; скоро вотъ седьмой пойдетъ, одиннадцатаго числа.

— Не восьмой ли, Ѳедосья Николаевна? — не безъ робости вмѣшалась Дуняша.

— Нѣтъ, седьмой; какъ можно! — Ребенокъ опять засмѣялся, уставился на сундукъ, и вдругъ схватилъ свою мать всею пятерней за носъ и за губы. — Баловникъ, — проговорила Ѳеничка, не отодвигая лица отъ его пальцевъ.

— Онъ похожъ на брата, — замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

„На кого жъ ему и походить?“ подумала Ѳеничка.

— Да, — продолжалъ, какъ бы говоря съ самимъ собой, Павелъ Петровичъ: — несомнѣнное сходство.

Онъ внимательно, почти печально посмотрѣлъ на Ѳеничку.

— Это дядя, — повторила она, уже шопотомъ.

— А! Павелъ! вотъ гдѣ ты! — раздался вдругъ голосъ Николая Петровича.

Павелъ Петровичъ торопливо обернулся и нахмурился; но братъ его такъ радостно, съ такою благодарностью глядѣлъ на него, что онъ не могъ не отвѣтить ему улыбкой.

— Славный у тебя мальчуганъ, — промолвилъ онъ и посмотрѣлъ на часы: — а я завернулъ сюда насчетъ чаю...

И принявъ равнодушное выраженіе, Павелъ Петровичъ тотчасъ же вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Самъ собою зашелъ? — спросилъ Ѳеничку Николай Петровичъ.

— Сами-съ; постучались и вошли.

— Ну, а Аркаша больше у тебя не былъ?

— Не былъ. Не перейти ли мнѣ во флигель, Николай Петровичъ?

— Это зачѣмъ?

— Я думаю, не лучше ли будетъ на первое время.

— Н... нѣтъ,—произнесъ съ запинкой Николай Петровичъ и потеръ себѣ лобъ. — Надо было прежде... Здравствуй, пузырь,—проговорилъ онъ съ внезапнымъ оживленіемъ и, приблизившись къ ребенку, поцѣловалъ его въ щеку; потомъ онъ нагнулся немного и приложилъ губы къ Ѳеничкиной рукѣ, бѣлѣвшей какъ молоко на красной рубашечкѣ Мити.

— Николай Петровичъ! что вы это?—пролепетала она и опустила глаза, потомъ тихонько подняла ихъ... Прелестно было выраженіе ея глазъ, когда она глядѣла какъ бы исподлобья, да посмѣивалась ласково и немножко глупо.

Николай Петровичъ познакомился съ Ѳеничкой слѣдующимъ образомъ. Однажды, года три тому назадъ, ему пришлось ночевать на постояломъ дворѣ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ. Его пріятно поразила чистота отведенной ему комнаты, свѣжесть постельнаго бѣлья: ужъ не нѣмка ли здѣсь хозяйка? пришло ему на мысль; но хозяйкой оказалась русская, женщина лѣтъ пятидесяти, опрятно одѣтая, съ благообразнымъ умнымъ лицомъ и степенною рѣчью. Онъ разговорился съ нею за чаемъ; очень она ему понравилась. Николай Петровичъ въ то время только что переселился въ новую свою усадьбу и, не желая держать при себѣ крѣпостныхъ людей, искалъ наемныхъ; хозяйка, съ своей стороны, жаловалась на малое число проѣзжающихъ въ городѣ, на тяжелыя времена; онъ предложилъ ей поступить къ нему въ домъ, въ качествѣ экономки; она согласилась. Мужъ у ней давно умеръ, оставилъ ей одну только дочь, Ѳеничку. Недѣли черезъ двѣ, Арина Савишна (такъ звали новую экономку), прибыла вмѣстѣ съ дочерью въ Марьино, и поселилась во флигелькѣ. Выборъ Николая Петровича ока-

зался удачнымъ. Арина завела порядокъ въ домѣ. О Ѳеничкѣ, которой тогда минулъ уже семнадцатый годъ, никто не говорилъ, и рѣдкій ее видѣлъ: она жила тихонько, скромненько, и только по воскресеньямъ Николай Петровичъ замѣчалъ въ приходской церкви, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, тонкій профиль ея бѣленькаго лица. Такъ прошло болѣе года.

Въ одно утро Арина явилась къ нему въ кабинетъ, и по обыкновенію, низко поклонившись, спросила его, не можетъ ли онъ помочь ея дочкѣ, которой искра изъ печки попала въ глазъ. Николай Петровичъ, какъ всѣ домосѣды, занимался лѣченіемъ и даже выписалъ гомеопатическую аптечку. Онъ тотчасъ велѣлъ Аринѣ привести больную. Узнавъ, что баринъ ее зоветъ, Ѳеничка очень перетрусилась, однако пошла за матерью. Николай Петровичъ, подвелъ ее къ окну и взялъ ее обѣими руками за голову. Разсмотрѣвъ хорошенько ея покраснѣвшій и воспаленный глазъ, онъ прописалъ ей примочку, которую тутъ же самъ составилъ и, разорвавъ на части свой платокъ, показалъ ей какъ надо примачивать. Ѳеничка выслушала его и хотѣла выйти. „Поцѣлуй же ручку у барина, глупенькая“, сказала ей Арина. Николай Петровичъ не далъ ей своей руки и, сконфузившись, самъ поцѣловалъ ее въ наклоненную голову, въ проборъ. Ѳеничкинъ глазъ скоро выздоровѣлъ, но впечатлѣніе, произведенное ею на Николая Петровича, прошло не скоро. Ему все мерещилось это чистое, нѣжное, боязливо приподнятое лицо; онъ чувствовалъ подъ ладонями рукъ своихъ эти мягкіе волосы, видѣлъ эти невинныя, слегка раскрытыя губы, изъ-за которыхъ влажно блистали на солнцѣ жемчужные зубки. Онъ началъ съ бо́льшимъ вниманіемъ глядѣть на нее въ церкви, старался заговаривать съ нею. Сначала она его дичилась, и однажды, передъ вечеромъ, встрѣтивъ его на узкой тропинкѣ, проложенной пѣшеходами черезъ ржаное поле, зашла въ высокую, густую рожь, поросшую полынью и васильками, чтобы только не попасться ему на глаза. Онъ увидалъ ея головку сквозь золотую сѣтку колосьевъ, откуда она высматривала, какъ звѣрокъ, и ласково крикнулъ ей:

— Здравствуй, Ѳеничка! Я не кусаюсь.

— Здравствуйте,—прошептала она, не выходя изъ своей засады.

Понемногу она стала привыкать къ нему, но все еще робѣла въ его присутствіи, какъ вдругъ ея мать Арина умерла отъ холеры. Куда было дѣваться Ѳеничкѣ? Она наслѣдовала отъ своей матери любовь къ порядку, разсудительность и степенность; но она была такъ молода, такъ одинока; Николай Петровичъ былъ самъ такой добрый и скромный... Остальное досказывать нечего...

— Такъ-таки братъ къ тебѣ и вошелъ?—спрашивалъ се Николай Петровичъ.—Постучался и вошелъ?

— Да-съ.

— Ну, это хорошо. Дай-ка мнѣ покачать Митю.

И Николай Петровичъ началъ его подбрасывать почти подъ самый потолокъ, къ великому удовольствію малютки и къ немалому безпокойству матери, которая, при всякомъ его взлетѣ, протягивала руки къ обнажавшимся его ножкамъ.

А Павелъ Петровичъ вернулся въ свой изящный кабинетъ, оклеенный по стѣнамъ красивыми обоями дикаго цвѣта, съ развѣшаннымъ оружіемъ на пестромъ персидскомъ коврѣ, съ орѣховою мебелью, обитой темно-зеленымъ трипомъ, съ библіотекой renaissance изъ стараго чернаго дуба, съ бронзовыми статуэтками на великолѣпномъ письменномъ столѣ, съ каминомъ... Онъ бросился на диванъ, заложилъ руки за голову и остался неподвиженъ, почти съ отчаяньемъ глядя въ потолокъ. Захотѣлъ ли онъ скрыть отъ самыхъ стѣнъ, что у него происходило на лицѣ, по другой ли какой причинѣ, только онъ всталъ, отстегнулъ тяжелыя занавѣски оконъ, и опять бросился на диванъ.

IX.

Въ тотъ же день и Базаровъ познакомился съ Ѳеничкой. Онъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ ходилъ по саду и толковалъ ему, почему иныя деревца, особенно дубки, не принялись.

— Надо серебристыхъ тополей побольше здѣсь сажать да елокъ, да пожалуй липокъ, подбавивши чернозему. Вонъ бесѣдка припялась хорошо,—прибавилъ онъ:—потому что акація да сирень—ребята добрые, ухода не требуютъ. Ба! да тутъ кто-то есть.

Въ бесѣдкѣ сидѣла Ѳеничка съ Дуняшей и Митей. Базаровъ остановился, а Аркадій кивнулъ головою Ѳеничкѣ, какъ старый знакомый.

— Кто это?—спросилъ его Базаровъ, какъ только они прошли мимо.—Какая хорошенькая!

— Да ты о комъ говоришь?

— Извѣстно о комъ: одна только хорошенькая.

Аркадій, не безъ замѣшательства, объяснилъ ему въ короткихъ словахъ, кто была Ѳеничка.

— Ага!—промолвилъ Базаровъ:—у твоего отца видно губа не дура. А онъ мнѣ нравится, твой отецъ, ей-ей! Онъ молодецъ. Однако надо познакомиться,—прибавилъ онъ, и отправился назадъ къ бесѣдкѣ.

— Евгеній!—съ испугомъ крикнулъ ему во слѣдъ Аркадій:—осторожнѣй, ради Бога.

— Не волнуйся,—проговорилъ Базаровъ:—народъ мы тертый, въ городахъ живали.

Приблизясь къ Ѳеничкѣ, онъ скинулъ картузъ.

— Позвольте представиться,—началъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ:—Аркадію Николаичу пріятель и человѣкъ смирный.

Ѳеничка приподнялась со скамейки и глядѣла на него молча.

— Какой ребенокъ чудесный!—продолжалъ Базаровъ.—Не безпокойтесь, я еще никого не сглазилъ. Что это у него щеки такія красныя? Зубки, что ли, прорѣзаются?

— Да-съ,—промолвила Ѳеничка:—четверо зубковъ у него уже прорѣзались, а теперь вотъ десны опять припухли.

— Покажите-ка... да вы не бойтесь, я докторъ.

Базаровъ взялъ на руки ребенка, который, къ удивленію и Ѳенички, и Дуняши, не оказалъ никакого сопротивленія и не испугался.

— Вижу, вижу... Ничего, все въ порядкѣ: зубастый будетъ. Если что случится, скажите мнѣ. А сами вы здоровы?

— Здорова, слава Богу.

— Слава Богу—лучше всего. А вы?—прибавилъ Базаровъ: обращаясь къ Дуняшѣ.

Дуняша, дѣвушка очень строгая въ хоромахъ и хохотунья за воротами, только фыркнула ему въ отвѣтъ.

— Ну и прекрасно. Вотъ вамъ вашъ богатырь.

Ѳеничка приняла ребенка къ себѣ на руки.

— Какъ онъ у васъ тихо сидѣлъ,—промолвила она вполголоса.

— У меня всѣ дѣти тихо сидятъ,—отвѣчалъ Базаровъ:—я такую штуку знаю.

— Дѣти чувствуютъ, кто ихъ любитъ,—замѣтила Дуняша.

— Это точно,—подтвердила Ѳеничка.—Вотъ и Митя, къ иному ни за что на руки не пойдетъ.

— А ко мнѣ пойдетъ?—спросилъ Аркадій, который, постоявъ нѣкоторое время въ отдаленіи, приблизился къ бесѣдкѣ.

Онъ поманилъ къ себѣ Митю, но Митя откинулъ голову назадъ и запищалъ, что очень смутило Ѳеничку.

— Въ другой разъ,—когда привыкнуть успѣетъ,—снисходительно промолвилъ Аркадій, и оба пріятеля удалились.

— Какъ, бишь, ее зовутъ?—спросилъ Базаровъ.

— Ѳеничкой... Ѳедосьей,—отвѣтилъ Аркадій.

— А по батюшкѣ... Это тоже нужно знать.

— Николаевной.

— *Вепе.* Мнѣ нравится въ ней то, что она не слишкомъ конфузится. Иной, пожалуй, это-то и осудилъ бы въ ней. Что за вздоръ? чего конфузиться? Она мать—ну, и права.

— Она-то права,—замѣтилъ Аркадій:—но вотъ отецъ мой...

— И онъ правъ,—перебилъ Базаровъ.

— Ну, нѣтъ, я не нахожу.

— Видно, лишній наслѣдничекъ намъ не понутру!

— Какъ тебѣ не стыдно предполагать во мнѣ такія мысли!—съ жаромъ подхватилъ Аркадій.—Я не съ этой точки зрѣнія почитаю отца неправымъ; я нахожу, что онъ долженъ бы жениться на ней.

— Эге-ге!—спокойно проговорилъ Базаровъ.—Вотъ мы какіе великодушные! Ты придаешь еще значеніе браку; я этого отъ тебя не ожидалъ.

Пріятели сдѣлали нѣсколько шаговъ въ молчаньи.

— Видѣлъ я всѣ заведенія твоего отца,—началъ опять Базаровъ. — Скотъ плохой, и лошади разбитыя. Строенія тоже подгуляли, и работники смотрятъ отъявленными лѣнивцами; а управляющій либо дуракъ, либо плутъ, я еще не разобралъ хорошенько.

— Строгъ же ты сегодня, Евгеній Васильевичъ.

— И добрые мужички надуютъ твоего отца всенепремѣнно. Знаешь поговорку: „русскій мужикъ Бога слопаетъ“.

— Я начинаю соглашаться съ дядей,—замѣтилъ Аркадій:—ты рѣшительно дурного мнѣнія о русскихъ.

— Эка важность! Русскій человѣкъ только тѣмъ и хорошъ, что онъ самъ о себѣ прескверная мнѣнія. Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки.

— И природа пустяки?— проговорилъ Аркадій, задумчиво глядя вдаль на пестрыя поля, красиво и мягко освѣщенныя уже невысокимъ солнцемъ.

— И природа пустяки, въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее понимаешь. Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ.

Медлительные звуки віолончели долетѣли до нихъ изъ дома въ это самое мгновеніе. Кто-то игралъ съ чувствомъ, хотя и неопытною рукою, *Ожиданіе* Шуберта, и медомъ разливалась по воздуху сладостная мелодія.

— Это что?—произнесъ съ изумленіемъ Базаровъ.

— Это отецъ.

— Твой отецъ играетъ на віолончели?

— Да.

— Да сколько твоему отцу лѣтъ?

— Сорокъ-четыре.

Базаровъ вдругъ расхохотался.

— Чему же ты смѣешься?

— Помилуй! въ сорокъ-четыре года человѣкъ, pater familias, въ ...мъ уѣздѣ—играетъ на віолончели!

Базаровъ продолжалъ хохотать; но Аркадій, какъ ни благоговѣлъ передъ своимъ учителемъ, на этотъ разъ даже не улыбнулся.

X.

Прошло около двухъ недѣль. Жизнь въ Марьинѣ текла своимъ порядкомъ: Аркадій сибаритствовалъ, Базаровъ работалъ. Всѣ въ домѣ привыкли къ нему, къ его небрежнымъ манерамъ, къ его немногосложнымъ и отрывочнымъ рѣчамъ. Ѳеничка, въ особенности, до того съ нимъ освоилась, что однажды ночью волѣла разбудить его: съ Митей сдѣлались судороги; и онъ пришелъ, по обыкновенію полушутя, полусѣвая, просидѣлъ у ней часа два и помогъ ребенку. Зато Павелъ Петровичъ всѣми силами души своей возненавидѣлъ Базарова: онъ считалъ его гордецомъ, нахаломъ, циникомъ, плебеемъ; онъ подозрѣвалъ, что Базаровъ не уважаетъ его, что онъ едва ли не презираетъ его—его, Павла Кирсанова! Николай Петровичъ побаивался молодого „нигилиста“ и сомнѣвался въ пользѣ его вліянія на Аркадія; но онъ охотно его слушалъ, охотно присутствовалъ при его физическихъ и химическихъ опытахъ. Базаровъ привезъ съ собой микроскопъ, и по цѣлымъ часамъ съ нимъ возился. Слуги также привязались къ нему, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ: они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ. Дуняша охотно съ нимъ хихикала и искоса, значительно посматривала на него, пробѣгая мимо „перепелочкой“; Петръ, человѣкъ до крайности самолюбивый и глупый, вѣчно съ напряженными морщинами на лбу, человѣкъ, котораго все достоинство состояло въ томъ, что онъ глядѣлъ учтиво, читалъ по складамъ и часто чистилъ щеточкой свой сюртучокъ — и тотъ ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него вниманіе; дворо-

вые мальчишки бѣгали за „дохтуромъ“, какъ собачонки. Одинъ старикъ Прокофьичъ не любилъ его, съ угрюмымъ видомъ подавалъ ему за столомъ кушанья, называлъ его „живодеромъ“ и „прощелыгой“ и увѣрялъ, что онъ съ своими бакенбардами—настоящая свинья въ кустѣ. Прокофьичъ, по-своему, былъ аристократъ не хуже Павла Петровича.

Наступили лучшіе дни въ году—первые дни іюня. Погода стояла прекрасная; правда, издали, грозилась опять холера, но жители ...ой губерніи успѣли уже привыкнуть къ ея посѣщеніямъ. Базаровъ вставалъ очень рано и отправлялся версты за двѣ, за три, не гулять—онъ прогулокъ безъ цѣли терпѣть не могъ — а собирать травы, насѣкомыхъ. Иногда онъ бралъ съ собой Аркадія. На возвратномъ пути у нихъ обыкновенно завязывался споръ, и Аркадій обыкновенно оставался побѣжденнымъ, хотя говорилъ больше своего товарища.

Однажды они какъ-то долго замѣшкались; Николай Петровичъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу въ садъ и, поровнявшись съ бесѣдкой, вдругъ услышалъ быстрые шаги и голоса обоихъ молодыхъ людей. Они шли по ту сторону бесѣдки и не могли его видѣть.

— Ты отца недостаточно знаешь,—говорилъ Аркадій.

Николай Петровичъ притаился.

— Твой отецъ добрый малый,—промолвилъ Базаровъ:—но онъ человѣкъ отставной, его пѣсенка спѣта.

Николай Петровичъ приникъ ухомъ... Аркадій ничего не отвѣчалъ.

„Отставной человѣкъ“ постоялъ минуты двѣ неподвижно и медленно поплелся домой.

— Третьяго дня, я смотрю, онъ Пушкина читаетъ,—продолжалъ между тѣмъ Базаровъ.—Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтикомъ въ нынѣшнее время! Дай ему что-нибудь дѣльное почитать.

— Что бы ему дать?—спросилъ Аркадій.

— Да, я думаю, Бюхнерово „Stoff und Kraft“ на первый случай.

— Я самъ такъ думаю,—замѣтилъ одобрительно Аркадій.—„Stoff und Kraft“ написано популярнымъ языкомъ...

— Вотъ какъ, мы съ тобой,—говорилъ въ тотъ же день послѣ обѣда Николай Петровичъ своему брату, сидя у него въ кабинетѣ:—въ отставные люди попали, пѣсенка наша спѣта. Что жъ? Можетъ-быть, Базаровъ и правъ; но мнѣ, признаюсь, одно больно: я надѣялся именно теперь тѣсно и дружески сойтись съ Аркадіемъ, а выходитъ, что я остался назади, онъ ушелъ впередъ, и понять мы другъ друга не можемъ.

— Да почему онъ ушелъ впередъ? И чѣмъ онъ отъ насъ такъ ужъ очень отличается?—съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Павелъ Петровичъ.—Это все ему въ голову синьоръ этотъ вбилъ, нигилистъ этотъ. Ненавижу я этого лѣкаришку; по-моему, онъ просто шарлатанъ; я увѣренъ, что со всѣми своими лягушками онъ и въ физикѣ недалеко ушелъ.

— Нѣтъ, братъ, ты этого не говори: Базаровъ уменъ и знающъ.

— И самолюбіе какое противное,—перебилъ опять Павелъ Петровичъ.

— Да,— замѣтилъ Николай Петровичъ: — онъ самолюбивъ. Но безъ этого, видно, нельзя; только вотъ чего я въ толкъ не возьму. Кажется, я все дѣлаю, чтобы не отстать отъ вѣка: крестьянъ устроилъ, ферму завелъ, такъ что даже меня во всей губерніи *краснымъ* величаютъ; читаю, учусь, вообще стараюсь стать въ уровень съ современными требованіями, — а они говорятъ, что пѣсенка моя спѣта. Да что, братъ, я самъ начинаю думать, что она точно спѣта.

— Это почему?

— А вотъ почему. Сегодня я сижу да читаю Пушкина... Помнится, *Цыганс* мнѣ попались... Вдругъ Аркадій подходитъ ко мнѣ и, молча, съ этакимъ ласковымъ сожалѣніемъ на лицѣ, тихонько, какъ у ребенка, отнялъ у меня книгу и положилъ передо мною другую, нѣмецкую... улыбнулся и ушелъ, и Пушкина унесъ.

— Вотъ какъ! Какую же онъ книгу тебѣ далъ?

— Вотъ эту.

И Николай Петровичъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука пресловутую брошюру Бюхнера, девятаго изданія.

Павелъ Петровичъ повертѣлъ ее въ рукахъ.

— Гм!—промычалъ онъ. — Аркадій Николаевичъ заботится о твоемъ воспитаніи. Что жъ, ты пробовалъ читать?

— Пробовалъ.

— Ну и что же?

— Либо я глупъ, либо это все—вздоръ. Должно-быть, я глупъ.

— Да ты по-нѣмецки не забылъ? — спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Я по-нѣмецки понимаю.

Павелъ Петровичъ опять повертѣлъ книгу въ рукахъ и исподлобья взглянулъ на брата. Оба помолчали.

— Да, кстати, — началъ Николай Петровичъ, видимо желая перемѣнить разговоръ.—Я получилъ письмо отъ Колязина.

— Отъ Матвѣя Ильича?

— Отъ него. Онъ пріѣхалъ въ*** ревизовать губернію. Онъ теперь въ тузы вышелъ и пишетъ мнѣ, что желаетъ, по-родственному, повидаться съ нами и приглашаетъ насъ съ тобой и съ Аркадіемъ въ городъ.

— Ты поѣдешь?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ; а ты?

— И я не поѣду. Очень нужно тащиться за пятьдесятъ верстъ киселя ѣсть. Mathieu хочетъ показаться намъ во всей своей славѣ; чортъ съ нимъ! будетъ съ него губернскаго вниманія, обойдется безъ нашего. И велика важность, тайный совѣтникъ! Если бъ я продолжалъ служить, тянуть эту глупую лямку, я бы теперь былъ генералъ-адъютантомъ. Притомъ же, мы съ тобой отставные люди.

— Да, братъ; видно, пора гробъ заказывать и ручки складывать крестомъ на груди, — замѣтилъ со вздохомъ Николай Петровичъ.

— Ну, я такъ скоро не сдамся, — пробормоталъ его братъ.—У насъ еще будетъ схватка съ этимъ лѣкаремъ, я это предчувствую.

Схватка произошла въ тотъ же день за вечернимъ чаемъ. Павелъ Петровичъ сошелъ въ гостиную уже готовый къ бою, раздраженный и рѣшительный. Онъ ждалъ только предлога, чтобы накинуться на врага, но предлогъ долго не представлялся. Базаровъ вообще говорилъ мало въ присутствіи „старичковъ Кирсановыхъ“ (такъ онъ называлъ обоихъ братьевъ), а въ тотъ вечеръ онъ чувствовалъ себя не въ духѣ и молча выпивалъ чашку за чашкой. Павелъ Петровичъ весь горѣлъ нетерпѣніемъ; его желанія сбылись наконецъ.

Рѣчь зашла объ одномъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. „Дрянь, аристократишко“, равнодушно замѣтилъ Базаровъ, который встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ.

— Позвольте васъ спросить, — началъ Павелъ Петровичъ, и губы его задрожали:—по вашимъ понятіямъ слова: „дрянь“ и „аристократъ“ одно и то же означаютъ?

— Я сказалъ: „аристократишко“,—проговорилъ Базаровъ, лѣниво отхлебывая глотокъ чаю.

— Точно такъ-съ; но я полагаю, что вы такого же мнѣнія объ аристократахъ, какъ и объ аристократишкахъ. Я считаю долгомъ объявить вамъ, что я этого мнѣнія не раздѣляю. Смѣю сказать, меня всѣ знаютъ за человѣка либеральнаго и любящаго прогрессъ; но именно потому я уважаю аристократовъ — настоящихъ. Вспомните, милостивый государь (при этихъ словахъ Базаровъ поднялъ глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь,—повторилъ онъ съ ожесточеніемъ:—англійскихъ аристократовъ. Они не уступаютъ іоты отъ правъ своихъ, и потому они уважаютъ права другихъ; они требуютъ исполненія обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и потому они сами исполняютъ *свои* обязанности. Аристократія дала свободу Англіи и поддерживаетъ ее.

— Слыхали мы эту пѣсню много разъ,—возразилъ Базаровъ:—но что вы хотите этимъ доказать?

— Я *этимъ* хочу доказать, милостивый государь (Па-

велъ Петровичъ, когда сердился, съ намѣреніемъ говорилъ: „эфтимъ“ и „эфто“, хотя очень хорошо зналъ, что подобныхъ словъ грамматика не допускаетъ. Въ этой причудѣ сказывался остатокъ преданій Александровскаго времени. Тогдашніе тузы, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда говорили на родномъ языкѣ, употребляли, одни — *эфто*, другіе—*эхто*: мы, молъ, коренные русаки, и въ то же время мы вельможи, которымъ позволяется пренебрегать школьными правилами) — я *эфтимъ* хочу доказать, что безъ чувства собственнаго достоинства, безъ уваженія къ самому себѣ, — а въ аристократѣ эти чувства развиты,— нѣтъ никакого прочнаго основанія общественному... bien public... общественному зданію. Личность, милостивый государь, — вотъ главное; человѣческая личность должна быть крѣпка, какъ скала, ибо на ней все строится. Я очень хорошо знаю, напримѣръ, что вы изволите находить смѣшными мои привычки, мой туалетъ, мою опрятность, наконецъ, но это все проистекаетъ изъ чувства самоуваженія, изъ чувства долга, да-съ, да-съ, долга. Я живу въ деревнѣ, въ глуши, но я не роняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка.

— Позвольте, Павелъ Петровичъ, — промолвилъ Базаровъ: — вы вотъ уважаете себя и сидите сложа руки; какая жъ отъ этого польза для bien public? Вы бы не уважали себя и то же бы дѣлали.

Павелъ Петровичъ поблѣднѣлъ.

— Это совершенно другой вопросъ. Мнѣ вовсе не приходится объяснять вамъ теперь, почему я сижу сложа руки, какъ вы изволите выражаться. Я хочу только сказать, что аристократизмъ — принсипъ, а безъ принсиповъ жить въ наше время могутъ одни безнравственные или пустые люди. Я говорилъ это Аркадію на другой день его пріѣзда и повторяю теперь вамъ. Не такъ ли, Николай?

Николай Петровичъ кивнулъ головой.

— Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы,— говорилъ между тѣмъ Базаровъ: — подумаешь, сколько иностранныхъ... и безполезныхъ словъ! Русскому человѣку они даромъ не нужны.

— Что же ему нужно по-вашему! Послушать васъ, такъ мы находимся внѣ человѣчества, внѣ его законовъ. Помилуйте—логика исторіи требуетъ...

— Да на что намъ эта логика? Мы и безъ нея обходимся.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Вы, я надѣсь, не нуждаетесь въ логикѣ для того, чтобы положить себѣ кусокъ хлѣба въ ротъ, когда вы голодны. Куда намъ до этихъ отвлеченностей!

Павелъ Петровичъ взмахнулъ руками.

— Я васъ не понимаю послѣ этого. Вы оскорбляете русскій народъ. Я не понимаю, какъ можно не признавать принсиповъ, правилъ? Въ силу чего же вы дѣйствуете?

— Я уже говорилъ вамъ, дядюшка, что мы не признаёмъ авторитетовъ,—вмѣшался Аркадій.

— Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаёмъ полезнымъ,—промолвилъ Базаровъ. — Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе—мы отрицаемъ.

— Все?

— Все.

— Какъ? не только искусство, поэзію... но и... страшно вымолвить...

— Все,—съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ уставился на него. Онъ этого не ожидалъ, а Аркадій даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Однако, позвольте, — заговорилъ Николай Петровичъ.—Вы все отрицаете, или, выражаясь точнѣе, вы все разрушаете... Да вѣдь надобно же и строить.

— Это уже не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить.

— Современное состояніе народа этого требуетъ, — съ важностью прибавилъ Аркадій: — мы должны исполнять эти требованія, мы не имѣемъ права предаваться удовлетворенію личнаго эгоизма.

Эта послѣдняя фраза, видимо, не понравилась База-

рову; отъ нея вѣяло философіей, то-есть, романтизмомъ, ибо Базаровъ и философію называлъ романтизмомъ, но онъ не почелъ за нужное опровергать своего молодого ученика.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ съ внезапнымъ порывомъ Павелъ Петровичъ:— я не хочу вѣрить, что вы, господа, точно знаете русскій народъ, что вы представители его потребностей, его стремленій! Нѣтъ, русскій народъ не такой, какимъ вы его воображаете. Онъ свято чтитъ преданія, онъ — патріархальный, онъ не можетъ жить безъ вѣры...

— Я не стану противъ этого спорить,—перебилъ Базаровъ:—я даже готовъ согласиться, что *въ этомъ* вы правы.

— А если я правъ...

— И все-таки это ничего не доказываетъ.

— Именно ничего не доказываетъ, — повторилъ Аркадій съ увѣренностью опытнаго шахматнаго игрока, который предвидѣлъ опытный, повидимому, ходъ противника, и потому нисколько не смутился.

— Какъ ничего не доказываетъ? — пробормоталъ изумленный Павелъ Петровичъ.—Стало-быть, вы идете противъ своего народа?

— А хоть бы и такъ? — воскликнулъ Базаровъ. — Народъ полагаетъ, что когда громъ гремитъ, это Илья пророкъ въ колесницѣ по небу разъѣзжаетъ. Что жъ? Мнѣ соглашаться съ нимъ? Да притомъ—онъ русскій, а развѣ я самъ не русскій?

— Нѣтъ, вы не русскій послѣ всего, что вы сейчасъ сказали! Я васъ за русскаго признать не могу.

— Мой дѣдъ землю пахалъ,—съ надменною гордостію отвѣчалъ Базаровъ. — Спросите любого изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ,—въ васъ или во мнѣ,—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете.

— А вы говорите съ нимъ и презираете его въ то же время.

— Что жъ, коли онъ заслуживаетъ презрѣнія? Вы порицаете мое направленіе, а кто вамъ сказалъ, что оно во

мнѣ случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ народнымъ духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?

— Какъ же! Очень нужны нигилисты!

— Нужны ли они, или нѣтъ — не намъ рѣшать. Вѣдь и вы считаете себя не безполезнымъ.

— Господа, господа, пожалуйста, безъ личностей!—воскликнулъ Николай Петровичъ и приподнялся.

Павелъ Петровичъ улыбнулся и, положивъ руку на плечо брату, заставилъ его снова сѣсть.

— Не безпокойся,—промолвилъ онъ.—Я не позабудусь, именно вслѣдствіе того чувства достоинства, надъ которымъ такъ жестоко трунитъ господинъ... господинъ докторъ. Позвольте, — продолжалъ онъ, обращаясь снова къ Базарову:—вы, можетъ-быть, думаете, что ваше ученіе новость? Напрасно вы это воображаете. Матеріализмъ, который вы проповѣдуете, былъ уже не разъ въ ходу и всегда оказывался несостоятельнымъ...

— Опять иностранное слово!—перебилъ Базаровъ. Онъ начиналъ злиться, и лицо его приняло какой-то мѣдный и грубый цвѣтъ. — Во-первыхъ, мы ничего не проповѣдуемъ; это не въ нашихъ привычкахъ...

— Что же вы дѣлаете?

— А вотъ что мы дѣлаемъ. Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильнаго суда...

— Ну да, да, вы обличители,—такъ, кажется, это называется. Со многими изъ вашихъ обличеній и я согласаюсь, но...

— А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ-называемые передовые люди и обличители никуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши

акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ.

— Такъ,—перебилъ Павелъ Петровичъ: — такъ: вы во всемъ этомъ убѣдились и рѣшились сами ни за что серьезно не приниматься.

— И рѣшились ни за что не приниматься, — угрюмо повторилъ Базаровъ.

Ему вдругъ стало досадно на самого себя, зачѣмъ онъ такъ распространился передъ этимъ бариномъ.

— А только ругаться?

— И ругаться.

— И это называется нигилизмомъ?

— И это называется нигилизмомъ, — повторилъ опять Базаровъ, на этотъ разъ съ особенною дерзостью.

Павелъ Петровичъ слегка прищурился.

— Такъ вотъ какъ!—промолвилъ онъ странно спокойнымъ голосомъ.—Нигилизмъ всему горю помочь долженъ, и вы, вы наши избавители и герои. Но за что же вы другихъ-то, хоть бы тѣхъ же обличителей, честите? Не такъ же ли вы болтаете, какъ и всѣ?

— Чѣмъ другимъ, а этимъ грѣхомъ не грѣшны,—произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

— Такъ что жъ? вы дѣйствуете, что ли? Собираетесь дѣйствовать?

Базаровъ ничего не отвѣчалъ. Павелъ Петровичъ такъ и дрогнулъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Гм!.. Дѣйствовать, ломать...—продолжалъ онъ. — Но какъ же это ломать, не зная даже почему?

— Мы ломаемъ, потому что мы сила,—замѣтилъ Аркадій.

Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на своего племянника и усмѣхнулся.

— Да, сила — такъ и не даетъ отчета, — проговорилъ Аркадій и выпрямился.

— Несчастный!—возопилъ Павелъ Петровичъ; онъ рѣ-

шительно не былъ въ состояніи крѣпиться долѣе: — хоть бы ты подумалъ, *что* въ Россіи ты поддерживаешь твоею пошлою сентенціей! Нѣтъ, это можетъ ангела изъ терпѣнія вывести! Сила! И въ дикомъ калмыкѣ, и въ монголѣ есть сила—да на что намъ она?—Намъ дорога цивилизація, да-съ, да-съ, милостивый государь; намъ дороги ея плоды. И не говорите мнѣ, что эти плоды ничтожны: послѣдній пачкунъ, *un barbouilleur*, таперъ, которому даютъ пять копеекъ за вечеръ, и тѣ полезнѣе васъ, потому что они представители цивилизаціи, а не грубой монгольской силы! Вы воображаете себя передовыми людьми, а вамъ только въ калмыцкой кибиткѣ сидѣть! Сила! Да вспомните, наконецъ, господа сильные, что васъ всего четыре человѣка съ половиною, а тѣхъ — милліоны, которые не позволятъ вамъ попирать ногами свои священнѣйшія вѣрованія, которые раздавятъ васъ!

— Коли раздавятъ, туда и дорога,— промолвилъ Базаровъ. — Только бабушка еще па-двое сказала. Насъ не такъ мало, какъ вы полагаете.

— Какъ? Вы не шутя думаете сладить, сладить съ цѣлымъ народомъ?

— Отъ копеечной свѣчи, вы знаете, Москва сгорѣла, — отвѣтилъ Базаровъ.

— Такъ, такъ. Сперва гордость почти сатанинская, потомъ глумленіе. Вотъ, вотъ чѣмъ увлекается молодежь, вотъ чему покоряются неопытныя сердца мальчишекъ! Вотъ, поглядите, одинъ изъ нихъ рядомъ съ вами сидитъ, вѣдь онъ чуть не молится на васъ, полюбуйтесь. (Аркадій отворотился и нахмурился.) И эта зараза уже далеко распространилась. Мнѣ сказывали, что въ Римѣ наши художники въ Ватиканъ ни ногой. Рафаэля считаютъ чуть не дуракомъ, потому что это, молъ, авторитетъ; а сами безсильны и безплодны до гадости, а у самихъ фантазіи дальше „Дѣвушки у фонтана“ не хватаетъ, хоть ты что! И написана-то дѣвушка прескверно. По-вашему они молодцы, не правда ли?

— По-моему, — возразилъ Базаровъ: — Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ; да и они не лучше его.

— Браво, браво! Слушай, Аркадій... вотъ какъ должны современные молодые люди выражаться! И какъ, подумаешь, имъ не идти за вами! Прежде молодымъ людямъ приходилось учиться; не хотѣлось имъ прослыть за невѣждъ, такъ они поневолѣ трудились. А теперь имъ стоитъ сказать: все на свѣтѣ вздоръ!— и дѣло въ шляпѣ. Молодые люди обрадовались. И въ самомъ дѣлѣ, прежде они просто были болваны, а теперь они вдругъ стали нигилисты.

— Вотъ и измѣнило вамъ хвалепое чувство собственнаго достоинства, — флегматически замѣтилъ Базаровъ, между тѣмъ какъ Аркадій весь вспыхнулъ и засверкалъ глазами. — Споръ нашъ зашелъ слишкомъ далеко... Кажется, лучше его прекратить. А я тогда буду готовъ согласиться съ вами,— прибавилъ онъ, вставая: — когда вы представите мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызывало полнаго и безпощаднаго отрицанія.

— Я вамъ милліоны такихъ постановленій представлю,— воскликнулъ Павелъ Петровичъ:—милліоны! Да вотъ, хоть община, напримѣръ.

Холодная усмѣшка скривила губы Базарова.

— Ну, насчетъ общины,—промолвилъ онъ:—поговорите лучше съ вашимъ братцемъ. Онъ теперь, кажется, извѣдалъ на дѣлѣ что такое община; круговая порука, трезвость и тому подобныя штучки.

— Семья, наконецъ, семья, такъ какъ она существуетъ у нашихъ крестьянъ!—закричалъ Павелъ Петровичъ.

— И этотъ вопросъ, я полагаю, лучше для васъ же самихъ не разбирать въ подробности. Вы, чай, слыхали о снохачахъ? Послушайте меня, Павелъ Петровичъ, дайте себѣ денька два сроку, сразу вы едва ли что-нибудь найдете. Переберите всѣ наши сословія, да подумайте хорошенько надъ каждымъ, а мы пока съ Аркадіемъ будемъ...

— Надо всѣмъ глумиться,—подхватилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушекъ рѣзать. Пойдемъ, Аркадій; до свиданія, господа!

Оба пріятеля вышли. Братья остались наединѣ и сперва только посматривали другъ на друга.

— Вотъ,—началъ, наконецъ, Павелъ Петровичъ:—вотъ вамъ нынѣшняя молодежь! Вотъ они—наши наслѣдники!

— Наслѣдники,—повторилъ съ унылымъ вздохомъ Николай Петровичъ. Онъ въ теченіе всего спора сидѣлъ, какъ на угольяхъ, и только украдкой болѣзненно взглядывалъ на Аркадія.—Знаешь, что я вспомнилъ, братъ? Однажды я съ покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотѣла меня слушать... Я, наконецъ, сказалъ ей, что вы, молъ, меня понять не можете; мы, молъ, принадлежимъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ. Она ужасно обидѣлась, а я подумалъ: что дѣлать? Пилюля горька—а проглотить ее нужно. Вотъ теперь настала наша очередь, и наши наслѣдники могутъ сказать намъ: вы, молъ, не нашего поколѣнія, глотайте пилюлю.

— Ты уже черезчуръ благодушенъ и скроменъ,—возразилъ Павелъ Петровичъ:—я, напротивъ, увѣренъ, что мы съ тобой гораздо правѣе этихъ господчиковъ, хотя выражаемся, можетъ-быть, нѣсколько устарѣлымъ языкомъ, *vieilli*, и не имѣемъ той дерзкой самонадѣянности... И такая надутая эта нынѣшняя молодежь! Спросишь иного: какого вина вы хотите, краснаго или бѣлаго? „Я имѣю привычку предпочитать красное!“ отвѣчаетъ онъ басомъ и съ такимъ важнымъ лицомъ, какъ будто вся вселенная глядитъ на него въ это мгновеніе...

— Вамъ больше чаю не угодно?—промолвила Ѳеничка, просунувъ голову въ дверь: она не рѣшалась войти въ гостиную, пока въ ней раздавались голоса споривших.

— Нѣтъ, ты можешь велѣть самоваръ принять,—отвѣчалъ Николай Петровичъ, и поднялся къ ней навстрѣчу. Павелъ Петровичъ отрывисто сказалъ ему: *bon soir*, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

XI.

Полчаса спустя, Николай Петровичъ отправился въ садъ, въ свою любимую бесѣдку. На него нашли грустныя думы. Впервые онъ ясно сознавалъ свое разъединеніе

съ сыномъ; онъ предчувствовалъ, что съ каждымъ днемъ сно будетъ становиться все больше и больше. Стало-быть, напрасно онъ, бывало, зимою въ Петербургѣ, по цѣлымъ днямъ просиживалъ надъ новѣйшими сочиненіями; напрасно прислушивался къ разговорамъ молодыхъ людей; напрасно радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово въ ихъ кипучія рѣчи. „Братъ говоритъ, что мы правы", думалъ онъ: „и отложивъ всякое самолюбіе въ сторону, мнѣ самому кажется, что они дальше отъ истины, нежели мы, а въ то же время я чувствую, что за ними есть что-то, чего мы не имѣемъ, какое-то преимущество надъ нами... Молодость? Нѣтъ: не одна только молодость. Не въ томъ ли состоитъ это преимущество, что въ нихъ меньше слѣдовъ барства, чѣмъ въ насъ?"

Николай Петровичъ потупилъ голову и провелъ рукой по лицу.

„Но отвергать поэзію?" подумалъ онъ опять: „не сочувствовать художеству, природѣ"...

И онъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ бы желая понять, какъ можно не сочувствовать природѣ. Уже вечерѣло, солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую въ полверстѣ отъ сада: тѣнь отъ нея безъ конца тянулась черезъ неподвижныя поля. Мужичокъ ѣхалъ рысцой на бѣлой лошадкѣ по темной, узкой дорожкѣ вдоль самой рощи: онъ весь былъ ясно виденъ, весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни; пріятно-отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; вѣтеръ совсѣмъ замеръ; запоздалыя пчелы лѣниво и сонливо жужжали въ цвѣтахъ сирени; мошки толклись столбомъ надъ одинокою, далеко протянутою вѣткою. „Какъ хорошо, Боже мой!" подумалъ Николай Петровичъ, и любимые стихи пришли было ему на уста: онъ вспомнилъ Аркадія, *Stoff und Kraft*—и умолкъ, но продолжалъ сидѣть, продолжалъ

предаваться горестной и отрадной игрѣ одинокихъ думъ. Онъ любилъ помечтать; деревенская жизнь развила въ немъ эту способность. Давно ли онъ такъ же мечталъ, поджидая сына на постояломъ дворикѣ, а съ тѣхъ поръ уже произошла перемѣна, уже опредѣлились, тогда еще неясныя, отношенія... и какъ! Представилась ему опять покойница жена, но не такою, какую онъ ее зналъ въ теченіе многихъ лѣтъ, не домовитою, доброю хозяйкою, а молодою дѣвушкой, съ тонкимъ станомъ, невинно-пытливымъ взглядомъ и туго закрученною косой надъ дѣтскою шейкой. Вспомнилъ онъ, какъ онъ увидалъ ее въ первый разъ. Онъ былъ тогда еще студентомъ. Онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ квартиры, въ которой онъ жилъ, и, нечаянно толкнувъ ее, обернулся, хотѣлъ извиниться, и только могъ пробормотать: „pardon, monsieur“, а она наклонила голову, усмѣхнулась, и вдругъ какъ будто испугалась и побѣжала, а на поворотѣ лѣстницы быстро взглянула на него, приняла серьезный видъ и покраснѣла. А потомъ, первыя робкія посѣщенія, полу-слова, полу-улыбки, и недоумѣніе, и грусть, и порывы, и, наконецъ, эта задыхающаяся радость... Куда это все умчалось? Она стала его женой, онъ былъ счастливъ, какъ немногіе на землѣ... „Но,“ думалъ онъ: „тѣ сладостныя, первыя мгновенія, отчего бы не жить имъ вѣчною, неумирающею жизнью?“

Онъ не старался уяснить самому себѣ свою мысль, но онъ чувствовалъ, что ему хотѣлось удержать то блаженное время чѣмъ-нибудь болѣе сильнымъ, нежели память, ему хотѣлось вновь осязать близость своей Маріи, ощутить ея теплоту и дыханіе, и ему уже чудилось, какъ будто надъ нимъ...

— Николай Петровичъ, — раздался вблизи его голосъ Ѳенички:—гдѣ вы?

Онъ вздрогнулъ. Ему не стало ни больно, ни совѣстно... Онъ не допускалъ даже возможности сравненія между женой и Ѳеничкой, но онъ пожалѣлъ о томъ, что она вздумала его отыскивать. Ея голосъ разомъ напомнилъ ему: его сѣдые волосы, его старость, его настоящее...

Волшебный міръ, въ который онъ уже вступалъ, кото-

торый уже возникалъ изъ туманныхъ волнъ прошедшаго, шевельнулся—и исчезъ.

— Я здѣсь, — отвѣчалъ онъ:— я приду, ступай. „Вотъ они, слѣды-то барства“, мелькнуло у него въ головѣ. Ѳеничка молча заглянула къ нему въ бесѣдку и скрылась; а онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что ночь успѣла наступить съ тѣхъ поръ, какъ онъ замечтался. Все потемнѣло и затихло кругомъ, и лицо Ѳенички скользнуло передъ нимъ такое блѣдное и маленькое. Онъ приподнялся и хотѣлъ возвратиться домой; но размягченное сердце не могло успокоиться въ его груди, и онъ сталъ медленно ходить по саду, то задумчиво глядя себѣ подъ ноги, то поднимая глаза къ небу, гдѣ уже роились и перемигивались звѣзды. Онъ ходилъ много, почти до усталости, а тревога въ немъ, какая-то ищущая, неопредѣленная, печальная тревога, все не унималась. О, какъ Базаровъ посмѣялся бы надъ нимъ, если бъ узналъ, что въ немъ тогда происходило! Самъ Аркадій осудилъ бы его. У него, у сорокачетырехлѣтняго человѣка, агронома и хозяина, навертывались слезы, безпричинныя слезы; это было во-сто разъ хуже віолончели.

Николай Петровичъ продолжалъ ходить, и не могъ рѣшиться войти въ домъ, въ это мирное и уютное гнѣздо, которое такъ привѣтно глядѣло на него всѣми своими освѣщенными окнами; онъ не въ силахъ былъ разстаться съ темнотой, съ садомъ, съ ощущеніемъ свѣжаго воздуха на лицѣ, и съ этою грустью, съ этою тревогой...

На поворотѣ дорожки встрѣтился ему Павелъ Петровичъ.

— Что съ тобой?— спросилъ онъ Николая Петровича:— ты блѣденъ, какъ привидѣніе; ты нездоровъ; отчего ты не ложишься?

Николай Петровичъ объяснилъ ему въ короткихъ словахъ свое душевное состояніе, и удалился. Павелъ Петровичъ дошелъ до конца сада, и тоже задумался, и тоже поднялъ глаза къ небу. Но въ его прекрасныхъ, темныхъ глазахъ не отразилось ничего, кромѣ свѣта звѣздъ. Онъ не былъ рожденъ романтикомъ, и не умѣла мечтать его

щегольски-сухая и страстная, на французскій ладъ мизантропическая душа...

— Знаешь ли что?—говорилъ въ ту же ночь Базаровъ Аркадію. — Мнѣ въ голову пришла великолѣпная мысль. Твой отецъ сказывалъ сегодня, что онъ получилъ приглашеніе отъ этого вашего знатнаго родственника. Твой отецъ не поѣдетъ; махнемъ-ка мы съ тобой въ ***; вѣдь этотъ господинъ и тебя зоветъ. Вишь какая сдѣлалась здѣсь погода; а мы прокатимся, городъ посмотримъ. Поболтаемся дней пять-шесть, и баста!

— А оттуда ты вернешься сюда?

— Нѣтъ, надо къ отцу проѣхать. Ты знаешь, онъ отъ *** въ тридцати верстахъ. Я его давно не видалъ, и мать тоже; надо стариковъ потѣшить. Они у меня люди хорошіе, особенно отецъ: презабавный. Я же у нихъ одинъ.

— И долго ты у нихъ пробудешь?

— Не думаю. Чай, скучно будетъ.

— А къ намъ на возвратномъ пути заѣдешь?

— Не знаю... посмотрю. Ну, такъ, что ли? Мы отправимся!

— Пожалуй,—лѣниво замѣтилъ Аркадій.

Онъ въ душѣ очень обрадовался предложенію своего пріятеля, но почелъ обязанностью скрыть свое чувство. Не даромъ же онъ былъ нигилистъ.

На другой день онъ уѣхалъ съ Базаровымъ въ ***. Молодежь въ Марьинѣ пожалѣла объ ихъ отъѣздѣ; Дуняша даже всплакнула... но старичкамъ вздохнулось легко.

XII.

Городъ ***, куда отправились наши пріятели, состоялъ въ вѣдѣніи губернатора изъ молодыхъ, прогрессиста и деспота, какъ это сплошь да рядомъ случается на Руси. Онъ, въ теченіе перваго года своего управленія, успѣлъ перессориться не только съ губернскимъ предводителемъ, отставнымъ гвардіи штабсъ-ротмистромъ, коннымъ заводчикомъ и хлѣбосоломъ, но и съ собственными чиновниками. Возникшія по этому поводу распри приняли, наконецъ, такіе размѣры, что министерство въ Петербургѣ нашло

необходимымъ послать довѣренное лицо съ порученіемъ разобрать все на мѣстѣ. Выборъ начальства палъ на Матвѣя Ильича Колязина, сына того Колязина, подъ попечительствомъ котораго находились нѣкогда братья Кирсановы. Онъ былъ тоже изъ „молодыхъ“, то-есть, ему недавно минуло сорокъ лѣтъ, но онъ уже мѣтилъ въ государственные люди и на каждой сторонѣ груди носилъ по звѣздѣ. Одна, правда, была иностранная, изъ плохенькихъ. Подобно губернатору, котораго онъ пріѣхалъ судить, онъ считался прогрессистомъ и, будучи уже тузомъ, не походилъ на большую часть тузовъ. Онъ имѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе; тщеславіе его не знало границъ, но онъ держался просто, глядѣлъ одобрительно, слушалъ снисходительно, и такъ добродушно смѣялся, что на первыхъ порахъ могъ даже прослыть за „чуднаго малаго“. Въ важныхъ случаяхъ онъ умѣлъ однако, какъ говорится, задать пыли. „Энергія необходима“, говаривалъ онъ тогда: „l'énergie est la première qualité d'un homme d'état“; а со всѣмъ тѣмъ онъ обыкновенно оставался въ дуракахъ, и всякій нѣсколько опытный чиновникъ садился на него верхомъ. Матвѣй Ильичъ отзывался съ большимъ уваженіемъ о Гизо, и старался внушить всѣмъ и каждому, что онъ не принадлежитъ къ числу рутинёровъ и отсталыхъ бюрократовъ, что онъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного важнаго проявленія общественной жизни... Всѣ подобныя слова были ему хорошо извѣстны. Онъ даже слѣдилъ, правда съ небрежною величавостью, за развитіемъ современной литературы: такъ взрослый человѣкъ, встрѣтивъ на улицѣ процессію мальчишекъ, иногда присоединяется къ ней. Въ сущности Матвѣй Ильичъ недалеко ушелъ отъ тѣхъ государственныхъ мужей Александровскаго времени, которые, готовясь идти на вечеръ къ г-жѣ Свѣчиной, жившей тогда въ Петербургѣ, прочитывали поутру страницу изъ Кондильяка; только пріемы у него были другіе, болѣе современные. Онъ былъ ловкій придворный, большой хитрецъ, и больше ничего; въ дѣлахъ толку не зналъ, ума не имѣлъ, а умѣлъ вести свои собственныя дѣла:

тутъ ужъ никто не могъ его осѣдлать, а вѣдь это главное.

Матвѣй Ильичъ принялъ Аркадія съ свойственнымъ просвѣщенному сановнику добродушіемъ, скажемъ болѣе, съ игривостію. Онъ, однако, изумился, когда узналъ, что приглашенные имъ родственники остались въ деревнѣ. „Чудакъ былъ твой папа всегда“, замѣтилъ онъ, побрасывая кистями своего великолѣпнаго бархатнаго шлафрока, и вдругъ, обратясь къ молодому чиновнику въ благонамѣреннѣйше-застегнутомъ вицъ-мундирѣ, воскликнулъ съ озабоченнымъ видомъ: „чего?“ Молодой человѣкъ, у котораго отъ продолжительнаго молчанія слиплись губы, приподнялся и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего начальника. Но, озадачивъ подчиненнаго, Матвѣй Ильичъ уже не обращалъ на него вниманія. Сановники наши вообще любятъ озадачивать подчиненныхъ: способы, къ которымъ они прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли, довольно разнообразны. Слѣдующій способъ, между прочимъ, въ большомъ употребленіи, „is quite a favourite“, какъ говорятъ англичане: сановникъ вдругъ перестаетъ понимать самыя простыя слова, глухоту на себя напускаетъ. Онъ спроситъ напримѣръ: какой сегодня день?

Ему почтительнѣйше докладываютъ: „пятница сегодня, ваше с...с...с...ство“.

— А? что? Что такое? Что вы говорите?—напряженно повторяетъ сановникъ.

— Сегодня пятница, ваше с...с...ство.

— Какъ? Что? Что такое пятница? какая пятница?

— Пятница, ваше с...ссс...ссс...ство, день въ недѣлѣ.

— Ну-у, ты учить меня вздумалъ?

Матвѣй Ильичъ все-таки былъ сановникъ, хоть и считался либераломъ.

— Я совѣтую тебѣ, другъ мой, съѣздить съ визитомъ къ губернатору,—сказалъ онъ Аркадію:—ты понимаешь, я тебѣ это совѣтую не потому, чтобъ я придерживался старинныхъ понятій о необходимости ѣздить къ властямъ на поклонъ, а просто потому, что губернаторъ —

порядочный человѣкъ; притомъ же ты, вѣроятно, желаешь познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ... Вѣдь ты не медвѣдь, надѣюсь? А онъ послѣзавтра даетъ большой балъ.

— Вы будете на этомъ балѣ?—спросилъ Аркадій.

— Опъ для меня его даетъ, — проговорилъ Матвѣй Ильичъ почти съ сожалѣніемъ. — Ты танцуешь?

— Танцую, только плохо.

— Это напрасно. Здѣсь есть хорошенькія, да и молодому человѣку стыдно не танцовать. Опять-таки я это говорю не въ силу старинныхъ понятій; я вовсе не полагаю, что умъ долженъ находиться въ ногахъ, но байронизмъ смѣшонъ, il a fait son temps.

— Да я, дядюшка, вовсе не изъ байронизма, не...

— Я познакомлю тебя съ здѣшними барынями, я беру тебя подъ свое крылышко,—перебилъ Матвѣй Ильичъ, и самодовольно засмѣялся.—Тебѣ тепло будетъ, а?

Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ предсѣдателя казенной палаты, сладкоглазаго старика съ сморщенными губами, который чрезвычайно любилъ природу, особенно въ лѣтній день, когда по его словамъ: „каждая пчелочка съ каждаго цвѣточка беретъ взяточку...“ Аркадій удалился.

Онъ засталъ Базарова въ трактирѣ, гдѣ они остановились, и долго его уговаривалъ пойти къ губернатору. „Нечего дѣлать!“ сказалъ, наконецъ, Базаровъ: „взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Пріѣхали смотрѣть помѣщиковъ, давай ихъ смотрѣть!“ Губернаторъ принялъ молодыхъ людей привѣтливо, но не посадилъ ихъ и самъ не сѣлъ. Онъ вѣчно суетился и спѣшилъ; съ утра надѣвалъ тѣсный вицъ-мундиръ и чрезвычайно тугой галстукъ, не доѣдалъ и не допивалъ, все распоряжался. Его въ губерніи прозвали Бурдалу, намекая тѣмъ не на извѣстнаго французскаго проповѣдника, а на бурду. Онъ пригласилъ Кирсанова и Базарова къ себѣ на балъ, и черезъ двѣ минуты пригласилъ ихъ вторично, считая ихъ уже братьями и называя ихъ Кайсаровыми.

Они шли къ себѣ домой отъ губернатора, какъ вдругъ,

изъ проѣзжающихъ мимо дрожекъ, выскочилъ человѣкъ небольшого роста, въ славянофильской венгеркѣ, и съ крикомъ: „Евгеній Васильичъ!“ бросился къ Базарову.

— А! это вы, герръ Ситниковъ, — проговорилъ Базаровъ, продолжая шагать по тротуару: — какими судьбами?

— Вообразите, совершенно случайно, — отвѣчалъ тотъ, и, обернувшись къ дрожкамъ, махнулъ разъ пять рукой и закричалъ: — ступай за нами, ступай! — У моего отца здѣсь дѣло, — продолжалъ онъ, перепрыгивая черезъ канавку:—ну, такъ онъ меня просилъ... Я сегодня узналъ о вашемъ пріѣздѣ и уже былъ у васъ... (Дѣйствительно, пріятели, возвратясь къ себѣ въ номеръ, нашли тамъ карточку съ загнутыми углами и съ именемъ Ситникова, на одной сторонѣ по-французски, на другой—славянскою вязью.) Я надѣюсь, вы не отъ губернатора?

— Не надѣйтесь, мы прямо отъ него.

— А! въ такомъ случаѣ и я къ нему пойду... Евгеній Васильичъ, познакомьте меня съ вашимъ... съ ними...

— Ситниковъ, Кирсановъ,—проворчалъ, не останавливаясь, Базаровъ.

— Мнѣ очень лестно, — началъ Ситниковъ, выступая бокомъ, ухмыляясь и поспѣшно стаскивая свои уже черезчуръ элегантныя перчатки. — Я очень много слышалъ... Я старинный знакомый Евгенія Васильича, и могу сказать—его ученикъ. Я ему обязанъ моимъ перерожденіемъ...

Аркадій посмотрѣлъ на базаровскаго ученика. Тревожное и тупое выраженіе сказывалось въ маленькихъ, впрочемъ пріятныхъ чертахъ его прилизаннаго лица; небольшіе, словно вдавленные глаза глядѣли пристально и безпокойно, и смѣялся онъ безпокойно: какимъ-то коротким, деревяннымъ смѣхомъ.

— Повѣрите ли,—продолжалъ онъ:—что когда при мнѣ Евгеній Васильевичъ въ первый разъ сказалъ, что не должно признавать авторитетовъ, я почувствовалъ такой восторгъ... словно прозрѣлъ! Вотъ, подумалъ я, наконецъ нашелъ я человѣка! Кстати, Евгеній Васильевичъ, вамъ

непремѣнно надобно сходить къ одной здѣшней дамѣ, которая совершенно въ состояніи понять васъ и для которой ваше посѣщеніе будетъ настоящимъ праздникомъ; вы, я думаю, слыхали о ней?

— Кто такая?—произнесъ нѣхотя Базаровъ.

— Кукшина, Eudoxie, Евдоксія Кукшина. Это—замѣчательная натура, émancipée въ истинномъ смыслѣ слова, передовая женщина. Знаете ли что? Пойдемте теперь къ ней всѣ вмѣстѣ. Она живетъ отсюда въ двухъ шагахъ. Мы тамъ позавтракаемъ. Вѣдь вы еще не завтракали?

— Нѣтъ еще.

— Ну, и прекрасно. Она, вы понимаете, разъѣхалась съ мужемъ, ни отъ кого не зависитъ.

— Хорошенькая она?—перебилъ Базаровъ.

— Н... нѣтъ, этого нельзя сказать.

— Такъ для какого же дьявола вы насъ къ ней зовете?

— Ну, шутникъ, шутникъ... Она намъ бутылку шампанскаго поставитъ.

— Вотъ какъ! Сейчасъ виденъ практическій человѣкъ. Кстати, вашъ батюшка все по откупамъ?

— По откупамъ,—торопливо проговорилъ Ситниковъ и визгливо засмѣялся.—Что жъ? идетъ?

— Не знаю, право.

— Ты хотѣлъ людей смотрѣть, ступай,—замѣтилъ вполголоса Аркадій.

— А вы-то что жъ, г. Кирсановъ,—подхватилъ Ситниковъ.—Пожалуйте и вы, безъ васъ нельзя.

— Да какъ же это мы всѣ разомъ нагрянемъ?

— Ничего. Кукшина—человѣкъ чудный.

— Бутылка шампанскаго будетъ?—спросилъ Базаровъ.

— Три!—воскликнулъ Ситниковъ.—За это я ручаюсь.

— Чѣмъ?

— Собственною головою.

— Лучше бы мошною батюшки. А впрочемъ, пойдемъ.

XIII.

Небольшой дворянскій домикъ на московскій манеръ, въ которомъ проживала Авдотья Никитишна или *Евдоксія*

Кукшина, находился въ одной изъ ново-выгорѣвшихъ улицъ города ***; извѣстно, что наши губернскіе города горятъ, черезъ каждыя пять лѣтъ. У дверей, надъ криво прибитою визитною карточкой, виднѣлась ручка колокольчика, и въ передней встрѣтила пришедшихъ какая-то, не то служанка, не то компаньонка въ чепцѣ, — явные признаки прогрессивныхъ стремленій хозяйки. Ситниковъ спросилъ, дома ли Авдотья Никитишна?

— Это вы, Victor?—раздался тонкій голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Войдите.

Женщина въ чепцѣ тотчасъ исчезла.

— Я не одинъ,—промолвилъ Ситниковъ, лихо скидывая свою венгерку, подъ которою оказалось нѣчто въ родѣ поддевки или пальто-сака, и бросая бойкій взглядъ Аркадію и Базарову.

— Все равно,—отвѣчалъ голосъ.—Entrez!

Молодые люди вошли. Комната, въ которой они очутились, походила скорѣе на рабочій кабинетъ, чѣмъ на гостиную. Бумаги, письма, толстые нумера русскихъ журналовъ, большею частью неразрѣзанные, валялись по запыленнымъ столамъ; вездѣ бѣлѣли разбросанные окурки папиросъ. На кожаномъ диванѣ полулежала дама, еще молодая, бѣлокурая, нѣсколько растрепанная, въ шелковомъ, не совсѣмъ опрятномъ, платьѣ, съ крупными браслетами на коротенькихъ рукахъ и кружевною косынкой на головѣ. Она встала съ дивана и, небрежно натягивая себѣ на плечи бархатную шубку на пожелтѣломъ горностаевомъ мѣху, лѣниво промолвила:

— Здравствуйте, Victor,—и пожала Ситникову руку.

— Базаровъ, Кирсановъ,— проговорилъ онъ отрывисто, въ подражаніе Базарову.

— Милости просимъ,—отвѣчала Кукшина, и, уставивъ на Базарова свои круглые глаза, между которыми сиротливо краснѣлъ крошечный вздернутый носикъ, прибавила:—я васъ знаю,—и пожала ему руку тоже.

Базаровъ поморщился. Въ маленькой и невзрачной фигуркѣ эманципированной женщины не было ничего безобразнаго; но выраженіе ея лица непріятно дѣйствовало

на зрителя. Невольно хотѣлось спросить у ней: „Что ты, голодна? Или скучаешь? Или робѣешь? Чего ты пружишься?“ И у ней, какъ у Ситникова, вѣчно скребло на душѣ. Она говорила и двигалась очень развязно и въ то же время неловко: она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и, между тѣмъ, что бы она ни дѣлала, вамъ постоянно казалось, что она именно это-то и не хотѣла сдѣлать; все у ней выходило, какъ дѣти говорятъ—парочно, то есть не просто, не естественно.

— Да, да, я знаю васъ, Базаровъ,—повторила она. (За ней водилась привычка, свойственная многимъ провинціальнымъ и московскимъ дамамъ — съ перваго дня знакомства звать мужчинъ по фамиліи.)—Хотите сигару?

— Сигарку сигаркой,—подхватилъ Ситниковъ, который успѣлъ развалиться въ креслахъ и задрать ногу кверху:— а дайте-ка намъ позавтракать. Мы голодны ужасно; да велите намъ воздвигнуть бутылочку шампанскаго.

— Сибаритъ, — промолвила Евдоксія, и засмѣялась. (Когда она смѣялась, ея верхняя десна обнажалась надъ зубами.)—Не правда ли, Базаровъ, онъ сибаритъ?

— Я люблю комфортъ жизни,—произнесъ съ важностію Ситниковъ.—Это не мѣшаетъ мнѣ быть либераломъ.

— Нѣтъ, это мѣшаетъ, мѣшаетъ! — воскликнула Евдоксія, и приказала, однако, своей прислужницѣ распорядиться и насчетъ завтрака, и насчетъ шампанскаго. — Какъ вы объ этомъ думаете?—прибавила она, обращаясь къ Базарову.—Я увѣрена, вы раздѣляете мое мнѣніе.

— Ну, нѣтъ,—возразилъ Базаровъ:—кусокъ мяса лучше куска хлѣба, даже съ химической точки зрѣнія.

— А вы занимаетесь химіей? Это моя страсть. Я даже сама выдумала одну мастику.

— Мастику? вы?

— Да, я. И знаете ли съ какою цѣлью? Куклы дѣлать, головки, чтобы не ломались. Я вѣдь тоже практическая. Но все еще не готово. Нужно еще Либиха почитать. Кстати, читали вы статью Кислякова о женскомъ трудѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? Прочтите, пожалуйста.

Вѣдь васъ интересуетъ женскій вопросъ? И школы тоже? Чѣмъ вашъ пріятель занимается? Какъ его зовутъ?

Госпожа Кукшина *роняла* свои вопросы одинъ за другимъ съ изнѣженной небрежностію, не дожидаясь отвѣтовъ; избалованныя дѣти такъ говорятъ со своими нянъками.

— Меня зовутъ Аркадій Николаичъ Кирсановъ,— проговорилъ Аркадій:—и я ничѣмъ не занимаюсь.

Евдоксія захохотала.

— Вотъ это мило? Что, вы не курите? Викторъ, вы знаете, я на васъ сердита.

— За что?

— Вы, говорятъ, опять стали хвалить Жоржъ Санда. Отсталая женщина и больше ничего! Какъ можно сравнить ее съ Эмерсономъ! Она никакихъ идей не имѣетъ ни о воспитаніи, ни о физіологіи, ни о чемъ. Она, я увѣрена, и не слыхивала объ эмбріологіи, а въ наше время—какъ вы хотите безъ этого? (Евдоксія даже руки разставила.) Ахъ, какую удивительную статью по этому поводу написалъ Елисѣичъ! Это геніальный господинъ! (Евдоксія постоянно употребляла слово „господинъ“ вмѣсто „человѣкъ“.) Базаровъ, сядьте возлѣ меня на диванъ. Вы, можетъ-быть, не знаете, я ужасно васъ боюсь.

— Это почему? Позвольте полюбопытствовать.

— Вы опасный господинъ: вы такой критикъ. Ахъ, Боже мой! мнѣ смѣшно, я говорю, какъ какая-нибудь степная помѣщица. Впрочемъ, я дѣйствительно помѣщица. Я сама имѣніемъ управляю и, представьте, у меня староста Ерофей — удивительный типъ, точно Патфайндеръ Купера: что-то такое въ немъ непосредственное! Я окончательно поселилась здѣсь; песносный городъ, не правда ли? Но что дѣлать?

— Городъ какъ городъ, — хладнокровно замѣтилъ Базаровъ.

— Все такіе мелкіе интересы, вотъ что ужасно! Прежде я по зимамъ жила въ Москвѣ... но теперь тамъ обитаетъ мой благовѣрный, мосьё Кукшинъ. Да и Москва теперь... ужъ я не знаю—тоже ужъ не то. Я думаю съѣз-

дить за границу; я въ прошломъ году уже совсѣмъ-было собралась.

— Въ Парижъ, разумѣется?—спросилъ Базаровъ.

— Въ Парижъ и Гейдельбергъ.

— Зачѣмъ въ Гейдельбергъ?

— Помилуйте, тамъ Бунзенъ!

На это Базаровъ ничего не нашелся отвѣтить.

— Pierre Сапожниковъ... вы его знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Помилуйте, Pierre Сапожниковъ... онъ еще всегда у Лидіи Хостатовой бываетъ.

— Я и ея не знаю.

— Ну, вотъ онъ взялся меня проводить. Слава Богу, я свободна, у меня нѣтъ дѣтей... Что это я сказала: *слава Богу!* Впрочемъ, это все-равно.

Евдоксія свернула папироску своими побурѣвшими отъ табаку пальцами, провела по ней языкомъ, пососала ее и закурила. Вошла прислужница съ подносомъ.

— А, вотъ и завтракъ! Хотите закусить? Викторъ, откупорьте бутылку; это по вашей части.

— По моей, по моей,—пробормоталъ Ситниковъ, и опять визгливо засмѣялся.

— Есть здѣсь хорошенькія женщины?—спросилъ Базаровъ, допивая третью рюмку.

— Есть, — отвѣчала Евдоксія: — да всѣ онѣ такія пустыя. Напримѣръ, mon amie Одинцова — недурна. Жаль, что репутація у нея какая-то... Впрочемъ, это бы ничего, но никакой свободы воззрѣнія, никакой ширины, ничего... этого. Всю систему воспитанія надобно перемѣнить. Я объ этомъ уже думала; наши женщины очень дурно воспитаны.

— Ничего вы съ ними не сдѣлаете,—подхватилъ Ситниковъ. — Ихъ слѣдуетъ презирать, и я ихъ презираю, вполнѣ и совершенно! (Возможность презирать и выражать свое презрѣніе была самымъ пріятнымъ ощущеніемъ для Ситникова; онъ въ особенности нападалъ на женщинъ, не подозрѣвая того, что ему предстояло нѣсколько мѣсяцевъ спустя пресмыкаться передъ своей женой, потому только

что она была урожденная княжна Дурдолеосова.) Ни одна изъ нихъ не была бы въ состояніи понять нашу бесѣду; ни одна изъ нихъ не стоитъ того, чтобы мы, серьезные мужчины, говорили о ней!

— Да имъ совсѣмъ не нужно понимать нашу бесѣду,— промолвилъ Базаровъ.

— О комъ вы говорите?—вмѣшалась Евдоксія.

— О хорошенькихъ женщинахъ.

— Какъ? Вы, стало-быть, раздѣляете мнѣніе Прудона! Базаровъ надменно выпрямился.

— Я ничьихъ мнѣній не раздѣляю: я имѣю свои.

— Долой авторитеты!—закричалъ Ситниковъ, обрадовавшись случаю рѣзко выразиться въ присутствіи человѣка, передъ которымъ раболѣпствовалъ.

— Но самъ Маколей,—начала-было Кукшина.

— Долой Маколея!—загремѣлъ Ситниковъ.—Вы заступаетесь за этихъ бабенокъ?

— Не за бабенокъ, а за права женщинъ, которыя я поклялась защищать до послѣдней капли крови.

— Долой!—Но тутъ Ситниковъ остановился.—Да я ихъ не отрицаю,—промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, я вижу, вы славянофилъ!

— Нѣтъ, я не славянофилъ, хотя, конечно...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы славянофилъ. Вы послѣдователь *Домостроя*. Вамъ бы плетку въ руки!

— Плетка дѣло доброе,—замѣтилъ Базаровъ: — только мы вотъ добрались до послѣдней капли...

— Чего?—перебила Евдоксія.

— Шампанскаго, почтеннѣйшая Авдотья Никитишна, шампанскаго—не вашей крови.

— Я не могу слышать равнодушно, когда нападаютъ на женщинъ,—продолжала Евдоксія.—Это ужасно, ужасно. Вмѣсто того, чтобы нападать на нихъ, прочтите лучше книгу Мишле: *De l'amour*. Это чудо! Господа, будемте говорить о любви,—прибавила Евдоксія, томно уронивъ руку на смятую подушку дивана.

Наступило внезапное молчаніе.

— Нѣтъ, зачѣмъ говорить о любви, — промолвилъ Ба-

заровъ: — а вотъ вы упомянули объ Одинцовой... Такъ, кажется, вы ее назвали? Кто эта барыня?

— Прелесть, прелесть!—запищалъ Ситниковъ.—Я васъ представлю. Умница, богачка, вдова. Къ сожалѣнію, она еще недовольно развита: ей бы надо съ нашею Евдоксіей поближе познакомиться. Ныо ваше здоровье, Eudoxie! Чокнемтесь! „Et toc, et toc, et tin-tin-tin. Et toc, et toc, et tin-tin-tin!!..“

— Victor, вы шалунъ.

Завтракъ продолжался долго. За первою бутылкой шампанскаго послѣдовала другая, третья и даже четвертая... Евдоксія болтала безъ умолку; Ситниковъ ей вторилъ. Много толковали они о томъ, что̀ такое бракъ—предразсудокъ или преступленіе, и какіе родятся люди — одинаковые или пѣтъ? и въ чемъ собственно состоитъ индивидуальность? Дѣло дошло, наконецъ, до того, что Евдоксія, вся красная отъ выпитаго вина, и стуча плоскими ногтями по клавишамъ разстроеннаго фортепіано, принялась пѣть сиплымъ голосомъ сперва цыганскія пѣсни, потомъ романсъ Сеймуръ-Шиффа: „Дремлетъ сонная Гранада“, а Ситниковъ повязалъ голову шарфомъ и представлялъ замиравшаго любовника, при словахъ:

„И уста твои съ моими
Въ поцѣлуй горячій слить“.

Аркадій не вытерпѣлъ, наконецъ.

— Господа, ужъ это что-то на Бедламъ похоже стало,— замѣтилъ онъ вслухъ.

Базаровъ, который лишь изрѣдка вставлялъ въ разговоръ насмѣшливое слово—онъ занимался больше шампанскимъ— громко зѣвнулъ, всталъ, и, не прощаясь съ хозяйкой, вышелъ вонъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ. Ситниковъ вскочилъ вслѣдъ за ними.

— Ну что, ну что? — спрашивалъ онъ, подобострастно забѣгая то справа, то слѣва:—вѣдь я говорилъ вамъ: замѣчательная личность! Вотъ какихъ бы намъ женщинъ побольше! Она, въ своемъ родѣ, высоко-нравственное явленіе.

— А это заведеніе *твоего* отца тоже нравственное явле-

піе?—промолвилъ Базаровъ, ткнувъ пальцемъ на кабакъ, мимо котораго они въ это мгновеніе проходили.

Ситниковъ опять засмѣялся съ визгомъ. Онъ очень стыдился своего происхожденія, и не зналъ: чувствовать ли ему себя польщеннымъ или обиженнымъ отъ неожиданнаго *тыканья* Базарова.

XIV.

Нѣсколько дней спустя состоялся балъ у губернатора. Матвѣй Ильичъ былъ настоящимъ „героемъ праздника", губернскій предводитель объявилъ всѣмъ и каждому, что онъ пріѣхалъ собственно изъ уваженія къ нему, а губернаторъ даже и на балѣ, даже оставаясь неподвижнымъ, продолжалъ „распоряжаться". Мягкость въ обращеніи Матвѣя Ильича могла равняться только съ его величавостью. Онъ ласкалъ всѣхъ — однихъ съ оттѣнкомъ гадливости, другихъ съ оттѣнкомъ уваженія; разсыпался „en vrai chevalier français" передъ дамами и безпрестанно смѣялся крупнымъ, звучнымъ и одинокимъ смѣхомъ, какъ оно и слѣдуетъ сановнику. Онъ потрепалъ по спинѣ Аркадія и громко назвалъ его „племянничкомъ", удостоилъ Базарова, облеченнаго въ стороватый фракъ,— разсѣяннаго, но снисходительнаго взгляда вскользь, черезъ щеку, и неяснаго, но привѣтливаго мычанья, въ которомъ только и можно было разобрать, что „я..." да „ссьма"; подалъ палецъ Ситникову и улыбнулся ему, но уже отвернувъ голову; даже самой Кукшиной, явившейся на балъ безо всякой криполины и въ грязныхъ перчаткахъ, но съ райскою птицею въ волосахъ, даже Кукшиной онъ сказалъ „enchanté". Народу было пропасть, и въ кавалерахъ не было недостатка; штатскіе болѣе тѣснились вдоль стѣнъ, но военные танцовали усердно, особенно одинъ изъ нихъ, который прожилъ недѣль шесть въ Парижѣ, гдѣ онъ выучился разнымъ залихватскимъ восклицаньямъ въ родѣ: „zut", „Ah fichtrrre", „pst, pst, mon bibi" и т. п. Онъ произносилъ ихъ въ совершенствѣ, съ настоящимъ парижскимъ *шикомъ*, и въ то же время говорилъ: „si j'aurais" вмѣсто „si j'avais", „absolument"

въ смыслѣ: „непремѣнно“, словомъ, выражался на томъ великорусско-французскомъ нарѣчіи, надъ которымъ такъ смѣются французы, когда они не имѣютъ нужды увѣрять нашу братью, что мы говоримъ на ихъ языкѣ, какъ ангелы, „comme des anges“.

Аркадій танцовалъ плохо, какъ мы уже знаемъ, а Базаровъ вовсе не танцовалъ: они оба помѣстились въ уголкѣ: къ нимъ присоединился Ситниковъ. Изобразивъ на лицѣ своемъ презрительную насмѣшку и отпуская ядовитыя замѣчанія, онъ дерзко поглядывалъ кругомъ и, казалось, чувствовалъ истинное наслажденіе. Вдругъ лицо его измѣнилось и, обернувшись къ Аркадію, онъ, какъ бы съ смущеніемъ, проговорилъ: „Одинцова пріѣхала“.

Аркадій огляпулся и увидалъ женщину высокаго роста въ черномъ платьѣ, остановившуюся въ дверяхъ залы. Она поразила его достоинствомъ своей осанки. Обнаженныя ея руки красиво лежали вдоль стройнаго стана; красиво падали съ блестящихъ волосъ на покатыя плечи легкія вѣтки фуксій; спокойно и умно, именно спокойно, а не задумчиво, глядѣли свѣтлые глаза изъ-подъ немного нависшаго бѣлаго лба, и губы улыбались едва замѣтною улыбкою. Какою-то ласковой и мягкой силой вѣяло отъ ея лица.

— Вы съ ней знакомы?—спросилъ Аркадій Ситникова.

— Коротко. Хотите я васъ представлю?

— Пожалуй... послѣ этой кадрили.

Базаровъ тоже обратилъ вниманіе на Одинцову.

— Это что за фигура?—проговорилъ онъ.—На остальныхъ бабъ не похожа.

Дождавшись конца кадрили, Ситниковъ провелъ Аркадія къ Одинцовой; но едва ли онъ былъ коротко съ ней знакомъ: и самъ онъ запутался въ рѣчахъ своихъ, и она глядѣла на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Однако лицо ея приняло радушное выраженіе, когда она услышала фамилію Аркадія. Она спросила его, не сынъ ли онъ Николая Петровича?

— Точно такъ.

— Я видѣла вашего батюшку два раза; и много слы-

шала о немъ,—продолжала она:—я очень рада съ вами познакомиться.

Въ это мгновеніе подлетѣлъ къ ней какой-то адъютантъ и пригласилъ ее на кадриль. Она согласилась.

— Вы развѣ танцуете?—почтительно спросилъ Аркадій.

— Танцую. А вы почему думаете, что я не танцую? Или я вамъ кажусь слишкомъ стара?

— Помилуйте, какъ можно... Но въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пригласить васъ на мазурку.

Одинцова снисходительно усмѣхнулась.

— Извольте,—сказала она и посмотрѣла на Аркадія, не то чтобы свысока, а такъ, какъ замужнія сестры смотрятъ на очень молоденькихъ братьевъ.

Одинцова была немного старше Аркадія, ей пошелъ двадцать девятый годъ, но въ ея присутствіи онъ чувствовалъ себя школьникомъ, студентикомъ, точно разница лѣтъ между ними была гораздо значительнѣе. Матвѣй Ильичъ приблизился къ ней съ величественнымъ видомъ и подобострастными рѣчами. Аркадій отошелъ въ сторону, но продолжалъ наблюдать за нею: онъ не спускалъ съ нея глазъ и во время кадрили. Она такъ же непринужденно разговаривала съ своимъ танцоромъ, какъ и съ сановникомъ; тихо поводила головой и глазами, и раза два тихо засмѣялась. Носъ у ней былъ немного толстъ, какъ почти у всѣхъ русскихъ, и цвѣтъ кожи не былъ совершенно чистъ; со всѣмъ тѣмъ Аркадій рѣшилъ, что онъ еще никогда не встрѣчалъ такой прелестной женщины. Звукъ ея голоса не выходилъ у него изъ ушей; самыя складки ея платья, казалось, ложились у ней иначе, чѣмъ у другихъ, стройнѣе и шире, и движенія ея были особенно плавны и естественны въ одно и то же время.

Аркадій ощущалъ на сердцѣ нѣкоторую робость, когда, при первыхъ звукахъ мазурки, онъ усаживался возлѣ своей дамы и, готовясь вступить въ разговоръ, только проводилъ рукой по волосамъ и не находилъ единаго слова. Но онъ робѣлъ и волновался не долго; спокойствіе Одинцовой сообщилось и ему: четверти часа не прошло, какъ ужъ онъ свободно разсказывалъ о своемъ отцѣ,

дядѣ, о жизни въ Петербургѣ и въ деревнѣ. Одинцова слушала его съ вѣжливымъ участіемъ, слегка раскрывая и закрывая вѣеръ; болтовня его прерывалась, когда ее выбирали кавалеры; Ситниковъ, между прочимъ, пригласилъ ее два раза. Она возвращалась, садилась снова, брала вѣеръ, и даже грудь ея не дышала быстрѣе, а Аркадій опять принимался болтать, весь проникнутый счастіемъ находиться въ ея близости, говорить съ ней, глядя въ ея глаза, въ ея прекрасный лобъ, во все ея милое, важное и умное лицо. Сама она говорила мало, но знаніе жизни сказывалось въ ея словахъ; по инымъ ея замѣчаніямъ Аркадій заключилъ, что эта молодая женщина уже успѣла перечувствовать и передумать многое...

— Съ кѣмъ вы это стояли?—спросила она его:—когда г-нъ Ситниковъ подвелъ васъ ко мнѣ?

— А вы его замѣтили? — спросилъ въ свою очередь Аркадій.—Не правда ли, какое у него славное лицо? Это нѣкто Базаровъ, мой пріятель.

Аркадій принялся говорить о „своемъ пріятелѣ".

Онъ говорилъ о немъ такъ подробно и съ такимъ восторгомъ, что Одинцова обернулась къ нему и внимательно на него посмотрѣла. Между тѣмъ мазурка приближалась къ концу. Аркадію стало жалко разставаться съ своей дамой: онъ такъ хорошо провелъ съ ней около часа! Правда, онъ въ теченіе всего этого времени постоянно чувствовалъ, какъ будто она къ нему снисходила, какъ будто ему слѣдовало быть ей благодарнымъ... но молодыя сердца не тяготятся этимъ чувствомъ.

Музыка умолкла.

— Mercі, — промолвила Одинцова, вставая. — Вы обѣщали мнѣ посѣтить меня, привезите жъ съ собой и вашего пріятеля. Мнѣ будетъ очень любопытно видѣть человѣка, который имѣетъ смѣлость ни во что не вѣрить.

Губернаторъ подошелъ къ Одинцовой, объявилъ, что ужинъ готовъ, и съ озабоченнымъ лицомъ подалъ ей руку. Уходя, она обернулась, чтобы въ послѣдній разъ улыбнуться и кивнуть Аркадію. Онъ низко поклонился, посмотрѣлъ ей вслѣдъ (какъ строенъ показался ему ея станъ,

облитый сѣроватымъ блескомъ чернаго шелка!) и подумавъ: „въ это мгновенье она уже забыла о моемъ существованіи“, — почувствовалъ на душѣ какое-то изящное смиреніе...

— Ну что?—спросилъ Базаровъ Аркадія, какъ только тотъ вернулся къ нему въ уголокъ. — Получилъ удовольствіе? Мнѣ сейчасъ сказывалъ одинъ баринъ, что эта госпожа—ой-ой-ой; да баринъ-то, кажется, дуракъ. Ну, и по-твоему, что она, точно—ой-ой-ой?

— Я этого опредѣленья не совсѣмъ понимаю, — отвѣчалъ Аркадій.

— Вотъ еще! Какой невинный!

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю твоего барина. Одинцова очень мила—безспорно, но она такъ холодно и строго себя держитъ, что...

— Въ тихомъ омутѣ... ты знаешь! — подхватилъ Базаровъ. — Ты говоришь, она холодна. Въ этомъ-то самый вкусъ и есть. Вѣдь ты любишь мороженое?

— Можетъ-быть,—пробормоталъ Аркадій: — я объ этомъ судить не могу. Она желаетъ съ тобой познакомиться, и просила меня, чтобъ я привезъ тебя къ ней.

— Воображаю, какъ ты меня расписывалъ! Впрочемъ, ты поступилъ хорошо. Вези меня. Кто бы она ни была— просто ли губернская львица, или „эманципе“ въ родѣ Кукшиной, только у ней такія плечи, какихъ я не видывалъ давно.

Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова, но — какъ это часто случается — онъ упрекнулъ своего пріятеля не за то именно, что ему въ немъ не понравилось...

— Отчего ты не хочешь допустить свободы мысли въ женщинахъ?—проговорилъ онъ вполголоса.

— Оттого, братецъ, что, по моимъ замѣчаніямъ, свободно мыслятъ между женщинами только уроды.

Разговоръ на этомъ прекратился. Оба молодыхъ человѣка уѣхали тотчасъ послѣ ужина. Кукшина нервически злобно, но не безъ робости, засмѣялась имъ во слѣдъ: ея самолюбіе было глубоко уязвлено тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не обратилъ на нее вниманія. Она оставалась

позже всѣхъ на балѣ, и въ четвертомъ часу ночи протанцовала польку-мазурку съ Ситниковымъ на парижскій манеръ. Этимъ поучительнымъ зрѣлищемъ и завершился губернаторскій праздникъ.

XV.

— Посмотримъ, къ какому разряду млекопитающихъ принадлежитъ сія особа, — говорилъ на слѣдующій день Аркадію Базаровъ, поднимаясь вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ гостиницы, въ которой остановилась Одинцова. — Чувствуетъ мой носъ, что тутъ что-то не ладно.

— Я тебѣ удивляюсь! — воскликнулъ Аркадій. — Какъ? Ты, ты, Базаровъ, придерживаешься той узкой морали, которую...

— Экой ты чудакъ! — небрежно перебилъ Базаровъ. — Развѣ ты не знаешь, что на нашемъ нарѣчіи и для нашего брата „не ладно“ значитъ „ладно“? Пожива есть, значитъ. Не самъ ли ты сегодня говорилъ, что она странно вышла замужъ, хотя, по мнѣнію моему, выдти за богатаго старика—дѣло ничуть не странное, а, напротивъ, благоразумное. Я городскимъ толкамъ не вѣрю; но люблю думать, какъ говоритъ нашъ образованный губернаторъ, что они справедливы.

Аркадій ничего не отвѣчалъ и постучался въ дверь номера. Молодой слуга въ ливреѣ ввелъ обоихъ пріятелей въ большую комнату, меблированную дурно, какъ всѣ комнаты русскихъ гостиницъ, но уставленную цвѣтами. Скоро появилась сама Одинцова въ простомъ утреннемъ платьѣ. Она казалась еще моложе при свѣтѣ весенняго солнца. Аркадій представилъ ей Базарова, и съ тайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ какъ будто сконфузился, между тѣмъ какъ Одинцова оставалась совершенно спокойною, по-вчерашнему. Базаровъ самъ почувствовалъ, что сконфузился, и ему стало досадно. „Вотъ тебѣ разъ! — бабы испугался!“ подумалъ онъ, и, развалясь въ креслѣ, не хуже Ситникова, заговорилъ преувеличенно развязно, а Одинцова не спускала съ него своихъ ясныхъ глазъ.

Анна Сергѣевна Одинцова родилась отъ Сергѣя Нико-

лаевича Локтева, извѣстнаго красавца, аферіста и игрока, который, продержавшись и прошумѣвъ лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ и Москвѣ, кончилъ тѣмъ, что проигрался въ прахъ и принужденъ былъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ, впрочемъ, скоро умеръ, оставивъ крошечное состояніе двумъ своимъ дочерямъ, Аннѣ — двадцати и Катеринѣ — двѣнадцати лѣтъ. Мать ихъ, изъ обѣднѣвшаго рода князей Х.....ъ, скончалась въ Петербургѣ, когда мужъ ея находился еще въ полной силѣ. Положеніе Анны, послѣ смерти отца, было очень тяжело. Блестящее воспитаніе, полученное ею въ Петербургѣ, не подготовило ее къ перенесенію заботъ по хозяйству и по дому, — къ глухому деревенскому житью. Она не знала никого рѣшительно въ цѣломъ околоткѣ, и посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. Отецъ ея старался избѣгать сношеній съ сосѣдями: онъ ихъ презиралъ, и они его презирали, каждый по-своему. Она, однако, не потеряла головы и немедленно выписала къ себѣ сестру своей матери, княжну Авдотью Степановну Х.....ю, злую и чванную старуху, которая, поселившись у племянницы въ домѣ, забрала себѣ всѣ лучшія комнаты, ворчала и брюзжала съ утра до вечера, и даже по саду гуляла не иначе, какъ въ сопровожденіи единственнаго своего крѣпостного человѣка, угрюмаго лакея въ изношенной гороховой ливреѣ съ голубымъ позументомъ и въ треуголкѣ. Анна терпѣливо выносила всѣ причуды тетки, исподволь занималась воспитаніемъ сестры и, казалось, уже примирилась съ мыслію увянуть въ глуши... Но судьба судила ей другое. Ее случайно увидѣлъ нѣкто Одинцовъ, очень богатый человѣкъ, лѣтъ сорока-шести, чудакъ, ипохондрикъ, пухлый, тяжелый и кислый, впрочемъ не глупый и не злой; влюбился въ нее и предложилъ ей руку. Она согласилась быть его женой,— а онъ пожилъ съ ней лѣтъ шесть и, умирая, упрочилъ за ней все свое состояніе. Анна Сергѣевна около года послѣ его смерти не выѣзжала изъ деревни; потомъ отправилась вмѣстѣ съ сестрой за границу, но побывала только въ Германіи; соскучилась и вернулась на жительство въ свое любезное Никольское, отстоявшее верстъ сорокъ отъ

города ***. Тамъ у ней былъ великолѣпный, отлично-убранный домъ, прекрасный садъ съ оранжереями: покойный Одинцовъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Въ городъ Анна Сергѣевна являлась очень рѣдко, большею частью по дѣламъ и то не надолго. Ея не любили въ губерніи, ужасно кричали по поводу ея брака съ Одинцовымъ, разсказывали про нее всевозможныя небылицы, увѣряли, что она помогала отцу въ его шуллерскихъ продѣлкахъ, что и за границу она ѣздила недаромъ, а изъ необходимости скрыть несчастныя послѣдствія... „Вы понимаете чего?“ договаривали негодующіе разсказчики. — „Прошла черезъ огонь и воду“, говорили о ней; а извѣстный губернскій острякъ обыкновенно прибавлялъ: „и черезъ мѣдныя трубы“. Всѣ эти толки доходили до нея; но она пропускала ихъ мимо ушей: характеръ у нея былъ свободный и довольно рѣшительный.

Одинцова сидѣла, прислонясь къ спинкѣ креселъ и, положивъ руку на руку, слушала Базарова. Онъ говорилъ, противъ обыкновенія, довольно много и явно старался занять свою собесѣдницу, что опять удивило Аркадія. Онъ не могъ рѣшить, достигалъ ли Базаровъ своей цѣли. По лицу Анны Сергѣевны трудно было догадаться, какія она испытывала впечатлѣнія: оно сохраняло одно и то же выраженіе, привѣтливое, тонкое; ея прекрасные глаза свѣтились вниманіемъ, но вниманіемъ безмятежнымъ. Ломаніе Базарова, въ первыя минуты посѣщенія, непріятно подѣйствовало на нее, какъ дурной запахъ или рѣзкій звукъ; но она тотчасъ же поняла, что онъ чувствовалъ смущеніе, и это ей даже польстило. Одно пошлое ее отталкивало, а въ пошлости никто бы не упрекнулъ Базарова. Аркадію пришлось въ тотъ день не переставать удивляться. Онъ ожидалъ, что Базаровъ заговоритъ съ Одинцовой, какъ съ женщиной умной, о своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ: она же сама изъявила желаніе послушать человѣка, „который имѣетъ смѣлость ничему не вѣрить“, но вмѣсто того Базаровъ толковалъ о медицинѣ, о гомеопатіи, о ботаникѣ. Оказалось, что Одинцова не теряла времени въ уединеніи: она прочла

нѣсколько хорошихъ книгъ и выражалась правильнымъ русскимъ языкомъ. Она навела рѣчь на музыку, но замѣтивъ, что Базаровъ не признаетъ искусства, потихоньку возвратилась къ ботаникѣ, хотя Аркадій и пустился-было толковать о значеніи народныхъ мелодій. Одинцова продолжала обращаться съ нимъ какъ съ младшимъ братомъ: казалось, она цѣнила въ немъ доброту и простодушіе молодости — и только. Часа три слишкомъ длилась бесѣда неторопливая, разнообразная и живая.

Пріятели наконецъ поднялись и стали прощаться. Анна Сергѣевна ласково поглядѣла на нихъ, протянула обоимъ свою красивую, бѣлую руку и, подумавъ немного, съ нерѣшительною, но хорошею улыбкой проговорила:

— Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ въ Никольское.

— Помилуйте, Анна Сергѣевна, — воскликнулъ Аркадій:—я за особенное счастье почту...

— А вы, мсьё Базаровъ?

Базаровъ только поклонился,—и Аркадію въ послѣдній разъ пришлось удивиться: онъ замѣтилъ, что пріятель его покраснѣлъ.

— Ну?— говорилъ онъ ему на улицѣ:—ты все того же мнѣнія, что она—ой-ой-ой?

— А кто ее знаетъ! Вишь, какъ она себя заморозила!— возразилъ Базаровъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:— герцогиня, владѣтельная особа. Ей бы только шлейфъ сзади носить, да корону на головѣ.

— Наши герцогини такъ по-русски не говорятъ, — замѣтилъ Аркадій.

— Въ передѣлѣ была, братецъ ты мой, нашего хлѣба покушала.

— А все-таки она прелесть,—промолвилъ Аркадій.

— Этакое богатое тѣло!—продолжалъ Базаровъ:—хоть сейчасъ въ анатомическій театръ.

— Перестань ради Бога, Евгеній! это ни на что не похоже.

— Ну, не сердись, нѣженка. Сказано—первый сортъ. Надо будетъ поѣхать къ ней.

— Когда?

— Да хоть послѣзавтра. Что намъ здѣсь дѣлать-то! Шампанское съ Кукшиной пить? Родственника твоего, либеральнаго сановника, слушать?.. Послѣзавтра же и махнемъ. Кстати — и моего отца усадьбишка оттуда не далеко. Вѣдь это Никольское по *** дорогѣ.

— Да.

— Optime. Нечего мѣшкать; мѣшкаютъ одни дураки— да умники. Я тебѣ говорю: богатое тѣло!

Три дня спустя, оба пріятеля катили по дорогѣ въ Никольское. День стоялъ свѣтлый и не слишкомъ жаркій, и ямскія сытыя лошадки дружно бѣжали, слегка помахивая своими закрученными и заплетенными хвостами. Аркадій глядѣлъ на дорогу и улыбался, самъ не зная чему.

— Поздравь меня, — воскликнулъ вдругъ Базаровъ: — сегодня 22-е іюня, день моего ангела. Посмотримъ, какъ-то онъ обо мнѣ печется. Сегодня меня дома ждутъ, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ... — Ну, подождутъ, что за важность!

XVI.

Усадьба, въ которой жила Анна Сергѣевна, стояла на пологомъ, открытомъ холмѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ желтой каменной церкви съ зеленою крышей, бѣлыми колоннами и живописью al fresco надъ главнымъ входомъ, представлявшею „Воскресеніе Христово" въ „итальянскомъ" вкусѣ. Особенно замѣчателенъ своими округленными контурами былъ распростертый на первомъ планѣ смуглый воинъ въ шишакѣ. За церковью тянулось въ два ряда длинное село съ кое-гдѣ мелькающими трубами надъ соломенными крышами. Господскій домъ былъ построенъ въ одномъ стилѣ съ церковью, въ томъ стилѣ, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ Александровскаго; домъ этотъ былъ также выкрашенъ желтою краской, и крышу имѣлъ зеленую; и

бѣлыя колонны, и фронтонъ съ гербомъ. Губернскій архитекторъ воздвигнулъ оба зданія съ одобренія покойнаго Одинцова, не терпѣвшаго никакихъ пустыхъ и самопроизвольныхъ, какъ онъ выражался, нововведеній. Къ дому съ обѣихъ сторонъ прилегали темныя деревья стариннаго сада, аллея стриженныхъ ёлокъ вела къ подъѣзду.

Пріятелей нашихъ встрѣтили въ передней два рослые лакея въ ливреѣ; одинъ изъ нихъ тотчасъ побѣжалъ за дворецкимъ. Дворецкій, толстый человѣкъ въ черномъ фракѣ, немедленно явился и направилъ гостей по устланной коврами лѣстницѣ въ особую комнату, гдѣ уже стояли двѣ кровати со всѣми принадлежностями туалета. Въ домѣ видимо царствовалъ порядокъ: все было чисто, всюду пахло какимъ-то приличнымъ запахомъ, точно въ министерскихъ пріемныхъ.

— Анна Сергѣевна просятъ васъ пожаловать къ нимъ черезъ полчаса,—доложилъ дворецкій:—не будетъ ли отъ васъ, покамѣстъ, какихъ приказаній?

— Никакихъ приказаній не будетъ, почтеннѣйшій,— отвѣтилъ Базаровъ:—развѣ рюмку водочки соблаговолите поднести.

— Слушаю-съ,—промолвилъ дворецкій не безъ недоумѣнья, и удалился, скрипя сапогами.

— Какой гранжанръ!—замѣтилъ Базаровъ:—кажется, это такъ по-вашему называется? Герцогиня, да и полно.

— Хороша герцогиня,—возразилъ Аркадій:—съ перваго раза пригласила къ себѣ такихъ сильныхъ аристократовъ, каковы мы съ тобой.

— Особенно я, будущій лѣкарь, и лѣкарскій сынъ, и дьячковскій внукъ... Вѣдь ты знаешь, что я внукъ дьячка?..

— Какъ Сперанскій,—прибавилъ Базаровъ, послѣ небольшого молчанія и скрививъ губы.—А все-таки избаловала она себя; охъ, какъ избаловала себя эта барыня! Ужъ не фраки ли намъ надѣть?

Аркадій только плечомъ пожалъ... но и онъ чувствовалъ небольшое смущеніе.

Полчаса спустя Базаровъ съ Аркадіемъ сошли въ гостиную. Это была просторная, высокая комната, убранная довольно роскошно, но безъ особеннаго вкуса. Тяжелая, дорогая мебель стояла въ обычномъ чопорномъ порядкѣ вдоль стѣнъ, обитыхъ коричневыми обоями съ золотыми разводами; покойный Одинцовъ выписалъ ее изъ Москвы черезъ своего пріятеля и комиссіонера, виннаго торговца. Надъ среднимъ диваномъ висѣлъ портретъ обрюзглаго бѣлокураго мужчины—и, казалось, недружелюбно глядѣлъ на гостей.

— Должно-быть *самъ*, — шепнулъ Базаровъ Аркадію и, сморщивъ носъ, прибавилъ:—аль удрать?

Но въ это мгновенье вошла хозяйка. На ней было легкое барежевое платье; гладко зачесанные за уши волосы придавали дѣвическое выраженіе ея чистому и свѣжему лицу.

— Благодарствуйте, что сдержали слово,—начала она:—погостите у меня: здѣсь, право, недурно. Я васъ познакомлю съ моей сестрою, она хорошо играетъ на фортепіано. Вамъ, мсьё Базаровъ, это все равно; но вы, мсьё Кирсановъ, кажется, любите музыку; кромѣ сестры у меня живетъ старушка-тетка, да сосѣдъ одинъ иногда наѣзжаетъ въ карты играть: вотъ и все наше общество. А теперь сядемъ.

Одинцова произнесла весь этотъ маленькій спичъ съ особенною отчетливостью, словно она наизусть его выучила; потомъ она обратилась къ Аркадію. Оказалось, что мать ея знавала Аркадіеву мать, и была даже повѣренною ея любви къ Николаю Петровичу. Аркадій съ жаромъ заговорилъ о покойницѣ; а Базаровъ между тѣмъ принялся разсматривать альбомы. „Какой я смирненькій сталъ“, думалъ онъ про себя.

Красивая борзая собака съ голубымъ ошейникомъ вбѣжала въ гостиную, стуча ногтями по полу, а вслѣдъ за нею вошла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, черноволосая и смуглая, съ нѣсколько круглымъ, но пріятнымъ лицомъ, съ небольшими темными глазами. Она держала въ рукахъ корзину, наполненную цвѣтами.

— Вотъ вамъ и моя Катя, — проговорила Одинцова, указавъ на нее движеніемъ головы.

Катя слегка присѣла, помѣстилась возлѣ сестры и принялась разбирать цвѣты. Борзая собака, имя которой было Фифи, подошла, махая хвостомъ, поочередно къ обоимъ гостямъ, и ткнула каждаго изъ нихъ своимъ холоднымъ носомъ въ руку.

— Это ты все сама нарвала?—спросила Одинцова.

— Сама,—отвѣчала Катя.

— А тетушка придетъ къ чаю?

— Придетъ.

Когда Катя говорила, она очень мило улыбалась, застѣнчиво и откровенно, и глядѣла, какъ-то забавно-сурово, снизу вверхъ. Все въ ней было еще молодо-зелено: и голосъ, и пушокъ на всемъ лицѣ, и розовыя руки съ бѣловатыми кружками на ладоняхъ, и чуть-чуть сжатыя плечи... Она безпрестанно краснѣла и быстро переводила духъ.

Одинцова обратилась къ Базарову.

— Вы изъ приличія разсматриваете картинки, Евгеній Васильичъ, — начала она. — Васъ это не занимаетъ. Подвиньтесь-ка лучше къ намъ, и давайте поспоримте о чемъ-нибудь.

Базаровъ приблизился.

— О чемъ прикажете-съ?—промолвилъ онъ.

— О чемъ хотите. Предупреждаю васъ, что я ужасная спорщица.

— Вы?

— Я. Васъ это какъ будто удивляетъ. Почему?

— Потому что, сколько я могу судить, у васъ нравъ спокойный и холодный, а для спора нужно увлеченіе.

— Какъ это вы успѣли меня узнать такъ скоро? Я, во-первыхъ, нетерпѣлива и настойчива, спросите лучше Катю; а во-вторыхъ, я очень легко увлекаюсь.

Базаровъ поглядѣлъ на Анну Сергѣевну.

— Можетъ-быть, вамъ лучше знать. Итакъ, вамъ угодно спорить, — извольте. Я разсматривалъ виды Саксонской Швейцаріи въ вашемъ альбомѣ, а вы мнѣ замѣтили, что

это меня занять не можетъ. Вы это сказали оттого, что не предполагаете во мнѣ художественнаго смысла, — да, во мнѣ дѣйствительно его нѣтъ; но эти виды могли меня заинтересовать съ точки зрѣнія геологической, съ точки зрѣнія формаціи горъ, напримѣръ.

— Извините: какъ геологъ, вы скорѣе къ книгѣ прибѣгнете, къ спеціальному сочиненію, а не къ рисунку.

— Рисунокъ наглядно представитъ мнѣ то, что въ книгѣ изложено на цѣлыхъ десяти страницахъ.

Анна Сергѣевна помолчала.

— И такъ-таки у васъ ни капельки художественнаго смысла нѣтъ? — промолвила она, облокотясь на столъ, и этимъ самымъ движеніемъ приблизивъ свое лицо къ Базарову.—Какъ же вы это безъ него обходитесь?

— А на что онъ нуженъ, позвольте спросить?

— Да хоть на то, чтобъ умѣть узнавать и изучать людей.

Базаровъ усмѣхнулся.

— Во-первыхъ, на это существуетъ жизненный опытъ; а, во-вторыхъ, доложу вамъ, изучать отдѣльныя личности не стоитъ труда. Всѣ люди другъ на друга похожи, какъ тѣломъ, такъ и душой; у каждаго изъ насъ мозгъ, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены; и такъ-называемыя нравственныя качества одни и тѣ же у всѣхъ: небольшія видоизмѣненія ничего не значатъ. Достаточно одного человѣческаго экземпляра, чтобы судить обо всѣхъ другихъ. Люди, что деревья въ лѣсу; ни одинъ ботаникъ не станетъ заниматься каждою отдѣльною березой.

Катя, которая, не спѣша, подбирала цвѣтокъ къ цвѣтку, съ недоумѣніемъ подняла глаза на Базарова, — и, встрѣтивъ его быстрый и небрежный взглядъ, вспыхнула вся до ушей. Анна Сергѣевна покачала головой.

— Деревья въ лѣсу,—повторила она.—Стало-быть, по вашему нѣтъ разницы между глупымъ и умнымъ человѣкомъ, между добрымъ и злымъ.

— Нѣтъ, есть: какъ между больнымъ и здоровымъ. Легкія у чахоточнаго не въ томъ положеніи, какъ у насъ съ вами, хоть устроены одинаково. Мы приблизительно

знаемъ, отчего происходятъ тѣлесные недуги; а нравственныя болѣзни происходятъ отъ дурного воспитанія, отъ всякихъ пустяковъ, которыми сызмала набиваютъ людскія головы, отъ безобразнаго состоянія общества, однимъ словомъ, исправьте общество, и болѣзней не будетъ.

Базаровъ говорилъ все это съ такимъ видомъ, какъ будто въ то же время думалъ про себя: „вѣрь мнѣ, или не вѣрь, это мнѣ все едино!“ Онъ медленно проводилъ своими длинными пальцами по бакенбардамъ, а глаза его бѣгали по угламъ.

— И вы полагаете, — промолвила Анна Сергѣевна:— что, когда общество исправится, уже не будетъ ни глупыхъ, ни злыхъ людей?

— По крайней мѣрѣ, при правильномъ устройствѣ общества, совершенно будетъ все равно, глупъ ли человѣкъ или уменъ, золъ или добръ.

— Да, понимаю; у всѣхъ будетъ одна и та же селезенка.

— Именно такъ-съ, сударыня.

Одинцова обратилась къ Аркадію.

— А ваше какое мнѣніе, Аркадій Николаевичъ?

— Я согласенъ съ Евгеніемъ,—отвѣчалъ онъ.

Катя поглядѣла на него исподлобья.

— Вы меня удивляете, господа, — промолвила Одинцова: — по мы еще съ вами потолкуемъ. А теперь, я слышу, тетушка идетъ чай пить; мы должны пощадить ея уши.

Тетушка Анны Сергѣевны, княжна Х.....ая, худенькая и маленькая женщина съ сжатымъ въ кулачокъ лицомъ и неподвижными злыми глазами подъ сѣдою накладкой, вошла и, едва поклонившись гостямъ, опустилась въ широкое бархатное кресло, на которое никто, кромѣ ея, не имѣлъ права садиться. Катя поставила ей скамейку подъ ноги; старуха не поблагодарила ее, даже не взглянула на нее, только пошевелила руками подъ желтою шалью, покрывавшею почти все ея тщедушное тѣло. Княжна любила желтый цвѣтъ: у ней и на чепцѣ были ярко-желтыя ленты.

— Какъ вы почивали, тетушка? — спросила Одинцова, возвысивъ голосъ.

— Опять эта собака здѣсь, — проворчала въ отвѣтъ старуха, и замѣтивъ, что Фифи сдѣлала два нерѣшительные шага въ ея направленіи, воскликнула: — брысь, брысь!

Катя позвала Фифи и отворила ей дверь.

Фифи радостно бросилась вонъ, въ надеждѣ, что ее поведутъ гулять, но, оставшись одна за дверью, начала скрестись и повизгивать. Княжна нахмурилась, Катя хотѣла-было выйти...

— Я думаю, чай готовъ?—промолвила Одинцова.—Господа, пойдемте; тетушка, пожалуйте чай кушать.

Княжна молча встала съ кресла, и первая вышла изъ гостиной. Всѣ отправились вслѣдъ за ней въ столовую. Казачокъ въ ливреѣ съ шумомъ отодвинулъ отъ стола обложенное подушками, также завѣтное, кресло, въ которое опустилась княжна; Катя, разливавшая чай, первой ей подала чашку съ раскрашеннымъ гербомъ. Старуха положила себѣ меду въ чашку (она находила, что пить чай съ сахаромъ и грѣшно, и дорого, хотя сама не тратила копейки ни на что), и вдругъ спросила хриплымъ голосомъ:

— А что пишетъ *жнесь* Иванъ?

Ей никто не отвѣчалъ. Базаровъ и Аркадій скоро догадались, что на нее не обращали вниманія, хотя обходились съ нею почтительно. „*Для ради* важности держатъ, потому что княжеское отродье“, подумалъ Базаровъ... Послѣ чаю Анна Сергѣевна предложила пойти гулять: но сталъ накрапывать дождикъ, и все общество, за исключеніемъ княжны, вернулось въ гостиную. Пріѣхалъ сосѣдъ, любитель карточной игры, по имени Порфирій Платоныч, толстенькій, сѣденькій человѣкъ съ коротенькими, точно выточенными ножками, очень вѣжливый и смѣшливый. Анна Сергѣевна, которая разговаривала все больше съ Базаровымъ, спросила его—не хочетъ ли онъ сразиться съ ними по-старомодному въ преферансъ. Базаровъ согласился, говоря, что ему надобно за-

ранѣе приготовится къ предстоящей ему должности уѣзднаго лѣкаря.

— Берегитесь, — замѣтила Анна Сергѣевна: — мы съ Порфиріемъ Платонычемъ васъ разобьемъ. А ты, Катя,— прибавила она:---сыграй что-нибудь Аркадію Николаевичу; онъ любитъ музыку, мы кстати послушаемъ.

Катя неохотно приблизилась къ фортепіано; и Аркадій, хотя точно любилъ музыку, неохотно пошелъ за ней: ему казалось, что Одинцова его отсылаетъ,—а у него на сердцѣ, какъ у всякаго молодого человѣка въ его годы, уже накипало какое-то смутное и томительное ощущеніе, похожее на предчувствіе любви. Катя подняла крышку фортепіано и, не глядя на Аркадія, промолвила вполголоса:

— Что же вамъ сыграть?

— Что хотите,—равнодушно отвѣтилъ Аркадій.

— Вы какую музыку больше любите?—повторила Катя, не перемѣняя положенія.

— Классическую, — тѣмъ же голосомъ отвѣтилъ Аркадій.

— Моцарта любите?

— Моцарта люблю.

Катя достала це-мольную сонату-фантазію Моцарта. Она играла очень хорошо, хотя немного строго и сухо. Не отводя глазъ отъ нотъ и крѣпко стиснувъ губы, сидѣла она неподвижно и прямо, и только къ концу сонаты лицо ея разгорѣлось, и маленькая прядь развившихся волосъ упала на темную бровь.

Аркадія въ особенности поразила послѣдняя часть сонаты, та часть, въ которой посреди плѣнительной веселости безпечнаго напѣва, внезапно возникаютъ порывы такой горестной, почти трагической скорби... Но мысли, возбужденныя въ немъ звуками Моцарта, относились не къ Катѣ. Глядя на нее, онъ только подумалъ: „А вѣдь не дурно играетъ эта барышня, и сама она не дурна“.

Кончивъ сонату, Катя, не принимая рукъ съ клавишей, спросила: „довольно?“ Аркадій объявилъ, что не смѣетъ

утруждать ее болѣе, и заговорилъ съ ней о Моцартѣ; спросилъ ее—сама ли она выбрала эту сонату или кто ей ее отрекомендовалъ? Но Катя отвѣчала ему односложно: она *спряталась*, ушла въ себя. Когда это съ ней случалось, она нескоро выходила наружу; самое лицо ея принимало тогда выраженіе упрямое, почти тупое. Она была не то что робка, а недовѣрчива и немного запугана воспитавшею ее сестрой, чего, разумѣется, та и не подозрѣвала. Аркадій кончилъ тѣмъ, что, подозвавъ возвратившуюся Фифи, сталъ для контенансу, съ благосклонною улыбкой, гладить ее по головѣ. Катя опять взялась за свои цвѣты.

А Базаровъ, между тѣмъ, ремизился да ремизился. Анна Сергѣевна играла мастерски въ карты, Порфирій Платонычъ тоже могъ постоять за себя. Базаровъ остался въ проигрышѣ, хотя незначительномъ, но все-таки не совсѣмъ для него пріятномъ. За ужиномъ Анна Сергѣевна снова завела рѣчь о ботаникѣ.

— Пойдемте гулять завтра поутру,—сказала она ему:— я хочу узнать отъ васъ латинскія названія полевыхъ растеній и ихъ свойства.

— На что вамъ латинскія названія? — спросилъ Базаровъ.

— Во всемъ нуженъ порядокъ,—отвѣчала она.

— Что за чудесная женщина Анна Сергѣевна!—воскликнулъ Аркадій, оставшись наединѣ съ своимъ другомъ въ отведенной имъ комнатѣ.

— Да, — отвѣчалъ Базаровъ: — баба съ мозгомъ. Ну, и видала же она виды.

— Въ какомъ смыслѣ ты это говоришь, Евгеній Васильичъ?

— Въ хорошемъ смыслѣ, въ хорошемъ, батюшка вы мой, Аркадій Николаичъ! Я увѣренъ, что она и своимъ имѣніемъ отлично распоряжается. Но чудо—не она, а ея сестра.

— Какъ? эта смугленькая?

— Да, эта смугленькая. Это вотъ свѣжо, и петронуто, и пугливо, и молчаливо, и все что хочешь. Вотъ кѣмъ

можно заняться. Изъ этой еще что вздумаешь, то и сдѣлаешь; а та—тертый калачъ.

Аркадій ничего не отвѣчалъ Базарову, и каждый изъ нихъ легъ спать съ особенными мыслями въ головѣ.

И Анна Сергѣевна въ тотъ вечеръ думала о своихъ гостяхъ. Базаровъ ей понравился—отсутствіемъ кокетства и самою рѣзкостью сужденій. Она видѣла въ немъ что-то новое, съ чѣмъ ей не случалось встрѣтиться, а она была любопытна.

Анна Сергѣевна была довольно странное существо. Не имѣя никакихъ предразсудковъ, не имѣя даже никакихъ сильныхъ вѣрованій, она ни передъ чѣмъ не уступала и никуда не шла. Она многое ясно видѣла, многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло ее вполнѣ; да она едва ли и желала полнаго удовлетворенія. Ея умъ былъ пытливъ и равнодушенъ въ одно и то же время: ея сомнѣнія не утихали никогда до забывчивости, и никогда не дорастали до тревоги. Не будь она богата и независима, она, быть-можетъ, бросилась бы въ битву, узнала бы страсть... Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчасъ, и она продолжала провожать день за днемъ, не спѣша и лишь изрѣдка волнуясь. Радужныя краски загорались иногда и у ней передъ глазами, но она отдыхала, когда онѣ угасали, и не жалѣла о нихъ. Воображеніе ея уносилось даже за предѣлы того, что по законамъ обыкновенной морали считается дозволеннымъ; но и тогда кровь ея попрежнему тихо катилась въ ея обаятельно-стройномъ и спокойномъ тѣлѣ. Бывало, выйдя изъ благовонной ванны, вся теплая и разнѣженная, она замечтается о ничтожности жизни, объ ея горѣ, трудѣ и злѣ... Душа ея наполнится внезапною смѣлостію, закипитъ благороднымъ стремленіемъ; но сквозной вѣтеръ подуетъ изъ полузакрытаго окна, и Анна Сергѣевна вся сожмется, и жалуется, и почти сердится, и только одно ей нужно въ это мгновеніе: чтобы не дулъ на нее этотъ гадкій вѣтеръ.

Какъ всѣ женщины, которымъ не удалось полюбить, она хотѣла чего-то, сама не зная, чего именно. Собственно ей ничего не хотѣлось, хотя ей казалось, что ей хотѣ-

лось всего. Покойнаго Одинцова она едва выносила (она вышла за него по расчету, хотя она, вѣроятно, не согласилась бы сдѣлаться его женой, если бъ она не считала его за добраго человѣка) и получила тайное отвращеніе ко всѣмъ мужчинамъ, которыхъ представляла себѣ не иначе, какъ неопрятными, тяжелыми и вялыми, безсильно докучливыми существами. Разъ она гдѣ-то за границей встрѣтила молодого, красиваго шведа съ рыцарскимъ выраженіемъ лица, съ честными, голубыми глазами подъ открытымъ лбомъ; онъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, но это не помѣшало ей вернуться въ Россію.

„Странный человѣкъ этотъ лѣкарь?“ думала она, лежа въ своей великолѣпной постели, на кружевныхъ подушкахъ, подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ... Анна Сергѣевна наслѣдовала отъ отца частицу его наклонности къ роскоши. Она очень любила своего грѣшнаго, но добраго отца, а онъ обожалъ ее, дружелюбно шутилъ съ ней, какъ съ ровней, и довѣрялся ей вполнѣ, совѣтовался съ ней. Мать свою она едва помнила.

„Странный этотъ лѣкарь!“ повторила она про себя. Она потянулась, улыбнулась, закинула руки за голову, потомъ пробѣжала глазами страницы двѣ глупаго французскаго романа, выронила книжку — и заснула, вся чистая и холодная, въ чистомъ и душистомъ бѣльѣ.

На слѣдующее утро Анна Сергѣевна, тотчасъ послѣ завтрака, отправилась ботанизировать съ Базаровымъ и возвратилась передъ самымъ обѣдомъ; Аркадій никуда не отлучался и провелъ около часа съ Катей. Ему не было скучно съ нею, она сама вызвалась повторить ему вчерашнюю сонату; но когда Одинцова возвратилась, наконецъ, когда онъ увидалъ ее — сердце въ немъ мгновенно сжалось... Она шла по саду нѣсколько усталою походкой; щеки ея алѣли и глаза свѣтились ярче обыкновеннаго подъ соломенною круглою шляпой. Она вертѣла въ пальцахъ тонкій стебелекъ полевого цвѣтка, легкая мантилья спустилась ей на локти, и широкія, сѣрыя ленты шляпы прильнули къ ея груди. Базаровъ шелъ сзади ея, самоувѣренно и небрежно, какъ всегда, но выраженіе его

лица, хотя веселое и даже ласковое, не понравилось Аркадію. Пробормотавъ сквозь зубы: „здравствуй!"—Базаровъ отправился къ себѣ въ комнату, а Одинцова разсѣянно пожала Аркадію руку и тоже прошла мимо его.

„Здравствуй", подумалъ Аркадій... „Развѣ мы не видѣлись сегодня?"

XVII.

Время (дѣло извѣстное) летитъ иногда птицей, иногда ползетъ червякомъ; но человѣку бываетъ особенно хорошо тогда, когда онъ даже не замѣчаетъ—скоро ли, тихо ли оно проходитъ. Аркадій и Базаровъ именно такимъ образомъ провели дней пятнадцать у Одинцовой. Этому отчасти способствовалъ порядокъ, который она завела у себя въ домѣ и въ жизни. Она строго его придерживалась и заставляла другихъ ему покоряться. Все въ теченіе дня совершалось въ извѣстную пору. Утромъ, ровно въ восемь часовъ, все общество собиралось къ чаю; отъ чая до завтрака всякій дѣлалъ что хотѣлъ, сама хозяйка занималась съ приказчикомъ (имѣніе было на оброкѣ), съ дворецкими, съ главною ключницей. Передъ обѣдомъ общество опять сходилось для бесѣды или для чтенія; вечеръ посвящался прогулкѣ, картамъ, музыкѣ; въ половинѣ одиннадцатаго Анна Сергѣевна уходила къ себѣ въ комнату, отдавала приказанія на слѣдующій день и ложилась спать. Базарову не нравилась эта размѣренная, нѣсколько торжественная правильность ежедневной жизни; „какъ по рельсамъ катишься", увѣрялъ онъ: ливрейные лакеи, чинные дворецкіе оскорбляли его демократическое чувство. Онъ находилъ, что ужъ если на то пошло, такъ обѣдать слѣдовало по-англійски, во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Онъ однажды объяснился объ этомъ съ Анной Сергѣевной. Она такъ себя держала, что каждый человѣкъ, не обинуясь, высказывалъ передъ ней свои мнѣнія. Она выслушала его и промолвила: „съ вашей точки зрѣнія вы правы—и, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ, я—барыня; но въ деревнѣ нельзя жить безпорядочно, скука одолѣетъ",— и продолжала дѣлать по-своему. Базаровъ ворчалъ, но и

ему, и Аркадію, оттого и жилось такъ легко у Одинцовой, что все въ ея домѣ „катилось какъ по рельсамъ“. Со всѣмъ тѣмъ, въ обоихъ молодыхъ людяхъ, съ первыхъ же дней ихъ пребыванія въ Никольскомъ, произошла перемѣна. Въ Базаровѣ, къ которому Анна Сергѣевна очевидно благоволила, хотя рѣдко съ нимъ соглашалась, стала проявляться небывалая прежде тревога: онъ легко раздражался, говорилъ нехотя, глядѣлъ сердито и не могъ усидѣть на мѣстѣ, словно что его подмывало; а Аркадій, который окончательно самъ съ собой рѣшилъ, что влюбленъ въ Одинцову, началъ предаваться тихому унынію. Впрочемъ, это уныніе не мѣшало ему сблизиться съ Катей; оно даже помогло ему войти съ нею въ ласковыя, пріятельскія отношенія. „Меня *она* не цѣнитъ! Пусть!.. А вотъ доброе существо меня не отвергаетъ“, думалъ онъ, и сердце его снова вкушало сладость великодушныхъ ощущеній. Катя смутно понимала, что онъ искалъ какого-то утѣшенія въ ея обществѣ, и не отказывала ни ему, ни себѣ въ невинномъ удовольствіи полустыдливой, полудовѣрчивой дружбы. Въ присутствіи Анны Сергѣевны они не разговаривали между собою: Катя всегда сжималась подъ зоркимъ взглядомъ сестры, а Аркадій, какъ оно и слѣдуетъ влюбленному человѣку, вблизи своего предмета уже не могъ обращать вниманія ни на что другое; но хорошо ему было съ одной Катей. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ занять Одинцову; онъ робѣлъ и терялся, когда оставался съ ней наединѣ; и она не знала, что ему сказать: онъ былъ слишкомъ для нея молодъ. Напротивъ, съ Катей Аркадій былъ какъ дома; онъ обращался съ ней снисходительно, не мѣшалъ ей высказывать впечатлѣнія, возбужденныя въ ней музыкой, чтеніемъ повѣстей, стиховъ и прочими пустяками, самъ не замѣчая или не сознавая, что эти *пустяки* и его занимали. Съ своей стороны, Катя не мѣшала ему грустить. Аркадію было хорошо съ Катей, Одинцовой — съ Базаровымъ, а потому обыкновенно случалось такъ: объ парочки, побывъ немного вмѣстѣ, расходились каждая въ свою сторону, особенно во время прогулокъ. Катя *обожала* природу, и Аркадій ее

любилъ, хоть и не смѣлъ признаться въ этомъ; Одинцова была къ ней довольно равнодушна, такъ же какъ и Базаровъ. Почти постоянное разъединеніе нашихъ пріятелей не осталось безъ послѣдствій: отношенія между ними стали мѣняться. Базаровъ пересталъ говорить съ Аркадіемъ объ Одинцовой, пересталъ даже бранить ея „аристократическія замашки"; правда, Катю онъ хвалилъ попрежнему и только совѣтовалъ умѣрить въ ней сентиментальныя наклонности, но похвалы его были торопливы, совѣты сухи, и вообще онъ съ Аркадіемъ бесѣдовалъ гораздо меньше прежняго... онъ какъ будто избѣгалъ, какъ будто стыдился его...

Аркадій все это замѣчалъ, но хранилъ про себя свои замѣчанія.

Настоящею причиной всей этой „новизны" было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, чувство, которое его мучило и бѣсило, и отъ котораго онъ тотчасъ отказался бы съ презрительнымъ хохотомъ и цинической бранью, если бы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекнулъ ему на возможность того, что въ немъ происходило. Базаровъ былъ великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но любовь въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выражался, романтическомъ, называлъ белибердой, непростительною дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни, и не однажды выражалъ свое удивленіе, почему не посадили въ желтый домъ Тогтенбурга со всѣми миннезингерами и трубадурами?— „Нравится тебѣ женщина", говаривалъ онъ: „старайся добиться толку; а нельзя—ну, не надо, отверпись—земля не клиномъ сошлась". Одинцова ему нравилась: распространенные слухи о ней, свобода и независимость ея мыслей, ея несомнѣнное расположеніе къ нему—все, казалось, говорило въ его пользу; но онъ скоро понялъ, что съ ней „не добьешься толку", а отвернуться отъ нея онъ, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ. Кровь его загоралась, какъ только онъ вспоминалъ о ней; онъ легко сладилъ бы съ своею кровью, но что-то другое въ него вселилось, чего онъ никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ

всегда трунилъ, что возмущало всю его гордость. Въ разговорахъ съ Анной Сергѣевной онъ еще больше прежняго высказывалъ свое равнодушное презрѣніе ко всему романтическому; а оставшись наединѣ, онъ съ негодованіемъ созпавалъ романтика въ самомъ себѣ. Тогда онъ отправлялся въ лѣсъ и ходилъ по немъ большими шагами, ломая попадавшіяся вѣтки, и брапя вполголоса и ее, и себя; или забирался на сѣновалъ, въ сарай, и упрямо закрывая глаза, заставлялъ себя спать, что̀ ему, разумѣется, не всегда удавалось. Вдругъ ему представится, что эти цѣломудренныя руки когда-нибудь обовьются вокругъ его шеи, что эти гордыя губы отвѣтятъ на его поцѣлуи, что эти умные глаза съ нѣжностію—да, съ нѣжностію остановятся на его глазахъ, и голова его закружится и онъ забудется на мигъ, пока опять не вспыхнетъ въ немъ негодованіе. Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода „постыдныхъ“ мысляхъ, точно бѣсъ его дразнилъ. Ему казалось иногда, что и въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженіи ея лица проявлялось что-то особенное, что, можетъ-быть... Но тутъ онъ обыкновенно топалъ ногою или скрежеталъ зубами и грозилъ себѣ кулакомъ.

А между тѣмъ Базаровъ не совсѣмъ ошибался. Онъ поразилъ воображеніе Одинцовой; онъ занималъ ее, она много о немъ думала. Въ его отсутствіи она не скучала, не ждала его, но его появленіе тотчасъ ее оживляло; она охотно оставалась съ нимъ наединѣ и охотно съ нимъ разговаривала, даже тогда, когда онъ ее сердилъ или оскорблялъ ея вкусъ, ея изящныя привычки. Она какъ будто хотѣла и его испытать, и себя извѣдать.

Однажды онъ, гуляя съ ней по саду, внезапно промолвилъ угрюмымъ голосомъ, что намѣренъ скоро уѣхать въ деревню къ отцу... Она поблѣднѣла, словно ее что̀ въ сердце кольнуло, да такъ кольнуло, что она удивилась и долго потомъ размышляла о томъ, что̀ бы это значило. Базаровъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ не съ мыслію испытать ее, посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ: онъ никогда не „сочинялъ“. Утромъ того дня онъ видѣлся

съ отцовскимъ приказчикомъ, бывшимъ своимъ дядькой Тимоѳеичемъ. Этотъ Тимоѳеичъ, потертый и проворный старичокъ, съ выцвѣтшими желтыми волосами, вывѣтреннымъ краснымъ лицомъ и крошечными слезинками въ съёженныхъ глазахъ, неожиданно предсталъ передъ Базаровымъ въ своей коротенькой чуйкѣ изъ толстаго сѣросиневатаго сукна, подпоясанный ременнымъ обрывочкомъ и въ дегтярныхъ сапогахъ.

— А, старина, здравствуй!—воскликнулъ Базаровъ.

— Здравствуйте, батюшка Евгеній Васильичъ,—началъ старичокъ и радостно улыбнулся, отчего все лицо его вдругъ покрылось морщинами.

— Зачѣмъ пожаловалъ? За мной, что ль, прислали?

— Помилуйте, батюшка, какъ можно!—залепеталъ Тимоѳеичъ (онъ вспомнилъ строгій наказъ, полученный отъ барина, при отъѣздѣ). — Въ городъ по господскимъ дѣламъ ѣхали, да про вашу милость услыхали, такъ вотъ и завернули по пути, то-есть—посмотрѣть на вашу милость... а то какъ же можно безпокоить!

— Ну, не ври, — перебилъ его Базаровъ. — Въ городъ тебѣ развѣ здѣсь дорога?

Тимоѳеичъ помялся и ничего не отвѣчалъ.

— Отецъ здоровъ?

— Слава Богу-съ.

— И мать?

— И Арина Васильевна, слава Тебѣ Господи.

— Ждутъ меня небось!

Старичокъ склонилъ на-бокъ свою крошечную головку.

— Ахъ, Евгеній Васильевичъ, какъ не ждать-то-съ! Вѣрите ли Богу, сердце изныло на родителей на вашихъ глядючи.

— Ну, хорошо, хорошо! не расписывай. Скажи имъ, что скоро буду.

— Слушаю-съ,—со вздохомъ отвѣчалъ Тимоѳеичъ.

Выйдя изъ дома, онъ обѣими руками нахлобучилъ себѣ картузъ на голову, взобрался на убогія бѣговыя дрожки, оставленныя имъ у воротъ, и поплелся рысцой, только не въ направленіи города.

Вечеромъ того же дня Одинцова сидѣла у себя въ комнатѣ съ Базаровымъ, а Аркадій расхаживалъ по залѣ и слушалъ игру Кати. Княжна ушла къ себѣ наверхъ; она вообще терпѣть не могла гостей, и въ особенности этихъ „новыхъ оголтѣлыхъ“, какъ она ихъ называла. Въ парадныхъ комнатахъ она только дулась; зато у себя, передъ своею горничной, она разражалась иногда такою бранью, что чепецъ прыгалъ у ней на головѣ вмѣстѣ съ накладкой. Одинцова все это знала.

— Какъ же это вы ѣхать собираетесь,—начала она:— а обѣщаніе ваше?

Базаровъ встрепенулся.

— Какое-съ?

— Вы забыли? Вы хотѣли дать мнѣ нѣсколько уроковъ химіи.

— Что̀ дѣлать-съ! Отецъ меня ждетъ; нельзя мнѣ больше мѣшкать. Впрочемъ, вы можете прочесть: Pelouse et Fremy, „Notions générales de Chimie“; книга хорошая и написана ясно. Вы въ ней найдете все, что̀ нужно.

— А помните: вы меня увѣряли, что книга не можетъ замѣнить... я забыла какъ вы выразились, но вы знаете что̀ я хочу сказать... помните?

— Что̀ дѣлать-съ!—повторилъ Базаровъ.

— Зачѣмъ ѣхать?—проговорила Одинцова, понизивъ голосъ.

Онъ взглянулъ на нее. Она закинула голову на спинку креселъ и скрестила на груди руки, обнаженныя до локтей. Она казалась блѣдней при свѣтѣ одинокой лампы, завѣшенной вырѣзною бумажною сѣткой. Широкое бѣлое платье покрывало ее всю своими мягкими складками; едва виднѣлись кончики ея ногъ, тоже скрещенныхъ.

— А зачѣмъ оставаться?—отвѣчалъ Базаровъ.

Одинцова слегка повернула голову.

— Какъ зачѣмъ? развѣ вамъ у меня не весело? Или вы думаете, что объ васъ здѣсь жалѣть не будутъ?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

Одинцова помолчала.

— Напрасно вы это думаете. Впрочемъ, я вамъ не

вѣрю. Вы не могли сказать это серьезно.—Базаровъ продолжалъ сидѣть неподвижно.—Евгеній Васильевичъ, что же вы молчите?

— Да что мнѣ сказать вамъ? О людяхъ вообще жалѣть не стоитъ, а обо мнѣ подавно.

— Это почему?

— Я человѣкъ положительный, неинтересный. Говорить не умѣю.

— Вы напрашиваетесь на любезность, Евгеній Васильевичъ.

— Это не въ моихъ привычкахъ. Развѣ вы не знаете сами, что изящная сторона жизни мнѣ недоступна, та сторона, которою вы такъ дорожите?

Одинцова покусала уголъ носового платка.

— Думайте, что хотите, но мнѣ будетъ скучно, когда вы уѣдете.

— Аркадій останется,—замѣтилъ Базаровъ.

Одинцова слегка пожала плечомъ.

— Мнѣ будетъ скучно,—повторила она.

— Въ самомъ дѣлѣ? Во всякомъ случаѣ, долго вы скучать не будете.

— Отчего вы такъ полагаете?

— Оттого, что вы сами мнѣ сказали, что скучаете только тогда, когда вашъ порядокъ нарушается. Вы такъ непогрѣшительно-правильно устроили вашу жизнь, что въ ней не можетъ быть мѣста ни скукѣ, ни тоскѣ... никакимъ тяжелымъ чувствамъ.

— И вы находите, что я непогрѣшительна... то-есть, что я такъ правильно устроила свою жизнь?

— Еще бы! Да вотъ напримѣръ: черезъ нѣсколько минутъ пробьетъ десять часовъ, и я уже напередъ знаю, что вы прогоните меня.

— Нѣтъ, не прогоню, Евгеній Васильичъ. Вы можете остаться. Отворите это окно... мнѣ что-то душно.

Базаровъ всталъ и толкнулъ окно. Оно разомъ со стукомъ распахнулось... Онъ не ожидалъ, что оно такъ легко отворялось; притомъ его руки дрожали. Темная, мягкая ночь глянула въ комнату съ своимъ почти чернымъ не-

бомъ, слабо шумѣвшими деревьями и свѣжимъ запахомъ вольнаго, чистаго воздуха.

— Спустите штору и сядьте,—промолвила Одинцова:—мнѣ хочется поболтать съ вами передъ вашимъ отъѣздомъ. Разскажите мнѣ что-нибудь о самомъ себѣ; вы никогда о себѣ не говорите.

— Я стараюсь бесѣдовать съ вами о предметахъ полезныхъ, Анна Сергѣевна.

— Вы очень скромны... Но мнѣ хотѣлось бы узнать что-нибудь о васъ, о вашемъ семействѣ, о вашемъ отцѣ, для котораго вы насъ покидаете.

„Зачѣмъ она говоритъ такія слова?“ подумалъ Базаровъ.

— Все это нисколько не занимательно,—произнесъ онъ вслухъ:—особенно для васъ; мы люди темные...

— А я, по-вашему, аристократка?

Базаровъ поднялъ глаза на Одинцову.

— Да,—промолвилъ онъ преувеличенно-рѣзко.

Она усмѣхнулась.

— Я вижу, вы меня знаете мало, хотя вы и увѣряете, что всѣ люди другъ на друга похожи, и что ихъ изучать не стоитъ. Я вамъ когда-нибудь разскажу свою жизнь... но вы мнѣ прежде разскажете свою.

— Я васъ знаю мало,—повторилъ Базаровъ.—Можетъ-быть, вы правы; можетъ-быть, точно, всякій человѣкъ—загадка. Да хотя вы, напримѣръ, вы чуждаетесь общества, вы имъ тяготитесь, — и пригласили къ себѣ на жительство двухъ студентовъ. Зачѣмъ вы, съ вашимъ умомъ, съ вашей красотою, живете въ деревнѣ?

— Какъ? Какъ вы это сказали?—съ живостью подхватила Одинцова.—Съ моей... красотой?

Базаровъ нахмурился.

— Это все равно,—пробормоталъ онъ:—я хотѣлъ сказать, что не понимаю хорошенько, зачѣмъ вы поселились въ деревнѣ?

— Вы этого не понимаете... Однако, вы объясняете это себѣ какъ-нибудь?

— Да... я полагаю, что вы постоянно остаетесь на

одномъ мѣстѣ потому, что вы себя избаловали, потому что вы очень любите комфортъ, удобства, а ко всему остальному очень равнодушны.

Одинцова опять усмѣхнулась.

— Вы рѣшительно не хотите вѣрить, что я способна увлекаться?

Базаровъ исподлобья взглянулъ на нее.

— Любопытствомъ—пожалуй; но не иначе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я понимаю, почему мы сошлись съ вами; вѣдь и вы такой же, какъ я.

— Мы сошлись...—глухо промолвилъ Базаровъ.

— Да!.. вѣдь я забыла, что вы хотите уѣхать.

Базаровъ всталъ. Лампа тускло горѣла посреди потемнѣвшей, благовонной, уединенной комнаты; сквозь изрѣдка колыхавшуюся штору вливалась раздражительная свѣжесть ночи, слышалось ея таинственное шептаніе. Одинцова не шевелилась ни однимъ членомъ, но тайное волненіе охватывало ее понемногу... Оно сообщилось Базарову. Онъ вдругъ почувствовалъ себя наединѣ съ молодою, прекрасною женщиной...

— Куда вы?—медленно проговорила она.

Онъ ничего не отвѣчалъ и опустился на стулъ.

— Итакъ, вы считаете меня спокойнымъ, изнѣженнымъ, избалованнымъ существомъ,—продолжала она тѣмъ же голосомъ, не спуская глазъ съ окна. — А я такъ знаю о себѣ, что я несчастлива.

— Вы несчастливы! Отчего? Неужели вы можете придавать какое-нибудь значеніе дряннымъ сплетнямъ?

Одинцова нахмурилась. Ей стало досадно, что онъ такъ ее понялъ.

— Меня эти сплетни даже не смѣшатъ, Евгеній Васильевичъ, и я слишкомъ горда, чтобы позволить имъ меня безпокоить. Я несчастлива оттого... что нѣтъ во мнѣ желанія, охоты жить. Вы недовѣрчиво на меня смотрите, вы думаете: это говоритъ „аристократка“, которая вся въ кружевахъ и сидитъ на бархатномъ креслѣ. Я и не скрываюсь: я люблю то, что вы называете комфортомъ, и въ то же время я мало желаю жить. Примите это про-

тиворѣчіе какъ знаете. Впрочемъ, это все въ вашихъ глазахъ романтизмъ.

Базаровъ покачалъ головою.

— Вы здоровы, независимы, богаты; чего же еще? Чего вы хотите?

— Чего я хочу,—повторила Одинцова, и вздохнула.— Я очень устала, я стара, мнѣ кажется, я очень давно живу. Да, я стара,—прибавила она, тихонько натягивая концы мантильи на свои обнаженныя руки. Ея глаза встрѣтились съ глазами Базарова, и она чуть-чуть покраснѣла. — Позади меня уже такъ много воспоминаній: жизнь въ Петербургѣ, богатство, потомъ бѣдность, потомъ смерть отца, замужество, потомъ заграничная поѣздка, какъ слѣдуетъ... Воспоминаній много, а вспомнить нечего, и впереди, передо мною — длинная, длинная дорога, а цѣли нѣтъ... Мнѣ и не хочется идти.

— Вы такъ разочарованы?—спросилъ Базаровъ.

— Нѣтъ,—промолвила съ разстановкой Одинцова:—но я не удовлетворена. Кажется, если бъ я могла сильно привязаться къ чему-нибудь...

— Вамъ хочется полюбить,—перебилъ ее Базаровъ:—а полюбить вы не можете: вотъ въ чемъ ваше несчастіе.

Одинцова принялась разсматривать рукава своей мантильи.

— Развѣ я не могу полюбить?—промолвила она.

— Едва ли! Только я напрасно назвалъ это несчастіемъ. Напротивъ, тотъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, съ кѣмъ эта штука случается.

— Случается, что?

— Полюбить.

— А вы почемъ это знаете?

— По наслышкѣ,—сердито отвѣчалъ Базаровъ.

„Ты кокетничаешь“, подумалъ онъ: „ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего дѣлать, а мнѣ...“ Сердце у него, дѣйствительно, такъ и рвалось.

— Притомъ, вы, можетъ-быть, слишкомъ требовательны, — промолвилъ онъ, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и играя бахромою кресла.

— Можетъ-быть. По-моему, или все, или ничего. Жизнь за жизнь. Взялъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо.

— Что жъ?—замѣтилъ Базаровъ:—это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ... не нашли, чего желали.

— А вы думаете, легко отдаться вполнѣ чему бы то ни было?

— Не легко, если станешь размышлять да выжидать, да самому себѣ придавать цѣну, дорожить собою, то-есть; а не размышляя, отдаться очень легко.

— Какъ же собою не дорожить? Если я не имѣю никакой цѣны, кому же нужна моя преданность?

— Это уже не мое дѣло; это дѣло другого разбирать, какая моя цѣна. Главное, надо умѣть отдаться.

Одинцова отдѣлилась отъ спинки кресла.

— Вы говорите такъ, — начала она: — какъ будто все это испытали.

— Къ слову пришлось, Анна Сергѣевна: это все, вы знаете, не по моей части.

— Но вы бы сумѣли отдаться?

— Не знаю, хвастаться не хочу.

Одинцова ничего не сказала, и Базаровъ умолкъ. Звуки фортепіано долетѣли до нихъ изъ гостиной.

— Что это Катя такъ поздно играетъ,—замѣтила Одинцова.

Базаровъ поднялся.

— Да, теперь точно поздно, вамъ пора почивать.

— Погодите, куда же вы спѣшите... мнѣ нужно сказать вамъ одно слово.

— Какое?

— Погодите,—шепнула Одинцова.

Ея глаза остановились на Базаровѣ; казалось, она внимательно его разсматривала.

Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился къ ней, торопливо сказалъ „прощайте“, стиснулъ ей руку такъ, что она чуть не вскрикнула, и вышелъ вонъ. Она поднесла свои склеившіеся пальцы къ губамъ, подула на

нихъ, и внезапно, порывисто поднявшись съ кресла, направилась быстрыми шагами къ двери, какъ бы желая вернуть Базарова... Горничная вошла въ комнату съ графиномъ на серебряномъ подносѣ. Одинцова остановилась, велѣла ей уйти и сѣла опять, и опять задумалась. Коса ея развилась и темной змѣей упала къ ней на плечо. Лампа еще долго горѣла въ комнатѣ Анны Сергѣевны, и долго она оставалась неподвижною, лишь изрѣдка проводя пальцами по своимъ рукамъ, которыя слегка покусывалъ ночной холодъ.

А Базаровъ, часа два спустя, вернулся къ себѣ въ спальню съ мокрыми отъ росы сапогами, взъерошенный и угрюмый. Онъ засталъ Аркадія за письменнымъ столомъ съ книгой въ рукахъ, въ застегнутомъ доверху сюртукѣ.

— Ты еще не ложился?—проговорилъ онъ какъ бы съ досадой.

— Ты долго сидѣлъ сегодня съ Анной Сергѣевной, — промолвилъ Аркадій, не отвѣчая на его вопросъ.

— Да, я съ ней сидѣлъ все время, пока вы съ Катериной Сергѣевной играли на фортепіано.

— Я не игралъ... — началъ-было Аркадій, и умолкъ. Онъ чувствовалъ, что слезы приступали къ его глазамъ, а ему не хотѣлось заплакать передъ своимъ насмѣшливымъ другомъ.

XVIII.

На слѣдующій день, когда Одинцова явилась къ чаю, Базаровъ долго сидѣлъ нагнувшись надъ своею чашкою, да вдругъ взглянулъ на нее... Она обернулась къ нему, какъ будто онъ ее толкнулъ, и ему показалось, что лицо ея слегка поблѣднѣло за ночь. Она скоро ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ завтраку. Съ утра погода стояла дождливая, не было возможности гулять. Все общество собралось въ гостиную. Аркадій досталъ послѣдній нумеръ журнала, и началъ читать. Княжна, по обыкновенію своему, сперва выразила на лицѣ своемъ удивленіе, точно онъ затѣвалъ нѣчто неприличное, потомъ

злобно уставилась на него; но онъ не обратилъ на нее вниманія.

— Евгеній Васильевичъ, — проговорила Анна Сергѣевна:—пойдемте ко мнѣ... Я хочу у васъ спросить... Вы назвали вчера одно руководство...

Она встала и направилась къ дверямъ. Княжна посмотрѣла вокругъ съ такимъ выраженіемъ, какъ бы желала сказать: „посмотрите, посмотрите, какъ я изумляюсь!“ и опять уставилась на Аркадія, но онъ возвысилъ голосъ и, переглянувшись съ Катей, возлѣ которой сидѣлъ, продолжалъ чтеніе.

Одинцова скорыми шагами дошла до своего кабинета. Базаровъ проворно слѣдовалъ за нею, не поднимая глазъ и только ловя слухомъ тонкій свистъ и шелестъ скользившаго передъ нимъ шелковаго платья. Одинцова опустилась на то же самое кресло, на которомъ сидѣла наканунѣ, и Базаровъ занялъ вчерашнее свое мѣсто.

— Такъ какъ же называется эта книга?— начала она послѣ небольшого молчанія.

— Pelouse et Frémy, „Notions générales“...— отвѣчалъ Базаровъ. — Впрочемъ, можно вамъ также порекомендовать — Ganot, „Traité élémentaire de physique expérimentale“. Въ этомъ сочиненіи рисунки отчетливѣе и вообще этотъ учебникъ...

Одинцова протянула руку.

— Евгеній Васильичъ, извините меня, но я позвала васъ сюда не съ тѣмъ, чтобы разсуждать объ учебникахъ. Мнѣ хотѣлось возобновить нашъ вчерашній разговоръ. Вы ушли такъ внезапно... Вамъ не будетъ скучно?

— Я къ вашимъ услугамъ, Анна Сергѣевна. Но о чемъ, бишь, бесѣдовали мы вчера съ вами?

Одинцова бросила косвенный взглядъ на Базарова.

— Мы говорили съ вами, кажется, о счастіи. Я вамъ разсказывала о самой себѣ. Кстати вотъ, я упомянула слово „счастіе“. Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, напримѣръ, музыкой, хорошимъ вечеромъ, разговоромъ съ симпатическими людьми, отчего все это

кажется скорѣе намекомъ на какое-то безмѣрное, гдѣ-то существующее счастіе, чѣмъ дѣйствительнымъ счастіемъ, то-есть такимъ, которымъ мы сами обладаемъ? Отчего это? Или вы, можетъ-быть, ничего подобнаго не ощущаете?

— Вы знаете поговорку: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“,— возразилъ Базаровъ:—притомъ же вы сами сказали вчера, что вы не удовлетворены. А мнѣ въ голову, точно, такія мысли не приходятъ.

— Можетъ-быть, онѣ кажутся вамъ смѣшными?

— Нѣтъ, но онѣ мнѣ не приходятъ въ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ? Знаете, я бы очень желала знать, о чемъ *вы* думаете?

— Какъ? я васъ не понимаю.

— Послушайте, я давно хотѣла объясниться съ вами. Вамъ нечего говорить,—вамъ это самимъ извѣстно,—что вы человѣкъ не изъ числа обыкновенныхъ:—вы еще молоды — вся жизнь передъ вами. Къ чему вы себя готовите? какая будущность ожидаетъ васъ? я хочу сказать— какой цѣли вы хотите достигнуть, куда вы идете, что у васъ на душѣ? словомъ, кто вы, что вы?

— Вы меня удивляете, Анна Сергѣевна. Вамъ извѣстно, что я занимаюсь естественными науками, а кто я...

— Да, кто вы?

— Я уже докладывалъ вамъ, что я будущій уѣздный лѣкарь.

Анна Сергѣевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Зачѣмъ вы это говорите? Вы этому сами не вѣрите. Аркадій могъ бы мнѣ отвѣчать такъ, а не вы.

— Да чѣмъ же Аркадій...

— Перестаньте! Возможно ли, чтобы вы удовольствовались такою скромною дѣятельностью, и не сами ли вы всегда утверждаете, что для васъ медицина не существуетъ. Вы—съ вашимъ самолюбіемъ — уѣздный лѣкарь! Вы мнѣ отвѣчаете такъ, чтобъ отдѣлаться отъ меня, потому что вы не имѣете никакого довѣрія ко мнѣ. А знаете ли, Евгеній Васильичъ, что я умѣла бы понять васъ: я сама была бѣдна и самолюбива, какъ вы; я про-

шла, можетъ-быть, черезъ такія же испытанія, какъ и вы.

— Все это прекрасно, Анна Сергѣевна, но вы меня извините... я вообще не привыкъ высказываться; и между вами и мною такое разстояніе...

— Какое разстояніе? — Вы опять мнѣ скажете, что я аристократка? Полноте, Евгеній Васильичъ; я вамъ, кажется, доказала...

— Да и кромѣ того,—перебилъ Базаровъ:—что за охота говорить и думать о будущемъ, которое большею частью не отъ насъ зависитъ? Выйдетъ случай что-нибудь сдѣлать—прекрасно, а не выйдетъ — по крайней мѣрѣ тѣмъ будешь доволенъ, что заранѣе напрасно не болталъ.

— Вы называете дружескую бесѣду болтовней... Или, можетъ-быть, вы меня, какъ женщину, не считаете достойною вашего довѣрія? — Вѣдь вы насъ всѣхъ презираете.

— Васъ я не презираю, Анна Сергѣевна, и вы это знаете.

— Нѣтъ, я ничего не знаю... но положимъ: я понимаю ваше нежеланіе говорить о будущей вашей дѣятельности; но то, что въ васъ теперь происходитъ...

— Происходитъ!—повторилъ Базаровъ:—точно я государство какое, или общество! Во всякомъ случаѣ, это вовсе не любопытно; и притомъ развѣ человѣкъ всегда можетъ громко сказать все, что въ немъ „происходитъ“?

— А я не вижу, почему нельзя высказать все, что имѣешь на душѣ.

— *Вы* можете?—спросилъ Базаровъ.

— Могу,—отвѣчала Анна Сергѣевна послѣ небольшого колебанія.

Базаровъ наклонилъ голову.

— Вы счастливѣе меня.

Анна Сергѣевна вопросительно посмотрѣла на него.

— Какъ хотите,—продолжала она: — а мнѣ все-таки что-то говоритъ, что мы сошлись не даромъ, что мы будемъ хорошими друзьями. Я увѣрена, что ваша эта, какъ бы сказать, ваша напряженность, сдержанность исчезнетъ наконецъ?

— А вы замѣтили во мнѣ сдержанность... какъ вы еще выразились... напряженность?

— Да.

Базаровъ всталъ и подошелъ къ окну.

— И вы желали бы знать причину этой сдержанности, вы желали бы знать, что во мнѣ происходитъ?

— Да,—повторила Одинцова, съ какимъ-то, ей еще непонятнымъ, испугомъ.

— И вы не разсердитесь?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? — Базаровъ стоялъ къ ней спиною. — Такъ знайте же, что я люблю васъ глупо, безумно... Вотъ чего вы добились.

Одинцова протянула впередъ обѣ руки, а Базаровъ уперся лбомъ въ стекло окна. Онъ задыхался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть-можетъ, сродни ей... Одинцовой стало и страшно, и жалко его.

— Евгеній Васильичъ,—проговорила она, и невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосѣ.

Онъ быстро обернулся, бросилъ на нее пожирающій взоръ,—и, схвативъ ея обѣ руки, внезапно привлекъ ее къ себѣ на грудь.

Она не тотчасъ освободилась изъ его объятій; но мгновенье спустя, она уже стояла далеко въ углу, и глядѣла оттуда на Базарова. Онъ рванулся къ ней...

— Вы меня не поняли,—прошептала она съ торопливымъ испугомъ. Казалось, шагни онъ еще разъ, она бы вскрикнула... Базаровъ закусилъ губы и вышелъ.

Полчаса спустя, служанка подала Аннѣ Сергѣевнѣ записку отъ Базарова; она состояла изъ одной только строчки: „долженъ ли я сегодня уѣхать — или могу остаться до завтра?“ — „Зачѣмъ уѣзжать? Я васъ не понимала— вы меня не поняли“, отвѣтила ему Анна Сергѣевна, а сама подумала: „я и себя не понимала“.

Она до обѣда не показывалась, и все ходила взадъ и

впередъ по своей комнатѣ, заложивъ руки назадъ, изрѣдка останавливаясь то передъ окномъ, то передъ зеркаломъ, и медленно проводила платкомъ по шеѣ, на которой ей все чудилось горячее пятно. Она спрашивала себя, что̀ заставляло ее „добиваться“, по выраженію Базарова, его откровенности, и не подозрѣвала ли она чего-нибудь... „Я виновата“, промолвила она вслухъ: „но я это не могла предвидѣть“. Она задумывалась и краснѣла, вспоминая почти звѣрское лицо Базарова, когда онъ бросился къ ней...

„Или?“ произнесла она вдругъ, и остановилась, и тряхнула кудрями... Она увидала себя въ зеркалѣ; ея назадъ закинутая голова съ таинственною улыбкой на полу-закрытыхъ, полу-раскрытыхъ глазахъ и губахъ, казалось, говорила ей въ этотъ мигъ что-то такое, отъ чего она сама смутилась...

„Нѣтъ“, рѣшила она наконецъ: „Богъ знаетъ, куда бы это повело, этимъ нельзя шутить, спокойствіе все-таки лучше всего на свѣтѣ“.

Ея спокойствіе не было потрясено; но она опечалилась, и даже всплакнула разъ, сама не зная отчего, только не отъ нанесеннаго оскорбленія. Она не чувствовала себя оскорбленною: она скорѣе чувствовала себя виноватою. Подъ вліяніемъ различныхъ смутныхъ чувствъ, сознанія уходящей жизни, желанія новизны, она заставила себя дойти до извѣстной черты, заставила себя заглянуть за нее—и увидала за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразіе.

XIX.

Какъ ни владѣла собою Одинцова, какъ ни стояла выше всякихъ предразсудковъ, но и ей было неловко, когда она явилась въ столовую, къ обѣду. Впрочемъ, онъ прошелъ довольно благополучно. Порфирій Платонычъ пріѣхалъ, разсказалъ разные анекдоты; онъ только что вернулся изъ города. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что губернаторъ, Бурдалу, приказалъ своимъ чиновникамъ по особымъ порученіямъ носить шпоры, на случай, если онъ

пошлетъ ихъ куда-нибудь, для скорости, верхомъ. Аркадій вполголоса разсуждалъ съ Катей и дипломатически прислуживался княжнѣ. Базаровъ упорно и угрюмо молчалъ. Одинцова раза два—прямо, не украдкой посмотрѣла на его лицо, строгое и желчное, съ опущенными глазами, съ отпечаткомъ презрительной рѣшимости въ каждой чертѣ, и подумала: „нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ...“ Послѣ обѣда она со всѣмъ обществомъ отправилась въ садъ и, видя, что Базаровъ желаетъ заговорить съ нею, сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону и остановилась. Онъ приблизился къ ней, но и тутъ не поднялъ глазъ и глухо промолвилъ:

— Я долженъ извиниться передъ вами, Анна Сергѣевна. Вы не можете не гнѣваться на меня.

— Нѣтъ, я на васъ не сержусь, Евгеній Васильичъ,— отвѣчала Одинцова:—но я огорчена.

— Тѣмъ хуже. Во всякомъ случаѣ, я довольно наказанъ. Мое положеніе, съ этимъ вы вѣроятно согласитесь, самое глупое. Вы мнѣ написали: зачѣмъ уѣзжать? А я не могу и не хочу остаться. Завтра меня здѣсь не будетъ.

— Евгеній Васильичъ, зачѣмъ вы...

— Зачѣмъ я уѣзжаю?

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать.

— Прошедшаго не воротишь, Анна Сергѣевна... а рано или поздно это должно было случиться. Слѣдовательно, мнѣ надобно уѣхать. Я понимаю только одно условіе, при которомъ я бы могъ остаться; но этому условію не бывать никогда. Вѣдь вы, извините мою дерзость, не любите меня и не полюбите никогда?

Глаза Базарова сверкнули на мгновенье изъ-подъ темныхъ его бровей.

Анна Сергѣевна не отвѣчала ему. „Я боюсь этого человѣка“, мелькнуло у ней въ головѣ.

— Прощайте-съ,—проговорилъ Базаровъ, какъ бы угадавъ ея мысль, и направился къ дому.

Анна Сергѣевна тихонько пошла вслѣдъ за нимъ, и подозвавъ Катю, взяла ее подъ руку. Она не разставалась съ ней до самаго вечера. Въ карты она играть не стала,

и все больше посмѣивалась, что вовсе не шло къ ея поблѣднѣвшему и смущенному лицу. Аркадій недоумѣвалъ и наблюдалъ за нею, какъ молодые люди наблюдаютъ, то-есть постоянно вопрошалъ самого себя: что, молъ, это значитъ? Базаровъ заперся у себя въ комнатѣ; къ чаю онъ, однако, вернулся. Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось сказать ему какое-нибудь доброе слово, но она не знала, какъ заговорить съ нимъ...

Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія: дворецкій доложилъ о пріѣздѣ Ситникова.

Трудно передать словами, какою перепелкой влетѣлъ въ комнату молодой прогрессистъ. Рѣшившись, съ свойственною ему назойливостью, поѣхать въ деревню къ женщинѣ, которую онъ едва зналъ, которая никогда его не приглашала, но у которой, по собраннымъ свѣдѣніямъ, гостили такіе умные и близкіе ему люди, онъ все-таки робѣлъ до мозга костей и вмѣсто того, чтобы произнести заранѣе затверженныя извиненія и привѣтствія, пробормоталъ какую-то дрянь, что Евдоксія, дескать, Кукшина прислала его узнать о здоровьѣ Анны Сергѣевны, и что Аркадій Николаевичъ, тоже, ему всегда отзывался съ величайшею похвалой... На этомъ словѣ онъ запнулся и потерялся до того, что сѣлъ на собственную шляпу. Однако, такъ какъ никто его не прогналъ, и Анна Сергѣевна даже представила его теткѣ и сестрѣ, онъ скоро оправился и затрещалъ на славу. Появленіе пошлости бываетъ часто полезно въ жизни: оно ослабляетъ слишкомъ высоко настроенныя струны, отрезвляетъ самоувѣренныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое близкое родство съ ними. Съ прибытіемъ Ситникова все стало какъ-то тупѣе—и проще; всѣ даже поужинали плотнѣй и разошлись спать получасомъ раньше обыкновеннаго.

— Я могу тебѣ теперь повторить,—говорилъ, лежа на постели, Аркадій Базарову, который тоже раздѣлся:—то, что ты мнѣ сказалъ однажды: „Отчего ты такъ грустенъ? вѣрно исполнилъ какой-нибудь священный долгъ?“

Между обоими молодыми людьми съ нѣкоторыхъ поръ установилось какое-то лжеразвязное подтруниваніе, что

всегда служитъ признакомъ тайнаго неудовольствія или не высказанныхъ подозрѣній.

— Я завтра къ батькѣ уѣзжаю,—проговорилъ Базаровъ.

Аркадій приподнялся и оперся на локоть. Онъ и удивился, и почему-то обрадовался.

— А!—промолвилъ онъ.—И ты отъ этого грустенъ?

Базаровъ зѣвнулъ.

— Много будешь знать, состарѣешься.

— А какъ же Анна Сергѣевна?—продолжалъ Аркадій.

— Что такое Анна Сергѣевна?

— Я хочу сказать: развѣ она тебя отпуститъ?

— Я у ней не нанимался.

Аркадій задумался, а Базаровъ легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Евгеній!—воскликнулъ вдругъ Аркадій.

— Ну?

— Я завтра съ тобой уѣду тоже.

Базаровъ ничего не отвѣчалъ.

— Только я домой поѣду,—продолжалъ Аркадій.—Мы вмѣстѣ отправимся до Хохловскихъ выселковъ, а тамъ ты возьмешь у Ѳедота лошадей. Я бы съ удовольствіемъ познакомился съ твоими, да я боюсь и ихъ стѣснить, и тебя. Вѣдь ты потомъ опять пріѣдешь къ намъ?

— Я у васъ свои вещи оставилъ,—отозвался Базаровъ, не оборачиваясь.

„Зачѣмъ же онъ меня не спрашиваетъ, почему я ѣду? и такъ же внезапно, какъ и онъ?“ подумалъ Аркадій. „Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я ѣду, и зачѣмъ онъ ѣдетъ?“ продолжалъ онъ свои размышленія. Онъ не могъ отвѣчать удовлетворительно на собственный вопросъ, а сердце его наполнялось чѣмъ-то ѣдкимъ. Онъ чувствовалъ, что тяжело ему будетъ разстаться съ этою жизнью, къ которой онъ такъ привыкъ; но и оставаться одному было какъ-то странно. „Что-то у нихъ произошло“, разсуждалъ онъ самъ съ собою: „зачѣмъ же я буду торчать передъ нею послѣ отъѣзда? я ей окончательно надоѣмъ; я и послѣднее потеряю“. Онъ началъ представлять себѣ Анну Сер-

гѣевну, потомъ другія черты понемногу проступили сквозь красивый обликъ молодой вдовы.

„Жаль и Кати!“ шепнулъ Аркадій въ подушку, на которую уже капнула слеза... Онъ вдругъ вскинулъ волосами и громко промолвилъ:

— На какого чорта этотъ глупецъ Ситниковъ пожаловалъ?

Базаровъ сперва пошевелился на постели, а потомъ произнесъ слѣдующее:

— Ты, братъ, глупъ еще, я вижу. Ситниковы намъ необходимы. Мнѣ, пойми ты это — мнѣ нужны подобные олухи. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать!..

„Эге, ге!..“ подумалъ про себя Аркадій, и тутъ только открылась ему на мигъ вся бездонная пропасть базаровскаго самолюбія. „Мы, стало-быть, съ тобой боги? то-есть— ты богъ, а олухъ ужъ не я ли?“

— Да,—повторилъ угрюмо Базаровъ:—ты еще глупъ.

Одинцова не изъявила особеннаго удивленія, когда, на другой день, Аркадій сказалъ ей, что уѣзжаетъ съ Базаровымъ; она казалась разсѣянною и усталою. Катя молча и серьезно посмотрѣла на него, княжна даже перекрестилась подъ своею шалью, такъ-что онъ не могъ этого не замѣтить, зато Ситниковъ совершенно переполошился. Онъ только что сошелъ къ завтраку въ новомъ щегольскомъ, на этотъ разъ не славянофильскомъ, нарядѣ; наканунѣ онъ удивилъ приставленнаго къ нему человѣка множествомъ навезеннаго имъ бѣлья, и вдругъ его товарищи его покидаютъ!—Онъ немножко посѣменилъ ногами, пометался, какъ гоный заяцъ на опушкѣ лѣса,—и внезапно, почти съ испугомъ, почти съ крикомъ объявилъ, что и онъ намѣренъ уѣхать. Одинцова не стала его удерживать.

— У меня очень покойная коляска,—прибавилъ несчастный молодой человѣкъ, обращаясь къ Аркадію:—я могу васъ подвезти, а Евгеній Васильичъ можетъ взять вашъ тарантасъ, такъ оно даже удобнѣе будетъ.

— Да помилуйте, вамъ совсѣмъ не по дорогѣ, и до меня далеко.

— Это ничего, ничего; времени у меня много, притомъ у меня на той сторонѣ дѣла есть.

— Но откупамъ? — спросилъ Аркадій, уже слишкомъ презрительно.

Но Ситниковъ находился въ такомъ отчаяніи, что, противъ обыкновенія, даже не засмѣялся.

— Я васъ увѣряю, коляска чрезвычайно покойная, — пробормоталъ онъ:—и всѣмъ мѣсто будетъ.

— Не огорчайте мсьё Ситникова отказомъ,—промолвила Анна Сергѣевна...

Аркадій взглянулъ на нее и значительно наклонилъ голову.

Гости уѣхали послѣ завтрака. Прощаясь съ Базаровымъ, Одинцова протянула ему руку и сказала:

— Мы еще увидимся, не правда ли?

— Какъ прикажете,—отвѣтилъ Базаровъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы увидимся.

Аркадій первый вышелъ на крыльцо: онъ взобрался въ ситниковскую коляску. Его почтительно подсаживалъ дворецкій, а онъ бы съ удовольствіемъ его побилъ или расплакался. Базаровъ помѣстился въ тарантасѣ.—Добравшись до Хохловскихъ выселковъ, Аркадій подождалъ, пока Ѳедотъ, содержатель постоялаго двора, запрягъ лошадей, и, подойдя къ тарантасу, съ прежней улыбкой сказалъ Базарову:

— Евгеній, возьми меня съ собой; я хочу къ тебѣ поѣхать.

— Садись,—произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

Ситниковъ, который расхаживалъ, бойко посвистывая, вокругъ колесъ своего экипажа, только ротъ разинулъ, услышавъ эти слова, а Аркадій хладнокровно вынулъ свои вещи изъ его коляски, сѣлъ возлѣ Базарова—и, учтиво поклонившись своему бывшему спутнику, крикнулъ: „Трогай!“ Тарантасъ покатилъ и скоро исчезъ изъ вида... Ситниковъ, окончательно скопфужепный, посмотрѣлъ на своего кучера, но тотъ игралъ кнутикомъ надъ хвостомъ пристяжной. Тогда Ситниковъ вскочилъ въ коляску—и, загремѣвъ на двухъ проходившихъ мужиковъ: „надѣньте шапки, дураки!“—потащился въ городъ, куда прибылъ

очень поздно, и гдѣ, на слѣдующій день, у Кукшиной, сильно досталось двумъ „противнымъ гордецамъ и невѣжамъ“.

Садясь въ тарантасъ къ Базарову, Аркадій крѣпко стиснулъ ему руку и долго ничего не говорилъ. Казалось, Базаровъ понялъ и оцѣнилъ и это пожатіе, и это молчаніе. Предшествовавшую ночь онъ всю не спалъ, и не курилъ, и почти ничего не ѣлъ уже нѣсколько дней. Сумрачно и рѣзко выдавался его похудалый профиль изъ-подъ нахлобученной фуражки.

— Что, братъ,—проговорилъ онъ наконецъ:—дай-ка сигарку... Да посмотри, чай, желтый у меня языкъ?

— Желтый,—отвѣчалъ Аркадій.

— Ну да... вотъ и сигарка не вкусна. — Расклеилась машина.

— Ты, дѣйствительно, измѣнился въ это послѣднее время,—замѣтилъ Аркадій.

— Ничего! поправимся. Одно скучно, — мать у меня такая сердобольная: коли брюха не отрастилъ, да не ѣшь десять разъ на день, она и убивается. Ну, отецъ ничего, тотъ самъ былъ вездѣ, и въ ситѣ, и въ рѣшетѣ. Нѣтъ, нельзя курить,—прибавилъ онъ, и швырнулъ сигарку въ пыль дороги.

— До твоего имѣнія двадцать пять верстъ?—спросилъ Аркадій.

— Двадцать пять. Да вотъ спроси у этого мудреца.

Онъ указалъ на сидѣвшаго на козлахъ мужика, Ѳедотова работника.

Но мудрецъ отвѣчалъ, что: „хтошь е знаетъ — вёрсты тутотка не мѣряныя“, и продолжалъ вполголоса бранить коренную за то, что она „головизной лягаетъ“, то-есть дергаетъ головой.

— Да, да,—заговорилъ Базаровъ:—урокъ вамъ, юный другъ мой, поучительный нѣкій примѣръ. Чортъ знаетъ, что за вздоръ! Каждый человѣкъ на ниточкѣ виситъ, бездна ежеминутно подъ нимъ развернуться можетъ, а онъ еще самъ придумываетъ себѣ всякія непріятности, портитъ свою жизнь.

— Ты на что намекаешь?—спросилъ Аркадій.

— Я ни на что не намекаю, я прямо говорю, что мы оба съ тобою очень глупо себя вели. Что тутъ толковать! Но я уже въ клиникѣ замѣтилъ: кто злится на свою боль—тотъ непремѣнно ее побѣдитъ.

— Я тебя не совсѣмъ понимаю,—промолвилъ Аркадій:—кажется, тебѣ не на что было пожаловаться.

— А коли ты не совсѣмъ меня понимаешь, такъ я тебѣ доложу слѣдующее: по-моему — лучше кампи бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца. Это все...—Базаровъ чуть-было не произнесъ своего любимаго слова „романтизмъ“—да удержался, и сказалъ:—вздоръ.—Ты мнѣ теперь не повѣришь, но я тебѣ говорю: мы вотъ съ тобой попали въ женское общество, и намъ было пріятно; но бросить подобное общество—все равно, что въ жаркій день холодною водой окатиться. —Мужчинѣ некогда заниматься такими пустяками; мужчина долженъ быть свирѣпъ, гласитъ отличная испанская поговорка. Вѣдь вотъ ты,—прибавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему на козлахъ мужику: — ты, умница, есть у тебя жена?

Мужикъ показалъ обоимъ пріятелямъ свое плоское и подслѣповатое лицо.

— Жена-то? Есть. Какъ не быть женѣ?

— Ты ее бьешь?

— Жену-то? Всяко случается. Безъ причины не бьемъ.

— И прекрасно. Ну, а она тебя бьетъ?

Мужикъ задергалъ вожжами.

— Эко слово ты сказалъ, баринъ. Тебѣ бы все шутить...—Онъ видимо обидѣлся.

— Слышишь, Аркадій Николаевичъ! А насъ съ вами прибили... вотъ оно что значитъ быть образованными людьми.

Аркадій принужденно засмѣялся, а Базаровъ отвернулся и во всю дорогу уже не разѣвалъ рта.

Двадцать пять верстъ показались Аркадію за цѣлыхъ пятьдесятъ. Но вотъ на скатѣ пологаго холма открылась наконецъ небольшая деревушка, гдѣ жили родители Ба-

зарова. Рядомъ съ нею, въ молодой березовой рощицѣ, виднѣлся дворянскій домикъ подъ соломенною крышей. У первой избы стояли два мужика въ шапкахъ и бранились. „Большая ты свинья,“ говорилъ одинъ другому: „а хуже малаго поросенка“.—„А твоя жена—колдунья“, возражалъ другой.

— По непринужденности обращенія,—замѣтилъ Аркадію Базаровъ: — и по игривости оборотовъ рѣчи, ты можешь судить, что мужики у моего отца не слишкомъ притѣснены. Да вотъ и онъ самъ выходитъ на крыльцо своего жилища. Услыхалъ, знать, колокольчикъ. Онъ, онъ—узнаю его фигуру. Эге, ге! какъ онъ однако посѣдѣлъ, бѣдняга!

XX.

Базаровъ высунулся изъ тарантаса, а Аркадій вытянулъ голову изъ-за спины своего товарища, и увидалъ на крылечкѣ господскаго домика высокаго, худощаваго человѣка, съ взъерошенными волосами и тонкимъ орлинымъ носомъ, одѣтаго въ старый военный сюртукъ нараспашку. Онъ стоялъ, растопыривъ ноги, курилъ длинную трубку и щурился отъ солнца.

Лошади остановились.

— Наконецъ пожаловалъ,—проговорилъ отецъ Базарова, всё продолжая курить, хотя чубукъ такъ и прыгалъ у него между пальцами. — Ну вылѣзай, вылѣзай, почеломкаемся.

Онъ сталъ обнимать сына... „Енюша, Енюша“, раздался трепещущій женскій голосъ. Дверь распахнулась, и на порогѣ показалась кругленькая, низенькая старушка, въ бѣломъ чепцѣ и короткой пестрой кофточкѣ. Она ахнула, пошатнулась и навѣрно бы упала, если бы Базаровъ не поддержалъ ея. Пухлыя ея ручки мгновенно обвились вокругъ его шеи, голова прижалась къ его груди, и все замолкло. Только слышались ея прерывистыя всхлипыванья.

Старикъ Базаровъ глубоко дышалъ и щурился пуще прежняго.

— Ну, полно, полно, Арина! перестань,—заговорилъ онъ, помѣшавшись взглядомъ съ Аркадіемъ, который стоялъ неподвижно у тарантаса, между тѣмъ какъ мужикъ на козлахъ даже отвернулся:—это совсѣмъ не нужно! пожалуйста перестань.

— Ахъ, Василій Иванычъ,—пролепетала старушка: — въ кои-то вѣки батюшку-то моего, голубчика-то, Енюшеньку...—и, не разжимая рукъ, она отодвинула отъ Базарова свое мокрое отъ слезъ, мятое и умиленное лицо, посмотрѣла на него какими-то блаженными и смѣшными глазами, и опять къ нему припала.

— Ну, да, конечно, это все въ натурѣ вещей,—промолвилъ Василій Иванычъ: только лучше ужъ въ комнату пойдемъ. Съ Евгеніемъ вотъ гость пріѣхалъ. Извините,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Аркадію, и шаркнулъ слегка ногой:—вы понимаете, женская слабость; ну и сердце матери...

А у самого и губы, и брови дергало, и подбородокъ тряся... но онъ видимо желалъ побѣдить себя и казаться чуть не равнодушнымъ. Аркадій наклонился.

— Пойдемте, матушка, въ самомъ дѣлѣ,—промолвилъ Базаровъ и повелъ въ домъ ослабѣвшую старушку. Усадивъ ее въ покойное кресло, онъ еще разъ наскоро обнялся съ отцомъ и представилъ ему Аркадія.

— Душевно радъ знакомству, — проговорилъ Василій Ивановичъ:—только ужъ вы не взыщите: у меня здѣсь все по простотѣ, на военную ногу. Арина Власьевна, успокойся, сдѣлай одолженіе: что за малодушіе? Господинъ гость долженъ осудить тебя.

— Батюшка, — сквозь слезы проговорила старушка: — имени и отчества не имѣю чести знать...

— Аркадій Николаичъ,—съ важностію, вполголоса, подсказалъ Василій Иванычъ.

— Извините меня, глупую. —Старушка высморкалась и, нагибая голову то направо, то налѣво, тщательно утерла одинъ глазъ послѣ другого.—Извините вы меня. Вѣдь я такъ и думала, что умру, не дождусь моего го....о....о.... лубчика.

— А вотъ и дождались, сударыня,—подхватилъ Василій Ивановичъ.—Танюшка,—обратился онъ къ босоногой дѣвочкѣ лѣтъ тринадцати, въ ярко-красномъ ситцевомъ платьѣ, пугливо выглядывавшей изъ-за двери: — принеси барынѣ стаканъ воды—на подносѣ, слышь?—а васъ, господа,—прибавилъ онъ съ какою-то старомодною игривостью: — позвольте попросить въ кабинетъ къ отставному ветерану.

— Хоть еще разочекъ дай обнять тебя, Енюшечка,—простонала Арина Власьевна. Базаровъ нагнулся къ ней.—Да какой же ты красавчикъ сталъ!

— Ну, красавчикъ не красавчикъ,—замѣтилъ Василій Ивановичъ:—а мужчина, какъ говорится: *оммфе*. А теперь, я надѣюсь, Арина Власьевна, что, насытивъ свое материнское сердце, ты позаботишься о насыщеніи своихъ дорогихъ гостей, потому что, тебѣ извѣстно, соловья баснями кормить не слѣдуетъ.

Старушка привстала съ креселъ.—Сію минуту, Василій Ивапычъ, столъ накрытъ будетъ, сама въ кухню сбѣгаю и самоваръ поставить велю, все будетъ, все. Вѣдь три года его не видала, не кормила, не поила, легко ли?

— Ну, смотри же, хозяюшка, хлопочи, не осрамись; а васъ, господа, прошу за мной пожаловать. Вотъ и Тимофеичъ явился къ тебѣ на поклонъ, Евгеніи. И онъ, чай, обрадовался, старый барбосъ. Что? вѣдь обрадовался, старый барбосъ? Милости просимъ за мной.

И Василій Ивановичъ суетливо пошелъ впередъ, шаркая и шлепая стоптанными туфлями.

Весь его домикъ состоялъ изъ шести крошечныхъ комнатъ. Одна изъ нихъ, та, куда онъ привелъ нашихъ пріятелей, называлась кабинетомъ. Толстоногій столъ, заваленный почернѣвшими отъ старинной пыли, словно прокопченными бумагами, занималъ весь промежутокъ между двумя окнами; по стѣнамъ висѣли турецкія ружья, нагайки, сабля, двѣ ландкарты, какіе-то анатомическіе рисунки, портретъ Гуфеланда, вензель изъ волосъ въ черной рамкѣ и дипломъ подъ стекломъ; кожаный, кое-гдѣ продавленный и разорванный, диванъ помѣщался между

двумя громадными шкапами изъ корельской березы; на полкахъ въ безпорядкѣ тѣснились книги, коробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки; въ одномъ углу стояла сломанная электрическая машина.

— Я васъ предупредилъ, любезный мой посѣтитель, — началъ Василій Иванычъ: — что мы живемъ здѣсь, такъ сказать, на бивуакахъ...

— Да перестань, что ты извиняешься?—перебилъ Базаровъ.—Кирсановъ очень хорошо знаетъ, что мы съ тобой не Крезы, и что у тебя не дворецъ. Куда мы его помѣстимъ, вотъ вопросъ?

— Помилуй, Евгеній; тамъ у меня во флигелькѣ отличная комната: имъ тамъ очень хорошо будетъ.

— Такъ у тебя и флигелекъ завелся?

— Какъ же-съ: гдѣ баня-съ, вмѣшался Тимоѳеичъ.

— То-есть рядомъ съ баней,—поспѣшно присовокупилъ Василій Ивановичъ.— Теперь же лѣто... Я сейчасъ сбѣгаю туда, распоряжусь; а ты бы, Тимоѳеичъ, пока ихъ вещи внесъ. Тебѣ, Евгеній, я, разумѣется, предоставлю мой кабинетъ. Suum cuique.

— Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка и добрѣйшій,— прибавилъ Базаровъ, какъ только Василій Ивановичъ вышелъ. — Такой же чудакъ, какъ твой, только въ другомъ родѣ. Много ужъ очень болтаетъ.

— И мать твоя, кажется, прекрасная женщина,—замѣтилъ Аркадій.

— Да, она у меня безъ хитрости. Обѣдъ намъ, посмотри, какой задастъ.

— Сегодня васъ не ждали, батюшка, говядинки не привезли,—промолвилъ Тимоѳеичъ, который только-что втащилъ базаровскій чемоданъ.

— И безъ говядинки обойдемся, на нѣтъ и суда нѣтъ. Вѣдность, говорятъ, не порокъ.

— Сколько у твоего отца душъ?—спросилъ вдругъ Аркадій.

— Имѣніе не его, а матери; душъ, помнится, пятнадцать.

— И всѣ двадцать двѣ,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Тимоѳеичъ.

Послышалось шлепанье туфель, и снова появился Василій Ивановичъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ ваша комната будетъ готова принять васъ, — воскликнулъ онъ съ торжественностію:—Аркадій... Николаичъ? такъ, кажется, вы изволите величаться? А вотъ вамъ и прислуга, — прибавилъ онъ, указывая на вошедшаго съ нимъ коротко-остриженнаго мальчика въ синемъ, на локтяхъ прорванномъ, кафтанѣ и въ чужихъ сапогахъ. — Зовутъ его Ѳедькой. Опять-таки повторяю, хоть сынъ и запрещаетъ, не взыщите. Впрочемъ, трубку набивать онъ умѣетъ. Вѣдь вы курите?

— Я курю больше сигары,—отвѣтилъ Аркадій.

— И весьма благоразумно поступаете. Я самъ отдаю преферансъ сигаркамъ, но въ нашихъ уединенныхъ краяхъ доставать ихъ чрезвычайно затруднительно.

— Да полно тебѣ Лазаря пѣть,—перебилъ опять Базаровъ.—Сядь лучше вотъ тутъ на диванъ, да дай на себя посмотрѣть.

Василій Ивановичъ засмѣялся и сѣлъ. Онъ очень походилъ лицомъ на своего сына, только лобъ у него былъ ниже и уже, и ротъ немного шире, и онъ безпрестанно двигался, поводилъ плечами, точно платье ему подъ мышками рѣзало, моргалъ, покашливалъ и шевелилъ пальцами, между тѣмъ какъ сынъ его отличался какою-то небрежною неподвижностью.

— Лазаря пѣть!—повторилъ Василій Ивановичъ.—Ты, Евгеній, не думай, что я хочу, такъ сказать, разжалобить гостя: вотъ, молъ, мы въ какомъ захолустьѣ живемъ. Я, напротивъ, того мнѣнія, что для человѣка мыслящаго нѣтъ захолустья. По крайней мѣрѣ, я стараюсь, по возможности, не зарасти, какъ говорится, мохомъ, не отстать отъ вѣка.

Василій Ивановичъ вытащилъ изъ кармана новый желтый фуляръ, который успѣлъ захватить, бѣгая въ Аркадіеву комнату, и продолжалъ, помахивая имъ по воздуху:

— Я уже не говорю о томъ, что я, напримѣръ, не безъ чувствительныхъ для себя пожертвованій, посадилъ

мужиковъ на оброкъ и отдалъ имъ свою землю изъ-полу. Я считалъ это своимъ долгомъ, самое благоразуміе въ этомъ случаѣ повелѣваетъ, хотя другіе владѣльцы даже не помышляютъ объ этомъ: я говорю о наукахъ, объ образованіи.

— Да; вотъ я вижу у тебя — „Другъ здравія“ на 1855 годъ,—замѣтилъ Базаровъ.

— Мнѣ его по знакомству старый товарищъ высылаетъ, — поспѣшно проговорилъ Василій Ивановичъ: — но мы, напримѣръ, и о френологіи имѣемъ понятіе,—прибавилъ онъ, обращаясь, впрочемъ, болѣе къ Аркадію и указывая на стоявшую на шкапѣ небольшую гипсовую голову, разбитую на нумерованные четыреугольники:—намъ и Шенлейнъ не остался безызвѣстенъ—и Радемахеръ.

— А въ Радемахера еще вѣрятъ въ *** губерніи?— спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ закашлялъ.

— Въ губерніи... Конечно, вамъ, господа, лучше знать; гдѣ жъ намъ за вами угоняться? Вѣдь вы намъ на смѣну пришли. И въ мое время какой-нибудь гуморалистъ Гоффманъ, какой-нибудь Броунъ съ его витализмомъ — казались очень смѣшны, а вѣдь тоже гремѣли когда-то. Кто-нибудь новый замѣнилъ у васъ Радемахера, вы ему поклоняетесь, а черезъ двадцать лѣтъ, пожалуй, и надъ тѣмъ смѣяться будутъ.

— Скажу тебѣ въ утѣшеніе,—промолвилъ Базаровъ:— что мы теперь вообще надъ медициной смѣемся и ни передъ кѣмъ не преклоняемся.

— Какъ же это такъ? Вѣдь ты докторомъ хочешь быть?

— Хочу, да одно другому не мѣшаетъ.

Василій Ивановичъ потыкалъ третьимъ пальцемъ въ трубку, гдѣ еще оставалось немного горячей золы.

— Ну, можетъ-быть, можетъ-быть — спорить не стану. Вѣдь я что? — Отставной штабъ-лѣкарь, *волату*, теперь вотъ въ агрономы попалъ.—Я у вашего дѣвушки въ бригадѣ служилъ,—обратился онъ опять къ Аркадію:—да-съ, да-съ;—много я на своемъ вѣку видалъ видовъ. И въ какихъ только обществахъ не бывалъ, съ кѣмъ не важи-

вался! — Я, тотъ самый я, котораго вы изволите видѣть теперь передъ собою, я у князя Витгенштейна и Жуковскаго пульсъ щупалъ! Тѣхъ-то, въ южной-то арміи, по четырнадцатому, вы понимаете (и тутъ Василій Ивановичъ значительно сжалъ губы), всѣхъ зналъ наперечетъ. Ну, да вѣдь мое дѣло—сторона; знай свой ланцетъ, и баста! А дѣдушка вашъ очень почтенный былъ человѣкъ, настоящій военный.

— Сознайся, дубина была порядочная,—лѣниво промолвилъ Базаровъ.

— Ахъ, Евгеній, какъ это ты выражаешься! помилосердуй... Конечно, генералъ Кирсановъ не принадлежалъ къ числу...

— Ну, брось его,—перебилъ Базаровъ.—Я, какъ подъѣзжалъ сюда, порадовался на твою березовую рощицу, славно вытянулась.

Василій Ивановичъ оживился.

— А ты посмотри, садикъ у меня теперь какой! Самъ каждое деревцо сажалъ. И фрукты есть, и ягоды, и всякія медицинскія травы. Ужъ какъ вы тамъ ни хитрите, господа молодые, а все-таки старикъ Парацельсій святую правду изрекъ: in herbis, verbis et lapidibus... Вѣдь я, ты знаешь, отъ практики отказался, а раза два въ недѣлю приходится стариной тряхнуть. Идутъ за совѣтомъ — нельзя же гнать въ шею. Случается, бѣдные прибѣгаютъ къ помощи. Да и докторовъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Одинъ здѣшній сосѣдъ, представь, отставной майоръ, тоже лѣчитъ. Я спрашиваю о немъ: учился ли онъ медицинѣ? Говорятъ мнѣ: нѣтъ, онъ не учился, онъ больше изъ филантропіи... Ха-ха, изъ филантропіи! а? каково! ха-ха! ха-ха!

— Ѳедька! набей мнѣ трубку! — сурово проговорилъ Базаровъ!

— А то здѣсь другой докторъ пріѣзжаетъ къ больному,—продолжалъ съ какимъ-то отчаяніемъ Василій Ивановичъ: — а больной уже ad patres; человѣкъ и не пускаетъ доктора, говоритъ: теперь больше не надо. Тотъ этого не ожидалъ, сконфузился и спрашиваетъ: „что, баринъ, передъ смертью пилъ?“ — „Пили-съ“. — „И много

никалъ?“ — „Много“. — „А, ну — это хорошо“ — да и вертъ назадъ. Ха-ха-ха!

Старикъ одинъ засмѣялся; Аркадій выразилъ улыбку на своемъ лицѣ. Базаровъ только затянулся. Бесѣда продолжалась такимъ образомъ около часа; Аркадій успѣлъ сходить въ свою комнату, которая оказалась предбанникомъ, но очень уютнымъ и чистымъ. Наконецъ, вошла Танюша и доложила, что обѣдъ готовъ.

Василій Ивановичъ первый поднялся.

— Пойдемте, господа! Извините великодушно, коли наскучилъ. Авось хозяйка моя удовлетворитъ васъ болѣе моего.

Обѣдъ, хотя наскоро сготовленный, вышелъ очень хорошій, даже обильный; только вино немного, какъ говорится, подгуляло: почти черный хересъ, купленный Тимоѳеичемъ въ городѣ у знакомаго купца, отзывался не то мѣдью, не то канифолью; и мухи тоже мѣшали. Въ обыкновенное время дворовый мальчикъ отгонялъ ихъ большою зеленой вѣткой; но на этотъ разъ Василій Ивановичъ услалъ его изъ боязни осужденія со стороны юнаго поколѣнія. Арина Власьевна успѣла принарядиться; надѣла высокій чепецъ съ шелковыми лентами и голубую шаль съ разводами. Она опять всплакнула, какъ только увидѣла своего Енюшу, но мужу не пришлось ее усовѣщивать: она сама поскорѣй утерла свои слезы, чтобы не закапать шаль. Ѣли одни молодые люди: хозяева давно пообѣдали. Прислуживалъ Ѳедька, видимо обремененный необычными сапогами, да помогала ему женщина съ мужественнымъ лицомъ и кривая, по имени Анфисушка, исполнявшая должности ключницы, птичницы и прачки. Василій Ивановичъ во все время обѣда расхаживалъ по комнатѣ и съ совершенно счастливымъ и даже блаженнымъ видомъ говорилъ о тяжкихъ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему Наполеоновскою политикой и запутанностью итальянскаго вопроса. Арина Власьевна не замѣчала Аркадія, не потчивала его; подперши кулачкомъ свое круглое лицо, которому одутловатый, вишневаго цвѣта, губки и родинки на щекахъ и надъ бровями придавали выраженіе очень добродушное, она не

сводила глазъ съ сына и все вздыхала: ей смертельно хотѣлось узнать, на сколько времени онъ пріѣхалъ, но спросить она его боялась.—„Ну, какъ скажетъ—на два дня“, думала она, и сердце у ней замирало. Послѣ жаренаго Василій Ивановичъ исчезъ на мгновеніе и возвратился съ откупоренною полбутылкой шампанскаго. „Вотъ“, воскликнулъ онъ: „хоть мы и въ глуши живемъ, а въ торжественныхъ случаяхъ имѣемъ чѣмъ себя повеселить!“ Онъ налилъ три бокала и рюмку, провозгласилъ здоровье „неоцѣненныхъ посѣтителей“ и разомъ, по-военному, хлопнулъ свой бокалъ, Арину Власьевну заставилъ выпить рюмку до послѣдней капельки. Когда очередь дошла до варенья, Аркадій, не терпѣвшій ничего сладкаго, почелъ, однако, своею обязанностью отвѣдать отъ четырехъ различныхъ, только-что сваренныхъ сортовъ, тѣмъ болѣе, что Базаровъ отказался наотрѣзъ и тотчасъ закурилъ сигарку. Потомъ явился на сцену чай со сливками, съ масломъ и кренделями; потомъ Василій Ивановичъ повелъ всѣхъ въ садъ, для того, чтобы полюбоваться красотою вечера. Проходя мимо скамейки, онъ шепнулъ Аркадію:— На семъ мѣстѣ я люблю философствовать, глядя на захожденіе солнца: оно приличествуетъ пустыннику. А тамъ подальше я посадилъ нѣсколько деревьевъ, любимыхъ Гораціемъ.

— Что за деревья?—спросилъ, вслушавшись, Базаровъ.

— А какъ же... акація.

Базаровъ началъ зѣвать.

— Я полагаю, пора путешественникамъ въ объятія къ Морфею,—замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— То-есть, пора спать, — подхватилъ Базаровъ. — Это сужденіе справедливое. Пора, точно.

Прощаясь съ матерью, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ,—а она обняла его и за спиной, украдкой, его благословила трижды. Василій Ивановичъ проводилъ Аркадія въ его комнату и пожелалъ ему „такого благодатнаго отдохновенія, какое и я вкушалъ въ наши счастливыя лѣта“. И дѣйствительно, Аркадію отлично спалось въ своемъ предбанникѣ: въ немъ пахло мятой, и два сверчка въ перебивку

усыпительно трещали за печкой. Василій Ивановичъ отправился отъ Аркадія въ свой кабинетъ, и, прикорнувъ на диванѣ въ ногахъ у сына, собирался-было поболтать съ нимъ; но Базаровъ тотчасъ его отослалъ, говоря, что ему спать хочется, а самъ не заснулъ до утра. Широко раскрывъ глаза, онъ злобно глядѣлъ въ темноту: воспоминанія дѣтства не имѣли власти надъ нимъ, да къ тому жъ онъ еще не успѣлъ отдѣлаться отъ послѣднихъ горькихъ впечатлѣній. Арина Власьевна сперва помолилась всласть; потомъ долго-долго бесѣдовала съ Анфисушкой, которая, ставъ какъ вкопанная передъ барыней и вперивъ въ нее свой единственный глазъ, передавала ей таинственнымъ шопотомъ всѣ свои замѣчанія и соображенія насчетъ Евгенія Васильевича. У старушки отъ радости, отъ вина, отъ сигарочнаго дыма совсѣмъ закружилась голова; мужъ заговорилъ-было съ ней, и махнулъ рукою.

Арина Власьевна была настоящая русская дворяночка прежняго времени; ей бы слѣдовало жить лѣтъ за двѣсти, въ старо-московскія времена. Она была очень набожна и чувствительна, вѣрила во всевозможныя примѣты, гаданья, заговоры, сны; вѣрила въ юродивыхъ, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ дурныя встрѣчи, въ порчу, въ народныя лѣкарства, въ четверговую соль, въ скорый конецъ свѣта; вѣрила, что если въ Свѣтлое Воскресеніе на всенощной не погаснутъ свѣчи, то гречиха хорошо уродится, и что грибъ больше не растетъ, если его человѣческій глазъ увидитъ; вѣрила, что чортъ любитъ быть тамъ, гдѣ вода, и что у каждаго жида на груди кровавое пятнышко; боялась мышей, ужей, лягушекъ, воробьевъ, піявокъ, грома, холодной воды, сквознаго вѣтра, лошадей, козловъ, рыжихъ людей и черныхъ кошекъ, и почитала сверчковъ и собакъ нечистыми животными; не ѣла ни телятины, ни голубей, ни раковъ, ни сыру, ни спаржи, ни земляныхъ грушъ, ни зайца, ни арбузовъ, потому что изрѣзанный арбузъ напоминаетъ голову Іоанна Предтечи; а объ устрицахъ говорила не иначе, какъ съ содроганіемъ; любила покушать — и строго постилась; спала десять часовъ въ

сутки — и не ложилась вовсе, если у Василія Ивановича заболѣвала голова; не прочла ни одной книги, кромѣ „Алексиса, или Хижины въ лѣсу“, писала одно, много два письма въ годъ, а въ хозяйствѣ, сушеньи и вареньи знала толкъ, хотя своими руками ни до чего не прикасалась и вообще неохотно двигалась съ мѣста. Арина Власьевна была очень добра и, по-своему, вовсе не глупа. Она знала, что есть на свѣтѣ господа, которые должны приказывать, и простой народъ, который долженъ служить, — а потому не гнушалась ни подобострастіемъ, ни земными поклонами; но съ подчиненными обходилась ласково и кротко, ни одного нищаго не пропускала безъ подачки и никогда никого не осуждала, хотя и сплетничала подчасъ. Въ молодости она была очень миловидна, играла на клавикордахъ и изъяснялась немного по-французски; но въ теченіе многолѣтнихъ странствій съ своимъ мужемъ, за котораго она вышла противъ воли, расплылась и позабыла музыку и французскій языкъ. Сына своего она любила и боялась несказанно: управленіе имѣніемъ предоставила Василію Ивановичу—и уже не входила ни во что: она охала, отмахивалась платкомъ и отъ испуга подымала брови все выше и выше, какъ только ея старикъ начиналъ толковать о предстоявшихъ преобразованіяхъ и о своихъ планахъ. Она была мнительна, постоянно ждала какого-то большого несчастья и тотчасъ плакала, какъ только вспоминала о чемъ-нибудь печальномъ... Подобныя женщины теперь уже переводятся. Богъ знаетъ — слѣдуетъ ли радоваться этому!

XXI.

Вставъ съ постели, Аркадій раскрылъ окно,—и первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ Василій Ивановичъ. Въ бухарскомъ шлафрокѣ, подпоясанный носовымъ платкомъ, старикъ усердно рылся въ огородѣ. Онъ замѣтилъ своего молодого гостя и, опершись на лопатку, воскликнулъ:

— Здравія желаемъ! Какъ почивать изволили?

— Прекрасно.—отвѣчалъ Аркадій.

— А я здѣсь, какъ видите, какъ нѣкій Цинциннатъ, грядку подъ позднюю рѣпу отбиваю. Теперь настало такое время, — да и слава Богу! — что каждый долженъ собственными руками пропитаніе себѣ доставать; на другихъ нечего надѣяться: надо трудиться самому. И выходитъ, что Жанъ-Жакъ Руссо правъ. Полчаса тому назадъ, сударь вы мой, вы бы увидали меня въ совершенно другой позиціи. Одной бабѣ, которая жаловалась на гнетку — это по-ихнему, а по-нашему — дизентерію, — я... какъ бы выразиться лучше... я вливалъ опіумъ; а другой я зубъ вырвалъ. Этой я предложилъ эвиризацію... только она не согласилась. Все это я дѣлаю gratis — *анаматёръ*. Впрочемъ, мнѣ не въ диво: я вѣдь плебей, homo novus — не изъ столбовыхъ, не то, что моя благовѣрная... А не угодно ли пожаловать сюда въ тѣнь, вдохнуть передъ чаемъ утреннюю свѣжесть?

Аркадій вышелъ къ нему.

— Добро пожаловать еще разъ! — промолвилъ Василій Ивановичъ, прикладывая по-военному руку къ засаленной ермолкѣ, прикрывавшей его голову. — Вы, я знаю, привыкли къ роскоши, къ удовольствіямъ, но и великіе міра сего не гнушаются провести короткое время подъ кровомъ хижины.

— Помилуйте, — возопилъ Аркадій: — какой же я великій міра сего? И къ роскоши я не привыкъ.

— Позвольте, позвольте, — возразилъ съ любезной ужимкой Василій Ивановичъ. — Я хоть теперь и сданъ въ архивъ, а тоже потерся въ свѣтѣ — узнаю птицу по полету. Я тоже психологъ по-своему и физіогномистъ. Не имѣй я этого, смѣю сказать, дара — давно бы я пропалъ; затерли бы меня, маленькаго человѣка. Скажу вамъ безъ комплиментовъ: дружба, которую я замѣчаю между вами и моимъ сыномъ, меня искренно радуетъ. Я сейчасъ видѣлся съ нимъ; онъ, по обыкновенію своему, вѣроятно вамъ извѣстному, вскочилъ очень рано и побѣжалъ по окрестностямъ. Позвольте полюбопытствовать, — вы давно съ моимъ Евгеніемъ знакомы?

— Съ нынѣшней зимы.

— Такъ-съ. И позвольте васъ еще спросить, — но не присѣсть ли намъ? — Позвольте васъ спросить, какъ отцу, со всею откровенностью: какого вы мнѣнія о моемъ Евгеніи?

— Вашъ сынъ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми я когда-либо встрѣчался, — съ живостью отвѣтилъ Аркадій.

Глаза Василія Ивановича внезапно раскрылись и щеки его слабо вспыхнули. Лопата вывалилась изъ его рукъ.

— И такъ, вы полагаете, — началъ онъ...

— Я увѣренъ, — подхватилъ Аркадій: — что сына вашего ждетъ великая будущность, что онъ прославитъ ваше имя. Я убѣдился въ этомъ съ первой нашей встрѣчи.

— Какъ... какъ это было?—едва проговорилъ Василій Ивановичъ. Восторженная улыбка раздвинула его широкія губы, и уже не сходила съ нихъ.

— Вы хотите знать, какъ мы встрѣтились?

— Да... и вообще...

Аркадій началъ разсказывать и говорить о Базаровѣ еще съ большимъ жаромъ, съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда онъ танцовалъ мазурку съ Одинцовой.

Василій Ивановичъ его слушалъ, слушалъ, сморкался, каталъ платокъ въ обѣихъ рукахъ, кашлялъ, ерошилъ свои волосы—и наконецъ не вытерпѣлъ: нагнулся къ Аркадію и поцѣловалъ его въ плечо.

— Вы меня совершенно осчастливили, — промолвилъ онъ, не переставая улыбаться:—я—долженъ вамъ сказать, что я... боготворю моего сына; о моей старухѣ я уже не говорю: извѣстно—мать!—но я не смѣю при немъ выказывать свои чувства, потому что онъ этого не любитъ. Онъ врагъ всѣхъ изліяній; многіе его даже осуждаютъ за такую твердость его нрава и видятъ въ ней признакъ гордости или безчувствія; но подобныхъ ему людей не приходится мѣрить обыкновеннымъ аршиномъ, не правда ли? Да вотъ, напримѣръ: другой на его мѣстѣ тянулъ бы да тянулъ съ своихъ родителей; а у насъ, повѣрите ли? онъ отроду лишней копейки не взялъ, ей-Богу!

— Онъ безкорыстный, честный человѣкъ, — замѣтилъ Аркадій.

— Именно, безкорыстный. А я, Аркадій Николаичъ, не только боготворю его, я горжусь имъ, и все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы современемъ въ его біографіи стояли слѣдующія слова: „сынъ простого штабъ-лѣкаря, который, однако, рано умѣлъ разгадать его и ничего не жалѣлъ для его воспитанія“...

Голосъ старика перервался.

Аркадій стиснулъ ему руку.

— Какъ вы думаете, — спросилъ Василій Ивановичъ послѣ нѣкотораго молчанія: — вѣдь онъ не на медицинскомъ поприщѣ достигнетъ той извѣстности, которую вы ему пророчите?

— Разумѣется, не на медицинскомъ, хотя онъ и въ этомъ отношеніи будетъ изъ первыхъ ученыхъ.

— На какомъ же, Аркадій Николаичъ?

— Это трудно сказать теперь, но онъ будетъ знаменитъ.

— Онъ будетъ знаменитъ! — повторилъ старикъ и погрузился въ думу.

— Арина Власьевна приказали просить чай кушать, — проговорила Анфисушка, проходя мимо съ огромнымъ блюдомъ спѣлой малины.

Василій Ивановичъ встрепенулся.

— А холодныя сливки къ малинѣ будутъ?

— Будутъ-съ.

— Да холодныя, смотри! Не церемонься, Аркадій Николаичъ, — берите больше. Что жъ это, Евгеній не идетъ?

— Я здѣсь, — раздался голосъ Базарова изъ Аркадіевой комнаты.

Василій Ивановичъ быстро обернулся.

— Ага! ты захотѣлъ посѣтить своего пріятеля; но ты опоздалъ аттісе, и мы имѣли уже съ нимъ продолжительную бесѣду. Теперь надо идти чай пить: мать зоветъ. Кстати, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— О чемъ?

— Здѣсь есть мужичокъ, онъ страдаетъ ктеромъ...

— То-есть желтухой?

— Да, хроническимъ и очень упорнымъ иктеромъ. Я прописывалъ ему золототысячникъ и звѣробой, морковь заставлялъ ѣсть, давалъ соду; но это все *палліативныя* средства; надо что-нибудь порѣшительнѣй. Ты хоть и смѣешься надъ медициной, а я увѣренъ, можешь подать мнѣ дѣльный совѣтъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь пойдемъ чай пить.

Василій Ивановичъ живо вскочилъ со скамейки и запѣлъ изъ „Роберта“:

„Законъ, законъ, законъ себѣ поставимъ
На ра... на ра... на радости пожить!“

— Замѣчательная живучесть!—проговорилъ, отходя отъ окна, Базаровъ.

Насталъ полдень. Солнце жгло изъ-за тонкой завѣсы сплошныхъ, бѣловатыхъ облаковъ. Все молчало: одни пѣтухи задорно перекликались на деревнѣ, возбуждая въ каждомъ, кто ихъ слышалъ, странное ощущеніе дремоты и скуки; да гдѣ-то высоко въ верхушкѣ деревьевъ звенѣлъ плаксивымъ призывомъ немолчный писк молодого ястребка. Аркадій и Базаровъ лежали въ тѣни небольшого стога сѣна, подостлавши подъ себя охапки двѣ шумливо-сухой, но еще зеленой и душистой травы.

— Та осина,—заговорилъ Базаровъ:—напоминаетъ мнѣ мое дѣтство; она растетъ на краю ямы, оставшейся отъ кирпичнаго сарая, и я въ то время былъ увѣренъ, что эта яма и осина обладали особеннымъ талисманомъ: я никогда не скучалъ возлѣ нихъ. Я не понималъ тогда, что я не скучалъ оттого, что былъ ребенкомъ. Ну, теперь я взрослый, талисманъ не дѣйствуетъ.

— Сколько ты времени провелъ здѣсь всего? — спросилъ Аркадій.

— Года два сряду; потомъ мы наѣзжали. Мы вели бродячую жизнь; больше все по городамъ шлялись.

— А домъ этотъ давно стоитъ?

— Давно. Его еще дѣдъ построилъ, отецъ моей матери.

— Кто онъ былъ, твой дѣдъ?

— Чортъ его знаетъ. Секундъ-майоръ какой-то. При

Суворовѣ служилъ, и все разсказывалъ о переходѣ черезъ Альпы. Вралъ, должно-быть.

— То-то у васъ въ гостиной портретъ Суворова виситъ. А я люблю такіе домики, какъ вашъ, старенькіе да тепленькіе; и запахъ въ нихъ какой-то особенный.

— Лампаднымъ масломъ отзываетъ да донникомъ,— произнесъ, зѣвая, Базаровъ. — А что мухъ въ этихъ милыхъ домикахъ... Фа!

— Скажи,—началъ Аркадій послѣ небольшого молчанія:—тебя въ дѣтствѣ не притѣсняли?

— Ты видишь, какіе у меня родители. — Народъ не строгій.

— Ты ихъ любишь, Евгеній?

— Люблю, Аркадій!

— Они тебя такъ любятъ!

Базаровъ помолчалъ.

— Знаешь ли ты, о чемъ я думаю?— промолвилъ онъ, наконецъ, закидывая руки за голову.

— Не знаю. О чемъ?

— Я думаю: хорошо моимъ родителямъ жить на свѣтѣ! Отецъ въ шестьдесятъ лѣтъ хлопочетъ, толкуетъ о „палліативныхъ“ средствахъ, лѣчитъ людей, великодушничаетъ съ крестьянами, — кутитъ, однимъ словомъ; и матери моей хорошо: день ея до того напичканъ всякими занятіями, ахами да охами, что ей и опомниться некогда; а я...

— А ты?

— А я думаю: я вотъ лежу здѣсь подъ стогомъ... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже... Что за безобразіе! Что за пустяки!

— Позволь тебѣ замѣтить: то, что ты говоришь, примѣняется вообще ко всѣмъ людямъ...

— Ты правъ,—подхватилъ Базаровъ.—Я хотѣлъ сказать, что они вотъ, мои родители то-есть, заняты и не безпокоятся о собственномъ ничтожествѣ, оно имъ не смердитъ... а я... чувствую только скуку да злость.

— Злость? почему же злость?

— Почему? Какъ почему? Да развѣ ты забылъ?

— Я помню все, но все-таки я не признаю за тобою права злиться. Ты несчастливъ, я согласенъ, но...

— Э! да ты, я вижу, Аркадій Николаевичъ, понимаешь любовь, какъ всѣ новѣйшіе молодые люди: цыпъ, цыпъ, цыпъ, курочка, а какъ только курочка начинаетъ приближаться, давай Богъ ноги!—Я не таковъ. Но довольно объ этомъ. Чему помочь нельзя, о томъ и говорить стыдно. — Онъ повернулся на бокъ. — Эге! вонъ молодецъ муравей тащитъ полумертвую муху. Тащи се, братъ, тащи! Не смотри на то, что она упирается, пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго, имѣешь право не признавать чувства состраданія, не то, что нашъ братъ, самоломанный!

— Не ты бы говорилъ, Евгеній!—Когда ты себя ломалъ?

Базаровъ поднялъ голову.

— Я только этимъ и горжусь. Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не сломаетъ. Аминь! Кончено! Слова объ этомъ больше отъ меня не услышишь.

Оба пріятеля полежали нѣкоторое время въ молчаніи.

— Да, — началъ Базаровъ: — странное существо человѣкъ. Какъ посмотришь этакъ сбоку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь „отцы“, кажется: чего лучше? Ѣшь, пей, и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ нѣтъ; тоска одолѣетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними.

— Надо бы такъ устроить жизнь, чтобы каждое мгновеніе въ ней было значительно, — произнесъ задумчиво Аркадій.

— Кто говоритъ! Значительное, хоть и ложно бываетъ, да сладко, но и съ значительнымъ помириться можно... а вотъ — дрязги, дрязги... это бѣда.

— Дрязги не существуютъ для человѣка, если онъ только не захочетъ ихъ признать.

— Гм... это ты сказалъ *противоположное общее мѣсто.*

— Что?—Что ты называешь этимъ именемъ?

— А вотъ что: сказать, напримѣръ, что просвѣщеніе полезно, это общее мѣсто; а сказать, что просвѣщеніе вредно, это противоположное общее мѣсто. Оно какъ будто щеголеватѣе, а въ сущности одно и то же.

— Да правда-то гдѣ, на какой сторонѣ?

— Гдѣ? Я тебѣ отвѣчу, какъ эхо: гдѣ?

— Ты въ меланхолическомъ настроеніи сегодня, Евгеній.

— Въ самомъ дѣлѣ? Солнце меня, должно-быть, распарило, да и малины нельзя такъ много ѣсть.

— Въ такомъ случаѣ не худо вздремнуть, — замѣтилъ Аркадій.

— Пожалуй; только ты не смотри на меня: всякаго человѣка лицо глупо, когда онъ спитъ.

— А тебѣ не все равно, что о тебѣ думаютъ?

— Не знаю что тебѣ сказать. Настоящій человѣкъ объ этомъ не долженъ заботиться; настоящій человѣкъ тотъ, о которомъ думать нечего, а котораго надобно слушаться или ненавидѣть.

— Странно! я никого не ненавижу, — промолвилъ, подумавши, Аркадій.

— А я такъ многихъ. Ты нѣжная душа, размазня, гдѣ тебѣ ненавидѣть!.. Ты робѣешь, мало на себя надѣешься...

— А ты,—перебилъ Аркадій:—на себя надѣешься? Ты высокаго мнѣнія о самомъ себѣ?

Базаровъ помолчалъ.

— Когда я встрѣчу человѣка, который не спасовалъ бы передо мною, — проговорилъ онъ съ разстановкой: — тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ. Ненавидѣть! Да вотъ, напримѣръ, ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа,—она такая славная, бѣлая, — вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же

помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ;—ну, а дальше?

— Полно, Евгеній... послушать тебя сегодня, поневолѣ согласишься съ тѣми, которые упрекаютъ насъ въ отсутствіи принципа.

— Ты говоришь, какъ твой дядя. Принциповъ вообще нѣтъ — ты объ этомъ не догадался до сихъ поръ! а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Напримѣръ, я: я придерживаюсь отрицательнаго направленія—въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? — тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что жъ? и честность—ощущеніе?

— Еще бы!

— Евгеній!—началъ печальнымъ голосомъ Аркадій.

— А? что? не по вкусу?— перебилъ Базаровъ.—Нѣтъ, братъ! Рѣшился все косить — валяй и себя по ногамъ!.. Однако, мы довольно философствовали. „Природа навѣваетъ молчаніе сна“, сказалъ Пушкинъ.

— Никогда онъ ничего подобнаго не сказалъ,—промолвилъ Аркадій.

— Ну, не сказалъ, такъ могъ и долженъ былъ сказать, въ качествѣ поэта. Кстати, онъ, должно-быть, въ военной службѣ служилъ.

— Пушкинъ никогда не былъ военнымъ!

— Помилуй, у него на каждой страницѣ:—На бой, на бой! за честь Россіи!

— Что ты это за небылицы выдумываешь! Вѣдь это клевета, наконецъ.

— Клевета? Эка важность! Вотъ вздумалъ какимъ сло-

вомъ испугать! Какую клевету ни взведи на человѣка, онъ, въ сущности, заслуживаетъ въ двадцать разъ хуже того.

— Давай лучше спать! — съ досадой проговорилъ Аркадій.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Базаровъ.

Но ни тому, ни другому не спалось. Какое-то почти враждебное чувство охватывало сердца обоихъ молодыхъ людей. Минутъ пять спустя, они открыли глаза и переглянулись молча.

— Посмотри, — сказалъ вдругъ Аркадій: — сухой, кленовый листъ оторвался и падаетъ на землю; его движенія совершенно сходны съ полетомъ бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно съ самымъ веселымъ и живымъ.

— О, другъ мой, Аркадій Николаичъ! — воскликнулъ Базаровъ: — объ одномъ прошу тебя: не говори красиво.

— Я говорю, какъ умѣю... Да и наконецъ это деспотизмъ. Мнѣ пришла мысль въ голову; отчего ея не высказать?

— Такъ; но почему же и мнѣ не высказать своей мысли? Я нахожу, что говорить красиво — неприлично.

— Что же прилично? Ругаться?

— Э-э! да ты, я вижу, точно, намѣренъ пойти по стопамъ дядюшки. Какъ бы этотъ идіотъ порадовался, если бъ услышалъ тебя!

— Какъ ты назвалъ Павла Петровича?

— Я его назвалъ, какъ слѣдуетъ, — идіотомъ.

— Это, однако, нестерпимо! — воскликнулъ Аркадій.

— Ага! родственное чувство заговорило, — спокойно промолвилъ Базаровъ. — Я замѣтилъ: оно очень упорно держится въ людяхъ. Отъ всего готовъ отказаться человѣкъ, со всякимъ предразсудкомъ разстанется; по сознаться, что, напримѣръ, братъ, который чужіе платки крадетъ, воръ, — это свыше его силъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: *мой* братъ, *мой* — и не геній... возможно ли это?

— Во мнѣ простое чувство справедливости заговорило,

а вовсе не родственное,—возразилъ запальчиво Аркадій.—Но такъ какъ ты этого чувства не понимаешь, у тебя нѣтъ этого *ощущенія*, то ты и не можешь судить о немъ.

— Другими словами: Аркадій Кирсановъ слишкомъ возвышенъ для моего пониманія, преклоняюсь и умолкаю.

— Полно, пожалуйста, Евгеній; мы, наконецъ, поссоримся.

— Ахъ, Аркадій! сдѣлай одолженіе, поссоримся разъ хорошенько—до положенія ризъ, до истребленія.

— Но вѣдь этакъ, пожалуй, мы кончимъ тѣмъ...

— Что подеремся?— подхватилъ Базаровъ. — Что жъ? Здѣсь, на сѣнѣ, въ такой идиллической обстановкѣ, вдали отъ свѣта и людскихъ взоровъ — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчасъ схвачу за горло...

Базаровъ растопырилъ свои длинные и жесткіе пальцы... Аркадій повернулся и приготовился, какъ бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему такимъ зловѣщимъ, такая нешуточная угроза почудилась ему въ кривой усмѣшкѣ его губъ, въ загорѣвшихся глазахъ,—что онъ почувствовалъ невольную робость...

— А! вотъ вы куда забрались!—раздался въ это мгновеніе голосъ Василія Ивановича, и старый штабъ-лѣкарь предсталъ передъ молодыми людьми, облеченный въ домодѣланный полотняный пиджакъ и съ соломенною, тоже домодѣланною, шляпой на головѣ.—Я васъ искалъ, искалъ... Но вы отличное выбрали мѣсто и прекрасному предаетесь занятію. Лежа на „землѣ“, глядѣть въ „небо“... Знаете ли—въ этомъ есть какое-то особенное значеніе!

— Я гляжу въ небо только тогда, когда хочу чихнуть,— проворчалъ Базаровъ и, обратившись къ Аркадію, прибавилъ вполголоса:—жаль, что помѣшалъ.

— Ну, полно, — шепнулъ Аркадій и пожалъ украдкой своему другу руку.—Но никакая дружба долго не выдержитъ такихъ столкновеній.

— Смотрю я на васъ, мои юные собесѣдники, — говорилъ между тѣмъ Василій Ивановичъ, покачивая головой и опираясь скрещенными руками на какую-то хитро перекрученную палку собственнаго издѣлія, съ фигурой

турка вмѣсто набалдашника:—смотрю, и не могу не любоваться. Сколько въ васъ силы, молодости самой цвѣтущей, способностей, талантовъ! Просто... Кастеръ и Поллуксъ!

— Вонъ куда — въ миѳологію метнулъ! — промолвилъ Базаровъ. — Сейчасъ видно, что въ свое время сильный былъ латинистъ! Вѣдь ты, помнится, серебряной медали за сочиненіе удостоился,—а?

— Діоскуры, Діоскуры!—повторилъ Василій Ивановичъ.

— Однако, полно, отецъ,—не нѣжничай.

— Въ кои-то вѣки разикъ можно,—пробормоталъ старикъ.—Впрочемъ, я васъ, господа, отыскалъ не съ тѣмъ, чтобы говорить вамъ комплименты; но съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, доложить вамъ, что мы скоро обѣдать будемъ; а во-вторыхъ—мнѣ хотѣлось предварить тебя, Евгеній... Ты умный человѣкъ, ты знаешь людей, и женщинъ знаешь, и слѣдовательно извинишь... Твоя матушка молебенъ отслужить хотѣла, по случаю твоего пріѣзда. Ты не воображай, что я зову тебя присутствовать на этомъ молебнѣ: ужъ онъ конченъ; но отецъ Алексѣй...

— Попъ?

— Ну да, священникъ; онъ у насъ... кушать будетъ.. Я этого не ожидалъ и даже не совѣтовалъ... но какъ-то такъ вышло... онъ меня не понялъ... Ну, и Арина Власьевна... Притомъ же, онъ у насъ очень хорошій и разсудительный человѣкъ.

— Вѣдь онъ моей порціи за обѣдомъ не съѣстъ? — спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— Помилуй, что ты!

— А больше я ничего не требую. Я со всякимъ человѣкомъ готовъ за столъ сѣсть.

Василій Ивановичъ поправилъ свою шляпу.

— Я былъ напередъ увѣренъ,—промолвилъ онъ:—что ты выше всякихъ предразсудковъ. На что вотъ я — старикъ, шестьдесятъ-второй годъ живу, а и я ихъ не имѣю. (Василій Ивановичъ не смѣлъ сознаться, что онъ самъ пожелалъ молебна... Набоженъ онъ былъ не менѣе своей

жены.) А отцу Алексѣю очень хотѣлось съ тобой познакомиться. Онъ тебѣ понравится, ты увидишь. Онъ и въ карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курить.

— Что же? Мы послѣ обѣда засядемъ въ сералашъ, и я его обыграю.

— Хе-хе-хе, посмотримъ! Бабушка на-двое сказала.

— А что? развѣ старинной тряхнешь? — промолвилъ съ особеннымъ удареніемъ Базаровъ.

Бронзовыя щеки Василія Ивановича смутно покраснѣли.

— Какъ тебѣ не стыдно, Евгеній... Что было, то прошло. Ну, да я готовъ вотъ передъ *ними* признаться, имѣлъ я эту страсть въ молодости — точно; да и поплатился же я за нее! — Однако, какъ жарко. Позвольте подсѣсть къ вамъ. Вѣдь я не мѣшаю?

— Нисколько,—отвѣтилъ Аркадій.

Василій Ивановичъ кряхтя опустился на сѣно.

— Напоминаетъ мнѣ ваше теперешнее ложе, государи мои,—началъ онъ:—мою военную, бивуачную жизнь, перевязочные пункты, тоже гдѣ-нибудь этакъ возлѣ стога, и то еще славу Богу. — Онъ вздохнулъ. — Много, много испыталъ я на своемъ вѣку. Вотъ напримѣръ, если позволите, я вамъ разскажу любопытный эпизодъ чумы въ Бессарабіи.

— За который ты получилъ Владиміра? — подхватилъ Базаровъ. — Знаемъ, знаемъ... Кстати, отчего ты его не носишь?

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, что я не имѣю предразсудковъ,—пробормоталъ Василій Ивановичъ (онъ только наканунѣ велѣлъ спороть красную ленточку съ сюртука), и принялся разсказывать эпизодъ чумы. — А вѣдь онъ заснулъ, — шепнулъ онъ вдругъ Аркадію, указывая на Базарова и добродушно подмигнувъ. — Евгеній! вставай, — прибавилъ онъ громко.—Пойдемъ обѣдать...

Отецъ Алексѣй, мужчина видный и полный, съ густыми, тщательно расчесанными волосами, съ вышитымъ поясомъ на лиловой шелковой рясѣ, оказался человѣкомъ очень ловкимъ и находчивымъ. Онъ первый поспѣшилъ

пожать руку Аркадію и Базарову, какъ бы понимая заранѣе, что они не нуждаются въ его благословеніи, и вообще держалъ себя непринужденно. И себя онъ не выдалъ, и другихъ не задѣлъ; кстати посмѣялся надъ семинарскою латынью, и заступился за своего архіерея; двѣ рюмки вина выпилъ, а отъ третьей отказался; принялъ отъ Аркадія сигару, но курить ее не сталъ, говоря, что повезетъ ее домой. Не совсѣмъ пріятно было въ немъ только то, что онъ то-и-дѣло медленно и осторожно заносилъ руку, чтобы ловить мухъ у себя на лицѣ, и при этомъ иногда давилъ ихъ. Онъ сѣлъ за зеленый столъ съ умѣреннымъ изъявленіемъ удовольствія и кончилъ тѣмъ, что обыгралъ Базарова на 2 руб. 50 к. ассигнаціями: въ домѣ Арины Власьевны и понятія не имѣли о счетѣ на серебро... Она попрежнему сидѣла возлѣ сына (въ карты она не играла), попрежнему подпирая щеку кулачкомъ, и вставала только затѣмъ, чтобы велѣть подать какое-нибудь новое яство. Она боялась ласкать Базарова, и онъ не ободрялъ ея, не вызывалъ ея на ласки; притомъ же и Василій Ивановичъ присовѣтовалъ ей не очень его „безпокоить“. — „Молодые люди до этого не охотники“, твердилъ онъ ей; (нечего говорить, каковъ былъ въ тотъ день обѣдъ: Тимоѳеичъ собственною персоной скакалъ на утренней зарѣ за какою-то особенною черкасскою говядиной; староста ѣздилъ въ другую сторону за налимами, ершами и раками; за одни грибы бабы получили 42 копейки мѣдью); но глаза Арины Власьевны, неотступно обращенные на Базарова, выражали не одну преданность и нѣжность: въ нихъ виднѣлась и грусть, смѣшанная съ любопытствомъ и страхомъ, виднѣлся какой-то смиренный укоръ.

Впрочемъ, Базарову было не до того, чтобы разбирать, что̀ именно выражали глаза его матери; онъ рѣдко обращался къ ней, и то съ коротенькимъ вопросомъ. Разъ онъ попросилъ у ней руку „на счастье“; она тихонько положила свою мягкую ручку на его жесткую и широкую ладонь.

— Что, — спросила она, погодя немного:—не помогло?

— Еще хуже пошло, — отвѣчалъ онъ съ небрежною усмѣшкой.

— Очевидно они уже рискуютъ, — какъ бы съ сожалѣніемъ произнесъ отецъ Алексѣй, и погладилъ свою красивую бороду.

— Наполеоновское правило, батюшка, наполеоновское,— подхватилъ Василій Ивановичъ,—и пошелъ съ туза.

— Оно же и довело его до острова святыя Елены, — промолвилъ отецъ Алексѣй, и покрылъ его туза козыремъ.

— Не желаешь ли смородинной воды, Енюшечка? — спросила Арина Власьевна.

Базаровъ только плечами пожалъ.

— Нѣтъ!—говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію:— уѣду отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправлюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А то здѣсь отецъ мнѣ твердитъ: „мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ—никто тебѣ мѣшать не будетъ“, а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запираться. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней — и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится,—промолвилъ Аркадій:—да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами, что ли, она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.

— Ты матери своей не знаешь, Евгеній. Она не только отличная женщина, она очень умна, право. Сегодня утромъ она со мной съ полчаса бесѣдовала, и такъ дѣльно, интересно.

— Вѣрно обо мнѣ все распространялась?

— Не о тебѣ одномъ была рѣчь.

— Можетъ-быть; тебѣ со стороны виднѣй. Коли мо-

жетъ женщина получасовую бесѣду поддержать, это ужъ знакъ хорошій. А я все-таки уѣду.

— Тебѣ не легко будетъ сообщить имъ это извѣстіе. Они все разсуждаютъ о томъ, что мы черезъ двѣ недѣли дѣлать будемъ.

— Не легко. Чортъ меня дернулъ сегодня подразнить отца: онъ на-дняхъ велѣлъ высѣчь одного своего оброчнаго мужика—и очень хорошо сдѣлалъ; да, да, не гляди на меня съ такимъ ужасомъ, — очень хорошо сдѣлалъ, потому что воръ и пьяница онъ страшнѣйшій; только отецъ никакъ не ожидалъ, что я объ этомъ, какъ говорится, извѣстенъ сталъ. Онъ очень сконфузился, а теперь мнѣ придется вдобавокъ его огорчить... Ничего! До свадьбы заживетъ!

Базаровъ сказалъ: „ничего!“ но цѣлый день прошелъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился увѣдомить Василія Ивановича о своемъ намѣреніи. Наконецъ, уже прощаясь съ нимъ въ кабинетѣ, онъ проговорилъ съ натянутымъ зѣвкомъ:

— Да... чуть-было не забылъ тебѣ сказать... Вели-ка завтра нашихъ лошадей къ Ѳедоту выслать на подставу.

Василій Ивановичъ изумился.

— Развѣ г-нъ Кирсановъ отъ насъ уѣзжаетъ?

— Да; и я съ нимъ уѣзжаю.

Василій Ивановичъ перевернулся на мѣстѣ.

— Ты уѣзжаешь?

— Да... мнѣ нужно. Распорядись, пожалуйста, насчетъ лошадей.

— Хорошо...—залепеталъ старикъ:—на подставу... хорошо... только... только... Какъ же это?

— Мнѣ нужно съѣздить къ нему на короткое время. Я потомъ опять сюда вернусь.

— Да! На короткое время... Хорошо. — Василій Ивановичъ вынулъ платокъ и, сморкаясь, наклонился чуть не до земли.—Что жъ? это... все будетъ. Я было думалъ, что ты у насъ... подольше. Три дня... Это, это, послѣ трехъ лѣтъ, маловато; маловато, Евгеній!

— Да я жъ тебѣ говорю, что я скоро вернусь. Мнѣ необходимо.

— Необходимо... Что жъ? Прежде всего надо долгъ исполнять... Такъ выслать лошадей? Хорошо. Мы, конечно, съ Ариной этого не ожидали. Она вотъ цвѣтовъ выпросила у сосѣдки, хотѣла комнату тебѣ убрать. (Василій Ивановичъ уже не упомянулъ о томъ, что каждое утро, чуть свѣтъ, стоя о босу ногу въ туфляхъ, онъ совѣщался съ Тимофеичемъ и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацію за другою, поручалъ ему разныя закупки, особенно налегая на съѣстные припасы и на красное вино, которое, сколько можно было замѣтить, очень понравилось молодымъ людямъ.) Главное—свобода;—это мое правило... не надо стѣснять... не...

Онъ вдругъ умолкъ и направился къ двери.

— Мы скоро увидимся, отецъ, право.

Но Василій Ивановичъ, не оборачиваясь, только рукой махнулъ и вышелъ. Возвратясь въ спальню, онъ засталъ свою жену въ постели и началъ молиться шопотомъ, чтобы ея не разбудить. Однако она проснулась.

— Это ты, Василій Ивановичъ?—спросила она.

— Я, матушка!

— Ты отъ Енюши? Знаешь ли, я боюсь: покойно ли ему спать на диванѣ? Я Анфисушкѣ велѣла положить ему твой походный матрасикъ и новыя подушки; я бы нашъ пуховикъ ему дала, да онъ, помнится, не любитъ мягко спать.

— Ничего, матушка, не безпокойся. Ему хорошо. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ,—продолжалъ онъ вполголоса свою молитву. Василій Ивановичъ пожалѣлъ свою старушку; онъ не захотѣлъ сказать ей на ночь, какое горе ее ожидало.

Базаровъ съ Аркадіемъ уѣхали на другой день. Съ утра уже все пріупыло въ домѣ; у Анфисушки посуда изъ рукъ валилась; даже Ѳедька недоумѣвалъ, и кончилъ тѣмъ, что снялъ сапоги. Василій Ивановичъ суетился больше чѣмъ когда-либо: онъ видимо храбрился, громко говорилъ и стучалъ ногами, но лицо его осунулось, и взгляды постоянно скользили мимо сына. Арина Власьевна тихо плакала; она совсѣмъ бы растерялась и не совладѣла бы съ собой, если

бы мужъ рано утромъ цѣлые два часа ея не уговаривалъ. Когда же Базаровъ, послѣ неоднократныхъ обѣщаній вернуться никакъ не позже мѣсяца, вырвался наконецъ изъ удерживавшихъ его объятій, и сѣлъ въ тарантасъ, когда лошади тронулись, и колокольчикъ зазвенѣлъ, и колеса завертѣлись,—и вотъ уже глядѣть вслѣдъ было не зачѣмъ, и пыль улеглась, и Тимофеичъ, весь сгорбленный и шатаясь на ходу, поплелся назадъ въ свою каморку, когда старички остались одни въ своемъ, тоже какъ будто внезапно съежившемся и подряхлѣвшемъ домѣ: Василій Ивановичъ, еще за нѣсколько мгновеній молодцовато махавшій платкомъ на крыльцѣ, опустился на стулъ и уронилъ голову на грудь. „Бросилъ, бросилъ насъ“, залепеталъ онъ: „бросилъ; скучно ему стало съ нами. Одинъ, какъ перстъ теперь, одинъ!“ повторилъ онъ нѣсколько разъ, и каждый разъ выносилъ впередъ свою руку съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ. Тогда Арина Власьевна приблизилась къ нему и, прислонивъ свою сѣдую голову къ его сѣдой головѣ, сказала: „Что дѣлать, Вася! Сынъ—отрѣзанный ломоть. Онъ, что соколъ: захотѣлъ — прилетѣлъ, захотѣлъ—улетѣлъ; а мы съ тобой какъ опенки на дуплѣ, сидимъ рядкомъ, и ни съ мѣста. Только я останусь для тебя навѣкъ неизмѣнно, какъ и ты для меня“.

Василій Ивановичъ принялъ отъ лица руки и обнялъ свою жену, свою подругу, такъ крѣпко, какъ и въ молодости ея не обнималъ: она утѣшила его въ его печали.

XXII.

Молча, лишь изрѣдка мѣняясь незначительными словами, доѣхали наши пріятели до Ѳедота. Базаровъ былъ не совсѣмъ собою доволенъ. Аркадій былъ недоволенъ имъ. Къ тому же онъ чувствовалъ на сердцѣ ту безпричинную грусть, которая знакома только однимъ очень молодымъ людямъ. Кучеръ перепрягъ лошадей и, взобравшись на козлы, спросилъ: направо, аль налѣво?

Аркадій дрогнулъ. Дорога направо вела въ городъ, а оттуда домой; дорога налѣво вела къ Одинцовой.

Онъ взглянулъ на Базарова.

— Евгеній,—спросилъ онъ:—налѣво?

Базаровъ отвернулся.

— Это что за глупость?—пробормоталъ онъ.

— Я знаю, что глупость,—отвѣтилъ Аркадій.—Да что за бѣда? Развѣ намъ въ первый разъ?

Базаровъ надвинулъ картузъ себѣ на лобъ.

— Какъ знаешь,—проговорилъ онъ наконецъ.

— Пошелъ налѣво,—крикнулъ Аркадій.

Тарантасъ покатилъ въ направленіи къ Никольскому. Но рѣшившись на *глупость*, пріятели еще упорнѣе прежняго молчали, и даже казались сердитыми.

Уже потому, какъ ихъ встрѣтилъ дворецкій на крыльцѣ Одинцовскаго дома, пріятели могли догадаться, что они поступили неблагоразумно, поддавшись внезапно пришедшей имъ фантазіи. Ихъ очевидно не ожидали. Они просидѣли довольно долго и съ довольно-глупыми физіономіями въ гостиной. Одинцова вышла къ нимъ наконецъ. Она привѣтствовала ихъ съ обыкновенною своей любезностью, но удивилась ихъ скорому возвращенію и, сколько можно было судить по медлительности ея движеній и рѣчей, не слишкомъ ему обрадовалась. Они поспѣшили объявить, что заѣхали только по дорогѣ, и часа черезъ четыре отправятся дальше, въ городъ. Она ограничилась легкимъ восклицаніемъ, попросила Аркадія поклониться отцу отъ ея имени, и послала за своею теткой. Княжна явилась вся заспанная, что придавало еще болѣе злобы выраженію ея сморщеннаго, стараго лица. Катѣ нездоровилось, она не выходила изъ своей комнаты. Аркадій вдругъ почувствовалъ, что онъ по крайней мѣрѣ столько же желалъ видѣть Катю, сколько и самоё Анну Сергѣевну. Четыре часа прошло въ незначительныхъ толкахъ о томъ, о семъ; Анна Сергѣевна и слушала, и говорила безъ улыбки. Только при самомъ прощаніи прежнее дружелюбіе какъ будто шевельнулось въ ея душѣ.

— На меня теперь нашла хандра,—сказала она:—но вы не обращайте на это вниманія и пріѣзжайте опять, я вамъ это обоимъ говорю, черезъ нѣсколько времени.

И Базаровъ, и Аркадій отвѣтили ей безмолвнымъ по-

клономъ, сѣли въ экипажъ и, уже нигдѣ не останавливаясь, отправились домой, въ Марьино, куда и прибыли благополучно на слѣдующій день вечеромъ. Въ продолженіе всей дороги ни тотъ, ни другой не упомянулъ даже имени Одинцовой; Базаровъ, въ особенности, почти не раскрывалъ рта, и все глядѣлъ въ сторону, прочь отъ дороги, съ какимъ-то ожесточеннымъ напряженіемъ.

Въ Марьинѣ имъ всѣ чрезвычайно обрадовались. Продолжительное отсутствіе сына начинало безпокоить Николая Петровича: онъ вскрикнулъ, заболталъ ногами и подпрыгнулъ на диванѣ, когда Ѳеничка вбѣжала къ нему съ сіяющими глазами и объявила о пріѣздѣ „молодыхъ господъ“; самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ нѣкоторое пріятное волненіе и снисходительно улыбался, потрясая руки возвратившихся странниковъ. Пошли толки, разспросы; говорилъ больше Аркадій, особенно за ужиномъ, который продолжался далеко за полночь. Николай Петровичъ велѣлъ подать нѣсколько бутылокъ портера, только что привезеннаго изъ Москвы, и самъ раскутился до того, что щеки у него сдѣлались малиновыя, и онъ все смѣялся какимъ-то не то дѣтскимъ, не то нервическимъ смѣхомъ. Всеобщее одушевленіе распространилось и на прислугу. Дуняша бѣгала взадъ и впередъ какъ угорѣлая, и то и дѣло хлопала дверями; а Петръ даже въ третьемъ часу ночи все еще пытался сыграть на гитарѣ вальсъ-казакъ. Струны жалобно и пріятно звучали въ неподвижномъ воздухѣ; но за исключеніемъ небольшой первоначальной фіоритуры ничего не выходило у образованнаго камердинера: природа отказала ему въ музыкальной способности, какъ и во всѣхъ другихъ.

А между тѣмъ жизнь не слишкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ — хлопоты безотрадныя, безтолковыя. Возня съ наемными работниками становилась невыносимою. Одни требовали расчета или прибавки, другіе уходили, забравши задатокъ; лошади заболѣвали; сбруя горѣла какъ на огнѣ; работы исполнялись небрежно; выписанная изъ Москвы

молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести; другую съ перваго разу испортили; половина скотнаго двора сгорѣла, оттого что слѣпая старуха изъ дворовыхъ въ вѣтряную погоду пошла съ головешкой окуривать свою корову... правда, по увѣренію той же старухи, вся бѣда произошла оттого, что барину вздумалось заводить какіе-то небывалые сыры и молочные скопы. Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть, какъ толстѣетъ всякій русскій человѣкъ, попавшій на „вольные хлѣба“. Завидя издали Николая Петровича, онъ, чтобы заявить свое рвеніе, бросалъ щепкой въ пробѣгавшаго мимо поросенка или грозился полунагому мальчишкѣ, а впрочемъ больше все спалъ. Посаженные на оброкъ мужики не взносили денегъ въ срокъ, крали лѣсъ; почти каждую почь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы“. Николай Петровичъ опредѣлилъ-было денежный штрафъ за потраву, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владѣльцамъ. Къ довершенію всего, мужики начали между собою ссориться: братья требовали раздѣла, жены ихъ не могли ужиться въ одномъ домѣ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднималось на ноги, какъ по командѣ, все сбѣгалось передъ крылечко конторы, лѣзло къ барину, часто съ избитыми рожами, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы; возникалъ шумъ, вопль, бабій хныкающій визгъ вперемежку съ мужскою бранью. Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки придти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы: сосѣдній однодворецъ, съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порядился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ между тѣмъ осыпался, а тутъ съ косьбой не совладѣли, а тутъ Опекунскій Совѣтъ грозится и требуетъ немедленной и безпеодоимочной уплаты процентовъ...

— Силъ моихъ нѣтъ!—не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ Николай Петровичъ. — Самому драться невозможно, посылать за становымъ — не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь!

— Du calme, du calme, — замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы.

Базаровъ держался въ отдаленіи отъ этихъ „дрязговъ“, да ему, какъ гостю, не приходилось и вмѣшиваться въ чужія дѣла. На другой день послѣ пріѣзда въ Марьино, онъ принялся за своихъ лягушекъ, за инфузоріи, за химическіе составы, и все возился съ ними. Аркадій, напротивъ, почелъ своею обязанностію если не помогать отцу, то по крайней мѣрѣ показать видъ, что онъ готовъ ему помочь. Онъ терпѣливо его выслушивалъ и однажды подалъ какой-то совѣтъ, не для того чтобы ему послѣдовали, а чтобы заявить свое участіе. Хозяйничанье не возбуждало въ немъ отвращенія: онъ даже съ удовольствіемъ мечталъ объ агрономической дѣятельности, но у него въ ту пору другія мысли зароились въ головѣ. Аркадій, къ собственному изумленію, безпрестанно думалъ о Никольскомъ; прежде онъ бы только плечами пожалъ, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ можетъ соскучиться подъ однимъ кровомъ съ Базаровымъ, и еще подъ какимъ!—подъ родительскимъ кровомъ; а ему точно было скучно, и тянуло его вонъ. Онъ вздумалъ гулять до усталости, но и это не помогло. Разговаривая однажды съ отцомъ, онъ узналъ, что у Николая Петровича находилось нѣсколько писемъ, довольно интересныхъ, писанныхъ нѣкогда матерью Одинцовой къ покойной его женѣ, и не отсталъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не получилъ этихъ писемъ, за которыми Николай Петровичъ принужденъ былъ рыться въ двадцати различныхъ ящикахъ и сундукахъ. Вступивъ въ обладаніе этими полуистлѣвшими бумажками, Аркадій какъ будто успокоился, точно онъ увидѣлъ передъ собою цѣль, къ которой ему слѣдовало идти. „Я вамъ это обоимъ говорю“, безпрестанно шепталъ онъ,—сама прибавила! „Поѣду, поѣду, чортъ возьми!“ Но

онъ вспомнилъ послѣднее посѣщеніе, холодный пріемъ и прежнюю неловкость, и робость овладѣвала имъ. „Авось“ молодости, тайное желаніе извѣдать свое счастіе, испытать свои силы въ одиночку, безъ чьего бы то ни было покровительства — одолѣли наконецъ. Десяти дней не прошло со времени его возвращенія въ Марьино, какъ уже онъ опять, подъ предлогомъ изученія механизма воскресныхъ школъ, скакалъ въ городъ, а оттуда въ Никольское. Безпрерывно погоняя ямщика, несся онъ туда, какъ молодой офицеръ на сраженье: и страшно ему было, и весело, нетерпѣніе его душило. „Главное — не надо думать“, твердилъ онъ самому себѣ. Ямщикъ ему попался лихой; онъ останавливался передъ каждымъ кабакомъ, приговаривая: „чкнуть?“ или: „аль чкнуть?“ но за то, *чкнувши*, не жалѣлъ лошадей. Вотъ, наконецъ, показалась высокая крыша знакомаго дома... „Что я дѣлаю?“ мелькнуло вдругъ въ головѣ Аркадія. „Да, вѣдь не вернуться же!“ Тройка дружно мчалась; ямщикъ гикалъ и свисталъ. Вотъ уже мостикъ загремѣлъ подъ копытами и колесами, вотъ уже надвинулась аллея стриженныхъ елокъ... Розовое женское платье мелькнуло въ темной зелени, молодое лицо выглянуло изъ-подъ легкой бахромы зонтика... Онъ узналъ Катю, и она его узнала. Аркадій приказалъ ямщику остановить разскакавшихся лошадей, выпрыгнулъ изъ экипажа и подошелъ къ ней. „Это вы!“ промолвила она, и понемножку вся покраснѣла: „пойдемте къ сестрѣ, она тутъ, въ саду; ей будетъ пріятно васъ видѣть“.

Катя повела Аркадія въ садъ. Встрѣча съ нею показалась ему особенно счастливымъ предзнаменованіемъ; онъ обрадовался ей, словно родной. Все такъ отлично устроилось: ни дворецкаго, ни доклада. На поворотѣ дорожки онъ увидѣлъ Анну Сергѣевну. Она стояла къ нему спиной. Услышавъ шаги, она тихонько обернулась.

Аркадій смутился-было снова, но первыя слова, ею произнесенныя, успокоили его тотчасъ. „Здравствуйте, бѣглецъ!“ — проговорила она своимъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ, и пошла къ нему навстрѣчу, улыба-

лсь и щурясь отъ солнца и вѣтра: „гдѣ ты его нашла, Катя?“

— Я вамъ, Анна Сергѣевна,—началъ онъ: — привезъ нѣчто такое, чего вы никакъ не ожидаете...

— Вы себя привезли; это лучше всего.

XXIII.

Проводивъ Аркадія съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ и давъ ему понять, что онъ нисколько не обманывается насчетъ настоящей цѣли его поѣздки, Базаровъ уединился окончательно: на него нашла лихорадка работы. Съ Павломъ Петровичемъ онъ уже не спорилъ, тѣмъ болѣе, что тотъ въ его присутствіи принималъ черезчуръ аристократическій видъ и выражалъ свои мнѣнія болѣе звуками, чѣмъ словами. Только однажды Павелъ Петровичъ пустился-было въ состязаніе съ *нигилистомъ* по поводу роднаго въ то время вопроса о правахъ остзейскихъ дворянъ, но самъ вдругъ остановился, промолвивъ съ холодною вѣжливостью:—впрочемъ, мы другъ друга понять не можемъ; я, по крайней мѣрѣ, не имѣю чести васъ понимать.

— Еще бы!—воскликнулъ Базаровъ.—Человѣкъ все въ состояніи понять — и какъ трепещетъ эфиръ, и что на солнцѣ происходитъ; а какъ другой человѣкъ можетъ иначе сморкаться, чѣмъ онъ самъ сморкается, этого онъ понять не въ состояніи.

— Что, это остроумно?—проговорилъ вопросительно Павелъ Петровичъ, и отошелъ въ сторону.

Впрочемъ, онъ иногда просилъ позволенія присутствовать при опытахъ Базарова, а разъ даже приблизилъ свое раздушенное и вымытое отличнымъ спадобьемъ лицо къ микроскопу, для того чтобы посмотрѣть, какъ прозрачная инфузорія глотала зеленую пылинку и хлопотливо пережевывала ее какими-то очень проворными кулачками, находившимися у ней въ горлѣ. Гораздо чаще своего брата посѣщалъ Базарова Николай Петровичъ; онъ бы каждый день приходилъ, какъ онъ выражался, „учиться“, если бы хлопоты по хозяйству не отвлекали его. Онъ не стѣснялъ молодого естествоиспытателя: садился гдѣ-нибудь въ уго-

локъ комнаты и глядѣлъ внимательно, изрѣдка позволяя себѣ осторожный вопросъ. Во время обѣдовъ и ужиновъ, онъ старался направлять рѣчь на физику, геологію или химію, такъ какъ всѣ другіе предметы, даже хозяйственные, не говоря уже о политическихъ, могли повести если не къ столкновеніямъ, то ко взаимному неудовольствію. Николай Петровичъ догадывался, что ненависть его брата къ Базарову нисколько не уменьшилась. Неважный случай, между многими другими, подтвердилъ его догадки. Холера стала появляться кой-гдѣ по окрестностямъ и даже „выдернула“ двухъ людей изъ самого Марьина. Ночью съ Павломъ Петровичемъ случился довольно сильный припадокъ. Онъ промучился до утра, но не прибѣгъ къ искусству Базарова — и увидѣвшись съ нимъ на слѣдующій день, на его вопросъ:—„зачѣмъ онъ не послалъ за нимъ?“—отвѣчалъ, весь еще блѣдный, но уже тщательно расчесанный и выбритый:—„вѣдь вы, помнится, сами говорили, что не вѣрите въ медицину?“—Такъ проходили дни. Базаровъ работалъ упорно и угрюмо... а между тѣмъ въ домѣ Николая Петровича находилось существо, съ которымъ онъ не то чтобы отводилъ душу, а охотно бесѣдовалъ... Это существо была Ѳеничка.

Онъ встрѣчался съ ней большею частью по утрамъ рано, въ саду или на дворѣ; въ комнату къ ней онъ не захаживалъ, и она всего разъ подошла къ его двери, чтобы спросить его—купать ли ей Митю или нѣтъ? Она не только довѣрялась ему, не только его не боялась, она при немъ держалась вольнѣе и развязнѣе, чѣмъ при самомъ Николаѣ Петровичѣ. Трудно сказать, отчего это происходило; можетъ-быть оттого, что она безсознательно чувствовала въ Базаровѣ отсутствіе всего дворянскаго, всего того высшаго, что и привлекаетъ, и пугаетъ. Въ ея глазахъ онъ и докторъ былъ отличный, и человѣкъ простой. Не стѣсняясь его присутствіемъ, она возилась съ своимъ ребенкомъ, и однажды, когда у ней вдругъ закружилась и заболѣла голова — изъ его рукъ приняла ложку лѣкарства. При Николаѣ Петровичѣ она какъ будто чуждалась Базарова: она это дѣлала не изъ хит-

рости, а изъ какого-то чувства приличія. Павла Петровича она боялась больше чѣмъ когда-либо; онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ наблюдать за нею, и неожиданно появлялся, словно изъ земли выросталъ за ея спиною въ своемъ *сюртукѣ*, съ неподвижнымъ зоркимъ лицомъ и руками въ карманахъ. — „Такъ тебя холодомъ и обдастъ“, жаловалась Ѳеничка Дуняшѣ, а та въ отвѣтъ ей вздыхала и думала о другомъ „безчувственномъ“ человѣкѣ. Базаровъ, самъ того не подозрѣвая, сдѣлался *жестокимъ тираномъ* ея души.

Ѳеничкѣ нравился Базаровъ; но и она ему нравилась. Даже лицо его измѣнялось, когда онъ съ ней разговаривалъ: оно принимало выраженіе ясное, почти доброе, и къ обычной его небрежности примѣшивалась какая-то шутливая внимательность. Ѳеничка хорошѣла съ каждымъ днемъ. Бываетъ эпоха въ жизни молодыхъ женщинъ, когда онѣ вдругъ начинаютъ расцвѣтать и распускаться, какъ лѣтнія розы; такая эпоха наступила для Ѳенички. Все къ тому способствовало, даже іюльскій зной, который стоялъ тогда. Одѣтая въ легкое, бѣлое платье, она сама казалась бѣлѣе и легче: загаръ не приставалъ къ ней, а жара, отъ которой она не могла уберечься, слегка румянила ея щеки да уши, и вливая тихую лѣнь во все ея тѣло, отражалась дремотною томностью въ ея хорошенькихъ глазкахъ. Она почти не могла работать, руки у ней такъ и скользили на колѣни. Она едва ходила, и все охала да жаловалась съ забавнымъ безсиліемъ.

— Ты бы чаще купалась,—говорилъ ей Николай Петровичъ.

Онъ устроилъ большую, полотномъ покрытую, купальню въ томъ изъ своихъ прудовъ, который еще не совсѣмъ ушелъ.

— Охъ, Николай Петровичъ! Да пока до пруда дойдешь—умрешь, и назадъ пойдешь — умрешь. Вѣдь тѣнито въ саду нѣту.

— Это точно, что тѣни нѣту,—отвѣчалъ Николай Петровичъ, и потиралъ себѣ брови.

Однажды, часу въ седьмомъ утра, Базаровъ, возвраща-

ясь съ прогулки, засталъ въ давно-отцвѣтшей, но еще густой и зеленой сиреневой бесѣдкѣ Ѳеничку. Она сидѣла на скамейкѣ, накинувъ по обыкновенію бѣлый платокъ на голову; подлѣ нея лежалъ цѣлый пукъ еще мокрыхъ отъ росы красныхъ и бѣлыхъ розъ. Онъ поздоровался съ нею.

— А! Евгеній Васильичъ!—проговорила она, и приподняла немного край платка, чтобы взглянуть на него, причемъ ея рука обнажилась до локтя.

— Что вы это тутъ дѣлаете?—промолвилъ Базаровъ, садясь возлѣ нея.—Букетъ вяжете?

— Да; на столъ къ завтраку. Николай Петровичъ это любитъ.

— Но до завтрака еще далеко. Экая пропасть цвѣтовъ!

— Я ихъ теперь нарвала, а то станетъ жарко, и выйти пельзя. Только теперь и дышишь. Совсѣмъ я разслабѣла отъ этого жару. Ужъ я боюсь, не заболѣю ли я?

— Это что за фантазія! Дайте-ка вашъ пульсъ пощупать.—Базаровъ взялъ ея руку, отыскалъ ровно бившуюся жилку, и даже не сталъ считать ея ударовъ.—Сто лѣтъ проживете,—промолвилъ онъ, выпуская ея руку.

— Ахъ, сохрани Богъ! воскликнула она.

— А что? Развѣ вамъ не хочется долго пожить!

— Да вѣдь сто лѣтъ! У насъ бабушка была восьмидесяти-пяти лѣтъ—такъ ужъ что же это была за мученица! Черная, глухая, горбатая, все кашляла; себѣ только въ тягость. Какая ужъ это жизнь!

— Такъ лучше быть молодою?

— А то какъ же?

— Да чѣмъ же оно лучше? Скажите мнѣ!

— Какъ чѣмъ? Да вотъ я теперь, молодая, все могу сдѣлать,—и пойду, и приду, и принесу, и никого мнѣ просить не нужно... Чего лучше?

— А вотъ мнѣ все равно: молодъ ли я или старъ.

— Какъ это вы говорите—все равно? это невозможно, что вы говорите.

— Да вы сами посудите, Ѳедосья Николаевна, на что мнѣ моя молодость? Живу я одинъ, бобылемъ...

— Это отъ васъ всегда зависитъ.

— То-то что не отъ меня! Хоть бы кто-нибудь надо мною сжалился.

Ѳеничка сбоку посмотрѣла на Базарова, но ничего не сказала.—Это что̀ у васъ за книга?—спросила она, погодя немного.

— Эта-то? Это ученая книга, мудреная.

— А вы все учитесь? И не скучно вамъ? Вы ужъ и такъ, я чай, все знаете.

— Видно не все. Попробуйте-ка вы прочесть немного.

— Да я ничего тутъ не пойму. Она у васъ русская?—спросила Ѳеничка, принимая въ обѣ руки тяжело переплетенный томъ.—Какая толстая!

— Русская.

— Все равно, я ничего не пойму.

— Да я и не съ тѣмъ, чтобы вы поняли. Мнѣ хочется посмотрѣть на васъ, какъ вы читать будете. У васъ, когда вы читаете, кончикъ носика очень мило двигается.

Ѳеничка, которая принялась-было разбирать вполголоса попавшуюся ей статью „о креозотѣ“, засмѣялась и бросила книгу... она скользнула со скамейки на землю.

— Я люблю тоже, когда вы смѣетесь, — промолвилъ Базаровъ.

— Полноте!

— Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеекъ журчитъ.

Ѳеничка отворотила голову.—Какой вы!—промолвила она, перебирая пальцами по цвѣтамъ.—И что̀ вамъ меня слушать? Вы съ такими умными дамами разговоръ имѣли.

— Эхъ, Ѳедосья Николаевна! повѣрьте мнѣ: всѣ умныя дамы на свѣтѣ не стоятъ вашего локотка.

— Ну, вотъ еще что̀ выдумали!—шепнула Ѳеничка, и поджала руки.

Базаровъ поднялъ съ земли книгу. — Это лѣкарская книга, зачѣмъ вы ее бросаете?

— Лѣкарская?—повторила Ѳеничка, и повернулась къ нему.—А знаете что? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ тѣ капельки дали, помните? ужъ какъ Митя спитъ хорошо!

Я ужъ и не придумаю, какъ мнѣ васъ благодарить; такой вы добрый, право.

— А по-настоящему надо лѣкарямъ платить,—замѣтилъ съ усмѣшкой Базаровъ.—Лѣкаря, вы сами знаете, люди корыстные.

Ѳеничка подняла на Базарова свои глаза, казавшіеся еще темнѣе отъ бѣловатаго отблеска, падавшаго на верхнюю часть ея лица. Она не знала—шутитъ ли онъ, или нѣтъ.

— Если вамъ угодно, мы съ удовольствіемъ... Надо будетъ у Николая Петровича спросить...

— Да вы думаете, я денегъ хочу?—перебилъ ее Базаровъ.—Нѣтъ, мнѣ отъ васъ не деньги нужны.

— Что же?—проговорила Ѳеничка.

Что?—повторилъ Базаровъ.—Угадайте.

Что я за отгадчица!

— Такъ я вамъ скажу; мнѣ нужно... одну изъ этихъ розъ.

Ѳеничка опять засмѣялась и даже руками всплеснула, до того ей показалось забавнымъ желаніе Базарова. Она смѣялась, и въ то же время чувствовала себя польщенною. Базаровъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Извольте, извольте,—промолвила она наконецъ, и, нагнувшись къ скамейкѣ, принялась перебирать розы.—Какую вамъ, красную или бѣлую?

— Красную, и не слишкомъ большую.

Она выпрямилась.

— Вотъ возьмите,—сказала она, но тотчасъ же отдернула протянутую руку, и, закусивъ губы, глянула на входъ бесѣдки, потомъ прислушалась ухомъ.

— Что такое?—спросилъ Базаровъ.—Николай Петровичъ?

— Нѣтъ... Они въ поле уѣхали... да я и не боюсь ихъ... а вотъ Павелъ Петровичъ... Мнѣ показалось...

— Что?

— Мнѣ показалось, что *они* тутъ ходятъ. Нѣтъ... никого нѣтъ. Возьмите.—Ѳеничка отдала Базарову розу.

— Съ какой стати вы Павла Петровича боитесь?

— Они меня все пугаютъ. Говорить — не говорятъ, а такъ смотрятъ мудрено. Да вѣдь и вы его не любите. Помните, прежде вы все съ нимъ спорили. Я и не знаю, о чемъ у васъ споръ идетъ, а вижу, что вы его и такъ вертите, и такъ...

Фенечка показала руками какъ, по ея мнѣнію, Базаровъ вертѣлъ Павла Петровича.

Базаровъ улыбнулся.

— А если бъ онъ меня побѣждать сталъ, — спросилъ онъ:—вы бы за меня заступились?

— Гдѣ жъ мнѣ за васъ заступаться? да нѣтъ, съ вами не сладишь.

— Вы думаете? А я знаю руку, которая захочетъ, и пальцемъ меня сшибетъ.

— Какая такая рука?

— А вы, небось, не знаете? Понюхайте, какъ славно пахнетъ роза, что вы мнѣ дали.

Фенечка вытянула шейку и приблизила лицо къ цвѣтку... Платокъ скатился съ ея головы на плеча; показалась мягкая масса черныхъ, блестящихъ, слегка растрепанныхъ волосъ.

— Постойте, я хочу понюхать съ вами, — промолвилъ Базаровъ, нагнулся, и крѣпко поцѣловалъ ее въ раскрытыя губы.

Она дрогнула, уперлась обѣими руками въ его грудь, но уперлась слабо, и онъ могъ возобновить и продлить свой поцѣлуй.

Сухой кашель раздался за сиренями. Фенечка мгновенно отодвинулась на другой конецъ скамейки. Павелъ Петровичъ показался, слегка поклонился и, проговоривъ съ какою-то злобною унылостью: „вы здѣсь“—удалился. Фенечка тотчасъ подобрала всѣ розы и вышла вонъ изъ бесѣдки.—„Грѣшно вамъ, Евгеній Васильевичъ“, шепнула она, уходя. Неподдѣльный упрекъ слышался въ ея шопотѣ.

Базаровъ вспомнилъ другую недавнюю сцену, и совѣстно ему стало, и презрительно досадно. Но онъ тотчасъ же встряхнулъ головой, иронически поздравилъ себя „съ фор-

мальнымъ поступленіемъ въ селадоны", и отправился къ себѣ въ комнату.

А Павелъ Петровичъ вышелъ изъ саду, и медленно шагая, добрался до лѣса. Онъ остался тамъ довольно долго, и когда онъ вернулся къ завтраку, Николай Петровичъ заботливо спросилъ у него, здоровъ ли онъ? до того лицо его потемнѣло.

— Ты знаешь, я иногда страдаю разлитіемъ желчи,— спокойно отвѣчалъ ему Павелъ Петровичъ.

XXIV.

Часа два спустя, онъ стучался въ дверь къ Базарову.

— Я долженъ извиниться, что мѣшаю вамъ въ вашихъ ученыхъ занятіяхъ,—началъ онъ, усаживаясь на стулѣ у окна и опираясь обѣими руками на красивую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости (онъ обыкновенно хаживалъ безъ трости):—но я принужденъ просить васъ удѣлить мнѣ пять минутъ вашего времени... не болѣе.

— Все мое время къ вашимъ услугамъ, —отвѣтилъ Базаровъ, у котораго что-то пробѣжало по лицу, какъ только Павелъ Петровичъ переступилъ порогъ двери.

— Съ меня пяти минутъ довольно. Я пришелъ предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Вопросъ? О чемъ это?

— А вотъ извольте выслушать. Въ началѣ вашего пребыванія въ домѣ моего брата, когда я еще не отказывалъ себѣ въ удовольствіи бесѣдовать съ вами, мнѣ случалось слышать ваши сужденія о многихъ предметахъ; но, сколько мнѣ помнится, ни между нами, ни въ моемъ присутствіи, рѣчь никогда не заходила о поединкахъ, о дуэли вообще. Позвольте узнать, какое ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ?

Базаровъ, который всталъ-было навстрѣчу Павлу Петровичу, присѣлъ на край стола и скрестилъ руки.

— Вотъ мое мнѣніе,—сказалъ онъ:—съ теоретической точки зрѣнія дуэль — нелѣпость; ну, а съ практической точки зрѣнія—это дѣло другое.

— То-есть, вы хотите сказать, если я только васъ понялъ, что какое бы ни было ваше теоретическое воз-

рѣніе на дуэль, на практикѣ вы бы не позволили оскорбить себя, не потребовавъ удовлетворенія.

— Вы вполнѣ отгадали мою мысль.

— Очень хорошо-съ. Мнѣ очень пріятно это слышать отъ васъ. Ваши слова выводятъ меня изъ неизвѣстности...

— Изъ нерѣшимости, хотите вы сказать.

— Это все равно-съ; я выражаюсь такъ, чтобы меня поняли; я... не семинарская крыса. Ваши слова избавляютъ меня отъ нѣкоторой печальной необходимости. Я рѣшился драться съ вами.

Базаровъ вытаращилъ глаза.

— Со мной?

— Непремѣнно съ вами.

— Да за что? помилуйте.

— Я бы могъ объяснить вамъ причину,—началъ Павелъ Петровичъ.—Но я предпочитаю умолчать о ней. Вы на мой вкусъ здѣсь лишній; я васъ терпѣть не могу, я васъ презираю, и если вамъ этого не довольно...

Глаза Павла Петровича засверкали... Они вспыхнули и у Базарова.

— Очень хорошо-съ,—проговорилъ онъ.—Дальнѣйшихъ объясненій не нужно. Вамъ пришла фантазія испытать на мнѣ свой рыцарскій духъ. Я бы могъ отказать вамъ въ этомъ удовольствіи, да ужъ куда ни шло!

— Чувствительно вамъ обязанъ,—отвѣтилъ Павелъ Петровичъ:—и могу теперь надѣяться, что вы примете мой вызовъ, не заставивъ меня прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ.

— То-есть, говоря безъ аллегорій, къ этой палкѣ?—хладнокровно замѣтилъ Базаровъ.—Это совершенно справедливо. Вамъ нисколько не нужно оскорблять меня. Опо же и не совсѣмъ безопасно. Вы можете остаться джентльменомъ... Принимаю вашъ вызовъ тоже по-джентльменски.

— Прекрасно, — промолвилъ Павелъ Петровичъ, и поставилъ трость въ уголь.—Мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ условіяхъ нашей дуэли; но я сперва желалъ бы узнать, считаете ли вы нужнымъ прибѣгнуть къ формальности небольшой ссоры, которая могла бы служить предлогомъ моему вызову?

— Нѣтъ, лучше безъ формальностей.

— Я самъ такъ думаю. Полагаю также неумѣстнымъ вникать въ настоящія причины нашего столкновенія. Мы другъ друга терпѣть не можемъ. Чего больше?

— Чего же больше?—повторилъ иронически Базаровъ.

— Что же касается до самыхъ условій поединка, то такъ какъ у насъ секундантовъ не будетъ,—ибо гдѣ жъ ихъ взять?

— Именно, гдѣ ихъ взять?

— То я имѣю честь предложить вамъ слѣдующее: драться завтра рано, положимъ, въ шесть часовъ, за рощей, на пистолетахъ; барьеръ въ десяти шагахъ...

— Въ десяти шагахъ? это такъ; мы на это разстояніе ненавидимъ другъ друга.

— Можно и восемь,—замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Можно; отчего же?

— Стрѣлять два раза; а на всякій случай каждому положить себѣ въ карманъ письмецо, въ которомъ онъ самъ обвинитъ себя въ своей кончинѣ.

— Вотъ съ этимъ я не совсѣмъ согласенъ,—промолвилъ Базаровъ. — Немножко на французскій романъ сбивается, неправдоподобно что-то.

— Быть-можетъ. Однако, согласитесь, что непріятно подвергнуться подозрѣнію въ убійствѣ?

— Соглашаюсь. Но есть средство избѣгнуть этого грустнаго нареканія. Секундантовъ у насъ не будетъ, но можетъ быть свидѣтель.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Да Петръ.

— Какой Петръ?

— Камердинеръ вашего брата. Онъ человѣкъ, стоящій на высотѣ современнаго образованія, и исполнитъ свою роль со всѣмъ необходимымъ въ подобныхъ случаяхъ *комильфо*.

— Мнѣ кажется, вы шутите, милостивый государь.

— Нисколько. Обсудивши мое предложеніе, вы убѣдитесь, что оно исполнено здраваго смысла и простоты. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, а Петра я берусь подгото-

вить надлежащимъ образомъ и привести на мѣсто побоища.

— Вы продолжаете шутить, — произнесъ, вставая со стула, Павелъ Петровичъ. — По послѣ любезной готовности, оказанной вами, я не имѣю права быть на васъ въ претензіи... И такъ, все устроено... Кстати, пистолетовъ у васъ нѣтъ?

— Откуда будутъ у меня пистолеты, Павелъ Петровичъ? Я не воинъ.

— Въ такомъ случаѣ, предлагаю вамъ мои. Вы можете быть увѣрены, что вотъ уже пять лѣтъ, какъ я не стрѣлялъ изъ нихъ.

— Это очень утѣшительное извѣстіе.

Павелъ Петровичъ досталъ свою трость...

— За симъ, милостивый государь, мнѣ остается только поблагодарить васъ и возвратить васъ вашимъ занятіямъ. Честь имѣю кланяться.

— До пріятнаго свиданія, милостивый государь мой,— промолвилъ Базаровъ, провожая гостя.

Павелъ Петровичъ вышелъ, а Базаровъ постоялъ передъ дверью и вдругъ воскликнулъ: „Фу ты, чортъ! какъ красиво, и какъ глупо! Экую мы комедію отломали! Ученыя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. А отказать было невозможно; вѣдь онъ меня, чего добраго, ударилъ бы и тогда... (Базаровъ поблѣднѣлъ при одной этой мысли; вся его гордость такъ и поднялась на дыбы.) Тогда пришлось бы задушить его, какъ котенка“. Онъ возвратился къ своему микроскопу, но сердце у него расшевелилось, и спокойствіе, необходимое для наблюденій, исчезло. „Онъ насъ увидѣлъ сегодня“, думалъ онъ: „но неужели жъ это онъ за брата такъ вступился? Да и что за важность, поцѣлуй? Тутъ что-нибудь другое есть. Ба! да не влюбленъ ли онъ самъ? Разумѣется, влюбленъ; это ясно какъ день. Какой переплетъ, подумаешь!.. Скверно!“ рѣшилъ онъ, наконецъ: „скверно, съ какой стороны ни посмотри. Во-первыхъ, надо будетъ подставлять лобъ, и во всякомъ случаѣ уѣхать; а тутъ Аркадій... и эта божья коровка, Николай Петровичъ. Скверно, скверно“.

День прошелъ какъ-то особенно тихо и вяло. Оеничкѣ словно на свѣтѣ не бывало; она сидѣла въ своей комнаткѣ, какъ мышенокъ въ норкѣ. Николай Петровичъ имѣлъ видъ озабоченный. Ему донесли, что въ его пшеницѣ, на которую онъ особенно надѣялся, показалась головня. Павелъ Петровичъ подавлялъ всѣхъ, даже Прокофьича, своею леденящею вѣжливостью. Базаровъ началъ было письмо къ отцу, да разорвалъ его и бросилъ подъ столъ. „Умру“, подумалъ онъ:—„узнаютъ: да я не умру. Нѣтъ, я еще долго на свѣтѣ маячить буду“. Онъ велѣлъ Петру придти къ нему на слѣдующій день чуть свѣтъ, для важнаго дѣла; Петръ вообразилъ, что онъ хочетъ взять его съ собой въ Петербургъ. Базаровъ легъ поздно, и всю ночь его мучили безпорядочные сны... Одинцова кружилась передъ нимъ, она же была его мать, за пей ходила кошечка съ черными усиками, и эта кошечка была Оеничка; а Павелъ Петровичъ представлялся ему большимъ лѣсомъ, съ которымъ онъ все-таки долженъ былъ драться. Петръ разбудилъ его въ четыре часа; онъ тотчасъ одѣлся и вышелъ съ нимъ.

Утро было славное, свѣжее; маленькія, пестрыя тучки стояли барашками на блѣдно-ясной лазури; мелкая роса высыпала на листьяхъ и травахъ, блистала серебромъ на паутинкахъ; влажная, темная земля, казалось, еще хранила румяный слѣдъ зари; со всего неба сыпались пѣсни жаворонковъ. Базаровъ дошелъ до рощи, присѣлъ въ тѣни на опушку, и только тогда открылъ Петру, какой онъ ждалъ отъ него услуги. Образованный лакей перепугался на-смерть; но Базаровъ успокоилъ его увѣреніемъ, что ему другого нечего будетъ дѣлать, какъ только стоять въ отдаленіи да глядѣть, и что отвѣтственности онъ не подвергается никакой.—„А между тѣмъ“, прибавилъ онъ:—„подумай, какая предстоитъ тебѣ важная роль!“ Петръ развелъ руками, потупился и, весь зеленый, прислонился къ березѣ.

Дорога изъ Марьина огибала лѣсокъ; легкая пыль лежала на пей, еще не тронутая со вчерашняго дня ни колесомъ, ни погою. Базаровъ невольно посматривалъ вдоль

той дороги, рвалъ и кусалъ траву, а самъ все твердилъ про себя: „Экая глупость!“ Утренній холодокъ заставилъ его раза два вздрогнуть... Петръ унылъ взглянулъ на него, но Базаровъ только усмѣхнулся: онъ не трусилъ.

Раздался топотъ конскихъ ногъ по дорогѣ... Мужикъ показался изъ-за деревьевъ. Онъ гналъ двухъ спутанныхъ лошадей передъ собою и, проходя мимо Базарова, посмотрѣлъ на него какъ-то странно, не ломая шапки, что, видимо, смутило Петра, какъ недоброе предзнаменованіе. „Вотъ этотъ тоже рано всталъ“, подумалъ Базаровъ:—„да по крайней мѣрѣ за дѣломъ; а мы?“

— Кажись, они идутъ-съ,—шепнулъ вдругъ Петръ.

Базаровъ поднялъ голову и увидалъ Павла Петровича. Одѣтый въ легкій клѣтчатый пиджакъ и бѣлые, какъ снѣгъ, панталоны, онъ быстро шелъ по дорогѣ; подъ мышкой онъ несъ ящикъ, завернутый въ зеленое сукно.

— Извините, я, кажется, заставилъ васъ ждать,—промолвилъ онъ, кланяясь сперва Базарову, потомъ Петру, въ которомъ онъ въ это мгновеніе уважалъ нѣчто въ родѣ секунданта.—Я не хотѣлъ будить моего камердинера.

— Ничего-съ,—отвѣтилъ Базаровъ:—мы сами только-что пришли.

— А! тѣмъ лучше!—Павелъ Петровичъ оглянулся кругомъ.—Никого не видать, никто не помѣшаетъ... Мы можемъ приступить?

— Приступимъ.

— Новыхъ объясненій вы, я полагаю, не требуете?

— Не требую.

— Угодно вамъ заряжать?—спросилъ Павелъ Петровичъ, вынимая изъ ящика пистолеты.

— Нѣтъ; заряжайте вы, а я шаги отмѣривать стану. Ноги у меня длиннѣе,—прибавилъ Базаровъ съ усмѣшкой.—Разъ, два, три...

— Евгеній Васильевичъ,—съ трудомъ пролепеталъ Петръ (онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ):—воля ваша, я отойду.

— Четыре... пять... Отойди, братецъ, отойди; можешь

даже за дерево стать и уши заткнуть, только глазъ не закрывай; а повалится кто—бѣги подымать. Шесть... семь... восемь...—Базаровъ остановился.—Довольно?—промолвилъ онъ, обращаясь къ Павлу Петровичу:—или еще два шага накинуть?

— Какъ угодно, — проговорилъ тотъ, заколачивая вторую пулю.

— Ну, накипемъ еще два шага. — Базаровъ провелъ носкомъ сапога черту по землѣ. — Вотъ и барьеръ. А, кстати: на сколько шаговъ каждому изъ насъ отъ барьера отойти? Это тоже важный вопросъ. Вчера объ этомъ не было дискуссіи.

— Я полагаю, на десять, — отвѣтилъ Павелъ Петровичъ, подавая Базарову оба пистолета. — Соблаговолите выбрать.

— Соблаговолю. А согласитесь, Павелъ Петровичъ, что поединокъ нашъ необычаенъ до смѣшного. Вы посмотрите только на физіономію нашего секунданта.

— Вамъ все желательно шутить, — отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгомъ предупредить васъ, что я намѣренъ драться серьезно. A bon entendeur, salut!

— О, я не сомнѣваюсь въ томъ, что мы рѣшились истреблять другъ друга; но почему же не посмѣяться и не соединить utile dulci? Такъ-то: вы мнѣ по-французски, а я вамъ по-латыни.

— Я буду драться серьезно, — повторилъ Павелъ Петровичъ, и отправился на свое мѣсто. Базаровъ, съ своей стороны, отсчиталъ десять шаговъ отъ барьера и остановился.

— Вы готовы?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Совершенно.

— Можемъ сходиться.

Базаровъ тихонько двинулся впередъ, и Павелъ Петровичъ пошелъ на него, заложивъ лѣвую руку въ карманъ и постепенно поднимая дуло пистолета... „Онъ мнѣ прямо въ носъ цѣлитъ“, подумалъ Базаровъ: „и какъ щурится старательно, разбойникъ! Однако это непріятное ощуще-

nie. Стану смотрѣть на цѣпочку его часовъ...“ Что-то рѣзко свистнуло около самаго уха Базарова, и въ то же мгновенье раздался выстрѣлъ. — „Слышалъ, стало-быть ничего“, успѣло мелькнуть въ его головѣ. Онъ ступилъ еще разъ и, не цѣлясь, подавилъ пружинку.

Павелъ Петровичъ дрогнулъ слегка и хватился рукою за ляжку. Струйка крови потекла по его бѣлымъ панталонамъ.

Базаровъ бросилъ пистолетъ въ сторону и приблизился къ своему противнику.

— Вы ранены?—промолвилъ онъ.

— Вы имѣли право подозвать меня къ барьеру,—проговорилъ Павелъ Петровичъ,—а это пустяки. По условію, каждый имѣетъ еще по одному выстрѣлу.

— Ну, извините, это до другого раза, — отвѣчалъ Базаровъ и обхватилъ Павла Петровича, который начиналъ блѣднѣть.—Теперь я уже не дуэлистъ, а докторъ, и прежде всего долженъ осмотрѣть вашу рану. Петръ! поди сюда, Петръ! куда ты спрятался?

— Все это вздоръ... Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи,—промолвилъ съ разстановкой Павелъ Петровичъ:— и... надо... опять... — Онъ хотѣлъ-было дернуть себя за усъ, но рука его ослабѣла, глаза закатились, и онъ лишился чувствъ.

— Вотъ новость! Обморокъ! Съ чего бы! — невольно воскликнулъ Базаровъ, опуская Павла Петровича на траву. — Посмотримъ, что за штука? — Онъ вынулъ платокъ, отеръ кровь, ощупалъ вокругъ раны... „Кость цѣла“, бормоталъ онъ сквозь зубы: „пуля прошла неглубоко насквозь, одинъ мускулъ, vastus externus, задѣтъ. Хоть пляши черезъ три недѣли!.. А, обморокъ! Охъ, ужъ эти мнѣ первые люди! Вишь, кожа-то какая тонкая“.

— Убиты-съ?—прошелестилъ за его спиной трепетный голосъ Петра.

Базаровъ огляпулся.

— Ступай за водой поскорѣе, братецъ, а онъ насъ съ тобой переживетъ.

Но усовершенствованный слуга, казалось, не понималъ

его словъ и не двигался съ мѣста. Павелъ Петровичъ медленно открылъ глаза. „Кончается!“ шепнулъ Петръ и началъ креститься.

— Вы правы... Экая глупая физіономія! — проговорилъ съ насильственною улыбкой раненый джентльменъ.

— Да ступай же за водой, чортъ! — крикнулъ Базаровъ.

— Не нужно... Это былъ минутный vertige... Помогите мнѣ сѣсть... вотъ такъ... Эту царапину стоитъ только чѣмъ-нибудь прихватить, и я дойду домой пѣшкомъ, а не то можно дрожки за мной прислать. Дуэль, если вамъ угодно, не возобновляется. Вы поступили благородно... сегодня, сегодня—замѣтьте.

— О прошломъ вспоминать не зачѣмъ,—возразилъ Базаровъ: — а что касается до будущаго, то о немъ тоже не стоитъ голову ломать, потому что я намѣренъ немедленно улизнуть. Дайте, я вамъ перевяжу теперь ногу; рана ваша—не опасная, а все лучше остановить кровь. Но сперва необходимо этого смертнаго привести въ чувство.

Базаровъ встрихнулъ Петра за воротъ и послалъ его за дрожками.

— Смотри, брата не испугай, — сказалъ ему Павелъ Петровичъ:—не вздумай ему докладывать.

Петръ помчался; а пока онъ бѣгалъ за дрожками, оба противника сидѣли на землѣ и молчали. Павелъ Петровичъ старался не глядѣть на Базарова; помириться съ нимъ онъ все-таки не хотѣлъ; онъ стыдился своей запосчивости, своей неудачи, стыдился всего затѣяннаго имъ дѣла, хотя и чувствовалъ, что болѣе благопріятнымъ образомъ оно кончиться не могло. „Не будетъ по крайней мѣрѣ здѣсь торчать“, успоконвалъ онъ себя: „и на томъ спасибо“. Молчаніе длилось, тяжелое и неловкое. Обоимъ было не хорошо. Каждый изъ нихъ сознавалъ, что другой его понимаетъ. Друзьямъ это сознаніе пріятно, и весьма непріятно не тругамъ, особенно когда нельзя ни объясниться, ни разойтись.

— Не туго ли я завязалъ вамъ ногу?—спросилъ наконецъ Базаровъ.

— Нѣтъ, ничего, прекрасно,—отвѣчалъ Павелъ Петровичъ и, погодя немного, прибавилъ:—брата не обманешь, надо будетъ сказать ему, что мы повздорили изъ-за политики.

— Очень хорошо.—промолвилъ Базаровъ.—Вы можете сказать, что я бранилъ всѣхъ англоманов.

— И прекрасно. Какъ вы полагаете, что думаетъ теперь о насъ этотъ человѣкъ? — продолжалъ Павелъ Петровичъ, указывая на того самаго мужика, который за нѣсколько минутъ до дуэли прогналъ мимо Базарова спутанныхъ лошадей и, возвращаясь назадъ по дорогѣ, „забочилъ“ и снялъ шапку при видѣ „господъ“.

— Кто жъ его знаетъ! — отвѣтилъ Базаровъ: — всего вѣроятнѣе, что ничего не думаетъ. — Русскій мужикъ — это тотъ самый таинственный незнакомецъ, о которомъ нѣкогда такъ много толковала госпожа Ратклиффъ. Кто его пойметъ! Онъ самъ себя не понимаетъ.

— А! вотъ вы какъ! — началъ было Павелъ Петровичъ и вдругъ воскликнулъ: — посмотрите, что вашъ глупецъ Петръ надѣлалъ! Вѣдь братъ сюда скачетъ!

Базаровъ обернулся и увидалъ блѣдное лицо Николая Петровича, сидѣвшаго на дрожкахъ. Онъ соскочилъ съ нихъ, прежде нежели онѣ остановились, и бросился къ брату.

— Что это значитъ? — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ: — Евгеній Васильичъ, помилуйте, что это такое?

— Ничего, — отвѣчалъ Павелъ Петровичъ: — напрасно тебя потревожили. Мы немножко повздорили съ господиномъ Базаровымъ, и я за это немножко поплатился.

— Да изъ-за чего все вышло, ради Бога?

— Какъ тебѣ сказать? Господинъ Базаровъ непочтительно отозвался о сэръ Робертѣ Пилѣ. Спѣшу прибавить, что во всемъ этомъ виноватъ одинъ я, а господинъ Базаровъ велъ себя отлично. Я его вызвалъ.

— Да у тебя кровь, помилуй!

— А ты полагалъ, у меня вода въ жилахъ? Но мнѣ это кровопусканіе даже полезно. Не правда ли, докторъ?

Помоги мнѣ сѣсть на дрожки, и не предавайся меланхоліи. Завтра я буду здоровъ. Вотъ такъ; прекрасно. Трогай, кучеръ.

Николай Петровичъ пошелъ за дрожками; Базаровъ остался-было назади...

— Я долженъ васъ просить заняться братомъ, — сказалъ ему Николай Петровичъ: — пока намъ изъ города привезутъ другого врача.

Базаровъ молча наклонилъ голову.

Часъ спустя, Павелъ Петровичъ уже лежалъ въ постели съ искусно забинтованною ногой. Весь домъ переполошился: Ѳеничкѣ сдѣлалось дурно. Николай Петровичъ втихомолку ломалъ себѣ руки, а Павелъ Петровичъ смѣялся, шутилъ, особенно съ Базаровымъ; надѣлъ тонкую батистовую рубашку, щегольскую утреннюю курточку и феску, не позволилъ опускать шторы оконъ, и забавно жаловался на необходимость воздержаться отъ пищи.

Къ ночи съ нимъ однако сдѣлался жаръ; голова у него заболѣла. Явился докторъ изъ города. (Николай Петровичъ не послушался брата, да и самъ Базаровъ этого не желалъ; онъ цѣлый день сидѣлъ у себя въ комнатѣ, весь желтый и злой, и только на самое короткое время забѣгалъ къ больному; раза два ему случилось встрѣтиться съ Ѳеничкой, но она съ ужасомъ отъ него отскакивала.) Новый докторъ посовѣтовалъ прохладительныя питья, а впрочемъ подтвердилъ увѣренія Базарова, что опасности не предвидится никакой. Николай Петровичъ сказалъ ему, что братъ самъ себя поранилъ по неосторожности, на что докторъ отвѣчалъ: „гм"! — но, получивъ тутъ же въ руку 25 рублей серебромъ, промолвилъ:

— Скажите! это часто случается, точно.

Никто въ домѣ не ложился и не раздѣвался. Николай Петровичъ то и дѣло входилъ на цыпочкахъ къ брату, и на цыпочкахъ выходилъ отъ него: тотъ забывался, слегка охалъ, говорилъ ему по-французски: „couchez-vous" — и просилъ пить. Николай Петровичъ заставилъ разъ Ѳеничку поднести ему стаканъ лимонаду; Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на нее пристально, и выпилъ ста-

канъ до дна. Къ утру жаръ немного усилился, показался легкій бредъ. Сперва Павелъ Петровичъ произносилъ несвязныя слова; потомъ онъ вдругъ открылъ глаза и, увидавъ возлѣ своей постели брата, заботливо наклонившагося надъ нимъ, промолвилъ:

— А не правда ли, Николай, въ Ѳеничкѣ есть что-то общее съ Нелли?

— Съ какою Нелли, Паша?

— Какъ это ты спрашиваешь? Съ княгинею Р.... Особенно въ верхней части лица. C'est de la même famille.

Николай Петровичъ ничего не отвѣчалъ, а самъ про себя подивился живучести старыхъ чувствъ въ человѣкѣ.

„Вотъ когда всплыло“, подумалъ онъ.

— Ахъ, какъ я люблю это пустое существо! — простоналъ Павелъ Петровичъ, тоскливо закидывая руки за голову.—Я не потерплю, чтобы какой-нибудь наглецъ посмѣлъ коснуться...—лепеталъ онъ нѣсколько мгновеній спустя.

Николай Петровичъ только вздохнулъ; онъ и не подозрѣвалъ, къ кому относились эти слова.

Базаровъ явился къ нему на другой день, часовъ въ восемь. Онъ успѣлъ уже уложиться и выпустить на волю всѣхъ своихъ лягушекъ, насѣкомыхъ и птицъ.

— Вы пришли со мной проститься?—проговорилъ Николай Петровичъ, поднимаясь ему навстрѣчу.

— Точно такъ-съ.

— Я васъ понимаю, и одобряю васъ вполнѣ. Мой бѣдный братъ, конечно, виноватъ: за то онъ и наказанъ. Онъ мнѣ самъ сказалъ, что поставилъ васъ въ невозможность иначе дѣйствовать. Я вѣрю, что вамъ нельзя было избѣгнуть этого поединка, который... который до нѣкоторой степени объясняется однимъ лишь постояннымъ антагонизмомъ вашихъ взаимныхъ воззрѣній. (Николай Петровичъ путался въ своихъ словахъ.) Мой братъ—человѣкъ прежняго закала, вспыльчивый и упрямый... Слава Богу, что еще такъ кончилось. Я припялъ всѣ нужныя мѣры къ избѣжанію огласки...

— Я вамъ оставлю свой адресъ на случай, если выйдетъ исторія,—замѣтилъ небрежно Базаровъ.

— Я надѣюсь, что никакой исторіи не выйдетъ, Евгеній Васильичъ... Мнѣ очень жаль, что ваше пребываніе въ моемъ домѣ получило такое... такой конецъ. Мнѣ это тѣмъ огорчительнѣе, что Аркадій...

— Я, должно-быть, съ нимъ увижусь, — возразилъ Базаровъ, въ которомъ всякаго рода „объясненія“ и „изъявленія“ постоянно возбуждали нетерпѣливое чувство: — въ противномъ случаѣ, прошу васъ поклониться ему отъ меня и принять выраженіе моего сожалѣнія.

— И я прошу... — отвѣтилъ съ поклономъ Николай Петровичъ. Но Базаровъ не дождался конца его фразы и вышелъ.

Узнавъ объ отъѣздѣ Базарова, Павелъ Петровичъ пожелалъ его видѣть и пожалъ ему руку. Но Базаровъ и тутъ остался холоденъ какъ ледъ; онъ понималъ, что Павлу Петровичу хотѣлось повеликодушничать. Съ Ѳеничкой ему не удалось проститься: онъ только переглянулся съ нею изъ окна. Ея лицо показалось ему печальнымъ. „Пропадетъ, пожалуй!“ сказалъ онъ про себя... „Ну, выдерется какъ-нибудь!“ — Зато Петръ расчувствовался до того, что плакалъ у него на плечѣ, пока Базаровъ не охладилъ его вопросомъ: „Не на мокромъ ли мѣстѣ у него глаза?“ а Дуняша принуждена была убѣжать въ рощу, чтобы скрыть свое волненіе. Виновникъ всего этого горя взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги, въ послѣдній разъ предстала его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые“, плотнѣе завернулся въ шинель.

Павлу Петровичу скоро полегчало; но въ постели пришлось ему пролежать около недѣли. Онъ переносилъ свой, какъ онъ выражался, *плѣнъ* довольно терпѣливо, только ужъ очень возился съ туалетомъ и все приказывалъ курить о-де-колономъ. Николай Петровичъ читалъ ему журналы; Ѳеничка ему прислуживала попрежнему, приносила бульонъ, лимонадъ, яйца въ-смятку, чай; но тайный ужасъ овладѣвалъ ею каждый разъ, когда она входила въ его

комнату. Неожиданный поступокъ Павла Петровича запугалъ всѣхъ людей въ домѣ, а ее больше всѣхъ; одинъ Прокофьичъ не смутился и толковалъ, что и въ его время господа дирывались, „только благородные господа между собою, и этакихъ прощелыгъ они бы за грубость на конюшнѣ отодрать велѣли".

Совѣсть почти не упрекала Ѳеничку; но мысль о настоящей причинѣ ссоры мучила ее по временамъ; да и Павелъ Петровичъ глядѣлъ на нее такъ странно... такъ, что она, даже обернувшись къ нему спиною, чувствовала на себѣ его глаза. Она похудѣла отъ непрестанной внутренней тревоги и, какъ водится, стала еще милѣй.

Однажды—дѣло было утромъ—Павелъ Петровичъ хорошо себя чувствовалъ и перешелъ съ постели на диванъ, а Николай Петровичъ, освѣдомившись объ его здоровьи, отлучился на гумно. Ѳеничка принесла чашку чаю и, поставивъ ее на столикъ, хотѣла-было удалиться. Павелъ Петровичъ ее удержалъ.

— Куда вы такъ спѣшите, Ѳедосья Николаевна,—началъ онъ:—развѣ у васъ дѣло есть?

— Нѣтъ-съ... Нужно тамъ чай разливать.

— Дуняша это безъ васъ сдѣлаетъ; посидите немножко съ больнымъ человѣкомъ. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Ѳеничка молча присѣла на край кресла.

— Послушайте,—промолвилъ Павелъ Петровичъ, и подергалъ свои усы:—я давно хотѣлъ у васъ спросить: вы какъ будто меня боитесь?

— Я-съ?..

— Да вы. Вы на меня никогда не смотрите, точно у васъ совѣсть не чиста.

Ѳеничка покраснѣла, но взглянула на Павла Петровича. Онъ показался ей какимъ-то страннымъ, и сердце у ней тихонько задрожало.

— Вѣдь у васъ совѣсть чиста?—спросилъ онъ ее.

— Отчего же ей не быть чистою?—шепнула она.

— Мало ли отчего! Впрочемъ, передъ кѣмъ можете вы быть виноватою? Передо мной? Это не вѣроятно. Передъ

другими лицами здѣсь въ домѣ? Это тоже дѣло несбыточное. Развѣ передъ братомъ? Но вѣдь вы его любите?

— Люблю.

— Всей душой, всѣмъ сердцемъ?

— Я Николая Петровича всѣмъ сердцемъ люблю.

— Право? Посмотри-ка на меня, Ѳеничка (онъ въ первый разъ такъ называлъ ее...). Вы знаете — большой грѣхъ лгать!

— Я не лгу, Павелъ Петровичъ. Мнѣ Николая Петровича не любить, да послѣ этого мнѣ и жить не надо.

— И ни на кого вы его не промѣняете?

— На кого-жъ могу я его промѣнять?

— Мало ли на кого! Да вотъ хоть бы на этого господина, что отсюда уѣхалъ.

Ѳеничка встала. — Господи, Боже мой, Павелъ Петровичъ, за что вы меня мучите? Что я вамъ сдѣлала? Какъ это можно такое говорить?..

— Ѳеничка,—промолвилъ печальнымъ голосомъ Павелъ Петровичъ:—вѣдь, я видѣлъ...

— Что вы видѣли-съ?

— Да тамъ... въ бесѣдкѣ.

Ѳеничка зардѣлась вся до волосъ и до ушей.

— А чѣмъ же я тутъ виновата?—произнесла она съ трудомъ.

Павелъ Петровичъ приподнялся.

— Вы не виноваты? Нѣтъ? Нисколько?

— Я Николая Петровича одного на свѣтѣ люблю, и вѣкъ любить буду!—проговорила съ внезапною силой Ѳеничка, между тѣмъ какъ рыданья такъ и поднимали ея горло:—а что вы видѣли, такъ я на страшномъ судѣ скажу, что вины моей въ томъ нѣтъ, и не было, и ужъ лучше мнѣ умереть сейчасъ, коли меня въ такомъ дѣлѣ подозрѣвать могутъ, что я передъ моимъ благодѣтелемъ, Николаемъ Петровичемъ...

Но тутъ голосъ измѣнилъ ей, и въ то же время она почувствовала, что Павелъ Петровичъ ухватилъ и стиснулъ ея руку... Она посмотрѣла на него, и такъ и окаменѣла.

Онъ сталъ еще блѣднѣе прежняго; глаза его блистали, и что всего было удивительнѣе, тяжелая, одинокая слеза катилась по его щекѣ.

— Оеничка! — сказалъ онъ какимъ-то чуднымъ шопотомъ:—любите, любите моего брата! Онъ такой добрый, хорошій человѣкъ! Не измѣняйте ему ни для кого на свѣтѣ, не слушайте ничьихъ рѣчей! Подумайте, что можетъ быть ужаснѣе, какъ любить и не быть любимымъ! Не покидайте никогда моего бѣднаго Николая!

Глаза высохли у Оенички, и страхъ ея прошелъ, — до того велико было ея изумленіе. Но что сталось съ ней, когда Павелъ Петровичъ, самъ Павелъ Петровичъ прижалъ ея руку къ своимъ губамъ, и такъ и приникъ къ ней, не цѣлуя ея и только изрѣдка судорожно вздыхая...

„Господи“, подумала она: „ужъ не припадокъ ли съ нимъ?..“

А въ это мгновеніе цѣлая погибшая жизнь въ немъ трепетала.

Лѣстница заскрипѣла подъ быстрыми шагами.. Онъ оттолкнулъ ее отъ себя прочь, и откинулся головой на подушку. Дверь растворилась, — и веселый, свѣжій, румяный, появился Николай Петровичъ. Митя, такой же свѣжій и румяный какъ отецъ, подпрыгивалъ въ одной рубашечкѣ на его груди, цѣпляясь голыми ножками за большія пуговицы его деревенскаго пальто.

Оеничка такъ и бросилась къ нему и, обвивъ руками и его, и сына, припала головой къ его плечу. Николай Петровичъ удивился: Оеничка, застѣнчивая и скромная, никогда не ласкалась къ нему въ присутствіи третьяго лица.

— Что съ тобой?—промолвилъ онъ и, глянувъ на брата, передалъ ей Митю. —Ты не хуже себя чувствуешь?— спросилъ онъ, подходя къ Павлу Петровичу.

Тотъ уткнулъ лицо въ батистовый платокъ.—Нѣтъ... такъ... ничего... Напротивъ, мнѣ гораздо лучше.

— Ты напрасно поспѣшилъ перейти на диванъ. Ты куда?—прибавилъ Николай Петровичъ, оборачиваясь къ

Ѳеничкѣ; но та уже захлопнула за собою дверь.— Я-было принесъ показать тебѣ моего богатыря; онъ соскучился по своемъ дядѣ. Зачѣмъ это она унесла его? Однако, что съ тобой? Произошло у васъ тутъ что-нибудь, что ли?

— Братъ!—торжественно проговорилъ Павелъ Петровичъ.

Николай Петровичъ дрогнулъ. Ему стало жутко, онъ самъ не понималъ—почему.

— Братъ,—повторилъ Павелъ Петровичъ: — дай мнѣ слово исполнить одну мою просьбу.

— Какую просьбу? Говори.

— Она очень важна; отъ нея, по моимъ понятіямъ, зависитъ все счастье твоей жизни. Я все это время много размышлялъ о томъ, что я хочу теперь сказать тебѣ... Братъ, исполни обязанность твою, обязанность честнаго и благороднаго человѣка, прекрати соблазнъ и дурной примѣръ, который подается тобою, лучшимъ изъ людей!

— Что ты хочешь сказать, Павелъ?

— Женись на Ѳеничкѣ... Она тебя любитъ; она—мать твоего сына.

Николай Петровичъ отступилъ на шагъ и всплеснулъ руками.

— Ты это говоришь, Павелъ? ты, котораго я считалъ всегда самымъ непреклоннымъ противникомъ подобныхъ браковъ! Ты это говоришь! Но развѣ ты не знаешь, что единственно изъ уваженія къ тебѣ я не исполнилъ того, что ты такъ справедливо назвалъ моимъ долгомъ!

— Напрасно жъ ты уважалъ меня въ этомъ случаѣ,— возразилъ съ унылою улыбкою Павелъ Петровичъ.— Я начинаю думать, что Базаровъ былъ правъ, когда упрекалъ меня въ аристократизмѣ. Нѣтъ, милый братъ, полно намъ ломаться и думать о свѣтѣ: мы люди уже старые и смирные; пора намъ отложить въ сторону всякую суету. Именно, какъ ты говоришь, станемъ исполнять нашъ долгъ; и посмотри, мы еще и счастье получимъ въ придачу.

Николай Петровичъ бросился обнимать своего брата.

— Ты мнѣ окончательно открылъ глаза,—воскликнулъ

онъ.— Я не даромъ всегда утверждалъ, что ты самый добрый и умный человѣкъ въ мірѣ; а теперь я вижу, что ты такой же благоразумный, какъ и великодушный.

— Тише, тише,— перебилъ его Павелъ Петровичъ.—Не разбереди ногу твоего благоразумнаго брата, который подъ пятьдесятъ лѣтъ дрался на дуэли, какъ прапорщикъ. Итакъ, это дѣло рѣшеное: Ѳеничка будетъ моею... belle-soeur.

— Дорогой мой Павелъ! Но что скажетъ Аркадій?

— Аркадій? онъ восторжествуетъ, помилуй! Бракъ не въ его принсипахъ, зато чувство равенства будетъ въ немъ польщено. Да и дѣйствительно, что за касты an dix-neuvième siècle?

— Ахъ, Павелъ, Павелъ! дай мнѣ еще разъ тебя поцѣловать. Не бойся, я осторожно.

Братья обнялись.

— Какъ ты полагаешь, не объявить ли ей твое намѣреніе теперь же?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Къ чему спѣшить?—возразилъ Николай Петровичъ.— Развѣ у васъ былъ разговоръ?

— Разговоръ у насъ? Quelle idée!

— Ну, и прекрасно. Прежде всего выздоравливай, а это отъ насъ не уйдетъ, надо подумать хорошенько, сообразить...

— Но вѣдь ты рѣшился?

— Конечно рѣшился, и благодарю тебя отъ души. Я теперь тебя оставлю; тебѣ надо отдохнуть; всякое волненіе тебѣ вредно... Но мы еще потолкуемъ. Засни, душа моя, и дай Богъ тебѣ здоровья!

„За что онъ меня такъ благодаритъ?“ подумалъ Павелъ Петровичъ, оставшись одинъ. — „Какъ будто это не отъ него зависѣло! А я, какъ только онъ женится, уѣду куданибудь подальше, въ Дрезденъ или во Флоренцію, и буду тамъ жить, пока околѣю“.

Павелъ Петровичъ помочилъ себѣ лобъ о-де-колономъ и закрылъ глаза. Освѣщенная яркимъ дневнымъ свѣтомъ, его красивая, исхудалая голова лежала на бѣлой подушкѣ, какъ голова мертвеца... Да онъ и былъ мертвецъ.

XXV.

Въ Никольскомъ, въ саду, въ тѣни высокаго ясеня, сидѣли на деревовой скамейкѣ Катя съ Аркадіемъ; на землѣ, возлѣ нихъ, помѣстилась Фифи, придавъ своему длинному тѣлу тотъ изящный поворотъ, который у охотниковъ слыветъ „русачьей полежкой“. И Аркадій, и Катя молчали; онъ держалъ въ рукахъ полураскрытую книгу, а она выбирала изъ корзинки оставшіяся въ ней крошки бѣлаго хлѣба, и бросала ихъ небольшой семейкѣ воробьевъ, которые, съ свойственной имъ трусливою дерзостью, прыгали и чирикали у самыхъ ея ногъ. Слабый вѣтеръ, шевеля въ листьяхъ ясеня, тихонько двигалъ взадъ и впередъ, и по темной дорожкѣ, и по желтой спинѣ Фифи, блѣдно-золотыя пятна свѣта; ровная тѣнь обливала Аркадія и Катю; только изрѣдка въ ея волосахъ зажигалась яркая полоска. Они молчали оба; но именно въ томъ, какъ они молчали, какъ они сидѣли рядомъ, сказывалось довѣрчивое сближеніе: каждый изъ нихъ какъ будто и не думалъ о своемъ сосѣдствѣ, а втайнѣ радовался его близости. И лица ихъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ видѣли въ послѣдній разъ: Аркадій казался спокойнѣе, Катя оживленнѣе, смѣлѣй.

— Не находите ли вы, — началъ Аркадій: — что *ясень* по-русски очень хорошо названъ: ни одно дерево такъ легко и *ясно* не сквозитъ въ воздухѣ, какъ онъ.

Катя подняла глаза кверху и промолвила: „да“, а Аркадій подумалъ: „вотъ эта не упрекаетъ меня за то, что я *красиво* выражаюсь“.

— Я не люблю Гейне,—заговорила Катя, указывая глазами на книгу, которую Аркадій держалъ въ рукахъ: — ни когда онъ смѣется, ни когда онъ плачетъ: я его люблю, когда онъ задумчивъ и груститъ.

— А мнѣ нравится, когда онъ смѣется,—замѣтилъ Аркадій.

— Это въ васъ еще старые слѣды вашего сатирическаго направленія... (Старые слѣды! подумалъ Аркадій:— если бъ Базаровъ это слышалъ!) Погодите, мы васъ переѣлаемъ.

— Кто меня передѣлаетъ? Вы?

— Кто?—сестра; Порфирій Платоновичъ, съ которымъ вы уже не ссоритесь; тетушка, которую вы третьяго дня проводили въ церковь.

— Не могъ же я отказаться! А что касается до Анны Сергѣевны, она сама, вы помните, во многомъ соглашалась съ Евгеніемъ.

— Сестра находилась тогда подъ его вліяніемъ, такъ же, какъ и вы.

— Какъ и я! Развѣ вы замѣчаете, что я уже освободился изъ-подъ его вліянія?

Катя промолчала.

— Я знаю, —продолжалъ Аркадій:—онъ вамъ никогда не нравился.

— Я не могу судить о немъ.

— Знаете ли что, Катерина Сергѣевна? Всякій разъ, когда я слышу этотъ отвѣтъ, я ему не вѣрю... Нѣтъ такого человѣка, о которомъ каждый изъ насъ не могъ бы судить! Это просто отговорка.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что онъ... не то, что мнѣ не нравится, а я чувствую, что и онъ мнѣ чужой, и я ему чужая... да и вы ему чужой.

— Это почему?

— Какъ вамъ сказать... Онъ хищный, а мы съ вами ручные.

— И я ручной?

Катя кивнула головой.

Аркадій почесалъ у себя за ухомъ.

— Послушайте, Катерина Сергѣевна: вѣдь это въ сущности обидно.

— Развѣ вы хотѣли бы быть хищнымъ?

— Хищнымъ—нѣтъ, но сильнымъ, энергическимъ.

— Этого нельзя хотѣть... Вотъ вашъ пріятель этого и не хочетъ, а въ немъ это есть.

— Гм! Такъ вы полагаете, что онъ имѣлъ большое вліяніе на Анну Сергѣевну?

— Да. Но надъ ней никто долго взять верхъ не можетъ,—прибавила Катя вполголоса.

— Почему вы это думаете?

— Она очень горда... я не то хотѣла сказать... она очень дорожитъ своей независимостью.

— Кто же ею не дорожитъ?—спросилъ Аркадій, а у самого въ умѣ мелькнуло: „на что она?“ „На что она?“— мелькнуло и у Кати. Молодымъ людямъ, которые часто и дружелюбно сходятся, безпрестанно приходятъ однѣ и тѣ же мысли.

Аркадій улыбнулся и, слегка придвинувшись къ Катѣ, промолвилъ шопотомъ:

— Сознайтесь, что вы немножко *ея* боитесь.

— Кого?

— *Ея*,—значительно повторилъ Аркадій.

— А вы?—въ свою очередь спросила Катя.

— И я; замѣтьте, я сказалъ: *и я*.

Катя погрозила ему пальцемъ.

— Это меня удивляетъ,—начала она:—никогда сестра такъ не была расположена къ вамъ, какъ именно теперь; гораздо больше, чѣмъ въ первый вашъ пріѣздъ.

— Вотъ какъ!

— А вы этого не замѣтили? Васъ это не радуетъ?

Аркадій задумался.

— Чѣмъ я могъ заслужить благоволеніе Анны Сергѣевны? Ужъ не тѣмъ ли, что привезъ ей письма вашей матушки?

— И этимъ, и другія есть причины, которыхъ я не скажу.

— Это почему?

— Не скажу.

— О! я знаю: вы очень упрямы.

— Упряма.

— И наблюдательны.

Катя посмотрѣла сбоку на Аркадія.

— Можетъ-быть, васъ это сердитъ? О чемъ вы думаете?

— Я думаю о томъ, откуда могла придти вамъ эта наблюдательность, которая дѣйствительно есть въ васъ. Вы такъ пугливы, недовѣрчивы; всѣхъ чуждаетесь...

— Я много жила одна; поневолѣ размышлять станешь. Но развѣ я всѣхъ чуждаюсь?

Аркадій бросилъ признательный взглядъ на Катю.

— Все это прекрасно,—продолжалъ онъ:—но люди въ вашемъ положеніи, я хочу сказать, съ вашимъ состояніемъ, рѣдко владѣютъ этимъ даромъ; до нихъ, какъ до царей, истинѣ трудно дойти.

— Да вѣдь я не богатая.

Аркадій изумился и не сразу понялъ Катю. „И въ самомъ дѣлѣ, имѣніе-то все сестрино!“ пришло ему въ голову; эта мысль ему не была непріятна.

— Какъ вы это хорошо сказали!—промолвилъ онъ.

— А что?

— Сказали хорошо; просто, не стыдясь и не рисуясь. Кстати: я воображаю, въ чувствѣ человѣка, который знаетъ и говоритъ, что онъ бѣденъ, должно быть что-то особенное, какое-то своего рода тщеславіе.

— Я ничего этого не испытала, но милости сестры; я упомянула о своемъ состояніи только потому, что къ слову пришлось.

— Такъ; но сознайтесь, что и въ васъ есть частица того тщеславія, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, вѣдь вы,—извините мой вопросъ,—вы бы не пошли замужъ за богатаго человѣка?

— Если бъ я его очень любила... Нѣтъ, кажется, и тогда бы не пошла.

— А! вотъ видите!—воскликнулъ Аркадій и, погодя немного, прибавилъ:—а отчего бы вы за него не пошли?

— Оттого, что и въ пѣснѣ про неровнюшку поется.

— Вы, можетъ-быть, хотите властвовать или...

— О, нѣтъ! къ чему это? Напротивъ, я готова покориться; только неравенство тяжело. А уважить себя и покориться, это я понимаю; это счастье; но подчиненное существованіе... Нѣтъ, довольно и такъ.

— Довольно и такъ,—повторилъ за Катей Аркадій.—Да, да,—продолжалъ онъ:—вы не даромъ одной крови съ Анной Сергѣевной; вы такъ же самостоятельны, какъ она;

но вы болѣе скрытны. Вы, я увѣренъ, ни за что первая не выскажете своего чувства, какъ бы оно ни было сильно и свято...

— Да какъ же иначе?—спросила Катя.

— Вы одинаково умны; у васъ столько же, если не больше, характера, какъ у ней...

— Не сравнивайте меня съ сестрой, пожалуйста,—поспѣшно перебила Катя: — это для меня слишкомъ невыгодно. Вы какъ будто забыли, что сестра и красавица, и умница, и... вамъ въ особенности, Аркадій Николаичъ, не слѣдовало бы говорить такія слова, и еще съ такимъ серьезнымъ лицомъ.

— Что значитъ это: вамъ въ особенности,—и изъ чего вы заключаете, что я шучу?

— Конечно, вы шутите.

— Вы думаете? А что, если я убѣжденъ въ томъ, что говорю? Если я нахожу, что я еще не довольно сильно выразился?

— Я васъ не понимаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я вижу: я, точно, слишкомъ превозносилъ вашу наблюдательность.

— Какъ?

Аркадій ничего не отвѣтилъ и отвернулся, а Катя отыскала въ корзинкѣ еще нѣсколько крошекъ и начала бросать ихъ воробьямъ; но взмахъ ея руки былъ слишкомъ силенъ, и они улетали прочь, не успѣвши клюнуть.

— Катерина Сергѣевна!—заговорилъ вдругъ Аркадій:— вамъ это, вѣроятно, все равно; но знайте, что я васъ не только на вашу сестру, — ни на кого въ свѣтѣ не промѣняю.

Онъ всталъ и быстро удалился, какъ бы испугавшись словъ, сорвавшихся у него съ языка.

А Катя уронила обѣ руки вмѣстѣ съ корзинкой на колѣни, и, наклонивъ голову, долго смотрѣла вслѣдъ Аркадію. Понемногу, алая краска чуть-чуть выступила на ея щеки; но губы не улыбались, и темные глаза выражали недоумѣніе и какое-то другое, пока еще безымянное чувство.

— Ты одна? — раздался возлѣ нея голосъ Анны Сергѣевны.—Кажется, ты пошла въ садъ съ Аркадіемъ.

Катя, не спѣша, перевела свои глаза на сестру (изящно, даже изысканно одѣтая, она стояла на дорожкѣ и кончикомъ раскрытаго зонтика шевелила уши Фифи), и не спѣша промолвила:

— Я одна.

— Я это вижу,—отвѣчала та со смѣхомъ:—онъ стало-быть ушелъ къ себѣ.

— Да.

— Вы вмѣстѣ читали?

— Да.

Анна Сергѣевна взяла Катю за подбородокъ и приподняла ея лицо.

— Вы не поссорились, надѣюсь?

— Нѣтъ,—сказала Катя, и тихо отвела сестрину руку.

— Какъ ты торжественно отвѣчаешь! Я думала найти его здѣсь, и предложить ему пойти гулять со мною. Онъ самъ меня все проситъ объ этомъ. Тебѣ изъ города привезли ботинки, поди примѣрь ихъ: я уже вчера замѣтила, что твои прежнія совсѣмъ износились. Вообще, ты не довольно этимъ занимаешься, а у тебя еще такія прелестныя ножки! И руки твои хороши... только велики; такъ надо ножками брать. Но ты у меня не кокетка.

Анна Сергѣевна отправилась дальше по дорожкѣ, слегка шумя своимъ красивымъ платьемъ; Катя поднялась со скамейки и, взявъ съ собою Гейне, ушла тоже — только не примѣрять ботинки.

„Прелестныя ножки“, думала она, медленно и легко всходя по раскаленнымъ отъ солнца каменнымъ ступенямъ террасы:—„прелестныя ножки, говорите вы... Ну, онъ и будетъ у нихъ“.

Но ей тотчасъ стало стыдно, и она проворно побѣжала вверхъ.

Аркадій пошелъ по коридору къ себѣ въ комнату; дворецкій напалъ его и доложилъ, что у него сидитъ господинъ Базаровъ.

— Евгеній! — пробормоталъ почти съ испугомъ Аркадій: — давно ли онъ пріѣхалъ?

— Сію минуту пожаловали, и приказали о себѣ Аннѣ Сергѣевнѣ не докладывать, а прямо къ вамъ себя приказали провести.

„Ужъ не несчастье ли какое у насъ дома?“ подумалъ Аркадій и, торопливо взбѣжавъ по лѣстницѣ, разомъ отворилъ дверь. Видъ Базарова тотчасъ его успокоилъ, хотя болѣе опытный глазъ, вѣроятно, открылъ бы въ энергической поврежнему, но осунувшейся фигурѣ нежданаго гостя признаки внутренняго волненія. Съ пыльною шинелью на плечахъ, съ картузомъ на головѣ, сидѣлъ онъ на окопницѣ; онъ не поднялся и тогда, когда Аркадій бросился съ шумными восклицаніями къ нему на шею.

— Вотъ неожиданно! Какими судьбами! — твердилъ онъ, суетясь по комнатѣ, какъ человѣкъ, который и самъ воображаетъ, и желаетъ показать, что радуется. — Вѣдь у насъ все въ домѣ благополучно, всѣ здоровы, не правда ли?

— Все у васъ благополучно, но не всѣ здоровы, — проговорилъ Базаровъ. — А ты не таратоpь, вели принести мнѣ квасу, присядь и слушай, что я тебѣ сообщу въ немногихъ, но, надѣюсь, довольно сильныхъ выраженіяхъ.

Аркадій притихъ, а Базаровъ разсказалъ ему свою дуэль съ Павломъ Петровичемъ. Аркадій очень удивился и даже опечалился; но не почелъ нужнымъ это выказать; онъ только спросилъ, дѣйствительно ли не опасна рана его дяди? и, получивъ отвѣтъ, что она — самая интересная, только не въ медицинскомъ отношеніи, — принужденно улыбнулся, а на сердцѣ и жутко сдѣлалось, и какъ-то стыдно. Базаровъ какъ будто его понялъ.

— Да, братъ, — промолвилъ онъ: — вотъ что значитъ съ феодалами пожить. Самъ въ феодалы попадешь и въ рыцарскихъ турнирахъ участвовать будешь. Ну-съ, вотъ я и отправился къ „отцамъ“, — такъ заключилъ Базаровъ: — и на дорогѣ завернулъ сюда... чтобы все это передать, сказалъ бы я, если бъ я не почиталъ безпо-

лезную ложь—глупостью. Нѣтъ, я завернулъ сюда—чортъ знаетъ зачѣмъ. Видишь ли, человѣку иногда полезно взять себя за хохолъ, да выдернуть себя вонъ, какъ рѣдьку изъ гряды: это я совершилъ на-дняхъ... Но мнѣ захотѣлось взглянуть еще разъ на то, съ чѣмъ я разстался, на ту гряду, гдѣ я сидѣлъ.

— Я надѣюсь, что эти слова ко мнѣ не относятся,— возразилъ съ волненіемъ Аркадій: — я надѣюсь, что ты не думаешь разстаться *со мной*.

Базаровъ пристально, почти пронзительно, взглянулъ на него.

— Будто это такъ огорчитъ тебя? Мнѣ сдается, что *ты* уже разстался со мною. Ты такой свѣженькій да чистенькій... должно-быть твои дѣла съ Анной Сергѣевной идутъ отлично.

— Какія мои дѣла съ Анной Сергѣевной?

— Да развѣ ты не для нея сюда пріѣхалъ изъ города, птенчикъ? Кстати, какъ тамъ подвизаются воскресныя школы? Развѣ ты не влюбленъ въ нее? Или уже тебѣ пришла пора скромничать?

— Евгеній, ты знаешь, я всегда былъ откровененъ съ тобою; могу тебя увѣрить, божусь тебѣ, что ты ошибаешься.

— Гм! Новое слово,—замѣтилъ вполголоса Базаровъ.— Но тебѣ не для чего горячиться, мнѣ вѣдь это совершенно все равно. Романтикъ сказалъ бы: я чувствую, что наши дороги начинаютъ расходиться, а я просто говорю, что мы другъ другу пріѣлись.

— Евгеній...

— Душа моя, это не бѣда; то ли еще на свѣтѣ пріѣдается! А теперь, я думаю, не проститься ли намъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я препакостно себя чувствую, точно начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ. Кстати жъ, я не велѣлъ откладывать лошадей.

— Помилуй, это невозможно!

— А почему?

— Я уже не говорю о себѣ; но это будетъ въ высшей

степени певѣжливо передъ Анной Сергѣевной, которая непремѣнно пожелаетъ тебя видѣть.

— Ну, въ этомъ ты ошибаешься.

— А я, напротивъ, увѣренъ, что я правъ,—возразилъ Аркадій. — И къ чему ты притворяешься? Ужъ коли на то пошло, развѣ ты самъ не для нея сюда пріѣхалъ?

Это, можетъ-быть, и справедливо, но ты все-таки ошибаешься.

Но Аркадій былъ правъ. Анна Сергѣевна пожелала повидаться съ Базаровымъ, и пригласила его къ себѣ черезъ дворецкаго. Базаровъ переодѣлся, прежде чѣмъ пошелъ къ ней: оказалось, что онъ уложилъ свое новое платье такъ, что оно было у него подъ рукою.

Одинцова его приняла не въ той комнатѣ, гдѣ онъ такъ неожиданно объяснился ей въ любви, а въ гостиной. Она любезно протянула ему кончики пальцевъ, но лицо ея выражало невольное напряженіе.

— Анна Сергѣевна,—поторопился сказать Базаровъ:— прежде всего я долженъ васъ успокоить. Передъ вами смертный, который самъ давно опомнился, и надѣется, что и другіе забыли его глупости. Я уѣзжаю надолго, и согласитесь, хоть я и не мягкое существо, но мнѣ было бы невесело унести съ собою мысль, что вы вспоминаете обо мнѣ съ отвращеніемъ.

Анна Сергѣевна глубоко вздохнула, какъ человѣкъ, только что взобравшійся на высокую гору, и лицо ея оживилось улыбкой. Она вторично протянула Базарову руку, и отвѣчала на его пожатіе.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, — сказала она:—тѣмъ болѣе, что, говоря по совѣсти, и я согрѣшила тогда, если не кокетствомъ, такъ чѣмъ-то другимъ. Одно слово: будемте пріятелями попрежнему. То былъ сонъ, не правда ли? А кто же сны помнитъ?

— Кто ихъ помнитъ? Да притомъ любовь... вѣдь это чувство напускное.

— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ очень пріятно это слышать.

Такъ выражалась Анна Сергѣевна, и такъ выражался Базаровъ; они оба думали, что говорили правду. Была ли

правда, полная правда, въ ихъ словахъ? Они сами этого не знали, а авторъ и подавно. Но бесѣда у нихъ завязалась такая, какъ будто они совершенно повѣрили другъ другу.

Анна Сергѣевна спросила, между прочимъ, Базарова, что онъ дѣлалъ у Кирсановыхъ? Онъ чуть-было не разсказалъ ей о своей дуэли съ Павломъ Петровичемъ, но удержался при мысли, какъ бы она не подумала, что онъ интересничаетъ, и отвѣчалъ ей, что онъ все это время работалъ.

— А я, — промолвила Анна Сергѣевна:—сперва хандрила, Богъ знаетъ отчего, даже за границу собиралась, вообразите!.. Потомъ это прошло, вашъ пріятель, Аркадій Николаичъ, пріѣхалъ, и я опять попала въ свою колею, въ свою настоящую роль.

— Въ какую это роль, позвольте узнать?

— Роль тетки, наставницы, матери, какъ хотите назовите. Кстати, знаете ли, что я прежде хорошенько не понимала вашей тѣсной дружбы съ Аркадіемъ Николаичемъ; я находила его довольно незначительнымъ. Но теперь я его лучше узнала, и убѣдилась, что онъ уменъ... А главное, онъ молодъ, молодъ... не то, что мы съ вами, Евгеній Васильичъ.

— Онъ все такъ же робѣетъ въ вашемъ присутствіи?— спросилъ Базаровъ.

— А развѣ... — начала-было Анна Сергѣевна и, подумавъ немного, прибавила:—теперь онъ довѣрчивѣе сталъ, говоритъ со мною. Прежде онъ избѣгалъ меня. Впрочемъ, и я не искала его общества. Они большіе пріятели съ Катей.

Базарову стало досадно. „Не можетъ женщина не хитрить!“ подумалъ онъ.

— Вы говорите, онъ избѣгалъ васъ, — произнесъ онъ съ холодною усмѣшкой:—но, вѣроятно, для васъ не осталось тайной, что онъ былъ въ васъ влюбленъ?

— Какъ? и онъ?—сорвалось у Анны Сергѣевны.

— И онъ,—повторилъ Базаровъ съ смиреннымъ поклономъ. — Неужели вы этого не знали, и я вамъ сказалъ новость?

Анна Сергѣевна опустила глаза.

— Вы ошибаетесь, Евгеній Васильичъ.

— Не думаю. Но, можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало упоминать объ этомъ. „А ты впередъ не хитри“, прибавилъ онъ про себя.

— Отчего не упоминать? Но я полагаю, что вы и тутъ придаете слишкомъ большое значеніе мгновенному впечатлѣнію. Я начинаю подозрѣвать, что вы склонны къ преувеличенію.

— Не будемте лучше говорить объ этомъ, Анна Сергѣевна.

— Отчего же? — возразила она, а сама перевела разговоръ на другую дорогу. Ей все-таки было неловко съ Базаровымъ, хотя она и ему сказала, и сама себя увѣрила, что все позабыто. Мѣняясь съ нимъ самыми простыми рѣчами, даже шутя съ нимъ, она чувствовала легкое стѣсненіе страха. Такъ люди на пароходѣ, въ морѣ, разговариваютъ и смѣются беззаботно, ни-дать, ни-взять, какъ на твердой землѣ; но случись малѣйшая остановка, появись малѣйшій признакъ чего-нибудь необычайнаго, и тотчасъ же на всѣхъ лицахъ выступитъ выраженіе особенной тревоги, свидѣтельствующее о постоянномъ сознаніи постоянной опасности.

Бесѣда Анны Сергѣевны съ Базаровымъ продолжалась недолго. Она начала задумываться, отвѣчать разсѣянно, и предложила ему наконецъ перейти въ залу, гдѣ они нашли княжну и Катю. „А гдѣ же Аркадій Николаичъ?“ спросила хозяйка и, узнавъ, что онъ не показывался уже болѣе часа, послала за нимъ. Его не скоро нашли: онъ забрался въ самую глушь сада, и опершись подбородкомъ на скрещенныя руки, сидѣлъ погруженный въ думы. Онѣ были глубоки и важны, эти думы, но не печальны. Онъ зналъ, что Анна Сергѣевна сидитъ наединѣ съ Базаровымъ, и ревности онъ не чувствовалъ, какъ бывало; напротивъ, лицо его тихо свѣтлѣло; казалось, онъ и дивился чему-то, и радовался, и рѣшался на что-то.

XXVI.

Покойный Одинцовъ не любилъ нововведеній, но допускалъ „нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса“, и вслѣдствіе этого воздвигнулъ у себя въ саду, между теплицей и прудомъ, строеніе въ родѣ греческаго портика изъ русскаго кирпича. На задней, глухой стѣнѣ этого портика, или галлереи, были вдѣланы шесть нишъ для статуй, которыя Одинцовъ собирался выписать изъ-за границы. Эти статуи долженствовали изображать собою: Уединеніе, Молчаніе, Размышленіе, Меланхолію, Стыдливость и Чувствительность. Одну изъ нихъ, богиню Молчанія, съ пальцемъ на губахъ, привезли-было и поставили; но ей въ тотъ же день дворовые мальчишки отбили носъ, и хотя сосѣдній штукатуръ брался придѣлать ей носъ „вдвое лучше прежняго“, однако Одинцовъ велѣлъ ее принять, и она очутилась въ углу молотильнаго сарая, гдѣ стояла долгіе годы, возбуждая суевѣрный ужасъ бабъ. Передняя сторона портика давно заросла густымъ кустарникомъ: одни капители колоннъ виднѣлись надъ сплошною зеленью. Въ самомъ портикѣ, даже въ полдень, было прохладно. Анна Сергѣевна не любила посѣщать это мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ увидала тамъ ужа; но Катя часто приходила садиться на большую каменную скамью, устроенную подъ одною изъ нишъ. Окруженная свѣжестью и тѣнью, она читала, работала, или предавалась тому ощущенію полной тишины, которое, вѣроятно, знакомо каждому, и прелесть котораго состоитъ въ едва-сознательномъ, нѣмотствующемъ подкарауливаніи широкой жизненной волны, непрерывно катящейся и кругомъ насъ, и въ насъ самихъ.

На другой день по пріѣздѣ Базарова, Катя сидѣла на своей любимой скамьѣ, и рядомъ съ нею сидѣлъ опять Аркадій. Онъ упросилъ ее пойти съ нимъ въ „портикъ“.

До завтрака оставалось около часа; росистое утро уже смѣнялось горячимъ днемъ. Лицо Аркадія сохраняло вчерашнее выраженіе, Катя имѣла видъ озабоченный. Сестра ея, тотчасъ послѣ чаю, позвала ее къ себѣ въ кабинетъ

и, предварительно приласкавъ ее, что всегда немного пугало Катю, посовѣтовала ей быть осторожнѣй въ своемъ поведеніи съ Аркадіемъ, а особенно избѣгать уединенныхъ бесѣдъ съ нимъ, будто бы замѣченныхъ и теткой, и всѣмъ домомъ. Кромѣ того, уже наканунѣ вечеромъ, Анна Сергѣевна была не въ духѣ; да и сама Катя чувствовала смущеніе, точно сознавала вину за собою. Уступая просьбѣ Аркадія, она себѣ сказала, что это въ послѣдній разъ.

— Катерина Сергѣевна,—заговорилъ онъ съ какою-то застѣнчивою развязностью:—съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастье жить въ одномъ домѣ съ вами, я обо многомъ съ вами бесѣдовалъ, а между тѣмъ есть одинъ очень важный для меня... вопросъ, до котораго я еще не касался. Вы замѣтили вчера, что меня здѣсь передѣлали,—прибавилъ онъ, и ловя, и избѣгая вопросительно устремленный на него взоръ Кати.— Дѣйствительно, я во многомъ измѣнился, и это вы знаете лучше всякаго другого,—вы, которой я, въ сущности, и обязанъ этой перемѣной.

— Я?.. Мнѣ?..—проговорила Катя.

— Я теперь уже не тотъ заносчивый мальчикъ, какимъ я сюда пріѣхалъ, — продолжалъ Аркадій: — не даромъ же мнѣ и минулъ двадцать третій годъ, я попрежнему желаю быть полезнымъ, желаю посвятить всѣ мои силы истинѣ; но я уже не тамъ ищу свои идеалы, гдѣ искалъ ихъ прежде; они представляются мнѣ... гораздо ближе. До сихъ поръ я не понималъ себя, я задавалъ себѣ задачи, которыя мнѣ не по силамъ... Глаза мои недавно раскрылись, благодаря одному чувству... Я выражаюсь не совсѣмъ ясно, но я надѣюсь, что вы меня поймете...

Катя ничего не отвѣчала, но перестала глядѣть на Аркадія.

— Я полагаю,—заговорилъ онъ снова, уже болѣе взволнованнымъ голосомъ, а зябликъ надъ нимъ въ листвѣ березы беззаботно распѣвалъ свою пѣсенку:—я полагаю, что обязанность всякаго честнаго человѣка быть вполнѣ откровеннымъ съ тѣми... съ тѣми людьми, которые... словомъ, съ близкими ему людьми, а потому я... я намѣренъ...

Но тутъ краснорѣчіе измѣнило Аркадію; онъ сбился, замялся и принужденъ былъ немного помолчать; Катя все не поднимала глазъ. Казалось, она и не понимала, къ чему онъ это все ведетъ, и ждала чего-то.

— Я предвижу, что удивлю васъ, — началъ Аркадій, снова собравшись съ силами:—тѣмъ болѣе, что это чувство относится нѣкоторымъ образомъ... нѣкоторымъ образомъ, замѣтьте, — до васъ. Вы меня, помнится, вчера упрекнули въ недостаткѣ серьезности,—продолжалъ Аркадій, съ видомъ человѣка, который вошелъ въ болото, чувствуетъ, что съ каждымъ шагомъ погружается больше и больше, и все-таки спѣшитъ впередъ, въ надеждѣ поскорѣе перебраться:—этотъ упрекъ часто направляется... падаетъ... на молодыхъ людей, даже когда они перестаютъ его заслуживать; и если бы во мнѣ было больше самоувѣренности... („Да помоги же мнѣ, помоги!“ съ отчаяніемъ думалъ Аркадій, но Катя попрежнему не поворачивала головы.) Если бъ я могъ надѣяться...

— Если бъ я могла быть увѣрена въ томъ, что вы говорите,—раздался въ это мгновеніе ясный голосъ Анны Сергѣевны.

Аркадій тотчасъ умолкъ, а Катя поблѣднѣла. Мимо самыхъ кустовъ, заслонявшихъ портикъ, пролегала дорожка. Анна Сергѣевна шла по ней въ сопровожденіи Базарова. Катя съ Аркадіемъ не могли ихъ видѣть, но слышали каждое слово, шелестъ платья, самое дыханіе. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ и какъ нарочно остановились прямо передъ портикомъ.

— Вотъ видите ли,—продолжала Анна Сергѣевна:—мы съ вами ошиблись; мы оба уже не первой молодости, особенно я; мы пожили, устали; мы оба,—къ чему церемониться?—умны: сначала мы заинтересовали другъ друга, любопытство было возбуждено... а потомъ...

— А потомъ я выдохся,—подхватилъ Базаровъ.

— Вы знаете, что не это было причиною нашей размолвки. Но какъ бы то ни было, мы не нуждались другъ въ другѣ, вотъ главное; въ насъ слишкомъ много было...

какъ бы это сказать... однороднаго. Мы это не сразу поняли. Напротивъ, Аркадій...

— Вы въ немъ нуждаетесь?—спросилъ Базаровъ.

— Полноте, Евгеній Васильевичъ. Вы говорите, что онъ неравнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ самой всегда казалось, что я ему нравлюсь. Я знаю, что я гожусь ему въ тетки, но я не хочу скрывать отъ васъ, что я стала чаще думать о немъ. Въ этомъ молодомъ и свѣжемъ чувствѣ есть какая-то прелесть...

— Слово *обаяніе* употребительнѣе въ подобныхъ случаяхъ,—перебилъ Базаровъ; кипѣніе желчи слышалось въ его спокойномъ, но глухомъ голосѣ. — Аркадій что-то секретничалъ вчера со мною, и не говорилъ ни о васъ, ни о вашей сестрѣ... Это симптомъ важный.

— Онъ съ Катей совсѣмъ какъ братъ,—промолвила Анна Сергѣевна:—и это мнѣ въ немъ нравится, хотя, можетъ-быть, мнѣ бы и не слѣдовало позволять такую близость между ними.

— Это въ васъ говоритъ... сестра?—произнесъ протяжно Базаровъ.

— Разумѣется... но что же мы стоимъ? Пойдемте. Какой странный разговоръ у насъ, не правда ли? И могла ли я ожидать, что буду говорить такъ съ вами? Вы знаете, что я васъ боюсь... и въ то же время я вамъ довѣряю, потому что въ сущности вы очень добры.

— Во-первыхъ, я вовсе не добръ; а во-вторыхъ, я потерялъ для васъ всякое значеніе, и вы мнѣ говорите, что я добръ... Это все равно, что класть вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову мертвеца.

— Евгеній Васильичъ, мы не властны...—начала-было Анна Сергѣевна; но вѣтеръ налетѣлъ, зашумѣлъ листами и унесъ ея слова.

— Вѣдь вы свободны, — произнесъ, немного погодя, Базаровъ.

Больше ничего нельзя было разобрать; шаги удалились... все затихло.

Аркадій обратился къ Катѣ. Она сидѣла въ томъ же положеніи, только еще ниже опустила голову.

— Катерина Сергѣевна,—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и стиснувъ руки:—я люблю васъ навѣкъ и безвозвратно, и никого не люблю кромѣ васъ. Я хотѣлъ вамъ это сказать, узнать ваше мнѣніе и просить вашей руки, потому что я и не богатъ, и чувствую, что готовъ на всѣ жертвы... Вы не отвѣчаете? Вы мнѣ не вѣрите? Вы думаете, что я говорю легкомысленно? Но вспомните эти послѣдніе дни! Неужели вы давно не убѣдились, что все другое—поймите меня—все, все другое давно исчезло безъ слѣда? Посмотрите на меня, скажите мнѣ одно слово... Я люблю... я люблю васъ... повѣрьте же мнѣ!

Катя взглянула на Аркадія важнымъ и свѣтлымъ взглядомъ и, послѣ долгаго раздумья, едва улыбнувшись, промолвила:—Да.

Аркадій вскочилъ со скамьи.—Да! Вы сказали: да, Катерина Сергѣевна! Что значитъ это слово? То ли, что я васъ люблю, что вы мнѣ вѣрите... Или... или... я не смѣю докончить...

— Да,—повторила Катя, и въ этотъ разъ онъ ее понялъ. Онъ схватилъ ея большія прекрасныя руки и, задыхаясь отъ восторга, прижалъ ихъ къ своему сердцу. Онъ едва стоялъ на ногахъ и только твердилъ: „Катя, Катя...“, а она какъ-то невинно заплакала, сама тихо смѣясь своимъ слезамъ. Кто не видалъ такихъ слезъ въ глазахъ любимаго существа, тотъ еще не испыталъ, до какой степени, замирая весь отъ благодарности и отъ стыда, можетъ быть счастливъ на землѣ человѣкъ.

На слѣдующій день, рано поутру, Анна Сергѣевна велѣла позвать Базарова къ себѣ въ кабинетъ, и съ принужденнымъ смѣхомъ подала ему сложенный листокъ почтовой бумаги. Это было письмо отъ Аркадія: онъ въ немъ просилъ руки ея сестры.

Базаровъ быстро пробѣжалъ письмо, и сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы не выказать злораднаго чувства, которое мгновенно вспыхнуло у него въ груди.

— Вотъ какъ,—проговорилъ онъ: а вы, кажется, не далѣе какъ вчера полагали, что онъ любитъ Катерину

Сергѣевну братскою любовью. Что же вы намѣрены теперь сдѣлать?

— Что *вы* мнѣ посовѣтуете?— спросила Анна Сергѣевна, продолжая смѣяться.

— Да я полагаю, — отвѣтилъ Базаровъ тоже со смѣхомъ, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотѣлось смѣяться, такъ же какъ и ей: — я полагаю, слѣдуетъ благословить молодыхъ людей. Партія во всѣхъ отношеніяхъ хорошая; состояніе у Кирсанова изрядное, онъ одинъ сынъ у отца, да и отецъ добрый малый, прекословить не будетъ.

Одинцова прошлась по комнатѣ. Ея лицо поперемѣнно краснѣло и блѣднѣло.

— Вы думаете?—промолвила она.—Что жъ? я не вижу препятствій... Я рада за Катю... и за Аркадія Николаевича. Разумѣется, я подожду отвѣта отца. Я его самого къ нему пошлю. Но вотъ и выходитъ, что я была права вчера, когда я говорила вамъ, что мы оба уже старые люди... Какъ это я ничего не видала? Это меня удивляетъ!

Анна Сергѣевна опять засмѣялась, и тотчасъ же отворотилась.

— Нынѣшняя молодежь больно хитра стала, — замѣтилъ Базаровъ, и тоже засмѣялся. — Прощайте, — заговорилъ онъ опять, послѣ небольшого молчанія. — Желаю вамъ окончить это дѣло самымъ пріятнымъ образомъ; а я издали порадуюсь.

Одинцова быстро повернулась къ нему.

— Развѣ вы уѣзжаете? Отчего же вамъ *теперь* не остаться? Останьтесь... съ вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Останьтесь.

— Спасибо за предложеніе, Анна Сергѣевна, и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я ужъ и такъ слишкомъ долго вращался въ чуждой для меня сферѣ. Летучія рыбы нѣкоторое время могутъ подержаться на воздухѣ, но вскорѣ должны шлепнуться въ воду; позвольте же и мнѣ плюхнуть въ мою стихію.

Одинцова посмотрѣла на Базарова. Горькая усмѣшка подергивала его блѣдное лицо. „Этотъ меня любилъ!“ подумала она — и жалко ей стало его, и съ участіемъ протянула она ему руку.

Но и онъ ее понялъ.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ, и отступилъ на шагъ назадъ.— Человѣкъ я бѣдный, но милостыни еще до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ, и будьте здоровы.

— Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся,—произнесла Анна Сергѣевна съ невольнымъ движеніемъ.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! — отвѣтилъ Базаровъ, поклонился и вышелъ.

— Такъ ты задумалъ гнѣздо себѣ свить? — говорилъ онъ въ тотъ же день Аркадію, укладывая на корточкахъ свой чемоданъ.—Что жъ? дѣло хорошее. Только напрасно ты лукавилъ. Я ждалъ отъ тебя совсѣмъ другой директіи. Или, можетъ-быть, это тебя самого огорошило?

— Я, точно, этого не ожидалъ, когда разставался съ тобою,—отвѣтилъ Аркадій:—но зачѣмъ ты самъ лукавишь и говоришь: „дѣло хорошее“, точно мнѣ неизвѣстно твое мнѣніе о бракѣ?

— Эхъ, другъ любезный, — проговорилъ Базаровъ: — какъ ты выражаешься! Видишь, что я дѣлаю: въ чемоданѣ оказалось пустое мѣсто, и я кладу туда сѣно; такъ и въ жизненномъ нашемъ чемоданѣ; чѣмъ бы его ни набили, лишь бы пустоты не было. Не обижайся, пожалуйста: ты вѣдь вѣроятно помнишь, какого я всегда былъ мнѣнія о Катеринѣ Сергѣевнѣ. Иная барышня только отъ того и слыветъ умною, что умно вздыхаетъ; а твоя за себя постоитъ, да и такъ постоитъ, что и тебя въ руки заберетъ,—ну, да это такъ и слѣдуетъ.—Онъ захлопнулъ крышку и приподнялся съ полу. — А теперь повторяю тебѣ на прощаньѣ... потому что обманываться нечего: — мы прощаемся на всегда, и ты самъ это чувствуешь... ты поступилъ умно; для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для

нашего дѣла это не годится. Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія дойти не можетъ, а это пустяки. Вы, напримѣръ, не деретесь — и ужъ воображаете себя молодцами, — а мы драться хотимъ. Да что! Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ, да ты и не доросъ до насъ, ты невольно любуешься собою, тебѣ пріятно самого себя бранить; а намъ это скучно—намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый; но ты все-таки мякенькій, либеральный баричъ, — *э волату*, какъ выражается мой родитель.

— Ты навсегда прощаешься со мною, Евгеній? — печально промолвилъ Аркадій: — и у тебя нѣтъ другихъ словъ для меня?

Базаровъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Есть, Аркадій, есть у меня другія слова, только я ихъ не выскажу, потому что это романтизмъ, — это значитъ: разсыропиться. А ты поскорѣе женись; да своимъ гнѣздомъ обзаведись, да надѣлай дѣтей побольше. Умницы они будутъ уже потому, что во время они родятся, не то что мы съ тобой. Эге! я вижу, лошади готовы. Пора! Со всѣми я простился... Ну что жъ? обняться, что ли?

Аркадій бросился на шею къ своему бывшему наставнику и другу, и слезы такъ и брызнули у него изъ глазъ.

— Что значитъ молодость!— произнесъ спокойно Базаровъ.—Да я на Катерину Сергѣевну надѣюсь. Посмотри, какъ живо она тебя утѣшитъ!

— Прощай, братъ! — сказалъ онъ Аркадію, уже взобравшись на телѣгу, и указавъ на пару галокъ, сидѣвшихъ рядышкомъ на крышѣ конюшни, прибавилъ:—Вотъ тебѣ!—изучай!

— Это что значитъ?—спросилъ Аркадій.

— Какъ? Развѣ ты такъ плохъ въ естественной исторіи или забылъ, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебѣ примѣръ!.. Прощайте, синьоръ!

Телѣга задребезжала и покатилась.

Базаровъ сказалъ правду. Разговаривая вечеромъ съ

Катей. Аркадій совершенно позабылъ о своемъ наставникѣ. Онъ уже начиналъ подчиняться ей, и Катя это чувствовала, и не удивлялась. Онъ долженъ былъ на слѣдующій день ѣхать въ Марьино, къ Николаю Петровичу. Анна Сергѣевна не хотѣла стѣснять молодыхъ людей, и только для приличія не оставляла ихъ слишкомъ долго наединѣ. Она великодушно удалила отъ нихъ княжну, которую извѣстіе о предстоявшемъ бракѣ привело въ слезливую ярость. Сначала Анна Сергѣевна боялась, какъ бы зрѣлище ихъ счастія не показалось ей самой немного тягостнымъ; но вышло совершенно напротивъ: это зрѣлище не только не отягощало ее, оно ее занимало, оно ее умилило наконецъ. Анна Сергѣевна этому и обрадовалась, и опечалилась. „Видно правъ Базаровъ“, подумала она: „любопытство, одно любопытство, и любовь къ покою, и эгоизмъ...“

— Дѣти, — промолвила она громко: — что, любовь чувство напускное?

Но ни Катя, ни Аркадій ея даже не поняли. Они ея дичились; невольно подслушанный разговоръ не выходилъ у нихъ изъ головы. Впрочемъ, Анна Сергѣевна скоро успокоила ихъ: и это было ей не трудно: она успокоилась сама.

XXVII.

Старики Базаровы тѣмъ больше обрадовались внезапному пріѣзду сына, чѣмъ меньше они его ожидали. Арина Власьевна до того переполошилась и избѣгалась по дому, что Василій Ивановичъ сравнилъ ее съ „куропатицей“: куцый хвостикъ ея коротенькой кофточки дѣйствительно придавалъ ей нѣчто птичье. А самъ онъ только мычалъ да покусывалъ сбоку янтарчикъ своего чубука, да прихвативъ шею пальцами, вертѣлъ головою, точно пробовалъ, хорошо ли она у него привинчена, и вдругъ разѣвалъ широкій ротъ и хохоталъ безо всякаго шума.

— Я къ тебѣ на цѣлыхъ шесть недѣль пріѣхалъ, старина,—сказалъ ему Базаровъ:—я работать хочу, такъ ты ужъ, пожалуйста, не мѣшай мнѣ.

— Физіономію мою забудешь, вотъ какъ я тебѣ мѣшать буду!—отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Помѣстивъ сына попрежнему въ кабинетъ, онъ только что не прятался отъ него, и жену свою удерживалъ отъ всякихъ лишнихъ изъявленій нѣжности. „Мы, матушка моя", говорилъ онъ ей: „въ первый пріѣздъ Енюшки ему надоѣдали маленько: теперь надо быть умнѣй". Арина Власьевна соглашалась съ мужемъ, по немного отъ этого выигрывала, потому что видѣла сына только за столомъ и окончательно боялась съ нимъ заговаривать. „Енюшенька!" бывало скажетъ она, — а тотъ еще не успѣетъ оглянуться, какъ ужъ она перебираетъ шнурками ридикюля и лепечетъ: „ничего, ничего, я такъ", а потомъ отправится къ Василію Ивановичу, и говоритъ ему, подпершись щеку: „какъ бы, голубчикъ, узнать: чего Енюша желаетъ сегодня къ обѣду, щей или борщу?"—„Да что жъ ты у него сама не спросила?" — „А надоѣмъ!" Впрочемъ, Базаровъ скоро самъ пересталъ запираться: лихорадка работы съ него *соскочила*, и замѣнилась тоскливою скукой и глухимъ безпокойствомъ. Странная усталость замѣчалась во всѣхъ его движеніяхъ; даже походка его, твердая и стремительно смѣлая, измѣнилась. Онъ пересталъ гулять въ одиночку и началъ искать общества; пилъ чай въ гостиной, бродилъ по огороду съ Василіемъ Ивановичемъ и курилъ съ нимъ „въ молчанку"; освѣдомился однажды объ отцѣ Алексѣѣ. Василій Ивановичъ сперва обрадовался этой перемѣнѣ, но радость его была непродолжительна. „Енюша меня сокрушаетъ", жаловался онъ втихомолку женѣ: „онъ не то что недоволенъ или сердитъ, это бы еще ничего, онъ огорченъ, онъ грустенъ—вотъ что ужасно. Все молчитъ, хоть бы побранилъ насъ съ тобою; худѣетъ, цвѣтъ лица такой нехорошій". — „Господи, Господи!" шептала старушка: „надѣла бы я ему ладонку на шею, да вѣдь онъ не позволитъ". Василій Ивановичъ нѣсколько разъ пытался самымъ осторожнымъ образомъ разспросить Базарова объ его работѣ, объ его здоровьѣ, объ Аркадіи... Но Базаровъ отвѣчалъ ему нехотя и небрежно и, однажды,

замѣтивъ, что отецъ въ разговорѣ понемножку подо что-то подбирается, съ досадой сказалъ ему: „Что ты все около меня словно на цыпочкахъ ходишь? Эта манера еще хуже прежней". — „Ну, ну, ну, я ничего!" поспѣшно отвѣчалъ бѣдный Василій Ивановичъ. Такъ же безплодны остались его политическіе намеки. Заговоривъ, однажды, по поводу близкаго освобожденія крестьянъ, о прогрессѣ, онъ надѣялся возбудить сочувствіе своего сына; но тотъ равнодушно промолвилъ: „Вчера я прохожу мимо забора и слышу, здѣшніе крестьянскіе мальчики, вмѣсто какой-нибудь старой пѣсни, горланятъ: *Время вьрное приходитъ, сердце чувствуитъ любовь*... вотъ тебѣ и прогрессъ".

Иногда Базаровъ отправлялся на деревню и, подтрунивая по обыкновенію, вступалъ въ бесѣду съ какимъ-нибудь мужикомъ. „Ну", говорилъ онъ ему: „излагай мнѣ свои воззрѣнія на жизнь, братецъ: вѣдь въ васъ, говорятъ, вся сила и будущность Россіи, отъ васъ начнется новая эпоха въ исторіи, — вы намъ дадите и языкъ настоящій, и законы". Мужикъ либо не отвѣчалъ ничего, либо произносилъ слова въ родѣ слѣдующихъ: „А мы могимъ... тоже, потому значитъ... какой положенъ у насъ, примѣрно, придѣлъ".

— Ты мнѣ растолкуй, что такое есть вашъ міръ? — перебивалъ его Базаровъ: — и тотъ ли это самый міръ, что на трехъ рыбахъ стоитъ?

— Это, батюшка, земля стоитъ на трехъ рыбахъ, — успокоительно, съ патріархально-добродушною нѣвучестью, объяснялъ мужикъ: — а противъ нашего, то-есть, міру, извѣстно, господская воля; потому вы наши отцы. А чѣмъ строже баринъ взыщетъ, тѣмъ милѣе мужику.

Выслушавъ подобную рѣчь, Базаровъ однажды презрительно пожалъ плечами и отвернулся, а мужикъ побрелъ во-свояси.

— О чемъ толковалъ? — спросилъ у него другой мужикъ среднихъ лѣтъ и угрюмаго вида, издали, съ порога своей избы, присутствовавшій при бесѣдѣ его съ Базаровымъ. — О недоимкѣ, что ль?

— Какое о недоимкѣ, братецъ ты мой! — отвѣчалъ пер-

вый мужикъ, и въ голосѣ его уже не было слѣда патріархальной нѣвучести, а напротивъ, слышалась какая-то небрежная суровость: — такъ, болталъ кое-что; языкъ почесать захотѣлось. Извѣстно, баринъ; развѣ онъ что понимаетъ?

— Гдѣ понять!—отвѣчалъ другой мужикъ и, тряхнувъ шапками и осунувъ кушаки, оба они принялись разсуждать о своихъ дѣлахъ и пуждахъ. Увы! презрительно пожимавшій плечомъ, умѣвшій говорить съ мужиками Базаровъ (какъ хвалился онъ въ спорѣ съ Павломъ Петровичемъ), этотъ самоувѣренный Базаровъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ ихъ глазахъ былъ все-таки чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго...

Впрочемъ, онъ нашелъ, наконецъ, себѣ занятіе. Однажды, въ его присутствіи, Василій Ивановичъ перевязывалъ мужику раненую ногу, но руки тряслись у старика, и онъ не могъ справиться съ бинтами; сынъ ему помогъ, и съ тѣхъ поръ сталъ участвовать въ его практикѣ, не переставая въ то же время подсмѣиваться и надъ средствами, которыя самъ же совѣтовалъ, и надъ отцомъ, который тотчасъ же пускалъ ихъ въ ходъ. Но насмѣшки Базарова нисколько не смущали Василія Ивановича; онѣ даже утѣшали его. Придерживая свой засаленный шлафрокъ двумя пальцами на желудкѣ и покуривая трубочку, онъ съ наслажденіемъ слушалъ Базарова, и чѣмъ больше злости было въ его выходкахъ, тѣмъ добродушнѣе хохоталъ, выказывая всѣ свои черные зубы до единаго, его осчастливленный отецъ. Онъ даже повторялъ эти, иногда тупыя или безсмысленныя, выходки и, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, ни къ селу, ни къ городу, все твердилъ: „ну, это дѣло девятое!“ потому только, что сынъ его, узнавъ, что онъ ходилъ къ заутрени, употребилъ это выраженіе. „Слава Богу! пересталъ хандрить!“ шепталъ онъ своей супругѣ: „какъ отдѣлалъ меня сегодня, чудо!“ Зато мысль, что онъ имѣетъ такого помощника, приводила его въ восторгъ, наполняла его гордостью. „Да, да“, говорилъ онъ какой-нибудь бабѣ въ мужскомъ армякѣ и рогатой кичкѣ, вручая ей стклянку

Гулярдовой воды или банку бѣленной мази: — „ты, голубушка, ты должна ежеминутно Бога благодарить за то, что сынъ мой у меня гоститъ: по самой научной и новѣйшей методѣ тебя лѣчать теперь, понимаешь ли ты это? Императоръ французовъ, Наполеонъ, и тотъ не имѣетъ лучшаго врача". А баба, которая приходила жаловаться, что ее „на колотики подняло" (значенія этихъ словъ она, впрочемъ, сама растолковать не умѣла), только кланялась и лѣзла за пазуху, гдѣ у ней лежали четыре яйца, завернутыя въ конецъ полотенца.

Базаровъ разъ даже вырвалъ зубъ у заѣзжаго разносчика съ краснымъ товаромъ, и хотя этотъ зубъ принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ, однако, Василій Ивановичъ сохранилъ его какъ рѣдкость и, показывая его отцу Алексѣю, безпрестанно повторялъ:

— Вы посмотрите, что̀ за корни! Этакая сила у Евгенія! Краснорядецъ такъ на воздухъ и подпялся... Мнѣ кажется, дубъ, и тотъ бы вылетѣлъ вонъ!..

— Похвально!—промолвилъ, наконецъ, отецъ Алексѣй, не зная, что̀ отвѣчать и какъ отдѣлаться отъ пришедшаго въ экстазъ старика.

Однажды мужичокъ сосѣдней деревни привезъ къ Василію Ивановичу своего брата, больного тифомъ. Лежа ничкомъ на связкѣ соломы, несчастный умиралъ; темныя пятна покрывали его тѣло, онъ давно потерялъ сознаніе. Василій Ивановичъ изъявилъ сожалѣніе о томъ, что никто раньше не вздумалъ обратиться къ помощи медицины, и объявилъ, что спасенія нѣтъ. Дѣйствительно, мужичокъ не довезъ своего брата до дома: онъ такъ и умеръ въ телѣгѣ.

Дня три спустя, Базаровъ вошелъ къ отцу въ комнату и спросилъ, нѣтъ ли у него адскаго камня?

— Есть; на что̀ тебѣ?

— Нужно... ранку прижечь.

— Кому?

— Себѣ.

— Какъ, себѣ! Зачѣмъ же это? Какая это ранка? Гдѣ она?

— Вотъ тутъ, на пальцѣ. Я сегодня ѣздилъ въ деревню, знаешь, откуда тифознаго мужика привозили. Они почему-то вскрывать его собирались, а я давно въ этомъ не упражнялся.

— Ну?

— Ну, вотъ я и попросилъ уѣзднаго врача: ну, и порѣзался.

Василій Ивановичъ вдругъ поблѣднѣлъ весь и, ни слова не говоря, бросился въ кабинетъ, откуда тотчасъ же вернулся съ кусочкомъ адскаго камня въ рукѣ. Базаровъ хотѣлъ-было взять его и уйти.

— Ради самого Бога, — промолвилъ Василій Ивановичъ:—позволь мнѣ это сдѣлать самому.

Базаровъ усмѣхнулся.

— Экой ты охотникъ до практики!

— Не шути, пожалуйста. Покажи свой палецъ. Ранка-то не велика. Не больно?

— Напирай сильнѣе, не бойся.

Василій Ивановичъ остановился.

— Какъ ты полагаешь, Евгеній, не лучше ли намъ прижечь желѣзомъ?

— Это бы раньше надо сдѣлать; а теперь, по настоящему, и адскій камень не пуженъ. Если я заразился, такъ ужъ теперь поздно.

— Какъ... поздно... — едва могъ произнести Василій Ивановичъ.

— Еще бы! съ тѣхъ поръ четыре часа прошло слишкомъ.

Василій Ивановичъ еще немного прижегъ ранку.

— Да развѣ у уѣзднаго лѣкаря не было адскаго камня?

— Не было.

— Какъ же это, Боже мой! Врачъ—и не имѣетъ такой необходимой вещи!

— Ты бы посмотрѣлъ на его ланцеты, — промолвилъ Базаровъ, и вышелъ вонъ.

До самаго вечера и въ теченіе всего слѣдующаго дня Василій Ивановичъ придирался ко всѣмъ возможнымъ предлогамъ, чтобы входить въ комнату сына, и хотя онъ

не только не упоминалъ объ его ранѣ, но даже старался говорить о самыхъ посторонникъ предметахъ, однако, онъ такъ настойчиво заглядывалъ ему въ глаза, такъ тревожно наблюдалъ за нимъ, что Базаровъ потерялъ терпѣніе и погрозился уѣхать. Василій Ивановичъ далъ ему слово не безпокоиться, тѣмъ болѣе, что и Арина Власьевна, отъ которой онъ, разумѣется, все скрылъ, начинала приставать къ нему, зачѣмъ онъ не спитъ и что съ нимъ такое подѣялось? Цѣлыхъ два дня онъ крѣпился, хотя видъ сына, на котораго онъ все посматривалъ украдкой, ему очень не нравился... но на третій день за обѣдомъ не выдержалъ. Базаровъ сидѣлъ потупившись и не касался ни одного блюда.

— Отчего ты не ѣшь, Евгеній?—спросилъ онъ, придавъ своему лицу самое беззаботное выраженіе.—Кушанье, кажется, хорошо сготовлено.

— Не хочется, такъ и не ѣмъ.

— У тебя аппетиту нѣту? А голова?—прибавилъ онъ робкимъ голосомъ:—болитъ?

— Болитъ. Отчего ей не болѣть?

Арина Власьевна выпрямилась и насторожилась.

— Не разсердись, пожалуйста, Евгеній,—продолжалъ Василій Ивановичъ:—но не позволишь ли ты мнѣ пульсъ у тебя пощупать?

Базаровъ приподнялся.

— Я, и не щупая, скажу тебѣ, что у меня жаръ.

— И ознобъ былъ?

— Былъ и ознобъ. Пойду, прилягу; а вы мнѣ пришлите липоваго чаю. Простудился, должно-быть.

— То-то я слышала, ты сегодня ночью кашлялъ,—промолвила Арина Власьевна.

— Простудился,—повторилъ Базаровъ и удалился.

Арина Власьевна занялась приготовленіемъ чая изъ липоваго цвѣту, а Василій Ивановичъ вошелъ въ сосѣднюю комнату и молча схватилъ себя за волосы.

Базаровъ уже не вставалъ въ тотъ день, и всю ночь провелъ въ тяжелой, полузабывчивой дремотѣ. Часу въ

первомъ утра онъ, съ усиліемъ раскрывъ глаза, увидѣлъ надъ собою при свѣтѣ лампадки блѣдное лицо отца, и велѣлъ ему уйти; тотъ повиновался, но тотчасъ же вернулся на цыпочкахъ и, до половины заслонившись дверцами шкапа, неотвратимо глядѣлъ на своего сына. Арина Власьевна тоже не ложилась и, чуть отворивъ дверь кабинета, то и дѣло подходила послушать „какъ дышетъ Енюша“ и посмотрѣть на Василія Ивановича. Она могла видѣть одну его неподвижную, сгорбленную спину, но и это ей доставляло нѣкоторое облегченіе. Утромъ Базаровъ попытался встать; голова у него закружилась, кровь пошла носомъ; онъ легъ опять. Василій Ивановичъ молча ему прислуживалъ; Арина Власьевна вошла къ нему и спросила его, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ отвѣчалъ: „лучше“, и повернулся къ стѣнѣ. Василій Ивановичъ замахалъ на жену обѣими руками; она закусила губу, чтобы не заплакать, и вышла вонъ. Все въ домѣ вдругъ словно потемнѣло; всѣ лица вытянулись, сдѣлалась странная тишина; со двора унесли на деревню какого-то горластаго пѣтуха, который долго не могъ понять, зачѣмъ съ нимъ такъ поступаютъ. Базаровъ продолжалъ лежать, уткнувшись въ стѣну. Василій Ивановичъ пытался обращаться къ нему съ разными вопросами, но они утомляли Базарова, и старикъ замеръ въ своихъ креслахъ, только изрѣдка хрустя пальцами. Онъ отправлялся на нѣсколько мгновеній въ садъ, стоялъ тамъ какъ истуканъ, словно пораженный несказаннымъ изумленіемъ (выраженіе изумленія вообще не сходило у него съ лица) и возвращался снова къ сыну, стараясь избѣгать разспросовъ жены. Она, наконецъ, схватила его за руку, и судорожно, почти съ угрозой промолвила: „да что съ нимъ?“ Тутъ онъ спохватился и принудилъ себя улыбнуться ей въ отвѣтъ; но, къ собственному ужасу, вмѣсто улыбки, у него откуда-то взялся смѣхъ. За докторомъ онъ послалъ съ утра. Онъ почелъ нужнымъ предувѣдомить объ этомъ сына, чтобы тотъ какъ-нибудь не разсердился.

Базаровъ вдругъ повернулся на диванѣ, пристально и тупо посмотрѣлъ на отца, и попросилъ напиться.

Василій Ивановичъ подалъ ему воды, и кстати пощупалъ его лобъ. Онъ такъ и пылалъ.

— Старина,—началъ Базаровъ сиплымъ и медленнымъ голосомъ:—дѣло мое дрянное. Я зараженъ, и черезъ нѣсколько дней ты меня хоронить будешь.

Василій Ивановичъ пошатнулся, словно кто по ногамъ его ударилъ.

— Евгеній!—пролепеталъ онъ:—что ты это!.. Богъ съ тобою! Ты простудился...

— Полно,—не спѣша перебилъ его Базаровъ.—Врачу непозволительно такъ говорить. Всѣ признаки зараженія, ты самъ знаешь.

— Гдѣ же признаки... зараженія, Евгеній?.. помилуй!

— А это что?—промолвилъ Базаровъ, и приподнявъ рукавъ рубашки, показалъ отцу выступившія зловѣщія, красныя пятна.

Василій Ивановичъ дрогнулъ и похолодѣлъ отъ страха.

— Положимъ,—сказалъ онъ наконецъ: — положимъ... если... если даже что-нибудь въ родѣ... зараженія...,

— Піэміи,—подсказалъ сынъ.

— Ну да... въ родѣ... эпидеміи...

— *Піэміи*,—сурово и отчетливо повторилъ Базаровъ:—аль уже позабылъ свои тетрадки?

— Ну да, да, какъ тебѣ угодно... А все-таки мы тебя вылѣчимъ.

— Ну, это дудки. Но не въ томъ дѣло. Я не ожидалъ, что такъ скоро умру; это случайность, очень, по правдѣ сказать, непріятная. Вы оба съ матерью должны теперь воспользоваться тѣмъ, что въ васъ религія сильна; вотъ вамъ случай поставить ее на пробу. — Онъ отпилъ еще немного воды.—А я хочу попросить тебя объ одной вещи... пока еще моя голова въ моей власти. Завтра или послѣзавтра мозгъ мой, ты знаешь, въ отставку подастъ. Я и теперь не совсѣмъ увѣренъ, ясно ли я выражаюсь. Пока я лежалъ, мнѣ все казалось, что вокругъ меня красныя собаки бѣгали, а ты надо мной стойку дѣлалъ, какъ надъ тетеревомъ. Точно я пьяный. Ты хорошо меня понимаешь?

— Помилуй, Евгеній, ты говоришь совершенно какъ слѣдуетъ.

— Тѣмъ лучше; ты мнѣ сказалъ, ты послалъ за докторомъ... Этимъ ты себя потѣшилъ... потѣшь и меня: пошли ты нарочнаго...

— Къ Аркадію Николаичу,—подхватилъ старикъ.

— Кто такой Аркадій Николаичъ?—проговорилъ Базаровъ, какъ бы въ раздумьи: — Ахъ, да! птенецъ этотъ! Нѣтъ, ты его не трогай: онъ теперь въ галки поналъ. Не удивляйся, это еще не бредъ. А ты пошли нарочнаго къ Одинцовой, Аннѣ Сергѣевнѣ, тутъ есть такая помѣщица... Знаешь? (Василій Ивановичъ кивнулъ головой.) Евгеній, молъ, Базаровъ, кланяться велѣлъ и велѣлъ сказать, что умираетъ. Ты это исполнишь?

— Исполню... Только возможное ли это дѣло, чтобы ты умеръ, ты, Евгеній... Самъ посуди! Гдѣ жъ послѣ этого будетъ справедливость?

— Этого я не знаю; а только ты нарочнаго пошли.

— Сію минуту пошлю, и самъ письмо напишу.

— Нѣтъ, зачѣмъ; скажи, что кланяться велѣлъ, больше ничего не нужно. А теперь я опять къ моимъ собакамъ. Странно! хочу остановить мысль на смерти, и ничего не выходитъ. Вижу какое-то пятно... и больше ничего.

Онъ опять тяжело повернулся къ стѣнѣ; а Василій Ивановичъ вышелъ изъ кабинета и, добравшись до женниной спальни, такъ и рухнулся на колѣни передъ образами.

— Молись, Арина, молись! — простоналъ онъ: — нашъ сынъ умираетъ.

Докторъ, тотъ самый уѣздный лѣкарь, у котораго не нашлось адскаго камня, пріѣхалъ и, осмотрѣвъ больного, посовѣтовалъ держаться методы выжидающей, и тутъ же сказалъ нѣсколько словъ о возможности выздоровленія.

— А вамъ случалось видѣть, что люди въ моемъ положеніи *не* отправляются въ Елисейскія?—спросилъ Базаровъ и, внезапно схвативъ за ножку тяжелый столъ, стоявшій возлѣ дивана, потрясъ его и сдвинулъ съ мѣста.

— Сила-то, сила,—промолвилъ онъ, вся еще тутъ, а

надо умирать!.. Старикъ, тотъ по крайней мѣрѣ успѣлъ отвыкнуть отъ жизни, а я... Да, поди, попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицаетъ, и баста! Кто тамъ плачетъ?— прибавилъ онъ, погодя немного.—Мать? Бѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ? А ты, Василій Иванычъ, тоже, кажется, нюнишь? Ну, коли христіанство не помогаетъ, будь философомъ, стоикомъ, что ли! Вѣдь ты хвастался, что ты философъ?

— Какой я философъ!—завопилъ Василій Ивановичъ, и слезы такъ и закапали по его щекамъ.

Базарову становилось хуже съ каждымъ часомъ; болѣзнь приняла быстрый ходъ, что̀ обыкновенно случается при хирургическихъ отравахъ. Онъ еще не потерялъ памяти и понималъ, что̀ ему говорили: онъ еще боролся. „Не хочу бредить“, шепталъ онъ, сжимая кулаки: „что̀ за вздоръ!“—И тутъ же говорилъ: „Ну, изъ восьми вычесть десять, сколько выйдетъ?“—Василій Ивановичъ ходилъ какъ помѣшанный, предлагалъ то одно средство, то другое, и только и дѣлалъ, что покрывалъ сыну ноги. „Обернуть въ холодныя простыни... рвотное... горчишники къ желудку... кровопусканіе“, говорилъ онъ съ напряженіемъ. Докторъ, котораго онъ умолилъ остаться, ему поддакивалъ, поилъ больного лимонадомъ, а для себя просилъ то трубочки, то „укрѣпляющаго-согрѣвающаго“, то-есть водки. Арина Власьевна сидѣла на низенькой скамеечкѣ возлѣ двери, и только по временамъ уходила молиться; нѣсколько дней тому назадъ туалетное зеркальце выскользнуло у ней изъ рукъ и разбилось, а это она всегда считала худымъ предзнаменованіемъ; сама Анфисушка ничего не умѣла сказать ей. Тимофеичъ отправился къ Одинцовой.

Ночь была не хороша для Базарова... Жестокій жаръ его мучилъ. Къ утру ему полегчило. Онъ попросилъ, чтобъ Арина Власьевна его причесала, поцѣловалъ у ней руку, и выпилъ глотка два чаю. Василій Ивановичъ оживился немного.

— Слава Богу! твердилъ онъ:—наступилъ кризисъ... пришелъ кризисъ.

— Эка, подумаешь!—промолвилъ Базаровъ:—слово-то

что̀ значитъ! Нашелъ его, сказалъ: „кризисъ“, и утѣшенъ. Удивительное дѣло, какъ человѣкъ еще вѣритъ въ слова. Скажутъ ему, напримѣръ, дурака и не прибьютъ, онъ опечалится; назовутъ его умницей и денегъ ему не дадутъ—онъ почувствуетъ удовольствіе.

Эта маленькая рѣчь Базарова, напоминавшая его прежнія „выходки“, привела Василія Ивановича въ умиленіе.

— Браво! прекрасно сказано, прекрасно!—воскликнулъ онъ, показывая видъ, что бьетъ въ ладоши.

Базаровъ печально усмѣхнулся.

— Такъ какъ же по-твоему,— промолвилъ онъ:—кризисъ прошелъ или наступилъ?

— Тебѣ лучше, вотъ что̀ я вижу, вотъ что̀ меня радуетъ,—отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

— Ну, и прекрасно; радоваться всегда не худо. А къ той, помнишь? послалъ?

— Послалъ, какъ же.

Перемѣна къ лучшему продолжалась недолго. Приступы болѣзни возобновились. Василій Ивановичъ сидѣлъ подлѣ Базарова. Казалось, какая-то особенная мука терзала старика. Онъ нѣсколько разъ собирался говорить— и не могъ.

— Евгеній! — произнесъ онъ наконецъ: — сынъ мой, дорогой мой, милый сынъ!

Это необычайное воззваніе подѣйствовало на Базарова... Онъ повернулъ немного голову и, видимо стараясь выбиться изъ-подъ бремени давившаго его забытья, произнесъ:— Что, мой отецъ?

— Евгеній,— продолжалъ Василій Ивановичъ, и опустился на колѣни передъ Базаровымъ, хотя тотъ не раскрывалъ глазъ и не могъ его видѣть. — Евгеній, тебѣ теперь лучше; ты, Богъ дастъ, выздоровѣешь; но воспользуйся этимъ временемъ, утѣшь насъ съ матерью, исполни долгъ христіанина! Каково-то мнѣ это тебѣ говорить, это ужасно; но еще ужаснѣе... вѣдь на вѣкъ, Евгеній... ты подумай, каково-то...

Голосъ старика прервался, а по лицу его сына, хотя

онъ и продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, проползло что-то странное.

— Я не отказываюсь, если это можетъ васъ утѣшить,— промолвилъ онъ наконецъ:— но мнѣ кажется, спѣшить еще не къ чему. Ты самъ говоришь, что мнѣ лучше.

— Лучше, Евгеній, лучше; но кто знаетъ, вѣдь это все въ Божьей волѣ, а исполнивши долгъ...

— Нѣтъ, я подожду,—перебилъ Базаровъ. — Я согласенъ съ тобою, что наступилъ кризисъ. А если мы съ тобой ошиблись, что жъ! вѣдь и безпамятныхъ причащаютъ.

— Помилуй, Евгеній...

— Я подожду. А теперь я хочу спать. Не мѣшай мнѣ.

И онъ положилъ голову на прежнее мѣсто.

Старикъ поднялся, сѣлъ на кресло и, взявшись за подбородокъ, сталъ кусать себѣ пальцы...

Стукъ рессорнаго экипажа, тотъ стукъ, который такъ особенно замѣтенъ въ деревенской глуши, внезапно поразилъ его слухъ. Ближе, ближе катились легкія колеса; вотъ уже послышалось фырканье лошадей... Василій Ивановичъ вскочилъ и бросился къ окошку. На дворъ его домика, запряженная четверней, въѣзжала двумѣстная карета. Не давая себѣ отчета, что бы это могло значить, въ порывѣ какой-то безсмысленной радости, онъ выбѣжалъ на крыльцо... Ливрейный лакей отворялъ дверцы кареты; дама подъ чернымъ вуалемъ, въ черной мантильѣ, выходила изъ нея...

— Я Одинцова,—промолвила она. — Евгеній Васильевичъ живъ? Вы его отецъ? Я привезла съ собой доктора.

— Благодѣтельница!—воскликнулъ Василій Ивановичъ, и, схвативъ ея руку, судорожно прижалъ ее къ своимъ губамъ, между тѣмъ какъ привезенный Анной Сергѣевной докторъ, маленькій человѣкъ въ очкахъ, съ нѣмецкою физіономіей, вылѣзалъ не торопясь изъ кареты. — Живъ еще, живъ мой Евгеній, и теперь будетъ спасенъ! Жена! жена!.. Къ намъ ангелъ съ неба...

— Что такое, Господи!—пролепетала, выбѣгая изъ гостиной, старушка и, ничего не понимая, тутъ же въ перед-

ней упала къ ногамъ Анны Сергѣевны и начала, какъ безумная, цѣловать ея платье.

— Что вы! что вы! — твердила Анна Сергѣевна; но Арина Васильевна ея не слушала, а Василій Ивановичъ только повторялъ: „ангелъ! ангелъ!"

— Wo ist der Kranke? И гдѣ же есть паціентъ? — проговорилъ, наконецъ, докторъ, не безъ нѣкотораго негодованія.

Василій Ивановичъ опомнился. — Здѣсь, здѣсь, пожалуйте за мной, *вертстеръ герръ коллега*, — прибавилъ онъ по старой памяти.

— Э! — произнесъ нѣмецъ, и кисло осклабился.

Василій Ивановичъ привелъ его въ кабинетъ.

— Докторъ отъ Анны Сергѣевны Одинцовой, — сказалъ онъ, наклонясь къ самому уху своего сына: — и она сама здѣсь.

Базаровъ вдругъ раскрылъ глаза. — Что ты сказалъ?

— Я говорю, что Анна Сергѣевна Одинцова здѣсь, и привезла къ тебѣ сего господина доктора.

Базаровъ повелъ вокругъ себя глазами.

— Она здѣсь... я хочу ее видѣть.

— Ты ее увидишь, Евгеній; но сперва надобно побесѣдовать съ господиномъ докторомъ. Я имъ разскажу всю исторію болѣзни, такъ какъ Сидоръ Сидорычъ уѣхалъ (такъ звали уѣзднаго врача), и мы сдѣлаемъ маленькую консультацію.

Базаровъ взглянулъ на нѣмца. — Ну, бесѣдуйте скорѣе, только не по-латыни, я вѣдь понимаю, что значитъ: jam moritur.

— Der Herr scheint des Deutschen mächtig zu sein, — началъ новый питомецъ Эскулапа, обращаясь къ Василію Ивановичу.

— *Ихъ... габе...* — Говорите ужъ лучше по-русски, — промолвилъ старикъ.

— А, а! *такъ это фотъ какъ это...* Пошалуй...

И консультація началась.

Полчаса спустя Анна Сергѣевна, въ сопровожденіи Василія Ивановича, вошла въ кабинетъ. Докторъ успѣлъ шепнуть ей, что нечего и думать о выздоровленіи больного.

Она взглянула на Базарова... и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленное и въ то же время мертвенное лицо съ устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы точно его любила—мгновенно сверкнула у ней въ головѣ.

— Спасибо,—усиленно заговорилъ онъ:— я этого не ожидалъ. Это доброе дѣло. Вотъ мы еще разъ и увидѣлись, какъ вы обѣщали.

— Анна Сергѣевна такъ была добра...—началъ Василій Ивановичъ.

— Отецъ, оставь насъ. — Анна Сергѣевна, вы позволяете? Кажется, теперь...

Онъ указалъ головою на свое распростертое безсильное тѣло.

Василій Ивановичъ вышелъ.

— Ну, спасибо,—повторилъ Базаровъ.—Это по-царски. Говорятъ, цари тоже посѣщаютъ умирающихъ.

— Евгеній Васильевичъ, я надѣюсь...

— Эхъ, Анна Сергѣевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попалъ подъ колесо. И выходитъ, что нечего было думать о будущемъ. Старая шутка смерть, а каждому внове. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство и *фюить!* (Онъ слабо махнулъ рукой.) Ну, что жъ мнѣ вамъ сказать... я любилъ васъ! это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что—какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая...

Анна Сергѣевна невольно содрогнулась.

— Ничего, не тревожьтесь... сядьте тамъ... Не подходите ко мнѣ: вѣдь моя болѣзнь заразительная.

Анна Сергѣевна быстро перешла комнату и сѣла на кресло возлѣ дивана, на которомъ лежалъ Базаровъ.

— Великодушная!—шепнулъ онъ.—Охъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!.. Ну, прощайте! живите долго, это лучше всего, и поль-

зуйтесь, пока время. Вы посмотрите, что за безобразное зрѣлище: червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! задача есть, вѣдь я гигантъ! А теперь вся задача гиганта— какъ бы умереть прилично, хотя никому до этого дѣла нѣтъ... Все равно: вилять хвостомъ не стану.

Базаровъ умолкъ и сталъ ощупывать рукой свой стаканъ. Анна Сергѣевна подала ему напиться, не снимая перчатокъ и боязливо дыша.

— Меня вы забудете, — началъ онъ опять: — мертвый живому не товарищъ. Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человѣка Россія теряетъ... Это чепуха, но не разувѣряйте старика. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось... вы знаете. И мать приласкайте. Вѣдь такихъ людей, какъ они, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать... Я нуженъ Россіи... Нѣтъ, видно не нуженъ. Да и кто нуженъ? Сапожникъ нуженъ, портной нуженъ, мясникъ... мясо продаетъ... мясникъ... постойте, я путаюсь... Тутъ есть лѣсъ...

Базаровъ положилъ руку на лобъ.

Анна Сергѣевна наклонилась къ нему.

— Евгеній Васильичъ, я здѣсь...

Онъ разомъ принялъ руку и приподнялся.

— Прощайте, — проговорилъ онъ съ внезапной силой, и глаза его блеснули послѣднимъ блескомъ.—Прощайте... Послушайте... вѣдь я васъ не поцѣловалъ тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснетъ...

Анна Сергѣевна приложилась губами къ его лбу.

— И довольно! — промолвилъ онъ, и опустился на подушку. — Теперь... темнота...

Анна Сергѣевна тихо вышла.

— Что?—спросилъ ее шопотомъ Василій Ивановичъ.

— Онъ заснулъ,—отвѣчала она чуть слышно.

Базарову уже не суждено было просыпаться. Къ вечеру онъ впалъ въ совершенное безпамятство, а на слѣдующій день умеръ. Отецъ Алексѣй совершилъ надъ нимъ обряды религіи. Когда его соборовали, когда святое муро коснулось его груди, одинъ глазъ его раскрылся и, казалось,

при видѣ священника въ облаченіи, дымящагося кадила, свѣчъ передъ образомъ, что-то похожее на содроганіе ужаса мгновенно отразилось на помертвѣломъ лицѣ. Когда же наконецъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ и въ домѣ поднялось всеобщее стенаніе, Василіемъ Ивановичемъ обуяло внезапное изступленіе. „Я говорилъ, что я возропщу“, хрипло кричалъ онъ, съ пылающимъ, перекошеннымъ лицомъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, какъ бы грозя кому-то: „и возропщу, возропщу!“ Но Арина Власьевна, вся въ слезахъ, повисла у него на шеѣ, и оба вмѣстѣ пали ницъ. — „Такъ“, разсказывала потомъ въ людской Анфисушка: „рядышкомъ и попурили свои головки, словно овечки въ полдень...“

Но полуденный зной проходитъ, и настаетъ вечеръ и ночь, а тамъ и возвращеніе въ тихое убѣжище, гдѣ сладко спится измученнымъ и усталымъ...

XXVIII.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Стояла бѣлая зима съ жестокою тишиной безоблачныхъ морозовъ, плотнымъ, скрипучимъ снѣгомъ, розовымъ инеемъ на деревьяхъ, блѣдно-изумруднымъ небомъ, шапками дыма надъ трубами, клубами пара изъ мгновенно раскрытыхъ дверей, свѣжими, словно укушенными лицами людей, и хлопотливымъ бѣгомъ продрогшихъ лошадокъ. Январскій день уже приближался къ концу; вечерній холодъ еще сильнѣе стискивалъ недвижимый воздухъ, и быстро гасла кровавая заря. Въ окнахъ Марьинскаго дома зажигались огни; Прокофьичъ, въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ особенною торжественностію накрывалъ столъ на семь приборовъ. Недѣлю тому назадъ, въ небольшой приходской церкви, тихо и почти безъ свидѣтелей, состоялись двѣ свадьбы: Аркадія съ Катей, и Николая Петровича съ Оеничкой; а въ самый тотъ день Николай Петровичъ давалъ прощальный обѣдъ своему брату, который отправлялся по дѣламъ въ Москву. Анна Сергѣевна уѣхала туда же тотчасъ послѣ свадьбы, щедро надѣливъ молодыхъ.

Онъ совсѣмъ окоченѣлъ отъ глупости и важности, произноситъ всѣ *е* какъ *ю: тюпюрь, обюзпючюнъ*, но тоже женился и взялъ порядочное приданое за своею невѣстой, дочерью городского огородника, которая отказала двумъ хорошимъ женихамъ, только потому, что у нихъ часовъ не было: а у Петра не только были часы — у него были лаковые полусапожки.

Въ Дрезденѣ, на Брюлевской террасѣ, между двумя и четырьмя часами, въ самое фешенебельное время для прогулки, вы можете встрѣтить человѣка лѣтъ около пятидесяти, уже совсѣмъ сѣдого и какъ бы страдающаго подагрой, но еще красиваго, изящно одѣтаго и съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ, который дается человѣку однимъ лишь долгимъ пребываніемъ въ высшихъ слояхъ общества. Это Павелъ Петровичъ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы за границу для поправленія здоровья, и остался на жительство въ Дрезденѣ, гдѣ знается больше съ англичанами и съ проѣзжими русскими. Съ англичанами онъ держится просто, почти скромно, но не безъ достоинства; они находятъ его немного скучнымъ, но уважаютъ въ немъ совершеннаго джентльмена „*a perfect gentleman*“. Съ русскими онъ развязнѣе, даетъ волю своей желчи, трунитъ надъ самимъ собой и надъ ними; но все это выходитъ у него очень мило, и небрежно, и прилично. Онъ придерживается славянофильскихъ воззрѣній: извѣстно, что въ высшемъ свѣтѣ это считается *très distingué*. Онъ ничего русскаго не читаетъ, но на письменномъ столѣ у него находится серебряная пепельница въ видѣ мужицкаго лаптя. Наши туристы очень за нимъ волочатся. Матвѣй Ильичъ Колязинъ, находящійся *во временной отставкѣ*, величаво посѣтилъ его, проѣзжая на богемскія воды; а туземцы, съ которыми онъ, впрочемъ, видится мало, чуть не благоговѣютъ передъ нимъ. Получить билетъ въ придворную капеллу, въ театръ и т. д. никто не можетъ такъ легко и скоро, какъ *der Herr Baron von Kirsanoff*. Онъ все дѣлаетъ добро, сколько можетъ; онъ все еще шумитъ понемножку: не даромъ же былъ онъ нѣкогда львомъ;—но жить ему тяжело... тяжелѣй, чѣмъ онъ самъ подозрѣ-

ваетъ... Стóитъ взглянуть на него въ русской церкви, когда, прислонясь въ сторонкѣ къ стѣнѣ, онъ задумывается и долго не шевелится, горько стиснувъ губы, потомъ вдругъ опомнится и начнетъ почти незамѣтно креститься...

И Кукшина попала за границу. Она теперь въ Гейдельбергѣ и изучаетъ уже не естественныя науки, но архитектуру, въ которой, по ея словамъ, она открыла новые законы. Она попрежнему якшается съ студентами, особенно съ молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполненъ Гейдельбергъ, и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, впослѣдствіи удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью. Съ такими-то двумя-тремя химиками, не умѣющими отличить кислорода отъ азота, но исполненными отрицанія и самоуваженія, да съ великимъ Елисѣвичемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть великимъ, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ „дѣло“ Базарова. Говорятъ, его кто-то недавно побилъ, но онъ въ долгу не остался: въ одной темной статейкѣ, тиснутой въ одномъ темномъ журнальцѣ, онъ намекнулъ, что побившій его—трусъ. Онъ называетъ это ироніей. Отецъ имъ помыкаетъ попрежнему, а жена считаетъ его дурачкомъ... и литераторомъ.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашеными крышами, каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три ощипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней,

изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка—мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной...

НАКАНУНѢ.

РОМАНЪ ВЪ XXXV ГЛАВАХЪ.

(НАПИСАНО ВЪ 1859 ГОДУ.)

I.

Въ тѣни высокой липы, на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Кунцова, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней 1853 года, лежали на травѣ два молодыхъ человѣка. Одинъ на видъ лѣтъ двадцати-трехъ, высокаго роста, черномазый, съ острымъ и немного кривымъ носомъ, высокимъ лбомъ и сдержанною улыбкой на широкихъ губахъ, лежалъ на спинѣ и задумчиво глядѣлъ вдаль, слегка прищуривъ свои небольшіе сѣрые глазки; другой лежалъ на груди, подперевъ обѣими руками кудрявую бѣлокурую голову, и тоже глядѣлъ куда-то вдаль. Онъ былъ тремя годами старше своего товарища, но казался гораздо моложе; усы его едва пробились и на подбородкѣ вился легкій пухъ. Было что-то дѣтски-миловидное, что-то привлекательно-изящное въ мелкихъ чертахъ его свѣжаго, круглаго лица, въ его сладкихъ, карихъ глазахъ, красивыхъ, выпуклыхъ губкахъ и бѣлыхъ ручкахъ. Все въ немъ дышало счастливою веселостью здоровья, дышало молодостью — безпечностью, самонадѣянностью, избалованностью, прелестью молодости. Онъ и поводилъ глазами, и улыбался, и подпиралъ голову, какъ это дѣлаютъ мальчики, которые знаютъ, что на нихъ охотно заглядываются. На немъ было просторное бѣлое

пальто въ родѣ блузы; голубой платокъ охватывалъ его тонкую шею, измятая соломенная шляпа валялась въ травѣ возлѣ него.

Въ сравненіи съ нимъ его товарищъ казался старикомъ, и никто бы не подумалъ, глядя на его угловатую фигуру, что и онъ наслаждается, что и ему хорошо. Онъ лежалъ неловко; его большая, кверху широкая, книзу заостренная голова неловко сидѣла на длинной шеѣ; неловкость сказывалась въ самомъ положеніи его рукъ, его туловища, плотно охваченнаго короткимъ чернымъ сюртучкомъ, его длинныхъ ногъ съ поднятыми колѣнями, подобныхъ заднимъ ножкамъ стрекозы. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя было не признать въ немъ хорошо воспитаннаго человѣка; отпечатокъ „порядочности“ замѣчался во всемъ его неуклюжемъ существѣ, и лицо его, некрасивое и даже нѣсколько смѣшное, выражало привычку мыслить и доброту. Звали его Андреемъ Петровичемъ Берсеневымъ; его товарищъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, прозывался Шубинымъ, Павломъ Яковличемъ.

— Отчего ты не лежишь, какъ я, на груди?— началъ Шубинъ. Такъ гораздо лучше. Особенно когда поднимешь ноги и стучишь каблуками дружку о дружку—вотъ такъ. Трава подъ носомъ: надоѣстъ глазѣть на пейзажъ—смотри на какую-нибудь пузатую козявку, какъ она ползетъ по былинкѣ, или на муравья, какъ онъ суетится. Право такъ лучше. А то ты принялъ теперь какую-то псевдо-классическую позу, ни дать, ни взять, танцовщица въ балетѣ, когда она облокачивается на картонный утесъ. Ты вспомни, что ты теперь имѣешь полное право отдыхать. Шутка сказать: вышелъ третьимъ кандидатомъ! Отдохните, сэръ; перестаньте напрягаться, раскиньте свои члены!

Шубинъ произнесъ всю эту рѣчь въ носъ, полу-лѣниво, полу-шутливо (балованныя дѣти говорятъ такъ съ друзьями дома, которые привозятъ имъ конфеты), и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:

— Меня больше всего поражаетъ въ муравьяхъ, жукахъ и другихъ господахъ насѣкомыхъ ихъ удивительная серьезность: бѣгаютъ взадъ и впередъ съ такими важными

физіономіями, точно и ихъ жизнь что-то значитъ! Помилуйте, человѣкъ — царь созданья, существо высшее, на нихъ взираетъ, а имъ и дѣла до него нѣтъ: еще, пожалуй, иной комаръ сядетъ на носъ царю созданія и станетъ употреблять его себѣ въ пищу. Это обидно. А съ другой стороны, чѣмъ ихъ жизнь хуже нашей жизни? И отчего же имъ не важничать, если мы позволяемъ себѣ важничать? Ну-ка, философъ, разрѣши мнѣ эту задачу! Что жъ ты молчишь? А?

— Что...—проговорилъ, встрепенувшись, Берсеневъ.

— Что! — повторилъ Шубинъ. — Твой другъ излагаетъ передъ тобою глубокія мысли, а ты его не слушаешь.

— Я любовался видомъ. Посмотри, какъ эти поля горячо блестятъ на солнцѣ! (Берсеневъ немного пришепетывалъ.)

— Важный пущенъ колеръ, — промолвилъ Шубинъ. — Одно слово, натура!

Берсеневъ покачалъ головой.

— Тебѣ бы еще больше меня слѣдовало восхищаться всѣмъ этимъ. Это по твоей части: ты артистъ.

— Нѣтъ-съ, этой не по моей части-съ,—возразилъ Шубинъ, и надѣлъ шляпу на затылокъ.—Я мясникъ-съ; мое дѣло — мясо, мясо лѣпить, плечи, ноги, руки, а тутъ и формы нѣтъ, законченности нѣтъ, разъѣхалось во всѣ стороны... Пойди, поймай!

— Да вѣдь и тутъ красота, — замѣтилъ Берсеневъ. — Кстати, кончилъ ты свой барельефъ?

— Какой?

— Ребенка съ козломъ.

— Къ чорту! къ чорту! къ чорту!—воскликнулъ нараспѣвъ Шубинъ. — Посмотрѣлъ на настоящихъ, на стариковъ, на антики, да и разбилъ свою чепуху. Ты указываешь мнѣ на природу и говоришь: „И тутъ красота“. Конечно, во всемъ красота, даже и въ твоемъ носѣ красота, да за всякою красотой не угоняешься. Старики — тѣ за ней и не гонялись; она сама сходила въ ихъ созданія, откуда—Богъ вѣсть, съ неба, что ли. Имъ весь міръ принадлежалъ; намъ такъ широко распространяться не

приходится: коротки руки. Мы закидываемъ удочку на одной точечкѣ, да и караулимъ. Клюнетъ, браво! а не клюнетъ...

Шубинъ высунулъ языкъ.

— Постой, постой,—возразилъ Берсеневъ. — Это парадоксъ. Если ты не будешь сочувствовать красотѣ, любить ее всюду, гдѣ бы ты ее ни встрѣтилъ, такъ она тебѣ и въ твоемъ искусствѣ не дастся. Если прекрасный видъ, прекрасная музыка ничего не говорятъ твоей душѣ, я хочу сказать, если ты имъ не сочувствуешь...

— Эхъ, ты, сочувствепникъ!—брякнулъ Шубинъ и самъ засмѣялся новоизобрѣтенному слову. а Берсеневъ задумался.—Нѣтъ, братъ,—продолжалъ Шубинъ:—ты умница-философъ, третій кандидатъ московскаго университета, съ тобой спорить страшно, особенно мнѣ, недоучившемуся студенту; но я тебѣ вотъ что скажу: кромѣ своего искусства, я люблю красоту только въ женщинахъ... въ дѣвушкахъ, да и то съ нѣкоторыхъ поръ...

Онъ перевернулся на спину и заложилъ руки за голову.

Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи. Тишина полуденнаго зноя тяготѣла надъ сіяющей и заснувшей землей.

— Кстати, о женщинахъ,—заговорилъ опять Шубинъ.—Что это никто не возьметъ Стахова въ руки? Ты видѣлъ его въ Москвѣ?

— Нѣтъ.

— Совсѣмъ съ ума сошелъ старецъ. Сидитъ по цѣлымъ днямъ у своей Августины Христіановны, скучаетъ страшно, а сидитъ. Глазѣютъ другъ на друга, такъ глупо... Даже противно смотрѣть. Вотъ поди ты! Какимъ семействомъ Богъ благословилъ этого человѣка: нѣтъ, подай ему Августину Христіановну! Я ничего не знаю гнуснѣе ея утиной физіономіи! На-дняхъ я вылѣпилъ ея карикатуру, въ дантановскомъ вкусѣ. Очень вышло недурно. Я тебѣ покажу.

— А Елены Николаевны бюстъ,—спросилъ Берсеневъ:—подвигается?

— Нѣтъ, братъ, не подвигается. Отъ этого лица можно

въ отчаяніе придти. Посмотришь, линіи чистыя, строгія, прямыя; кажется, не трудно схватить сходство. Не тутъ-то было... Не дается, какъ кладъ въ руки. Замѣтилъ ты, какъ она слушаетъ? Ни одна черта не тронется, только выраженіе взгляда безпрестанно мѣняется, а отъ него мѣняется вся фигура. Что тутъ прикажешь дѣлать скульптору, да еще плохому? Удивительное существо... странное существо, — прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Да; она удивительная дѣвушка,—повторилъ за нимъ Берсеневъ.

— А дочь Николая Артемьевича Стахова! Вотъ послѣ этого и разсуждай о крови, о породѣ. И вѣдь забавно то, что она точно его дочь, похожа на него, и на мать похожа, на Анну Васильевну. Я Анну Васильевну уважаю отъ всего сердца, она же моя благодѣтельница; но вѣдь она курица. Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажегъ этотъ огонь? Вотъ опять тебѣ задача, философъ!

Но „философъ“ попрежнему ничего не отвѣчалъ. Берсеневъ, вообще, не грѣшилъ многоглаголаніемъ, и когда говорилъ, выражался неловко, съ запинками, безъ нужды разводя руками; а въ этотъ разъ какая-то особенная тишина нашла на его душу, тишина, похожая на усталость и на грусть. Онъ недавно переселился за городъ послѣ долгой и трудной работы, отнимавшей у него по нѣсколько часовъ въ день. Бездѣйствіе, нѣга и чистота воздуха, сознаніе достигнутой цѣли, прихотливый и небрежный разговоръ съ пріятелемъ, внезапно вызванный образъ милаго существа, всѣ эти разнородныя, и въ то же время почему-то сходныя впечатлѣнія слились въ немъ въ одно общее чувство, которое и успокоивало его, и волновало, и обезсиливало... Онъ былъ очень нервическій молодой человѣкъ.

Подъ липой было прохладно и спокойно; залетавшія въ кругъ ея тѣни мухи и пчелы, казалось, жужжали тише; чистая мелкая трава изумруднаго цвѣта, безъ золотыхъ отливовъ, не колыхалась; высокіе стебельки стояли неподвижно, какъ очарованные; какъ мертвые, висѣли малень-

кіе гроздья желтыхъ цвѣтовъ на нижнихъ вѣткахъ липы. Сладкій запахъ съ каждымъ дыханіемъ втѣснялся въ самую глубь груди, но грудь имъ охотно дышала. Вдали, за рѣкой, до небосклона все сверкало, все горѣло; изрѣдка пробѣгалъ тамъ вѣтерокъ и дробилъ и усиливалъ сверканіе; лучистый паръ колебался надъ землей. Птицъ не было слышно: онѣ не поютъ въ часы зноя; но кузнечики трещали повсемѣстно, и пріятно было слушать этотъ горячій звукъ жизни, сидя въ прохладѣ, на покоѣ: онъ клонилъ ко сну и будилъ мечтанія.

— Замѣтилъ ли ты,—началъ вдругъ Берсеневъ, помогая своей рѣчи движеніями рукъ:—какое странное чувство возбуждаетъ въ насъ природа? Все въ ней такъ полно, такъ ясно, я хочу сказать, такъ удовлетворено собою, и и мы это понимаемъ и любуемся этимъ, и въ то же время она, по крайней мѣрѣ во мнѣ, всегда возбуждаетъ какое-то безпокойство, какую-то тревогу, даже грусть. Что это значитъ? Сильнѣе ли сознаемъ мы передъ нею, передъ ея лицомъ, всю нашу неполноту, нашу неясность, или же намъ мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другого, то-есть я хочу сказать, того, чего намъ нужно, у нея нѣтъ.

— Гмъ,—возразилъ Шубинъ:—я тебѣ скажу, Андрей Петровичъ, отчего все это происходитъ. Ты описалъ ощущенія одинокаго человѣка, который не живетъ, а только смотритъ, да млѣетъ. Чего смотрѣть? Живи самъ и будешь молодцомъ. Сколько ты ни стучись природѣ въ дверь, не отзовется она понятнымъ словомъ, потому что она нѣмая. Будетъ звучать и ныть, какъ струна, а пѣсни отъ нея не жди. Живая душа—та отзовется, и по преимуществу женская душа. А потому, благородный другъ мой, совѣтую тебѣ запастись подругой сердца, и всѣ твои тоскливыя ощущенія тотчасъ исчезнутъ. Вотъ что намъ „нужно“, какъ ты говоришь. Вѣдь эта тревога, эта грусть, вѣдь это, просто, своего рода голодъ. Дай желудку настоящую пищу, и все тотчасъ придетъ въ порядокъ. Займи свое мѣсто въ пространствѣ, будь тѣломъ, братецъ ты мой. Да и что такое, къ чему природа? Ты послушай

самъ: любовь... какое сильное, горячее слово! Природа... какое холодное, школьное выраженіе! А потому (Шубинъ запѣлъ): „Да здравствуетъ, Марья Петровна!“ или нѣтъ,— прибавилъ онъ: — не Марья Петровна, ну да все равно! Ву ме компренé.

Берсеневъ приподнялся и оперся подбородкомъ на сложенныя руки.

— Зачѣмъ насмѣшка, — проговорилъ онъ, не глядя на своего товарища:—зачѣмъ глумленіе? Да, ты правъ: любовь— великое слово; великое чувство... Но о какой любви говоришь ты?

Шубинъ тоже приподнялся.

— О какой любви? О какой угодно, лишь бы она была на лицо. Признаюсь тебѣ, по-моему, вовсе нѣтъ различныхъ родовъ любви. Коли ты полюбилъ...

— Отъ всей души,—подхватилъ Берсеневъ.

— Ну да, это само собою разумѣется: душа не яблоко: ея не раздѣлишь. Коли ты полюбилъ, ты и правъ. А я не думалъ глумиться. У меня на сердцѣ теперь такая нѣжность, такъ оно смягчено... Я хотѣлъ только объяснить, почему природа, по-твоему, такъ на насъ дѣйствуетъ. Потому, что она будитъ въ насъ потребность любви, и не въ силахъ удовлетворить ее. Она насъ тихо гонитъ въ другія, живыя объятія, а мы ея не понимаемъ и чего-то ждемъ отъ нея самой. Ахъ, Андрей, Андрей, прекрасно. Это солнце, это небо, все, все вокругъ насъ прекрасно, а ты грустишь; но если бы въ это мгновеніе ты держалъ въ своей рукѣ руку любимой женщины, если бъ эта рука и вся эта женщина были твои, если бы ты даже глядѣлъ *ея* глазами, чувствовалъ не своимъ, одинокимъ, а *ея* чувствомъ, — не грусть, Андрей, не тревогу возбуждала бы въ тебѣ природа, и не сталъ бы ты замѣчать ея красоты; она бы сама радовалась и пѣла, она бы вторила твоему гимну, потому что ты въ нее, въ нѣмую, вложилъ бы тогда языкъ!

Шубинъ вскочилъ на ноги и прошелся раза два взадъ и впередъ, а Берсеневъ наклонилъ голову, и лицо его покрылось слабой краской.

— Я не совсѣмъ согласенъ съ тобою, — началъ онъ:— не всегда природа намекаетъ намъ на... на любовь. (Онъ не сразу произнесъ это слово.) Она также грозитъ намъ: она напоминаетъ о страшныхъ... да, о недоступныхъ тайнахъ. Не она ли должна поглотить насъ, не безпрестанно ли она поглощаетъ насъ. Въ ней и жизнь, и смерть; и смерть въ ней такъ же громко говоритъ, какъ и жизнь.

— И въ любви жизнь и смерть,—перебилъ Шубинъ.

— А потомъ, — продолжалъ Берсеневъ: — когда я, напримѣръ, стою весной, въ лѣсу, въ зеленой чащѣ, когда мнѣ чудятся романтическіе звуки Оберонова рога (Берсеневу стало немножко совѣстно, когда онъ выговорилъ эти слова)—развѣ и это...

— Жажда любви, жажда счастія, больше ничего!—подхватилъ Шубинъ.—Знаю и я эти звуки, знаю и я то утомленіе и ожиданіе, которыя находятъ на душу подъ сѣнью лѣса, въ его нѣдрахъ, или вечеромъ, въ открытыхъ поляхъ, когда заходитъ солнце и рѣка дымится за кустами. Но и отъ лѣса, и отъ рѣки, и отъ земли, и отъ неба, отъ всякаго облачка, отъ всякой травки я жду, я хочу счастія, я во всемъ чую его приближеніе, слышу его призывъ. „Мой богъ—богъ свѣтлый и веселый!“ Я было такъ началъ одно стихотвореніе; сознайся: славный первый стихъ, да второго никакъ подобрать не могъ. Счастья! счастья! пока жизнь не прошла, пока всѣ наши члены въ нашей власти, пока мы идемъ не подъ гору, а въ гору! Чортъ возьми!— продолжалъ Шубинъ съ внезапнымъ порывомъ: — мы молоды, не уроды, не глупы: завоюемъ себѣ счастіе!

Онъ встряхнулъ кудрями и самоувѣренно, почти съ вызовомъ, глянулъ вверхъ, на небо. Берсеневъ поднялъ на него глаза.

— Будто нѣтъ ничего выше счастья? — проговорилъ онъ тихо.

— А напримѣръ?—спросилъ Шубинъ и остановился.

— Да вотъ, напримѣръ, мы съ тобой, какъ ты говоришь, молоды, мы хорошіе люди, положимъ; каждый изъ насъ желаетъ для себя счастья... Но такое ли это слово: „счастье“, которое соединило, воспламенило бы насъ

обоихъ, заставило бы насъ подать другъ другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

— А ты знаешь такія слова, которыя соединяютъ?

— Да; и ихъ не мало; и ты ихъ знаешь.

— Ну-ка? какія это слова?

— Да хоть бы искусство,—такъ какъ ты художникъ,— родина, наука, свобода, справедливость.

— А любовь?—спросилъ Шубинъ.

— И любовь соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь: не любовь — паслажденіе, любовь—жертва.

Шубинъ нахмурился.

— Это хорошо для нѣмцевъ; я хочу любить для себя; я хочу быть нумеромъ первымъ.

— Нумеромъ первымъ,—повторилъ Берсеневъ.—А мнѣ кажется, поставить себя нумеромъ вторымъ — все назначеніе нашей жизни.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, какъ ты совѣтуешь,— промолвилъ съ жалобною гримасой Шубинъ: — никто на землѣ не будетъ ѣсть ананасовъ: всѣ другимъ ихъ предоставлять будутъ.

— Значитъ, ананасы не нужны; а впрочемъ, не бойся: всегда найдутся любители даже хлѣбъ отъ чужого рта отнимать.

Оба пріятеля помолчали.

— Я на-дняхъ опять встрѣтилъ Инсарова,—началъ Берсеневъ:—я пригласилъ его къ себѣ; я непремѣнно хочу познакомить его съ тобой... и съ Стаховыми.

— Какой это Инсаровъ? Ахъ да, этотъ сербъ или болгаръ, о которомъ ты мнѣ говорилъ? Патріотъ этотъ? Ужъ не онъ *ли внушилъ тебѣ всѣ эти философическія мысли?*

— Можетъ-быть.

— Необыкновенный онъ индивидуумъ, что ли?

— Да.

— Умный? Даровитый?

— Умный?.. Даровитый? не знаю, не думаю.

— Нѣтъ? Что же въ немъ замѣчательнаго?

— Вотъ увидишь. А теперь, я думаю, намъ пора идти. — Анна Васильевна насъ, чай, дожидается. Который-то часъ?

— Третій. Пойдемъ. Какъ душно! Этотъ разговоръ во мнѣ всю кровь зажегъ. И у тебя была минута... я не даромъ артистъ: я на все замѣтливъ. Признайся, занимаетъ тебя женщина?..

Шубинъ хотѣлъ заглянуть въ лицо Берсеневу, но онъ отвернулся и вышелъ изъ-подъ липы. Шубинъ отправился вслѣдъ за нимъ, развалисто-граціозно переступая своими маленькими ножками. Берсеневъ двигался неуклюже, высоко поднималъ на ходу плечи, вытягивалъ шею: а все-таки онъ казался болѣе порядочнымъ человѣкомъ, чѣмъ Шубинъ, болѣе джентльменомъ, сказали бы мы, еслибъ это слово не было у насъ такъ опошлено.

II.

Молодые люди спустились къ Москвѣ-рѣкѣ и пошли вдоль ея берега. Отъ воды вѣяло свѣжестью, и тихій плескъ небольшихъ волнъ ласкалъ слухъ.

— Я бы опять выкупался,—заговорилъ Шубинъ: — да боюсь опоздать. Посмотри на рѣку: она словно насъ манитъ. Древніе греки въ ней признали бы нимфу. Но мы не греки, о, нимфа! мы—толстокожіе скиѳы.

— У насъ есть русалки,—замѣтилъ Берсеневъ.

— Поди ты съ своими русалками! На что мнѣ, ваятелю, эти исчадія запуганной, холодной фантазіи, эти образы, рожденные въ духотѣ избы, во мракѣ зимнихъ ночей? Мнѣ нужно свѣта, простора... Когда же, Боже мой, поѣду я въ Италію? Когда...

— То-есть, ты хочешь сказать, въ Малороссію?

— Стыдно тебѣ, Андрей Петровичъ, упрекать меня въ необдуманной глупости, въ которой я, и безъ того, горько раскаиваюсь. Ну да, я поступилъ какъ дуракъ: добрѣйшая Анна Васильевна дала мнѣ денегъ на поѣздку въ Италію, а я отправился къ хохламъ, ѣсть галушки, и...

— Не договаривай, пожалуйста,—перебилъ Берсеневъ.

— И все-таки я скажу, что эти деньги не были истра-

чены даромъ. Я увидалъ тамъ такіе типы, особенно женскіе... Конечно, я знаю: внѣ Италіи нѣтъ спасенія!

— Ты поѣдешь въ Италію,—проговорилъ Берсеневъ, не оборачиваясь къ нему:—и ничего не сдѣлаешь. Будешь все только крыльями размахивать и не полетишь. Знаемъ мы васъ!

— Ставассеръ полетѣлъ же... И не онъ одинъ. А не полечу,—значитъ, я пингуинъ морской, безъ крыльевъ. Мнѣ душно здѣсь, въ Италію хочу,—продолжалъ Шубинъ:—тамъ солнце, тамъ красота...

Молодая дѣвушка, въ широкой соломенной шляпѣ, съ розовымъ зонтикомъ на плечѣ, показалась въ это мгновеніе на тропинкѣ, по которой шли пріятели.

— Но что я вижу? И здѣсь къ намъ навстрѣчу идетъ красота! Привѣтъ смиреннаго художника очаровательной Зоѣ!—крикнулъ вдругъ Шубинъ, театрально размахнувъ шляпой.

Молодая дѣвушка, къ которой относилось это восклицаніе, остановилась, погрозила ему пальцемъ и, допустивъ до себя обоихъ пріятелей, проговорила звонкимъ голоскомъ и чуть-чуть картавя:

— Что же вы это, господа, обѣдать не идете? Столъ накрытъ.

— Что я слышу? — заговорилъ, всплеснувъ руками, Шубинъ. — Неужели вы, восхитительная Зоя, въ такую жару рѣшились идти насъ отыскивать? Такъ ли я долженъ понять смыслъ вашей рѣчи? Скажите, неужели? Или нѣтъ, лучше не произносите этого слова: раскаяніе убьетъ меня мгновенно.

— Ахъ, перестаньте, Павелъ Яковлевичъ,—возразила, не безъ досады, дѣвушка: — отчего вы никогда не говорите со мной серьезно? Я разсержусь,—прибавила она съ кокетливой ужимкой, и надула губки.

— Вы не разсердитесь на меня, идеальная Зоя Никитишна: вы не захотите повергнуть меня въ мрачную бездну изступленнаго отчаянія. А серьезно говорить я не умѣю, потому что я не серьезный человѣкъ.

Дѣвушка пожала плечомъ и обратилась къ Берсеневу.

— Вотъ онъ всегда такъ: обходится со мной какъ съ ребенкомъ; а мнѣ ужъ восемнадцать лѣтъ минуло. Я уже большая.

— О, Боже! — простоналъ Шубинъ и закатилъ глаза подъ лобъ; а Берсеневъ усмѣхнулся молча.

Дѣвушка топнула ножкой.

— Павелъ Яковлевичъ! Я разсержусь! Hélène пошла было со мною, — продолжала она:—да осталась въ саду. Ее жара испугала, но я не боюсь жары. Пойдемте.

Она отправилась впередъ по тропинкѣ, слегка раскачивая свой тонкій станъ при каждомъ шагѣ и откидывая хорошенькою ручкой, одѣтой въ черную митенку, мягкіе, длинные локоны отъ лица.

Пріятели пошли за нею (Шубинъ то безмолвно прижималъ руки къ сердцу, то поднималъ ихъ выше головы) и, нѣсколько мгновеній спустя, очутились передъ одною изъ многочисленныхъ дачъ, окружающихъ Кунцово. Небольшой деревянный домикъ съ мезониномъ, выкрашенный розовою краской, стоялъ посреди сада и какъ-то наивно выглядывалъ изъ-за зелени деревьевъ. Зоя первая отворила калитку, вбѣжала въ садъ и закричала: „привела скитальцевъ!“ Молодая дѣвушка съ блѣднымъ и выразительнымъ лицомъ поднялась со скамейки близъ дорожки, а на порогѣ дома показалась дама въ лиловомъ шелковомъ платьѣ и, поднявъ вышитый батистовый платокъ надъ головою для защиты отъ солнца, улыбнулась томно и вяло.

III.

Анна Васильевна Стахова, урожденная Шубина, семи лѣтъ осталась круглой сиротой и наслѣдницей довольно значительнаго имѣнія. У нея были родственники очень богатые и очень бѣдные; бѣдные по отцу, богатые по матери: сенаторъ Волгинъ, князья Чикурасовы. Князь Ардаліонъ Чикурасовъ, назначенный къ ней опекуномъ, помѣстилъ ее въ лучшій московскій пансіонъ, а по выходѣ ея изъ пансіона, взялъ ее къ себѣ въ домъ. Онъ жилъ открыто и давалъ зимой балы. Будущій мужъ Анны Васильевны, Николай Артемьевичъ Стаховъ, завоевалъ ее

на одномъ изъ этихъ баловъ, гдѣ она была въ „прелестномъ розовомъ платьѣ съ куафюрой изъ маленькихъ розъ". Она берегла эту куафюру... Николай Артемьевичъ Стаховъ, сынъ отставного капитана, раненаго въ двѣнадцатомъ году и получившаго доходное мѣсто въ Петербургѣ, шестнадцати лѣтъ поступилъ въ юнкерскую школу и вышелъ въ гвардію. Онъ былъ красивъ собою, хорошо сложенъ и считался едва ли не лучшимъ кавалеромъ на вечеринкахъ средней руки, которыя посѣщалъ преимущественно: въ большой свѣтъ ему не было дороги. Смолоду его занимали двѣ мечты: попасть въ флигель-адъютанты и выгодно жениться; съ первою мечтой онъ скоро разстался, но тѣмъ крѣпче держался за вторую. Вслѣдствіе этого, онъ каждую зиму ѣздилъ въ Москву. Николай Артемьевичъ порядочно говорилъ по-французски и слылъ философомъ, потому что не кутилъ. Будучи только прапорщикомъ, онъ уже любилъ настойчиво поспорить, напримѣръ, о томъ, можно ли человѣку въ теченіе всей своей жизни объѣздить весь земной шаръ, можно ли ему знать, что происходитъ на днѣ морскомъ — и всегда держался того мнѣнія, что—нельзя.

Николаю Артемьевичу минуло двадцать пять лѣтъ, когда онъ „подцѣпилъ" Анну Васильевну; онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ деревню хозяйничать. Деревенское житье ему скоро надоѣло, имѣніе же было оброчное; онъ поселился въ Москвѣ, въ домѣ жены. Въ молодости онъ ни въ какія игры не игралъ, а тутъ пристрастился къ лото, а когда запретили лото, къ ералашу. Дома онъ скучалъ; сошелся со вдовой нѣмецкаго происхожденія и проводилъ у ней почти все время. На лѣто 53 года онъ не переѣхалъ въ Кунцово: онъ остался въ Москвѣ, будто бы для того, чтобы пользоваться минеральными водами; въ сущности, ему не хотѣлось разстаться съ своею вдовой. Впрочемъ, онъ и съ ней разговаривалъ мало, а также больше спорилъ о томъ, можно ли предвидѣть погоду и т. д. Разъ кто-то назвалъ его frondeur; это названіе очень ему понравилось. „Да", думалъ онъ, самодовольно опуская углы губъ и покачиваясь,

„меня удовлетворить не легко; меня не надуешь“. Фрондерство Николая Артемьевича состояло въ томъ, что онъ услышитъ, напримѣръ, слово: нервы, и скажетъ: „а что такое нервы?“ или кто-нибудь упомянетъ при немъ объ успѣхахъ астрономіи, и онъ скажетъ: „а вы вѣрите въ астрономію?“ Когда же онъ хотѣлъ окончательно сразить противника, онъ говорилъ: „все это однѣ фразы“. Должно сознаться, что многимъ лицамъ такого рода возраженія казались (и до сихъ поръ кажутся) неопровержимыми; но Николай Артемьевичъ никакъ не подозрѣвалъ того, что Августина Христіановна въ письмахъ къ своей кузинѣ, Ѳеодолиндѣ Петерзиліусъ, называла его: Mein Pinselchen.

Жена Николая Артемьевича, Анна Васильевна, была маленькая и худенькая женщина съ тонкими чертами лица, склонная къ волненію и грусти. Въ пансіонѣ она занималась музыкой и читала романы, потомъ все это бросила: стала рядиться, и это оставила; занялась-было воспитаніемъ дочери, и тутъ ослабѣла и передала ее на руки къ гувернанткѣ; кончилось тѣмъ, что она только и дѣлала, что грустила и тихо волновалась. Рожденіе Елены Николаевны разстроило ея здоровье, и она уже не могла болѣе имѣть дѣтей; Николай Артемьевичъ намекалъ на это обстоятельство, оправдывая свое знакомство съ Августиной Христіановной. Невѣрность мужа очень огорчала Анну Васильевну; особенно больно ей было то, что онъ однажды обманомъ подарилъ своей нѣмкѣ пару сѣрыхъ лошадей съ ея, Анны Васильевны, собственнаго завода. Въ глаза она его никогда не упрекала, но украдкой жаловалась на него поочередно всѣмъ въ домѣ, даже дочери. Анна Васильевна не любила выѣзжать, ей было пріятно, когда у ней сидѣлъ гость и разсказывалъ что-нибудь; въ одиночествѣ она тотчасъ занемогала. Сердце у ней было очень любящее и мягкое: жизнь ее скоро перемолола.

Павелъ Яковлевичъ Шубинъ доводился ей троюроднымъ племянникомъ. Отецъ его служилъ въ Москвѣ. Братья его поступили въ кадетскіе корпуса; онъ былъ самый

младшій, любимецъ матери, нѣжнаго тѣлосложенія: онъ остался дома. Его назначали въ университетъ, и съ трудомъ поддерживали въ гимназіи. Съ раннихъ лѣтъ началъ онъ оказывать наклонность къ ваянію; тяжеловѣсный сенаторъ Волгинъ увидалъ однажды одну его статуэтку у его тетки (ему было тогда лѣтъ шестнадцать) и объявилъ, что намѣренъ покровительствовать юному таланту. Внезапная смерть отца Шубина чуть-было не измѣнила всей будущности молодого человѣка. Сенаторъ, покровитель талантовъ, подарилъ ему гипсовый бюстъ Гомера — и только; но Анна Васильевна помогла ему деньгами, и онъ, съ грѣхомъ пополамъ, девятнадцати лѣтъ поступилъ въ университетъ, на медицинскій факультетъ. Павелъ не чувствовалъ никакого расположенія къ медицинѣ, но, по существовавшему въ то время штату студентовъ, ни въ какой другой факультетъ поступить было невозможно; притомъ онъ надѣялся поучиться анатоміи. Но онъ не выучился анатоміи; на второй курсъ онъ не перешелъ и, дождавшись экзамена, вышелъ изъ университета съ тѣмъ, чтобы посвятиться исключительно своему призванію. Онъ трудился усердно, но урывками; скитался по окрестностямъ Москвы, лѣпилъ и рисовалъ портреты крестьянскихъ дѣвокъ, сходился съ разными лицами, молодыми и старыми, высокаго и низкаго полета, итальянскими формовщиками и русскими художниками, слышать не хотѣлъ объ академіи и не признавалъ ни одного профессора. Талантомъ онъ обладалъ положительнымъ: его начали знать по Москвѣ. Мать его, парижанка родомъ, хорошей фамиліи, добрая и умная женщина, выучила его по-французски, хлопотала и заботилась о немъ денно и нощно, гордилась имъ и, умирая еще въ молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки, упросила Анну Васильевну взять его къ себѣ на руки. Ему тогда уже пошелъ двадцать-первый годъ. Анна Васильевна исполнила ея послѣднее желаніе: онъ занималъ небольшую комнатку во флигелѣ дачи.

IV.

— Пойдемте же кушать, пойдемте, — проговорила жалостнымъ голосомъ хозяйка, и всѣ отправились въ столовую. — Сядьте подлѣ меня, Zoé, — промолвила Анна Васильевна, — а ты, Hélène, займи гостя, а ты, Paul, пожалуйста, не шали и не дразни Zoé. У меня голова болитъ сегодня.

Шубинъ опять возвелъ глаза къ небу; Zoé отвѣтила ему полу-улыбкой. Эта Zoé, или говоря точнѣе, Зоя Никитишна Мюллеръ, была миленькая, немного косенькая русская нѣмочка съ раздвоеннымъ на концѣ носикомъ и красными крошечными губками, бѣлокурая, пухленькая. Она очень не дурно пѣла русскіе романсы, чистенько разыгрывала на фортепіано разныя, то веселенькія, то чувствительныя штучки; одѣвалась со вкусомъ, но какъ-то по-дѣтски и уже слишкомъ опрятно. Анна Васильевна взяла ее въ компаньонки къ своей дочери и почти постоянно держала ее при себѣ. Елена на это не жаловалась: она рѣшительно не знала, о чемъ ей говорить съ Зоей, когда ей случалось остаться съ ней наединѣ.

Обѣдъ продолжался довольно долго; Берсеневъ разговаривалъ съ Еленой объ университетской жизни, о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ; Шубинъ прислушивался и молчалъ, ѣлъ съ преувеличенною жадностію, изрѣдка бросая комически унылые взоры на Зою, которая отвѣчала ему все тою же флегматической улыбкой. Послѣ обѣда Елена съ Берсеневымъ и Шубинымъ отправились въ садъ; Зоя посмотрѣла имъ вслѣдъ и, слегка пожавъ плечикомъ, сѣла за фортепіано. Анна Васильевна проговорила-было:

— Отчего же вы не идете тоже гулять? — но не дождавшись отвѣта, прибавила: — сыграйте мнѣ что-нибудь такое грустное...

— La dernière pensée de Weber?—спросила Зоя.

— Ахъ, да, Вебера, — промолвила Анна Васильевна, опустилась въ кресла, и слеза навернулась на ея рѣсницу.

Между тѣмъ Елена повела обоихъ пріятелей въ бесѣдку изъ акацій, съ деревяннымъ столикомъ по серединѣ и скамейками вокругъ. Шубинъ оглянулся, подпрыгнулъ нѣсколько разъ и, промолвивъ шопотомъ: „подождите!“, сбѣгалъ къ себѣ въ комнату, принесъ кусокъ глины и началъ лѣпить фигуру Зои, покачивая головой, бормоча и посмѣиваясь.

— Опять старыя шутки,—произнесла Елена, взглянувъ на его работу, и обратилась къ Берсеневу, съ которымъ продолжала разговоръ, начатый за обѣдомъ.

— Старыя шутки!—повторилъ Шубинъ.—Предметъ-то больно неистощимый! Сегодня особенно она меня изъ терпѣнія выводитъ.

— Это почему?—спросила Елена.—Подумаешь, вы говорите о какой-нибудь злой, непріятной старухѣ. Хорошенькая, молоденькая дѣвочка...

— Конечно, — перебилъ Шубинъ: — она хорошенькая, очень хорошенькая; я увѣренъ, что всякій прохожій, взглянувъ на нее, непремѣнно долженъ подумать: вотъ бы съ кѣмъ отлично... польку протанцовать; я также увѣренъ, что она это знаетъ, и что это ей пріятно... Къ чему же эти стыдливыя ужимки, эта скромность? Ну, да вамъ извѣстно, что я хочу сказать,—прибавилъ онъ сквозь зубы.—Впрочемъ, вы теперь другимъ заняты.

И, сломивъ фигуру Зои, Шубинъ принялся торопливо и словно съ досадой лѣпить и мять глину.

— И такъ, вы желали бы быть профессоромъ? — спросила Елена Берсенева.

— Да,—возразилъ тотъ, втискивая между колѣнъ свои красныя руки.—Это моя любимая мечта. Конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ недостаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго... я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ, но я надѣюсь получить позволеніе съѣздить за границу; пробуду тамъ три-четыре года, если нужно, и тогда...

Онъ остановился, потупился, потомъ быстро вскинулъ глаза и, неловко улыбаясь, поправилъ волосы. Когда

Берсеневъ говорилъ съ женщиной, рѣчь его становилась еще медлительнѣе, и онъ еще болѣе пришепетывалъ.

— Вы хотите быть профессоромъ исторіи? — спросила Елена.

— Да, или философіи, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—если это будетъ возможно.

— Онъ уже теперь силенъ, какъ чортъ, въ философіи,—замѣтилъ Шубинъ, проводя глубокія черты ногтемъ по глинѣ:—на что ему за границу ѣздить?

— И вы будете вполнѣ довольны вашимъ положеніемъ? — спросила Елена, подпершись локтемъ и глядя ему прямо въ лицо.

— Вполнѣ, Елена Николаевна, вполнѣ. Какое же можетъ быть лучшее призваніе? Помилуйте, пойти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостью и смущеніемъ, да... смущеніемъ, котораго... которое происходитъ отъ сознанія моихъ малыхъ силъ. Покойный батюшка благословилъ меня на это дѣло... Я никогда не забуду его послѣднихъ словъ.

— Вашъ батюшка скончался нынѣшнею зимой?

— Да, Елена Николаевна, въ февралѣ.

— Говорятъ,—продолжала Елена:—онъ оставилъ замѣчательное сочиненіе въ рукописи; правда ли это?

— Да, оставилъ. Это былъ чудесный человѣкъ. Вы бы полюбили его, Елена Николаевна.

— Я въ этомъ увѣрена. А какое содержаніе этого сочиненія?

— Содержаніе этого сочиненія, Елена Николаевна, передать вамъ въ немногихъ словахъ нѣсколько трудно. Мой отецъ былъ человѣкъ ученый, шеллингіанецъ, онъ употреблялъ выраженія не всегда ясныя...

— Андрей Петровичъ,—перебила его Елена:—извините мое невѣжество, что такое значитъ: шеллингіанецъ?

Берсеневъ слегка улыбнулся.

— Шеллингіанецъ, это значитъ послѣдователь Шеллинга, нѣмецкаго философа, а въ чемъ состояло ученіе Шеллинга...

— Андрей Петровичъ!—воскликнулъ вдругъ Шубинъ:—ради самого Бога! Ужъ не хочешь ли ты прочесть Еленѣ Николаевнѣ лекцію о Шеллингѣ? Пощади!

— Вовсе не лекцію, — пробормоталъ Берсеневъ и покраснѣлъ:—я хотѣлъ...

— А почему жъ бы и не лекцію,—подхватила Елена.—Намъ съ вами лекціи очень нужны, Павелъ Яковлевичъ.

Шубинъ уставился на нее, и вдругъ захохоталъ.

— Чему же вы смѣетесь? — спросила она холодно и почти рѣзко.

Шубинъ умолкъ.

— Ну полноте, не сердитесь, — промолвилъ онъ, спустя немного. — Я виноватъ. Но въ самомъ дѣлѣ, что за охота, помилуйте, теперь, въ такую погоду, подъ этими деревьями, толковать о философіи? Давайте лучше говорить о соловьяхъ, о розахъ, о молодыхъ глазахъ и улыбкахъ.

— Да; и о французскихъ романахъ, о женскихъ тряпкахъ,—продолжала Елена.

— Пожалуй, и о тряпкахъ,—возразилъ Шубинъ:—если онѣ красивы.

— Пожалуй. Но если намъ не хочется говорить о тряпкахъ? Вы величаете себя свободнымъ художникомъ, зачѣмъ же вы посягаете на свободу другихъ? И позвольте васъ спросить, при такомъ образѣ мыслей, зачѣмъ вы нападаете на Зою? Съ ней особенно удобно говорить о тряпкахъ и розахъ.

Шубинъ вдругъ вспыхнулъ и приподнялся со скамейки.

— А, вотъ какъ? — началъ онъ нервнымъ голосомъ. — Я понимаю вашъ намекъ; вы меня отсылаете къ ней, Елена Николаевна. Другими словами, я здѣсь лишній?

— Я не думала отсылать васъ отсюда.

— Вы хотите сказать, — продолжалъ запальчиво Шубинъ:—что я не стою другого общества, что я ей подъ-пару, что я такъ же пустъ, и вздоренъ, и мелокъ, какъ эта сладковатая нѣмочка? Не такъ ли-съ?

Елена нахмурила брови.

— Вы не всегда такъ о ней отзывались, Павелъ Яковлевичъ,—замѣтила она.

— А! упрекъ! упрекъ теперь! — воскликнулъ Шубинъ. — Ну да, я не скрываю, была минута, именно одна минута, когда эти свѣжія, пошлыя щечки... Но если бъ я захотѣлъ отплатить вамъ упрекомъ и напомнить вамъ... Прощайте-съ,— прибавилъ онъ вдругъ: — я готовъ завраться.

И, ударивъ рукой по слѣпленной въ видѣ головы глинѣ, онъ выбѣжалъ изъ бесѣдки и ушелъ къ себѣ въ комнату.

— Дитя,—проговорила Елена, поглядѣвъ ему вслѣдъ.

— Художникъ,— промолвилъ съ тихой улыбкой Берсеневъ.—Всѣ художники таковы. Надобно имъ прощать ихъ капризы. Это ихъ право.

— Да, — возразила Елена: — но Павелъ до сихъ поръ еще ничѣмъ не упрочилъ за собой этого права. Что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ? Дайте мнѣ руку и пойдемте по аллеѣ. Онъ помѣшалъ намъ. Мы говорили о сочиненіи вашего батюшки.

Берсеневъ взялъ руку Елены и пошелъ съ ней по саду, по начатый разговоръ, слишкомъ рано прерванный, не возобновился; Берсеневъ снова принялся излагать свои воззрѣнія на профессорское званіе, на будущую свою дѣятельность. Онъ тихо двигался рядомъ съ Еленой, неловко выступалъ, неловко поддерживалъ ея руку, изрѣдка толкалъ ее плечомъ, и ни разу не взглянулъ на нее; но рѣчь его текла легко, если не совсѣмъ свободно; онъ выражался просто и вѣрно, и въ глазахъ его, медленно блуждавшихъ по стволамъ деревьевъ, по песку дорожки, по травѣ, свѣтилось тихое умиленіе благородныхъ чувствъ, а въ успокоенномъ голосѣ слышалась радость человѣка, который сознаетъ, что ему удается высказываться передъ другимъ, дорогимъ ему человѣкомъ. Елена слушала его внимательно, и, обернувшись къ нему въ половину, не отводила взора отъ его слегка поблѣднѣвшаго лица, отъ глазъ его, дружелюбныхъ и кроткихъ, хотя избѣгавшихъ встрѣчи съ ея глазами. Душа ея раскрывалась, и что-то нѣжное,

справедливое, хорошее, не то вливалось въ ея сердце, не то вырастало въ немъ.

V.

Шубинъ не выходилъ изъ своей комнаты до самой ночи. Уже совсѣмъ стемнѣло, неполный мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ, млечный путь забѣлѣлъ и звѣзды запестрѣли, когда Берсеневъ, простившись съ Анной Васильевной, Еленой и Зоей, подошелъ къ двери своего пріятеля. Онъ нашелъ ее запертою и постучался.

— Кто тамъ?—раздался голосъ Шубина.

— Я,—отвѣчалъ Берсеневъ.

— Чего тебѣ?

— Впусти меня, Павелъ, полно капризничать; какъ тебѣ не стыдно?

— Я не капризничаю, я сплю и вижу во снѣ Зою.

— Перестань пожалуйста. Ты не ребенокъ. Впусти меня. Мнѣ нужно съ тобою поговорить.

— Ты не наговорился еще съ Еленой?

— Полно же, полно; впусти меня!

Шубинъ отвѣчалъ притворнымъ храпѣньемъ, Берсеневъ пожалъ плечами и отправился домой.

Ночь была тепла и какъ-то особенно безмолвна, точно все кругомъ прислушивалось и караулило; и Берсеневъ, охваченный неподвижною мглою, невольно останавливался и тоже прислушивался и караулилъ. Легкій шорохъ, подобный шелесту женскаго платья, поднимался по временамъ въ верхушкахъ близкихъ деревьевъ и возбуждалъ въ Берсеневѣ ощущеніе сладкое и жуткое, ощущеніе полустраха. Мурашки пробѣгали по его щекамъ, глаза холодѣли отъ мгновенной слезы: ему бы хотѣлось выступать совсѣмъ неслышно, прятаться, красться. Рѣзкій вѣтерокъ набѣжалъ на него сбоку: онъ чуть-чуть вздрогнулъ и замеръ на мѣстѣ; сонный жукъ свалился съ вѣтки и стукнулся о дорогу; Берсеневъ тихо воскликнулъ: а! и опять остановился. Но онъ началъ думать о Еленѣ, и всѣ эти мимолетныя ощущенія исчезли разомъ: оставалось одно живительное впечатлѣніе ночной свѣжести и ноч-

ной прогулки; всю душу его занялъ образъ молодой дѣвушки. Берсеневъ шелъ, потупя голову, и припоминалъ ея слова, ея вопросы. Топотъ быстрыхъ шаговъ почудился ему сзади. Онъ приникъ ухомъ: кто-то бѣжалъ, кто-то догонялъ его; послышалось прерывистое дыханіе, и вдругъ передъ нимъ, изъ чернаго круга тѣни, падавшей отъ большого дерева, безъ шапки на растрепанныхъ волосахъ, весь блѣдный при свѣтѣ луны, вынырнулъ Шубинъ.

— Я радъ, что ты пошелъ по этой дорогѣ, — съ трудомъ проговорилъ онъ: — я бы всю ночь не заснулъ, если бъ я не догналъ тебя. Дай мнѣ руку. Вѣдь ты домой идешь?

— Домой.

— Я тебя провожу.

— Да какъ же ты пойдешь безъ шапки?

— Ничего. Я и галстукъ снялъ. Теперь тепло.

Пріятели сдѣлали нѣсколько шаговъ.

— Не правда ли, я былъ очень глупъ сегодня?—спросилъ внезапно Шубинъ.

— Откровенно говоря, да. Я тебя понять не могъ. Я тебя такимъ никогда не видалъ. И отъ чего ты разсердился, помилуй! Изъ-за какихъ пустяковъ?

— Гмъ, — промычалъ Шубинъ. — Вотъ какъ ты выражаешься, а мнѣ не до пустяковъ. Видишь ли, — прибавилъ онъ: — я долженъ тебѣ замѣтить, что я... что... Думай обо мнѣ, что хочешь... я... ну, да! я влюбленъ въ Елену.

— Ты влюбленъ въ Елену! — повторилъ Берсеневъ, и остановился.

— Да, — съ принужденною небрежностью продолжалъ Шубинъ. — Это тебя удивляетъ? Скажу тебѣ болѣе. До нынѣшняго вечера я могъ надѣяться, что и она со временемъ меня полюбитъ. Но сегодня я убѣдился, что мнѣ надѣяться нечего. Она полюбила другого.

— Другого? кого же?

— Кого? Тебя!—воскликнулъ Шубинъ и ударилъ Берсенева по плечу.

— Меня!

— Тебя,—повторилъ Шубинъ.

Берсеневъ отступилъ шагъ назадъ и остался неподвиженъ. Шубинъ зорко посмотрѣлъ на него.

— И это тебя удивляетъ? Ты скромный юноша. Но она тебя любитъ. На этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ.

— Что за вздоръ ты мелешь!—произнесъ наконецъ съ досадой Берсеневъ.

— Нѣтъ, не вздоръ. А впрочемъ, что же мы стоимъ? Пойдемъ впередъ. На ходу легче. Я ее давно знаю, и хорошо ее знаю. Я не могу ошибиться. Ты пришелся ей по-сердцу. Было время, я ей нравился: но, во-первыхъ, я для нея слишкомъ легкомысленный молодой человѣкъ, а ты существо серьезное, ты нравственно и физически опрятная личность, ты... постой, я не кончилъ, ты добросовѣстно-умѣренный энтузіастъ, истый представитель тѣхъ жрецовъ науки, которыми,—нѣтъ, не которыми,—*коими* столь справедливо гордится классъ средняго русскаго дворянства! А, во-вторыхъ, Елена на-дняхъ застала меня цѣлующимъ руки у Зои!

— У Зои?

— Да, у Зои. Что прикажешь дѣлать? У нея плечи такъ хороши.

— Плечи?

— Ну да, плечи, руки, не все ли равно? Елена застала меня посреди этихъ свободныхъ занятій послѣ обѣда, а передъ обѣдомъ я въ ея присутствіи бранилъ Зою. Елена, къ сожалѣнію, не понимаетъ всей естественности подобныхъ противорѣчій. Тутъ *ты* подвернулся: ты вѣришь... во что-бишь, ты вѣришь?.. ты краснѣешь, смущаешься, тоскуешь о Шиллерѣ, о Шеллингѣ (она же все отыскиваетъ замѣчательныхъ людей), вотъ ты и побѣдилъ, а я, несчастный, стараюсь шутить... и... между тѣмъ...

Шубинъ вдругъ заплакалъ, отошелъ въ сторону, присѣлъ на землю и схватилъ себя за волосы.

Берсеневъ приблизился къ нему.

— Павелъ,—началъ онъ:—что это за дѣтство? Помилуй! Что съ тобою сегодня? Богъ знаетъ, какой вздоръ взбрелъ тебѣ въ голову, и ты плачешь. Мнѣ, право, кажется, что ты притворяешься.

Шубинъ поднялъ голову. Слезы блистали на его щекахъ въ лучахъ луны, но лицо его улыбалось.

— Андрей Петровичъ,—заговорилъ онъ:—ты можешь думать обо мнѣ, что тебѣ угодно. Я даже готовъ согласиться, что у меня теперь истерика, но я, ей-Богу, влюбленъ въ Елену, и Елена тебя любитъ. Впрочемъ, я обѣщалъ проводить тебя до дому, и сдержу свое обѣщаніе.

Онъ всталъ.

— Какая ночь! серебристая, темная, молодая! Какъ хорошо теперь тѣмъ, кого любятъ! Какъ имъ весело не спать! Ты будешь спать, Андрей Петровичъ?

Берсеневъ ничего не отвѣчалъ и ускорилъ шаги.

— Куда ты торопишься?—продолжалъ Шубинъ.—Повѣрь моимъ словамъ, такой ночи въ твоей жизни не повторится, а дома ждетъ тебя Шеллингъ. Правда, онъ сослужилъ тебѣ сегодня службу; но ты все-таки не спѣши. Пой, если умѣешь, пой еще громче; если не умѣешь—сними шляпу, закинь голову и улыбайся звѣздамъ. Онѣ всѣ на тебя смотрятъ, на одного тебя: звѣзды только и дѣлаютъ, что смотрятъ на влюбленныхъ людей,—оттого онѣ такъ прелестны. Вѣдь ты влюбленъ, Андрей Петровичъ?.. Ты не отвѣчаешь мнѣ... Отчего ты не отвѣчаешь?—заговорилъ опять Шубинъ.—О, если ты чувствуешь себя счастливымъ, молчи, молчи! Я болтаю, потому что я горемыка, я нелюбимый, я фокусникъ, артистъ, фигляръ; но какіе безмолвные восторги пилъ бы я въ этихъ ночныхъ струяхъ, подъ этими звѣздами, подъ этими алмазами, если бъ я зналъ, что меня любятъ!.. Берсеневъ, ты счастливъ?

Берсеневъ попрежнему молчалъ и быстро шелъ по ровной дорогѣ. Впереди, между деревьями, замелькали огни деревеньки, въ которой онъ жилъ; она вся состояла изъ десятка небольшихъ дачъ. При самомъ ея началѣ, направо отъ дороги, подъ двумя развѣсистыми березами, находи-

лась мелочная лавочка; окна въ ней уже были всѣ заперты, но широкая полоса свѣта падала вѣеромъ изъ растворенной двери на притоптанную траву и била вверхъ по деревьямъ, рѣзко озаряя бѣловатую изнанку сплошныхъ листьевъ. Дѣвушка, съ виду горничная, стояла въ лавкѣ спиной къ порогу и торговалась съ хозяиномъ: изъподъ краснаго платка, который она накинула себѣ на голову и придерживала обнаженной рукой у подбородка, едва виднѣлась ея круглая щечка и тонкая шейка. Молодые люди вступили въ полосу свѣта, Шубинъ глянулъ во внутренность лавки, остановился и кликнулъ: „Аннушка!“ Дѣвушка живо обернулась. Показалось миловидное, немножко широкое, но свѣжее лицо съ веселыми карими глазами и черными бровями. „Аннушка!“ повторилъ Шубинъ. Дѣвушка всмотрѣлась въ него, испугалась, застыдилась—и, не кончивъ покупки, спустилась съ крылечка, проворно скользнула мимо и, чуть-чуть озираясь, пошла чрезъ дорогу, налѣво. Лавочникъ, человѣкъ пухлый и равнодушный ко всему на свѣтѣ, какъ всѣ загородные мелочные торговцы, крякнулъ и зѣвнулъ ей вслѣдъ, а Шубинъ обратился къ Берсеневу со словами: „это... это, вотъ видишь... тутъ есть у меня знакомое семейство... такъ это у нихъ... ты не подумай“... и не докончивъ рѣчи, побѣжалъ за уходившею дѣвушкой.

— Утри, по крайней мѣрѣ, свои слезы,—крикнулъ ему Берсеневъ, и не могъ удержаться отъ смѣха. Но когда онъ вернулся домой, на лицѣ его не было веселаго выраженія; онъ не смѣялся болѣе. Онъ ни на одно мгновеніе не повѣрилъ тому, что сказалъ ему Шубинъ, но слово, имъ произнесенное, запало глубоко ему въ душу. „Павелъ меня дурачилъ“, думалъ онъ... „но она когда-нибудь полюбитъ... Кого полюбитъ она?“

У Берсенева въ комнатѣ стояло фортепіано, небольшое и не новое, но съ мягкимъ и пріятнымъ, хотя не совсѣмъ чистымъ тономъ. Берсеневъ присѣлъ къ нему и началъ брать аккорды. Какъ всѣ русскіе дворяне, онъ въ молодости учился музыкѣ, и, какъ почти всѣ русскіе дворяне, игралъ очень плохо; но онъ страстно любилъ музыку.

Собственно говоря, онъ любилъ въ ней не искусство, не формы, въ которыхъ она выражается (симфоніи и сонаты, даже оперы наводили на него уныніе), а ея стихію: любилъ тѣ смутныя и сладкія, безпредметныя и всеобъемлющія ощущенія, которыя возбуждаются въ душѣ сочетаніемъ и переливами звуковъ. Болѣе часа не отходилъ онъ отъ фортепіано, много разъ повторяя одни и тѣ же аккорды, неловко отыскивая новые, останавливаясь и замирая на уменьшенныхъ септимахъ. Сердце въ немъ ныло, и глаза не однажды наполнялись слезами. Онъ не стыдился ихъ: онъ проливалъ ихъ въ темнотѣ. „Правъ Павелъ", думалъ онъ, „я предчувствую: этотъ вечеръ не повторится". Наконецъ онъ всталъ, зажегъ свѣчку, накинулъ халатъ, досталъ съ полки второй томъ *Исторіи Гогенштауфеновъ, Раумера* — и, вздохнувъ раза два, прилежно занялся чтеніемъ.

VI.

Между тѣмъ Елена вернулась въ свою комнату, сѣла передъ раскрытымъ окномъ и оперлась головой на руки. Проводить каждый вечеръ около четверти часа у окна своей комнаты вошло у ней въ привычку. Она бесѣдовала сама съ собою въ это время, отдавала себѣ отчетъ въ протекшемъ днѣ. Ей недавно минулъ двадцатый годъ. Росту она была высокаго, лицо имѣла блѣдное и смуглое, большіе сѣрые глаза подъ круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лобъ и носъ совершенно прямые, сжатый ротъ и довольно острый подбородокъ. Ея темно-русая коса спускалась низко на тонкую шею. Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и неровномъ, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словомъ, что-то такое, что не могло всѣмъ нравиться, что даже отталкивало иныхъ. Руки у ней были узкія, розовыя, съ длинными пальцами, ноги тоже узкія; она ходила быстро, почти стремительно, немного наклоняясь впередъ. Она росла очень странно;

сперва обожала отца, потомъ страстно привязалась къ матери, и охладѣла къ обоимъ, особенно къ отцу. Въ послѣднее время она обходилась съ матерью, какъ съ больною бабушкой; а отецъ, который гордился ею, пока она слыла за необыкновеннаго ребенка, сталъ ея бояться, когда она выросла, и говорилъ о ней, что она какая-то восторженная республиканка, Богъ знаетъ въ кого! Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала „во вѣки вѣковъ“; требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали, самыя молитвы не разъ мѣшались съ укоромъ. Стоило человѣку потерять ея уваженіе, — а судъ произносила она скоро, часто слишкомъ скоро, — и ужъ онъ переставалъ существовать для нея. Всѣ впечатлѣнія рѣзко ложились въ ея душу: не легко давалась ей жизнь.

Гувернантка, которой Анна Васильевна поручила докончить воспитаніе своей дочери,—воспитаніе, замѣтимъ въ скобкахъ, даже не начатое скучавшей барыней,—была изъ русскихъ, дочь разорившагося взяточника, институтка, очень чувствительное, доброе и лживое существо; она то-и-дѣло влюблялась и кончила тѣмъ, что въ пятидесятомъ году (когда Еленѣ минуло семнадцать лѣтъ) вышла замужъ за какого-то офицера, который тутъ же ее и бросилъ. Гувернантка эта очень любила литературу и сама пописывала стишки; она пріохотила Елену къ чтенію, но чтеніе одно ея не удовлетворяло: она съ дѣтства жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра; нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала объ нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ; милостыню она подавала заботливо, съ невольною важностью, почти съ волненіемъ. Всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады, находили въ Еленѣ покровительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими. Мать не мѣшала ей, зато отецъ очень негодовалъ на свою дочь, за ея, какъ онъ выражался, пошлое нѣжничанье, и увѣрялъ, что отъ собакъ да кошекъ въ домѣ ступить негдѣ. „Леночка“,

кричалъ онъ ей бывало: „иди скорѣй, паукъ муху сосетъ, освобождай несчастную!“ И Леночка, вся встревоженная, прибѣгала, освобождала муху, расклеивала ей лапки. „Ну, теперь дай себя покусать, коли ты такая добрая“, иронически замѣчалъ отецъ; но она его не слушала. На десятомъ году, Елена познакомилась съ нищею дѣвочкой, Катей, и тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривенники — игрушекъ Катя не брала. Она садилась съ ней рядомъ на сухую землю, въ глуши, за кустомъ крапивы; съ чувствомъ радостнаго смиренія ѣла ея черствый хлѣбъ, слушала ея разсказы. У Кати была тетка, злая старуха, которая ее часто била; Катя ее ненавидѣла и все говорила о томъ, какъ она убѣжитъ отъ тетки, какъ будетъ жить на *всей Божьей волѣ*; съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ внимала Елена этимъ невѣдомымъ, новымъ словамъ, пристально смотрѣла на Катю, и все въ ней тогда—ея черные, быстрые, почти звѣриные глаза, ея загорѣлыя руки, глухой голосокъ, даже ея изорванное платье — казалось Еленѣ чѣмъ-то особеннымъ, чуть не священнымъ. Елена возвращалась домой и долго потомъ думала о нищихъ, о Божьей волѣ; думала о томъ, какъ она вырѣжетъ себѣ орѣховую палку, и сумку надѣнетъ, и убѣжитъ съ Катей, какъ она будетъ скитаться по дорогамъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ: она однажды видѣла Катю въ такомъ вѣнкѣ. Входилъ ли въ это время кто-нибудь изъ родныхъ въ комнату, она дичилась и глядѣла букой. Однажды она въ дождь бѣгала на свиданье съ Катей и запачкала себѣ платье: отецъ увидалъ ее и назвалъ замарашкой, крестьянкой. Она вспыхнула вся—и страшно, и чудно стало ей на сердцѣ. Катя часто напѣвала какую-то полудикую, солдатскую пѣсенку; Елена выучилась у ней этой пѣсенкѣ... Анна Васильевна подслушала ее и пришла въ негодованіе.

— Откуда ты набралась этой мерзости?—спросила она свою дочь.

Елена только посмотрѣла на мать и ни слова не сказала: она почувствовала, что скорѣе позволитъ растерзать себя на части, чѣмъ выдастъ свою тайну, и опять стало ей и

страшно, и сладко на сердцѣ. Впрочемъ, знакомство ея съ Катей продолжалось не долго; бѣдная дѣвочка занемогла горячкой и черезъ нѣсколько дней умерла.

Елена очень тосковала и долго по ночамъ заснуть не могла, когда узнала о смерти Кати. Послѣднія слова нищей дѣвочки безпрестанно звучали у ней въ ушахъ и ей самой казалось, что ее зовутъ...

А годы шли да шли; быстро и не слышно, какъ подснѣжныя воды, протекала молодость Елены, въ бездѣйствіи внѣшнемъ, во внутренней борьбѣ и тревогѣ. Подругъ у ней не было: изо всѣхъ дѣвицъ, посѣщавшихъ домъ Стаховыхъ, она не сошлась ни съ одной. Родительская власть никогда не тяготѣла надъ Еленой, а съ шестнадцатилѣтняго возраста она стала почти совсѣмъ независима; она зажила собственною своею жизнію, но жизнію одинокою. Ея душа и разгоралась, и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было: никто не стѣснялъ ея, никто ея не удерживалъ, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя. Все, что̀ окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. „Какъ жить безъ любви? а любить некого!“ думала она, и страшно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній. Восемнадцати лѣтъ она чуть не умерла отъ злокачественной лихорадки; потрясенный до основанія, весь ея организмъ, отъ природы здоровый и крѣпкій, долго не могъ справиться: послѣдніе слѣды болѣзни исчезли наконецъ, но отецъ Елены Николаевны все не безъ озлобленія толковалъ объ ея нервахъ. Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи. Потомъ она утихала, даже смѣялась надъ собой, безпечно проводила день за днемъ, но внезапно что-то сильное, безымянное, съ чѣмъ она совладѣть не умѣла, такъ и закипало въ ней, такъ и просилось вырваться наружу. Гроза проходила, опускались усталыя, не взлетѣвшія крылья; но эти порывы не обходились ей даромъ. Какъ она ни старалась не выдать того, что̀ въ ней происходило, тоска взволнованной души сказывалась

въ самомъ ея наружномъ спокойствіи, и родные ея часто были въ правѣ пожимать плечами, удивляться и не понимать ея „странностей“.

Въ день, съ котораго начался нашъ разсказъ, Елена дольше обыкновеннаго не отходила отъ окна. Она много думала о Берсеневѣ, о своемъ разговорѣ съ нимъ. Онъ ей нравился; она вѣрила теплотѣ его чувствъ, чистотѣ его намѣреній. Онъ никогда еще такъ не говорилъ съ ней, какъ въ тотъ вечеръ. Она вспомнила выраженіе его несмѣлыхъ глазъ, его улыбки—и сама улыбнулась и задумалась, но уже не о немъ. Она принялась глядѣть въ „ночь“ черезъ открытое окно. Долго глядѣла она на темное, низко-нависшее небо; потомъ она встала, движеніемъ головы откинула отъ лица волосы и, сама не зная зачѣмъ, протянула къ нему, къ этому небу, свои обнаженныя, похолодѣвшія руки; потомъ она ихъ уронила, стала на колѣни передъ своею постелью, прижалась лицомъ къ подушкѣ и, несмотря на всѣ свои усилія не поддаться нахлынувшему на нее чувству, заплакала какими-то странными, недоумѣвающими, но жгучими слезами.

VII.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Берсеневъ отправился на обратномъ извозчикѣ въ Москву. Ему нужно было получить съ почты деньги, купить кое-какія книги, да кстати ему хотѣлось повидаться съ Инсаровымъ и переговорить съ нимъ. Берсеневу, во время послѣдней бесѣды съ Шубинымъ, пришла мысль пригласить Инсарова къ себѣ на дачу. Но онъ не скоро отыскалъ его: съ прежней своей квартиры онъ переѣхалъ на другую, до которой добраться было нелегко: она находилась на заднемъ дворѣ безобразнаго каменнаго дома, построеннаго на петербургскій манеръ между Арбатомъ и Поварской. Тщетно Берсеневъ скитался отъ одного грязнаго крылечка къ другому, тщетно взывалъ то къ дворнику, то къ „кому-нибудь“. Дворники и въ Петербургѣ стараются избѣгать взоровъ посѣтителей, а въ Москвѣ подавно: никто не откликнулся Берсеневу; только любопытный портной, въ одномъ жи-

летѣ и съ моткомъ сѣрыхъ нитокъ на плечѣ, выставилъ молча изъ высокой форточки свое тусклое и небритое лицо съ подбитымъ глазомъ, да черная безрогая коза, взобравшаяся на навозную кучу, обернулась, проблеяла жалобно и проворнѣе прежняго зажевала свою жвачку. Какая-то женщина въ старомъ салопѣ и стоптанныхъ сапогахъ сжалилась, наконецъ, надъ Берсеневымъ и указала ему квартиру Инсарова. Берсеневъ засталъ его дома. Онъ нанималъ комнату у самаго того портного, который столь равнодушно взиралъ изъ форточки на затрудненіе забредшаго человѣка,—большую, почти совсѣмъ пустую комнату съ темнозелеными стѣнами, тремя квадратными окнами, крошечною кроваткой въ одномъ углу, кожанымъ диванчикомъ въ другомъ и громадной клѣткой, подвѣшенной подъ самый потолокъ; въ этой клѣткѣ когда-то жилъ соловей. Инсаровъ пошелъ навстрѣчу Берсеневу, какъ только тотъ переступилъ порогъ дверей, но не воскликнулъ: „а, это вы!“ или: „ахъ, Боже мой! какими судьбами?“ не сказалъ даже: „здравствуйте“, а просто стиснулъ ему руку и подвелъ его къ единственному, находившемуся въ комнатѣ, стулу.

— Сядьте, — сказалъ онъ, и самъ присѣлъ на край стола.

— У меня, вы видите, еще безпорядокъ, — прибавилъ Инсаровъ, указывая на груду бумагъ и книгъ на полу:— еще не обзавелся, какъ должно. Некогда еще было.

Инсаровъ говорилъ по-русски совершенно правильно, крѣпко и чисто произнося каждое слово; но его гортанный, впрочемъ пріятный голосъ звучалъ чѣмъ-то не русскимъ. Иностранное происхожденіе Инсарова (онъ былъ болгаръ родомъ) еще яснѣе сказывалось въ его наружности: это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, худощавый и жилистый, съ впалою грудью, съ узловатыми руками; черты лица имѣлъ онъ рѣзкія, носъ съ горбиной, изсиня-черные, прямые волосы, небольшой лобъ, небольшіе, пристально глядѣвшіе, углубленные глаза, густыя брови, когда онъ улыбался, прекрасные бѣлые зубы показывались на мигъ изъ-подъ тонкихъ, жесткихъ, слишкомъ

отчетливо очерченныхъ, губъ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, но опрятный сюртучокъ, застегнутый до верху.

— Зачѣмъ вы съ прежней вашей квартиры съѣхали?— спросилъ его Берсеневъ.

— Эта дешевле; къ университету ближе.

— Да вѣдь теперь вакаціи... И что вамъ за охота жить въ городѣ лѣтомъ! Наняли бы дачу, коли ужъ рѣшились переѣзжать.

Инсаровъ ничего не отвѣчалъ на это замѣчаніе и предложилъ Берсеневу трубку, промолвивъ: „извините, папиросъ и сигаръ не имѣю".

Берсеневъ закурилъ трубку.

— Вотъ я, — продолжалъ онъ: — нанялъ себѣ домикъ возлѣ Кунцова. Очень дешево и очень удобно. Такъ что даже лишняя есть комната наверху.

Инсаровъ опять ничего не отвѣчалъ.

Берсеневъ затянулся.

— Я даже думалъ,—заговорилъ онъ снова, выпуская дымъ тонкою струей:—что если бы, напримѣръ, нашелся кто-нибудь... вы, напримѣръ, такъ думалъ я... который бы захотѣлъ... который бы согласился помѣститься у меня тамъ наверху... какъ бы это хорошо было! Какъ вы полагаете, Дмитрій Никанорычъ?

Инсаровъ вскинулъ на него свои небольшіе глазки.

— Вы мнѣ предлагаете жить у васъ на дачѣ?

— Да; у меня наверху тамъ есть лишняя комната.

— Очень вамъ благодаренъ, Андрей Петровичъ; но я полагаю, средства мои мнѣ не позволяютъ.

— То-есть, какъ же не позволяютъ?

— Не позволяютъ жить на дачѣ. Мнѣ двѣ квартиры держать невозможно.

— Да вѣдь я...—началъ-было Берсеневъ и остановился.— Вамъ отъ этого никакихъ лишнихъ расходовъ бы не было,—продолжалъ онъ.—Здѣшняя квартира осталась бы, положимъ, за вами; зато тамъ все очень дешево; можно бы даже такъ устроиться, чтобъ обѣдать, напримѣръ, вмѣстѣ.

Инсаровъ молчалъ. Берсеневу стало неловко.

— По крайней мѣрѣ, навѣстите меня когда-нибудь,— началъ онъ, погодя немного.—Отъ меня въ двухъ шагахъ живетъ семейство, съ которымъ мнѣ очень хочется васъ познакомить. Какая тамъ есть чудная дѣвушка, если бы вы знали, Инсаровъ! Тамъ также живетъ одинъ мой близкій пріятель, человѣкъ съ большимъ талантомъ; я увѣренъ, что вы съ нимъ сойдетесь. (Русскій человѣкъ любитъ потчивать—коли нечѣмъ инымъ, такъ своими знакомыми.)—Право, пріѣзжайте. А еще лучше, переселяйтесь къ намъ, право. Мы бы могли вмѣстѣ работать, читать... Я, вы знаете, занимаюсь исторіей, философіей. Все это васъ интересуетъ, у меня книгъ много.

Инсаровъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Позвольте узнать,—спросилъ онъ, наконецъ:—сколько вы платите за вашу дачу?

— Сто рублей серебромъ.

— А сколько въ ней комнатъ?

— Пять.

— Стало-быть, по расчету, приходилось бы за одну комнату двадцать рублей?

— По расчету... Да помилуйте, она мнѣ совсѣмъ не нужна. Просто, стоитъ пустая.

— Можетъ-быть; но послушайте,—прибавилъ Инсаровъ съ рѣшительнымъ и въ то же время простодушнымъ движеніемъ головы.—Я только въ такомъ случаѣ могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ, если вы согласитесь взять съ меня деньги по расчету. Двадцать рублей дать я въ силахъ, тѣмъ болѣе, что, по вашимъ словамъ, я буду тамъ дѣлать экономію на всемъ прочемъ.

— Разумѣется; но право же мнѣ совѣстно.

— Иначе нельзя, Андрей Петровичъ.

— Ну, какъ хотите; только какой же вы упрямый!

Инсаровъ опять ничего не отвѣтилъ.

Молодые люди условились насчетъ дня, въ который Инсаровъ долженъ былъ переселиться. Позвали хозяина; но онъ сперва прислалъ свою дочку, дѣвочку лѣтъ семи, съ огромнымъ пестрымъ платкомъ на головѣ; она внимательно, чуть не съ ужасомъ, выслушала все, что ей ска-

залъ Инсаровъ, и ушла молча; вслѣдъ за ней появилась ея мать, беременная на сносѣ, тоже съ платкомъ на головѣ, только крошечнымъ. Инсаровъ объяснилъ ей, что онъ переѣзжаетъ на дачу возлѣ Кунцова, но оставляетъ квартиру за собой и поручаетъ ей всѣ свои вещи; портниха тоже словно испугалась и удалилась. Наконецъ, пришелъ хозяинъ; этотъ сначала какъ-будто все понялъ и только задумчиво проговорилъ: „возлѣ Кунцова?“ а потомъ вдругъ отперъ дверь и закричалъ: „За вами, штоль, фатера?“ Инсаровъ его успокоилъ. „Потому, надо знать“, повторилъ портной сурово и скрылся.

Берсеневъ отправился во-свояси, очень довольный успѣхомъ своего предложенія. Инсаровъ проводилъ его до двери съ любезною, въ Россіи мало употребительною вѣжливостью, и, оставшись одинъ, бережно снялъ сюртукъ и занялся раскладываніемъ своихъ бумагъ.

VIII.

Вечеромъ того же дня, Анна Васильевна сидѣла въ своей гостиной и собиралась плакать. Кромѣ ея, въ комнатѣ находился ея мужъ, да еще нѣкто Уваръ Ивановичъ Стаховъ, троюродный дядя Николая Артемьевича, отставной корнетъ лѣтъ шестидесяти, человѣкъ тучный до неподвижности, съ сонливыми желтыми глазками и безцвѣтными толстыми губами на желтомъ пухломъ лицѣ. Онъ съ самой отставки постоянно жилъ въ Москвѣ процентами съ небольшого капитала, оставленнаго ему женой изъ купчихъ. Онъ ничего не дѣлалъ и наврядъ ли думалъ, а если и думалъ, такъ берегъ свои думы про себя. Разъ только въ жизни онъ пришелъ въ волненіе и оказалъ дѣятельность, а именно: онъ прочелъ въ газетахъ о новомъ инструментѣ на всемірной лондонской выставкѣ: „контробомбардонѣ“ и пожелалъ выписать себѣ этотъ инструментъ, даже спрашивалъ, куда послать деньги и чрезъ какую контору? Уваръ Ивановичъ носилъ просторный сюртукъ табачнаго цвѣта и бѣлый платокъ на шеѣ, ѣлъ часто и много, и только въ затруднительныхъ случаяхъ, то-есть всякій разъ, когда ему приходилось выра-

зить какое-либо мнѣніе, судорожно двигалъ пальцами правой руки по воздуху, сперва отъ большого пальца къ мизинцу, потомъ отъ мизинца къ большому пальцу, съ трудомъ приговаривая: „надо бы... какъ-нибудь, того...“

Уваръ Ивановичъ сидѣлъ въ креслахъ возлѣ окна и дышалъ напряженно, Николай Артемьевичъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы; лицо его выражало неудовольствіе.

Онъ остановился, наконецъ, и покачалъ головой.

— Да, — началъ онъ: — въ наше время молодые люди были иначе воспитаны. Молодые люди не позволяли себѣ манкировать старшимъ. (Онъ произнесъ: *ман*, въ носъ, по-французски.) А теперь я только гляжу и удивляюсь. Можетъ-быть, не правъ *я*, а они правы; можетъ-быть. Но все же у меня есть свой взглядъ на вещи: не олухомъ же я родился. Какъ вы объ этомъ думаете, Уваръ Ивановичъ?

Уваръ Ивановичъ только поглядѣлъ на него и поигралъ пальцами.

— Елену Николаевну, напримѣръ,—продолжалъ Николай Артемьевичъ: — Елену Николаевну я не понимаю, точно. Я для нея не довольно возвышенъ. Ея сердце такъ обширно, что обнимаетъ всю природу, до малѣйшаго таракана или лягушки, словомъ, все, за исключеніемъ роднаго отца. Ну, прекрасно; я это знаю и ужъ не суюсь. Потому тутъ и нервы, и ученость, и паренье въ небеса, это все не по нашей части. Но г. Шубинъ... положимъ, онъ артистъ удивительный, необыкновенный, я объ этомъ не спорю; однако манкировать старшему, человѣку, которому онъ все-таки, можно сказать, обязанъ многимъ, — это я, признаюсь, dans mon gros bon sens допустить не могу. Я отъ природы не взыскателенъ, пѣтъ, но всему есть мѣра.

Анна Васильевна позвонила съ волненіемъ. Вошелъ казачокъ.

— Что-жъ Павелъ Яковлевичъ не идетъ,—проговорила она.—Что это, я его дозваться не могу?

Николай Артемьевичъ пожалъ плечами.

— Да на что, помилуйте, вы хотите его позвать? Я этого вовсе не требую, не желаю даже.

— Какъ на что, Николай Артемьевичъ? Онъ васъ обезпокоилъ; можетъ-быть, помѣшалъ курсу вашего лѣченія. Я хочу объясниться съ нимъ. Я хочу знать, чѣмъ онъ могъ васъ прогнѣвать.

— Я вамъ повторяю, что я этого не требую. И что за охота... devant les domestiques...

Анна Васильевна слегка покраснѣла.

— Напрасно вы это говорите, Николай Артемьевичъ. Я никогда... devant... les domestiques... Ступай, Ѳедюшка, да смотри, сейчасъ приведи сюда Павла Яковлевича.

Казачокъ вышелъ.

— И нисколько это все не нужно,—проговорилъ сквозь зубы Николай Артемьевичъ, и снова принялся шагать по комнатѣ.—Я совсѣмъ не къ тому рѣчь велъ.

— Помилуйте, Paul долженъ извиниться передъ вами.

— Помилуйте, на что мнѣ его извиненія? И что такое извиненія? Это все фразы.

— Какъ на что? его вразумить надо.

— Вразумите его вы сами. Онъ васъ скорѣй послушаетъ. А я на него не въ претензіи.

— Нѣтъ, Николай Артемьевичъ, вы сегодня съ самаго вашего пріѣзда не въ духѣ. Вы даже на мои глаза похудѣли въ послѣднее время. Я боюсь, что курсъ лѣченія вамъ не помогаетъ.

— Курсъ лѣченія мнѣ необходимъ,—замѣтилъ Николай Артемьевичъ:—у меня печень не въ порядкѣ.

Въ это мгновеніе вошелъ Шубинъ. Онъ казался усталымъ. Легкая, чуть-чуть насмѣшливая улыбка играла на его губахъ.

— Вы меня спрашивали, Анна Васильевна? — промолвилъ онъ.

— Да, конечно, спрашивала. Помилуй, Paul, это ужасно. Я тобой очень недовольна. Какъ ты можешь манкировать Николаю Артемьевичу?

— Николай Артемьевичъ вамъ жаловался на меня? —

спросилъ Шубинъ и съ тою же усмѣшкой на губахъ глянулъ на Стахова.

Тотъ отвернулся и опустилъ глаза.

— Да, жаловался. Я не знаю, чѣмъ ты передъ нимъ провинился, но ты долженъ сейчасъ извиниться, потому что его здоровье очень теперь разстроено, и наконецъ мы всѣ въ молодыхъ лѣтахъ должны уважать своихъ благодѣтелей.

„Эхъ, логика!“ подумалъ Шубинъ и обратился къ Стахову:

— Я готовъ извиниться передъ вами, Николай Артемьевичъ,—проговорилъ онъ съ учтивымъ полупоклономъ:—если я васъ точно чѣмъ-нибудь обидѣлъ.

— Я вовсе... не съ тѣмъ,—возразилъ Николай Артемьевичъ, попрежнему избѣгая взоровъ Шубина. — Впрочемъ, я охотно васъ прощаю, потому что, вы знаете, я невзыскательный человѣкъ.

— О, это не подвержено никакому сомнѣнію! — промолвилъ Шубинъ. — Но позвольте полюбопытствовать: извѣстно ли Аннѣ Васильевнѣ, въ чемъ именно состоитъ моя вина?

— Нѣтъ, я ничего не знаю,—замѣтила Анна Васильевна и вытянула шею.

— О, Боже мой! — торопливо воскликнулъ Николай Артемьевичъ: — сколько разъ ужъ я просилъ, умолялъ, сколько разъ говорилъ, какъ мнѣ противны всѣ эти объясненія и сцены! Въ кои-то вѣки пріѣдешь домой, хочешь отдохнуть, — говорятъ: семейный кругъ, intérieur, будь семьяниномъ;—а тутъ сцены, непріятности. Минуты нѣтъ покоя. Поневолѣ поѣдешь въ клубъ или... или куда-нибудь. Человѣкъ живой, у него физика, она имѣетъ свои требованія, а тутъ...

И не докончивъ начатой рѣчи, Николай Артемьевичъ быстро вышелъ вонъ и хлопнулъ дверью. Анна Васильевна посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Въ клубъ?— горько прошептала она: — не въ клубъ вы ѣдете, вѣтреникъ! Въ клубѣ некому дарить лошадей собственнаго завода — да еще сѣрыхъ! Любимой моей

масти. Да, да, легкомысленный человѣкъ,—прибавила она, возвысивъ голосъ:—не въ клубъ вы ѣдете. А ты, Paul,—продолжала она вставая:—какъ тебѣ не стыдно? Кажется, не маленькій. Вотъ теперь у меня голова заболѣла. Гдѣ Зоя, не знаешь?

— Кажется, у себя на верху. Разсудительная сія лисичка въ такую погоду всегда въ свою норку прячется.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста!—Анна Васильевна поискала вокругъ себя. — Рюмочку мою съ натертымъ хрѣномъ ты не видѣлъ? Paul, сдѣлай одолженіе, впередъ не серди меня.

— Гдѣ васъ разсердить, тетушка? Дайте мнѣ вашу ручку поцѣловать. А хрѣнъ вашъ я видѣлъ въ кабинетѣ на столикѣ.

— Дарья его вѣчно гдѣ-нибудь позабудетъ, — промолвила Анна Васильевна и удалилась, шумя шелковымъ платьемъ.

Шубинъ хотѣлъ-было пойти за ней, но остановился, услышавъ за собою медленный голосъ Увара Ивановича.

— Не такъ бы тебя, молокососа... слѣдовало,—говорилъ въ перемежку отставной корнетъ.

Шубинъ подошелъ къ нему.

— А за что же бы меня слѣдовало, достохвальный Уваръ Ивановичъ?

— За что? Младъ ты, такъ уважай. Да.

— Кого?

— Кого? Извѣстно, кого. Скаль зубы-то.

Шубинъ скрестилъ руки на груди.

— Ахъ вы, представитель хорового начала,—воскликнулъ онъ:—черноземная вы сила, фундаментъ вы общественнаго зданія!

Уваръ Ивановичъ заигралъ пальцами.

— Полно, братъ, не искушай.

— Вѣдь вотъ, — продолжалъ Шубинъ: — не молодой, кажется, дворянинъ, а сколько въ немъ еще таится счастливой, дѣтской вѣры! Уважать! Да знаете ли вы, стихійный вы человѣкъ, за что Николай Артемьевичъ гнѣвается на меня? Вѣдь я съ нимъ сегодня цѣлое утро

провелъ у его нѣмки; вѣдь мы сегодня втроемъ пѣли: „Не отходи отъ меня“; вотъ бы вы послушали. Васъ, кажется, это беретъ. Пѣли мы, сударь мой, пѣли — ну, и скучно мнѣ стало; вижу я: дѣло неладно, нѣжности много. Я и началъ дразнить обоихъ. Хорошо вышло. Сперва она на меня разсердилась; а потомъ на него; а потомъ онъ на нее разсердился и сказалъ ей, что онъ только дома счастливъ, и что у него тамъ рай, а она ему сказала, что онъ нравственности не имѣетъ; а я ей сказалъ: Ахъ! по-нѣмецки; онъ ушелъ, а я остался; онъ пріѣхалъ сюда, въ рай, то-есть, а въ раю ему тошно. Вотъ онъ и принялся брюзжать. Ну-съ, кто теперь, по-вашему, виноватъ?

— Конечно ты,—возразилъ Уваръ Ивановичъ.

Шубинъ уставился на него.

— Осмѣлюсь спросить у васъ, почтенный витязь, — началъ онъ подобострастнымъ голосомъ:—эти загадочныя слова вы изволили произнести вслѣдствіе какого-либо соображенія вашей мыслительной способности, или же подъ напоромъ мгновенной потребности произвести сотрясеніе въ воздухѣ, называемое звукомъ?

— Не искушай, говорятъ, — простоналъ Уваръ Ивановичъ...

Шубинъ засмѣялся и выбѣжалъ вонъ.

— Эй,—воскликнулъ, четверть часа спустя, Уваръ Ивановичъ:—того... рюмку водки.

Казачокъ принесъ водки и закуску на подносѣ. Уваръ Ивановичъ тихонько взялъ съ подноса рюмку и долго, съ усиленнымъ вниманіемъ глядѣлъ на нее, какъ будто не понимая хорошенько, что у него такое въ рукѣ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на казачка и спросилъ: не Васькой ли его зовутъ? Потомъ онъ принялъ огорченный видъ, выпилъ водки, закусилъ и полѣзъ доставать носовой платокъ изъ кармана. Но казачокъ уже давно отнесъ подносъ и графинъ на мѣсто, и остатокъ селедки съѣлъ, и уже успѣлъ соснуть, прикорнувъ къ барскому пальто, а Уваръ Ивановичъ все еще держалъ платокъ передъ собою на растопыренныхъ пальцахъ и съ тѣмъ же уси-

леннымъ вниманіемъ посматривалъ то въ окно, то на полъ и стѣны.

IX.

Шубинъ вернулся къ себѣ во флигель и раскрылъ-было книгу. Камердинеръ Николая Артемьевича осторожно вошелъ въ его комнату и вручилъ ему небольшую трехугольную записку, запечатанную крупною гербовою печатью. „Я надѣюсь, — стояло въ запискѣ: — что вы, какъ честный человѣкъ, не позволите себѣ намекнуть даже единымъ словомъ на нѣкоторый вексель, о которомъ была сегодня утромъ рѣчь. Вамъ извѣстны мои отношенія и мои правила, незначительность самой суммы и другія обстоятельства, наконецъ есть семейныя тайны, которыя должно уважать, и семейное спокойствіе есть такая святыня, которую одни êtres sans coeur, къ которымъ я не имѣю причины васъ причислить, отвергаютъ! (Сію записку возвратите.) Н. С.“

Шубинъ начертилъ внизу карандашомъ: „Не безпокойтесь, я еще пока платковъ изъ кармановъ не таскаю“: возвратилъ записку камердинеру и снова взялся за книгу. Но она скоро выскользнула у него изъ рукъ. Онъ посмотрѣлъ на заалѣвшееся небо, на двѣ молодыя могучія сосны, стоявшія особнякомъ отъ остальныхъ деревьевъ, подумалъ: „днемъ сосны синеватыя бываютъ, а какія онѣ великолѣпно-зеленыя вечеромъ“, и отправился въ садъ, съ тайною надеждой встрѣтить тамъ Елену. Онъ не обманулся. Впереди, на дорогѣ между кустами, мелькнуло ея платье. Онъ нагналъ ее и, поровнявшись съ нею, промолвилъ:

— Не глядите въ мою сторону, я не стою.

Она бѣгло взглянула на него, бѣгло улыбнулась и пошла дальше, въ глубь сада. Шубинъ отправился вслѣдъ за нею.

— Я прошу васъ не смотрѣть на меня,—началъ онъ:— а заговариваю съ вами: противорѣчіе явное! Но это все равно; мнѣ не впервой. Я сейчасъ вспомнилъ, что я еще не попросилъ у васъ, какъ слѣдуетъ, прощенія въ моей

глупой вчерашней выходкѣ. Вы не сердитесь на меня, Елена Николаевна?

Она остановилась и не тотчасъ отвѣчала ему—не потому, чтобъ она сердилась, а ея мысли были далеко.

— Нѣтъ, — сказала она наконецъ: — я нисколько не сержусь.

Шубинъ закусилъ губу.

— Какое озабоченное... и какое равнодушное лицо!— пробормоталъ онъ.—Елена Николаевна,—продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ:—позвольте мнѣ разсказать вамъ маленькій анекдотецъ. У меня былъ пріятель, а у этого пріятеля былъ тоже пріятель, который сперва велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, а потомъ запилъ. Вотъ однажды рано поутру, мой пріятель встрѣчаетъ его на улицѣ (а ужъ они, замѣтьте, раззнакомились), встрѣчаетъ его и видитъ, что онъ пьянъ. Мой пріятель взялъ да отвернулся отъ него. А тотъ-то подошелъ, да и говоритъ: „Я бы не разсердился, говоритъ, если бъ вы не поклонились, но зачѣмъ отворачиваться? Можетъ-быть, это я съ горя. Миръ моему праху!“

Шубинъ умолкъ.

— И только?—спросила Елена.

— Только.

— Я васъ не понимаю. На что вы намекаете? Сейчасъ вы говорили мнѣ, чтобъ я не глядѣла въ вашу сторону.

— Да, а теперь я вамъ разсказалъ, какъ не хорошо отворачиваться.

— Да развѣ я...—начала-было Елена.

— А развѣ нѣтъ?

Елена слегка покраснѣла и протянула Шубину руку. Онъ крѣпко пожалъ ее.

— Вотъ вы меня какъ будто поймали на дурномъ чувствѣ, — сказала Елена: — а ваше подозрѣніе не справедливо. Я и не думала чуждаться васъ.

— Положимъ, положимъ. Но сознайтесь, что у васъ въ эту минуту тысяча мыслей въ головѣ, изъ которыхъ вы мнѣ ни одной не повѣрите. Что? небось, не правду я сказалъ?

— Можетъ-быть.

— Да отчего же это? отчего?

— Мои мысли мнѣ самой не ясны,—проговорила Елена.

— Тутъ-то ихъ и довѣрять другому,—подхватилъ Шубинъ. — Но я вамъ скажу, въ чемъ дѣло. Вы дурного мнѣнія обо мнѣ.

— Я?

— Да, вы. Вы воображаете, что во мнѣ все наполовину притворно, потому что я художникъ; что я не способенъ не только ни на какое дѣло, — въ этомъ вы, вѣроятно, правы, — но даже ни къ какому истинному, глубокому чувству: что я и плакать-то искренно не могу, что я болтунъ и сплетникъ, — и все потому, что я художникъ. Что же мы, послѣ этого, за несчастные, Богомъ убитые люди? Вы, напримѣръ, я побожиться готовъ, не вѣрите въ мое раскаяніе.

— Нѣтъ, Павелъ Яковлевичъ, я вѣрю въ ваше раскаяніе, и въ ваши слезы я вѣрю. Но мнѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже.

Шубинъ дрогнулъ.

— Ну, я вижу, это, какъ выражаются доктора, неизлѣчимый казусъ, casus incurabilis. Тутъ остается только поникнуть головой, да покориться. А между тѣмъ, Господи, неужели это правда, неужели же я все съ собой вожусь, когда рядомъ живетъ такая душа? И знать, что никогда не проникнешь въ эту душу, никогда не будешь вѣдать, отчего она груститъ, отчего она радуется, что въ ней бродитъ, чего ей хочется, куда она идетъ... Скажите,— промолвилъ онъ, послѣ небольшого молчанія: — вы никогда, ни за что, ни въ какомъ случаѣ не полюбили бы художника?

Елена посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Не думаю, Павелъ Яковлевичъ; нѣтъ.

— Что и требовалось доказать,—проговорилъ съ комической унылостію Шубинъ. — За симъ, я полагаю, мнѣ приличнѣе не мѣшать вашей уединенной прогулкѣ. Профессоръ спросилъ бы васъ: а на основаніи какихъ данныхъ вы сказали: нѣтъ? Но я не профессоръ, я дитя, по

вашимъ понятіямъ; но отъ дѣтей не отворачиваются, помните. Прощайте. Миръ моему праху!

Елена хотѣла-было остановить его, но подумала и тоже сказала:

— Прощайте.

Шубинъ вышелъ со двора. Въ недальнемъ разстояніи отъ дачи Стаховыхъ встрѣтился ему Берсеневъ. Онъ шелъ проворными шагами, наклонивъ голову и сдвинувъ шляпу на затылокъ.

— Андрей Петровичъ!—крикнулъ Шубинъ.

Тотъ остановился.

— Ступай, ступай, — продолжалъ Шубинъ: — я только такъ, я тебя не задерживаю,—и проберись прямо въ садъ; тамъ ты найдешь Елену. Она, кажется, тебя ждетъ... кого-то она ждетъ во всякомъ случаѣ... Понимаешь ты силу этихъ словъ: она ждетъ! А знаешь, братъ, какое удивительное обстоятельство? Представь, вотъ уже два года, какъ я живу съ ней въ одномъ домѣ, я въ нее влюбленъ, и только сейчасъ, сію минуту, не то что понялъ, а увидалъ ее. Увидалъ и руки разставилъ. Не взирай на меня, пожалуйста, съ этою лжеязвительною усмѣшкой, которая мало идетъ къ твоимъ степеннымъ чертамъ. Ну, да, разумѣю, ты хочешь напомнить мнѣ объ Аннушкѣ. Что же? Я не отказываюсь. Нашему брату Аннушки подъ стать. Да здравствуютъ же Аннушки и Зои, и самыя даже Августины Христіановны! Ты ступай къ Еленѣ теперь, а я отправлюсь... ты думаешь къ Аннушкѣ? Нѣтъ, братъ, хуже: къ князю Чикурасову. Есть такой меценатъ изъ казанскихъ татаръ, въ родѣ Волгина. Видишь ты это пригласительное письмо, эти буквы: R. S. V. P.? И въ деревнѣ мнѣ нѣтъ покоя. Addio!

Берсеневъ выслушалъ тираду Шубина, молча и какъ будто конфузясь немножко за него; потомъ онъ вошелъ на дворъ Стаховской дачи. А Шубинъ дѣйствительно поѣхалъ къ князю Чикурасову, которому наговорилъ, съ самымъ любезнымъ видомъ, самыхъ колкихъ дерзостей. Меценатъ изъ казанскихъ татаръ хохоталъ, гости мецената смѣялись, а никому не было весело и, разставшись,

всѣ злились. Такъ два малознакомыхъ господина, встрѣтившись на Невскомъ, внезапно оскалятъ другъ передъ другомъ зубы, приторно съежатъ глаза, носъ и щеки, и тотчасъ же, миновавъ другъ друга, принимаютъ прежнее равнодушное или угрюмое, большею частію геморроидальное выраженіе.

X.

Елена дружелюбно встрѣтила Берсенева, уже не въ саду, а въ гостиной, и тотчасъ же, почти нетерпѣливо, возобновила вчерашній разговоръ. Она была одна: Николай Артемьевичъ тихонько скрылся куда-то, Анна Васильевна лежала наверху съ мокрою повязкой на головѣ. Зоя сидѣла возлѣ нея, аккуратно расправивъ юбку и сложивъ на колѣняхъ ручки; Уваръ Ивановичъ почивалъ въ мезонинѣ на широкомъ и удобномъ диванѣ, получившемъ прозвище: „самосонъ“. Берсеневъ снова упомянулъ о своемъ отцѣ: онъ свято чтилъ его память. Скажемъ и мы нѣсколько словъ о немъ.

Владѣлецъ восьмидесяти двухъ душъ, которыхъ онъ освободилъ передъ смертью, иллюминатъ, старый гёттингенскій студентъ, авторъ рукописнаго сочиненія о *Проступленіяхъ или прообразованіяхъ духа въ мірѣ*, — сочиненія, въ которомъ шеллингіанизмъ, сведенборгіанизмъ и республиканизмъ смѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ,—отецъ Берсенева привезъ его въ Москву еще мальчикомъ, тотчасъ послѣ кончины его матери, и самъ занялся его воспитаніемъ. Онъ подготовлялся къ каждому уроку, трудился необыкновенно добросовѣстно и совершенно неуспѣшно: онъ былъ мечтатель, книжникъ, мистикъ, говорилъ съ запинкой, глухимъ голосомъ, выражался темно и кудряво, все больше сравненіями, дичился даже сына, котораго любилъ страстно. Не мудрено, что сынъ только хлопалъ глазами за его уроками, и не подвигался ни на волосъ. Старикъ (ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ женился очень поздно) догадался наконецъ, что дѣло не идетъ на ладъ, и помѣстилъ своего Андрюшу въ пансіонъ. Андрюша сталъ учиться, по изъ-

подъ родительскаго присмотра не вышелъ: отецъ навѣщалъ его безпрестанно, надоѣдая содержателю своими наставленіями и бесѣдами; надзиратели также тяготились незваным гостемъ: онъ то-и-дѣло приносилъ имъ какія-то, по ихъ словамъ, премудреныя книги о воспитаніи. Даже школьникамъ становилось неловко при видѣ смуглаго и рябого лица старика, его тощей фигуры, постоянно облеченной въ какой-то востроплый сѣрый фракъ. Школьники не подозрѣвали тогда, что этотъ угрюмый, никогда не улыбавшійся господинъ, съ журавлиной походкой и длиннымъ носомъ—сердцемъ сокрушался и болѣлъ о каждомъ изъ нихъ, почти такъ же, какъ о собственномъ сынѣ. Онъ однажды вздумалъ побесѣдовать съ ними о Вашингтонѣ: „Юные питомцы!“ началъ онъ, но, при первыхъ звукахъ его страннаго голоса, юные питомцы разбѣжались. Честный гёттингенецъ жилъ не на розахъ: онъ былъ постоянно подавленъ ходомъ исторіи, всякаго рода вопросами и соображеніями. Когда молодой Берсеневъ поступилъ въ университетъ, онъ ѣздилъ съ нимъ на лекціи; но уже здоровье начинало измѣнять ему. Событія 48 года потрясли его до основанія (надо было всю книгу передѣлать), и онъ умеръ зимой 53-го года, не дождавшись выхода сына изъ университета, но заранѣе поздравивъ его кандидатомъ и благословивъ его на служеніе наукѣ. „Передаю тебѣ свѣточъ“, говорилъ онъ ему за два часа до смерти: „я держалъ его покамѣстъ могъ, не выпускай и ты сей свѣточъ до конца“.

Берсеневъ долго говорилъ съ Еленой о своемъ отцѣ. Неловкость, которую онъ чувствовалъ въ ея присутствіи, исчезла, и пришепетывалъ онъ не такъ сильно. Разговоръ перешелъ къ университету.

— Скажите, — спросила его Елена: — между вашими товарищами были замѣчательные люди?

Берсеневъ вспомнилъ снова Шубина.

— Нѣтъ, Елена Николаевна, сказать вамъ по правдѣ, не было между нами ни одного замѣчательнаго человѣка. Да и гдѣ! Было, говорятъ, время въ московскомъ университетѣ! Только не теперь. Теперь, это училище — не

университетъ. Мнѣ было тяжело съ моими товарищами,— прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Тяжело?..—прошептала Елена.

— Впрочемъ, — продолжалъ Берсеневъ: — я долженъ оговориться. Я знаю одного студента, — правда, онъ не моего курса, — это, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ.

— Какъ его зовутъ?—съ живостью спросила Елена.

— Инсаровъ, Дмитрій Никаноровичъ. Онъ болгаръ.

— Не русскій?

— Нѣтъ не русскій.

— Зачѣмъ же онъ живетъ въ Москвѣ?

— Онъ пріѣхалъ сюда учиться. И знаете ли, съ какою цѣлью онъ учится? У него одна мысль: освобожденіе его родины. И судьба его необыкновенная. Отецъ его былъ довольно зажиточный купецъ, родомъ изъ Тырнова. Тырновъ теперь небольшой городокъ, а въ старину это была столица Болгаріи, когда еще Болгарія была независимымъ королевствомъ. Торговалъ онъ въ Софіи, имѣлъ сношенія съ Россіей; сестра его, родная тетка Инсарова, до сихъ поръ живетъ въ Кіевѣ, замужемъ за старшимъ учителемъ исторіи, въ тамошней гимназіи Въ 1835 году, стало-быть восемнадцать лѣтъ тому назадъ, совершилось ужасное злодѣяніе: мать Инсарова вдругъ пропала безъ вѣсти; черезъ недѣлю ее нашли зарѣзанною.

Елена содрогнулась. Берсеневъ остановился.

— Продолжайте, продолжайте,—проговорила она.

— Ходили слухи, что ее похитилъ и убилъ турецкій ага; ея мужъ, отецъ Инсарова, дознался правды, хотѣлъ отмстить, но онъ только ранилъ кинжаломъ агу... Его разстрѣляли.

— Разстрѣляли? безъ суда?

— Да. Инсарову въ то время пошелъ восьмой годъ. Онъ остался на рукахъ у сосѣдей. Сестра узнала объ участи братниного семейства и пожелала имѣть племянника у себя. Его доставили въ Одессу, а оттуда въ Кіевъ. Въ Кіевѣ онъ прожилъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Оттого онъ такъ хорошо говоритъ по-русски.

— Онъ говоритъ по-русски?

— Какъ мы съ вами. Когда ему минуло двадцать лѣтъ (это было въ началѣ 48 года), онъ пожелалъ вернуться на родину. Былъ въ Софіи и Тырновѣ, всю Болгарію исходилъ вдоль и поперекъ, провелъ въ ней два года, выучился опять родному языку. Турецкое правительство преслѣдовало его, и онъ, вѣроятно, въ эти два года подвергался большимъ опасностямъ; я разъ увидѣлъ у него на шеѣ широкій рубецъ, должно быть слѣдъ раны; но онъ объ этомъ говорить не любитъ. Онъ тоже, въ своемъ родѣ, молчальникъ. Я пытался все разспрашивать, — не тутъ-то было. Отвѣчаетъ общими фразами. Онъ ужасно упрямъ. Въ 50-мъ году онъ опять пріѣхалъ въ Россію, въ Москву, съ намѣреніемъ образоваться вполнѣ, сблизиться съ русскими, а потомъ, когда онъ выйдетъ изъ университета...

— Что же тогда?—перебила Елена.

— А что Богъ дастъ. Мудрено впередъ загадывать.

Елена долго не спускала глазъ съ Берсенева.

— Вы очень заинтересовали меня своимъ разсказомъ,— промолвила она.—Каковъ онъ изъ себя, этотъ вашъ, какъ вы его назвали... Инсаровъ?

— Какъ вамъ сказать? по-моему, не дуренъ. Да вотъ вы сами его увидите.

— Какъ такъ?

— Я его приведу сюда, къ вамъ. Онъ послѣзавтра переѣзжаетъ въ нашу деревеньку и будетъ жить со мной на одной квартирѣ.

— Неужели? Да захочетъ ли онъ придти къ намъ?

— Еще бы! Онъ очень будетъ радъ.

— Онъ не гордъ?

— Онъ? Нимало. То-есть, если хотите, онъ гордъ, только не въ томъ смыслѣ, какъ вы понимаете. Денегъ онъ, напримѣръ, взаймы ни отъ кого не возьметъ.

— А онъ бѣденъ?

— Да не богатъ. Ѣздивши въ Болгарію, онъ собралъ кой-какія крохи, уцѣлѣвшія отъ отцовскаго достоянія, и тетка ему помогаетъ; но все это бездѣлица.

— У него, должно-быть, много характера, — замѣтила Елена.

— Да. Это желѣзный человѣкъ. И въ то же время, вы увидите, въ немъ есть что-то дѣтское, искреннее, при всей его сосредоточенности и даже скрытности. Правда, его искренность—не наша дрянная искренность, искренность людей, которымъ скрывать рѣшительно нечего... Да вотъ я его къ вамъ приведу, погодите.

— И не застѣнчивъ онъ?—спросила опять Елена.

— Нѣтъ, не застѣнчивъ. Одни самолюбивые люди застѣнчивы.

— А развѣ вы самолюбивы?

Берсеневъ смѣшался и развелъ руками.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — продолжала Елена. — Ну, а скажите, не отмстилъ онъ этому турецкому агѣ?

Берсеневъ улыбнулся.

— Мстятъ только въ романахъ, Елена Николаевна; да и притомъ въ двѣнадцать лѣтъ этотъ ага могъ умереть.

— Однако, господинъ Инсаровъ вамъ ничего объ этомъ не говорилъ?

— Ничего.

— Зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Софію?

— Тамъ отецъ его жилъ.

Елена задумалась.

— Освободить свою родину!— промолвила она. — Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики...

Въ это мгновеніе вошла въ комнату Анна Васильевна, и разговоръ прекратился.

Странныя ощущенія волновали Берсенева, когда онъ возвращался домой въ тотъ вечеръ. Онъ не раскаивался въ своемъ намѣреніи познакомить Елену съ Инсаровымъ, онъ находилъ весьма естественнымъ то глубокое впечатлѣніе, которое произвели на нее его разсказы о молодомъ болгарѣ... не самъ ли онъ старался усилить это впечатлѣніе! Но тайное и темное чувство скрыто гнѣздилось въ его сердцѣ: онъ грустилъ нехорошею грустію. Эта грусть не помѣшала ему, однако, взяться за *Исторію*

Гогенштауфеновъ и начать читать ее съ самой той страницы, на которой онъ остановился наканунѣ

XI.

Два дня спустя, Инсаровъ, по обѣщанію, явился къ Берсеневу съ своею поклажей. Слуги у него не было, но онъ безъ всякой помощи привелъ свою комнату въ порядокъ, уставилъ мебель, подтеръ пыль и вымелъ полъ Особенно долго возился онъ съ письменнымъ столомъ, который никакъ не хотѣлъ помѣститься въ назначенный для него простѣнокъ; но Инсаровъ, со свойственною ему молчаливою настойчивостью, добился своего. Устроившись, онъ попросилъ Берсенева взять съ него десять рублей впередъ и, вооружившись толстой палкой, отправился осматривать окрестности своего новаго жилища. Онъ вернулся часа черезъ три, и, на приглашеніе Берсенева раздѣлить съ нимъ его трапезу, отвѣчалъ, что онъ не отказывается обѣдать съ нимъ сегодня, но что онъ уже переговорилъ съ хозяйкой дома и будетъ впередъ получать свою ѣду отъ нея.

— Помилуйте! — возразилъ Берсеневъ: — васъ будутъ скверно кормить: эта баба совсѣмъ стряпать не умѣетъ. Отчего вы не хотите обѣдать со мною? мы бы расходъ пополамъ дѣлили.

— Мои средства не позволяютъ мнѣ обѣдать такъ, какъ вы обѣдаете,—отвѣчалъ съ спокойной улыбкой Инсаровъ.

Въ этой улыбкѣ было что-то такое, что не позволяло настаивать: Берсеневъ слова не прибавилъ. Послѣ обѣда онъ предложилъ Инсарову свести его къ Стаховымъ; но тотъ отвѣчалъ, что располагаетъ посвятить весь вечеръ на переписку съ своими болгарами и потому проситъ его отсрочить посѣщеніе Стаховыхъ до другого дня. Непреклонность воли Инсарова была уже прежде извѣстна Берсеневу, но только теперь, находясь съ нимъ подъ одной кровлей, онъ могъ окончательно убѣдиться въ томъ, что Инсаровъ никогда не мѣнялъ никакого своего рѣшенія, точно такъ же, какъ никогда не откладывалъ исполненія

данаго обѣщанія. Берсеневу, какъ коренному русскому человѣку, эта, болѣе чѣмъ нѣмецкая, аккуратность сначала казалась дикою, немножко даже смѣшною; но онъ скоро привыкъ къ ней и кончилъ тѣмъ, что находилъ ее если не почтенною, то по крайней мѣрѣ весьма удобною.

На второй день послѣ своего переселенія, Инсаровъ всталъ въ четыре часа утра, обѣгалъ почти все Кунцово, искупался въ рѣкѣ, выпилъ стаканъ холоднаго молока и принялся за работу; а работы у него было не мало: онъ учился и русской исторіи, и праву, и политической экономіи, переводилъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собиралъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составлялъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую для русскихъ. Берсеневъ зашелъ къ нему и потолковалъ съ нимъ о Фейербахѣ. Инсаровъ слушалъ его внимательно, возражалъ рѣдко, но дѣльно; изъ возраженій его видно было, что онъ старался дать самому себѣ отчетъ въ томъ: нужно ли ему заняться Фейербахомъ, или же можно обойтись безъ него. Берсеневъ навелъ потомъ рѣчь на его занятія и спросилъ: не покажетъ ли онъ ему что-нибудь? Инсаровъ прочелъ ему свой переводъ двухъ или трехъ болгарскихъ пѣсенъ и пожелалъ узнать его мнѣніе. Берсеневъ нашелъ переводъ правильнымъ, но не довольно оживленнымъ. Инсаровъ принялъ это замѣчаніе къ свѣдѣнію. Отъ пѣсенъ Берсеневъ перешелъ къ современному положенію Болгаріи, и тутъ онъ впервые замѣтилъ, какая совершалась перемѣна въ Инсаровѣ при одномъ упоминовеніи его родины: не то чтобы лицо его разгоралось, или голосъ возвышался—нѣтъ! но все существо его какъ будто крѣпло и стремилось впередъ, очертаніе губъ обозначалось рѣзче и неумолимѣе, а въ глубинѣ глазъ зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь. Инсаровъ не любилъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говорилъ охотно со всякимъ. Онъ говорилъ, не спѣша, о туркахъ, объ ихъ притѣсненіяхъ, о горѣ и бѣдствіяхъ своихъ согражданъ, объ ихъ надеждахъ; сосредоточенная обдуманность единой и давней страсти слышалась въ каждомъ его словѣ.

„А вѣдь чего добраго“, подумалъ между тѣмъ Берсеневъ, „турецкій ага, пожалуй, поплатился ему за смерть матери и отца“.

Инсаровъ не успѣлъ еще умолкнуть, какъ дверь растворилась и на порогѣ появился Шубинъ.

Онъ вошелъ въ комнату какъ-то слишкомъ развязно и добродушно; Берсеневъ, который зналъ его хорошо, тотчасъ понялъ, что его что-то коробило.

— Рекомендуюсь безъ церемоній,—началъ онъ съ свѣтлымъ и открытымъ выраженіемъ лица:—моя фамилія Шубинъ; я пріятель вотъ этого молодого человѣка. (Онъ указалъ на Берсенева.) Вѣдь вы господинъ Инсаровъ, не такъ ли?

— Я Инсаровъ.

— Такъ дайте же руку и познакомимтесь. Не знаю, говорилъ ли вамъ Берсеневъ обо мнѣ, а мнѣ онъ много говорилъ объ васъ. Вы здѣсь поселились? Отлично! Не сердитесь на меня, что я такъ пристально на васъ гляжу. Я по ремеслу моему ваятель, и предвижу, что въ скоромъ времени попрошу у васъ позволенія слѣпить вашу голову.

— Моя голова къ вашимъ услугамъ,—проговорилъ Инсаровъ.

— Что же мы дѣлаемъ, сегодня, а? — заговорилъ Шубинъ, внезапно садясь на низенькій стулъ и опираясь обѣими руками на широко-разставленныя колѣни.—Андрей Петровичъ, есть какой-нибудь планъ на нынѣшній день у вашего благородія? Погода славная; сѣномъ и сухою земляникой пахнетъ такъ... словно грудной чай пьешь. Надо бы сочинить какой-нибудь фокусъ. Покажемъ новому обитателю Кунцова всѣ его многочисленныя красоты. („А его коробитъ“, продолжалъ думать про себя Берсеневъ.) Ну, что жъ ты молчишь, мой другъ Горацію? Раскрой свои вѣщія уста. Сочинимъ мы фокусъ, или нѣтъ?

— Я не знаю,—замѣтилъ Берсеневъ:— какъ Инсаровъ. Онъ, кажется, собирается работать.

Шубинъ повернулся на стулѣ.

— Вы хотите работать?—спросилъ онъ какъ-то въ носъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ:—нынѣшній день я могу посвятить прогулкѣ.

— А!—промолвилъ Шубинъ.—Ну, и прекрасно. Ступайте, другъ мой Андрей Петровичъ, прикройте шляпой вашу мудрую голову, и пойдемте куда глаза глядятъ. Наши глаза молодые—глядятъ далеко. Я знаю трактирчикъ прескверненькій, гдѣ намъ дадутъ обѣдишко препакостный; а намъ будетъ очень весело. Пойдемте.

Полчаса спустя, они всѣ трое шли по берегу Москвы-рѣки. У Инсарова оказался довольно странный, ушастый картузъ, отъ котораго Шубинъ пришелъ въ не совсѣмъ естественный восторгъ. Инсаровъ выступалъ не спѣша, глядѣлъ, дышалъ, говорилъ и улыбался спокойно: онъ отдалъ этотъ день удовольствію и наслаждался вполнѣ.—„Благоразумные мальчики такъ гуляютъ по воскресеньямъ“, шепнулъ Шубинъ Берсеневу на ухо. Самъ Шубинъ очень дурачился, выбѣгалъ впередъ, становился въ позы извѣстныхъ статуй, кувыркался на травѣ: спокойствіе Инсарова не то, чтобы раздражало его, а заставляло его кривляться.—„Что ты такъ егозишь, французъ!“ раза два замѣтилъ ему Берсеневъ.—„Да я французъ, полу-французъ“, возражалъ ему Шубинъ: „а ты держи середину между шуткою и серіозомъ, какъ говаривалъ мнѣ одинъ половой“.—Молодые люди повернули прочь отъ рѣки и пошли по узкой и глубокой рытвинѣ, между двумя стѣнами золотой, высокой ржи; голубоватая тѣнь падала на нихъ отъ одной изъ этихъ стѣнъ; лучистое солнце, казалось, скользило по верхушкамъ колосьевъ; жаворонки пѣли, перепела кричали; повсюду зеленѣли травы; теплый вѣтерокъ шевелилъ и поднималъ ихъ листья, качалъ головки цвѣтовъ. Послѣ долгихъ странствованій, отдыховъ, болтовни—(Шубинъ пробовалъ даже играть въ чехарду съ какимъ-то прохожимъ беззубымъ мужичкомъ, который все смѣялся, что̀ съ нимъ ни дѣлали господа)—молодые люди добрели до „скверненькаго“ трактирчика. Слуга чуть не сшибъ каждаго изъ нихъ съ ногъ, и дѣйствительно накормилъ ихъ очень дурнымъ обѣдомъ, съ какимъ-то забалканскимъ виномъ, что̀, впрочемъ, не мѣшало имъ

веселиться отъ души, какъ предсказывалъ Шубинъ; самъ онъ веселился громче всѣхъ—и меньше всѣхъ. Онъ пилъ здоровье непонятнаго, но великаго Венелина, здоровье болгарскаго короля Крума, Хрума или Хрома, жившаго чуть не въ Адамовы времена.

— Въ девятомъ столѣтіи,—поправилъ его Инсаровъ.

— Въ девятомъ столѣтіи?—воскликнулъ Шубинъ.—О какое счастье!

Берсеневъ замѣтилъ, что посреди всѣхъ своихъ проказъ, выходокъ и шутокъ, Шубинъ все какъ-будто бы экзаменовалъ Инсарова, какъ-будто щупалъ его и волновался внутренно,—а Инсаровъ оставался попрежнему спокойнымъ и яснымъ.

Наконецъ, они вернулись домой, переодѣлись и, чтобы уже не выходить изъ колеи, въ которую попали съ утра, рѣшились отправиться въ тотъ же вечеръ къ Стаховымъ. Шубинъ побѣжалъ впередъ извѣстить объ ихъ приходѣ.

XII.

— *Ирой* Инсаровъ сейчасъ сюда пожалуетъ! — торжественно воскликнулъ онъ, входя въ гостиную Стаховыхъ, гдѣ въ ту минуту находились только Елена и Зоя.

— Wer?—спросила по-нѣмецки Зоя. Взятая врасплохъ, она всегда выражалась на родномъ языкѣ. Елена выпрямилась. Шубинъ поглядѣлъ на нее съ игривою улыбочкой на губахъ. Ей стало досадно, но она ничего не сказала.

— Вы слышали,—повторилъ онъ:—господинъ Инсаровъ сюда идетъ.

— Слышала,—отвѣчала она:—и слышала какъ вы его назвали. Удивляюсь вамъ, право. Нога господина Инсарова еще здѣсь не была, а вы уже считаете за нужное ломаться.

Шубинъ вдругъ опустился.

— Вы правы, вы всегда правы, Елена Николаевна,—пробормоталъ онъ:—но это я только такъ, ей Богу. Мы цѣлый день съ нимъ вмѣстѣ гуляли, и онъ, я увѣряю васъ, отличный человѣкъ.

— Я объ этомъ васъ не спрашивала,—промолвила Елена и встала.

— Господинъ Инсаровъ молодъ?—спросила Зоя.

— Ему сто-сорокъ-четыре года,—отвѣчалъ съ досадой Шубинъ.

Казачокъ доложилъ о приходѣ двухъ пріятелей. Они вошли. Берсеневъ представилъ Инсарова. Елена попросила ихъ сѣсть и сама сѣла, а Зоя отправилась наверхъ: надо было предувѣдомить Анну Васильевну. Начался разговоръ довольно незначительный, какъ всѣ первые разговоры. Шубинъ наблюдалъ молчкомъ изъ уголка, но наблюдать было не за чѣмъ. Въ Еленѣ онъ замѣчалъ слѣды сдержанной досады противъ него, Шубина—и только. Онъ глядѣлъ на Берсенева и на Инсарова и, какъ ваятель, сравнивалъ ихъ лица. Оба, думалъ онъ, не красивы собой: у болгара характерное, скульптурное лицо; вотъ теперь оно хорошо освѣтилось; у великоросса просится больше въ живопись: линій нѣту, физіономія есть. А, пожалуй, и въ того и въ другого влюбиться можно. Она еще не любитъ, но полюбитъ Берсенева, рѣшилъ онъ про себя.— Анна Васильевна появилась въ гостиную, и разговоръ принялъ оборотъ совершенно *дачный*, именно дачный, не деревенскій. То былъ разговоръ весьма разнообразный по обилію обсуждаемыхъ предметовъ; но коротенькія, довольно томительныя паузы прерывали его каждыя три минуты. Въ одну изъ этихъ паузъ, Анна Васильевна обратилась къ Зоѣ. Шубинъ понялъ ея нѣмой намекъ и скорчилъ кислую рожу, а Зоя сѣла за фортепіано, сыграла и спѣла всѣ свои штучки. Уваръ Ивановичъ показался было изъ-за двери, но пошевелилъ перстами и отретировался. Потомъ подали чай, потомъ прошлись всѣмъ обществомъ по саду.. На дворѣ стемнѣло, и гости удалились.

Инсаровъ дѣйствительно произвелъ на Елену меньше впечатлѣнія, чѣмъ она сама ожидала, или, говоря точнѣе, онъ произвелъ на нее не то впечатлѣніе, которое ожидала она. Ей понравилась его прямота и непринужденность, — и лицо его понравилось; но все существо Инсарова, спокойно-твердое и обыденно-простое, какъ-то

не ладилось съ тѣмъ образомъ, который составился у нея въ головѣ отъ разсказовъ Берсенева. Елена, сама того не подозрѣвая, ожидала чего-то болѣе „фатальнаго“. Но, думала она, онъ сегодня говорилъ очень мало, и сама виновата; я не разспрашивала его, подождемъ до другого раза... а глаза у него выразительные, честные глаза. Она чувствовала, что ей не преклониться передъ нимъ хотѣлось, а подать ему дружески руку, и она недоумѣвала: не такими воображала она себѣ людей, подобныхъ Инсарову, „героевъ“. Это послѣднее слово напомнило ей Шубина, и она, уже лежа въ постели, вспыхнула и разсердилась.

— Какъ вамъ понравились ваши новые знакомые?— спросилъ на возвратномъ пути Берсеневъ у Инсарова.

— Они мнѣ очень понравились,—отвѣчалъ Инсаровъ:— особенно дочь. Славная, должно-быть, дѣвушка. Она волнуется, но въ ней это хорошее волненіе.

— Надо будетъ къ нимъ ходить почаще, — замѣтилъ Берсеневъ.

— Да, надо,—проговорилъ Инсаровъ, и ничего больше не сказалъ до самаго дома. Онъ тотчасъ заперся въ своей комнатѣ, но свѣча у него горѣла далеко за полночь.

Берсеневъ не успѣлъ еще прочесть страницу изъ Раумера, какъ горсть брошеннаго мелкаго песку стукнула о стекла его окна. Онъ невольно вздрогнулъ, раскрылъ окно и увидалъ Шубина, блѣднаго, какъ полотно.

— Экой ты неугомонный! ночная ты бабочка!—началъ было Берсеневъ.

— Тсъ!—перебилъ его Шубинъ: — я пришелъ къ тебѣ украдкой, какъ Максъ къ Агатѣ. Мнѣ непремѣнно нужно сказать тебѣ два слова наединѣ.

— Да войди же въ комнату.

— Нѣтъ, не нужно,—возразилъ Шубинъ и облокотился на оконницу:—этакъ веселѣе, болѣе на Испанію похоже. Во-первыхъ, поздравляю тебя: твои акціи поднялись. Твой хваленый, необыкновенный человѣкъ провалился. За это я тебѣ поручиться могу. А чтобъ тебѣ доказать мою безпристрастность, слушай: вотъ формулярный списокъ гос-

подина Инсарова. Талантовъ никакихъ, поэзіи *нема*, способностей къ работѣ пропасть, память большая, умъ не разнообразный и не глубокій, но здравый и живой, сушь и сила, и даже даръ слова, когда рѣчь идетъ объ его, между нами сказать, скучнѣйшей Болгаріи. Что? ты скажешь, я несправедливъ? Еще замѣчаніе: ты съ нимъ никогда на *ты* не будешь, и никто съ нимъ на *ты* не бывалъ; я, какъ артистъ, ему противенъ, чѣмъ я горжусь. Сушь, сушь, а всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ. Онъ съ своею землею связанъ — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся, молъ, въ насъ, живая вода! Зато и задача его легче, удобопонятнѣе: стоитъ только турокъ вытурить, велика штука! Но всѣ эти качества, слава Богу, не нравятся женщинамъ. Обаянія нѣтъ, *шарму*; не то, что въ насъ съ тобой.

— Къ чему ты меня приплелъ?— пробормоталъ Берсеневъ.—И въ остальномъ ты не правъ: ты ему нисколько не противенъ, и со своими соотечественниками онъ на *ты*... я это знаю.

— Это другое дѣло! Для нихъ онъ герой, а признаться сказать, я себѣ героевъ иначе представляю: герой не долженъ умѣть говорить: герой мычитъ, какъ быкъ; зато двинетъ рогомъ—стѣны валятся. И онъ самъ не долженъ знать, зачѣмъ онъ двигаетъ, а двигаетъ. Впрочемъ, можетъ-быть, въ наши времена требуются герои другого калибра.

— Что тебя Инсаровъ такъ занимаетъ?—спросилъ Берсеневъ. — Неужели ты только для того прибѣжалъ сюда, чтобъ описать мнѣ его характеръ?

— Я пришелъ сюда, — началъ Шубинъ: — потому что мнѣ дома очень было грустно.

— Вотъ какъ! Ужъ не хочешь ли ты опять заплакать?

— Смѣйся! я пришелъ сюда, потому что я готовъ локти себѣ кусать, потому что отчаяніе меня грызетъ, досада, ревность...

— Ревность! къ кому?

— Къ тебѣ, къ нему, ко всѣмъ. Меня терзаетъ мысль, что если бъ я раньше понялъ ее, если бъ я умѣючи

взялся за дѣло... Да что толковать! Кончится тѣмъ, что я буду все смѣяться, дурачиться, ломаться, какъ она говоритъ, а тамъ возьму да удавлюсь.

— Ну, удавиться ты не удавишься, — замѣтилъ Берсеневъ.

— Въ такую ночь, конечно, нѣтъ; но дай намъ только дожить до осени. Въ такую ночь люди умираютъ тоже, только отъ счастья. Ахъ, счастье! Каждая вытянутая черезъ дорогу тѣнь отъ дерева такъ, кажется, и шепчетъ теперь: „Знаю я, гдѣ счастье... Хочешь скажу?“ Я бы позвалъ тебя гулять, да ты теперь подъ вліяніемъ прозы. Спи, и да снятся тебѣ математическія фигуры! А у меня душа разрывается. Вы, господа, видите, что человѣкъ смѣется, значитъ, по-вашему, ему легко: вы можете доказать ему, что онъ самому себѣ противорѣчитъ, значитъ, онъ не страдаетъ... Богъ съ вами!

Шубинъ быстро отошелъ отъ окошка. „Аннушка!“ хотѣлъ-было крикнуть ему вслѣдъ Берсеневъ, но удержался: на Шубинѣ, дѣйствительно, лица не было. Минуты двѣ спустя, Берсеневу даже почудились рыданія: онъ всталъ, отворилъ окно; все было тихо, только гдѣ-то вдали, какой-то, должно-быть, проѣзжій мужичокъ тянулъ: *Степь Моздовскую*.

XIII.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль послѣ переселенія Инсарова въ сосѣдство Кунцова, онъ не болѣе четырехъ или пяти разъ посѣтилъ Стаховыхъ; Берсеневъ ходилъ къ нимъ черезъ день. Елена всегда ему была рада, всегда завязывалась между нимъ и ею живая и интересная бесѣда, и все-таки онъ возвращался домой часто съ печальнымъ лицомъ. Шубинъ почти не показывался; онъ съ лихорадочною дѣятельностію занялся своимъ искусствомъ: либо сидѣлъ взаперти у себя въ комнатѣ и выскакивалъ оттуда въ блузѣ, весь выпачканный глиной, либо проводилъ дни въ Москвѣ, гдѣ у него была студія, куда приходили къ нему модели и итальянскіе формовщики, его пріятели и учители. Елена ни разу не поговорила съ

Инсаровымъ такъ, какъ бы она хотѣла; въ его отсутствеі она готовилась разспросить его о многомъ, но когда онъ приходилъ, ей становилось совѣстно своихъ приготовленій. Самое спокойствіе Инсарова ее смущало: ей казалось, что она не имѣетъ права заставить его высказываться, и она рѣшалась ждать; со всѣмъ тѣмъ, она чувствовала, что съ каждымъ его посѣщеніемъ, какъ бы незначительны ни были обмѣненныя между ними слова, онъ привлекалъ ее болѣе и болѣе; но ей не пришлось остаться съ нимъ наединѣ,—а чтобы сблизиться съ человѣкомъ — нужно хоть однажды побесѣдовать съ нимъ съ-глазу-на-глазъ. Она много говорила о немъ съ Берсеневымъ. Берсеневъ понималъ, что воображеніе Елены поражено Инсаровымъ, и радовался, что его пріятель не провалился, какъ утверждалъ Шубинъ; онъ съ жаромъ, до малѣйшихъ подробностей, разсказывалъ ей все, что̀ зналъ о немъ (мы часто, когда сами хотимъ понравиться другому человѣку, превозносимъ въ разговорѣ съ нимъ нашихъ пріятелей, почти никогда притомъ не подозрѣвая, что мы тѣмъ самихъ себя хвалимъ), и лишь изрѣдка, когда блѣдныя щеки Елены слегка краснѣли, а глаза свѣтлѣли и расширялись, та нехорошая, уже имъ испытанная, грусть щемила его сердце.

Однажды Берсеневъ пришелъ къ Стаховымъ не въ обычную пору, часу въ одиннадцатомъ утра. Елена вышла къ нему въ залу.

— Вообразите себѣ, — началъ онъ съ принужденной улыбкой:—нашъ Инсаровъ пропалъ.

— Какъ пропалъ?—проговорила Елена.

— Пропалъ. Третьяго дня вечеромъ ушелъ куда-то, и съ тѣхъ поръ его нѣтъ.

— Онъ не сказалъ вамъ, куда онъ пошелъ?

— Нѣтъ.

Елена опустилась на стулъ.

— Онъ, вѣроятно, въ Москву отправился,—промолвила она, стараясь казаться равнодушной и въ то же время сама дивясь тому, что она старается казаться равнодушной.

— Не думаю, — возразилъ Берсеневъ. — Онъ ушелъ не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

— Къ нему третьяго дня, передъ обѣдомъ, явились два какихъ-то человѣка, должно-быть, его соотечественники.

— Болгары? почему вы это думаете?

— А потому, что, сколько я могъ разслышать, они говорили съ нимъ на языкѣ, мнѣ неизвѣстномъ, но славянскомъ... Вотъ вы все находите, Елена Николаевна, что въ Инсаровѣ таинственнаго мало: ужъ на что таинственнѣе этого посѣщенія? Представьте: вошли къ нему—и ну кричать и спорить, да такъ дико, злобно... И онъ кричалъ.

— И онъ?

— И онъ. Кричалъ на нихъ. Они какъ будто жаловались другъ на друга. И если бы вы взглянули на этихъ посѣтителей! Лица смуглыя, широкоскулыя, тупыя, съ ястребиными носами, лѣтъ каждому за сорокъ, одѣты плохо, въ пыли, въ поту, съ виду ремесленники — не ремесленники, и не господа... Богъ знаетъ, что за люди.

— И онъ съ ними отправился?

— Съ ними. Накормилъ ихъ, да ушелъ съ ними. Хозяйка мнѣ сказывала,—они вдвоемъ цѣлый огромный горшокъ каши съѣли. Такъ, говоритъ, въ перегонку и глотали, словно волки.

Елена слабо усмѣхнулась.

— Вы увидите,—промолвила она:—все это разрѣшится чѣмъ-нибудь очень прозаическимъ.

— Дай Богъ! Только напрасно вы употребили это слово. Въ Инсаровѣ нѣтъ ничего прозаическаго, хотя Шубинъ и увѣряетъ...

— Шубинъ!—перебила Елена и пожала плечомъ. — Но сознайтесь, что эти два господина, глотающіе кашу...

— И Ѳемистоклъ ѣлъ наканунѣ Саламинскаго сраженія,—съ улыбкой замѣтилъ Берсеневъ.

— Такъ: но зато на другой день и было сраженіе. А вы все-таки дайте мнѣ знать, когда онъ вернется, — прибавила Елена и попыталась перемѣнить разговоръ, — но разговоръ не клеился.

Появилась Зоя и стала ходить по комнатѣ на цыпочкахъ, давая тѣмъ знать, что Анна Васильевна еще не проснулась.

Берсеневъ ушелъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, принесли отъ него записку Еленѣ.

„Вернулся", писалъ онъ ей: „загорѣлый и въ пыли по самыя брови; но зачѣмъ и куда ѣздилъ, не знаю: не узнаете ли вы?"

— Не узнаете ли вы!—прошептала Елена.—Развѣ онъ говоритъ со мной?

XIV.

На слѣдующій день, часу во второмъ, Елена стояла въ саду передъ небольшою закуткой, гдѣ у ней воспитывались два дворовые щенка. (Садовникъ нашелъ ихъ заброшенными подъ заборомъ и принесъ ихъ барышнѣ, про которую ему сказали прачки, что она, молъ, всякихъ звѣрей и скотовъ жалуетъ. Онъ не ошибся въ расчетѣ: Елена дала ему четвертакъ.) Она заглянула въ закутку, убѣдилась, что щенки живы и здоровы, и что солому имъ постлали свѣжую, обернулась и чуть не вскрикнула: прямо къ ней, по аллеѣ, шелъ Инсаровъ, одинъ.

— Здравствуйте, — промолвилъ онъ, приближаясь къ ней и снимая картузъ. Она замѣтила, что онъ точно сильно загорѣлъ въ послѣдніе три дня.—Я хотѣлъ придти сюда съ Андреемъ Петровичемъ, да онъ что-то замѣшкался; вотъ я и отправился безъ него. Въ домѣ у васъ никого нѣтъ: всѣ спятъ или гуляютъ, я и пришелъ сюда.

— Вы какъ будто извиняетесь,—отвѣчала Елена.—Это совсѣмъ не нужно. Мы всѣ очень рады васъ видѣть... Сядемте тутъ на скамейкѣ, въ тѣни.

Она сѣла. Инсаровъ помѣстился возлѣ нея.

— Васъ, кажется, дома не было въ это время? — начала она.

— Да,—отвѣтилъ онъ:—я уходилъ... Вамъ Андрей Петровичъ сказывалъ?

Инсаровъ глянулъ на нее, улыбнулся и началъ играть

картузомъ. Улыбаясь, онъ быстро моргалъ глазами и выдвигалъ впередъ губы, что придавало ему очень добродушный видъ.

— Андрей Петровичъ, вѣроятно, вамъ также сказалъ, что я ушелъ съ какими-то... безобразными людьми,—проговорилъ онъ, продолжая улыбаться.

Елена немного смутилась, но тотчасъ почувствовала, что Инсарову надо всегда говорить правду.

— Да,—сказала она рѣшительно.

— Что же вы подумали обо мнѣ?—спросилъ онъ ее вдругъ.

Елена подняла на него глаза.

— Я подумала...—промолвила она:—я подумала, что вы всегда знаете, что дѣлаете, и что вы ничего дурного не въ состояніи сдѣлать.

— Ну, и спасибо вамъ за это. Вотъ видите ли, Елена Николаевна,—началъ онъ, какъ-то довѣрчиво подсаживаясь къ ней: — нашихъ здѣсь небольшая семейка; есть между нами люди мало образованные; но всѣ крѣпко преданы общему дѣлу. Къ несчастью, безъ ссоръ нельзя, а меня всѣ знаютъ, вѣрятъ мнѣ; вотъ и позвали меня разобрать одну ссору. Я отправился.

— Далеко отсюда?

— Я за шестьдесятъ верстъ ѣздилъ, въ Троицкій посадъ. Тамъ, при монастырѣ, тоже есть наши. Но крайней мѣрѣ, не даромъ хлопоталъ: уладилъ дѣло.

— И трудно вамъ было?

— Трудно. Одинъ все упрямился. Деньги не хотѣлъ отдать.

— Какъ? Изъ-за денегъ была ссора?

— Да; и деньги-то небольшія. А вы что полагали?

— И вы для такихъ пустяковъ за шестьдесятъ верстъ ѣздили? Три дня потеряли?

— То не пустяки, Елена Николаевна, когда свои земляки замѣшаны. Тутъ отказаться грѣхъ. Вы вотъ, я вижу, даже щенкамъ не отказываете въ помощи, и я васъ хвалю за это. А что я время-то потерялъ, это не бѣда, потомъ наверстаю. Наше время не намъ принадлежитъ.

— Кому же?

— А всѣмъ, кому въ насъ нужда. Я вамъ все это такъ, съ бухта-барахта разсказалъ, потому что я дорожу вашимъ мнѣніемъ. Я воображаю, какъ Андрей Петровичъ васъ удивилъ!

— Вы дорожите моимъ мнѣніемъ,—проговорила Елена вполголоса:—почему?

Инсаровъ опять улыбнулся.

— Потому, что вы хорошая барышня, не аристократка... вотъ и все...

Настало небольшое молчаніе.

— Дмитрій Никаноровичъ,—сказала Елена:—знаете ли вы, что вы въ первый разъ со мной такъ откровенны?

— Какъ такъ? Мнѣ кажется, я всегда говорилъ вамъ все, что думалъ.

— Нѣтъ, это въ первый разъ, и я очень этому рада,— и я тоже хочу быть откровенною съ вами. Можно?

Инсаровъ засмѣялся и сказалъ:

— Можно.

— Предваряю васъ, что я очень любопытна.

— Ничего, говорите.

— Мнѣ Андрей Петровичъ много разсказывалъ о вашей жизни, о вашей молодости. Мнѣ извѣстно одно обстоятельство, одно ужасное обстоятельство... Я знаю, что вы ѣздили потомъ къ себѣ на родину... Не отвѣчайте мнѣ, ради Бога, если мой вопросъ вамъ покажется нескромнымъ, но меня мучитъ одна мысль... Скажите, встрѣтились ли вы съ тѣмъ человѣкомъ...

Дыханіе захватило у Елены. Ей стало и стыдно, и страшно своей смѣлости. Инсаровъ глядѣлъ на нее пристально, слегка прищуривъ глаза и трогая пальцами подбородокъ.

— Елена Николаевна,—началъ онъ, наконецъ, и голосъ его былъ тише обыкновеннаго, что почти испугало Елену:— я понимаю, о какомъ человѣкѣ вы сейчасъ упомянули. Нѣтъ, я не встрѣтился съ нимъ, и слава Богу! Я не искалъ его. Я не искалъ его не потому, чтобъ я не почиталъ себя въ правѣ убить его, — я бы очень спокойно

убилъ его,—но потому, что тутъ не до частной мести, когда дѣло идетъ о народномъ, общемъ отмщеніи... или нѣтъ, это слово не годится... когда дѣло идетъ объ освобожденіи народа. Одно помѣшало бы другому. Въ свое время и то не уйдетъ... И то не уйдетъ,—повторилъ онъ и покачалъ головой.

Елена посмотрѣла на него сбоку.

— Вы очень любите свою родину? — произнесла она робко.

— Это еще не извѣстно,—отвѣчалъ онъ.—Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любилъ.

— Такъ что, если бы васъ лишили возможности возвратиться въ Болгарію,—продолжала Елена:—вамъ было бы очень тяжело въ Россіи?

Инсаровъ потупился.

— Мнѣ кажется, я бы этого не вынесъ,—проговорилъ онъ.

— Скажите,—начала опять Елена:—трудно выучиться болгарскому языку?

— Нисколько. Русскому стыдно не знать по-болгарски. Русскій долженъ знать всѣ славянскія нарѣчія. Хотите, я вамъ принесу болгарскія книги? Вы увидите, какъ это легко. Какія у насъ пѣсни! не хуже сербскихъ. Да вотъ постойте, я вамъ переведу одну изъ нихъ. Въ ней говорится про... Да вы знаете ли хоть немножко нашу исторію?

— Нѣтъ, я ничего не знаю,—отвѣтила Елена.

— Постойте, я вамъ принесу книжку. Вы изъ нея хоть главные факты узнаете. Такъ слушайте же пѣсню... Впрочемъ, я вамъ лучше принесу написанный переводъ. Я увѣренъ: вы полюбите насъ: вы всѣхъ притѣсненныхъ любите. Если бы вы знали, какой нашъ край благодатный! А между тѣмъ его топчутъ, его терзаютъ,—подхватилъ онъ съ невольнымъ движеніемъ руки, и лицо его потемнѣло:—у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо гоняютъ насъ поганые турки, насъ рѣжутъ.

— Дмитрій Никаноровичъ!—воскликнула Елена.

Онъ остановился.

— Извините меня. Я не могу говорить объ этомъ хладнокровно. Но вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на землѣ? Что одно безспорно, что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ... Замѣтьте: послѣдній мужикъ, послѣдній пищій въ Болгаріи и я,—мы желаемъ одного и того же. У всѣхъ у насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и крѣпость.

Инсаровъ замолкъ на мгновеніе, и снова заговорилъ о Болгаріи. Елена слушала его съ пожирающимъ, глубокимъ и печальнымъ вниманіемъ. Когда онъ кончилъ, она еще разъ спросила его:

— Такъ вы ни за что не остались бы въ Россіи?

А когда онъ ушелъ, она долго смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ въ этотъ день сталъ для нея другимъ человѣкомъ. Не такимъ она провожала его, какимъ встрѣтила его за два часа тому назадъ.

Съ того дня онъ сталъ ходить все чаще и чаще, а Берсеневъ все рѣже. Между обоими пріятелями завелось что-то странное, что они оба хорошо чувствовали, но назвать не могли, а разъяснить боялись. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

XV.

Анна Васильевна любила сидѣть дома, какъ уже извѣстно читателю; но иногда, совершенно неожиданно, проявлялось въ ней непреодолимое желаніе чего-нибудь необыкновеннаго, какой-нибудь удивительной partie de plaisir; и чѣмъ затруднительнѣе была эта partie de plaisir, чѣмъ больше требовала она приготовленій и сборовъ, чѣмъ больше волновалась сама Анна Васильевна, тѣмъ ей было пріятнѣе. Находилъ ли на нее этотъ *стихъ* зимой — она приказывала нанять двѣ-три ложи рядомъ, собирала всѣхъ своихъ знакомыхъ и отправлялась въ театръ, или даже въ маскарадъ; лѣтомъ—она ѣхала за городъ, куда-нибудь

подальше. На другой день она жаловалась на головную боль, кряхтѣла и не вставала съ постели, а мѣсяца черезъ два въ ней опять загоралась жажда „необыкновеннаго“. То же случилось и теперь. Кто-то упомянулъ при ней о красотахъ Царицына, и Анна Васильевна внезапно объявила, что она послѣ-завтра намѣрена ѣхать въ Царицыно. Поднялась тревога въ домѣ: парочный поскакалъ въ Москву за Николаемъ Артемьевичемъ; съ нимъ же поскакалъ и дворецкій закупать вина, паштетовъ и всякихъ съѣстныхъ припасовъ; Шубину вышелъ приказъ напять ямскую коляску (одной кареты было мало) и приготовить подставныхъ лошадей; казачокъ два раза сбѣгать къ Берсеневу и Писарову, и снесъ имъ двѣ пригласительныя записки, написанныя сперва по-русски, потомъ по-французски, Зоей; сама Анна Васильевна хлопотала о дорожномъ туалетѣ барышень. Между тѣмъ partie de plaisir чуть не разстроилась: Николай Артемьевичъ прибылъ изъ Москвы въ кисломъ и недоброжелательномъ, фрондёрскомъ расположеніи духа (онъ все еще дулся на Августину Христіановну) и, узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшительно объявилъ, что онъ не поѣдетъ;—что скакать изъ Купцова въ Москву, а изъ Москвы въ Царицыно, а изъ Царицына опять въ Москву, а изъ Москвы опять въ Купцово—нелѣпость,—и наконецъ, прибавилъ онъ, пусть мнѣ сперва докажутъ, что на одномъ пунктѣ земного шара можетъ быть веселѣе, чѣмъ на другомъ пунктѣ, тогда я поѣду. Это ему никто, разумѣется, доказать не могъ, и Анна Васильевна, за неимѣніемъ солиднаго кавалера, уже готова была отказаться отъ partie de plaisir, да вспомнила объ Уварѣ Ивановичѣ, и съ горя послала за нимъ въ его комнатку, говоря: „утопающій и за соломинку хватается“. Его разбудили; онъ сошелъ внизъ, выслушалъ молча предложеніе Анны Васильевны, поигралъ пальцами и, къ общему изумленію, согласился. Анна Васильевна поцѣловала его въ щеку и назвала милепькимъ; Николай Артемьевичъ улыбнулся презрительно и сказалъ: quelle bourde! (онъ любилъ при случаѣ употреблять „шикарныя“ французскія слова)—а на слѣдующее утро, въ семь часовъ, карета и коляска,

нагруженныя до верху, выкатились со двора Стаховской дачи. Въ каретѣ сидѣли дамы, горничная и Берсеневъ; Инсаровъ помѣстился на козлахъ; а въ коляскѣ находились Уваръ Ивановичъ и Шубинъ. Уваръ Ивановичъ самъ движеніемъ пальца подозвалъ къ себѣ Шубина; онъ зналъ, что тотъ будетъ дразнить его всю дорогу, но между „черноземной силой“ и молодымъ художникомъ существовала какая-то странная связь и брапчивая откровенность. Впрочемъ, на этотъ разъ Шубинъ оставилъ своего толстаго друга въ покоѣ: онъ былъ молчаливъ, разсѣянъ и мягокъ.

Солнце уже высоко стояло на безоблачной лазури, когда экипажи подкатили къ развалинамъ Царицынскаго замка, мрачнымъ и грознымъ даже въ полдень. Все общество спустилось на траву и тотчасъ же двинулось въ садъ. Впереди шла Елена и Зоя съ Инсаровымъ; за ними съ выраженіемъ полнаго счастія на лицѣ выступала Анна Васильевна подъ руку съ Уваромъ Ивановичемъ. Онъ пыхтѣлъ и переваливался, новая соломенная шляпа рѣзала ему лобъ и ноги горѣли въ сапогахъ, но ему было хорошо; Шубинъ и Берсеневъ замыкали шествіе. „Мы будемъ, братецъ, въ резервѣ, какъ нѣкіе ветераны“, шепнулъ Берсеневу Шубинъ. „Тамъ теперь Болгарія“, прибавилъ онъ, показавъ бровями на Елену.

Погода была чудесная. Все кругомъ цвѣло, жужжало и пѣло; вдали сіяли воды прудовъ; праздничное, свѣтлое чувство охватывало душу. „Ахъ, хорошо! ахъ, хорошо!“ безпрестанно твердила Анна Васильевна; Уваръ Ивановичъ потряхивалъ одобрительно головой въ отвѣтъ на ея восторженныя восклицанія и разъ даже промолвилъ: „Что толковать!“ Елена изрѣдка мѣнялась словами съ Инсаровымъ; Зоя придерживала двумя пальчиками край широкой шляпы, кокетливо выносила изъ-подъ розоваго барежеваго платья свои маленькія ножки, обутыя въ свѣтло-сѣрыя ботинки съ тупыми носками, и посматривала то вбокъ, то назадъ. „Эге!“ воскликнулъ вдругъ вполголоса Шубинъ: „Зоя Никитишна никакъ оглядывается. Пойду-ка я къ ней. Елена Николаевна теперь меня пре-

зираетъ, а тебя, Андрей Петровичъ, уважаетъ, что̀ на одно выходитъ. Пойду; довольно я кисъ. Тебѣ же, мой другъ, совѣтую ботанизировать: въ твоемъ положеніи это самое лучшее, что̀ ты придумать можешь; оно же и въ ученомъ отношеніи полезно. Прощай!“ Шубинъ подбѣжалъ къ Зоѣ, подставилъ ей руку кренделемъ и, сказавъ: „Ihre Hand, Madame“, подхватилъ ее и пустился съ ней впередъ. Елена остановилась, подозвала Берсенева и тоже взяла его руку, но продолжала говорить съ Инсаровымъ. Она спрашивала у него, какъ на его языкѣ называется ландышъ, кленъ, дубъ, липа... (Болгарія! подумалъ бѣдный Андрей Петровичъ.)

Вдругъ впереди раздался крикъ; всѣ подняли голову. Сигарочница Шубина летѣла въ кустъ, брошенная рукой Зои. „Погодите, я съ вами за это разсчитаюсь!“ воскликнулъ онъ, полѣзъ въ кустъ, нашелъ тамъ сигарочницу и вернулся-было къ Зоѣ; но не успѣлъ онъ къ ней приблизиться, какъ уже опять его сигарочница летѣла черезъ дорожку. Разъ пять повторялась эта продѣлка, онъ все хохоталъ и грозился, а Зоя только втихомолку улыбалась и пожималась, какъ кошечка. Наконецъ онъ поймалъ ея пальцы и такъ ихъ тиснулъ, что она пискнула, и долго потомъ дула на руку, притворно сердилась, а онъ ей напѣвалъ что-то на ухо.

— Шалуны, молодой народъ, — весело замѣтила Анна Васильевна Увару Ивановичу.

Тотъ поигралъ перстами.

— Какова Зоя Никитишна?—сказалъ Берсеневъ Еленѣ.

— А Шубинъ?—отвѣчала она.

Между тѣмъ все общество подошло къ бесѣдкѣ, извѣстной подъ именемъ Миловидовой, и остановилось, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ Царицынскихъ прудовъ. Они тянулись одинъ за другимъ на нѣсколько верстъ; сплошные лѣса темнѣли за ними. Мурава, покрывавшая весь скатъ холма до главнаго пруда, придавала самой водѣ необыкновенно-яркій, изумрудный цвѣтъ. Нигдѣ, даже у берега, не вспухала волна, не бѣлѣла пѣна; даже ряби не пробѣгало по ровной глади. Казалось, застывшая масса

стекла тяжело и свѣтло улеглась въ огромной купели, и небо ушло къ ней на дно, и кудрявыя деревья неподвижно глядѣлись въ ея прозрачное лоно. Всѣ долго и молча любовались видомъ; даже Шубинъ притихъ, даже Зоя задумалась. Наконецъ всѣ единодушно захотѣли покататься по водѣ. Шубинъ, Писаровъ и Берсеневъ побѣжали по травѣ взапуски. Они отыскали большую, раскрашенную лодку, отыскали двухъ гребцовъ и позвали дамъ. Дамы сошли къ нимъ; Уваръ Ивановичъ осторожно спустился за дамами. Пока онъ входилъ въ лодку, пока усаживался, много было смѣху. „Смотрите, баринъ, не затопите насъ“, замѣтилъ одинъ изъ гребцовъ, молодой курносый парень въ александрійской рубахѣ. — Ну, ну, фуфыря! — проговорилъ Уваръ Ивановичъ. Лодка отчалила. Молодые люди взялись было за весла, но грести умѣлъ изъ нихъ одинъ Писаровъ. Шубинъ предложилъ спѣть хоромъ какую-нибудь русскую пѣсню, и самъ затянулъ: „Внизъ по матушкѣ“... Берсеневъ, Зоя и даже Анна Васильевна подхватили (Писаровъ не умѣлъ пѣть), но вышла разноголосица, на третьемъ стихѣ пѣвцы запутались, одинъ Берсеневъ пытался продолжать басомъ: „Ничего въ волнахъ не видно“, — но тоже скоро сконфузился. Гребцы перемигнулись и оскалили зубы молча. — Что? — обратился къ нимъ Шубинъ: — видно господа пѣть-то не умѣютъ? — Малый въ александрійской рубахѣ только головой тряхнулъ. — Такъ погоди жъ, курносый, возразилъ Шубинъ, мы тебѣ покажемъ. Зоя Никитишна, спойте намъ: Le lac, Индермейера. Не гребите, вы! — Мокрыя весла поднялись на воздухъ, какъ крылья, и такъ и замерли, звонко роняя капли; лодка проплыла еще немного и остановилась, чуть-чуть закружившись на водѣ, какъ лебедь. Зоя поломалась... Allons! ласково промолвила Анна Васильевна... Зоя скинула шляпу и запѣла: „O, lac, l'année à peine a fini sa carrière...“

Ея небольшой, но чистый голосокъ такъ и помчался по зеркалу пруда; далеко въ лѣсахъ отзывалось каждое слово; казалось, и тамъ кто-то пѣлъ четкимъ и таинственнымъ, но не человѣческимъ, не здѣшнимъ голосомъ. Когда

Зоя кончила, громкое браво раздалось изъ одной прибрежной бесѣдки и оттуда выскочило нѣсколько краснорожихъ нѣмцевъ, пріѣхавшихъ *покейпировать* въ Царицыно. Нѣкоторые изъ нихъ были безъ сюртуковъ, безъ галстуковъ, и даже безъ жилетовъ, и до того неистово кричали: bis! что Анна Васильевна велѣла поскорѣе отъѣхать на другой конецъ пруда. Но, прежде чѣмъ лодка пристала къ берегу, Увару Ивановичу еще разъ удалось удивить своихъ знакомыхъ: замѣтивъ, что въ одномъ мѣстѣ лѣса эхо особенно ясно повторяло каждый звукъ, онъ вдругъ началъ кричать перепеломъ. Сперва всѣ вздрогнули, но тотчасъ же почувствовали истинное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что Уваръ Ивановичъ кричалъ очень вѣрно и похоже. Это его поощрило, и онъ попробовалъ мякать; но мяканье выходило у него не такъ хорошо; онъ крикнулъ еще разъ перепеломъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и умолкъ. Шубинъ бросился его цѣловать: онъ оттолкнулъ его. Въ это мгновеніе лодка причалила, и все общество вышло на берегъ.

Между тѣмъ кучеръ съ лакеемъ и горничной принесли корзинки изъ кареты и приготовили обѣдъ на травѣ подъ старыми липами. Всѣ усѣлись вокругъ разостланной скатерти и принялись за паштетъ и прочія яства. У всѣхъ аппетитъ былъ отличный, а Анна Васильевна то и дѣло угащивала и уговаривала своихъ гостей, чтобы побольше ѣли, увѣряя, что на воздухѣ это очень здорово; она обращалась съ такими рѣчами къ самому Увару Ивановичу. „Будьте спокойны“, промычалъ онъ ей съ набитымъ ртомъ. „Далъ же Господь такой славный день!“ твердила она безпрестанно. Ее нельзя было узнать: она точно двадцатью годами помолодѣла. Берсеневъ замѣтилъ ей это. „Да, да“, сказала она; „была и я, въ мое время, хоть куда; изъ десятка бы меня не выкинули“. Шубинъ присоединился къ Зоѣ и безпрестанно наливалъ ей вина; она отказывалась, онъ ее потчивалъ и кончалъ тѣмъ, что самъ выпивалъ стаканъ и потомъ опять ее потчивалъ; онъ также увѣрялъ ее, что желаетъ преклонить свою голову къ ней на колѣни: она никакъ не хотѣла позволить

ему, „этакую большую вольность“. Елена казалась серьезнѣе всѣхъ, но на сердцѣ у ней было чудное спокойствіе, какого она давно не испытывала. Она чувствовала себя безконечно доброю, и ей все хотѣлось имѣть возлѣ себя не одного только Писарова, но и Берсенева... Андрей Петровичъ смутно понималъ что это значило и вздыхалъ украдкой.

Часы летѣли; вечеръ приближался. Анна Васильевна вдругъ всполошилась. „Ахъ, батюшки мои, какъ поздно“, заговорила она. „Ложито, ложито, господа; пора и бороду утирать“. Она засуетилась, и всѣ засуетились, встали и пошли въ направленіи къ замку, гдѣ находились экипажи. Проходя мимо прудовъ, всѣ остановились, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться Царицынымъ. Вездѣ горѣли яркія, передвечернія краски; небо рдѣло, листья переливчато блистали, возмущенные поднявшимся вѣтеркомъ; растопленнымъ золотомъ струились отдаленныя воды; рѣзко отдѣлялись отъ темной зелени деревьевъ красноватыя башенки и бесѣдки, кое-гдѣ разбросанныя по саду. „Прощай, Царицыно, не забудемъ мы сегодняшнюю поѣздку!“ промолвила Анна Васильевна... Но въ это мгновенье, и какъ бы въ подтвержденіе ея послѣднихъ словъ, случилось странное происшествіе, которое дѣйствительно не такъ-то легко было позабыть.

А именно: не успѣла Анна Васильевна послать свой прощальный привѣтъ Царицыну, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, за высокимъ кустомъ сирени, раздались нестройныя восклицанія, хохотня и крики—и цѣлая гурьба растрепанныхъ мужчинъ, тѣхъ самыхъ любителей пѣнія, которые такъ усердно хлопали Зоѣ, высыпала на дорожку. Господа любители казались сильно навеселѣ. Они остановились при видѣ дамъ; но одинъ изъ нихъ, огромнаго росту, съ бычачьей шеей и бычачьими воспаленными глазами, отдѣлился отъ своихъ товарищей и, неловко раскланиваясь и покачиваясь на ходу, приблизился къ окаменѣвшей отъ испуга Аннѣ Васильевнѣ.

— Бонжуръ, мадамъ,—проговорилъ онъ сиплымъ голосомъ:—какъ ваше здоровье?

Анна Васильевна пошатнулась назадъ.

— А отчего вы,—продолжалъ великанъ дурнымъ русскимъ языкомъ: — не хотѣлъ пѣть bis, когда нашъ компани кричалъ bis, и браво, форо?

— Да, да, отчего?—раздалось въ рядахъ компаніи.

Писаровъ шагнулъ-было впередъ, но Шубинъ остановилъ его и самъ заслонилъ Анну Васильевну.

— Позвольте,— началъ онъ: — почтенный незнакомецъ, выразить вамъ неподдѣльное изумленіе, въ которое вы повергаете всѣхъ насъ своими поступками. Вы, сколько я могу судить, принадлежите къ саксонской отрасли кавказскаго племени; слѣдовательно, мы должны предполагать въ васъ знаніе свѣтскихъ приличій, а между тѣмъ вы заговариваете съ дамой, которой вы не были представлены. Повѣрьте, въ другое время я, въ особенности, былъ бы очень радъ сблизиться съ вами, ибо замѣчаю въ васъ такое феноменальное развитіе мускуловъ: biceps, triceps и deltoïdaeus, что, какъ ваятель, почелъ бы за истинное счастіе имѣть васъ своимъ натурщикомъ; но на сей разъ оставьте насъ въ покоѣ.

„Почтенный незнакомецъ“ выслушалъ всю рѣчь Шубина, презрительно скрутивъ голову на сторону и уперши руки въ бока.

— Я ничего не понимаетъ, что вы говорите такое, — промолвилъ онъ наконецъ.—Вы думаетъ, можетъ-быть, я сапожникъ, или часовыхъ дѣлъ мастеръ? Э! Я офицеръ, я чиновникъ, да.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, — началъ-было Шубинъ...

— А я вотъ что говорю, — продолжалъ незнакомецъ, отстраняя его своею мощною рукой, какъ вѣтку съ дороги: — я говорю: отчего вы не пѣлъ bis, когда мы кричалъ bis? А теперь я сейчасъ, сей минутой уйду, только вотъ пушна, штопъ эта фрейлейнъ, не эта мадамъ, нѣтъ, эта не пушна, а вотъ эта, или эта (онъ указалъ на Елену и Зою), дала мнѣ einen Kuss, какъ мы это говоримъ по-нѣмецки, поцалуйшикъ, да; что жъ? это ничего.

— Ничего, einen Kuss, это ничего,—раздалось опять въ рядахъ компаніи.

— Ih! der Stakramenter! — проговорилъ, давясь отъ смѣху, одинъ уже совершенно чирый нѣмецъ.

Зоя ухватила за руку Писарова, но онъ вырвался у нея и сталъ прямо передъ великорослымъ нахаломъ.

— Извольте идти прочь,—сказалъ онъ ему не громкимъ, но рѣзкимъ голосомъ.

Нѣмецъ тяжело захохоталъ.

— Какъ прочь? Вотъ это и я люблю! Развѣ я тоже не могу гуляйтъ? Какъ это прочь? Отчего прочь?

— Оттого, что вы осмѣлились безпокоить даму,—проговорилъ Писаровъ и вдругъ поблѣднѣлъ:—оттого, что вы пьяны.

— Какъ? я пьянъ? Слышитъ? Hören Sie das, Herr Provisor? Я офицеръ, а онъ смѣетъ... Теперь я требую Satisfaction! Einen Kuss will ich!

— Если вы сдѣлаете еще шагъ,—началъ Писаровъ...

— Ну? И что тогда?

— Я васъ брошу въ воду.

— Въ воду? Herr Je! И только? Ну, посмотримъ, это очень любопытно, какъ это въ воду...

Господинъ *офицеръ* поднялъ руки и подался впередъ, но вдругъ произошло нѣчто необыкновенное: онъ крикнулъ, все огромное туловище его покачнулось, поднялось отъ земли, ноги брыкнули на воздухѣ, и прежде чѣмъ дамы успѣли вскрикнуть, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ понять, какимъ образомъ это сдѣлалось, господинъ *офицеръ*, всей своей массой, съ тяжкимъ плескомъ бухнулся въ прудъ и тотчасъ же исчезъ подъ заклубившейся водой.

— Ай!—дружно взвизгнули дамы.

— Mein Gott!—послышалось съ другой стороны.

Прошла минута... и круглая голова, вся облѣпленная мокрыми волосами, показалась надъ водой; она пускала пузыри, эта голова; двѣ руки судорожно барахтались у самыхъ ея губъ...

— Онъ утонетъ, спасите его, спасите!—закричала Анна

Васильевна Писарову, который стоялъ на берегу разставивъ ноги и глубоко дыша.

— Выплыветъ,—проговорилъ онъ съ презрительной и безжалостной небрежностью.—Пойдемте,—прибавилъ онъ, взявши Анну Васильевну за руку:—пойдемте, Уваръ Ивановичъ, Елена Николаевна.

— А... а... о... о...—раздался въ это мгновеніе вопль несчастнаго нѣмца, успѣвшаго ухватиться за прибрежный тростникъ.

Всѣ двинулись вслѣдъ за Писаровымъ, и всѣмъ пришлось пройти мимо самой „компаніи“. Но лишившись своего главы, гуляки присмирѣли и ни словечка не вымолвили; одинъ только, самый храбрый изъ нихъ, пробормоталъ, потряхивая головой: „Ну, это однако... это, Богъ знаетъ, что.. послѣ этого“; а другой даже шляпу снялъ. Писаровъ казался имъ очень грознымъ, и не даромъ: что-то недоброе, что-то опасное выступило у него на лицѣ. Нѣмцы бросились вытаскивать своего товарища, и тотъ, какъ только очутился на твердой землѣ, началъ слезливо браниться и кричать вслѣдъ этимъ „русскимъ мошенникамъ“, что онъ жаловаться будетъ, что онъ къ самому его превосходительству, графу фонъ-Кизеритцъ пойдетъ...

Но „русскіе мошенники“ не обращали вниманія на его возгласы и, какъ можно скорѣе, спѣшили къ замку. Всѣ молчали, пока шли по саду, только Анна Васильевна слегка охала. Но вотъ они приблизились къ экипажамъ, остановились, и неудержимый, несмолкаемый смѣхъ поднялся у нихъ, какъ у небожителей Гомера. Первый, визгливо, какъ безумный, залился Шубинъ, за нимъ горохомъ забарабанилъ Берсеневъ, тамъ Зоя разсыпалась тонкимъ бисеромъ, Анна Васильевна тоже вдругъ такъ и покатилась, даже Елена не могла не улыбнуться, даже Писаровъ не устоялъ наконецъ. Но громче всѣхъ, и дольше всѣхъ, и неистовѣе всѣхъ хохоталъ Уваръ Ивановичъ: онъ хохоталъ до колотья въ боку, до чихоты, до удушья. Притихнетъ немного, да проговоритъ сквозь слезы: „я... думаю... что это хлопнуло?.. а это... онъ... плашмя“... И вмѣстѣ съ послѣднимъ, судорожно выдавленнымъ сло-

вомъ, новый взрывъ хохота потрясалъ весь его составъ. Зоя его еще больше подзадоривала. „Я, говоритъ, вижу, ноги по воздуху“... — Да, да,—подхватилъ Уваръ Ивановичъ:—ноги, ноги... а тамъ хлопъ! а это онъ п-п-плашмя!— „Да и какъ они это ухитрились, вѣдь нѣмецъ-то втрое больше ихъ былъ?“ спросила Зоя.—А я вамъ доложу,— отвѣтилъ, утирая глаза, Уваръ Ивановичъ:—я видѣлъ: одною рукой за поясницу, ногу подставилъ, да какъ хлопъ! Я слышу: что это?.. а это онъ, плашмя...

Уже экипажи давно тронулись, уже Царицынскій замокъ скрылся изъ виду, а Уваръ Ивановичъ все не могъ успокоиться. Шубинъ, который опять съ нимъ поѣхалъ въ коляскѣ, пристыдилъ его наконецъ.

А Инсарову было совѣстно. Онъ сидѣлъ въ каретѣ противъ Елены (на козлахъ помѣстился Берсеневъ) и молчалъ; она тоже молчала. Онъ думалъ, что она его осуждаетъ; а она не осуждала его. Она очень испугалась въ первую минуту; потомъ ее поразило выраженіе его лица; потомъ она все размышляла. Ей не было совершенно ясно, о чемъ размышляла она. Чувство, испытанное ею въ теченіе дня, исчезло; это она сознавала; но оно замѣнилось чѣмъ-то другимъ, чего она пока не понимала. Partie de plaisir продолжалась слишкомъ долго: вечеръ незамѣтно перешелъ въ ночь. Карета быстро неслась, то вдоль созрѣвающихъ нивъ, гдѣ воздухъ былъ душенъ и душистъ и отзывался хлѣбомъ, то вдоль широкихъ луговъ, и внезапная ихъ свѣжесть била легкою волной по лицу. Небо словно дымилось по краямъ. Наконецъ выплылъ мѣсяцъ, тусклый и красный. Анна Васильевна дремала; Зоя высунулась изъ окна и глядѣла на дорогу. Еленѣ пришло наконецъ въ голову, что она болѣе часу не говорила съ Инсаровымъ. Она обратилась къ нему съ незначительнымъ вопросомъ: онъ тотчасъ радостно отвѣтилъ ей. Въ воздухѣ стали носиться какіе-то неясные звуки; казалось, будто вдали говорили тысячи голосовъ: Москва неслась имъ навстрѣчу. Впереди замелькали огоньки; ихъ становилось все болѣе и болѣе; наконецъ, подъ колесами застучали камни. Анна Васильевна проснулась; всѣ заговорили въ

каретѣ, хотя никто уже не могъ разслышать, о чемъ шла рѣчь: такъ сильно гремѣла мостовая подъ двумя экипажами и тридцатью двумя лошадиными ногами. Длиннымъ и скучнымъ показался переѣздъ изъ Москвы въ Кунцово; всѣ спали или молчали, прижавшись головами къ разнымъ уголкамъ; одна Елена не закрывала глазъ: она не сводила ихъ съ темной фигуры Инсарова. На Шубина напала грусть: вѣтерокъ дулъ ему въ глаза и раздражалъ его; онъ завернулся въ воротникъ шинели и чуть-чуть было не всплакнулъ. Уваръ Ивановичъ благополучно похрапывалъ, качаясь направо и налѣво. Экипажи остановились наконецъ. Два лакея вынесли Анну Васильевну изъ кареты; она совсѣмъ расклеилась и, прощаясь съ своими спутниками, объявила имъ, что она чуть жива; они стали ее благодарить, а она только повторила: „чуть жива". Елена пожала въ первый разъ руку Инсарову, и долго не раздѣвалась, сидя подъ окномъ; а Шубинъ улучилъ время шепнуть уходившему Берсеневу:

— Ну какъ же не герой: въ воду пьяныхъ нѣмцевъ бросаетъ!

— А ты и того не сдѣлалъ,—возразилъ Берсеневъ, и отправился домой съ Инсаровымъ.

Заря уже занималась на небѣ, когда оба пріятеля возвратились на свою квартиру. Солнце еще не вставало, но уже заигралъ холодокъ, сѣдая роса покрыла травы, и первые жаворонки звенѣли высоко-высоко въ полусумрачной воздушной безднѣ, откуда, какъ одинокій глазъ, смотрѣла крупная, послѣдняя звѣзда.

XVI.

Елена, вскорѣ послѣ знакомства съ Инсаровымъ, начала (въ пятый или шестой разъ) дневникъ. Вотъ отрывки изъ этого дневника:

Іюня... Андрей Петровичъ мнѣ приноситъ книги, но я ихъ читать не могу. Сознаться ему въ этомъ—совѣстно; отдать книги, солгать, сказать, что читала—не хочется. Мнѣ кажется, это его огорчитъ. Онъ все за мной замѣ-

частъ. Онъ, кажется, очень ко мнѣ привязанъ. Очень „хорошій человѣкъ Андрей Петровичъ.

...Чего мнѣ хочется? Отчего у меня такъ тяжело на сердцѣ, такъ томно? Отчего я съ завистью гляжу на пролетающихъ птицъ? Кажется, полетѣла бы съ ними, полетѣла — куда, не знаю, только далеко отсюда. И не грѣшно ли это желаніе? У меня здѣсь мать, отецъ, семья. Развѣ я не люблю ихъ? Нѣтъ, я не люблю ихъ такъ, какъ бы хотѣлось любить. Мнѣ страшно вымолвить это, но это правда. Можетъ-быть, я большая грѣшница; можетъ-быть, оттого мнѣ такъ грустно, оттого мнѣ нѣтъ покоя. Какая-то рука лежитъ на мнѣ и давитъ меня. Точно я въ тюрьмѣ, и вотъ-вотъ сейчасъ на меня повалятся стѣны. Отчего же другіе этого не чувствуютъ? Кого же я буду любить, если я къ своимъ холодна? Вино, папенька правъ: онъ упрекаетъ меня, что я люблю одинъхъ собакъ да кошекъ. Надо объ этомъ подумать. Я мало молюсь; надо молиться... А кажется, я бы умѣла любить!

...Я все еще робѣю съ господиномъ Инсаровымъ. Не знаю отчего; я, кажется, не молоденькая, а онъ такой простой и добрый. Иногда у него очень серьезное лицо. Ему, должно-быть, не до насъ. Я это чувствую, и мнѣ какъ будто совѣстно отнимать у него время. Андрей Петровичъ— другое дѣло. Я съ нимъ готова болтать хоть цѣлый день. Но и онъ мнѣ все говоритъ объ Инсаровѣ. И какія страшныя подробности! Я его видѣла сегодня ночью съ кинжаломъ въ рукѣ. И будто онъ мнѣ говоритъ: „Я тебя убью и себя убью". Какія глупости!

...О, если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ: вотъ что ты должна дѣлать! Быть доброю—этого мало; дѣлать добро... да; это главное въ жизни. Но какъ дѣлать добро? О, если бъ я могла овладѣть собою! Не понимаю, отчего я такъ часто думаю о господинѣ Инсаровѣ. Когда онъ приходитъ, и сидитъ, и слушаетъ внимательно, а самъ не старается, не хлопочетъ, я гляжу на него, и мнѣ пріятно— но только; а когда онъ уйдетъ, я все припоминаю его слова, и досадую на себя и даже волнуюсь... сама не знаю

отчего. (Онъ плохо говоритъ по-французски, и не стыдится—это мнѣ нравится.) Впрочемъ, я всегда много думаю о новыхъ лицахъ. Разговаривая съ нимъ, я вдругъ вспомнила нашего буфетчика Василія, который вытащилъ изъ горѣвшей избы безногаго старика и самъ чуть не погибъ. Папенька назвалъ его молодцомъ, маменька дала ему пять рублей, а мнѣ хотѣлось ему въ ноги поклониться. И у него было простое, даже глупое лицо, и онъ потомъ сдѣлался пьяницей.

...Я сегодня подала грошъ одной нищей, а она мнѣ говоритъ: отчего ты такая печальная? А я и не подозрѣвала, что у меня печальный видъ. Я думаю, это отъ того происходитъ, что я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ. Некому протянуть руку. Кто подходитъ ко мнѣ, того не надобно; а кого бы хотѣла... тотъ идетъ мимо.

...Я не знаю, что со мною сегодня; голова моя путается, я готова упасть на колѣни и просить, и умолять пощады. Не знаю, кто и какъ, но меня какъ будто убиваютъ, и внутренно я кричу, и возмущаюсь; я плачу и не могу молчать... Боже мой! Боже мой! укроти во мнѣ эти порывы! Ты одинъ это можешь, все другое безсильно: ни мои ничтожныя милостыни, ни занятія, ничего, ничего, ничего мнѣ помочь не можетъ. Пошла бы куда-нибудь въ служанки, право: мнѣ было бы легче.

Къ чему молодость, къ чему я живу, зачѣмъ у меня душа, зачѣмъ все это?

...Инсаровъ, господинъ Инсаровъ,—я, право, не знаю какъ писать,—продолжаетъ занимать меня. Мнѣ хочется знать, что у него тамъ, въ душѣ? Онъ, кажется, такъ открытъ, такъ доступенъ, а мнѣ ничего не видно. Иногда онъ глядитъ на меня какими-то испытующими глазами... или это одна моя фантазія? Поль меня все дразнитъ—я сердита на Поля. Что ему надобно? Онъ въ меня влюбленъ... да мнѣ не нужно его любви. Онъ и въ Зою влюбленъ. Я къ нему несправедлива; онъ мнѣ вчера сказалъ, что я не умѣю быть несправедливой вполовину... это правда. Это очень дурно.

Ахъ, я чувствую, человѣку нужно несчастье, или бѣдность, или болѣзнь, а то какъ-разъ зазнаешься.

...Зачѣмъ Андрей Петровичъ разсказалъ мнѣ сегодня объ этихъ двухъ болгарахъ! Онъ какъ будто съ намѣреніемъ разсказалъ мнѣ это. Что мнѣ до господина Инсарова? Я сердита на Андрея Петровича.

...Берусь за перо и не знаю какъ начать. Какъ неожиданно онъ сегодня заговорилъ со мною въ саду! Какъ онъ былъ ласковъ и довѣрчивъ! Какъ это скоро сдѣлалось! Точно мы—старые, старые друзья, и только сейчасъ узнали другъ друга. Какъ я могла не понимать его до сихъ поръ! Какъ онъ теперь мнѣ близокъ! И вотъ что удивительно: я теперь гораздо спокойнѣе стала. Мнѣ смѣшно: вчера я сердилась на Андрея Петровича, на него, я даже назвала его *господинъ Инсаровъ*, а сегодня... Вотъ, наконецъ, правдивый человѣкъ; вотъ на кого положиться можно. Этотъ не лжетъ; это первый человѣкъ, котораго я встрѣчаю, который не лжетъ: всѣ другіе лгутъ, все лжетъ. Андрей Петровичъ, милый, добрый, за что же я васъ обижаю? Нѣтъ! Андрей Петровичъ, можетъ-быть, ученѣе его, можетъ-быть, даже умнѣе... Но, я не знаю, онъ передъ нимъ такой маленькій. Когда *тотъ* говоритъ о своей родинѣ, онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ какъ сталь, и нѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, передъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ—онъ дѣлалъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу... Какъ онъ вдругъ обернулся ко мнѣ и улыбнулся мнѣ!.. Только братья такъ улыбаются. Ахъ, какъ я довольна! Когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ, я никакъ не думала, что мы такъ скоро сблизимся. А теперь мнѣ даже нравится, что я въ первый разъ осталась равнодушною? Равнодушною! Развѣ я теперь не равнодушна?

...Я давно не чувствовала такого внутренняго спокойствія. Такъ тихо во мнѣ, такъ тихо. И записывать нечего. Я его часто вижу, вотъ и все. Что еще записывать?

...Поль заперся, Андрей Петровичъ сталъ рѣже ходить... бѣдный! мнѣ кажется, онъ... Впрочемъ, это быть не мо-

жетъ. Я люблю говорить съ Андреемъ Петровичемъ: никогда ни слова о себѣ, все о чемъ-нибудь дѣльномъ, полезномъ. Не то, что Шубинъ. Шубинъ наряденъ, какъ бабочка, да любуется своимъ нарядомъ; этого бабочки не дѣлаютъ. Впрочемъ, и Шубинъ, и Андрей Петровичъ... я знаю, что я хочу сказать.

...*Ему* пріятно къ намъ ходить, я это вижу. Но отчего? что онъ нашелъ во мнѣ? Правда, у насъ вкусы похожи: и онъ, и я, мы оба стиховъ не любимъ: оба не знаемъ толка въ художествѣ. Но насколько онъ лучше меня! Онъ спокоенъ, а я въ вѣчной тревогѣ; у него есть дорога, есть цѣль—а я, куда я иду? гдѣ мое гнѣздо? Онъ спокоенъ, но всѣ его мысли далеко. Придетъ время, и онъ покинетъ насъ навсегда, уйдетъ къ себѣ, туда, за море. Что-жъ? Дай Богъ ему! А я, все-таки, буду рада, что я его узнала, пока онъ здѣсь былъ.

Отчего онъ не русскій? Нѣтъ, онъ не могъ быть русскимъ.

И мамаша его любитъ; говоритъ: скромный человѣкъ. Добрая мамаша! Она его не понимаетъ. Поль молчитъ: онъ догадался, что мнѣ его намеки непріятны, но онъ къ нему ревнуетъ. Злой мальчикъ! И съ какого права? Развѣ я когда-нибудь...

Все это пустяки! Зачѣмъ мнѣ это все въ голову приходитъ?

...А вѣдь странно однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила? Мнѣ кажется, что у Д. (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Димитрій) отъ того такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу: *то* хочетъ. Кстати, и онъ, и я, мы одни цвѣты любимъ. Я сегодня сорвала розу. Одинъ листокъ упалъ, онъ его поднялъ... Я ему отдала всю розу.

...Д. къ намъ ходитъ часто. Вчера онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Онъ хочетъ учить меня по-болгарски. Мнѣ съ нимъ хорошо, какъ дома. Лучше, чѣмъ дома.

...Дни летятъ... И хорошо мнѣ, и почему-то жутко, и Бога благодарить хочется, и слезы не далеко. О, теплые, свѣтлые дни!

...Мнѣ все попрежнему легко, и только изрѣдка, изрѣдка, немножко грустно. Я счастлива. Счастлива ли я?

...Долго не забуду я вчерашней поѣздки. Какія странныя, новыя, страшныя впечатлѣнія! Когда онъ вдругъ взялъ этого великана и швырнулъ его, какъ мячикъ, въ воду, я не испугалась... но онъ меня испугалъ. И потомъ—какое лицо зловѣщее, почти жестокое! Какъ онъ сказалъ: выплыветъ! Это меня перевернуло. Стало-быть, я его не понимала. И потомъ, когда всѣ смѣялись, когда я смѣялась, какъ мнѣ было больно за него! Онъ стыдился, я это чувствовала, онъ меня стыдился. Онъ мнѣ это сказалъ потомъ, въ каретѣ, въ темнотѣ, когда я старалась его разглядѣть и боялась его. Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ-быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ, и остаться кроткимъ и мягкимъ? Жизнь дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила это слово Андрею Петровичу; онъ не согласился съ Д. Кто изъ нихъ правъ? А какъ начался этотъ день! Какъ мнѣ было хорошо идти съ нимъ рядомъ, даже молча... Но я рада тому, что случилось. Видно, такъ слѣдовало.

...Опять безпокойство... Я не совсѣмъ здорова.

...Я всѣ эти дни ничего не записывала въ этой тетрадкѣ, потому что писать не хотѣлось. Я чувствовала: что бы я ни написала, все будетъ не то, что у меня на душѣ... А что у меня на душѣ? Я имѣла съ нимъ большой разговоръ, который мнѣ открылъ многое. Онъ мнѣ разсказалъ свои планы (кстати, я теперь знаю, отчего у него рана на шеѣ... Боже мой! когда я подумаю, что онъ уже былъ приговоренъ къ смерти, что онъ едва спасся, что его изранили...) Онъ предчувствуетъ войну и радуется ей. И со всѣмъ тѣмъ, я никогда не видала Д. такимъ грустнымъ. О чемъ онъ... онъ!.. можетъ грустить? Папенька изъ города вернулся, засталъ насъ обо-

ихъ, и какъ-то странно поглядѣлъ на насъ. Андрей Петровичъ пришелъ: я замѣтила, что онъ очень сталъ худъ и блѣденъ. Онъ упрекнулъ меня, будто бы я уже слишкомъ холодно и небрежно обращаюсь съ Шубинымъ. А я совсѣмъ забыла о Полѣ. Увижу его, постараюсь загладить свою вину. Мнѣ теперь не до него... и ни до кого въ мірѣ. Андрей Петровичъ заговорилъ со мною съ какимъ-то сожалѣніемъ. Что все это значитъ? Отчего такъ темно вокругъ меня и во мнѣ? Мнѣ кажется, что вокругъ меня и во мнѣ происходитъ что-то загадочное, что нужно найти слово...

...Я не спала ночь, голова болитъ. Къ чему писать? Онъ сегодня ушелъ такъ скоро, а мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ... Онъ какъ будто избѣгаетъ меня. Да, онъ меня избѣгаетъ.

...Слово найдено, свѣтъ озарилъ меня! Боже! сжалься надо мною... Я влюблена!

XVII.

Въ тотъ самый день, когда Елена вписывала это послѣднее, роковое слово въ свой дневникъ, Инсаровъ сидѣлъ у Берсенева въ комнатѣ, а Берсеневъ стоялъ передъ нимъ, съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ. Инсаровъ только-что объявилъ ему о своемъ намѣреніи на другой же день переѣхать въ Москву.

— Помилуйте! — воскликнулъ Берсеневъ: — теперь наступаетъ самое красное время. Что вы будете дѣлать въ Москвѣ? Что за внезапное рѣшеніе! Или вы получили какое-нибудь извѣстіе?

— Я никакого извѣстія не получалъ,—возразилъ Инсаровъ: — но, по моимъ соображеніямъ, мнѣ нельзя здѣсь оставаться.

— Да какъ это можно...

— Андрей Петровичъ,—проговорилъ Инсаровъ:—будьте такъ добры, не настаивайте, прошу васъ. Мнѣ самому тяжело разстаться съ вами, дѣлать нечего.

Берсеневъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Я знаю,—проговорилъ онъ, наконецъ:—васъ не убѣдишь. Итакъ, это дѣло рѣшеное?

— Совершенно рѣшеное, — отвѣчалъ Инсаровъ, всталъ и удалился.

Берсеневъ прошелся по комнатѣ, взялъ шляпу и отправился къ Стаховымъ.

— Вы имѣете сообщить мнѣ что́-то,—сказала ему Елена, какъ только они остались вдвоемъ.

— Да; почему вы догадались?

— Это все равно. Говорите, что̀ такое?

Берсеневъ передалъ ей рѣшеніе Инсарова.

Елена поблѣднѣла.

— Что̀ это значитъ?—произнесла она съ трудомъ.

— Вы знаете, — промолвилъ Берсеневъ: — что Дмитрій Никаноровичъ не любитъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ. Но я думаю... Сядемте, Елена Николаевна, вы какъ будто не совсѣмъ здоровы... Я, кажется, могу догадаться, какая собственно причина этого внезапнаго отъѣзда.

— Какая, какая причина? — повторила Елена, крѣпко стискивая, и сама того не замѣчая, руку Берсенева въ своей похолодѣвшей рукѣ.

— Вотъ видите ли, — началъ Берсеневъ съ грустною улыбкой: — какъ бы это вамъ объяснить? Придется мнѣ возвратиться къ нынѣшней веснѣ, къ тому времени, когда я ближе познакомился съ Инсаровымъ. Я тогда встрѣтился съ нимъ въ домѣ одного родственника: у этого родственника была дочка, очень хорошенькая. Мнѣ показалось, что Инсаровъ къ ней неравнодушенъ, и я сказалъ ему это. Онъ разсмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что я ошибался, что сердце его не пострадало, но что онъ немедленно бы уѣхалъ, если бы что-нибудь подобное съ нимъ случилось, такъ какъ онъ не желаетъ, — это были его собственныя слова, — для удовлетворенія личнаго чувства измѣнить своему дѣлу и своему долгу. „Я болгаръ“, сказалъ онъ: „и мнѣ русской любви не нужно“...

— Ну... и что же... вы теперь... — прошептала Елена,

невольно отворачивая голову, какъ человѣкъ, ожидающій удара, но все не выпуская схваченной руки Берсенева.

— Я думаю,—промолвилъ онъ, и самъ понизилъ голосъ:—я думаю, что теперь сбылось то, что я тогда напрасно предполагалъ.

— То-есть... вы думаете... не мучьте меня!—вырвалось вдругъ у Елены.

— Я думаю,— поспѣшно подхватилъ Берсеневъ: — что Инсаровъ полюбилъ теперь одну русскую дѣвушку и, по обѣщанію своему, рѣшается бѣжать.

Елена еще крѣпче стиснула его руку и еще ниже наклонила голову, какъ бы желая спрятать отъ чужого взора румянецъ стыда, обливший внезапнымъ пламенемъ все лицо ея и шею.

— Андрей Петровичъ, вы добры, какъ ангелъ,—проговорила она:—но вѣдь онъ придетъ проститься?

— Да, я полагаю, навѣрное онъ придетъ, потому что не захочетъ уѣхать...

— Скажите ему, скажите...

Но тутъ бѣдная дѣвушка не выдержала: слезы хлынули у ней изъ глазъ, и она выбѣжала изъ комнаты.

„Такъ вотъ какъ она его любитъ“, думалъ Берсеневъ, медленно возвращаясь домой. „Я этого не ожидалъ; я не ожидалъ, что это уже такъ сильно. Я добръ, говоритъ она“, продолжалъ онъ свои размышленія... „Кто скажетъ, въ силу какихъ чувствъ и побужденій я сообщилъ все это Еленѣ? Но не по добротѣ, не по добротѣ. Все проклятое желаніе убѣдиться, дѣйствительно ли кинжалъ сидитъ въ ранѣ? Я долженъ быть доволенъ — они любятъ другъ друга, и я имъ помогъ... „Будущій посредникъ между наукой и россійскою публикой“, зоветъ меня Шубинъ; видно, мнѣ на роду написано быть посредникомъ. Но если я ошибся? Нѣтъ, я не ошибся...“

Горько было Андрею Петровичу, и не шелъ ему въ голову Раумеръ.

На слѣдующій день, часу во второмъ, Инсаровъ явился къ Стаховымъ. Какъ нарочно, о ту пору въ гостиной Анны Васильевны сидѣла гостья, сосѣдка-протопопица, очень

хорошая и почтенная женщина, но имѣвшая маленькую непріятность съ полиціей за то, что вздумала въ самый припекъ жара выкупаться въ пруду, близъ дороги, по которой часто проѣзжало какое-то важное генеральское семейство. Присутствіе посторонняго лица было сперва даже пріятно Еленѣ, у которой кровинки въ лицѣ не осталось, какъ только она услышала походку Инсарова; но сердце у ней замерло при мысли, что онъ можетъ проститься, не поговоривши съ ней наединѣ. Онъ же казался смущеннымъ и избѣгалъ ея взгляда. „Неужели онъ сейчасъ будетъ прощаться?“ думала Елена. Дѣйствительно, Инсаровъ обратился-было къ Аннѣ Васильевнѣ; Елена поспѣшно встала и отозвала его въ сторону, къ окну. Протопопица удивилась и попыталась обернуться; но она такъ туго затянулась, что корсетъ скрипѣлъ на ней при каждомъ движеніи. Она осталась неподвижною.

— Послушайте, — торопливо проговорила Елена: — я знаю, зачѣмъ вы пришли; Андрей Петровичъ сообщилъ мнѣ ваше намѣреніе, но я прошу васъ, я васъ умоляю не прощаться съ нами сегодня, а придти завтра сюда пораньше, часовъ въ одиннадцать. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Инсаровъ молча наклонилъ голову.

— Я васъ не буду удерживать... Вы мнѣ обѣщаете?

Инсаровъ опять поклонился, но ничего не сказалъ.

— Леночка, поди сюда,—промолвила Анна Васильевна:— посмотри: какой у матушки чудесный ридикюль.

— Сама вышивала,—замѣтила протопопица.

Елена отошла отъ окна.

Инсаровъ остался не болѣе четверти часа у Стаховыхъ. Елена наблюдала за нимъ украдкой. Онъ переминался на мѣстѣ, попрежнему не зналъ, куда дѣвать глаза, и ушелъ какъ-то странно, внезапно; точно исчезъ.

Медлительно прошелъ этотъ день для Елены; еще медлительнѣе протянулась долгая, долгая ночь. Елена то сидѣла на кровати, обнявъ колѣни руками и положивъ на нихъ голову, то подходила къ окну, прикладывалась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу, и думала, думала, до

изнуренія думала все однѣ и тѣ же думы. Сердце у ней не то окаменѣло, не то исчезло изъ груди; она его не чувствовала, но въ головѣ тяжко бились жилы, и волосы ее жгли, и губы сохли. „Онъ придетъ... онъ не простился съ мамашей... онъ не обманетъ... Неужели Андрей Петровичъ правду сказалъ? Быть не можетъ... Онъ словами не обѣщалъ придти... Неужели я навсегда съ нимъ разсталась“... Вотъ какія мысли не покидали ея... именно не покидали: онѣ не приходили, не возвращались,—онѣ безпрестанно колыхались въ ней, какъ туманъ. „Онъ меня любитъ!“ вспыхивало вдругъ во всемъ ея существѣ, и она пристально глядѣла въ темноту; никому не видимая, тайная улыбка раскрывала ея губы... но она тотчасъ встряхивала головой, заносила къ затылку сложенные пальцы рукъ, и снова, какъ туманъ, колыхались въ ней прежнія думы. Передъ утромъ она раздѣлась и легла въ постель, но заснуть не могла. Первые огненные лучи солнца ударили въ ея комнату... „О, если онъ меня любитъ!“ воскликнула она вдругъ, и не стыдясь озарившаго ее свѣта, раскрыла свои объятія...

Она встала, одѣлась, сошла внизъ. Еще никто не просыпался въ домѣ. Она пошла въ садъ; но въ саду такъ было тихо, и зелено, и свѣжо, такъ довѣрчиво чирикали птицы, такъ радостно выглядывали цвѣты, что ей жутко стало. „О!“ подумала она: „если это правда, нѣтъ ни одной травки счастливѣе меня,—да правда ли это?“ Она вернулась въ свою комнату, и, чтобъ какъ-нибудь убить время, стала мѣнять платье. Но все у ней падало и скользило изъ рукъ, и она еще сидѣла, полураздѣтая, передъ своимъ туалетнымъ зеркальцемъ, когда ее позвали чай пить. Она сошла внизъ; мать замѣтила ея блѣдность, но сказала только: „какая ты сегодня интересная“, и, окинувъ ее взглядомъ, прибавила: „Это платье очень къ тебѣ идетъ; ты его всегда надѣвай, когда вздумаешь кому понравиться“. Елена ничего не отвѣчала и сѣла въ уголокъ. Между тѣмъ пробило девять часовъ; до одиннадцати оставалось еще два часа. Елена взялась за книгу, потомъ за шитье, потомъ опять за книгу; потомъ она дала себѣ слово пройтись сто

разъ по одной аллеѣ, и прошлась сто разъ; потомъ она долго смотрѣла, какъ Анна Васильевна пасьянсъ раскладывала... да взглянула на часы: еще десяти не было. Шубинъ пришелъ въ гостиную. Она попыталась заговорить съ нимъ и извинилась передъ нимъ, сама не зная въ чемъ... Каждое ея слово не то чтобъ усилій ей стоило, не возбуждало въ ней самой какое-то недоумѣніе. Шубинъ нагнулся къ ней. Она ожидала насмѣшки, подняла глаза, и увидала передъ собою печальное и дружелюбное лицо... Она улыбнулась этому лицу. Шубинъ тоже улыбнулся ей, молча, и тихонько вышелъ. Она хотѣла удержать его, но не тотчасъ вспомнила, какъ позвать его. Наконецъ, пробило одиннадцать часовъ. Она стала ждать, ждать, ждать и прислушиваться. Она уже ничего не могла дѣлать; она перестала даже думать. Сердце въ ней ожило и стало биться громче, все громче, и странное дѣло! время какъ-будто помчалось быстрѣе. Прошло четверть часа, прошло полчаса, прошло еще нѣсколько минутъ, по мнѣнію Елены, и вдругъ она вздрогнула: часы пробили не двѣнадцать, они пробили часъ. „Онъ не придетъ, онъ уѣдетъ, не простясь...“ Эта мысль, вмѣстѣ съ кровью, такъ и бросилась ей въ голову. Она почувствовала, что дыханіе ей захватываетъ, что она готова зарыдать... Она побѣжала въ свою комнату и упала, лицомъ на сложенныя руки, на постель.

Полчаса пролежала она неподвижно; сквозь ея пальцы на подушку лились слезы. Она вдругъ приподнялась и сѣла: что-то странное совершалось въ ней! лицо ея измѣнилось, влажные глаза сами собой высохли и заблестѣли, брови надвинулись, губы сжались. Прошло еще полчаса. Елена въ послѣдній разъ приникла ухомъ: не долетитъ ли до нея знакомый голосъ? встала, надѣла шляпу, перчатки, накинула мантилью на плечи и, незамѣтно выскользнувъ изъ дома, пошла проворными шагами по дорогѣ, ведущей къ квартирѣ Берсенева.

XVIII.

Елена шла, потупивъ голову и неподвижно устремивъ глаза впередъ. Она ничего не боялась, она ничего не соображала; она хотѣла еще разъ увидаться съ Инсаровымъ. Она шла, не замѣчая, что солнце давно скрылось, заслоненное тяжелыми черными тучами, что вѣтеръ порывисто шумѣлъ въ деревьяхъ и клубилъ ея платье, что пыль внезапно поднималась и неслась столбомъ по дорогѣ... Крупный дождикъ закапалъ, она и его не замѣчала; но онъ пошелъ все чаще, все сильнѣе, сверкнула молнія, громъ ударилъ. Елена остановилась, посмотрѣла вокругъ... Къ ея счастію, невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ застала ее гроза, находилась ветхая заброшенная часовенка надъ развалившимся колодцемъ. Она добѣжала до нея и вошла подъ низенькій навѣсъ. Дождь хлынулъ ручьями; небо кругомъ обложилось. Съ нѣмымъ отчаяніемъ глядѣла Елена на частую сѣтку быстро падавшихъ капель. Послѣдняя надежда увидѣться съ Инсаровымъ исчезла. Старушка-нищая вошла въ часовенку, отряхнулась, проговорила съ поклономъ: „отъ дождя, матушка“, и, кряхтя и охая, присѣла на уступчикъ возлѣ колодца. Елена опустила руку въ карманъ: старушка замѣтила это движеніе, и лицо ея, сморщенное и желтое, но когда-то красивое, оживилось. „Спасибо тебѣ, кормилица, родная“, начала она. Въ карманѣ Елены не нашлось кошелька, а старушка протягивала уже руку...

— Денегъ у меня нѣтъ, бабушка,—сказала Елена:—а вотъ, возьми, на что-нибудь пригодится.

Она подала ей свой платокъ.

— О-охъ, красавица ты моя,—проговорила нищая:—да на что же мнѣ платочекъ твой? Развѣ внучкѣ подаришь, когда замужъ выходить будетъ. Пошли тебѣ Господь за твою доброту!

Раздался ударъ грома.

— Господи, Іисусе Христе, — пробормотала нищая и перекрестилась три раза. — Да никакъ я уже тебя за-

дѣла,—прибавила она, погодя немного.—Никакъ ты мнѣ Христову милостыню подавала?

Елена вглядѣлась въ старуху и узнала ее.

— Да, бабушка, — отвѣчала она. — Ты еще меня спросила, отчего я такая печальная?

— Такъ, голубка, такъ. То-то я тебя признала. Да ты и теперь словно кручинна живешь. Вотъ и платочекъ твой мокрый, знать отъ слезъ. Охъ, вы молодушки, всѣмъ вамъ одна печаль, горе великое!

— Какая же печаль, бабушка?

— Какая? Эхъ, барышня хорошая, не моги ты со мной, со старухой, лукавить. Знаю я, о чемъ ты тужишь: не сиротское твое горе. Вѣдь и я была молода, свѣтикъ, мытарства-то эти я тоже проходила. Да. А я тебѣ, за твою доброту, вотъ что скажу: попался тебѣ человѣкъ хорошій, не вѣтреникъ, ты уже держись одного; крѣпче смерти держись. Ужъ быть, такъ быть, а не быть, видно Богу такъ угодно. Да. Ты что на меня дивишься? я та же ворожея. Хошь, унесу съ твоимъ платочкомъ все твое горе! Унесу, и полно. Вишь, дождикъ рѣденькій пошелъ; ты-то подожди еще, а я пойду. Меня ему не впервой мочить. Помни же, голубка: была печаль, сплыла печаль, и помину ей нѣтъ. Господи, помилуй!

Нищая приподнялась съ уступчика, вышла изъ часовенки и поплелась своею дорогой. Елена съ изумленіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ. „Что это значитъ?“ прошептала она невольно.

Дождикъ сѣялся все мельче и мельче, солнце заиграло на мгновеніе. Елена уже собиралась покинуть свое убѣжище... Вдругъ, въ десяти шагахъ отъ часовни, она увидѣла Инсарова. Закутанный плащомъ, онъ шелъ по той же самой дорогѣ, по которой пришла Елена; казалось, онъ спѣшилъ домой.

Она оперлась рукой о ветхое перильце крылечка, хотѣла позвать его, но голосъ измѣнилъ ей... Инсаровъ уже проходилъ мимо, не поднимая головы...

— Дмитрій Никаноровичъ!—проговорила она наконецъ.

Инсаровъ внезапно остановился, оглянулся... Въ первую

минуту онъ не узналъ Елены, но тотчасъ же подошелъ къ ней.

— Вы! вы здѣсь!—воскликнулъ онъ.

Она отступила, молча, въ часовню. Инсаровъ послѣдовалъ за Еленой.

— Вы здѣсь?—повторилъ онъ.

Она продолжала молчать, и только глядѣла на него какимъ-то долгимъ, мягкимъ взглядомъ. Онъ опустилъ глаза.

— Вы шли отъ насъ?—спросила она его.

— Нѣтъ... не отъ васъ.

— Нѣтъ? — повторила Елена и постаралась улыбнуться. — Такъ-то вы держите ваши обѣщанія? Я васъ ждала съ утра.

— Я вчера, вспомните Елена Николаевна, ничего не обѣщалъ.

Елена опять едва улыбнулась, и провела рукой по лицу. И лицо, и рука были очень блѣдны.

— Вы, стало-быть, хотѣли уѣхать, не простившись съ нами?

— Да,—сурово и глухо промолвилъ Инсаровъ.

— Какъ? Послѣ нашего знакомства, послѣ этихъ разговоровъ, послѣ всего... Стало-быть, если бъ я васъ здѣсь не встрѣтила случайно (голосъ Елены зазвенѣлъ, и она умолкла на мгновеніе)... такъ бы вы и уѣхали, и руки бы мнѣ не пожали въ послѣдній разъ, и вамъ бы не было жаль?

Инсаровъ отвернулся.

— Елена Николаевна, пожалуйста, не говорите такъ. Мнѣ и безъ того не весело. Повѣрьте, мое рѣшеніе мнѣ стоило большихъ усилій. Если бъ вы знали...

— Я не хочу знать!—съ испугомъ перебила его Елена:— зачѣмъ вы ѣдете... Видно, такъ нужно. Видно, намъ должно разстаться. Вы безъ причины не захотѣли бы огорчить вашихъ друзей. Но развѣ такъ разстаются друзья? Вѣдь мы друзья съ вами, не правда ли?

— Нѣтъ,—сказалъ Инсаровъ.

— Какъ?.. — промолвила Елена. Щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ.

— Я именно отъ того и уѣзжаю, что мы не друзья. Не заставляйте меня сказать то, что я не хочу сказать, что я не скажу.

— Вы прежде были со мной откровенны,—съ легкимъ упрекомъ произнесла Елена.—Помните?

— Тогда я могъ быть откровеннымъ, тогда мнѣ скрывать было нечего; а теперь...

— А теперь?—спросила Елена.

— А теперь... А теперь я долженъ удалиться. Прощайте.

Если бъ въ это мгновеніе Инсаровъ поднялъ глаза на Елену, онъ бы замѣтилъ, что лицо ея все больше свѣтлѣло, чѣмъ больше онъ самъ хмурился и темнѣлъ; но онъ упорно глядѣлъ на полъ.

— Ну, прощайте, Дмитрій Никаноровичъ, — начала она.—Но, по крайней мѣрѣ, такъ какъ мы уже встрѣтились, дайте мнѣ теперь вашу руку.

Инсаровъ протянулъ-было руку.

— Нѣтъ, и этого я не могу,—промолвилъ онъ и отвернулся снова.

— Не можете?

— Не могу. Прощайте.

И онъ отправился къ выходу часовни.

— Погодите еще немножко,—сказала Елена.—Вы какъ будто боитесь меня. А я храбрѣе васъ, — прибавила она съ внезапной легкой дрожью во всемъ тѣлѣ.—Я могу вамъ сказать... хотите?.. отчего вы меня здѣсь застали? Знаете ли, куда я шла?

Инсаровъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Елену.

— Я шла къ вамъ.

— Ко мнѣ?

Елена закрыла лицо.

— Вы хотѣли заставить меня сказать, что я васъ люблю,—прошептала она:—вотъ... я сказала.

— Елена!—вскрикнулъ Инсаровъ.

Она приняла руки, взглянула на него, и упала къ нему на грудь.

Онъ крѣпко обнялъ ее и молчалъ. Ему не нужно было

говорить ей, что онъ ее любитъ. Изъ одного его восклицанія, изъ этого мгновеннаго преобразованія всего человѣка, изъ того, какъ поднималась и опускалась эта грудь, къ которой она такъ довѣрчиво прильнула, какъ прикасались концы его пальцевъ къ ея волосамъ, Елена могла понять, что она любима. Онъ молчалъ, и ей не нужно было словъ. „Онъ тутъ, онъ любитъ... чего жъ еще?“ Тишина блаженства, тишина невозмутимой пристани, достигнутой цѣли, та небесная тишина, которая и самой смерти придаетъ и смыслъ, и красоту, наполнила ее всю своею божественной волной. Она ничего не желала, потому что она обладала всѣмъ. „О, мой братъ, мой другъ, мой милый!..“ шептали ея губы, и она сама не знала, чье это сердце, его ли, ея ли, такъ сладостно билось и таяло въ ея груди.

А онъ стоялъ неподвижно, онъ окружалъ своими крѣпкими объятіями эту молодую, отдавшуюся ему жизнь, онъ ощущалъ на груди это новое, безконечно дорогое бремя; чувство умиленія, чувство благодарности неизъяснимой разбило въ прахъ его твердую душу, и никогда еще не извѣданныя слезы навернулись на его глаза...

А она не плакала; она твердила только: „О, мой другъ, о, мой братъ!“

— Такъ ты пойдешь за мною всюду? — говорилъ онъ ей, четверть часа спустя, попрежнему окружая и поддерживая ее своими объятіями.

— Всюду, на край земли. Гдѣ ты будешь, тамъ я буду.

— И ты себя не обманываешь, ты знаешь, что родители твои никогда не согласятся на нашъ бракъ?

— Я себя не обманываю; я это знаю.

— Ты знаешь, что я бѣденъ, почти нищій?

— Знаю.

— Что я не русскій, что мнѣ не суждено жить въ Россіи, что тебѣ придется разорвать всѣ твои связи съ отечествомъ, съ родными?

Знаю, знаю.

Ты знаешь также, что я посвятилъ себя дѣлу труд-

ному, неблагодарному, что мнѣ... что намъ придется подвергаться не однѣмъ опасностямъ, но и лишеніямъ, униженію, быть-можетъ?

— Знаю, все знаю... Я тебя люблю.

— Что ты должна будешь отстать отъ всѣхъ твоихъ привычекъ, что тамъ, одна, между чужими, ты, можетъ-быть, принуждена будешь работать...

Она положила ему руку на губы.

— Я люблю тебя, мой милый.

Онъ началъ горячо цѣловать ея узкую, розовую руку. Елена не отнимала ея отъ его губъ, и съ какою-то дѣтскою радостью, съ смѣющимся любопытствомъ глядѣла, какъ онъ покрывалъ поцѣлуями то самую руку ея, то пальцы...

Вдругъ она покраснѣла и спрятала свое лицо на его груди.

Онъ ласково приподнялъ ея голову и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Такъ здравствуй же, — сказалъ онъ ей: — моя жена передъ людьми и передъ Богомъ!

XIX.

Часъ спустя, Елена съ шляпой въ одной рукѣ, съ мантильей въ другой, тихо входила въ гостиную дачи. Волосы ея слегка развились, на каждой щекѣ виднѣлось маленькое розовое пятнышко, улыбка не хотѣла сойти съ ея губъ, глаза смыкались и, полузакрытые, тоже улыбались. Она едва переступала отъ усталости, и ей была пріятна эта усталость: да и все ей было пріятно. Все казалось ей милымъ и ласковымъ. Уваръ Ивановичъ сидѣлъ подъ окномъ; она подошла къ нему, положила ему руку на плечо, потянулась немного и какъ-то невольно засмѣялась.

— Чему?—спросилъ онъ, удивившись.

Она не знала, что сказать. Ей хотѣлось поцѣловать Увара Ивановича.

— Плашмя!..—промолвила она наконецъ.

Но Уваръ Ивановичъ даже бровью не повелъ и про-

должалъ съ удивленіемъ глядѣть на Елену. Она уронила на него мантилью и шляпу.

— Милый Уваръ Ивановичъ, — проговорила она: — я спать хочу, я устала, — и она опять засмѣялась и упала на кресло возлѣ него.

— Гмъ,—крикнулъ Уваръ Ивановичъ и заигралъ пальцами.—Это, надо бы, да...

А Елена глядѣла вокругъ себя и думала: „Со всѣмъ этимъ я скоро должна разстаться... и странно: нѣтъ во мнѣ ни страха, ни сомнѣнія, ни сожалѣнія... Нѣтъ, мамаши жалко!“ Потомъ опять возникла передъ ней часовенка, прозвучалъ опять его голосъ, она почувствовала вокругъ себя его руки. Сердце ея радостно, но слабо шевельнулось: истома счастія лежала и на немъ. Вспомнилась ей старушка-нищая. „Точно, унесла она мое горе“, подумала она. „О, какъ я счастлива! какъ незаслуженно! какъ скоро!“ Ей бы стоило дать себѣ крошечку воли, и полились бы у нея сладкія, нескончаемыя слезы. Она удерживала ихъ только тѣмъ, что посмѣивалась. Какое положеніе она ни принимала, ей казалось, что ужъ лучше и ловчѣе нельзя: точно ее баюкали. Всѣ движенія ея были медленны и мягки; куда дѣвалась ея торопливость, ея угловатость? Вошла Зоя: Елена рѣшила, что она не видала прелестнѣе личика; Анна Васильевна вошла: что-то кольнуло Елену, но съ какою нѣжностію она обняла свою добрую мать и поцѣловала ее въ лобъ, подлѣ волосъ, уже слегка посѣдѣлыхъ! Потомъ она отправилась въ свою комнатку: какъ тамъ ей все улыбнулось! Съ какимъ чувствомъ стыдливаго торжества и смиренія сѣла она на свою кроватку, на ту самую кроватку, гдѣ три часа тому назадъ она провела такія горькія мгновенія! „А вѣдь ужъ я тогда знала, что онъ меня любитъ“, подумала она: „да и прежде... Ай, нѣтъ! нѣтъ! это грѣхъ. „Ты моя жена“... прошептала она, закрывшись руками, и бросилась на колѣни.

Къ вечеру она стала задумчивѣе. Грусть ее взяла при мысли, что она не скоро увидится съ Инсаровымъ. Онъ не могъ, не возбуждая подозрѣнія, оставаться у Берсе-

нева, и потому вотъ на чемъ они съ Еленой порѣшили: Инсаровъ долженъ былъ вернуться въ Москву и пріѣхать къ нимъ въ гости раза два до осени; съ своей стороны, она обѣщалась писать ему письма и, если будетъ можно, назначить ему свиданіе, гдѣ-нибудь около Кунцова. Къ чаю она сошла въ гостиную и застала тамъ всѣхъ своихъ домашнихъ и Шубина, который зорко посмотрѣлъ на нее, какъ только она появилась; она хотѣла-было заговорить съ нимъ дружески, по-старому, да боялась его проницательности, боялась самой себя. Ей сдавалось, что онъ не даромъ болѣе двухъ недѣль оставлялъ ее въ покоѣ. Скоро пришелъ Берсеневъ и передалъ Аннѣ Васильевнѣ поклонъ отъ Инсарова вмѣстѣ съ извиненіемъ его въ томъ, что онъ вернулся въ Москву, не засвидѣтельствовавъ ей своего почтенія. Имя Инсарова въ первый разъ въ теченіе дня произносилось передъ Еленой: она почувствовала, что покраснѣла; она поняла въ то же время, что ей слѣдовало выразить сожалѣніе о внезапномъ отъѣздѣ такого хорошаго знакомаго; но она не могла принудить себя къ притворству и продолжала сидѣть неподвижно и безмолвно, между тѣмъ какъ Анна Васильевна охала и горевала. Елена старалась держаться около Берсенева; она его не боялась, хоть онъ и зналъ часть ея тайны, она спасалась подъ его крылышко отъ Шубина, который все продолжалъ посматривать на нее — не насмѣшливо, но внимательно. На Берсенева въ теченіе вечера тоже находило недоумѣніе: онъ ожидалъ, что увидитъ Елену болѣе печальной. Къ счастію ея, между нимъ и Шубинымъ завязался споръ объ искусствѣ; она отодвинулась и, словно сквозь сонъ, слушала ихъ голоса. Понемногу, не только они, но и вся комната, все, что окружало ее, показалось ей какъ бы сномъ—все: и самоваръ на столѣ, и коротенькій жилетъ Увара Ивановича, и гладкіе ногти Зои, и масляный портретъ великаго князя Константина Павловича на стѣнѣ: все уходило, все покрывалось дымкой, все переставало существовать. Только жаль ей было ихъ всѣхъ. „Для чего живутъ?“ думала она.

— Ты спать хочешь, Леночка?—спросила ее мать.

Она не слышала вопроса матери.

— Полусправедливый намекъ, говоришь ты?.. — Эти слова, рѣзко произнесенныя Шубинымъ, внезапно возбудили вниманіе Елены. — Помилуй, — продолжалъ онъ: — въ этомъ-то самый вкусъ и есть. Справедливый намекъ возбуждаетъ уныніе — это не по-христіански, къ несправедливому человѣкъ равнодушенъ — это глупо, а отъ полусправедливаго онъ и досаду чувствуетъ, и нетерпѣніе. Напримѣръ, если я скажу, что Елена Николаевна влюблена въ одного изъ насъ, какого рода это будетъ намекъ, ась?

— Ахъ, мсьё Поль,—проговорила Елена:—я бы хотѣла показать вамъ мою досаду, да право не могу. Я очень устала.

— Что жъ ты не ляжешь?—промолвила Анна Васильевна, которая вечеромъ сама всегда дремала и оттого охотно посылала спать другихъ. — Простись со мной, да ступай съ Богомъ, Андрей Петровичъ извинитъ.

Елена поцѣловала свою мать, поклонилась всѣмъ и пошла. Шубинъ проводилъ ее до двери.

— Елена Николаевна,— шепнулъ онъ ей на порогѣ:— вы топчете мсьё Поля; вы безжалостно ходите по немъ, а мсьё Поль благословляетъ васъ, и ваши ножки, и башмаки на вашихъ ножкахъ, и подошвы вашихъ башмаковъ.

Елена пожала плечомъ, нехотя протянула ему руку — не ту, которую цѣловалъ Инсаровъ — и, вернувшись къ себѣ въ комнату, тотчасъ раздѣлась, легла и заснула. Она спала глубокимъ, безмятежнымъ сномъ... такъ даже дѣти не спятъ: такъ спитъ только выздоровѣвшій ребенокъ, когда мать сидитъ возлѣ его колыбельки и глядитъ на него, и слушаетъ его дыханіе.

XX

— Зайди ко мнѣ на минутку,—сказалъ Берсеневу Шубинъ, какъ только тотъ простился съ Анной Васильевной:—у меня есть кое-что тебѣ показать.

Берсеневъ отправился къ нему во флигель. Его поразило множество студій, статуэтокъ и бюстовъ, окутанныхъ

мокрыми тряпками и разставленныхъ по всѣмъ уголкамъ комнаты.

— Да ты, я вижу, работаешь не на шутку,—замѣтилъ онъ Шубину.

— Что-нибудь падобно жъ дѣлать, — отвѣтилъ тотъ. — Одно не везетъ, надо пробовать другое. Впрочемъ, я, какъ корсиканецъ, занимаюсь больше вендеттой, нежели чистымъ искусствомъ. Treme Bisanzia!

— Я тебя не понимаю,—проговорилъ Берсеневъ.

— А вотъ, погоди. Вотъ, извольте поглядѣть, любезный другъ и благодѣтель, мою месть нумеръ 1-й.

Шубинъ раскуталъ одну фигуру, и Берсеневъ увидѣлъ отмѣнно-схожій, отличный бюстъ Инсарова. Черты лица были схвачены Шубинымъ вѣрно до малѣйшей подробности, и выраженіе онъ имъ придалъ славное: честное, благородное и смѣлое.

Берсеневъ пришелъ въ восторгъ.

— Да это просто прелесть!—воскликнулъ онъ.—Поздравляю тебя. Хоть на выставку! Почему ты называешь это великолѣпное произведеніе местью?

— А потому, сэръ, что я намѣренъ поднести это, какъ вы изволили выразиться, великолѣпное произведеніе, Еленѣ Николаевнѣ въ день ея именинъ. Понимаете вы сію аллегорію? Мы не слѣпые, мы видимъ, что около насъ происходитъ, но мы джентльмены, милостивый государь, и мстимъ по-джентльменски.

— А вотъ, — прибавилъ Шубинъ, раскутывая другую фигурку: — такъ какъ художникъ, по новѣйшимъ эстетикамъ, пользуется завиднымъ правомъ воплощать въ себѣ всякія мерзости, возводя ихъ въ перлъ созданія, то мы, при возведеніи сего перла, нумера второго, мстили уже вовсе не какъ джентльмены, а просто en canaille.

Онъ ловко сдернулъ полотно, и взорамъ Берсенева предстала статуэтка, въ дантановскомъ вкусѣ, того же Инсарова. Злѣе и остроумнѣе невозможно было ничего придумать. Молодой болгаръ былъ представленъ барапомъ, поднявшимся на заднія ножки и склоняющимъ рога для удара. Тупая важность, задоръ, упрямство, неловкость,

ограниченность, такъ и отпечатались на физіономіи „супруга овецъ тонкорунныхъ“, и между тѣмъ сходство было до того поразительно, несомнѣнно, что Берсеневъ не могъ не расхохотаться!

— Что? забавно?—промолвилъ Шубинъ:—узналъ героя? На выставку тоже совѣтуешь послать? Это, братецъ ты мой, я самъ себѣ въ собственныя именины подарю... Ваше высокоблагородіе, позвольте выкинуть колѣнце!

И Шубинъ прыгнулъ раза три, ударяя себя сзади подошвами.

Берсеневъ поднялъ съ полу полотно и забросилъ имъ статуэтку.

— Охъ, ты, великодушный, — началъ Шубинъ: — кто бишь въ исторіи считается особенно великодушнымъ? Ну, все равно! А теперь,—продолжалъ онъ, торжественно и печально раскутывая третью, довольно большую массу глины:—ты узришь нѣчто, что докажетъ тебѣ смиренномудріе и прозорливость твоего друга. Ты убѣдишься въ томъ, что онъ, опять-таки, какъ истинный художникъ чувствуетъ потребность и пользу собственнаго заушенія. Взирай!

Полотно взвилось, и Берсеневъ увидѣлъ двѣ, рядомъ и близко поставленныя, точно сросшіяся головы... Онъ не тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, но, приглянувшись, узналъ въ одной изъ нихъ Аннушку, въ другой самого Шубина. Впрочемъ, это были скорѣе карикатуры, чѣмъ портреты. Аннушка была представлена красивою, жирною дѣвкой съ низкимъ лбомъ, заплывшими глазами и бойко вздернутымъ носомъ. Ея крупныя губы нагло ухмылялись; все лицо выражало чувственность, безпечность и удаль, не безъ добродушія. Себя Шубинъ изобразилъ испитымъ, исхудалымъ жуиромъ, съ ввалившимися щеками, съ безсильно висящими косицами жидкихъ волосъ, съ безсмысленнымъ выраженіемъ въ погасшихъ глазахъ, съ заостреннымъ, какъ у мертвеца, носомъ.

Берсеневъ отвернулся съ отвращеніемъ.

— Какова двоешка, братъ?—промолвилъ Шубинъ.—Не соблаговолишь ли сочинить приличную подпись? Къ пер-

негодовало, и знать про нее не хотѣло... Ты, молъ, все-таки наша. Даже ея бѣдные питомцы, угнетенные птицы и звѣри глядѣли на нее, — по крайней мѣрѣ такъ чудилось ей — недовѣрчиво и враждебно. Ей становилось совѣстно и стыдно своихъ чувствъ. „Вѣдь это все-таки мой домъ“, думала она, „моя семья, моя родина...“ — „Нѣтъ, это больше не твоя родина, не твоя семья“, твердилъ ей другой голосъ. Страхъ овладѣвалъ ею, и она досадовала на свое малодушіе. Бѣда только начиналась, а ужъ она теряла терпѣніе... То ли она обѣщала?

Не скоро она совладѣла съ собою. Но прошла недѣля, другая... Елена немного успокоилась и привыкла къ новому своему положенію. Она написала двѣ маленькія записочки Инсарову, и сама отнесла ихъ на почту: она бы ни за что, и изъ стыдливости, и изъ гордости, не рѣшилась довѣриться горничной. Она начинала уже поджидать его самого... Но вмѣсто его, въ одно прекрасное утро, прибылъ Николай Артемьевичъ.

XXII.

Еще никто въ домѣ отставного гвардіи поручика Стахова не видалъ его такимъ кислымъ и въ то же время такимъ самоувѣреннымъ и важнымъ, какъ въ тотъ день. Онъ вошелъ въ гостиную въ пальто и шляпѣ, вошелъ медленно, широко разставляя ноги и стуча каблуками; приблизился къ зеркалу и долго смотрѣлъ на себя, съ спокойною строгостью покачивая головой и кусая губы. Анна Васильевна встрѣтила его съ наружнымъ волненіемъ и тайною радостью (она его иначе никогда не встрѣчала); онъ даже шляпы не снялъ, не поздоровался съ нею, и молча далъ Еленѣ поцѣловать свою замшевую перчатку. Анна Васильевна стала его разспрашивать о курсѣ лѣченія,—онъ ничего не отвѣчалъ ей; явился Уваръ Ивановичъ,—онъ взглянулъ на него и сказалъ: „ба!“ Съ Уваромъ Ивановичемъ онъ вообще обходился холодно и высока, хотя признавалъ въ немъ „слѣды настоящей Стаховской крови“. Извѣстно, что почти всѣ русскія дворянскія фамиліи убѣждены въ существованіи исключитель-

ныхъ, породистыхъ особенностей, имъ однѣмъ свойственныхъ: намъ не однажды довелось слышать толки „между своими“ о „подсаласкинскихъ“ носахъ и „перепрѣевскихъ“ затылкахъ. Зоя вышла и присѣла передъ Николаемъ Артемьевичемъ. Онъ крякнулъ, опустился въ кресла, потребовалъ себѣ кофею, и только тогда снялъ шляпу. Ему принесли кофею; онъ выпилъ чашку и, посмотрѣвъ поочередно на всѣхъ, промолвилъ сквозь зубы: „sortez, s'il vous plait“, и, обратившись къ женѣ, прибавилъ: „et vous, madame, restez, je vous prie“.

Всѣ вышли, кромѣ Анны Васильевны. У нея голова задрожала отъ волненія. Торжественность пріемовъ Николая Артемьевича ее поразила. Она ожидала чего-то необыкновеннаго.

— Что такое!—воскликнула она, какъ только дверь затворилась.

Николай Артемьевичъ бросилъ равнодушный взглядъ на Анну Васильевну.

— Ничего особеннаго, что это у васъ за манера тотчасъ принимать видъ какой-то жертвы?—началъ онъ, безо всякой нужды опуская углы губъ на каждомъ словѣ.—Я только хотѣлъ васъ предувѣдомить, что у насъ сегодня будетъ обѣдать новый гость.

— Кто такой?

— Курнатовскій, Егоръ Андреевичъ. Вы его не знаете. Оберъ-секретарь въ сенатѣ.

— Онъ будетъ сегодня у насъ обѣдать?

— Да.

— И вы только для того, чтобы мнѣ это сказать, велѣли всѣмъ выдти?

Николай Артемьевичъ снова бросилъ на Анну Васильевну взглядъ, на этотъ разъ уже ироническій.

— Васъ это удивляетъ? Погодите удивляться.

Онъ умолкъ. Анна Васильевна тоже помолчала немного.

— Я желала бы,—заговорила она...

— Я знаю, вы меня всегда считали за „имморальнаго“ человѣка,—началъ вдругъ Николай Артемьевичъ.

— Я!—съ изумленіемъ пробормотала Анна Васильевна.

— И, можетъ-быть, вы и правы. Я не хочу отрицать, что, дѣйствительно, я вамъ иногда подавалъ справедливый поводъ къ неудовольствію—(сѣрыя лошади! промелькнуло въ головѣ Анны Васильевны),—хотя вы сами должны согласиться, что при извѣстномъ вамъ состояніи вашей конституціи...

— Да я васъ нисколько не обвиняю, Николай Артемьевичъ.

— C'est possible. Во всякомъ случаѣ я не намѣренъ себя оправдывать. Меня оправдаетъ время. Но я почитаю своимъ долгомъ увѣрить васъ, что знаю свои обязанности и умѣю радѣть и... о пользахъ ввѣреннаго мнѣ... ввѣреннаго мнѣ семейства.

„Что все это значитъ?“ думала Анна Васильевна. (Она не могла знать, что наканунѣ, въ англійскомъ клубѣ, въ углу диванной, поднялось преніе о неспособности русскихъ произносить *спичи*. „Кто у насъ умѣетъ говорить? Назовите кого-нибудь?“ воскликнулъ одинъ изъ спорившихъ.—Да хоть бы Стаховъ, напримѣръ, отвѣчалъ другой, и указалъ на Николая Артемьевича, который тутъ же стоялъ и чуть не пискнулъ отъ удовольствія.)

— Напримѣръ,—продолжалъ Николай Артемьевичъ:—дочь моя, Елена. Не находите ли вы, что пора ей наконецъ ступить твердой стопою на стезю... выдти замужъ, я хочу сказать. Всѣ эти умствованія и филантропіи хороши, но до извѣстной степени, до извѣстныхъ лѣтъ. Пора ей покинуть свои туманы, выдти изъ общества разныхъ артистовъ, школяровъ, и какихъ-то черногорцевъ, и сдѣлаться какъ всѣ.

— Какъ я должна понять ваши слова?—спросила Анна Васильевна.

— А вотъ, извольте выслушать,—отвѣчалъ Николай Артемьевичъ все съ тѣмъ же опусканіемъ губъ.—Скажу вамъ прямо, безъ обиняковъ: я познакомился, я сблизился съ этимъ молодымъ человѣкомъ, г-мъ Курпатовскимъ, въ надеждѣ имѣть его своимъ зятемъ. Смѣю думать, что, увидѣвши его, вы не обвините меня въ пристрастіи или

въ опрометчивости сужденій. (Николай Артемьевичъ говорилъ и самъ любовался своимъ краснорѣчіемъ.) Образованія отличнаго, онъ правовѣдъ, манеры прекрасныя, тридцать три года, оберъ-секретарь, коллежскій совѣтникъ, и Станиславъ на шеѣ. Вы, надѣюсь, отдадите мнѣ справедливость, что я не принадлежу къ числу тѣхъ pères de comédie, которые бредятъ одними чинами; но вы сами мнѣ говорили, что Еленѣ Николаевнѣ нравятся дѣльные, положительные люди: Егоръ Андреевичъ первый по своей части дѣлецъ; теперь, съ другой стороны, дочь моя имѣетъ слабость къ великодушнымъ поступкамъ: такъ знайте же, что Егоръ Андреевичъ, какъ только достигъ возможности, вы понимаете меня, возможности безбѣдно существовать своимъ жалованьемъ, тотчасъ отказался въ пользу своихъ братьевъ отъ ежегодной суммы, которую назначалъ ему отецъ.

— А кто его отецъ?—спросила Анна Васильевна.

— Отецъ его? Отецъ его тоже извѣстный въ своемъ родѣ человѣкъ, нравственности самой высокой, un vrais stoïcien, отставной, кажется, майоръ, всѣми имѣніями графовъ Б... управляетъ.

— А!—промолвила Анна Васильевна.

— А! что: а? — подхватилъ Николай Артемьевичъ. — Ужели и вы заражены предразсудками?

— Да я ничего не сказала, — начала-было Анна Васильевна...

— Нѣтъ, вы сказали: а!.. Какъ бы то ни было, я счелъ нужнымъ васъ предупредить о моемъ образѣ мыслей, и смѣю думать... смѣю надѣяться, что г-нъ Курпатовскій будетъ принятъ à bras ouverts. Это не какой-нибудь черногорецъ.

— Разумѣется; надо будетъ только Ваньку повара позвать, блюдо приказать прибавить.

— Вы понимаете, что я въ это не вхожу,—проговорилъ Николай Артемьевичъ, всталъ, надѣлъ шляпу, и, посвистывая (онъ отъ кого-то слышалъ, что посвистывать можно только у себя на дачѣ и въ манежѣ), отправился гулять въ садъ. Шубинъ поглядѣлъ на него изъ окошка своего флигеля, и, молча, высунулъ ему языкъ.

Въ четыре часа безъ десяти минутъ, къ крыльцу Стаховской дачи подъѣхала ямская карета, и человѣкъ еще молодой, благообразной наружности, просто и изящно одѣтый, вышелъ изъ нея и велѣлъ доложить о себѣ. Это былъ Егоръ Андреевичъ Курнатовскій.

Вотъ что, между прочимъ, писала на слѣдующій день Инсарову Елена:

„Поздравь меня, милый Дмитрій, у меня женихъ. Онъ вчера у насъ обѣдалъ; папенька познакомился съ нимъ, кажется, въ англійскомъ клубѣ и пригласилъ его. Разумѣется, онъ пріѣзжалъ вчера не женихомъ. Но добрая мамаша, которой папенька сообщилъ свои надежды, шепнула мнѣ на ухо, что это за гость. Зовутъ его Егоръ Андреевичъ Курнатовскій; онъ служитъ оберъ-секретаремъ при сенатѣ. Опишу тебѣ сперва его наружность. Онъ небольшого роста, меньше тебя, хорошо сложенъ: черты у него правильныя, онъ коротко остриженъ, носитъ большіе бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ у тебя), каріе, быстрые, губы плоскія, широкія: на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, официальная какая-то; точно она у него дежуритъ. Держится онъ очень просто, говоритъ отчетливо, и все у него отчетливо: онъ ходитъ, смѣется, ѣстъ, словно дѣло дѣлаетъ. „Какъ она его изучила!“ думаешь ты, можетъ-быть, въ эту минуту. Да; для того, чтобъ описать тебѣ его. Да и какъ же не изучать своего жениха. Въ немъ есть что-то желѣзное... и тупое, и пустое въ то же время — и честное; говорятъ, онъ, точно, очень честенъ. Ты у меня тоже желѣзный, да не такъ, какъ этотъ. За столомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, противъ насъ сидѣлъ Шубинъ. Сперва рѣчь зашла о какихъ-то коммерческихъ предпріятіяхъ: говорятъ, онъ въ нихъ толкъ знаетъ и чуть-было не бросилъ своей службы, чтобы взять въ руки большую фабрику. Вотъ не догадался! Потомъ Шубинъ заговорилъ о театрѣ; г-нъ Курнатовскій объявилъ, и — я должна сознаться — безъ ложной скромности, что онъ въ художествѣ ничего не смыслитъ. Это мнѣ тебя напомнило... но я подумала: нѣтъ, мы съ Дмитріемъ все-таки иначе не понимаемъ художе

ства. Этотъ какъ будто хотѣлъ сказать: я не понимаю его, да оно и не нужно, по въ благоустроенномъ государствѣ допускается. Къ Петербургу и къ comme il faut онъ, впрочемъ, довольно равнодушенъ: онъ разъ даже назвалъ себя пролетаріемъ. Мы, говоритъ, чернорабочіе! Я подумала: если бы Дмитрій это сказалъ, мнѣ бы это не понравилось, а этотъ пускай себѣ говоритъ! пусть хвастается! Со мной онъ былъ очень вѣжливъ; но мнѣ все казалось, что со мной бесѣдуетъ очень, очень снисходительный начальникъ. Когда онъ хочетъ похвалить кого, онъ говоритъ, что у такого-то *есть правила*—это его любимое слово. Онъ долженъ быть самоувѣренъ, трудолюбивъ, способенъ къ самопожертвованію (ты видишь: я безпристрастна), то-есть къ пожертвованію своихъ выгодъ, но онъ большой деспотъ. Бѣда попасться ему въ руки! За столомъ заговорили о взяткахъ...

— Я понимаю, — сказалъ онъ: — что во многихъ случаяхъ берущій взятку не виноватъ; онъ иначе поступить не могъ. А все-таки, если онъ попался, должно его раздавить.

Я вскрикнула.

— „Раздавить невиноватаго!“

— „Да, ради принципа“.

— „Какого?“—спросилъ Шубинъ.

Курнатовскій не то смѣшался, не то удивился, и сказалъ:

— Этого нечего объяснять.

„Папаша, который, кажется, благоговѣетъ передъ нимъ, подхватилъ, что конечно нечего, и, къ досадѣ моей, разговоръ этотъ прекратился. Вечеромъ пришелъ Берсеневъ и вступилъ съ нимъ въ ужасный споръ. Никогда я еще не видала нашего добраго Андрея Петровича въ такомъ волненіи. Господинъ Курнатовскій вовсе не отрицалъ пользы науки, университетовъ и т. д... а между тѣмъ я понимала негодованіе Андрея Петровича. Тотъ смотритъ на все это какъ на гимнастику какую-то. Шубинъ подошелъ ко мнѣ послѣ стола и сказалъ: вотъ этотъ и нѣкто другой (онъ твоего имени произнести не можетъ) — оба

практическіе люди, а посмотрите, какая разница: тамъ настоящій живой, жизнью данный идеалъ; а здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣльность безъ содержанія. — Шубинъ уменъ, и я для тебя запомнила его слова; а по-моему, что же общаго между вами? Ты *вѣришь*, а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя *вѣрить нельзя*.

„Онъ уѣхалъ поздно, но мамаша успѣла мнѣ сообщить, что я ему понравилась, что папенька въ восторгѣ... Ужъ не сказалъ ли онъ обо мнѣ, что и у меня есть правила? А я чуть было не отвѣтила мамашѣ, что мнѣ очень жалко, но что у меня уже есть мужъ. Отчего тебя папенька такъ не любитъ? Съ мамашей еще можно было бы какъ-нибудь...

„О, мой милый! Я тебѣ такъ подробно описала этого господина для того, чтобы заглушить мою тоску. Я не живу безъ тебя, я безпрестанно тебя вижу, слышу... Я жду тебя, только не у насъ, какъ ты было хотѣлъ,—представь, какъ намъ будетъ тяжело и неловко! — а знаешь, гдѣ я тебѣ писала—въ той рощѣ... О, мой милый! Какъ я тебя люблю!“

XXIII.

Недѣли три послѣ перваго посѣщенія Курнатовскаго, Анна Васильевна, къ великой радости Елены, переселилась въ Москву, въ свой большой деревянный домъ, возлѣ Пречистенки, домъ съ колоннами, бѣлыми лирами и вѣнками надъ каждымъ окномъ, съ мезониномъ, службами, палисадникомъ, огромнымъ зеленымъ дворомъ, колодцемъ на дворѣ и собачьей конурой возлѣ колодца. Анна Васильевна никогда такъ рано не съѣзжала съ дачи, но въ тотъ годъ у ней отъ первыхъ осеннихъ холодовъ *разыгрались* флюсы; Николай Артемьевичъ, съ своей стороны, окончивши курсъ лѣченія, соскучился по женѣ; притомъ же Августина Христіановна уѣхала погостить къ своей кузинѣ въ Ревель: въ Москву прибыло какое-то иностранное семейство, показывавшее *пластическія позы*, des poses plastiques, описаніе которыхъ въ *Московскихъ Вѣдомо-*

стяхъ сильно возбудило любопытство Анны Васильевны. Словомъ, дальнѣйшее пребываніе на дачѣ оказалось неудобнымъ, и даже, по словамъ Николая Артемьевича, несовмѣстнымъ съ исполненіемъ его „предначертаній“. Послѣднія двѣ недѣли показались очень длинными Еленѣ. Курнатовскій пріѣзжалъ два раза, по воскресеньямъ; въ другіе дни онъ былъ занятъ. Онъ пріѣзжалъ собственно для Елены, но разговаривалъ больше съ Зоей, которой онъ очень понравился. „Das ist ein Mann!“ думала она про-себя, глядя на его смуглое и мужественное лицо, слушая его самоувѣренныя, снисходительныя рѣчи. По ея мнѣнію ни у кого не было такого чуднаго голоса, никто не умѣлъ такъ отлично произнести: „я имѣлъ чес-с-сть“, или „я весьма доволенъ“. Инсаровъ не былъ у Стаховыхъ, но Елена видѣла его разъ, украдкой, въ небольшой рощицѣ надъ Москвой-рѣкой, гдѣ она назначила ему свиданіе. Они едва успѣли сказать нѣсколько словъ другъ другу. Шубинъ возвратился въ Москву вмѣстѣ съ Анной Васильевной; Берсеневъ—нѣсколькими днями позже.

Инсаровъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, и въ третій разъ перечитывалъ письма, доставленныя ему изъ Болгаріи съ „оказіей“; по почтѣ ихъ боялись посылать. Онъ былъ очень встревоженъ ими. Событія быстро развивались на Востокѣ; занятіе княжествъ русскими войсками волновало всѣ умы; гроза росла, слышалось уже вѣяніе близкой, неминуемой войны. Кругомъ занимался пожаръ, и никто не могъ предвидѣть, куда онъ пойдетъ, гдѣ остановится; старыя обиды, давнія надежды — все зашевелилось. Сердце Инсарова сильно билось: и *его* надежды сбывались. Но не рано ли? не напрасно ли? думалъ онъ, стискивая руки. Мы еще не готовы.—Но такъ и быть! Надо будетъ ѣхать.

Что-то слегка зашумѣло за дверью, она быстро распахнулась—и въ комнату вошла Елена.

Инсаровъ затрепеталъ весь, бросился къ ней, упалъ передъ нею на колѣни, обнялъ ея станъ, и крѣпко прижался къ нему головой.

— Ты меня не ждалъ?—заговорила она, едва переводя духъ. (Она быстро взбѣжала по лѣстницѣ.) Милый! милый!—Такъ вотъ гдѣ ты живешь? Я тебя скоро нашла. Дочь твоего хозяина меня проводила. Мы третьяго дня переѣхали. Я хотѣла тебѣ написать, но подумала, лучше я сама пойду. Я къ тебѣ на четверть часа. Встань, запри дверь.

Онъ поднялся, проворно заперъ дверь, воротился къ ней и взялъ ее за руку. Онъ не могъ говорить: радость его душила. Она съ улыбкой глядѣла ему глаза... въ нихъ было столько счастья... Она застыдилась.

— Постой,—сказала она, ласково отнимая у него руки:— дай мнѣ шляпу снять.

Она развязала ленты шляпы, сбросила ее, спустила съ плечъ мантилью, поправила волосы и сѣла на маленькій, старенькій диванчикъ. Инсаровъ не шевелился и глядѣлъ на нее, какъ очарованный.

— Сядь же, — проговорила она, не поднимая на него глазъ и указывая ему на мѣсто возлѣ себя.

Инсаровъ сѣлъ, но не на диванъ, а на полъ у ея ногъ.

— На, сними съ меня перчатки, — промолвила она неровнымъ голосомъ. Ей становилось страшно.

Онъ принялся сперва разстегивать, потомъ стаскивать одну перчатку, стащилъ ее до половины, и жадно прильнулъ губами къ забѣлѣвшей подъ нею тонкой и нѣжной кисти.

Елена вздрогнула и хотѣла отклонить его другой рукою, онъ началъ цѣловать другую руку. Елена потянула ее къ себѣ, онъ откинулъ голову, она посмотрѣла ему въ лицо, нагнулась—и губы ихъ слились...

Прошло мгновеніе... Она вырвалась, встала, шепнула: „нѣтъ, нѣтъ“, и быстро подошла къ письменному столу.

— Вѣдь я здѣсь хозяйка, для меня не должно быть у тебя тайны,—проговорила она, стараясь казаться безпечной и становясь къ нему спиной. — Сколько бумагъ! Это что за письма?

Инсаровъ наморщилъ брови.

— Эти письма?—промолвилъ онъ, вставая съ полу.—Ты можешь ихъ прочесть.

Елена повертѣла ихъ въ рукѣ.

— Ихъ такъ много, и они такъ мелко написаны, а я сейчасъ должна уйти... Богъ съ ними! Не отъ соперницы?.. Да они и не по-русски,—прибавила она, перебирая тонкіе листы.

Инсаровъ приблизился къ ней и коснулся ея стана. Она вдругъ обернулась къ нему, свѣтло ему улыбнулась, и оперлась на его плечо.

— Эти письма изъ Болгаріи, Елена; друзья мнѣ пишутъ, они меня зовутъ.

— Теперь? Туда?

— Да... теперь. Пока еще время, пока проѣхать можно.

Она вдругъ бросила ему обѣ руки вокругъ шеи.

— Вѣдь ты меня возьмешь съ собой?

Онъ прижалъ ее къ сердцу.

— О, моя милая дѣвушка, о, моя героиня, какъ ты произнесла это слово! Но не грѣшно ли, не безумно ли мнѣ, мнѣ бездомному, одинокому, увлекать тебя съ собою... И куда же!

Она зажала ему ротъ.

— Тссъ... или я разсержусь и никогда больше не приду къ тебѣ. Развѣ не все рѣшено, не все кончено между нами? Развѣ я не твоя жена? Развѣ жена разстается съ мужемъ.

— Жёны не идутъ на войну,—промолвилъ онъ съ полупечальной улыбкой.

— Да, когда онѣ могутъ остаться. А развѣ я могу остаться здѣсь?

— Елена, ты ангелъ!.. Но подумай, мнѣ, можетъ-быть, придется выѣхать изъ Москвы... черезъ двѣ недѣли. Мнѣ уже нельзя помышлять ни объ университетскихъ лекціяхъ, ни объ окончаніи работъ.

— Что же такое?—перебила Елена.—Ты долженъ скоро ѣхать? Да хочешь ли, я теперь же, сейчасъ, сію минуту, останусь у тебя, съ тобой навсегда, и домой не вернусь, хочешь? Поѣдемъ сейчасъ, хочешь?

Инсаровъ съ удвоенною силой заключилъ ее въ свои объятія.

— Такъ пусть же Богъ накажетъ меня,—воскликнулъ онъ:—если я дѣлаю дурное дѣло! Съ нынѣшняго дня мы соединены на вѣкъ!

— Я остаюсь?—спросила Елена.

— Нѣтъ, моя чистая дѣвушка; пѣть, мое сокровище. Ты сегодня вернешься домой, но будь готова. Это дѣло нельзя разомъ сдѣлать; надо хорошенько все обдумать. Тутъ нужны деньги, паспортъ...

— Деньги у меня есть,—перебила Елена:—восемьдесятъ рублей.

— Ну, это не много,—замѣтилъ Инсаровъ: — а все годится.

— Да я могу достать, я займу, я попрошу у мамаши... Нѣтъ, я у ней просить не буду... Да можно часы продать... У меня серьги есть, два браслета... кружево.

— Не въ деньгахъ дѣло, Елена; паспортъ, твой паспортъ, какъ съ этимъ быть?

— Да, какъ съ этимъ быть? А непремѣнно нуженъ паспортъ?

— Непремѣнно.

Елена усмѣхнулась.

— Что мнѣ въ голову пришло! Помнится, я была еще маленькая... У насъ ушла горничная. Ее поймали, простили, и она долго жила у насъ... а все-таки всѣ ее величали: Татьяна бѣглая. Не думала я тогда, что и я, можетъ-быть, буду бѣглая, какъ она.

— Елена, какъ тебѣ не стыдно!

— А что? Конечно, лучше поѣхать съ паспортомъ. Но если нельзя...

— Это мы все уладимъ послѣ, послѣ, погоди,—промолвилъ Инсаровъ.—Дай мнѣ только осмотрѣться, дай подумать. Мы обо всемъ переговоримъ съ тобой, какъ слѣдуетъ. А деньги есть и у меня.

Елена отвела рукой волосы, падавшіе на его лобъ.

— О, Дмитрій! Какъ намъ весело будетъ ѣхать вдвоемъ!

— Да,—сказалъ Инсаровъ:—а тамъ, куда мы пріѣдемъ...

— Что жъ?—перебила Елена.—Развѣ умирать вдвоемъ тоже не весело? да нѣтъ, зачѣмъ умирать? Мы будемъ жить, мы молоды. Сколько тебѣ лѣтъ? Двадцать шесть?

— Двадцать шесть.

— А мнѣ двадцать. Еще много времени впереди. А! ты хотѣлъ убѣжать отъ меня? Тебѣ не нужно было русской любви, болгаръ! Посмотримъ теперь, какъ ты отъ меня отдѣлаешься. Но что бы было съ нами, если бъ я тогда не пошла къ тебѣ!

— Елена, ты знаешь, что заставляло меня удаляться.

— Знаю: ты полюбилъ и испугался. Но неужели ты не подозрѣвалъ, что и тебя любили?

— Честью клянусь, Елена, нѣтъ.

Она быстро и неожиданно его поцѣловала.

— Вотъ за это-то я тебя и люблю. А теперь прощай!

— Ты не можешь больше остаться?— спросилъ Инсаровъ.

— Нѣтъ, мой милый. Ты думаешь, мнѣ легко было уйти одной. Четверть часа давно минуло. — Она надѣла мантилью и шляпу. — А ты приходи къ намъ завтра вечеромъ. Нѣтъ, послѣ-завтра. Будетъ натянуто, скучно, да дѣлать нечего: по крайней мѣрѣ увидимся. Прощай. Выпусти меня. — Онъ обнялъ ее въ послѣдній разъ. — Ай! смотри, ты мою цѣпочку сломалъ. О, мой неловкій! Ну, ничего. Тѣмъ лучше. Я пройду на Кузнецкій-мостъ, отдамъ ее въ починку. Если меня спросятъ, я скажу, что была на Кузнецкомъ-мосту.—Она взялась за ручку двери. — Кстати, я тебѣ и забыла сказать: мусье Курнатовскій, вѣроятно, на-дняхъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе. Но я сдѣлаю ему... вотъ что. — Она приставила большой палецъ лѣвой руки къ кончику носа и поиграла остальными пальцами на воздухѣ. — Прощай. До свиданія. Теперь я дорогу знаю... А ты не теряй времени...

Елена открыла немножко дверь, прислушалась, оберпулась къ Инсарову, кивнула головой и выскользнула изъ комнаты.

Съ минуту стоялъ Инсаровъ передъ завторившеюся дверью и тоже прислушивался. Дверь внизу на дворъ стук-

нула. Онъ подошелъ къ дивану, сѣлъ и закрылъ глаза рукой. Съ нимъ еще никогда ничего подобнаго не случалось. „Чѣмъ заслужилъ я такую любовь?“ думалъ онъ. „Не сонъ ли это?“

Но тонкій запахъ резеды, оставленный Елепой въ его бѣдной, темной комнаткѣ, напоминалъ ея посѣщеніе. Вмѣстѣ съ нимъ, казалось, еще оставались въ воздухѣ и звуки молодого голоса, и шумъ легкихъ, молодыхъ шаговъ, и теплота, и свѣжесть молодого, дѣвственнаго тѣла.

XXIV.

Инсаровъ рѣшился подождать еще болѣе положительныхъ извѣстій, а самъ началъ готовиться къ отъѣзду. Дѣло было очень трудное. Собственно для него не предстояло никакихъ препятствій: стоило вытребовать паспортъ, — но какъ быть съ Елепой? Достать ей паспортъ законнымъ путемъ было невозможно. Обвѣнчаться съ нею тайно, а потомъ явиться къ родителямъ... „Они тогда отпустятъ насъ“, думалъ онъ. „А если нѣтъ? Мы все-таки уѣдемъ. А если они будутъ жаловаться... если... Нѣтъ, лучше постараться достать какъ-нибудь паспортъ“.

Онъ рѣшился посовѣтываться (разумѣется, никого не называя) съ однимъ своимъ знакомымъ, отставнымъ, или отставленнымъ прокуроромъ, опытнымъ и старымъ докой по части всякихъ секретныхъ дѣлъ. Почтенный этотъ человѣкъ жилъ не близко: Инсаровъ тащился къ нему цѣлый часъ на скверномъ Ванькѣ, да еще вдобавокъ не засталъ его дома; а на возвратномъ пути промокъ до костей, благодаря внезапно набѣжавшему ливню. На слѣдующее утро, Инсаровъ, несмотря на довольно сильную головную боль, вторично отправился къ отставному прокурору. Отставной прокуроръ выслушалъ его внимательно, понюхивая табачокъ изъ табакерки, украшенной изображеніемъ полногрудой нимфы, и искоса посматривая на гостя своими лукавыми, тоже табачнаго цвѣта, глазками, выслушалъ и потребовалъ „большей опредѣленности въ изложеніи фактическихъ данныхъ“; а замѣтивъ, что Инсаровъ неохотно вдавался въ подробности (онъ и пріѣхалъ къ

нему, скрѣпя сердце), ограничился совѣтомъ вооружиться прежде всего „пенѣнзами“ и попросилъ побывать въ другой разъ, „когда у васъ“, прибавилъ онъ, нюхая табакъ надъ раскрытою табакеркою: „прибудетъ довѣрчивости и убудетъ недовѣрчивости“ (онъ говорилъ на о). „А паспортъ“, продолжалъ онъ, какъ бы про себя: „дѣло рукъ человѣческихъ; вы, напримѣръ, ѣдете: кто васъ знаетъ, Марья ли вы Бредихина, или же Каролина Фогельмейеръ?“ Чувство гадливости шевельнулось въ Инсаровѣ, но онъ поблагодарилъ прокурора и обѣщался завернуть на-дняхъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ къ Стаховымъ. Анна Васильевна встрѣтила его ласково, попеняла ему, что онъ совсѣмъ ихъ забылъ и, найдя его блѣднымъ, освѣдомилась о его здоровьѣ; Николай Артемьевичъ ни слова ему не сказалъ, только поглядѣлъ на него съ задумчиво-небрежнымъ любопытствомъ; Шубинъ обошелся съ нимъ холодно, но Елена удивила его. Она его ждала; она для него надѣла то самое платье, которое было на ней въ день ихъ перваго свиданія въ часовнѣ; но она такъ спокойно его привѣтствовала и такъ была любезна и безпечно-весела, что, глядя на нее, никто бы не подумалъ, что судьба этой дѣвушки уже рѣшена, и что одно тайное сознаніе счастливой любви придавало оживленіе ея чертамъ, легкость и прелесть всѣмъ ея движеніямъ. Она разливала чай вмѣсто Зои, шутила, болтала; она знала, что за ней будетъ наблюдать Шубинъ, что Инсаровъ не сумѣетъ надѣть маску, не сумѣетъ прикинуться равнодушнымъ, и вооружилась заранѣе. Она не ошиблась: Шубинъ не спускалъ съ нея глазъ, а Инсаровъ былъ очень молчаливъ и пасмуренъ въ теченіе всего вечера. Елена чувствовала себя до того счастливой, что ей захотѣлось подразнить его.

— Ну, что? — спросила она его вдругъ: — планъ вашъ подвигается!

Инсаровъ смутился.

— Какой планъ?—проговорилъ онъ.

— А вы забыли?— отвѣтила она, смѣясь ему въ лицо: онъ одинъ могъ понять значеніе этого счастливаго смѣха:— ваша болгарская христоматія для русскихъ?

— Quelle bourde!— пробормоталъ сквозь зубы Николай Артемьевичъ.

Зоя сѣла за фортепіано. Елена едва замѣтно пожала плечомъ и показала Инсарову глазами на дверь, какъ бы отпуская его домой. Потомъ она съ разстановкой два раза коснулась пальцемъ стола и посмотрѣла на него. Онъ понялъ, что она ему назначала свиданіе черезъ два дня, и она быстро улыбнулась, когда увидала, что онъ ее понялъ. Инсаровъ всталъ и началъ прощаться: онъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Явился Курнатовскій. Николай Артемьевичъ вскочилъ, поднялъ правую руку выше головы и мягко опустилъ ее на ладонь оберъ-секретаря. Инсаровъ остался еще нѣсколько минутъ, чтобы посмотрѣть на своего соперника. Елена, украдкой, лукаво покачала головой, хозяинъ не счелъ нужнымъ ихъ представить другъ другу, и Инсаровъ ушелъ, въ послѣдній разъ обмѣнявшись взоромъ съ Еленой. Шубинъ подумалъ, подумалъ—и яростно заспорилъ съ Курнатовскимъ о юридическомъ вопросѣ, въ которомъ ничего не смыслилъ.

Инсаровъ не спалъ всю ночь и утромъ чувствовалъ себя дурно; однако, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ и писаніемъ писемъ, но голова у него была тяжела и какъ-то запутана. Къ обѣду у него сдѣлался жаръ: онъ ничего ѣсть не могъ. Жаръ быстро усилился къ вечеру; появилась ломота во всѣхъ членахъ и мучительная головная боль. Инсаровъ легъ на тотъ самый диванчикъ, гдѣ такъ недавно сидѣла Елена; онъ подумалъ: „по дѣломъ я наказанъ, зачѣмъ таскался къ этому старому плуту“, и попытался заснуть... Но ужъ недугъ завладѣлъ имъ. Съ страшною силой забились въ немъ жилы, гнойно вспыхнула кровь, какъ птицы закружились мысли. Онъ впалъ въ забытье. Какъ раздавленный, навзничь лежалъ онъ, и вдругъ ему почудилось: кто-то надъ нимъ тихо хохочетъ и шепчетъ; онъ съ усиліемъ раскрылъ глаза. свѣтъ отъ нагорѣвшей свѣчки дернулъ по нимъ, какъ ножомъ... Что это? старый прокуроръ передъ нимъ, въ халатѣ изъ тармаламы, подпоясанный фуляромъ, какъ онъ видѣлъ его наканунѣ... „Каролина Фогельмейеръ“,

бормочетъ беззубый ротъ. Инсаровъ глядитъ, а старикъ ширится, пухнетъ, растетъ, ужъ онъ не человѣкъ — онъ дерево... Инсарову надо лѣзть по крутымъ сучьямъ. Онъ цѣпляется, падаетъ грудью на острый камень, а Каролина Фогельмейеръ сидитъ на корточкахъ, въ видѣ торговки, и лепечетъ: пирожки, пирожки, пирожки,—а тамъ течетъ кровь, и сабли блестятъ нестерпимо... Елена! и все исчезло въ багровомъ хаосѣ.

XXV.

— Къ вамъ пришелъ какой-то, кто его знаетъ, слесарь, что ль, какой,—говорилъ на слѣдующій вечеръ Берсеневу его слуга, отличавшійся строгимъ обхожденіемъ съ барином и скептическимъ направленіемъ ума: — хочетъ васъ видѣть.

— Позови,—промолвилъ Берсеневъ.

Вошелъ „слесарь“. Берсеневъ узналъ въ немъ портного, хозяина квартиры, гдѣ жилъ Инсаровъ.

— Что ты?—спросилъ онъ его.

— Я къ вашей милости, — началъ портной, медленно переставляя ноги и по временамъ взмахивая правою рукой съ захваченнымъ тремя послѣдними пальцами обшлагомъ. — Нашъ жилецъ, кто его знаетъ, оченно боленъ.

— Инсаровъ?

— Точно такъ, нашъ жилецъ. Кто его знаетъ, вчера еще съ утра былъ на ногахъ, вечеромъ только пить просилъ, наша хозяйка ему и воду носила, а ночью залопоталъ, намъ-то слышно, потому перегородка; а сегодня утромъ, ужъ и безъ языка, лежитъ, какъ пластъ, а жаръ отъ него, Боже ты мой! Я подумалъ, кто его знаетъ, умретъ того и гляди; въ кварталъ, думаю, надо дать знать. Потому какъ онъ одинъ; да хозяйка мнѣ говоритъ: „Сходи, молъ, ты къ тому жильцу, у кого нашъ-то на дачѣ нанимался: можетъ, онъ тебѣ что скажетъ, аль самъ придетъ“. Вотъ я къ вашей милости и пришелъ, потому какъ намъ нельзя, то-есть...

Берсеневъ схватилъ фуражку, сунулъ портному въ руку

цѣлковый и тотчасъ поскакалъ съ нимъ на квартиру Инсарова.

Онъ нашелъ его лежащаго на диванѣ въ безпамятствѣ, не раздѣтаго. Лицо его страшно измѣнилось. Берсеневъ тотчасъ приказалъ хозяину съ хозяйкой раздѣть его и перенесть на постель, а самъ бросился къ доктору и привезъ его. Докторъ прописалъ разомъ піявки, мушки, каломель и велѣлъ пустить кровь.

— Онъ опасенъ?—спросилъ Берсеневъ.

— Да, очень.—отвѣчалъ докторъ.—Сильнѣйшее воспаленіе въ легкихъ; перипневмонія въ полномъ развитіи, можетъ-быть, и мозгъ пораженъ, а субъектъ молодой. Его же силы теперь противъ него направлены. Поздно послали, а впрочемъ, мы все сдѣлаемъ, что требуетъ наука.

Докторъ былъ еще самъ молодъ и вѣрилъ въ науку.

Берсеневъ остался на ночь. Хозяинъ и хозяйка оказались добрыми и даже расторопными людьми, какъ только нашелся человѣкъ, который сталъ имъ говорить, что надо было дѣлать. Явился фельдшеръ и начались медицинскія истязанія.

Къ утру Инсаровъ очнулся на нѣсколько минутъ, узналъ Берсенева, спросилъ: „я, кажется, нездоровъ?“ посмотрѣлъ вокругъ себя съ тупымъ и вялымъ недоумѣніемъ трудно-больного и опять забылся. Берсеневъ поѣхалъ домой, переодѣлся, захватилъ съ собой кое-какія книги и вернулся на квартиру Инсарова. Онъ рѣшился поселиться у него, по крайней мѣрѣ, на первое время. Онъ огородилъ его кровать ширмами, а себѣ устроилъ мѣстечко около диванчика. Не весело и не скоро прошелъ день. Берсеневъ отлучился только для того, чтобы пообѣдать. Насталъ вечеръ. Онъ зажегъ свѣчку съ абажуромъ и принялся за чтеніе. Все было тихо кругомъ. У хозяевъ за перегородкой слышался то сдержанный шопотъ, то зѣвокъ, то вздохъ... Кто-то у нихъ чихнулъ, и его шопотомъ побранили; за ширмами раздавалось тяжелое и неровное дыханіе, изрѣдка прерываемое короткимъ стономъ, да тоскливымъ метаніемъ головы по подушкѣ... Странныя нашли на Берсенева думы. Онъ находился въ комнатѣ человѣка,

жизнь котораго висѣла на ниткѣ, человѣка, котораго, онъ это зналъ, любила Елена... Вспомнилась ему та ночь, когда Шубинъ нагналъ его и объявилъ ему, что она его любитъ, его, Берсенева! А теперь... „Что мнѣ теперь дѣлать?“ спрашивалъ онъ самого себя. „Извѣстить ли Елену объ его болѣзни? Подождать ли? Это извѣстіе печальнѣе того, которое я же ей сообщилъ когда-то: странно, какъ судьба меня все ставитъ третьимъ лицомъ между ними!“ Онъ рѣшилъ, что лучше подождать. Взоры его упали на столъ, покрытый грудами бумагъ... „Исполнитъ ли онъ свои замыслы?“ подумалъ Берсеневъ. „Неужели все исчезнетъ?“ И жалко ему становилось молодой, погибающей жизни, и онъ давалъ себѣ слово ее спасти...

Ночь была нехороша. Больной много бредилъ. Нѣсколько разъ вставалъ Берсеневъ съ своего диванчика, приближался на цыпочкахъ къ постели и печально прислушивался къ его несвязному лепетанію. Разъ только Инсаровъ произнесъ съ внезапной ясностью: „я не хочу, я не хочу, ты не должна“... Берсеневъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на Инсарова: лицо его, страдальческое и мертвенное въ то же время, было неподвижно, и руки лежали безсильно... „Я не хочу“, повторилъ онъ едва слышно.

Докторъ пріѣхалъ поутру, покачалъ головой и прописалъ новыя лѣкарства.

— Еще далеко до кризиса, — сказалъ онъ, надѣвая шляпу.

— А послѣ кризиса?—спросилъ Берсеневъ.

— Послѣ кризиса? Исходъ бываетъ двоякій: aut Caesar, aut nihil.

Докторъ уѣхалъ. Берсеневъ прошелся нѣсколько разъ по улицѣ: ему нуженъ былъ чистый воздухъ. Онъ вернулся и взялся за книгу. Раумера ужъ онъ давно кончилъ: онъ теперь изучалъ Грота.

Вдругъ дверь тихо скрипнула и осторожно вдвинулась въ комнату головка хозяйской дочери, покрытая, по обыкновенію, тяжелымъ платкомъ.

— Здѣсь, — заговорила она вполголоса:— та барышня, что тогда мнѣ гривенничекъ...

Головка хозяйской дочери внезапно скрылась, и на мѣсто ея появилась Елена.

Берсеневъ вскочилъ, какъ ужаленный; но Елена не шевельнулась, не вскрикнула... Казалось, она все поняла въ одно мгновеніе. Страшная блѣдность покрыла ея лицо, она подошла къ ширмамъ, заглянула за нихъ, всплеснула руками и окаменѣла. Еще мгновеніе, и она бы бросилась къ Инсарову, но Берсеневъ остановилъ ее:

— Что вы дѣлаете? — проговорилъ онъ трепещущимъ шопотомъ.—Вы его погубить можете!

Она зашаталась. Онъ подвелъ ее къ диванчику и посадилъ ее.

Она посмотрѣла ему въ лицо, потомъ окинула его взглядомъ, потомъ уставилась на полъ.

— Онъ умираетъ?—спросила она такъ холодно и спокойно, что Берсеневъ испугался.

— Ради Бога, Елена Николаевна,— началъ онъ: — что вы это? Онъ боленъ, точно,—и довольно опасно... Но мы его спасемъ; за это я вамъ ручаюсь.

— Онъ безъ памяти?—спросила она такъ же, какъ въ первый разъ.

— Да, онъ теперь въ забытьи... Это всегда бываетъ въ началѣ этихъ болѣзней, но это ничего не значитъ, ничего,—увѣряю васъ. Выпейте воды.

Она подняла на него глаза, и онъ понялъ, что она не слышала его отвѣтовъ.

— Если онъ умретъ, — проговорила она все тѣмъ же голосомъ:—и я умру.

Инсаровъ въ это мгновеніе простопалъ слегка; она затрепетала, схватила себя за голову, потомъ стала развязывать ленты шляпы.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ ее Берсеневъ.

Она не отвѣчала.

— Что вы дѣлаете?—повторилъ онъ.

— Я остаюсь здѣсь.

— Какъ... надолго?

— Не знаю, можетъ-быть, на весь день, на ночь, навсегда... не знаю.

— Ради Бога, Елена Николаевна, придите въ себя. Я, конечно, никакъ не могъ ожидать васъ здѣсь увидѣть; но я все-таки... предполагаю, что вы зашли сюда на короткое время. Вспомните, васъ могутъ хватиться дома...

— И что же?

— Васъ будутъ искать... Васъ найдутъ...

— И что же?

— Елена Николаевна! Вы видите... Онъ васъ теперь защитить не можетъ.

Она опустила голову, словно задумалась, поднесла платокъ къ губамъ, и судорожныя рыданія, съ потрясающею силою, внезапно исторглись изъ ея груди... Она бросилась лицомъ на диванъ, старалась заглушить ихъ, но все ея тѣло поднималось и билось, какъ только что пойманная птичка.

— Елена Николаевна... ради Бога...—твердилъ надъ ней Берсеневъ.

— А? Что такое?—раздался вдругъ голосъ Писарова.

Елена выпрямилась, а Берсеневъ такъ и замеръ на мѣстѣ... Погодя немного, онъ подошелъ къ постели. Голова Писарова попрежнему безсильно лежала на подушкѣ; глаза были закрыты.

— Онъ бредитъ?—прошептала Елена.

— Кажется,—отвѣчалъ Берсеневъ:—но это ничего; это тоже всегда такъ бываетъ, особенно если..

— Когда онъ занемогъ?—перебила Елена.

— Третьяго дня; со вчерашняго дня я здѣсь. Положитесь на меня, Елена Николаевна. Я не отойду отъ него; всѣ средства будутъ употреблены. Если нужно, мы созовемъ консиліумъ.

— Онъ умретъ безъ меня,—воскликнула она, ломая руки.

— Я вамъ даю слово извѣщать васъ ежедневно о ходѣ его болѣзни, и если бы наступила дѣйствительная опасность...

— Клянитесь мнѣ, что вы тотчасъ пошлете за мною когда бы то ни было, днемъ, ночью; пишите записку прямо ко мнѣ... Мнѣ все равно теперь. Слышите ли вы? обѣщаетесь ли вы это сдѣлать?

— Обѣщаюсь, передъ Богомъ.

— Поклянитесь.

— Клянусь.

Она вдругъ схватила его руку, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее отдернуть, припала къ ней губами.

— Елена Николаевна... что вы это,—пролепеталъ онъ.

— Нѣтъ... пѣтъ... не надо...—произнесъ невнятно Инсаровъ и тяжело вздохнулъ.

Елена подошла къ ширмамъ, стиснула платокъ зубами и долго-долго глядѣла на больного. Безмолвныя слезы потекли по ея щекамъ.

— Елена Николаевна, — сказалъ ей Берсеневъ: — онъ можетъ придти въ себя, узнать васъ; Богъ знаетъ, хорошо ли это будетъ. Притомъ же я съ часу на часъ жду доктора...

Елена взяла шляпу съ диванчика, надѣла ее и остановилась. Глаза ея печально блуждали по комнатѣ. Казалось, она вспоминала...

— Я не могу уйти,—прошептала она наконецъ.

Берсеневъ пожалъ ей руку.

— Соберитесь съ силами,—промолвилъ онъ:—успокойтесь; вы оставляете его на моемъ попеченіи. Я сегодня же вечеромъ заѣду къ вамъ.

Елена взглянула на него, проговорила:

— О, мой добрый другъ!—зарыдала и бросилась вонъ.

Берсеневъ прислонился къ двери. Чувство горестное и горькое, не лишенное какой-то странной отрады, сдавило ему сердце. „Мой добрый другъ!“ подумалъ онъ, и повелъ плечомъ.

— Кто здѣсь?—послышался голосъ Инсарова.

Берсеневъ подошелъ къ нему.

— Я здѣсь, Дмитрій Никаноровичъ. Что вамъ? Какъ вы себя чувствуете?

— Одинъ?—спросилъ больной.

— Одинъ.

— А она?

— Кто она? — проговорилъ почти съ испугомъ Берсеневъ.

Инсаровъ промолчалъ.

— Резеда,—шепнулъ онъ, и глаза его опять закрылись.

XXVI.

Инсаровъ цѣлыхъ восемь дней находился между жизнью и смертью. Докторъ пріѣзжалъ безпрестанно, интересуясь, опять-таки какъ молодой человѣкъ, трудпымъ больпымъ. Шубинъ услышалъ объ опаспомъ положеніи Инсарова и навѣстилъ его; явились его соотечественники — болгары; въ числѣ ихъ Берсеневъ узпалъ обѣ странныя фигуры, возбудившія его изумленіе своимъ нежданымъ посѣщеніемъ на дачѣ; всѣ изъявили искреппее участіе, пѣкоторые предлагали Берсеневу смѣпить его у постели больного; но онъ не соглашался, помня обѣщаніе, данное Еленѣ. Онъ каждый день ее видѣлъ и украдкой передавалъ ей—иногда па словахъ, иногда въ малепькой записочкѣ—всѣ подробности хода болѣзни. Съ какимъ сердечнымъ замираніемъ она его ожидала, какъ она его выслушивала и разспрашивала! Она сама все порывалась къ Инсарову; но Берсеневъ умолялъ ее этого не дѣлать: Инсаровъ рѣдко бывалъ одинъ. Въ первый день, когда она узнала объ его болѣзни, она сама чуть пе запемогла; она, какъ только вернулась, заперлась у себя въ комнатѣ; но ее позвали къ обѣду, и она явилась въ столовую съ такимъ лицомъ, что Анна Васильевна испугалась и хотѣла непремѣнно уложить ее въ постель. Еленѣ, однако, удалось переломить себя. „Если онъ умретъ“, твердила она, „и меня не станетъ“. Эта мысль ее успокоила и дала ей силу казаться равнодушною. Впрочемъ, никто ее слишкомъ пе тревожилъ: Анпа Васильевна возилась съ своими флюсами; Шубинъ работалъ съ остервенѣніемъ; Зоя предавалась меланхоліи и собиралась прочесть *Вертера*; Николай Артемьевичъ очепь былъ недоволенъ частыми посѣщеніями „школяра“, тѣмъ болѣе, что его „предначертанія“ насчетъ Курнатовскаго подвигались туго: практическій оберъ-секретарь недоумѣвалъ и выжидалъ. Елена даже не благодарила Берсенева: есть услуги, за которыя жутко и стыдно благодарить. Только однажды,

въ четвертое свое свиданіе съ нимъ (Инсаровъ очень плохо провелъ ночь, докторъ намекнулъ на консиліумъ), только въ это свиданіе она напомнила ему объ его клятвѣ. „Ну, въ такомъ случаѣ, пойдемте“, сказалъ онъ ей. Она встала и пошла-было одѣваться. „Нѣтъ“, промолвилъ онъ, „подождемте еще до завтра“. Къ вечеру Инсарову полегчило.

Восемь дней продолжалась эта пытка. Елена казалась покойной, но ничего не могла ѣсть, не спала по ночамъ. Тупая боль стояла во всѣхъ ея членахъ; какой-то сухой, горячій дымъ, казалось, наполнялъ ея голову. „Наша барышня какъ свѣча таетъ“, говорила о ней ея горничная.

Наконецъ, на девятый день, переломъ совершился. Елена сидѣла въ гостиной подлѣ Анны Васильевны, и, сама не понимая что дѣлала, читала ей *Московскія Вѣдомости*; Берсеневъ вошелъ. Елена взглянула на него (какъ быстръ и робокъ, и проницателенъ, и тревоженъ былъ первый взглядъ, который она на него всякій разъ бросала!) и тотчасъ же догадалась, что онъ принесъ добрую вѣсть. Онъ улыбался; онъ слегка кивалъ ей: она приподнялась ему навстрѣчу.

— Онъ пришелъ въ себя, онъ спасенъ, онъ черезъ недѣлю будетъ совсѣмъ здоровъ,—шепнулъ онъ ей.

Елена протянула руки, какъ будто отклоняя ударъ, и ничего не сказала, только губы ея задрожали, и алая краска разлилась по всему лицу. Берсеневъ заговорилъ съ Анной Васильевной, а Елена ушла къ себѣ, упала на колѣни и стала молиться, благодарить Бога... Легкія, свѣтлыя слезы полились у ней изъ глазъ. Она вдругъ почувствовала крайнюю усталость, положила голову на подушку, шепнула: „бѣдный Андрей Петровичъ!“ и тутъ же заснула, съ мокрыми рѣсницами и щеками. Она давно уже не спала и не плакала.

XXVII.

Слова Берсенева сбылись только отчасти: опасность миновалась, но силы Инсарова возстановлялись медленно, и докторъ поговаривалъ о глубокомъ и общемъ потря-

сенiи всего организма. Со всѣмъ тѣмъ больной оставилъ постель и началъ ходить по комнатѣ; Берсеневъ переѣхалъ къ себѣ на квартиру; но онъ каждый день заходилъ къ своему, все еще слабому, пріятелю, и каждый день, попрежнему, увѣдомлялъ Елену о состоянiи его здоровья. Инсаровъ не смѣлъ писать къ ней и только косвенно, въ разговорахъ съ Берсеневымъ, намекалъ на нее; а Берсеневъ, съ притворнымъ равнодушiемъ, разсказывалъ ему о своихъ посѣщенiяхъ у Стаховыхъ, старался, однако, дать ему понять, что Елена была очень огорчена и что теперь она успокоилась. Елена тоже не писала Инсарову; у ней иное было въ головѣ.

Однажды, Берсеневъ только что сообщилъ ей съ веселымъ лицомъ, что докторъ уже разрѣшилъ Инсарову съѣсть котлетку, и что онъ, вѣроятно, скоро выйдетъ,— она задумалась, потупилась...

— Угадайте, что я хочу сказать вамъ,—промолвила она.

Берсеневъ смутился. Онъ ее понялъ.

— Вѣроятно,—отвѣтилъ онъ, глянувъ въ сторону:—вы хотите мнѣ сказать, что вы желаете его видѣть.

Елена покраснѣла и едва слышно произнесла:

— Да.

— Такъ что жъ? Это вамъ, я думаю, очень легко. „Фи!“ подумалъ онъ: „какое у меня гадкое чувство на сердцѣ“.

— Вы хотите сказать, что я уже прежде... — проговорила Елена. — Но я боюсь... теперь онъ, вы говорите, рѣдко бываетъ одинъ.

— Этому не трудно помочь,—возразилъ Берсеневъ, все не глядя на нее.—Предувѣдомить я его, разумѣется, не могу; но дайте мнѣ записку. Кто вамъ можетъ запретить написать ему, какъ хорошему знакомому, въ которомъ вы принимаете участiе? Тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Назначьте ему... то-есть, напишите ему, когда вы будете.

— Мнѣ совѣстно,—шепнула Елена.

— Дайте записку, я отнесу.

— Это не нужно, а я хотѣла васъ попросить... не

сердитесь на меня, Андрей Петровичъ... не приходите завтра къ нему!

Берсеневъ закусилъ губу.

— А! Да, понимаю, очень хорошо, очень хорошо. — И прибавивъ два-три слова, онъ быстро удалился.

„Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше“, думалъ онъ, спѣша домой. „Я не узналъ ничего новаго, но тѣмъ лучше. Что за охота лѣпиться къ краюшку чужого гнѣзда? Я ни въ чемъ не раскаиваюсь, я сдѣлалъ что мнѣ совѣсть велѣла, но теперь полно. Пусть ихъ! Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики,— мы труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись за свой рабочій станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть другимъ сіяетъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастіе!“

На другое утро Инсаровъ получилъ по городской почтѣ коротенькую записку: „Жди меня“, писала ему Елена: „и вели всѣмъ отказывать. А. И. не придетъ“.

XXVIII.

Инсаровъ прочелъ записку Елены и тотчасъ же сталъ приводить свою комнату въ порядокъ, попросилъ хозяйку унести склянки съ лѣкарствомъ, снялъ шлафрокъ, надѣлъ сюртукъ. Отъ слабости и отъ радости у него голова кружилась и сердце билось. Ноги у него подкосились: онъ опустился на диванъ и сталъ глядѣть на часы. „Теперь три четверти двѣнадцатаго“, сказалъ онъ самому себѣ: „раньше двѣнадцати она никакъ придти не можетъ; буду думать о чемъ-нибудь другомъ въ теченіе четверти часа, а то я не вынесу. Раньше двѣнадцати она никакъ не можетъ“...

Дверь распахнулась, и въ легкомъ шелковомъ платьѣ, вся блѣдная и вся свѣжая, молодая, счастливая, вошла Елена, и съ слабымъ радостнымъ крикомъ упала къ нему на грудь.

— Ты живъ, ты мой, — твердила она, обнимая и ла-

скал его голову. Онъ замеръ весь, онъ задыхался отъ этой близости, отъ этихъ прикосновеній, отъ этого счастія.

Она сѣла возлѣ него, и прижалась къ нему, и стала глядѣть на него тѣмъ смѣющимся и ласкающимъ, и нѣжнымъ взглядомъ, который свѣтится въ однихъ только женскихъ любящихъ глазахъ.

Ея лицо внезапно опечалилось.

— Какъ ты похудѣлъ, мой бѣдный Дмитрій,— сказала она, проводя рукой по его щекѣ:—какая у тебя борода!

— И ты похудѣла, моя бѣдная Елена,—отвѣчалъ онъ, ловя губами ея пальцы.

Она весело встряхнула кудрями.

— Это ничего. Посмотри, какъ мы поправимся! Гроза налетѣла, какъ въ тотъ день, когда мы встрѣтились въ часовнѣ, налетѣла и прошла. Теперь мы будемъ жить!

Онъ отвѣчалъ ей одною улыбкой.

— Ахъ, какіе дни, Дмитрій, какіе жестокіе дни! Какъ это люди переживаютъ тѣхъ, кого они любятъ! Я напередъ всякій разъ знала, что мнѣ Андрей Петровичъ скажетъ, право: моя жизнь падала и поднималась вмѣстѣ съ твоей. Здравствуй, мой Дмитрій!

Онъ не зналъ, что сказать ей. Ему хотѣлось броситься къ ея ногамъ.

— Еще что я замѣтила,— продолжала она, откидывая назадъ его волосы (я много дѣлала замѣчаній все это время, на досугѣ): — когда человѣкъ очень, очень несчастливъ,—съ какимъ глупымъ вниманіемъ онъ слѣдитъ за всѣмъ, что около него происходитъ! Я, право, иногда заглядывалась на муху, а у самой на душѣ такой холодъ и ужасъ! Но это все прошло, прошло, не правда ли? Все свѣтло впереди, не правда ли?

— Ты для меня впереди,— отвѣтилъ Инсаровъ: — для меня свѣтло.

— А для меня-то! А помнишь ли ты, тогда, когда я у тебя была, не въ послѣдній разъ... нѣтъ, не въ послѣдній разъ,— повторила она съ невольнымъ содроганіемъ: — а когда мы говорили съ тобой, я, сама не знаю отчего, упо-

мянула о смерти; я и не подозрѣвала тогда, что она насъ караулила. Но вѣдь ты здоровъ теперь?

— Мнѣ гораздо лучше, я почти здоровъ.

— Ты здоровъ, ты не умеръ. О, какъ я счастлива!

Настало небольшое молчаніе.

— Елена?—спросилъ ее Инсаровъ.

— Что, мой милый?

— Скажи мнѣ, не приходило ли тебѣ въ голову, что эта болѣзнь послана намъ въ наказаніе?

Елена серьезно взглянула на него.

— Эта мысль мнѣ въ голову приходила, Дмитрій. Но я подумала: за что же я буду наказана? Какой долгъ я преступила, противъ чего согрѣшила я? Можетъ-быть, совѣсть у меня не такая, какъ у другихъ, но она молчала; или, можетъ-быть, я противъ тебя виновата?—Я тебѣ помѣшаю, я остановлю тебя...

— Ты мнѣ не помѣшаешь, Елена, мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Да, Дмитрій, мы пойдемъ вмѣстѣ, я пойду за тобой... Это мой долгъ. Я тебя люблю... Другого долга я не знаю.

— О, Елена!—промолвилъ Инсаровъ: — какія несокрушимыя цѣпи кладетъ на меня каждое твое слово!

— Зачѣмъ говорить о цѣпяхъ?—подхватила она.—Мы съ тобой вольные люди. Да,—продолжала она, задумчиво глядя на полъ, а одной рукой попрежнему разглаживая его волосы: — многое я испытала въ послѣднее время, о чемъ и понятія не имѣла никогда! Если бы мнѣ предсказалъ кто-нибудь, что я, барышня, благовоспитанная, буду уходить одна изъ дома подъ разными сочиненными предлогами, и куда же уходить! къ молодому человѣку на квартиру, — какое я почувствовала бы негодованіе! И это все сбылось, и я никакого не чувствую негодованія. Ей Богу,—прибавила она и обернулась къ Инсарову.

Онъ глядѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ обожанія, что она тихо опустила руку съ его волосъ на его глаза.

— Дмитрій,—начала она снова: — вѣдь ты не знаешь, вѣдь я тебя видѣла тамъ, на этой страшной постели, я видѣла тебя въ когтяхъ смерти, безъ памяти...

— Ты меня видѣла?

— Да.

Онъ помолчалъ.

— И Барсеневъ былъ здѣсь?

Она кивнула головой.

Инсаровъ наклонился къ ней.

— О, Елена! — прошепталъ онъ: — я не смѣю глядѣть на тебя.

— Отчего? Андрей Петровичъ такой добрый! Я его не стыдилась. И чего мнѣ стыдиться? Я готова сказать всему свѣту, что я твоя... А Андрею Петровичу я довѣряю, какъ брату.

— Онъ меня спасъ!—воскликнулъ Инсаровъ.—Онъ благороднѣйшій, добрѣйшій человѣкъ!

— Да... И знаешь ли ты, что я ему всѣмъ обязана? Знаешь ли ты, что онъ мнѣ первый сказалъ, что ты меня любишь? И если бъ я могла все открыть... Да, онъ благороднѣйшій человѣкъ.

Инсаровъ посмотрѣлъ пристально на Елену.

— Онъ влюбленъ въ тебя, не правда ли?

Елена опустила глаза.

— Онъ меня любилъ,—проговорила она вполголоса.

Инсаровъ крѣпко стиснулъ ей руку.

— О, вы, русскіе,—сказалъ онъ:—золотыя у васъ сердца! И онъ, онъ ухаживалъ за мной, онъ не спалъ почи... И ты, ты, мой ангелъ... Ни упрека, ни колебанія... и это все мнѣ, мнѣ...

— Да, да, все тебѣ, потому что тебя любятъ. Ахъ, Дмитрій! Какъ это страшно! Я, кажется, тебѣ уже говорила объ этомъ,—но все равно, мнѣ пріятно это повторить, а тебѣ будетъ пріятно это слушать, — когда я тебя увидала въ первый разъ...

— Отчего у тебя на глазахъ слезы? — перебилъ ее Инсаровъ.

— У меня? слезы?— Она утерла глаза платкомъ. — О, глупый! Онъ еще не знаетъ, что и отъ счастья плачутъ. Такъ я хотѣла сказать: когда я увидала тебя въ первый разъ, я въ тебѣ ничего особеннаго не нашла, право. Я

помню, сначала Шубинъ мнѣ гораздо болѣе понравился, хотя я никогда его не любила, а что касается до Андрея Петровича,—о! тутъ была минута, когда я подумала: ужъ не онъ ли? А ты—ничего; зато... потомъ... потомъ... такъ ты у меня сердце обѣими руками и взялъ!

— Пощади меня...—проговорилъ Инсаровъ. Онъ хотѣлъ встать и тотчасъ же опустился на диванъ.

— Что съ тобой?—заботливо спросила Елена.

— Ничего... я еще немного слабъ... Мнѣ это счастіе еще не по силамъ.

— Такъ сиди смирно. Не извольте шевелиться, не волнуйтесь,—прибавила она, грозя ему пальцемъ.—И зачѣмъ вы вашъ шлафрокъ сняли? Рано еще вамъ щеголять! Сидите, а я вамъ буду сказки разсказывать. Слушайте и молчите. Послѣ вашей болѣзни вамъ много разговаривать вредно.

Она начала говорить ему о Шубинѣ, о Курпатовскомъ, о томъ, что она дѣлала въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль, о томъ, что, судя по газетамъ, война неизбѣжна, и что, слѣдовательно, какъ только онъ выздоровѣетъ совсѣмъ, надо будетъ, не теряя ни минуты, найти средства къ отъѣзду... Она говорила все это, сидя съ нимъ рядомъ, опираясь на его плечо...

Онъ слушалъ ее, слушалъ, то блѣднѣя, то краснѣя... онъ нѣсколько разъ хотѣлъ остановить ее, и вдругъ выпрямился.

— Елена,—сказалъ онъ ей какимъ-то страннымъ и рѣзкимъ голосомъ:—оставь меня, уйди.

— Какъ,—промолвила она съ изумленіемъ.—Ты дурно себя чувствуешь?—прибавила она съ живостью.

— Нѣтъ... мнѣ хорошо... но, пожалуйста, оставь меня.

— Я тебя не понимаю. Ты меня прогоняешь?.. Что это ты дѣлаешь?—проговорила она вдругъ: онъ склонился съ дивана почти до полу, и приникъ губами къ ея ногамъ.—Не дѣлай этого, Дмитрій... Дмитрій...

Онъ приподнялся.

— Такъ оставь меня! Вотъ видишь ли, Елена, когда сдѣлался боленъ, я не тотчасъ лишился сознанія, я

зналъ, что я на краю гибели; даже въ жару, въ бреду, я понималъ, я смутно чувствовалъ, что это смерть ко мнѣ идетъ, я прощался съ жизнью, съ тобой, со всѣмъ, я разставался съ надеждой... И вдругъ это возрожденіе, этотъ свѣтъ послѣ тьмы, ты... ты... возлѣ меня, у меня... твой голосъ, твое дыханіе... Это свыше силъ моихъ! Я чувствую, что я люблю тебя страстно, я слышу, что ты сама называешь себя моей, я ни за что не отвѣчаю... Уйди!

— Дмитрій...—прошептала Елена, и спрятала къ нему на плечо голову. Она только теперь его поняла.

— Елена, — продолжалъ онъ: — я тебя люблю, ты это знаешь, я жизнь свою готовъ отдать за тебя... зачѣмъ же ты пришла ко мнѣ теперь, когда я слабъ, когда я не владѣю собою, когда вся кровь моя зажжена... ты моя, говоришь ты... ты меня любишь...

— Дмитрій,—повторила она, и вспыхнула вся, и еще тѣснѣе къ нему прижалась.

— Елена, сжалься надо мной — уйди, я чувствую, я могу умереть—я не выдержу этихъ порывовъ... вся душа моя стремится къ тебѣ... подумай, смерть едва не разлучила насъ... и теперь, ты здѣсь, ты въ моихъ объятіяхъ... Елена...

Она затрепетала вся.

— Такъ возьми жъ меня, — прошептала она чуть слышно...

XXIX.

Николай Артемьевичъ ходилъ, нахмуривъ брови, взадъ и впередъ по своему кабинету. Шубинъ сидѣлъ у окна и, положивъ ногу на ногу, спокойно курилъ сигару.

— Перестаньте, пожалуйста, шагать изъ угла въ уголъ,— промолвилъ онъ, отряхая пепелъ съ сигары.—Я все ожидаю, что вы заговорите, слѣжу за вами—шея у меня заболѣла. Притомъ же въ вашей походкѣ есть что-то напряженное, мелодраматическое.

— Вамъ бы все только балагурить, — отвѣтилъ Николай Артемьевичъ. — Вы не хотите войти въ мое положеніе, вы не хотите понять, что я привыкъ къ этой жен-

щинѣ, что я привязанъ къ ней наконецъ, что отсутствіе ея меня должно мучить. Вотъ ужъ октябрь на дворѣ, зима на носу... Что она можетъ дѣлать въ Ревелѣ?

— Должно-быть, чулки вяжетъ... себѣ; себѣ—не вамъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь; а я вамъ скажу, что я подобной женщины не знаю. Эта честность, это безкорыстіе...

— Подала она вексель ко взысканію?—спросилъ Шубинъ.

— Это безкорыстіе,—повторилъ, возвысивъ голосъ, Николай Артемьевичъ:—это удивительно. Мнѣ говорятъ, на свѣтѣ есть милліонъ другихъ женщинъ; а я скажу: покажите мнѣ этотъ милліонъ; покажите мнѣ этотъ милліонъ, говорю я: ces femmes—qu'on me les montre! И не пишетъ, вотъ что убійственно!

— Вы краснорѣчивы, какъ Пиѳагоръ,—замѣтилъ Шубинъ:—но знаете ли, что бы я вамъ присовѣтовалъ?

— Что?

— Когда Августина Христіановна возвратится... вы понимаете меня?

— Ну да; что же?

— Когда вы ее увидите... Вы слѣдите за развитіемъ моей мысли?

— Ну да, да.

— Попробуйте ее побить: что изъ этого выйдетъ?

Николай Артемьевичъ отвернулся съ негодованіемъ.

— Я думалъ, онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь путный совѣтъ подастъ. Да что отъ него ожидать! Артистъ, человѣкъ безъ правилъ...

— Безъ правилъ! А вотъ, говорятъ, вашъ фаворитъ, господинъ Курнатовскій, человѣкъ съ правилами, вчера васъ на сто рублей серебромъ обыгралъ. Это ужъ не деликатно, согласитесь.

— Что жъ? Мы играли въ коммерческую. Конечно, я могъ ожидать... Но его такъ мало умѣютъ цѣнить въ этомъ домѣ...

— Что онъ подумалъ: куда ни шла!—подхватилъ Шубинъ:—тесть ли онъ мнѣ или нѣтъ—это еще скрыто въ урнѣ судьбы, а сто рублей хорошо человѣку, который взятокъ не беретъ.

— Тесть! Какой я къ чорту тесть? Vous rêvez, mon cher. Конечно, всякая другая дѣвушка обрадовалась бы такому жениху! Посудите сами: человѣкъ бойкій, умный, самъ собою въ люди вышелъ, въ двухъ губерніяхъ лямку теръ...

— Въ .....ой губерніи губернатора за носъ водилъ, — замѣтилъ Шубинъ.

— Очень можетъ быть. Видно, такъ и слѣдовало. Практикъ, дѣлецъ...

— И въ карты хорошо играетъ,—опять замѣтилъ Шубинъ.

— Ну да, и въ карты хорошо играетъ. Но Елена Николаевна... Развѣ ее возможно понять? Желаю я знать, гдѣ тотъ человѣкъ, который бы взялся постигнуть, чего она хочетъ? То она весела, то скучаетъ; похудѣетъ вдругъ такъ, что не смотрѣлъ бы на нее, а тамъ вдругъ поправится, и все это безъ всякой видимой причины...

Вошелъ неблаговидный лакей съ чашкой кофе, сливочникомъ и сухарями на подносѣ.

— Отцу нравится женихъ, — продолжалъ Николай Артемьевичъ, размахивая сухаремъ: — а дочери что до этого за дѣло! Это было хорошо въ прежнія, патріархальныя времена, а теперь мы все это перемѣнили. Nous avons changé tout ça. Теперь барышня разговариваетъ съ кѣмъ ей угодно; читаетъ, что ей угодно; отправляется одна по Москвѣ безъ лакея, безъ служанки, какъ въ Парижѣ; и все это принято. На-дняхъ я спрашиваю: гдѣ Елена Николаевна? Говорятъ, изволила выдти. Куда? Неизвѣстно. Что это—порядокъ?

— Возьмите же вашу чашку, да отпустите человѣка,— промолвилъ Шубинъ. — Сами же вы говорите, что не надо devant les domestiques,—прибавилъ онъ вполголоса.

Лакей исподлобья взглянулъ на Шубина, а Николай Артемьевичъ взялъ чашку, налилъ себѣ сливокъ и сгребъ штукъ десять сухарей.

— Я хотѣлъ сказать,—началъ онъ, какъ только лакей вышелъ:—что я ничего въ этомъ домѣ не знаю. Вотъ и все. Потому, въ наше время всѣ судятъ по наружности:

ной человѣкъ и пустъ, и глупъ, да важно себя держитъ — его уважаютъ; а другой, можетъ-быть, обладаетъ талантами, которые могли бы... могли бы принести великую пользу, но по скромности...

— Вы государственный человѣкъ, Николинька?—спросилъ Шубинъ тоненькимъ голоскомъ.

— Полноте паясничать! — воскликнулъ съ сердцемъ Николай Артемьевичъ. — Вы забываетесь! Вотъ вамъ новое доказательство, что я въ этомъ домѣ ничего не значу, ничего!

— Анна Васильевна васъ притѣсняетъ... бѣдненькій!— проговорилъ, потягиваясь, Шубинъ. — Эхъ, Николай Артемьевичъ, грѣшно намъ съ вами! Вы бы лучше какой нибудь подарочекъ для Анны Васильевны приготовили. На-дняхъ ея рожденіе, а вы знаете, какъ она дорожитъ малѣйшимъ знакомъ вниманія съ вашей стороны.

— Да, да, — торопливо отвѣтилъ Николай Артемьевичъ:—очень вамъ благодаренъ, что напомнили. Какъ же, какъ же; непремѣнно. Да вотъ, есть у меня вещица: фермуарчикъ, я его на-дняхъ купилъ у Розенштрауха; только не знаю, право, годится ли?

— Вѣдь вы его для той, для ревельской жительницы купили?

— То-есть... я... да... я думалъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ, навѣрное годится.

Шубинъ поднялся со стула.

— Куда бы намъ сегодня вечеромъ, Павелъ Яковлевичъ, а? — спросилъ его Николай Артемьевичъ, любезно заглядывая ему въ глаза.

— Да вѣдь вы въ клубъ поѣдете.

— Послѣ клуба... послѣ клуба.

Шубинъ опять потянулся.

— Нѣтъ, Николай Артемьевичъ, мнѣ нужно завтра работать. До другого раза.—И онъ вышелъ.

Николай Артемьевичъ насупился, прошелся раза два по комнатѣ, досталъ изъ бюро бархатный ящичекъ съ „фермуарчикомъ“, и долго его разсматривалъ и обтиралъ фуляромъ. Потомъ онъ сѣлъ передъ зеркаломъ и при-

нялся старательно расчесывать свои густые черные волосы, съ важностію наклоняя голову то направо, то налѣво, упирая въ щеку языкомъ и не спускал глазъ съ пробора. Кто-то кашлянулъ за его спиною: онъ оглянулся и увидалъ лакея, который приносилъ ему кофе.

— Ты зачѣмъ?— спросилъ онъ его.

— Николай Артемьевичъ!—проговорилъ не безъ нѣкоторой торжественности лакей:—вы нашъ баринъ!

— Знаю: что же дальше!

— Николай Артемьевичъ, вы не извольте на меня прогнѣваться; только я, будучи у вашей милости на службѣ съ малыхъ лѣтъ, изъ рабскаго, значитъ, усердія должонъ вашей милости донести...

— Да что такое?

Лакей помялся на мѣстѣ.

— Вы вотъ изволите говорить, — началъ онъ:—что не изволите знать, куда Елена Николаевна отлучаться изволятъ. Я про то извѣстенъ сталъ.

— Что ты врешь, дуракъ?!

— Вся ваша воля, а только я ихъ четвертаго дня видѣлъ, какъ онѣ въ одинъ домъ изволили войти.

— Гдѣ? что? какой домъ?

— Въ .....мъ переулкѣ возлѣ Поварской. Недалече отсюда. Я и у дворника спросилъ, что, молъ, у васъ тутъ, какіе жильцы?

Николай Артемьевичъ затопалъ ногами.

— Молчать, бездѣльникъ! Какъ ты смѣешь?.. Елена Николаевна, по добротѣ своей, бѣдныхъ посѣщаетъ, а ты... Вонъ дуракъ!

Испуганный лакей бросился-было къ двери.

— Стой! — воскликнулъ Николай Артемьевичъ. — Что тебѣ дворникъ сказалъ?

— Да ни... ничего не сказалъ. Говоритъ, сту... студентъ.

— Молчать, бездѣльникъ! Слушай, мерзавецъ, если ты хоть во снѣ кому-нибудь объ этомъ проговоришься...

— Помилуйте-съ...

— Молчать! если ты хоть пикнешь... если кто-нибудь...

если я узнаю... Ты у меня и подъ землей-то мѣста не найдешь! Слышишь? Убирайся!

Лакей исчезъ.

„Господи, Боже мой! Что это значитъ?“ подумалъ Николай Артемьевичъ, оставшись одинъ: „что мнѣ сказалъ этотъ болванъ? А? Надо будетъ однако узнать, какой это домъ, и кто тамъ живетъ. Самому сходить. Вотъ до чего дошло наконецъ!.. Un laquais! Quelle humiliation!“

И повторивъ громко: un laquais! Николай Артемьевичъ заперъ фермуаръ въ бюро, и отправился къ Аннѣ Васильевнѣ. Онъ нашелъ ее въ постели, съ повязанною щекой. Но видъ ея страданій только раздражилъ его, и онъ очень скоро довелъ ее до слезъ.

XXX.

Между тѣмъ гроза, собиравшаяся на Востокѣ, разразилась. Турція объявила Россіи войну; срокъ, назначенный для очищенія княжествъ, уже минулъ; уже не далекъ былъ день Синопскаго погрома. Послѣднія письма, полученныя Инсаровымъ, неотступно звали его на родину. Здоровье его все еще не поправилось: онъ кашлялъ, чувствовалъ слабость, легкіе приступы лихорадки, но онъ почти не сидѣлъ дома. Душа его загорѣлась, онъ уже не думалъ о болѣзни. Онъ безпрестанно разъѣзжалъ по Москвѣ, видѣлся украдкой съ разными лицами, писалъ по цѣлымъ ночамъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ; хозяину онъ объявилъ, что скоро выѣзжаетъ, и заранѣе подарилъ ему свою незатѣйливую мебель. Съ своей стороны, Елена также готовилась къ отъѣзду. Въ одинъ непастный вечеръ она сидѣла въ своей комнатѣ и, обрубая платки, съ невольнымъ унынiемъ прислушивалась къ завываніямъ вѣтра. Ея горничная вошла и сказала ей, что папенька въ маменькиной спальнѣ и зоветъ ее туда... „Маменька плачутъ“, шепнула она вслѣдъ уходившей Еленѣ: „а папенька гнѣваются“...

Елена слегка пожала плечами и вошла въ спальню Анны Васильевны. Добродушная супруга Николая Артемьевича полулежала въ откидномъ креслѣ и нюхала пла-

токъ съ одеколономъ; самъ онъ стоялъ у камина, застёгнутый на всѣ пуговицы, въ высокомъ, твердомъ галстукѣ и туго-накрахмаленныхъ воротничкахъ, смутно напоминая своей осанкой какого-то парламентскаго оратора. Ораторскимъ движеніемъ руки указалъ онъ своей дочери на стулъ, и когда та, не понявши его движенія, вопросительно посмотрѣла на него, онъ промолвилъ съ достоинствомъ, но не оборачивая головы: „прошу васъ сѣсть“. (Николай Артемьевичъ всегда говорилъ женѣ *вы*, дочери— въ экстраординарныхъ случаяхъ.)

Елена сѣла.

Анна Васильевна слезливо высморкалась. Николай Артемьевичъ заложилъ правую руку за бортъ сюртука.

— Я васъ призвалъ, Елена Николаевна, — началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія:—съ тѣмъ, чтобъ объясниться съ вами, или, лучше сказать, съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ васъ объясненій. Я вами недоволенъ, или пѣтъ: это слишкомъ мало сказано; ваше поведеніе огорчаетъ, оскорбляетъ меня—меня и вашу мать... вашу мать, которую вы здѣсь видите.

Николай Артемьевичъ пускалъ въ ходъ однѣ басовыя ноты своего голоса. Елена молча посмотрѣла на него, потомъ на Анну Васильевну, и поблѣднѣла.

— Было время,— началъ снова Николай Артемьевичъ:— когда дочери не позволяли себѣ глядѣть свысока на своихъ родителей, — когда родительская власть заставляла трепетать непокорныхъ. Это время прошло, къ сожалѣнію; такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ многіе; по повѣрьте, еще существуютъ законы, не позволяющіе... не позволяющіе... словомъ, еще существуютъ законы. Прошу васъ обратить на это вниманіе: законы существуютъ.

— Но, папенька,—начала-было Елена...

— Прошу васъ не перебивать меня. Перенесемся мыслію въ прошедшее. Мы съ Анной Васильевной исполнили свой долгъ. Мы съ Анной Васильевной ничего не жалѣли для вашего воспитанія: ни издержекъ, ни попеченій. Какую вы пользу извлекли изъ всѣхъ этихъ попеченій, этихъ издержекъ — это другой вопросъ; но я имѣлъ право ду-

мать... мы съ Анной Васильевной имѣли право думать, что вы, по крайней мѣрѣ, свято сохраните тѣ правила нравственности, которыя... которыя мы вамъ, какъ нашей единственной дочери... que nous vous avons inculqués, которыя мы вамъ внушили. Мы имѣли право думать, что никакія новыя „идеи“ не коснутся этой, такъ сказать, завѣтной святыни. И что же? Не говорю уже о легкомысліи, свойственномъ вашему полу, вашему возрасту... но кто могъ ожидать, что вы до того забудетесь...

— Папенька,—проговорила Елена:—я знаю, что вы хотите сказать...

— Нѣтъ, ты не знаешь, что я хочу сказать!—вскрикнулъ фальцетомъ Николай Артемьевичъ, внезапно измѣнивъ и величавости парламентской осанки, и плавной важности рѣчи, и басовымъ нотамъ:—ты не знаешь, дерзкая дѣвчонка...

— Ради Бога, Nicolas,—пролепетала Анна Васильевна:—vous me faites mourir.

— Не говорите мнѣ этого, que je vous fais mourir, Анна Васильевна! Вы себѣ и представить не можете, что вы сейчасъ услышите! Приготовьтесь къ худшему, предупреждаю васъ!

Анна Васильевна такъ и обомлѣла.

— Нѣтъ,—продолжалъ Николай Артемьевичъ, обратившись къ Еленѣ:—ты не знаешь, что я хочу сказать!

— Я виновата передъ вами,—начала она...

— А, наконецъ-то?

— Я виновата передъ вами,—продолжала Елена:—въ томъ, что давно не призналась...

— Да ты знаешь ли,—перебилъ ее Николай Артемьевичъ:—что я могу уничтожить тебя однимъ словомъ?

Елена подняла на него глаза.

— Да, сударыня, однимъ словомъ! Нечего глядѣть-то! (Онъ скрестилъ руки на груди.) Позвольте васъ спросить, извѣстенъ ли вамъ нѣкоторый домъ въ ...мъ переулкѣ, возлѣ Поварской? Вы посѣщали этотъ домъ? (Онъ топнулъ ногой.) Отвѣчай же, негодная, и не думай хитрить! Люди,

люди, лакеи, сударыня, de vils laquais видѣли васъ, какъ вы входили туда, къ вашему...

Елена вся вспыхнула, и глаза ея заблистали.

— Мнѣ не за чѣмъ хитрить,—промолвила она:—да, я посѣщала этотъ домъ.

— Прекрасно! Слышите, слышите, Анна Васильевна. И вы, вѣроятно, знаете, кто въ немъ живетъ?

— Да, знаю: мой мужъ.

Николай Артемьевичъ вытаращилъ глаза.

— Твой...

— Мой мужъ,—повторила Елена.—Я замужемъ за Дмитріемъ Никаноровичемъ Писаровымъ.

— Ты?... замужемъ?.. — едва проговорила Анна Васильевна.

— Да, мамаша... Простите меня. Двѣ недѣли тому назадъ, мы обвѣнчались тайно.

Анна Васильевна упала въ кресло; Николай Артемьевичъ отступилъ на два шага.

— Замужемъ! За этимъ оборвышемъ, чернорцемъ! Дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за разночинца! Безъ родительскаго благословенія! И ты думаешь, что я это такъ оставлю? что я не буду жаловаться? что я позволю тебѣ... что ты... что... Въ монастырь тебя, а его въ каторгу, въ арестантскія роты! Анна Васильевна, извольте сейчасъ сказать ей, что вы лишаете ее наслѣдства!

— Николай Артемьевичъ, ради Бога,—простонала Анна Васильевна.

— И когда, какимъ образомъ это сдѣлалось? Кто васъ вѣнчалъ? гдѣ? какъ? Боже мой! Что скажутъ теперь всѣ знакомые, весь свѣтъ! И ты, безстыдная притворщица, могла послѣ этакого поступка жить подъ родительской кровлей! Ты не побоялась... грома небеснаго?

— Папенька,—проговорила Елена (она вся дрожала съ ногъ до головы, но голосъ ея былъ твердъ):—вы вольны дѣлать со мною все, что угодно, но напрасно вы обвиняете меня въ безстыдствѣ и въ притворствѣ. Я не хотѣла... огорчать васъ заранѣе, но я поневолѣ на-дняхъ

сама бы все вамъ сказала, потому что мы на будущей недѣлѣ уѣзжаемъ отсюда съ мужемъ.

— Уѣзжаете? Куда это?

— На его родину, въ Болгарію.

— Къ туркамъ! — воскликнула Анна Васильевна и лишилась чувствъ.

Елена бросилась къ матери.

— Прочь! — возопилъ Николай Артемьевичъ, и схватилъ дочь за руку: — прочь, недостойная!

Но въ это мгновеніе дверь спальни отворилась и показалась блѣдная голова, съ сверкающими глазами; то была голова Шубина.

— Николай Артемьевичъ! — крикнулъ онъ во весь голосъ: — Августина Христіановна пріѣхала и зоветъ васъ!

Николай Артемьевичъ съ бѣшенствомъ обернулся, погрозилъ Шубину кулакомъ, остановился на минуту и быстро вышелъ изъ комнаты.

Елена упала къ ногамъ матери и обняла ея колѣни.

Уваръ Ивановичъ лежалъ на своей постели. Рубашка безъ ворота, съ крупною запонкой, охватывала его полную шею и расходилась широкими, свободными складками на его почти женской груди, оставляя на виду большой кипарисовый крестъ и ладонку. Легкое одѣяло покрывало его пространные члены. Свѣча тускло горѣла на ночномъ столикѣ, возлѣ кружки съ квасомъ, а въ ногахъ Увара Ивановича, на постели, сидѣлъ, подогнувшись, Шубинъ.

— Да,—задумчиво говорилъ онъ:—она замужемъ и собирается уѣхать. Вашъ племянничекъ шумѣлъ и оралъ на весь домъ; заперся, для секрету, въ спальню, а не только лакеи и горничныя,—кучера все слышать могли! Онъ и теперь такъ и рветъ и мечетъ, со мной чуть не подрался, съ отцовскимъ проклятіемъ носится, какъ медвѣдь съ чурбакомъ; да не въ немъ сила. Анна Васильевна убита, но ее гораздо больше сокрушаетъ отъѣздъ дочери, чѣмъ ея замужество.

Уваръ Ивановичъ поигралъ пальцами.

— Мать,—проговорилъ онъ:—ну... и того.

— Племянникъ вашъ,—продолжалъ Шубинъ:—грозится и митрополиту, и генералъ-губернатору, и министру жалобы подать, а кончится тѣмъ, что она уѣдетъ. Кому весело свою родную дочь губить! Попѣтушится и опуститъ хвостъ.

— Права... не имѣютъ,—замѣтилъ Уваръ Ивановичъ и отпилъ изъ кружки.

— Такъ, такъ. А какая поднимется по Москвѣ туча осужденій, пересудовъ, толковъ! Она ихъ не испугалась... Впрочемъ, она выше ихъ. Уѣзжаетъ она—и куда! даже страшно подумать! Въ какую даль, въ какую глушь! Что ждетъ ее тамъ? Я гляжу на нее, точно она ночью, въ метель, въ тридцать градусовъ мороза, съ постоялаго двора съѣзжаетъ. Разстается съ родиной, съ семьей; а я ее понимаю. Кого она здѣсь оставляетъ? Кого видѣла? Курнатовскихъ, да Берсеневыхъ, да нашего брата; и это еще лучшіе. Чего тутъ жалѣть? Одно худо: говорятъ, ея мужъ, — чортъ знаетъ, языкъ какъ-то не поворачивается на это слово,—говорятъ, Инсаровъ кровью кашляетъ; это худо. Я его видѣлъ на-дняхъ: лицо, хоть сейчасъ лѣпи съ него Брута... Вы знаете, кто былъ Брутъ, Уваръ Ивановичъ?

— Что знать? человѣкъ.

— Именно: „человѣкъ онъ былъ“. Да, лицо чудесное, а нездоровое, очень нездоровое.

— Сражаться-то... все равно,—проговорилъ Уваръ Ивановичъ.

— Сражаться-то все равно, точно; вы сегодня совершенно справедливо изволите выражаться; да жить-то не все равно. А вѣдь ей съ нимъ пожить захочется.

— Дѣло молодое,—отозвался Уваръ Ивановичъ.

— Да, молодое, славное, смѣлое дѣло. Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ, дѣйствительно, въ сущности все равно. А тамъ—натянуты струны, звени на весь міръ или порвись!

Шубинъ уронилъ голову на грудь.

— Да,—продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія:—Инсаровъ ея стоитъ. А, впрочемъ, что за вздоръ! Никто ея не стоитъ. Инсаровъ... Инсаровъ... Къ чему ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя, хотя до сихъ поръ дѣлалъ то же, что и мы грѣшные, да будто ужъ мы такая совершенная дрянь? Ну хоть я, развѣ я дрянь, Уваръ Ивановичъ? Развѣ Богъ меня такъ-таки всѣмъ и обидѣлъ? Никакихъ способностей, никакихъ талантовъ мнѣ не далъ? Кто знаетъ, можетъ-быть, имя Павла Шубина будетъ современемъ славное имя? Вотъ, у васъ на столѣ лежитъ мѣдный грошъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, когда-нибудь, черезъ столѣтіе, эта мѣдь пойдетъ на статую Павла Шубина, воздвигнутую въ честь ему благодарнымъ потомствомъ?

Уваръ Ивановичъ оперся на локоть и уставился на разгорячившагося художника.

— Далека пѣсня,—проговорилъ онъ наконецъ, съ обычною игрой пальцевъ: — о другихъ рѣчь, а ты... того... о себѣ.

— О, великій философъ земли русской! — воскликнулъ Шубинъ.—Каждое ваше слово—чистое золото, и не мнѣ,—вамъ слѣдуетъ воздвигнуть статую, и за это берусь я. Вотъ, какъ вы теперь лежите, въ этой позѣ, — про которую не знаешь, что въ ней больше — лѣни или силы? — такъ я васъ и отолью. Справедливымъ укоромъ поразили вы мой эгоизмъ и мое самолюбіе! Да! да! нечего говорить о себѣ: нечего хвастаться. Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все — либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанныя! А то вотъ еще какіе бываютъ: до позорной тонкости самихъ себя изучили, щупаютъ безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію и докладываютъ самимъ себѣ: вотъ что я, молъ, чувствую, вотъ что я думаю. Полезное, дѣльное занятіе! Нѣтъ, кабы были между нами путные люди, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду!

Что жъ это, Уваръ Ивановичъ? Когда жъ наша придетъ пора? Когда у насъ народятся люди?

— Дай срокъ,—отвѣтилъ Уваръ Ивановичъ:—будутъ.

— Будутъ? Почва! черноземная сила! ты сказала: будутъ? Смотрите же, я запишу ваше слово. Да зачѣмъ же вы гасите свѣчку?

— Спать хочу, прощай.

XXXI.

Шубинъ сказалъ правду. Неожиданное извѣстіе о свадьбѣ Елены чуть не убило Анны Васильевны. Она слегла въ постель. Николай Артемьевичъ потребовалъ отъ нея, чтобъ она не пускала своей дочери къ себѣ на глаза: онъ какъ будто обрадовался случаю показать себя въ полномъ значеніи хозяина дома, во всей силѣ главы семейства: онъ безпрерывно шумѣлъ и гремѣлъ на людей, то и дѣло приговаривая: „я вамъ докажу, кто я таковъ, я вамъ дамъ знать—погодите?“ Пока онъ сидѣлъ дома, Анна Васильевна не видѣла Елены и довольствовалась присутствіемъ Зои, которая очень усердно ей услуживала, а сама думала про себя: „Diesen Insaroff vorziehen—und wem?“ Но какъ только Николай Артемьевичъ уѣзжалъ (а это случалось довольно часто: Августина Христіановна взаправду вернулась), Елена являлась къ своей матери — и та, долго, молча, со слезами глядѣла на нее. Этотъ нѣмой укоръ глубже всякаго другого проникалъ въ сердце Елены; не раскаяніе чувствовала она тогда, но глубокую, безконечную жалость, похожую на раскаяніе.

— Мамаша, милая мамаша! — твердила она, цѣлуя ея руки:—что же было дѣлать? Я не виновата, я полюбила его, я не могла поступить иначе. Вините судьбу! она меня свела съ человѣкомъ, который не нравится папенькѣ, который увозитъ меня отъ васъ.

— Охъ!— перебивала ее Анна Васильевна: — не напоминай мнѣ объ этомъ. Какъ я вспомню, куда ты хочешь ѣхать, сердце у меня такъ и покатится!

— Милая мамаша,—отвѣчала Елена:— утѣшьтесь хоть тѣмъ, что могло быть и хуже: я могла бы умереть.

— Да я и такъ не надѣюсь больше тебя видѣть. Либо ты кончишь жизнь тамъ, гдѣ-нибудь, подъ шалашомъ (Аннѣ Васильевнѣ Болгарія представлялась чѣмъ-то въ родѣ сибирскихъ тундръ), либо я не перенесу разлуки...

— Не говорите этого, добрая мамаша, мы еще увидимся, Богъ дастъ. А въ Болгаріи такіе же города, какъ здѣсь.

— Какіе тамъ города! Тамъ война теперь идетъ; теперь тамъ, я думаю, куда ни поди, все изъ пушекъ стрѣляютъ... Скоро ты ѣхать собираешься?

— Скоро... если только папенька... Онъ хочетъ жаловаться, онъ грозится развести насъ.

Анна Васильевна подняла глаза къ небу.

— Нѣтъ, Леночка, онъ не будетъ жаловаться. Я бы сама ни за что не согласилась на эту свадьбу, скорѣе умерла бы; да вѣдь сдѣланнаго не воротишь, а я не дамъ позорить мою дочь.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, Анна Васильевна собралась съ духомъ, и въ одинъ вечеръ заперлась съ своимъ мужемъ наединѣ въ спальнѣ. Все въ домѣ притихло и приникло. Сперва ничего не было слышно; потомъ загудѣлъ голосъ Николая Артемьевича, потомъ завязался споръ, поднялись крики, почудились даже стенанія... Уже Шубинъ вмѣстѣ съ горничными и Зоей собирался снова явиться на выручку, но шумъ въ спальнѣ сталъ понемногу ослабѣвать, перешелъ въ говоръ, и умолкъ. Только изрѣдка раздавались слабыя всхлипыванья—и тѣ прекратились. Зазвенѣли ключи, послышался визгъ отворяемаго бюро... Дверь раскрылась и появился Николай Артемьевичъ. Сурово посмотрѣлъ онъ на всѣхъ встрѣчныхъ и отправился въ клубъ; а Анна Васильевна потребовала къ себѣ Елену, крѣпко обняла ее и, залившись горькими слезами, промолвила:

— Все улажено, онъ не будетъ поднимать исторіи, и ничего теперь тебѣ не мѣшаетъ уѣхать... бросить насъ.

— Вы позволите Дмитрію придти благодарить васъ,— спросила Елена свою мать, какъ только та немного успокоилась.

— Подожди, душа моя, не могу я теперь видѣть нашего разлучника. Передъ отъѣздомъ успѣемъ.

— Передъ отъѣздомъ,—печально повторила Елена.

Николай Артемьевичъ согласился „не подпимать исторіи"; но Анна Васильевна не сказала своей дочери, какую цѣну онъ положилъ своему согласію. Она не сказала ей, что обѣщалась заплатить всѣ его долги, да съ рукъ на руки дала ему тысячу рублей серебромъ. Сверхъ того, онъ рѣшительно объявилъ Аннѣ Васильевнѣ, что не желаетъ встрѣтиться съ Инсаровымъ, котораго продолжалъ величать черногорцемъ, а пріѣхавши въ клубъ, безо всякой нужды заговорилъ о свадьбѣ Елены—со своимъ партнеромъ, отставнымъ инженернымъ генераломъ. „Вы слышали", промолвилъ онъ съ притворною небрежностью: „дочь моя, отъ очень большой учености, вышла замужъ за какого-то студента". Генералъ посмотрѣлъ на него черезъ очки, промычалъ: „Гмъ!" и спросилъ его, въ чемъ онъ играетъ?

XXXII.

А день отъѣзда приближался. Ноябрь ужъ истекалъ, проходили послѣдніе сроки. Инсаровъ давно кончилъ всѣ свои сборы, и горѣлъ желаніемъ поскорѣе вырваться изъ Москвы. И докторъ его торопилъ: „вамъ нуженъ теплый климатъ", говорилъ онъ ему: „вы здѣсь не поправитесь". Нетерпѣніе томило и Елену; ее тревожила блѣдность Инсарова, его худоба. Она часто съ невольнымъ испугомъ глядѣла на его измѣнившіяся черты. Положеніе ея въ родительскомъ домѣ становилось невыносимымъ. Мать причитала надъ ней, какъ надъ мертвою, а отецъ обходился съ ней презрительно-холодно: близость разлуки втайнѣ мучила и его, но онъ считалъ своимъ долгомъ, долгомъ оскорбленнаго отца, скрывать свои чувства, свою слабость. Анна Васильевна пожелала, наконецъ, увидѣться съ Инсаровымъ. Его провели къ ней тихонько, черезъ заднее крыльцо. Когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, она долго не могла заговорить съ нимъ, не могла даже рѣшиться взглянуть на него; онъ сѣлъ возлѣ ея кресла, и съ спо-

койной почтительностію ожидалъ перваго ея слова. Елена сидѣла тутъ же и держала въ рукѣ своей руку матери. Анна Васильевна подняла, наконецъ, глаза, промолвила: „Богъ вамъ судья, Дмитрій Никаноровичъ..." и остановилась: упреки замерли на ея устахъ.

— Да вы больны, — воскликнула она: — Елена, онъ у тебя боленъ!

— Я былъ нездоровъ, Анна Васильевна, — отвѣтилъ Инсаровъ: — и теперь еще не совсѣмъ поправился; но я надѣюсь, родной воздухъ меня возстановитъ окончательно.

— Да... Болгарія! — пролепетала Анна Васильевна и подумала: „Боже мой, болгаръ, умирающій, голосъ какъ изъ бочки, глаза какъ лукошко, скелетъ скелетомъ, сюртукъ на немъ съ чужого плеча, желтъ какъ пупавка — и она его жена, она его любитъ... да это сонъ какой-то"... Но она тотчасъ же спохватилась.—Дмитрій Никаноровичъ,— проговорила она: — вы непремѣнно... непремѣнно должны ѣхать?

— Непремѣнно, Анна Васильевна.

Анна Васильевна посмотрѣла на него.

— Охъ, Дмитрій Никаноровичъ, не дай вамъ Богъ испытать то, что я теперь испытываю... Но вы обѣщаетесь мнѣ беречь ее, любить ее... Нужды вы терпѣть не будете, пока я жива!

Слезы заглушили ея голосъ. Она раскрыла свои объятія, и Елена и Инсаровъ припали къ ней.

Роковой день наступилъ наконецъ. Положено было, чтобы Елена простилась съ родителями — дома, а пустилась бы въ путь—съ квартиры Инсарова. Отъѣздъ былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. За четверть часа до срока пришелъ Берсеневъ. Онъ полагалъ, что застанетъ у Инсарова его соотечественниковъ, которые захотятъ его проводить; но они уже всѣ впередъ уѣхали; уѣхали также и извѣстныя читателю двѣ таинственныя личности (онѣ служили свидѣтелями на свадьбѣ Инсарова). Портной встрѣтилъ съ поклономъ „добраго барина"; онъ, должно-быть, съ горя, а можетъ и съ радости, что мебель ему

доставалась, сильно выпилъ: жена скоро его увела. Въ комнатѣ уже все было прибрано; чемоданъ, перевязанный веревкой, стоялъ на полу. Берсеневъ задумался: много воспоминаній прошло у него по душѣ.

Двѣнадцать часовъ давно пробило, и ямщикъ уже привелъ лошадей, а „молодые“ все еще не являлись. Наконецъ послышались торопливые шаги на лѣстницѣ, и Елена вошла въ сопровожденіи Инсарова и Шубина. У Елены глаза были красны: она оставила мать свою лежащую въ обморокѣ; прощаніе было очень тяжело. Елена уже больше недѣли не видѣла Берсенева: въ послѣднее время онъ рѣдко ходилъ къ Стаховымъ. Она не ожидала его встрѣтить, вскрикнула: „вы! благодарствуйте!“ и бросилась ему на шею; Инсаровъ тоже его обнялъ. Настало томительное молчаніе. Что могли сказать эти три человѣка, что чувствовали эти три сердца? Шубинъ понялъ необходимость живымъ звукомъ, словомъ прекратить все томленіе.

— Собралось опять наше трio, — заговорилъ онъ:— въ послѣдній разъ! Покоримся велѣніямъ судьбы, помянемъ прошлое добромъ, и съ Богомъ на новую жизнь! „Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу“, — запѣлъ онъ и остановился. Ему вдругъ стало совѣстно и неловко. Грѣшно пѣть тамъ, гдѣ лежитъ покойникъ; а въ это мгновеніе, въ этой комнатѣ, умирало то прошлое, о которомъ онъ упомянулъ, прошлое людей, собравшихся въ нее. Оно умирало для возрожденія къ новой жизни, положимъ... но все-таки умирало.

— Ну, Елена,—началъ Инсаровъ, обращаясь къ женѣ:— кажется, все? Все заплачено, уложено. Остается только этотъ чемоданъ стащить. Хозяинъ!

Хозяинъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ женой и дочерью. Онъ выслушалъ, слегка качаясь, приказаніе Инсарова, взвалилъ чемоданъ къ себѣ на плечи и быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, стуча сапогами.

— Теперь, по русскому обычаю, сѣсть надо,—замѣтилъ Инсаровъ.

Всѣ сѣли: Берсеневъ помѣстился на старомъ диванчикѣ; Елена сѣла возлѣ него; хозяйка съ дочкой прикор-

нули на порогѣ. Всѣ умолкли; всѣ улыбались напряженно, и никто не зналъ, зачѣмъ онъ улыбается; каждому хотѣлось что-то сказать на прощанье, и каждый (за исключеніемъ, разумѣется, хозяйки и ея дочери: тѣ только глаза таращили), каждый чувствовалъ, что въ подобныя мгновенья позволительно сказать одну лишь пошлость, что всякое значительное, или умное, или просто задушевное слово, было бы чѣмъ-то неумѣстнымъ, почти ложнымъ. Инсаровъ поднялся первый и сталъ креститься... „Прощай, наша комната!“ воскликнулъ онъ.

Раздались поцѣлуи, звонкіе, но холодные поцѣлуи разлуки, напутственныя, недосказанныя желанія, обѣщанія писать, послѣднія, полусдавленныя прощальныя слова...

Елена, вся въ слезахъ, уже садилась въ повозку; Инсаровъ заботливо покрывалъ ея ноги ковромъ; Шубинъ, Берсеневъ, хозяинъ, его жена, дочка съ неизбѣжнымъ платкомъ на головѣ, дворникъ, посторонній мастеровой въ полосатомъ халатѣ — всѣ стояли у крыльца, какъ вдругъ на дворъ влетѣли богатыя сани, запряженныя лихимъ рысакомъ, и изъ саней, стряхая снѣгъ съ воротника шинели, выскочилъ Николай Артемьевичъ.

— Засталъ еще, слава Богу,—воскликнулъ онъ, и подбѣжалъ къ повозкѣ.—Вотъ тебѣ, Елена, наше послѣднее родительское благословеніе, — сказалъ онъ, нагнувшись подъ балчукъ, и, доставъ изъ кармана сюртука маленькій образокъ, зашитый въ бархатную сумочку, надѣлъ ей на шею. Она зарыдала и стала цѣловать его руки, а кучеръ между тѣмъ вынулъ изъ передка саней полубутылку шампанскаго и три бокала.

— Ну! — сказалъ Николай Артемьевичъ, а у самого слезы такъ и капали на бобровый воротникъ шинели:— надо проводить... и пожелать...—Онъ сталъ наливать шампанское; руки его дрожали, пѣна поднималась черезъ край и падала на снѣгъ. Онъ взялъ одинъ бокалъ, а два другіе подалъ Еленѣ и Инсарову, который уже успѣлъ помѣститься возлѣ нея.—Дай Богъ вамъ...—началъ Николай Артемьевичъ, и не могъ договорить — и выпилъ вино; тѣ тоже выпили. — Теперь вамъ бы слѣдовало,

господа, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Шубину и Берсеневу, — но въ это мгновеніе ямщикъ тронулъ лошадей. Николай Артемьевичъ побѣжалъ рядомъ съ повозкой.— Смотри жъ, пиши намъ, — говорилъ онъ прерывистымъ голосомъ. Елена выставила голову, промолвила: „прощайте, паненька, Андрей Петровичъ, Павелъ Яковлевичъ, прощайте всѣ, прощай Россія!“ и откинулась назадъ. Ямщикъ взмахнулъ кнутомъ, засвисталъ; повозка, заскрипѣвъ полозьями, повернула изъ вороть направо — и исчезла.

XXXIII.

Былъ свѣтлый апрѣльскій день. По широкой лагунѣ, отдѣляющей Венецію отъ узкой полосы наноснаго морского песку, называемой Лидо, скользила острогрудая гондола, мѣрно покачиваясь при каждомъ толчкѣ падавшаго на длинное весло гондольера. Подъ пизенькою ея крышей, на мягкихъ кожаныхъ подушкахъ, сидѣли Елена и Инсаровъ.

Черты лица Елены немного измѣнились со дня ея отъѣзда изъ Москвы; но выраженіе ихъ стало другое: оно было обдуманнѣе и строже, и глаза глядѣли смѣлѣе. Все ея тѣло расцвѣло, и волосы, казалось, пышнѣе и гуще лежали вдоль бѣлаго лба и свѣжихъ щекъ. Въ однѣхъ только губахъ, когда она не улыбалась, сказывалось едва замѣтною складкой присутствіе тайной, постоянной заботы. У Инсарова, напротивъ, выраженіе лица осталось то же, но черты его жестоко измѣнились. Онъ похудѣлъ, постарѣлъ, поблѣднѣлъ, сгорбился; онъ почти безпрестанно кашлялъ короткимъ, сухимъ кашлемъ, и впалые глаза его блестѣли страннымъ блескомъ. На пути изъ Россіи, Инсаровъ пролежалъ почти два мѣсяца больной въ Вѣнѣ, и только въ концѣ марта пріѣхалъ съ женой въ Венецію: онъ оттуда надѣялся пробраться черезъ Зару въ Сербію, въ Болгарію; другіе пути ему были закрыты. Война уже кипѣла на Дунаѣ; Англія и Франція объявили Россіи войну, всѣ славянскія земли волновались и готовились къ возстанію.

Гондола пристала ко внутреннему краю Лидо. Елена и Инсаровъ отправились по узкой песчаной дорожкѣ, обсаженной чахоточными деревцами (ихъ каждый годъ сажаютъ, и они умираютъ каждый годъ) на внѣшній край Лидо, къ морю.

Они пошли по берегу. Адріатика катила передъ ними свои мутно-синія волны; онѣ пѣнились, шипѣли, набѣгали и, скатываясь назадъ, оставляли на пескѣ мелкія раковины и обрывки морскихъ травъ.

— Какое унылое мѣсто!—замѣтила Елена.—Я боюсь, не слишкомъ ли здѣсь холодно для тебя; но я догадываюсь, зачѣмъ ты хотѣлъ сюда пріѣхать.

— Холодно!—возразилъ съ быстрою, но горькою усмѣшкой Инсаровъ.—Хорошъ я буду солдатъ, коли мнѣ холоду бояться. А пріѣхалъ я сюда... я тебѣ скажу зачѣмъ. Я гляжу на это море, и мнѣ кажется, что отсюда ближе до моей родины. Вѣдь она тамъ,—прибавилъ онъ, протянувъ руку на востокъ.—Вотъ и вѣтеръ оттуда тянетъ.

— Не пригонитъ ли этотъ вѣтеръ тотъ корабль, который ты ждешь?—сказала Елена:—вотъ бѣлѣетъ парусъ, ужъ не онъ ли это?

Инсаровъ посмотрѣлъ въ морскую даль, куда показывала ему Елена.

— Рендичъ обѣщался черезъ недѣлю все намъ устроить,—замѣтилъ онъ. — На него, кажется, положиться можно... Слышала ты, Елена,—прибавилъ онъ съ внезапнымъ одушевленіемъ: — говорятъ, бѣдные далматскіе рыбаки пожертвовали своими свинчатками, — ты знаешь, этими тяжестями, отъ которыхъ невода на дно опускаются, — на пули! Денегъ у нихъ не было, они только и живутъ, что рыбною ловлей; но они съ радостію отдали свое послѣднее достояніе, и голодаютъ теперь. Что за народъ!

— Aufgepasst!—крикнулъ сзади ихъ надменный голосъ. Раздался глухой топотъ лошадиныхъ копытъ, и австрійскій офицеръ, въ короткой сѣрой тюникѣ и зеленомъ картузѣ, проскакалъ мимо ихъ... Они едва успѣли посторониться.

Инсаровъ мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Онъ не виноватъ,—промолвила Елена:—ты знаешь, у нихъ здѣсь нѣтъ другого мѣста, чтобы наѣзжать лошадей.

— Онъ не виноватъ,—возразилъ Инсаровъ:—да кровь онъ мнѣ расшевелилъ своимъ крикомъ, своими усами, своимъ картузомъ, всей своей наружностью. Вернемся.

— Вернемся, Дмитрій. Притомъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ дуетъ. Ты не поберегся послѣ твоей московской болѣзни, и поплатился за это въ Вѣнѣ. Надо теперь быть осторожнѣе.

Инсаровъ промолчалъ, только прежняя горькая усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Хочешь?—продолжала Елена:—покатаемся по Canal Grande. Вѣдь мы съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, хорошенько не видѣли Венеціи. А вечеромъ поѣдемъ въ театръ: у меня есть два билета на ложу. Говорятъ, новую оперу даютъ. Хочешь, мы нынѣшній день отдадимъ другъ другу, позабудемъ о политикѣ, о войнѣ, обо всемъ, будемъ знать только одно: что мы живемъ, дышимъ, думаемъ вмѣстѣ, что мы соединены навсегда... Хочешь?

— Ты этого хочешь, Елена, — отвѣчалъ Инсаровъ:— стало-быть, и я этого хочу.

— Я это знала, — замѣтила съ улыбкой Елена.— Пойдемъ, пойдемъ.

Они вернулись въ гондолѣ, сѣли, и велѣли везти себя, не спѣша, по Canal Grande.

Кто не видалъ Венеціи въ апрѣлѣ, тому едва ли знакома вся несказанная прелесть этого волшебнаго города. Кротость и мягкость весны идутъ къ Венеціи, какъ яркое солнце лѣта къ великолѣпной Генуѣ, какъ золото и пурпуръ осени къ великому старцу — Риму. Подобно веснѣ, красота Венеціи и трогаетъ, и возбуждаетъ желанія; она томитъ и дразнитъ неопытное сердце, какъ обѣщаніе близкаго, незагадочнаго, но таинственнаго счастія. Все въ ней свѣтло, понятно, и все обвѣяно дремотною дымкой какой-то влюбленной тишины: все въ ней молчитъ, и все привѣтно; все въ ней женственно, начиная съ самаго имени: не даромъ ей одной дано названіе *Прекрасной.*

Громады дворцовъ, церквей, стоятъ легки и чудесны, какъ стройный сонъ молодого бога; есть что-то сказочное, что-то плѣнительно-странное въ зелено-сѣромъ блескѣ и шелковистыхъ отливахъ нѣмой волны каналовъ, въ безшумномъ бѣгѣ гондолъ, въ отсутствіи грубыхъ городскихъ звуковъ, грубаго стука, треска и гама. „Венеція умираетъ, Венеція опустѣла“, говорятъ вамъ ея жители; но, быть-можетъ, этой-то послѣдней прелести, прелести увяданія въ самомъ расцвѣтѣ и торжествѣ красоты, не доставало ей. Кто ея не видѣлъ, тотъ ея не знаетъ: ни Каналетти, ни Гварди (не говоря уже о новѣйшихъ живописцахъ)— не въ силахъ передать этой серебристой нѣжности воздуха, этой улетающей и близкой дали, этого дивнаго созвучія изящнѣйшихъ очертаній и тающихъ красокъ. Отжившему, разбитому жизнію не для чего посѣщать Венецію: она будетъ ему горька, какъ память о несбывшихся мечтахъ первоначальныхъ дней; но сладка будетъ она тому, въ комъ кипятъ еще силы, кто чувствуетъ себя благополучнымъ; пусть онъ принесетъ свое счастіе подъ ея очарованныя небеса, и какъ бы оно ни было луче зарно, она еще озолотитъ его неувядаемымъ сіяніемъ.

Гондола, въ которой сидѣли Инсаровъ и Елена, тихонько минула Riva dei Schiavoni, дворецъ дожей, Піаццетту, и вошла въ Большой-Каналъ. Съ обѣихъ сторонъ потянулись мраморные дворцы; они, казалось, тихо плыли мимо, едва давая взору обнять и понять всѣ свои красоты. Елена чувствовала себя глубоко-счастливою: въ лазури ея неба стояло одно темное облачко — и оно удалилось: Инсарову было гораздо лучше въ тотъ день. Они доплыли до крутой арки Піальто и вернулись назадъ. Елена боялась холода церквей для Инсарова; но она вспомнила объ академіи delle Belle Arti, и велѣла гондольеру ѣхать туда. Они скоро обошли всѣ залы этого небольшого музея. Не будучи ни знатоками, ни дилетантами, они не останавливались передъ каждой картиной, не насиловали себя: какая-то свѣтлая веселость неожиданно нашла на нихъ. Имъ вдругъ все показалась очень забавно. (Дѣтямъ хорошо извѣстно это чувство.) Къ великому скандалу трехъ посѣ-

тителей англичанъ, Елена хохотала до слезъ надъ святымъ Маркомъ Тинторета, прыгающимъ съ неба, какъ лягушка въ воду, для спасенія истязаемаго раба; съ своей стороны, Писаровъ пришелъ въ восторгъ отъ спины и икръ того энергическаго мужа въ зеленой хламидѣ, который стоитъ на первомъ планѣ Тиціановскаго *Вознесенія* и воздымаетъ руки вослѣдъ Мадонны; зато сама Мадонна—прекрасная, сильная женщина, спокойно и величественно стремящаяся въ лоно Бога Отца — поразила и Писарова, и Елену: понравилась имъ также строгая и святая картина старика Чима да-Конельяно. Выходя изъ академіи, они еще разъ оглянулись на шедшихъ за ними англичанъ съ длинными, заячьими зубами и висячими бакенбардами — и засмѣялись; увидали своего гондольера съ куцою курткой и короткими панталонами—и засмѣялись: увидали торговку съ узелкомъ сѣдыхъ волосъ на самой вершинѣ головы — и засмѣялись пуще прежняго; посмотрѣли наконецъ другъ другу въ лицо — и залились смѣхомъ, а какъ только сѣли въ гондолу — крѣпко, крѣпко пожали другъ другу руку. Они пріѣхали въ гостиницу, побѣжали въ свою комнату, и велѣли подать себѣ обѣдать. Веселость не покидала ихъ и за столомъ. Они потчивали другъ друга, пили за здоровье московскихъ пріятелей, рукоплескали камеріеру за вкусное блюдо рыбы, и все требовали отъ него живыхъ frutti di mare; камеріере пожимался и шаркалъ ногами, а выходя отъ нихъ покачивалъ головой, и разъ даже со вздохомъ шепнулъ: poveretti! (бѣдняжки!) Послѣ обѣда они отправились въ театръ.

Въ театрѣ давали оперу Верди, довольно пошлую, сказать по совѣсти, но уже успѣвшую облетѣть всѣ европейскія сцены, оперу, хорошо извѣстную намъ, русскимъ — *Травіату*. Сезонъ въ Венеціи минулъ, и всѣ пѣвцы не возвышались надъ уровнемъ посредственности; каждый кричалъ, во сколько хватало силъ. Роль Віолетты исполняла артистка, не имѣвшая репутаціи, и судя по холодности къ ней публики, мало любимая, но не лишенная дарованія. Это была молодая, не очень красивая, черно-

глазая дѣвушка съ несовсѣмъ ровнымъ и уже разбитымъ голосомъ. Одѣта она была до наивности пестро и плохо: красная сѣтка покрывала ея волосы, платье изъ полинялаго голубого атласа давило ей грудь, толстыя шведскія перчатки восходили до острыхъ локтей; да и гдѣ-жъ было ей, дочери какого-нибудь бергамскаго пастуха, знать, какъ одѣваются парижскія камеліи! И держаться на сценѣ она не умѣла; но въ ея игрѣ было много правды и безхитростной простоты, и пѣла она съ той особенной страстностью выраженія и ритма, которая дается однимъ итальянцамъ. Елена и Инсаровъ сидѣли вдвоемъ въ темной ложѣ, возлѣ самой сцены; игривое расположеніе духа, которое нашло на нихъ въ академіи delle Belle Arti, все еще не проходило. Когда отецъ несчастнаго юноши, попавшаго въ сѣти соблазнительницы, появился на сценѣ въ гороховомъ фракѣ и взъерошенномъ бѣломъ парикѣ, раскрылъ криво ротъ и, самъ заранѣе смущаясь, выпустилъ унылое басовое *тремоло*, они чуть оба не прыснули... Но игра Віолетты подѣйствовала на нихъ.

— Этой бѣдной дѣвушкѣ почти не хлопаютъ,—сказала Елена:—а я въ тысячу разъ предпочитаю ее какой-нибудь самоувѣренной второстепенной знаменитости, которая бы ломалась и кривлялась и все била бы на эффектъ. Этой какъ будто самой не до шутки; посмотри, она не замѣчаетъ публики.

Инсаровъ припалъ къ краю ложи и пристально посмотрѣлъ на Віолетту.

— Да, — промолвилъ онъ: — она не шутитъ: смертью пахнетъ.

Елена умолкла.

Начался третій актъ. Занавѣсъ поднялся... Елена дрогнула при видѣ этой постели, этихъ завѣшенныхъ гардинъ, склянокъ съ лѣкарствомъ, заслоненной лампы... Вспомнилось ей близкое прошедшее... „А будущее? А настоящее?“ мелькнуло у ней въ головѣ. Какъ нарочно, въ отвѣтъ на притворный кашель актрисы раздался въ ложѣ глухой, неподдѣльный кашель Инсарова... Елена

украдкой взглянула на него, и тотчасъ же придала своимъ чертамъ выраженіе безмятежное и спокойное; Инсаровъ ее поцѣлъ, и самъ началъ улыбаться и чуть-чуть подтягивать пѣнію.

Но онъ скоро притихъ. Игра Віолетты становилась все лучше, все свободнѣе. Она отбросила все постороннее, все ненужное и *нашла себя*: рѣдкое, высочайшее счастіе для художника! Она вдругъ переступила ту черту, которую опредѣлить невозможно, но за которой живетъ красота. Публика встрепенулась, удивилась. Некрасивая дѣвушка съ разбитымъ голосомъ начинала забирать ее въ руки, овладѣвать ею. Но уже и голосъ пѣвицы не звучалъ, какъ разбитый: онъ согрѣлся и окрѣпъ. Явился „Альфредо“: радостный крикъ Віолетты чуть не поднялъ той бури, имя которой fanatismo, и передъ которой ничто всѣ наши сѣверныя завыванія... Мгновеніе—и публика опять замерла. Начался дуэтъ, лучшій нумеръ оперы, въ которомъ удалось композитору выразить всѣ сожалѣнія безумно растраченной молодости, послѣднюю борьбу отчаянной и безсильной любви. Увлеченная, подхваченная дуновеніемъ общаго сочувствія, съ слезами художнической радости и дѣйствительнаго страданія на глазахъ, пѣвица отдалась поднимавшей ее волнѣ, лицо ея преобразилось, и передъ грознымъ призракомъ внезапно приблизившейся смерти, съ такимъ, до неба достигающимъ, порывомъ моленья, исторглись у ней слова: „Lascia mi vivere... morir si giovane“ (дай мнѣ жить... умереть такой молодой!), что весь театръ затрещалъ отъ бѣшеныхъ рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ.

Елена вся похолодѣла. Она начала тихо искать своею рукою руку Инсарова, нашла ее и стиснула ее крѣпко. Онъ отвѣтилъ на ея пожатіе; но ни она не посмотрѣла на него, ни онъ на нее. Это пожатіе не походило на то, которымъ они, нѣсколько часовъ тому назадъ, привѣтствовали другъ друга въ гондолѣ.

Они поплыли въ свою гостиницу опять по Canal Grande. Ночь уже наступила, свѣтлая, мягкая ночь. Тѣ же дворцы потянулись имъ навстрѣчу, но они казались другими. Тѣ

изъ нихъ, которые освѣщала луна, золотисто бѣлѣли, и въ самой этой бѣлизнѣ какъ будто исчезали подробности украшеній и очертанія оконъ и балконовъ; онѣ отчетливѣе выдавались на зданіяхъ, залитыхъ легкой мглою ровной тѣни. Гондолы съ своими маленькими красными огонечками, казалось, еще неслышнѣе и быстрѣе бѣжали; таинственно блистали ихъ стальные гребни, таинственно вздымались и опускались весла надъ серебряными рыбками возмущенной струи; тамъ, сямъ, коротко и негромко восклицали гондольеры (они теперь никогда не поютъ); другихъ звуковъ почти не было слышно. Гостиница, гдѣ жили Инсаровъ и Елена, находилась на Riva dei Schiavoni; не доѣзжая до нея, они вышли изъ гондолы и прошлись нѣсколько разъ вокругъ площади святого Марка, подъ арками, гдѣ передъ крошечными кофейными толпилось множество празднаго народа. Ходить вдвоемъ съ любимымъ существомъ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ, какъ-то особенно пріятно: все кажется прекраснымъ и значительнымъ, всѣмъ желаешь добра, мира и того же счастія, которымъ исполненъ самъ. Но Елена уже не могла безпечно предаваться чувству своего счастія: сердце ея, потрясенное недавними впечатлѣніями, не могло успокоиться; а Инсаровъ, проходя мимо дворца дожей, указалъ, молча, на жерла австрійскихъ пушекъ, выглядывавшихъ изъ-подъ нижнихъ сводовъ, и надвинулъ шляпу на брови. Притомъ онъ чувствовалъ себя усталымъ—и, взглянувъ въ послѣдній разъ на церковь св. Марка, на ея куполы, гдѣ подъ лучами луны на голубоватомъ свинцѣ зажигались пятна фосфорическаго свѣта, они медленно вернулись домой.

Комнатка ихъ выходила окнами на широкую лагуну, разстилающуюся отъ Riva dei Schiavoni до Джіудекки. Почти напротивъ ихъ гостиницы возвышалась остроконечная башня св. Георгія; направо, высоко въ воздухѣ, сверкалъ золотой шаръ Догапы — и разубранная, какъ невѣста, стояла красивѣйшая изъ церквей, Redentore, Палладія; налѣво чернѣли мачты и реи кораблей, трубы пароходовъ; кое-гдѣ висѣлъ, какъ большое крыло, напо-

ловину подобранный парусъ, и вымпела едва шевелились. Инсаровъ присѣлъ передъ окномъ, но Елена не дала ему долго любоваться видомъ; у него вдругъ показался жаръ, его охватила какая-то пожирающая слабость. Она уложила его въ постель и, дождавшись пока онъ заснулъ, тихонько вернулась къ окну. О, какъ тиха и ласкова была ночь, какою голубиною кротостію дышалъ лазурный воздухъ, какъ всякое страданіе, всякое горе должно было замолкнуть и заснуть подъ этимъ яснымъ небомъ, подъ этими святыми, невинными лучами! „О, Боже,—думала Елена:—зачѣмъ смерть, зачѣмъ разлука, болѣзнь и слезы? или зачѣмъ эта красота, это сладостное чувство надежды, зачѣмъ успокоительное сознаніе прочнаго убѣжища, неизмѣнной защиты, безсмертнаго покровительства? Что же значитъ это улыбающееся, благословляющее небо, эта счастливая, отдыхающая земля? Ужели это все только въ насъ, а внѣ насъ вѣчный холодъ и безмолвіе? Ужели мы одни... одни... а тамъ, повсюду, во всѣхъ этихъ недосягаемыхъ безднахъ и глубинахъ,—все, все намъ чуждо? Къ чему же тогда эта жажда и радость молитвы? („Morir si giovane“ зазвучало у нея въ душѣ)... Неужели же нельзя умолить, отвратить, снасти... О, Боже! неужели нельзя вѣрить чуду?“ Она положила голову на сжатыя руки. „Довольно?“ шепнула она. „Неужели уже довольно! Я была счастлива, не однѣ только минуты, не часы, не цѣлые дни — нѣтъ, цѣлыя недѣли сряду. А съ какого права?“ Ей стало страшно своего счастія. „А если этого нельзя?—подумала она.—Если это не дается даромъ? Вѣдь это было небо... а мы люди, бѣдные, грѣшные люди... Morir si giovane... О, темный призракъ, удались! Не для меня одной нужна его жизнь!“

„Но если это—наказаніе“, подумала она опять: „если мы должны теперь внести полную уплату за нашу вину? Моя совѣсть молчала, она теперь молчитъ, но развѣ это доказательство невинности? О, Боже, неужели мы такъ преступны! Неужели Ты, создавшій эту ночь, это небо, захочешь наказать насъ за то, что мы любили? А если

такъ, если онъ виноватъ, если я виновата, — прибавила она съ невольнымъ порывомъ: —такъ дай ему, о, Боже, дай намъ обоимъ умереть по крайней мѣрѣ честной, славной смертью—тамъ, на родныхъ его поляхъ, а не здѣсь, не въ этой глухой комнатѣ".

„А горе бѣдной, одинокой матери?" спросила она себя, и сама смутилась, и не нашла возраженій на свой вопросъ. Елена не знала, что счастіе каждаго человѣка основано на несчастіи другого, что даже его выгода и удобство требуютъ, какъ статуя—пьедестала, невыгоды и неудобства другихъ.

„Рендичъ!" пролепеталъ сквозь сонъ Инсаровъ.

Елена подошла къ нему на цыпочкахъ, нагнулась надъ нимъ и отерла потъ съ его лица. Онъ пометался немного на подушкѣ и затихъ.

Она опять подошла къ окну, и опять взяли ее думы. Она начала самоё-себя уговаривать и увѣрять себя, что нѣтъ причинъ бояться. Она даже устыдилась своей слабости. „Развѣ есть опасность? развѣ ему не лучше?" шепнула она. „Вѣдь если бы мы не были сегодня въ театрѣ, мнѣ бы все это въ голову не пришло". Въ это мгновеніе она увидѣла высоко надъ водой бѣлую чайку; ее, вѣроятно, вспугнулъ рыбакъ, и она летала молча, неровнымъ полетомъ, какъ бы высматривая мѣсто, гдѣ бы опуститься. „Вотъ, если она полетитъ сюда", подумала Елена: „это будетъ хорошій знакъ" .. Чайка закружилась на мѣстѣ, сложила крылья—и, какъ подстрѣленная, съ жалобнымъ крикомъ пала куда-то далеко за темный корабль. Елена вздрогнула, а потомъ ей стало совѣстно, что она вздрогнула, и она, не раздѣвалась, прилегла на постель возлѣ Инсарова, который дышалъ тяжело и часто.

XXXIV.

Инсаровъ проснулся поздно, съ глухою болью въ головѣ, съ чувствомъ, какъ онъ выразился, безобразной слабости во всемъ тѣлѣ. Однако, онъ всталъ.

— Рендичъ не приходилъ? — *было его* первымъ вопросомъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчала Елена и подала ему послѣдній нумеръ „Osservatore Triestino“, въ которомъ много говорилось о войнѣ, о славянскихъ земляхъ, о княжествахъ. Инсаровъ началъ читать; она занялась приготовленіемъ для него кофе... Кто-то постучался въ дверь.

„Рендичъ“, подумали оба, но стучавшій проговорилъ по-русски: „можно войти?“ Елена и Инсаровъ переглянулись съ изумленіемъ, и, не дождавшись ихъ отвѣта, вошелъ въ комнату щегольски-одѣтый человѣкъ, съ маленькимъ, остренькимъ лицомъ и бойкими глазками. Онъ весь сіялъ, какъ будто только-что выигралъ огромныя деньги или услышалъ пріятнѣйшую новость.

Инсаровъ приподнялся со стула.

— Вы не узнаете меня,—заговорилъ незнакомецъ, развязно подходя къ нему и любезно кланяясь Еленѣ.— Лупояровъ, помните, мы въ Москвѣ встрѣтились у Е....хъ?

— Да, у Е....хъ,—произнесъ Инсаровъ.

— Какъ же, какъ же! Прошу васъ представить меня вашей супругѣ. Сударыня, я всегда глубоко уважалъ Дмитрія Васильевича... (онъ поправился): Никанора Васильевича,—и очень счастливъ, что имѣю, наконецъ, честь съ вами познакомиться. Вообразите,—продолжалъ онъ, обратившись къ Инсарову:—я только вчера вечеромъ узналъ, что вы здѣсь. Я тоже стою въ этой гостиницѣ. Что это за городъ, эта Венеція—поэзія, да и только! Одно ужасно: проклятые австріяки на каждомъ шагу! — ужъ эти мнѣ австріяки! Кстати, слышали вы, на Дунаѣ произошло рѣшительное сраженіе: 300 турецкихъ офицеровъ убито, Силистрія взята, Сербія уже объявила себя независимою. Не правда ли, вы, какъ патріотъ, должны быть въ восторгѣ? Во мнѣ самомъ славянская кровь такъ и кипитъ! Однако, я совѣтую вамъ быть осторожнѣе; я увѣренъ, что за вами наблюдаютъ. Шпіонство здѣсь ужасное! Вчера подходитъ ко мнѣ какой-то подозрительный человѣкъ и спрашиваетъ: „русскій ли я?“ Я ему сказалъ, что я датчанинъ... А только вы должно-быть нездоровы, любезнѣйшій Никаноръ Васильевичъ. Вамъ надобно полѣчиться; сударыня, вы должны полѣчить вашего мужа. Я вчера,

какъ сумасшедшій, бѣгалъ по дворцамъ и по церквамъ— вѣдь вы были во дворцѣ дожей? Что за богатство вездѣ! Особенно эта большая зала, и мѣсто Марино Фаліеро; такъ и стоитъ: decapitati pro criminibus. Я былъ и въ знаменитыхъ тюрьмахъ: вотъ гдѣ душа моя возмутилась—я, вы, можетъ-быть, помните—всегда любилъ заниматься соціальными вопросами и возставалъ противъ аристократіи— вотъ бы я куда привелъ защитниковъ аристократіи: въ эти тюрьмы; справедливо сказалъ Байронъ: „I stood in Venice on the bridge of sighs“; впрочемъ, и онъ былъ аристократъ. Я всегда былъ за прогрессъ. Молодое поколѣніе все за прогрессъ. А каковы англо-французы? Посмотримъ, много ли они сдѣлаютъ: Бустрапа и Пальмерстонъ. Вы знаете, Пальмерстонъ сдѣлался первымъ министромъ. Нѣтъ, что ни говорите, русскій кулакъ не шутка. Ужасный плутъ этотъ Бустрапа! Хотите, я вамъ дамъ les Châtiments de Victor Hugo — удивительно! L'avenir le gendarme de Dieu — смѣло немножко сказано — но сила, сила. Хорошо также сказалъ князь Вяземскій: „Европа твердитъ: Башъ-Кадыкъ-Ларъ, глазъ не сводя съ Синопа“. Я люблю поэзію. У меня также есть послѣдняя книжка Прудона, у меня все есть. Не знаю, какъ вы, а я радъ войнѣ; только какъ бы домой не потребовали, а я собираюсь отсюда во Флоренцію, въ Римъ: во Францію нельзя— такъ я думаю въ Испанію — женщины тамъ, говорятъ, удивительныя, только бѣдность и насѣкомыхъ много. Махнулъ бы въ Калифорнію, намъ, русскимъ, все ни почемъ, да я одному редактору далъ слово изучить въ подробности вопросъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ. Вы скажете, предметъ не интересный, спеціальный, но намъ нужны, нужны спеціалисты, довольно мы философствовали, теперь нужна практика, практика... А вы очень нездоровы, Никаноръ Васильевичъ, я васъ, можетъ-быть, утомляю, но все равно, я еще посижу немножко...

И долго еще трещалъ такимъ образомъ Лупояровъ и, уходя, обѣщалъ побывать.

Измученный нежданымъ посѣщеніемъ, Инсаровъ легъ на диванъ.

— Вотъ,—съ горечью промолвилъ онъ, взглянувъ на Елену:—вотъ ваше молодое поколѣніе! Иной важничаетъ и рисуется, а въ душѣ такой же свистунъ, какъ этотъ господинъ.

Елена не возражала своему мужу: въ это мгновеніе ее гораздо больше безпокоила слабость Инсарова, чѣмъ состояніе всего молодого поколѣнія Россіи... Она сѣла возлѣ него, взяла работу. Онъ закрылъ глаза и лежалъ неподвижно, весь блѣдный и худой. Елена взглянула на его рѣзко обрисовавшійся профиль, на его вытянутыя руки, и внезапный страхъ защемилъ ей сердце.

— Дмитрій...—начала она.

Онъ встрепенулся.

— Что? Рендичъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ еще... но какъ ты думаешь—у тебя жаръ, ты, право, не совсѣмъ здоровъ, не послать ли за докторомъ!

— Тебя этотъ болтунъ напугалъ. Не нужно. Я отдохну немного и все пройдетъ. Мы послѣ обѣда опять поѣдемъ... куда-нибудь.

Прошло два часа... Инсаровъ все лежалъ на диванѣ, но заснуть не могъ, хотя не открывалъ глазъ. Елена не отходила отъ него; она уронила работу на колѣни и не шевелилась.

— Отчего ты не спишь?—спросила она его наконецъ.

— А вотъ, погоди.—Онъ взялъ ея руку и положилъ ее себѣ подъ голову. — Вотъ такъ... хорошо. Разбуди меня сейчасъ, какъ только Рендичъ пріѣдетъ. Если онъ скажетъ, что корабль готовъ, мы тотчасъ отправимся... Надобно все уложить.

— Уложить не долго,—отвѣчала Елена.

— Что этотъ человѣкъ болталъ о сраженіи, о Сербіи,— проговорилъ, спустя немного, Инсаровъ. — Должно-быть, все выдумалъ. Но надо, надо ѣхать. Терять времени нельзя... Будь готова.

Онъ заснулъ, и все затихло въ комнатѣ.

Елена прислонилась головою къ спинкѣ кресла и долго глядѣла въ окно. Погода испортилась; вѣтеръ поднялся. Большія бѣлыя тучи быстро неслись по небу, тонкая

мачта качалась въ отдаленіи, длинный вымпелъ съ краснымъ крестомъ безпрестанно взвивался, падалъ и взвивался снова. Маятникъ старинныхъ часовъ стучалъ тяжко, съ какимъ-то печальнымъ шипѣніемъ. Елена закрыла глаза. Она дурно спала всю ночь; понемногу и она заснула.

Странный ей привидѣлся сонъ. Ей показалось, что она плыветъ въ лодкѣ по Царицынскому пруду съ какими-то незнакомыми людьми. Они молчатъ и сидятъ неподвижно, никто не гребетъ; лодка подвигается сама собой. Еленѣ не страшно, но скучно: ей бы хотѣлось узнать, что это за люди, и зачѣмъ она съ ними? Она глядитъ, а прудъ ширится, берега пропадаютъ — ужъ это не прудъ, а безпокойное море: огромныя, лазуревыя, молчаливыя волны величественно качаютъ лодку; что-то гремящее, грозное, поднимается со дна; неизвѣстные спутники вдругъ вскакиваютъ, кричатъ, махаютъ руками... Елена узнаётъ ихъ лица: ея отецъ между ними. Но какой-то бѣлый вихорь налетаетъ на волны... все закружилось, смѣшалось...

Елена осматривается: попрежнему все бѣло вокругъ; но это снѣгъ, снѣгъ, безконечный снѣгъ. И она ужъ не въ лодкѣ, она ѣдетъ, какъ изъ Москвы, въ повозкѣ; она не одна: рядомъ съ ней сидитъ маленькое существо, закутанное въ старенькій салопъ. Елена вглядывается: это Катя, ея бѣдная подружка. Страшно становится Еленѣ. Развѣ она не умерла? думаетъ она.

— Катя, куда это мы съ тобой ѣдемъ?

Катя не отвѣчаетъ и завертывается въ свой салопчикъ: она зябнетъ. Еленѣ тоже холодно; она смотритъ вдоль по дорогѣ: городъ виднѣется вдали сквозь снѣжную пыль. Высокія бѣлыя башни съ серебряными главами... Катя, Катя, это Москва? Нѣтъ, думаетъ Елена, это Соловецкій монастырь: тамъ много, много маленькихъ тѣсныхъ келій; какъ въ ульѣ; тамъ душно, тѣсно,—тамъ Дмитрій заперъ. Я должна его освободить... Вдругъ сѣдая, зіяющая пропасть развернется передъ нею. Повозка падаетъ, Катя смѣется. Елена, Елена! слышится голосъ изъ бездны.

„Елена!“ раздалось явственно въ ея ушахъ. Она бы-

стро подняла голову, обернулась и обомлѣла: Инсаровъ, бѣлый, какъ снѣгъ, снѣгъ ея спа, приподнялся до половины съ дивана, и глядѣлъ на нее большими, свѣтлыми, страшными глазами. Волосы его разсыпались по лбу, губы странно раскрылись. Ужасъ, смѣшанный съ какимъ-то тоскливымъ умиленіемъ, выражался на его внезапно-измѣнившемся лицѣ.

— Елена!—произнесъ онъ:—я умираю.

Она съ крикомъ упала на колѣни и прижалась къ его груди.

— Все кончено, — повторилъ Инсаровъ: — я умираю... Прощай, моя бѣдная! Прощай, моя родина!..

И онъ навзничь опрокинулся на диванъ.

Елена выбѣжала изъ комнаты, стала звать на помощь, камеріёре бросился за докторомъ. Елена припала къ Инсарову.

Въ это мгновенье на порогѣ двери показался человѣкъ широкоплечій, загорѣлый, въ толстомъ байковомъ пальто и клеенчатой низкой шляпѣ. Онъ остановился въ недоумѣніи.

— Рендичъ!—воскликнула Елена:—это вы! Посмотрите, ради Бога, съ нимъ дурно! Что съ нимъ? Боже, Боже! Онъ вчера выѣзжалъ, онъ сейчасъ говорилъ со мною...

Рендичъ ничего не сказалъ и только посторонился. Мимо его проворно прошмыгнула маленькая фигурка въ парикѣ и въ очкахъ: это былъ докторъ, жившій въ той же гостиницѣ. Онъ приблизился къ Инсарову.

— Синьора, — сказалъ онъ, спустя нѣсколько мгновеній:—господинъ иностранецъ скончался — il signore forestiere e morto,—отъ аневризма, соединеннаго съ разстройствомъ легкихъ.

XXXV.

На другой день, въ той же комнатѣ, у окна стоялъ Рендичъ; передъ нимъ, закутавшись въ шаль, сидѣла Елена. Въ сосѣдней комнатѣ въ гробу лежалъ Инсаровъ. Лицо Елены было и испугано, и безжизненно; на лбу, между бровями, появились двѣ морщины: онѣ придавали напря-

женное выраженіе ея неподвижнымъ глазамъ. На окнѣ лежало раскрытое письмо Анны Васильевны. Она звала свою дочь въ Москву, хоть на мѣсяцъ, жаловалась на свое одиночество, на Николая Артемьевича, кланялась Инсарову, освѣдомлялась объ его здоровьѣ и просила его отпустить жену.

Рендичъ былъ далматъ, морякъ, съ которымъ Инсаровъ познакомился во время своего путешествія на родину, и котораго онъ отыскалъ въ Венеціи. Это былъ человѣкъ суровый, грубый, смѣлый и преданный славянскому дѣлу. Онъ презиралъ турокъ и ненавидѣлъ австрійцевъ.

— Сколько времени вы должны остаться въ Венеціи?— спросила его по-итальянски Елена. И голосъ ея былъ безъ жизни, какъ и лицо.

— День, чтобы нагрузиться и не возбудить подозрѣнія, а тамъ прямо въ Зару. Не обрадую я нашихъ земляковъ. Его уже давно ждали; на него надѣялись.

— На него надѣялись,—повторила машинально Елена.

— Когда вы его хороните?—спросилъ Рендичъ.

Елена не тотчасъ отвѣчала:

— Завтра.

— Завтра? я останусь: я хочу бросить горсть земли въ его могилу. Надо жъ и вамъ помочь. А лучше было бы ему лежать въ славянской землѣ.

Елена поглядѣла на Рендича.

— Капитанъ,—сказала она:—возьмите меня съ нимъ и перевезите насъ по ту сторону моря, прочь отсюда. Возможно это?

Рендичъ задумался.

— Возможно, только хлопотно. Надобно будетъ возиться съ здѣшнимъ проклятымъ начальствомъ. Но положимъ, мы это все уладимъ, похоронимъ его тамъ; какъ же я васъ назадъ доставлю?

— Вамъ не нужно будетъ доставлять меня назадъ.

— Какъ? Гдѣ же вы останетесь?

— Я уже найду себѣ мѣсто; только возьмите насъ, возьмите меня.

Рендичъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Какъ знаете, но все это очень хлопотно. Пойду, попытаюсь: а вы ждите меня здѣсь часа черезъ два.

Онъ ушелъ. Елена перешла въ сосѣднюю комнату, прислонилась къ стѣнѣ и долго стояла, какъ окаменѣлая. Потомъ она опустилась на колѣни, но молиться не могла. Въ ея душѣ не было упрековъ; она не дерзала вопрошать Бога, зачѣмъ не пощадилъ, не пожалѣлъ, не сберегъ, зачѣмъ наказалъ свыше вины, если и была вина? Каждый изъ насъ виноватъ уже тѣмъ, что живетъ, и нѣтъ такого великаго мыслителя, нѣтъ такого благодѣтеля человѣчества, который въ силу пользы, имъ приносимой, могъ бы надѣяться на то, что имѣетъ право жить... Но Елена молиться не могла: она окаменѣла.

Въ ту же ночь широкая лодка отчалила отъ гостиницы, гдѣ жили Инсаровы. Въ лодкѣ сидѣла Елена съ Рендичемъ и стоялъ длинный ящикъ, покрытый чернымъ сукномъ. Они плыли около часа и приплыли, наконецъ, къ небольшому двухъ-мачтовому кораблику, который стоялъ на якорѣ у самаго выхода гавани. Елена и Рендичъ взошли на корабль; матросы внесли ящикъ. Съ полуночи поднялась буря, но поутру рано корабль уже миновалъ Лидо. Въ теченіе дня буря разыгралась съ страшною силой, и опытные моряки въ конторахъ „Ллойда“ качали головами и не ждали ничего добраго. Адріатическое море между Венеціей, Тріестомъ и далматскимъ берегомъ чрезвычайно опасно.

Недѣли три послѣ отъѣзда Елены изъ Венеціи, Анна Васильевна получила въ Москвѣ слѣдующее письмо:

„Милые мои родные, я навсегда прощаюсь съ вами. Вы меня больше не увидите. Вчера скончался Дмитрій. Все кончено для меня. Сегодня я уѣзжаю съ его тѣломъ въ Зару. Я его схороню, и что со мной будетъ, не знаю! Но уже мнѣ нѣтъ другой родины, кромѣ родины Д. Тамъ готовится возстаніе, собираются на войну; я пойду въ сестры милосердія; буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мною будетъ, но я и послѣ смерти Д. останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей его жизни. Я выучилась по-болгарски и по-сербски. Вѣроятно, я всего

этого не перенесу — тѣмъ лучше. Я приведена на край бездны и должна упасть. Насъ судьба соединила не даромъ: кто знаетъ, можетъ-быть, я его убила; теперь его очередь увлечь меня за собою. Я искала счастья—и найду, быть-можетъ, смерть. Видно, такъ слѣдовало; видно, была вина... Но смерть все прикрываетъ и примиряетъ, — не правда ли? Простите мнѣ всѣ огорченія, которыя я вамъ причинила; это было не въ моей волѣ. А вернуться въ Россію—зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?

„Примите мои послѣднія лобзанія и благословенія и не осуждайте меня". Е.

Съ тѣхъ поръ минуло уже около пяти лѣтъ, и никакой вѣсти не приходило больше объ Еленѣ. Безплодны остались всѣ письма, запросы; напрасно самъ Николай Артемьевичъ, послѣ заключенія мира, ѣздилъ въ Венецію, въ Зару; въ Венеціи онъ узналъ то, что уже извѣстно читателю, а въ Зарѣ никто не могъ дать ему положительныхъ свѣдѣній о Рендичѣ и кораблѣ, который онъ нанялъ. Ходили темные слухи, будто бы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, море, послѣ сильной бури, выкинуло на берегъ гробъ, въ которомъ нашли трупъ мужчины... По другимъ, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, гробъ этотъ вовсе не былъ выкинутъ моремъ, но привезенъ и похороненъ возлѣ берега иностранной дамой, пріѣхавшею изъ Венеціи; нѣкоторые прибавляли, что даму эту видѣли потомъ въ Герцеговинѣ при войскѣ, которое тогда собиралось; описывали даже ея нарядъ, черный съ головы до ногъ. Какъ бы то ни было, слѣдъ Елены исчезъ навсегда и безвозвратно, и никто не знаетъ, жива ли она еще, скрывается ли гдѣ, или уже кончилась маленькая игра жизни, кончилось ея легкое броженіе, и настала очередь смерти. Случается, что человѣкъ, просыпаясь, съ невольнымъ испугомъ спрашиваетъ себя: неужели мнѣ уже тридцать... сорокъ... пятьдесятъ лѣтъ? Какъ это жизнь такъ скоро прошла? Какъ это смерть такъ близко надвинулась? Смерть, какъ рыбакъ, который поймалъ рыбу въ свою сѣть и оставляетъ ее на время въ водѣ: рыба еще пла-

ваетъ, но сѣть на ней, и рыбакъ выхватитъ ее — когда захочетъ.

Что сталось съ остальными лицами нашего разсказа?

Анна Васильевна еще жива; она очень постарѣла послѣ поразившаго ее удара, жалуется меньше, но гораздо больше груститъ. Николай Артемьевичъ тоже постарѣлъ и посѣдѣлъ, и разстался съ Августиной Христіановной... Онъ теперь бранитъ все иностранное. Ключница его, красивая женщина лѣтъ тридцати, изъ русскихъ, ходитъ въ шелковыхъ платьяхъ и носитъ золотыя кольца и сережки. Курнатовскій, какъ человѣкъ съ темпераментомъ, и въ качествѣ энергическаго брюнета, охотникъ до миловидныхъ блондинокъ, женился на Зоѣ; она у него въ большомъ повиновеніи и даже перестала думать по-нѣмецки. Берсеневъ находится въ Гейдельбергѣ: его на казенный счетъ отправили за границу; онъ посѣтилъ Берлинъ, Парижъ, и не теряетъ даромъ времени; изъ него выйдетъ дѣльный профессоръ. Ученая публика обратила вниманіе на его двѣ статьи: *О нѣкоторыхъ особенностяхъ древнегерманскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній*, и — *О значеніи городского начала въ вопросѣ цивилизаціи*; жаль только, что обѣ статьи написаны языкомъ нѣсколько тяжелымъ и испещрены иностранными словами. Шубинъ въ Римѣ: онъ весь предался своему искусству и считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и многообѣщающихъ молодыхъ ваятелей. Строгіе туристы находятъ, что онъ не довольно изучилъ древнихъ, что у него нѣтъ „стиля“, и причисляютъ его къ французской школѣ; отъ англичанъ и американцевъ у него пропасть заказовъ. Въ послѣднее время много шуму надѣлала одна его Вакханка; русскій графъ Бобошкинъ, извѣстный богачъ, собирался было купить ее за 1,000 скуди, но предпочелъ дать 3,000 другому ваятелю, французу pur sang, за группу, изображающую „Молодую поселянку, умирающую отъ любви на груди Генія Весны“. Шубинъ изрѣдка переписывается съ Уваромъ Ивановичемъ, который одинъ нисколько и ни въ чемъ не измѣнился. „Помните“, писалъ

онъ ему недавно: „что вы мнѣ сказали въ ту ночь, когда сталъ извѣстенъ бракъ бѣдной Елены, когда я сидѣлъ на вашей кровати и разговаривалъ съ вами? Помните, я спрашивалъ у васъ тогда, будутъ ли у насъ люди? и вы мнѣ отвѣчали: „будутъ“. О, черноземная сила! И вотъ теперь, я, отсюда, изъ моего „прекраснаго далека“, снова васъ спрашиваю:—ну что же, Уваръ Ивановичъ, будутъ?“

Уваръ Ивановичъ поигралъ перстами и устремилъ въ отдаленіе свой загадочный взоръ.

Профессиональный Союз
РСХМ СССР
Заводской комитет
завода № 513

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА:

стр.

Предисловіе автора къ собранію его романовъ, 1880 г. . III

Отцы и дѣти. Романъ въ XXVIII главахъ. 1

Наканунѣ. Романъ въ XXXV главахъ 217

Инв. 2211.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

13/IX-52	
15/II-53г.	
21/V-56 102	
29/III-961	
23/X-213	

Колич. предыд. выдач _____

